ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества
И.А.БУНИНА

ТОМ ВТОРОЙ
1910–1919

ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества
И.А.БУНИНА
2

И.А.Бунин. 1912 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества
И.А.БУНИНА

Том второй

1910–1919

Составитель С.Н.Морозов

Москва
ИМЛИ РАН
2017

ББК 83.3

Научное издание

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 16-04-16503д1, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН

Составитель С.Н.Морозов

Рецензенты:
Л.А.Спиридонова, О.В.Быстрова, Г.Н.Воронцова, В.Н.Дядичев, М.В.Скороходов

Летопись жизни и творчества И.А.Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н.Морозов. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 1184 с., илл.

Второй том Летописи охватывает десять лет жизни писателя — наиболее плодотворный период его творчества до эмиграции: были написаны четыре новые книги, вышло Полное собрание сочинений И.Бунина. В эти годы писатель тяжело переживает Первую мировую войну, две революции и начавшуюся Гражданскую войну. И.Бунин становится одной из центральных фигур в русской литературе и общественной жизни России.

ISBN 978-5-9208-0499-0

Предисловие

Второй том «Летописи жизни и творчества И.А.Бунина» строится по тем же принципам, которые были изложены в предисловии к первому тому.

Охватываемый вторым томом период — 1910–1919 годы — был наиболее насыщенным и плодотворным в жизни писателя до эмиграции: написаны новые книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг.» (М., 1913), «Чаша жизни. Рассказы и стихотворения 1913–1914 гг.» (М., 1915), «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916); в издательстве «Т-ва А.Ф.Маркс» в 1915 г. выпущено Полное собрание сочинений Бунина в шести томах (в качестве бесплатного приложения к журналу «Нива»); писатель регулярно выступал с чтением своих произведений на различных вечерах, в том числе благотворительных. Эти годы были также насыщены трагическими общественно-политическими событиями в стране (Первая мировая война, две революции, Гражданская война), которые Бунин тяжело переживал и дал им острую и страстную оценку в своем литературно-публицистическом произведении «Окаянные дни», напечатанном уже в эмиграции.

Одесский период жизни Бунина 1918–1919 гг. до настоящего времени остается наименее изученным. В данной книге составитель попытался максимально полно представить факты творческой и личной жизни писателя за эти годы, излагая эти материалы в контексте происходящих исторических событий. Несмотря на частую смену властей в Одессе, литературная жизнь в городе не затихала: был основан и активно действовал местный литературный кружок «Среда» (по примеру московского), выходило много периодических изданий, организовывались литературные вечера, читались лекции, и во всех этих собраниях, различных журналах и газетах регулярно участвовал Бунин. Событием для Одессы в 1919 г. стала лекция «Великий дурман», которую Бунин прочел дважды при переполненном зале.

Одной из главных проблем при подготовке данного тома был поиск публикаций произведений Бунина и статей о нем в периодических изданиях 1917–1919 гг. Журналы и в особенности газеты за эти годы сохранились очень плохо, полных комплектов многих изданий нет, сохранившиеся же отдельные номера газет часто не выдаются по причине ветхости или реставрации. В редких случаях, удавалось найти нужные номера газет в личных фондах государственных архивов. Иногда необходимые статьи находились по упоминанию их в других изданиях.

В результате поисковой работы удалось выявить неизвестные ранее рецензии на произведения И.Бунина, было определено время выхода в свет книг писателя и сборников, в которых он участвовал, были выявлены неизвестные ранее факты выступлений Бунина на литературных вечерах и собраниях. В 1912 г. в России отмечался 25-летний юбилей литературной деятельности И.Бунина; после просмотра целого ряда газет и журналов удалось установить, что этот юбилей праздновался в Москве пять дней подряд – с 24 по 28 октября, позднее юбилейные собрания прошли и в других городах.

Одним из ценнейших источников для второго тома «Летописи» стали Дневники Н.А.Пушешникова – любимого племянника И.Бунина. Цитаты из этих дневников публиковал А.К.Бабореко, но с купюрами и часто без дат. В настоящем издании Дневники Н.А.Пушешникова цитируются по автографу, хранящемуся в Орловском объединенном государственном литературном музее И.С.Тургенева (подготовка текста

И.А.Костомаровой). Дневники Н.А.Пушешникова — уникальный источник, повествующий о совместных путешествиях с Буниными на Капри, о встречах в Глотово, в Москве, в Петербурге. Также одним из главных источников для второго тома «Летописи» были письма В.Н.Муромцевой к И.Бунину, которые впервые широко цитируются в книге (подготовка текста Е.М.Шинковой).

Еще одним уникальным источником для настоящего тома «Летописи» стал дневник И.Бунина 1917–1918 гг., хранящийся в Отделе рукописей РГБ. Данный дневник не раз публиковался А.К.Бабореко, но с купюрами и неточностями, в «Летописи» этот дневник писателя цитируется по автографу.

Авторские даты (особенно это относится к стихотворениям) имеют значительные разночтения: подчас одно произведение имеет две-три разные даты, как в автографах, так и в печатных источниках. Определить точную дату написания произведения (или границы дат) на данном этапе часто невозможно. В большинстве случаев (при наличии разных дат) сведения об отдельном произведении помещались преимущественно по авторской дате в автографе, при этом указывались все остальные авторские даты и источники, где они зафиксированы.

Все даты до 1 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю. В периоды заграничных путешествий Бунина приводятся двойные даты (по старому и новому стилю). После 1 февраля 1918 г. даты в «Летописи» также приводятся по двум стилям, но в данном случае сначала приводится дата по новому стилю, принятому в России, а затем по старому.

В конце второго тома имеется раздел «Исправления и дополнения к 1-му тому Летописи», в котором не только исправлены замеченные ошибки и опечатки, но и включен целый ряд дополнительных сведений, которые по разным причинам не вошли в первый том.

Второй том «Летописи» закрывает почти весь доэмигрантский период жизни писателя и представляет широкую панораму литературной жизни России, в контексте которой проходила жизнь и творческая деятельность И.Бунина.

Книга снабжена научно-вспомогательным аппаратом: списком условных сокращений; указателем произведений и сборников Бунина; именным указателем; указателем периодических и продолжающихся изданий, сборников и альманахов.

Составитель «Летописи» выражает большую благодарность Т.М.Горяевой (РГАЛИ), Д.С.Московской, М.А.Айвазяну и А.А.Кутейниковой (ОР ИМЛИ), Е.Р Матевосян (АГ ИМЛИ), В.В.Ефремовой, Н.В.Ураковой, Л.Д.Затуловской, Е.М Шинковой и И.А.Костомаровой (ОГЛМТ), Т.Г.Кирющенко (Елец), Т.М.Двинятиной (ИРЛИ РАН), Л.Г.Агамалян и В.С.Логиновой (Литературный музей ИРЛИ РАН), Т.Ю.Телешовой (МКТ), Е.Ю.Литвин (ГЛМ), Е.В.Лидиной (Москва), Т.В.Марченко (Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Москва), Г.Н.Манчуку, Ю.С.Сачкову и Е.Н Демкину (Санкт-Петербургское Общество почитателей И.А.Бунина), В.М.Петрову (Липецк), Т.Н.Федь (София), Т.В.Гордиенко (Москва), а также сотрудникам ИМЛИ РАН Т.В.Балашовой, М.В.Козьменко, Г.Н.Воронцовой, Н.И.Гусевой, Е.М Трубиловой, Д.Д.Николаеву за содействие и оказанную помощь в работе над книгой. Особая благодарность выражается Р.Д.Дэвису (РАЛ) за любезное предоставление необходимых материалов для книги. Отдельная благодарность приносится А.В.Бакунцеву (МГУ) за деятельную помощь в подготовке раздела «Летописи», посвященного одесскому периоду жизни Бунина 1918–1919 гг.

ЛЕТОПИСЬ

1910

Январь, 1. Выходит № 1 петербургского журнала «Огонек», в котором (с. 19) печатается ответ Бунина на анкету «На пороге Нового года. (Какие благопожелания шлют России на 1910 год)»:

«Жизнь политическая и общественная, искусство и литература — все в России пребывает в таком печальном или постыдном положении, что слишком трудно и тяжело говорить об этом.

Позвольте уклониться от ответа на ваш вопрос».

Н.Е.Эфрос обращается в письме к Бунину:

«с большою просьбою» прислать для юбилейного номера «Одесских новостей», посвященного 50-летию со дня рождения А.П.Чехова, «20–30 строк с отзывом о Чехове, о его личности или творчестве, о его значении, роли, влиянии. <...> И вот моя большая просьба: напишите <...> Вам так это легко сделать».

Письма (*2*). С. 538.

См.: 12 января 1910, первая запись.

В московской газете «Утро России» (№ 71–38. С. 5–6) публикуется статья Ю.И.Айхенвальда «О стихотворениях И.Бунина. Эскиз».

Критик пишет: «На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется, как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию, и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты. Счастливо-старомодный и правоверный, автор не нуждается в “свободном стихе”; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хореях, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как еще далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Бунине то, что он — только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности, — он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее, — он сам. <...>

Его строки — испытанного старинного чекана; его почерк — самый четкий в современной литературе; его рисунок — сжатый и сосредоточенный. И с внутренней, и с внешней стороны его стихи как раз вовремя уклоняются от прозы; скорее он ее сделал поэтичной, — скорее он побеждает прозу и претворяет ее в стихи, чем творит стихи, как нечто особое, от нее отличное. У него стих как бы потерял свою самостоятельность, свою оторванность от обыденной речи. Бунин часто ломает свою строку посредине, кончает предложение там, где не кончился стих; но зато в результате возникает нечто естественное и живое, и органическая цельность нашего слова не приносится в жертву версификации. Читая Бунина, мы убеждаемся, как много поэзии в нашей прозе и как обыкновенное сродни высокому. <...> Проникнутый духом честности, он не испытывает страха перед прозой, ложного стыда перед нею. <...> Поэтизируя факты, он не боится давнишних ценностей, он не стесняется петь то, на чем останавливались уже многие взоры, что воспевали уже многие уста. <...>

Поэт сдержанный, он не навязывает природе своих настроений, он любит ее за нее самое <...> Бунин не хочет сказать больше, чем есть; у него, правдивого, слова отвечают явлениям, и оттого ему веришь, в нем не сомневаешься. Бережный и целомудренный, классик жизни, он не выдумывает, не сочиняет и не вносит себя туда, где можно обойтись без него. Когда он говорит о себе, то это является внутренней необходимостью, и слово ему принадлежит по праву. <...> Он рисует факты, а из них уже сама, органически, рождается красота. <...>

У него — поэзия спокойная, без исключительности, без событий. У него — жизнь медленная и матовая. <...> Не горит и не жжет его поэзия, нет в ней пафоса, но зато присуща ей сила искренности и правды. <...> В этой поэзии вообще нет преобладания. Нельзя сказать, чтобы автор даже природу патетически любил: он ее попросту замечает, поэтически констатирует ее, великий факт, и со своей палитры берет для нее верные краски и оттенки. Он — высокий мастер пейзажа, изобразитель природы. <...> Его собственное сердце скупо на умиление, — тем дороже, когда последнее все-таки возникает в благодатной неизбежности своей и растопляет всякий лед, всякое отчуждение. <...> У Бунина чувство не спешит, зато оно глубоко, когда приходит, когда люди или природа, наконец, вырвут его, созревшее, из трудно проницаемой груди. <...>

Но из одиноких страданий личности выводит Бунина мысль о вечности красоты, о связи времен и миров, и от любимых им будней, <...> сознание его отвлекают моменты важные и торжественные, мудрость Востока, чужая мифология, — и словно движется перед нами какая-то колесница человечества. Он умеет от себя откидывать радиусы, от близкого переходит к дальнему, он "ищет в этом мире сочетанья прекрасного и вечного". Правда, когда он сам об этом говорит, когда он без нужды неоднократно поучает, что мир весь полон красоты, что олень "в стремительности радостно-звериной" уносит от охотника красоту, то именно такая настойчивость и обнаженность примитивной философии производит отрицательное впечатление. Бунин — философ только там, где он этого не сознает. Ему совсем не чужды серьезные и возвышенные думы, но думы нечаянные; и, наоборот, его мировоззрение, нарочно высказанное, как бы доносит откуда-то издалека охлаждающие дуновения пошлости, — и было бы гораздо лучше, если бы он не напоминал, что природа — храм нерукотворный Бога, что "иного нет счастья на свете", как "с открытой бродить головой, глядеть, как рассыпали дети в беседке песок золотой". Но зато привлекательна у него та философия, которая сама вытекает из поэтического созерцания, которая не остыла еще от непосредственной интуиции. <...>

Медленно создается, выдвигается художественное миросозерцание нашего поэта, — как медленно приходит к нему и слава его. Но уже издавна показывает оно, что самая характерная черта в нем, это — внутреннее сочетание реальности мифа, осязательной ограниченности и безграничного. Бунин принял обе эти категории, связал их в одну жизнь и, любовно и внимательно, подойдя к малому, этим приобщил к себе и великое. Он не отвернулся от самой прозаической действительности, и все же стал поэтом. Откровенный, свободный духом, он в честном творчестве своем не постыдил своего оригинального таланта и сделал все, что мог и может. А может он многое. Ему послушны и нежные, и стальные слова; мастер благород-

ного сонета, который он стальным клинком вырезал и на высоте, на изумрудной льдине, он — повелитель сжатого и глубокого слова, живой образец художественной концентрации. Прозрачный, кристальный, студеный, Бунин, как ручей своего стихотворения, медлительно и неуклонно пришел к морю, к мировому морю, которое и приняло его».

Январь, 2. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ив. Я послал Сытину “Зной”. Кое-что изменил; утеря рукописи способствовала к украшению рассказа... Получил гаванских сигар <...> могу выслать 25 шт.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 111.

Январь, 3. В газете «Одесские новости» (№ 8007. С. 1) печатается:

— рецензия «Новости литературы. Писатели — “друкарям”» на сборник «Друкарь» (М., 1910). Подпись: Петроний (с. 6).

Рецензент, в частности, упоминает: «интересные очерки Бунина (“Иудея”)».

— объявление о подготовке серии грампластинок «Живые слова» с записями голосов писателей, артистов, общественных деятелей; записано пять пластинок с чтением своих произведений Л.Н.Толстого, И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова, Н.Н.Златовратского, Б.К.Зайцева, А.И.Южина, С.А.Муромцева и др. А также готовится сборник с портретами, биографиями, отрывками из произведений, записанных на пластинках (с. 1).

См.: 10...17 марта 1910, вторая запись.

Январь, 5. Газета «Одесские новости» (№ 8008. С. 5) перепечатывает из журнала «Огонек» ответ Бунина на новогоднюю анкету.

См.: 1 января 1910, первая запись.

Январь, 6. Некий Н.Сапежко в письме Бунину просит разрешения прислать рукопись рассказа своего знакомого:

«И я, и автор решили обратиться к Вам, именно к Вам и просить Вас прочесть эту вещь, дать о ней свой отзыв и указать слабые стороны <...>.

Нами руководит любовь к Вашему творчеству. Мы знаем только это, но это так много».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3133 оф.

Ответ Бунина неизвестен.

Январь, 7. Издательство «Шиповник» посылает Бунину телеграмму:

«Очень ждем обещанного рассказа убедительно просим скорее телеграфировать когда».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 328, л. 1.

Бунин предполагал дать для альманахов «Шиповника» повесть «Деревня». См.: 2 февраля 1910.

Январь, 8. Директор-распорядитель книгоиздательского товарищества «Общественная польза» П.Е.Кулаков, извиняясь за поздний ответ, пишет Бунину по поводу издания его книги, излагая условия ее издания:

«Правление Т-ва нашло возможным уплатить Вам гонорар за эту книгу в размере 840 р. <...> Покорнейше прошу, в случае Вашего согласия, прислать остальные статьи, а также обещанные рисунки».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 301, л. 1.

Первоначально Бунин предполагал выпустить иллюстрированную книгу под заглавием «Храм солнца», в которую должны были войти рассказы из цикла «Храм солнца» и стихотворения. Позднее он отказался от этого проекта и составил другую книгу: шестой том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы».

См.: 13 февраля 1910.

Январь, начало. Председатель Литературного кружка им. А.П.Чехова при Московском университете В.А.Брендер посылает Бунину приглашение принять участие в торжественном заседании кружка 18 января в 7 ч. вечера, посвященном 50-летию со дня рождения А.П.Чехова, и просит сообщить в какой форме будет это участие.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 349, л. 3.

См.: 18 января 1910, первая запись.

Январь, 11. Вл.И.Немирович-Данченко в письме просит Бунина:

«Художественный театр к Вам с низкой просьбой: прочесть 17-го утром о Чехове немного. Минут 15–20. Очень просим, очень».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 165.

См.: 17 января 1910, первая запись.

Январь, 2...12. П.А.Нилус сообщает в письме Бунину о своей книге «Рассказы»:

«Прислали из типографии Сытина уже сверстанные два листа <...>. Отчего не присылают остальных гранок? <...>

P.S. Почти, в черне, готов рассказ для Зайцева».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 112–113.

Имеется в виду литературный сборник «Слово», который редактировал Б.К.Зайцев.

См.: 31 января 1910, первая запись.

Январь, 12. В письме к Н.Е.Эфросу, извиняясь за поздний ответ, Бунин пишет:

«все хотел прислать Вам заметку о Чехове, но у меня столько дел, а написать 20–30 строк о нем так трудно — разумно, хороших, — что не знаю успею ли я это сделать».

Письма (*2*). С. 137.

В юбилейном номере «Одесских новостей» от 17 января, посвященном 50-летию со дня рождения А.П.Чехова, заметки Бунина нет.

См.: 1 января 1910, вторая запись.

П.А.Нилус вновь пишет Бунину и просит «немедленно» ответить и справиться в типографии И.Д.Сытина, внесли ли его правку в первые два листа.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 115.

А.М.Федоров в письме Бунину приглашает его приехать в Одессу.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/10 оф.

Январь, 13. В.Костылев из редакции нового московского журнала «Искра» обращается в письме к Бунину с просьбой дать стихотворения:

«плата, какую Вы назначите. Если можно — поддержите журнал, и мы останемся Вам очень благодарны».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 284.

В журнале «Искра» Бунин не печатался.

Январь, 14. Директор-распорядитель петербургского издательского товарищества «Общественная польза» П.Е.Кулаков пишет Бунину по поводу издания 6-го тома его сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы»:

«Надеюсь, что по приезде Вашем в СПб. мы сговоримся.

Очень приглашаю Вас <...> на 21 янв. В этот день грандиозный этнографический бал в Дворянском собрании в пользу Народного университета».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3413/2 оф.

По всей видимости, Бунин не приезжал на бал 21 января.

Январь, 14 или 15. Бунин пишет П.А.Нилусу о корректуре его книги «Рассказы».

Письмо неизвестно. См.: 18 января 1910, третья запись.

Январь, 17. В Художественном театре на литературном утреннике по случаю 50-летия со дня рождения А.П.Чехова Бунин выступает с чтением своих воспоминаний о писателе.

В утреннике также принимают участие Вл.И.Немирович-Данченко, О.Л.Книппер, В.И.Качалов, К.С.Станиславский, И.М.Москвин, Л.М.Леонидов и другие. Присутствуют Л.Н.Андреев, П.Д.Боборыкин, А.Н.Скрябин, В.А.Серов, директор императорских театров В.А.Теляковский.

Летопись Станиславского. Т. 2. С. 222.

См. информационное сообщение об утреннике в рубрике «Театр и музыка» в газете «Русские ведомости» (16 янв. (№ 12). С. 4).

В отчетной заметке (без подписи) «Чествование Чехова» газета «Русские ведомости» (19 янв. (№ 14). С. 3) сообщает: «В воскресенье, 17-го января, по случаю исполнившегося 50-летия со дня рождения А.П.Чехова <...> интересным и содержательным вышло чествование памяти А.П.Чехова, устроенное Художественным театром».

В газете «Утро России» (19 янв. (№ 84 — 51). С. 3) в статье «Чеховские торжества» (без подписи), в частности, говорится: «Аплодировали и прекрасным воспоминаниям И.А.Бунина, уже давно напечатанным.

Столько тонкости и простоты и столько пейзажа было в милых словах поэта.

И.А. прелестный чтец.

У него богатая интонация.

Вот он вспоминает, как обижался А.П., когда его называли пессимистом:

— И слово-то противное — пес-си-мист...

И неуловимой окраской интонации Бунин придает слову действительно какой-то обидчивый оттенок. <...>

Среди избранной публики, переполнившей театр, был директор Императорских театров В.А.Теляковский, Л.Н.Андреев с супругой, П.Д.Боборыкин, вся литературная Москва, представители художественного и музыкального мира».

В газете «Русское слово» (19 янв. (№ 14). С. 3) в отчетной заметке «Чеховское утро» С.Яблоновский, в частности, пишет: «И.А.Бунин, которого теперь не зовут иначе, как “академик Бунин”, несмотря на то, что у него имеются все права на титул гораздо более высокий, — “поэт Бунин”, — читал тоже хорошо, но впечатление ослабевалось тем, что очень многое из прочитанного уже было в печати. А затем, не в укор талантливому поэту: читает сочувственно о том, как смеялся Чехов над *поэзией*, которая состоит из “серебристой дали”, “аккорда” и проч., а сам возносит острые верхушки темных кипарисов к лучистым звездам. Другому это простил бы, но к такому трезвому и четкому художнику становишься придирчивым; из его статьи надо выкинуть две-три фразы, звучащие “аккордом”».

Бунин вспоминает этот день: «Театр был переполнен. В литературной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей, вероятно, и другие братья, — не помню.

Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я, читая наши разговоры с Антоном Павловичем, его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали.

Через несколько дней ко мне приезжали Станиславский с Немировичем и предлагали поступить в их труппу».

СС (2). Т. 7. С. 79–80.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Утренник прошел с аншлагом. Семья Чеховых сидела в литературной ложе справа. Из писателей участвовал только Бунин. Его выступление было удачным. Голос, интонации, речь — все было чеховское; родные и друзья Антона Павловича были так взволнованы, что многие плакали.

Подъем в театре был сильный. С воспоминаниями и чтением рассказов Чехова выступали лучшие артисты».

Муромцева-Бунина. С. 467.

Выходит № 1 московской газеты «Студенческая жизнь», в котором (с. 11–13) печатается рассказ «Сон Обломова-внука». Перед рассказом воспроизводится фотопортрет Бунина с факсимильной надписью: «3 янв. 1910 г. Ив.Бунин».

Выходит № 3 московского журнала «Кривое зеркало», в котором (с. 8) под общим заголовком «К 50-летию со дня рождения А.П.Чехова» в числе напечатанных фотографий помещается фотопортрет «И.А.Бунин и А.П.Чехов. Снято в декабре 1905 года в Москве в кабинете А.П.».

Писатели сидят: А.Чехов в кресле, Бунин на ручке этого кресла.

Январь, 18. На Чеховском вечере в Московском университете Бунин читает рассказ А.П.Чехова «В усадьбе».

Также выступают И.М.Москвин и В.И.Качалов, присутствуют И.П.Чехов и Н.Н.Златовратский.

См. программу вечера: ОГЛМТ, ф. 14, № 5822/2 оф.

Газета «Русские ведомости» (17 янв. (№ 13). С. 5) в рубрике «Московские вести» сообщает: «В понедельник, 18-го января, в богословской аудитории университета (филологический факультет) состоится торжественное заседание студенческого Литературного кружка имени А.П.Чехова, посвященное памяти писателя. В заседании примут участие: Л.И.Абрамович, В.А.Брендер, И.А.Бунин, Ф.Г.Де-ла-Барт, А.Н.Веселовский, Вл.И.Немирович-Данченко, Г.И.Россолимо и М.А.Членов. <...> Начало — в 7 ч. вечера».

В газете «Русское слово» (19 янв. (№ 14). С. 3) в отчетной заметке А.С.Панкратова «Чеховский вечер» (подпись: А.П.) говорится: «Огромная богословская аудитория университета была битком набита народом. Среди учащейся молодежи тонут актеры, литераторы, художники. <...> И.А.Бунин вместо воспоминаний прочел чеховский рассказ “В усадьбе”. А предварительно сказал:

— Чехова много ценят, но мало понимают. Сумрачный человек, хмурые люди! Не так уж он был сумрачен. Драма Чехова в том, что он родился в стране темной и дикой. Вот какова наша жизнь...».

В кратком отчете газеты «Утро России» (19 янв. (№ 84–51). С. 3) говорится: «Вчерашний чеховский вечер в университете превзошел ожидания.

Организовавший его литературный кружок имени А.П.Чехова при университете сразу проявил себя громко и солидно. <...>

И.А.Бунин прочел “В усадьбе”».

См. также: 24 января 1910, вторая запись.

Бунин с В.Н.Муромцевой обедают в гостях у О.Л.Книппер; также присутствует М.П.Чехова, которая приглашает Буниных к себе на обед в следующее воскресенье (24 января).

Муромцева-Бунина. С. 467.

См.: 24 января 1910, первая запись.

В ответ на неизвестное письмо Бунина П.А.Нилус пишет:

«Получил твое ругательное письмо. В присланных корректурах исправлять пришлось меньше. <...> При всем том, изумляюсь твоему терпению — ты, оказывается, сто раз пересмотрел корректуру — я бы этого не сделал вольной волею».

Письма (*2*). С. 538.

А.М.Федоров в письме приглашает Бунина приехать в Одессу и сообщает:

«Скоро Куприн, говорят, будет в Одессе».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 96.

Январь, 20. П.А.Нилус в письме Бунину сообщает:

«Послал тебе рассказ “Зеленый попугай”, <...> не знаю, хорош он или дурен <...>. Если ты найдешь, что его можно сократить, то обозначь где. Это удобнее всего сделать, и пошли Зайцеву», а также сетует на плохие обложки его будущей книги и пишет: «Что это вышло с портретом? Не лучше ли его изъять?».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 134–135.

Книга П.А.Нилуса «Рассказы» (М., 1910) вышла до 3 апреля 1910 г. с портретом автора работы Л.О.Пастернака. См. объявление в газете «Русское слово» (3 апр. (№ 76). С. 1).

Январь, середина. Выходит № 4 петербургского журнала «Аполлон», в котором (с. 67) публикуется статья М.А.Кузмина «Заметки о русской беллетристике», где говорится о 27-м «Сборнике товарищества “Знание”»:

«После повестей Горького наибольший, хотя и не большой интерес представляет рассказ Ив.Бунина “Беден бес”».

Выходит № 1 петербургского журнала «Современный мир», в котором (отд. II, с. 17–32) помещается статья В.Л.Львова-Рогачевского «Поэма запустения. (И.А.Бунин)».

Критик пишет: «<...> к нашему литературному сегодня с его погоней за сенсацией, с его шумихою крикливых слов, с его грубой имитацией и наглой подделкой, с его маскою ужаса на лице — совершенно не подходит деревенская муза Ив.Бунина, исполненная глубоких внутренних переживаний и целомудренной простоты, муза со светлой печалью в ясных глазах.

Поэзия Ив.Бунина — это наше вчера и в то же время наше завтра, поскольку оно покончит с тенденцией и “пленом”, с крикливой истерикой и словесным спортом, поскольку это завтра явится тоской по нашим старым поэтам и художникам. <...>

Автор прекрасного рассказа “Антоновские яблоки” не повторяет старых поэтов, не имитирует, не занимается подделкой, он завершает наше вчера, он говорит *свое* слово и *последнее* слово о прошлом, об отходящем и отошедшем, он договаривает, что сталось с деревней. <...> Ив.Бунин творец маленьких поэм запустения — “не оскудения, а запустения”. <...>

Когда вы читаете рассказы Ив.Бунина, похожие на стихи, и его стихи, похожие на рассказы, вы чувствуете почти постоянно, что поэт не может забыть родное ни в Палестине, ни в море <...>.

Ив.Бунина иногда называют совершенно ошибочно “*певцом* дворянских усадеб”. Он не *воспел* дворянскую усадьбу, а *отпел*, он называл сам свои поэмы запустения “*эпитафиями*”. <...>

Самый стиль его отличается хрустальной прозрачностью и осеннею четкостью и от поэм его веет не парнасским холодом, а осенним холодком августовского дня и свежестью антоновских яблок». Процитировав начало «Листопада», критик отмечает: «Сколько в этом многокрасочном описании чуткой настороженности и стыдливо притаившейся нежности! Чтобы судить о красоте этой поэмы, посвященной “увяданию”, надо было бы цитировать ее всю... Есть в ней строки, поражающие своей строгой законченностью и красочностью. <...>

Пред лицом природы Ив.Бунин забывает о человеке, он любит описывать безлюдье степей, ему нравится, что “море — пустынно”. В этом отношении он резко отличается от Некрасова. <...>

Муза поэта-гражданина “в плену у тяжких дум”, деревенская муза Бунина-пейзажиста свободна от плена.

<...> Характерной бунинской чертой является *необыкновенно развитое обоняние.* Так улавливать тончайшие запахи и описывать умели только Мопассан и Бодлер.

Сам же поэт, быть может, безотчетно выдает эту характерную черту своего мироощущения. <...>

В огромном большинстве произведений Ив.Бунина — тонкое и острое воспроизведение аромата сообщает описаниям его необыкновенную силу и жизненность. <...>

Ив.Бунин — не мистик и не романтик. У него нет эфирных, мечтательных слов, похожих на таинственные слова заклинания. Он видит природу не во сне, а наяву, он не грезит, а зорко наблюдает. Это — поэма реалиста, и реализм его особенно ярко сказался в его "поэме запустения".

Когда я читал его рассказы и стихотворения, я вспоминал по контрасту, картины Борисова-Мусатова. <...>

Ив.Бунин порвал с призрачностью; он ищет исцеления и действительности у живой, творящей, развивающейся жизни с ее вчера и с ее завтра. <...>

Ив.Бунина называют "парнасцем", "гиперборейским парнасцем", в его поэзии усматривают "немногие жесткие и уверенные линии". <...>

Несомненно, строгий, сосредоточенный, вдумчивый Ив.Бунин имеет большое тяготение к парнасцам, авторам античных, индусских, египетских произведений. Он любит бродить по свету <...>.

От большинства стихотворений Ив.Бунина, посвященных путешествиям, Востоку <...> веет парнасским холодом, и только некоторые из них ("Иерусалим" — IV-11, "Белые крылья" — III-260, "Магомет в изгнании", "Джордано Бруно" и "Египет") глубоко прочувствованы. <...>

Все эти знаки, все эти знойные пески и ледяные алтари оставляют совершенно холодным читателя. Это тяготение к парнасцам, к экзотическому Востоку находится в кровной связи с поэмой запустения. <...> Бродя по свету, замыкаясь в броню холода, поэт хочет уйти от тоски, от уныния покинутых усадеб. <...>

Бунин — парнасец на чужбине и стыдящийся своей нежной любви поэт — на родине. От его стихов веет, как я уже сказал, августовской свежестью, а не мертвенно-холодным бесстрастием, от его стихов веет глубоким, сдержанным чувством, а не "сантиментами" и не слащавыми причитаниями над невозвратными днями».

Январь, 21. М.К.Куприна-Иорданская посылает Бунину телеграмму по поводу «Деревни»:

«Не отдавайте повести никому до переговоров с нами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3251/1 оф.

Январь, 18...21. К Бунину приезжают К.С.Станиславский и Вл.И.Немирович-Данченко, которые благодарят его за выступление на утреннике памяти А.П.Чехова и приглашают его поступить в труппу Художественного театра.

СС (*2*). Т. 7. С. 80.

Муромцева-Бунина. С. 468.

См.: 17 января 1910, первая запись.

Январь 24. Бунин с В.Н.Муромцевой обедает в гостях у М.П.Чеховой.

Бунин вспоминает: «Вскоре после этого утренника <17 января> мы были приглашены к Марье Павловне, где были и Чеховы, живущие в Москве, а среди них и сын Александра Павловича, Михаил, молодой ученик школы

Художественного театра, поразивший нас талантливостью жестов: они с сыном Ивана Павловича, студентом Володей, прощаясь в прихожей, что-то манипулировали со шляпами так забавно, что мы из столовой, глядя на них, очень смеялись. <...>

Евгения Яковлевна за пять лет очень состарилась. Мы обрадовались друг другу как родные. Она всегда меня любила».

СС (2). Т. 7. С. 80.

Выходит № 4 московского журнала «Кривое зеркало», в котором (с. 9) публикуется групповая фотография «Торжественное заседание Литературного кружка имени А.П.Чехова при Московском университете, посвященное памяти Антона Павловича Чехова (18-го января с.г.)».

На фотографии запечатлено большое количество участников, крестиком отмечены: А.Н.Веселовский, А.А.Мануйлов, Н.Н.Златовратский, Б.А.Лазаревский, И.Бунин, И.П.Чехов, А.Л.Вишневский.

Январь, 27. Бунин с Ю.А.Буниным присутствует на заседании «Среды», на котором Л.Н.Андреев читает пьесу «Gaudeamus».

В журнале «Кривое зеркало» (№ 8. 21 февр. С. 11) в отчетной заметке «Среда» (подпись: А.К.) сообщается: «27 января с.г. в квартире Н.Д.Телешова собралась группа писателей, объединенных одним давним коротким словом: Среда... Название Среды принял небольшой литературный кружок, собрания которого происходили по средам. Возник он давно — в середине ноября прошлого года исполнилось десять лет его существования. <...> Леонид Андреев и Борис Зайцев выступили в Среде с первыми своими произведениями. Организаторами первых собраний Среды были писатели: Н.Д.Телешов, Н.И.Тимковский, Е.П.Гославский, критик Сергей Глаголь (С.С.Голоушев), поэты: Иван Бунин и И.А.Белоусов, публицисты: Ю.А.Бунин и Н.П.Ашешов, драматург С.Разумовский (Махалов) и др. <...> Собрания происходили на частных квартирах — Н.Д.Телешова, С.С.Голоушева, Л.Н.Андреева, и отличались искренним, товарищеским тоном. <...> В настоящее время собрания Среды происходят крайне редко. В последний раз оно имело место у Н.Д.Телешова, 27 января, на котором Л.Н.Андреев прочел только что оконченную им пьесу “Gaudeamus”».

В этом же номере «Кривого зеркала» (с. 4) помещается фотография «Группа участников литературных “Сред”: С.Голоушев, Б.Зайцев, С.Разумовский, И.Белоусов, Л.Андреев, Ю.Бунин, И.Бунин, Н.Телешов, А.Грузинский».

Январь, 29. Выходит в свет книга 29-я «Сборника товарищества “Знание”» (СПб., 1910), где помещаются (с. 1–4) стихотворения «Старинные стихи» («– Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), «В детстве» («Я помню сумрак каменных аркад...»).

Дата установлена по: ИМЛИ АГ, «Зн»-док. 7-2, л. 11.

Январь, 30. В иллюстрированном приложении к газете «Одесские новости» (№ 8029) публикуется фото «И.А.Бунин и А.П.Чехов».

Писатели сидят в кабинете Чехова.

Январь, 31. Б.К.Зайцев в письме Бунину объясняет, что вернулся из гостей домой только утром:

«Как ни хотелось послушать Вашу вещь, не решился идти, т.к. не способен ничего воспринимать. Рассказ Нилуса оказался на 700 стр., что нам абсолютно невозможно. Сам по себе он приемлемый».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 103, л. 18.

В газете «Одесский листок» (№ 25. С. 2) публикуется статья И.Александровского «Литературные характеристики».

Начало статьи посвящено обзору статей о поэзии Бунина, цитируются работы А.А.Голенищева-Кутузова, А.А.Блока, С.А.Венгерова, Л.Мельшина (П.Ф.Якубовича) и В.Л.Львова-Рогачевского; статья последнего разбирается подробнее, в заключение, не соглашаясь с Львовым-Рогачевским в том, что в поэзии Бунин «забывал о человеке», критик отмечает: «Г. Львов слабо подчеркивает литературную преемственность г. Бунина. Г. Бунин не поэт без рода и племени — в этом отношении он не чета многим из наших нынешних поэтов. Г. Бунин принял богатое наследие от наших литературных корифеев и твердой поступью идет по пути, проторенному ими, сумев, однако, проложить на этом пути и свою собственную тропу. Увлекшись модными течениями, он пытался свернуть с широкой и надежной дороги своих славных предшественников в дебри символизма (“Новая дорога”, “Осенью”, “Туман”, “Перевал”), и едва не заблудился, едва не погиб. Но он быстро опомнился, свернул на прежний путь и идет по нему уверенной стопой».

Январь, 28 — 31. Бунин приезжает в Петербург по издательским делам:

— договаривается с М.К.Куприной-Иорданской о публикации повести «Деревня» в журнале «Современный мир»;

— встречается с директором-распорядителем книгоиздательского товарищества «Общественная польза» П.Е.Кулаковым и заключает соглашение об издании шестого тома сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

См.: 13 февраля 1910.

— ведет переговоры с издательством «Просвещение» о выпуске своих сочинений в 9 томах.

Затем возвращается в Москву.

Границы события определены по письму Бунина. См.: 2 февраля 1910.

Январь. На бланке журнала «К истине» к Бунину обращаются с коллективной (8 подписей) просьбой:

«не отказать дать для журнала “К истине” что-либо из ваших новых произведений».

На полях письма имеется помета Бунина: «Ответил согласием 1-го февр. 1910 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 285.

Февраль, 1. Бунин посылает письмо в редакцию журнала «К истине» с согласием дать свое произведение для публикации в нем.

Письмо неизвестно. См.: январь 1910.

Февраль, 2. Бунин в письме П.А.Нилусу сообщает, что начинает печататься его книга «Рассказы» (М., 1910) и пишет:

«Я опять вытребовал все сначала, — уже подписанное тобою, — и снова нашел опечатки, оговорки <...>. Нынче прочел и подписал к печати 6 листов (1–6-ой)», а также рассказывает, что был в Петербурге, где продал повесть «Деревня» в журнал «Современный мир» «за очень хорошую цену», М.К.Куприна-Иорданская «перебила у “Шиповн<ика>” — и “Шип<овник>” почти поссорился со мною. Продал книгоизд<ательству> “Обществ<енная> польза” свой 6-ой т. — 3000 экз. за 800 р. “Знание” меня вывело из терпения своей медлительностью. “Просвещение” ведет со мной переговоры — покупает навек мои сочинения. Прошу 70 тысяч за 9 томов. До 10–15 февр. остаюсь в Москве».

Письма (2). С. 137–138.

Февраль, 5. В московской газете «Русское слово» (№ 28. С. 2) публикуется статья А.Измайлова «Литературные беседы», в которой, в частности, рассматривается сборник «Друкарь» (М., 1910).

Критик пишет: «Просматривая портреты, невольно задаешь себе один вопрос: почему все молодые писатели снялись с руками в карманах?

Почтенно и задумчиво сидят старики — Толстой, Златовратский, но Чириков, но Бунин, но Белоусов, но Шаляпин <...> — все стоят во весь рост с руками в карманах. <...> В сборнике красивы впечатления Бунина, вынесенные из Иудеи. <...> У Бунина — прямо прекрасный, удивительно идущий к сюжету стиль».

Февраль, 7. Бунин с В.Н.Муромцевой присутствует в Литературно-художественном кружке на банкете по случаю 30-летия московского журнала «Русская мысль»; чествуют основателя и издателя журнала В.М.Лаврова.

Выступают с приветствиями Н.В.Давыдов, А.А.Кизеветтер, Н.Ф.Михайлов, А.И.Южин, Вл.И.Немирович-Данченко, А.Е.Грузинский и многие другие.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Банкет происходил в большом зале <...>. Собралось около пятидесяти человек: бывшие и настоящие сотрудники журнала, почитатели его и читатели.

Бунина посадили за главный стол, рядом с какой-то писательницей, а я оказалась рядом с артистом Малого театра Правдиным».

Муромцева-Бунина. С. 470.

Февраль, 8. С.А.Венгеров вновь обращается к Бунину в связи с подготовкой юбилейного сборника Литературного фонда:

«А стихотворение Ваше я все еще жду! Сборник заканчивается, но еще не закончился. Жаль было бы его выпустить без Вашего участия».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 72, л. 3.

Февраль, 10. Бунин посылает первую часть повести «Деревня» в журнал «Современный мир».

См.: 11 февраля 1910, вторая запись.

Февраль, 11. В письме С.П.Боголюбову Бунин возмущается тем, что не получил гонорар за свои произведения, посланные для «Сборника товарищества “Знание”» в сентябре 1909 г. и просит еще раз написать К.П.Пятницкому по этому поводу.

Письма (*2*). С. 138.

Бунин пишет А.М.Горькому, который в неизвестном письме «укорял» за молчание:

«Укоры справедливы, но, как всегда, говорю: простите великодушно. <...> Вы и представить себе не можете, как зверски работал я и как мотался! После этого избрания <в почетные академики>, удивившего меня чрезвычайно, был в Птб., после Птб-га жестоко и долго хворал горлом, после хвори — опять Птб., после Птб-га — опять работа, — кончал, отделывал первую часть своей “Деревни”. Вчера отослал ее — в “Совр<еменный> мир”. <...> Нужно бы, не теряя ни минуты, снова браться за перо, но тяжело больна мать — еду завтра к ней. Истории, как видите, весьма обычные для меня — и скучные. Скучна нынешняя зима и вообще: в литературе, за двумя-тремя исключениями, — хоть шаром покати, пустота и скука, про общественные дела и настроения — и говорить нечего. Хочется мне на Капри — ужасно, хочется очень поговорить с Вами о Ваших последних вещах, но удастся ли — и не ведаю. Напишите мне, дорогой друг, пожалуйста! Кланяемся Вам и Марье Федоровне, любим Вас неизменно. За маленькую измену “Знанию” не сердитесь. И повесть я отдал <...>, и VI т. <...> потому только, что К<онстантин> П<етрович> не отвечает мне по полугоду. <...> Возвратиться от матери хочу скоро, возвратясь, решу, куда мне ехать. Уморился я и постарел — чертовски».

Письма (*2*). С. 138–139.

Февраль, 12. Бунин уезжает из Москвы к больной матери в Ефремов.

П.Е.Кулаков из издательства «Общественная польза» пишет Бунину по поводу шестого тома его сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы»:

«Не откажите утвердить прилагаемый шрифт. <...> Вышлите <...> весь остальной материал. Как только все будем иметь <...> в месяц закончим книгу».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 301, л. 2.

Н.П.Исаевич пишет В.Н.Муромцевой (25 февраля н. ст.) из Кэнди (Цейлон):

«...Как необыкновенно красиво здесь! Прошу передать мое поздравление Ивану Алексеевичу с избранием в академики и мой сердечный привет. <...> Н.Исаевич. (Ваш спутник на пароходе “Siracusa” в апреле 1909 г.)».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3225 оф.

Февраль, 13. Директор книгоиздательства «Общественная польза» П.Е.Кулаков посылает в письме Бунину условия издания шестого тома его сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы»:

«В дополнение к нашим личным переговорам настоящим имею честь Вас уведомить, что Т-во “Общественная польза” приняло на себя издание Вашей книги “Рассказы и стихи” Том 6-й на следующих условиях:

Издательство приобретает право на 3000 экз. <...> уплачивает Вам 800 руб., из которых 400 р. Вами уже получены, а остальные 400 р. должны быть Вам уплачены в течение 2-го месяца после первого выхода книги.

Цена за книгу назначена один руб.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 301, л. 3–4.

Февраль, 14. В газете «Одесские новости» (№ 8041. С. 1) помещается объявление о подписке на общественную литературно-художественную газету «Студенческая жизнь», в списке постоянных сотрудников значится Бунин.

Февраль, до 17. Бунин посылает А.Н.Буниной (Цакни) деньги и объясняет в письме причину своего долгого молчания — болезнь матери.

Письмо неизвестно. См.: 21 февраля 1910, вторая запись.

Февраль, 17. А.А.Шахматов от имени Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук обращается к Бунину с просьбой дать рецензию на сочинения С.М.Городецкого, представленные на соискание премии им. А.С.Пушкина, а также уведомляет:

«разбор свой доставить не позже 1-го марта будущего 1911 года».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 1.

При этом письме посылаются четыре книги С.М.Городецкого.

Февраль, 10...17. Выходит книга П.Когана «Очерки по истории новейшей русской литературы. Том 3: Современники, вып. 2» (М.: Кн-во «Заря», 1910), в которой (с. 113–132) помещается статья «И.Бунин».

Критик пишет: «Творчество Бунина — тот родник, к освежающим струям которого придут утомленные жизнью умы и сердца всех, чьи внутренние драмы служат подставкой для развертывающейся великой драмы человеческой истории. Бунин по праву “носит имя поэта и созерцателя”, стоит вне религий, государств и обществ. Но глубоко ошибается тот, кто поймет эти слова в смысле беспринципного и холодного презрения к земле, к тем святыням, которые веками создавало человеческое общество. <...>

Бунин в наши дни, быть может, единственный хранитель “вечной” поэтической традиции. Эта “вечность” в его поэзии имеет тот ясный облик, который затуманила вычурная поэзия крайнего модернизма. <...> Он один в наши дни в полной чистоте сохранил этот неумирающий облик поэзии. Мечту о небе не нарядил он в кричащий наряд для того, чтобы сделать ее отличной от земли. Его мечта — нежный покров, одевающий землю, но не закрывающий ее контуров. Его “вечное” не враждебно временному. И природа, и красота, в которых отразилось это вечное, — не аристократическое достояние избранников, а великие источники, открытые всем. В беспредельности прошлого он ищет связующих нитей, говорящих об единстве и гармонии, но это единство и эта гармония — не чуждые миру запредельные силы, а великая земная возможность, следы которой он находит всюду, для претворения которой в реальность он не ждет неведомых сил. <...> Свободное вдохновение и обобщающая работа мысли сплетаются в невиданный узор в его творчестве. <...>

Его созерцание и его творчество свободны, но им предшествовали годы странствований и учения. <...> Он странствует, но его путь — искание. Он ищет всюду следов устремления человеческого духа к небу. <...> Его поэзия отражает не божество, а страстную думу человечества о божестве, и он с одинаковой любовью созерцает все проявления этого порыва к небу, все формы религиозного экстаза, и нет для него избранных и любимых. <...> Он одинок в мире. Он не вмешивается в жизнь. Он

наблюдает ее со спокойствием и беззлобным состраданием мудреца, прозревшего ее общий, прекрасный смысл и тихо оплакивающего слезы и муки тех, кому выпало на долю быть жертвами при осуществлении красоты мира. Он одинок. Ему жаль всех и не жаль никого, потому что он видит горе мира, но и видит тот свет, к которому ведет это горе. <...> Его поэзия — грустная и светлая одновременно, "прискорбная, но ясная". Она проникнута грустью о быстротечности всего земного. Но она светла верой в неумирающую гармонию и вечную связь вещей. С любовной радостью отмечает он незыблемость вечного в исчезающих формах жизни. <...>

Явный реальный характер его мечты придает его поэзии то неистощимое разнообразие, которого лишена поэзия модернистов. <...> Родник бунинской поэзии неиссякаем. Его мечта не заслоняет действительности, и в этой действительности он находит для нее все новые и новые краски. <...> Его каждое стихотворение — не только настроение. Оно — картина, — правдивая и ясная картина уголка истории или уголка природы. Объективная красота и субъективный порыв слиты в гармоническое целое в каждом стихе. <...> Эти простые томики без вычурных виньеток и лжетаинственных пустых страниц так гармонируют с простой красотой его фантазии. Это скромное заглавие "Стихотворения" так ярко выделяет его качества среди претенциозных оглавлений модернистских сборников, объединяющих каждый десяток стихотворений мистическим именем. Он пишет только "стихотворения", потому что его мечта эмпирическая, потому что она растет и крепнет по мере того, как развертывается перед ним история, природа и жизнь. И потому нет его стихам другого имени, кроме того, которое дают ей сама жизнь и природа.

Бунин — вечный странник. Вне новых впечатлений он не знает новой мечты. Только изнутри своего духа он не мог бы черпать новых откровений. <...> У Бунина нет лирики без эпоса. Он не может рассказать о своем настроении, прежде чем точно опишет родившую его обстановку.

<...> Его фантазия, его душевные настроения так близки факту, он так боится своим вмешательством исказить ясный язык истории, что порою он ни одного слова не добавляет к голому описанию, — и оно говорит само за себя. <...> Бунин — творец этой удивительной лирики, в которой душа поэта раскрывается нежно, в которой мечта одевает легким любовным покровом видимую действительность. Он — творец этой своеобразной "эпической лирики", в которой фантазия едва поднимается над действительностью, а чувство осторожно проглядывает в описании и в рассказе. Самые тонкие настроения у него не имеют названия. Они тихо прокрадываются в душу и овладевают ею неизменно. <...>

Истинная стихия бунинской музы — природа. И в изображении природы ярче отражаются черты этой музы. <...> Бунин правдив и серьезен в своем культе природы. Он не язычник и не декадент. <...> Он поклоняется природе, как источнику настроений. Он фактически точен в описаниях и почти научен, когда устанавливает связь между нею и рожденными ею настроениями. Он не склонен придавать этим последним самостоятельного значения. Они — душевные состояния земного, а не потустороннего происхождения. Он просто благодарит природу за те радости, которые она дает ему, и при этом ни умаляет, ни превозносит своего "я". <...> Красота бунинской поэзии в том, что она не превращает природу, мечту и тайну в капризных деспотов

человека, не видит в них богов. <...> В современной поэзии мы не знаем стихотворения, которое могло бы сравниться с его "Сапсаном" по проникающему его жуткому настроению. Читая эти глухие стихи, почти физически ощущаешь ужас одиночества среди ночного безлюдья <...>. И это жуткое настроение достигается именно присущим Бунину великим чувством меры, которого нет у Андреева, нередко вызывающего на лицо улыбку вместо ужаса. Бунин знает, что нет "зловещей преднамеренности" вне нас, что мы — ее создатели, и он ни на мгновение не забывает о том, что имеет дело с нашими душевными процессами, — и потому так естественно и правдиво то страшное и жуткое, что отыскал он в природе. Ее явления — не духи и не силы, а только "эмблемы" и "воплощения". И так красиво звучат эти книжные слова в его поэзии. <...> Бунин не творит чудес, не одевает в плоть мертвых и не разговаривает с призраками. Но от этого не меньше красоты и тайны в его мертвецах и в тех явлениях природы, которые порою мы готовы принять за призраки. <...>

Быть может, именно потому так прекрасна поэзия Бунина, что он черпает свое вдохновение в тех же источниках, в которых брали начало красивые и страшные сказки, возникавшие в простых и доверчивых сердцах.

Бунин занимает совершенно особое место среди современных поэтов. Они все "творят легенды", взяв кусок грубой жизни. Но творимые ими легенды скоро отдаляются от этого "куска" и, лишившись своего источника, становятся сами более вычурными и грубыми, чем тот материал, из которого они возникли. <...>

Поэты, влюбленные в свое "я", скоро забывают, что краски и звуки для их творений дает только действительность, как бы ни казались им созданные ими образы творениями их автономной души, пророческими видениями, пришедшими из другого мира. И действительность мстит за себя. Она лишает ушедших от нее величайшего источника творческой силы. Андреев кончил неоригинальной философией, Бальмонт — вычурной эстетикой.

Бунин тоже "творит" свою легенду, но он, как Антей, постоянно прикасается к земле, вбирая в себя все новые и новые силы. Он — вечный странник земли и потому не знает "упадка" таланта. Всякая новая раньше не виданная им картина природы, всякое новое явление жизни впервые предстающего его взору народа, всякая новая историческая могила или новая слеза, подмеченная им на лице страдающего, родят в его душе новые думы, и творимая им легенда становится шире, и теснее одевает мир, и яснее и утешительнее делается задумчивое и любовное лицо этой грустной легенды о мире».

Выходит мелодекламация С.Д.Волкова-Давыдова «Бессмертный» на слова Бунина (М.: Юргенсон, 1910).

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 17 или 18. Бунин возвращается в Москву.

См.: 19 февраля 1910.

Февраль, 19. Прочитав и исправив присланную М.К.Куприной-Иорданской корректуру первой части повести «Деревня», Бунин посылает ее обратно.

См.: 20 февраля 1910, первая запись.

Февраль, 20. Бунин пишет М.К.Куприной-Иорданской:

«Дорогой друг, вчера послал Вам корректуру “Деревни”. Горячо прошу — последите, чтобы все мои исправления были сделаны точно и со смыслом. Простите, что немного запоздал — я был в Ефремове, в Тульской губ. — очень больна моя мать. Разбит я вдребезги и посему оставаться в Москве, во тьме и холоде не могу — завтра выезжаем в Одессу, где я и засяду писать. <...> Пожалуйста, вышлите мне немедленно “Деревню” в исправленном и *сверстанном* виде — не для новых исправлений, конечно, а так, для успокоения меня».

Письма (*2*). С. 139.

В иллюстрированном приложении к газете «Одесские новости» (№ 8046. С. 1) помещается фото: «Писательская “среда” в Москве». Стоят: С.С.Глаголь, Б.К.Зайцев, С.Д.Разумовский, И.А.Белоусов, Л.Н.Андреев; сидят: Ю.А.Бунин, И.А.Бунин, Н.Д.Телешов, А.Е.Грузинский.

Февраль, середина. Выходит № 5 петербургского журнала «Аполлон», в котором (с. 55) публикуется статья М.А.Кузмина «Заметки о русской беллетристике».

Автор пишет: «В сборнике “Друкарь ” <...> имена Б.Зайцева и И.Бунина как-то растворяются, пропадают в общей массе Скитальцев, Вересаевых, Серафимовичей, Чириковых, Телешовых и др. <...> Очерки Иудеи И.Бунина не достигают описаний не только Лоти, но даже Евг.Маркова и подходят скорее к стилю Мордовцева или даже Немировича-Данченко. В стихах И.Бунин стремится к очень умеренному парнасизму Фр.Коппэ».

Февраль, 20 или 21. Бунин пишет в издательство «Общественная польза», спрашивая о корректуре шестого тома своих сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

Письмо неизвестно.

В это же время из издательства «Общественная польза» Бунину высылается корректура его книги.

См.: 22 февраля 1910.

Февраль, 21. Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Москвы в Одессу.

См.: 20 февраля 1910, первая запись.

А.Н.Бунина (Цакни) пишет Бунину:

«Получила деньги, Иван Алексеевич, благодарю Вас. <...>

Меня удивляло Ваше долгое молчание; Вы ведь сами перед отъездом Вашим из Одессы, предложили выслать денег, и я согласилась; иначе я и не написала бы Вам того письма. Теперь Вы мне объяснили причину Вашего молчания и мне, конечно, нечего сердиться на Вас».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/22 оф.

См.: 11 декабря 1909, вторая запись (*Летопись* (*1*). С. 854–855).

Февраль, 22. Директор издательства «Общественная польза» П.Е.Кулаков посылает Бунину два варианта обложки с просьбой выбрать из них обложку для шестого тома его сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910) и сообщает:

«Корректура еще до получения Вашего письма <...> была послана в Москву».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 301, л. 5.

Февраль, 23. Бунины приезжают в Одессу, останавливаются в гостинице «Бристоль» на Пушкинской улице (№ 67–68) и живут там до 4 марта.

См. счет гостиницы – ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/13 оф.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Сняли там <в “Бристоле”> две комнаты, так что можно было и работать. У меня была машинка, и я кое-что начала переписывать Яну. Он немного писал. Думал дать весной продолжение “Деревни”, но это не удалось».

Муромцева-Бунина. С. 476.

Февраль, 25. Н.И.Иорданский в письме извещает Бунина о «Деревне»:

«Листы с Вашею повестью уже печатаются, и мы пришлем их Вам в чистом виде. Затем — убедительная просьба: пришлите ту часть, которая должна идти в апреле, — к 5 марта».

Письма (*2*). С. 539.

Февраль, 27. Бунин присутствует на вечере у художника К.К.Костанди.

Газета «Одесский листок» (4 марта (№ 51). С. 3) сообщает в заметке «У К.К.Костанди» (подпись: Тэд): «Довелось мне быть на днях среди художников. У К.К.Костанди собралось почти все товарищество Южно-русских художников. <...> Поднимается разговор о литературе, среди гостей И.А.Бунин».

Дата определена по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной, 27 февраля была суббота. См.: 23 февраля — 18 марта 1910, вторая запись.

Февраль, 27 или 28. В ответном письме Бунин просит Н.И.Иорданского отложить печатание следующей части повести «Деревня» до осени, т.к. он не успевает ее написать.

Письмо неизвестно. См.: 10 марта 1910, первая запись.

Март, 2. В газете «Одесский листок» (№ 49. С. 3) публикуется интервью «У И.А.Бунина. (Беседа)». Подпись: К-ский.

Корреспондент спрашивает писателя о предстоящей зарубежной поездке. Бунин говорит, что еще окончательно не решил куда поедет: в Индию или Испанию, но планирует посетить Капри и встретиться с А.М.Горьким, «с которым вот уже год как не виделся.

Заговорили о Капри.

– Хорошо там, очень хорошо, – мечтательно произнес Иван Алексеевич... — И народ хороший — такой прямой, гордый, милый. Два часа всего отделяет Капри от Неаполя, а какая разница в людях: неаполитанцы жадны, шумливы, вечно гоняются за туристами — словом полная противоположность каприйцам...»

На вопрос, когда он уедет за границу, Бунин отвечает: «Пробуду еще некоторое время в Одессе, где хочу окончить вторую часть своей “Деревни” <...>. Хотелось бы сделать это поскорее, но...

Иван Алексеевич улыбнулся.

— Разве можно предугадать, как пойдет работа...

— Кстати, Иван Алексеевич, где вы больше всего работаете?

— Преимущественно в деревне, летом. Зиму я обыкновенно провожу частью в Москве, частью в деревне, но наиболее продуктивно работаю именно в деревне, так, приблизительно, с июня по сентябрь... Ранней же весной обыкновенно уезжаю на несколько месяцев за границу и в это время не работаю вовсе.

В заключение мы поинтересовались причинами, влекущими Ивана Алексеевича в Индию.

— Я вообще люблю Восток и восточную религию... Индия же интересует меня как колыбель человечества и религии».

В московской газете «Утро России» (№ 119–86. С. 3) печатается статья В.Батуринского «Деревня. Новая повесть Ив.Бунина». Подпись: В.Б.

В статье анонсируется публикация первой части повести в журнале «Современный мир», дается ее пересказ и, в частности, говорится: «На 65 журнальных страницах И.А.Бунин зарисовывает такую массу жизненных мелочей и выводит целую галерею деревенских типов! <...> Эпизодические фигуры повести дополняют общий, немного мрачный, колорит всего произведения. <...> “Деревня” обещает многое в смысле уяснения новых деревенских порядков и обрисовки новых типов бродячей Руси. Написана “Деревня” с присущей Бунину чеканностью и тщательной отделкой стиля. Персонажи ярки, выпуклы. Все произведение обвеяно легкой грустью и той особенной лирикой “увядания” и “запустения”, чем так выгодно отличаются и все произведения молодого академика. Повесть И.А.Бунина, несомненно, выдающееся произведение текущего сезона».

Март, 3. Бунин сочиняет стихотворение «Цикады» («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»). Авторская дата и надпись: «Сергею Дмитриевичу Орскому 3 марта 1910 г. Ив.Бунин».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2019 оф.

См.: 7 мая 1910.

В *СС* (*Петр*) (т. 2. С. 301) авторская дата: «10.IX.10», под заглавием «Цикады».

В одесской газете «Русская речь» (№ 1263. С. 3) публикуется «Маленький фельетон. Из записной книжки пессимиста». Подпись: Пессимист.

Репортер, в частности, пишет об интервью Бунина, опубликованном в «Одесском листке» 2 марта 1910, высмеивая стиль интервью, называет интервьюера «школьником» из-за ошибок в тексте и отмечает, что он писателя «так изобразил, что Бунин долго помнить будет. И наверное в будущем, прежде чем поверить интервьюшнику свои заветные мечты и думы, станет осведомляться:

— А вы грамотны?».

Февраль, 24...Март, 3. Выходит романс И.Н.Садовского «Ночная песня» на слова Бунина (СПб.: Нева, 1910).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Март, 5. Очевидно, в этот день Бунины переселяются из гостиницы «Бристоль» к П.А.Нилусу (ул. Княжеская, д. 27).

См.: 23 февраля 1910.

В петербургской газете «Биржевые ведомости» (№ 11598. С. 5) помещается статья В.А.Раппопорта (Регинина) «Здесь и там». Подпись: Нин.

В статье говорится о предстоящем заграничном путешествии Бунина и отмечается: «Вообще в последние годы талантливый поэт почерпает вдохновение для своих стихов в путешествиях по “голубым краям”...».

Март, 6. На заседании Общества любителей российской словесности С.Н.Шиль читает доклад «Поэзия И.А.Бунина».

В московской газете «Русские ведомости» (7 марта (№ 54). С. 5) в рубрике «Московские вести» сообщается: «Вчера, 6-го марта, в зале правления университета состоялось под председательством А.А.Кизеветтера заседание Общества любителей российской словесности, на котором С.Н.Шиль прочитала доклад “Поэзия И.А.Бунина”. Автор доклада указал на преемственную связь поэзии Бунина с творчеством Тургенева. Произведения Бунина изображают великую разруху, как дворянской, так и крестьянской жизни, творчество Бунина является отголоском этой жизни. Он пишет эпитафию над этой жизнью. В поэзии Бунина автор находит много общего с поэзией Тютчева. Мотивы чеховского творчества также не чужды Бунину. Творчество Бунина представляет слияние реализма с романтическим выражением его. Он не изменяет простоте и ясности в угоду искусственной законченности стиха, и в этом отношении он стоит особняком от той школы, которая возникла в 1901 г. и нашла выражение своих взглядов в “Весах”. В его поэзии сквозит будничная простота и дает мало простора философским мыслям. То новое направление, которое проповедует в литературе тождество реализма и символизма, не нашло в нем отклика».

Март, 10. Бунин вновь пишет Н.И.Иорданскому, спрашивая о причине молчания по поводу его предыдущего письма:

«Мне этот перерыв <в печатании повести “Деревня”> очень печален — тем более, что, верно, и к майской книжке не успею я дать продолжения, — что, верно, придется отложить дело до сентября».

Письма (2). С. 139.

См.: 27 или 28 февраля 1910.

Из Правления товарищества «Общественная польза» пишут Бунину по поводу издания шестого тома его сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910):

«В последнем письме <неизвестно> Вы говорите о печатании 2-го листа, — а у нас до сих пор не получены исправленные Вами первые чистые листы, а получены только пятый и шестой. На случай, если первые листы затеряны почтой, посылаю Вам новые оттиски для исправления и пересылки нам. До тех пор к печатанию приступить нельзя». Подпись неразборчива.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2911 оф.

В московской газете «Утро России» (№ 126–93. С. 6) под заглавием «Листки. И.А.Бунин на о. Цейлоне» печатается сообщение о предстоящем путешествии Бунина с женой на Цейлон.

Март, 12. В газете «Одесский листок» (№ 58. С. 3) под заглавием «О новой повести И.А.Бунина» (подпись: К-ский) публикуется беседа с писателем по поводу изложения первой части повести «Деревня» в газете «Утро России»:

«Повесть моя, — сказал нам И.А., — изложена в “Утре России” более или менее правильно. Некоторые только детали к освещению ее не верны. <...> Повесть моя представляет собою картины деревенской жизни, но кроме жизни деревни, я хотел нарисовать в ней и картины вообще всей русской жизни. <...> Важно в этой повести, если хотите, не столько персонажи, даже сам Тихон Красов, сколько весь уклад, весь быт русской жизни... <...> В действительности, в “Деревне” ни грусти, ни лирики нет и в помине, как нет ни увядания, ни запустения. Мне кажется, что повесть моя написана очень просто, очень объективно, очень реально и заблуждение автора мне, признаюсь, непонятно». В конце беседы Бунин опровергает слухи о его уходе из товарищества «Знание».

См.: 2 марта 1910, вторая запись.

Март, 13. В газете «Одесские новости» (№ 8064. С. 2) помещается статья П.А.Нилуса «Новая повесть И.А.Бунина», в которой говорится о «Деревне»:

«Уже теперь не трудно угадать, что говоря об этой вещи, будут говорить, главным образом, об *идейности*, когда сила и значение этого нового произведения совсем в другом, в том, что составляет душу всякого искусства: в *изобразительности* <...>. Бунин по-прежнему остается непосредственным, искренним художником, чуждым всякой тенденциозности, с той разницей, что в новом произведении появилась большая уверенность, сила, <...> он, как настоящий художник, верным глазом измерил черты жизни, характеров, лиц, бесценные черты, никогда никем не использованные. Самая простая обыкновенная деревенская история у него обращается в беспощадную повесть нравов: ни одного фальшивого звука, ни одного позаимствования, все свое, самоцветное. В этой вещи у него даже появились новые черты письма: необыкновенная краткость, скупость на слова, редкая точность. <...> вот тут-то происходит чудо на наших глазах, чудо художника, сумевшего из самых глубин житейского моря извлечь правду, долго таившуюся, никем ярко не замеченную, правду души нашего крестьянства — сонного не богатыря, как, кажется, многие склонны думать, а дикаря, из которого неизвестно еще, что выйдет...».

Март, 14. В газете «Одесские новости» (№ 8065. С. 5) помещается интервью Л.М.Василевского (?) «Среди писателей». Подпись: В.

В публикации представлены мнения Бунина и С.С.Юшкевича по поводу литературного скандала, зачинщиком которого был К.И.Чуковский, резко выступивший в печати против добросовестности редакции журнала «Современный мир», в объявлении которого был дан список намеченных к публикации в 1909 г. произведений, но из них появились в печати лишь некоторые (см.: Чуковский К. Лите-

ратурные стружки // Речь. 1910. 7 марта (№ 64). С. 2). В связи с этой ситуацией Бунин говорит:

«Грустная, неприятная история, — говорил И<ван> А<лексеевич> своим тихим размеренным голосом, в котором, однако, явно отражалось внутреннее волнение. — Мы все знаем “Современный мир”, и никто из нас не посмеет заподозрить этот журнал в недобросовестном зазывании публики... <...> Это роковое стечение обстоятельств. Я уверен, что если мы разберемся во всех деталях, то главная вина будет на стороне литераторов, которые дали обещание окрестить свои произведения... и в конце концов не сдержали своего слова. Поймите, гг., трагическое положение издателя, в данном случае Иорданского, человека безусловно честного. Авансы розданы... <...> Но повторяю, кто знает Иорданского, тот ни на минуту не заподозрит его в чем-либо корыстном... Выражение Чуковского о том, что журнал обещал много и этого, “конечно, не исполнил”, заключает в себе явно намеренное желание уязвить или оскорбить, опираясь именно на это роковое стечение обстоятельств.

Разговор течет быстро и непосредственно. <...> И беседа сосредоточивается на больном вопросе о критике или, вернее, о критиках.

— Говорят, что и вы противник критики? — обращается один из местных литераторов к И.А.Бунину.

— Да, к сожалению, она причиняет много зла, в том виде, по крайней мере, в каком мы знаем ее сейчас. Критика — это творчество, а не система мелких, злобных придирок. Белинский был художник, и потому он был так чуток к душе других художников-писателей.

С этим соглашается и С.С.Юшкевич. <...>

— Гениальная критика так же редка, как гениальные писатели. Но разве нельзя представить себе критика среднего таланта, но вполне добросовестного, проникнутого сознанием своего ответственного положения и желанием содействовать исканиям читателя и направлять его?

— Против такого критика никто из нас ничего иметь не будет, — ответил И.А.Бунин. — Пусть работа скромная, но все же она искренняя и полезная. Но ведь, к сожалению, сейчас таких скромных и преданных своему делу критиков вы найдете, может быть, несколько человек. Преобладает критик, которого больше интересуют не *произведения* писателя, не тайна его творчества, а личность его, и притом нередко те стороны, которые говорят нам о слабости человека... Разве же это критика? А между тем, сколько зла причиняет она не только молодым, но и более окрепшим писателям? И плохо тем из них, которые не умеют вовремя уберечь себя от ее разлагающего влияния».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 474.

В ответном письме Н.И.Иорданский пишет Бунину по поводу перерыва в печатании повести «Деревня»:

«Нам не кажется, что перерыв принес бы вред журналу. Наоборот, появление окончания такой сенсационной вещи в сентябре украсило бы нашу осень, которая весьма слабо обставлена».

Письма (2). С. 540.

Март, 10...17. Выходит в свет «Общестуденческий литературный сборник» (М.: Т-во И.Д.Сытина, 1910. 186 с.), под редакцией Бунина, Н.Д.Телешова и Н.В.Давыдова. Издание в пользу Пятигорского студенческого санатория.

Во вступительной заметке, подписанной всеми тремя редакторами, говорится: «Мысль об издании настоящего сборника возникла приблизительно полтора года тому назад в среде студентов Московского университета, <...> инициаторы издания обратились и к нам с предложением просмотреть доставляемые студентами рукописи и отметить те из них, которые, по нашему мнению, более или менее удовлетворяют литературным требованиям». В сборник включены стихи, проза, критика».

Выходит в свет книга «Живые слова. Писатели, общественные деятели и артисты, записавшие свои голоса или музыкальные исполнения в пользу О-ва деятелей периодической печати на пластинках Акц. о-ва Граммофон», под редакцией И.И.Митропольского (Вып. 1. М., 1910), в которой (с. 50–54) помещается краткая биографическая справка о Бунине и тексты записанных в исполнении автора стихотворений «Песня» («Я простая девка на баштане...»), «Иерихон» («Текут, скользят огни зеленых мух...»), «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), «Христос» («По алтарям пустым и белым...»).

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Март, до 18. Бунин сочиняет стихотворение «В первый раз» («Ночью лампа на окне стояла...»).

Датируется предположительно по времени пребывания Бунина в России перед отъездом за границу и по первой публикации.

См.: 18 апреля 1910.

Март, 18. Бунин дает интервью корреспонденту газеты «Одесский листок» А.Х.Рабиновичу.

См.: 19 марта 1910, вторая запись.

На вечере в Гарнизонном собрании Бунин читает отрывки из повести «Деревня».

Газета «Одесский листок» (14 марта (№ 60). С. 1) помещает объявление: «В четверг, 18 марта, состоится вечер с концертным отделением. Частный сбор поступит на усиление фонда стипендии имени К.К.Костанди при Одесском художественном училище имени Великого князя Владимира Александровича. При благосклонном участии И.А.Бунина».

В отчете «Вечер К.К.Костанди» газета «Одесский листок» (19 марта (№ 64). С. 3) извещает: «Прекрасная цель и разнообразная программа вечера для усиления фонда на стипендии имени К.К.Костанди привлекла вчера в Гарнизонное собрание многочисленную публику. В вечере приняли участие беллетристы Ив.А.Бунин и С.Юшкевич».

А.Чапковский посылает Бунину пять экземпляров вышедшего первого «Общестуденческого литературного сборника» (М., 1910) и

в сопроводительном письме просит передать несколько экземпляров его для рецензий в одесской печати, а также пишет:

«Вы обещали мне прочесть и дать товарищеские указания, если пришлю Вам что-либо "свое". На днях пришлю рассказец "Вера". Знаю, что разбраните меня, но Ваша брань дороже молчания».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3191/2 оф.

Февраль, 23 — Март, 18. Бунин встречается с художниками, посещает «четверги» и другие собрания.

Бунины присутствуют в гостях у С.С.Юшкевича, который читает свою новую пьесу «Miserere».

В.Н.Муромцева вспоминает: «В Одессе было жить приятно. Встречались с художниками. Они по-прежнему устраивали три раза в неделю "мальчишники": воскресенье — у Буковецкого, четверг — в ресторане Доди, а по субботам — у кого-нибудь из друзей из Кружка. <...> я <...> ходила на сеансы к Буковецкому, — он писал меня в бархатном пальто и меховой шапочке <...>

Этой ранней весной мы ближе познакомились с Семеном Соломоновичем Юшкевичем. Он был в радостном настроении: Художественный театр принял к постановке его пьесу: "Miserere" — и ему очень хотелось познакомить друзей со своей новинкой. <...>

Обед был назначен в необычное время, в два часа дня. <...>

После обеда началось чтение. <...> Пьеса всем понравилась».

Муромцева-Бунина. С. 476–478.

Март, 19. Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Одессы за границу.

В газете «Одесский листок» (№ 64. С. 4) печатается интервью А.Х.Рабиновича «Каждый день». Подпись: Бедовый.

В интервью Бунин вновь высказывает свое мнение о критике:

«Сегодня почетный академик Ив.А.Бунин уезжает из Одессы за границу.

Вчера я имел случай беседовать с писателем о современной критике и критиках.

По мнению Ив<ана> Ал<ексеевича>, наступит время, когда общество не будет нуждаться в критике литературных произведений.

Оно само будет хорошо разбираться в том, что художественно, правдиво, красиво, идейно.

Из этого не следует, что не будет критиков.

Кому захочется написать свое мнение о том или ином произведении, тот и напишет...

Это будет всегда».

На слова интервьюера, что многим читателям критика нужна, т.к. помогает ориентироваться в книжном мире, Бунин отвечает:

— Против такой критики, <...> ничего нельзя иметь. Она сводит свою роль к информации. Осведомление читателя — это желательно. Но современные критики — я не называю имен — поступают иначе. Они точно помпой стараются выкачивать из произведения идею. Они пристегивают к тому или иному произведению серьезнейшие вопросы, которых писатель и не имел в

виду — богоискательство, богоборчество, ницшеанство, мифотворчество и т.д. А после этой критики писатель начинает делать вид, что он действительно все это имел в виду. И, вместо литературы, получается мудрость. Мы мудры. Мы очень мудры. Затем, благодаря критикам, мы очень гениальны. За последние десять лет критика создала столько "гениев", сколько не могли дать до того два-три столетия. А в действительности есть несколько талантливых людей, но до гениальности – далеко. <...> Опять-таки, не называя имен, <...> приходится отметить, что критиков не всегда выдвигает талант. Иногда это простая случайность. Волею судеб или благодаря нахальству критик шумит, кричит... Растет слава какого-нибудь писателя — и критик-выскочка старается отметить заслуги его и сказать это громче всех, чтобы самому выдвинуться. Потом — слава этого писателя падает, и тот же критик, что раньше бешено его хвалил, с таким же бешенством старается всех перекричать:

— У-лю-лю!.. Ату его!.. <...>

— Вопрос о критиках — больной вопрос. И видно — так было всегда. Еще Гете сказал, что он любит всех животных, кроме критиков и рецензентов... Должно быть, и тогда они давали себя чувствовать!»

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 480.

Март, 20. В одесской газете «Русская речь» (№ 1278. С. 3) публикуется «Маленький фельетон». Подпись: Пессимист.

В заметке разбирается интервью Бунина о критике в «Одесском листке», в грубом стиле кратко пересказывается его содержание, а в заключение журналист вопрошает: «А не рассуждает ли г. Бунин по данным собственного опыта?»

См.: 19 марта 1910, вторая запись.

Март, середина. Выходит № 3 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 3–65) печатается первая часть повести «Деревня».

Март, 21 (Апрель, 3). Бунины прибывают в Вену.

В письме Н.А.Пушешникову Бунин сообщает:

«Милый Хлюп, мы в Вене. Просим тебя написать нам в Ниццу <...>. В мае надеемся вернуться в Россию — хотим в Глотово на все лето. *Устрой нам это.* <...> Тут есть отличный памятник Гете».

Письма (*2*). С. 140.

В газете «Одесские новости» (№ 8071. С. 3) публикуется стихотворение «Гальциона» («Когда в волне мелькнул он мертвым ликом...»).

Под текстом примечание редакции: «Легенда Черноморских побережий, некогда рассказанная Овидием, легенда о Цеике, погибшем в волнах, и об его супруге, превращенной волею богов в чайку».

В газете «Одесский листок» (№ 66. С. 3) печатается статья И.Александровского «Записки. О критиках», в которой говорится об интервью Бунина.

Критик, пытаясь возразить Бунину, пишет: «Времена изменились, и если "влиятельные" критики пока еще не исчезли, то они на пути к исчезновению.

Некоторые из таких критиков пытаются проникнуть в провинцию. <...> Не заживутся они и в провинции».

См.: 19 марта 1910, вторая запись.

Март, 24. В газете «Одесский листок» (№ 68. С. 3) печатается статья И.Александровского «Записки. “Деревня” И.А.Бунина».

Критик отмечает: «Не об увядании говорит на этот раз г. Бунин, а совсем о другом: о новых веяниях, проникающих в деревню, о новых людях, появляющихся в деревне – об обновлении деревни. <...> фигуру главного героя повести г. Бунин рисует любовно и художественно-правдиво, рисует ее ярко и во весь рост. Но не в этом главный интерес повести и главная ее ценность. Она в тех подробностях, которые как бы являются материалом для обрисовки фигуры главного героя, а на самом деле оказываются отдельными частицами огромной картины, мало-помалу развертывающей перед читателем панораму обновляющейся жизни современной русской деревни во всю ширь, во всех ее изгибах, доступных взору наблюдательного художника. Ценность этой картины увеличивается тем, что пока в ней нет и намеков на какую-либо преднамеренность или на узкопартийное самоуслаждение».

В иллюстрированном приложении к газете «Одесские новости» (№ 8073. С. 2) помещается дружеский шарж работы Минского с подписью «“Костандиевский” вечер в Гарнизонном собрании. И.А.Бунин».

Март, 22 (Апрель, 4) – Март, 28 (Апрель, 10). Бунины из Вены отправляются через Зальцбург в Венецию, Милан, Геную.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Из Вены из-за погоды мы быстро уехали, направляя свой путь на Зальцбург, в Венецию, но опять погода там была дождливая, и мы, пробыв там два дня, покатили через Милан в Геную.

<...> В Генуе провели дня три <...>. Решили ехать в Ниццу».

Муромцева-Бунина. С. 479.

Март, 29 (Апрель, 11). Вечером Бунин и В.Н.Муромцева приезжают в Ниццу, останавливаются в отеле «Континенталь».

Муромцева-Бунина. С. 479.

Бунин вновь пишет Н.А.Пушешникову, посылая ему открытку с просьбой написать письмо.

Письма (*2*). С. 140.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы:

«С удовольствием тебе сообщаю, что один неведомый тебе читатель, ознакомившись с твоей повестью “Деревня”, где напечатаны непечатные выражения, воскликнул: “Господин Бунин — известный ма́то-граф”!

Поздравлю тебя с графским достоинством и крепко целую! <...>

Опубликованная часть – вещь значительная, хорошая, и я искренно рад за тебя».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 596.

Март, 30 (Апрель, 12). Бунины переезжают из «Континенталя» в отель «Сюис» на берегу моря.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Отель <“Континенталь”> стоял в боковой уличке, и мы решили перебраться куда-нибудь в более красивое место. Наутро вышли

на набережную. День был солнечный, но все же было прохладно. Поразила своим цветом вода, такой я еще не видала. Ян сказал, что когда он в первый раз приехал в Ниццу, цвет воды поразил и его.

Мы пошли по набережной в западном направлении и дошли до конца ее. Она замыкается высоким лесистым холмом, у подножия его стоит отель "Сюис".

— Вот где приятно будет пожить, — воскликнул Ян, и мы поднялись по небольшой лесенке в отель.

В бюро спросили о цене, пансионе. Нам начали показывать комнату за комнатой. Ян поднимался все выше и выше. И в самом верхнем этаже мы сняли приятную комнату с пансионом. Вид на море и город был чудесный. <...>

Когда мы перебрались туда, Ян сказал, что ему здесь так нравится, что он думает здесь пожить и даже писать».

Муромцева-Бунина. С. 479–480.

В петербургской газете «Новая Русь» (№ 87. С. 5) публикуется статья «И.А.Бунин о критиках» (без подписи), в которой пересказывается интервью писателя из «Одесских новостей».

См.: 14 марта 1910, первая запись.

Март, 31 (Апрель, 13). Бунин с В.Н.Муромцевой посещают могилу А.И.Герцена.

В.Н.Муромцева вспоминает: «На следующий день мы отправились на могилу Герцена. Она находилась как раз над нашим отелем <...>. Я очень увлекалась в те годы Герценом, как и всеми его современниками. Ян тоже ценил его, а потому это походило на паломничество, и мы долго молча стояли над могилой».

Муромцева-Бунина. С. 480.

В петербургской газете «Биржевые ведомости» (№ 11640. С. 4) напечатана статья «В литературном мире. "Деревня" И.А.Бунина». Без подписи.

Критик пишет: «Похвалы авансом всегда портят дело, — и на этот раз читателя ждет известное разочарование. Бунин действительно знает деревню, долго наблюдал ее, многое занес в записную книжку. В его повести, в особенности в первых главах, есть та "густота" письма, которая отличает писателя, хорошо знающего область, которую он живописует. Много метких словечек, мужицких острот, подмечаний деревенской жизни. Но в целом повесть сбивается на обыкновенную повесть из деревенского быта последней фазы, какие появляются вовсе без всяких "предуведомлений", и по прочтении, сразу забываются. Немножко от чеховских "Мужиков", немножко от тенденциозной беллетристики 80-х годов. Во главе героев — разжившийся богатей Тихон Красов <...> своей психологией неудовлетворенности чуть-чуть ударяющего в горьковского Фому Гордеева. Выводы Бунина о деревне безотрадны. Тут всяческая тьма, серость, грубость, снохачество, животная страсть, скверные слова, хулиганство. С несколько намеренною грубостью, "под Толстого", Бунин часто пользует словечки, которых никогда не позволял себе мужичок даже таких реалистов как оба Успенские или Якушкин. В повести почти нет движения, и потому она читается вяло и без захвата. Бунин первых своих рассказов, Бунин "Тарантеллы" — ярче и интереснее, чем автор "Деревни". И то

сказать — это по преимуществу талант миниатюры, одинаково прозаической и стихотворной».

См.: 2 марта 1910, вторая запись; 13 марта 1910.

Март, 29 (Апрель, 11)...Март, 31 (Апрель, 13). В Ницце Бунин встречается с П.Д.Боборыкиным.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Ницце и упоминанию этой встречи в интервью. См.: 22 мая 1910.

Апрель, 2 (15). Бунины прибывают в Марсель.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Марсель поразил криком, сутолокой, движеньем. Пробыли мы там сутки, узнали, что на другой день уходит в Оран пароход, успели подняться на фуникулере к Санта Мадонне, полакомиться буабесом».

Муромцева-Бунина. С. 480.

Апрель, 3 (16). Из Марселя Бунин посылает открытку А.М. и А.Е.Грузинским с сообщением:

«Нынче плывем в Оран, оттуда в Кадикс и т.д.».

Письма (*2*). С. 140.

В письме П.А.Нилусу Бунин пишет:

«Дорогой Петр, нынче в 5 ч. вечера уплываем в Оран <...>. В Марселе чудесно!»

Письма (*2*). С. 141.

В 17 ч. Бунин и В.Н.Муромцева отплывают на корабле из Марселя в Оран.

Апрель, до 4. Выходит «Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909» (СПб., 1910), в котором (с. 621) публикуется приветственная телеграмма Бунина по случаю 50-летия Литературного фонда.

Граница события определена по рецензии. См. газету «Русское слово» (4 апр. (№ 77). С. 5). См.: 8 ноября 1909, первая запись. (*Летопись* (*1*). С. 840).

Апрель, 5 (18). Бунины прибывают в Оран.

Апрель, 6 (19). Бунин отправляет из Орана открытки:

— Е.И.Буковецкому:

«...занесли нас черти в Оран, где, впрочем, очень тепло и сухо»;

— Н.И.Иорданскому:

«Поклон!»

— В.В. и Н.А.Котляревским:

«Поклон!»;

— Н.А.Пушешникову две:

«Оран южный теплее, чем Глотово, Воргол». «Поклон из Африки!»;

Письма (*2*). С. 141–142.

А.Н.Бибиков в письме Бунину из Москвы сообщает о своем готовящемся театральном дебюте, возможной публикации своего рассказа, а также пишет:

«Живу во всех смыслах в ожидании, <...> но утешаюсь: хожу в приемные часы к Юл<ию> Алек<сеевичу Бунину>, недавно отшагали с ним пешком до Воробьевых гор и обратно. Спасибо тебе и Вере Николаевне за память,

открытку получили, ответим открыткой же. Николай Алекс. <Пушешников> все собирается тебе писать, жизнь ведет безупречную».

ОГЛМТ, ф. 14, № 936 оф.

Апрель, 7. В Москве проходит заключительное заседание жюри литературного конкурса имени Н.В.Гоголя, организованного Обществом деятелей периодической печати и литераторов для соискания премий за литературные произведения лицами, еще не составившими имени в литературе. В состав жюри, в частности, входят И.Бунин и Ю.А.Бунин.

В московской газете «Русские ведомости» (15 апр. (№ 86). С. 4) помещается информационная заметка «Конкурс имени Гоголя», в которой сообщается, что премии удостоены рассказы А.Бельского, Г.А.Вяткина, В.Ирецкого, Н.Киселева, Е.Шведера.

Апрель, 6 (19) — 7 (20). В окрестностях Орана Бунин осматривает несколько близлежащих поселений.

См.: 22 мая 1910.

Апрель, 8 (21). Бунин и В.Н.Муромцева прибывают в Блиду, откуда посылают Е.А.Телешовой открытку:

«Кланяемся Вам, <...> из этой самой Африки, где так хорошо, что остался бы навек!»

Письма (*2*). С. 142.

Апрель, 1...8. Выходит книга коллектива авторов: В.Базаров, П.Орловский, В.Шулятиков «Из истории новейшей русской литературы» (М.: Звено, 1910), в которой (с. 199–294) помещается статья В.Шулятикова «Этапы новейшей лирики». В этой статье, в частности, рассматривается творчество Бунина (с. 282–293).

Критик пишет: «Бунин связан самыми тесными, интимными узами с “новым” направлением поэзии, о котором у нас все время шла речь. Его лирика — одно из звеньев цепи поэтической “эволюции”, начавшей развертываться со временем Надсона. Именно со школой рассмотренных нами лириков, как представителя означенной школы, следует характеризовать Бунина. Разница между ним и более ранними проповедниками “новых” мотивов заключается лишь в оттенках, с которыми эти мотивы выражены.

Перед нами, прежде всего, — поэт, воспевающий великую ценность “страдания”. Но его “страдание” пережило ряд этапов, сильно обесцветилось и “посерело”. Оно находится в ближайшем родстве с той формой “культа страданий”, какую мы встретили у Минского. Но по пути, предуказанном автором “Белых ночей”, И.Бунин сделал еще несколько дальнейших шагов. И первоначальная яркость и острота “страдальческих” переживаний превратилась у него в ощущения настолько некрасочные, тихие, спокойные, что читатель легко мог не остановиться с должным вниманием на основных напевах бунинского творчества, просмотреть их, умалить роль бунинской “печали”.

<...> в своем одиночестве он находит сладость. <...> Необходимо здесь подчеркнуть, что одиночество для Бунина именно синоним страданий. Все описываемые им печали и грусти сводятся к томлениям одиночества, к тихим драмам “немой ке-

льи". "Одинокое страданье" — вот как более точно называет он свое "одиночество" ("Вирь"). Отрада одиночества, "радость одиноких дней" звучат, следовательно, у него, как отрада или радость страданий.

<...> Привлекательную силу имеет для него счастье, окруженное *ореолом несбыточности*, счастье недостигнутое, неосуществленные *грезы* о нем. <...> Ему *радостно*, когда он тоскует о "невозвратно-далеком". <...>

Первоучители ревизионистского направления знали "великое", "нечеловечески-великое", "прометеево страдание". Их потомок творит себе нового кумира. "Воспоминание" у Бунина, действительно, возводится на степень какого-то божества. Загляните в поэму "Листопад": там вы познакомитесь с Воспоминанием, имя которого нельзя писать иначе, как с большой буквы! Из всего существующего и возможного на земле воспоминание оказывается наделенным наибольшей продолжительностью и устойчивостью. Мало того, реальные явления приобретают <...> свою максимальную реальность в глазах поэта именно благодаря животворящей силе его божества». Процитировав стихотворение «Спокойный взор, подобный взору лани...», критик отмечает: «Процесс абстрагирования, процесс последовательного уничтожения реальности завершается — в перспективе, нарисованной поэтом, — актом отрицания противоположностей: ни счастья, ни страданья!

Как и подобает позднему представителю учения о "великом страдании", Бунин имеет дело с противоположностями, вполне "уравненными", приобретшими совершенно одинаковую ценность. <...> И представление о них, как о таковых, ведет к представлению о наиболее тесном сочетании их, при котором грани между ними окончательно стираются, при котором они достигают полнейшего слияния и их сосуществование превращается в существование безразличного нечто, "всепрощающей дали" или, по нирванистической терминологии, — "ничто".

<...> Укажем, что проявляемые иногда нашим поэтом "буддийские" тенденции или, точнее, некоторая склонность к ним, носят на себе несомненную печать "страдальческого" происхождения. Погружение в нирвану, "отказ" от радостей и страданий — для него не что иное, как подвиг страдания. <...> Страдание не переходит в абсолютный покой, абсолютное небытие: оно лишь сливается с великим запредельным нечто и таким образом канонизируется.

При этом необходимо отметить интересную подробность.

Переход от "низменного" к "возвышенному", от неканонизированного к канонизированному страданию у Бунина менее резок, чем у поэтов старшего поколения. Пусть поэт иногда употребляет героические выражения, пусть говорит он иногда о "муках беспредельных" — это опять-таки пафос, взятый напрокат, опять-таки заимствованный из архивов прошлого. Героического во всей поэзии Бунина нет ничего. Его "запредельная печаль" есть лишь несколько более абстрагированная "будничная" печаль <...>.

До более красочного представления о "нирване" поэт и не мог подняться... ибо объект, от которого отправлялся он по пути абстрагирования, не давал для того подходящего материала».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Апрель, 9 (22). Бунины приезжают в Алжир.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Город поразил красотой, мы знали его по Лоти, которого очень ценили и любили. Ян всегда повторял:

— Как он умеет передать душу страны! Редкий писатель!

Здесь мы пробыли несколько дней, ездили в просторном экипаже в Казба, осматривали туземные кварталы, гуляли по набережной, где море печальное, так как смотрит на север».

Муромцева-Бунина. С. 480.

Апрель, 11 или 12 (24 или 25). Бунины прибывают в Бискру.

Апрель, 13 (26). Бунин посылает открытку Н.А.Пушешникову: «Поклон из Сахары!»

Письма (*2*). С. 142.

Бунины совершают небольшие поездки в пустыню Сахара.

См.: 22 мая 1910.

В.Н.Муромцева пишет брату Д.Н.Муромцеву:

«Мы — в пустыне, дорогой Митя. Сегодня ездили к песчаным дюнам».

Жизнеописание. С. 141.

Апрель, 8...13. Выходит романс М.Остроглазова «Чашу с темным вином...» на слова Бунина (М.: П.Юргенсон, 1910).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Апрель, 15 (28) — 16 (29). Бунины посещают деревню Нумидия и город Константину, далее отправляются в Тунис.

Дневники. Т. 1. С. 91.

См.: 22 мая 1910.

Апрель, ночь с 17 (30) на 18 (Май, 1). Из Туниса Бунины отплывают на корабле в сицилийский город Марсалу.

В.Н.Муромцева записывает в дневник: «Апрель 17, Пасха 18, в ночь на пароходе в Марсалу. Буря двое суток. Пришлось повернуть курс на Эмпидокл».

Дневники. Т. 1. С. 91.

Апрель, 18. В газете «Одесские новости» (№ 8094. С. 2) публикуется стихотворение «В первый раз» («Ночью лампа на окне стояла...»).

Апрель, 20 (Май, 3). Бунины вместо Марсалы из-за шторма прибывают в Порто-Эмпедокле (Сицилия), откуда поездом едут в город Термини-Имересе, где проводят ночь.

Дневники. Т. 1. С. 91.

Апрель, середина. Выходит № 4 петербургского журнала «Современный мир», в котором помещается редакционное сообщение:

«По желанию автора печатание повести И.А.Бунина “Деревня” переносится на осень».

Апрель, 21 (Май, 4). Из Термини-Имересе Бунины приезжают в Мессину, откуда по железной дороге прибывают в Неаполь.

Дневники. Т. 1. С. 91.

П.А.Нилус посылает Бунину газеты, в одной из которых есть отзыв А.И.Куприна на книгу Нилуса, и просит его в письме из Одессы:

«Будешь у Горького, спроси: не нужен ли роман для его сборника? Вероятно, займусь и пьесой и романом летом».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 116–117.

Апрель, 22 (Май, 5). Бунины приезжают на Капри; останавливаются в отеле «Pagano»; в это время А.М.Горький на Капри отсутствовал.

Дата установлена по дневнику К.П.Пятницкого – ИМЛИ АГ, ФКП Д-Пят, 5-1-17, л. 37 об.

Май, 1 (14). На Капри возвращается А.М.Горький с З.А.Пешковым; Бунины встречаются с А.М.Горьким.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Мая 1 — Приезд Горького и Зины <З.А.Пешкова>. 3 дня при нем. Разговоры о “Знании”».

Дневники. Т. 1. С. 91.

Май, 2 (15). Бунины с Е.И. и В.В.Вашковыми и К.П.Пятницким гуляют в Анакапри.

См. дневник К.П.Пятницкого – ИМЛИ АГ, ФКП Д-Пят, 5-1-17, л. 37об.

Май, 4 (17). Бунины завтракают у А.М.Горького вместе с Вашковыми и Каменскими.

См. дневник К.П.Пятницкого – ИМЛИ АГ, ФКП Д-Пят, 5-1-17, л. 40.

Вечером Бунин с А.М.Горьким гуляют по дороге на Анакапри. А.М.Горький рассказывает Бунину эпизод из своей жизни «о рождении человека», Бунин уговаривает его написать рассказ об этом.

В 1912 г. А.М.Горький пишет рассказ «Рождение человека». См.: 6 июля 1912, вторая запись.

Летопись Горького. Т. 2. С. 129.

Май, 5 (18). Бунин беседует с К.П.Пятницким о Б.К.Зайцеве, А.С.Серафимовиче; вместе с Горькими гуляют, затем обедают; беседа Бунина с А.М.Горьким о Ф.И.Шаляпине, об исполнении им роли Дон Кихота.

См. дневник К.П.Пятницкого – ИМЛИ АГ, ФКП Д-Пят, 5-1-17, л. 41 об.

Май, 1...5 (14...18). Бунин фотографируется с А.М.Горьким, З.А.Пешковым, В.Н.Муромцевой, М.Ф.Андреевой и О.А.Каменской.

На любительской фотографии автограф Бунина: «Капри, весна 1910 г. На балконе виллы Горького. Ив.Бунин, М.Горький, его приемный сын (Зиновий), В.Муромцева (моя жена), М.Ф.Андреева и О.А.Каменская».

ОГЛМТ, ф. 14, № 8798/3 оф.

Границы события определены по времени пребывания запечатленных лиц на Капри.

Май, 6 (19). Бунины с А.М.Горьким, М.Ф.Андреевой и З.А.Пешковым прибывают в Неаполь.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «6 <мая>. Все в Неаполе. Обеды, завтраки в Неаполе три дня».

Дневники. Т. 1. С. 92.

Май, 7. Выходит в свет книга 30-я «Сборника товарищества “Знание”» (СПб., 1910), в которой (с. 1–6) печатаются стихотворения «Собака» («Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей...»), «Полдень» («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»), «Могила в скале» («То было в полдень, в Нубии, на Ниле...»), «Цикады» («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»).

Дата установлена по: ИМЛИ АГ, «Зн»-док, 7-2, л. 11.

Май, 9 (22). Бунины отплывают из Неаполя на корабле «Сенегал», на котором через Афины, Смирну и Константинополь отправляются в Россию; в Неаполе их провожают М.Ф.Андреева, А.М.Горький и З.А.Пешков.

Дневники. Т. 1. С. 92.

В письме А.М.Горький сообщает Е.П.Пешковой 15 (28) мая: «Бунин уехал 21-го».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 74.

Май, 10 (23). На пароходе «Сенегал» Бунин пишет Н.И.Иорданскому, сообщая, что возвращается в Россию и спрашивает:

«...что говорят о “Деревне”».

Письма (2). С. 142.

В письме Ф.Ф.Фидлеру Бунин рассказывает:

«...после долгих странствований и приключений (напр., совсем было погиб у берегов Сицилии на пути из Африки, — вместо 12 часов были в море при свирепой буре целых двое суток), после отдыха на Капри и пьянства в Неаполе, упиваюсь плаванием по греческим водам, которые, — дай Бог не сглазить, — так очаровательны, что хочется оставить о нем какую-нибудь память, а так как только у Вас сохраняются наши бренные строки, то пишу Вам, дружески кланяюсь и снова прошу простить за то, что еще до сих пор не ответил на Ваши вопросы. Сделаю это, возвратясь в Россию, — правда, кратко, ибо я человек скрытный...».

Письма (2). С. 143.

См.: 12 октября 1910.

Май, 4...11. В серии «Чеховская библиотека» выходит сборник «О Чехове. Воспоминания и статьи» (М., 1910), в котором (с. 11–24) помещается мемуарный очерк Бунина «А.П.Чехов».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Май, 12 (25). На пароходе «Сенегал» Бунин в письме А.М.Горькому сообщает:

«В Афинах на берег не сходили — пришли очень поздно, в Смирне стояли два часа ранним утром. <...> Сейчас 10 ч. вечера, тьма, шум Мраморн<ого> моря. — Кланяюсь Вам, дорогие друзья, низко, низко!»

Письма (2). С. 143.

Май, 15. Бунины прибывают в Одессу.

Май, 16. В газете «Одесские новости» (№ 8117. С. 3) помещается интервью «У И.А.Бунина». Подпись: А.Ар. <А.А.Аренберг>.

«Вернувшийся из большого путешествия, поэт И.А.Бунин остановился проездом на один день в Одессе и поделился с нами кое-какими сведениями о своем путешествии.

— Путешествие наше <...> началось, собственно, с Ниццы, откуда поехали в Марсель и затем пароходом в Северную Африку. В Сахаре мы остановились в оазисе Бискра, в котором пробыли 7 дней. <...>

Оттуда мы поехали в арабский город Константин, расположенный на горах и скалах северного побережья Африки. Это удивительно интересный и живописный город. В нем имеется громадная колония евреев, наружно совершенно ассимилировавшихся с тамошним мусульманским населением. Эти евреи издавна славятся своей красотой, и я лично убедился, что они действительно необыкновенно красивы. <...>

Проехав Тунис, мы оттуда на довольно старом и небольшом итальянском пароходе направились в Сицилию — в город Маццаро, расположенный в северо-западном углу Сицилии. Здесь мне пришлось пережить нечто ужасное, что едва ли когда-либо изгладится из моей памяти. Вместо обычных двенадцати часов езды из Туниса в Сицилию мы оставались в открытом море двое суток. Мы пережили жесточайший шторм...

Из Сицилии мы поехали в Неаполь, а оттуда на остров Капри к Алексею Максимовичу Горькому, у которого гостили две недели. <...> В частности, укажу, что Алексей Максимович очень зорко и внимательно следит за общественной, политической и литературной жизнью России: получает массу книг, газет и журналов. <...> Взгляд его на нынешнее общее положение в стране, как и на состояние современной русской литературы, крайне печальный. <...> В общем, из встречи с Алексеем Максимовичем я вынес весьма отрадное впечатление.

Из Капри мы, сопровождаемые Алексеем Максимовичем и его супругой Марией Федоровной, поехали в Неаполь, где пробыли вместе два дня. Там мы расстались. Путешествие я закончил через Афины, Смирну и Константинополь, откуда прибыл непосредственно в Одессу.

<...> ведение дневника я считаю излишним, ибо все то, что неспособно запечатлеться в памяти, не оставляет, по-видимому, глубокого следа. А раз этого следа нет, то естественно, что воспроизводить эти мимолетные, скоропреходящие впечатления не следует. Впрочем, кое-какие заметки я делал, но не могу все же сказать, что настоящее путешествие выльется в какой-либо труд. Ибо сейчас я всецело занят мыслью об окончании повести "Деревня", начало которой напечатано в "Современном мире". Отсюда я еду на два дня в Москву, а оттуда в Орловскую губернию — в деревню. Там я займусь энергично окончанием "Деревни". Это моя первая задача, а там посмотрим».

Май, 15 или 16. В Одессе Бунин встречается с А.И.Куприным.

См.: 22 мая 1910; 10 июня 1910; 15 июня 1910.

Май, 17. Из Одессы Бунины уезжают в Москву.

См.: 16 мая 1910.

Май, 18. В одесской газете «Русская речь» (№ 1326. С. 3–4) публикуется статья «Маленький фельетон». Подпись: Пессимист.

Журналист в грубом и развязном тоне разбирает интервью Бунина, опубликованное в «Одесских новостях».

См.: 16 мая 1910.

Май, 11...18. Выходит книга Ю.И.Айхенвальда «Силуэты русских писателей» (М.: Издание «Научного слова», 1910. Вып. III), в которой (с. 113–125) помещается статья «Иван Бунин. (Его стихотворения)».

Данная статья была напечатана ранее. См.: 1 января 1910, третья запись.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Май, 19 или 20. Бунины прибывают в Москву.

Май, 20. С.П.Боголюбов сообщает в письме Бунину, что ему почтою послан гонорар за его произведения, напечатанные в 27, 29 и 30 книгах «Сборника товарищества “Знание”» в сумме 343 р. 66 к., а также высланы три экз. 30-го сборника.

Письма (*2*). С. 539.

Май, 21 (Июнь, 3). З.А.Пешков посылает с Капри Буниным иллюстрированную открытку с «сердечным приветом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3111/1 оф.

Май, 22. В московской газете «Утро России» (№ 153. С. 4) публикуется интервью «У И.А.Бунина. О поездке писателя-академика в Центр<альную> Африку и об его встречах». Подпись: И.М-ч <И.Мавич>.

Бунин рассказывает, что в Ницце встречался с П.Д.Боборыкиным и далее о маршруте своего путешествия:

«Из Ниццы отправились в Марсель, а из Марселя, морем, на северный берег Африки, в Оран.

Из Орана у меня было предположение отправиться в Коломбо, в Индию, и затем в Японию. Уж на пароходе была приготовлена каюта. На море разыгралась буря, и мы на двое суток застряли в Оране. <...> Пользуясь остановкой в Оране, я объездил и осмотрел несколько ближайших поселений со смешанным арабско-негритянским населением.

Из Орана мы отправились в арабский городок, находящийся в горах Малого Атласа — Блиду, переполненный французскими войсками.

А затем в Алжир и из Алжира к началу Сахары, в оазис Бискру. Это небольшое селенье, тоже со смешанным арабско-негритянским населением. Из Бискры я делал маленькие поездки в пустыню. <...>

Из Бискры мы отправились на север, в деревню Нумидию, в арабский город Константину, а затем в Тунис.

Осматривал места, где был древний Карфаген. Там теперь производятся раскопки. Находят древние статуи, монеты.

Замечательные места. Одни названия станций как-то невольно волнуют: “Карфаген!” “Саламбо!”

Из Туниса на маленьком старом пароходике поехали в Сицилию <...>.

Затем попали в Мессину. Тяжелое впечатление оставляет Мессина». В это время город продолжали восстанавливать после землетрясения. Далее Бунин сообщает, что гостил у А.М.Горького на Капри, возвращался через Неаполь, Афины, Смирну, Константинополь в Одессу, где встречался с А.И.Куприным; из Одессы собирается в деревню. «Работы много. Буду кон-

чать вторую часть “Деревни” <...>. Кроме того, хочу написать еще несколько небольших рассказов — тоже о деревне».

Май, 21 или 22. Бунин отправляется в Ефремов, где навещает больную мать и живет там неделю.

См.: 31 мая 1910; 29 мая — 3 июня 1910.

Май, 24 (Июнь 6). А.М.Горький пишет А.В.Амфитеатрову с Капри:

«Был Бунин. Чудесное лицо! Как Вам начало “Деревни” — по душе? Мне — нравится. Что-то серьезное и — мужественное».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 79.

Май, 27...30. Бунин пишет В.Н.Муромцевой три письма, рассказывая о болезни матери, о М.А.Ласкаржевской и ее семье.

Письма неизвестны. См.: 31 мая 1910.

Май, 31. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Только что вернувшись от Телешовых, я прочла все три письма. Если успею, выйду завтра, <...> нужно будет исполнить все твои поручения и окончательно уложиться. Больше вероятий, что уеду отсюда во вторник <1 июня>. <...> Мне очень жаль, что я теперь *не с тобой*. Как я чувствую тебя, у меня была особенная тоска 28 и 29, да другие дни вот-вот и охватывает. <...> Я надеюсь, что Бог даст, Людмила Александровна поправится. Ты погоди отчаиваться. Не знаю, просто, что написать тебе, мой дорогой, золотой, ненаглядный, прелестный Кустик. <...> некому успокоить, хоть немного облегчить твои страдания. Много дала бы, чтобы быть с тобой. Нежно целую тебя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/137 оф.

Май. Выходит № 5 московского журнала «Русская мысль», в котором печатается статья Л.Я.Гуревич «Заметки о современной литературе. Без мерил».

Автор, в частности, пишет о первой части повести «Деревня», отмечая «зрелый и законченный» талант Бунина: «Некоторые страницы его повести — особенно некоторые описания — по своей свежей и выразительной красоте, волнующей воображение, по своему чудесному, простому, сдержанно-красочному языку, напоминающему порою язык Чехова, могут быть названы “классическими”, — образцовыми. <...> В общем настроении повести, в той атмосфере вечно озабоченной, невзрачной, грубой и неряшливой деревенской жизни, которая так превосходно передана здесь, <...> во всем этом много чеховского, хотя без его мягкого юмора и звенящих мечтательных нот. И тем не менее, здесь есть шаг назад по сравнению со всеми лучшими вещами Чехова: слишком много этой самой эмпирики, не высветленной духовною работою художника жизненной плоти, если можно так выразиться. Отдельные эпизоды, то отчетливо выписанные — что всегда характерно для Бунина — то какие-то незавершенные, сменяют друг друга, не давая нарастания внутренних мотивов, не сгущая настроения. Многие страницы сейчас же по прочтении выпадают из памяти, потому что в них нет никакой художественной необходимости. В превосходных описаниях природы у Бунина много движения, но повествование его движется медленно, несколько вяло» (с. 168–169).

Май, 22...28. Бунин дарит В.П.Смарагдову отдельный оттиск первой части повести «Деревня» (Современный мир. 1910. № 3) с надписью:

«Многоуважаемому Владимиру Павловичу Смарагдову Ив.Бунин».

Отдел редких книг Тульской областной библиотеки.

Смарагдов В.П. — податной инспектор Тульской казенной палаты Министерства финансов по Ефремовскому уезду Тульской губернии.

Границы события определены по времени проживания Бунина в Ефремове.

Июнь, 3 (16). З.А.Пешков посылает Буниным с Капри иллюстрированную открытку с «сердечным приветом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 928 оф.

Май, 29 — Июнь, 3. Бунин уезжает из Ефремова, безуспешно пытается снять дачу на лето под Ефремовым, Липецком. Затем едет в Глотово, где его ждет В.Н.Муромцева.

См.: 31 мая 1910; 10 июня 1910.

Июнь, 4. А.М.Федоров пишет Бунину из Одессы:

«Получил несколько твоих строк вчера <...>.

Читаю твою повесть <“Деревня”> и упиваюсь.

Куприн упивается тоже, да так, что на него страшно смотреть».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 97.

Июнь, 1...8. Выходит в свет шестой том сочинений Бунина «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб.: Общественная польза, 1910. 192 с.). Тираж 3000 экз. Цена 1 руб.

Содержание: **I. Стихотворения 1907–1909 гг.:** Цикады («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»), Бог («Дул с моря чистый ветер, месяц рогом...»), В Архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...»), Горный лес («Тих горный лес. В долину тень сползла...»), Собака («Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей...»), Могила в скале («То было в полдень, в Нубии, на Ниле...»), Люцифер («В святой Софии голуби летали...»), В детстве («Я помню сумрак каменных аркад...»), Солнечные часы («Те часики с эмалью, что впотьмах...»), Остров («Ноябрь, сырая полночь. Городок...»), До солнца («Как стая птиц, в пустыне одиноко...»), Полдень («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»), Бог полдня («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...»), Последние слезы («Изнемогла, в качалке задремала...»), Гальциона («Когда в волне мелькнул он мертвым ликом...»), Рыбачка («– Кто там стучит? Не встану. Не открою...»), Морской ветер («Волны и ветра свежее дыханье...»), Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Караван («Звон за оградой, нежный, полусонный...»), Иерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»), Бедуин («За Мертвым морем — пепельные грани...»), Пилигрим («Стал на ковер, у якорных цепей...»), Гробница Рахили («И умерла, и схоронил Иаков...»), Источник звезды. Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...»), След («...Ушли с рассветом. Опустели...»), За Дамаском («Щебечут пестрокрылые чекканки...»), Спор («– Счастливы мы, Фессалийцы! Черное, с розовой пеной...»), Смерть («В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...»), Мертвая зыбь («Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката...»), В Мессинском проливе («На темном рейде струнный лад...»), Колибри («Трава пестрит — как разглядеть змею...»), Вино («— На Яйле зазелене-

ли буки...»), Старинные стихи («– Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), Вальс («Похолодели лепестки...»), Дача («Открыты жнивья. В белой мастерской...»), Прощание («Поблекший дол под старыми платанами...»), Матери («Я помню спальню и лампадку...»), Няня («В старой темной девичьей...»), Пустошь («Мир вам, в земле почившие! — За садом...»), Вдовец («Железный крюк скрипит над колыбелью...»), Христя («Христя угощает кукол на сговоре...»), На току («Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»), Без имени («Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...»), В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»), Будни («Бегут, бегут листы раскрытой книги...»), Сиротка («Шла сиротка пыльною дорогой...»), В роще («Там иволга, как флейта, распевала...»), Туман («Сумрачно, скучно светает заря...»), Кружево («Весь день метель. За дверью, у соседа...»), Сторож («И снова вечер, сухо позлативший...»), Берег («За окном весна сияет новая...»), Колдун («В мелколесье пело глухо, строго...»), Сенокос («Среди двора, в батистовой рубашке...»); **II. Рассказы:** Беден бес, Старая песня, Сон Обломова-внука; **III.** Иудея, Пустыня дьявола, Храм Солнца.

Из 53 стихотворений и 6 рассказов, включенных в книгу, 6 стихотворений: До солнца («Как стая птиц, в пустыне, одиноко...»), Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Источник звезды. Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...»), В Мессинском проливе («На темном рейде струнный лад...»), Туман («Сумрачно, скучно светает заря...»), Колдун («В мелколесье пело глухо, строго...») — печатаются здесь впервые.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Июнь, 10. В письме П.А.Нилусу из Глотово Бунин сообщает:

«Дорогой Петр, я опять в Глотово, у сестры Софьи. После Москвы был с неделю в Ефремове и чувствовал себя весьма скверно — матери хуже, у сестры Маши тяжко болен муж, и нет денег <...>. Искал дачу в имениях под Ефремовым, ездил в Липецк – и, не найдя ничего путного, клял себя, что не нанял дачку под Одессой. Кончилось, все-таки, Глотовым. Но опять льют ледяные дожди, опять даже гулять нельзя... а гулять нам необходимо — и мне, и Вере, которой прописано движение, *морское купание*, солнце, — все, что и мне, подагрику, до зарезу нужно. Мелькает и теперь иногда мысль об Одессе, но холера, холера! – боюсь ее до смерти!

<...> получил № “Рус<ской> речи”, – осел писал там обо мне! И особенно глупа его ссылка на Немировича насчет евреек Константины. Вот Мопассан иное о них говорит <...>.

Писать еще не начинал, — приехав сюда, раскис, все валялся и читал. Прочел и “Масленицу” <пьеса П.А.Нилуса>. Не торопись с ней, дай полежать в чистом виде. Нравится мне в ней многое по-прежнему, но и о многом хотел бы потолковать с тобой. Сделаю это при свидании <...>. Сделав еще кое-какие пометки на рукописи, вышлю ее тебе <...>.

Давно ли читал “Воскресение” Толстого? Это одна из самых драгоценных книг на земле?

<...> Где Куприн? Свидание наше было неважное. Попрекнул меня с первого слова Академией...».

Письма (2). С. 143–144.

См.: 18 мая 1910.

Июнь, 9...11 (22...24). А.М.Горький посылает Бунину тексты неаполитанских песен и пишет:

«Дорогой мой Иван Алексеевич! Посылаю неаполитанские песни; нестерпимо хочется, чтоб Вы коснулись их Вашей, милой мне, рукою поэта. <...>

Проводив Вас – ощутил большую грусть, ибо – очень люблю. Извините сие признание.

<...> Будьте здоровы, кончайте “Деревню” так же твердо и хорошо, как начали, и – да будет Вам легко и свободно, дорогой друг!»

Горький. ПСС. Т. 8. С. 91.

Июнь, 15. Бунин пишет А.М.Горькому:

«...получил и письмо Ваше, и песни!, — и за то, и за другое обнял бы Вас истинно от всей души! Никогда не забуду, дорогой, того, что Вы говорили мне на прощанье, а песни так сильно, так живо напомнили эти дни — и Вас, и Неаполь, и все то, прелестное, изящное, что есть в итальянском народе! И какие чудесные слова в этих песнях, <...> и как трогательно это — “принято и одобрено итальянским народом”! Ужасно обидно мне мое непонимание его языка, и так мечтаю я опять – провести в Италии осень, целую осень! А то, вижу, толку мало: опять я чувствовал себя усталым, шальным, опять пил не в меру, опять не видал ничего путем. <...> из литераторов видел только Куприна, да и то неудачно: я торопился уезжать, а он, хоть и шутя, а все-таки с первого же слова поддел меня академией...».

По поводу своего интервью (см.: 16 мая 1910) отмечает: «Я и сам пострадал — и уж Вы, дорогой, простите, если что не понравилось Вам в их беседах со мной: не умею я отбиваться от них, не привык, да и дьявольски умеют они все передать так, что из каждого слова выходит пошлость.

Работать я еще не начинал, дни провожу пока за чтением, ибо за путешествие чуть было не разучился читать. Даже на пути в Одессу прочел из Ваших книг только “Зап<иски> ненужного человека” да “На шхерах” <А.Стриндберга>. <...> Если что определится, – напишите, пожалуйста, очень меня все-таки огорчает судьба “Знания”. Да и Вам нужен покой, хороший рабочий покой. Дай Бог его Вам, желаю Вам всех благ с истинно братским чувством!»

Письма (*2*). С. 144–145.

Июнь, 16. А.М.Федоров сообщает в письме Бунину, что едет в Петербург по издательским делам и спрашивает:

«...не приедешь ли в Одессу? Очень хотел бы тебя видеть».

Письма (*2*). С. 546.

Июнь, до 20. Бунин посылает З.А.Пешкову 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910), очевидно, с дарственной надписью.

Этот экземпляр неизвестен. См.: 25 июня (8 июля) 1910.

Июнь, 20. В письме к С.П.Боголюбову Бунин просит подписаться для него в «Бюро газетных вырезок» на новый срок.

Письма (*2*). С. 145–146.

Июнь, 21. Бунин просит в письме А.М.Федорова:

«Если можно, вышли мне свои новые сонеты — очень хочется почитаться. В Одессу хочу, но боюсь — холеры».

В этом же письме Бунин обращается к М.В.Аверьянову с просьбой: «Посылаю “Деревню”. *И весьма прошу* — напишите мне *длинную* рецензию на оную. Пожалуйста!»

Письма (*2*). С. 146.

А.М.Федоров в ответ на неизвестное письмо Бунина пишет:

«Какую ты холеру нашел в Одессе. Перестань глупить и приезжай. Угощу сонетами на славу! <...> Мы отлично поживем на море. И Нилус, черноморский Шекспир (ведь он пьесу написал), будет не меньше меня рад тебе».

Письма (*2*). С. 546.

Июнь, 25 (Июль, 8). З.А.Пешков сообщает Бунину с Капри в иллюстрированной открытке:

«Книгу получил. Большое Вам спасибо, милый Иван Алексеевич!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3111/3 оф.

Июнь, 26. М.В.Аверьянов в ответном письме сообщает Бунину, что до него повесть «Деревня» еще не дошла полностью и пишет:

«...я еще не успел перечитать повесть для отзыва, а впечатление у меня было хорошее. Вы давно знаете, что мне до смерти противны были наши превознесенные и препрославленные порнографы и плагиаторы, их же имена знает один дьявол. Не далее, как дня два назад приходила ко мне одна подобная тля с своим кузьминством: я направил ее под ноготь Митрофанычу <А.М.Федорову>. А о Вашем писании пока могу сказать — зело добро».

Письма (*2*). С. 547.

Июнь, 25–30. Бунин несколько раз навещает тяжело больную мать в Ефремове.

См.: 16 июля 1910.

Июль, 6. В ответном письме А.М.Федоров сообщает Бунину, что вернулся в Одессу, куда его вновь приглашает, добавляя приглашение Е.И.Буковецкого.

Письма (*2*). С. 546–547.

Июль, 5 или 6. Бунин с В.Н.Муромцевой, Ю.А.Бунин и Н.А.Пушешников уезжают из Глотово, где появилась холера, в Ефремов.

См.: 7 июля 1910.

Июль, 7. Ю.А.Бунин сообщает в письме к Е.Е.Юргенс, что в деревне появилась холера:

«было несколько смертей и заболеваний. Прибыл санитарный отряд. Оставаться оказалось, конечно, невозможным. Поэтому я, Ваня, Вера Николаевна и один из моих племянников <очевидно, Н.А.Пушешников> уехали оттуда, и сейчас мы в Ефремове... Здесь в Ефремове положение крайне тяжелое: мать в совершенно безнадежном состоянии, она вся опухла, пульс то сорок, а через минуту более ста, она почти не может двигаться».

Жизнеописание. С. 142.

Июль, 9. П.А.Нилус в письме уговаривает Бунина приехать в Одессу, не боясь отдельных случаев заболевания холерой; к этой просьбе присоединяется Е.И.Буковецкий.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 136–137.

Июль, 10. Бунин и В.Н.Муромцева уезжают из Ефремова в Москву.

Дневники. Т. 1. С. 93.

В.Н.Муромцева вспоминает, что из Ефремова «мы с Иваном Алексеевичем уехали в Москву: мать настаивала, чтобы он не присутствовал во время ее кончины, так как всякая смерть на него действовала ужасно, и она это знала, знала, что он с детства боялся потерять ее».

Жизнеописание. С. 143.

Июль, после 10. Бунин продолжает писать вторую часть повести «Деревня».

См.: 16 июля 1910.

Июль, 10...15. Бунин посылает Е.И.Буковецкому 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

Этот экземпляр неизвестен. См.: 17 июля 1910.

Июль, ночь с 15 на 16. В Ефремове в доме Е.А.Бунина умирает мать Бунина — Л.А.Бунина.

См.: 16 июля 1910; 19 июля 1910, вторая запись.

Июль, 16. В общем письме к Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу Бунин рассказывает:

«Дорогие друзья, простите, что не писал — скверно жил последнее время. Недели три тому назад доктор сказал, что наша больная мать безнадежна. И вот я ездил к ней и, уезжая, испытывал каждый раз невыносимые вещи. Затем уехал из деревни, где началась сильная холера. В Москве изнурили дожди и тревога за мать, и усилия — работать: ведь до зарезу нужно! Нынче рано утром получил от братьев телеграмму, что мать скончалась.

<...> Благодарю, дорогой Евгений, за приглашение, я очень ценю твою дружбу и твое приглашение меня трогает».

Письма (2). С. 146.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Вскоре после нашего приезда в Москву пришла роковая телеграмма. Мы жили вдвоем в нашем особнячке в Столовом переулке. Иван Алексеевич по 12 часов в день писал “Деревню”, вторую часть, никого не видел, только по вечерам мы ходили гулять по переулкам».

Жизнеописание. С. 144.

Июль, 17. Е.И.Буковецкий в письме приглашает Бунина приехать в Одессу и благодарит за присланную книгу «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 119.

Июль, 19. Директор-распорядитель товарищества «Общественная польза» П.Е.Кулаков сообщает в письме Бунину:

«Завтра Вам вышлют в Москву еще 10 экз. VI т.

Деньги часть выплатим Вам на этих днях, остальные в авг<усте>. Сейчас летнее затишье <...>, поэтому извиняюсь за некоторую задержку».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3413/1 оф.

Ю.А.Бунин пишет Е.Е.Юргенс из Ефремова:

«Дорогая моя, вчера похоронили нашу мать. Она скончалась в ночь с 15-го на 16-е июля. Последние дни она почти все время была в бессознательном состоянии. На похоронах было много народа; сегодня поразъехались, — между прочим, уехала в Орел Маша с мужем и детьми... Я через несколько дней уеду в Москву».

Жизнеописание. С. 142–143.

См.: 1 августа 1910.

Июль, 20. Бунин пишет А.М.Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович, не могу не поделиться с Вами горем — в долгих и тяжких страданиях умерла моя мать.

Весь июнь и июль провел я прескверно, работать не было никакой возможности. А тут еще холера!».

Письма (*2*). С. 146–147.

Июль, 21. М.В.Аверьянов пишет Бунину о первой части повести «Деревня»:

«Спасибо Вам и за “Деревню”. Напоминает она мне картины старых голландцев, изображавших сельский быт. Не пропущено ничего, что вошло в поле зрения — это с внешней стороны, а с внутренней — сильно чувствуется лихая болесть, отравившая всю нашу русскую жизнь. Я жду во второй части изображения и настоящей жизни деревни, параллельно с историей почтенного прасола, для которой деревня пока служит ярким фоном. Удивительно просты и характерны фигуры бродяг. Только, ей-богу, не надо ультрареалистических черточек вроде старичка-*онаниста*; или насчет *аммиачного* запаха из проулка, да и *“кляповинка”* звучит не совсем литературно: уж очень оно близко к “х<...>винке”. И не обращаете Вы внимания на почти совершенную ненужность ремарок, инсценировки “направо”, “налево” и т. под. — выходит описание, наподобие “описи”. А как Вы полагаете в мыслях об отдельном издании?»

Письма (*2*). С. 547–548.

Июль, 22. П.А.Нилус пишет Бунину:

«Дорогой Ян. Сочувствую тебе, не так давно и у меня случились подобные события: смерть отца и матери. К сорока годам люди обыкновенно испивают эту чашу. <...>

Очень рад, что решил приехать. У нас все же, несмотря на эпидемии, лучше чем где бы то ни было. Самое важное это то, что при малейшем желании ты будешь работать. И Евгений и я работаем, Федоров работает, Куприн, Юшкевич. Вот только глупо мы все отдыхаем, скучно. Нужно постараться исправить это недоразумение. <...>

В 7 дней написано 2 акта новой драмы!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/21 оф.

Июль, 23. Е.И.Буковецкий пишет Бунину:

«Дорогой Иван. Полоса дождей у нас прошла, и солнце сияет во всю. При таком блеске — дурное, тяжелое настроение должно пройти. Очень сочувствую твоему горю. Приезжай когда хочешь, но лучше скорее».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2989/1 оф.

Июль, 27 (Август, 9). З.А.Пешков посылает Буниным с Капри в иллюстрированной открытке «сердечнейший и душевнейший привет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3111/2 оф.

Июль, 28. В ответном письме М.В.Аверьянову в связи с его оценкой первой части повести «Деревня» Бунин пишет:

«Верно — “опись”, да уж не могу без этого. Верно — “кляповинка”, родня “х<...>винке ”, да как это можно выкинуть? Весь эротикс пропадет! Затем: отдельное издание. Весьма думаю о нем и хочу выпустить дней через десять после окончания в “Совр<еменном> мире”, — имею право. И постараюсь выпустить в октябре, самое позднее 15-го ноября. <...> Умерла мать, что весьма пристукнуло меня. Умерла тяжело. Мне очень скверно, погода изнурительная, подагра мучит, геморрой тоже. Но, стиснув губы, строчу».

Письма (*2*). С. 147.

Июль, 31. М.В.Аверьянов спешит утешить Бунина в связи с кончиной матери:

«Милый, бедный Иван Алексеевич, понимаю Вашу печаль, Ваше скверное настроение и, молча, жму Вашу добрую руку»; и добавляет о «Деревне»: «Кляповинка пусть остается, а “опись” можно и оживить», а также просит прислать 6-й том сочинений Бунина «с драгоценным автографом».

Письма (*2*). С. 548.

Август, 1. Ю.А.Бунин пишет Е.Е.Юргенс:

«Из всех нас отсутствовал при кончине матери Ваня, уехавший в Москву, так как говорит, что совершенно не выносит таких событий. К тому же ему совершенно необходимо окончить повесть <“Деревня”> в августе, и он работает не вставая».

Жизнеописание. С. 143.

Август, 2. В петербургской газете «Речь» (№ 209. С. 3) публикуется рецензия С.А.Ауслендера на 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

Критик пишет: «Ив.Бунин имеет очень определенную репутацию поэта, быть может, несколько скучного, но корректного, умеренно нового, но культурного почти “парнасца”. <...> разбираемая нами сейчас книга не только не вплетает новых лавров в венок академика, но, наоборот, может сильно его скомпрометировать; <...> нельзя простить поэту, претендующему на академическую безупречность, таких насилий над ударениями, какое мы встречаем в первом же стихотворении шестого тома Бунина.

“Как светлый дождь, кропит он бурьяны”. Рифмуют эти “бурьяны” (ударение на последнем слоге) со словом “тишины”.

Одна ошибка может быть названа непростительной для поэта, выпускающего уже шестой том, а у Бунина подобных обмолвок и неловкостей можно было бы найти достаточное количество.

Например, разве хороша строчка “скрежеща вдоль бортов ржавой змеей” (стр. 35).

<...> мы вовсе не пытаемся доказать, будто академик Бунин не знает основных правил стихосложения, что он не умеет писать стихов. Мы хотим только отметить некоторую небрежность и невнимание к форме, которые тем более непростительны, что гладкость стиха и строгая каноничность почитались до сих пор главными достоинствами И.Бунина.

Клякс, неудачных рифм, смехотворных образов, вроде: “Долина серая нагая, как *пах осла*” (32 стр., к чему такие ненужные грубости?), можно насчитать несколько почти в каждом стихотворении, и только очень немногие (“В Москве”, “Будни”, “На току”, “На даче”) могут быть названы вполне удачными.

За стихами следуют три рассказа, из которых “Беден бес” и “Сон Обломова-внука” производят впечатление неоконченных эскизов, а “Старая песня” действительно и по фабуле и по форме очень не нова. Третий отдел шестого тома составляют путешествия по Палестине. Очерки эти лишены простоты и точности обыкновенного путевого дневника и недостаточно остры и интересны, как произведения художника».

Август, 3. В шутливой открытке П.А.Нилусу Бунин спрашивает о положении в Одессе с холерой и можно ли туда безопасно приехать.

Письма (2). С. 147.

Август, 4. Бунин дарит А.Е.Грузинскому 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (М., 1910) с надписью:

«Алексею Евгеньевичу — с грустью, что не состоялось “Открытие сезона” — Ив.Бунин 4 авг. 1910 г.».

ГЛМ ОКФ, № 4222.

Н.Д.Телешов (17 августа н. ст.) в письме Бунину из Мюнхена рассказывает о своем путешествии вместе с А.А.Карзинкиным по Германии, а также спрашивает:

«Что делаешь? Пишешь ли “Деревню”? Пиши, пиши. Надо дотягивать. Будет хорошо, не бойся».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 596–597.

Август, 6. Бунин дарит И.А.Белоусову 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (М., 1910) с надписью:

«Иванушка, это тебе на новоселье за “Макон”. Ив.Бунин 6 авг. 1910 г.».

ГЛМ ОКФ, № 1336.

Август, начало. Бунин пишет в редакцию журнала «Современный мир», что не успевает подготовить продолжение повести «Деревня» к печати.

Письмо неизвестно. См.: 16 августа 1910.

А.М.Горький в письме Бунину приглашает его приехать на Капри.

Письмо неизвестно. См.: 20 августа 1910.

Июль, 11 – Август, 15. Бунин усиленно работает над второй и третьей частями повести «Деревня».

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Целый месяц Ян нигде не бывает, работает по 14 ч. в сутки. Гулять выходили лишь под вечер в тенистые переулки».

Дневники. Т. 1. С. 93.

См.: 16 июля 1910; 1 августа 1910.

Август, 16. Н.И.Иорданский пишет Бунину, что надеялся, вернувшись в Петербург, найти продолжение повести «Деревня»:

«Рукописи нет, но Ваше письмо уже — утешение. Присылайте поскорее, и тогда мы сделаем усилия, чтобы вместить окончание в октябрь. Видели мы Горького, он очень тепло говорил о Вас и Вере Николаевне, и очень хвалил “Деревню”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 5.

Август, 16...19. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым приезжает в Глотово.

См.: 20 августа 1910.

Август, 20. В общем письме М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому из Глотово, извиняясь за поздний ответ, Бунин сообщает о своей работе над «Деревней» и своих планах приехать на Капри:

«В Москве я писал часов по пятнадцати в сутки, боясь оторваться даже на минуту, боясь, что вдруг потухнет во мне электрическая лампочка и сразу возьмет надо мной полную силу тоска, которой я не давал ходу только работой. А потом это напряжение привело меня к смертельной усталости и сердечным припадкам до ледяного пота, почти до потери сознания. Мы переехали в деревню, но тут я наскочил на жестокий грипп и долго был совсем шальной. Теперь многое выяснилось. Повесть я кончил (считаю, что погубил, ибо сначала взял слишком тесные рамки, а последнее время было чересчур тяжко работать), но как уехать от корректуры? Необходимо набрать ее в начале сентября, а печатать в октябре, чтобы не пропустить осени для отдельного издания. Денежные дела, пришедшие за это ужасное лето в очень скверное состояние, верно, поправятся, но опять-таки — когда? Здесь мы пробудем, должно быть, до 10 сент. <...> И выходит, что мысль о Капри надо отложить. А хочется к Вам ужасно. Вот уж поистине не умею сказать, как тронуло нас Ваше участие к нам! Жизнь своенравна, изменчива, но есть в человеческих отношениях минуты, которые не забываются, существуют сами по себе и после всяческих перемен. Мы в отношениях, во встречах с Вами чувствовали эти минуты — то настоящее, чем люди живы и что дает незабываемую радость. Обнимаю Вас всех и целую крепко — поцелуем верности, дружбы и благодарности, которые навсегда останутся во мне, и очень прошу верить правде этих плохо сказанных слов!»

Письма (*2*). С. 148.

Август, 22. Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину, что, приехав в Глотово, он заболел гриппом:

«Нынче лучше. Погода ничего себе».

Письма (*2*). С. 148.

Август, 23. В письме Бунин извещает Е.И.Буковецкого, что не приедет в Одессу из-за эпидемии холеры, спрашивает о его планах на осень и зиму, а также сообщает:

«Измучился я в Москве. Приехав сюда, надеялся немного отдохнуть, перечитать со свежей головой вторую часть своей злосчастной повести <“Деревня”> и отослать ее, а вместо того захворал гриппом. Теперь поправляюсь».

Письма (*2*). С. 149.

Бунин извещает в письме Н.И.Иорданского, что высылку «Деревни» задерживает из-за своей болезни:

«надо ее перечитать в бодром и ясном настроении, а у меня шум и звон в голове. Думаю, что вышлю не позднее 1-го сент. Очень прошу — прикажите набрать поскорее <...> и пришлите мне корректуру *всей вещи сразу*, да с широкими полями, да в 3-х экз.»

Письма (*2*). С. 149.

Август, 29. П.А.Нилус пишет Бунину:

«Кончается лето — итоги скудные. Довел я свой роман до 120–130 страниц печатных. <...> Потом вчерне написана новая драма».

Письма (*2*). С. 549–550.

Август, конец. Бунин посылает С.М.Ростовцевой 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

Этот экземпляр неизвестен. См.: 5 сентября 1910, первая запись.

Сентябрь, 2. Бунин посылает вторую и третью части повести «Деревня» в редакцию журнала «Современный мир».

См.: 6 сентября 1910, первая запись.

М.А.Ласкаржевская пишет Ю.А.Бунину из Орла:

«К Ване 2 раза писала, он не отвечает. Писала, что я без денег, что не на что по назначению врача поехать в Москву и просила поговорить с Прокошкой, не даст ли он мне денег, если еще прибавить год, но Ваня не отвечает».

М.А.Ласкаржевская, по свидетельству ее сына Н.И.Ласкаржевского, в родовом имении Буниных Каменка «имела ренту за землю в 30 кв. десятин, которую мама сдавала в аренду крестьянам за 300 руб. на 3 года» (письмо Н.И.Ласкаржевского — И.А.Костомаровой от 18 февраля 1990 г.).

Письма (*2*). С. 549.

Сентябрь, 5. С.М.Ростовцева пишет Бунину:

«Очень, очень благодарна Вам за Вашу книгу <...>. Благодарю Вас от всего сердца. Каждая Ваша фраза для меня живет, и я наслаждаюсь, словно вновь передо мной развернулся Восток, который я так остро люблю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3125/12 оф.

В Москве выходит № 1 «Нашего журнала», в котором (стб. 26) печатается дружеский шарж «И.А.Бунин. (Почетный академик)». Подпись: Z.

Сентябрь, 6. Бунин в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«2-го сент. я отправил, наконец, рукопись <“Деревни”>. Потом дня два был в полном изнеможении», а также извещает, что вел переговоры с кре-

стьянином Прокошкой в Каменке о сдаче ему на год земли М.А.Ласкаржевской. «Сколько здесь пробудем, не знаю — или до 10-го или до 18-го, смотря по погоде. Надо бы хоть что-нибудь еще написать. Здоровье плохо».

Письма (*2*). С. 149–150.

Бунин пишет П.А.Нилусу, получив его письмо от 29 августа:

«Очень огорчил меня тон его: ты, кажется, вял и грустен. Не потому ли, что жил гнусно? Ой, друг, паки и паки твержу: пора подтянуться! Пьянство, обжорство, безделье не выход из печалей жизни. <...> Радуюсь, что написал еще драму. Герой мне что-то не нравится — литературой, да и литературой-то *современной* попахивает, — ну, да все-таки работа. Любопытствую почитать и очень прошу — кончи роман *поскорее* да напиши несколько рассказов. <...>

Отослал 2-го ч<исла> “Деревню” <в “Современный мир”> <...> Горько, что не мог дать тебе для прочтения и критики, — чрезвычайно. Юлий хвалил. Я — многим недоволен. Ну, да лето у нас было таково, что не до писания было!

Стихов не написал ни единого. <...>

Поедем на 3–4 мес<яца> в Гелуан?

Подагра мучит.

Если хочешь моих хлопот о пьесе — пиши без всяких церемоний. Куда угодно съезжу».

Письма (*2*). С. 150–151.

Сентября, 8. Бунин сообщает в открытке Ю.А.Бунину, что получил с мужиков 100 руб. за сданную в аренду землю М.А.Ласкаржевской.

Письма (*2*). С. 151.

Сентябрь, до 10. Бунин пишет стихотворение «О Петре-разбойнике» («В воскресенье, раньше литургии...»).

Датируется по времени пребывания Бунина в деревне и по первой публикации. См.: 28 декабря 1910.

Сентябрь, 10 или 11. Бунин уезжает из Глотово в Москву.

Жизнеописание. С. 144.

Сентябрь, 15. На заседании «Среды» Бунин читает вторую часть повести «Деревня».

«Наш журнал» 19 сент. (№ 3. Стб. 27) сообщает: «И.А.Бунин закончил 2-ю часть своей повести “Деревня”, которая вся будет напечатана в октябрьской книге “Современного мира” и затем выйдет отдельным изданием в издательстве “Московское книгоиздательство”. На днях Иван Алексеевич в кругу своих близких друзей прочел вторую часть “Деревни”. Повесть произвела на слушателей сильное впечатление. Несомненно, это новый богатый вклад в сокровищницу русской литературы».

Сентябрь, 16. Н.И.Иорданский посылает Бунину корректуру второй и третьей части повести «Деревня»; в сопроводительном письме просит его разрешить поделить окончание повести «Деревня» на две части, которые будут опубликованы в октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Современный мир» и объясняет:

«Уверяю Вас, что это деление вызвано только крайнею техническою необходимостью. <...> Вещь настолько сильна, что на ней такая операция не отразится.

Но Вы — беспощадный пессимист! И хуже всего, что беспощадность содержания соединена с такою же выпуклостью и яркостью изображения! Вы убеждаете красками...

Пожалуйста, поскорее возвратите корректуру. Мы немного запоздали и теперь приходится подгонять верстку».

Письма (2). С. 549.

Сентябрь, 17. Бунин заключает с «Московским книгоиздательством» договор об отдельном издании повести «Деревня».

Текст договора неизвестен. См.: 19 октября 1912, первая запись.

А.М.Федоров дарит Бунину свой фотопортрет с сыном, делая на нем надпись:

«Тебе, мой друг, Иван Алексеевич, любящий А.Федоров 17 сентября 910. Москва».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 372.

Сентябрь, 20. В ответном письме Бунину П.А.Нилус пишет:

«Дорогой Ян, а что же Крым? И почему нужно ехать в затасканный Гелуан, когда есть на свете Индия, Австралия, Япония — вот где можно повыгнать всю мадеру из почек. <...>

С большим удовольствием прочел твой 6-й том и, вероятно, последствием было то, что я вздумал писать стихи... <...> написал целых два сонета! Правда, очень плохих, но все же после полной глухоты к стиху — это кое-что значит».

Письма (2). С. 550–551.

При письме были посланы эти сонеты.

Сентябрь, середина. Выходит № 10 петербургского журнала «Аполлон», в котором (с. 25) печатается рецензия Н.С.Гумилева на 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910).

Рецензент пишет: «Поэзия должна гипнотизировать — в этом ее сила. Но способы этого гипнотизирования различны, они зависят от условий каждой страны и эпохи. <...> Вот почему стихи Бунина, как и других эпигонов натурализма, надо считать подделками, прежде всего — потому что они скучны, не гипнотизируют. В них все понятно и ничего не прекрасно.

Читая стихи Бунина, кажется, что читаешь прозу. Удачные детали пейзажей не связаны между собой лирическим подъемом. Мысли скупы и редко идут дальше простого трюка. В стихе и в русском языке попадаются крупные изъяны. Если же попробовать восстановить духовный облик поэта Бунина по его стихам, то картина получится еще печальнее: нежелание или неспособность углубиться в себя, мечтательность, бескрылая при отсутствии фантазии, наблюдательность без увлечения наблюдаемым и отсутствие темперамента, который единственно делает человека поэтом».

Сентябрь, 21. П.А.Нилус вновь пишет Бунину, которого просит поговорить с А.И.Сумбатовым-Южиным о его новой пьесе.

Письма (2). С. 550.

Контора издательства «Знание» готовит сведения о проданных книгах Бунина с 1 ноября 1909 г. по 1 сентября 1910 г.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 341, л. 3.

Сентябрь, 23. Бунин приезжает в Петербург, где ведет переговоры с издательством «Просвещение» по поводу издания всех его сочинений.

Бунин посылает Ю.А.Бунину телеграмму: «Северная гостиница». Без подписи.

ОГЛМТ, ф. 17, № 3269/18 оф.

См.: 10 октября 1910, первая запись.

Сентябрь, 25. Днем Бунин с В.Н.Муромцевой присутствует на именинах С.Я.Елпатьевского.

Дневники. Т. 1. С. 93.

Вечером Бунин присутствует в редакции издательства «Шиповник» на чтении пьесы Л.Н.Андреева «Океан»;

на чтении присутствует Ф.Ф.Фидлер, в альбоме которого Бунин оставляет автограф: «Ив.Бунин 25 сент. 910 г.» (№ 16).

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 3.

На чтении присутствуют также П.П.Потемкин, А.Н.Толстой, Н.А.Морозов, К.А.Морозова, О.Дымов, К.И.Арабажин, А.М.Ремизов, К.А.Эрберг, П.А.Кожевников, А.М.Федоров, С.Г.Скиталец, В.Азов, Ф.Сологуб, Н.А.Тэффи, С.М.Городецкий, Н.Н.Ходотов, А.Н.Чеботаревская, И.Е.Репин, Н.Б.Северова (Нордман), Д.Н.Овсянико-Куликовский, А.Т.Аверченко, К.И.Чуковский, С.Черный, В.Ф.Боцяновский, Ф.Д.Батюшков, Е.В.Аничков.

Ф.Ф.Фидлер записывает в дневнике 26 сентября 1910 г.: «Вчера был приглашен в издательское товарищество “Шиповник”, где Леонид Андреев должен был читать “Океан”. Однако вместо него (“Я не умею читать вслух”) читал Ходотов. <...> По поводу всего общества (собралось примерно сто пятьдесят человек; великолепное угощение и ужин в два часа ночи) Андреев сказал “Базар!” и стал расхваливать уют и сердечность москвичей. <...>

Присутствовали актеры, художники, юристы. Из писателей были <...> <см. выше>.

С каждым и каждой я мог обменяться в этой тесноте (несмотря на громадные комнаты) лишь двумя-тремя ничего не значащими словами».

Фидлер. С. 541–542.

Л.И.Андрусон из редакции нового «Всеобщего журнала» посылает Бунину список сотрудников и пишет:

«Редакция очень просит Вашего разрешения включить и Ваше имя в список сотрудников. Надеюсь — вместе с согласием на сотрудничество Вы дадите нам одно-два Ваших стихотворения».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2960/3 оф.

Сентябрь. В петербургском журнале «Русское богатство» (№ 9. Отд. II, с. 179–180) помещается рецензия А.Г.Горнфельда на 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910). Без подписи.

Критик пишет: «Том шестой, — подобный пяти предыдущим. Полагалось бы повторить прежние хваления милому, теплому и задушевному Бунину; пожалуй, отметить недостатки, неизменно второстепенные. <...> И мы не удивились, найдя, что и в новом томе он не безукоризнен в форме, что он позволяет себе вольности и не всегда замечает свои прозаизмы, что он перегружает свою лирику терминологией, этнографией, собственными именами, — и тонкая ткань нежного созерцательного настроения, сотканная поэтом, вдруг рвется от этого тяжелого груза чужих слов. Его словарь не беден, но он слишком заботится о его обогащении и слишком настойчиво щеголяет его красками; замечаешь преднамеренность и теряешь гармоническое однозвучие с душой поэта. Бунин пишет сонеты, а их строгая сухость не по нем: он недостаточно холоден для сонета; мало быть точным в каноне строгого сонета — и здесь Бунин не без упрека — мало воспроизводить форму и даже стиль: надо быть не только извне, но и внутри бесстрастным чеканщиком математически точной формы, а для этого Бунин слишком мягок, слишком лиричен. Этот лиризм — основное свойство его дарования и самое привлекательное в нем. <...> Нет ничего хуже прелести, когда она благополучна: она мертвеет и разлагается. Прелестный шаблон все же шаблон, и если сегодня Бунин еще зажигает душу читателя сочувственным переживанием и пламенем познающего созерцания, — то что будет завтра? Недавно выбрали Бунина в академики, — а кажется, что в нем всегда было что-то академическое, спокойное, уравновешенное, законченное, неищущее; только не холодное, как все академическое. Нет, Бунин не холоден, но он и не горяч; он тепловат — и в этом его несчастье. Он будет поэтом милым, поэтом любимым, поэтом признанным, но никогда не будет поэтом поколения. Он никогда не будет несвоевременным: он не был нов для своего времени; как бы не слишком скоро устарел он для потомков. История уже открыла ему свои объятия, и ему покойно в них: слишком рано, зато прочно».

Авторство рецензии определено по: *ЛН*. Т. 87. С. 681.

Октябрь, 4. В Москве умирает С.А.Муромцев — дядя В.Н.Муромцевой.

Октябрь, 6. Бунин уезжает из Петербурга в Москву.

См.: 10 октября 1910, первая запись.

Октябрь, 7. Бунин с В.Н.Муромцевой присутствует на похоронах С.А.Муромцева.

См.: 10 октября 1910, первая запись.

П.А.Нилус в письме спрашивает Бунина:

«Дорогой Ив, что ты молчишь. Прошлую ночь три раза видел тебя во сне, что бы это значило? Сны ясности необыкновенной!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 126.

Октябрь, 9. Редактор «Нашего журнала» П.В.Мурашев пишет Бунину:

«Большое Вам спасибо за стихотворение, которое Вы обещали для “Нашего журнала”. Ваше предложение меня чрезвычайно тронуло. Не потому, конечно, что Вы даете его бесплатно, хотя, не скрою, для нас и это имеет громадное значение, а потому, что для меня чрезвычайно важно и приятно Ваше сочувствие журналу».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 295, л. 1–2.

См.: 17 октября 1910.

Октябрь, 10. В письме П.А.Нилусу Бунин сообщает:

«Две недели был в Птб., приехал к похоронам Муромцева. Нездоровится. <...> Торгуюсь с “Просвещением” — хотят меня купить. Это задерживает.

<...> Размер в стихах у тебя есть — в совершенстве».

Письма (*2*). С. 151.

В Москве выходит № 6 «Нашего журнала», в котором (стб. 15–18) публикуется статья Ю.Александровича «Московский кружок литераторов “Среды”. (Страницы из истории современной литературы)».

Журналист дает краткую историю создания и деятельности кружка, в частности, отмечает, что членами-учредителями «Сред» были Н.Д.Телешов, братья Крашенинниковы, Н.И.Тимковский, И.А. и Ю.А.Бунины, И.А.Белоусов, Е.Гославский, Н.П.Ашешов, Л.А.Хитрово, С.Д.Разумовский и С.Глаголь. В конце статьи говорится о «затухании» деятельности кружка.

В газете «Голос Москвы» (№ 233. С. 3) помещается статья «Что читают». Без подписи.

Журналист сообщает: «Вышедшие за последнее время отчеты некоторых библиотек заключают в себе весьма интересные данные, характеризующие настроение современного читателя». По отчету за 1909 г. «оказывается, что самыми популярными считаются теперь граф Л.Н.Толстой и... г-жа Вербицкая». Далее приводятся данные о количестве запросов на сочинения писателей за 1909 г. в нисходящем порядке: Л.Толстой — 329 раз, Вербицкая — 305, В.Немирович-Данченко — 238, А.Дюма — 167, Э.Золя — 157, <...> Ф.Достоевский — 136, И.Тургенев — 129, <...> Л.Андреев — 114, Майн-Рид — 109, А.Чехов — 104, Жюль Верн — 104, <...> А.Куприн — 78, <...> М.Горький — 60, <...> В.Вересаев — 44, И.Бунин — 42, <...> А.Федоров — 40, З.Гиппиус — 36, <...> А.Пушкин — 30, Н.Гоголь — 29, С.Аксаков — 28, <...> С.Надсон — 18.

Октябрь, до 12. Выходит № 10 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 3–44) печатается вторая часть повести «Деревня».

Там же (отд. II, с. 157–159) помещается рецензия В.Л.Львова-Рогачевского на 6-й том сочинений «Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы» (СПб., 1910). Подпись: В.Л.

Рецензент пишет: «Несмотря на отсутствие единства, на то, что материал сборника подобран случайно (в книге переплетаются поэзия и проза, Иудея и русская деревня), вы подолгу будете останавливаться на многих страницах книги и в особенности на тех, где И.Бунин, поэт по преимуществу, рисует русский пейзаж, вернее — душу русского пейзажа, которую умеет породнить с душой читателя. <...> Здесь я подчеркну особенную зоркость и верность глаза, редкое умение чутко и быстро схватывать мельчайшие оттенки красок. И в особенности эта зоркость становится острой, когда И.Бунин подходит к родным местам, с которыми он сжился, знает их вдоль и поперек. Он не придумывает своих эпитетов, а берет их у природы, он пристально всматривается, и когда он видит в картине то, чего не замечали дру-

гие, он пишет. Вот почему его чистые описания разных мест не утомляют, кажутся новыми, свежими, открывшимися для ваших глаз впервые. <...>

В путевых же картинах И.Бунина иногда чувствуется погоня за передачей “местного колорита”. Некоторые сравнения искусственны и не дают образа. <...>

Зато прочтите стихотворение “Спор” — здесь каждая строка, каждое слово так и переливаются красками. <...>

Проза этого тома дает описание Иудеи, вас даже утомляет обилие картин и пестрота красок. Не слишком ли много места уделяют наши художники Иудее с ее тощими посевами, ржавой, каменистой землей и красными маками? <...>

Чеховской задумчивой грустью веет от прозы И.Бунина, и в особенности от рассказа “Старая песня”, этой тихой печали, переходящей в музыку о невозвратном, о непоправимом... Иногда вы забываете, и вам кажется, что вы слышите музыку А.П.Чехова. <...> “Старая песня” это — воспоминание И.Бунина о любимом писателе.

Лучшая вещь сборника “Беден бес”. <...>

Том шестой как бы завершает прежний, уже пройденный автором путь. Повесть И.Бунина “Деревня” показывает художника в новом свете».

Граница события определена по рецензии. См.: 13 октября 1910, вторая запись.

Октябрь, 12. Бунин отвечает в письме Ф.Ф.Фидлеру на вопросы его анкеты для составляемой им книги «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (М., 1910).

Письма (*2*). С. 151–152.

Октябрь, 13. В газете «Голос Москвы» (№ 235. С. 2) помещаются ответы на анкету по поводу инцидента с Ф.И.Шаляпиным.

6 октября 1910 г. в Большом театре после первого акта оперы А.С.Даргомыжского «Русалка» Ф.И.Шаляпин, исполнявший партию мельника, заявил, что отказывается выступать, разгримировался и уехал домой. Артист был недоволен темпом, взятым певицей Балановской и дирижером Авранеком. Только после переговоров Ф.И.Шаляпин вернулся и продолжил спектакль, причем «особенно блестяще пропел третий акт» (Голос Москвы. 7 окт. (№ 230). С. 4).

В анкете был поставлен вопрос: «Поскольку художник может поступаться своими требованиями при творчестве в целях достижения гармонии с окружающими его творческими условиями?»

Бунин отвечает: «<...>Тема слишком тонкая, деликатного свойства.

По-моему, наивно видеть в художнике существо особого порядка, так сказать, не от мира сего. И в сфере искусства он остается, прежде всего, человеком с известным комплексом ощущений, мысли... <...> Соприкасаясь с жизнью, воздействуя на нее и, в свой черед, подвергаясь ее влиянию, художник волей-неволей становится общественным человеком.

“Чистого” эстетизма я не понимаю, толки об этом изжиты и надоели.

В интересах поддержки какого-нибудь органа, исполняющего, по-моему, общественную службу, я могу поступиться резкостью тона, яркостью отрицательной картины, — например, по цензурным соображениям. Но если редакция сама захочет урезать меня в ущерб художественной правде, ради партийных или других мотивов, я никогда не уступлю в таком случае, хотя

бы дело касалось изменения чуть-чуть. Ибо в этом “чуть-чуть” заключается тайна творчества. <...>

Не должно быть посягательств на свободу творчества, не место элементу насилия в сфере поэта. Художник свободен от всех условностей, стесняющих полное проявление его личности. Если хотите, в момент творчества художнику “все позволено”, но не в обычном понимании этого лозунга. Области искусства несвойственна зависимость от внешних форм и догматов.

Единственным, руководящим его деятельность критерием должно быть человеческое его сердце. К голосу сердца и велениям совести должен прислушиваться истинный художник. Этот верный собственный суд и укажет границы дозволенного и недозволенного».

В газете «Одесские новости» (№ 8238. С. 2) публикуется статья Н.Л.Геккера «“Деревня”. Повесть И.А.Бунина». Подпись: Н.Г.

В статье говорится о второй части повести, в которой «вырастает во всю свою огромную величину картина народной жизни, на которой преобладают густые черные тени. Что-то щемящее, почти безнадежное исходит от этого мрачного полотна. Что-то глубоко пессимистическое, почти отрицательное сквозит в каждом густом мазке, которым это полотно набросано пакостной рукой».

Октябрь, 14. В.В.Котляревская в письме Бунину приглашает его в гости, называя свою квартиру «академическим чердачком».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3123/2 оф.

Октябрь, 17. В Москве выходит № 7 «Нашего журнала», в котором (стб. 1) помещается стихотворение «Статуя рабыни-христианки» («Не скрыть от дерзких взоров наготы...») и перевод стихотворения Ф.Коппе «Смерть птиц» («В безмолвье сумерек, мечтая у огня...»).

Октябрь, 18. В письме к М.Ф.Андреевой Бунин спрашивает о здоровье А.М.Горького и сообщает:

«Дела наши – денежные, конечно, – все еще не приходят в порядок и отъезд наш все затягивается и затягивается, да еще и неизвестно, – куда поедем. Капри – это было бы совсем чудесно, но доктора все твердят мне про Египет: уж больно разыгралась моя подагра, да и с сердцем стало твориться что-то неладное».

Письма (2). С. 152–153.

Октябрь, 14...21. Выходит романс Р.М.Глиэра на слова Бунина «Ночь идет, и темнеет восток» (М.: Юргенсон, 1910).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Октябрь, 24. В газете «Одесский листок» (№ 243. С. 2) помещается статья И.Александровского «Литературные характеристики. Деревня».

Критик разбирает тему деревни в творчестве Л.Н.Андреева, А.М.Горького, И.А.Родионова, и пишет о второй части повести «Деревня». Посетовав на то, что повесть печатается с большими перерывами, рецензент пересказывает текст и отмечает, что «история “анархизма” Кузьмы изложена туманно и тускло <...>. Что будет дальше – увидим, а о том, что видели во второй главе повести г. Бунина, восторженно говорить не приходится. Вторая глава слабее первой. И фигура Кузьмы, и

фигура Балашкина <...> и во всех подробностях описания мало чувствуется живой, непосредственной наблюдательности».

Октябрь, 25 (Ноябрь, 7). А.М.Горький, приглашая в письме А.Н.Тихонова приехать на Капри, пишет:

«Увидите <...> также Ивана Бунина, который скоро явится сюда. Прочитайте начало его "Деревни" — хорошо! Очень хорошо! Строго, целомудренно, немногословно, и — человек знает то, о чем пишет! Это — настоящий литератор хорошей, старой марки».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 158.

Октябрь, 27 (Ноябрь, 9). А.М.Горький пишет Бунину с Капри:

«Здоровье мое находится в полном порядке, но — однажды я устал и поехал отдохнуть. <...>

Возвратясь домой, читал "Деревню". Читал и говорю старым словом Стасова — "Тузовая" вещь. Строго, честно и — красиво! Дьякон Краснобаев, подписавший свою фамилию по-латыни, — Бенедиктов, — милый Вы мой, как это метко, верно и какая глубокая трагикомедия спрятана тут. Сколько липких, черным варом склеивших душу, мучительных, одиноких дум под неистовый вой зимних вьюг в этом жалком и гордом — Бенедиктов! Нежно и любовно жму лапочку, написавшую прелестный сей штрих.

И множество достоинств вижу в повести этой, волнует она меня — до глубины души. Почти на каждой странице есть нечто так близкое, столь русское — слов не нахожу достойных! Хороших кровей писатель Иван Бунин и — должен он беречь себя.

Если надобно говорить о недостатке повести — о недостатке, ибо я вижу лишь один, — недостаток этот — густо! Не краски густы, нет, — материала много. В каждой фразе стиснуто три, четыре предмета, каждая страница — музей! Перегружено знанием быта, порою — этнографично, местно.

Славно, крепко сделан Балашкин. Кузьма — впервые является в литературе нашей так резко очерченным и "с подлинным верно", — до того верно, что я уверен, умный историк литературы будет опираться на Кузьму, как на тип, впервые данный столь определенно».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 160–161.

Октябрь, 28. Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает в Петербург, где продолжаются переговоры с издательством «Просвещение» о покупке сочинений писателя.

См.: 11 ноября 1910, вторая запись.

Октябрь, 31. Бунины переезжают в Сосновку под Петербургом, где гостят у профессора Политехнического института А.Г.Гусакова — друга семьи Муромцевых.

Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, мы переехали в Сосновку. Сколько пробудем — неизвестно. Завтра у моих доверителей опять разговор со Львом Цетлиным — д<олжно> б<ыть>, последний. Требую уступок кое-каких — иначе прерву переговоры.

Толстой не выходит у меня из головы!»

Письма (2). С. 153.

Л.Н.Толстой в ночь на 28 октября 1910 г. уезжает из Ясной Поляны, об этом внезапном отъезде сообщают многие газеты 30 октября.

См.: 15 декабря 1910, четвертая запись.

Выходит № 2 петербургского журнала «Воскресный вечер», в котором (с. 3) печатается статья «"Деревня": Ив.Бунин. Деревня. "Современный мир". Октябрь 1910 г.». Подпись: Леонид Б.

Пересказывая содержание, рецензент отмечает, что «деревня, старая, понурая деревня, с лужей, подоткнутым забором, унылой тряской и грязной дорогой — совсем не так далеко позади города. А город, <...> с его бешеным темпом и лихорадочной сутолокой, не так уж далеко впереди от деревни. <...> И Тихон <...>, и Кузьма <...> родные братья, по крови, и по общей недоуменности. Деревня и город... Родные братья...».

Октябрь, конец. П.А.Нилус, получив от Бунина оттиск второй части повести «Деревня», пишет ему:

«Дорогой Ян. Спасибо за присланное. Не утерпел я, все же купил книжку "Совр<еменного> мира" — знай мое уважение! Прочел с удовольствием, хотя продолжение чуть жиже начала, но это не важно, главное — дух земли, крепкий, настоящий — только этим и живо художественное произведение. Только *количеством* наблюденного и оценивается работа художника... Я прочел залпом, не отрываясь, второй кусок повести, пока трудно судить в общем <...>, отдельные места из странствий Кузьмы превосходны, особенно меня поразили соловьиная ночь в слякоть. Тасканье по постоялым дворам, <нрзб> грязь, мерзость, ночевки не раздеваясь, старчество Кузьмы: все это чудесные штрихи...

Когда будешь выпускать отдельным изданием, ты *обязан* все пересмотреть, вновь покрепче связать каркас, может быть, местами перестроить. Очень нужна черта, объясняющая взгляды Кузьмы на мерзость запустения русской жизни. Пусть он разок побывает за границей, где-нибудь в Кенигсберге с зерном, лошадьми, или в Черновице, хотя возможно недовольство и живя в России, но и прочее... Ведь и мы с тобой поняли нашу грязь только после резкой заграничной оплеухи...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 129–130.

Октябрь. В журнале «Новое слово» (№ 10. С. 32–36) печатается статья А.А.Измайлова «Ранняя осень. (Поэзия и проза И.А.Бунина)».

Критик пишет: «– Я скоро умру, но на моем посту в русской литературе я вижу себе достойного преемника в лице Бунина.

Так будто бы за несколько дней до своей смерти сказал о Бунине Чехов. В дни, когда Бунин получил академические лавры, это показание одного газетчика охотно перепечатывалось другими, несмотря на совершенно очевидную психологическую его невозможность.

Нужно совершенно не знать характера Чехова, чтобы приписать ему, скромному, сдержанному, тактичному такое нескромное назначение себе "преемника" при жизни!

Чехов мог говорить и, вероятно, не раз говорил о родственности таланта Бунина его таланту. <...> Но если бы даже Чехов видел себе в ком-либо преемника, он никогда бы не сказал этого вслух.

О Бунине нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова. Бунин больше чем "его школы". Он плоть от плоти и кровь от крови чеховского поколения, чеховского настроения, чеховских симпатий. <...>

Медленно и тяжеловато создавалась литературная репутация Бунина. Он разделил обычную участь миниатюриста в искусстве. <...>

Так Бунину понадобилось лет двадцать для того, чтобы полное признание пришло к нему. В 1909 году ему выпали академические лавры. <...>

Академии наук всегда нужен авторитетный бланк. Поручителем за Бунина перед нею, конечно, были Тургенев, Тютчев, Чехов и, пожалуй, Алексей Толстой и Случевский. Он их родственник. В завещании старых богачей прямо значилось его имя. <...>

Есть категория людей, в душе которых живет неодолимое очарование старины, тяготение к прошлому, подчинение ему, непобедимое обаяние тем, что было и уходит, уходит, уходит. <...>

Бунин — типичнейший представитель этой категории людей, для которых высшая прелесть бытия в тихой тоске по уходящем и невозвратном. <...>

Ранняя осень, ранние сумерки, — вот слово, определяющее весь характер поэзии и отчасти прозы Бунина. <...> Необыкновенно спокойное, тихое, отнюдь не терзающее чувство везде отличает Бунина. Все прошло, ничего не вернешь! Но природа пред лицом этого уходящего и умирающего сияет вечною красою. <...>

В огромном своем большинстве стихи Бунина — какие-то песни старого холостяка, одинокого бобыля. Он точно всех пережил, все растерял, — любимых женщин и родню, не завел ни детей, ни друзей <...>.

Бунин противоположен Фету. Если у того всюду весна, солнце, клейкий березовый лист, — то у Бунина всегда осень, унылая пора листопада (недаром один из своих сборников стихов он прекрасно обозначил этим названием), одичание, умирание, запустение. <...>

Это настроение прощения, беззлобного примирения со всем, — то, что отличало поэзию Случевского, — очень характерно для Бунина. <...>

В этой области настроений Бунин действительно — primus inter pares, первый между равными. Он рожден для этой осенней лирики, тихого, типично-русского примирения со всем, что есть в мире горького <...>. Здесь Бунин как бы второй Чехов в сфере стиха, с его нежностью, с его прощальною ласкою, с его грустными глазами, хотя и без исключительной силы его таланта.

Иногда Бунин слишком строг, холодноват, несколько сух. У него нет страстности Бальмонта, нежности Фофанова, умной пытливости Брюсова и брюсовской близости современной вспугнутой, усталой и умудренной долгою жизнью душе. Он несколько однотонен. Его "пейзажи", если пересматривать их один за другим, утомляют.

В своей прозе Бунин такой же чистый лирик, как и в стихах. Положительно немногие из его вещей трудно было бы переложить в стихи. Все остальное не только легко перелагается, но прямо просится под стих.

Так же, как и в стихе, он здесь поэт, способный подмечать в природе многое, ускользающее от обыкновенного глаза, подмечать нежно, чутко, ласково, так же везде и во всем для него существует только он один, его настроение, его любовь, печаль, скука, раздражение. <...> Бунин <...> эгоцентрист. Если вам это скучно, вы можете его не читать, но он может давать вам только этюды и эскизы о себе, совсем не заботясь о внешнем сюжете, о занимательности, о приключении. <...>

Вы читаете пять, десять рассказов Бунина и проникаете в секрет его творчества. Это — литературная станиславщина, игра на мелочах, филигранная работа, рисование тоненькой кисточкой, нежною акварелью. Да, здесь и красивое ощущение природы, и поэтическая память. Но здесь нет движения. Это какие-то лирические страницы из дневника, может быть, наброски прозою того, что потом следовало перелить в стихи.

Этот недостаток беллетристики Бунина сглаживается там, где он имеет дело с темами чистой романтики. <...>

Страшно близко в своих романтических рассказах Бунин подходит к Чехову. Опять его сближает с этим большим мастером их общее воззрение на романтику, тихая покорность судьбе, дающей сейчас счастье так же просто и безучастно, как завтра она даст несчастье, и та как бы философская мудрость, которая заставляет брать счастье без экстаза, без пафоса, точно с сознанием того, что оно дается точно по ошибке. <...>

Яд рассудительности медика, который тек в жилах Чехова, как бы разлит и в крови Бунина. Кажется, он слишком рассудочен, трезв и холоден, чтобы у него закружилась голова, чтобы он сам поверил в возможность счастья. <...>

Его большая повесть "Деревня" — одна из самых серьезных работ последнего времени, освещающая новую, послечеховскую деревню. Мужики Бунина, в сущности, недалеко ушли от чеховских. Деревня также темна, убога и страшна на его полотне. Самая повесть его хаотична, как хаотична деревня. Точно какая-то метель несется по сердцам русского крестьянства, и трудно разглядеть путь этих закружившихся душ. <...>

Но большие полотна (как "Деревня") не жанр Бунина, как равно не сфера его — мужицкая душа с ее примитивными и грубыми движениями. Чеховская тоска русского интеллигента, закинутого в провинцию, чеховское подмечание вековой и трагической нескладицы, всего тяжелее сказывающейся в деле личного чувства, — его сфера, из которой, по-видимому, он не может безнаказанно выходить. <...>

Может быть, Бунин уже самый последний из последних певцов эпопеи нашего русского барства и настроений старого дворянина».

В московском журнале «Русская мысль» (№ 10. Отд. II, с. 323–324) помещается рецензия В.Малахиева-Мировича на 30-й и 31-й «Сборники товарищества "Знание"».

Рецензент, в частности, отмечает: «Странно было наряду с прелестными стихотворениями Бунина печатать такую тяжкую, суконную прозу, как стихи М.Череминова и И.Пирогова».

Ноябрь, 1 (14). А.М.Горький пишет А.В.Амфитеатрову с Капри:

«А "Деревню" Бунина надобно Вам прочитать, факт! Он развертывается как превосходнейший прозаик. Только — густо очень».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 169.

А.В.Амфитеатров в ответном письме из Феззано пишет А.М.Горькому:

«Прочитал три тома стихов Бунина. Не надо. Мертвечина. Дай ему бог здоровья и чин президента академии наук, а стихи пусть кто-нибудь другой пишет. Это не поэзия, а версификация». Далее приводит текст своей эпиграммы на Бунина.

ЛН. Т. 95. С. 227–228.

Ноябрь, 2. В редакции журнала «Современный мир» Бунин получает часть гонорара за повесть «Деревня» — 400 р.

См.: 19 апреля 1911, первая запись.

Ноябрь, 4. В Петербурге Бунин присутствует в гостях у Ф.Ф.Фидлера на его дне рождения, расписывается в его Альбоме:

«Ив.Бунин 4/XI 1910» (с. 8).

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 43.

В этот день (17 ноября н. ст.) А.М.Горький пишет В.Г.Короленко с Капри:

«Мне очень нравится “Деревня” Бунина, очень мужественно сделано, с большим знанием быта, крепким языком».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 176.

Ноябрь, 5. Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину, что продажа его сочинений издательству «Просвещение» «совсем расстроилась», далее излагает варианты предложений Л.С.Цетлина и просит дать совет.

Письма (2). С. 153–154.

В.Я.Брюсов как редактор журнала «Русская мысль» в письме Бунину напоминает о его обещании дать свое стихотворение:

«Меня ваше сотрудничество очень утешило бы и обрадовало бы. Пока, пользуясь вашим согласием, я поместил ваше имя в перечне сотрудников журнала».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 461.

Ноябрь, 7. В письме Бунину из Одессы П.А.Нилус сообщает, что А.И.Куприн уезжает из Одессы, а также пишет:

«Прочитал последний кусок “Деревни”. Опять много золота, хорошо болеет Кузьма, хорошо умирает старик, празднуется свадьба; но если уж обличать, так обличать — надо было бы показать им это гнусное свинское в свадьбе, дикарское в погребении, а то эти места описаны в *нормальных* красках. И вот еще что: нужен маленький эпиложек — это всегда хорошо успокаивает, наводит лак на картину, заканчивает».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 168, л. 127–128.

П.А.Нилус читал третью часть повести «Деревня» по корректуре, присланной ему Буниным. См.: 13 ноября 1910; 6 (19) декабря 1910, вторая запись.

Выходит № 3 петербургского журнала «Воскресный вечер», в котором (с. 2) под заглавием «Дебют И.А.Бунина» (подпись: Володарь) публикуется сообщение о скором выходе книги Ф.Ф.Фидлера «Первые литературные шаги»:

Журналист упоминает первую рецензию на книгу Бунина в журнале «Артист», где поэту давался совет «покинуть занятия поэзией», и заключает: «Поэт, однако, совету авторитетного журнала не внял и... через годы был увенчан академическими лаврами».

См.: 12...19 января 1911, первая запись.

На железнодорожной станции Астапово умирает Л.Н.Толстой.

См.: 8 ноября 1910, первая и вторая записи; 9 ноября 1910; 11 ноября 1910, вторая запись.

Ноябрь, 8. В Петербурге Бунин присутствует на экстренном заседании Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, на котором было принято решение послать коллективную телеграмму вдове Л.Н.Толстого:

«В глубокой скорби о тяжкой утрате понесенной русским народом разряд изящной словесности просит вас принять выражение его сердечного сочувствия вашему горю. Присутствовавшие в экстренном заседании разряда члены: Константин А.Кони Ив.Бунин К.Арсеньев Ф.Фортунатов Д.Овсянико-Куликовский Н.Кондаков В.Ламанский Н.Котляревский А.Шахматов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 5727 оф.
Письма (*2*). С. 410.

На этом же заседании также было решено отправить С.А.Толстой коллективное письмо, которое подписывает, в частности, Бунин:

«Глубокоуважаемая София Андреевна. Разряд изящной словесности Императорской Академии наук, имевший честь и радость считать в числе своих членов графа Льва Николаевича Толстого, уже выразил Вам тяжелую скорбь свою по поводу кончины супруга Вашего, имя которого стало одним из самых дорогих достояний русского народа и останется таким навсегда, как пример и символ прекрасного, в своем нравственном величии, соединения громадного неподражаемого таланта, бестрепетного ума и горячего сердца.

Но Разряд, оплакивая со всею Россией незаменимую утрату, ею понесенную, не может, вместе с тем, не обратиться благодарною мыслию и к Вам, сотруднице жизни покойного, почти полвека оберегавшей его время и труд от мелочных житейских тревог и окружавшей его теплом своей любящей заботливости. Пусть сознание этой Вашей заслуги перед покойным и перед русскою землею послужит Вам хотя некоторым утешением в Вашем безмерном горе и по возможности укрепит Ваши потрясенные силы — для свидетельства и воспоминаний о том, кто, умерев телесно — будет продолжать жить и в Вашей страждущей душе — и в душе нашей... Члены Разряда изящной словесности, проживающие в С.-Петербурге: Константин, А.Кони, Ив.Бунин, К.Арсеньев, Ф.Фортунатов, Н.Кондаков, Н.Котляревский, А.Соболевский, Д.Овсянико-Куликовский, В.Ламанский, В.Истрин, А.Шахматов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 5727 оф.

Текст этого письма дается здесь полностью, т.к. он не вошел в книгу *Письма* (*2*).

В письме М.М.Коцюбинскому с Капри (21 ноября н. ст.) А.М.Горький сообщает:

«По прежнему увлекаюсь “Деревней” Бунина».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 182.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«Бунин Ваш в прозе VI-го тома своих сочинений мне нравится, но поэт он такой же, как я столяр. Это не творчество, а клейка виршей».

ЛН. Т. 95. С. 230.

Ноябрь, 9. В связи со смертью Л.Н.Толстого Бунин посылает из Петербурга С.А.Толстой телеграмму:

«В невыразимой скорби благоговейно целую вашу руку и ту священную землю что приемлет прах погибшего».

Письма (*2*). С. 154.

Ноябрь, 11. В письме В.Я.Брюсову из Сосновки Бунин подтверждает свое обещание дать свое произведение в журнал «Русская мысль»:

«Не могу сказать, когда именно, но если это будет не так скоро, как хотелось бы, то только потому, что прошлое лето — а я работаю почти исключительно летом — я, по многим причинам, работал мало и плохо».

Письма (*2*). С. 154.

Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Дорогой, мы опять уже две недели в Птб. Зарезали меня дела, надоели до́ смерти. <...> Толстой потряс меня, как, кажется, ничто в жизни не потрясало».

Письма (*2*). С. 155.

Ноябрь, 13. Бунин пишет А.М.Горькому:

«Получил Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, только на днях. Получив, очень обрадовался, что Вы в добром здоровье, — и взволновался: и от похвал Ваших, и главное, оттого, что общение с Вами всегда хорошо волнует меня. Хотел на утро ответить Вам, но утром профессор Гусаков, у которого мы с Верой гостим, вошел и сказал (о Толстом): “Конец”. И несколько дней прошло для меня в болезненном сне. Беря в руки газету, ничего не видел от слез. Не могу и теперь думать обо всем этом спокойно.

Большое Вам спасибо, дорогой, за похвалы. Сильно побуждают они меня на новую лучшую работу. А что густа “Деревня” — святая правда. Я ведь и сам писал Вам: забил я себя в тиски! Да и многое другое совсем не так, как надо. Но не до того мне было. — Очень хочется знать Ваше впечатление от конца. “Совр<еменный> мир” выйдет на днях. Отдельное издание (“Моск<овское> книгоизд<ательство>”) — на будущей неделе.

Худ и стар я стал — ужасно. А все сижу, сижу среди этой тьмы, слякоти и всяческой мерзости. Мы здесь, в Сосновке, уже третью неделю. “Просв<ещение>” торговало меня (навеки), давало 40000 и по 500 за лист будущего; изнуренный вечными думами о завтрашнем дне, чуть было не сдался я. Теперь искушает меня “Пр<освещение>” новым предложением <...>.

Смерть Толстого как будто взволновала публику, молодежь, но не кажется мне это волнение живым. Равнодушие у всех ко всему — небывалое. А уж про литературу и говорить нечего. До толков о ней даже не унижаются».

Письма (*2*). С. 155.

Ноябрь, 13...15. Выходит № 11 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 7–48) печатается окончание повести «Деревня».

Граница события определена по упоминанию в письме Бунина. См.: 13 ноября 1910.

Ноябрь, 16 (29). А.М.Горький пишет М.К.Куприной-Иорданской с Капри:

«А “Деревня” будет оценена, будет. Это – произведение исторического характера, так о деревне у нас еще не писали. Очень грустно, что местами Иван Алекс. придал этой вещи колорит туземный, этнографический, слишком щедро разбрасывая местные речения, но – это легко устранить. Вот тема для статьи “Деревня и Дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина”, – но необходимо, чтобы статью писал человек не токмо с русской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю. Вы такого не знаете. Я – тоже».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 192-193.

Ноябрь, 17. Актер А.Д.Спинулас дарит Бунину свой фотопортрет с надписью:

«Считаю честью принятия Вами на доброй память портрет от глубокоуважающего Вас Андрей Дионисьевич Спинулас. 19$\frac{17}{\text{XI}}$10.

(Адрес мой) Греция, остров Корфу, деревня Бенница».

ОГЛМТ, ф. 14, № 738 оф.

Ноябрь, 19. В письме Н.А.Котляревскому Бунин просит подготовить от имени Императорской Академии наук письмо в Комитет Добровольного флота:

о предоставлении ему «в целях литературных и просветительных» бесплатного проезда в 1910 и 1911 гг. в отдельной каюте «от Одессы до Владивостока и обратно на пароходах Добровольного флота с уплатою только за продовольствие». И далее добавляет: «Очень совестно мне, что беспокою Вас, но – простите ради великой моей страсти к путешествиям! Буду бесконечно благодарен, если сообщите все это А.А.Шахматову и поможете мне!

Очень жалеем, что не удалось еще раз побывать в вашем “академическом чердачке”: боюсь бессонных ночей как огня! Будьте добры передать наш сердечнейший привет Вере Васильевне».

Письма (*2*). С. 156.

Ноябрь, 18 или 19 (Декабрь, 1 или 2). А.М.Горький пишет А.В.Амфитеатрову с Капри:

«Бунин кончил “Деревню” – это первоклассная вещь. Первый раз в литературе нашей – если не считать “Утро помещика” <Л.Н.Толстого> – слишком отдаленное, и в “В овраге” <А.П.Чехова> – вещь эпизодическую, первый, говорю, раз “Деревня” написана столь мужественно-правдиво, с таким искреннейшим стоном и так “исторически”. А какие удивительные детали! Этот Краснобаев, расписавшийся “Бенедиктов” – какая тут драма приоткрыта. “Тень язычника” – изумительно на месте. “Смерть нищего” – Л<ьву> Н<иколаевичу Толстому> впору! Да! Да! Вот тема для статьи “Дворянство Ал.Толстого и крестьянство Бунина”».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 193–194.

Ноябрь, 20. Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у Ф.К.Сологуба.

См.: 21 ноября 1910, первая запись.

В письме Бунин спрашивает Ю.А.Бунина, есть ли ответ К.П.Пятницкого по поводу выкупа «Просвещением» его книг из «Знания».

Письма (*2*). С. 156.

Бунин пишет К.П.Пятницкому:

«...горячо, убедительно прошу Вас *немедленно* ответить мне, за какую цену Вы можете продать мне все экз. моих сочинений <...>. Я бы их выкупил для "Просвещения", которое даст мне довольно приличную сумму за право издавать меня в течение 10 лет. Сумма эта обеспечила бы и успокоила меня, дала бы возможность работать как следует — и поэтому еще раз прошу Вас помочь мне в этом и простите мне измену "Знанию", на которую толкает меня нужда».

Письма (*2*). С. 156–157.

Ноябрь, середина. При № 25 петербургского «Нового журнала для всех» годовым подписчикам посылается альбом «Галерея современных писателей. Бесплатное приложение к "Новому журналу для всех" за 1910 г.» (СПб., [1910]), в котором (с. 7) воспроизводится фотопортрет Бунина с подписью: «Иван Алексеевич Бунин. (Почетный академик). Род. в 1870 г.».

Граница события определена по редакционному объявлению в журнале, в котором кратко сообщается о смерти Л.Н.Толстого.

Ноябрь, 21. Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину о затянувшихся переговорах с издательством «Просвещение» и посылает текст издательского договора с просьбой дать совет:

«...какой изнурительный негодяй Цетлин. Он тысячу <раз> соглашался на то или другое — и на другой день отказывался от своего согласия. <...> Завтра вечером хочу уехать в Гельсингфорс и воротиться в среду вечером, заявив Идельсону, что я подпишу только тот текст договора, что посылаю тебе. <...>

Вчера были у Сологуба. <...>

"Шиповник" говорит, что они идут на мой договор — дают даже 32000».

Письма (*2*). С. 157.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано (4 декабря н. ст.):

«"Деревню" не читал и не имею где достать. Если у Вас свободна, пришлите. Меня интересует Бунин двойственностью своего таланта: всё, что я читал его в стихах, — жидкая версификация; всё, что в прозе, — поэзия, творчество. Если у этого человека есть за душою что сказать, может написать большую вещь».

ЛН. Т. 95. С. 241.

Ноябрь, 23 (Декабрь, 6). В ответном письме А.М.Горький пишет о заключительной части повести «Деревня» и предостерегает Бунина от соглашения с издательством «Просвещение»:

«Конец "Деревни" я прочитал — с волнением и радостью за Вас, с великой радостью, ибо Вы написали первостепенную вещь. Это — несомненно для

меня: так глубоко, так *исторически* деревню никто не брал. <...> Я не вижу, с чем можно сравнить Вашу вещь, тронут ею — очень сильно. Дорог мне этот скромно скрытый, заглушенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за нее — и все это — ново. *Так* еще не писали. Превосходна смерть нищего, у нас бледнеют и ревут, читая ее. Дивная черта — “тень язычника”! Вы, может быть, и сами не знаете, как это глубоко и верно сказано. <...> Да, Вы написали мужественно, даже можно сказать — героически. Боже мой — какое великое явление русская литература, и какую мучительную любовь будит она. <...>

Не считайте моих речей о “Деревне” приподнятыми и преувеличенными, это не так. Я почти уверен, что московские и петербургские всех партий и окрасок Иваны непомнящие и незнающие, кои делают критические статьи для журналов, — не оценят “Деревни”, не поймут ни существа, ни формы ее. Угроза, скрытая в ней, тактически неприемлема как для левых, так и для правых: — угрозы этой никто не заметит.

Но я знаю, что когда пройдет ошеломленность и растерянность, когда мы излечимся от хамской распущенности — это должно быть или — мы пропали! — тогда серьезные люди скажут: “Помимо первостепенной художественной ценности своей, «Деревня» Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России? Мы еще не думали о России, — как о целом — это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически”.

Не этими словами, но — это будет сказано, или я ничего не понимаю. Я серьезно поздравляю Вас, дорогой мой друг, Вы сделали прекрасно прекрасное дело. Ибо искусство — святое дело. <...>

Предложение “Просвещения” первое — обидно, второе — ловушка Вам. <...> Иван Алексеевич — не ходите к ним, перетерпите года два-три, дайте еще две-три повести, и тот же Цетлин заплатит Вам тогда втрое больше, чем предлагает теперь. Имейте в виду: Вы товар более выгодный в ближайшем будущем, чем Андреев теперь, да, да!

Извиняюсь за “товар”, но ведь речь идет о купце. Купец этот жаден, но — не очень умен, как Вы скоро убедитесь. Между прочим, ему известно, что Ваши и Леонидовы книги идут почти ровно, с очень небольшим перевесом в сторону Леонида. <...>

Убедительно советую Вам — подержитесь, не продавайте.

Хотите ли сделать мне большое удовольствие? Если да, то отдайте простенько переплести “Деревню”, когда выйдет отдельным изданием, и пришлите, поставив автограф».

Горький. ПСС. Т. 8. С. 196–198.

Ноябрь, 24. Бунин посылает А.М.Горькому телеграмму:

«Хочу выкупить все свои книги о цене сообщите “Знанию”».

Письма (2). С. 158.

В ответ К.П.Пятницкий посылает Бунину телеграмму:

«Наивысшая уступка тридцать процентов. “Знание”».

Письма (2). С. 556.

Также К.П.Пятницкий пишет Бунину письмо:

«Итак, Вы уходите, вероятно, в “Просвещение”. Искренно жалеем об этом, но не упрекаем. <...>

Вы сами понимаете: Ваш уход для нас не выигрыш. Тем не менее мешать Вам, настаивать на своем формальном праве задержать новое издание мы не намерены».

Письма (2). С. 556–557.

Ноябрь, 25. Бунин сообщает Ю.А.Бунину, что переговоры с «Просвещением» прервал; приедет в Москву в воскресенье 28 ноября.

Письма (2). С. 158.

Ноябрь, 27. Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Петербурга в Москву.

В газете «Киевская мысль» (№ 328. С. 2) публикуется статья Л.Н.Войтоловского «Новая повесть И.А.Бунина “Деревня”».

Рецензент пишет: «И теперь и раньше И.Бунин стоял в литературе особняком <...> публика давно читает и любит Бунина. Подобно Чехову, он ведет свою родословную от Тургенева. Это — в общем тургеневском колорите, дающем какое-то фамильное сходство многим русским художникам». Переходя к разбору повести, критик отмечает: «...деревня всегда была истинной стихией его творчества, и оттого он вернулся к ней. И то, что он написал теперь о деревне, — действительно страшно. С какой-то удивительной категоричностью изображена здесь подавляющая тупость и одичалость деревни». Кратко пересказав содержание, автор подчеркивает: «О вырождении деревни вопиет каждая страница этой повести еще более, чем о злобе и подлости мужиков. <...> Каждый рвется вон из этого царства нужды и смерти и, мечтая о наживе, мечтает о ней, прежде всего, как о средстве приобщения к городу. Этой тягой в город живет и Тихон <...>. На этом гнетущем фоне Бунин выводит много отдельных интересных фигур. <...> Но бунинская деревня <...> В противовес деревне Решетникова, Тургенева и Успенского, она рисует все сплошь в безотрадных и отвратительных красках. <...> Все эти моменты в жизни деревни описаны автором превосходно. Превосходна и вся бытовая обстановка деревни, описанная сжатым, метким и живописным языком. К числу недочетов повести следует отнести злоупотребление тульским жаргоном <...>, страсть к резонерству Кузьмы, заимствованная им не совсем удачно у горьковского Тиунова (“Городок Окуров”), и множество утомительных деталей. <...> Этих ненужных деталей и мелких характеристик, не имеющих отношения к делу, так много, что они местами совершенно обременяют внимание читателя и создают досадную, раздражающую расплывчатость. Но по силе общего впечатления этой повести суждено занять очень видное место».

Ноябрь, до 28. Выходит отдельное издание повести «Деревня» (М.: Московское книгоиздательство, 1910. 220 с.). Тираж 4000 экз. Цена 1 р. 25 к.

Граница события определена по объявлению в газете «Студенческая жизнь» (1910. 28 нояб. (№ 39/15). С. 16) о выходе книги. Тираж книги определен по: *Книжная летопись.*

Ноябрь, 28. Утром Бунины прибывают в Москву, где начинают готовиться к заграничному путешествию.

См.: 25 ноября 1910.

Ноябрь, после 28. Бунин посылает З.А.Пешкову, Е.И.Буковецкому, А.В.Амфитеатрову отдельные издания повести «Деревня» (М., 1910), очевидно, с дарственными надписями.

Эти экземпляры неизвестны. См.: 6 (19) декабря 1910; 7 (20) декабря 1910.

Ноябрь, 29. В открытке Бунин спрашивает П.А.Нилуса о его планах:

«Очень хочется тебя видеть».

Письма (2). С. 158.

Ноябрь, 30. Н.Д.Телешов в письме Бунину из Москвы просит выписать для него из Академии 3-й выпуск 1-го тома «Словаря русского языка» 1895 г. издания.

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 597.

Декабрь, 1. В петербургской газете «Россия» (№ 1516. С. 2) публикуется статья Д.Агова «Литературная хроника» о продолжении повести «Деревня».

Критик пишет: «Приходится констатировать с прискорбием, что г. Бунин исполнил угрозу продолжить свою чудовищную “Деревню” — и опять преподносит читателю роскошный букет из “пузатых чертей”, “навоза”, “стерв” и... слов, которые даже в этой повести заменены точками, причем для вящего эффекта иногда сохраняются только первая и последняя буквы. Героем и второй части является “образованный” Кузьма — уездный мещанин с стремлением к писательству, спорящий с неким Балашкиным о Платоне Каратаеве, “хрестовых” походах, “леригиозных” войнах, размышляющий о том, как “Муронцев отбрил премьер-министра”. Черты современной деревни наляпаны густо — и всюду избраны для воспроизведения только грязь, грубость, озлобленность... Частности верны, реализма — хоть отбавляй, но *в целом* — совершенно ложное освещение, надуманная, из одних подробностей (часто не характерных) составленная картина, раздражающая читателя своей беспардонной тенденциозностью».

Декабрь, 2. Бунин вновь пишет П.А.Нилусу, спрашивая о его планах заграничных поездок:

«В Москве невероятно гнусная погода — не запомним такой. Все больны. Ужасно боюсь опять свалиться от жабы. <...> Думаю, что числа 6, 7-го выедем».

Письма (2). С. 158.

П.А.Нилус сообщает Бунину в письме:

«С литературой покончено, взялся за кисть <...> на нашей выставке и на “передвижной”, только что открывшейся у нас, имею успех», а также пишет, что не посылает свой роман, боясь, что он не застанет Бунина в Москве, собирается сам ехать в Москву и Петербург.

Письма (2). С. 557–558.

Декабрь, 3. Бунин получает заграничный паспорт № 13308.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2948/8 оф.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 1048. С. 3) в рубрике «Книжные новости» печатается рецензия на отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910). Без подписи.

Рецензент пишет: «“Деревня” И.А.Бунина рисует в широком масштабе жизнь современного крестьянства, его переживания и разруху, его новообразования и смутные устремления вперед, после «ложной тревоги» 1905 года. Яркая и талантливо написанная картина этой книжки имеет свою большую ценность не только в силу своих изящных красот, но и как превосходный материал для анализа и изучения современной деревни».

Декабрь, 4. Бунин пишет Н.И.Иорданскому:

«Дорогой Николай Иванович, я совсем болен — почки, печень, нужно как можно скорее уезжать, а пуститься в Египет с деньгами малыми и нельзя, и страшно. Протяните руку помощи! И ответьте, пожалуйста, — немедленно».

Письма (*2*). С. 159.

Декабрь, 6 (19). З.А.Пешков, получив повесть «Деревня», пишет Бунину с Капри:

«Дорогой и милый, ужасно хороший Иван Алексеевич! Несказанно обрадован и счастлив получить от Вас книжку. Тысячу спасибо — за память и за внимание, очень лестно и дорого это нам. Говорю “нам” не зря, потому что жена моя восторженная Ваша поклонница.

Каждая строчка в “Деревне”, каждая страница может дать тему для большой повести, — так резки и драматичны черты, штрихи, так все содержательно...

Прочел я последнюю часть, глаза слезами застланы; совсем позабыл, что живу в Италии, на острове Капри. <...> Боже, что же это за жизнь *там*!

Удивительно люблю я Вас, писателя, с таким волнением всегда читаю Ваши стихи и прозу. <...>

Еще раз спасибо. Когда приедете на Капри? Хочется увидеть Вас?»

К письму есть приписка Л.П.Пешковой: «Низко и я Вам кланяюсь, Иван Алексеевич! Крепко любим мы Ваши книги, так трогают Ваши стихи, и вдруг такая радость — книгу Вашу получили светлым подарком от Вас. Благодарим Вас за душевное пожелание».

ОГЛМТ, ф. 14, № 940 оф.

В книге *Письма* (*2*). С. 560 ошибочно указано, что это письмо неизвестно.

Е.И.Буковецкий пишет Бунину из Одессы, выражая благодарность за присылку отдельного издания повести «Деревня»:

«Прочел я ее по корректуре, что раз была у Петра, хорошо!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1.

Декабрь, 1...6. Бунин посылает С.М. и М.И.Ростовцевым отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910).

Этот экземпляр неизвестен. См.: 8 декабря 1910, третья запись.

Декабрь, 7 (20). А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«Бунин прислал мне "Деревню". Как его адрес? Надо мне ему ответить. Вещь любопытная, хотя, признаюсь, по Вашему отзыву я ждал большего. Напишу о ней».

ЛН. Т. 95. С. 250.

См.: февраль 1911, третья запись.

Декабрь, 8. Бунин посылает А.М.Горькому отдельное издание повести «Деревня» с дарственной надписью:

«Дорогому другу моему Алексею Максимовичу Ив.Бунин. 8 дек. 1910 г.».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Комитет Добровольного флота выдает Бунину рекомендательные письма, адресованные Агентствам Добровольного флота в Гонконге, Сингапуре, Шанхае и Нагасаки, а также предоставляет бесплатный проезд на пароходе от Одессы до Владивостока через Средиземное и Красное моря, Индийский и Тихий океаны с платой только за продовольствие в пути.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2904, 2906–2909 оф.

С.М.Ростовцева пишет Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич, Михаил Иванович и я очень благодарим Вас за Ваше любезное внимание и очень тронуты присылкой "Деревни". Тяжелое и беспросветное впечатление производит Ваша повесть и как мало надежды на какое-либо изменение в этой жизни тяжелой и печальной. Ужасно жалеем, что не видали Вас до Вашего отъезда. <...> не будьте скупы на открытки, приятно знать о радости друзей».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3125/11 оф.

Декабрь, 1...9. Бунин дарит А.С.Изгоеву отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) с надписью:

«А.С.Изгоеву в память старой дружбы Ив.Бунин».

РНБ. Русский фонд, 130/4173а.

Бунин дарит Н.А.Котляревскому отдельное издание «Деревни» (М., 1910) с надписью:

«Дорогому Нестору Александровичу Котляревскому Ив.Бунин».

ИРЛИ Б-ка, 46 5/52.

Бунин дарит В.П.Кранихфельду отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) с надписью:

«Глубокоуважаемому Владимиру Павловичу Кранихфельду Ив.Бунин».

ИРЛИ Б-ка, 1936к/1256.

Бунин дарит Л.А.Хитрово отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) с надписью:

«Льву Аркадьевичу с любовью и уважением Ив.Бунин».

ЕКМ – 7677. КН – 1953.

Бунин дарит М.П.Чеховой отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) с надписью:

«Марии Павловне всей душой и неизменно преданный ей Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 30.

Границы событий определены по дате выхода книги и времени пребывания Бунина в Москве.

Ноябрь, 28...Декабрь, 9. Представители издательства «Шиповник» приезжают в Москву и пытаются продолжить переговоры с Буниным об издании всех его сочинений; от переговоров с ними Бунин уклоняется.

Границы событий определены по времени пребывания Бунина в Москве.

См.: 17 декабря 1910, третья запись.

Декабрь, 10. Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Москвы в Одессу.

Дневники. Т. 1. С. 94.

В петербургской газете «Против течения» (№ 9. С. 4) в рубрике «Книги, поступившие в редакцию» (без подписи) упоминается отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) и дается краткая характеристика книги:

«Мрачную картину современной русской деревни рисует Ив.Бунин. Просто, спокойно, эпически, без подчеркиваний, рассказывает Бунин. Здесь все типы, все факты, за которыми чувствуется живая действительность. По существу повесть напоминает чеховских “Мужиков”, но только написана более жестко, более сурово. Нет в ней чеховской мягкости и теплоты. И страшная, удручающая вышла картина!»

Декабрь, 11. В московской газете «Русское слово» (№ 286. С. 2) публикуется статья А.А.Измайлова «Новые книги. “Деревня” И.Бунина».

Рецензент отмечает, что «Деревня» «самая большая вещь, какую до сих пор написал Бунин, но не самая значительная. Ее преимущество перед сотнями повестей, живописующих современную деревню, в том, что Бунин отлично знает быт современных деревенских людей, сам жил в деревне, встречался, говорил с народом, что у него превосходная записная книжка, куда занесено много меткого и характерного, что он видел и слышал. Но по замыслу своему повесть не ушла дальше обычных замыслов наших “деревенских” беллетристов. <...> на этот раз и Бунин — не уходит от формы очерков, с малым движением, почти без фабулы. <...> Мужики Бунина — мужики тех же Чехова, Глеба Успенского, Николая Успенского. Несколько десятилетий прошло, а воз и ныне там. Кошмаром веет от бунинской деревни. И Бунину он не приснился, а привиделся воочию в темные осенние вечера, когда он ходил по избам и говорил с мужиками. Бунин не нанизывает тенденциозно однородных фактов на один стержень, как Родионов в своей нашумевшей, но нехудожественной книге. Может быть, поэтому он не встретит успеха Родионова, хотя в своей повести он несравненно больше художник. Бунин не сумел или не захотел ловить читателя на верную приманку сюжета и тенденции. И обыкновенного читателя, не собирающегося писать монографию о современной деревне, при чтении этих двухсот страниц не раз посетит совершенно определенное чувство скуки».

Имеется в виду книга И.А.Родионова «Наше преступление. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни» (2-е изд. СПб., 1910).

Декабрь, 11 или 12. Бунины приезжают в Одессу.

Декабрь, 14. С.Т.Семенов в письме просит Бунина прислать ему экземпляр отдельного издания повести «Деревня».

На полях письма есть помета Бунина: «Послал».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 196.

Декабрь, 15. Бунин получает бесплатный «билет № 2901 Добровольного флота на проезд в каютах от Одессы до Владивостока и обратно с правом остановок в портах на пароходе "Владимир" и других <...> с оплатой продовольствия в пути непосредственно капитанам пароходов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2948/8 оф.

Бунин сообщает Ю.А.Бунину в открытке:

«Нынче выходим до Порт-Саида — я беспл<атно>, Вера с платой. Решение о бесплатном ее проезде будем ждать в Египте. <...> "Владимир", на котором идем до Порт-Саида, большой. Разрешение на перерывы в пути имею от одесского агентства».

Письма (*2*). С. 159.

Вместе с В.Н.Муромцевой Бунин на пароходе «Владимир» отправляется из Одессы в заграничное путешествие.

В газете «Одесские новости» (№ 8294. С. 2) помещается интервью «У И.А.Бунина» (подпись: А.Ар. <А.А.Аренберг>).

Бунин рассказывает о литературном мире Петербурга и своем впечатлении о предсмертном шаге Л.Н.Толстого:

«— Впечатление, которое на меня произвел уход Льва Николаевича, <...> настолько было необычайно; это был настолько ослепительный шаг, это было проявление такого величия души великого старца, что, право, трудно в нескольких словах передать охватившее меня чувство. Просматривая в те дни газеты, я не мог их читать: глаза заволакивались слезами. То были слезы смешанного чувства — горя и радости. Я искренно радовался тому, что славная жизнь величайшего из великих завершилась таким шагом, который должен был вызвать преклонение всего мира. Я радовался тому, что ни преклонный возраст, ни надломленное здоровье не способны были удержать этого гения от шага, который так ослепительно завершил эту великую жизнь. Я плакал при мысли, как велики должны были быть страдания этого человека от мучивших его противоречий, если необходимо было тайком, в глухую ночь, оставить родной кров и пуститься в далекий путь, бог весть куда... <...> Его душа жаждала охватить весь мир, но, увы, волей судьбы этот гений должен был, закутавшись, сойти на какую-то глухую станцию, чтобы там закончить славные свои дни...». На вопрос о дальнейшей судьбе легендарного железного перстня Пушкина, от которого он перешел к И.С.Тургеневу, а затем к Л.Н.Толстому, Бунин отвечает: «Я сказал бы, что перстень должен полежать некоторое время и не принадлежать пока никому. Толстой был слишком велик, чтобы можно было теперь, сейчас же после ухода этого человека в лучший мир, найти хоть более или менее достойного заместителя».

Далее писатель отмечает, что попытки официальных кругов объяснить уход Толстого желанием вернуться в лоно православной церкви «настолько плоски, нелепы и невероятны, что ничего, кроме улыбки, они вызвать не мо-

гут»; выступления Л.Л.Толстого, обвинявшего В.Г.Черткова в смерти отца, Бунин называет «возмутительными» и подчеркивает: «меня возмущает, что человек, имевший величайшую радость быть сыном гения, имевший счастье быть постоянно при великом человеке, не мог постичь движения души своего отца, не мог понять потрясающей драмы, переживаемой близким человеком».

О последних литературных новостях Бунин говорит:

«— Настоящая зима в области литературы оказалась на редкость бесцветной. В прошлом году говорили, по крайней мере, много о порнографии; теперь же даже и о порнографии перестали говорить. Одно лишь с несомненной и чрезвычайной ясностью вырисовывается, — это резкий поворот симпатий как литературных, так и читательских кругов в сторону реализма. <...> Лично я, конечно, приветствую этот поворот как симптом оздоровления читательского настроения.

— Что касается меня, то ныне я работаю над романом, размером “Деревни”, посвященным жизни интеллигентных кругов обеих столиц». В заключение Бунин сообщает о маршруте предстоящего путешествия: Порт-Саид, Египет, Луксор, Асуан, Цейлон, Индия, Сингапур, Япония.

Речь идет о замысле Бунина написать роман «Город»; не был осуществлен. См.: 7 (20) января 1911.

Декабрь, 16. В газете «Одесские новости» (№ 8295. С. 3) публикуется интервью (без подписи) «Отъезд И.А.Бунина».

Писатель высказывает свое мнение о таланте А.М.Горького: «Все толки <...> об упадке якобы таланта Горького следует, по-моему, считать вздорными, не имеющими под собой никаких оснований. Лично я продолжаю считать, что очень крупный художественный талант Горького остается на прежней высоте. <...> М.Горький в свое время был писателем России, но талант его эволюционирует, и, по-моему, Горький идет к тому, чтобы перестать быть писателем исключительно русским и занять положение писателя общечеловеческого. Согласитесь, что для такого писателя совершенно неважно, живет ли он в России, Италии или какой-либо другой стране». Отметив из последних произведений Горького «Чудаков», «Городок Окуров», Бунин заключает: «Самым же крупным произведением М.Горького последних лет я считаю “Исповедь”. Такие произведения пишутся не людьми, талант которых идет на убыль, а писателями, находящимися в полном расцвете художественных сил. Алексей Максимович, по-моему, один из очень немногих в нынешней русской беллетристике, делающих настоящее и большое дело».

В газете «Одесский листок» (№ 289. С. 4) помещается фельетон А.Х.Рабиновича «Каждый день. Погода, паника и министр» (подпись: Бедовый), в котором, в частности, в юмористической форме автор излагает свою беседу с Буниным о погоде и циклонах в связи с будущим заграничным путешествием писателя.

Декабрь, 17 (30). Бунины прибывают в Константинополь.

Бунин посылает М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому открытку:

«Дорогие друзья, шлем от всей души привет Вам из Константинополя. Плывем в Египет».

Письма (*2*). С. 159.

В этот же день на пароходе «Владимир» Бунин пишет М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому письмо, объясняя свое решение поехать в Египет, а поездку на Капри отложить до весны:

«...слишком уж упорно уговаривал меня доктор побыть в жарких странах в рассуждении моих недугов. <...> видит Бог, сердце мое и было, и есть переполнено нежностью и благодарностью. Позвольте промолчать, дорогие и милые друзья, позвольте сказать только, что если напишу я после "Деревни" еще что-нибудь путное, то буду я обязан этим Вам, Алексей Максимович. Вы и представить себе не можете, до чего ценны для меня Ваши слова, какой живой водой брызнули Вы на меня!

Переговоры с Цетлиным я прервал, от переговоров с "Шиповниками", приезжавшими на днях в Москву торговаться со мною, уклонился. Бесконечно был бы рад расцвету "Знания", бесконечно!».

Письма (*2*). С. 160.

В письме к П.К.Симони Бунин сообщает свой Египетский адрес и просит прислать в Москву 3-й выпуск 1-го тома Словаря русского языка, выпущенного Академией в 1895 г.

Письма (*2*). С. 160.

В.Н.Муромцева начинает письмо к родным:

«Идем по Босфору. <...> Народ все простой. Все перезнакомились. Черное море, которого я боялась, мы прошли вполне благополучно... В Константинополе пробудем до завтрашнего дня. Отход назначен в 5 ч. вечера. Может, сойдем на берег и еще что-нибудь посмотрим, чего не видали. <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3220 оф.

См.: 22 декабря 1910 (4 января 1911), вторая запись.

Декабрь, 18 (31). В 5 ч. вечера Бунины отправляются из Константинополя на пароходе «Владимир».

См. 17 (30) декабря 1910, пятая запись.

Декабрь, 20 (Январь, 2, 1911). А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«А к Бунину, и после "Деревни", любви у меня мало. Барином писана вещь, с господской брезгливостью».

ЛН. Т. 95. С. 251.

Декабрь, 22 (Январь, 4, 1911). Бунин с В.Н.Муромцевой приезжают в Бейрут.

В.Н.Муромцева заканчивает свое письмо к родным:

«Совершенно для нас неожиданно мы заходим в Бейрут, там мы были в первое наше путешествие. <...> Пишите в Каир на имя Яна J. de Bounine poste-restante. Мы думаем в Египте провести месяц с лишком, но где обоснуемся еще не решили, может Гелуан, может Луксор, может в Ассуане. <...> Сегодня пришли в Бейрут. Погода чудесная. <...> Завтра снимаемся и идем на Порт-Саид».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3220 оф.

Декабрь, 23 (Январь, 5, 1911). Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Ни один самый лучший день нашего лета не сравнится с этими двумя днями, что мы в Бейруте. И говорят, что почти месяц — изо дня в день такая погода здесь. Нынче идем в Порт-Саид».

Письма (*2*). С. 161.

Бунины отправляются на пароходе «Владимир» из Бейрута в Порт-Саид.

Декабрь, 24 (Январь, 6, 1911). Вечером Бунины прибывают в Порт-Саид, где у Бунина случается острый приступ боли в животе, причину которой не могут понять местные доктора.

См.: 30 декабря 1910 (12 января 1911), первая запись.

Декабрь, 25 (Январь, 7, 1911). Вечером Бунины отправляются по Суэцкому каналу в Суэц.

См.: 30 декабря 1910 (12 января 1911), первая запись.

В газете «Одесские новости» (№ 8303. С. 2) публикуется стихотворение «Сон. Из книги пророка Даниила» («Царь! вот твой сон: блистал перед тобою...»).

Декабрь, 26 (Январь, 8, 1911). Утром Бунины прибывают в Суэц.

Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает в Каир.

См.: 30 декабря 1910 (12 января 1911), первая запись.

В московской газете (?) печатается статья Н.Я.Абрамовича «Современный Парнас. Лирика Ив.Бунина (стихи и проза)».

Критик пишет: «Лет двенадцать-пятнадцать тому назад, когда в беллетристике ярко расцветал Максим Горький, когда жадно ловилось каждое слово Чехова, когда Л.Андреева большая публика еще не знала, а Куприн был известен только как автор "Молоха", начали появляться в "Русском богатстве" маленькие деревенские рассказы Бунина.

Что касается поэзии, то в это время на нашем Парнасе звучали почти исключительно голоса поэтов новой школы, объединившихся в "Северном вестнике" — Минского, Мережковского, Сологуба, Гиппиус, входивших в известность Бальмонта и Лохвицкой. <...>

Бунин резко выделялся в этой группе, его отличал от поклонников форм художественных, от людей книги, некий "пленеризм", тяготение к свежему воздуху, к земле, к непосредственным угадываниям и схватываниям; он стремился приблизить, по завету Фета и Тютчева, к своей странице непосредственную личную жизнь.

В маленьких деревенских рассказах, которыми началась литературная известность Бунина, он сразу заговорил своим языком, и с первых же строк читатель почувствовал новое оригинальное поэтическое созерцание поэта, новые мотивы и настроения, глубоко субъективные. В авторе обнаружился чуткий, глубоко проникающий в своеобразие своих ощущений лирик-созерцатель. <...>

Эти теплые от солнца старые камни, однообразную жизнь которых чувствует поэт (том 1-ый расск.), напоминают камень Гамсуна в "Пане". Бунин меньше Гамсуна, как художник, но в лучших своих страницах он так же искренен, как и автор

“Пана”. В этом близки друг другу истинные художники всего мира, ибо искренность переживаний, дающих материал для творчества, близость строк поэта к его душе – это все, что делает художника таковым.

Освободиться от литературы, уметь свободно, независимо, по-своему, чувствовать жизнь — вот трудная задача для современных лириков.

Бунин зажигался своим собственным огнем, у него есть свое глубоко личное интимное чувство жизни, он горит своим небольшим, но чистым и нежным пламенем; он внес в свои строки богатейшую наблюдательность, чуткость к краскам, запахам, веяниям, линиям и формам в непосредственной жизни; он – младший брат Фета и Тютчева. Тихое поблескивание звездных лучей на воде полевых ям, веяние весны сквозь стекла, звон сосновых веток в воздухе, пыль матовой росы на крыльях кобчика, весенний ветер, тихонько касающийся глаз, предчувствие дождя в саду, чувство зноя, поэмы осенних пустынь – во всем этом столько новой, бунинской, образности, столько новых рисунков и отражений!..

У меня нет места для указаний на те полные прелести и власти над душой мотивы весны, любви, зноя, моря, осени, одиночества, летнего забытья, которые в таком чистом и строгом рисунке передал Бунин. Но хочется указать еще на его очерки в прозе, являющиеся, подобно “маленьким поэмам в прозе” Бодлера, лирическими рассказами, насыщенными интимным прекрасным содержанием. Много счастья, красоты и опьянения в очерке “Осенью”, где колоссальный прибой осыпает берег дождем брызг, где столько холодной радостной свежести. Тонко передана в рассказе “Любовь” слитность стихийного чувства, рождающегося в груди девушки, с ночною жизнью сада.

Но все это писалось, пожалуй, давно. Теперь в Бунине все сильнее чувствуется художник объективный, созерцатель холодный, заботящийся о точности рисунка, все меньше бывающий у себя — в душевно интимном, все чаще выходящий к миру во вне. Но поразителен по-прежнему глаз у Бунина, меткость и часто смелость его рисунка».

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/106 оф.

Декабрь, 27 (Январь, 9, 1911). Бунины на поезде переезжают в Хелуан.

В дневнике В.Н.Муромцевой — 28 декабря (*Дневники.* Т. 1. С. 94).

См.: 30 декабря 1910 (12 января 1911), первая запись.

В газете «Sankt-Petersburger Zeitung» (№ 359) в краткой заметке (без подписи) о литературных новинках говорится:

«Поразил Иван Бунин. Его “Деревня” принадлежит к лучшим достижениям русской повествовательной прозы последних лет. Поэт небольшой, но настоящий. В его вышедшем ранее сборнике стихов нет ничего ошеломляюще нового, необычайного, но много тонкого и прекрасного» (перевод с нем. Т.В.Марченко).

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/462 оф.

Декабрь, 28. В московской газете «Русское слово» (№ 299. С. 3) публикуется стихотворение «О Петре-разбойнике» («В воскресенье, раньше литургии...»).

Декабрь, 30 (Январь, 12, 1911). Бунин пишет Ю.А.Бунину, рассказывая о начале своего путешествия:

«Милый Юлий, в Черном море прошли очень спокойно, от Константинополя до Бейрута качало, но плавно, широко <...>. Чувствовал я себя недурно, но побаливала порою какая-то точка в животе — вершка на полтора вправо от пупка. Это бывало и осенью, доктора говорили — мочеточник. В сочельник <24 декабря ст. ст.> мы подходили к Порт-Саиду, я глядел на приближающиеся огни его и вдруг почувствовал в вышеуказанном месте боль нестерпимую. <...> боль была такая, что *прерывался пульс.* Стали делать припарки, делали почти всю ночь — и боль стихла. На другой день был слаб страшно. Вечером 25-го вышли в Суэц, пришли туда 26-го утром? 26-го вечером мы прибыли в Каир, на другой день переехали в Гелуан. <...>

Живем на окраине этого маленького, чистенького плоскокрышего городка, на вилле, снимаемой одесской еврейкой под маленький санаториум. <...> Хлопочет угодить нам еврейка страшно — благодаря моей знаменитости. Платим ей очень дешево — 6 р. в сутки за двоих. Дорого здесь везде ужасно».

Письма (2). С. 161.

К.О.Ревенский пишет Бунину из Одессы по поводу его проезда на пароходах Добровольного флота:

«Вы наверно были удивлены, что до сих пор я ничего Вам не сообщил, но <...> только сейчас получил письмо из комитета о разрешении Вам бесплатного проезда, но о Вашей супруге *ни слова*».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3129 оф.

В течение года. Бунин сочиняет стихотворения «Лимонное зерно» («В сырой избушке шорника Лукьяна...»), «Дворецкий» («Ночник горит в холодном и угрюмом...»), «Криница» («Торчит журавль над шахтой под горой...»), «Памяти» («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...»).

Датируется по хронологическим рамкам в книге «Рассказы и стихотворения 1907–1910 г.» (М., 1912).

См.: 14 (27) февраля 1912, третья запись; 25...30 апреля 1912.

В серии «Библиотечка копейка» (№ 27) выходит в свет отдельное издание рассказа «Новый год» (СПб., 1910. 16 с.); на обложке — портрет писателя.

Выходит книга Ф.Ф.Гельбке «Календарь для учителей на 1910–1911 учебный год» (СПб., 1910), во 2-й части которого (с. 14) в рубрике «Книги для библиотек, признанные заслуживающими внимания для средних учебных заведений или для раздачи в награду» указаны книги Бунина: Т. 1. Рассказы. Изд. 3-е. СПб., 1904; Т. 2. Стихотворения. 2-е изд. СПб., 1909; Т. 3. Стихотворения. СПб., 1906; Т. 4. Стихотворения. СПб., 1908; Т. 5. Рассказы. СПб., 1909.

Выходит отдельное издание романса А.Архангельского на стихи Бунина «На диких скалах, среди развалин» (М.: Решке, 1910).

Выходит отдельное издание романса В.М.Липфорда на слова Бунина «Косогор» (М.: Юргенсон, 1910).

1911

Январь, 1. В петербургской газете «Новое время» (№ 12502. С. 16) публикуется обзорная статья «Русская литература в 1910 году». Без подписи.

Обозреватель пишет: «Повесть молодого академика И.Бунина “Деревня” <...> изображает серые деревенские будни. Хорошо знающий нравы и быт деревни автор не сумел, однако, реальную скуку однообразной сельской жизни претворить в яркие и выпуклые художественные образы. В итоге — ряд картин, порой мастерски написанных, порой бледноватых, но мало запечатлевающихся в уме читателя».

В петербургской газете «Речь» (№ 1. С. 11–12) печатается обзорная статья К.И.Чуковского «Русская литература».

Критик, в частности, отмечает: «И черта за чертой, по крупице, по зернышку, как драгоценную какую коллекцию, собирает, упиваясь, Бунин к себе на страницы всю грубость и грязь современной русской деревни, умело и старательно навевая нам в душу отчаяние. <...> В деревне для Бунина нет никаких перспектив: все изжито, загажено, проклято. <...> Бунин почти утешает читателя, когда говорит, что в Дурновке все банкротство и все безнадежно».

Январь, 1...4 (14...17). Бунины дважды приезжают в Каир за почтой. В Хелуане Бунин встречается с С.П.Юрицыным.

См.: 5 (18) января 1911, первая запись.

Январь, 4. Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы.

Письмо неизвестно. См.: 24 января (6 февраля) 1911.

Январь, 5 (18). Бунин пишет Ю.А.Бунину из Хелуана, что здоровье его стало лучше, но поставили диагноз подагра:

«Живем мы тихо, два раза были в Каире — и ничего ни от кого не получили на почте. Как вам всем не стыдно! <...>

Здесь живет Юрицын, бежавший из России издатель “Сына отечества” осени 1905 г. Милый человек».

Письма (*2*). С. 162.

В письме к П.А.Нилусу Бунин рассказывает о своей болезни и просит чаще писать.

Письма (*2*). С. 162.

П.А.Нилус пишет Бунину, спрашивая, где он и сообщая, что, возможно, вместе с А.М.Федоровым поедет в Египет.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 1–2.

В петербургской газете «Новое время» (№ 12506. С. 4) публикуется статья В.В.Розанова «Не верьте беллетристам», в которой цитируется литературное обозрение К.И.Чуковского из газеты «Речь» с упоминанием Бунина.

См.: 1 января 1911, вторая запись.

Январь, 7 (20). Бунин рассказывает в письме А.М.Горькому о своей болезни в Порт-Саиде, дальнейших планах своего путешествия, а также пишет:

«Не ведаю дальнейшей судьбы “Деревни”. То, что читал в Москве, Одессе, — глупо до непристойности. Да, провинциальная печать относится, кажется, живее и лучше, но и она — передает содержание порою так, что глаза на лоб лезут. — Мысль о городе давняя и настойчивая.

Вчера читали с Верой Ваш “Праздник” (в “Киевск<ой> мысли”). Захотелось на Капри страшно, слова Ваши, золотое сердце Ваше растрогало до щипанья в глазах. Ах, дорогой, очень люблю я и чту Вас!»

Письма (*2*). С. 163–164.

Январь, 9 (22). Бунин с женой приезжает в Луксор.

См.: 10 (23) января 1911.

Январь, 10 (23). В письме Ю.А.Бунину Бунин сообщает:

«Вчера приехали в Люксор, завтра уезжаем в Ассуан. Погода — как наш июньский, прохладный и серовато-нежный день. Развалины храмов громадны, но производят впечатление глиняных».

Письма (*2*). С. 164.

Январь, 11 (24). Бунины уезжают из Луксора в Асуан.

См.: 10 (23) января 1911.

П.А.Нилус в письме Бунину выражает свое огорчение по поводу его болезни и советует «основательно вылечиться в Египте», прежде чем ехать в Японию.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 11–12.

Январь, 12 (25). Бунин совершает прогулку по пустыне на осле; посещает остров Филы на Ниле между Египтом и Нубией, выше порога, где находится храм Исиды.

См. также: 16 (29) января 1911, третья запись.

Бунин пишет Ф.И.Благову из Асуана, сообщая о своей болезни:

«Теперь мы уже в Нубии, направляемся в Судан, к слиянию Нилов — Белого и Голубого! Становится чертовски жарко — и я, кажется, начинаю чувствовать себя лучше. <...> Извиняюсь, что еще ничего не послал Вам, жму руку».

Письма (*2*). С. 164.

В письме А.М.Горькому Бунин рассказывает:

«Здесь так жарко, что, когда я нынче скакал на упрямом седом осле по пустыне, думал, что меня убьет солнечный удар. А лучше острова Philae <Филы> нет ничего лучше на свете».

Письма (*2*). С. 164.

Январь, 14. В петербургской газете «Новое время» (№ 12515. С. 4) публикуется статья А.А.Бурнакина «Литературные заметки. Время упадка».

Критик, в частности, отмечает: «Они мажут ворота дегтем, возводят дикие поклепы на русского человека (не только Сологуб или Горький, но даже и Ив.Бунин, новая повесть которого “Деревня” — новая напраслина о нашем крестьянстве)».

Январь, 15 (28). На иллюстрированной открытке Бунин и В.Н.Муромцева шлют А.М. и А.Е.Грузинским «дружеский привет!»

Письма (2). С. 165.

Бунин посылает Е.А.Телешовой иллюстрированную открытку:

«Кланяемся Вам, дорогая Елена Андреевна, из Ассуана. Чувствую себя неважно <...>».

Письма (2). С. 165.

Январь, 16 (29). Бунин в иллюстрированной открытке «кланяется» М.П.Чеховой.

Письма (2). С. 165.

Бунины отправляются из Асуана в Луксор.

По пути Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Едем из Ассуана в Люксор. В Люксоре уже были — теперь опять остановимся на день — поедем в Фивы (на противоположном берегу). В Ассуане пробыли 5 суток, 2 раза ездили в Шелаль — на остров Филэ <Филы>. <...> Ездил несколько раз в пустыню на осле. Довольны Ассуаном очень. Здоровье так себе. Жить везде очень дорого. Из Люксора едем в Каир».

Письма (2). С. 165.

Январь, 17 (30)...20 (Февраль, 2). Бунины останавливаются в Луксоре, посещают древнеегипетский город Фивы, где ведутся с первой половины XIX века раскопки.

См.: 16 (29) января 1911, третья запись; 24 января (6 февраля) 1911.

Январь, 12...19. Выходит книга «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (Собрал Ф.Ф.Фидлер. М., 1911), в которой (с. 264–265) печатается <Автобиография> Бунина в форме ответов на вопросы, поставленные составителем книги.

На титульном листе книги написано: «Чистый доход с этой книги поступает в пользу Литературного фонда».

Выходит книга «Поток. Литературно-художественный альманах современных писателей» (М., 1911), в которой публикуется стихотворение «Солнечные часы» («Те часики с эмалью, что впотьмах...»).

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Январь, 20. Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы.

Письмо неизвестно. См.: 9 (22) февраля 1911.

Январь, 21 или 22 (Февраль, 3 или 4). Бунины прибывают в Хелуан.

Январь, 23 (Февраль, 5). Бунин заканчивает отзыв «О сочинениях Городецкого», представленных на соискание Пушкинской премии. Авторская дата: «Helouan 5/II 1911».

В рецензии Бунин пишет: «Решительно высказываюсь против всякого поощрения Городецкого со стороны Академии. Одолевая те 8000 строк, что представлены им, я все время чувствовал одно: чтение это — наказание, мука, тяжкий труд, а никак не эстетическое удовольствие. Городецкий не поэт, а стихотворец, может быть и обладающий некоторыми литературными способностями, но делающий все, от него зависящее, чтобы погубить их; и, наконец, то, что почти треть написанного им так темна, что добраться до

смысла невозможно, а если порою и возможно, то совершенно не стоит того». Выписав в качестве примера ряд цитат из стихотворений Городецкого, Бунин подчеркивает: «И это ли не доказательство, что поистине содрогнулась бы тень Пушкина, увидя награжденною во имя его подобную изнурительную и претенциозную болтовню! А ведь я выписал буквально сотую долю ее.

Повторяю, что не может быть, по моему мнению, и речи о поощрении Городецкого уже хотя бы за одно кровное родство его с тем, что называется "новой" поэзией — поэзией, опошлившей русский стих, доводящей его до пустозвонства или ухабистой прозы и называющей эту прозу "вольным стихом", искажающей и насилующей русский язык, превратившей слово "стихи" в посмешище, в синоним тарабарщины, приучившей публику так снисходительно смотреть на риторику, напыщенность, самолюбование, самовосхваление, фатовство, сюсюканье или грубость, требующей себе триумфов за мнимые победы и реформы, за "дерзновение" и глубину замыслов, за якобы "кованый" или "утонченный" стиль, а говорящей чаще всего вульгарно, косноязычно и даже не по-русски, — поэзией, где давным-давно нет и дыхания поэзии, где исчезла простота, непосредственность, такт, мера, ум, чувство, где воцарился дурной тон и словесный блуд, где все дешево и поддельно — и страсть, и наивность, и сила, и красота, — где преобладает то, что похоже, по определению Л.Толстого, "на бред безумного и представляет из себя нечто вроде ребусов, отгадывание которых считается признаком утонченности". Приходится сказать даже более: всякого порицания заслуживает этот молодой представитель "новой" поэзии, а уж никак не поощрения и санкции. Не он важен: важна школа, воспитавшая его. А ведь он один из первых учеников в этой школе».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 340, 343–344.

В письме А.А.Шахматову Бунин сообщает, что подготовил отзыв о сочинениях С.Городецкого, представленных на соискание Пушкинской премии, и посылает его в Академию:

«Исполнив эту работу, посылаю Вам свой отзыв об этих книгах, — в котором решительно высказываюсь против какого бы то ни было поощрения Городецкого со стороны Академии».

Письма (*2*). С. 166–167.

Бунин пишет П.А.Нилусу из Хелуана:

«Дорогой Петр, очень рад был твоему письму <...>. Мы вернулись из Ассуана, раздумав ехать глубже в Африку — утомляет меня железная дорога и убойная, перченая еда в отелях <...>. В пути трудно работать, а меня, дай Бог, не сглазить, уже потягивает. Мечтаю вернуться самое позднее — в начале апреля, а лето провести под Одессой, — это давнишняя мечта».

Письма (*2*). С. 165–166.

Январь, 24 (Февраль, 6). Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину из Хелуана:

«Милый Люкася! Вернулись из Ассуана (на пути еще раз были в Люксоре — и пробыли там почти два дня, ездили в Фивы и все осматривали — глав-

ное, колоссов Мемнона!), получили твое письмо от 4 января — единственное за все время. Были очень рады ему, надеемся еще получить скоро. Поселились опять в Гелуане. <...> Ждем парохода, чтобы ехать на Цейлон. Дойдем ли до Японии — не знаю. <...> Прилагаю черновик того, что я написал и уже *послал* в Академию о Городецком. *Прочти внимательно*».

Письма (*2*). С. 167.

Январь, 28 (Февраль, 10). Бунин сочиняет стихотворение «При дороге» («Окно по ночам голубое...»). Авторская дата: «28.I.11. Гелуан (под Каиром)».

РНБ ОР, ф. 124, № 702.
СС (*Петр*). Т. 2. С. 303.

См.: декабрь 1911, третья запись.

Январь, до 29 (Февраль, до 11). Бунин сочиняет стихотворение «Зимняя вилла» («Мистраль качает ставни. Целый день...»).

См.: середина апреля 1911.

Граница события определена по времени посылки стихотворения в редакцию журнала. См.: 29 января (11 февраля) 1911, вторая запись.

Январь, 29 (Февраль, 11). Бунины едут в Каир за почтой; посещают древние пирамиды в окрестностях города.

См.: 10 (23) февраля 1911, первая запись.

Бунин посылает в редакцию журнала «Современный мир» заказное письмо с требованием выплатить гонорар за «Деревню»; очевидно, в этом же письме посылается стихотворение «Зимняя вилла» («Мистраль качает ставни. Целый день...»).

Письмо неизвестно. См.: 30 января (12 февраля) 1911; середина апреля 1911.

Январь, 30 (Февраль, 12). В письме Ю.А.Бунину из Хелуана Бунин спрашивает:

«Вчера были в Каире, на почте — опять только одно “Русское слово”! Неужели ты только один раз написал мне? <...>

Вчера же послал заказное письмо в “Совр<еменный> мир” — он должен мне 434 р. 26 к. Требую, *чтобы переслали тебе*. <...>

Что “Деревня”? Провалилась?

NB Бери у Муромцевых и сохраняй вырезки из газет о ней».

Письма (*2*). С. 167.

Январь, до 31 (Февраль, до 13). Бунин сочиняет стихотворение «Мужичок» («Ельничком, березничком — где душа захочет...»).

См.: 1 мая 1911.

Граница события определена по упоминанию в письме Бунина. См.: 31 января (13 февраля) 1911.

Бунин сочиняет стихотворение «Песня» («На пирах веселых...»).

Граница события определена по первой публикации. См.: март 1911, вторая запись.

Январь, 31 (Февраль, 13). Бунин посылает И.А.Белоусову для редактируемого им «Нашего журнала» три стихотворения: первые два под общим заглавием «Закат»: «Две радуги — и золотистый, редкий...»,

«Вдыхая тонкий запах четок...»; «Мужичок» («Ельничком, березничком — где душа захочет...») и пишет в сопроводительном письме:

«Милый Алексеич, если ты в своем новом журнале хочешь блеснуть знаменитыми именами, то вот тебе прекрасный случай приобрести по дешевке — только по 1 р. за строку! — три стихотворения, одно из которых может украсить ближайший номер, а два остальных — пасхальный. Если да, — передай деньги за них Юлию, если нет — прочти и порви. <...>

Можешь два стих<отворения> под заглавием «Закат» разделить — тогда выйдет на целых 3 №».

Письма (*2*). С. 168.

Январь, конец. Выходит № 1 петербургского журнала «Современный мир», в котором публикуются материалы о Бунине:

— статья В.П.Кранихфельда «Литературные отклики. Легенда о кольце Пушкина» (с. 291–305).

Автор статьи рассказывает о некоем человеке, который встречался с Л.Н.Толстым и обсуждал с ним вопрос о передаче по наследству кольца А.С.Пушкина, предлагал возможные кандидатуры наследников: Д.С.Мережковский, В.Г.Короленко, Л.Н.Андреев, Бунин, А.И.Куприн, С.Н.Сергеев-Ценский, Ф.К.Сологуб, А.М.Горький. В этой связи о Бунине, в частности, говорится: «Бунин? В противоположность Андрееву, Бунин и в стихах, и в прозе дает образы и целые картины редкой отчетливости и законченности. Его пейзажи ясны, как будто он пишет их непременно в осенние солнечные дни, когда прозрачность воздуха скрадывает и уничтожает расстояния. Его человеческие фигуры правдивы и жизненны. Его стиль целомудренно прост. И за всем тем все то, что попадает на полотна этого художника, застывает в какой-то оцепенелой неподвижности. Потому что у Бунина, в противоположность Андрееву, нет вкуса к идеям. Он никуда не ведет своих героев, потому что ему некуда их вести. "Вот в каких позах и сочетаниях зарисованные мною люди расположились в жизни", — как будто говорит наш художник и, считая свою задачу выполненной, спокойный и холодный отходит от своей картины. Спокойными и холодными отходят от нее и читатели».

— рецензия на книгу «Деревня» (М., 1910). Без подписи (с. 381).

Рецензент пишет: «Из всех художественных произведений последнего времени, касавшихся жизни современной русской деревни, названное произведение Бунина нельзя не признать самым значительным. В сжатой, до скупости сжатой, форме вложено здесь огромное содержание. Упрекнуть автора можно только в том, что в его картине нет перспективы, не чувствуется дали, в которую, может быть, без достаточной определенности, но все же устремляются взоры деревенских жителей».

Январь. В петербургском журнале «Современник» (№ 1. С. 424) помещается рецензия на отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910). Без подписи.

Рецензент пишет, что бунинский «роман дает удручающий портрет нашего сфинкса <т.е. народа>. Картинки, которые он рисует, безнадежно мрачны. Народ у него грубый, мелочной, тупой, бессмысленно жестокий. <...>

То там, то сям проскальзывают злобно-иронические замечания о конституции, о Думе, о депутатах. Что, дескать, значат в такой темноте эти маленькие, кем-то зажженные огоньки?! Только оттеняют основной мрак. Все это Бунин рассказывает просто, без подчеркиваний, спокойно, без всякой лирики и обличений... И впечатление получается из его картины безотрадное, безнадежное.

Конечно, никто не станет отрицать правдивости многих картин Бунина. То темное, что он рассказал — правда. *Но полная ли правда?* Неужели же так-таки нет в деревнях никаких просветов? Не может быть. Как хотелось бы услышать правдивый, хотя бы даже не вполне грамотный, подлинный рассказ о деревне какого-нибудь мужика, деревню любящего, знающего и в ней живущего».

Февраль, 2 или 3 (15 или 16). Бунины приезжают в Порт-Саид, откуда собираются отправиться в дальнейшее путешествие, однако узнают, что время прихода парохода Добровольного флота пока неизвестно.

См.: 9 (22) февраля 1911; 10 (23) февраля 1911, первая запись.

Февраль, 6 или 7 (19 или 20). Не дождавшись парохода, Бунины уезжают из Порт-Саида в Исмаилию.

См.: 10 (23) февраля 1911, первая запись.

Февраль, 9 (22). Бунин пишет Ю.А.Бунину из Исмаилии:

«Милый Юлий, дней десять тому назад получили от тебя второе письмо — от 20 янв. <...> Мы, как видишь, в Измаилии — еще не выезжали: измучились ожиданием парохода! Татарину не пожелаю ездить на Добровольном флоте! В надежде на скорое прибытие парохода, мы приехали неделю тому назад в Порт-Саид — и узнали от агента, что о пароходе еще и ни слуху ни духу: расписания вообще не исполняются. Агент — Китаев некто, “милейший” и пошлейший человек, измучивший нас (совместно с своею супругою) своею дружбою. Кроме того, в Порт-Саиде была свирепая буря и дождь. Тогда мы решили уехать в Измаилию — 1 ч. 20 м. от Порт-Саида. Здесь — изумительно хорошо, но ожидание измучило».

Письма (2). С. 168.

Февраль, 2...9. В серии «Современная русская литература» (№ 72) выходит отдельное издание рассказа «Астма» (СПб.: Освобождение, 1911. 56 с., 1 л. портр.). Тираж 3000 экз. Цена 10 к.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 10 (23). В письме П.А.Нилусу из Исмаилии Бунин сообщает:

«Неделю тому назад приехали в Порт-Саид (пожив в Гелуане, откуда я писал тебе, закончив осмотр Каира, побывав у пирамид Дашура, Ступенчатой, в Серапеуме и т.д.) — и, бесплодно прождав в П<орт>-Саиде парохода четверо суток, уехали в Измаилию — городок у озера Тимза, через которое проходит Суэцкий канал, город среди необозримых пустынь песчаных (в Аравийской пустыне), городок, лучше которого я никогда не видал. Нынче опять возвращаемся в П<орт>-Саид. Ожидание парохода измучило!»

Письма (2). С. 169.

Бунины переезжают из Исмаилии в Порт-Саид.

Февраль, 11. В петербургской газете «Новое время» (№ 12543. С. 4) публикуется статья А.А.Бурнакина «Литературные заметки. Пасквиль на Россию».

Критик, упомянув «Мелкий бес» Ф.Сологуба, «Городок Окуров» А.М.Горького и назвав «Деревню» «ругательной повестью», отмечает: «И у всех один умысел: обнаружить мерзость России. <...>

Ив.Бунин — сельский поэт по преимуществу, и конечно у него уж надо предполагать знание изображаемого быта. В самом деле, повесть полна наблюдений и фактов, более даже, чем полна — набита "фактическим материалом". Однако, и эта с виду "правдивая" повесть сплошной поклеп на русское крестьянство. В "Деревне" Ив.Бунина все от предвзятости и лукавого умысла, и "правда" Ив.Бунина горше самой бессовестной лжи. Нагромождение односторонних фактов, превращение всех возможностей в действительность, подтасовка материала в одну сторону, — все говорит о злом умысле, о претенциозном отношении автора к объекту. <...> "правда" о русской деревне под ехидным пером Бунина превратилась в невероятную и обидную ложь о русской душе. Пусть даже верны его жестокие наблюдения, все равно ошибочны выводы <...>, чуть не на каждой странице безапелляционные приговоры, осуждения, брань, уязвление. Нет ни одного бытового штриха, который бы не был враждебно и грязно мотивирован, грязному и подлому Бунин подшил соответствующую подкладку. <...> Изобличить, осрамить, вывернуть. Ив.Бунин не жалеет красок, он смело сгущает и чернит, лишь бы раздоказать, что крестьянин — дикарь и выродок, что деревня — ужас и смерть, что Россия — пустота и ничтожество. <...> Ив.Бунин видит то, что хочет видеть, — хочет же он только срамного и грязного. <...> Он решительно не верит в будущее России, смеется над ее историей, издевается над всем, на чем лежит отпечаток славянства. <...> Натурализм Ив.Бунина в этой вещи решительно переступает границы дозволенного — повесть противно читать, так уснащена она "казарменным реализмом". <...> Ассенизация! Почтенное занятие для г. академика по "разряду изящной словесности", новая отрасль литературы. Ассенизация и пасквиль. На это ухлопано целых 220 страниц; сплошное отрицание, непрерывное издевательство; отрицание всякой человечности, всякой культурности; издевательство над всем крестьянством, над всем его бытом. По названию — повесть, а по существу — бессердечный обвинительный акт, усердное изничтожение всех 150 миллионов, неисчислимый перечень русских пороков и преступлений. <...> У России есть свое историческое призвание и не смутят ее ущемления и соблазны «культурных» радетелей, этих безвременных материалистов, дряблых интеллигентов. <...> Крестьянин на все их обвинения и поклепы одно ответит им: "ваше дело барское". <...> Злым витиям один удел: черное забвение. Россия ждет иных пастырей, ждет иного отношения».

Февраль, 12 (25). Не дождавшись парохода Добровольного флота, Бунины на пароходе «Юнан» французской компании «Mess. Maritimes» в 10 часов вечера отправляются из Порт-Саида на Цейлон.

См.: 13 (26) февраля 1911, вторая запись; 19 февраля (4 марта) 1911, вторая запись.

Бунин записывает в дневнике: «Первая ночь на "Юнане". Капитан сказал, что пойдем не спеша, на Цейлоне будем не раньше, чем через полмесяца, и

я чувствую себя в этой большой и покойной каюте уже как дома, хозяином. <...> Все каюты, кроме двух наших, пусты, — “вы будете как на собственной яхте”, пошутил капитан, принимая нас в виде исключения на “Юнан”. <...> Я выбрал себе одну из трех кают возле кают-компании <...>. У меня просторно и все прочно, на старинный лад. Есть даже настоящий письменный стол, тяжелый, прикрепленный к стене, и на нем электрическая лампа под зеленым колпаком. Как хорош этот мирный свет, как свеж и чист ночной воздух, проникающий в открытое окно сквозь решетчатую ставню, и как я счастлив этим чистым, скромным счастьем!

Суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе, с которой я нигде не расстаюсь, святыня, связующая меня нежной и благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство, — иконка эта уже висит над моей корабельной койкой». («Воды многие»).

СС (2). Т. 5. С. 422–423.

В рассказе «Воды многие», написанном в форме дневника уже в эмиграции, даты расставлены произвольно, что доказывается дальнейшими документами.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы:

«Милый Иван Алексеевич. Очень по тебе соскучился. Не хватает мне тебя для моего спокойствия и для моей тревоги. Ты и будоражишь меня и успокаиваешь. <...>

Давно меня никто не ругал. Без тебя некому. А я люблю, когда кто-нибудь справедливо отругает. Написал за это время два рассказа, один другого хуже.

Говорят, сегодня в “Новом времени” тебя изругал Бурнакин за “Деревню”.

Я не читал. Но рад этому. Если “Новое время” изругало, значит найдутся иные люди, которые иначе взглянут на повесть. Очень желаю этого. Будь здоров.

Прилагаю страничку календаря, где о тебе написано. Это из календаря для народного учителя».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 597–598.

Имеется в виду книга: Гельбке Ф.Ф. Календарь для учителей на 1910/1911 уч. год. СПб., 1910. Ч. I. См.: в течение 1910 г., третья запись.

Февраль, 13 (26). Бунины продолжают путешествие на пароходе «Юнан».

В дневнике Бунин отмечает: «К полудню мы были уже далеко от Порт-Саида, в совершенно мертвом, от века необитаемом царстве. И долго провожала нас слева, маячила в мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая <...>.

Я ходил по верхней палубе, сидел, читал, думал о многом и разном, но за всем был Синай. <...> И это и страшило, как страшит все великое, и восторгало. <...> Вот истинно незыблемый маяк человечества, столп и основание его бытия, престол законов, их же без кары не преступишь!» («Воды многие»).

СС (2). Т. 5. С. 424.

В пути Бунин пишет Е.И.Буковецкому:

«Дорогой Евгений, часто вспоминал тебя за последнее время — и твою нелюбовь к путешествиям. Увы, прав был — отчасти, конечно, — тот, кто сказал, что “путешествия — рай безумцев”. Более полумесяца ожидали мы парохода Добр<овольного> флота — и особенно, особенно стала чувствительна неуютная, кочевая жизнь <...> Не дождавшись парохода, с кровью оторвал от сердца почти 500 р. и кинул их в пасть “Mess. Maritimes” — чтобы везли нас на Цейлон. Плывем уже сутки, подходим к Суэцу. В Коломбо надеемся быть дней через 20 (с одной остановкой — в Джибути)».

Письма (2). С. 169.

Также Бунин пишет открытку А.М.Горькому с сообщением о своем продолжающемся путешествии.

Письма (2). С. 169.

Пароход «Юнан» останавливается в Суэце; Бунин отправляет открытки Ю.А.Бунину (неизвестна), Е.И.Буковецкому и А.М.Горькому (см. выше).

См.: 19 февраля (4 марта) 1911, вторая запись.

Февраль, 14 (27). Бунины на пароходе «Юнан» выходят в Красное море.

«А поздно вечером капитан поздравил нас со вступлением в тропики. Итак, заветная черта, о которой столько мечтал я, перейдена. Ночью долго стояли на корме», — записывает Бунин в дневнике «Воды многие».

СС (2). Т. 5. С. 429.

Февраль, 15 (28). Бунины продолжают путешествие на пароходе «Юнан» по Красному морю.

В дневнике Бунин пишет: «Нынче утро еще жарче. Проснулся в шесть <...>.

Начали и мы тропическую жизнь, — блаженное безделье, лежанье в длинных камышовых креслах на палубе, в прозрачной, полной света, тени. <...>

После обеда сидели наверху, в большой каюте капитана. Он водил нас в штурманскую рубку, показывал небесный глобус, те южные звезды, которые уже открываются нам.

Ночью. Второй час. Не могу заснуть, — таким счастливым чувствую себя». («Воды многие»).

СС (2). Т. 5. С. 429–430.

Февраль, 16 (29). На пароходе «Юнан» Бунины проходят мимо острова Джебель-Таир.

Бунин записывает в дневнике: «В два часа прошли остров Джебель-Таир. <...>

В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидал над самой своей головой, над мачтами, в страшном большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днем! Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну!»

СС (2). Т. 5. С. 430–431.

Февраль, 19 (Март, 4). Бунин пишет Ю.А.Бунину на открытке с изображением парохода, на котором он путешествует:

«Вот наш пароход. Мы уже в Инд<ийском> океане (вернее — в заливе Теджура), плывет мимо Обока, — двух-трех белых точек на обширной низменности цвета слона, за которой в дымке горы уходят за горы. Сейчас 2 ч. 18 м. — через час будем в Джибути. Чувствую себя счастливым, дай Бог не сглазить».

Письма (*2*). С. 170.

Прибыв в Джибути, Бунин пишет Ю.А.Бунину подробное письмо, рассказывая о своем путешествии:

«Милый Юлий, нынче в 10 ч. вечера (сейчас 6) будет 7 суток, как мы вышли из Порт-Саида. Из Суэца я послал тебе открытку <неизвестна>. От Суэца мы шли без остановки. <...> вчера <...> садясь за обед, капитан сказал, что через часа два мы увидим Южный Крест — и правда, вскоре после обеда мы увидали-таки, наконец, его, равно как и еще какие-то новые звезды и какую-то звездную туманность над Южным Крестом, в конце Млечного Пути, а налево, над горизонтом, звезду яркую, большую — думаю, альфу Центавра. Вид этого нового неба возбудил во мне странные чувства, — точно я еще раз, сознательным, родился на земле — право, что-то вроде этого — и было грустно, потому что, наверно, не увижу я этого неба еще раз уже никогда. Хорошо и то, что ни души нет, кроме нас, на пароходе — только какой-то абиссинец палубный да черная худая старуха в одной рубахе, д<олжно> б<ыть>, сомалийка. <...> Нынче утро было очень тяжкое, очень влажное, облачное <...>. В 9 часов прошли мимо Перима, к завтраку (к 10 ½ часам) прошли пролив — и сразу стало легче, свежее, светло, знойно-весело: Индейский океан! Якорь перед Джибути бросили в 4 ч. <...> В город поедем завтра».

Письма (*2*). С. 170–171.

Бунин посылает открытку Ф.И.Благову с извинением, что еще ничего не послал в газету:

«Буду жив и здоров — вышлю с Цейлона, где надеюсь быть дней через двенадцать (сейчас гощу у людоедов Сомалиев, в африканск<о>-французск<ой> колонии)».

Письма (*2*). С. 170.

Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Благополучно дошли до Джибути. <...> Пока весьма доволен. Послезавтра снимаемся — на Цейлон. <...> Вид голых людей производит довольно сильное впечатление».

Божко. С. 174.

Февраль, 20 (Март, 5). Бунины посещают Джибути.

Бунин посылает М.П.Чеховой открытку:

«Дорогая Мария Павловна, я черт знает где — в Африке, среди сомалиев <...>. Если меня не съедят, напишу с Цейлона».

Письма (*2*). С. 172.

Февраль, 21 (Март, 6). Бунины на пароходе «Юнан» из Джибути через Индийский океан отправляются на Цейлон.

В рассказе «Воды многие» Бунин пишет: «Уже в Океане. Совсем особое чувство — безграничной свободы. <...>

Долго ходил по палубе с необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами чемодан, который мы с ненавистью таскали всю зиму по отелям в Египте, и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения. А отобрав, стал бросать за борт и с большим облегчением смотреть, как развернувшаяся на лету книга плашмя падает на волну, качается, мокнет и уносится назад, в океан – навеки. <...> Поразительна полная неизвестность и случайность всякой земной судьбы. Разве я, например, могу быть уверен, что увижу Цейлон, возвращусь в Россию? <...> Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование — каждую секунду висишь на волоске!

Выбросив несколько книг и успокоившись, будто сделал что-то очень нужное, после чего все должно пойти гораздо лучше, глядел с палубы в пустой простор этих "вод многих", со всех сторон безответно объемлющих нас, все с тем же вопросом в душе: за что и зачем? — и в этой же самой Божьей безответственности, — непостижимой, но никак не могущей быть без смысла, — обретая какую-то святую беззаботность. <...> на коленях у меня лежало "На воде" Мопассана».

СС (2). Т. 5. С. 434–435.

Дата события определена по письму Бунина. См.: 19 февраля (4 марта) 1911, четвертая запись.

Февраль, 25 (Март, 10). Бунин сочиняет стихотворение «Океан под ясною луной...». Авторская дата: «Индийский океан, 25.II.11».

СС (*Петр*). Т. 2. С. 304.

См.: 18 августа 1913, первая запись.

Февраль, 26 (Март, 11). Бунин пишет стихотворение «Мелькают дали, черные, слепые...». Авторская дата: «26.II.11».

СС (*Петр*). Т. 2. С. 305.

См.: 18 августа 1913, первая запись.

Бунин читает рассказ Г.Мопассана «На воде».

В рассказе «Воды многие» Бунин пишет: «Дочитал "На воде" <Мопассана>. <...> Дочитав, бросил книгу за борт. Поднялся на верхнюю палубу, потом еще выше, на крышу капитанской рубки, стоял и качался вместе со всем пароходом, который был весь подо мною и весь виден <...>. Куда забросило меня! Я под экватором!».

СС (2). Т. 5. С. 441.

Февраль. Бунин в недатированном письме благодарит М.П.Чехова за его отзыв на рассказ:

«я от всей души был тронут Вашим отзывом о моем рассказе, что я крепко-крепко жму Вашу руку за то расположение, которое есть в этом отзыве!»

Письма (*2*). С. 172.

О каком отзыве (в письме или в печати) и каком рассказе идет речь неизвестно.

В петербургском журнале «Вестник Европы» (№ 2. С. 395–396) публикуется рецензия Е.А.Колтоновской на отдельное издание «Деревни» (М., 1910).

Критик пишет: «Повесть И.А.Бунина прежде всего любопытна, как общественный документ. <...> Это не просто деревня, описанная суховато — не то холодно, не то сдержанно, но несомненно правдиво, с большою осведомленностью; это — интеллигентская исповедь, каких так много появляется в наши дни. <...> Деревня — для Бунина лишь повод излить свои чувства разочарованного и оскорбленного "русского человека". Он ее превосходно знает <...>. Но в его приговорах над ней постоянно чувствуются более широкие обобщения — приговоры над русской жизнью вообще, характеристика русского народа, как целого. <...> Страшна картина, нарисованная Буниным, а между тем ей чего-то не хватает, чтобы действительно испугать. Не хватает большой внутренней основной правды, как всей повести — творческого огня. Отдельные частности в ней превосходны — не только правдиво и тщательно выписаны, но и художественно убедительны; но *целого,* естественно выросшего у автора обобщения — нет. Правда Бунина о деревне — его субъективная правда: она воспринимается, как его личное и при том преходящее настроение, а не реальная пугающая действительность. <...>

Повесть Бунина написана с большим мастерством — классически-ярким, точным и образным языком. Без сомнения, это одно из самых выдающихся произведений последнего времени. Но оно дает гораздо больше материала для понимания современной интеллигентской психологии, чем для характеристики деревенского быта».

В петербургском журнале «Современник» (№ 2. С. 281–289) помещается статья А.В.Амфитеатрова «Литературные впечатления».

Критик, в частности, пишет: «Г. Бунин в "Деревне" одевается, поочередно, в два костюма — нового землевладельца, стареющего кулака Тихона Красова, и брата его, полуинтеллигента Кузьмы, бродячего Гамлета в смазных сапогах, которого еще недавно назвали бы "богоискателем". <...> К сожалению, нельзя не сознаться, что силы г. Бунина оказались гораздо ниже его намерений. И, быть может, даже не литературные силы (написана "Деревня", как пейзаж и жанр, превосходно: сочно, ярко, красочно), но — гражданские настроения г. Бунина. Не удалось ему перерядиться ни кулаком-крепкачем, ни мужицким Гамлетом. Обе роли он сыграл, как затеял и сумел, достаточно хорошо <...>. Но, из-под грима, неотрывно глядит на читателя архи-интеллигентное лицо академика И.А.Бунина, и каждый усиленно размашистый жест его повести дает понять, что под "спинжаком" автора стеснительно скрыта вторая, настоящая смена хорошей городской одёжи и, если разуть Тихона и Кузьму из огромных их сапожищ, то еще неизвестно, не окажутся ли у них ножки маленькие, господские, и в весьма лаковых ботинках».

Упомянув более ранние рассказы «Антоновские яблоки» и «Чернозем», где преобладало «эстетическое настроение», критик подчеркивает, что после революции 1905 г. уже было нельзя писать о деревне в таком стиле, и Бунин через некоторое

время написал «Деревню». Сравнивая эту повесть с книгой И.А.Родионова «Наше преступление» (СПб., 1910), рецензент пишет: «Нечего и говорить, что умный, изящный, либеральный, эстетический г. Бунин ни виселиц, ни розог, ни смирительной рубашки для народа не требует. Но городской, господский перепуг его пред новым мужиком едва ли не глубже еще, чем в книге г. Родионова. <...> народ он <Бунин> видит теми же глазами, как г. Родионов: "чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй", но ни родионовских панацей не приемлет, ни своих предложить не имеет. <...> Но когда на полотне г. Бунина стали выступать, намеченные им мрачные образы, художник струсил собственных этюдов и эскизов и попятился от них с жалобным воплем отвращения и страха и не кончил картину, не дав этюдам обобщающего вывода, не осветив их накопления синтезом».

Февраль, 20 (Март, 5)...Март, 1 (14). Бунин сочиняет стихотворение «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...»). Авторская дата: «Индийский океан, II.11».

ПСС. Т. 6. С. 288.

См.: апрель 1914, первая запись.

Границы события определены по времени путешествия Бунина по Индийскому океану.

Март, 2 (15). Бунины прибывают на остров Цейлон, в порт Коломбо, где живут двое суток.

См.: 6 (19) марта 1911, вторая запись.

В письме Ю.А.Бунину от 6 (19) марта Бунин пишет: «Цейлон так поразил и меня, и Веру, что были мы там положительно как в горячечном сне. Ни на что не похоже — и хорошо, одуряюще хорошо так, что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел. <...> Мы ездили по окрестностям на рикшах — они бегут, мало уставая, по 4 часа <...>. Жили мы за городом, за 10 рупий в сутки (полный пансион)».

Письма (*2*). С. 172–173.

Март, 1 (14)...3 (16). А.М.Горький в письме приглашает Бунина на Капри, пишет о своем тяжелом душевном состоянии в связи с последними событиями в политике, искусстве:

«Возвращайтесь-ка Вы из Ваших красных морей в наши голубенькие, спокойные. Народ сюда собирается интересный, художники разные и всякого другого искусства мастера».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 5–6.

Март, 2 или 3 (15 или 16). Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку.

Открытка неизвестна. См.: 6 (19) марта 1911, вторая запись.

Март, 4 (17). Бунины переезжают из Коломбо в Канди, где проводят двое суток; останавливаются в Queen's Hotel, комната № 20.

См. счет отеля с 17 по 19 марта (н. ст.): ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/22 оф.

См.: 6 (19) марта 1911, вторая запись.

В письме Ю.А.Бунину от 6 (19) марта Бунин рассказывает: «Дорога в Кэнди, в горы, поразительна, но Кэнди с его озером и древним буддий-

ским храмом еще поразительнее. Приехав вечером, часов в 6, мы остановились в отеле у самого озера за 30 рупий в сутки и тотчас пошли в храм. <...> А в храме, во внутреннем дворе, стоит священный павильон, где за тремя дверями бесценной древней работы (из золота, серебра и железа) хранится зуб Будды. <...> Впечатление — необыкновенное. Нас водили по многим приделам этого храма, в башенку, где хранятся священные книги — и т.д. и т.д. Ночью мы ездили на рикшах в горы, и эту лунную ночь среди тропических лесов, дебрей, куда едва проникает лунный свет, бездн, наполненных металлическим блеском листвы и луны, хрустального звона цикад среди великой тишины и далекого грохота барабана откуда-то из деревни, — там танцевали “Танец Дьявола ”, — я никогда не забуду».

Письма (*2*). С. 173.

Март, 5 (18). Бунины осматривают окрестности Канди, вновь посещают храм.

В письме от 6 (19) марта Бунин пишет Ю.А.Бунину: «Ездили мы по окрестностям и утром. Днем снова были в храме и в прилегающих к нему святилищах, — в одном из них, под четырехсотлетним священным деревом, на камне стопа Будды, — вечером проникли вместе с верховным жрецом в самое святая святых, где зуб Будды».

Письма (*2*). С. 173.

Март, 6 (19). Бунины уезжают из Канди в Нурилью, куда прибывают вечером; останавливаются в St.Andrew’s Hotel, комната № 17.

См. счет отеля с 19 по 21 марта (н. ст.): ОГЛМТ, ф. 14, № 9061/2 оф.

В пути Бунин начинает письмо Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, мы 5-й день на Цейлоне <...>. Почти двое суток были в Коломбо, столько же в Кэнди, теперь едем на восточную сторону острова — в горы, в место (на высоте 6000 фут.), называемое Nuwara-Eliya. Из Коломбо успел послать тебе только открытку <неизвестна>».

Письма (*2*). С. 172.

Март, 7 (20). В местечке Нурилья Бунины поднимаются в горы на высоту 8300 футов.

Бунин заканчивает письмо Ю.А.Бунину:

«Нынче 20-е. Встали рано и в течение 3 часов поднимались на гору, называемую Pidurutallagalla, на высоту 8,300 ф. В книге о Цейлоне, купленной мной в Коломбо, говорится, что вид с этой горы — единственный в мире, виден почти весь остров с самой высокой точкой его — Адамовым пиком. И действительно — вид сногсшибательный. Нурилья — маленькое местечко в горах, затопленных первобытными лесами. <...> Завтра едем в Anuradhapur’у, самый древний город и самые древние храмы на Цейлоне, древнюю столицу Сингалезов, — на север острова, езды отсюда целых 12 часов <...>

P.S. Видели еще многое, многое, но все это — до свидания».

Письма (*2*). С. 173–174.

Бунин посылает иллюстрированные открытки:

— Ф.И.Благову:

«Привет с Цейлона!»
— М.П.Чеховой:
«Поклон с Цейлона!»

Письма (2). С. 174.

Март, 8 (21). Бунины по железной дороге едут из Нурильи в Анурадхапуру, где осматривают остатки буддийских храмов и монастырей III–I вв. до н. э. с каменными статуями Будды V в., дворцы и другие достопримечательности.

В эмиграции Бунин, вспоминая свое путешествие в Анурадхапуру, пишет рассказы «Третий класс» (1921), «Город Царя Царей» (1924).

Март, 9 (22). Днем Бунины на поезде уезжают из Анурадхапуры в Коломбо.

В дневнике Бунин записывает: «В 2 ч. 20 м. дня выехали из Анурадхапуры в Коломбо.

Длинный вагон третьего класса, два отделения».

Дневники. Т. 1. С. 100.

Март, 2...9. Выходит книга «Г.В.Лонгфелло и его произведения. (Певец молодой Америки)» (Составил О.Петерсон. Издание учрежденной по Высочайшему повелению Постоянной комиссии народных чтений. СПб., 1911). В главе «Песнь о Гайавате» приводятся цитаты из поэмы в переводе Бунина (с. 23–30).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март, 10. В газете «Одесские новости» (№ 8364. С. 2) помещается статья Д.Л.Тальникова «О чиже, дятле и свободном человеке. (Заметки читателя)».

Критик, в частности, пишет о «Деревне»: «Я вот читаю Бунина и считаю его книгу о деревне неизменно художественнее — и оттого убедительнее — всех современных писаний Муйжеля и К°, — и я верю Бунину <...>, который превыше всего ценит художественную правду, который видит только уже назревшее, выявленное, характерное, типичное, — а преобладающая типичная картина деревни, которую он видит — темная, мрачная, беспросветная...». Сравнивая Бунина с А.М.Горьким, критик отмечает: «Горький — это чувствуется — не желает быть художником, отражающим жизнь такою, какая она есть, — а хочет непременно изобразить ее такою, какою она должна быть».

Март, 11 (24). Бунин пишет Ю.А.Бунину из Коломбо:

«Были на севере острова — в Анурадхапуре, видели поистине чудеса, о которых — при свидании. Теперь сидим в Коломбо, ждем парохода — он придет из Сингапура 31 марта (нов<ого> стиля) и, надеемся, доставит нас в Одессу <...>. *Очень* изнурила жара».

Посылая дополнительную открытку, Бунин сообщает Ю.А.Бунину:

«Сейчас узнал от агента Добр<овольного> флота, что, может быть, нам будет можно отправиться отсюда 28 марта (нов<ого> стиля)».

Письма (2). С. 174.

Бунин посылает Н.Д.Телешову открытку с шуточным стихотворным экспромтом о своем пребывании в Коломбо.

Письма (*2*). С. 174–175.

Март, 15 (28). Бунин отправляет иллюстрированные открытки М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому, З.А.Пешкову с «поклонами».

Письма (*2*). С. 175.

Вероятно, в этот день Бунины отправляются из Коломбо на пароходе Добровольного флота «Пермь» в обратный путь: через Порт-Саид и Константинополь в Одессу.

См.: 11 (24) марта 1911, вторая запись; 20 апреля 1911, первая запись.

Март, 16...23. Выходит отдельное издание романса В.Липфорда «Косогор» (М.: П.Юргенсон, 1911) на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март. В Москве выходит № 5 «Нашего журнала», в котором (с. 1) публикуются два стихотворения под общим заглавием «Закат»: «Две радуги — и золотистый, редкий...», «Вдыхая тонкий запах четок...».

В Петербурге выходит № 4 журнала «Новая жизнь», в котором (с. 3) печатается стихотворение «Песня» («На пирах веселых...»).

Выходит № 4 московского журнала «Мысль», в котором (с. 60–70) публикуется статья В.В.Воровского «Литературные наброски». Подпись: П.Орловский.

Критик пишет о «Деревне»: «Это — в некотором роде “неожиданное” произведение. Кто бы мог подумать, что утонченный поэт, <...> поэт вообще несколько “не от мира сего”, по крайней мере, не от болящего мира наших дней, — за что, вероятно, и удостоился академических лавров, — и вдруг, чтобы этот поэт написал такую архи-реальную, “грубую” на вкус “утонченных” господ, пахнущую перегноем и прелыми лаптями, вещь, как “Деревня”. <...>

“Деревня” привлекает прежде всего своей *талантливостью*. Это именно талантливая, т.е., действительно, внутренне пережитая и искренне написанная талантливым художником повесть. <...>

Подобно большинству “молодых” литераторов, Бунин перенял кое-какое наследство от отца молодых — А.П.Чехова. <...> Мрак и грязь — и в физической, и в умственной, и в нравственной жизни, — вот все, что видит Бунин в современной деревне. <...>

Однако, несмотря на талантливое письмо, несмотря на несомненное глубокое проникновение в жизнь деревни, на большое знание этой жизни и тонкую наблюдательность автора, несмотря на все это, невольно возникает вопрос: верно ли все-таки изобразил Бунин деревню, полную ли картину ее дал он, не нарисовал ли он односторонний образ ее, который, именно благодаря своей односторонности, приближается к карикатуре? <...> Бунин <...> принадлежит к типу вырождающейся “барской” интеллигенции. К оценке жизни деревни он, естественно, подходит с некоторым предвзятым (хотя, быть может, и бессознательно предвзятым) критерием. <...>

Таким образом, приходится признать, что Бунин, давая нам *неполную* картину, а тем самым *одностороннюю* картину жизни деревни, не подмечая того нового, что на-

растает в ней нередко в несуразных, уродливых формах, усматривая в разложении старого только упадок, только гниение, дал свидетельство *узости* своей собственной психики, неспособности воспринимать наблюдаемое явление в формах его *движения*, его *развития*».

Апрель, 2. Отделение русского языка и словесности принимает решение выдать Бунину Золотую медаль имени А.С.Пушкина за его отзыв «О сочинениях Городецкого».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 337.

Апрель, 6. Бунины прибывают в Одессу.

Дневники. Т. 1. С. 104.

Апрель, 7. Бунин провожает П.А.Нилуса в Италию.

См.: 20 апреля 1911, первая запись.

Апрель, 14. Бунины приезжают в Москву; останавливаются в доме Муромцевых — Столовый пер, д. 11.

Бунин посылает А.М.Горькому иллюстрированную открытку с сообщением:

«Только что вернулись в Москву. Получили Ваше письмо в Порт-Саиде».

Письма (*2*). С. 175.

К.И.Диксон обращается в письме к Бунину с просьбой прислать какое-либо произведение в готовящийся к изданию сборник «Гамаюн».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 99.

В литературном сборнике «Гамаюн» (М., 1911) Бунин не принимал участие.

Н.И.Иорданский посылает Бунину телеграмму, сообщая, что за «Деревню» был послан гонорар: 10 декабря 1910 г. — 300 р. в Москву, а 13 декабря — 500 р. в Одессу,

«больше не причитается подробности письмом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3257/1 оф.

См.: 19 апреля 1911, первая запись.

Апрель, 16. В Литературно-художественном кружке Бунин выступает с приветственной речью на 25-летнем юбилее И.А.Белоусова, как переводчика Т.Г.Шевченко.

На торжестве также присутствовали Н.Н.Златовратский, Н.Д.Телешов, Ю.А.Бунин, В.Н.Муромцева, И.П.Чехов, П.А.Тулуб, Е.Е.Нечаев, А.А.Чумаченко, Ф.Гаврилов и др.

Наш журнал. 1911. № 8 (1 мая). С. 54–55.

Апрель, 18 (Май, 1). П.А.Нилус рассказывает в письме Бунину о своем путешествии по Италии.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 13–14.

Апрель, 19. Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петербурга:

«...посылаю Вам выписку из кассовой книги. Как видите, все дело заключается в том, что Вы забыли о 400 р., которые Вы получили 2 ноября, в чем имеется Ваша собственноручная расписка. Я не думал, что Вы не успели получить высланные в Москву перед отъездом 300 р.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 7.

А.М.Горький в письме к А.Н.Тихонову с Капри (2 мая н. ст.) приводит мнение В.М.Каменского, что надо привлечь к организации нового издательского товарищества Бунина, и далее высказывает свою позицию по этому вопросу:

«я пока не имею определенного взгляда, меня несколько смущает участие И<вана> А<лексеевича> в самом начале дела, мне казалось бы удобнее вовлечь его в дело потом, когда оно наладится более или менее. <...> Считаю нужным указать, что И.А. очень часто поддается в деле общественном личным своим симпатиям и что он может вовлечь в дело таких людей, как Федоров, Нилус и т.п. Имейте также в виду, что он честолюбив, на что, впрочем, имеет право — это подлинный литератор с хорошими заслугами и достаточно брезгливо относящийся к легкой популярности».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 30.

Апрель, 20. В подробном письме А.М.Горькому Бунин рассказывает о своем путешествии на Цейлон и обратном пути на пароходе «Пермь»:

«Получив в Порт-Саиде Ваше письмо, я решил написать Вам в Средиземном море целый том, но Средиземное море встретило нас таким штормом, а Архипелаг таким ураганом, что мы буквально не чаяли живыми остаться. А тут, в Москве, на праздниках, пуще казни египетской, одолели нас гости и — расспросы. <...> Видели Каменских, которые рассказали нам о неудачной попытке изменить дела “Знания”. Были на юбилее Белоусова. С головой окунулись в новости литературные и общественные — и сказали себе: спаси и помилуй Господи, какие гнусные (то жалкие, то страшные) дела творились на фоне самых скверных будней прошлой зимы! Прочитали кое-что из того, что писалось о “Деревне”... И хвалы и хулы показались так бездарны и плоски, что хоть плачь. А то, что некоторые критики зачем-то о моих ботинках (будто бы “лакированных”) говорят, о моих поместьях, мигренях и страхах мужицких бунтов, показалось даже и обидно. Мигрени-то у меня, может быть, и будут, но поместья, земли, кучера — навряд. До сих пор по крайне мере ничего этого не было — за всю мою жизнь не владел я буквально ничем, кроме чемодана. Но об этом не стоит толковать. <...> на другой день по прибытии нашем в Одессу провожал я в Италию П.А.Нилуса <...>, как ужасно мне хочется на Капри. Но беден я теперь выше меры, да и работать мне надо, — ой, как надо! <...> что же будет, в конце концов, с “Знанием”?»

Письма (2). С. 175–176.

См.: февраль 1911, третья запись.

Бунин просит в письме Н.А.Котляревского:

«...сообщите мне имя того, кто будет обладать Пушкинской премией. Сообщение это, если нужно, глубоко затаю до поры, до времени в сердце своем».

Письма (2). С. 176–177.

Апрель, середина. Выходит № 4 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 192) помещается стихотворение «Зимняя вилла» («Мистраль качает ставни. Целый день...»).

Апрель, 21. В письме Н.А.Пушешникову Бунин сообщает:

«Позавчера был в Румянц<евском> Музее — пересматривал старый "Орловск<ий> вестник" — и нашел статью ("беседу" о холере) под заглавием: "Береженого Бог бережет"! — Угадай, чья».

Письма (2). С. 177.

Речь идет о статье «Береженого Бог бережет!: Беседа елецкого уездного врача В.Е.Пащенко по случаю распространения холеры» (Орловский вестник. 1892. 8 июля (№ 177). С. 2. Без подписи).

Апрель, 6...21. Выходит отдельным изданием романс В.И.Садовникова на слова Бунина «Я опять одинок» (М.: Юргенсон, 1911).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Апрель, 22. В шуточном письме Ф.Ф.Фидлеру Бунин просит прислать ему книгу «Первые литературные шаги» (СПб., 1911).

Письма (2). С. 177.

Апрель, 26. А.М.Федоров по пути в Петербург пишет Бунину, что скоро будет в Москве:

«Очень хотел бы видеть тебя, и, м.б., вместе махнуть в Одессу».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 100.

Апрель, 27. М.П.Чехова в письме Бунину сообщает:

«Зимою ездила по делам в Петербург, там П.В.Быков (из "Нивы") просил меня указать, кто бы мог написать для изд. Маркса биографию Чехова. Я указала на Вас и отвергла предложенного им Айхенвальда. Если бы Вы согласились и позволили написать Быкову?! Вероятно, и заплатят Вам хорошо».

Время. С. 103.

Апрель, 28. Получив от Ф.Ф.Фидлера книгу «Первые литературные шаги» (СПб., 1911), Бунин пишет ему:

«я страшно сконфужен: у меня и из ума вон, что деньги с "Первых шагов" пойдут Литературн<ому> фонду, а того, что у Вас нет книг, что Вам придется покупать, я, конечно, и не предполагал. Но — что же делать? Благодарю за книгу и очень огорчаюсь, когда гляжу на нее и не вижу автографа составителя».

Письма (2). С. 177.

Май, 1. Выходит № 8 московского «Нашего журнала», в котором (с. 1) печатается стихотворение «Мужичок» («Ельничком, березничком — где душа захочет...»).

Май, 3. В письме к М.П.Чеховой Бунин подтверждает свое обещание написать предисловие к письмам А.П.Чехова, готовящимся к печати, и просит направлять тексты писем в корректуре для прочтения.

«Сообщением о Быкове очень заинтересован — напишите ему, пожалуйста! <...>

В деревню едем на днях».

Письма (2). С. 178.

Май, 9. Л.Н.Зилов просит в письме Бунина прочесть его книгу стихов:

«Мне очень дорого именно Ваше мнение о моих стихах, потому что в них много запутано Ваших шелковинок».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3037 оф.

Апрель, 14...Май, 9. Бунин посылает отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910) С.Т.Семенову.

Этот экземпляр неизвестен. См. помету Бунина «Послал» на письме С.Семенова от 14 декабря 1910 г.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве.

Май, 10. Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Москвы в Глотово.

Дневники. Т. 1. С. 104.

Май, 11. Бунины приезжают в Глотово.

Дневники. Т. 1. С. 104.

Май, 2, 9, 16. В воронежской газете «Живое слово» (№ 9, 10, 11) публикуется статья В.В.Муйжеля «Деревенские заметки. “На господском положении”».

Критик, в частности, говорит о «Деревне», сравнивая ее с книгой И.А.Родионова «Наше преступление», и отмечает: «Независимо от того, — правду или неправду показывают нам эти писатели, — оба они ярко говорят нам, каким именно представляется мужик и его деревня людям, состоящим “на господском положении”, какой итог подвел верх низу. <...> Ничего ценного не увидел в деревне и Бунин. Его итог так же беспросветен, как и итог Родионова. <...> Прежде всего, книга эта ошибочно называется “Деревней”. Деревни, в прямом и точном значении этого слова, тут нет. Нет ее внутренней, — я боюсь сказать, что нет и внешней даже, — жизни, нет характера ее своеобразных взаимоотношений, — есть только отношение ее и к ней мира внешнего, недеревенского. <...> Сделано все это до чрезвычайности тонко, художественно, так, как может сделать только большой и серьезный художник. Бунин — поэт, — и это чувствуется на каждой странице, в каждом определении, в особой тонкости описаний, в чрезвычайной чистоте языка. Все, написанное им, — правда, интересная, художественно сказанная правда, но только правда не о деревне. И это обстоятельство сводит на нет большую и хорошую книжку». Далее критик утверждает, что оба писателя даже не бывали в деревне, а видели ее из «барского дома» или «из окна вагона ресторана», в связи с чем делает вывод: «Вы не могли ничего, решительно ничего разглядеть там, где есть жизнь, самая подлинная жизнь, быть может, более ценная, более осмысленная, чем ваше барское существование, ибо та жизнь — жизнь будущего, тогда как ваша — уже почти прошлое... Вам не интересно это, ибо не вашими выхоленными господскими руками, с отточенными розовыми ногтями, разбирать кровавую ткань внутренней мужицкой жизни».

Май, 18. Отвечая на неизвестное письмо М.Ф.Андреевой, Бунин пишет ей из Глотово, что сейчас ехать на Капри он не может, т.к. ему надо работать, и сообщает, что планирует приехать на Капри месяца через два.

Письма (2). С. 178.

Май, середина. В Москве выходит № 9 «Нашего журнала», в котором (стб. 49–50) публикуются два письма Л.Н.Толстого к Бунину за 1893 и 1894 гг.

См.: 20 июня 1911, первая запись.

Май, 24. Бунин в открытке, адресованной в Константинополь, просит Ю.А.Бунина:

«Привези мне табаку побольше и винных ягод фунта три лучших».

Письма (2). С. 179.

Май, 27. В письме С.П.Боголюбову Бунин сетует:

«Совсем Вы меня забыли <...> Давным-давно перестали посылать мне сборники. Сделайте милость — пришлите несколько новых».

Письма (2). С. 179.

Июнь, 1 (14). В.С.Миролюбов пишет Бунину с Капри:

«Вы, наверное, уже знаете, что я начал работать в "Знании". Хотелось бы весною выпустить хорошо подобранный "Сборник". Дайте нам для него рассказ. <...>

Горький часто вспоминает Вас».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 6.

Июнь, 4. В.П.Португалов из издательства «Порыв» посылает Бунину недавно вышедшие сборники стихов Н.М.Мешкова и П.Полака и пишет в сопроводительном письме:

«Очень буду рад, если Вы сочтете возможным написать мне, как находите их стихи, да и стоит ли делать то, что делаю я, издавать молодых, <...> очень буду признателен, если пришлете мне какую-либо книгу Ваших стихов».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 182.

На книге Н.М.Мешкова «Снежные будни. Книга стихов» (М.: Кн-во «Порыв», 1911) дарственная надпись:

«Глубокоуважаемому Ивану Алексеевичу Бунину от В.Португалова 4/VI 1911 г. Москва».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3754 оф.

Экземпляр книги П.Полака неизвестен.

Июнь, 5. В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 123. С. 2) помещается статья Г.А.Вяткина «Тихий свет. (Поэзия Ив.Бунина)».

Критик пишет: «Иван Алексеевич Бунин пишет целых 15 лет <так!>, печатается в самых разнообразных журналах, газетах и сборниках, а оживленно заговорили о нем лишь <...>, когда он был удостоен звания почетного академика. Да и теперь еще Бунин в широкой публике известен мало, он не пользуется и половинной долей того успеха, каким, например, незаслуженно окружен Арцыбашев.

Такова, к сожалению, участь писателей, не откликающихся на злобу дня, не желающих менять вечные символы красоты на временные и не заводить искусство на степень утилитарного служения текущим веяниям и событиям. <...> Русский читатель долго оставался равнодушным к лирике Бунина, совершенно чуждой как социальным и политическим интересам нашего времени, так и новейшим художественным и литературным течениям.

<...> Поэт любит жизнь, но любовь эта настолько же серьезна и благоговейна, насколько и нежна. Отсюда — манера бунинского письма: сдержанная, трепетно-стыдливая, глубоко-сосредоточенная, как молитва истинно религиозного человека. И то,

что пишет Бунин, всегда идет со дна души, он умеет быть интимным и умеет сообщать эту интимность другим.

Главное место в творчестве Бунина занимает природа, преимущественно русская. <...> Он находит красивые образы, милые сравнения, характерные эпитеты. <...>

Рисуя так образно, сам поэт, однако, в пейзаже не присутствует, он всегда остается где-то в стороне, предпочитая давать читателю объективные картины. <...> Одним из главных достоинств их является простота и естественность. Поэт ни разу не взбирается на ходули пафоса, он знает, что источник истинной художественности — в живом и непосредственном. Сила творческой интуиции помогает ему находить гармонию между объективной действительностью и субъективным воспроизведением ее, а инстинкт художника осторожно ведет его по этой тонкой равнодействующей линии к художественной правде, где его эстетическое проникновение в жизнь неразрывно соединяется с проникновением философским и где то, что он описывает, светится, так сказать, изнутри.

<...> Итак, “любовь” и “радость бытия” являются, очевидно, главнейшими стимулами творчества поэта.

Бунин — романтик. Но романтизм его не восторженно-заоблачный, не болезненный и мистический, а здоровый, земной, спокойно-жизнерадостный. <...> Как в пейзаже ему дороги не краски, а то, “что в этих красках светит”, так и в любви ему дорого не столько самое чувство, сколько тот высокий нравственный подъем, то лучезарное просветление духа, которые вызываются любовью. <...>

Но человек одинок. Как бы и кого бы он ни любил, он в сущности всегда был, есть и будет одинок, — этот мотив, особенно настойчиво и незабываемо звучавший у Мопассана, Тургенева и Чехова, часто звучит и в поэзии Бунина. <...> Немногочисленные критики Бунина называют его певцом умирающей дворянской усадьбы, безжалостно вырубаемых вишневых садов. Это справедливо, но только отчасти. Бунин — прямой наследник Фета, Тургенева, Чехова; он любит все, что было красивого в дворянских гнездах, но в то же время он сознает, что гибель их неизбежна. <...>

В восточных мелодиях талант поэта не только не теряет своей силы, но, наоборот, развертывается вширь и вглубь, высказывает свою многогранность. <...>

Как дворянские усадьбы Бунин любит в период их умирания, так и в истории человеческих племен и стран поэта глубоко трогает красота последнего покоя, та грустная красота, в которой как будто тлеет еще отблеск угасшей жизни. <...>

Жизнь прекрасна, но она мимолетна, — в этой мысли, красной нитью проходящей сквозь лирику Бунина, кроется источник сумеречных настроений поэта, постоянное тяготение его к тихому свету заката и сиянию вечерней звезды.

Как божественный напиток в золотой чаше, принимает Бунин жизнь, медленно и благоговейно осушает чашу и благодарно склоняет колени перед Тем, Кто дал ее».

Июнь, 7. В Глотово приезжает Ю.А.Бунин.

Дневники. Т. 1. С. 108.

Июнь, 2...9. Выходит 2-е издание книги П.Ф.Гриневич <П.Ф.Якубович> «Очерки русской поэзии» (СПб., 1911), в которой (с. 348–352) имеется статья «Иван Бунин».

Данная статья была опубликована ранее. См.: середина июля 1902, вторая запись; конец 1903 года, третья запись. (*Летопись* (*1*). С. 471, 526).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Июнь, до 20. Бунин начинает писать повесть «Веселый двор».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 20 июня 1911, первая запись.

В «Списке произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания» (автограф — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф) авторская дата начала работы над рассказом: начало июля 1911.

Июнь, 20. Бунин пишет И.А.Белоусову, извиняясь за поздний ответ по уважительной причине:

«строчил повестушку <“Веселый двор”> <...>

Нас дожди залили, грозы одолели. Хоть караул кричи! А поработать много надо, а в дождь му́ка для меня работа. Приехал Юлий из-за теплых морей <...>.

Что же это ты, разбойник Чуркин, письмо-то толстовское сократил? Я так и ахнул».

Письма (*2*). С. 179.

См.: середина мая 1911.

В письме П.А.Нилусу Бунин пишет, что планирует приехать в Одессу «или в июле, или *в августе*» и сообщает:

«Роман твой и Юлий, и Вера, и племянник <Н.А.Пушешников> прочитали: все сходятся в мнении со мною: прямо чудесная вещь и интересная во многих, многих отношениях, но растянутая, хоть чрезвычайно легко сократимая <...>. Но куда, куда деть роман? Хочешь попытаться в “Русскую мысль”, к Брюсову? Юлий может ему написать. А то, ей-богу, нет места подходящего».

Письма (*2*). С. 180.

А.А.Шахматов в письме извещает Бунина:

«Имею честь уведомить Вас, что Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, желая выразить Вам свою признательность за написанную Вами по поручению Разряда изящной словесности рецензию, — постановило выдать Вам установленную золотую медаль имени А.С.Пушкина, которая при сем и препровождается».

Письма (*2*). С. 565.

Июнь, середина. В Москве выходит № 11 «Нашего журнала», в котором (стб. 5–14) печатается перевод Бунина с украинского языка рассказа А.П.Стороженко «Усы».

См.: 22 и 24 декабря 1889. (*Летопись* (*1*). С. 66).

Июнь, 21. В письме П.А.Нилус рассказывает Бунину о выступлении начинающей 18-летней поэтессы Колтунской, которой восхищался А.М.Федоров, но оказалось, что ее стихи пошлые и надуманные. Далее пишет:

«Кстати, ты получишь поэму от одесского поэта Гроссмана, сотрудника “<Одесских> Новостей”, прочти, пожалуйста, и черкни несколько слов».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 3–4.

См.: 4 июля 1911; 29 июля 1911, вторая и третья записи.

Июнь, 22. В ответном письме И.А.Белоусов сообщает Бунину:

«Сидеть я в Москве сижу, а делать — ничего не делаю, а ты не ругайся; доживи до моих лет — и узнаешь. Я сделал, что мог, а дальше... стоит ли? Какой я писатель? Любовь к литературе у меня осталась — и то слава Богу!

Вот поеду в Крым, там попробую писать <...>.

Завтра поеду в Апрелевку, увижу твоего любезного художника (от слова худо) Пархоменко. Никак не могу забыть твоего портрета, им написанного. Когда я увидал его первый раз, то ты мне показался похожим на щуку, которая только что выметала икру. <...> С журналом <“Наш журнал”> не знаю что делать, — думаю бросить».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 24–25.

См.: 20...30 ноября 1909. (*Летопись* (*1*). С. 852).

Июнь, 27. П.А.Нилус пишет Бунину, что Е.И.Буковецкий будет «очень рад твоему приезду» в Одессу, и сообщает:

что его драма написана «в черновом виде два акта, за то же время написал небольшой рассказ <...>. На днях пришлю тебе два рассказа. <...> Очень приятно было узнать, что роман тебе понравился <...>. Относительно сокращений, — я теперь отлично вижу, что и где нужно изменить, выкинуть, для этого я уже отошел на ту дистанцию, с которой видно все. Если Ю.А.<Бунин> напишет Брюсову, я буду очень благодарен».

Письма (*2*). С. 575–576.

Июнь, 26–28. Бунин пишет рассказ «Крик». Авторская дата: «26–28.VI.1911».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 8.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 15.
ПСС. Т. 6. С. 129–134.

См.: 1 октября 1911.

Июнь. В московском журнале «Русская мысль» (№ 6. Отд. III, с. 15–16) помещается статья З.Н.Гиппиус «Литературный дневник». Подпись: Антон Крайний.

Критик пишет: «Какая хорошая книга — “Деревня” Бунина. Строгая, тяжелая, гармоничная. Не роман: нет ни завязки, ни развязки, почти нет сюжета; книгу кто-то назвал “скучной”, и это, пожалуй, правда; она скучна, тяжка, значительна и темна, она — сама “деревня” наша сегодняшняя. Язык так великолепно ровен, так спокойно-выразителен везде, что жаль вырывать цитаты: вся книга — одна цитата.

Среди разнородно-тенденциозных выкриков о “деревне”, среди современных книг, одинаково нехудожественных и “правого” и “левого” направления, книга Бунина — единственная настоящая, ей веришь просто, ибо она проста и свободна. Бунин не Чехов; в книге нет легкости и остроты чеховских “Мужиков”, но и слава Богу. Не легка, не остра “деревня”; и не копьем подымает Бунин земляные пласты, а широкой лопатой; не чертит, не рисует, а долго, нудно, медленно рассказывает, показывает. <...>

Книга Бунина дает серьезному читателю очень много. Художественно-бескорыстная, она, оставляя читателя свободным, приобщает его к проникновенному

знанию автора. Никуда не толкает, не ведет, даже путей никаких не указывает. Если есть выходы и пути, их отыщет сам читатель. Это книга высшего целомудрия, художественного — и душевного, человеческого. <...>

Да, герой Бунина (можно ли назвать его “героем”?) вернулся в свое место, погибает среди родных снегов, а не на петербургских улицах, отказался от претензий на интеллигентную и литературную “славу”; и тут, кроме большого художественного такта, есть еще настоящая правда. Правда героя, — и правда деревни».

Июнь, 29 — Июль, 2. Бунин пишет рассказ «Бессонница», позднее получавший названия «Из рассказов без заглавия», «Снегур», «Снежный бык». Авторская дата: «$\frac{29\ \text{июня}}{2\ \text{июля}}$1911 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 6218 оф.

ПСС. Т. 6. С. 126–128.

См.: начало ноября 1911, вторая запись.

Июль, 2 (15). В.С.Миролюбов пишет Бунину из Италии о новом «Сборнике товарищества “Знание”»:

«Если дадите рассказ, “Сборник” составится хороший. Обещания имею. <...>

Спасибо Вам за теплое письмо <неизвестно>. <...>

Я бы Вам был весьма благодарен, если бы Вы написали мне, каково теперь в России отношение к “Знанию” в публике, и в писательской среде».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/17 оф.

Июль, 3. Бунин вместе с Ю.А.Буниным и Н.А.Пушешниковым беседуют с Таганком — старым крестьянином Ф.Ф.Дёмкиным.

В дневнике Бунин отмечает: «Изумительно — за все время, кажется, всего два-три дня хороших. Все дождь и дождь.

Ездили с Юлием и Колей <Пушешниковым> в Слободу. <...> Только что вернулись от Таганка, ста восьмилетнего старика. Весь его “корень” — богачи, но грязь, гнусность, нищета кирпичных изб и вообще всего их быта ужасающие. Возвращаясь, заглянули в избу Донькиной старухи — настоящий ужас! И чего тут выдумывать рассказы — достаточно написать хоть одну нашу прогулку. <...>

Таганок милый, трогательный, детски простой».

Дневники. Т. 1. С. 109.

Вскоре по воспоминаниям о своей встрече с Таганком Бунин пишет рассказ «Сто восемь». См.: 3–8 июля 1911. Подробнее о Ф.Ф.Дёмкине по прозвищу Таганок см. кн.: Дёмкин Е.Н. Иван Бунин: «Моя отчизна; я вернулся к ней...». СПб., 2009. С. 81–83, 92, 159, 238–239, 246–247.

Июль, 4. Бунин благодарит в письме Е.И.Буковецкого за приглашение приехать в Одессу и пишет:

«Нас зарезала дурная погода, работать часто мешает мне сердце: что-то такое делается иногда ночью — и выбивает на сутки из седла.

Петр <Нилус> пишет мне про Вашу новую поэтессу. Я ее видел раза два и заслужил ее ненависть, кажется, сказав ей прямо, что стихи ее мне очень не нравятся. Она показалась мне очень глупой. Это Колтунская ведь?»

Письма (*2*). С. 180.

Июль, 8. Бунин пишет стихотворение «Зов» («Как старым морякам, живущим на покое...»). Авторская дата: «8.VII.11».

СС (*Петр*). Т. 2. С. 306.

В *ПСС*. Т. 6. С. 169 — авторская дата: «8.VIII.1912».

См.: 25 декабря 1912, третьяя запись.

Июль, 3–8. Бунин пишет рассказ «Сто восемь». Авторская дата: «8.VII.1911».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 16.

ПСС. Т. 5. С. 206–215.

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: 14 августа 1911, вторая запись.

Июль, 10. В московской газете «Русское слово» (№ 158. С. 3) публикуется рассказ «Мертвое море».

Июль, 15. Бунин посещает ярмарку.

Бунин записывает в дневник: «Уже дней десять — и без перерыва — дождь.

Я уже с неделю болен — насморк, бронхит. Вообще, когда же это кончится, мое самоубийство, летняя жизнь в Васильевском?

Нынче Кирики, престольный праздник, ярмарка. Выходил. Две ужасных шеренги нищих у церковных ворот».

Дневники. Т. 1. С. 110.

П.А.Нилус посылает Бунину открытку со своим стихотворением.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 17.

Июль, 23. И.А.Белоусов в письме Бунину из Алупки сообщает:

«Я прекратил “Наш журнал” — черт с ним! Он, кроме неприятностей, мне ничего не дал. <...> Но я еще не опустил крылья, — отдохну здесь, приеду в Москву и буду издавать новый журнал. Хотя по примеру “Наш. жур.” и плохо поддерживали меня друзья, но я все-таки не разуверился, и попробую еще. Про тебя я не говорю, — ты, спасибо тебе, сделал, что мог и это я очень ценю. <...> Голубчик мой, — буду издавать журнал, ты дай мне что-нибудь».

Письма (*2*). С. 579.

Июль, 27. В одном письме Бунин сообщает Е.И.Буковецкому, что приедет в Одессу в начале августа, а П.А.Нилусу пишет:

«Дорогой Петр, из рассказов твоих мне понравился “Наука”. “Шашлык”, по сюжету, чертовски длинен. В пьесе — неожиданнейший и нелепейший конец. Подробности — при свидании».

Письма (*2*). С. 181.

Июль, 29. Бунин с братом Юлием посещают хутор Бутырки.

В дневнике Бунин отмечает: «Все время отличная погода.

Ездили с Юлием на Бутырки. О, какое грустное было мое детство! Глушь, Николай Осипович <Ромашков>, мать...».

Дневники. Т. 1. С. 112.

С.С.Юшкевич пишет Бунину из Одессы:

«Л.Гроссман, журналист, сотрудник “Одесских новостей” просил меня переслать Вам написанную им поэму, о которой хотел бы знать Ваше мнение.

Делаю это с охотой, т.к. уверен заранее, что Вы любезно отнесетесь к его просьбе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3210/1 оф.

Очевидно, к посылаемой поэме было приложено недатированное письмо Л.П.Гроссмана к Бунину:

«...простите, что не будучи лично знакомым с Вами, я позволяю себе обеспокоить Вас просьбой прочесть мою поэму и высказать свое мнение о ней. Мне самому, конечно, видны ее отрицательные стороны, — но всевозможных сомнений относительно своих писаний так много и они так значительны, что разобраться в них самому мне слишком трудно».

Письма (2). С. 577.

См.: 12 августа 1911, вторая запись.

Июль, 31 (Август, 13). В письме из Генуи В.С.Миролюбов напоминает Бунину:

«Сильно рассчитываю на Вашу повесть или рассказ».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 7.

Июль. Бунин начинает писать повесть «Суходол».

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

Август, 4. И.А.Белоусов вновь пишет Бунину, сообщая о прекращении выхода «Нашего журнала» и о начале издания нового журнала «Путь»:

«С конца года буду издавать другой журнал. Голубчик, на тебя надежда, — не оставь. Думаю, 1 № выйдет в ноябре».

Письма (2). С. 579.

Август, 5. В письме Е.И.Буковецкому Бунин сообщает, что завтра выезжает из деревни в Москву, а затем в Одессу.

Письма (2). С. 181.

Бунин извещает в письме Ю.А.Бунина, что завтра едет в Москву один, а В.Н.Муромцева остается в деревне.

Письма (2). С. 181.

Август, 6. Бунин уезжает из Глотово в Москву; В.Н.Муромцева, оставшись в деревне, заканчивает перевод романа Г.Флобера «Сентиментальное воспитание».

См.: 5 августа 1911, вторая запись.

Август, 7. Утром Бунин прибывает в Москву.

Бунин вновь пишет С.П.Боголюбову, повторяя свою просьбу выслать новые «Сборники товарищества “Знание”».

Письма (2). С. 181.

В.Н.Муромцева начинает писать Бунину письмо, в котором рассказывает о своей жизни в Глотово, Пушешниковых и их знакомых, о своем самочувствии.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/177 оф.

В петербургской газете «Речь» (№ 214. С. 3) печатается статья Е.А.Колтоновской «Интеллигент и деревня. (О “Деревне” Бунина)».

Критик, упомянув о равнодушном отношении «рядового обывателя» к «едва ли не самому выдающемуся произведению нынешнего года», пишет: «Книга Бунина о деревне — очень тонкая и своеобразная. Немногие могут оценить ее чисто-художественные достоинства: стильную простоту, цельную выдержанность и строгую гармоничность, точность рисунка и соответствие спокойных выразительных красок... Но как не почувствовать, сквозь суховатую сдержанность рассказа и эпический тон его, глубоко затаенную большую правду этой повести, правду, выстраданную автором, всем интересную и нужную? Думается, тут отчасти вина авторская. Прекрасная книга Бунина все-таки странная книга. В ней есть большой недостаток. Она сразу не захватывает <...>. В нее нужно вчитаться <...>, так все более удивляешься ее искренности и серьезности. Как тщательно все в ней продумано, проверено и взвешено, несмотря на субъективизм восприятия и чувств! Книга Бунина как благородный металл, не тускнеет от времени, а еще выигрывает. Не много у нас таких книг не только в новейшей, но и во всей нашей литературе. Но есть в ней и *новое* обаяние: та полная искренности и бесстрашия откровенность, с которой автор рассказал о своих деревенских впечатлениях, рассказал прямо, без всяких оговорок и смягчающих слов. У нас пока не только говорить, и слушать так правду не умеют... <...> Рисунок у Бунина однотонен, однообразен, пожалуй, несколько тенденциозен. <...> Но этот острый субъективизм еще усиливает значительность того реального содержания, которое есть в повести. <...> На всей повести лежит отпечаток покаянных интеллигентских настроений и смелого критического анализа наших дней. Но эта интеллигентская окраска не отнимает у “Деревни” ее объективного значения. Может быть, Бунин, как и всякий пришлый интеллигент, видел и знает не всю деревню — не слыхал биения ее сердца. Может быть, она таит свое сердце, открывая его лишь тем культурным работникам, которые живут среди нее, не боясь ее, спокойно делая свое дело...».

Август, 8. Вечером Бунин уезжает из Москвы в Одессу.

Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 11 августа 1911, вторая запись.

В дневнике Бунин отмечает: «Еду в Одессу, пишу под Киевом в вагоне».

Дневники. Т. 1. С. 114.

В.Н.Муромцева заканчивает письмо Бунину и сообщает, что ему пришло два письма: от М.А.Ласкаржевской и от И.А.Белоусова, который приглашает в свой новый журнал.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/177 оф.

В воронежской газете «Живое слово» (№ 23. С. 3) в рубрике «В литературном мире» помещается сообщение:

«И.А.Бунин от изображения деревенской действительности перешел к изображению быта современной интеллигенции. В настоящее время он пишет большую повесть из этого быта».

Речь идет о повести «Суходол».

Август, 9. С.П.Боголюбов сообщает Бунину открыткой из Петербурга:

«Только что получил Ваше открытое письмо, послал последние 2 сборн<ика>. Жаль — не сказали, с какого начиная не получали.

С апреля я жестоко болен <...>».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 257.

Август, 10. Бунин приезжает в Одессу; поселяется на даче у Е.И.Буковецкого на Большом Фонтане.

Бунин посылает В.Н.Муромцевой открытку.

Открытка неизвестна. См.: 15 августа 1911, первая запись.

Август, 9 или 10. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Глотово, рассказывая о Н.А.Пушешникове и его знакомых, а также отмечает:

«Вчера Наташе <прислуга в доме> прочла твой “Листопад”, она все поняла, и ей очень понравился, — вот и Толстой должен был бы быть доволен».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3744 оф.

Август, 11. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 15 августа 1911, первая запись.

В ответном письме из Глотово В.Н.Муромцева сообщает Бунину:

«Только сегодня в 11 ч. утра получила я твое письмо от 8 августа, дорогой, золотой мой Ивчик. Почему оно шло так долго? — не понимаю. Боясь, что ты будешь беспокоиться, что не получаешь от меня писем, я посылаю тебе это письмо к первому же поезду». Далее сообщает, что пришло три письма: от М.А.Ласкаржевской, И.А.Белоусова (приглашение в новый журнал), М.Ф.Андреевой (приглашение приехать на Капри осенью, когда туда приедут И.Д.Сытин, И.П.Ладыжников, А.Н.Тихонов): «Подумай и *немедленно* ответь ей».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/42 оф.

Я.Л.Сакер в письме Бунину из Одессы сообщает, что с сентября становится редактором петербургской «Всеобщей газеты» и приложения к ней — журнала «Всеобщий ежемесячник», просит принять участие в журнале:

«Всякая Вами написанная вещь, будь то стихотворение или рассказ, имели бы для нашего журнала большое значение, так как возвысили бы его литературную ценность в силу высокого совершенства формы и серьезности содержания Ваших произведений, которыми и обуславливается — по-моему — исключительное место, занимаемое Вами в современной русской литературе».

На письме помета Бунина: «Ответил 24 авг.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 267, л. 1.

Август, 12. В письме М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому Бунин сообщает:

«Я сейчас под Одессой, приехал к друзьям на дачу отдохнуть от дождей и холода, оставив Веру Николаевну в деревне у сестры за окончанием перево-

да книги Флобера <“Сентиментальное воспитание”>. Лето провел неважно. <...>

Будь я немного хотя посвободнее и побогаче, тотчас же поплыл бы на Капри! Долго, долго глядел вчера вечером вслед огням парохода, ушедшего в Италию».

Письма (*2*). С. 182.

Бунин извещает в письме Л.П.Гроссмана, что прибыл под Одессу на дачу:

«...хотел бы сказать Вам несколько слов о Вашей поэме. Если Вы свободны, м.б., навестите меня?»

Письма (*2*). С. 182.

Бунин пишет М.П.Чеховой, извиняясь за молчание, что возвращаться из-под Одессы будет через Крым:

«...ибо очень хочется видеть Вас и потолковать о деле, о письмах. Правда, то, что будет в 1-м т., я читал, но мне необходимо еще раз прочесть и сделать заметочки для себя. Буду, значит, читать в корректуре».

Письма (*2*). С. 183.

Речь идет об издании писем А.П.Чехова, к которым Бунин собирался написать вступительную статью.

В.Н.Муромцева пишет Бунину, сообщая в недатированном письме о своем плохом самочувствии:

«Дорогой мой, нахожусь я сейчас в таком состоянии, в каком не была уже года 3, 4», рассказывает о жизни в Глотово, о встрече с Таганком.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/167 оф.

Датируется по письму Бунина к Ю.А.Бунину. См.: 17 августа 1911, первая запись.

Август, 13. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 17 августа 1911, третья запись.

Август, 14. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Сегодня 14 августа, а от тебя из Одессы я не получила ни одного письма. <...> Очень прошу: напиши Шиповникам и спроси, *когда* они думают хотя приблизительно начать печатать мой перевод <романа Г.Флобера “Сентиментальное воспитание”> <...>. Сегодня пришло письмо от М.Ал. <Ласкаржевской> <...> Пишет, что денег нет, а большая необходимость <...>. Вчера мы <с Н.А.Пушешниковым> опять были у Таганка. Он поразил меня сходством с Толстым. <...> Были в Каменке. <...> Все постарели, многие уже умерли... Да, исчезла Каменка с лица земли, осталась только по ней память в “Суходоле”!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/172 оф.

В московской газете «Русское слово» (№ 187. С. 3–4) публикуется рассказ «Сто восемь».

Август, 15. Утром В.Н.Муромцева дописывает свое письмо к Бунину:

«Сейчас, Ненаглядыш, получила открытку, написанную 10 августа. <...> Получила сейчас и письмецо от 11 авг.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/172 оф.

Вечером В.Н.Муромцева пишет новое письмо Бунину:

«Не сердись, что я так много трачу марок и бумаги, да уж очень тоскливо. Ведь я положительно сегодня почти ни с кем не говорила, даже кататься ездила одна. Не беспокойся, это было днем, и это доставило мне массу наслаждений <...>.

Вечером я сидела и читала твои стихи. И я как-то поняла многое. Почему ты в жизни со мной сух: слишком, должно быть, ты много переживаешь, как поэт, ну, да ты не любишь эти темы. <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/152 оф.

Август, 15 или 16. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 19 августа 1911, вторая запись.

Август, 16. Бунин начинает писать рассказ «Сила».

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) – ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

В.Н.Муромцева сообщает Бунину в открытке:

«Погода отличная, иду на час в сад. <...> Сегодня письма от тебя нет. Чувствую себя хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/51 оф.

П.В.Мурашев в письме из Москвы извещает Бунина, что с 5 сентября в Москве начнет выходить новый журнал (получивший позднее название «Живое слово») и просит:

«Не найдете ли возможным принять в нем участие в сотрудничестве и разрешите занести Вас в список сотрудников».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 295, л. 3.

Август, 17. Бунин в письме Ю.А.Бунину сообщает о письме В.Н.Муромцевой, которая жалуется на здоровье, а также о встречах с А.М.Федоровым, С.С.Юшкевичем, цитирует статью Е.А.Колтоновской из «Речи», просит выслать 50 р.

Письма (2). С. 183.

В письме к В.Н.Муромцевой Бунин спрашивает о ее самочувствии.

Письмо неизвестно. См.: 20 августа 1911.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой мой, только сегодня получила от тебя письмо от 13 авг. Обрадовалась ему донельзя. <...> "108" прочла. В печати, по-моему, рассказ выиграл. <...> Таганку мы отнесли штаны и рубаху, Наташа говорит, он очень доволен. <...> Почему ты живешь "так себе"? Что ты читаешь?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/182 оф.

Август, 18. В.Н.Муромцева заканчивает свое вчерашнее письмо, сообщая Бунину о своем переводе романа Г.Флобера «Сентиментальное воспитание»:

«Мне думается, через неделю я перепишу I часть до конца. Перечитаю ее внимательно и дам на твое усмотрение».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/182 оф.

См.: 21 августа 1911, вторая запись.

М.П.Чехова в письме приглашает Бунина:

«Дорогой Иван Алексеевич, я Вас жду. Приезжайте прямо в Н. Мисхор. <...> У нас хорошо отдохнешь и насладишься морем».

Письма (*2*). С. 579.

Август, 19. Бунин отвечает В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 23 августа 1911, вторая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Глотово:

«Дорогой мой, получила вчера твое длинное письмо, порадовало оно сильно меня, хотя и бранишь за поспешность моих посланий. Но что делать? <...> Я ужасно боюсь, что ты из-за меня сократишь срок своего пребывания у Буковецкого. Не делай этого, ибо я чувствую себя прекрасно. <...> Я даже рада, что живу одна в деревне, я яснее чувствую "ее пульс". Да и бывать одной очень полезно, начинаешь чаще думать о "божеском". Вчера я была в Предтечеве. <...> Твой покинутый Любимчик».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/41 оф.

Август, 20. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Только что получила твое письмо от 17 августа, где ты беспокоишься и сердишься, дорогой глупыш! <...> Ты пишешь, чтобы я писала тебе каждый день, "лучше поменьше, да почаще". Но я и так, пишу почти ежедневно, но вот поменьше, это труднее. Ведь письма к тебе, — это только за ними "я душой отдыхаю". А после того как получу от тебя письмо, я волнуюсь почти что так же, как волновалась года четыре с половиной тому назад, и хотя Коля <Пушешников> и говорит, что, по его мнению, в наших с тобой отношениях ничего не осталось из "прежнего", но я думаю, что он не прав. <...> Порадовал ты меня рассказом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/105 оф.

Август, середина. Н.А.Крашенинников пишет Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич, хотя я в настоящее время и забыт Вами, все же присылаю на память о Новогирееве свою последнюю книжку "Барышни" <М., 1911>. Я очень жалел, что моя поездка в Петербург оказалась одновременной с Вашим приездом в Москву <...>. Прочитайте книжку, — мне хотелось бы Вас спросить о ней как-нибудь осенью, когда Вы приедете. <...> Между прочим, в стран. 110 своей книжки я заложил фельетон о Вас из "Речи" на случай, если Вам еще не доставили его в Вашу деревню».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3215/1 оф.

Датируется по содержанию. См.: 7 августа 1911, третья запись.

Август, 21. Бунин посылает В.Н.Муромцевой открытку.

Открытка неизвестна. См.: 29 августа 1911, первая запись.

В.Н.Муромцева сообщает Бунину в письме о своем переводе романа Г.Флобера «Сентиментальное воспитание»:

«Сегодня я окончила переписывать первую часть, если бы ты проредактировал, то к 1 сентября она была бы готова, жаль все-таки, что затягивается перевод мой, ведь еще 400 страниц перечитывать, сверять, переписывать!

Иногда жуть охватывает! Что делать, что делать? Никогда не нужно что-нибудь строить, основываясь на чужой помощи!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/113 оф.

Август, 22. В.Н.Муромцева пишет Бунину на открытке:

«Сегодня письма от тебя не было. Все здоровы. Погода скверная».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/48 оф.

Август, 23. Л.Ф.Маркс пишет Бунину из Петербурга:

«Мне было приятно узнать из Вашего письма к П.В.Быкову, что Вы принципиально согласились на составление для нас биографического очерка к сочинениям Чехова, условия же выполнения работы, которые Вы просите указать, следующие. Размер — не более пяти печатных листов, срок <...> — не позже 1-го ноября, и, наконец, <...> очерк должен быть представлен нам, конечно, в полную собственность, а не во временное только пользование».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 1–2.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, написала тебе вчера длинное письмо, да вместо него послала открытку, не послала бы, может, и это письмо, да боюсь, что будет хуже, буду все думать о том, что мучает, а это отражается на работе, на здоровье. Ты не можешь представить, как я проклинаю тот час, что я осталась одна среди чужих людей, и еще более проклинаю тот день, когда я согласилась четыре года назад поселиться в Глотово. Я уверена, мы лучше бы прожили бы, и ты до такой степени не испортил своего желудка, а уж о своем здоровье я и не говорю. Ведь только в том случае можно жить среди чужих людей, только тогда, когда эти люди тебя *любят*, иначе всякая лачуга лучше! <...>

Сию минуту получила твое письмо от 19 августа. Крепко целую за него. Порадовало оно меня, что тебе хорошо. <...>

Написала тебе, — и настроение у меня сделалось лучше, и не так пессимистически гляжу на мир».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/111 оф.

Август, 24. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 30 августа 1911.

В ответном письме Я.Л.Сакеру Бунин соглашается принять участие во «Всеобщей газете» и ее приложении — журнале «Всеобщий ежемесячник».

Письмо неизвестно. См.: 11 августа 1911, третья запись; 7 сентября 1911.

Август, 25. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 30 августа 1911.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 195. С. 3–4) публикуется статья Р.В.Иванова-Разумника «“Народ” и “интеллигенция”. (Из летних диалогов о русской литературе)».

Написав статью в форме диалога двух людей, критик, в частности, упоминает книгу Родионова «Наше преступление» и пишет: «И разве не такую же черную правду о народе найдем мы и в последней повести “Деревня” Ив.Бунина, так расхваленной всеми критиками?

— О Невтонах и Платонах в мужицких армяках мы еще поговорим, что же до повести Ив.Бунина, то это — очень почтенная работа... Конечно, от г. Родионова до почетного академика Ив.Бунина — дистанция громадного размера, но между ними есть общее: и тот, и другой одинаково скучно мажут всю деревню, весь "народ" сплошной черной краской. Пусть это — "черная правда" о народе; но неужели же вы думаете, что меньше черной правды можно сказать решительно о любом слое общества? И разве вы не знаете, что доля правды, выдающая себя за всю истину, есть худшая ложь? Вот тут-то и выясняется вся многозначность, вся сложность простого понятия "народ"».

Заговорив о произведениях А.М.Горького «Лето» и «Городок Окуров», один из собеседников, процитировав из повести Бунина «Деревня» диалог Кузьмы с Балашкиным, отмечает: «Ну, что? Согласитесь, что герои М.Горького — просто мальчишки и щенки по сравнению с этими двумя безграмотными мещанами Ив.Бунина? И та самая публика, та самая критика, которая с негодованием фыркает на выдуманность и невероятность философствующих героев М.Горького, — та самая публика и критика осталась в полном удовольствии от повести Ив.Бунина. <...> Я только хотел указать вам на то, что к свидетельствам о народе М.Горького можно прибавить еще и свидетельство любезного нашей публике и критике Ив.Бунина. Но, конечно, Ив.Буниным нельзя "оправдать" М.Горького уже по одному тому, что М.Горький — большой писатель, почти всегда художник, а Ив.Бунин — просто почтенный, трудящийся и самовлюбленный беллетрист».

Август, 24 или 25. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, если ты получишь телеграмму о том, что я уехала в Лазовку, то не удивляйся и сердись. Я серьезно боюсь разболеться от того, что почти не гуляю. <...> Вообще я поняла, какой ужас жить одной среди чужих людей. В тысячу раз лучше жить совсем одной. Ведь живи я самостоятельно, я могла пригласить к себе Павлика или кого-нибудь, да и прожить на те же 55 руб., кот. с меня берут здесь. Это выяснилось вчера».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/119 оф.

Август, 25 или 26. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, ты раздражаешь меня своими просьбами "коротких писем", которые я не люблю и не умею писать. Писала же я тебе ежедневно, почему ты по три дня ничего не получаешь — не могу понять? <...> Ведь если любишь человека и любишь бывать в его обществе, то хочется хоть часа два в день побыть с ним, хотя мысленно. Но, может, тебе некогда читать их? Поэтому с завтрашнего дня буду присылать открытки <...>»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/157 оф.

Август, 26 или 27. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 29 августа 1911, вторая запись.

Август, 27. В.Н.Муромцева пишет Бунину «успокоительное письмо», вероятно, в ответ на его телеграмму:

«Но сказать, чтобы я хорошо себя чувствовала, не могу. Сейчас меня охватило какое-то беспокойство и тоска, даже слезы, что пришлось даже прибегнуть к Гофманским каплям. Уж не случилось ли с кем чего? Или

же просто от собственной жизни расстроилась. Невеселая она у меня. Да и <в> будущем одно: подавляй в себе все свои желания. Многое я могла бы написать, рассказать, да, во-первых, отнимет это у тебя время, а во-вторых, "сытый голодного не уразумеет". Ведь ты только и можешь понимать как художник, или же прав Коля <Пушешников>, что у тебя ко мне нет нужных отношений, чувств, а потому нет ни любви, ни понимания, ни интереса. <...>

Сегодня письма от тебя не было.

Может, лучше было бы не посылать это письмо. Вера».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/44 оф.

Телеграмма неизвестна.

Август, 28. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Глотово, сообщая о споре между Н.А.Пушешниковым и его знакомым по поводу рассказа «Сто восемь»:

«Коля не сумел его отбрить, хотя и говорил правильно и резко. <...> Сегодня уже 7 дней, как я не знаю, как ты живешь, это немного жестоко с твоей стороны. Ведь письма твои мне бывают большой отрадой. <...> Тем более, что я почти все одна и одна. <...> Когда ты приедешь? <...> Сегодня 3 недели, как ты уехал».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/114 оф.

С письмом В.Н.Муромцева посылает Бунину открытку:

«Сегодня от тебя письма не было. "До свиданья, луна, я одна, я хожу по дорогам с коричневым догом"».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/50 оф.

Август, 29. Бунин получает письмо от В.Н.Муромцевой из Глотово:

«Вчера на станции Измалково встретились опять с Е.М.Лопатиной <...>. С Измалково мы поехали в Предтечево <...> тоска, тоска, ты не пишешь, последнее письмо от тебя было от 19 авг., последняя открытка от 21. Неужели до сих пор ты конвертов себе не купил? Ведь две марки я тебе послала. <...> Вот уже пять дней как Коля <Пушешников> мне не задал ни одного вопроса, я тоже молчу, чтобы не нарушать его покоя. <...> Твой покинутый и забытый».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/43 оф.

На письме помета Бунина: «29 августа».

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Глотово:

«Дорогой мой Светик (давно я так тебя не называла, вдруг, вспомнила). Получила, наконец, от тебя письмо. <...>

Неужели ты не писал стихов? Мне думается, что ты здесь их будешь писать, вот увидишь.

Ты пишешь, что дни у тебя летят. <...> все газеты сохраняются. — Я сегодня прочла 2 раза "108", один сама себе, другой — С.Н.<Пушешниковой>, которой понравился, а я нахожу, что это одна из твоих удачных вещей, так много там поэзии, так много она дает читателю, не думаю, что я пристрастна!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/173 оф.

Август, 30. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Представь, мой дорогой, золотой Ненаглядыш, письмо от 24 августа я получила сегодня, <...> а вчера я получила письмо от 25 ав<густа> <...>. Ты пишешь, что соскучился, а уж я так и говорить нечего, всё плакать хочется.

Из твоих писем вижу, что А.Н.<Бунина> настигает тебя. Вот ты должен ко мне проникнуться уважением: "не все выдохлось". Ты хорошо сделал, что сказал о "плохом годе". И еще лучше сделаешь, если намекнешь, что и я зарабатываю, и у моих родителей средства есть. О разводе поговори, хотя я думаю, едва ли она тебе даст, во всяком случае, задаром. <...>

Я думаю, что нам поумней будет прожить весь сентябрь в Глотове. Ты поработаешь, да и мой перевод в надлежащий вид приведем, да и сэкономим. <...>

Сегодня я снова перечитывала все твои письма».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/158 оф.

Август, 31. Извиняясь за долгое молчание, Бунин пишет И.А.Белоусову, что скоро вернется в Москву и обещает дать свое произведение в новый журнал «Путь».

Письма (*2*). С. 183.

В.Н.Муромцева посылает Бунину телеграмму:

«Очень прошу остаться больше в Одессе здорова весела пишу Вера».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/97 оф.

В.Н.Муромцева в письме сообщает Бунину:

«Дорогой мой, получила твое письмо <...>.

Как я рада за тебя, что ты пожил так хорошо: "занятия, потом прогулка, сидение на балконе под усыпляющим морским ветром, чай, опять прогулка — и сон". Великое счастье иметь друзей! <...>

Я послала тебе телеграмму, чтобы ты не спешил с юга, ибо холода здесь стоят. Теперь я хожу к Лозинским иногда. Коля <Пушешников> по-прежнему не замечает меня, <...> Ты пишешь, чтобы я "повзрослей относилась бы к свинствам Коли". Да я не знаю, как более взросло относиться. Я ни одного резкого слова за все время не сказала ему. И первую неделю, когда он был со мной минимально вежлив, я со своей стороны делала все, что могла, если ему что-либо нужно было. Когда мы с тобой увидимся, я расскажу о многих вещах тебе. По-моему, он и к тебе всякий интерес потерял. Он как-то сказал, что хотя он и любит тебя и прекрасно относится, но жить с тобой ни за какие тысячи не стал бы. <...>

Пробудь в Крыму или Одессе подольше. Хотя я и очень хочу тебя видеть, но все же терпеть еще могу. А если это полезно тебе, то побудь как только можешь и хочешь долго! Извести только приблизительный твой приезд. <...>»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/110 оф.

Сентябрь, 1. Бунин заканчивает рассказ «Сила». Авторская дата: «16.VIII.1911».

ПСС. Т. 5. С. 237–246.

См.: Список произведений 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: 18 сентября 1911.

Сентябрь, 2. В.Н.Муромцева посылает Бунину открытку:

«Больше закрытых писем посылать не буду, ибо не знаю, как долго ты останешься. Погода здесь то очаровательная, то плохая. Чувствую себя хорошо. Работаю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/47 оф.

Сентябрь, 7. Я.Л.Сакер пишет Бунину:

«Приехав всего несколько дней тому назад в Пбг., я застал Ваше письмо и с удовольствием прочел о Вашем согласии дать что-либо для “Всеобщей газеты”. Буду ждать, согласно Вашему сообщению, стихотворение или рассказ — желательно и то, и другое.

Я распорядился, чтобы Вам выслали газету с приложениями».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 267, л. 2.

Сентябрь, 8. В газете «Одесские новости» (№ 8515. С. 4) публикуется интервью «У И.А.Бунина». Подпись: А.Ар. <А.Аренберг>.

«В Одессе свыше трех недель гостит популярный писатель, академик И.А.Бунин, сообщивший нашему сотруднику некоторые литературные новости.

— Все лето я провел в Орловской губ., <...> и работал над некоторыми повестями и рассказами, которые скоро, вероятно, появятся в печати. Ныне, вернувшись с дачи в город, решил пожить еще здесь несколько дней. Одна небольшая повесть уже совершенно закончена и появится в сборнике “Знания” <“Веселый двор”>. Другая повесть под названием «Суходол» займет, вероятно, листов 6–7 и значительно больше первой. Обе посвящены жизни деревни. <...> Ныне я занят приведением в порядок путевых заметок. Предполагаю предварительно обработать и систематизировать впечатления о путешествии по Верхнему Египту и Цейлону. В ближайшем будущем предполагаю приступить к выпуску нового, более систематизированного собрания своих сочинений. Если работа эта меня не задержит долго, то возможно, что в декабре предприму новое путешествие. На сей раз предполагаю поехать в Японию и на о. Таити». Далее писатель отвечает на вопросы, связанные с политической ситуацией в России и Западной Европе. По поводу смерти П.А.Столыпина: «Это событие, конечно, большое, громадное, но, на мой взгляд, оно едва ли будет чревато последствиями в области внутренней политики. <...> Последние годы навеяли на общество ужасный пессимизм, и все теперь рисуется ему в мрачных красках. Между тем логика говорит за то, что продолжение прежнего немыслимо и что неминуемо наступление просвета...». На вопрос о выступлении рабочих масс в Западной Европе против дороговизны жизни и разнице пролетариата западноевропейского и российского Бунин отвечает: «Интересы-то у них, конечно, одинаковые, но вся разница в том, что западноевропейский пролетариат представляет собой прекрасно организованную силу. Вся мощь

его в этой организованности и подготовленности к борьбе. О русском пролетариате этого сказать нельзя».

Сентябрь, 9. Бунин в письме М.П.Чеховой объясняет, что не сможет приехать в Крым из-за обострения боли в почке, в связи с чем спешит вернуться в Москву; вновь подтверждает свое желание написать предисловие к письмам А.П.Чехова и сообщает, что от предложения издательства товарищества А.Ф.Маркс написать биографию Чехова отказался, т.к. дали очень маленький срок — до 1-го ноября.

Письма (*2*). С. 184.

Бунин уезжает из Одессы в Москву.

Сентябрь, 11. Бунин приезжает в Москву.

См.: 12 сентября 1911, первая запись.

Сентябрь, 12. В газете «Московская весть» (№ 3. С. 4) помещается интервью с Буниным, который рассказывает о своей работе нынешним летом и литературных планах.

«Вчера возвратился в Москву после летних каникул И.А.Бунин. <...>

После морского путешествия на о. Цейлон с весны И.А. поселился в имении своей сестры в Орловской губернии. Прекрасная старинная усадьба, по словам И.А., как нельзя лучше располагающая к творческой работе.

— И действительно, все время я посвятил непрерывной и напряженной работе. Буквально за три месяца не вставал из-за письменного стола. Я привез с собой шесть небольших рассказов и повесть — произведения вполне законченные, посвященные описанию жизни современной деревни. Кроме того, мною написана первая часть большой повести-романа под заглавием “Суходол”. <...> Это произведение находится в прямой связи с моею предыдущей повестью “Деревня”. Там в мои задачи входило изображение жизни мужиков и мещан, а здесь... Я должен заметить, что меня интересуют не мужики сами по себе, а душа русских людей вообще. Некоторые критики упрекали меня, будто я не знаю деревни, что я не касаюсь взаимоотношений мужика и барина и т.д. В деревне прошла моя жизнь, следовательно, я имею возможность видеть ее своими глазами на месте, а не из окна экспресса... Дело в том, что я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина.

В моем новом произведении “Суходол” рисуется картина жизни следующего (после мужиков и мещан “Деревни”) представителя русского народа — дворянства. <...> Мы знаем дворян Тургенева, Толстого. По ним нельзя судить о русском дворянстве в массе, так как и Тургенев и Толстой изображают верхний слой, редкие оазисы культуры. Мне думается, что жизнь большинства дворян России была гораздо проще и душа их была более типична для русского, чем ее описывают Толстой и Тургенев. <...>

Мне кажется, что быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; все различие обусловливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. <...> Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская. <...>

На фоне романа я стремлюсь дать художественное изображение развития дворянства в связи с мужиком и при малом различии в их психике».

На вопрос о содержании его новых рассказов Бунин отвечает, что они так же о мужиках и мещанах и подчеркивает: «Причем меня интересует воспроизведение подлинной народной речи, народного языка. Рассказ ведется не от автора, а от имени действующих лиц. Хороший колоритный язык народа средней полосы России я нахожу только у Гл.Успенского и Л.Толстого. Что касается ухищрений и стилизации под народную речь модернистов, — то это я считаю отвратительным варварством. <...>

Вообще нынешним летом я вполне доволен, — закончил И.А. — После усиленной работы отдыхал некоторое время в Одессе, над морем, на даче моих друзей, художников Нилуса и Буковецкого. По соседству жил С.Юшкевич, наезжал иногда художник Пастернак».

В.С.Миролюбов вновь пишет Бунину:

«Напишите мне, могу ли рассчитывать на Ваш рассказ или повесть? Очень прошу Вас об этом. <...> Грустно, что и “Деревня” прошла не в “Знании”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 8.

Сентябрь, 14. В Литературно-художественном кружке Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда».

Газета «Столичная молва» (15 сент. (№ 204). С. 4) сообщает: «Вчера в литературно-художественном кружке состоялось первое в нынешнем сезоне собрание членов литературного кружка “Среда”.

Первая “Среда” привлекла свыше 50 членов и гостей. Были В.В.Вересаев, И.А.Бунин, Н.И.Тимковский, С.А.Найденов, Н.Д.Телешов, С.С.Мамонтов, С.Разумовский, И.А.Белоусов, Е.М.Курч и др. Собрание прошло очень оживленно и закончилось товарищеским ужином.

На собрании читал свою новую пьесу С.С.Мамонтов».

См. также отчетную заметку в газете «Московская весть» (15 сент. (№ 4). С. 4) «Девка Наташка. Вчера в Литературно-художественном кружке». Подпись: В.

Сентябрь, 18. В московской газете «Русское слово» (№ 214. С. 3) печатается рассказ «Сила».

Сентябрь, 19. Бунин уезжает из Москвы в Петербург.

В поезде Бунин пишет Е.И.Буковецкому:

«Шлю и тебе и Петру свой новый шедевр (исправлен, дополнен, озарен новым светом), написанный под твоею гостеприимной кровлей, о которой вспоминаю с таким удовольствием. Пишу в вагоне, под Питером. Дождь, мерзость, холод. Еду делать делишки». Далее просит передать П.А.Нилусу по поводу его романа, «что Брюсова я видел, что Бр<юсов> отзывался о нем хорошо, что интересно весьма, по его словам, читать человека, у коего глаза не такие, как у нас, но что на будущий год “Рус<ская> м<ысль>” уже имеет 4 романа <...> и толковать нельзя сейчас о принятии нового романа. <...> Но попытаюсь сперва сделать что-нибудь в Птб.».

Письма (2). С. 184.

Была послана газетная публикация рассказа «Сила». См.: 18 сентября 1911; 13 октября 1911.

Сентябрь, 20. Бунин прибывает в Петербург.

Сентябрь, 21. В московской газете «Театр» (№ 909. С. 8) печатается интервью «Наши беседы. И.А.Бунин о своих работах». Подпись: С.О.

«В Москву только что приехал писатель, почетный академик И.А.Бунин. <...>

К И.А.Бунину мы обратились с вопросом:

— Почему бы вам не написать драмы?

— Это моя “драма”, — сказал И.А. — Я давно скрываю мечту написать хорошую, реальную пьесу с “драматическим действием”...

Должен сознаться, к театру я отношусь равнодушно. Не сцена и не постановка пьесы интересуют меня, а привлекательна драматическая форма, как таковая.

Буду откровенен: в этом направлении мною кое-что сделано.

Именно, имеется план и черновые наброски пьесы...

— Итак, в чем же препятствие?

— Во многом!

В настоящее время я увлечен огромной и важной работой.

Дать цикл больших и небольших произведений из жизни русской “деревни”.

Не картина деревенского быта, в его повседневности, занимает мое воображение.

Развернуть в яркой общественной картине и проследить *основные черты русской славянской души* во всех слоях населения, — главным образом, в мужике и барине.

Вот мой замысел.

За летний период интенсивной работы я закончил несколько рассказов и одну повесть, которая появится в сборнике “Знания”.

Кроме того, написал еще первую часть большого романа под заглавием “Суходол”.

В этом произведении выступают дворяне...

Я всю жизнь прожил в деревне, сам дворянин и хочу теперь сказать *свое слово* о деревне, мужике, и барине, — что знаю по личным наблюдениям, воспоминаниям и беседам.

Мне думается, в художественной книге о русском дворянстве остались недописанные страницы еще со времен великих художников слова Тургенева и Толстого.

Разве типы Тургенева (Рудин, Лаврецкие, Кирсановы) и графа Толстого — типы обыкновенных русских дворян.

Нет. У них изображаются верхи, родовая и духовная знать.

По ним нельзя судить о жизни большинства рядового дворянства.

Как нельзя судить и по писаниям некоторых модернистов, описывающих каких-то идиотов, а не дворянские типы.

В своих произведениях я хочу выразить, что психика была и есть одинаковая — что у мужика, что у дворянина. Небольшая разница вытекает из материального неравенства.

Вот какие мотивы занимают меня теперь.

Впереди на очереди роман, давно задуманный, из жизни литературной и общественной интеллигенции...».

Речь идет о замысле написать роман «Город» (не был осуществлен).

Сентябрь, 23. Из Агентства Добровольного флота из Петербурга Бунин получает телеграмму:

«Проезд разрешен оплатой стоимости продовольствия. Моврокордато».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3269/16 оф.

Сентябрь, 24 (Октябрь, 7). В.С.Миролюбов пишет Бунину из Италии:

«Очень, очень и очень прошу Вас прислать нам свою повесть. Пора сдавать в набор».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/1 оф.

Сентябрь, 25. Бунин вновь пишет М.П.Чеховой, еще раз объясняя, что не приехал в Крым только по причине плохого самочувствия; далее — о письмах А.П.Чехова:

«Письма Антона Павловича брал у Сытина и, мгновенно перечитав, снова возвратил ему для набора. Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью. Но тем более берет меня сомнение: нужно ли мне писать вступление к ним? Крепко подумавши, прихожу к заключению, что не нужно. Ибо что я могу сказать во вступлении? Похвалить их? Но они не нуждаются в этом. Они — драгоценный материал для биографии, для характеристики Антона Павловича, для создания портрета его. Но уж если создавать портрет, так надо использовать не один том их, а все, да многое почерпнуть и из других источников. А какой смысл во вступительной заметке?

Пожалуйста, напишите мне Ваше мнение. Думаю, что Вы согласитесь со мной, тем более, что ведь и выпускать письма надо поскорее».

Письма (2). С. 184–185.

Сентябрь, 30. Вернувшись из Петербурга в Москву, Бунин пишет П.А.Нилусу о его романе:

«Милый друг, я толковал о тебе с Овсян<ико>-Куликовским, и он подтвердил (совершенно искренно), что роман твой ему весьма многим понравился. Тогда я заговорил о пересмотре дела в “В<естнике> Евр<опы>”, и он дал мне слово употребить все старания напечатать роман в этом самом “В<естнике> Евр<опы>”, если ты пожертвуешь некоторыми бордельными местечками. Отдам роман в переписку и отошлю ему — пусть он сам отметит эти местечки и спишется с тобой, согласишься ли ты на изъятие их. Мой горячий совет — согласись. Негде больше печатать, пересчитай хоть сам по пальцам. Прости краткость — ничего не вижу от насморка. Грипп, если не хуже».

Письма (2). С. 185.

Письмо не было сразу отправлено. См.: 2 октября 1911, первая запись.

Октябрь, 1. В московской газете «Русское слово» (№ 225. С. 3) публикуется рассказ «Крик».

Октябрь, 2. Получив от П.А.Нилуса письмо, Бунин делает приписку к своему письму от 30 сентября:

«Получил твое письмо. <...> “Науку” хочу отдать в “Р<усское> сл<ово>”».

Письма (2). С. 185.

Рассказ П.А.Нилуса «Антон наука» был напечатан в газете «Русское слово» (1911. 19 окт. (№ 240). С. 2).

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы по поводу рассказа «Веселый двор»:

«Забыл тебе сказать: Аксинья <в рассказе Анисья> во время своего пути к сыну от малокровия видит “червячка”, плавающего перед глазами. Это по вашему северному, м.б., общепринятое понятие, а международное и более точное определение этого червячка <нрзб> — мушка, я бы сказал по-русски, что лучше. Хейфец до сих пор не напечатал моей заметки о твоих произведениях».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 18.

Октябрь, 10. В воронежской газете «Живое слово» (№ 32. С. 2) в рубрике «В литературном мире» помещается сообщение:

«Академик-поэт И.Бунин намерен в скором времени выпустить новый том своей лирики в издании Маркса».

Издание не состоялось.

На листке отрывного календаря (Кн-во «Общественная польза») помещается портрет Бунина, среди памятных дат напечатано:

«1870. Род. И.А.Бунин, поэт». На обороте листка печатается стихотворение «Ненастный день. Дорога прихотливо...»; ниже дается краткая биографическая справка, в которой, в частности, отмечается: «Бунин <...> — талантливый поэт и беллетрист <...>. Стихотворения Бунина посвящены по преимуществу природе. Помимо оригинальных стихотворений Бунин известен своими переводами, из которых особенно удачен перевод “Песни о Гайавате” Лонгфелло. Из рассказов Бунина наибольшую ценность имеют те, в которых отражается реальная жизнь. <...> К числу лучших рассказов Бунина принадлежит одно из крупнейших произведений его “Тарантелла”, эпизод из жизни народного учителя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 18581 оф.

Октябрь, 12. Бунин посещает Толстовскую выставку, открывшуюся в этот день в Историческом музее; встречается там с О.Л.Книппер-Чеховой.

См.: 5 (18) ноября 1911, первая запись.

Первый день своей работы выставка была открыта только для приглашенных лиц. Выставка располагалась в семи музейных залах, в которых были представлены живописные портреты Л.Н.Толстого и его предков, фотографии, письма и рукописи писателя, его личные

вещи, издания его произведений и их переводы на иностранные языки, литература о Л.Толстом, промышленные произведения (посуда, коробки и т.п.) с изображением Толстого и другие экспонаты. См.: Русское слово. 1911. 11 окт. (№ 233). С. 5; 12 окт. (№ 234). С. 5.

Октябрь, 13. Е.И.Буковецкий, получив от Бунина рассказ «Сила», пишет ему:

«Добавления и изменения в рассказе, который ты прислал, мне не понравились. Мне кажется, очень подсушили изложение».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2989/3 оф.

Октябрь, до 19. Бунин сочиняет стихотворение «Березка» («На перевале дальнем, на краю...») и посылает его в журнал «Всеобщий ежемесячник».

Граница события определена по времени первой публикации. См.: ноябрь 1911.

Октябрь, 19. Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым выезжает из Москвы в Петербург. Их провожает на вокзале Ю.А.Бунин.

Н.А.Пушешников записывает в дневник: «Сегодня вечером уезжаем за границу. Едем через Петербург, втроем: И.А.<Бунин>, В.Н.<Муромцева> и я. <...>

В шесть часов вечера, в сумерки, мы были уже на Николаевском вокзале. <...> До отхода поезда четверть часа. Посидели в вагоне на красных бархатных диванах, поговорили о делах. Второй звонок. И.А. прощается с Ю.А.<Буниным>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 1.

Октябрь, 20. В 7 часов утра Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников прибывают в Петербург; останавливаются в «Северной гостинице». В первой половине дня Бунин с Н.А.Пушешниковым посещает издательства «Шиповник», «Жизнь и знание», редакции журналов «Русское богатство» и др.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 6–8.

Бунин ведет переговоры с Г.Г.Блюменбергом по поводу издания трех своих книг в «Московском книгоиздательстве».

См.: 8 (21) ноября 1911, вторая запись.

Также Бунин договаривается с издательством «Шиповник» о публикации повести «Суходол» в альманахе «Шиповника».

В письме Ю.А.Бунину Бунин сообщает:

«Драгоценный Люкася, доехали благополучно. Чувствую себя плохо. <...> Шиповники требуют рукопись к 5 ноября. Или же к третьему сборнику, т.е. представить к 15 января (а выйдет сборник 15 февраля). Согласились на последнем.

Видел Блюменберга. Покончили — берет книги.

Взял билеты до Берлина на завтра (пятницу) на 11 вечера, чтобы быть там в воскресенье рано утром. Едем все во 2-м классе. Пиши в Берлин открытку немедленно. Потом в *Нюрнберг*, тоже ***немедля***».

Письма (*2*). С. 186.

Октябрь, 21. В 11 ч. вечера Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым выезжает из Петербурга в заграничное путешествие.

См.: 20 октября 1911, четвертая запись.

Октябрь, 23 (Ноябрь, 5). В полночь остановка в Волочиске для проверки документов, в два часа ночи поезд переезжает границу и останавливается на немецкой пограничной станции Эйдкунен. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым пересаживается на немецкий поезд и отправляется в Берлин.

В 7 часов утра Бунины с Н.А.Пушешниковым прибывают в Берлин. После завтрака они осматривают город, посещают зоопарк.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 10–18.

См.: 20 октября 1911, четвертая запись; 26 октября (8 ноября) 1911, вторая запись.

Октябрь, 24 (Ноябрь, 6). В 9 часов утра Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым выезжает из Берлина.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 18.

В 9 часов вечера Бунины с Н.А.Пушешниковым приезжают в Нюрнберг; осматривают город.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 22.

Н.А.Пушешников в письме Ю.А.Бунину от 2–5 (15–18) ноября сообщает: «В Нюрнберге, между прочим, мы проходили по городу до трех часов ночи, при полной круглой луне. <...> Заходили в “Братвурстглохлейн” — пили Нюрнбергское пиво и ели особые колбаски, поджаренные на средневековый лад — на горящих поленьях; взбирались на стены старого Бурга и слушали ночной перезвон колоколов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 2.

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает, что Бунина восхитила старинная архитектура этого города, особенно знаменитая Lorenzokirhe. Они зашли в трактир XV века Bratwurst glocklein, который сохранился в том же виде, в каком был во времена Дюрера, Г.Сакса, В.Фогельвейде – знаменитых людей этого города. «Выпив вина, он <Бунин> повеселел, оживился и сказал, что надо непременно провести зиму в Нюрнберге. “Я чувствую, что здесь я буду писать. Здесь есть то, о чем я мечтал всю жизнь. Я так люблю эти готические соборы, с их порталами, цветными стеклами и органом! Мы бы ходили в *Себальдускирхе* слушать мессы, Баха, Палестрину... Какое это было бы наслаждение! Я потому и хотел перевести “Золотую легенду” Лонгфелло, что там действие происходит в средние века, соборы, dies irae, скрипториумы. Когда я слышу только Stabat Mater Dolorosa, Dies irae или арию Страделлы, то прихожу в содрогание. Я становлюсь фанатиком, изувером. Мне кажется, что я своими собственными руками мог бы жечь еретиков. Эх, пропала жизнь! А каких можно было бы корней наворочать!” — Он кивнул кельнеру — и говорил с ним с особенной ласковостью и нежностью, очевидно, в благодарность за те чувства, которые он испытывал, — и попросил его дать нам еще по кружке пива. — “И сколько в мире чудесных вещей, о которых мы не имеем ни малейшего понятия, сколько изумительных созданий литературы и музыки, о которых мы никогда не слыхали и не услышим и не узнаем, будучи заняты чтением пошлейших рассказов и стишков! Мне хочется волосы рвать от отчаяния!”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 29–30.

См.: 26 октября (8 ноября) 1911, вторая запись.

В воронежской газете «Живое слово» (№ 34. С. 1) помещается объявление о подписке на 1912 г., в котором сообщается, что для годовых подписчиков будет прислано бесплатное приложение «Галерея современных писателей»: в списке представленных там лиц упоминается Бунин.

Октябрь, 25 (Ноябрь, 7). В 2 часа дня Бунины с Н.А.Пушешниковым выезжают из Нюрнберга.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 34.

Во второй половине дня Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников переезжают границу Швейцарии, по Боденскому озеру переправляются в город Констанц, откуда на поезде вечером приезжают в Люцерн; останавливаются в отеле Дю-Лак.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 36–37.

См.: 26 октября (8 ноября) 1911, вторая запись.

Октябрь, 26 (Ноябрь, 8). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым совершает прогулку за город, в горы, на Риги-Кульм.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 37–38.

Бунин пишет Ю.А.Бунину из Люцерна:

«Милый Юлий, в Берлине пробыли день, в Нюрнберге вечер и ночь — очарованы! — сюда придрали вчера. Сколько времени будем на итальянск<их> озерах и на итальянск<ой> Ривьере, еще не знаю, пишу поэтому в “Московское книгоиздательство”, Дмитрию Марковичу Ребрику <...>, чтобы они условие переслали тебе <...>, а ты сообщи мне, доволен ли ты этим условием. Когда оснуемся, ты перешлешь мне это условие для подписи. Пиши, ради Бога, всюду открытки: в Геную, во Флоренцию, в Неаполь — *немедленно*».

Письма (*2*). С. 186.

Бунины с Н.А.Пушешниковым уезжают из Люцерна в Гешенен, где ночуют.

См.: 30 октября (12 ноября) 1911, вторая запись.

Октябрь, 27 (Ноябрь, 9). Утром из Гешенена Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым едут в Геную, куда прибывают вечером.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 41.

См.: 30 октября (12 ноября) 1911, вторая запись.

Октябрь, 20...27. Выходит книга В.Я.Брюсова «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М.: Скорпион, 1912), в которой (с. 154–156) помещается рецензия на 3-й том сочинений Бунина «Стихотворения 1903–1906 гг.» (СПб.: Знание, 1906).

Данная статья опубликована ранее. См.: январь 1907, вторая запись (*Летопись* (*1*). С. 635–636).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Октябрь, 28 (Ноябрь, 10). Вечером из Генуи Бунины с Н.А.Пушешниковым отправляются во Флоренцию.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 41.

См.: 30 октября (12 ноября) 1911, вторая запись.

Октябрь, 29 (Ноябрь, 11). Утром Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает во Флоренцию; весь день осматривают город.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 42–43.

Октябрь, 30 (Ноябрь, 12). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников едут во Фьезоле, к вечеру возвращаются во Флоренцию.

Н.А.Пушешников в письме Ю.А.Бунину от 2–5 (15–18) ноября сообщает: «В каждом новом городе первым делом отправляемся в ресторан пробовать местные вина, а потом в табачные магазины, где происходит длительный отбор сигар, табаков и папирос. <...>

Во Флоренции осмотрели Санта Кроче, Церковь св. Лоренцо, были во Фьезоле».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 1–2.

Бунин пишет Ю.А.Бунину из Флоренции:

«В Люцерне пробыли сутки. Затем ночевали в Гешенене, затем — прямо до Генуи: на озерах — туман, ливень. В Генуе ночевали и во Флоренцию. Здесь почти двое суток. Сейчас едем на Капри».

Письма (*2*). С. 186.

Вечером Бунины с Н.А.Пушешниковым уезжают из Флоренции в Рим.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 44–45.

Октябрь, 31 (Ноябрь, 13). В 7 часов утра Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым приезжает в Рим; останавливаются в отеле Ла-Винь.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 45–46.

Ноябрь, 1 (14). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников уезжают из Рима в Неаполь, куда прибывают в 1 час дня. Из Неаполя на пароходе они отправляются на Капри, куда приезжают в 8 часов вечера; останавливаются в отеле «Квисисана», комнаты № 27, 28, 29. Встречаются с А.М.Горьким на его даче.

См. счета отеля «Квисисана» — ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/14-19 оф.

См.: 2 (15) ноября 1911, вторая запись.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «Мы заняли три хороших комнаты подряд на третьем этаже, выходящие окнами в сад и на море, с пестрыми, песочного цвета, коврами на каменных кафельных полах, хорошей мебелью и висячим маленьким балконом <с> дверью в каждой комнате».

О встрече с А.М.Горьким в день приезда на Капри Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «Этот человек встретил нас нелюдимо и нахмуренно. Он, по-видимому, был чем-то сильно раздражен: его смуглые большие руки ходили, он хватался то за один предмет, то за другой и не слушал И<вана> А<лексеевича> и, не отвечая на его вопросы и не глядя ни к кому в глаза, бросал отрывочные фразы: “Надолго? Да? На всю зиму? Это хорошо. Как я? Да так вот. Кое-что. Да”. Видно было по всему, что попали мы не вовремя. По первой же фразе, обращенной к М.Ф.<Андреевой>, стало ясно, что между ними только что произошла ссора».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 55, 59.

Ноябрь, 2 (15). В одной открытке Бунин сообщает Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу:

«Дорогие друзья, мы на Капри <...>. В Москве все время хворал — глубокий бронхит. <...> Овсяников сказал, что твой роман, Петр, может долго лежать. Я отдал его Сакеру <в журнал “Северные записки”>. Получил ли “Науку”? Гонорар — 15 к.».

Письма (*2*). С. 186–187.

См.: 2 октября 1911, первая запись.

Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Вчера приехали на Капри. <...> Сообщи содержание условия с Блюменбергом».

Письма (*2*). С. 187.

На Капри Бунин встречается с Е.А.Ганейзером, А.С.Черемновым, М.М.Коцюбинским, Ф.М.Леонтовичем, И.П.Ладыжниковым, К.П.Пятницким.

Горький. ПСС. Т. 9. С. 166, 188, 191, 193, 194.

Октябрь, 27...Ноябрь, 3. Выходит «Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1811–1911» (М., 1911), в котором (с. 44) дается краткая биографическая справка и библиография изданий произведений Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Ноябрь, 1...4. В Петербурге проходит учредительное собрание «Издательского товарищества писателей».

Официальные учредители товарищества — В.Н.Ладыженский, А.Н.Толстой и В.В.Муйжель; председатель правления — Е.Н.Чириков, члены — С.Н.Сергеев-Ценский, В.В.Муйжель; заведующий издательством — Н.С.Клестов.

См.: начало ноября 1911.

Ноябрь, 5 (18). Бунин пишет М.П.Чеховой:

«...я последнее время так расхворался, что доктора даже выслали меня из Москвы. <...> Простите дорогая, — у меня были такие боли в боку, такой бронхит, такая слабость, что мне и думать было нечего писать что-либо сносное <речь идет о предисловии к письмам А.П.Чехова>. Да неважно и теперь. Погода здесь чудесная, да я ужасно вялый и грустный. Перед отъездом выполз я на Толстовскую выставку, видел Ольгу Леонардовну <Книппер>, получил от нее приглашение побывать у нее — да не мог им воспользоваться».

Письма (*2*). С. 187.

А.М.Горький сообщает в письме М.А.Пешкову с Капри:

«Ко мне приехал Бунин, рассказывает о России очень грустные вещи, а я слушаю и, почему-то, не верю. Я очень плохо и с трудом верю в дурное, хотя и знаю, что оно существует, его много».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 160.

Ноябрь, 6 (19). В письме Ю.А.Бунину Бунин сообщает:

«На Капри мы уже шестой день, устроились сравнительно дешево и очень, очень уютно, приятно <...>. Ехали мы скромно, порою очень скромно, но большое количество остановок все-таки сильно разорило меня, а получки еще не скоро». Далее просит помочь в финансовом положении, поговорив об этом с Телешовыми. «А что до Горького, то необходимость ходить к нему, выбиваться из интимной тихой жизни, при которой я только и могу работать, мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету, — все это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало мое сердце, что энтузиазму этой "дружбы" приходит конец, — так оно и оказалось, — никогда еще не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь».

Письма (*2*). С. 188.

Бунин пишет Е.А.Телешовой, объясняя свое финансовое положение: много проданных вещей в журналы, но сроки выплаты гонораров будут только в декабре:

«Не хочу, по своей сатанинской гордости, обращаться к вышеназванным издательствам с просьбами о деньгах до сроков <...>. Обращаюсь поэтому к Вам: будьте добры, вышлите мне из той моей тысячи рублей, что у вас, четыреста рублей, если можно *немедленно*».

Письма (*2*). С. 188.

П.А.Нилус пишет Бунину из Москвы:

«Очень досадно, что не застал тебя в Москве. Был вчера в кружке и так как я там бывал всегда с тобой, как-то особенно больно укололо меня твое отсутствие. Брат Юлий, кажется, это почувствовал и был особенно любезен со мной».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 7–8.

Ноябрь, 7 (20). Бунин вновь пишет Ю.А.Бунину:

«Все нет от тебя писем! Пиши, ради Бога».

Письма (*2*). С. 189.

Е.И.Буковецкий пишет Бунину из Одессы:

«Что это за бронхит еще, надеюсь пустяки, а то и так достаточно всяких недомоганий. Поживи подольше на юге, чтоб окрепнуть».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2989/4 оф.

В.С.Миролюбов напоминает Бунину в письме:

«Рассчитываю и на Ваш рассказ самым усиленным образом. Хорошо, кабы Вы сдали его тоже дней через 20. Относительно цены, полагаю, что дело устроится».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/16 оф.

Ноябрь, 8 (21). Бунин посылает Ю.А.Бунину телеграмму:

«Где условие Блюменбергом когда первый платеж телеграфируй».

Письма (*2*). С. 189.

«Московское книгоиздательство» готовит проект Договора с Буниным об издании трех его книг: «Перевал и другие рассказы» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), «Стихотворения 1903–1906 гг. Манфред Бай-

рона» (2-е изд. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912).

Номинальная цена каждой книги назначалась 1 р. 50 к. Издательство уплачивало Бунину по 600 р. за каждую книгу, уплата гонорара производилась ежемесячно по 300 р., начиная с 22 декабря 1911 г. Издательство должно было выпустить 1-ю книгу не позже 1 февраля 1912 г., 2-ю – не позже 15 марта 1912 г., 3-ю – не позже 1 мая 1912 г.

Письма (2). С. 582.

См.: 19 октября 1912, первая запись.

А.Н.Бибиков посылает Бунину свое стихотворение «Там далеко таинственно в ночи...» и пишет ему из Москвы:

«Милый друг! Ты теперь впитываешь в себя южное тепло и солнце и тонешь взглядом в просторах Средиземного моря... <...> И вот хочется мне туда под южное небо тебе послать привет и кусочек родины, – нашей с тобой родины... Этот кусо́чек я родил как-то нечаянно, под настроением, которое и захотелось мне передать в столь неподходящую обстановку, но брату по духу и учителю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 935 оф.

Ноябрь, начало. А.М.Федоров в недатированном письме сообщает Бунину об организации «Издательского товарищества писателей» в Петербурге:

«Затеялось хорошее дело: товарищеское издательство, в которое входят Андреев, Чириков, Ценский, Скиталец, Олигер, Юшкевич, Вересаев, Шмелев, я. Словом, все хорошие писатели и хорошие люди. Не будет Арцыбашева, Сологуба, никого из порнографов, графоманов, шарлатанов и... ну, да ты понимаешь. В год должно выйти 5 сборников. Материал для первых 2–3 намечен, частью есть, но страшно желательно, чтобы ты дал также свою вещь хоть небольшую и прозу и стихи. Было бы также прекрасно, если бы употребил свое влияние на Горького <...>. Нравится тебе эта затея? Если нравится – присылай немедленно рукопись в СПбург <...> Ник.Сем.Клестову».

Письма (2). С. 584.

Датируется по письму Бунина. См.: 14 (27) ноября 1911.

В Москве выходит № 1 журнала «Путь», в котором (с. 3–5) печатается рассказ под заглавием «Из рассказов без заглавия».

Позднее озаглавлен «Снегур», «Снежный бык».

Ноябрь, 14 (27). В ответном письме Бунин пишет А.М.Федорову об «Издательском товариществе писателей» в Петербурге:

«Отвечу основательно, дело хорошее. Рассказы у меня есть».

Письма (2). С. 189.

Ноябрь, 15. Я.Л.Сакер сообщает Бунину из Петербурга:

«за присланное стихотворение <“Березка”> благодарю. Деньги (45 р.) послал в Москву, Юлию Алексеевичу. Для декабрьской книжки жду Вашего рассказа», а также извещает, что ведет переговоры с П.А.Нилусом о публикации его романа в журнале.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 267, л. 3.

См.: ноябрь 1911.

Ноябрь, 18 (Декабрь, 1). Бунин рассказывает в письме Ю.А.Бунину:

«Живем в адской работе — правил я свои рассказы для издания <в “Московском книгоиздательстве”>, Хлюп <Н.А.Пушешников> переводит, Вера тоже. Бываем изредка у Горького. Стало, — не сглазить, — легче. Денег в “Знании” нет, отношения Пятн<ицкого> и Горьк<ого> — из рук вон. Надежд на “Знание” никаких.

Денег остается мало. Что не отвечаешь о Телешовых?

Договор <с “Московским книгоиздательством”> *я изменил, переписал в 2 экз. Один шлю тебе, уже подписанный, другой — Ребрику — для их подписи.* Пишу ему: “если согласны, подпишите свой экз. и отдайте брату, а мой, подписанный, возьмите у брата”. Шлю ему часть материала I т. Вот точное заглавие его: “Ив.Бунин. *Перевал* и другие рассказы. Издание четвертое, исправленное и дополненное”. (Дополняю из “На край света”)».

Письма (*2*). С. 189–190.

Письмо Бунина к Д.М.Ребрику неизвестно.

Ноябрь, 19 (Декабрь, 2). Бунин рассказывает в письме Е.И.Буковецкому о своей жизни и работе на Капри:

«Вера и племянник переводят, я правил прежние рассказы — т.е. сокращал, выкидывал молодые пошлости и глупости — для нового, дополненного издания первого тома».

Письма (*2*). С. 190–191.

В письме Бунин спрашивает Ю.А.Бунина:

«Говорят, что Брюсов выпустил книгу, где, между прочим, лягнул меня. Ты не читал?» А также просит скорее присылать гонорарные деньги.

Письма (*2*). С. 191.

Очевидно, имеется в виду книга В.Я.Брюсова «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М., 1912). В книгу автор включил свою рецензию на 3-й том сочинений Бунина «Стихотворения 1903–1906 гг.» (СПб.: Знание, 1906). См.: январь 1907, вторая запись (*Летопись* (*1*). С. 635–636); 20...27 октября 1911.

Бунин в письме Д.Н.Овсянико-Куликовскому предлагает для «Вестника Европы» рассказ в два листа, гонорар — 500 р. за лист.

Письма (*2*). С. 191.

Бунин предполагал послать в «Вестник Европы» рассказ «Веселый двор». См.: 28 декабря (10 января 1912), первая запись.

Ноябрь, 20 (Декабрь, 3). В письме Ю.А.Бунину Бунин поясняет, каким образом можно посылать деньги на Капри, а также просит:

«Как только “Моск<овское> книгоиздательство” подпишет условие, телеграфируй мне. Умоляю!»

Письма (*2*). С. 191.

См.: 8 (21) ноября 1911, вторая запись.

В кратком письме Бунин сообщает Н.С.Клестову по поводу создания «Издательского товарищества писателей» в Петербурге:

«Дело доброе. Рассказы есть. Напишу Вам подробно».

Письма (2). С. 192.

Ноябрь, 21. В «Московской газете» (№ 160. С. 3) помещается шарж Мака «И.Бунин».

Ноябрь, 22 (Декабрь, 5). В.С.Миролюбов вновь пишет Бунину по поводу очередного «Сборника товарищества “Знание”»:

«Вы дайте нам рассказ и скажите мне, сколько Вы назначили Конст. Петр. <Пятницкому>, затем вопрос будет решен. <...> С рассказом этим я приеду на Capri и тогда потолкуем все вместе. <...>

Еще раз прошу Вас, — пришлите рассказ и скажите свою цену. — Ценский из “Самоиздательства” ушел».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/18 оф.

Ноябрь, 25 (Декабрь, 8). Получив письмо от Н.Д.Телешова, Бунин пишет ему, выражая благодарность за посланные деньги:

«Ужасно затянулось мое дело с “Моск<овским> кн<игоиздательством>” — только с неделю тому назад получил от них проект условия и послал его, подписав. По условию — первый платеж их 22 декабря <...>. Отослал в “Моск<овское> книгоизд<ательство>” и материал 1-го тома, <...> измарал, исправляя, все вдребезги. Дорогой, в ножки поклонюсь — не можешь ли просмотреть *последнюю* корректуру этого тома? Стыдно просить, да что делать? Если мне будут слать, — когда книга выйдет?

Привет твой Горькому передам. Бываем у него раза 3 в неделю, а то все сидим за работой. <...>

Погода у нас дивная, не то что у вас. Да и литераторов мало — это тоже хорошо. А то у вас творится нечто невероятно гнусное.

Пиши мне, дорогой, хоть изредка — люблю твои письма, да и тебя крепко люблю».

Письма (2). С. 192.

Письмо Н.Д.Телешова неизвестно.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Сакер взял роман за 800 р., начнется печатанием с января. <...> Что же это “Русское слово”? 15 коп. за строку! <...> Спасибо за хлопоты!»

Письма (2). С. 582.

В газете «Нижегородский листок» (№ 322. С. 3) печатается рецензия А.А.Дробыш-Дробышевского «Случайные заметки» на № 1 журнала «Путь». Подпись: Перо.

Рецензент, в частности, пишет: «В первой книжке из беллетристики помещен маленький набросок, нечто вроде стихотворения в прозе г. Ив.Бунина “Из рассказов без заглавия”. Набросок написан поэтически, хорошо, но под большим влиянием Чехова».

Ноябрь, 27 (Декабрь, 10). А.М.Горький в письме Е.П.Пешковой сообщает с Капри:

«“Знание” накануне краха, мне уже не платят ни копейки третий месяц. Пятницкий едет искать денег, а Бунин, Черемнов и все говорят, что никто не даст ему ни рубля и что никто из литераторов в “Знание” не пойдет».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 193.

Ноябрь, 28. В воронежской газете «Живое слово» (№ 39. С. 4) печатается статья «Новые журналы». Подпись: Н.В-н.

Рецензент разбирает № 1 журнала «Путь» под редакцией И.А.Белоусова и упоминает произведение Бунина «Из рассказов без заглавия»: «В журнале есть “имена”: в 1-й книжке напечатаны рассказы Ив.Бунина, В.Муйжеля... Но рассказы эти производят впечатление залежавшихся, заплесневевших, написанных Бог знает когда. Авторы, видимо, и сами сознавали, что рассказы эти слабые и лучше их не печатать. Но подвернулся издатель — свой человек, ну как не порадеть ему: и вот рассказы даны в журнал, может быть, “по дешевке”, а то и совсем даром, и служат “украшением” его. Но “украшение” сорта невысокого, чтобы не сказать более, и единственно, что в рассказах есть ценного, это только фамилия авторов».

Ноябрь, 29 (Декабрь, 12). А.В.Амфитеаров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«С удовольствием познакомился бы с Буниным и Коцюбинским, да вот — не судьба».

ЛН. Т. 95. С. 380.

Ноябрь, 28–30 (Декабрь, 11-13). Бунин пишет рассказ «Сверчок». Авторская дата: «Капри. 28–30.XI.1911».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 60.

ПСС. Т. 5. С. 269–278.

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) – ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: декабрь 1911, вторая запись.

Ноябрь, 30. В газете «Оренбургский край» (№ 263. С. 2) публикуется рецензия А.Доброхотова «Из критических этюдов. Новый заслуживающий внимания журнал» о № 1 журнала «Путь».

Рецензент, в частности, отмечает: «Обеспеченный крупными литературными силами новый журнал производит очень выгодное впечатление. В первую голову мы поставим великолепную миниатюру Ивана Бунина “Из рассказов без заглавия” — с захватывающим настроением талантливый автор говорит о незаметных для профанов радостях жизни <...>. И звучат величавым аккордом его слова о любви к жизни».

Ноябрь, конец. Бунин пишет рассказ «Хорошая жизнь». Авторская дата: «Капри.XI.1911».

ИРЛИ ОР, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 428.

ПСС. Т. 5. С. 247–268.

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) – ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: до 15 января 1912.

Выходят два выпуска «Посмертных художественных произведений» Л.Н.Толстого (Сост. А.Л.Толстая, под ред. В.Г.Черткова. СПб., 1911).

Граница события определена по упоминанию в письме Н.А.Пушешникова. См.: начало декабря 1911. По *Книжная летопись* время выхода этих книг между 8 и 15 декабря 1911.

См.: 8 января 1912, вторая запись.

Ноябрь. В петербургском журнале «Всеобщий ежемесячник» (№ 11. С. 11) печатается стихотворение «Березка» («На перевале дальнем, на краю...»).

Декабрь, 1 (14). А.М.Горький пишет В.М.Чернову с Капри:

«...здесь Бунин, Коцюбинский, Черемнов, люди, с которыми Вам, м.б., будет интересно и не бесполезно познакомиться».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 198.

Декабрь, 3 (16). Бунин пишет Ф.И.Благову:

«...я должен, как Вы, может быть, помните, "Русскому слову", намереваюсь вскоре прислать Вам кое-что из своих рассказов: не можете ли Вы сделать мне одолжение — печатая мои вещи, засчитывать половину гонорара в погашение долга, а половину высылать мне? Уж очень разоряет нас Европа, а вот скоро, может быть, придется в более теплые страны ехать — там разоряют еще более».

Письма (2). С. 192–193.

Бунин в письме Ю.А.Бунину просит:

«деньги Телешов внес в Лионский кредит еще 15/28 ноября, а мы их еще и не получали: говорят, застряли где-то в Милане. Положение отчаянное: *за ради Бога немедленно по получении этого письма переведи по телеграфу* мне 100 р.»

Письма (2). С. 193.

Декабрь, 5 (18). Бунин посылает Н.Д.Телешову телеграмму:

«Денег до сих пор нет».

Письма (2). С. 193.

Е.И.Буковецкий пишет Бунину из Одессы:

«Очень бы я рад был тебя видеть, но боюсь, что после Капри наша погода в январе покажется тебе жестокой и ненастоящей <...>. Вижу не дурно ты устроился на острове — прямо по-царски, все есть, и близкие люди, тепло, свет и даже коллега Горький для беседы. Надеюсь ты поправишься на славу. Нужно непременно немного пополнеть. <...> Весной думаю поехать в Париж. В апреле или лучше в мае — Петр <Нилус> тоже. Вот бы нам съехаться».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2989/2 оф.

Декабрь, 6 (19). Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу создаваемого «Издательского товарищества писателей» в Петербурге:

«Многоуважаемый Николай Семенович, весьма приятно было узнать, что Вы объявились на свет Божий, что Вы затеваете хорошее дело, ибо издатели, и правда, развратились до последнего, развращая и писателей, — меньших, слабейших, конечно, — да и вообще, столь плохи стали дела в литературном мире, что давно пора писателям подумать хотя бы о некоторой объединенности, подтянутости и осмысленности своего существования, своей работы, своего быта. Не буду говорить о том, что толковали у Вас на первом собрании писатели, о том, прошло ли время идеологии, — в одном мы сходимся — "на гвоздях" нельзя идти, ради скандалезных успехов нельзя писать,

выдумывание всяческих проблем и половых, и иных — надоело до чертиков, пора писателям о душе подумать — и говорить только то, что она велит вкупе со здравым смыслом и велениями порядочности, благородства, совести и т.д. — да пора и экономически объединяться. Но как это сделать? — вопрос чрезвычайной трудности. <...> Одно могу сказать — желаю всячески успехов, обещаю тесно примкнуть к делу, буде оно разовьется и разовьется в формах для меня приемлемых». Далее сообщает, что говорил об этом деле с А.М.Горьким, советует критику брать «поразборчивее» — «Не говорю, конечно, о Вересаеве, Овсянико-Куликовском — это всегда хорошо будет», издать произведения П.А.Нилуса, «у которого в рассказах всегда так много ума и настоящего, настоящего художественного золота рассыпано», «от поэтов, и правда, пока лучше воздержитесь». «А теперь о рассказе для сборника. Тут тоже *в данный момент* беда. Мне нужны деньги, я сейчас мог давать только туда, где могу немедля и хорошо получить, несмотря на симпатии мои всяческие к самоиздательству. <...> В этих теплых странах, дающих мне возможность работать и кое-как быть здоровым, обдирают человека как липку. Вот каюсь — только что отослал один рассказ в “Совр<еменный> мир” <“Хорошая жизнь”>, другой Сакеру во “Вс<еобщий> ежемесячник” <“Сверчок”>, сговорился с “Шиповником”, обещал дать ему в январе повесть “Суходол”. Есть у меня еще два конченных рассказа (небольшие, — один листа 2 с лишком, другой 1½), я занят их перепиской, последней шлифовкой, отдам их — верно, один в “Р<усское> слово”, другой в журнал, — обеспечу себя маленько, и тогда тотчас сяду за работу для Вашего сборника (материалу у меня много, я намолчался) — и, м.б., успею даже к 1-му сборнику».

Письма (*2*). С. 193–194.

Декабрь, 7 (10). Бунин сообщает Ю.А.Бунину в открытке:

«Денег, посланных Телешовым, доселе не получал. <...> *Жду денег от тебя.* Положение — из рук вон. Строчил все время, как черт. Послал рассказ в “Совр<еменный> мир” <“Хорошая жизнь”> и рассказ Сакеру <“Сверчок”>. Но от них получишь еще через 1000 лет!»

Письма (*2*). С. 195.

Н.Д.Телешов в письме Бунину из Москвы сообщает, что банк «Лионский кредит» перевел деньги 15 ноября на Капри.

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 599–600.

Декабрь, 8 (21). Не получив деньги, Бунин вновь пишет Н.Д.Телешову, пытаясь выяснить продвижение денег по длинной банковской цепочке:

«Идиотская история, приводящая меня в ярость! И научили меня всему этому Горькие. <...> И еще: как дело насчет того, что я просил тебя просматривать для подписи мой первый том, издаваемый “М<осковским> к<нигоиздательством>”, эти гнусные рассказы, столь измазанные мною? Повторяю — если можно, просмотри и распоряжайся со всем так, точно это твоя книга, ни о чем меня не спрашивая. Не до спросов — и так книга страшно поздно выйдет.

Доправил твой поклон Горькому. Просит передать и тебе поклон.

Бываем у него через день, через 2, по вечерам. Сидим, поругиваем соврем<енную> литературу и нравы писательские. По целым дням пишу».

Письма (2). С. 195–196.

Декабрь, 1...8. Выходит книга Е.А.Колтоновской «Критические этюды» (СПб.: Типолитография о-ва «Самообразование», 1912), в которой (с. 84–99, 273–280) помещаются статьи «Новая деревня» и «Интеллигент и деревня».

Данные статьи публиковались ранее. См.: февраль 1911, вторая запись; 7 августа 1911, четвертая запись.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, не позднее 10 (23). А.М.Горький в ответ на приглашение принять участие в «Издательском товариществе писателей» в Петербурге пишет Н.С.Клестову:

«Дело — доброе, и весьма отрадно знать, что, наконец, нашелся человек, способный “объединить” столь неопытных и юных людей, каковы Бунин, Чириков, Тан, Сергеев-Ценский, и других писателей, столь же резко выраженных индивидуальностей».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 200–201.

Декабрь, 10 (23). Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Дни идут в работе. <...> Будешь ли участвовать в самоиздательстве? Очень следует. Ходим в пиджаках, в общем живем — слава Богу! Рано, рано просыпаемся — и все двери настежь на балконы, на морской воздух. “Екатеринослав” пойдет в конце февраля в Японию. Едем?»

Письма (2). С. 196.

Декабрь, начало. Бунин читает А.М.Горькому рассказы «Сверчок» и «Хорошая жизнь».

В недатированном письме Н.А.Пушешников сообщает Ю.А.Бунину: «На днях С<удорожный> прочел ему <Горькому> (при нас) два своих рассказа “Св<ерчок>” и “Хор<ошая> жизнь”. Последний Г<орький> очень хвалил, первый нашел растянутым (в начале) и находил, что его следует сократить. Все, что не резко выражено, ему нравится меньше. <...> Как Вы находите рассказы Толстого (посмертные). Ив.А.<Бунин> — в восхищении, не расстается с книгой. Г<орький> сказал о них, что “совестно читать, так плохо”. Г<орький> какой странный человек, держится он в высшей степени неровно: то сух и холоден, то нежен и сентиментален до слез. Его легко растрогать настолько, что он зальется слезами. У него сейчас живет писатель (украинский) К<оцюбинский>. На редкость милый человек. На днях мы собираемся поехать в Неаполь, если получим из М<осквы> деньги, которых у С<удорожного> осталось всего 50 лир. (больше ни кляпа!). От Т<елешова> деньги еще не получены. С<удорожный> очень беспокоится».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 14–16.

Буквой «С.» Н.А.Пушешников сокращал домашнее прозвище Бунина — Судорожный.

Речь идет о книге: Толстой Л.Н. Посмертные художественные произведения: В 3 т. / Под ред В.Г.Черткова; Изд. А.Л.Толстой. М., 1911–1912; другое издание: Берлин, 1912. Т. 1–3.

Граница события определена по письму В.Н.Муромцевой. См.: 12 (25) декабря 1911, вторая запись.

Декабрь, 12 (25). Бунин редактирует переводы Н.А.Пушешникова произведений Ч.Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и «Колокола».

В.Н.Муромцева в письме Ю.А.Бунину сообщает, что деньги от него и от Н.Д.Телешова, наконец, получены и пишет:

«Стали брать у учителя уроки итальянского языка. Я делаю успехи. Ян написал два рассказа: “Сверчок” ½ листа и “Хорошая жизнь” 1 л<ист>. Последняя вещь у Горького имела большой успех. <...>

Теперь Ян усиленно редактирует Диккенса».

Письма (*2*). С. 196–197.

Декабрь, 14 (27). Ф.И.Благов извещает Бунина в телеграмме, что согласен высылать половину гонорара и просит:

«...дайте рассказ до первого января».

Письма (*2*). С. 589.

См.: 3 (16) декабря 1911, первая запись.

Из редакции журнала «Современный мир» Н.И.Иорданский, получив рассказ «Хорошая жизнь», пишет Бунину:

«Большое спасибо Вам за Ваш чудесный рассказ. Он, слава Богу, поспел еще на январь. <...> Рассказ Ваш очень, очень хорош, но и на солнце есть пятна — жаль, что он такой “дорогой”! Деньги вышлем Вам, как мы Вам и телеграфировали, в середине декабря <...>, т.е. между 15-м и 26-м».

Письма (*2*). С. 590.

Н.С.Клестов в письме просит Бунина дать рассказ для сборника «Издательского товарищества писателей» и сообщить телеграммой ответ.

Письмо неизвестно. См.: 24 декабря (6 января 1912), первая запись.

А.М.Горький пишет Е.П.Пешковой с Капри:

«Живет здесь Бунин и превосходно пишет прозу. <...> Хороша у Бунина — жена, племянница Муромцева, а у Черемнова — мать, старушечка милая. <...>

Пишу “Сказки”, Бунин очень хвалит и Коцюбинский, а я им верю, оба — люди со вкусом. Написал уже 14, будет 25, вероятно».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 203, 205.

Декабрь, 8...15. В серии «Универсальная библиотека» (№ 559) выходит книга «Думы и песни. Сборник новых песен» (Составитель А.Чеботаревская. М.: Кн-во «Польза» В.Антик и К°, 1911), в которую (с. 26–27) включаются два стихотворения Бунина: «Песня» («Я — простая девка на баштане...»), «Терем» («Высоко стоит луна...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, до 16. Бунин пишет рассказ «Смерть Моисея». Авторская дата: «Капри. XII. 1911».

ПСС. Т. 6. С. 142–148.

См.: 28 декабря 1911, третья запись.

Граница события определена по письму Бунина. См.: 16 (29) декабря 1911, первая запись.

Бунин читает А.М.Горькому рассказ «Смерть Моисея».

См.: 25 декабря (7 января 1912), вторая запись.

Декабрь, 16 (29). Бунин посылает Ф.И.Благову рассказ «Смерть Моисея» и пишет ему:

«Позавчера получил Вашу телеграмму. Весьма благодарю за любезность. Спешу исполнить Вашу просьбу — вместе с сим посылаю рассказ "Смерть Моисея". Будьте добры распорядиться выслать тот №, где будет рассказ, в 5-ти экз.: четыре мне, на Капри <...>, и один — в Одессу, Княжеская, 27, П.А.Нилусу. <...> Скоро пришлю еще рассказ».

Письма (2). С. 197.

В письме Н.Д.Телешову Бунин сообщает, что деньги получил:

«Еще раз прости за беспокойство. Но как ты скуп на слова! Написал бы, как живешь, что нового, будешь ли читать корректуру. Если нет времени — не стесняйся, дорогой, напиши прямо».

Письма (2). С. 197.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину:

«Живем по-старому. Все здоровы, слава Богу. С<удорожный> продолжает писать рассказы. Два последних хороши и у Г<орького> имели большой успех. В.Н.<Муромцева> кончила перевод рассказов Мопассана и сегодня отсылает рукопись в Москву. <...> Я тоже кончаю свой перевод, осталось перевести не больше листа. С<удорожный> обещает, как только кончу, начать сразу же читать его. <...> Вчера на прогулке решили переехать на А<на> К<ап>ри и поселиться в отеле Моляро, где зимой почти никто не живет и потому номера гораздо дешевле, чем здесь. Думаем прожить здесь еще месяц, а потом, должно быть, наладим лыжи в Россию. Мне уже надоело сидеть на этом "чертовом острове". Да и С<удорожный> говорит, что не стоит долго засиживаться на одном и том же месте. <...> У Г<орького> бываем ежедневно, так что мы в курсе всех здешних новостей. <...> Теперь все вечера проходят в кипучих спорах об издании журнала и ряда книг. <...> С<удорожный> сейчас в отставке. То звали его принять близкое участие в журнале "Сов<ременник>" (быть одним из редакторов его), а теперь даже не заговаривают об этом. (Г<орький> человек страшно переменчивый)».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 4–5.

Декабрь, 18. Н.Д.Телешов в письме Бунину из Москвы просит ответить, получил ли он деньги из банка «Лионский кредит», а также сообщает:

«Разговаривал я по телефону с Блюменбергом. Он будет присылать мне корректуру твоей книжки. Постараюсь глядеть внимательно, но если прогляжу что — прости. <...>

Очень я сейчас занят, писать некогда, а то сказал бы тебе кое-что про Клестова. <...> Дело хорошее, говоришь ты. А я думаю: дело ерундовое. Очень он сердит, вроде синицы, которая собиралась море сжечь».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 602–603.

Декабрь, 19 (Январь, 1, 1912). Бунин начинает писать рассказ «Ночной разговор».

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) – ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

Декабрь, 21 (Январь, 3, 1912). Бунин в кратком письме просит И.А.Белоусова написать ему:

«Мы живем в работе с утра до вечера. Вечером часто у Горького сидим».

Письма (*2*). С. 197–198.

Ю.А.Бунин пишет Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 28 декабря (10 января 1912), первая запись.

Декабрь, 22 (Январь, 4, 1912). Бунин читает у А.М.Горького рассказ «Ночной разговор», присутствуют М.М.Коцюбинский и др.

См.: 24 декабря 1911 (6 января 1912 г.), первая запись.

Декабрь, 23 (Январь, 5, 1912). Бунин заканчивает рассказ «Ночной разговор». Авторская дата: «19–23.XII.1911».

ИРЛИ ОР, Р I, оп. 2, ед. хр. 130.
ПСС. Т. 5. с. 216–236.

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) – ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: 27 февраля (11 марта) 1912, вторая запись.

А.М.Федоров посылает из Одессы Бунину открытку, поздравляя с Новым годом.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 101.

Декабрь, 24 (Январь, 6, 1912). В ответном письме Бунин сообщает Н.С.Клестову:

«...получив Ваше письмо от 14 дек. <неизвестно>, я послал Вам телеграмму, по Вашей просьбе: “Согласен. Рассказ дам”. Вы как будто упрекаете меня слегка, предлагая мне 500 р. и прибавляя: “несмотря на товарищеское дело, мы платим лучше многих частных издателей”. Мне, повторяю, неприятно перекоряться из-за денег, но ведь я объяснял Вам свое положение. <...> Рассказ для Вас готов. Он о мужиках, называется “Ночной разговор”. Позавчера я читал его у Горького (был Коцюбинский и еще кое-кто) и теперь спокоен – рассказ имел большой успех – хотя знаю, что вызову большое озлобление (и опять дурацкое) у господ критиков».

Письма (*2*). С. 198.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы о своем творческом упадке, что он умер «артистической» смертью, и выражает свое мнение об организуемом «Издательском товариществе писателей» в Петербурге:

«Получилась не организация, но сущая ярмарка, где всякий хочет не дать в общую складку, но сорвать. Это ли товарищеское дело? Да и как всех этих писателей, разных шерстей, привести в строй? Не верю, не знаю. <...> Один, два сборника, пожалуй и выйдут».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 603–604.

Декабрь, 25 (Январь, 7, 1912). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым в гостях у А.М.Горького празднуют Рождество. Бунин знакомится с А.С.Черемновым.

В дневнике Н.А.Пушешников записывает: «Встречали Рождество у Г<орького>. <...> За столом сидели Г<орький>, М.Ф.<Андреева>, украинский писатель К<оцюбинский>, очень мягкий и деликатный человек, И.В<ольнов> с женой, затем мать и сын (приемный) Ч<еремновы> и еще кое-кто из русских, живущих на К<апри>. Ч<еремнов> — поэт, стихи его печатаются в сборниках «Знания». Ему лет 30, он болен чахоткой и приехал сюда лечиться, кажется, по приглашению Г<орького>. Это высокий сероглазый, несколько томно-язвительный человек в пиджаке-блузе с широким поясом. Он помешан на В.Соловьеве, на его стихах, и читал их потом за ужином. Мы сидели рядом с ним, держался он свободнее и непринужденнее, чем все другие русские. У И<вана> А<лексеевича> скоро завязался с ним спор, И<ван> А<лексеевич> отрицал значение стихотворного искусства В.С<оловьева>. Мать Ч<еремнова> М.П.М<иловидова> тихая незаметная старушонка. Был и И.В<ольнов> — писатель из мужиков, которого очень выдвигает и которому покровительствует Г<орький>. <...> Ужин прошел шумно и оживленно. Бранили (всех поголовно) отсутствующих писателей, хвалили присутствующих. Но бранили безо всякой злобы, а просто и весело. За каждого из присутствующих пили тост: за И<вана> А<лексеевича>, за М.М.<Коцюбинского>, за И.Е.<Вольнова>, за Ч<еремнова>. И<вану> А<лексеевичу> Г<орький> пожелал написать 2000 повестей, вроде "Д<еревни>", и тысячу рассказов вроде "Х<орошей> ж<изни>", имевшего у Г<орького> очень большой успех. После ужина, продолжавшегося 4 часа, все пошли на пьяццу в церковь <...>. Вернулись домой к трем часам ночи».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 88–90.

Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Телеграфировал потому, что ты зарезал нас молчанием, страшно беспокоились, не болен ли ты. Чуть не месяц — ни звука! <...> Живем по-прежнему — в работе. Я отослал расск<аз> "Хорошая жизнь" в "Совр<еменный> мир" (будет в янв.), получил страшные похвалы из редакции. Послал "Смерть Моисея" в "Рус<ское> слово" — будет на праздниках. Послал во "Всеобщ<ий> ежем<есячник>" — рассказ "Сверчок"; написал "Ночной разговор" (1¼) для сборника писателей. Все это читал у Горького — имею оч<ень> большой успех».

Письма (2). С. 198–199.

Декабрь, 26 (Январь, 8, 1912). Вечером Бунин в гостях у А.М.Горького слушает повесть И.Е.Вольнова «Повесть о днях моей жизни»; текст читают В.М.Чернов, В.С.Миролюбов, А.М.Горький.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 90а-90d.

Летопись Горького. Т. 2. С. 239.

Декабрь, до 28 (Январь, до 10, 1912). Бунин завершает рассказ «Веселый двор». Авторская дата: «Капри.XII.1911».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 17–18.
ПСС. Т. 5. С.279–315.

Граница события определена по: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф, а также по упоминанию в письме Бунина. См.: 28 декабря (10 января 1912), первая запись. См. также: 31 декабря (13 января 1912).

См.: до 30 апреля 1912, первая запись.

Декабрь, 28 (Январь, 10, 1912). В ответном письме Бунин сообщает Ю.А.Бунину:

«Нынче только получил твое письмо от 21 дек. <...>

Клестову даю рассказ “Ночной разговор” <...>. Рассказ уже готов, читал его у Горького — и снова с огромным успехом. Про печника и старуху рассказ <“Веселый двор”> еще никуда не отдал: хотел было Овсянику в “В<естник> Евр<опы>” — прислал письмо, предлагает 500 за лист — да приехал Миролюбов и Чернов — сотрудники какого-то нового, имеющего выйти в янв. в Птб. журнала <“Заветы”> — и просили этот рассказ дать им. Почти согласился. Чернов мне весьма не понравился — пошлейший земский доктор. <...> Живем по-прежнему в работе. Хлюп <Н.А.Пушешников> только нынче отправляет Скруджа <“Рождественская песнь в прозе”>, “Колокола” <рассказы Ч.Диккенса> — на днях. <...>

Толстой — почти все наброски: он не виноват, что смерть не дала доделать. Но я от многого в диком восторге».

Письма (*2*). С. 199.

Речь идет о книге: Толстой Л.Н. Посмертные художественные произведения: В 3 т. / Под ред В.Г.Черткова; Изд. А.Л.Толстой. — М., 1911–1912; другое издание: Берлин, 1912. Т. 1–3.

И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы, сообщая о смерти Н.Н.Златовратского, о рождении сына у Л.Н.Андреева и напоминает:

«Попомни о <...> своих рассказах <...>, которые ты обещал мне для “Пути”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 29–30.

В московской газете «Русское слово» (№ 298. С. 3) публикуется рассказ «Смерть Моисея».

А.М.Горький пишет И.А.Белоусову с Капри:

«А лучший современный писатель — Иван Бунин, скоро это станет ясно для всех, кто искренно любит литературу и русский язык!»

Горький. ПСС. Т. 9. С. 221.

Декабрь, 30 (Январь, 12, 1912). А.М.Горький пишет Г.А.Алексинскому с Капри:

«Живут здесь литераторов человек шестьсот и все пишут. Бунин — хорошо пишет».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 222.

Декабрь, 31 (Январь, 13, 1912). В гостях у А.М.Горького на встрече Нового года с восьми часов вечера Бунин читает рассказ «Веселый двор».

На чтении присутствуют М.М.Коцюбинский, А.С.Черемнов и А.А.Золотарев.

См.: 2 (15) января 1912, четвертая запись.

Декабрь. Бунин заканчивает повесть «Суходол».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 9.

См.: Список произведений Бунина 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф.

См.: до 5 апреля 1912.

В петербургском журнале «Всеобщий ежемесячник» (№ 12. С. 3–12) публикуется рассказ «Сверчок».

Выходит № 13 петербургского журнала «Новая жизнь», в котором (с. 3) печатается стихотворение «При дороге» («Окно по ночам голубое...»).

М.Ф.Андреева сообщает в недатированных письмах Т.В.Красковской и Н.А.Румянцеву с Капри:

«У нас сейчас на Капри гостят И.А.Бунин, А.С.Черемнов (молодой поэт), и речи все идут о литературе. И тоже скорбные речи!».

«У нас сейчас прямо съезд какой-то писателей: тут Бунин, Коцюбинский, Черемнов, Чернов и еще целая куча, все пишут, читают. Бунин написал превосходнейшие, но страшные по содержанию вещи, когда слушаешь их, волосы дыбом становятся, ей-богу. Сам Алексей Максимович так и горит весь».

Андреева М.Ф. С. 214, 216.

В течение года. В Париже выходит в свет книга «Antologie des poètes russes traduits en vers français par O.Lanceray» (Paris: Bernard Grasser, 1911), в которую включен перевод стихотворения Бунина «Листья падают в саду...» («Ah, que je suis heureux...»).

См.: *Антология.* С. 499.

1912

Январь, 1 (14). Бунин заканчивает читать повесть «Веселый двор» в гостях у А.М.Горького.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «1912. 1 янв. До трех часов пробыли у Г<орького>. Встречали Новый год. И.А. читал свой рассказ “В<еселый> д<вор>” наверху, в кабинете Г<орького>. Рассказ Г<орькому> не понравился, он ходил (после окончания чтения) наискось по комнате, поплевывал на пальцы и покручивал усы. Иногда говорил: “да... да...” М<ожет> б<ыть>, он суров от непогоды, дует широко, а м<ожет> б<ыть>, ему не по душе самая вещь. Когда И.А. кончил читать, он не стал говорить, а молчал, прохаживаясь по комнате, и как бы ждал, что скажут другие, которые ждали, что скажет именно он. Видя, что никто не говорит, он сказал:

— Гиблые места у вас, знаете ли... Люди у вас какие-то... Это не русские люди. Я не знаю Орловской губернии, я там не жил и не бывал, но это не только вы, другие то же говорят о средне-черноземной полосе. Вот на Севере — посмотрите: там другое. Сколько там замечательных людей было. Я могу вам назвать их: Стефан Пермский, извольте... фигура! Возьмите еще: Трифон Верхотурский! А? Что? А Нил Сорский...

— Что вы, А<лексей> М<аксимович>. Уж чего-чего, а по части выдающихся людей мы не уступим никому... Уж вы нас не корите (полушутливо). И мы не лыком шиты, и я смогу кой-кого назвать. И Киреевские, и Тургеневы, и Феты, и Тютчевы, и Полонские... да и Лев Николаевич не так уж далеко.

— Да, но там люди другие, они из народа вышли, из самых недр, ни от кого ничего не заимствуя... да и заимствовать-то было не у кого и нечего... Идейное,

народное движение обошло вас. Это так. Факт-с. <...> А что до Гоголя, то его Киреевские, Тургеневы и Феты не интересовали. Таких явлений он не замечал. И людей он замечал только... А у Л<ьва> Н<иколаевича> совсем народа нет. Да-с, нет. Платон Каратаев для нас нетипичен. В русской истории, если хотите, есть другие герои».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф, л. 91–92, 94.

В казанской газете «Камско-Волжская речь» (№ 1. С. 4) публикуется статья «Русская литература в 1911 г.». Подпись: Один.

Обозреватель, в частности, пишет: «Лучшая книга этого года, книга действительно прекрасная — “Деревня” Бунина. Но это вещь целиком была напечатана еще в прошлом году, а нынче лишь вышла отдельным изданием. Во всяком случае, Бунин принадлежит к числу немногих, свой талант не расточающих и не извращающих, а берегущих, растящих и шлифующих».

Январь, 2 (15). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжают с Капри в Неаполь; останавливаются в отеле «Галлера».

Вечером в Неаполе в театре Сан-Карло Бунины с Н.А.Пушешниковым слушают оперу Г.Доницетти «Дон-Паскуале».

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 102–103.

См.: 3 (16) января 1912.

На бланке редакции газеты «Русское слово» Бунину сообщают из Москвы о посылке ему половины гонорара за рассказ «Смерть Моисея».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 314, л. 1.

А.М.Горький пишет Е.П.Пешковой с Капри:

«Не знаю как ты встретила новый год, а я — весьма прискорбно: с восьми часов Бунин читал превосходно написанный рассказ <“Веселый двор”> о матери и сыне: мать умирает с голода, а сын ее, лентяй и бездельник, пьет, пьяный пляшет на ее могиле, а потом ложится под поезд и ему отрезает ноги. Все это в высшей степени красиво сделано, но — производит угнетающее впечатление. Слушали: Коцюбинский, у которого больное сердце, Черемнов, — туберкулезный, Золотарев — человек, который не может найти себя, и я, — у меня болит мозг и в голове, и во всех костях. Потом долго спорили о русском народе и судьбах его. <...> Потом пили скверное вино Асти».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 224.

Январь, 3 (16). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников через Пуцуоли прибывают в Помпею; затем через Неаполь, Кастелля, Маре и Сорренто возвращаются на Капри.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «2–3 янв. <ст. стиля> пробыли в Неаполе. <...>

Вечером были в театре Сан-Карло. Шла опера Доницетти “Дон-Паскуале” <...>.

Гуляли к Позилипо. Могила Виргилия. <...>

Отсюда поехали в Поццуоли. Обедали в ресторане на берегу моря. <...>

Вечером ездили с И.А. на Вомеро искать В<оронцов>. Высоко над городом. <...>

Ездили в Помпею. Помпея и близко Везувий с дымящей вершиной. <...>

По дороге зашли в тратторию. Подвыпившие итальянцы. Пили вино и ели сыр.

Вернулись из Неаполя через Кастелля, Маре и Сорренто, на извозчике. Приехали до чрезвычайности усталые. От Сорренто до Капри — морем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 102–104.

Январь, 4 (17). Бунин пишет Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу с Капри, спрашивая о причине их молчания:

«Я свою жизнь и труды свои описывал, теперь нового у меня только то, что отлучались мы с Капри на двое суток — были в Неаполе, Пуцуоли, Помпее и Сор<р>енто и дьявольски устали и испортили желудки. Теперь снова уселись на Капри за работу. Но прохладней стало, завертывает иногда дождь с ветром, приходит в голову: не удрать ли отсюда недельки через две-три? В Египет, например? Ничего еще не знаю, но мысли бродят. Иногда и о Японии думаю...». В заключение просит П.А.Нилуса узнать о пароходе из Одессы в Японию, а также помочь через А.А.Ценовского устроить судовым врачом П.Н.Муромцева.

Письма (*2*). С. 200.

Бунин рассказывает в письме Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, отлучились на двое суток с Капри — нужно было купить кое-что да и проветриться немного: ведь 2 месяца не вставали из-за письменных столов. Были в Неаполе, ездили в Пуцуоли, — очень понравилось, — вернулись через Помпею и Сорренто. Устали маленько, испортили желудки.

<...> надо за “Суходол” садиться. <...> рассказ <“Ночной разговор”> для него <Н.С.Клестова> я приготовил <...>.

Кончил и расширил рассказ про Егорку печника и его мать <“Веселый двор”>, назвал так: “Мать и сын, будничная повесть”. Под Новый год читал у Горького. Все очень хвалили, сам Горький — сдержанно, намекнул, что России я не знаю, ибо наши места — не типичны, “гиблые места”... Думаю, что Горький полагает, что касаться матерей — это его специальность, он даже Гоголя постоянно толчет с говном за “Мертвые души” — писал Гоголь Ноздревых да Собакевичей, а Киреевского, Хомякова, Бакунина — проглядел».

Письма (*2*). С. 200–201.

Вслед своему письму Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку, спрашивая:

«где будешь лето проводить? <...> Мы хотим лето провести непременно на юге — под Одессой или в Крыму. Будешь с нами?»

Письма (*2*). С. 201.

В открытке Бунин спрашивает Н.С.Клестова о причине его молчания:

«Буду ждать еще дней 5–6, затем рассказ <“Ночной разговор”> отдам в другое место».

Письма (*2*). С. 201.

Январь, 1...4. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы, спрашивая его о причине долгого молчания:

«Верно закончил “Суходол”, “Анисью” — не пора ли отдохнуть от де-

ревни — пиши стихи, братуха! Как не люблю я твою прозу, редкостную, живую, а стихи все же из металла более ценного. Брось, на время хотя, низкий штиль, ты художник предметов вечных, и русскую деревню через сто лет не узнаешь — сколько новых железных дорог проводят! — а вода, горы будут вечно радовать людей». Далее сообщает, что написал три рассказа, посланные в редакции произведения не печатают; поздравляет с Новым годом.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 90–91.

Датируется по содержанию.

Январь, 5 (18). Бунин сообщает в открытке Ф.И.Благову, что получил телеграмму о переводе гонорара:

«Очень благодарю Вас за Вашу постоянную любезность, крепко жму Вашу руку, прошу принять запоздалое приветствие с Новым годом».

Письма (*2*). С. 202.

В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Послал Вам 2 телеграммы. Жду рукописи. Деньги вышлют по получении рукописи в России. Куда выслать деньги? Извините нас, что пришлось Вам подождать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/7 оф.

Январь, 6 (19). Бунин пишет Е.А.Телешовой с Капри, поздравляя ее с Новым годом:

«Для меня праздники — право, не сразу скажешь, почему — только тоску какую-то приносят, я стараюсь их не чувствовать, да и давно уж не провожу их в России, в Москве. Не чувствовал и в прошлом году — в прошлом году, как раз в ночь под Рождество я умирал в Порт-Саиде, а под Новый год был, кажется, на арабской свадьбе в Гелуане, — не чувствовал и в нынешнем: только смертельно устал, как и Вера, стоя на площади Капри и глядя, как мальчишки разбивают вонючие хлопушки — в честь Рождества и в знак изгнания чертей с земли, — устал и под Новый год, прочитав у Горького свою новую повесть <“Веселый двор”> — мужицкую, о матери и сыне — и сидя за ужином. <...>

А сколько мы здесь еще пробудем — не знаю: сейчас нельзя двигаться — еще работы по горло. В работе мы и живем — с утра до вечера, только среди дня гуляем, очень часто наслаждаясь даже зноем. <...>

Очень благодарю за Лоти — если Вам не жаль, оставьте мне его.

Очень огорчаюсь Митричем — его безделием».

К письму делает приписку В.Н.Муромцева, сообщая: «Сегодня вечером идем к Горьким, Алек<сей> Мак<симович> прочтет свою новую повесть <“Три дня”>. Здесь два культурных развлечения: чтение авторами своих новых произведений и синематограф».

Письма (*2*). С. 202–203.

Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«Дорогой друг, хотел написать тебе целый трактат (по-латыни) в ответ на твое письмо о твоей душевной смерти <...>. Да уж очень занят я, — воистину минуты нет свободной, чему ты, конечно, не поверишь, — да и поможет ли

трактат! Все еще верю — и, даю тебе слово, говорю это твердо и искренно — и без трактата ты опомнишься. И ограничиваюсь пока тем, что кричу тебе паки и паки то, что уже много раз кричал тебе: брехня, брехня, пустословие и тем более пустословие, что ты неспокоен, что ты, верно, страдаешь от неписания, — а страдание — жизнь! — что говоришь ты о своей смерти сильно и хорошо, что у тебя — ты не чета Тимковским! — есть что сказать, на десятерых хватит — да вот хотя бы на эту самую тему о смерти-то, о том, как Москва, Русь, ее люди сделали то, что тебе "все равно глядеть на них", о том, как ты жил, страдал, радовался, вот это любил, а вот это ненавидел, да и теперь любишь и ненавидишь... Дорогой, этого одного на десять книг хватит, — переломи только себя, переломи лень, распущенность — и этого много, много в тебе! — да наберись смелости говорить смело <...>.

Умолкаю, впрочем, — ты и сам все это хорошо, отлично понимаешь. Крепко целую тебя и воистину желаю тебе *нового* года. А люблю тебя, твердо верю в твой талант, в твой интересный, острый ум и твою большую, во многих отношениях редкую и чудесную натуру — по-старому».

В заключение Бунин просит выяснить сроки выхода 4-го издания (исправленного и дополненного) его книги «Перевал и другие рассказы» в «Московском книгоиздательстве».

Письма (2). С. 203.

Н.С.Клестов посылает Бунину телеграмму с сообщением о переводе 300 руб. гонорара за рассказ «Ночной разговор».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3252/1 оф.

Январь, 7. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ян. Спасибо за присланный рассказ "Смерть Моисея", читал и "Сверчка" в "<Всеобщем> Ежемесячнике". И воистину прочел с удовольствием. Ах, молодец, чудесно написано и до такой степени не похоже на наших лубочных писателей, точно ты из другого теста слеплен. Ах, хорошо!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 19.

Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петербурга:

«...посылаю Вам документы, которые, думаю, объяснят Вам, почему в сношениях с Вами я не был аккуратен: мне пришлось вести борьбу за существование журнала <"Всеобщий ежемесячник">. <...> решение Ефрона прекратило живое и искреннее дело. Я не теряю надежды, что мне удастся воскресить журнал и тогда, надеюсь, Вы не откажетесь принимать участие в нем.

Только из Вашего письма я узнал, что в вашем рассказе 24500 слов. <...> Предъявляю к издательству требование об уплате Вам остатка гонорара — 67 р. 50 к.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 194, л. 3.

Очевидно, при письме (помимо документов) была послана вырезка из газеты «Речь» (1912. 5 янв. (№ 4). С. 5), в которой опубликовано «Письмо в редакцию» Я.Сакера в связи с прекращением выпуска «Всеобщей газеты» и ее приложения «Всеобщего ежемесячника» по инициативе издательства Брокгауза и Ефрона, в письме также выражалось требование обращения к третей-

скому суду. Отвечая на претензии Я.Сакера, Правление акционерного общества «Издательского дела, бывшее Брокгауз и Ефрон» в газете «Речь» (14 янв. (№ 13). С. 6–7) публикует «Письмо в редакцию», в котором сообщает, что издание «Всеобщей газеты» и «Всеобщего ежемесячника» было прекращено в одностороннем порядке, потому что с Я.Сакером никаких договоров с издательством не было и право на выпуск указанных изданий принадлежало исключительно издательству. Позднее в газете «Речь» (22 янв. (№ 21). С. 6) помещается коллективное «Письмо в редакцию», подписанное сотрудниками журнала «Всеобщий ежемесячник»; в письме выражается протест против внезапного закрытия журнала.

Январь, 8 (21). Бунин посылает М.В.Аверьянову рукопись рассказа «Ночной разговор» и спрашивает его в письме о положении дел с подготовкой первого сборника «Издательского товарищества писателей»:

«Шлю рукопись *на Вас* для этого самого злосчастного писательского сборника. Молю Вас — посмотрите корректуру моего рассказа».

Письма (*2*). С. 204.

По поводу изданных «Посмертных художественных произведений» Л.Н.Толстого в трех томах (М., 1911–1912; Берлин, 1912) Бунин пишет Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу:

«Ужли Вы так сошли с ума на гравюрах, что и не читали двух томов Толстого? А если да — то что скажете? Я порою не нахожу слов для выражения телячьего восторга! В русских изданиях страсть сколько выпущено — я читал берлинские».

Письма (*2*). С. 204.

Бунин спрашивает в письме Н.С.Клестова об издании первого сборника «Издательского товарищества писателей» и просит скорее прислать гонорар за рассказ, посланный на имя М.В.Аверьянова.

Письма (*2*). С. 204.

Н.С.Клестов посылает телеграмму, вновь подтверждая пересылку гонорара 300 руб. за рассказ «Ночной разговор».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3252/2 оф.

Январь, 8 или 9 (21 или 22). Бунин посылает В.С.Миролюбову рукопись повести «Веселый двор».

См.: 10 (23) января 1912, первая запись; 8–10 (21–23) января 1912; 12 (25) января 1912, первая запись; 16 (29) января 1912.

Январь, 10 (23). В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Большое Вы мне принесли горе, не высылая рассказа. Надеюсь, сегодня-завтра получить.

Дайте Бога ради рассказ и для “Знания”. Сборник быстро бы вышел. <...> Посылая рассказ для журнала <“Заветы”> в Россию, я напишу, чтобы деньги послали по указанному Вами адресу. <...> По получении от Вас рукописи, уеду в Специю жить».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/3 оф.

А.М.Горький в письме В.С.Миролюбову с Капри просит подробнее сообщить об организации нового журнала «Заветы»:

«...а то – ни я, ни Бунин, ни Коцубинский ничего не понимаем».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 232.

Январь, 8–10 (21–23). Бунины встречаются с А.А.Стаховичем, А.С.Черемновым, приходят к А.М.Горькому.

В.Н.Муромцева сообщает Ю.А.Бунину в письме от 11 (24) января: «Мы живем в работе, но как-то так время расположено, что делать успеваешь мало». Рассказав о поездке в Неаполь, продолжает: «На днях был Алексей Александрович Стахович <...> Он приезжал якобы просить у Ал<ексея> Мак<симовича> пьесу для Художественного театра, был у нас с визитом, пригласил нас с Яном на обед. Говорлив, как все генералы. Много рассказывал о Толстом, Чайковском, Апухтине <...>. – У Горьких бываем, да не часто. Зато сошлись с Черемновыми, очень симпатичные люди, мать и сын. При более близком знакомстве видишь, что он не без таланта, только есть в нем налет Влад<имира> Соловьева, Ян, кажется, начинает к нему относиться хорошо, – а это что-нибудь да значит. – Новый журнал затевается, Ян послал туда свою повесть “Веселый двор” (про Егорку и Анисью, начало он читал нам летом), но кто хозяева и как будет журнал называться, пока не знаем. О нем хлопотал Миролюбов и Чернов».

Письма (2). С. 205.

Январь, начало. В.Л.Львов-Рогачевский пишет Бунину из Петербурга:

«С 20-го января здесь в Петербурге будет выходить еженедельно социал-демократическая газета при участии Веры Засулич, Потресова, Мартова, Троцкого. Я буду редактором литературного отдела, буду давать критический фельетон и мне же предложено пригласить беллетристов и поэтов. Я уже написал Горькому, Вересаеву, Гусеву-Оренбургскому, напишу еще Шмелеву и другим. Газета будет воздерживаться от полемик, называться будет: “Живое дело”, лозунг Добролюбова: “Живое дело – вместо слов”. Разумеется все пока будут сотрудничать бесплатно».

Письма (2). С. 598.

Датируется по письму Бунина. См.: 1 (14) февраля 1912, вторая запись.

Январь, 12 (25). В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Название журнала “Завет”. Начнет издаваться в Москве, а затем будет переведен в Петерб. О деньгах напишу вместе с посылкой рукописи. Огромное Вам спасибо».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 10.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Милый Ян. <...> Ты говоришь о письме с описанием твоих работ – такого не получал. Потом насчет писем; я пишу довольно часто, зная как приятно за границей получать из России вести, посылаю газеты – неужели не получаешь? <...> С удовольствием подумываю о лете, хорошо бы опять пожить вместе».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 20.

Январь, 14 (27). Бунин просит в письме Ю.А.Бунина выяснить дело с гонораром из «Московского книгоиздательства» за книгу «Пе-

ревал и другие рассказы» (М., 1912) и написать о положении дел с изданием ее.

Письма (2). С. 205–206.

С этим письмом Бунин посылает Ю.А.Бунину доверенность:

«Причитающиеся мне от “Московского книгоиздательства” платежи за издание моих книг (томов I, III, VI) доверяю сим получать Юлию Алексеевичу Бунину в сроки, указанные нашим условием, т.е. каждое 22 число месяца, начиная с декабря 1911 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3429/1 оф.

См.: 8 (21) ноября 1911, вторая запись.

Бунин пишет В.С.Миролюбову.

Письмо неизвестно. См.: 16 (29) января 1912.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы о книге «Перевал и другие рассказы»:

«Корректуру твою читаю. Уже 80 страниц отбарабанил. Печатают довольно чисто, ошибок мало, но все же встречаются. Ловлю, что замечаю. Но злюсь на тебя за бабьи слова: чуть не по 10 раз на странице встречается “много-много”, “далеко-далеко”, “медленно-медленно”. Так бы и вытолкал в шею это второе слово! Точно институтка поздравление пишет: “очень-очень рада, крепко-крепко целую”. Но — пропускаю, ударяя кулаком по каждому ненужному слову.

Забыл, хоть убей, но *сажень* женского рода, а не мужского. Исправил. Не мог пропустить. И “подземки” нет, а есть “поземка”. А то выходит вроде “подземельного налога”. И вот в этом духе зачеркиваю, но очень мало.

Прочитал вчера “Хаджи Мурата”, только что вышедшего. Читал ли ты? Прочитай скорее эту изумительную, величайшую повесть. Это такая высота и красота, такая спокойная сила, такое сокровище, что нельзя рассказать. Нет в мире такого писателя, который мог бы так написать. Нечто исключительное, захватывающее по мастерству и технике. За четверть века не читал подобного. А может быть, и никогда не читал такого. Душа повести, ее скелет, ее тело, ее лицо — все близко и дорого и прекрасно, как близкий живой человек. Буквально — счастлив, что не умер я раньше и что успел прочитать эту повесть. Поразительная сила и простота и красота. И никто не может так написать. У меня точно крылья выросли. Пришел богатырь, единым махом убил всех этих модернистов с их сладкими глупыми словами и словечками. <...>

За письмо твое спасибо. Но только моему теперешнему состоянию не поможешь. Единственно, на что надеюсь, это на Хаджи Мурата: не отдерет ли он всю эту скорлупу, которой я оброс».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 605–606.

Январь, до 15. Выходит № 1 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 57–78) печатается рассказ «Хорошая жизнь».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (15 января (№ 12). С. 1).

Январь, 15 (28). Бунин благодарит в письме Е.А.Телешову:

«...я так заработался — да и хвораю в то же время, опять, опять! — что забыл поблагодарить Вас за Лоти и сказать, что если это не принесет никому вреда, буду очень-очень рад владеть им».

Письма (2). С. 206.

Имеется в виду, очевидно, один из томов Собрания сочинений П.Лоти, выпущенного в Москве в 1910 г.

Январь, 16 (29). В.С.Миролюбов вновь пишет Бунину:

«О посылке денег написано уже несколько дней тому назад. <...>

Я писал уже, что название — “Завет”, но <...> лучше бы было назвать “Заве***ты***”. <...>

При чтении рассказа <“Веселый двор”> радовался тому, как он написан. Еще раз спасибо Вам.

Ваш экспресс от 27-го <письмо неизвестно> получил и сейчас отвечаю».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 11.

Январь, 17. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ян. Послал письмо П.Н.Муромцеву с инструкцией как действовать для поступления судовым врачом. Ант. Ант. <Ценовский> обещал посодействовать. “Всеобщий ежемесячник” лопнул, хотя там будет третейский суд, и обещают выплатить гонорар, но как-то не верится, хотя Сакер думает, что журнал все-таки будет выходить».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 21.

А.М.Горький сообщает в письме Е.П.Пешковой (30 января н. ст.) с Капри:

«Дожди идут целыми днями. Бунин стал зеленый. Все — увяли».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 248.

Январь, 10...17. Выходит книга «Русская муза. Сборник произведений русских поэтов с краткими биографиями, характеристикой их творчества и портретами» (СПб., 1911), в которой (с. 122–124) помещается стихотворение Бунина «Запустение» («...Домой я шел по скату вдоль Оки...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Январь, 20 (Февраль, 2). Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«Быль молодцу не укор, дорогой Киребеевич, — ведь эти “далеко-далеко” я писал “давно-давно”. А главное — ведь я же просил тебя черкать! <...>

Дьявольски рад и за “Хаджи Мурата”, и за тебя! <...>

Прошу тебя, прочитай мои рассказы: “Смерть Моисея” <...>, “Сверчок” <...>, “Хорошая жизнь” <...>».

Письма (2). С. 206.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы о книге «Перевал и другие рассказы»:

«Дело идет ходом: полкниги твоей отзубрил. Не нынче-завтра пришлют еще три листа. Я не задерживаю. Рассказы твои перечитываю с удовольствием. Талантливый ты парень! Иной раз такую штуку загнешь, что просто прелесть, — несмотря на то, что рассказы давнишние. Хвалю за ухватку! Не-

множко однотонным ты сделал 1-й том: всё про деревню. Зато впечатление не дробится. Это, пожалуй, хорошо».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 607.

Январь, 21. В московской газете «Утро России» (№ 17. С. 6) в рубрике «Литературная хроника» (без подписи) сообщается об организации в Петербурге товарищества писателей, которое готовит к печати сборник, включающий рассказ Бунина «Деревенский разговор» (так!).

Далее излагается краткое содержание рассказа «Ночной разговор» и говорится: «теперь же заметим лишь, что деревня в восприятии Ив.Бунина — сплошной кошмар, “ужас и безумие”.

Писатель находится сейчас на Капри. Рассказ прочитан был автором в присутствии М.Горького и, как нам передают, имел большой успех».

Январь, 22 (Февраль, 4). В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Я не послал депешу потому, что за 3 дня до получения того письма Вашего писал им, чтобы деньги послали. Если журнал <“Заветы”> выйдет в феврале, то там теперь идут хлопоты по организации редакции и конторы. <...> Они писали, что разрешение они получат около 20-го. Ростовцев (Александр Николаевич) Ваш сосед — елецкий. <...> Сегодня (22 янв. ст. ст.) отсылаю всю беллетристику на февраль. <...> Потерпите немножко, дорогой Иван Алексеевич, будьте снисходительны, не нужно забывать, что Вы имеете дело с людьми русскими, а они любят все делать “не спеша”, но “солидно”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/2 оф.

Январь, 23 (Февраль, 5). Бунин пишет Ю.А.Бунину, волнуясь о его здоровье:

«Милый Юлий, ты и представить себе не можешь, как беспокоит нас твое молчание. Мало того, что думаешь порою, не захворал ли. Главное, лезет в голову то, что ты не пишешь, не можешь писать потому, что все больше разбиваешь нервы, стареешь, с ног сбился и жестоко устал от своей ужасной жизни. И пьешь небось опять, и не досыпаешь... Да уж одно то, что ты вечно на людях, ни единого вечера не бываешь дома, никогда не испытываешь покоя, свободы от забот, от каких-то обязанностей — одно это убивает тебя. На это Голиафа не хватит. Просто беда, беда!

Читал ли “Хорошую жизнь”? Что скажешь? Мне кажется, много здорово я завернул! Миролюбовский журнал в Москве будет называться “Заветы”, орудует кто-то Ростовцев. Не знаешь? Я твердо Миролюбову сказал, что если мне не пришлют денег до 25 янв. — возьму рассказ назад (это про печника и его мать рассказ, называется “Веселый двор”).

Думаем переехать дней на 40 в Рим. Там и Хлюп <Н.А.Пушешников> попоет. Потом мы с Верой, может быть, поплывем в Японию. <...>

Кончаю переписку и кончаю вообще “Суходол”».

Письма (*2*). С. 206–207.

Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу издания своей будущей новой книги «Суходол. Повести и рассказы» в «Издательском товариществе писателей»:

«...еще не знаю, смогу ли выпустить в этом сезоне том “Новых рассказов”. Материал есть — от 12 до 13 сорокатысячных листов. Но еще должен напечатать две повести и два рассказа. Да и подумать надо, — есть ли смысл выпускать в марте. Да и как еще у Вас дело пойдет? <...> все еще в периоде формирования. А новым томом своим я дорожу, опрометчиво поступить с ним не могу».

О первом сборнике «Издательского товарищества писателей» и своем рассказе «Ночной разговор» Бунин пишет: «Без гвоздей, говорите, идете? Да, пожалуй, и при желании нельзя теперь идти на прежних гвоздях. Раскусывает помаленьку публика, что это за гвозди. Тем более не к лицу издателям-писателям гнаться за гвоздями — нужно художество прежде всего, тенденциозное, нетенденциозное, но только искреннее, серьезное. Ибо мастеровщины, подделок под художество, лубка, дурного тона, мнимой значительности — девать стало некуда.

Ругать меня будут? Да что ж, я за похвалами никогда не гонялся. А брань невежд и борзописцев меня не трогает. Им ли говорить о моих изображениях народа? Они о папуасах имеют больше понятия, чем о народе, о России, о природе даже. <...>

Нет объективного творчества? Да, конечно, все относительно. (Думаю о себе, однако, что я объективен.) И деревню воспринимаю я по-своему. Но ведь и Толстой, и Гл.Успенский, и Эртель, — только их изображения деревни считаю я ценными, — воспринимали по-своему. Важно прежде всего — знать. А я — знаю. И, б<ыть> м<ожет>, как никто из теперь пишущих. Важно и восприятия иметь настоящие. Есть у меня и этого доля».

Письма (2). С. 207–208.

Январь, 25 (Февраль, 7). Бунин просит в письме Ю.А.Бунина потребовать с конторы журнала «Заветы» гонорар за рассказ «Веселый двор», если деньги не выдадут — отдать рассказ в газету «Русское слово»:

«Если журнал выйдет хоть в марте — можно ждать. Позднее — нет. Но при всех комбинациях — *деньги немедля пусть выдадут тебе*. Иначе возьми рукопись и *немедля отвези Благову*».

Письма (2). С. 208–209.

Январь, 30 (Февраль, 12). В.С.Миролюбов пишет Бунину из Специи:

«Приехал сюда один из России и привез чек на деньги, переведенные на Милан. Через 3 дня они, я полагаю, придут сюда и будут переведены Вам. <...> Все время идут всякие переговоры».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/5 оф.

С.С.Кондурушкин пишет А.М.Горькому из Петербурга:

«Книга Бунина “Деревня” — во многом книга художника, но ее написал интеллигент, который говорит: “Мне такая жизнь не нравится”. Но ведь это же совсем в данном случае не важно, что не нравится вся жизнь, целиком. Не нравится — значит, непонятна, а непонятна — оставь ее в покое».

ЛН. Т. 95. С. 978.

Январь, 23...30 (Февраль, 5...12). Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину с Капри:

«...С<удорожный> уже ответил на В<аше> письмо. Все это время он страшно бранит В<ас> за молчание. <...> У нас здесь все по-старому, перемен никаких нет. Сейчас здесь карнавал: по улицам ходят толпы народа с музыкой, пением и танцами. Вечерами пьяцца наполнена ряжеными и публикой. Мы тоже бываем на пьяцце каждый <день>. Г<орький> тащит нас с собою. <...>

С<удорожный> решил больше не ходить на карнавал — не высыпается потом и не может работать.

Перевод мой <Ч.Диккенса> я уже отправил. С<удорожный> кое как, наспех, прочел его. Получили известие от Р., что он уже печатается. Из “Моск<овского> кн-ва” вчера было письмо. Сейчас с В.Н.<Муромцевой> переводим “Признание” Ламартина, по желанию Г<орького>. Мопассана В.Н.<Муромцева> уже кончила, ждет, когда теперь С<удорожный> удосужится прочитать перевод. Антик должен высылать мне 300 руб. Планы наши не определились еще. С<удорожный> каждый день придумывает что-нибудь новое. У Г<орького> бываем ежедневно.

Вчера он прочел нам свой новый рассказ. И.А.<Бунин> хвалил. Потом зашел было спор о Толстом, но как-то быстро оборвался — есть какие-то психологические расхождения между С<удорожным> и Г<орьким>. Все-таки они говорят на разных языках».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 11–12.

Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

Границы события определены по упоминанию перевода А.Ламартина и по письмам Бунина к Ю.А.Бунину. См.: 23 января (5 февраля) 1912, первая запись; 7 (20) февраля 1912, первая запись.

Январь, 31 (Февраль, 13). Бунин посылает открытку Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу с просьбой:

«Дорогие, немедля сообщите, где (под Одессой ли?) и где именно будете проводить лето. А то и нам пора снимать дачу».

Письма (*2*). С. 209.

В ответном письме Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, мы все чрезвычайно рады были твоему длинному письму. Ты пиши нам письма по кусочкам: нынче один абзац, завтра другой. Я буквально не имею ни минуты свободной, кроме еды и прогулки — пишу новый рассказ <“Игнат”>».

Далее письмо продолжает В.Н.Муромцева: «Это правда, что Ян занят по горло. Он увлечен своим рассказом и пишет его в запале. Рассказ — “с щекоткой”!

Последнее время у нас все решался вопрос куда ехать? <...> Думали мы просто на некоторое время отправиться в Рим, но теперь и эту мысль оставили, ибо влетело бы нам это в копеечку, а нам нужно приберечь деньги на Японию. Конечно, и это не решено, но очень желательно. <...> Но повторяю, что все это мечты! Пока же мы все много работаем и живем скромно-интеллигентной жизнью. Друг с другом видаемся лишь за едой и прогулками. С Горькими у нас отношения холодно-любезные

и тяжко-дружеские. Тяжелый человек Ал<ексей> Мак<симович>! <...> Вчера мы были на пиршестве у каприйских крестьян, по случаю свадьбы. Женился садовник Горького. <...> пир шел с двенадцати часов дня».

Письма (*2*). С. 209–210.

Письмо Ю.А.Бунина неизвестно.

Из конторы журнала «Современный мир» Бунину посылается выписка из личного счета по гонорарам за опубликованные произведения.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/8 оф.

Февраль, 1 (14). Вечером у А.М.Горького Бунин встречается с Ф.И.Шаляпиным, приехавшим погостить на Капри.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «2.15.II. Вчера вечером М.Ф.<Андреева> прислала записку, чтобы мы вечером приходили к ним, так как приехал Ш<аляпин>. <...>

В восемь часов вечера мы пошли к Г<орькому>. Войдя в прихожую, я увидел — и сразу же узнал — через открытую в столовую дверь чью-то громадную спину, широкие, полные плечи и большую голову в слегка взбитых жидких волосах желтоватого цвета, с проседью на висках. <...> Ш<аляпин> встал и, поцеловавшись с И<ваном> А<лексеевичем>, сказал: “Здравствуй, Ваничка!” — “Ну а как ты, Федор!” и т.д. Начался обычный разговор, сделавшийся сразу многоголосым. <...> Постепенно стали приходить еще некоторые русские, и скоро в этой комнате уже негде было поместиться. Г<орький> предложил всем перейти в его кабинет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 122–125.

Ф.И.Шаляпин гостил у А.М.Горького с 1 (14) по 9 (22) февраля 1912 г.

Бунин пишет В.Л.Львову-Рогачевскому:

«...весьма рад быть сотрудником “Ж<ивого> д<ела>”, постараюсь вскоре прислать что-нибудь — в данную минуту не могу оторваться, кончаю уже начатые работы».

Письма (*2*). С. 210.

Бунин посылает А.А.Карзинкину (?) отдельный оттиск рассказа «Хорошая жизнь» с дарственной надписью:

«Александру Андреевичу неизменно любящий его Ив.Бунин. Капри 1 февр. 1912 г.»

РГАЛИ, ф. 44, № 16388а.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 26. С. 2) помещается статья И.Н.Игнатова «Литературные отголоски. Романы, повести и рассказы гг. Серафимовича, Бунина, Верхоустинского, Вал. Брюсова».

Критик разбирает № 1 журнала «Современный мир» и, в частности, пишет: «Читаем рассказ Бунина “Хорошая жизнь”. То же впечатление, что от рассказа г. Серафимовича <“Город в степи”>: зверство и зверство. С виду “тишина”, но ею не “любо насладиться”. Рассказ ведется от имени бабы, которая “всегда удачлива была”, потому что обладала “характером настойчивым”. <...> Нравственный идиотизм, отупелость чувств, зверство — основные свойства “удачливых”. Здесь нет таких громких звериных выкриков, как у героев г. Серафимовича, но фон — один и тот же».

Февраль, 2 (15). Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку с видом отеля «Квисисана», чернилами обведены четыре окна на третьем этаже отеля, где писатель живет с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым:

«Что же ничего не сообщаешь о “Заветах”. Телеграмма твоя <неизвестна> ничуть не успокоила меня — денег не шлют. Пиши. — Вчера провели вечер с Шаляпиным — пришел на яхте с молодым Терещенко из Монте-Карло».

Письма (*2*). С. 210.

Февраль, 3 (16). В письме Ю.А.Бунину Бунин обсуждает вопрос о покупке дачи и просит брата решать этот вопрос на месте по его усмотрению, а также вновь просит написать о журнале «Заветы».

Письма (*2*). С. 210–211.

Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу подготовки первого сборника «Издательского товарищества писателей»:

«Вы обещали мне деньги в конце января, в начале февраля и, конечно, помните, что только на этом условии я дал рассказ. Сегодня уже 3 февр. — от Вас ни слуху ни духу, даже корректурн<ого> листа не могли Вы мне прислать, а ведь как я просил Вас об этом! Неужели Вы не чувствуете, что это отбивает всякую охоту сотрудничать впредь! Убедительно и настойчиво прошу корректуру выслать мне, а деньги *немедля* — брату Юлию Алексеевичу».

Письма (*2*). С. 211.

В московской газете «Руль» (№ 335. С. 2) публикуются фрагменты рассказа «Ночной разговор» с подзаголовком «Из рассказа Ив.Бунина».

К рассказу дано редакционное примечание: «С разрешения редакции приводим в извлечениях новый, неопубликованный еще выдающийся по своему интересу рассказ Ивана Бунина, который полностью выйдет в свет в “Литературном сборнике” товарищества писателей за 1912 год».

Февраль, 4 (17). Бунин в открытке А.Е.Грузинскому извиняется за молчание:

«Дорогой, прости, я как в чаду все последнее время — в чаду работы. На днях напишу тебе».

Письма (*2*). С. 211.

В рижской газете «Прибалтийский край» (приложение к № 28) в рубрике «Библиография» помещается заметка о № 1 журнала «Путь». Подпись: Триус.

Рецензент пишет: «Немногочисленная семья серьезных журналов обогатилась новым, типа полу толстых, “Путь”. <...> “Из рассказов без заглавия” Ив.Бунина — изящный грациозный эскиз, написанный с той красивой простотой и безыскусственностью, которыми так отличается бунинское творчество. Пронизанный нежным мечтательным настроением рассказ этот в то же время насыщен той тихой восторженностью к “громадно несущейся”, живой жизни, которая наполняет сердце бесконечной радостью бытия».

Февраль, 6 (19). Бунин дарит свой любительский фотопортрет М.М.Коцюбинскому с надписью:

«Михаилу Михайловичу Коцюбинскому с сердечным расположением Ив.Бунин. Капри 19/6 февр. 1912 г.».

Пересъемка с копией надписи неизвестной рукой на обороте: ОГЛМТ, ф. 14, № 5396 оф.

В «Московской газете» (№ 174. С. 5) в рубрике «Книга» (без подписи) сообщается:

«Московский кружок "Среда" организует издание особого сборника "В помощь голодающим"». В списке предполагаемых участников упоминается Бунин.

Предполагаемый сборник не вышел.

А.М.Горький пишет С.С.Кондурушкину с Капри:

«Живут здесь писатели: Бунин, Коцубинский, Черемнов, Иткин — и, в общем, это очень хорошо. Бунин пишет великолепную прозу».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 261.

Январь, 30 (Февраль, 12)... Февраль, 6 (19). Бунин пишет рассказ «Грушка» (позднее озаглавленный «Игнат»). Авторская дата: «Капри. II. 1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 19.

ПСС. Т. 5. С. 316–342.

Границы события определены по письмам Бунина. См.: 31 января (13 февраля) 1912, вторая запись; 7 (20) февраля 1912, вторая запись.

См.: 14 июля 1912, вторая запись; 17 июля 1912, вторая запись; 18-19 июля 1912; 20 июля 1912, первая запись.

Февраль, до 7 (20). Бунин пишет рассказ «Захар Воробьев». Авторская дата: «Капри. II. 1912».

ПСС. Т. 5. С. 193–205.

См.: Список произведений 1911–1912 гг. с датами их написания (автограф) — ОГЛМТ, ф. 14, № 8768 оф. См. также: 7 (20) февраля 1912, первая запись.

См.: 10 марта 1912, четвертая запись.

Февраль, 7 (20). Вечером Бунин читает гостям рассказ «Захар Воробьев»; присутствуют: А.М.Горький, М.М.Коцюбинский.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину с Капри 8 (21) февраля: «Вчера получили Ваше письмо, спасибо. Очень жалели, что Вы не изложили подробно рецензию Игнатова на "Хорошую жизнь". Нас она интересует, Вы сами понимаете почему — потому что писал ее не кто-либо другой, а именно Игнатов. <...> Мы живем прекрасно, не сглазить бы только. Погода последние дни прелестная. <...> Дела С<удорожного> не определенны, — он еще не знает, что будет с повестью <"Веселый двор">, которую он отдал в "Заветы". Оттуда что-то не отвечают. "Вестник Европы" молчит насчет "Суходола". Написаны еще две вещи — рассказ "Захар Воробьев" и повесть "Грушка". Куда пристроится "Грушка" еще неизвестно, а "Захар Воробьев" будет в сборнике "Знание". По прочтении его Г<орький> сказал: "Об этом ни слова никому не говорить. Это пойдет ко мне". Чтение было вчера, когда к нам вечером неожиданно пришли гости: Г<орький>, В.С.М<?>, М.М.К<оцюбинский> и М.Ф. <Андреева>. В.Н.<Муромцева> с М.Ф.<Андреевой> ушли в № к Чер<емновым>, а мы остались одни. Сна-

чала разговор не вязался — молчали, мычали – и С<удорожный> предложил гостям прослушать его новый небольшой, на полчаса, рассказ. После двух первых страниц Г<орький> сказал: “Это что-то хорошо! Постойте, дайте дух перевести”. Г<орький> был захвачен — “Это великолепно! Какие люди у нас бывают!” Мих.М.<Коцюбинский> сказал, что рассказ прекрасный, “он словно пропитан ржаным запахом”. В.С. тоже хвалил, но особенно много и долго, несколько раз возвращаясь к теме, хвалил Г<орький>. Даже дорогой, пока мы провожали его до дома, он продолжал говорить о рассказе. Он шел отдельно с И.А. <Буниным> и был как-то особенно нежен, ласков и интимно-мягок с ним. Он очень любит, когда говорят о больших людях, героях. При прощании с Г<орьким>, уже у самого спуска на тропинку, ведущую к его даче, И.А.<Бунин> сказал, что должно быть, уже поздно, “Вам спать надо, А.М., как вы мало думаете о своем здоровье”. – Я теперь не буду спать. Я не засну. <...> На этих днях сюда приезжал на яхте богача Тер<ещенко> Ф.И.Ш<аляпин>. <...> Сейчас мы с В.Н.<Муромцевой> переводим “Признания” Ламартина. Г<орький> очень хочет издать эту вещь (действие романа Л<амартина> происходит на К<апри>) и очень торопит нас с переводом. <...> С<удорожный> хочет, чтобы я переводил “Диралапера” Купера (и Г<орький> тоже). Я уже начал перевод. Все втроем занимаемся итальянским языком с проф. Мессанелли, рекомендованным М.Ф.<Андреевой>. С<удорожному> уже надоело это занятие и он говорит, что он не сможет ничему научиться. <...> Жизнь мы ведем такую же, как и в Г<лотово>. Гуляем каждый день три раза. С нами всегда Ч<еремнов>, бывает весело».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 33–36.

Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

См.: 1 (14) февраля 1912, четвертая запись.

Бунин спрашивает в открытке Е.И.Буковецкого и П.А.Нилуса об их планах на лето и добавляет:

«Живем по-прежнему — в работе. Я написал еще рассказ — развратный <“Игнат”>. Петр, что же твои повести и роман? <...>

Петр, спасибо за П.Н.Муромцева. Как его дело?»

Письма (*2*). С. 211–212.

П.А.Нилус пытался помочь П.Н.Муромцеву поступить судовым врачом на корабль.

Февраль, 8 (21). Бунин в гостях у А.М.Горького читает повесть «Суходол».

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «И.А. читал свою повесть “Сух<одол>” у Г<орького>, которую он в этот вечер только что закончил и перечел в переписанном на машинке виде. Читали в столовой. При чтении присутствовал Коц<юбинский>. Повесть очень понравилась и Г<орькому> и К<оцюбинскому>, сравнившему ее со “старинным гобеленом”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 129.

М.М.Коцюбинский в письме к А.И.Аплаксиной от 9 (22) февраля замечает: «Бунин читал свою повесть “Суходол”, которая будет напечатана в “Вестнике Европы”. Очень красиво написанная вещь, хотя философия ее для меня неприемлема, и мы вчера долго, до 2-х часов ночи спорили».

Летопись Горького. Т. 2. С. 254.

В.Н.Муромцева пишет П.А.Нилусу 9 (22) февраля, выражая благодарность за хлопоты по устройству ее брата П.Н.Муромцева судовым врачом, а также пишет: «Ян вчера читал у Горького свой “Суходол” <...> с большим успехом. <...> Мысль об Японии не покидает нас».

Письма (*2*). С. 213.

В.С.Миролюбов посылает Бунину телеграмму:

«Вернулся из Парижа болен деньги получены но должен объяснить положение буду через несколько дней на Капри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3258/6 оф.

Бунин возмущенно пишет Ю.А.Бунину о положении журнала «Заветы» и публикации там его рассказа «Веселый двор»:

«Ты меня зарезал! Зачем не взял тогда рукопись, зачем поверил? Нынче телеграмма от Миролюбова: “Вернулся из Парижа, болен, деньги получены, но должен объяснить положение, буду через несколько дней на Капри”. — Опять брехня, проволочка — и журнал, верно, откладывается. Буду ждать ровно два дня. <...> мне до зарезу деньги нужны».

Письма (*2*). С. 212.

Бунин пишет Н.С.Клестову:

«...Ваши цифры очень заманчивы. Все шансы за то, что буду у Вас издавать свой новый том. Очень прошу Вас — попросите для отд<ельного> издания роман у П.А.Нилуса (Княжеская, 27). Это во многих отношениях истинно прекрасная вещь».

Письма (*2*). С. 212.

В письме П.А.Нилусу Бунин советует ему попытаться издать его роман в «Издательстве товарищества писателей», с чем обратиться к Н.С.Клестову.

Письма (*2*). С. 212.

Из конторы журнала «Всеобщий ежемесячник» пишут Бунину:

«По имеющимся в конторе “Всеобщего ежемесячника” записям, сделанным на основании заявления г. Сакера, Вам за рассказ “Сверчок” причиталось 300 руб., каковая сумма и была переведена. О том же, что г. Сакер условился с Вами 600 руб. за 40000 букв, конторе “Всеобщего ежемесячника” ничего неизвестно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 268.

Февраль, 10 (23). На Капри приезжает В.С.Миролюбов, встречается с Буниным и ведет переговоры по поводу публикации его повести «Веселый двор» в новом журнале «Заветы», выход которого задерживается.

См.: 11 (24) февраля 1912, первая запись.

Бунин посылает в редакцию газеты «Русское слово» телеграмму, спрашивая в ней — возьмут ли они для публикации повесть «Веселый двор».

Телеграмма неизвестна. См.: 11 (24) февраля 1912, первая запись.

В петербургской газете «Живое дело» (№ 4. С. 1) в объявлении о подписке в списке участников значится имя Бунина.

Произведения Бунина в газете не печатались.

Февраль, 11 (24). Бунин сообщает Ю.А.Бунину в письме:

«Приехал вчера Миролюбов. Привез 1000 р., но говорит, что журнал <“Заветы”> выйдет или в апреле или в октябре. На октябрь я решительно не согласен, а апрель под вопросом для него самого. Денег не взял я. Ответа прямого не дал — сказал, еще подумаю, а сам послал телеграмму в “Русское слово”, спрашиваю, возьмут ли повесть в 2 листа. Но зарезал нас Миров».

Письма (*2*). С. 213.

П.А.Нилус сообщает Бунину из Одессы:

«Не писал тебе, рассчитывая, что ты на отлете в Египет — Японию, по той же причине не послал рассказа (стр. 25, печатных) <...>. Написал еще один рассказ такой же величины и один маленький. <...> Что будет с романом, куда его подкинуть, неизвестно. <...> Приехал из Египта Ценовский».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 22–23.

Февраль, 12. В читинской газете «Забайкальская новь» (№ 1334. С. 2) печатается статья М.Алексеевича «Литературные отголоски», посвященная разбору № 1 журнала «Современный мир».

Критик, в частности, пишет: «“Хорошую жизнь” Ив.Бунина нельзя признать удавшимся рассказом. За последнее время в литературе получает все большие и большие права гражданства новая форма рассказа, когда этот последний ведет одно из главных действующих лиц. <...> Такая форма художественных произведений представляет большие преимущества писателю с чисто технической стороны, облегчая работу. Но при такой форме произведения, без сомнения, много теряют со стороны художественных достоинств. Кроме того, автору приходится подделываться под речь, язык того героя, который ведет рассказ.

Очевидцами всего этого мы и являемся в “Хорошей жизни” Бунина. <...> Повествование героини о том, чем она была и чем стала обесцветили рассказ, лишили его художественности. Мало того. В речи героини часто чувствуются фальшивые ноты».

В «Московской газете» (№ 175. С. 5) в рубрике «Книга» (без подписи) сообщается:

«И.А.Бунин выпускает собрание своих сочинений.

На днях выходит, в издании “Московского книгоиздательства”, первый том <“Перевал”>, в котором собраны рассказы и повести, касающиеся преимущественно современной деревни.

По последним сведениям И.А.Бунин собирается с о. Капри переехать в Рим. Им закончены три новых произведения. В марте писатель предполагает возвратиться в Москву».

В газете «Полтавская речь» (№ 255. С. 2) помещается обзор «Из журналов». Подпись: П.М-н.

Рецензент отмечает: «Жуткой темнотой заблудившейся, не видавшей света души веет от рассказа Ив.Бунина “Хорошая жизнь” (“Современный мир”). Повествование ведется от имени и в духе городской мещанки Жоховой, добившейся путем унижений, обманов и преступлений “хорошей жизни”, т.е. материального достатка. <...> И на старости нет ни сомнений, ни раскаяния».

Февраль, 14 (27). В.С.Миролюбов вновь встречается с Буниным и уговаривает его оставить повесть «Веселый двор» в журнале «Заветы», вручив писателю гонорар за нее.

Бунин заключает с В.С.Миролюбовым договор о публикации повести «Веселый двор» в журнале «Заветы» и получает по нему 2500 лир.

В договоре говорится: «В случае, если журнал “Заветы” в апреле не выйдет, то я имею право повесть свою взять из редакции “Заветов” и печатать где мне угодно, а вышеозначенные деньги должен В.С.Миролюбову возвратить не позже 1 апреля сего года (старого стиля)».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3429/4 оф.

См.: 15 (28) февраля 1912, первая запись.

Бунин посылает И.А.Белоусову три стихотворения «Лимонное зерно» («В сырой избушке шорника Лукьяна...»), «Дворецкий» («Ночник горит в холодной и угрюмой...»), третье не установлено — одно из трех: «Вечер» («О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»), «Криница» («Торчит журавль над шахтой под горой...»), «Памяти» («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...»), для журнала «Путь» и пишет ему, извиняясь за молчание:

«Писал как каторжный. <...> Мы, повторяю, по-прежнему. На острове все весна, а мы все за работой. Сейчас хочу отдохнуть, — поехать в Рим, что ли. <...> Посылаю тебе 3 стиха. Хочешь? Для тебя по-прежнему — целковый. Только стихи эти войдут во 2-ое изд. моего VI тома — издает Блюм <Г.Г.Блюменберг>. Выйдет том этот, верно, в апреле или мае. Посему — помещение в апреле. <...> А новостей у нас нет. Был Шаляпин — вот и все. Да написал я порядочно — и много похвал заслужил, читал у Горького. <...>

Если очень испугаешься “подштанников” (в стихах-то), то замени: В одном белье и ветхом сюртучке.

Но если можно, ради Бога, не меняй. Я сам за себя отвечу. Ведь это чудесный образ!»

Письма (2). С. 213–214.

Бунин благодарит в письме Н.С.Клестова за присланный гонорар за рассказ «Ночной разговор».

Письма (2). С. 214.

Бунин пишет Н.Д.Телешову по поводу издания своих книг в «Московском книгоиздательстве»:

«Дорогой, я просто в отчаянии. Что же делает со мной Блюм <Г.Г.Блюменберг>? Даже и первая книга еще не вышла! А ведь их три. И для всех трех материал послан. Поторопи их. И тысячу раз прости за беспокойство. Живем по-прежнему. Я все писал».

Письма (2). С. 214.

Речь идет о книгах: «Перевал и другие рассказы» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), «Стихотворения 1903–1906 гг. Манфред. Байрона» (2-е изд., доп. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912). См.: 8 (21) ноября 1911, вторая запись.

Ф.И.Благов в телеграмме извещает Бунина о повести «Веселый двор»:

«Сегодня видел повесть как ни горько но вынужден отказаться технически нельзя печатать в газете ибо надо чтобы делилось по 400 или 500 строк в повести первая глава 1120 строк то есть целая газетная страница вторая глава 1300 строк больше страницы очень прошу другую не больше как три фельетона по 400 строк привет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/3 оф.

Бунин посылает телеграмму в редакцию журнала «Русская мысль», предлагая к публикации повесть «Веселый двор».

Телеграмма неизвестна. См.: 15 (28) февраля 1912, третья запись.

Бунин начинает письмо Ю.А.Бунину, вновь излагая сложившуюся ситуацию с публикацией повести «Веселый двор» в журнале «Заветы» и сообщая об отказе напечатать ее в газете «Русское слово» и своей телеграмме в журнал «Русская мысль».

Письма (*2*). С. 214–215.

В газете «Киевская мысль» (№ 45. С. 2) публикуется статья Л.Войтоловского «Журнальное обозрение».

Рецензент, в частности, пишет: «Типичным мещанским бытом дышит рассказ “Хорошая жизнь” Ив.Бунина. Рассказ так и ведется от имени типичной представительницы мещанства — “удачливой” лавочницы Насти. Жадность, бессердечие, утробный эгоизм проявляются здесь в таком крутом и неподкрашенном виде, что отрицание, которое невольно охватывает читателя, носит трагический характер. <...> Прекрасное художественное впечатление оставляет колоритный, замечательно выдержанный язык, полный метких словечек и оборотов».

Февраль, 15 (28). Бунин заканчивает письмо Ю.А.Бунину, сообщая:

«Миролюбов был вчера у меня. Всучил-таки деньги. Уверяет, что много шансов за то, что журнал выйдет в апреле. Прилагаю условие, написанное нами». По поводу своего предложения журналу «Русская мысль», пишет: «ведь я не говорил, какую повесть предлагаю, скажу, что “Грушку” — я написал такую — и пошли эту “Грушку” “Рус<ской> мысли”.

Дал для “Знания” рассказ “Захар Воробьев” — около листа, рассказ, имевший большой успех, и должен получить завтра с Пятницкого 415 р. Денег у меня теперь порядочно. Завтра же надеемся выехать с Капри в Неаполь. Куда дальше — решим в Неаполе <...>. Читал “Ночной разговор”? Кажется, хорошо вышло. А что Игнатов написал? <...>

Письмо от Маши — грустное. Просит денег. Пошли ей из моих 25 р. <...> Жду депеши от Овсяника, когда пойдет “Суходол”. Ведь я тебе писал — “Шиповник” отказался, говорит — опоздали. <...>

Страшно были рады твоему большому письму <неизвестно>».

Письма (*2*). С. 215.

См.: 1 (14) февраля 1912, четвертая запись.

Бунин просит в письме Н.Д.Телешова:

«Дорогой, вчера видел объявление “Мос<ковского> к<нигоиздатель-ст>ва” о моих книгах. Заглавие 6-го т. они делают такое: «“Беден бес” и др. рассказы. — Стихотворения таких-то лет». А я книгу озаглавил наоборот — сперва идут стихотворения. Если обратятся к тебе, разреши перевернуть. Вообще — делай со мной что хочешь».

Письма (*2*). С. 216.

Книга вышла под заглавием «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.».

В.Я.Брюсов пишет Бунину из Москвы:

«Прежде всего благодарю вас за память обо мне и о “Русской мысли”. Мне очень дорого, что вы не забыли ни меня, ни ее, блуждая по Италии, где можно легко забыть многое. <...>

Так, к моему большому сожалению, я вынужден возобновить наши переговоры о размере гонорара. Я помню, конечно, что первый обратился к вам с просьбой о сотрудничестве. <...> Ваши условия — 1000 руб. за два листа (а, судя по вашей телеграмме, в вашем рассказе будет более двух листов) для журнала крайне тяжелы. Он буквально *не может* оплачивать свой материал таким гонораром. <...> Мне хочется надеяться, что вы на своих условиях настаивать не будете. <...>

Наконец, я принципиально считаю невозможным принимать для журнала какую бы то ни было рукопись, не ознакомившись с ней предварительно. Как я ни уверен в том, что каждое ваше новое произведение будет обладать обычными достоинствами того, что вы пишете, я все же не могу взять на себя обязательство напечатать его с закрытыми глазами. Мне кажется, что иначе поступать редактор не имеет нравственного права. Итак, раньше всего мне необходимо ваш рассказ *прочесть*».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 462–464.

Капитан парохода О.Пенувман сообщает Бунину в письме из Одессы расписание своего рейса с 1 марта по 2 мая и пишет:

«Буду очень рад, если Вы пойдете на моем пароходе, а что можно будет сделать вообще для Вашего удобства, будет сделано мною».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 178.

Выходит № 11 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 461–464) помещается статья «Звериный лик. (Новые рассказы Ив.Бунина и Ф.Сологуба)». Без подписи.

Критик пишет о рассказе «Ночной разговор»: «В этом рассказе рисуется “звериный лик” русского крестьянина так просто и в таких тонах и контурах, что при чтении его душа содрогается от ужаса. <...> <Он> леденит душу своею зоологическою жестокостью, жестокостью слепого, не думающего и не соображающего инстинкта».

Февраль, 16 (29). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников в сопровождении А.М.Горького совершают прогулку на лодке.

См.: 17 февраля (1 марта) 1912, вторая запись.

Февраль, 17 (Март, 1). В 12 часов Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников завтракают в гостях у А.М.Горького.

В 3 часа дня Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников отправляются с Капри в Неаполь; их провожают А.М.Горький, Е.П.Пешкова, М.А.Пешков и М.М.Коцюбинский.

См. счета отеля «Квисисана» — ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/19 оф, 2945/20 оф, 2945/21 оф, 2945/35 оф, 2945/38 оф, 2945/36 оф, 2945/33 оф, 2945/34 оф, 2945/37 оф, 2945/60 оф.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, первая запись.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину с Капри: «Сегодня в три часа дня едем в Н<еаполь>. Куда дальше — неизвестно. <...> В 12 часов идем на прощальный завтрак к Г<орькому>. С нами едут Ч<еремновы>, старуха и ее приемный сын, поэт. Они страшно к нам привыкли и не хотят оставаться на К<апри> одни. Вчерашний вечер провели у Г<орького>. Было очень приятно и сам он обворожителен. <...> вчера мы (Г<орький>, И.А.<Бунин>, В.Н.<Муромцева> и я) заплывали на лодке в Лаз<урный> грот. Лодочник рассказывал (знакомый Г<орького>, он сам его и нанимал нас везти), в этом гроте пел Ш<аляпин>, стоя в лодке. <...> В.Н.<Муромцева> и я очень хотим пожить хоть несколько дней в Н<еаполе>, посмотреть там музеи и картины, но, боюсь, что С<удорожного> туда не затащить. Он не может оставаться в музеях больше получаса; говорит, что бывать там бесполезно, так как все равно запомнить ничего нельзя. А потому, накрыв голову носовым платком, “голова отмерзает” и черной шапочкой, он буквально пробегает по залам».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 37–38.

Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

Вечером Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников прибывают в Неаполь; останавливаются в отеле Хеслера.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 130.

Февраль, 18 (Март, 2). В Неаполе Бунин с Н.А.Пушешниковым посещает пароходные агентства, дважды приезжает в порт, обсуждается план дальнейшего путешествия.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 130–131.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, первая запись.

Февраль, 19. В иркутской газете «Голос Сибири» (№ 334. С. 2) публикуется статья «По журналам. (“Современный мир”, № 1. Январь 1912 г.)». Подпись: Мих. М-в.

Критик пишет: «“Хорошая жизнь” — назвал Ив.Бунин свой замечательно художественный, полный бытовыми и психологическими штрихами рассказ. <...>

Автор так сумел логически и последовательно развить события, что все они происходят как-то неизбежно, как будто иначе и быть не должно, и даже не сердится на эту нравственно-уродливую женщину. <...> Образно, типично и колоритно развертывает Ив.Бунин жизнь этой “сильной и крепкой” героини “первоначального накопления” и как-то незаметно увлекает читателя своим монотонным, но отнюдь не скучным языком, от которого веет чем-то родным, близким и бесконечно знакомым».

Февраль, 19 или 20 (Март, 3 или 4). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников посещают монастырь Сан-Мартино; могилу П.М.Вергилия.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, первая запись.

Февраль, 21 (Март, 5). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников покидают Неаполь и едут в Бриндизи, куда прибывают поздно ночью.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, первая запись.

И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы на бланке редакции журнала «Путь»:

«Милый мой и дорогой друг мой. Получил твои стихи и говорю, — спасибо. Только прими мой дружеский совет: не печатай ты первого стихотворения из “Цикла”, т.е. — “Лимонное зерно”. Не хочется мне, чтобы твое имя стояло под ним. Может быть, ты не согласишься со мной, но я говорю это, любя тебя крепко.

Теперь: когда напечатать твои стихи? Мне хотелось бы поместить их в твой юбилей, т.е. в мае, но это с условием, если ты не пришлешь мне твоих юношеских рассказов, которые обещал дать. <...> когда точно твой 25-летний юбилей. Справлять его, конечно, едва ли возможно, но я бы поместил о тебе статью. Я уже говорил об этом с Сергеичем — Глаголем».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 311, л. 3.

Февраль, 22 (Март, 6). Ночью Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников на пароходе «Карниолия» отбывают в Грецию.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, первая запись.

Февраль, 23 (Март, 7). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников прибывают в Патрас, откуда по железной дороге приезжают в Афины. Останавливаются в отеле «Англетер». Вечером осматривают город.

Бунин сообщает Ю.А.Бунину в открытке:

«Мы в Афинах. Куда дальше — еще не решили. Главное — чувствую себя неважно».

Письма (2). С. 216.

Февраль, 24 (Март, 8). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников едут к Акрополю, посещают могилу Сократа.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 140.

В письме Бунин извещает В.Я.Брюсова, что получил его телеграмму (неизвестна):

«Письмо Ваше получу, верно, нескоро, ибо и Афины покидаю завтра. Не знаю, что в нем. Думаю — уклоняетесь от повести, находите слишком дорогим ее помещение в “Р<усской> м<ысли>”. Да будет так».

Письма (2). С. 216.

Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петербурга:

«...наглость Ефрона не имеет пределов, еще 16-го января я сообщил конторе, что Вам, кроме высланных 300 руб., причитается еще 67 р. 50 к., которые и просил Вам переслать. <...>

Посылаю Вам письма в редакцию “Речь”, помещенные 19 и 22 января и которые, б.м., Вам были неизвестны».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 194, л. 1–2.

См.: 7 января 1912, вторая запись.

Выходит № 8 петербургского журнала «Запросы жизни», в котором (стб. 489–496) публикуется статья М.Неведомского «О “новом” Максиме Горьком и новой русской беллетристике».

Критик, в частности, пишет: «Горький <...> первый начал писать о русской деревне, как бы обращая взоры своих собратьев по перу именно в эту сторону: в самом деле, вопрос, что представляет теперь наша деревня? <...> — вот вопрос кардинальный, вопрос бесконечной важности. <...> В прошлом году появилась серьезная работа И.Бунина — большая повесть “Деревня”, представляющая именно попытку выяснить отмеченный мною кардинальный вопрос. Будем верить, что примеру Бунина последуют и другие художники» (стб. 492).

Февраль, 25 (Март, 9). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников посещают музей.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину из Афин: «Мы уже третий день в Афинах. <...>. Провожали нас сам Г<орький>, К.П.<Пешкова>, М<аксим> и К<оцюбинский>. Прощание было трогательное, отплывая от парохода на лодке все они махали шляпами. Г<орький>, щурясь от солнца, <...> все время смеялся. В последнее время он был крайне мил, и Ив.А.<Бунин> сказал, что ему очень грустно с ним расставаться. – В Н<еаполе> мы пробыли трое суток. В первый день мы с ним до самого вечера ходили по пароходным агентствам и были два раза в порту, где осматривали океанские пароходы, отходящие в дальнее плавание. (Это ведь его пункт помешательства). После бесконечных споров, доводящих до полного изнеможения, о том, куда плыть и куда ехать, возвращаться ли в Россию или, напротив, пуститься в далекое плавание куда-нибудь на Канарские острова или на Таити или плыть в Африку на громадном английском пароходе (“хорош домовой!”) Керрис брук-Кесл, решили, наконец, боясь слишком поспешного решения и неясности финансовой <...>, ехать через Афины и Константинополь в Россию. На четвертый день утром выехали в Бриндизи. <...> В Б<риндизи> приехали поздно ночью. Хотели было здесь переночевать, но гостиница оказалась так сыра и холодна, что мы легли в постели с грелками, С<удорожный> не мог заснуть, его давил кошмар, он кричал, и он неожиданно решил отсюда уезжать, тем более, что пароход Австрийского Ллойда “Карниолия” отходил в Грецию (в Патрас) в ½ третьего ночи. Мы наскоро уложились, выпили кофе и пошли с портье на пристань (отель на набережной). В гостинице с нас все равно содрали за целые сутки, что в высшей степени возмутило С<удорожного>. На пароходе он почувствовал себя плохо, у него поднялась температура до 37,7, и мы прибегли к обычному его методу лечения, т.е. спустились в ресторан и начали глушить коньяк и кофе. Просидели в ресторане до 4 часов. Потом В.Н.<Муромцева> дала С<удорожному> хинин и растерла его камфарным спиртом. <...> На другой день С<удорожный> почувствовал себя гораздо лучше. Здесь, в Афинах, погода прекрасная, жаркая, деревья распускаются, так что С<удорожный> ожил и собирается ехать в Японию. Я туда не поеду и, вероятно, вернусь в Россию, хотя С<удорожный> меня упрашивает, говоря, что “деньги — это вздор! Стой при мне, не будешь в говне!” Впрочем, я не особенно верю, что это плавание состоится. <...> В.Н.<Муромцева> настаивает на этой поездке.

Завтра мы уезжаем отсюда в Константинополь, а оттуда в Одессу. В Н<еаполе>, между прочим, мы были в монастыре Сан-Мартино, в Пуццоли и на могиле Виргилия. Вечером ездили с С<удорожным> на Вомеро искать В., но не нашли. Освещение тут очень плохое, № на домах нет, на нас напали собаки, кто-то стал стрелять, и мы бросились бежать; задыхаясь от пыли, мы добежали до какого-то маленького кабачка над обрывом — под нами раскинулся весь Н<еаполь>, в огнях, и море в лунном свете — где просидели до часу ночи, пия вино и услаждаясь сигарами.

В Греции очень хорошо. <...>

Мы ездили к Акрополю (это, действительно, несравненно), видели могилу Сократа, были в музее».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 21–26.

Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

Бунин пишет Ю.А.Бунину, что подробно ему напишет В.Н.Муромцева:

«Положение, как видишь, бамбуковое».

Письма (*2*). С. 216.

В.Н.Муромцева, продолжая это письмо Ю.А.Бунину, сообщает: «...мы пропустили “Ярославль”, на котором хотели плыть в Японию. <...> И вот мы опять в нерешимости: сегодня мы идем в Константинополь и должно быть дождемся там “Екатеринослава”. И тогда решим. <...> Возвращаться в Россию ужасно рано, как раз март, месяц, когда легче всего простудиться, даже в Одессе, а Ян что-то уже очень легко схватывает насморк. Да и обидно ему ограничиться Капри, где он работал, не покладая рук <...>.

Еще новое волнение доставил Овсянико-Куликовский. “Суходол” пойдет лишь осенью. А Ян хотел осенью выпустить новую книгу своих рассказов, что без “Суходола” невозможно. Яна это прямо сразило, ибо ранее Д<митрий> Н<иколаевич> писал, что вещь его пойдет немедленно. “Суходол” же ему очень понравился. Он рассыпался в похвалах: “Умно, художественно, захватывающе, много скорби и т.д. и т.д.”. Ян написал ему неопределенное письмо».

К этому месту Бунин делает примечание: «Пишу, что на осень не соглашаюсь, прошу напечатать в мае, прошу сообщить свое решение тебе — ибо я в пути, мне писать некуда».

В.Н.Муромцева в заключение пишет: «Акрополь все так же производит сильное впечатление. Дорога из Патраса в Афины очень интересна».

Письма (*2*). С. 216–217.

Извиняясь за молчание, Бунин пишет А.Е.Грузинскому:

«И не поверишь, как свирепо работал я до последней минуты на Капри! А затем — отъезд в 24 часа из Италии за Добровольного флота пароходом, идущим в Японию — и болезнь в пути: здорово простудился. Принял резкие меры, поправился, но пароход все-таки пропустил. Теперь же и не знаю, что делать <...>. Может статься, что уедем в Одессу, насладившись Грецией.

Об издании книг повторяю то, что уже писал: потолкуем при свидании».

Письма (*2*). С. 217.

Бунин посылает Д.М.Ребрику для книги «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» новую редакцию стихотворения «Прометей в пещере» и пишет ему:

«...среди стих<отворений>, которыми я дополнил свой 6-ой т., есть “Прометей в пещере”. Спешу послать Вам это стих<отворение> в лучшем виде. Ради Бога, не забудьте вырвать и бросить в корзину первую редакцию его и вставить новую, при сем прилагаемую».

Письма (2). С. 218.

О стихотворении «Прометей в пещере» Бунин также пишет Н.Д.Телешову:

«Нынче я его поправил и посылаю Ребрику новый вариант. Последи, дорогой, чтобы не напутали».

Письма (2). С. 218.

В 4 часа дня Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников уезжают из Афин в Пирей, откуда вечером на пароходе отправляются в Константинополь.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 141–142.

Февраль, 26 (Март, 10). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников прибывают в Константинополь.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л.

См.: 25 февраля (9 марта) 1912, вторая и шестая записи.

Февраль, 27 (Март, 11). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников на пароходе отправляются из Константинополя в Одессу.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 143–144.

Выходит в свет сборник «Издательское товарищество писателей. Сборник первый» (СПб., 1912), в котором (с. 75–100) публикуется рассказ «Ночной разговор».

См. объявление в «Московской газете» (27 февр. (№ 177). С. 5) о выходе сборника в рубрике «Книга», а также следующую запись.

В московской газете «Руль» (№ 339. С. 2) помещается статья «Первый художественно-литературный сборник т-ва писателей». Подпись: Н.К.

Рецензент пишет: «В выходящем сегодня сборнике т-ва писателей нет злободневных “громких” имен; но есть то, что называется ансамблем». Далее о рассказе «Ночной разговор»: «Рассказ этот, конечно, возбудит немало нареканий и споров. Это и понятно! Народ еще долго будет занимать существенное место в мировоззрении русской интеллигенции. Художник показывает нам такую правду современной деревни, от которой становится положительно страшно. Рассказ снова поднимает вопрос о границах субъективного и объективного творчества; но в конечном счете важно только одно: знает ли Ив.Бунин деревню? А в этом вряд ли кто будет сомневаться».

В московской газете «Столичная молва» (№ 231. С. 5) публикуется статья Н.С.Клестова (?) «Литературно-критические заметки. (О художественно-литературном сборнике т-ва писателей)». Подпись: Н.К-ов.

Рецензент отмечает: «В сборнике нет “гвоздей”, нет т.н. громких имен, под прикрытием которых вошло в обычай для оправдания расходов брать “на затычку” всяческий литературный хлам. <...>

Мужики в новом рассказе И.Бунина (“Ночной разговор”) так же одичалы и озверелы, как и в нашумевшей того же автора повести “Деревня”. Идиотизм сельской жизни, — вот что можно сказать о мужиках и деревне Ив.Бунина. “Ночной разговор”, несомненно, вызовет много толков в печати и в обществе. Опять будут говорить о “субъективной правде” Бунина, об однобоком воспроизведении деревни, но вряд ли кто станет отрицать, что Ив.Бунин действительно *знает* народ, как, пожалуй, никто из ныне пишущих о народе; вряд ли кто станет отрицать, что Бунин искренен и правдив.

“Ночной разговор” написан превосходным русским языком, точным, образным, сильным. Нет этого неприятного нагромождения народных выражений и слов, чем так любят щеголять многие пишущие о народе, ошибочно полагая, что чем больше они запишут “подслушанных” разговоров — тем лучше».

Февраль, 28. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым возвращается из-за границы в Одессу. Останавливаются в гостинице «Лондонская» (Николаевский бульвар, 11).

См. счет гостиницы — ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/24 оф.

О своем прибытии в Одессу Бунин сообщает телеграммой Ю.А.Бунину.

Письма (2). С. 218.

Февраль, 21...28. Выходит в свет сборник «Антология современной поэзии» (Сост. Ф.М.Самоненко. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1912. Чтец-декламатор, т. IV), в котором (с. 480–491) помещаются стихотворения Бунина: «В порту» («Огромный, красный, старый пароход...»), «Проводы» («Забил буграми жемчуг, заклубился...»), «Трон Соломона» («На письмена исчезнувших народов...»), «Ночью в июле» («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...»), «Бессмертный» («Ангел Смерти в Судный День умрет...»), «Гробница Софии» («Горный ключ по скалам и оврагам...»), «Могила поэта» («Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов...»), «После битвы» («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...»), «Новый год» («Ночь прошла за шумной встречей года...»), «Балагула» («Балагула убегает и трясет меня...»), «Пугач» («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...»), «С обрыва» («Стремнина скал. Волной железной...»), «Сентябрь» («Уж подсыхает хмель на тыне...»), «Портрет» («Платан, часовенка над склепом...»), «Рыбалка» («Вода за холодные серые дни в октябре...»), «На даче» («Луна еще прозрачна и бледна...»), «Русская весна» («Скучно в лощинах березам...»), «Дюны» («За сизыми дюнами — северный тусклый туман...»), «Мертвый час» («Проснулся я внезапно, без причины...»), «В плавнях. Сонет» («Там, на припеке, спят рыбацкие ковши...»), «Христос» («По алтарям пустым и белым...»), «Колдун» («В мелколесье пело глухо, строго...»).

Выходит в свет т. 15 Собрания сочинений А.В.Амфитеатрова (СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1912), в котором (с. 262–330) помещается статья «Родионовщина».

Данная статья опубликована ранее. См.: февраль 1911, третья запись.

Границы событий определены по: *Книжная летопись*.

Февраль, 29 (Март, 13). В.С.Миролюбов пишет Ю.А.Бунину из Италии по поводу публикации повести Бунина «Веселый двор»:

«В условии, которое мы написали с Иваном Алексеевичем относительно рассказа “Веселый двор”, значится, что я должен известить его о том, что журнал в апреле не выйдет, не позднее 5-го, т.е. 18 марта. Боюсь, что 5-го мне это сделать будет невозможно и я прошу у Вас отсрочки, т.е. до 12-го — 25-го марта. Надеюсь, что я извещу Вас телеграммой ранее 12-го, но позже 5-го. Будьте добры, подождите пожалуйста».

Письма (*2*). С. 606–607.

Март, 1. На «четверге» южнорусских художников Бунин читает рассказ «Захар Воробьев».

Газета «Одесский листок» (3 марта (№ 52). С. 3) в заметке «Новый рассказ И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «На последнем “четверге” южнорусских художников академик И.А.Бунин прочел свой новый рассказ “Захар Воробьев”. Рассказ вызвал у слушателей бурные восторги и, по их отзывам, является одним из лучших произведений И.А.Бунина».

В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину из Одессы 3 марта: «Заграничная наша поездка окончилась немного ранее, чем мы предполагали и хотели. Причин несколько: первая – до последней минуты идти в Японию, поэтому мы рано выехали из Неаполя и Капри, вторая — начало простуды Яна в Бриндизи и астматические приступы Коли <Пушешникова>; третья — очень сильная астма у него же при переходе из Афин в Константинополь, она помешала нам остаться на неделю на две в Констан<тинополе>, а заставила сейчас же сесть на уходящий в Одессу русский пароход. <...> Ян по-прежнему нездоров. <...> Поэтому ехать в Москву неразумно. Сначала я было хотела сейчас же уехать в Москву, но теперь решила остаться на месяц; пусть Ян войдет снова в рабочую жизнь, мы найдем дачу и тогда через месяц я приеду в Москву. Относительно Яна еще не решено: быть может, он совсем не поедет в Москву. <...> В Одессе мы уже были на “Четверге”. Ян читал свой последний рассказ “Захар Воробьев”, в газетах написали, что он имел шумный успех».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3236 оф.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину из Одессы 3 марта: «Вот уже несколько дней как мы в О<дессе>. Остановились в Л<ондонской> г<остинице>. Из Афин отплыли в Конст<антинополь>, где думали провести несколько дней, но по дороге, на пароходе, у меня началась астма, и мы (боялся С<удорожный>) решили поскорее добраться до дому. <...> С<удорожный> снял два номера, для себя и для В.Н.<Муромцевой>, с пансионом. Думает пока жить здесь, а лето на даче. Чувствует С<удорожный> себя не особенно хорошо. Говорит, что работал много, а впечатлений получил мало, и пропал сезон для путешествия. А посему — сживает со света и меня и В.Н.<Муромцеву>. <...>

Вообще же мы живем хорошо. Был я на “четверге” у художников, где С<удорожный> читал свой рассказ “Захар Воробьев”. Успех был большой. После чтения завязался спор. С.Ю<шкевич> говорил несуразный вздор».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 29–30.

В газете «Одесские новости» (№ 8659. С. 3) печатается интервью А.А.Аренберга «У И.А.Бунина». Подпись: А. Ар.

В интервью Бунин рассказывает о поездке на Капри, встречах с А.М.Горьким, его настроениях и творческой работе, о встречах на Капри с Ф.И.Шаляпиным: «К нему <Горькому> часто наезжают знакомые и друзья. В мою бытность, например, его посетил Шаляпин, внесший своей бодростью, весельем и мощью много оживления.

– Ведь после известного инцидента с Шаляпиным отношения между ним и Горьким несколько изменились?

– Да, на Горького, как и на многих других, случай этот произвел тяжелое впечатление. Трудно было объяснить известный шаг Шаляпина. Прибыв, однако, на Капри, Шаляпин сумел доказать, что вся кампания против него – плод сплошного недоразумения, что он прежний, нисколько не изменившийся Шаляпин. И виноват он лишь в том, что слишком близко принял к сердцу нужды хора...

Кстати, у Шаляпина и Горького возникла интересная мысль – написать оперу о Ваське Буслаеве. Они и меня втягивали в это дело. Вопрос, впрочем, решится с приездом ожидающегося на Капри Глазунова, которому будет, конечно, предоставлена самая ответственная работа. О своем участии в этой затее я пока сказать ничего не могу. А дело интересное! <...> Я все время пребывания на Капри особенно интенсивно работал. Написал повесть “Веселый двор”, которая будет напечатана в “Заветах”, еще две другие повести и несколько рассказов. <...> Прибыв в Одессу, я полагал отсюда поехать отходящим завтра пароходом в Японию. Но чувствую себя плохо, и решил путешествие в Японию отложить».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 433.

Имеется в виду инцидент 6 января 1911 г. на премьере «Бориса Годунова» в Мариинском театре (где присутствовал Николай II), когда в конце 3-го акта хор встал на колени, таким образом пытаясь просить царя увеличить им жалованье; вместе с хором растерявшийся Шаляпин невольно принял участие в этой акции, встав на одно колено.

В газете «Одесский листок» (№ 50. С. 2) помещается интервью Н.А.Пересветова «Наши беседы. У И.А.Бунина». Подпись: Н.П.

В интервью Бунин сообщает, что «о толках, вызванных его последней повестью “Ночной разговор”, <...> ничего не знает, но он предполагал возможными различные обостренные суждения на этот счет, так как в “Ночном разговоре” краски еще гуще, нежели в “Деревне”. <...>

– Я пишу то, что вижу, – сказал он. – Я вырос в деревне, сам являюсь помещиком средней полосы России и в своих сочинениях изображаю наблюденную правду. Я полагаю, что уже прошла та пора, когда о мужике говорили, а иногда и нужно было говорить, его идеализируя. О деревне пока

у нас было написано очень мало трезвого. Кающиеся дворяне, разночинцы принесли в литературу прикрашенность Антона Горемыки. Лучшими знатоками крестьянства были Николай Успенский и Эртель, но первый погубил свой талант, а у второго замечается кое-что от идеализации Тургенева. Я не говорю о Златовратском, этом миннезингере народа. Надломленная душа Глеба Успенского не ко всему в деревне могла подойти объективно, а Л.Н.Толстой искал в народе философского смысла правды, а не быта. <...>

На вопрос о том, как отразились на настроении крестьянства последствия закона 9 ноября — писатель ответил: “Никак”. И.А.Бунин уверен, что в средней России многие даже не знают о существовании этого закона.

Говоря о сфере своих наблюдений, автор “Ночного разговора” сообщил, что впечатления, вынесенные им из общения с крестьянством средней России, судя по литературным данным и слышанному, не находятся в контрасте с существующим на севере и юге. Материал писателя поэтому не имеет областного значения. <...>

Разговор перешел к путешествию, последним пунктом которого явился наш город. Писатель вообще очень много изъездил стран. Остались не посещенными лишь Америка и Австралия. В первую, впрочем, поэта не тянет».

Сообщив далее о своих новых произведениях, готовящихся к печати в журналах, Бунин говорит, что «предполагает провести в Одессе, которую любит и знает, всю весну, а скорее всего и лето (“Надо поработать”, — говорит он)».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 485.

Имеется в виду подписанный 9 ноября 1906 г. царский указ, который предоставлял крестьянам возможность выходить из поземельной общины.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 151. С. 3) публикуется интервью А.С.Ходоровского «У академика Ив.А.Бунина. Беседа». Подпись: Ард.

В интервью Бунин рассказывает о своем путешествии на остров Капри:

«— Не думайте, что я там отдыхал <...>. Наоборот, на Капри я работал даже больше, чем в России. За короткое время написал целый ряд вещей. Очаровательная природа о. Капри удивительно располагает к работе».

Говоря о литературе, писатель отмечает:

«— За границей по-прежнему больше всего увлекаются титанами русской литературы. Как и раньше, всеобщим кумиром является Лев Толстой. <...> В новых произведениях молодых писателей за границей, как и у нас, по-видимому, чувствуют упадок настроения, отсутствие духа живого.... <...>

— Не объясняете ли вы этим и упадок фантазии в творчестве писателей?

— Как вам сказать... Если вы говорите о фантазии настоящей, красивой, естественной, рожденной от цветов земли, то упадок ее несомненный факт. *Поэтического* вымысла, фантазии Толстого, Флобера — нет. На смену пришла вымученная, искусственная выдумка Сологуба etc. *Такой* фантазии даже очень много. Конечно, она — продукт общего упадка настроения. Думаю, что продлится все это недолго. Скоро придет новая, живая струя в литературу, и мы снова обогатимся шедеврами...

От общих разговоров о литературе беседа с писателем перешла вскоре на тему о взаимоотношениях между критиками и критикуемыми. <...>

<Бунин отвечает:> Лично я нахожу, что отношения между критиками и критикуемыми действительно ненормальны. Критики наши слишком неделикатны и часто говорят об артисте, писателе, художнике непозволительно резко. С другой стороны, болезненно самолюбивы и критикуемые. По-моему, все же осторожнее, деликатнее должны были бы быть критики».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 496.

А.М.Горький пишет В.И.Качалову (14 марта н. ст.) с Капри, приглашая его приехать в гости:

«Поживем — славно! И Бунина Ивана тоже заставим пьесу писать, я уже говорил с ним: у него есть превосходная тема, и с Вашими указаниями он бы в месяц славную вещь сделал. <...>

Знаете, — он так стал писать прозу, что если скажут о нем: это лучший стилист современности — здесь не будет преувеличения».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 272.

Н.Д.Телешов пишет Г.Г.Блюменбергу:

«Первые листы 2-го тома И.А.Бунина <«Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (М., 1912)> позвольте возвратить Вам без поправок ввиду того, что И.А. вернулся в Россию, находится в Одессе и, конечно, лучше, чем я, посмотрит корректурные листы.

Пока он был на Капри, я согласился читать корректуру 1-го тома <«Перевал и другие рассказы» (М., 1912)>, так как пересылка листов туда и обратно отнимала бы более двух недель времени <...>.

Посылать листы в Одессу и получать обратно — времени немного. Уверен, что это будет лучше моей проверки».

ГЛМ ОР, ф. 224, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1.

Март, 2. В одесской газете «Южная мысль» (№ 152. С. 5) публикуется ответ Бунина на анкету А.С.Ходоровского «Покушение на свободу критики». Подпись: А.А.

В продолжение разговора о критике во вчерашнем номере газеты, Бунин отвечает:

«— Сейчас представление о критике у широкой публики в России чрезвычайно запутано. С трудом отличают чистую, искреннюю, идейную критику от ее суррогата. К критике известного писателя относятся с таким же доверием, как и к критике никому не ведомого дилетанта. Совершенно не то наблюдается за границей, где одна критика чиста, идейна, а другая ушла в publicité. Но зато там публика уже умеет отличать одну критику от другой; знает, как отнестись к статье Брандеса и какого-нибудь газетного критика бульварной прессы. У нас же публика не знает, что может и чего не должен писать критик».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 500.

См.: 1 марта 1912, четвертая запись.

Начинающий поэт Л.С.Баткис пишет Бунину по городской почте в Одессе:

«Простите мне, Бога ради, мою смелость, вернее назойливость. Но, право, я столько времени ждал удобного случая обратиться к Вам за добрым советом и авторитетным отзывом, что больше ждать не могу. Я пишу стихи давно, а печатаюсь <...> года три. <...> Но я хотел бы узнать Ваше мнение, т.к. Вы – мой любимый поэт (из современников). Ваш “Листопад” люблю за его глубоко русский колорит и напевность. Посылаю Вам три стихотворения моих».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 56, л. 2.

Выходит № 9 петербургского журнала «Запросы жизни», в котором печатается статья Н.И.Коробки «Литературное обозрение. Русская литература».

Критик, в частности, отмечает: «Картины реальной жизни решительно преобладают в последних книжках журналов. Таковы: <...> “Хорошая жизнь” Бунина – в “Современном мире”. В художественном отношении лучшей из этих вещей является бунинская “Хорошая жизнь”. Как отражение современности, более интересны – “Город в степи” <А.С.Серафимовича> и отчасти “Жизнь ушла” <Ю.Безродной в “Русском богатстве”>».

Март, 3. Бунин сообщает телеграммой Н.Д.Телешову, что живет в Одессе в Лондонской гостинице.

Письма (*2*). С. 218.

Март, 4. Бунин сообщает открыткой И.А.Белоусову:

«Я в Одессе, Лондонская гостиница. Напиши».

Письма (*2*). С. 219.

Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, Вера и Коля написали тебе, как мы ехали, как устроились здесь. <...> “Ночной разговор” здесь имеет большой успех. Как в Москве? Ищем дачу. Сообщи, ради Бога, каковы твои планы на лето. Куда едешь? Мы, верно, останемся здесь. Я бы мог поехать с тобой весной в Палестину. Страшно жалко, что не поехал в Японию. Не поехать ли? Пароход отходит 15-го марта. <...> Пиши немедленно. Здоровье мое так себе. Почка побаливает. Врачи советуют посмотреть Рентгеном, что в ней. Я боюсь».

Письма (*2*). С. 219.

См.: 1 марта 1912, третья запись.

В открытке Бунин просит Н.С.Клестова прислать Сборник первый «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912) и спрашивает:

«Напишите, как дела. И очень ли бранят меня за мужиков?».

Письма (*2*). С. 219.

А.Е.Грузинский пишет Бунину из Москвы:

«Милый друг! На днях получил твое письмо из Афин, а вчера узнал, что ты уже в Одессе. По твоему письму сужу, что одно мое послание на Капри (второе) не захватило уже тебя в Италии <...>. Я спрашивал, не уступишь ли для серии моей (Европейские классики) “Каина”. Тираж 6000 экз. <...>

Ответа я прошу немедленного. <...> два тома Байрона должны выйти в течение апреля и мая. <...> Нечего и говорить, что согласием ты очень бы порадовал меня. <...>

Спасибо за “Хорошую жизнь”! Очень любопытный рассказ и мастерски выдержан. Прекрасно написана и последняя вещь в сборнике <“Ночной разговор”>. Митрич <Н.Д.Телешов> вчера много хохотал “из-за козы”. Твой деревенский пессимизм в печати стал отмечаться, как нечто уже установленное и в № 3 “Вестн<ика> Европы” Адрианов говорит мельком о тебе и Родионове, беря всех за общую скобку. Это, конечно, несколько с налету данная характеристика, но материал для нее все же есть в твоих деревенских итогах — все они бьют по одной стороне дела. Он ее не выдумал, но она тебе виднее всех остальных».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 95, л. 8–9.

Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы:

«Только что послал тебе на Капри письмо <неизвестно>, как получил телеграмму твою из Одессы. Я писал тебе о рассказе “Из-за козе” <“Ночной разговор”>. Очень мне нравится, и я тебя хвалил. Но есть и иной взгляд; говорят, что ты глядишь на деревню “взглядом земского начальника”. Чувствуй!

Прислал мне на днях Блюменберг несколько листов твоего 2-го тома со стихами <“Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.”>. Я отправил обратно. Читай сам, раз ты близко. Стихи дело тонкое; что-нибудь пропустишь — иной раз букву одну — всю обедню испортишь. Потом кайся всю жизнь! <...>

Пора бы тебе и самому в Москву. <...> Пока все не разбрелись, надо бы поговорить о товарищеском издательстве».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 609–610.

В казанской газете «Камско-Волжская речь» (№ 51. С. 2) публикуется статья «Критические отклики. Сборник товарищества писателей». Подпись: Эдин.

Критик, в частности, пишет: «Бунин в своем “Ночном разговоре” идет по тому же пути, что и в своей замечательной “Деревне”. Та же здесь простота, то же обаятельное благородство формы, и тот же душу раздирающий крик об ужасе жизни нашей деревни, нашего мужика — крик, выбивающийся из-под полного наружного спокойствия рассказа. И будь иначе написан этот страшный рассказ, его можно было бы объявить вопиющей клеветнической выходкой против мужика, против человека вообще... Но мы бессильны перед неоспоримой и беспощадной правдивостью писателя. Мы содрогаемся от ужаса, но не верить ему не можем. И не можем послать ему упреков в сознательном мучительстве: ведь, так прост, спокоен и — как это ни ужасно! — бесконечно жизненен бунинский рассказ: так он не “нарочен”...» Пересказав фабулу рассказа, критик отмечает: «Сергеев-Ценский и Бунин уже бытописатели. Первый — более сочный и красочный, второй — более сосредоточенный, как-то сурово наблюдающий жизнь; оба глубокие и значительные. <...>

Таков первый сборник “Издательского товарищества писателей”. Блин вышел совсем не комом. <...> А рассказы Сергеева-Ценского и Бунина хороши без всяких “но”. Это настоящее благородное художество, которого так мало в данный момент в нашей литературе».

Выходит № 9 петербургского журнала «Неделя», в котором (с. 139–142) публикуется статья Н.Кондратьева «Всегда старое, всегда новое».

Критик, в частности, пишет: «Вся надежда на мужика: "русский тулуп" свят и силен душою.

Нет в нем спасения, ибо и сам мужик утопает в бездне зла и темноты.

Вот две истины — всегда старые, всегда новые. <...>

Вот перед нами небольшой рассказ Ив.Бунина "Хорошая жизнь" <...>.

Старая тема. Показано, как глубоко коренятся в "душе деревни" страсти к "своему", к наживе. Но это не все. Есть еще вопрос: как показать? Показано по-новому.

Очевидно, у Ивана Шмелева, талантливого автора "Человека из ресторана", — легкая рука. У Бунина — тот же своеобразный прием обрисовки героя, что и там. Рассказ ведется самой Жоховой, на языке ее среды. И это сильно помогает все время видеть пред собой образ ловкой, своеобразной женщины. Это — до некоторой степени откровенная исповедь ее. И ясно, как зарождаются, как зреют ее дьявольские планы.

Быть может, Жохова и не виновата в том, что была такова. Но дело в том, что она существует. И автор удивительно художественно показал ее нам, показал старое в новой форме».

Март, 5. Коллективная открытка посылается Бунину (18 марта н. ст.) из Константинополя:

«Наслаждались Константинополем, вспоминали "Тень птицы", жалели, что Вы не с нами. Вера Котляревская, С.Ростовцева, А.Васильев, М.Ростовцева, Ф.Щербатская, С.Протасова, В.Зелинская».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3123/3 оф.

В петербургской газете «Речь» (№ 63. С. 5) помещается заметка «Новые произведения Горького». Без подписи.

В заметке пересказывается интервью Бунина из «Одесских новостей» о его поездке на Капри и встречах с А.М.Горьким.

См.: 1 марта 1912, вторая запись.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано (18 марта н. ст.):

«Усердие Бунина в рекламировании Ваших восстановленных дружеских чувств с Шаляпиным производит впечатление несколько курьезное, как внезапный выпад ни с того, ни с сего».

ЛН. Т. 95. С. 387–388.

См.: 1 марта 1912, вторая запись; 7 марта 1912, вторая и третья записи.

Март, 6. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«... я уже писал Вам о П.А.Нилусе, теперь весьма прошу ответить, можете ли Вы издать второй том его рассказов и роман, или хотя бы одну из этих книг. <...> (В случае отказа, напишите только мне, а П<етру> А<лександрови>чу не пишите — он человек, не любящий обивать пороги.) Есть у него и хороший новый рассказ: не хотите ли для Вашего 2-го сборника? Ведь Вы думаете его выпускать?»

Письма (2). С. 219–220.

2-й сборник «Издательского товарищества писателей» не выходил.

Март, 7. Бунин просит в письме Ю.А.Бунина послать рукопись повести «Веселый двор» в редакцию журнала «Заветы», если журнал выйдет в апреле и добавляет:

«Жду от тебя подробных известий. Пиши, пиши немедленно о твоих планах на лето. Ведь я дачу хочу здесь снимать».

Письма (2). С. 220.

В ответном письме к Г.А.Алексинскому (20 марта н. ст.) А.М.Горький возражает:

«...то, что сообщает Бунин о моем отношении к Шаляпину, — отнюдь не "клевета" на меня, — как Вы пишете, а сущая правда: я отношусь к Федору Ивановичу, как относился и раньше: с чувством искренней дружбы, с почтением к его великому таланту, к его прекрасной работе на почве русского искусства».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 277.

А.М.Горький пишет А.В.Амфитеатрову (20 марта н. ст.) с Капри:

«"Интервью" Бунина — не порадовало меня. "Близкие друзья — наиболее неделикатны", — гласит пословица, очевидно, ассирийская».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 277.

См.: 1 марта 1912, вторая запись.

Март, 8. Бунин посылает Ф.И.Благову для газеты «Русское слово» стихотворение «Прометей в пещере» и просит в сопроводительном письме:

«Будьте добры напечатать его поскорее, ибо оно входит в книгу <"Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг." (М., 1912)>, которая на Пасху должна быть выпущена в свет. Помнится, Вы морщились слегка при расплате за мои стихи, находили, что 3 р. за строку — цена для Вас слишком дорогая. Ничего не буду иметь против, если понизите ее. К пасхальному № "Р<усского> сл<ова>" пришлю рассказ».

Письма (2). С. 220.

См.: 30 марта 1912. В пасхальном номере «Русского слова» произведения Бунина не печатались.

И.А.Белоусов вновь пишет Бунину, повторяя свое предыдущее послание:

«Писал тебе о твоих стихах, что "Лимонное зерно" мне не нравится, и ради тебя я не хотел бы его печатать».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 311, л. 5.

См.: 21 февраля (5 марта) 1912, вторая запись.

Март, 9. В петербургской газете «Новое время» (№ 12928. С. 6) публикуется статья А.А.Бурнакина «Литературные заметки. Сомнения и надежды» о Сборнике первом «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912).

Рецензент, критически разобрав рассказ И.С.Шмелева «Пугливая тишина», пишет: «Но еще более разочаровывает и еще больше оскорбляет почетный академик Ив.Бунин. У Шмелева все же и в этом бестолковом и из рук вон плохом рассказе есть светлая полоска — ласковое описание детских игр, а перо академика окончательно утратило чувство меры и приличия. Новый рассказ Бунина "Ночной разговор" (в том же сборнике) ясно говорит, что под мундиром лауреата не осталось ничего, кроме дурного вкуса и коротких мыслей. Мало того, что тоже действует сви-

нушник, но и опять, как в “Деревне”, *опачкивание народа*, и опять соответствующее выполнение: поэзия дурных запахов, загаженные проходы, миллионы блох и вшей, портянки и портянки. Цитировать рискованно — интересующихся “академическим стилем” отсылаю к самому рассказу...

Но и помимо “привлекательной внешности” у Бунина есть те “достоинства”, которые в большой цене у нынешних “знатоков” и “судей”, в изобилии наползающих в литературу из черты оседлости. Академик специализировался в изображении отрицательных сторон русского народа. Тема “Ночного разговора” — жестокость крестьян, их тупое зверство, их врожденная бесчеловечность. Весело и беспечно признаются мужики в своих преступлениях, а “русский писатель”, знай, подмигивает воцарившимся проходимцам и пришельцам — полюбуйтесь на нас, поглумитесь над нами! <...> А ведь Ив.Бунин в почетной роли шабес-гоя, не только харкает в душу народа, но еще и *коверкает* народную речь. У почетного академика мужики-Великороссы говорят: “Из-за козы вся дело вышла”; “купил кой-какую вещество”; “у бабе”, “такая зло берет”, “лицо вся восковая”, “пятно черная”. Пояснения излишни. — Право на звание “академика” неоспоримо...».

А.М.Горький в письме В.С.Миролюбову (22 марта н. ст.) с Капри дает оценку Сборнику первому «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912):

«В самоиздательском сборнике превосходен Ценский. Шмелев — портится, Толстой — торопится. Сборник выведут, м.б., Ценский с Буниным. Вересаев — смешон с своим переводом из Гомера, а Брюсова напечатали зря, ни к селу ни к городу».

Горький. ПСС. Т. 9. С. 278.

Март, 10. Бунин пишет И.А.Белоусову:

«Милый Иван Алексеевич, что с тобою? Видно, правда, измотала тебя зима! Да ведь стоит же моя подпись под “Лим<онным> зерном” — ведь *я* за него отвечаю. Не печатай — твое дело, но уж, пожалуйста, не печатай и прочих стих<отворений>.

В мае пускать статью, по-моему, не следует. Спроси Юлия — пусть он решит. А по-моему — до осени».

Письма (2). С. 220.

В открытке Бунин спрашивает С.П.Боголюбова о своем рассказе «Захар Воробьев»:

«Когда сборник с моим Захаром? Пришлите, пожалуйста».

Письма (2). С. 221.

В ответном письме Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«Ничего, дорогой, — земский так земский. Мало ли брехали про меня чепухи! Вот в следующем сборнике “Знания” (верно, он уже вышел) будет мой “Захар” — он меня защитит. Почитай. Хвалят».

Письма (2). С. 221.

См.: 4 марта 1912, пятая запись.

Выходит в свет книга 38-я «Сборника товарищества “Знание”», в которой (с. 1–22) печатается рассказ «Захар Воробьев».

Дата события определена по: ИМЛИ АГ, «Зн»-док, 7-2.

В московской газете «Утро России» (№ 58. С. 2) публикуется статья Т.Ардова «Новые литературные явления».

Критик, разбирая сборник первый «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912), в частности, отмечает, что одну из вещей, вошедших в сборник, «может быть, самую сильную! — приходится отнести к простому реализму, это — “Ночной разговор” И.А.Бунина. Это не значит, что я видел в этом что-нибудь отрицательное. Я, напротив, должен сказать, что “Ночной разговор” произвел на меня сильнейшее впечатление высоким мастерством своим. Этот удивительный народный язык, этот леденящий душу ужас спокойного повествования двух мужиков о том, как каждому из них Бог привел стать убийцей <...>, все это необыкновенно сильно, подавляюще сильно; и крупный талант и большая наблюдательность так и бьют из каждой строки. Но и все-таки это — только реализм. Правда, и тут даже чувствуется “символистическое”, чувствуется веяние рока в рассказе мужиков, <...> слышится неотвратимая власть над ними этого рока, но слышится не явственно и даже против воли автора; старый “реализм” преодолевает все, особенно преодолевает благодаря нарочитой фигуре мальчика гимназиста, слушающего этот ночной разговор <...>. Это не неизбежно, случайно — и лучше бы этого слушающего и поучающегося мальчика вовсе не было, а был бы один ночной разговор, и эта дивная вещь стала бы своего рода перлом».

Март, до 11. Выходит № 3 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 327–329) публикуется статья В.Л.Львова-Рогачевского «Издательское т-во писателей. Сборник 1».

Критик пишет: «Рассказ Ив. Бунина “Ночной разговор” ничего не имеет общего с теми ночными разговорами, которые воспроизводил в 1905 году сам же Ив.Бунин. Этот ночной разговор услышал художник в наше время <...>. Помещики из Государственного совета и Родионовы из нововременского гнезда с злорадством рисуют ужасы деревни, а наши идейные художники передают ночные разговоры с болью сердца. Но за болью сердца встает глубокое разочарование, порой испуг, а порой и мрачное отчаяние. <...> Но едва ли можно превращать жизнь 80 миллионов в одно сплошное черное пятно. Это какое-то народничество наизнанку. “Ночной разговор” Ив.Бунина — произведение тенденциозное. <...> Мы допускаем, что юного романтика такая встреча с идиотами и убийцами как на подбор могла излечить от “страшного увлечения” мужиками, но взрослый и сознательный человек не удовольствуется такими иллюстрациями современной деревни. Ногтями, как у зверя, и плоской ступней его не запугаете».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (11 марта (№ 59). С. 1).

Март, 12. В «Московской газете» (№ 179. С. 5) в рубрике «Книга» (без подписи) сообщается:

«И.А.Бунин написал большую повесть “Веселый двор” и отдал ее в журнал “Заветы”. Кроме того, он написал еще две повести, которые появятся в альманахе “Шиповника” и др.».

Март, 13. Бунин слушает оперу Д.Верди «Травиата» с участием М.Баттистини.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину из Одессы в недатированном письме: «Здесь я проживу еще дней 10, чтобы закончить Ламартина. С дачей дело не пошло на лад, да С<удорожный>, по-видимому, не хочет жить лето под О<дессой>. <...> В.Н.<Муромцева> выедет в Москву вместе со мной.

Сейчас она ради сокращения расходов перешла в № к С<удорожному>. Ввиду совместного житья они часто ссорятся. Я называю их комнату "Веселый двор". Вчера С<удорожный> ходил слушать Баттистини в "Травиате" и восхищен его пением. Б<аттистини> живет рядом со мной в № 47 (мой 46), состоящем из четырех больших комнат. Репетиции происходят у него в № под рояль, и мы таким образом бесплатно слушаем Б<аттистини> "Маскарад", "Эрнани", "Риголетто" и др. оперы. А.Е.<Грузинский> постоянно у нас. <...> Много рассказывал нам о Москве и "Средах", о чтении Арцыбашевым его новой вещи. На обеде у А.М.<Федорова?> у него вышла ссора с С<удорожным>. Г<рузинский> сказал С<удорожному>: "Раз у Гоголя есть недостатки, то тогда вас-то всех передавить надо!"».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 27–28.

Датируется по времени гастролей М.Баттистини в Одессе: с 4 по 14 марта 1912 г. М.Баттистини пел в «Травиате» 13 марта. См.: «Одесские новости» (1912. 14 марта (№ 8670). С. 5).

Март, 16. Бунин в открытке сообщает Ю.А.Бунину:

«Все это время искал дачу. Все было неподходящее. Одну уже совсем было нанял, но доктор Вдовиковский вдруг решил, что мне нельзя жить на берегу моря. (Дела мои неважны — почки побаливают). Другие врачи говорят противное. Надо подумать». По поводу нового товарищеского «Книгоиздательства писателей в Москве» пишет: «В пайщики пойду. *А Нилусу можно? **Сообщи телеграммой***».

Письма (*2*). С. 221.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 63. С. 3) помещается статья И.Н.Игнатова «Литературные отголоски. Издательское т-во писателей, сборник первый».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Ночной разговор»: «Все напоминает "Остров доктора Моро" Уэльса. <...> В рассказе г. Бунина — те же обитатели страшного острова: та же нравственная тупость, равнодушие к чужому страданию, хладнокровное повествование о зверствах своих и чужих, та же неизмеримая пропасть между человеком и переделанным животным. Тургенев слушал мальчиков "Бежина луга" и за сказаниями о русалках, утопленниках, заблудившихся, различал человеческое сердце, — нежность, чуткость к движениям страждущей души, близость художника к природе, порывы к разгадке мировой тайны. Гимназист г. Бунина слушает и ужасается: звериные мысли, животная нравственная тупость, непонимание человеческих страданий. <...> Все похоже на правду: действительность изображал Тургенев, недалеко от истины отступает, а, может быть, даже совсем не отступает г. Бунин.

Следовательно, между крепостной и современной деревней неизмеримая разница не в пользу современной?»

Март, 19. Бунин посылает Ю.А.Бунину доверенность, очевидно,

для голосования на учредительном собрании нового товарищеского «Книгоиздательства писателей в Москве» и пишет:

«Клестов упорно писал мне, что денег я могу не вносить сейчас, — что, если я дам кн<игу> нов<ых> рассказов т<оварищест>ву писателей, то эти 200 р., т.е. мой пай, можно взять осенью из гонорара за эти рассказы. Нельзя ли так и сделать? <...> С дачей еще не решено. Все дрянь и дьявольски дорого. Есть одна, чудесная, — стоит 700 р., жить можно до 1-го окт., но без мебели, безо всего. Еще подумаю — взять ли? А то — не поехать ли в Крым на лето? А не то — в Глотово?»

Письма (2). С. 221–222.

Л.С.Баткис пишет Бунину по городской почте в Одессе:

«Сегодня г. Хейфец сообщил мне, что из трех, представленных ему, стихотворений моих будет напечатано одно только "*Воскресенье*". <...> Остальные 2 стихотворения забракованы. Но это — пустяки. Дело в том, что я не в состоянии выразить Вам своей искренней, глубокой признательности за истинную любезность, оказанную мне, безымянному поэту, Вами — знаменитым писателем и художником, Божьей милостью... Спасибо Вам, большое спасибо!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2984/2 оф.

Вероятно, при личной встрече или письменно Бунин высказывает свое мнение о стихотворениях Л.Баткиса (письма Бунина к Л.Баткису неизвестны); возможно, Бунин пытается оказать содействие в публикации произведений Л.Баткиса в газете «Одесские новости». См.: до 27 апреля 1912.

Март, до 20. В «Московском книгоиздательстве» выходит книга «Перевал и другие рассказы» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912. 344 с.). Тираж 3100 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание: Перевал, Танька, Кастрюк, На хуторе, Вести с родины, На чужой стороне, На край света, Учитель, Байбаки, На Донце, На даче, Велга, Без роду племени, Поздней ночью, Антоновские яблоки, Руда, Новая дорога, Сосны, Скит, Туман, Костер, В августе, Осенью, Новый год, Тишина, "Надежда".

Все 26 рассказов, включенные в книгу, печатались ранее.

Граница события определена по письму Д.М.Ребрика (см.: 20 марта 1912) и по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 апреля (№ 77). С. 5) о поступлении в продажу книги «Перевал и другие рассказы». По *Книжной летописи* книга вышла между 20 и 27 марта 1912.

Март, 20. Д.М.Ребрик пишет Бунину из Москвы по поводу издания книг в «Московском книгоиздательстве»:

«Посылаю Вам под бандеролью 6-й, 7-й и 8-й лист "Рассказов". Книга эта выйдет вскоре после Пасхи. Оттиск "Небо и Земля" получил и сдал в набор. О том, что мы решили верстать рассказы впереди, я писал Вам на Капри, но, по-видимому, мое письмо Вас там не застало.

Книгу стихов выпустим в конце апреля, одновременно со сборником — стихи идут очень туго и отдельно их магазины почти не выписывают.

Формат, бумага и цвет обложки у всех книг будет один и тот же.

Очень извиняюсь, что на обложке “Перевала” изменил Ваше имя. Недосмотрели».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 294, л. 4.

Март, 21. Бунин вновь пишет Ю.А.Бунину о месте летнего отдыха и просит ответить «немедленно и основательно», а также добавляет:

«Вера и Коля остались здесь еще на неделю, дней на 10, кончают перевод, они вместе перевели книгу».

Письма (*2*). С. 222–223.

В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников вместе перевели «Грациэллу» французского поэта А.М.Л. де Ламартина.

Март, 22. В Москве проходит учредительное собрание «Книгоиздательства писателей в Москве».

Присутствуют: В.В.Вересаев (председатель), Н.Д.Телешов, И.С.Шмелев, И.А.Белоусов, Ю.А.Бунин, С.С.Мамонтов, А.К.Энгельмейер, в качестве представителя петербургского «Издательского товарищества писателей» Н.С.Клестов. Редактором «Книгоиздательства писателей в Москве» единогласно избирается В.В.Вересаев. Членами-вкладчиками нового издательства становятся: С.А.Найденов, И.А.Бунин, Ю.А.Бунин, И.А.Белоусов, Б.К.Зайцев, А.А.Карзинкин, Н.А.Крашенинников, А.Р.Ледницкий, С.С.Мамонтов, В.В.Вересаев, Н.Д.Телешов, А.С.Черемнов, И.С.Шмелев, А.К.Энгельмейер.

Позднее избирается Наблюдательный комитет издательства, в состав которого входят И.С.Шмелев, В.В.Вересаев, Н.С.Клестов, Н.Д.Телешов, И.А.Бунин.

См.: Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1965. Сб. X. С. 192.

Бунин пишет Ю.А.Бунину о своей позиции по кандидатуре редактора нового «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Клестов пишет — намечают в редакторы т<оварищест>ва писателей Муйжеля, Аничкова и — Чуковского!!! *Если не будет хорошего редактора, я не иду ни в пайщики, ни в сотрудники.* Я стою за редактора такого: Телешов, или ты, или Вересаев».

Письма (*2*). С. 223.

Также Бунин пишет Н.С.Клестову, выставляя на пост редактора «Книгоиздательства писателей в Москве» Н.Д.Телешова, или Ю.А.Бунина, или В.В.Вересаева и подчеркивает:

«...я буду участником и сотрудником издательства только при хорошем редакторе». В заключение пишет: «Тут “Ночной разговор” и “Захар Воробьев” сделали некий шум».

Письма (*2*). С. 223.

Ю.А.Бунин пишет Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 28 марта 1912.

В газете «Одесский листок» (№ 68. С. 2) печатается статья П.В.Безобразова «Усталость».

Рецензент пишет, в частности, о рассказе «Захар Воробьев»: «Перед нами опять И.А.Бунин и опять рассказ из крестьянской жизни, появившийся в 38-м “Сборнике

Знания". На этот раз мы знакомимся с Захаром Воробьевым, типом положительным, по крайней мере, таково намерение автора, не пожелавшего снабдить Захара отрицательными чертами, жестокостью, невежеством, злостью и другими варварскими свойствами, ставшими в последнее время литературной принадлежностью крестьянства. Но помимо авторской воли, герой его вышел все-таки скорее личностью отрицательной, чем положительной. <...> Это карикатура на богатыря, он даже из своих физических сил не умеет сделать надлежащего употребления.

Нет в Захаре и настоящей жизнерадостности и длительной энергии. <...> И вся его богатырская сила сводится к колоссальному пьянству, от которого он скоропостижно умирает».

Март, 23. Бунин пишет И.А.Белоусову о стихотворении «Лимонное зерно»:

«Я не обиделся, Алексеич, а удивился. Наконец, ведь ты же знал, что стих<отворение> это я даже в книгу ввожу. Ну да будет о том, точка. Только помни, что надо спросить Блюма <Г.Г.Блюменберг>, когда выйдет VI т.».

Письма (2). С. 223.

Март, 25. В газете «Одесские новости» (№ 8680. С. 2) публикуется перевод стихотворения Ш.Леконта де Лиля «Утро» («В прозрачной лазури, где ласточка реет...»).

Под текстом подпись-факсимиле: Ив.Бунин.

Март, 28. Бунин сообщает Ю.А.Бунину, что получил его письмо от 22 марта — «краткое и бессмысленное», а также о заграничной поездке П.А.Нилуса и Е.И.Буковецкого в Париж и Испанию, куда они хотели бы поехать вместе с ним. В заключение пишет:

«Они оба свободны, могут выехать когда угодно. Но хотят ждать тебя. Могут ждать до конца апреля. Поеду ли я — подумаю».

Письма (2). С. 224.

Март, 29. И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы:

«Ну, слава Богу, друг мой дорогой, что ты не обиделся на меня <...>.

Сейчас спрашивал Блюменберга (Г.Г.), он говорит, что 2-й т<ом> выходит на днях, а следующий через месяц, в обоих будут стихи; он не знает в каком только будут "Из цикла Русь". <...>

Собрание "Издательства т<оварищест>ва писателей" было; решено редактором избрать В.В.Вересаева. <...> Вообще у меня плохая вера в товарищество».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 311, л. 6.

См.: 22 марта 1912, первая, третья и четвертая записи.

Март, 30. В московской газете «Русское слово» (№ 74. С. 2) печатается стихотворение «Прометей в пещере» («Вокруг пещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...»).

Март. Бунин с В.Н.Муромцевой фотографируется вместе с делегацией русских ученых, отправляющихся на конференцию в Рим.

Время события определено по помете Бунина и по времени пребывания Бунина в Одессе. См.: 26 июня 1912, вторая запись.

Апрель, 2. В.Н.Муромцева с Н.А.Пушешниковым уезжает из Одессы в Москву. Бунин остается в Одессе.

Из Киева В.Н.Муромцева сообщает Бунину в письме:

«Дорогой Ян, доехали мы вполне хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/74 оф.

Апрель, 3. Бунин пишет И.А.Белоусову вновь по поводу своих трех стихотворений:

«Ты промудрил, Алексеич, и теперь, видно, не успеешь напечатать стихов: входят они в 6-ой т. <"Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг." (М., 1912)>, а том этот появится в свет, по словам Ребрика, в середине апреля. Если все это так, будь добр — передай немедля стихи в "Русское слово" да, передавая, поговори по телеф<ону> с Благовым — *объясни и расскажи все дело*».

Письма (*2*). С. 224.

А.Е.Грузинский сообщает в письме Бунину, что ему посланы три книги через магазин «Труд» и сообщает:

«В Москве все по-старому, да я видел одного Юлия <Бунина> пока. <...> На тебя ворчит: велит тебе сидеть лето где-нибудь в степи, на кумысе, напр. Ты, верно, скажешь: нашел дурака!

<...> Пришлите книжку Чумаченко, а Марина Цветаева пусть остается у тебя пока».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3019/1 оф.

Речь идет о книге М.И.Цветаевой «Волшебный фонарь. Вторая книга стихов» (М., 1912).

В.Н.Муромцева сообщает в открытке Бунину из Киева:

«Дорогой Ян, через ½ часа еду на Москву».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/73 оф.

В.Н.Муромцева пишет Бунину по дороге в Москву:

«Пишу из Нежина. Еду пока отлично».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/46 оф.

Апрель, 4. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 7 апреля 1912, вторая запись.

В.Н.Муромцева сообщает в письме Бунину из Москвы, что П.Н.Муромцев едет в Крым, а также пишет:

«Из поездки в Испанию, должно быть, у тебя ничего не выйдет, ибо Юл. Ал. <Бунин> едет с Евгением Алек. <Буниным> (опять я права) и морем не поедут, а поедут тихим ходом. <...> Не поехать ли тебе с Нилусом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/75 оф.

Из конторы журнала «Вестник Европы» в письме просят Бунина сообщить адрес для посылки гонорара за повесть «Суходол» и сообщают:

«Оттиски будут готовы числа 10–15 апреля и будут посланы согласно Вашему распоряжению, полученному нами через А.М.Федорова».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 266, л. 3.

Апрель, до 5. Выходит № 4 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 3–60) печатается повесть «Суходол».

Объявление о выходе журнала см. в газете «Русские ведомости» (5 апр. (№ 79). С. 6).

Апрель, 5. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы более подробно о своей поездке из Одессы через Киев и Нежин, а также добавляет о своем брате П.Н.Муромцеве:

«Павлик очень устал и решил отдохнуть месяц в Крыму <...>. Он был бы очень рад провести с тобою месяц или две-три недели. Он человек покладистый. Цель его — отдых. А потому он согласится жить везде, где ты хочешь. <...> Я же была бы крайне покойна за тебя, если бы ты был с ним, и радовалась бы за него, что он месяц провел бы в твоем обществе, ему во многом бы было это полезно. Он развился бы в том направлении, в котором можно развиться, если жить с тобой. <...> Я очень расстроилась вчера, что Юл.Ал.<Бунин> едет в Испанию по ж<елезной> д<ороге>, да еще с Евг.Ал.<Буниным>. <...> Юл.Ал., по-моему, с тобою не очень хочет путешествовать, много бы написала я, что мне не понравилось, да все равно ты во всем увидишь лишь мою "стервозность". Скажу только, что меня все это расстроило. Конечно, у меня все обострено, но когда я подумаю, что ты только и думал, как бы устроить получше лето для Юл.Ал., чтобы и Колю-то на дачу пригласить, чтобы Юл.Ал. не скучно было и как наряду с этим ты жесток был к моим желаниям, то я начинаю плакать <...>. Вот моя драма за эти пять лет. Может быть, я когда-нибудь напишу о ней в виде рассказа, тогда, может быть, ты немного больше призадумаешься и не все отнесешь к моей "стервозности". <...> Но поправиться я могу лишь при том условии, если я буду знать, что ты в хороших условиях. Если же ты будешь в Глотове, то я буду очень беспокоиться <...>. Может, ты подыщешь дачу в Крыму. <...>

Прости, что так беспорядочно пишу, — у меня сильно болит голова, думаю оттого, что вчера ночью я долго плакала, очень было обидно на судьбу, что мы с тобой так могли бы жить хорошо и так живем беспорядочно, на тычке живем, на глазах третьих лиц. Но поверь, что ни чуточки я не упрекаю и не обвиняю тебя. Ты сам от этого несчастный.

О моем здоровье не беспокойся, лечиться я буду».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/67 оф.

Апрель, 6. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой мой Золотусик, что ты так волнуешься. Жизнь не стоит того, что ты крови и нерв тратишь! Поступай как тебе лучше. Помни, что, в конце концов, каждый думает о себе. Обо мне не беспокойся. Я чувствую себя хорошо. <...> Мой Мопассан будет печататься в июне. Но ты присылай, что поправишь, если что не успел, не утомляйся, ну на один рассказ меньше. Поправь обязательно "В море" и "Страх", а "Сын" — Бог с ним».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/142 оф.

Апрель, 7. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 9 апреля 1912, первая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой мой, от 4 апреля письмо от тебя получила вчера, сегодня писем еще нет. <...> Я начинаю входить в жизнь обыденную. Сегодня нача-

ла переписывать на машинке Мопассана. Засадила и Севу <Муромцева>. <...>

"Грациэллу" нашли. Я перевела почти что слово <в> слово, но, кажется, Антики недовольны, что это Ламартин.

Пьеса П.А.<Нилуса> "Любовь" у меня в столе, что с ней делать? <...>

Сейчас получила "В море" <рассказ Г.Мопассана>. Очень благодарю и целую. Напрасно не приписал двух слов о своем здоровье».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/156 оф.

Апрель, 6 или 7. В.Н.Муромцева в письме Бунину сообщает о своих занятиях итальянским языком, а также пишет:

«Прочла твою "Тишину", да поезжай с Нилусом в Испанию, с друзьями ты сентиментальнее, чем со мной, и чувствуешь все гораздо менее суше и любишь вспоминать с ними о своих поездках, тогда как со мною все у тебя сереет, это и понятно, ты так внушил себе, что женщина — это камень, что это сосуд всех пакостей, что присутствие ее отнимает у тебя всякое непосредственное восприятие мира».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/98 оф.

Апрель, 8. Бунин присутствует на банкете в Петербургской гостинице на чествовании артистов и лекторов, которые участвовали в вечерах одесского Литературно-артистического клуба.

В газетах «Одесские новости» (10 апреля (№ 8692). С. 4) и «Одесский листок» (10 апреля (№ 83). С. 5–6) помещается информационная заметка «Литературно-артистический клуб» (без подписи), в которой говорится: «8 апреля представители одесского Литературно-артистического клуба чествовали в залах Петербургской гостиницы ужином артисток, артистов и лекторов, участвовавших в литературных и музыкально-вокальных вечерах клуба. К ужину были приглашены и гостящие в Одессе писатели И.Н.Потапенко и И.А.Бунин, а также г. Певин, издатель журнала "Современник". <...> И.М.Шнейдер сделал снимки с присутствующих».

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, Павлик <П.Н.Муромцев> едет сегодня в Крым. <...> Если ты не поедешь в Испанию или поедешь 30 апреля, то может, съездишь к нему? <...> Не провести ли нам лето на Капри?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/141 оф.

Апрель, 9. В.Н.Муромцева начинает писать письмо Бунину:

«Дорогой мой, сейчас получила от тебя "Нормандца" <рассказ Г.Мопассана> и письмо от 7 апреля, за первого очень благодарю, за второе крепко целую. <...> Получила из "М<осковского> книг<оиздательства>", наконец, "сведения", но это не так, как в "Знании", а копия письма, посланного тебе на Капри. Там дело идет и о "Перевале" и о том, что в VI томе нужно переменить стихи и прозу и т.д.

А затем одна строчка:

"Деревни" на 1-е февраля осталось на складе 1550 экз.". <...>

Относительно дачи Чернова ничего не могу сказать против, нахожу, что лучше 500 р. Чернову, чем 400 Федоровым. <...>

Вчера я была на спектакле литераторов <"Ревизор">. <...> С Кишкиным я говорила и о твоем здоровье и о своем. Он говорит, что так избегать севера опасно, уж тогда нужно совсем не приезжать. Очень советовал лето проводить в Финляндии. <...> На "Ревизоре" видела Третьякову, она благодарила за "Хорошую жизнь", хочет писать тебе. Я спросила как понравилось? "Очень, но тяжело, тяжело"».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/83 оф.

В петербургской газете «Речь» (№ 96. С. 3) помещается рецензия Е.А.Колтоновской на 38-й «Сборник товарищества "Знание"».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «В сборнике еще есть выразительный, но скучноватый рассказ Бунина "Захар Воробьев", написанный в обычном стиле его деревенских рассказов».

Апрель, 10. Бунин дарит Д.Л.Тальникову книгу «Перевал и другие рассказы» (4-е изд. М., 1912) с надписью:

«Давиду Лазаревичу Тальникову. Ив.Бунин. Одесса, 10 Апр. 1912 г.»

РГБ ОР, ф. 487, к. 36, ед. хр. 2.
ЛН. Т. 84, кн. 2. С. 497.

Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 13 апреля 1912, вторая запись.

В.Н.Муромцева заканчивает письмо Бунину:

«...видела Ел.Ан.<Телешову?>, она спрашивала об юбилее, а также о том, какую картинку, — маленький ты хочешь Левитана или Бенуа, после ее матери. Левитан "Березки", Бенуа – восточное. Напиши, что мне выбрать, я к ней поеду на следующей неделе.

<...> Сегодня 5 лет нашего с тобой странствования. Первый раз я не с тобой в этот день. Грустно. Многое бы написала, да боюсь, что ты не поймешь, да и не так как я ты ко многому относишься. Больше всего желаю тебе здоровья и славы, себе — уметь жить одной и быть спокойной. Целую крепко.

Твой Чебукчи.

Вспомнил ли ты обо мне сегодня?

"Суходол" еще <не> видела. Сейчас звонил Митрофаныч <А.М.Федоров>. Будет сегодня обедать у нас».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/83 оф.

В петербургской газете «Новое время» (№ 12958. С. 5) в рубрике «Среди газет и журналов» публикуется рецензия на 38-й «Сборник товарищества "Знание"». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «Почетный академик рассказывает <...> деревенский анекдот о том, как гигант Захар Воробьев, по прозвищу Малолетка, мужик из Осиновых Дворов, в сутки прошел чуть ли не сто верст, выпил четверть водки, съел на заклад гору хлеба, луку, селедки и... наконец решился жизни. <...> Видимо почетному академику очень хотелось исчерпать до конца выписку из какого-нибудь прошения в волостном суде, вот он и заставил Геркулеса докладывать свою тяжбу. Но так как ничего не выходило, кроме мертвящей скуки, то Ив.Бунин дал на прощанье Захару еще штоф водки и отправил умирать от

разрыва сердца. И это художественная, изящная словесность!.. От писаний наших венчанных лаврами изящных словесников становится не по себе».

Контора журнала «Вестник Европы» посылает Н.А.Муромцеву «согласно распоряжению И.А.Бунина» гонорар за повесть «Суходол» в размере 1683 руб.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 369.

См.: 11 апреля 1912, четвертая запись.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано (23 апреля н. ст.):

«А вот Бунин Ваш — "Суходол" его ешь! Сколько ему лет? 80? 120? Притворяется реалистом, а все врет, в корне врет. Нет, усиливался, но не приемлю».

ЛН. Т. 95. С. 390.

Апрель, 11. Бунин пишет Ю.А.Бунину об изменившихся планах на лето:

«Испания — каюк. Петр <Нилус> не едет. Все подробно пишу Вере <письмо неизвестно> — она тебе прочтет. Будем лето жить, верно, в Глотове. Я устал от юга, от народа — у меня "тоска по родине". Поживи с нами — берем третью комнату. И за тебя *я* заплачу. Я хочу этого».

Письма (*2*). С. 224.

В письме Бунин благодарит А.Е.Грузинскго за присланные книги и сообщает, что скоро приедет в Москву.

Письма (*2*). С. 225.

Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 13 апреля 1912, вторая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, сейчас на имя папы пришел чек из "Вестника Европы" на 1683 рубля. Что мне с ними делать? <...> "Суходола" же не прислали <...>. Сейчас получила "Страх" <рассказ Г.Мопассана>, крепко целую, все-таки много я даю тебе работы, но это в последний раз, в будущем я буду аккуратнее и смелее. Да и ты сам виноват, что массу времени у меня уходило на волнения. Жаль, что ты ни строчки не написал на полях, хотя бы выругал, а то, как скучно мне совсем не знать ничего о тебе. <...> Федоров выезжает завтра в Одессу. Он расскажет тебе о разговоре <...> по поводу "Ночного разговора" в "Современном мире". <...> Что ты мало пишешь о своей жизни? Как ты себя чувствуешь?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/76 оф.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 1530. С. 2) публикуется статья А.Ожигова «Литературные мотивы».

Рецензент, в частности, отмечает рассказ «Ночной разговор» как «замечательный этюд».

Апрель, 12. И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы:

«Я давно передал твои стихи в "Рус<ское> слово", но они до сих пор не появляются. Советую тебе самому поторопить их. Я им объяснил, в чем дело».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 49.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Кустик, сейчас 3 часа ночи, а мне не спится <...>. Волнует меня всё. Получила твое письмо <...>. Павлик <Муромцев> находит мое положение серьезным. Да. Нервы плохи. Очень неприятно подействовал на меня рассказ о пребывании А.Н.Буниной в Москве. Она была в кружке. Обедала у Михайловых. <...> По-моему, она решила прибегнуть к общественному мнению, чтобы заставить тебя содержать себя. Хотя в Москве она не заикалась еще об этом, а мотивирует свой переезд в Москву тем, <что> ей надоела Одесса и в Москве ей легче найти место. <...>

Спасибо за “Нормандца” <рассказ Г.Мопассана>. Я еще не звонила к Антику и не начинала переписывать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/183 оф.

В газете «Одесские новости» (№ 8694. С. 2) публикуется статья «Литературные заметки». Без подписи.

Рецензент пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «На сказку же похож рассказ “Захар Воробьев”. Сказочным является и сам герой, непохожий ни на кого в деревне <...>. Сказочной выходит и смерть его, о которой можно догадываться лишь, что она произошла от упомянутого пари».

В газете «Одесский листок» (№ 85. С. 2) печатается статья Н.Пересветова «Журналы. “Вестник Европы” — апрель».

Обозреватель пишет о повести «Суходол»: «Г. Бунин начинает свой “Суходол” несколько отрывочно, словно неуверенными мазками — так делают фон картины. <...> Как-то неопределенно все, разбираешься в ситуации и несколько досадуешь на автора. И язык какой-то неуклюжий. <...> Однако кончена предварительная работа, вы заинтересованы и смелыми штрихами, уверенными ударами кисти рисует вам автор историческую картину жизни в дворянском поместье, быт отживший и воскрешающий волею художника. По-новому ли освещает тему г. Бунин? Нет. За то же изображение бралось много писателей, а все-таки с наслаждением читаешь “Суходол”, — так в сотый и тысячный раз радуешься запаху цветов, грустишь в дождливый день и пьянеешь от ласки. Вечна и бесконечно образна мощь творчества! Покорные этой мощи призраки забытой усадьбы оживают и проходят перед нами. Рефлектор автора направлен на сменяющиеся фигуры и мы закрываем книгу, помня о каждой, и не можем отогнать их. <...> А какая прекрасная “бунинская” природа. Прочтешь страницу описания степи, и хочется ботинки вытереть от пыли».

Апрель, 13. С.А.Венгеров пишет Бунину из Петербурга:

«Большая к Вам просьба. С конца нынешнего года начнет выходить под моей редакцией предпринимаемая Московским книгоиздательством “Мир” “История современной литературы” <...>, обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне биографические сведения по нижеследующей программе». Далее следовала структура автобиографии и библиографии.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 72, л. 4–5.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Ненаглядыш, получила сегодня от тебя два письма от 10 и 11. Первое прочла очень внимательно и с большим интересом, второе — с ра-

достью. Скажу лишь, что это от тебя зависит, чтобы я “не отбивалась от тебя душою”. За это время я много передумала о протекшем пятилетии. Немного жалею, что часто обнажала я перед тобой свою душу, теперь буду поумнее, а то лишь из этого выходили ссоры. Впрочем, я надеюсь, что, в конце концов, ты поймешь меня. Очень беспокоит меня твоя нервность. Чего ты так волнуешься? Бог даст, все будет хорошо? Против Глотова я ничего не имею. С.Н.<Пушешниковой> напишу. <...> Начала читать твой “Перевал”.

Все твои, данные мне, поручения исполнила, кроме Товарищ<еского> издат<ельства>, ибо в настоящее время там заняты “уставом”, кроме того, я думала, что Юл.Ал.<Бунин> писал тебе. — Умоляю тебя, не беспокойся о моем здоровье. Я очень отношусь к этому *серьезно.* Даю слово, что в Глотово приеду здоровой. Почему ты против Сосновки? Какие там знакомые?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/71 оф.

В петербургском журнале «Запросы жизни» (№ 15. Стб. 923–925) помещается статья Н.И.Коробки «Литературное обозрение. Сборник писателей» о Сборнике первом «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912).

Рецензент пишет: «Все участники сборника талантливы, и на их произведениях лежит печать высокой культурности. Великолепный язык, изящная обрисовка образов, мастерский рассказ характеризуют в большей или меньшей степени все рассказы сборника. Но внутренняя ценность их далеко не одинакова.

Как всегда, отлично написан рассказ Бунина “Ночной разговор”, но он производит тягостное впечатление, и не потому, что жизнь, изображаемая автором, ужасна; с этой стороны, о г. Бунине хочется повторить то, что, говорят, сказал Л.Н.Толстой о Леониде Андрееве: “он нас пугает, а нам не страшно”. Если бы можно было поверить г. Бунину, что деревня действительно такова, какой он ее считает, то пришлось бы прийти в ужас, в отчаяние. Но слишком чувствуется, что это просто “барин брюзжит”, и можно оставаться покойным, за деревню, по крайней мере... у барина же, несомненно, нервы не в порядке, — но это его дело... <...> по г. Бунину, деревня состоит сплошь из извергов рода человеческого. <...> Русский народ, по Бунину, состоит из убийц и идиотов.

Пессимизм в известные исторические моменты, конечно, естественное и законное явление, но здесь перед нами уже не пессимизм, а просто барская напуганность. Она очень характерна, и рассказ г. Бунина, в сущности, больше говорит не о крестьянской, а о дворянской деревне <...>. Варварства много в русской жизни, но не в одном крестьянстве. Печально, что талантливый, культурный писатель поддается настроениям, зародившимся среди лощеного варварства “дворянских гнезд”...».

В одесской газете «Русская речь» (№ 1895. С. 3) печатается статья «Из записной книжки пессимиста». Подпись: Пессимист.

Критик пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «Академик Бунин <...> написал роман.

В романе герой — силач мужик, долженствующий изображать собою стихийную силу русского народа. <...> Роман — хоть куда. Но, очевидно, сведения-то у академика о русских желудках — весьма академические.

В каждой деревне можно найти такого "героя". Разница только в том, что, выпивши четверть водки и съев гору хлеба, истинные "герои" не умирают, а идут сначала колотить свою жену, а потом заваливаются спать.

Только-то и всего.

Но, конечно, если академик так хочет...

Почему, нет?»

Апрель, 15. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Детеныш, сейчас нам дали знать, что пришла от тебя телеграмма к Мите <неизвестна>. Ну, я и успокоилась, значит, здоров, а то ни вчера, ни сегодня писем нет. <...>

К Телешовым поеду и свезу сто рублей, если мы должны, на этой неделе, когда насморк совсем пройдет. Сейчас говорила по телефону с Николаем Дмитриевичем. Он говорит, что переписать вексель надо. А как же без тебя?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/88 оф.

А.С.Черемнов пишет В.Н.Муромцевой из Клеевки, приглашая в гости:

«Милая, дорогая, тащите Вашего генерала и академика! Право, я склонен думать, что ему нигде не будет так удобно и спокойно. <...>

Читали XXXVIII сборник <"Знания">? "Сказка" Горького очень слаба, "<нрзб>" — тоже, мои стихи — дрянь, один Захар хороший мужик, хоть и пьяница. "Прометей в пещере" тоже великолепен, хотя не в моем вкусе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3239/2 оф.

Выходит № 14/15 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 563–564) печатается статья «Мужик и "барин". (О звериных ликах)». Без подписи.

Критик пишет: «Критика наша не раз подчеркивала то обстоятельство, что бытописатели современной деревни рисуют ее и народную душу в самых мрачных красках, и в этом отношении замечается трогательное согласие между беллетристами, к какому бы "лагерю" они ни принадлежали». Далее дается изложение статьи Игнатова из газеты «Русские ведомости».

См.: 16 марта 1912, вторая запись.

Апрель, 16. В.Н.Муромцева начинает письмо Бунину из Москвы:

«Дорогой мой, я — одна дома. <...> Меня же никуда не тянет. <...> Пишешь, что живешь тихо и однообразно. На минуту страшно захотелось разделить с тобой это однообразие, но сейчас же вспомнила, что со мной бы ты не стал жить такой жизнью. Это очень странно, но это так: мое присутствие возбуждает у тебя желание третьих лиц. Пишу тебе не в упрек. Я пережила все это. Перестрадала. И ко многому стала относиться иначе. Теперь я спокойно живу без тебя. Нет того вечного беспокойства, нет того желания всегда находиться около тебя, желания, совершенно неосновательного — слышать каждое твое слово, остроту, смех, создать наши особенные отношения, которых бы никто не касался бы. Но не вышло. Я совершенно искренно говорю, что ты не виноват. Разные натуры. Может и разный возраст. За то отношение ко мне, которое ты даешь мне, я очень тебе благодарна и думаю,

что понимаю и ценю лучше и правильнее всех окружающих. Скажу только — прошел год, как мы ни на один день не оставались вдвоем. Немного тяжело было при моем отношении к тебе. Теперь, Бог даст, будет полегче».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/77 оф.

Апрель, 16 или 17. Бунин пишет В.Н.Муромцевой, выражая большое беспокойство о ее здоровье.

Письмо неизвестно. См.: 19 апреля 1912, вторая запись.

Апрель, 17. Бунин пишет в контору журнала «Вестник Европы», сообщая об ошибке в расчете гонорара за повесть «Суходол».

Письмо неизвестно. См.: 20 апреля 1912, вторая запись.

Ю.А.Бунин пишет Бунину, что в Испанию не поедет.

Письмо неизвестно. См.: 19 апреля 1912, первая запись.

В.Н.Муромцева заканчивает письмо к Бунину, сообщая о получении денег от него, а также пишет:

«Не забудь написать в “Московское книгоизд<ательство>”, чтобы они прислали <деньги> или мне или Юл.Ал.<Бунину>. <...> Из “Заветов” я еще ничего не получала. “Суходол” мне также никто не прислал. Потеряю терпение и куплю “Вест<ник> Европы”.

Беспокоят меня твои кошмары! Не поселиться ли тебе на месяц в санаторию в Евпатории, или под Москвой, ведь это будет немного дороже рублей на сто против того, что ты теперь проживаешь. <...> Подумай об этом. Посоветуйся с умными людьми. Не будь малодушным и не живи лишь своими желаниями. Ведь это до добра не доведет. <...> Будешь здоров, писать будешь. А то и работоспособность потеряешь. <...>

“Вырезки” идут, из них я узнала, что ты был на банкете в Петербургской гостинице. <...> Познакомился ли с Шухминой?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/77 оф.

См.: 8 апреля 1912, первая запись.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 89. С. 7) помещается объявление «Московского книгоиздательства» о заканчивающемся печатании книги «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.».

Апрель, 14...18. В здании одесского цирка С.Малевича Бунин смотрит постановку Берлинского немецкого театра трагедии Софокла «Царь Эдип» в переработке Г.Гофмансталя.

Границы события определены по времени гастролей театра в Одессе. Постановка Берлинского немецкого театра под управлением Макса Рейнгардта драмы Софокла «Царь Эдип» в переработке Г.Гофмансталя в здании одесского цирка Малевича шла пять раз: 14, 15, 16, 17, 18 апреля. См. отрицательную рецензию на эту постановку: И.А. <И.Александровский> «Царь Эдип» // Одесский листок. 1912. 15 апр. (№ 88). С. 4.

См.: 19 апреля 1912, первая запись.

Апрель, 19. Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Драгоценный Люкася, сейчас получил твое письмо от 17 апр. Очень, очень рад, что не едешь в Испанию <...>. Поживи, милый, с нами в Глотове, я очень соскучился по тебе, я употреблю все старания, чтобы тебе было в

Глотове покойно, хорошо <...>, мне вредно жить на ветреных берегах морских – я опять был у доктора вчера <...>. Сейчас, после твоего письма, не знаю, как быть: не остаться ли мне еще тут? Боюсь простудиться в Москве, хотя и здесь холод. Ну, подумаю. <...>

Читал ли "Суходол", "Захара"? <...> За "Суходол" слышу много восторженных прямо похвал. А в газетах, журналах – ни кляпа. Ну, да это и понятно.

"Эдип" еврейский – зрелище высоко стервозное. <...>

Машенька прислала мне письмо, жалуется на нужду. Пошли ей из моих денег рублей 15».

Письма (2). С. 225.

См.: 14...18 апреля 1912.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Сейчас получила твое письмо, дорогой мой, зачем же ты бесишься, что я не иду к докторам. Я решила заняться собою серьезно, а потому и не тороплюсь. <...>

Прилагаю тебе письма Черемнова, зовут очень на май. Если бы ты делал, как я хочу, то мы поехали бы на май в Клеевку. Я даже одна бы туда поехала, ибо уверена, что Марья Павловна <Миловидова> обо мне будет заботиться не хуже мамы, а мне это необходимо. <...> Все равно, пока я не поправлюсь, я в Глотово *не поеду*. Там слишком много у меня плохих воспоминаний».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/132 оф.

Апрель, 20. В.Н.Муромцева в письме Бунину сообщает о газетных рецензиях на его произведения, своем плохом самочувствии и спрашивает о своих переводах Г.Мопассана:

«Что же, пришлешь "Сына"? У меня всё переписано. Пора отправлять в "Антик"».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/184 оф.

Из конторы журнала «Вестник Европы» пишут Бунину:

«В ответ на Ваше письмо от 17-го с.м. сообщаем Вам, что гонорар за Вашу повесть "Суходол" был выслан в размере 1683 руб. по следующему расчету: <...>.

Если с нашей стороны была допущена ошибка, очень просим указать, где именно, и она немедленно будет исправлена.

Оттиски были посланы по тому же адресу, как и деньги, согласно Вашему распоряжению».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 266, л. 4.

Выходит № 17 петербургского журнала «За 7 дней», в котором (с. 439) в рубрике «Журнал журналов» помещается рецензия на повесть «Суходол» («Вестник Европы», апрель). Без подписи.

Рецензент пишет: «Это рассказ о жизни в усадьбе "Суходол", о ее мрачных преданиях, о ее жестоких властителях, о ее покорных рабах – обо всем, что представляет собой Суходольская *культура*... Надо признать, что рассказ несколько утомительно-длинен и почти скучен, но тою особенной скукой, которая ложится на душу горше тоски и которую, например, умел, как истинный мастер, создать Чехов в "Степи".

Что-то безнадежно-скучное, безысходно унылое сумел передать Бунин в этом рассказе. <...> И что любопытно: ни одной яркой краски, ни одного резкого звука, ни одного горячего чувства... все серо, плоско, безжизненно – и так же скучно и серо рассказывает об этом автор... Если это писательский прием, то это несомненно мастерство, но если таково состояние души г. Бунина, как дают основание думать и другие его рассказы о деревне, то... жутко становится за автора».

Апрель, до 21. Выходит № 4 петербургского журнала «Русское богатство», в котором (отд. II, с. 137–143) публикуется статья А.Е.Редько «Из литературных впечатлений».

Критик, в частности, пишет о рассказе «Ночной разговор»: «Автор не скрывает от читателя, что его рассказ тенденциозен, и свою задачу автор определенно формулирует чуть не с первой строки. Эта задача – разоблачить мужика». Далее дается подробный пересказ рассказа с цитатами, он сравнивается с рассказами Мельшина о каторжниках, в связи с чем рецензент подчеркивает: «...переданные автором ночные разговоры происходили – в действительности *могли* происходить – совсем не в деревне, на помещичьем дворе, а где-нибудь в каторжных тюрьмах. <...> Эта трансформация допустимого в нечто безусловно недопустимое – с точки зрения целого – имеет место как раз у г. Бунина». В заключение критик отмечает, что в рассказе переданы не мысли и ощущения гимназиста, а самого автора, который собрал в одном месте различные случаи, чтобы усугубить впечатление: «Действительно, если подходить к рассказу с реалистической оценкой, "Ночной разговор" <...> неправдив и неприемлем, ибо в нем из условно допустимых частностей создано безусловно недопустимое целое».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (21 апреля (№ 93). С. 1).

Апрель, 21. В.Н.Муромцева сообщает Бунину в письме из Москвы о своем самочувствии, а также пишет:

«Денежные дела так: у Юл.Ал.<Бунина> больше тысячи, если за апрель заплатит Блюменберг. Через несколько дней отправлюсь к Е.Ан.<Телешовой> и отвезу тысячу, а процентами можно заплатить сто рублей, остальные деньги спрячу в Лионский <кредит>, и если лето пройдет благоприятно, то у нас в запасе будет около 4000 рублей. Я зря деньги никуда не трачу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/70 оф.

П.А.Нилус в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«Что касается несостоявшегося путешествия в Испанию, то причина заключается в том, что у Ивана не было ни непосредственного к тому желания, ни достаточно сил: он как раз в те дни, когда нужно было решить вопрос о путешествии – он себя дурно чувствовал, да и я прихворнул».

Письма (*2*). С. 610.

Апрель, 17...24. Выходит в свет 2-е издание книги П.С.Когана «Очерки по истории новейшей русской литературы» (В 3 т. М.: Кн-во «Заря», 1912. Т. 3, вып. II: Современники), в которой (с. 113–132) помещается статья «И.Бунин».

Данная статья опубликована ранее. См.: 10...17 февраля 1910, первая запись.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Апрель, 25. В петербургской газете «Современное слово» (№ 1544. С. 2) публикуется статья А.Ожигова «Литературные мотивы».

Критик пишет: «Не правда ли, это любопытная черта, что правый и левый лагеря сходятся в оценке современной деревни почти буквально тождественным образом? Родионовы и Фонвизины с одной стороны, и И.Бунин — с другой? Они точно родились под знаком одного и того же миросозерцания и точно одними и теми же глазами смотрят на весь современный развал деревни... <...>

Нам пришлось мимоходом отмечать жуткий рассказ И.А.Бунина “Ночной разговор” (в 1-м “Сборнике” издательского товарищества писателей). Рассказ жуткий не только по своему содержанию, но и по тем мыслям, какие он навевает, и по тому настроению, которое он, очевидно, рассчитывает вызвать. Он затрагивает смело последние раны общественной мысли, работавшей над вопросами жизни крестьянского мира. И сугубо реально демонстрирует свои художественные доказательства. <...> Резкостью, прямолинейностью и жестокостью веет от всех этих картин. Правдивы ли они? Бесспорно. В них сама жизнь. Но ведь это только эпизоды жизни, куски, разбитые осколки после 1905 года. Обобщить их было равносильно тому, чтобы по уголовным процессам лиц отдельных сословий судить о последних в целом. Это та точка зрения, на которую в области политики встает бюрократия, особенно когда она говорит о крестьянской массе и ее культурном уровне, от которого будто бы зависят и культурные методы правительственного управления.

Но художнику должно быть мало дела до политики. Он рисует жизнь. И если рожа крива, то нельзя пенять на зеркало. Для нас важно только отметить в таком отношении к современной деревне черты теперешних переживаний, которые заставили уже И.А.Бунина в его “Деревне” прийти к самым безотрадным выводам».

См.: 11 апреля 1912, пятая запись.

Апрель, до 27. Л.С.Баткис пишет Бунину по городской почте в Одессе:

«Простите, что вновь беспокою Вас, но дело в том, что я прослышал о скором Вашем отъезде из Одессы и захотелось Вам написать — снова искренно и горячо поблагодарить за все сделанное Вами для меня... Правда, мне в “<Одесских> новостях” пристроиться не удалось, т.к. г-н Хейфец систематически и демонстративно браковал мои стихотворения. <...> Вы — мой идеал в современной поэзии. Если б я был хоть немного похож на Вас в творчестве! — но Вы уезжаете. У меня к Вам большая просьба: я хотел бы получить на память Вашу фотографическую карточку с автографом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2984/1оф.

Апрель, 27. Выходит № 18 петербургского журнала «За 7 дней», в котором (с. 454–456) печатается рецензия «Сборник товарищества писателей». Подпись: Л.М-ч.

Рецензент отмечает: «Этот сборник, как и многие другие, очень хороший сборник: писатели все видные, с именами, и рассказы хорошие, настоящие: есть здесь вещь г. Бунина, г. Ценского, <...> г. Шмелева <...>, Алексея Н.Толстого».

Апрель 27 или 28. Бунин уезжает из Одессы в Москву.

См.: 30 апреля 1912, первая и вторая записи.

Апрель, 28. Л.С.Баткис сочиняет стихотворение в прозе «Разлука» («В углу на перроне вокзала стою...») с посвящением Бунину и, очевидно, посылает его Бунину. Авторская дата: «28.III.912. Одесса».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 56, л. 3.

В петербургской газете «Новое время» (№ 12976. С. 9–10) печатается рецензия Н.Н.Вентцеля на первый сборник Издательского товарищества писателей «Беллетристика товарищества писателей». Подпись: Ю-н.

Рецензент пишет: «Книгоиздательское товарищество, выпустившее свой первый сборник, пожелало показать товар лицом: в качестве "маститых" выступают почетный академик И.Бунин и "мэтр" В.Брюсов».

Пересказав сюжет рассказа «Ночной разговор», критик отмечает: «...особой манерой согласования, при которой относящееся к существительному прилагательное неизменно ставится не в том роде или падеже, как существительное ("понятная дело", "нету моей козе"), г. Бунин демонстрирует свое основательное якобы знание народного быта».

В петербургской газете «Речь» (№ 115. С. 3) помещается статья Д.Н.Овсянико-Куликовского «Литературные беседы. (Издательское т-во писателей. Сборник первый. С.-Петербург. 1912)».

Критик пишет о рассказе «Ночной разговор»: «Это, можно сказать, "гвоздь" сборника и в то же время произведение, способное вызвать у читателей некоторые нежелательные недоумения, аналогичные тем, какие в свое время вызывал знаменитый рассказ Чехова "Мужики"». «Ночной разговор (кстати сказать, воспроизведенный с законченной художественностью и тонким пониманием народного языка и народной психологии)» дает гимназисту «факты, дотоле ему неизвестные, но эти факты не помогли ему узнать народ, и юный народник убедился, что изучить народ не так-то легко... <...> Такие вещи, как рассматриваемый рассказ И.А.Бунина и его же "Деревня" вносят в это дело свою лепту. Автора упрекали, будто он в этих произведениях отнесся к мужику не объективно, не беспристрастно, и видели здесь отголосок дворянского, помещичьего испуга и озлобления, вызванного аграрными беспорядками 1905–1906 годов. Но это несправедливо. Ни испуга, ни озлобления не видать в этих произведениях, а равно, не видно и тенденции противопоставить мужицкой дикости дворянскую культурность. Здесь, как и в других рассказах из народного быта (напр.: "Захар Воробьев", "Сила" и др.), автор неизменно обнаруживается пытливым и вдумчивым художником, который холодным, бесстрастным взором всматривается в различные явления народной жизни, воспроизводя их с точностью этнографа и бытописателя. Лица выступают ярко и отчетливо с своею повадкою и колоритною речью (которою автор мастерски владеет); по всему видно, что они не выдуманы, а написаны с натуры. Но они — не копия, а результат художественной переработки впечатлений и наблюдений, в которой всякая мелочь на своем месте, все продумано, согласовано и — в известной мере — стилизовано. Эта вдумчивая, тщательная, филигранная работа психологически исключает возмож-

ность участия в ней таких антихудожественных элементов, как страх, озлобление и предвзятость. Мало того, И.А.Бунин — художник осмотрительный и осторожный, он воздерживается от широких обобщений, предпочитая изображение конкретных явлений, в котором, конечно, как во всем художественном, есть доля типичности, но выведенные лица — не символы и не схемы, способные обобщать множество разнообразных явлений, и даже не типы, подводящие итог группе аналогичных фактов. В обрисовке лиц, в их освещении, их постановке как будто даже сквозит намерение предостеречь читателя от скороспелых и рискованных обобщений».

Апрель, до 30. В Петербурге выходит в свет № 1 журнала «Заветы», в котором (с. 20–61) публикуется рассказ «Веселый двор» с подзаголовком «Повесть».

Граница события определена по объявлениям: газета «Одесские новости» 31 марта 1912 г. сообщает, что № 1 журнала «Заветы» выйдет в апреле. В «Московской газете» (16 апр. (№ 184). С. 5) в рубрике «Книга» сообщается, что № 1 «Заветов» выйдет «на днях». См. объявление о выходе № 1 журнала «Заветы» в газете «Русские ведомости» (1 мая (№ 100). С. 2). См. также: 2 мая 1912, вторая запись; 5 мая 1912; 6 мая 1912.

Выходит книга Л.Гуревич «Литература и эстетика. Критические опыты и этюды» (М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1912), в которой помещается статья «Без мерил», в частности, рассматривающая повесть «Деревня».

Данная статья опубликована ранее. См.: май 1910.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (1 мая (№ 100). С. 2) о «только что вышедшей» книге.

Апрель, 30. Бунин приезжает в Москву; останавливается в доме Муромцевых (Столовый пер., д. 11).

Бунин пишет С.А.Венгерову:

«простите поздний ответ: только что получил Ваше письмо. На днях исполню Вашу просьбу».

Письма (2). С. 225.

В газете «Киевская мысль» (№ 119. С. 2) печатается статья Л.Войтоловского «Журнальное обозрение».

Критик, в частности, пишет: «Много статей и разговоров вызовет также и повесть Ив.Бунина “Суходол”. Больше всего, вероятно, будет кислых мин по адресу авторского пессимизма, хотя на сей раз безотрадные отрицания Бунина никак не укладываются в рамки “дворянской подоплеки”. Его грязную, больную, разлагающуюся “Деревню” — по ленивой ремесленнической привычке — пытались объяснить затаенным презрением эстета и барина. Но “Суходол” это повесть о дворянском гнезде, о покосившихся барских усадьбах, о тенистых парках, о покрытых мохом буграх, под которыми покоятся старые дворянские кости, — и от этой печальной дворянской летописи веет тем же жутким разложением, как и от мужицкой “Деревни”.

Вернее сказать, это все тот же Бунин, каким мы знали его всегда. И другим, разумеется, он быть не может. Тот клочек жизни, который изображает художник, есть только видимая часть того обширного мира, который художник постоянно носит в

груди. И в душе неподдельного поэта этот мир — один. Может быть, отдельные части его забываются даже самим художником. Но всмотритесь в них пристально и вы тотчас узнаете тот горизонт, то духовное небо, под которым они возникли. Художник не может впадать в противоречие со своим принципом потому, что он пишет не из тех или иных теоретических соображений, а в силу того, что обладает дарованием сообщать и деревенскому кабачку и барской усадьбе только ту, а не иную окраску. И в этом нет ни заслуги, ни вины: в каждом своем произведении художник не может не показываться перед нами во всей своей наготе.

Основной тон поэзии Бунина — отсутствие чувства поклонения. Родина, свобода, народ — эти слова оставляют его холодным. Он, говоря прекрасным старинным словом, — писатель безочарованный. Он чувствует себя всегда одиноким среди людей и грустным перед лицом природы. Но его меланхолия лишена мечтательности; в ней много задумчивости с горьким привкусом пессимизма. Если сопоставить Бунина с Горьким, <...> то не трудно заметить, что между этими двумя писателями существует такое же соотношение, как между Бальзаком и Жорж Занд. Я говорю не о размерах, а о свойствах таланта. У Горького, как у Жорж Занд, на первом плане неистощимое восхищение миром, и вместе с великой французской идеалисткой Горький мог бы сказать: я не стану упрекать художника, если он немного прикрасит мир и превратит человеческую трагедию в человеческую пастораль или поэму. Бунин подобен Бальзаку: подобно автору "Человеческой комедии" он никогда не остановится перед самым суровым разоблачением действительности.

Только не надо думать, что это намеренное пристрастие в сторону отрицания жизни. Когда я читаю Бунина, у меня такое чувство, будто растет человек, который не связан со своими героями не только узами дружбы, но даже чувством простой снисходительности. Однако — не человек "вне жизни и общества", как называют его некоторые критики, а только раз навсегда оборвавший все затаенные пристрастия. <...> Бунин считает себя не выше и не ниже земли. Он только страдает тихим, но неукротимым недоверием к жизни. Он все знает, все готов принять и освятить. Но под кладбищенской травой ему чудятся незаглохшие вопли; в слезах и муках прозревает он какой-то прекрасный смысл; в страстных думах, в благородном порыве он слышит голоса, идущие из могил. И он в холодном раздумье останавливается пред палачем и пред жертвой, пред подвигом и пред злодейством.

Тем же чувством холодного недоверия пропитана и новая повесть Бунина "Суходол". <...> История "Суходола" это все та же история русской "Деревни", но взятая с дворянского конца. Опьяненные Тургеневым, Гончаровым, Толстым, мы жили в обольщении помещичьей стариной, красотой и культурностью ее "дворянских гнезд". Пращуры нынешних Хрущевых — страстные лентяи, мечтатели, говоруны — окружены были в наших глазах обаятельным ореолом романтики. Но на поверку оказывается, что никакой романтики не было. <...>

И дальше, страница за страницей Бунин изображает крохотный кругозор, бездомность, грубость ума и страх жизни в Суходоле. Создается гнетущая картина, не уступающая в мрачной сгущенности "Деревне". Но повторяю, это не брезгливая гримаса эстета. Можно Бунина упрекать в чрезмерном безверии, но он вправе ответить нам словами Байрона и Герцена: "с чего ж начать, чтоб *поверить*, когда не

веришь, — как это сделать?" <...> Но если бы Бунин действительно нарисовал картину, внушающую одно отвращение, он не был бы истинным художником. Он не исполнил бы назначения последнего: пробуждать любовь к своим описаниям. Как ни жесток и страшен суходольский быт, — при чтении многих страниц вас охватывает щемящая грусть. Тоска по ушедшему, нелепому, жалкому, но все же близкому. <...> Этим беззлобным и грустным состраданием Бунин сумел окружить всю повесть. И если местами он слишком густо мажет черною краской, то это проистекает от его художественной манеры — злоупотреблять мелочами. Это та утрированная психологическая протокольность, о которой я уже много раз писал, говоря об этом художнике. По обыкновению Бунин старается щеголять этнографическим колоритом и рассыпает такие словечки, как "будылястый", "бывалыча", "изстрекается" и т.п. Есть одно красивое слово: "степная глухомань"».

Апрель, 25...30. В «Московском книгоиздательстве» выходит книга «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912. 256 с.). Тираж 2000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание: **Рассказы:** Беден бес, Старая песня, Сон Обломова-внука, Иудея, Пустыня дьявола, Мертвое море, Храм Солнца; **Стихотворения 1907–1910 г.:** Цикады («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»), Прометей в пещере («Вокруг пещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...»), Звездопоклонники («Мир не забудет веры древних лет...»), Бог («Дул с моря чистый ветер, месяц рогом...»), В Архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...»), Горный лес («Тих горный лес. В долину тень сползла...»), Собака («Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей...»), Могила в скале («То было в полдень, в Нубии, на Ниле...»), Люцифер («В святой Софии голуби летали...»), В детстве («Я помню сумрак каменных аркад...»), Солнечные часы («Те часики с эмалью, что впотьмах...»), Остров («Ноябрь, сырая полночь. Городок...»), До солнца («Как стая птиц, в пустыне, одиноко...»), Полдень («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»), Бог полдня («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...»), Последние слезы («Изнемогла, в качалке задремала...»), Гальциона («Когда в волне мелькнул он мертвым ликом...»), Рыбачка («— Кто там стучит? Не встану. Не открою...»), Морской ветер («Морского ветра свежее дыханье...»), Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Караван («Звон за оградой, нежный, полусонный...»), Иерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»), Бедуин («За Мертвым морем — пепельные грани...»), Пилигрим («Стал на ковер, у якорных цепей...»), Вечер («О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»), Гробница Рахили («И умерла, и схоронил Иаков...»), Источник звезды. Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...»), След («...Ушли с рассветом. Опустели...»), За Дамаском («Щебечут пестрокрылые чекканки...»), Спор («— Счастливы мы, Фессалийцы! Черное, с розовой пеной...»), Смерть («В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...»), Мертвая зыбь («Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката...»), В Мессинском проливе («На темном рейде струнный лад...»), Колибри («Трава пестрит — как разглядеть змею...»), Вино («— На Яйле зазеленели буки...»), Старинные стихи («— Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), Вальс («Похолодели лепестки...»), Дача («Открыты окна. В белой мастерской...»), Прощание («Поблекший дол под старыми платанами...»), Матери («Я помню спальню и лампадку...»), Няня («В старой темной девичьей...»), Пустошь («Мир вам, в зем-

ле почившие! — За садом...»), Вдовец («Железный крюк скрипит над колыбелью...»), Христя («Христя угощает кукол на сговоре...»), На току («Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»), Без имени («Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...»), В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»), Будни («Бегут, бегут листы раскрытой книги...»), Сиротка («Шла сиротка пыльною дорогой...»), В роще («Там иволга, как флейта, распевала...»), Туман («Сумрачно, скучно светает заря...»), Кружево («Весь день метель. За дверью, у соседа...»), Сторож («И снова вечер, сухо позлативший...»), Берег («За окном весна сияет новая...»), Колдун («В мелколесье пело глухо, строго...»), Сенокос («Среди двора, в батистовой рубашке...»), Лимонное зерно («В сырой избушке шорника Лукьяна...»), Мужичок («Ельничком, березничком — где душа захочет...»), Дворецкий («Ночник горит в холодном и угрюмом...»), Криница («Торчит журавль над шахтой под горой...»), Песня («На пирах веселых...»), Песня («Зацвела на воле...»), О Петре-разбойнике («В воскресенье, раньше литургии...»), Зимняя вилла («Мистраль качает ставни. Целый день...»), Памяти («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...»), Сполохи («Взвевая легкие гардины...»), При дороге («Окно по ночам голубое...»), В первый раз («Ночью лампа на окне стояла...»), Березка («На перевале дальнем, на краю...»); Байрон. Небо и земля. Мистерия.

Из 77 произведений, включенных в книгу, 5 стихотворений: Вечер («О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»), Лимонное зерно («В сырой избушке шорника Лукьяна...»), Дворецкий («Ночник горит в холодном и угрюмом...»), Криница («Торчит журавль над шахтой под горой...»), Памяти («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...») — печатаются здесь впервые.

Дата выхода определена по объявлениям в газете «Русские ведомости»: 24 апреля (№ 95. С. 6) газета сообщала о поступлении книги в продажу «на днях», а 1 мая «Русские ведомости» (№ 100. С. 7) извещали о поступлении книги в продажу. Тираж книги установлен по: *Книжная летопись.*

Апрель. В московском журнале «Путь» (№ 6. С. 48–54) печатается рецензия Ю.Васильева «Товарищеский сборник».

Рецензент, в частности, пишет: «“Ночной разговор” Бунина это новый этап в области тех рассказов “о мужике”, в резкой правдивости красок которых упрекали еще Чехова после “В овраге”. Но, оставаясь глубоко правдивым и насколько можно объективным в передаче тех страшных рассказов о зверстве, насилии, убийствах, которые ведут его мужики, совершившие и эти убийства, и эти зверства, — Бунин, все же думается, не пожалел именно черных красок, а в самом тоне его не чувствуется сострадания к этим слепым и жалким людям — убийцам, людям-зверям...

У Бунина мало любви и много холодной наблюдательности, нет сострадания, а есть безнадежные выводы о тупости, о зверстве, о поражающем цинизме...».

Май, 1. В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 98. С. 3) помещается статья Е.А.Колтоновской «Новости беллетристики».

Критик пишет: «В “Вестнике Европы” (кн. IV) помещен чрезвычайно интересный рассказ Бунина “Суходол”.

И по теме, и по настроению он тесно примыкает к его “Деревне”. Только там — специально мужицкая деревня, а здесь смешанная — мужицко-дворянская, и притом не современная, а старинная, еще крепостная.

В новом рассказе Бунина еще сильнее желание углубиться, добраться до корней не только деревенской, и всей русской жизни, и по прошлому познать настоящее. Краски его мрачны, еще более мрачны, чем в "Деревне", а выводы безотрадны. <...>

Колоритно и поэтично, с налетом грусти и иронии, описывается старая крепостная деревня Суходол. <...>

Сделанные выписки дают достаточно ясное представление об основном настроении рассказа Бунина, написанного красиво, но не совсем стройно, с частыми отступлениями, перерывами и повторениями.

Проникновение автора в глубь национальной психологии отличается почти мистической остротой и искренностью. Но, все же, его настроения субъективны, и безотрадная мрачность, звучащая в его приговорах, не для всех приемлема. <...> И впечатлениям Бунина, нашего типичного современника, невольно хочется противопоставить впечатления других наблюдателей русской жизни, таких, от которых не могло ускользнуть ее национальное лицо. Если подмеченное Буниным истинно славянское, вырожденское — не преходящая, обусловленная молодой культурой черта, а коренная, вечная, предопределенная, то как же ее не заметили ни Пушкин, ни Тургенев, ни Чехов? Даже такой классик в обрисовке национальной физиономии, как Гончаров, и тот не обнаруживает склонности к подобным смелым обобщениям и приговорам. Очевидно, эта нервическая смелость — черта нашей современности, и к тем выводам, которые она подсказывает, нужно относиться с осторожностью, как бы они ни были искренни и своеобразны».

Май, 2. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Веселый двор».

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «"Среда" — "Веселый двор". — Успех большой».

Дневники. Т. 1. С. 116.

См.: 8 мая 1912, вторая запись.

В газете «Старый владимирец» (№ 97. С. 2) помещается рецензия на № 1 журнала «Заветы». Подпись: О.В.

Рецензент, в частности, пишет: «В книжке имеется еще повесть И.Бунина "Веселый двор" — в духе усвоенного этим талантливым писателем в последнее время нового для него жанра — ярких картин из народного быта».

Май, 3. П.А.Нилус сообщает Бунину в письме из Одессы:

«...я перехожу, наконец, в "Од<есский> листок", где меня пока принял с почестями Александровский. <...>

P.S. Конец пьесы изменил по совету Юшкевича. Порецкий не выдерживает роли, убегает. Ю<шкеви>чу пьеса нравится, говорит, может иметь успех».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 24.

Май, до 5. Бунин входит в жюри «Конкурса имени С.Я.Надсона», объявленного московским Обществом деятелей периодической печати и литературы.

См.: Одесские новости. 1912. 6 мая (№ 8714). С. 2.

В московской газете «Русское слово» (23 мая (№ 117). С. 5) в информационной статье «Конкурс имени С.Я.Надсона» сообщается: «Московское общество деятелей

периодической печати и литературы объявляет конкурс лирических стихотворений на русском языке на соискание премии С.Я.Надсона, пожертвованной А.К.Энгельмейером». В состав жюри входит среди прочих Бунин, председатель жюри В.В.Вересаев.

Май, 5. В харьковской газете «Южный край» (№ 10749. С. 2. Вечерний вып.) помещается информационное сообщение «Веселый двор». Без подписи.

В заметке говорится: «На днях, по словам "Ст<оличной> м<олвы>", должно увидеть свет новое произведение Ив.Бунина – повесть о матери и сыне под названием "Веселый двор".

Эта повесть помещена в первой книге петербургского журнала "Заветы", который не выйдя еще в продажу, встретил уже на своем пути терния...» Далее дается содержание рассказа.

Май, 6. В московской газете «Русское слово» (№ 103. С. 8) печатается статья «Заветы». Без подписи.

Рецензент отмечает: «Вышедший № 1-й петербургского журнала "Заветы" представляет интерес как в отношении беллетристического, так и научного отделов. <...> С большим интересом читаются М.Горький "Рождение человека" и Ив.Бунин "Веселый двор"».

Май, 8. А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«Сегодня получили Ваше милое письмо и как нельзя более кстати, потому что завтра думаем ехать в Петербург недели на две». Приглашает приехать погостить в Клеевку и отмечает: «"Глухих ночей", которых Вы опасаетесь, до августа не предвидится. <...>

Зная хорошо Вашу "английскую складку" в отношении работы, думаю, что опасение Ваше "разболтаться" у нас в Клеевке, — только отговорка, тем более, что в лице мамы Вы будете иметь союзника во всем, что касается распределения Вашего (и моего тоже) рабочего дня.

Лестное внимание Вашего Превосходительства к моим скромным опытам глубоко меня трогает. Тем не менее, я нисколько не обольщен своими дарованиями. <...>

Теперь второе очень важное для нас дело: мама и я ждем обещанной Вами посылки с нетерпением! <...> Присылайте, родной мой, ради Бога, поскорее, ведь Вы верите, как нам приятно прочесть каждую Вашу строчку (рифмованную или нерифмованную).

Относительно "Ночного разговора" я оказался пророком, говоря на Капри Вере Николаевне, что Вас будут ругать. И вот "Русское богатство" уже выслало на Вас Редьку во всеоружии критической тупости и доктринерства. <...> В "Современном мире" этот удивительный по своей беспощадной правдивости рассказ встречен кисленькой гримасой Рогачевского. Все это, на мой взгляд, — хорошо и иначе быть не может, ибо Вы — не от мира сего, посему и не любит Вас мир».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/6 оф.

См.: до 21 апреля 1912 .

Д.И.Басманов посылает Бунину «Одесский листок» со своей статьей о рассказе «Веселый двор» (см. ниже) и пишет в сопроводительном письме:

«Не судите строго за технику его <фельетона>, ибо писать ночью после чтения Вами повести в кружке торопился, чтобы оно раньше выхода книги попало в Одессу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2999 оф.

См.: 2 мая 1912, первая запись.

В газете «Одесский листок» (№ 106. С. 2) помещается статья Д.И.Басманова «“Веселый двор” И.А.Бунина. (Письмо из Москвы)».

Журналист пишет: «“Веселый двор” — так называется новая, еще не изданная, повесть И.А.Бунина. Г. Бунин читал ее в рукописи среди тесного кружка литераторов и художников, имеющих доступ на “Среды” литературно-художественного кружка. И такова уже сила обаяния этого симпатичного и властного дарования, что обыкновенно вялая и пустующая за последнее время “Среда”, на этот раз стала “большим днем” в литературном календаре, и довольно большое помещение, отведенное для чтения, с трудом вмещало всех пришедших сюда. <...> Вот автор дочитал последние строки “Веселого двора”, и прежде чем начались прения, в красивой паузе, аудитория как бы еще раз переживала весь трепет перед жгучим захватом страшной трагедии русской деревни, развернутой в красивом и ярком произведении Бунина. <...>

И, дав эту краткую характеристику Анисьи, с какой любовью, в каких мягких и светлых тонах рисует дальше автор духовный мир этого кроткого безответного существа. <...> Г. Бунин изображает ее всю жизнь — безответно ищущее ласки и привета женское сердце, — и все это вырисовано автором в тех кристальных тонах, которые невольно возвращают меня к лучшим, давно забытым дням повести В.Г.Короленко в расцвете его художественного творчества. <...> И забываешь то, как длинен путь этой старухи, и не утомленный ни на одну минуту, с чувством боли и с сознанием какой-то общей вины, слушаешь все это красивое и в то же время до жути ликующей страшное параллельное описание природы и психики умирающего от голода человека. <...> начались прения и обмен мнений о повести. И после дани восторга перед художественной стороной ее, послышались робко высказываемые сомнения в том, есть ли в повести “социальный фон”, столь необходимый для писателя-народника, прав ли автор в своем пессимистическом отношении к русской деревне, действительно ли такова ее жизнь? <...> Да какого же социального фона еще надо? <...> И когда И.А.Бунин в ярких, душу захватывающих картинах рисует трагедию вырождения русской деревни, когда нежно и любовно открывает он духовный мир умирающих от голода и нищеты героев этой трагедии, разве не зовет он этим самым сильнее всяких прямых воззваний к исполнению забытого долга перед деревней! И разве есть у нас право требовать от него еще какого-то “социального фона”? Нет, “Веселый двор”, под впечатлением которого долго еще останется каждый, кто слышал его, только тверже и основательнее упрочит за своим творцом имя писателя не только художника, но и общественника».

В газете «Полтавская речь» (№ 293. С. 3) в рубрике «Библиография» печатается рецензия на 38-й «Сборник товарищества “Знание”». Подпись: П.М-н.

Рецензент, отметив, что «Сказка» М.Горького «надуманна и туманна», пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «Проще и ярче рассказ Ив.Бунина о смерти мужика Захара Воробьева. <...>

Г. Бунин находит нужные краски, чтобы нарисовать картину деревенской природы, чтобы изобразить быт мужика и томление его души. Его рассказ выдержан и колоритен».

Май, 9. Бунин вместе с Ю.А.Буниным и Д.А.Пушешниковым посещают Симонов монастырь.

В дневнике Бунин записывает: «Юлий, Митя и я ездили в Симонов монастырь.

Потом в 5-ом часу были у Тестова. Говорили о Тимковском, о его вечной молчаливой неприязни к жизни. Об этом стоит подумать для рассказа».

Дневники. Т. 1. С. 116.

Май, до 10. Бунин посылает П.Н.Сакулину «Перевал и другие рассказы» (4-е изд. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд. М., 1912), очевидно, с дарственными надписями.

Данные экземпляры книг неизвестны. См.: 14 мая 1912, вторая запись.

Май, 10. В письме С.А.Венгерову Бунин отсылает его за сведениями о себе к словарям, энциклопедиям и пишет:

«Статей обо мне, как Вы знаете, было, не в пример моим мудрым и гениальным современникам, не так уж много, да и тех большинство (даже хвалебных) таково, что нет охоты даже и вспоминать их. Написать автобиографию – рассказать жизнь в ста строках – дело очень трудное, автобиография, чем короче, тем труднее, и посему не могу твердо обещать Вам ее. Работы у меня сейчас – выше головы, а Вам, вероятно, автобиографии нужны вскоре будут».

Письма (2). С. 226.

Май, 11. В.И.Костылев пишет Бунину:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, извините за *второе* обращение, но Вы для меня действительно *дороги*, как первый писатель, с которым меня свела судьба во дни моих первых литературных опытов, первый, отнесшийся так внимательно и терпеливо к моим писательским поползновениям. Чувства, связанные с теми днями, похожи на чувства первой юной любви, и я рад, что мне пришлось с первым встретиться именно с Вами, так как идеал писателя, который свойственно рисовать себе людям, вступающим в литературу, – нарушен не был. И я в глубине души затаил желание тогда быть, именно таким писателем как и Вы. Зная теперь ближе литературную среду, <...> я уверен, что великую бы горечь и разочарование испытал я, если бы столкнулся тогда с одним из современных знаменитых писателей (без определенного намека, ибо имя им легион).

Кроме всего этого, я люблю Вас как писателя-художника, в высшей степени добросовестного в отношении внутренней разработки своих произведений, – все мотивировано и логически связано – Ваше перо строгое и смелое, и даже тогда, когда оно пишет и не новые слова, последние приобретают

вес и особое художественное значение, и это потому, что Вы — истинный художник, т.е. каждое Ваше слово непосредственно вырастает из самого естественного положения вещей, которые Вы описываете, оно имеет корни и является живым, а не бумажным (книжным, банальным) цветком. Может быть, изо всех писателей наших дней Вы самый простой и благородный в отношении всего, что связано у нас с представлением о литературе, вы не служите современной писательской мамоне и идете своей дорогой, сдержанный и холодный перед лицом публики, жаждущей сенсаций.

За то Вы останетесь. Вас одинаково будут читать, как и взрослые, так и маленькие дети в хрестоматиях, а это есть великое достоинство. К этому стремились все великие писатели. <...> видит Бог, все это говорю от души, ибо слишком люблю родную литературу, слишком ценю ее верных хранителей и прочных столпов, с которыми как-то и самому спокойнее и радостнее работается. <...>

Очень прошу сделать, на память, надпись на книге».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 124, л. 1–2.

Май, 12. Переводчик Э.Шиман пишет Бунину:

«"Московское книгоиздательство" публикует в "Русских ведомостях" издание Ваших рассказов (с 4 апреля с.г.). Покорнейше прошу Вас разрешить мне перевести вышеупомянутые произведения на немецкий язык. Я, хотя родился и провел мое детство в России, но владею немецким языком лучше русского. Я стою в сношении с хорошим издательством, которое не отказалось бы издать Ваши "Рассказы", если Вы согласитесь авторизировать мой перевод. За единственное право перевода я предлагаю Вам 20–25% полученного мною гонорара. Насколько мне известно, Вас далеко недостаточно знают в Германии».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 239.

Переводил ли Э.Шиман рассказы Бунина неизвестно.

В харьковской газете «Южный край» (№ 10761. С. 2. Вечерний вып.) печатается статья «Листки критика». Подпись: Феникс.

Журналист пишет: «Академический Иван Бунин, — поэт, владеющий прекрасными словами и образами, автор великолепных путевых очерков и картинок, но как беллетрист...

Как беллетрист он слаб.

То слишком поэтичен, то темен в мудрствовании.

Не многих удовлетворила в свое время "Деревня", вся овеянная интеллигентским пессимизмом.

Быт бытом, но многое в ней было и от выдумки и от разочарования во вчерашних исканиях.

Но главное, большое произведение не мирилось и как бы разрывалось мозаикой детальных описаний природы, лиц, хат.

Манера миниатюриста совсем не годится для создания большого и цельного полотна.

Теперь Бунин написал "Веселый двор" и "Суходол".

И здесь больше мудрствования, чем беллетристического рисунка.

И здесь больше поэтического внимания отдается травкам да овражкам, чем человеческой психологии.

Поэзия и беллетристика — эти дороги не всегда сходятся.

И вот критика снова хмурится, снова недовольна.

И Редько в "Русском богатстве" уже обвиняет Бунина. <...> Суровый критик до известной степени прав».

См.: до 21 апреля 1912.

Май, 13. В одесской газете «Русская речь» (№ 1920. С. 3) публикуется статья «Порча языка». Подпись: Старый журналист.

Критик, в частности, отмечает: «Уличным говором у нас в последнее время злоупотребляют, и произведения "изящной" словесности пестрят такими словечками, которые и сам народ считает паскудными.

Академик Бунин пишет целые страницы по-мужицки со всеми неправильностями деревенской речи». Далее цитируется рассказ «Ночной разговор». «В рассказах Подъячева находим множество местных выражений, которые не всякий москвич поймет. <...>

Бунин и Подъячев могут сказать, что они стараются передать как можно реальнее крестьянский быт».

В иркутской газете «Сибирь» (№ 110. С. 3) печатается статья И.И.Попова «Веселый двор».

Критик пишет: «Под таким названием напечатана в журнале "Заветы" новая повесть Ив.Бунина. Книжка уже должна была выйти, но на пути встретились кое-какие препятствия. Журнал этот обещает быть интересным, но первую книжку его мы еще не видели. Повесть же г. Ив.Бунина слышали в чтении самого автора.

"Веселый двор" принадлежит к циклу рассказов и повестей автора из народной жизни. Отношение Ив.Бунина к народу отличное от того, которое мы находим у Гл.Успенского, с его правдивым, участливым, внимательным изображением жизни народа. Отличается г. Ив.Бунин в описании мужицкой жизни и от оптимиста, восторженно относящегося к народу Н.Н.Златовратского. <...>

Деревня для ителлигенции — все еще неразгаданный сфинкс. Не думаем, чтобы и рассказы Ив.Бунина осветили этот сфинкс и разрешили загадку многомиллионного народа.

Г. Ив.Бунин в изображении народной жизни ближе всего подходит к А.П.Чехову ("Мужики") и, пожалуй, является более пессимистом, чем покойный Чехов.

Художник в своей "Деревне" выводит скорее отрицательные типы и дает описания деревни в мрачных и безотрадных красках. Каждая строка его дышит глубоким пессимизмом. Такое отношение автора дало повод упрекам его в отсутствии объективизма, в предвзятости взглядов, в барском отношении к мужику.

Мы не разделяем взглядов Ив.Бунина на народ, но в то же время далеки от мысли обвинять его в барском отношении. Что же касается объективизма, то думаем, что художник всегда должен быть субъективным, ибо он претворяет в образы свои личные впечатления. Субъективен был и Тургенев, идеализируя в "Записках охотника" народ, субъективен был и Гл.Успенский. Но произведения Тургенева и "народников" были согреты любовью к народу, и этой любви мы не находим в повестях

Ив.Бунина. Читая их, нам кажется, что автор раздражен, видя безысходную тупость, отсутствие минимальной культурности, грубость и даже жестокость народа.

Но деревня ему кажется такой, какой он ее изображает, деревня, стоящая в тупике, и из этого тупика нет выхода. Автор не объясняет причины, загнавшие мужика в тупик, а констатирует самый факт. Очень вероятно, что изображения деревни Ив.Буниным не должны считаться обобщающими, что они имеют местный характер, и поле наблюдений автора было слишком узко, чтобы делать обобщающие выводы. Художник на это и не претендует: он дает то, что видел... Очень вероятно, пессимизм автора сгущает краски, благодаря чему получается безотрадная картина. Но пока нет художника из народа, мы не можем игнорировать описания такого крупного из современных писателей, каким является Ив.Бунин, а эти описания поистине ужасны. <...>

И в последнем рассказе "Веселый двор" сохранены все особенности автора, но этот рассказ слушается и читается с захватывающим интересом, интересом несравненно большим, чем предыдущие рассказы того же автора из деревенской жизни.

Прекрасны в нем описания природы и строго выдержаны типы героев. <...>

Глубокой безнадежностью дышит рассказ, и от этой безнадежности, беспросветной тьмы, становится больно и стыдно не столько за деревню, сколько за всех нас».

Май, 14. Бунин посылает С.А.Венгерову статью С.Спиро «И.А.Бунин» (Русское слово. 1909. 3 ноября) по поводу избрания в академики и пишет:

«...посылаю Вам небольшую газетную заметку обо мне. Может быть, кое-что пригодится Вам».

Письма (2). С. 226.

П.Н.Сакулин пишет Бунину по городской почте:

«Искреннее спасибо за внимание. "Перевал" и "Рассказы" получил уже несколько дней тому назад, но академическая Москва никак не хочет выпускать меня из своих жестких объятий, и я только теперь удосужился написать Вам эти несколько благодарственных строк. — Возьму Ваши книги с собой в деревню, и будем с женой перечитывать.

Не стану говорить Вам никаких пустых и всегда скучных комплиментов, а просто прошу Вас принять мою сердечную благодарность».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3135 оф.

А.С.Черемнов в письме Бунину сообщает:

«Приехали мы в Петербург недели на две, и я сразу окунулся по уши в литературное болото. <...> Был вчера в редакции "Заветов". <...> Получил конфискованную книжку. Все здесь ее хвалят — и по справедливости. Книжка интересная. <...> Собираюсь давать рецензии о новых сборниках. <...> Присылайте Вашу книжку, молодой человек! Я-то ведь напишу получше Львова-Рогачевского, а Вам, как начинающему, полезно будет заручиться отзывом опытного и популярного критика. <...> начинайте собираться <...> с конца июня по конец июля — самое лучшее время в деревне».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/7 оф.

В «Московской газете» (№ 190) печатаются материалы о Бунине:

— информационная заметка «Юбилей академика И.А.Бунина». Без подписи (с. 3).

В заметке говорится: «В московских литературных кругах возбужден вопрос о чествовании И.А.Бунина по случаю 25-летия его писательской деятельности, исполняющегося в начале октября текущего года. Литературная судьба И.А. сложилась очень удачно.

И.А.Бунин начал в качестве поэта 16-летним юношей, он дебютировал в журнале "Родина" несколькими стихотворениями, а оттуда сразу был приглашен покойным П.Гайдебуровым исключительно в его "Неделю" постоянным сотрудником.

К юбилею писателя его друзья желают приурочить выпуск тома новых его произведений в товариществе писателей».

— статья И.А.Белоусова (?) «Литературная кооперация». Подпись: С-ов (с. 4).

Речь в статье идет о создании товарищеских издательств, в частности, о «Книгоиздательстве писателей в Москве».

По этому поводу Бунин говорит:

«— В настоящее время <...> писатель поставлен в случайную зависимость от издателя.

Как это ни странно, но факт, что материальная зависимость влияет и на психику писателя. Он подчиняется и приспосабливается к характеру издательства, а с тем вместе и к требованиям текущего дня, к его мимолетным злобам. Таким образом, в угоду элементам случайного и скоро преходящего вкуса писатель принужден насиловать свою индивидуальность.

Я несколько лет <...> высказывался против вредной кабалы частных предпринимателей и только теперь удалось собрать товарищей на почве этой идеи».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы (1)*. С. 502.

— информационная заметка «Новая повесть И.Бунина». Без подписи (с. 5).

В заметке сообщается: «И.А.Бунин работает в настоящее время над большой повестью, которая будет называться "Любовь". Вещь обещает быть интересной, автор расширяет сферу своего творчества из жизни современной деревни и разрабатывает в новом произведении проблему крестьянской любви».

Речь идет о будущем рассказе «Игнат».

В петербургской газете «Речь» (№ 130. С. 2) печатается статья Е.А.Колтоновской «Кто мы? (Бунин. "Суходол")».

Критик отмечает: «Уже в "Деревне" сказался у Бунина большой, всезаполняющий интерес к самому жуткому теперь, волнующему вопросу — о нашей национальной сущности. <...> Идея национализма, со всеми ее разновидностями и оттенками, порожденными революцией <...> в художественной литературе в такой живой и конкретной постановке <...>, является едва ли не впервые — у Бунина. Она вносится им вполне сознательно, с избыточным самокритицизмом, вообще отличающим наши дни... <...> В основе же бунинских изображений — именно нервический самокритицизм. Анализ его проникнут похвальным бесстрашием и искренностью; но

выводы его кажутся несколько предрешенными наперед, и это их ослабляет. <...> Этот страшный Суходол — для Бунина почти символ нашей общей славяно-русской никчемности и никудышности. Он и углубляется в Суходольскую старину, полную нелепых былей и сказок для того, чтобы открыть корни нашей природы. <...> Суходол — наша общая родина, — хочет сказать он каждой из своих фигур, так тщательно вырисованных и красноречивых. <...> Вся повесть Бунина проникнута безнадежною, траурною мрачностью. Вот эта-то траурность и вызывает невольный протест... Трезвый самокритицизм и потребность в самоопределении — очень ценная черта в Бунине. Нетерпеливое и настойчивое желание, прежде всего, ответить на вопрос: кто мы? — вполне естественно. <...> Но за этим ничего у него не чувствуется. Не чувствуется мужества принять себя такими, какими нас сделала историческая судьба, и с этим материалом попытаться что-нибудь сделать. <...> Открытое Буниным "национальное лицо" испугало его, и он торопится зачеркнуть у его носителей не только прошлое и настоящее, но и будущее. А между тем, он умышленно наблюдает это лицо исключительно в косном первобытном деревенском быту. <...> Написана повесть Бунина ярко, тонко и выразительно. Реалистическая простота рассказа в ней сочетается со стильностью. Даже кажущаяся внешняя нестройность — обилие отступлений, повторений и пр. — на самом деле необычайно продумана и художественно логична; она вполне соответствует той форме полубредовых кошмарных воспоминаний, в которую отлилось это своеобразное произведение».

Май, 15. В харьковской газете «Южный край» (№ 10765. С. 2. Вечерний вып.) помещается информационная заметка «Юбилей академика И.Бунина». Без подписи.

В заметке кратко сообщается, по словам «Московской газеты», о возбуждении в литературных кругах Москвы вопроса о чествовании Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности.

См.: 14 мая 1912, четвертая запись.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано (28 мая н. ст.) по поводу рассказа Бунина «Веселый двор», напечатанного в журнале «Заветы»:

«Ювелир Ваш излюбленный, вышиватель петухов на полотенцах И.А.Бунин рядом оказывается ма-а-ленький, глу-у-пенький, сла-а-бенький...».

ЛН. Т. 95. С. 395.

Май, до 16. Бунин встречается с Ф.И.Благовым, с которым ведет переговоры о публикации в газете «Русское слово» рассказа «Игнат» в сокращенном виде.

См.: 18 июня 1912, первая запись.

Май, 16. Бунин заключает с «Книгоиздательством писателей в Москве» договор на издание сборника «Новые рассказы» <«Суходол. Повести и рассказы»> тиражом 4000 экз., продажная цена 1 руб. 50 коп.

Издательство обязуется выпустить книгу не позднее 1 октября 1912 г. при условии, если весь материал для книги будет доставлен в контору издательства до 10 июня 1912 г. Со стороны книгоиздательства договор подписан С.Д.Махаловым.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2898 оф.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ив. Как поживаешь, как здоровье, что делаешь, неужели опять мужики, а стихи? <...>

24-го Христианыч <В.Х.Заузе>, Ценовский и я — идем в Александровск, что на Днепре».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 25.

М.П.Миловидова пишет Бунину и В.Н.Муромцевой из Петербурга:

«Дорогие мои Иван Алексеевич и Вера Николаевна! Перед самым отъездом получили мы Ваше письмо, на которое за сборами в дорогу не успели ответить. <...> Очень нас обрадовало Ваше обещание побывать в Клеевке, ждем Вас обоих с большим нетерпением <...> может быть, и в Клеевке найдете возможность работать <...>, а для нас с Шуриком каждый лишний день, что Вы проведете в Клеевке будет праздником. Я надеюсь, что Юлий Алексеевич <Бунин> не найдет неудобным приехать вместе с Вами, а также, конечно, Николай Алексеевич <Пушешников>. Место для всех найдется и мы будем душевно рады видеть всех Вас у себя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3081 оф.

В московской газете «Утро России» (№ 111. С. 2) печатается статья А.В.Амфитеатрова «Заветы».

Критик пишет о рассказе «Веселый двор»: «Г. Бунин, по обыкновению, поразительно красив, силен и сочен письмом. И, по обыкновению же, утвердившемуся за ним в последнее время, прочитав его "повесть" до конца и вполне оценив разлитые в ней сочность, силу и красоту красок, все-таки недоумеваешь: зачем это, собственно говоря, писано?.. Что хотите, а г. Бунин в русской изящной словесности — вроде чеховского дьякона в бане, которого по длинным волосам и многозначительным глаголам парщик принял за социалиста, а потом кланялся ему в ноги и просил его в том простить. Говорит г. Бунин такими искусными словами и с таким значительным видом, как будто за речью его кроются какие-то чрезвычайно важные и содержательные цели. Но — дочитал читатель до конца, и цели так себя и не показали, и с разочарованием видите вы себя в необходимости извиниться перед г. Буниным за то, что "подумали, будто у него в голове есть идеи". Полагаю также, что совершенно излишне со стороны академика Бунина усердие обогащать память читателя неудоборекомыми словами, исключенными из академического словаря».

Май, 1...16. Бунин посылает свои книги С.М.Ростовцевой, В.В.Котляревской.

Эти экземпляры неизвестны. См.: 26 июня 1912, вторая запись; 8 (21) июля 1912.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве.

Май, 17. Бунин с В.Н.Муромцевой по пути в Глотово останавливается на несколько часов в Орле у М.А.Ласкаржевской; вечером прибывают в Глотово.

В дневнике Бунин пишет 19 мая: «Глотово (Васильевское).

Приехали позавчера.

Пробыли по пути пять часов в Орле у Маши. Тяжело и грустно. Милая, старалась угостить нас. Для нас чистые салфеточки, грубые, серые; дети в новых штанишках.

Орел поразил убожеством, заброшенностью. Везде засохшая грязь, теплый ветер несет ужасную пыль. Конка — нечто совершенно восточное. Скучная жара».

Дневники. Т. 1. С. 117.

В газете «Одесский листок» (№ 113. С. 5) в рубрике «Наука, литература и искусство» сообщается:

«В московских литературных кругах возбужден вопрос о чествовании И.А.Бунина по случаю 25-летия его писательской деятельности, исполняющегося в начале октября текущего года».

Май, 18. Выходит № 21 петербургского журнала «За 7 дней», в котором (с. 543–544) в рубрике «Журнал журналов» помещается рецензия на повесть «Веселый двор». Без подписи.

Критик отмечает: «Странно начал писать Бунин; то, что начало прорываться у наших художников, — это уже больше, чем пессимистические ноты, — это какое-то спокойное, почти апатически-скучное отчаяние». Пересказав сюжет повести, рецензент заключает: «Описывает это Бунин подробно, точно и — с каким-то странным спокойствием...».

В московской газете «Русское слово» (№ 113. С. 5) помещается заметка «К юбилею И.А.Бунина». Без подписи.

«В текущем году, как известно, исполняется 25-летие литературной деятельности И.А.Бунина. Для организации общественного празднования юбилея, предполагаемого в середине октября, образован комитет, в состав которого вошли представители от Общества любителей российской словесности, Толстовского общества, Литературно-художественного кружка, Общества деятелей периодической печати и литературы, московского отделения кассы литераторов и ученых, и литературного кружка “Среда”».

В комитет по организации общественного празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина в Москве вошли: от Общества любителей российской словесности председатель А.Е.Грузинский, товарищ председателя П.Н.Сакулин; от Толстовского общества председатель Н.В.Давыдов, член правления Л.И.Гальберштадт; от Общества драматических писателей и оперных композиторов и.о. председателя кн. А.И.Сумбатов-Южин; от московского Литературно-художественного кружка председатель дирекции В.Я.Брюсов, директора И.А.Белоусов и И.И.Попов; от московского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых председатель Н.Д.Телешов, член правления И.А.Данилин; от Общества деятелей периодической печати и литературы председатель правления Д.А.Жаринов, член правления А.Л.Шер, члены совета Е.М.Курч и С.А.Соколов (Кречетов); от товарищеского издательства писателей члены правления А.А.Карзинкин, С.Д.Разумовский и Н.С.Клестов; от Общества им. А.Н.Островского А.А.Яблочкина и Н.П.Кашин; от московского литературного кружка «Среда» члены бюро Д.Я.Голубев, А.Р.Ледницкий, С.С.Мамонтов, секретарь М.П.Гальперин.

См.: 21 октября 1912, пятая запись.

Май, до 19. Выходит № 5 московского журнала «Русская мысль», в котором (отд. III, с. 26–31) публикуется статья З.Н.Гиппиус «Литераторы и литература». Подпись: А.Крайний.

Критик, в частности, пишет: «Есть задатки “писателя” и в угрюмом, скучном, часто срывающемся Бунине. Его “Ночной разговор” в “Сборнике писателей” — хорошая, полная своеобразного отчаяния, “мужицкая” вещь; зато в “Знании” (“Захар Воробьев”) Бунин точно не Бунин, а полу-Шмелев, полу-Гусев» (с. 29).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (19 мая (№ 114). С. 6).

Май, 19. Бунин знакомится на мельнице в Глотово со странником Иваном, беседует с ним.

В дневнике Бунин записывает: «Перед вечером пошли на луг, на мельницу. Там Абакумов <...>. Пришел странник (березовский мужик). <...>

Потом долго сидел с нами, разговаривал».

Дневники. Т. 1. С. 118.

От имени Совета Плесского общества самообразования обращаются в письме к Бунину с просьбой прислать его книги в библиотеку общества в г. Плес.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2921 оф.

См.: до 18 июня 1912; 20 июня 1912, вторая запись.

В газете «Одесские новости» (№ 8724. С. 2) печатается статья А.В.Амфитеатрова «Записная книжка».

Критик пишет: «Во всех толстейших двух томах полного собрания сочинений Засодимского не наберется столько художественного блеска, виртуозной образности, тонкой проницательной наблюдательности деталей, как на одной странице И.А.Бунина. Но — читаю Засодимского, слышу о народе от человека из народа, читаю Бунина — барин стоит где-то сбоку от народа, присматривается к нему внимательно, с научными, чужими, часто брезгливо насилующими себя во имя “долга” глазами, пишет наблюденное в книжечку... и все, может быть, и правда, но — не тепло душе от правды его. <...> Рассказ И.Вольнова в “Заветах” — “человеческий документ”, рычащий, вопиющий. Правда же г. Бунина — правда писателя, спокойно прочитавшего несколько “человеческих документов” и спокойно же и щегольски извлекающего из них несравненно умелою рукою обобщения и типы <...>. Народа, когда его пишет Бунин <...> нет, а торчат носы, глядят глаза, топорщатся волосы, краснеют или бледнеют щеки, — и каждый нос, глаз, щека изумительно сделаны <...>. И все это тем не менее — только этюдная окрошка, потому что нет в этой изумительно-виртуозной работе того великого, целесообразного единства, которое порождается силою, называемою “народной идеей”, а идеи народной нет потому, что нету в сердце г. Бунина другой первобытной и пламенной силы: — Любви <...> эстетической любви к отчизне г. Бунин далеко не чужд, напротив, может быть, его аристократическая натура по преимуществу соткана из нее. Но той — первой — демократической любви печали и гнева — нет в нем ни капельки, и потому-то он, когда виртуозно пишет деревню, холоден... нет, даже не холоден, потому что до совершенного холода та, первая, любовь его не допускает, — а чуть

тепел <...>. И г. Бунин отлично знает этот пробел в своей литературной силе и иногда, напрягая свои виртуозные средства, старается искусственно достигнуть недостающей ему беспокойной любви печали и гнева. Но выходит из этих покушений только тот результат, что он “в спокойном духе горячится”, и тогда теряет присущее ему обаяние искренности...». Далее, упомянув А.М.Горького, А.И.Куприна и Л.Н.Андреева, критик заключает: «Бунин — один из всех их — почти не может быть совершенно плох: как образец ровной виртуозной силы, он головою выше всех названных. Но...».

В московской газете «Раннее утро» (№ 114. С. 5) в рубрике «Книги для отзыва» сообщается о поступлении в редакцию книги «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (М., 1912).

Май, 20. Бунин пишет М.Ф.Андреевой и А.М.Горькому, извиняясь за долгое молчание:

«Как видите — опять Измалково, опять светлая весенняя зелень, ветерок и дождичек. Но, дай Бог не сглазить, чувствуем себя сноснее, помаленьку принимаемся за работу, хотя все клонит в дремоту, даже за книгой легкой. А хочется опять писать, очень хочется, особенно стихи».

Письма (*2*). С. 227.

Бунин сообщает П.А.Нилусу в письме:

«Дорогой друг, только семнадцатого попали, наконец, в деревню. <...> Завидую Вашей поездке. Побывай на курорте “Александробад” — это возле Кичкаса. Поклонись порогам и Хортице — я когда-то совершал к ней пешее паломничество и на всю жизнь запомнил чудесный день, проведенный на ней, — было мне тогда 20 лет! <...>

Пьесу твою <“Господин Порецкий”>, конечно, давным-давно прочел и, по-прежнему, очень доволен первой половиной — она очень хороша во всех отношениях. К концу дело идет хуже, пахнет выдумкой, случайностями <...>. Дал прочитать Найденову — совершенно то же впечатление, конец же он назвал прямо смехотворным (хорошо, что ты изменил его, как говоришь!); думает, что поставить такую пьесу (опять-таки без этого конца) можно, и можно иметь успех. Это же сказал и Сергей Саввич Мамонтов, которого я попросил взять пьесу у Найденова. У Мамонтова она и сейчас. Но что делать дальше? <...> В большой дружбе нахожусь я с актрисой Третьяковой от Незлобина. Она <...> советует проникнуть к нему через Платона Николаевича Мамонтова, двоюродного брата Сергея Саввича. <...>

Жду твоего решения.

Об успехах моих ты немного знаешь из “Одес<ского> листка” (переходу куда твоему весьма радуюсь); но скажу больше: встречали меня в Москве всюду прямо как знаменитого — я даже весьма удивлен был. Много и пишут о моих последних вещах. Есть и злобные, и редко-глупые отзывы, но есть и такие, что ахнешь. Толстой, да и только! Радуюсь — и боюсь... и сглазить, и всего прочего.

Написал и Куликовский. Как всегда, сдержан<н>о, но хвалит. Прилагаю вырезку. <...>

Юлий за границу поедет, верно, на июль. Июнь хочет провести здесь. Ждем его дня через два-три. <...>

Книгоиздательство писателей организовалось. Дурак ты, что не дал 200 рублей! Все-таки готовь к осени книгу — надобно устроить, чтобы издали».

Письма (2). С. 227–228.

См.: 8 мая 1912, вторая и третья записи.

В читинской газете «Забайкальская новь» (№ 1411. С. 2) помещается статья М.Алексеевича «Литературные отголоски. “Вестник Европы” за апрель».

Критик, в частности, пишет: «Рассказ Бунина “Суходол”, который мы находим в “Вестнике Европы”, является, без сомнения, одним из лучших произведений этого писателя.

Автор знакомит нас с эпохой крепостной жизни России. <...> Рассказ интересен в том отношении, что автором взят один из любопытных моментов в истории русского крепостничества. Это та грань полного и окончательного его крушения, за которым уже начинается новая полоса русской жизни, лежащая по ту сторону крепостной жизни.

В описаниях Бунина мы видим автобиографический элемент. Написан рассказ с замечательной теплотой и искренностью. Автору удалось нарисовать картину *полного* разрушения усадьбы Хрущевых <...> с таким реализмом, с такой убедительностью, что мы, читая рассказ, как будто присутствуем при этом разрушении. <...>

Психология “крепостных” нашла для себя наиболее сильное отражение в одной из центральных фигур рассказа — в Наталье (из “дворовых”). На протяжении многих страниц рассказа автор с замечательным умением и каким-то особенным проникновением знакомит нас с тем, что пришлось выносить и выстрадать в душе крепостному. <...>

В рассказе автор, как мы видим, не ограничивает свою задачу одним лишь художественным изображением известной полосы из русского крепостничества. Он пытается установить историческую связь между этим явлением, оказавшим свое влияние на ход русской государственности, русской культуры и ходом мировой, общечеловеческой жизни. Это уклонение автора в область публицистики не нарушает цельности, законченности впечатления, которое читатель выносит при чтении рассказа».

Май, 21. Бунин перечитывает сочинения А.И.Куприна.

В дневнике Бунин записывает: «Перечитываю Куприна. Какая пошлая легкость рассказа, какой дешевый бойкий язык, какой дурной и совершенно не самостоятельный тон».

Дневники. Т. 1. С. 120.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Петербурга:

«...очень интересуюсь делами самоиздательства. <...> по слухам Клестов организует в Москве новое предприятие самоизданий, однотипное с петербургским, что в него входят, или уже вошли даже: академик Бунин, Вересаев и др. <...> после подробного ознакомления с делами самоиздательства, я составил о Клестове определенное мнение: это человек крайне развязный, нахальный, очень сомнительных деловых способностей, к несчастью импонирующий многим своей энергией. <...> Не верьте Вы этому проходимцу! Бог Вас накажет, если Вы бросите петербургское дело, в котором участие

Ваше необходимо. Первый сборник это доказал ясно: хорош “Медвежонок” <С.Н.Сергеева-Ценского>, недурен и “Хромой барин” <А.Н.Толстого>, ну, а все же, — гвоздь всей книжки — “Ночной разговор”. А дальше что? Со второго сборника повалит пудами шмелятина, муйжелятина и прочая разная тухлятина! А я еще собирался дать хорошие стихи!

Вот и все о делах. Видел вчера у Карбасникова Вашу новую книжку и превозмог себя: не купил, памятуя Ваше обещание переслать ее в Клеевку».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/8 оф.

В «Московской газете» (№ 191. С. 2) публикуется статья «Писатели и критики. И.А.Бунин протестует против обвинения его в “барской” точке зрения на деревню». Без подписи.

Обозреватель пишет: «И ныне здравствующие беллетристы часто поднимают знамя протеста в защиту писательской неприкосновенности против дерзаний современной критики.

Так, художественная деятельность И.А.Бунина с изображением жизни народа в темных тонах вызвала ряд нападок со стороны известных наших критиков по адресу самого писателя.

По этому поводу И.А.Бунин заявляет:

— Критики обвиняют меня в сгущении красок в моих изображениях деревни. По их мнению, пессимистический характер моих произведений о мужике вытекает из того, что я сам барин.

Я хотел бы раз и навсегда рассеять подозрение, что никогда в жизни не владел землей и не занимался хозяйством. Равным образом никогда не стремился к собственности.

Я люблю народ и с не меньшим сочувствием отношусь к борьбе за народные права, чем те, которые бросают мне в лицо “барина”.

А что касается моего отношения к дворянству, это можно увидеть хотя бы из моей повести “Суходол”, где помещичья среда изображается далеко не в розовых, оптимистических красках.

Я протестую, — говорит автор “Деревни”, — против искажения критиками моего мировоззрения, моих подлинных взглядов, тем более, что подобные наветы совершенно не соответствуют действительности».

См.: 13 апреля 1912, третья запись; 19 мая 1912, третья запись.

В харбинской газете «Новая жизнь» (№ 129. С. 3) помещается рецензия на 38-й «Сборник товарищества “Знание”». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет: «“Захар Воробьев” Бунина — красивый деревенский рассказ, несколько скучноватый».

Май, 22. В харьковской газете «Южный край» (№ 10778. С. 2. Вечерний вып.) печатается статья «Писатели и критики». Без подписи.

Журналист пишет: «Вправе ли критики касаться личности писателя, рассматривая продукты его творчества сквозь призму социальной принадлежности автора к определенному классу?»

Далее цитируется интервью Бунина из «Московской газеты».

См.: 21 мая 1912, третья запись.

Май, 25. В петербургском журнале «Запросы жизни» (№ 21. Стб. 1263–1268) в рубрике «Литературное обозрение» публикуется статья Н.И.Коробки «“Дворянские гнезда” в изображении современной беллетристики».

Критик отмечает: «Из отдельных слоев русского общества, быть может, наиболее захвачен гниением дворянский. <...>

Дворянский распад не мог не найти себе отражения в современной беллетристике, и одна из лучших картин его принадлежит перу писателя, давшего ряд ультрамрачных изображений крестьянства. Мы имеем в виду “Суходол” г. Бунина (“Вестн. Евр.” 4). Г. Бунин сейчас — один из признанных корифеев русской литературы. Слава его создалась бесшумно, без сенсации. Он — культурен, корректен и, главное, “честен”, как писатель. Он не прибегал никогда к шумихе, не надевал никогда колпака мага и не объявлял себя соперником сатаны, чтобы, ошеломив читателя, создать себе репутацию почти гения. Все это делает особенно неприятным возражать против той очень высокой оценки таланта Бунина, образцы которой мы находим в статьях Д.Н.Овсянико-Куликовского и г-жи Колтоновской. Бунин — писатель изящный, но не яркий. Образы его расплывчаты, недостаточно живы. Известная блеклость тонов в его произведениях есть результат не “стиля”, а недостаточной интенсивности творческого воображения. С другой стороны, г. Бунин писатель с несомненными, хотя, может быть, и бессознательными дворянскими симпатиями. Сопоставление таких вещей, как “Суходол” и “Ночной разговор”, нам кажется, не оставляет в этом сомнений. Писатель бесконечно мягче, снисходительнее к родным ему по каким-то воспоминаниям дворянам Хрущевым, чем к мужикам. <...> “Суходол” — вещь гораздо более умная и мастерски написанная, чем художественная». Автор статьи считает, что Бунина «с его безупречной, но несколько старомодной, “академической” формой <...> нельзя признать большим художником: в нем больше ума и мастерства, чем творчества. “Суходол” очень типичная для г. Бунина вещь: самое интересное в ней — умное *объяснение* дворянского распада. <...> В этом диагнозе нашей общественной болезни необходимо учитывать некоторую долю классового испуга. <...> Вряд ли можно объяснить иначе, как известным психологическим состоянием автора, и слова о “жажде гибели, самоуничтожения”. Жажды, конечно, нет, — но нет и ее противоположности, необходимой для жизни, жажды победы, торжества, веры в свои силы, стойкости и закаленности в борьбе. <...>

Для понимания сущности нашего барства, в котором так мало “барского” и так много “холопского”, “Суходол” дает много. У автора очень много вдумчивых наблюдений над действительностью, и он умело ими пользуется, хотя его данные, как писателя, не позволяют ему вполне облечь эти наблюдения в плоть и кровь, заставить жить свои несколько анемичные образы полною жизнью. <...> Перед г. Буниным стоит, несомненно, задача выяснить себе, что такое барство и какова причина его неустойчивости. Оставаясь верен художественному мышлению, которым одарила его природа и которое заставляет его отвечать на поставленный себе вопрос образами, г. Бунин все-таки исследует явление, заинтересовавшее его».

В керченской газете «Юг» (№ 692. С. 2) помещается статья А.Южанина «Литературные отголоски. Разоблачение мужика».

Критик пишет: «Вместо тенденциозности одного направления мы имеем тенденциозность противоположного направления, вместо сказки о сахарном мужике писатели преподносят нам сказку о мужике-звере, о мужике душегубце, мошеннике и хулигане, о существе, лишенном образа и подобия человеческого.

Возможно, что с точки зрения политической одна какая-нибудь из этих сказок обладает какими-нибудь преимуществами перед другой, но в художественном смысле обе они равноценны, обе никуда не годятся. Вся разница в том, что прежде "хотели" видеть в мужике венец создания, а теперь хотят видеть в мужике какого-то двуногого скота неизвестной породы.

В обоих случаях к имеющемуся заранее "хотению" подгоняют наблюдения и факты. В результате получается то, что получилось у Родионова в пресловутом "Нашем преступлении", у Муйжеля в его бесконечном "Городе", у Бунина в "Деревне", или в последнем по времени рассказе "Ночной разговор", напечатанном в сборнике "Товарищества писателей"». Пересказав фабулу рассказа и приведя цитаты, критик отмечает: «Слишком явная предумышленность и искусственность всей бунинской композиции. <...> Одним словом, не пожалел Бунин черной краски на обличение преступности, тупости и дикости мужика, но главное то, <что> художественного произведения у него не получилось.

Получилось собрание уголовных анекдотов, из которых каждый в отдельности, может быть, и правдоподобен, но в общем в соединении с остальными, дает верную анекдотическую картину мужицкой морали и психологии.

В том ведь и заключается особенность формы художественного произведения, что из самых доброкачественных элементов может получиться самое злокачественное целое. Все дело в расположении этих элементов. Толстой во "Власти тьмы", Чехов в "Мужиках" рассказывали о деревне не менее страшные вещи, чем Бунин или Родионов. Но рассказывали иначе, рассказывали, не думая ни разоблачать, ни восхвалять. <...> Наши крестьянские беллетристы вновь возвращают нас к временам Златовратского, к временам "тенденциозной" литературы, вывернутой только наизнанку».

Май, 24 или 25. Бунин посылает А.С.Черемнову книги «Перевал и другие рассказы» (4-е изд. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд. М., 1912), очевидно, с дарственными надписями.

Эти экземпляры неизвестны. См.: 29 мая 1912, первая запись.

Май, 26. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Боюсь, что мое путешествие не состоится — я болен, у меня, как говорит Гаврилов, "бронхитик" <...>. Гаврилов видно в претензии на тебя, за то, что ты перестал к нему ходить именно тогда, когда он хотел взяться за тебя с товарищами — "из уважения к дорогому нам человеку" — хотел устроить консилиум, что ли. Он самым настоятельным образом советует тебе поселиться недели на 2 в санатории в Москве <...>. Он совершенно прав, говоря, что болезнь, подобную твоей, т.е. не определившуюся еще, необходимо всесторонне изучить». Далее просит посодействовать его пьесе, написать о ней академику Н.А.Котляревскому — заведующему репертуаром. «...спасибо за книги. Читаю. У кого это такая идиотская голова, зачем понадобилось в

заголовке книги писать: стихи 1907–1910 годов? Всякий покупающий книги, не знающий, что ты бросил писать стихи, скажет: обожду, когда будут и стихи за 11 и 12 года...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 44–45.

В газете «Голос Москвы» (№ 120. С. 5) в рубрике «Новости литературы» публикуется рецензия на книгу «Перевал и другие рассказы» (4-е изд. М., 1912). Без подписи.

Рецензент пишет: «В этой книге помещено 24 рассказа. Не все они представляют одинаковый интерес, но зато написаны очень хорошим языком и рисуют живые типы». Упомянув и процитировав рассказы «Танька», «На хуторе», «На даче», «Велга», «Руда», «Осенью», критик заключает: «Четвертое издание этой книги указывает на ее успех в публике.

Книга издана хорошо, и цена ее, принимая во внимание плотную бумагу и крупный шрифт, не может считаться высокой».

Май, 28. В Глотово приезжают Ю.А.Бунин и Е.А.Бунин.

Дневники. Т. 1. С. 123.

В «Московской газете» (№ 192. С. 5) публикуется заметка «На отдыхе. Писатели и художники». Без подписи.

Корреспондент пишет: «И.А.Бунин уехал в имение своей сестры <...>.

Писатель, по его словам, чувствует прилив творческих сил.

Им задумано много новых беллетристических вещей и стихотворений.

В ряде художественных замыслов повесть "Зима" будет посвящена изображению современной русской интеллигенции. Иван Алексеевич хочет также попробовать свои силы в новой, драматической форме и надеется к осени написать пьесу, где будут затронуты и город, и деревня».

Май, 29. А.С.Черемнов, получив от Бунина протоколы заседаний нового «Книгоиздательства писателей в Москве» и две книги, выпущенные «Московским книгоиздательством» — «Перевал и другие рассказы 1892–1902 гг.», «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.», пишет ему:

«Спасибо вам огромное за последний том, и мама благодарит за "Перевал", (которого, кстати сказать, я тоже не читал). Над стихотворением "При дороге" плачу слезами умиления, но прежнее заглавие ("Окно") мне все же кажется более выразительным для этой дивной миниатюры. Прекрасно, великолепно, — и переживет нас лет на триста, когда многие забудут, что поэт Бунин переводил мистерии Байрона. "Разбойник" тоже очень хорош, не хуже пушкинских песен, но сделан — воля ваша — довольно небрежно: несрифмованные строки понижают впечатление. Какие есть славные рифмы к слову "литургии"... А как хорош ваш "Дворецкий". И вы еще раздумывали, включить ли его в книжку. Относительно вашего "Берега" уверен, что какая-нибудь рационалистическая секта включит его в похоронный ритуал. Он достоин быть погребальным хоралом в великой пантеистической церкви будущих веков. Не могу до сих пор повторять его без наплыва самых сложных чувств. А "Зимняя вилла" вот нехороша, — бог с ней.

Решительно, в России пока один поэт — вы, а когда я начну писать стихи, — будет двое».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 640.

В челябинской газете «Приуральское слово» (№ 19. С. 3) перепечатывается из газеты «Юг» статья А.Южанина под заглавием «Литература и жизнь. Разоблачение мужика».

См.: 25 мая 1912, вторая запись.

Май, до 30. В «Московском книгоиздательстве» выходит книга «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред. Байрона» (2-е изд., доп. М., 1912. 260 с.) Тираж 3000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание: **Стихотворения 1903–06 гг.:** Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...»), Полюс («Свой дикий чум среди снегов и льда...»), Жизнь («Набегает впотьмах...»), Хризантемы («На окне, серебряном от инея...»), Жасмин («Цветет жасмин. Зеленой чащей...»), В порту («Огромный, красный, старый пароход...»), Сапсан. А.М.Федорову («В полях, далеко от усадьбы...»), Иней («Леса в жемчужном инее. Морозно...»), Русская весна («Скучно в лощинах березам...»), Одиночество. П.А.Нилусу («И ветер, и дождик, и мгла...»), После битвы («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...»), Портрет («Платан, часовенка над склепом...»), Невольник («Угрюмый варвар, сын Востока...»), Мира («Тебя зовут божественною, Мира...»), В плавнях («Там, на припеке, спят рыбацкие ковши...»), Тлен («В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...»), Перекресток («Я долго в сумеречном свете...»), С обрыва («Стремнина скал. Волной железной...»), На даче («Луна еще прозрачна и бледна...»), На ущербе («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»), Мороз («Так ярко звезд горит узор...»), Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»), Один («В сумраке утра проносится призрак Одина...»), Бальдер («Хаду — слепец, он жалок. Мрак глубокий...»), Диза («Вечернее зимнее солнце...»), Надпись на чаше («Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»), Печаль («На диких скалах, среди развалин...»), Огни небес («Огни небес, тот серебристый свет...»), Статуя рабыни-христианки («Не скрыть от дерзких взоров наготы...»), Могила поэта («Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов...»), Призраки («Нет, мертвые не умерли для нас...»), Неугасимая лампада («Она молчит, она теперь спокойна...»), Вершина («Леса, скалистые теснины...»), Развалины («Над синим понтом — серые руины...»), Тропами потаенными («Тропами потаенными, глухими...»), Дома («Ночь тепла, светла и золотиста...»), Кольцо («В белом песке золотое блеснуло кольцо...»), Песня («Я — простая девка на баштане...»), Запустение («...Домой я шел по скату вдоль Оки...»), Детская («От пихт и елей в горнице темней...»), Косогор («Косогор над разлужьем и пашни кругом...»), В лесу («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), Речка («Светло, легко и своенравно...»), Пахарь («Легко и бледно небо голубое...»), Две радуги («Две радуги — и золотистый, редкий...»), Закат («Вдыхая тонкий запах четок...»), Чужая («Ты чужая, но любишь...»), Новый год («Ночь прошла за шумной встречей года...»), Тень («Высоко в небе месяц ясный...»), Новая весна («Мы встретились случайно, на углу...»), Огонь на мачте («И сладостно, и грустно видеть ночью...»), Мертвый час («Проснулся я внезапно, без причины...»), В открытом море («В открытом море — только небо...»), Апрель («Туманный серп, неясный

полумрак...»), Из окна («Ветви кедра — вышивки зеленым...»), Детство («Чем жарче день, тем сладостней в бору...»), Разлив («Паром, скрипя, ушел. В разлив по тусклой зыби...»), Сказка («...И снилось мне, что мы, как в сказке...»), Поморье («Белый полдень, жар несносный...»), Под вечер («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...»), Донник («Брат, в запыленных сапогах...»), Розы («Блистая, облака лепились...»), Терем («Высоко стоит луна...»), Сквозь ветви («Осень листья темной краской метит...»), Сентябрь («Уж подсыхает хмель на тыне...»), Келья («День распогодился с закатом...»), Судра («Жизнь впереди, до старости далеко...»), У шалаша («Распали костер, сумей...»), На маяке («В пустой маяк, в лазурь оконных впадин...»), Голуби («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...»), Ольха («Осень. Чащи леса...»), Горе («Меркнет свет в небесах...»), Утренник («Первый утренник, серебряный мороз...»), Огонь («Нет ничего грустней ночного...»), В горах («Катится диском золотым...»), Старик («Старик сидел, покорно и уныло...»), Сумерки («Как дым, седая мгла мороза...»), Олень («Густой зеленый ельник у дороги...»), Змея («Покуда март гудит в лесу по голым...»), Небо («В деревне капали капели...»), На винограднике («На винограднике нельзя дышать. Лоза...»), Перед бурей («Тьма затопляет лунный блеск...»), Штиль («На плоском взморье — мертвый зной и штиль...»), После дождя («Все море — как жемчужное зерцало...»), С острогой («Костер трещит. В фелюке свет и жар...»), Океаниды («В полдневный зной, когда на щебень...»), Дюны («За сизыми дюнами — северный тусклый туман...»), На белых песках («На белых песках от прилива...»), Стон («Как розовое море — даль пустынь...»), В горной долине («Бледно-зеленые грустные звезды...»), Каменная баба («От зноя травы сухи и мертвы...»), Мистику («В холодный зал, луною освещенный...»), Эсхил («Я содрогаюсь, глядя на твои...»), Самсон («Был ослеплен Самсон, был Господом обижен...»), Ормузд («Ни алтарей, ни истуканов...»), У берегов Малой Азии («Здесь царство Амазонок. Были дики...»), Потоп. Халдейские мифы («Когда ковчег был кончен и наполнен...»), Агни («Лежу во тьме, сраженный злою силой...»), Столп огненный («В пустыне долго, долго мы блуждали...»), День гнева. Апокалипсис, VI («...И Агнец снял четвертую печать...»), Сын человеческий. Апокалипсис, I («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...»), Сон. Из кн. пророка Даниила («Царь! вот твой сон: блистал перед тобою...»), Эльбурс. Иранский миф («На льдах Эльбурса солнце всходит...»), Атлант («...И долго, долго шли мы плоскогорьем...»), Золотой невод («Волна ушла — блестят, как золотые...»), Новоселье («Весна! Темнеет над аулом...»), Дагестан («Насторожись, стань крепче в стремена...»), Послушник. Грузинская песня («Брат, как пасмурно в келье...»), Хая-Баш («Ночь идет, — молись слуга Пророка...»), На обвале («Печальный берег! Сизые твердыни...»), В крымских степях («Синеет снеговой простор...»), Алушта ночью. Из «Крымских сонетов» Мицкевича («Повеял ветерок, прохладою лаская...»), Айя-София («Светильники горели, непонятный...»), К Востоку («Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы...»), Путеводные знаки («Бог для ночных паломников в Могребе...»), Пастухи («Тонет солнце, рдяным углем тонет...»), Мираж («Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны...»), Черный камень («Он драгоценной яшмой был когда-то...»), Мудрым («Герой — как вихрь, срывающий палатки...»), Зеленый стяг («Ты почиешь в ларце, в драгоценном ковчеге...»), Священный прах («Пыль, по которой Гавриил...»), За измену («Их Господь истребил за измену не-

счастной отчизне...»), Авраам. Коран, VI («Был Авраам в пустыне темной ночью...»), Ночь Аль-Кадра («Ночь Аль-Кадра... Сошлись, слились вершины...»), Сатана — Богу («Я — из огня, Адам — из мертвой глины...»), Джины («Стынут пески в тишине и молчании ночи...»), Зейнаб («Зейнаб, свежесть очей! Ты — арабский кувшин...»), Склон гор («Склон гор, сады и минарет...»), Белые крылья («В пустыне красной над Пророком...»), Гробница Сафии («Горный ключ по скатам и оврагам...»), Тэмджид («В тихом старом городе Скутари...»), Тайна («Он на клинок дохнул — и жало...»), Птица («На всех на вас — на каждой багрянице...»); Байрон. Манфред. Драматическая поэма.

Все 134 произведения (в том числе два перевода), включенные в книгу, были напечатаны ранее.

Дата выхода определена по объявлению в газете «Русские ведомости» 24 апреля (№ 95. С. 6) о заканчивающемся печатании книги и по упоминанию в письме Бунина. См.: 30 мая 1912, первая запись. Тираж книги установлен по: *Книжная летопись.*

Май, 30. Бунин посылает М.П.Миловидовой и А.С.Черемнову книгу «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред Байрона» (М., 1912) и пишет им:

«...еще раз благодарим Вас за Ваше радушие, Ваше приглашение <...> еще не единого гроша не заработал я, сидя здесь! Да есть, впрочем, некоторое оправдание сему: перечитывал, правил книгу своих новых рассказов, которую в конце августа выпускает в свет “Книгоиздательство писателей” в Москве». Далее приглашает Черемнова принять участие в этом издательстве и пишет: «Да пишите побольше стихов — ведь, думаю, не миновать нам и сборников. Книга стихов, надеюсь, готова?

Посылаю Вам еще том моих словосочинений. С трепетом жду отзыва в “Заветах”. Поддержите хоть Вы — запуган я критиками. Есть милостивые, но есть и свирепые: начинают за здравие: “дивно, красочно, сильно...” и т.д. и т.д. А в конце: “а все-таки барин, погромами запуган...”. Больше всех, кажется, Амфитеатров старается: на днях написал в “Одес<ских> новостях”, что я “головой выше и Горького, и Андреева, и Куприна”, но... но совсем не имею *любви*. Вот и угоди тут! Буду развивать в себе помаленьку и любовь. Да боюсь, что поздно — ведь, — слышали? — юбилей мой осенью 25-летний».

Письма (2). С. 228–229.

См.: 19 мая 1912, третья запись.

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 119. С. 3) помещается рецензия Г.А.Вяткина (?) на 39-й «Сборник товарищества “Знание”». Подпись: Г.В.

Критик, в частности, отмечает: «В сборнике 39-м были помещены стихи Ал.Блока. Жаль, если Блок в “Знании” только случаен. Хотелось бы почаще, вместо г. Черемнова, видеть его, а из прежних, печатавшихся в “Знании” поэтов, Ивана Бунина».

Май, 31. В московской газете «Русские ведомости» (№ 124. С. 1) помещается объявление о выходе № 2 журнала «Заветы», а также сообщается:

«В начале июня выйдет вторым изданием № 1-й (апрельский)».

Май, конец. Выходит № 7 московского журнала «Путь», в котором (с. 65–66) помещаются рецензии Н.М.Мешкова о книгах «Перевал и другие рассказы» (4-е изд. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд. М., 1912).

Критик пишет о первой книге: «В настоящем издании автор <...> включил несколько рассказов раннего периода своего творчества. Таковы “Танька”, “Вести с родины”, “На чужой стороне”, “На даче”. <...> Вещи эти не представляют серьезного интереса и любопытны только в одном отношении: как показатели того роста, каким отмечен большой и ярко-художественный талант Бунина.

Приступая к разбору остальных рассказов, следует отметить в содержании их три основных мотива: некоторое влияние Чехова — в смысле передачи неопределенно-пессимистического настроения, чисто бунинский мотив — природа, и попытка символизации личных настроений в связи с изображением отдельных и исключительных моментов в природе...

“Чеховская нота” определенно звучит в “Без роду-племени” и “Учителе”. <...> Эхо ее еще можно уловить и в “Новом годе” и в “Новой дороге”. <...>

Но этот чеховский мотив — мотив растерянности и оторванности от родной природы и народа — в остальных вещах исчезает: Бунин находит свое — природу, и она-то собственно и является главнейшим содержанием большинства рассказов.

Он подходит к ней, как поэт исключительно острого восприятия и, найдя свои, чисто бунинские краски, в изображение ее моментов и настроений вкладывает и зоркую наблюдательность, и чуткую любовь к ней, и всю огромную силу своего художественного мастерства и таланта. В этом отношении Бунин не знает соперников в современной русской литературе. <...> Среди рассказов той поры мастерски написан “Скит” — чистая жемчужина. <...>

В “Антоновских яблоках”, написанных изумительным по кристальной чистоте, великолепным русским языком, под пером Бунина как бы воскресает славное прошлое русской литературы: встает, сияя, тургеневское и аксаковское очарование... <...>

Большой художественной силой и суровой поэзией веет от проникновенного изображения смерти лесного следопыта в “Соснах”. Очень хороша и “Руда” — высокий образец чисто-лирической прозы, написанный нежно и музыкально.

Может быть, менее удаются Бунину те рассказы, в которых он пытается овладеть символическим методом, провести параллели между своими личными переживаниями и настроениями природы... Таковы: “Перевал”, “Туман”, “Тишина”, “Надежда”... Но и здесь Бунин — все тот же тонкий поэт и художник, певец красоты и очарования природы».

Переходя к разбору второй книги, критик отмечает, что вошедшие в нее путевые очерки написаны «с присущим Бунину художественным мастерством и поэтическим проникновением в душу природы восточных стран. Певец родной северной природы, бледной и скромной в своей серенькой простоте, Бунин в описании юга сумел вложить весь блеск и зной южных красок, найдя на своей палитре горячие и по-восточному яркие тона. <...>

Из стихотворений <...> особенно выделяются четкостью и кристальной чеканкой формы “Сполохи” и, изумительно просто написанный, глубоко содержательный по своему настроению “Вечер”».

В петербургском журнале «Русское богатство» (№ 5. Отд. II, с. 112–113) печатается рецензия на 38-й «Сборник товарищества “Знание”». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «Автор сделал своей специальностью рассказы из мужицкой жизни. Рассказ “Захар Воробьев” тоже из мужицкой жизни <...>. Обнаженность его рассказа оставляет читателя совершенно свободным от обязанности передумывать. Тут нечего думать. Впечатление от целого равно сумме впечатлений от отдельных строк, и опять-таки итоги возможного впечатления так подведены, что самому ничего подсчитывать не приходится. Когда закрываешь книгу, оказывается, что все немногое, что можно было подумать, подумано самим автором совершенно аккуратно за читателя. Поэтому со спокойной совестью прочитанное откладываешь в сторону, как нечто, дальнейшего размышления не требующее».

Май. В иркутской газете «Сибирский край» помещается статья А.Гранова, в которой, в частности, говорится о рассказе «Веселый двор». Подпись: Скальд.

Рецензент пишет: «Хороша и новая повесть Ив.Бунина “Веселый двор” (“Заветы”, № 1), но в сравнении с “Рождением человека” эта повесть тускла и бледна.

Написана она все тем же строго выдержанным, спокойным и хорошим языком, тем языком, с которым мы свыклись, читая рассказы и повести г. Бунина, писателя, несомненно, талантливого, вдумчивого и умного, высоко ценящего литературу, но тускловатого и мало красочного.

“Веселый двор” лишний раз подчеркивает все большие достоинства г. Бунина: хороший язык, тонкую наблюдательность, владение формой и умение гармонизировать содержание с формой. Но эта же вещь оттеняет вновь и существенные недостатки его художественного творчества – заметную тусклость и бледность его образов, отсутствие в них живой яркости и красочности, как раз того, что всегда производит сильное и глубокое впечатление, всегда чарует. Слабо живет в нем и художественная фантазия, творческое проникновение, та сила мощная, которая дает возможность художнику видеть то, что от нас сокрыто...»

Обнаружить статью в газете не удалось. Цитируется по вырезке – ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/203 оф. Датируется приблизительно.

Июнь, 3. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Работаешь ли что-нибудь? Я – ни гвоздя. Лежу, читаю. Приехал Юлий, занят тем же. <...> О конце твоей пьесы спорить не стану, <...> не я один это говорил – не забывай и Найденова. Дорошевичу послал? Глуписсимо! Прилагаю письмо к Котляревскому, но думаю, что попасть в Александринку – трудновато».

Письма (*2*). С. 229–230.

Июнь, 5. Бунин в письме обращается к Н.А.Котляревскому с просьбой:

«...сделайте милость, обратите внимание на пьесу, которую посылает Вам мой ближайший друг Петр Александрович Нилус, художник и беллетрист. У него дерзновенная мечта попасть на Александринскую сцену, и я был бы очень, очень рад, если бы мечта эта осуществилась».

Письма (2). С. 230.

В харьковской газете «Южный край» (№ 10803. С. 3) помещается статья А.Станкевича «Журнальное обозрение. “Вестник Европы”».

Рецензент пишет: «На центральном месте в последней книжке журнала рассказ Ив.Бунина “Суходол”.

Пишу я о нем впервые, а кажется, что уже много раз писал. Примелькалось это название в газетных сообщениях. То писали, что появится, то объявляли, что появилось. Примелькалось.

В тихое и нищее время творчества, любят устраивать “либеральные бенефисы”. Устроили теперь такой бенефис и Бунину. Заговорили о нем со всех сторон, и что написал, и что пишет, и что задумал.

Думается, что и самому писателю эта шумиха от скуки не особенно нравится.

“Суходол” — повесть о жизни крепостной женщины Натальи. <...>

В обстановке ее жизни — все порядочный шаблон, и чуть-чуть вспоминается сытинское издание к юбилею отмены крепостного права. <...>

Впрочем, в образе Натальи нет ничего исключительного, ничего нового. Это тип частый, особенно среди славянства. Это, если можно так выразиться, — примитив хорошей женской души.

Вспомните рассказ Флобера — “Простое сердце”. Его героиня и Наталья равны, равноценны, равнокрасивы.

Есть в рассказе Бунина и другие мотивы. Это поэзия старинного уклада жизни, поэзия, преломленная воспоминаниями в чистое золото. <...>

Вообще, в рассказе Бунина особенно красивы те места, те лирические отступления и красочные описания, где выступает Бунин — поэт. Тут и слова и краски другие настоящие. <...>

Отдельные рисунки Бунина стоят выше целого беллетристического построения. Это у него настоящее».

Май, 29...Июнь, 5. Выходит том 5-й сочинений Г.И.Чулкова «Статьи 1905–1911 гг.» (СПб.: Шиповник, 1912), в котором (с. 69–77) печатается статья «Листопад».

Данная статья опубликована ранее. См.: 17 августа 1908, третья запись (*Летопись (1).* С. 750–751).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Июнь, 7. Бунин читает биографию И.В.Киреевского; едет в деревню Гурьево.

Дневники. Т. 1. С. 124.

В керченской газете «Юг» (№ 703. С. 2) печатается статья А.Рославлева «Издательство писателей», посвященная разбору сборника 1-го «Издательского товарищества писателей».

Рецензент, кратко отметив «случайность подбора» включенных в сборник произведений, далее пишет: «Брюсов и по взглядам своим на искусство, и по психологии творчества совершенно чужд, например, Бунину, которого, кстати, я считаю ценнее и выше Брюсова. Стоит пересмотреть мирно скончавшиеся “Весы”, чтобы

убедиться, каково было критическое отношение Брюсова к Бунину, и вдруг они объединяются в товарищеском сборнике писателей.

Я твердо убежден, что это случайность, а случайность тем более выразительна, что "Ночной разговор" Бунина по затронутой им теме бесконечно далек от Брюсова. <...> да есть ли что-либо общее, что могло объединить этого надуманного "псевдо фактиста" (в его рассказах) с Буниным — чувствующим Русь.

Изумительно тонко он впитал в себя и мощь ее полей, и деревенский, больной теперь, быт, в нем осталось так много от красоты стародворянского — тургеневского.

Несуразностью такой случайности отмечен весь сборник писателей — лика издательства он не выявляет; что же касается художественной ценности, то она не выше средней за исключением все того же прекрасно написанного бунинского "Ночного разговора"».

Июнь, 8. В челябинской газете «Приуральское слово» (№ 26. С. 2) перепечатывается из газеты «Юг» статья А.Рославлева «Издательство писателей», посвященная разбору сборника 1-го «Издательского товарищества писателей».

См.: 7 июня 1912, вторая запись.

Июнь, 9. В воронежской газете «Живое слово» (№ 130. С. 2) публикуется статья В.Викторского «Литературные впечатления».

Критик пишет: «Стоило ли Слепцовым и Левитовым приглядываться к русскому народу и изучать его. Нужна ли была идеализация народных "устоев" Златовратским и нужно ли было так дорого заплатить Глебу Успенскому за дерзкую попытку разгадать стихию народной души, чтобы в результате всей этой долгой, может быть, героической полосы народнической литературы пришел к нам "новый народник" И.Бунин и стал в "Деревне", в "Ночном разговоре", в "Суходоле" и в "Веселом дворе" настойчиво и упорно утверждать, что нет никаких загадок, нет никаких устоев, нет никакой святости в народной душе и в народном быту. Нет во всей стомиллионной крестьянской массе людей, а существуют какие-то полуживотные, которые могут хладнокровно убивать своих ближних, могут грабить, пьянствовать, издеваться надо всем святым, дорогим и чистым и, в конце концов, заживо сгнить в смрадных избах, умереть с голоду или броситься под поезд.

Длинную галерею типов зарисовал Бунин в своих народнических произведениях и среди них ничего положительного, хорошего и честного.

Становится страшно за будущее России, отчаяние охватывает душу при чтении бунинских рассказов. Когда появилась его "Деревня" и "Ночной разговор", то думалось, что, быть может, действительно такова подлинная Россия сегодняшнего дня и над пером художника царствует только беспристрастное наблюдение. <...> Но вот появился в "Вестнике Европы" "Суходол".

Как-то с первых же страниц стала заметной сугубая мрачность всего колорита и подтасовка фактов. Вместо беспристрастного рассказа и описания определенных людей в определенной местности выпукло вырисовывалось желание автора символизировать в разрушающейся старой помещичьей деревне "Суходоле" всю Россию.

Вся Россия, по Бунину, оказалась только скопищем пьяных, грубых, вырождающихся и косных суходольцев, у которых никогда ничего хорошего не было, и быть не могло.

После "Суходола" стало ясно, что над всей Россией Бунин ставит крест и всей великой стране читает отходную. Читает ее в то время, когда в России начинается огромная созидательная работа, и все классы населения начинают вносить посильную лепту в сокровищницу русской культуры.

Бунин ничего этого не замечает и с упорностью маньяка хочет убедить нас в своих народных наблюдениях, и печатает "Веселый двор". В этом произведении не только старое желание убедить читателей в подлинности "бунинской" России и доказательства определенного теоретического тезиса, но еще какое-то неприятное кокетничанье своим скептицизмом и совершенно неуместная ирония, которая чувствуется в самом названии рассказа: "Веселый двор".

Гоголь, написав "Мертвые души", ужаснулся. Он мучительно страдал от пошлости своих героев, и эти мучения чувствуются в каждой строке его великого произведения...

Показывая "суть" тогдашней России, Гоголь не насыщал свое произведение той скептической иронией, которая так оскорбительна в "Веселом дворе". Гоголь любил Россию и этой любовью пронизаны "Мертвые души".

Много ужасного и дикого зарисовал, часто гениально, Глеб Успенский, и у него в каждой строке чувствовалась скорбь, любовь к родине и вера в ее лучшее будущее. Ничего подобного нет, к сожалению, у Бунина. Его ирония неуместна, его тенденция узка и ошибочна, поступки его героев подтасованы. <...> Необходимо постоянно утверждать, что тенденция в изображении этой великой темы вредна. Здесь необходимо полное беспристрастие, а не заранее заготовленные схемы.

Литературе нужно не восхищение или презрение перед мужиком, а правда о мужике. В поисках этой правды сгорел Успенский, и этой правды нет у Бунина. Быть может, есть где-нибудь в России деревня "Суходол" и видел где-нибудь Бунин "веселый двор", но вся Россия — не суходол, и население — не герои веселого двора.

Россия возрождается, а не гниет».

В московской газете «Раннее утро» (№ 132. С. 5) помещается рецензия Б.И.Ивинского на сборник первый «Издательского товарищества писателей». Подпись: Икар.

Рассказ «Ночной разговор» только упоминается и отмечается: «Академик Ив.Бунин — величина постоянная и достаточно известная».

Июнь, 12. Бунин посещает деревню Осиновые дворы.

Дневники. Т. 1. С. 125.

А.С.Черемнов, получив от Бунина книгу «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред Байрона» (М., 1912), благодарит за нее, за приглашение вступить в товарищеское «Книгоиздательство писателей в Москве» и пишет ему об этом из Клеевки:

«Я же с большой охотой внесу пай в ваше предприятие, если вы сделаете честь рекомендовать меня вашим сочленам». В заключение вновь приглашает приехать в гости в Клеевку.

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 643.

Июнь, 15. А.М.Федоров в письме из Одессы приглашает Бунина поехать вместе в Южную Америку.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 102.

В харбинской газете «Новая жизнь» (№ 154. С. 3) публикуется рецензия на Сборник первый «Издательского товарищества писателей». Без подписи.

Рецензент, в частности, отмечает: «Диссонансом звучат две вещицы: Бунина и Брюсова. Но в остальных рассказах и стихах торжествует жизнь».

В одесской газете «Русская речь» (№ 1947. С. 2) печатается статья Е.Егорова «Литературный фельетон. Академик Бунин».

Журналист пишет: «Наше бесталанное безвременье сказалось и тут. Почему Бунин попал в академики? Ведь если перебрать наши "таланты" — то Куприн, например, окажется в сто раз популярнее и талантливее Бунина. Наконец, Бунин был избран академиком тогда, когда еще не умолкла лира покойного Фофанова.

В.Буренин, Л.Афанасьев, Аполлон Коринфский — разве они не достойнее Бунина принять академические лавры?

Очевидно, тут произошла какая-то ошибка, или попросту подействовало освободительное кумовство. Кто читал внимательно стихи Бунина, тот, наверное, согласится со мною, что скучнее поэта не было еще на Руси. Убожество тем, шаблон поэтического рисунка, ни тени чувства — вот отличительные признаки поэтического творчества Бунина. Это — замороженная стихописательная машина, а не поэт.

Его беллетристика? О, тут есть о чем поговорить. Бунин в своих беллетристических произведениях истязает преимущественно деревню. Истязает так, как может истязать человек теплого, комфортабельного кабинета с холодной душой, щедро пропитанной известной тенденцией.

Если поверить на слово Бунину, то имущим возможно скорее собирать свои чемоданы и уезжать под "пленительное небо Сицилии", а неимущим — загодя лезть в петлю. Трудно придумать более мрачный пасквиль на русское крестьянство. Человек положительно всё отнял от русского крестьянства: и душу живую и облик человеческий. Оставил только пьянство да звериную тупую хитрость.

Вот возьмите мазепинского беллетриста Винниченко; на что уже тенденциозный и неприличный даже писатель, а вот подите же — для деревни у него находится и теплое слово, и задушевность, и поэзия. Небольшой его рассказец из жизни бродячего рабочего люда "Кузь и Грыцун" — сама прелесть.

У Бунина ничего этого нет. Он не позволит себе осветить темную душу деревенского обывателя малейшей искоркой. Не буду брать такого большого его произведения, как "Суходол", печатавшийся в "Вестнике Европы", а возьму хотя бы его "Захара Воробьева". <...>

Что это — поучительно? Красиво? Нет. <...>

Добавьте к этому еще подделывание Бунина под крестьянскую речь, сопровождаемую иногда странной орфографией (вместо "отродясь" — "с отроду"), смакование и подчеркивание особенно нечистоплотных и нехарактерных мест — и вы пой-

мете, почему от творчества Бунина веет не жизнью, а холодной надуманностью и то очень невысокого качества. <...>

Чем руководствуется ныне академия, избирая таких академиков?

Неужели рекламой еврейской печати?»

Июнь, 16. Бунин совершает поездку в лес Буцкого.

В дневнике Бунин отмечает: «Поездка в лес Буцкого. Выгоны в селе Малинове. <...>

За Малиновым — моря ржей, очаровательная дорога среди них. <...>

Потом большая дорога — и пение косцов в лесу: “На родимую сторонушку...”».

Дневники. Т. 1. С. 125.

В эмиграции Бунин написал рассказ «Косцы» (1921), в котором воплотились дореволюционные впечатления писателя.

В московской газете «Раннее утро» (№ 138. С. 5) в рубрике «Литературные новинки» помещается рецензия на 2-е изд. книги «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред. Байрона» (М., 1912). Подпись: Ю.

Рецензент пишет: «Есть громко возглашаемые на всех перекрестках имена поэтов, восхваляемые имена. Реже звучит среди них имя Бунина. А ведь это один из крупнейших поэтов современности, один из истинных поэтов.

Не потому ли упоминают о нем так редко, что он стоит вдали от модернизма? Не потому ли, что за строками его стихов чувствуется не душа современника-горожанина, приявшая и строфы Верлена, и Верхарна, и грохот улицы, и музеи, и картинные галереи, и шумный ресторан, а душа, воспринимающая окружающее просто и ясно, с детской наивной простотой?

Бунин — весь в природе. Он подмечает, он чувствует. <...>

Жизни, действия нет в поэзии Бунина. Есть только созерцание, настроение.

Порой они бывают печальны. <...> Но душа рвется к солнцем залитым далям, к природе, пробужденной и радостной, живет ликующими настроениями. <...>

И даже тогда, когда его “томит любовь, томит тоска разлуки” по мертвым, отошедшим, но все же живым, он воскрешает радостные светлые призраки».

Июнь, 17. Бунин беседует с Яковом — садовым сторожем.

В дневнике Бунин записывает: «После обеда сидел в шалаше. Что за прелестный человек Яков, как приятно слушать его. Всем доволен».

Дневники. Т. 1. С. 126.

В эмиграции Бунин написал рассказ «Божье древо» (1927), в котором отразились беседы писателя с караульщиком Яковом.

А.М.Горький пишет А.С.Черемнову с Капри 30 июня (н. ст.):

«Бунин не прислал мне книгу <“Стихотворения 1903–06 гг. Манфред. Байрона” (2-е изд., доп. М., 1912)>. Не прислал, и это меня огорчает. Я люблю читать его».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 73.

Июнь, до 18. Бунин посылает свои книги в библиотеку Плесского общества самообразования.

Эти экземпляры неизвестны. См.: 20 июня 1912, вторая запись.

Июнь, 18. Бунин посылает Ф.И.Благову рассказ «Игнат» для публикации в «Русском слове» и пишет ему:

«...посылаю Вам рассказ, о печатании которого мы с Вами уговорились в мае перед моим отъездом. Называется он теперь "Игнат" и настолько сильно сокращен, что, думаю, Вы сможете напечатать его в 2–3 фельетонах. Делите его, как хотите, — это, в конце концов, неважно».

Письма (2). С. 231.

Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу подготовки к изданию своей новой книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«...я остановился на шрифте № 2. <...> Набирайте с Богом. Остального материала не ждите — пришлю в свое время».

Письма (2). С. 231.

Июнь, 20. Бунин перечитывает «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина и сочинения Е.А.Баратынского.

В дневнике Бунин отмечает: «Перечитывал "Пут<ешествие> в Арзрум", — так хорошо, что прочел вслух Вере и Юлию первую главу. Перечитывал Баратынского (прозу) "Перстень" — старинка и пустяки. Как любили прежде рассказывать про чудаков, про разные "странности"!»

Дневники. Т. 1. С. 127.

Ф.Чекалов от имени Совета Плесского общества самообразования в письме Бунину

«выражает Вам глубокую благодарность за Ваш скорый отклик на его просьбу и за Ваш щедрый дар в библиотеку Общества!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 9306 оф.

Июнь, 21. Бунин читает «Былины Олонецкого края» Е.В.Барсова; беседует со сторожем Яковом.

В дневнике Бунин записывает: «Читаю "Былины Олонецкого края" Барсова. Какое сходство в языке с языком Якова! Та же криволапая ладность, уменьшит<ельные> имена... <...>

Яков в непрестанном восхищении перед своим хозяином, — в холопском умилении».

Дневники. Т. 1. С. 127.

См.: 17 июня 1912, первая запись.

Июнь, 23. Утром Ю.А.Бунин уезжает из Глотово в Москву. Бунин с Н.А.Пушешниковым посещают деревню Казаковку.

Бунин отмечает в дневнике: «В 6 ½ утра уехал Юлий. Скучно и жалко его. Стареет, слабеет. <...>

Были с Колей на Казаковке, в той избе, куда ударило грозой. <...> Изба крохотная и мерзость в ней неописуемая <...>».

Дневники. Т. 1. С. 128.

Июнь, 24. Бунин с Н.А.Пушешниковым гуляет по деревне; беседует со сторожем Яковом.

В дневнике Бунин записывает: «Все грустно об Юлии, ужасно жаль его. Вот уехал и точно не бывало ни его, ни времени с ним.

После обеда прошли через кладбище на деревню. <...>

Посидели с Яковом. <...>».

Дневники. Т. 1. С. 129.

См.: 17 июня 1912, первая запись.

В письме П.А.Нилусу Бунин сообщает:

«Дорогой друг, на днях — числа 29, 30-го думаем уехать недели на 2–3 в Витебскую губ., к А.С.Черемнову. <...>

Погода зарезала!»

Письма (2). С. 231.

В харбинской газете «Новая жизнь» (№ 163. С. 4) в рубрике «Новинки литературы и искусства» сообщается:

«“Любовь” — так будет называться большая повесть, над которой работает теперь И.А.Бунин.

Вещь обещает быть интересной, автор расширяет сферу своего творчества из жизни современной деревни и разрабатывает в новом произведении проблему крестьянской любви».

Речь идет о рассказе «Игнат».

Июнь, 26. Бунин вновь беседует со сторожем Яковом.

В дневнике Бунин отмечает: «Сидели опять с Яковом, он начал было рассказывать “Конька-Горбунка” — чудесно путает чепуху — потом надоело, бросил».

Дневники. Т. 1. С. 129.

См.: 17 июня 1912, первая запись.

С.М.Ростовцева пишет Бунину из Петербурга:

«Дорогой Иван Алексеевич, надеялись повидать Вас в Одессе, но Вы уже исчезли оттуда; давно хотела написать Вам, чтобы поблагодарить Вас за книги, которые я получила, вернувшись в Петербург; снова прочла. Чудесно и всё мне показалось там удивительно истинным и верным, читала с тем большим наслаждением, что там передавалось то, что и я почувствовала там, но конечно не смогла бы так ярко выразить. Буду обирать Вас невольно когда буду рассказывать о Палестине добрым друзьям, вот завидная участь поэтов».

Написано на открытке, на лицевой стороне которой групповая фотография с Буниным и В.Н.Муромцевой в центре. Ниже автограф Бунина: «На набережной в Одессе, весна 1912 г. Поездка делегации русских ученых на конференцию в Рим».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3878 оф.

См.: март 1912.

Июнь, до 28. И.М.Касаткин пишет А.М.Горькому:

«Вот Бунин — славный талант. Какая углубленная и тонко-ажурная обрисовка психологии героев и картин природы! Но печаль и печаль берет за сердце, когда закрываешь его книгу. Почему это? Не потому ли, что Бунин рисует перед нами нечто, долженствующее уйти из жизни, отживающее, а не то, что должно прийти, — нарождающееся, новое... А славно пишет он, право!»

ЛН. Т. 95. С. 631.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Переделал, перекроил 5 и 6-ую картины пьесы, на днях пришлю на просмотр. <...> Вчера Юшкевич читал новую пьесу Евгению <Буковецкому> и мне — нечаянно, но вышла жесткая рецензия. <...> Собираюсь в день именин 29-го поехать в Аккерман».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 26–27.

Датируется по содержанию. П.А.Нилус родился 29 июня 1869 г. (ст. ст.)

Июнь, до 29. Выходит 2-е издание № 1 журнала «Заветы», в котором (с. 20–61) публикуется рассказ «Веселый двор» с подзаголовком «Повесть».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (29 июня (№ 149). С. 1).

Июнь, 29. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжает из Глотово в Москву.

В дневнике Бунин записывает 7 июля: «В Глотове замучил дождь. Выехали оттуда 29 июня в Москву. В Москве пробыли до утра 4-го. Здесь тоже дождь».

Дневники. Т. 1. С. 130.

Ф.И.Благов пишет Бунину из Москвы по поводу публикации рассказа «Игнат» в газете «Русское слово»:

«Досадно, что приходится писать Вам о некоторых неудобствах, возникающих при решении вопроса о напечатании Вашего рассказа “Игнат”. Вы, конечно, догадываетесь, о чем идет речь. Эти неудобства — некоторая раскованность положений и описаний.

Не посетуйте, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, за откровенность. Газете, имеющей аудиторию из лиц разных возрастов и различной степени развития, поневоле приходится ограничивать себя известными рамками <...>. Вот почему, и в данном случае, несмотря на большое желание видеть Ваш рассказ на столбцах “Русского слова”, я вынужден отказаться от этого удовольствия.

Позвольте выразить надежду, что Вы оцените искренность моего к Вам обращения и примете его не как вторжение в сферу Ваших авторских прав или критику Вашего произведения».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 314, л. 2–3.

Июнь, 30 — Июль, 3. В Москве Бунин готовит к изданию свою новую книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

Бунин дает интервью «Московской газете».

См.: 23 июля 1912, третья запись.

Июль, 4. Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников уезжают из Москвы в имение А.С.Черемнова Клеевка в Витебской губернии, куда прибывают в тот же день.

См.: 29 июня 1912, первая запись; 6 июля 1912, вторая запись.

В пути Бунин пишет Ю.А.Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 6 июля 1912, первая запись.

По пути в Клеевку Бунин пишет В.В.Вересаеву:

«Дорогой Викентий Викентьевич, был я в Москве, послал Вам оттуда Ваши переводы, — большое спасибо за них, сладко местами чувствуешь древ-

ний мир, а в переводах только порою задевало меня кое-что <...>, — виделся с Клестовым, с Махаловым, читал корректуру начала своей книги <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.” (М., 1912)>, отдал и конец ее в набор — рассказ “Игнат” (прежде — “Любовь”), который будьте добры прочесть в корректуре. Сейчас еду — на неделю, на две, м.б., на три — в Витебск. губ., Нащокино, Витебск. губ., имение Клеевка, Александру Сергеевичу Черемнову (для меня). Пишу в вагоне, простите краткость, мерзкую бумагу и карандаш.

Дружески обнимаю Вас!»

РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 205, л. 1–2.

Бунин сообщает в письме П.А.Нилусу, что он с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым едет в гости к А.С.Черемнову в имение Клеевка и пишет:

«Были в Москве. Почти набран том моих новых рассказов <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.” (М., 1912)>. Как его озаглавить? В нем все только о Руси — о мужиках да “господах”. “Смерть”, “Крик” оставил для другого тома, если Бог даст его. Как озаглавить? Придумай! “Русь”? “Наша душа”? Или просто — “Повести и рассказы”?»

Письма (2). С. 232.

Июль, 6. Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Получили твое письмо <неизвестно>. <...> С дороги сюда (в Клеевку, где мы уже третий день и где очень хорошо во всех отношениях) писал тебе в Берхтесгаден. <...> Чувствуем себя — в смысле здоровья — недурно, хотя моя вялость и безделие продолжаются. Мучусь над вопросом: как назвать книгу?»

Письма (2). С. 232.

Речь идет о будущей книге «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

Бунин сообщает в письме А.М.Горькому:

«...мы — я, Вера и Коля — уже третий день в Клеевских лесах и холмах, где весьма хорошо и тихо на редкость. <...> сглазили меня в Москве весной, тих и бесплоден стал я! Да и критики в гроб вгоняют безвременно: кучу вырезок получаю чуть не каждый день, и по крайней мере треть из них — преподлая: густо кадят, но и врут на меня, якобы жестокосердого, как на мертвого. Надежда слабая только на сборник рассказов — будучи собраны в книгу, м.б., мягче они покажутся». Далее рассказывает о новом «Книгоиздательстве писателей в Москве» и предлагает издать в нем итальянские сказки Горького и добавляет: «Где Куприн? Не на Капри ли сохраняется? <...> Прочитал я недавно 7-й том его — очень уж легко читается. Прочитал я еще “Губернатора” Сургучева, “Медвежонка” и “Около моря” Ценского и “Ослянichка” Пришвина. Весьма многое чудесно в “Губернаторе” и весьма многое плохо в Ценском, а “Осляничек” что-то скучноват, Бог с ним. <...>

За окнами шепчет по лесам дождь — заклятый вечный враг мой. А на Капри теперь, небось, так ярки и чисты звезды, так восхитительно редко вздыхает у берега море — ночное, летнее, итальянское! Хоть бы когда-нибудь рассказали Вы про это ночное море и про Ваши рыбачьи ночные таинства!

Горжусь, что уговорил Вас когда-то рассказать о рождении человека. Помните, когда это было? Мы ходили комету смотреть — поздно, поздно по дороге к Анакапри. — Очень крепко и нежно обнимаю Вас, дорогой поэт!»

Письма (*2*). С. 232–233.

В вильнской газете «Северо-западный голос» (№ 2079. С. 3) в рубрике «Библиография» помещается заметка «Издательское товарищество писателей. Сб. первый».

Рецензент пишет о рассказе «Ночной разговор»: «Рассказ И.Бунина весьма значителен своим содержанием. Кто читал “Деревню” И.Бунина, тот не мог не обратить внимания на ряд сцен из жизни деревни, поражающих тупой, животной жестокостью озверевших людей. “Ночной разговор” дополняет некоторыми новыми штрихами это ожесточение деревни. <...> Мастерское изложение и прекрасный язык И.Бунина содействуют впечатлению правдивости подмеченного автором печального явления — ожесточение деревни».

Июль, 7. П.В.Мурашев пишет Бунину:

«...фотографию Вашу я взял у Вашего племянника, — фотография нужна для альбома, который мы намерены дать в виде бесплатного приложения <к журналу “Живое слово”> подписчикам. Всего в нем будет 12 наиболее выдающихся русских писателей.

К юбилею Вашему мне хотелось бы поместить в журнале несколько снимков из Вашей жизни, напр., с женой, в кабинете у Чехова, за работой, кое с кем из товарищей писателей etc. М.б., не откажете в любезности дать? Нет ли у Вас снимка из жизни на даче или в деревне, это можно было бы поместить в один из ближайших №№».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 163, л. 2.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Ну-с, теперь тебе как учителю должен рассказать, что делаю. Написал вариант к “Господину Порецкому” (5 и 6 картины), кажется, неудачный, и распоров прошлогоднюю пьесу 4-хактную, я собирал ее снова в шесть картин. <...> Вот этой второй пьесой и ее переделкой я пока очень доволен. На днях тебе пошлю — как только выйдет из-под машинки — эту “новую пьесу”, которую я назвал “Художники”. Конечно, и в ней есть маргарин, но добрая половина настоящее.

<...> Письмо от Веры Николаевны получил очень давно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 28–29.

В газете «Оренбургский край» (№ 149. С. 2) перепечатывается из газеты «Юг» статья А.Рославлева «Издательство писателей», посвященная разбору сборника 1-го «Издательского товарищества писателей».

См.: 7 июня 1912, вторая запись.

Июль, 8 (21). В.В.Котляревская пишет Бунину из Виши:

«Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за книги, увезла их за границу и наслаждалась. Особенно увлекательно сравнивать Ваши палестинские впечатления со своими. Вижу, что Ваши глаза, глаза поэта, открыты шире и нахожу много нового для себя в Ваших наблюдениях».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 126.

Июль, 9. Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников продолжают жить в Клеевке у А.С.Черемнова.

В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину из Клеевки: «Скоро неделя, как мы в Клеевке... Удивительно легкие и внимательные люди. Марья Павловна <Миловидова> только и думает, как бы всякому сделать приятное. Про себя могу сказать, что я чувствую себя как дома, — нет, даже лучше, ибо здесь нет домашних неприятностей. Мы все занимаемся, и довольно много».

Письма (*2*). С. 620.

А.С.Черемнов в письме А.М.Горькому сообщает в шутливой манере о пребывании Бунина: «Генерал сразу засел за работу и нас, грешных, с великою жестокостью к сему понуждает. Мы же яко рабы ленивые и лукавые токмо при глазах его превосходительства, академика и кавалера, со многою неохотою за писание садимся на некий час малый и по сем к пению и гулянию и иным утешкам обращаемся, чего для многократно не токмо ругаемы препохабно, но и биты из собственных его, кавалера и академика, рук бываем, но сие втуне. Сказывали ноне, что подобает нас, нерадивых, четверным поленом бить по завету святых отцов и многое иное говорено к превеликой нашей конфузии и нашему посрамлению. Сам же, с верьху не слезая, до кровавого поту труждается и мало видим бывает».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 642.

Июль, 9 или 10. П.А.Нилус посылает Бунину свою пьесу «Художники» и пишет ему из Одессы:

«Дорогой Ив. Посылаю тебе пьесу “Художники”. Если ты ее одобришь, то, ради Бога, пошли или Немировичу, или Станиславскому <...>.

Назови следующую книгу: или “Земля”, или “Чернозем”, или “Деревня” <...>, или “Мужики” <...>. Только не называй “Рассказы” — ибо очень важно подчеркнуть, что книга касается твоего последнего периода творчества — это важно для публики, конечно.

А теперь ты пиши стихи и непременно маленькую поэму в стихах, с героем поэтом, только не старым <нрзб>, а таким, каким ты был 20 лет назад».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 30–31.

Июль, начало. Бунин редактирует рассказ «Игнат» с учетом пожеланий Ф.И.Благова и вновь посылает ему для газеты «Русское слово».

См.: 29 июня 1912, вторая запись; 14 июля 1912, вторая запись.

Июль, 13. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Я вял и бесплоден. Жить здесь очень приятно. Край оригинальный — холмистый, лесистый, пустынный, редкие маленькие поселки среди лесов, хлебов мало. Но погода была почти все дни дурна. Я простудился, немножко повалялся в насморке. И все только читаю».

Письма (*2*). С. 233.

Июль, 14. Бунин пишет С.Д.Махалову по поводу своей книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«...получил и возвращаю Вам 1–5 л<исты> моей книги. Корректура плоха — нельзя читать — так мерзка бумага и бледна краска, — правят

плохо (делают *новые* ошибки!), слова опять то сидят друг на друге, то убегают друг от друга, разбивки между главами не одинаковы и т.д. Ради Бога, дорогой, распеките типографию, да перед тем, как спускать в машину, оглядите хорошенько. Да поторопите типографию — ведь так мы вовеки не кончим.

Шлю Вам обложку и титул. Набравши и то, и другое, пришлите мне.

2–5 л<исты> можете печатать. Первый погодите. М.б., уничтожим шм<уц>титул и поставим на этих двух страницах предисловие».

Письма (2). С. 234.

В.Н.Муромцева в письме Ю.А.Бунину сообщает: «Дорогой Юлий Алексеевич, меня удивило сегодня Ваше письмо от 11 июля нашего стиля? Как же Вы не получили ни одного письма Яна, а он Вам писал пять раз, да и от меня должно быть одно письмо <...>. Ян все возится со своей книгой <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.” (М., 1912)> и новым нас ничем не радует, что меня начинает огорчать». Н.А.Пушешников сообщает, что с В.Н.Муромцевой вместе переводят драму Г.Клейста «Пентесилея».

Бунин делает приписку: «Когда выедем отсюда — не знаем. Страшно просят жить как можно дольше».

Письма (2). С. 234.

В московской газете «Русское слово» (№ 162. С. 1) помещается начало рассказа «Игнат».

Июль, 15. В екатеринославской газете «Южная заря» (№ 1831. С. 2–3) публикуется статья Г.Зарницына «Заметки о современной литературе. “Заветы”, кн. 1, 2 и 3».

Рецензент пишет: «Повесть И.Бунина из деревенской жизни “Веселый двор” к академическим лаврам автора не прибавит ни одного листика: похоже на то, что человек писал потому, что *надо* писать о деревне, и представлял себе, как это *должно быть* или *могло быть* в деревне. Получилось хотя и весьма правдоподобно, но как-то риторически-правдоподобно и потому неубедительно, а, в конце концов, мало интересно и безнужно...

Слишком много “литературы” у этого художника!..»

Июль, 16. В письме А.М.Федорову Бунин сообщает, что гостит у А.С.Черемнова и пишет о подготовке к печати книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«...сижу за корректурой, печатаю книгу в новом — московском “издательстве писателей”. Что ты о нем думаешь? Пойдешь ли к нам? Пай — 200 р. <...>

С самого Капри я еще ни *строки* не написал! Каково?»

Письма (2). С. 235.

Июль, 17. Бунин пишет Н.С.Клестову, спрашивая о причине его молчания и сообщая о подготовке к печати книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«Получил и сегодня, прочитав, посылаю С<ергею> Д<митриевичу Махалову> листы 6–9: исправив, их *нужно прислать мне еще раз* — для подписи.

Типографией недоволен – плохая корректура (и бумага такая, что читать нельзя). Мне первую шлют? Шлите вторую».

Письма (2). С. 235.

В московской газете «Русское слово» (№ 164. С. 2) печатается продолжение рассказа «Игнат».

Июль, 18–19. В московской газете «Русское слово» (№ 165. С. 2; № 166. С. 1) печатается продолжение рассказа «Игнат».

Июль, 20. В московской газете «Русское слово» (№ 167. С. 3) публикуется окончание рассказа «Игнат».

В той же газете (с. 2) помещается статья «Литераторы на даче». Подпись: И.С.

Корреспондент пишет: «Кинематографы показывают новый "номер": литераторы на даче. Бунин пьет чай с Телешовым. Конечно, Леонид Андреев. Зайцев как-то странно ухмыляется. Выходит довольно забавно. Вернувшись из такого "дачного" кинематографа, компания литераторов уселась на балконе за самоваром, и начала перебирать знакомую писательскую братию. На каком балконе кто и где сидит».

В харьковской газете «Южный край» (№ 10886. С. 3) печатается статья проф. Л.Е.Владимирова «Непритязательные заметки. VI. Одето-раздетые дамы и таковая же беллетристика».

Критик, в частности, пишет о рассказе «Игнат»: «Наша беллетристика давно разделась и ходит иногда в одной рубашке, а иногда и совсем без рубашки.

Беллетристика отражает жизнь, а потому и она ходит одето-раздетою. Меня поражает в современной беллетристике ненужные подробности, иногда такого свойства, что приходится зажимать нос и вообще отворачиваться. <...>

Когда встречаешь у крупного художника, у выдающегося беллетриста, каков, напр., Бунин, такие неприятные подробности, невольно задумываешься над властью моды. В "Русском слове" на днях (№ 162) помещен рассказ Ив.Бунина "Игнат". Бунин – известный беллетрист, и не для чего распространяться о его даровании, признанном всеми. В рассказе он описывает Любку, горничную, бойкую, красивую, с развращенною душою». Процитировав текст о внешности Любки и ее поведении, рецензент продолжает: «...в этом описании есть подробности, которые можно было опустить, чтобы случайно не коснуться области порно- и грязеграфии. <...> Где собственно граница таких подробностей? <...> Где следует остановиться? Нужно ли для характеристики Любки залезать ей под мышки? Есть на свете эстетика, есть обязанность писателя не вызывать без надобности некрасивые ассоциации. Писатель залезает пока только под мышки, а читатель уже совершает дальнейшие экскурсии. И в глазах простого читателя, какого-нибудь полукультурного, если он не развращен, такие описания принимают характер "*озорства*", а в глазах развращенного, полукультурного эти подробности вызывают зверский смех и цинизм. Реализм реализмом, а стыд стыдом. Что бы ни приводили в оправдание подобных *порнографоподобных* подробностей, они не должны быть допускаемы.

Одно из двух: художественное произведение или протокол. Если протокол судебно-медицинский или физиологический отчет, то давайте его вполне. Если художественное произведение, то не для чего примешивать к мрамору глину, грязь, куски мяса,

чтобы приблизиться к действительности. *Искусство не есть одно лишь подражание действительности, а самостоятельное, на свой особый лад, воспроизведение ее.* Мрамор не тело, а какое верное воспроизведение действительности получается в статуе великого скульптора! Наконец, я позволю себе не без некоторой опаски коснуться одного вопроса. Для чего, собственно, воспроизводить Любку и Игната? Что могут дать подобные фигуры? Что можно выудить из них? *Чувственные* движения их несложной души? Тургенев писал мужичков в “Записках охотника”. Но он там выуживал великие вещи. Что может дать Любка? Тип развратной, натуральной, бесстыдной горничной, воспитанной в развратнейшей среде. Игнат — грубая сила, и больше ничего».

Июль, 13 (26)...Июль, 20 (Август, 2). А.М.Горький пишет Бунину с Капри:

«О предприятии московских писателей во главе с Вами меня извещал А.С.Черемнов, а в газетах мною ничего по этому поводу не читано.

С Муйжелем и питерцами я не спомось: они ставят дело очень торжественно и аристократически <...>.

Я — свободен и могу отдать “Сказки” в Ваше издательство; сообщите об этом товарищам — буде это Вам не во труд — и попросите их сказать мне условия издания. Хотел бы иметь ответ возможно скорее, ибо могу продать книгу в другое место. <...>

Из “Заветов” я уже ушел, потому что Чернов и Миролюбов не исполнили ни одного из обещаний, данных мне, и поставленных мною условий сотрудничества не соблюли. <...>

Спасибо Вам, дорогой, за милое Ваше письмо, конечно, я помню, что это Вы внушили мне мысль написать “Рождение”, и очень жалею, что не догадался посвятить рассказ Вам. Не разрешите ли сделать это в отдельном издании? Или — напишу другой. Как раз вот теперь пишу и — кажется — что-то удачное.

Чувствую себя усталым, лето плохо помогает мне, настроение — лирическое — хоть стихи пиши! Сознаюсь — написал несколько уже: о барке в море, о песне, которую кто-то поет на горе и о старых камнях под горою. Все это, конечно, я порву и сожгу, так что не бойтесь конкуренции».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 77–78.

Границы события уточняются по письмам Бунина. См.: 6 июля 1912, вторая запись; 25 июля 1912, вторая запись; 12 августа 1912, первая запись.

Июль, 22. А.М.Федоров пишет Бунину из Одессы:

«Милый! Как ты утешил меня, сообщив, что “с Капри ничего не пишешь”. Я тоже не писал три с половиною месяца, но сейчас принялся за работу, а то стыдно на свет Божий смотреть.

Будет рассказ листа в три. Просил Овсянико-Куликовский для “Вестника Европы”, но я, должно быть, отдам в Товарищеский сборник. Ты приглашаешь меня вступить пайщиком, но я и без того, как мне кажется, состою пайщиком Т-ва писателей, если это та компания, которая начинала дело в Пбурге и выпускала первый сборник. <...> Приезжай в Одессу. Погода чудесная. <...> как же тебе не совестно не прислать мне свои новые книги!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/14 оф.

Июль, 23. Бунин сочиняет стихотворения:

— «Псковский бор» («Вдали темно и чащи строги....»). Авторская дата: «23.VII.12».

ПСС. Т. 6. С. 285.

См.: февраль 1914, третья запись.

— «Песня» («Ночь мутна и не месячна...»). Авторская дата: «23. VII.12».

ПСС. Т. 6. С. 153.

См.: до 5 февраля 1913.

Позднее было озаглавлено «Два голоса» — *СС* (*Петр*). Т. 3. С. 246.

В.Н.Муромцева в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«Погода чудесная: сухо, жарко и весело. Ян написал стихи в 30 строчек! В новом для него стиле и тоне. Вчера праздновалось рождение Хлюпа <Н.А.Пушешникова>».

Бунин делает приписку: «Погода чудесная. Нас все оставляют. Да и ты пишешь, что вернешься к началу августа — будем тебя ждать здесь — заезжай».

Письма (*2*). С. 235.

В «Московской газете» (№ 200. С. 2) публикуется интервью «У И.А.Бунина». Без подписи.

«Писатель в беседе с нами высказал свою точку зрения на народ, который является осью всей его литературной деятельности.

— У нас, — говорит Иван Алексеевич, — несмотря на целые общественные и литературные полосы, касавшиеся самых недр народной жизни, в сущности, русская интеллигенция поразительно мало знает свой народ.

<...> Между тем, язык русского интеллигента и русского мужика — совершенно различны. Ведь нельзя же принимать за знание народного языка, которым щеголяет наша интеллигенция, такие пошлости, как “эфто”, “так что ваше благородие” и т.п., которые мы слышим со сцены, либо читаем в произведениях о мужике.

Ни в какой стране нет такого разительного противоречия между культурной и некультурной массой, как у нас.

Да иначе у нас и быть не могло. Ибо в России никогда не существовало подлинного серьезного изучения народа.

Возьмите “Антона Горемыку”, про которого еще тогда было сказано, что это не русский народ.

Равным образом и у Тургенева не было полного изображения народной действительности. <...>

Литературная деятельность Златовратского носила явно прикрашенный характер, давала идеализацию мужика.

Кем действительно было много сделано в смысле изучения народа, это Гл.Успенским. Г.Успенский — огромный талант, огромный художник и крупный человек. Но он, как сам говорил, собирал лишь материал для постройки здания о народе, но планомерного художественного целого произведения не создал. <...>

Толстой писал о народе с известной точки зрения, именно с религиозной, как о трудовом народе, которым держится весь мир.

Теоретическое же изучение народного языка, песен, обрядов началось лишь в 50-х годах славянофилами и с ними же окончилось.

Именно с этой точки зрения, в смысле серьезного отношения к данному предмету, следовало бы отнестись к моей писательской деятельности.

Поэтому нельзя говорить, как это делается теперь, что я не люблю народа, что у меня холодное и сухое сердце, нельзя копаться в моей душе».

В московской газете «Руль» (№ 360. С. 2) помещается рецензия В.Тихоновича «“Заветы” (Апрель — май — июнь)».

Рецензент, в частности, пишет: «Бунин подарил нас еще одной, — чуть-чуть послабее последних его вещей, — но все же превосходной повестью “Веселый двор”. <...> Как всегда у Бунина, бесстрастно и холодно написанная повесть, рассказывает о том, что и без голодной эпидемии в русской деревне человек может умереть от голода, забытый людьми и чужими и близкими. “Веселый двор” — еще одна глава из творимой Буниным мрачной повести о русском крестьянстве, проникнутая тем же настроением, что “Деревня” и “Ночной разговор”».

Июль, 16...23. Выходит в свет хрестоматия для средних классов средних учебных заведений «В родном мире» (Сост. Н.В.Пуцило, М.М.Лебедкина. СПб., 1912), в которой (с. 19–21, 270, 273–274, 388–391, 477–479, 505–507, 641–642) помещаются рассказы Бунина в извлечениях «Ночь на светлый праздник» («Святые Горы»), «Зимой в лесу» («Сосны»), «Ночь» («Скит»), «В степной деревне», «На край света», «На Донце».

Ряд заглавий дан составителями.

Выходит книга «Утренняя звезда. Сборник стихов для отрочества» (Сост. Н.Томашева и С.Томашева. СПб., 1912), в которой (с. 13, 34, 36, 49, 73, 192) печатаются шесть стихотворений Бунина: «В порту» («Огромный красный, старый пароход...»), «Речка» («Светло, легко и своенравно...»), «Змея» («Покуда март гудит в лесу по голым...»), «Северная береза» («Над озером, над заводью лесной...»), «Пугач» («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...»), «В холодный зал, луною освещенный...».

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Июль, 24. Бунин сочиняет стихотворения:

— «Пращуры. Голоса с берега и с корабля» («Лицом к туманной зыби хороните...»). Авторская дата: «24.VII.12».

ПСС. Т. 6. С. 154–155.

См.: 1 января 1913, вторая запись.

— «Светляк» («Леса, пески, сухой и теплый воздух...»). Авторская дата: «24/ VII 12 г. Клеевка».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2797 оф.

См.: конец ноября 1912, первая запись.

В *ПСС* (Т. 6. С. 155) авторская дата: «Под Себежем. 24.VIII.1912», здесь месяц указан явно ошибочно.

Читательница, подписавшаяся «Мать», пишет редактору газеты «Русское слово» Ф.И.Благову возмущенное письмо по поводу публикации в газете рассказа Бунина «Игнат», называя его «порнографией».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3731 оф.

Июль, 25. Бунин пишет стихотворение «Великий Лось» («Ночь зимняя мутна и холодна...»). Авторская дата: «25.VII.12».

ПСС. Т. 6. С. 156–157.

См.: 20 января 1913.

В письме В.В.Вересаеву Бунин пишет:

«Дорогой Викентий Викентьевич, Вы меня напугали: буду держать ухо востро, ибо вовсе не хочу ответствовать ни такой неприличной статье, как 1001... хотя ужели за 2–3 строки можно погибнуть?

Писал ли Вам Клестов и Махалов о сборнике? Хорошо бы! А денег вперед никому – ни-ни! Думаю, что и Горький даст с удовольствием. Он мне пишет — предлагает издать его "Сказки". Если позволите сказать мое мнение, это для нас очень ценно. Только он просит скорого ответа, просит и условия сообщить. <...>

Что Вы скажете, если я предложу издать мою "Смерть Моисея" (будет просто – "Смерть") отдельной очень роскошной (в смысле бумаги) брошюрой? Количество экз. – тысячи 2, цена экз. — 25 к. Я эту вещь очень люблю, очень хотел бы издать.

Жду от Вас письма».

РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 205, л. 3–4.

См.: 20 июля 1912, третья запись.

Бунин пишет Н.С.Клестову в ответном письме:

«...знаю, что бумага и краска будут лучше, да корректуру нельзя читать — ничего не видно. А разбивка слов! И куда девали "Силу"?

Можно и первый лист печатать. Об "Игнате" при корректуре очень подумаю. Статья постыдная — и я не хочу отвечать по ней. Но думаю, что Вы запуганы. Что же там о собаке? Иной читатель и не поймет, в чем дело.

Текст "Р<усского> слова" С.Д.Махалов находит безопасным.

Гонорары смущают Вересаева? Да ведь установили же в Питере! Цена — журнальная. Я сажусь за работу уже — только боюсь, не написать бы много. Надо дать повесть — листа 3–4, иначе и мараться нечего». Далее сообщает, что А.М.Горький согласен предложить «Сказки» для издания в «Книгоиздательстве писателей в Москве» и что надо скорее ему ответить.

«Пишу два слова Вересаеву – об "Игнате" и Горьком, и еще вот о чем: я очень хочу издать отдельной брошюрой "Смерть" ("Смерть Моисея") — на очень хорошей бумаге, с обложкой, где будет очень хорошо нарисовано на турецкий лад заглавие.

Тысячи две экз. Цена – ? Что скажете? Если это даже риск, возьму его на себя.

Весьма жду корректуры. Что мало пишете мне? Каково Ваше мнение об "Игнате"? Использовали ли и как, где? Махалов пишет — превозносит, и я

рад весьма. Нужны ли Вам статьи обо мне, рецензии? Вы говорили об автобиографии? Хочу написать».

Письма (*2*). С. 236.

См.: 20 июля 1912, третья запись.

В газете «Киевская мысль» (№ 204. С. 2) печатается статья И.Джонсона «И.А.Бунин» по поводу книги «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд. М., 1912):

Критик пишет: «Как раз десять лет тому назад я писал в “Образовании” о молодом еще тогда писателе И.А.Бунине. <...>

Я вспомнил об этом своем старом литературном грехе потому, что теперь передо мной лежит книжка позднейших рассказов и стихотворений Бунина, в нынешнем году вышедшая вторым, немного дополненным, изданием.

Бунин — мало плодовитый беллетрист. <...>

Меня всегда привлекал Бунин-беллетрист, а к Бунину-поэту я более равнодушен. Его стихотворения оставляют меня по большей части холодным. Быть может, причина здесь та, что Бунин чудесный лирик в беллетристике, в стихотворениях, как это ни странно, довольно мало лирики. В них он скорее “парнасец”. Он любит и в будничной современности, и в веках и народах — отыскивать красоту, находить ее во всем <...>, его поэзия <...> часто в своем реализме доходит до протокольности описания. <...> Энергия и сжатость чеканного стиха, внутренняя сила, важность и значительность — удивительны. Такой стих у Бунина, впрочем, везде. В этом отношении он большой мастер. Ему удивительно дается и сонетная форма, выходящая у него легко, естественно, безукоризненно.

Вообще говоря, нельзя не признать, что Бунин и как поэт — значительная величина и справедливо увенчан “академическими пальмами”. Но все-таки мне он говорит больше как беллетрист, потому что в его беллетристике есть все, что есть и в поэзии, но еще и многое, чего нет в последней, или что в ней не так ярко. <...> Как прекрасен и значителен “Беден бес”, как светел в нем образ этого немощного нищего, сохранившего такую ясность души, такую глубину разумения и такую высокую, даже возвышенную простоту отношения и к жизни, и к смерти... А “Старая песня”: как это все чеховски-просто и какой прекрасной лирической дымкой обвеян образ этой молодой женщины. <...> Или “Сон Обломова-внука”: какая чудесная картина, вся залитая ясным горячим солнцем, поэзией лета, полей, болот, степи — “зеленой, ровной и вольной”...

Я упрекал когда-то Бунина за то, что он перестал быть “художником социальным”. Не говоря о несостоятельности “упрека”, после “Деревни” это, конечно, и неверно. Он не перестал, он только не насилует себя, и, разумеется, отлично делает, что не насилует».

См.: декабрь 1902, вторая запись (*Летопись* (*1*). С. 490–491).

Июль, 27. Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку, сообщая, что ждет его в Клеевке.

Письма (*2*). С. 236.

Июль, 28. Бунин сочиняет стихотворение «Ночная змея» («Глаза козюли, медленно ползущей...»). Авторская дата: «28.VII.12».

ИРЛИ ОР, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 427.
ПСС. Т. 6. С. 155–156.

См.: до 16 февраля 1913.

Получив корректуру своей книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), Бунин пишет В.В.Вересаеву:

«Дорогой Викентий Викентьевич, что делать? Вот кусочек отпечатанного листа моей книги, который прислал мне нынче Клестов. Более убогой бумаги представить себе нельзя, текст обит по краям, мазаный — шлю Вам лучший листок, а на прочие смотреть страшно. Пишу Махалову, Клестову, посылаю в типографию телеграмму — приостановить печатание. В таком виде я книгу не могу выпустить. Что делать? Необходимо перепечатывать. А это позор для всех нас. Жду вашего ответа».

РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 205, л. 5.

Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу своей книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«...сейчас получил от Вас бандероль — обложку, титул и отпечатанный лист. Взглянув на последний, ахнул — и посылаю в типографию телеграмму — *приостановить печатание*. Что хотите со мной делайте, а я не могу выпустить книгу на такой бумаге, с текстом, обитым по краям и мазаным! Бумага “Перевала” на вид, на плотность в десять раз лучше, печать — тоже! Пишу Вересаеву и Махалову, посылаю кусочки этого листа. Надо перепечатывать?

Что делать — не знаю, но на это нет моего согласия. Погодите печатать.

И разбивка слов осталась такая же нелепая, и между главами — то верста, то вершок. Бумага легка, убога, бледна, краска — тоже».

Письма (*2*). С. 237.

Июль, 31. Бунин пишет стихотворение «Мать» («На пути из Назарета...»). Авторская дата: «31.VII.12».

ПСС. Т. 6. С. 165–168.

См.: 24 октября 1912, первая запись; 28 октября 1912, девятая запись.

В.В.Вересаев начинает писать Бунину письмо, в котором благодарит его за пересылку обратно переводов греческих авторов Архилоха и Сафо, а также выражает сожаление, что на рукописи нет никаких помет. Далее сообщает о деятельности «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Сборники <“Слово”> мы откладываем до осени, несмотря на настояния Клестова. <...>

Горького, конечно, очень бы важно привлечь, и я ему уже написал».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 2–4.

В газете «Киевская мысль» (№ 210. С. 2) публикуется статья Л.Н.Войтоловского «Журнальное обозрение», в которой разбирается журнал «Заветы».

Рецензент, в частности, пишет: «И.Бунин в повести “Веселый двор” старается превзойти в ожесточении и злости даже тех свирепых злодеев, которые вообще получили право гражданства на страницах его рассказов. На этот раз он низводит на степень окончательного чудовища сторожа Егора. <...>

В художественном отношении рассказ этот мало убедителен, а стоило ли его помещать на страницах “Заветов” — это дело не мое».

Август, 1. Бунин пишет стихотворения:

— «Монастыри» («Монастыри в предгориях глухих...»). Авторская дата: «1.VIII.1912».

СС (*Петр*). Т. 3. С. 253.

В *ПСС* (Т. 6. С. 163) авторская дата: «3.VIII.1912».

См.: декабрь 1912, первая запись.

— «Летняя ночь» («“Дай мне звезду”, — твердит ребенок сонный...»). Авторская дата: «1.VIII.1912».

СС (*Петр*). Т. 3. С. 254.

В *ПСС* (Т. 6. С. 159) авторская дата: «VIII.1912».

См.: до 5 января 1913.

— «Белый Олень» («Едет стрелок в зеленые луга...»). Авторская дата: «1.VIII.1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 21.
ПСС. Т. 6. С. 151.

См.: 15 декабря 1912, вторая запись.

Август, 2. Бунин сочиняет стихотворение: «Алисафия» («На песок у моря синего...»). Авторская дата: «2.VIII.1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 20.
ИРЛИ ОР, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 427.
ПСС. Т. 6. С. 151–152.

См.: середина ноября 1912, вторая запись.

Август, 4. Получив от Бунина письмо, В.В.Вересаев заканчивает свое письмо, начатое 31 июля:

«Получил Ваше второе заказное письмо, и одновременно приехал из Москвы очень взволнованный Клестов по поводу того же дела, о котором пишете Вы. Дело чрезвычайно неприятное. Оно находится вне моей компетенции, как редактора; “правлению” нашего издательства предстоит разрешить задачу, как удовлетворить Ваши требования с возможно меньшими потерями для нашего предприятия. Несомненно, вина лежит на нем и на Клестове, что он Вам предварительно не послал образца бумаги, заказанной правлением для наших изданий. <...> Я только не могу согласиться с Вами, что вообще выбранная правлением бумага убога, и что для нас было бы позором выпускать издания в том виде, как Ваша книга. Не говорю уже о шрифте: он несомненно более нов и четок, чем, напр., в “Перевале”; но и бумага, на мой взгляд, вполне и вполне прилична. <...> Специально же относительно Вашей книги, разумеется, все так или иначе будет сделано по Вашему желанию.

Не найдете ли Вы удобным отложить печатание “Моисея” до времени, когда Вы будете в Москве, и сами сможете присмотреть за тем, чтобы издания соответствовали Вашему вкусу? А то ведь с “роскошным” изданием может случиться сугубая беда».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 2–4.

Август, 4 или 5. В Клеевку приезжает Ю.А.Бунин, вернувшийся из-за границы.

Письма (*2*). С. 623.

См.: 12 августа 1912, вторая запись.

Август, до 8. Выходит № 4 петербургского журнала «Заветы», в котором (отд. II, с. 176–179) печатается рецензия А.Б.Дермана на «Сборник первый» Издательского товарищества писателей (СПб., 1912).

Критик, в частности, пишет: «Самым интересным произведением сборника является <...> небольшой рассказ Бунина “Ночной разговор”. О нем можно с уверенностью сказать, что он будет упомянут в истории литературы: не в силу своих художественных достоинств (как и все, что пишет Бунин, высоко литературен и “Ночной разговор”), а как верное отражение определенного настроения некоторой части русского общества. <...>

И чувствуется, что все это — алгебраические знаки. Гимназист — это идеализировавшая народ интеллигенция; Нефедов и Наумов – народническая литература; ночной разговор – символизирует суровую действительность, а гимназист после этого разговора — часть русской интеллигенции, отделившейся от вредной прекраснодушной иллюзии. Все это весьма интересно, но далеко не все убедительно. <...> Прежде всего — сам гимназист. Он прекрасно обрисован автором, и читатель живо сочувствует этому наивному, увлекающемуся, чуткому и отрочески-неуклюжему юноше. <...> Откуда же такое громадное значение случайного “ночного разговора” и почему жизнь не доставила бы гимназисту никаких иных – и притом менее случайных и более типичных отрезвляющих впечатлений?

Далее эти пресловутые Нефедов и Наумов. Бог знает, почему автору вздумалось этих, основательно забытых, писателей, никогда к тому же и не бывших тем, что называют “властителями дум”, сделать “просветителями” гимназиста в послереволюционную эпоху. Это одно сообщает неестественный, нарочитый и случайный оттенок воззрениям гимназиста на народ. <...> Рядовые мужики “Ночного разговора” — это какие-то скотски-равнодушные, полудикие истязатели. Но мы не можем в них — или по крайней мере в их типичность — поверить: Бунину мы верим, как и Нефедову верим, а в их мужиков не верим. <...> Стихийная жизнь низов пестра. Есть примеры и зверства и высокой нравственности среди мужиков, но обобщение того или другого, есть увлечение в ту или другую сторону... Таким увлечением веет на нас от всего сгущения красок рассказа Бунина. <...> “Ночной разговор”, будучи правдивым в субъективном смысле, как стремление отделаться от вредной розовой иллюзии, есть объективная неправда, как иллюзия мрачная. <...> Он <рассказ> попадает в унисон психологии не столько очнувшихся, сколько испугавшихся людей (не знаем, входило ли это отражение, как сознательно поставленная задача в расчеты Бунина) и не только испугавшихся, но и мстительно за это настроенных. <...>

И как решить, в каких же увлечениях, в конце концов, больше правды: в идеализациях ли Златовратского и даже Нефедова, или же в увлечениях в противоположную сторону? Не надо забывать одного: *там* основой всего была любовь, она же и основа всякого творчества. Здесь основа — разочарование, детище (да и мать)

равнодушия и апатии. Правда же все-таки в творчестве, какими ошибками оно бы ни сопровождалось».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (8 авг. (№ 182). С. 1).

Август, 8. Бунин пишет стихотворения:

— «Судный День» («В щит золотой, висящий у Престола...»). Авторская дата: «8.VIII.1912».

ПСС. Т. 6. С. 165.

См.: ноябрь 1912, первая запись.

— «Ноябрьская ночь» («Туман прозрачный по полям...»). Авторская дата: «8.VIII.1912».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3456 оф.
ПСС. Т. 6. С. 159–160.

См.: до 17 февраля 1913.

— «Завеса» («Так говорит Господь: “Когда, Мой раб любимый...”»). Авторская дата: «8.VIII.1912».

РНБ ОР, ф. 474, Альбом № 1, л. 94.
ПСС. Т. 6. С. 168–169.

См.: 28 октября 1912, восьмая запись.

Август, 9. Бунин пишет стихотворение «Ритм» («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»). Авторская дата: «9.VIII.1912».

РНБ ОР, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 194.
ИРЛИ ОР, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 427.
ИРЛИ ОР, ф. PI, оп. 2, ед. хр. 129.
ПСС. Т. 6. С. 157–158.

См.: до 16 января 1913, первая запись.

Август, 10. Бунин пишет стихотворения:

— «На большой дороге» («Как дым пожара, туча шла...»). Авторская дата: «10.VIII.1912».

ПСС. Т. 6. С. 157.

См.: до 4 декабря 1912.

— «Гробница» («Глубокая гробница из порфира...»). Авторская дата: «10.VIII.1912».

ПСС. Т. 6. С. 150.

См.: ноябрь 1912, вторая запись.

Ю.А.Бунин вместе с В.Н.Муромцевой уезжает из Клеевки: Ю.А.Бунин в Орел, В.Н.Муромцева в Москву. Бунин с Н.А.Пушешниковым остаются в Клеевке.

Дневники. Т. 1. С. 131.

См.: 12 августа 1912, первая запись.

В.Н.Муромцева сообщает Бунину в открытке из Ново-Сокольников:

«Устроилась хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/72 оф.

В.Н.Муромцева, пересылая Бунину письмо В.В.Вересаева от 31 июля–4 августа, делает на нем карандашом приписку:

«Доехали хорошо. Тепло. Целую крепко, своего Кустика. Очень беспокоюсь, как твое здоровье. Напиши, ради Бога, сегодня».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 4.

Август, 11. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой, золотой мой, доехала очень хорошо <...>. Все твои поручения исполнила: была в типографии, — корректуру <книги “Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.”> отдала, но отпечатанных листов мне не дали, говорят, что они посланы вчера тебе; эпиграф снимут с “Захара Воробьева”; новые листы еще не отпечатаны, ждут решения от Махалова».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/109 оф.

Август, 12. Бунин пишет А.М.Горькому:

«Дорогой друг, надеюсь, Вы уже давно вернулись на Капри и в добром здоровьи. Очень, очень огорчило нас всех известие о Вашей болезни <...>. Чем более кого-нибудь любишь, тем более не веришь в его несчастия.

Нечего и говорить, как я рад был Вашему обещанию посвятить мне рассказ, — спасибо, дорогой, от всей души. С нежностью отвечу Вам тем же при первом же достойном случае.

Неужто правда — стихи писали? Ей-богу, это было бы хорошо. <...>

Прочитав это, сел и я писать стихи — и писал с тех пор все время. Но мешает мне кто-то, стоит над головой и твердит: “Рассказ, рассказ надо писать...”. К счастью или несчастью, я этого голоса еще не послушался. А пора послушаться. <...>

Сто раз спасибо, что идете к нам. Я, получив Ваше письмо, “заскакал и обрадовался” и мгновенно сообщил о Ваших “сказках” Вересаеву и всему нашему “правлению”. <...> Моя книга <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.” (М., 1912)> выходит в начале сентября — она уже вся готова. <...> Горько, горько жалею, что отдал три книги “Московск<ому> к<нигоиздательст>ву”. Да что сделаешь! Нуждишка...

Как видите, засиделись мы здесь. Тишина, повторяю, здесь изумительная — жаль расставаться с ней. И деревни не те, что у нас, и лица лучше: недавно встретил мужика в лесу — настоящий Олег! А ведь по Питерам ходят. — Заезжал сюда на минутку брат Юлий из-за границы и Вера уже уехала с ним в Москву. Мы с Колей отбываем 15-го сего августа. <...>

Верно, будем на Капри осенью — готовьте побольше стихов, вина и винограду!»

Письма (*2*). С. 237–238.

В письме П.А.Нилусу Бунин вновь зовет его вступить в «Книгоиздательство писателей в Москве» и сообщает:

«...задержался здесь: все писал последние дни стихи — не хотелось прерывать дела. Заезжал из-за границы Юлий, побыл тут дней 5 и уехал с Верой в Москву — 10-го авг. Мы с Колей уезжаем 15-го». Далее пишет о пьесе Нилуса «Художники»: «Пьесу мы все читали — всем весьма нравится очень мно-

гое, а конец — так себе. Так и мне. Много прелестного, но, думается, такого, что не для сцены. <...> Все же, приехав в Москву, повезу пьесу Немировичу. Не возьмет он — дать Незлобину? И кстати: какова судьба предыдущей пьесы <“Господин Порецкий”>? <...>

Книгу назвал: “*Суходол.* Повести и рассказы 1911–1912 гг.”. Больше ничего не придумаешь.

Думаю о поэмах в стихах. М.б., напишу. Мелких написал штук 20. И больше ничего. Все читаю, чувствую себя *неважно* — все время».

Письма (2). С. 238–239.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Вчера, мой Ненаглядыш, был у меня в 7 ч. вечера Клестов. Главное, что он сказал мне, что до 16 августа книжка не будет печататься: будут ждать тебя, т.к. ты не уполномочил меня распорядиться по этому поводу, то я сказала, что я сообщу тебе об этом. Из разговора я поняла, что ни Клестов, ни Вересаев *органически* не могут понять твоего отношения к книге, но Клестов, не знаю искренно или нет, очень огорчен всем этим. “Я, — говорит, — три ночи не спал, боюсь теперь увидеться с Ив. Ал. Но, книгу я показывал очень и очень многим, она имеет отличный вид, гораздо лучше “Перевала”. Они складывали пустые листы. Сегодня Клестов едет в Петербург. <...> Клестов говорит, что обошел все склады в Москве и к 16 августа подберет все образцы бумаги, имеющиеся в Москве и если тебе окончательно не понравится их бумага, то напечатают на другой. <...>

Целую крепко, именно гениальную бровку. <...> Спрашивала о Скрудже <“Рождественская песнь в прозе” Ч.Диккенса>, еще не вышла, завтра обойду все магазины».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/81 оф.

Август, 1–12. Бунин пишет стихотворения:

— «Потомки пророка» («Не мало царств, не мало стран на свете...»). Авторская дата: «VIII.1912».

ПСС. Т. 6. С. 163–164.

См.: первая половина апреля 1913.

— «В Скутари» («Шипит и не встает верблюд...»). Авторская дата: «VIII.1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 10, л. 2.
ОГЛМТ, ф. 14, № 3772 оф, л. 1 об.
ПСС. Т. 6. С. 164.

См.: до 2 октября 1913, первая запись.

В автографе ОГЛМТ авторская дата: «Начало августа 1912 г.», в автографе РГАЛИ авторская дата: «21.IX.13», возможно, дата редактирования стихотворения перед публикацией.

— «Уголь» («Могол Тимур принес малютке-сыну...»). Авторская дата: «VIII.1912».

ПСС. Т. 6. С. 165.

См.: первая половина апреля 1913.

Границы событий определены по времени пребывания и работы Бунина в Клеевке и по упоминанию в письме Бунина. См.: 12 августа 1912, вторая запись.

Бунин отмечает в дневнике 12 августа: «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок».

Дневники. Т. 1. С. 131.

Август, 6...13. Выходит том 8-й «Нового энциклопедического словаря» (под общ. ред К.К.Арсеньева. СПб., 1912), в котором (стб. 583–587) помещается статья П.С.Когана «Бунин И.А.».

Критик излагает биографию писателя и, в частности, отмечает: «Б. занимает особое место среди современных поэтов. Его мало коснулись модернистские течения, он остался в стороне от модных декадентских журналов, всегда был чужд изысканной нарядности, вычурности и крайностей, которые завоевали себе прочное место в поэзии недавнего прошлого. Он — верный хранитель пушкинской традиции. Простота и ясность — основные качества его стиха. Глубокая искренность и спокойная вдумчивость — главные свойства его души. <...> Его мечта создает прекрасное царство вымысла, не насилуя мира реального, и этот последний встает в его поэзии преображенным, но не искаженным, не утрачивает ни одной из своих земных черт. <...> Прелесть его поэзии в том, что она не забыла своего источника и, поднявшись над землею, не противопоставила себя ей, как высшую независимую силу, а сохранила связь с своей матерью. <...> Б. поет не небо, а вечное стремление земли к небу. Он — вечный странник. Он любит наблюдать всякие культуры и всякую природу и всюду открывать это вечное тяготение к идеалу, в высь, к солнцу <...>. Он любит бродить мыслью в отдаленности времени и пространства. <...> Чувство меры помогло ему слить в гармоническое целое мечту о вечном и интерес к временному, стремление к небу и любовь к земле. <...> Ясный реальный характер его мечты придает его поэзии то неистощимое разнообразие, которого лишено творчество поэтов, занятых только своим внутренним миром, не ищущих все новых красок и звуков в соприкосновении с действительностью. Б. никогда не повторяет себя, не ищет разнообразия в игре слов, сама жизнь дает ему постоянно новые образы, в которых все глубже раскрываются переживания его души. Истинная стихия бунинской музы — природа. Б. правдив и серьезен в своем культе природы. Он не язычник и не декадент. Он прекрасно сочетает точность в изображении природы и прихотливую свободу в передаче рожденных ею настроений. <...> Б. свободен от <...> языческих олицетворений природы. Он любит ее, как источник мечты и тайны, которые она дарит современному человечеству, подавленному знаниями и измученному борьбой. <...> Он — певец деревни, а не города. Его муза вскормлена бытом усадьбы, точно выросла среди интимных и мирных настроений, рождавшихся в старых дворянских гнездах, воспетых Тургеневым. И даже та печальная деревня, которая нарисована в его большой повести (“Деревня”), ближе ему, чем город. <...> Томительная и нудная эта повесть без интриги, без действия, без ярких красок. Но и сама жизнь, которую изображает она, такова же. <...> Б. — поэт деревенского запустения, и в изображение этого запустения он внес манеру своего письма. Настроение томительное и нудное развивается естественно при чтении его повести, и навевает она мысли серьезные и значительные, как и вся его поэзия».

На вклейке в конце тома воспроизводится фотопортрет Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Август, 15. Бунин с Н.А.Пушешниковым уезжает из Клеевки в Москву.

См.: 12 августа 1912, первая и вторая записи.

Август, 17. В конторе газеты «Русское слово» для Бунина составляется Счет по гонорарам за произведения, опубликованные в газете с 28 декабря 1911 г. по 20 июля 1912 г.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 345, л. 3.

Август, 17...19 (Август, 30...Сентябрь, 1). А.М.Горький сообщает в письме Бунину с Капри:

«Рукопись “сказок” пошлю В<икентию> В<икентьевичу Вересаеву> на днях, – на этой неделе.

Вы мне обязательно пришлите новую книгу Вашу! Посвящу я Вам не рассказ, а повесть “Большая любовь”, которую сейчас пишу, а где буду печатать – еще не знаю. <...>

О “Заветах” не жалейте, – книжка за книжкой все хуже. Слишком много Чернова, а он всегда неудачен. В четвертой рецензия о “Ночном разговоре” с дрянными экивоками. <...>

Я рад, что Вы пишете стихи, и Саша Черный – тоже. Он очень любит Вас, как поэта, говорит: “считаю его классиком”, а мне – приятно. <...>

Помните, – Вы обещали дать рассказ для сборника в честь Франко? Срок – до конца октября <...>.

А что Вы осенью собираетесь сюда – рад! Очень. Винограду воз припасем, вина – озеро!» В конце письма рассказывает об истории в Неаполе, где поспорили мать с дочерью из-за ревности и решили бежать наперегонки и мать победила, однако позднее вечером мать умерла от паралича сердца.

Горький. ПСС. Т. 10. С. 97–98.

См.: 28 сентября 1912, вторая запись.

Август, 21. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ян. Очень обрадовал ты меня тем, что начал писать стихи – пришли <...> если есть! <...> Название для книжки <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.”> очень подходящее. – Очень рад, что ты находишь, что все же несмотря на “легковесность” можно послать пьесу Немировичу – это прямо хорошо для знакомства с новым автором». Далее советуется по поводу выпуска своей книги: «Очень уж вял книжный рынок, а было бы можно попытаться продать книжку рассказов “дополненную и исправленную”. – Как ты думаешь? (С пьесами могла бы пособраться и 2-я книжка, но интересно ли это кому-нибудь?)»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 32–33.

Август, 20...22. Бунин с Н.А.Пушешниковым едет из Москвы в Крым: Севастополь, Гурзуф.

Дневники. Т. 1. С. 131.

Август, 22 (Сентябрь, 4). А.М.Горький посылает с Капри Бунину рукопись книги «Сказки» и просит передать ее В.В.Вересаеву

для подготовки к изданию в «Книгоиздательстве писателей в Москве»:

«Хорошо бы напечатать книгу возможно скорее! Сижу я, по обыкновению, без денег, а это кое-чему мешает, заставляя работать ненужное.

Не ответил Вам на вопрос — куда отдам “Большую любовь”? Если эта вещь окажется интересной и небольшой — предложу ее предполагаемым В<икентием> В<икентьевичем Вересаевым> сборникам».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 103.

См.: 28 сентября 1912, вторая запись.

Август, 23. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой, <...>. У папы 39,3. <...> У Зайцевых все, слава Богу, благополучно, и он сам едет сегодня в Притыкино, он счастливый отец! все уговаривал иметь детей. <...>

Нашла массу твоих рецензий, завтра пересмотрю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/87 оф.

14 (27) августа у Б.К. и В.А.Зайцевых родилась дочь Наташа.

В московской газете «Трудовая копейка» (№ 44/201. С. 1–2) публикуется статья Н.Я.Абрамовича «Литературные беседы» о 1-м номере журнала «Заветы». Подпись: Н.Кадмин.

Критик, в частности, отмечает: «В том же журнале помещена повесть Ивана Бунина “Веселый двор”, автора книги “Деревня”. Чересчур растянутая и, так сказать, осложненная слишком частыми любованиями картинами природы и всякими литературными частностями, повесть автора производит наибольшее впечатление именно в той части, где автор с необходимой сжатостью рассказывает о последних днях голодающей в деревне старухи-бобылки, идущей к сыну. <...>

Очень хороши страницы, описывающие путь старухи, ее ужас не дойти, борьбу со слабостью и голодом, галлюцинации и грезы туманящегося мозга, предсмертную тоску и ужас при мысли о том, что спасения нет, и что придется так и умереть, заброшенной и одинокой.

Такая страница о гибели голодающей старухи больше скажет уму и сердцу читателя, чем сотни страниц рассуждений на тему о “меньшем брате”. Огромная тема о человеческой ответственности за эту смерть, за эти страдания, о смертельных болезнях общественного организма, невольно напрашиваются сами собой.

Во всяком случае, важно одно: не затуманивая вопроса сладкими и сентиментальными утешениями, с одной стороны, а с другой — не затемняя его также выражениями ужаса по поводу озверелости и темноты мужика, — освещать эту огромную тему — деревня и почти сплошной кошмар ее жизни во всей силе фактической правды».

Август, 24. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, посылаю тебе письмо Нилуса. <...> прочла “Надежду” с удовольствием. Мне даже кажется, что я сама все это видела. <...> Статью о А.П.Буниной в Брокгаузе я прочла, отыскала еще источник, где искать материал».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/84 оф.

Август, 23...25. Бунин с Н.А.Пушешниковым прибывает в Севастополь.

Бунин посылает В.Н.Муромцевой открытку.

Открытка неизвестна. См.: 27 августа 1912, первая запись.

В письме П.А.Нилусу Бунин сообщает, что приехал в Севастополь.

Письмо неизвестно. См.: 27 августа 1912, вторая запись.

Август, 26. В.Н.Муромцева пишет Бунину, делая помету в начале:

«Письмо № 4. Дорогой мой Ян, <...> сегодня я с половины десятого занималась Флобером. <...> От Ал.Мак.<Горького> тебе письмо очень длинное. <...>

Ну, целую крепко, о тебе стараюсь не думать и пока покойна. Сегодня письма не было. Поклон Н.А. <Пушешникову>. Твоя Лошадка».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/82 оф.

Август, 27. В.Н.Муромцева посылает Бунину письмо с пометой «№ 5», в котором сообщает, что получила его открытку.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3227 оф.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Вечные неожиданности — ты в Севастополе! Очень рад, м. б., окажется возможным — навещу тебя попозже, если не думаешь заглянуть в Одессу». Благодарит за хлопоты о его пьесе.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 34.

Август, 28. Бунин с Н.А.Пушешниковым приезжает в Гурзуф.

Бунин посылает В.Н.Муромцевой телеграмму.

Телеграмма неизвестна. См.: след. запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину, помечая письмо «6-ое»:

«День рождения Толстого!

Сегодня по обыкновению работала все утро. <...> Утром я получила ненужную телеграмму от Яна, ибо все равно я писала бы в Севастополь, письма же не было, еще ни одного. Пора бы! Пришло письмо от Горького, а также и сказки его <...>.

Вот вы попали в Гурзуф, и когда я хотела дать тебе несколько советов, ты и слушать не хотел!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/80 оф.

А.С.Черемнов пишет В.Н.Муромцевой из Клеевки:

«С отъездом Буниных в Клеевке наступила “довольно скучная пора”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3239/1 оф.

Август, 29. В ответном письме из Гурзуфа Бунин предлагает В.Я.Брюсову:

«...могу дать стихотв<орение>, — простите, что так поздно исполняю Вашу просьбу! Даже не знаю — нуждается ли теперь в этом “Рус<ская> мысль” и когда сможет воспользоваться стихотв<орением>».

Письма (*2*). С. 239.

Бунин предлагает в письме Н.С.Клестову:

«...отчего бы Вам не сделать несколько заметок в газетах о предстоящем выходе моей книги <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.” (М.,

1912)> — хотя бы уже потому, что в ней есть несколько рассказов, не замеченных благодаря помещению в "Рус<ском> слове"? <...>

Шлю листы 18, 19 и 20. Исправив, их *необходимо вернуть мне для подписи* — они очень измазаны. *Непременно*. Пусть задержится книга на несколько дней».

Письма (2). С. 239–240.

Август, 31. Бунин сообщает П.А.Нилусу в письме:

«Живем под Гурзуфом, в Суук-Су. Хорошо, но 20 р. в день и мерзкая еда. Собираемся в Одессу».

Письма (2). С. 240.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Пишу тебе, Ян, седьмое письмо, от тебя же имею лишь одно. <...> По-видимому, ты не скучаешь, тем лучше для тебя. <...>

Мама все еще слаба. <...> Уговаривает, чтобы мы останавливались с тобою у них. Предлагают две папины комнаты, как самые удобные для тебя. <...> Все спрашивают, когда ты приедешь?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/106 оф.

Получив от Бунина две телеграммы, В.Н.Муромцева вновь пишет ему, возмущаясь его молчанием, а также сообщает:

«...сейчас был Клестов, я передала ему "Сказки" Горького <...>. В субботу <1 сентября> он доставит мне для прочтения твои первые листы. Ваше товарищество <"Книгоиздательство писателей в Москве"> наняло квартиру на Никитском бульваре. Прага — близко! В воскресенье пойду туда».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/159 оф.

Август. В петербургских «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу "Нива"» (№ 8. Стб. 615) в рубрике «Библиография» печатается рецензия на сборник первый «Издательского товарищества писателей». Без подписи.

Критик, в частности, пишет: «"Ночной разговор" Ив.Бунина — изображение крестьянского быта в тонах прошумевшей недавно "Деревни" того же автора».

В московском журнале «Живое слово» (№ 30. С. 3) воспроизводится фотография «И.А.Бунин и А.С.Черемнов в имении последнего, в Витебской губ.».

Выходит № 12 петербургского журнала «Русская художественная летопись», в котором (с. 169–171) публикуется статья В.Чудовского «Заветы».

Рецензент, разобрав рассказ А.М.Горького «Рождение человека», отмечает: «Далее следует столь несомненно заслуживающая первенства перед рассказом Горького повесть Ив.Бунина "Веселый двор". Но таково местничество современных вкусов!

Бунин с достоинством помнит и соблюдает многие приемы Льва Толстого — отнюдь не обязательные, но все же прекрасные и далеко не исчерпанные еще приемы: их узнаешь без чувства скуки, следовательно, они еще живут.

Повесть эта понравилась мне потому, что написана с очень хорошим вкусом; особенно столь бесконечно скользкий предмет, как голодная смерть старухи-крестьянки, разработан так, что читаешь без всякой оскомины. Хорошую чувствуешь скорбь:

здесь применен тот, опять-таки толстовский, большой общечеловеческий масштаб нравственных ценностей, который так явно не по плечу нашим "идейным" и программным филантропам.

Но при всех достоинствах изложения и разработки, повести Бунина недостает высшего: прекрасного зодчества, той верховной красоты повествования, которая трагедийно вымирает в России со времени бессмертных тургеневских достижений. Это даже не единая повесть, а соединение двух рассказов, пригнанных довольно небрежно: смерть Анисьи и смерть сына ее, Егора. Оба рассказа эти существенно различны по способу изложения. <...> Если же Бунин этими *внешними* приемами хотел подчеркнуть внутреннее противоположение трагедийно-праведной смерти матери от беспутной смерти сына — то это решительная формальная ошибка. Я полагаю, что все это произошло бессознательно, от одного лишь, теперь всеобщего, невнимания к законам словесного зодчества. Основной же закон: повествование должно быть едино в общем замысле своем, как бы ни были разнообразны подробности содержания.

Неубедителен и итог, который Бунин подводит обеим смертям: "И веселый двор из Пажени навсегда опустел". Ибо узнав, что умерла Анисья и умер Егор, и узнав о каждой из этих отдельных смертей — художественно убедительно (в этом Бунину никак отказать нельзя), я, однако, совершенно не почувствовал *общей* судьбы "веселого двора". <...>

Но эти недостатки — грехи всей эпохи; лично же Бунин — весьма положительное явление нашего безвременья».

Август, 31 или Сентябрь, 1. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 3 сентября 1912.

Сентябрь, 2. Приехав в Одессу, Бунин пишет В.Н.Муромцевой, сообщая о плохом самочувствии.

Письмо неизвестно. См.: 4 сентября 1912, вторая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, за письма Жемчужникова и Гайдебурова я еще не принималась, ибо я думаю, что их нужно подготовить к середине сентября, завтра буду переписывать их целый день. Сегодня я занята корректурой <книги Бунина "Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг."> <...>

Итак, из жизни в Крыму ничего не вышло, очень жалею, что не поехала сама, вышло бы очень поумней, да и я опять стала чувствовать себя очень плохо, ибо очень волнуюсь о будущей зиме, денег нет, моего перевода ты, конечно, не читаешь, а тратишь двойные деньги, а впереди юбилей — большие расходы. Почему ты повез Н.Ал.<Пушешникова> в Одессу, отправил бы его из Севастополя. Все равно в Одессе ты работать не будешь, а близких людей у тебя там более, чем нужно одному человеку. А уж если ты хотел работать, то надо было из Крыма ехать в Глотово. Да не рассказывай очень газетчикам, что ты пишешь, ты только глазишь. Если ты скучаешь обо мне только по ночам, то это очень печально, постараюсь и я днем о тебе не только не скучать, но и не думать. По ночам я вижу тебя во сне, и сегодня от этого в очень плохом настроении, а поэтому кончаю. Сегодня увижу Клестова и передам ему твое письмо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/68 оф.

В.Н.Муромцева вновь пишет Бунину:

«Дорогульчик мой, получила сегодня от Н.Ал.<Пушешникова> письмо и узнала, что “ты умирал”. Ужасно обеспокоилась. Должно быть, у тебя это желудочное, тебе необходимо когда-нибудь поправить кишки. Жаль, что ты так против Санатории <...>, а та жизнь, которую ты ведешь только треплет твои нервы. <...> Тебе кажется, главное это погода, тогда как, если бы ты был здоров, то и погоду бы не замечал. — Что же ты для “Среды” не присылаешь стихи. Пора. — Сегодня была в Вашем издательстве, оно находится на Никитском бульваре, там же живет и Клестов. <...> Книга твоя <“Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.”>, если ты не задержишь, выйдет 15 сентября. В газетах будут помещены заметки о книге».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/160 оф.

Сентябрь, 3. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Янчик <...>. Сегодня я переписала все письма от Жемчужникова и два Гайдебурова. В четверг Юл.Ал.<Бунин> передаст их Белоусову, а также статьи Когана и Эйхенвальда. Завтра отнесу твои фотографии, хорошо, что ты указал фотографию. От восьми часов утра я прочитывала корректуру твоего “Суходола”, затем отнесла ее Клестову <...>. Меня очень обрадовал Клестов, сказав, что в ближайшее будущее будет обсуждаться вопрос об издательстве переводов, нужно, по его словам, избрать редактора и делать строгий выбор. <...> Клестов говорит, что нужно как можно скорее выкупать у Блюменберга твои книги, ибо у них теперь своя типография. Я сказала, что пусть они от имени книгоиздательства начнут переговоры, если ты против этого, то телеграфируй. Если же ты за, то напиши и мы энергично примемся за это дело. Он говорит, что “Деревня” идет отлично, и что давным-давно твои 4000 разошлись.

Получила твое милое письмо сегодня, только зачем ты мне прислал план Суук-Су? Ты, должно быть, меня никогда не слушаешь, иначе <бы> ты помнил, что в Суук-Су мы были своими людьми. <...> А как будем мы проводить зиму? Неужели опять не вдвоем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/69 оф.

Сентябрь, 4. М.В.Аверьянов пишет Бунину из Петербурга:

«Дорогой Иван Алексеевич, из приложенной копии письма моего Вы видите к чему привели меня “товарищеские” отношения Н.С.Клестова, ныне Вашего товарища. <...> Помогите мне своим присутствием при встрече с ним».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 44, л. 6.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой, получила твое письмо от 2 сентября из Одессы и очень обеспокоилась. Что здоровье? Ты и представить не можешь, как я эти дни беспокоюсь, да я и без писем знаю всегда, что с тобой. Не слушаешься ты меня. Говорила, что тебе Финляндия и Эстландия нужны, а не жара. <...> если бы ты приехал, со мною чуточку поумней бы вышло. Ты, конечно, не согласен?

Ну что ж, живи без меня, если это тебе нравится. Сегодня я все утро до двух часов дня занималась Флобером. <...> абонировались с мамой на концерты Кусевицкого. <...> Это цикл концертов из произведений Чайковского, между прочим, Манфред и Патетическая симфония. Ты, может, не доволен, но я так живу однообразно, что нахожу, что мне необходимо развлекаться, а то тоска нападает, все-таки я не ты и сердце мое не улей, а потому скучно без тебя. Но жизнью довольна, работаю, беру уроки у Берлица. <...> Твоя Лошадь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/78 оф.

В газете «Одесский листок» (№ 205. С. 2) печатается заметка «И.А.Бунин». Без подписи.

В заметке говорится о приезде писателя в Одессу и готовящемся праздновании в октябре 25-летия его литературной деятельности.

Сентябрь, 2...4. Бунин посылает В.Н.Муромцевой два письма.

Письма неизвестны. См.: 6 сентября 1912, вторая запись.

Сентябрь, 6. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 9 сентября 1912, третья запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, получила и вчера и сегодня твои письма. Сегодняшнее взволновало. С чем обращается Анна Николаевна? <...> Жду с нетерпением твоего следующего письма. <...>

Ты пишешь, что иногда тебе хочется вызвать меня, нет, я не поеду: у меня очень серьезные дела.

Вчера было написано тебе очень длинное письмо, но я не послала — слишком много лирики. А ты меня ушиб на Капри, и теперь мне трудно писать тебе так, как раньше».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/178 оф.

В газете «Одесские новости» (№ 8816. С. 3) публикуется интервью «У И.А.Бунина». Подпись: А. <А.А.Аренберг(?)>.

В интервью Бунин сообщает о создании «Книгоиздательства писателей в Москве», в котором выходит в свет «на днях» его новая книга «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.», а также книги А.М.Горького, И.С.Шмелева, Б.К.Зайцева, Н.Д.Телешова и др.

«Последнее лето И.А.Бунин провел в нескольких местах, отдавая много времени литературному труду. <...> Писатель работал также много над романом из жизни русской интеллигенции. <...>

— Неприятно только, — говорит он, — что в октябре собираются меня чествовать по случаю 25-летия моей литературной деятельности. <...> Неприятно потому, что боюсь быть записанным в старики. Помилуйте, мне только за 40 лет, и вдруг рискуешь попасть в старики...».

Далее писатель сообщил о серьезной болезни А.М.Горького этим летом. В заключение Бунин отмечает, «что процесс охлаждения писательских кругов к модернизму продолжает идти тем же темпом. Модернизм даже в период своего расцвета только шумел, не имея глубоких корней в читательской среде. <...> Теперь же модернизм не только в фаворе, но даже шуметь перестал.

Интересуясь политической жизнью страны, И.А.Бунин полагает, что хотя теперь все в стране делается для того, чтобы стало хуже, но возможно, что старания эти не дадут тех результатов, которых добивается правительство. И возможно, что выборы <в IV Государственную Думу> дадут совершенно неожиданные результаты».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 510.

В газете «Одесский листок» (№ 207. С. 2) воспроизводится фотопортрет Бунина и помещается интервью «Наши беседы. У академика И.А.Бунина». Подпись: Аз <О.Г.Зелюк>.

В преддверии 25-летнего юбилея литературной деятельности писателя корреспондент просит его рассказать о своей жизни и работе. Бунин кратко излагает свою биографию.

«— Какие из прозаиков и поэтов производили на вас в юности наибольшее впечатление?

— Затрудняюсь сказать. То Шиллер, то Гете, то Гораций, то Лермонтов, то Шекспир, то Байрон, то Гоголь, то Толстой... Недолго — даже Достоевский, которого моя натура теперь прямо не приемлет. Навсегда же кумирами моими остались Гете, Гомер, Пушкин, "Гамлет" Шекспира, Данте, Флобер, и Толстой, Толстой — величайший и несравненный во всем...».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 513.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 307. С. 5) печатается интервью «У академика Бунина. Беседа». Подпись: Т. <А.А.Тамарин (?)>.

«В ответ на наше предложение высказать свое мнение о новейших течениях в литературе и о новых произведениях последнего времени, академик И.А.Бунин сказал:

— К сожалению, ничего нового по этому поводу я вам не скажу, так как в настоящее время в литературе такой застой, какого я не запомню. Ничего выдающегося, о чем стоило бы говорить, — совершенно нет. Зато с удовольствием могу отметить тот отрадный факт, что публика перестала интересоваться порнографией. Модернизм также в упадке. Возвращение к реализму идет по всему фронту, и этому я очень рад».

Далее рассказывает о работе А.М.Горького и его здоровье, сообщает об организации «Книгоиздательства писателей в Москве», в заключение говорит:

«В Москве возобновляются "среды", на которые приглашены молодые участники. <...>

В деревне я работал над большой повестью из жизни интеллигенции, написал много стихов о путешествии своем в Нубию и на Цейлон.

В общем чувствую себя теперь неважно. Лето мало дало мне. А впереди предстоит много работы».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 509.

Сентябрь, 7. В Москве проходит первое заседание Юбилейного комитета, на котором принимается решение назначить общественное чествование Бунина по случаю 25-летнего юбилея литературной деятельности на 28 октября.

См.: 8 сентября 1912, первая запись.

В.Я.Брюсов пишет Бунину:

«Конечно, я “хочу” ваших стихов, как вообще “хочу” считать вас в числе сотрудников журнала, в редакции которого участвую, и видеть на его страницах ваши вещи. Итак, не может быть сомнения, что я буду очень-очень рад, получив ваши стихи <...>. Но... но остается все тот же вопрос, который до сих пор не позволял мне с особой настойчивостью добиваться вашего сотрудничества: вопрос о гонораре. “Русская мысль” *не может* платить того гонорара, к которому вы привыкли и на который имеете все неоспоримые права. До сих пор максимум гонорара за стихи у нас был — 75 коп. стих; я надеюсь, что буду иметь возможность предложить вам за стихотворение, не слишком длинное, — 1 р. за стих. На этом мои “надежды” кончаются».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 465.

Сентябрь, 8. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Ян, сегодня утром меня вызвал к себе Юлий Алексеевич <Бунин> поговорить о юбилее.

Вчера на первом заседании юбилейного комитета решили праздновать твой юбилей в воскресенье 28 октября, а накануне в субботу вечером устроить торжественное заседание в Обществе любителей российской словесности, где тебя изберут почетным членом общества, но ты должен будешь прочесть что-нибудь новое *значительное* (мое мнение) *минут на сорок.* Если будет нужно, то отведут богословскую аудиторию. Юл.Ал.<Бунин> говорит, что Грузинский очень старается. Ответь телеграммой, согласен ли ты на эти дни или же нет, а также будешь ли ты читать или нет. Отказываться от последнего глупо. Натягивайся и пиши, но без матерщины, будет учащаяся молодежь. Приехать тебе следует в конце сентября, надо побывать как можно в больших местах. Телеграмму папа твою <неизвестна> получил. <...> Понемногу я завязываю светские отношения. — Сегодня опять нет от тебя письма, это уже меня беспокоит. — Что за разговор был у тебя с Ан.Ник. <Цакни-Буниной>? — Погода здесь плохая. Очень беспокоюсь о тебе мой дружочек.

Целую тебя крепко. Будь ради Бога спокоен. Павлик <П.Н.Муромцев> думает, что желудок у тебя только нервный».

К письму сделал приписку Ю.А.Бунин: «Милый Ваня! Устройство заседания любителей словесности, по моему мнению, явится, быть может, наиболее важною частью юбилея. Будут произноситься официальные приветствия; зала, конечно, будет наполнена массою публики, особенно молодежи, которая иначе не будет присутствовать на юбилее, а ты знаешь, что для писателя значат симпатии молодежи. <...> Отказываться от этого было бы абсурдом <...>, ты должен непременно прочесть что-либо, — разумеется, новое. <...> Я недавно писал Овс<янико>-Кул<иковскому> и сообщил ему, что юбилейный комитет особенно озабочен, чтобы появились своевременно статьи в газетах и журналах».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/79 оф.

В петербургской газете «Новое время» (№ 13108. С. 10–11) помещается статья Н.Н.Вентцеля «Литературные заметки. Бытописатель деревни». Подпись: Ю-н.

Критик пишет о творчестве Н.Н.Златовратского и, в частности, сравнивает его с Буниным: «Если сравнить "деревню" Златовратского с тою деревней, которую мы встречаем хотя бы, например, в очерках и рассказах г. Бунина, то, несомненно, получится такое впечатление, будто та и другая населены совершенно различными породами людей. Мужик г. Бунина имеет только внешнее человеческое обличие, но по своим инстинктам, по всему своему душевному складу он недалеко ушел от зверя. У Златовратского даже в дурном мужике вы все-таки видите всегда человека».

Сентябрь, 9. Бунин пишет В.Н.Муромцевой три письма.

Письма неизвестны. См.: 12 сентября 1912, вторая запись.

В письме Бунин указывает Н.С.Клестову последовательность страниц в начале книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) и пишет по поводу своих книг, выпущенных «Московским книгоиздательством»:

«Здесь книжники говорят — меня спрашивают. Необходим выкуп. Но пока Блюму <Г.Г.Блюменбергу> — ни слова».

Письма (*2*). С. 240.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, вчера я с Павликом ездила на курьерском поезде, чтоб послать тебе заказное письмо, которое ты должен получить завтра. Вчера же получила от тебя письмо от 6 с<ентября> тоже не из приятных. Хорошо в нем только то, что ты вывернулся перед Южиным. Юл.Ал.<Бунину> я показала теперь твои телеграммы <неизвестны>. <...> Беспокоит меня твое здоровье. <...> Я все-таки уверена, что если бы ты, как хотел в Глотове, поехал бы на юг со мною, то ничего бы не было, во-первых, я все-таки слежу за твоим желудком, а во-вторых, никто кроме меня не умеет тебя успокаивать. Ведь ты помнишь, в год, когда ты писал вторую часть "Деревни" и холера в Москве была и горе большое у тебя было, а я сумела так тебя лелеять, что ты чувствовал себя, насколько при данных условиях это было можно, хорошо, но последние годы ты отвык от меня, а я убеждена, если бы мы большую часть года жили вдвоем, ты был бы здоров, и это вовсе не из-за идиллии какой-нибудь, а именно из-за серьезного отношения к жизни и к тебе. Я много за это время продумала, твердо пришла ко многим заключениям, и, если бы у меня были бы личные средства, то я устроила бы жизнь такую, что ты и здоров был бы и работал бы хорошо. Подумай и ты. <...> Приплыть же мне в Одессу и дорого и не умно. Я здесь нужна и для юбилея и для своих дел. Изучаю языки, работаю над Флобером, который меня крайне беспокоит, нужно приниматься и за "Грациэлу", придется с ней повозиться еще около месяца. <...> Я думаю издать ее в Вашем книгоиздательстве».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/86 оф.

Сентябрь, 10. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 13 сентября 1912.

В.Н.Муромцева начинает письмо Бунину:

«Дорогой Ян, что мне делать с твоей книжкой <?>, которую ты надписал Мешкову, отправить ли по адресу или же пусть она дожидается тебя. <...> Имей в виду, что 28 <октября> — воскресенье, а потому выходят “Искры” и “Женское дело”, — а это хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/175 оф.

Сентябрь, 11. В.Н.Муромцева продолжает письмо Бунину:

«Сейчас получила твою телеграмму. Ждем твоих стихов к завтрашнему дню. Как ты небрежен, это будет очень глупо, если ты не пришлешь их к завтрому. Ник.Ал.<Пушешников> пишет, что ты не начинал работать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/175 оф.

Сентябрь, 12. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 14 или 15 сентября 1912.

Утром В.Н.Муромцева заканчивает письмо Бунину:

«А письма от тебя со стихами все нет и нет. <...> Весь день ждали стихов. В 5 ч. получила три письма твоих, но без стихов, очень жалеем, что ты надул. Народу собирается много. 18, 19, 20 листы <книги “Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.”> я свезла уже в типографию, там мне сказали, что во вторник <18 сентября> будет книжка готова. Сегодня поговорю и с Клестовым, и Мах<аловым>, и Гол<убевым> о выкупе твоих книг. <...>

От Овсянико-Куликовского получил Юл.Ал.<Бунин> письмо, где он пишет, что он очень высоко ценит твой талант».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/175 оф.

Сентябрь, 11 или 12. Бунин просит в письме В.Н.Муромцеву выслать ему 200 руб.

Письмо неизвестно. См.: 16 сентября 1912, первая запись.

Сентябрь, 13. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой, золотой Ненаглядыш, сейчас получила твое милое письмо и крепко за него целую. Конечно, если распишешься, то оставайся до первого октября, ибо написать тебе хоть что-нибудь надо во всех смыслах, хотя, если не напишешь, ради Бога, не огорчайся, все это, в конце концов, тлен и суета сует. <...> В десятом часу был у меня Юл.Ал.<Бунин>, мы с ним поговорили о юбилее. Пора распределять фотографии. Вчера я со всеми говорила о выкупе книг. Решили, чтобы я позвонила к Блюменбергу и попросила бы отчет о книгах. <...> Все, что ты мне поручил я выполнила. В книгоиздательство уже пришли заказы.

В Одессу больше всего требуют тебя, потом идет Шмелев, затем Горький и, наконец, Новиков, а в Петербурге Горький, ты, Шмелев и Новиков. Если нужно ехать в Петербург, то у меня все готово, и туалеты не уступят — Ростовцевой и Котляревской. Пошли им 17 сентября телеграммы <...> Не забудь это сделать. Не поехать ли нам к 17 окт. в Петербург, чтобы побывать на журфиксе у Котляревских. Вообще следует поумнее провести октябрь месяц. Федоров, должно быть, скоро будет в Москве».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/66 оф.

Сентябрь, 14. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, ответь *немедленно* мне и скажи свое мнение о следующем: Митя <Д.Н.Муромцев> избран организовать продажу цветка в пользу малолетних преступников. Его участок Петровский парк. Он очень просил продавать меня у Яра или в Стрельне. Я, конечно, с удовольствием согласилась бы, но не знаю, как ты отнесешься к этому. Если я откажусь, Митя затаит злобу против тебя, ибо мотив моего отказа будет ясен. Мама тоже нападает на это, т.е. на мой отказ. <...> Подумай об этом и напиши, только успей ответить к 18 с<ентября>, ибо продажа будет 19 с<ентября>. Пойми, что восстанавливать перед юбилеем кого бы то ни было глупо.

Одета я буду очень скромно. <...> Спрашиваю тебя об этом потому, что мне не хочется делать тебе хоть малейшую неприятность».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/174 оф.

Газета «Одесский листок» (№ 214. С. 6) в рубрике «Наука, литература и искусство» сообщает, что комитет по организации чествования Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности приступил к работе; празднование назначено на 28 октября.

Сентябрь, 15. Бунин вновь пишет В.Н.Муромцевой, спрашивая о деньгах, которые он просил выслать ему.

Письмо неизвестно. См.: 18 сентября 1912.

Сентябрь, 14 или 15. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, получила я от тебя письмо от 12 с<ентября>. <...> мне твой отъезд очень дорого стоил, ведь то, что я страстно желаю, т.е. вернее уже я не смею больше желать — а именно: жить с тобою вдвоем, но если бы ты этого тоже хотел, я лишена возможности. <...> Разве ты не заметил, что ни разу не спросила тебя как вы живете? Ты опять скажешь — упреки. Нет, это уже и не упреки, это хуже. Ну да сытый голодного не уразумеет.

К Флоберу я сравнительно отношусь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/143 оф.

Сентябрь, 16. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, третьего дня я получила твое письмо с просьбой переслать тебе 200 р. Вчера <...> деньги были отправлены. Вчера получила стихи. Юл.Ал.<Бунин> заходил ко мне, и я передала ему для Ив.Ив. <?> Выбрали мы с ним фотографии твои для “Женского дела” и для “Пути” Белоусова. <...> Очень досадно, что ты стихи прислал к этой среде, у меня как раз концерт Кусевицкого <...> и концерта жаль и твои стихи хочется послушать, а главное взять их от чтеца. <...> Митюшка <Д.Н.Муромцев> спит долго, из-за этого я не могу по утрам стучать на машинке. Я вовсе не так беспокоюсь о Флобере, как ты об этом пишешь, но все же хочется когда-нибудь его окончить, да и деньги будут нужны, ведь этот год у нас не урожайный, а трат много. — Вчера по телефону потребовала сведения о твоих книгах у Дмитрия Марковича <Ребрика>, обещал прислать сегодня или завтра. Я сказала, что ты написал мне об этом и просишь выслать их тебе. Когда же они будут у меня в руках, то

я передам их Махалову и Голубеву. Мне кажется, они найдут деньги для выкупа их. Во всяком случае, для "Деревни". Я буду действовать на свой страх, конечно, советуясь обо всем с Юлием Алексеевичем <Буниным>. <...>

Был утром Юл.Ал.<Бунин>. В "Пути" о тебе будет писать Мешков, взято туда два портрета в "Рампу <и жизнь>" и "Женское дело".

Утром был Арсик <А.Н.Бибиков>, очень расстроен, — у Милки <дочь А.Н.Бибикова — Милица> нашли туберкулез, должно быть, на зиму уедут в Давос или Крым. От Милки это *скрывают*».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/65 оф.

А.Зиненко посылает Бунину фарфоровую кружку, собственноручно расписанную, в сопроводительном письме поздравляет писателя с наступающим юбилеем литературной деятельности и просит оказать материальную помощь.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 106.

Московский журнал «Рампа и жизнь» (№ 38. С. 7) в рубрике «Хроника» сообщает:

«В Москве организовалось "Книгоиздательство писателей" на товарищеских началах, с участием в числе пайщиков М.Горького, Бунина, Вересаева, Телешова, Зайцева, Шмелева, Крашенинникова, Мамонтова, Разумовского, Юшкевича и др. Редактором выбран В.В.Вересаев. Распорядителями Т-ва — Д.Я.Голубев и С.Д.Разумовский. Первыми изданиями будут выходящие на днях новые рассказы И.Бунина, Шмелева — "Человек из ресторана". Печатаются "Сказки" Горького и рассказы Новикова».

Сентябрь, 17. Бунин в ответном письме не разрешает В.Н.Муромцевой продавать цветы у Яра в пользу малолетних преступников.

Письмо неизвестно. См.: 14 сентября 1912, первая запись; 19 сентября 1912, первая запись.

И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы:

«Друг мой дорогой. <...> От Ю.А-ча <Бунина> получил письма Жемчужникова и жду твоей автобиографии. Твой юбилей назначен на 28 октября. Я книжку "Пути" постараюсь выпустить числа 25 октября, чтобы тем материалом, а главное твоей автобиографией, могли воспользоваться газеты. Я подал мысль избрать тебя почетным членом "Общества любителей российской словесности". На ближайшем заседании я поддержу эту мысль. <...> Вот еще что мне вспомнилось: кажется, в каком-то моем альбоме ты написал мне стихотворение, которое потом не пустил ни в один свой сборник. Что если я отыщу это стихотворение и напечатаю в "Пути" в отделе "Литературный архив"? <...>

Черемнов прислал мне стихи, посвященные тебе. <...> Вчера у меня обедал Ч.Ветринский (из Н.Новгорода), а на днях был А.А.Смирнов (Треплев), обоим им я наказывал, чтобы они будировали о твоем юбилее в их городах».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 31–32.

Сентябрь, 17 или 18. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«...где мы будем жить перед и во время юбилея. Ведь если в "Лоскутной", то следовало бы заявить, а то займут лучшие номера. <...> Вообще, насколь-

ко было бы лучше, если бы мы сняли квартиру, да и прожили до января месяца в Москве».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/99 оф.

Датируется по содержанию.

Сентябрь, 18. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, сегодня получила твое письмо от 15 с<ентября>, вчера телеграмму. Деньги посланы были <в> 15 ч. в субботу, на другой день получения письма (14 праздник). Если пишется, то не приезжай, ибо время уйдет на устройство жизни <...> и разобьет твое настроение. Скуку же можно преодолеть. Тяжело то, что ты предпочел уехать без меня. <...> Да не дразни меня, ради Бога, что ты нигде не бываешь, ведь этакого счастья я не могу дождаться целых пять лет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/161 оф.

Сентябрь, 19. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Ну, будь по-твоему, продавать у Яра я не буду. <...> Спасибо, что ты вспомнил меня 17, должно быть, кто-нибудь напомнил. Была сегодня у Юлия Алексеевича, видела там Хитрово и Арсика <Бибикова>, последний очень удручен <болезнью дочери Милицы>. <...>

Стихи из "Журнала для всех" одни вернули с письмом, где пишется, что оба стихотворения печатать им дорого».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/89 оф.

И.А.Белоусов вновь пишет Бунину, спрашивая:

«Я тебе писал относительно того, что хочу в "Пути" в отделе "Литературный архив" поместить твое стихотворение, написанное мне в альбом 12 марта 1895 г.; оно начинается так:

Жизнь увлекает пошлостью дневной; <...>

Скажи, это стихотворение не вошло ни в один из твоих сборников? Было ли оно где напечатано?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 33.

Сентябрь, 20. Газета «Одесский листок» (№ 218. С. 4) в рубрике «Наука, литература и искусство» сообщает о состоянии книжного рынка:

«На книжном рынке констатируются печальные результаты по распространению сочинений, еще совсем недавно столь популярных писателей, как Л.Андреев, М.Горький, Бунин, Гусев-Оренбургский, Скиталец, Зайцев, Серафимович, Бальмонт, Белый и др. Книги их или совсем не идут, или идут так плохо, что никаких радостей издателям не приносят».

Сентябрь, 21. В петербургском журнале «Запросы жизни» (№ 38. Стб. 2161–2168) в рубрике «Литературное обозрение» печатается статья Г.Полонского «Деревня в современной литературе».

Критик, разбирая произведения А.М.Горького, В.В.Муйжеля, в частности, пишет о «Деревне»: «Безотраднее, однако, чем у Муйжеля деревня Бунина. Муйжель рисует мрачные эпизоды из жизни деревни, Бунин зарисовывает ее сплошь черным черно. Странное, жуткое и, если можно так выразиться, неестественное впечатле-

ние производит деревня у Бунина (повесть “Деревня”). Это не земля, а что-то вроде Чертовой слободы, какая-то “Дурновка”. На земле этой не пашут и не жнут — по ней только лихой человек гуляет. Над деревней нависла беспросветная туча азартного несокрушимого хищничества. Сами люди деревни в недоумении останавливаются пред самими собою. <...> На сцене много баб и мужиков. Но их, что говорится, не видно и не слышно. Они сами по себе не живут — они живут только жизнью отраженной <...>, а все вместе для того, чтобы над деревней вонь, грязь, болезнь, дикость, невежество и сквернословие столбом стояли. Ничего утешительного в деревне нет и быть не может, ибо “деревня гниет”! Так заключает Бунин свою повесть о деревне и приблизительно в таком же сухом перечне фактов-моментов он представляет наспех свой обвинительный акт современной деревне. Но зато как Бунин живо писал деревню некогда! И не возбуждает ли недоверие Бунин уж просто потому, что, коснувшись современной деревни, он вмиг растерял почти все драгоценные качества своего прелестного таланта? Бунин не первый раз пишет о деревне. Как поэт и беллетрист, он некоторым образом вышел из деревни; как поэт и беллетрист, он хранит в своем сердце любовь и память о своей особой, любимой деревне; деревне былого, догорающего величия <...>. Бунин всегда был большим лириком деревни и прежде всего лириком листопада. Нельзя, конечно, сказать, чтобы его деревня была тогда, когда он ее живописал, деревней вообще — всеми видимой и зримой. Она тогда уже запоздала на добрую четверть века. Бунин не связывал себя пространством и временем. Это была деревня воспоминаний. Но воспоминания ложились под перо, как живая жизнь, и в них жила деревня былая, но доподлинная, сияя светлой печалью далекого, пережитого, в сияющем стихе, в сияющей прозе, часто на небольшом пространстве, в пределах небольшого рассказа. Бунин в нашей современной литературе едва ли не самое сдержанное, аристократическое, почти классическое перо. Он не любит огульности, крайностей, одноцветных и азартно-сгущенных красок. Меньше всего ему по душе специфически теневые стороны, низовья жизни. Ритм нарастания и напряженной полноты жизни и ритм ее органической сменяемости ему будто всего дороже. Когда он живописал деревню, он предъявлял ее именно таким образом — в этом двуедином ритме. Одна жизнь иссякала, уходила, другая возникала, нарождалась. Одну он любил, другая пугала, тревожила. Бунин всегда умел распорядиться нарядной простотой своего слова, чтобы воскресить былое, еще и еще раз насладиться своей любовью и умел мудро и смиренно смотреть в глаза своей тревоге. А главное: Бунин умел оба мотива слить воедино, как единственно возможный, нужный и неотвратимый темп и ритм жизни. <...> Былое вызывало восторг чувств; грядущее, неведомое — немую укоризну. Но над тем и другим реяла элегия, печаль последнего свидания и расставания, облекая, как драгоценный покров, лирически и художественно правдивый бунинский рассказ о деревне. Куда девались язык, правда, искусство Бунина, когда он вздумал заглянуть в современную деревню?.. Еще не время подводить итоги молодой литературе о деревне. <...> Но правда деревенской смерти и рождения будет рассказана не раньше, чем осуществится мечта Успенского, не раньше, чем уродится художник “с сердцем в два обхвата”, которое устоит против нынешней деревни и с биением радости понесется навстречу грядущей».

Сентябрь, 22. А.М.Федоров пишет Бунину из Петербурга о решении «Издательского товарищества писателей» выпустить второй сборник и просит:

«Пришли, пожалуйста, на имя Аверьянова свой перл. <...> Очень хочу тебя повидать и, м.б., скоро увидимся».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 104.

Сентябрь, 23. В ответном письме Бунин благодарит И.А.Белоусова и пишет по поводу стихотворения «Жизнь увлекает пошлостью дневной....»:

«А что до стихов, то я их совсем не помню. Да потолкуем о них при свидании: пишу в Одессе, но нынче еду в Москву».

Письма (*2*). С. 240.

Бунин уезжает из Одессы в Москву.

Сентябрь, 25. Бунин приезжает в Москву, останавливается в гостинице «Лоскутная», где живет вместе с В.Н.Муромцевой (№ 101 и 102).

См. счета гостиницы — ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/25 оф, 2945/26 оф, 2945/28 оф, 2945/31 оф, 2945/32 оф, 2945/58а оф, 2945/59 оф, 2945/29 оф, 2945/30 оф.

Сентябрь, 26. На собрании литературного кружка «Среда» Бунин читает новые стихотворения.

См.: 28 сентября 1912, вторая запись.

Бунин посылает В.Я.Брюсову для журнала «Русская мысль» стихотворение «Белый Олень» («Едет стрелок в зеленые луга...») и сообщает ему об этом в письме, извиняясь «за столь поздний ответ».

Письма (*2*). С. 240.

См.: 15 декабря 1912, вторая запись.

Сентябрь, 25 или 26. Бунин посылает в редакцию журнала «Современный мир» стихотворения «Алисафия» («На песок у моря синего...»), «Ритм» («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»).

См.: 8 октября 1912, первая запись.

Сентябрь, 27 или 28. Выходит книга Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912. 320 с.). Тираж 2000 экз. Цена 1 р. 50 к. Книга посвящена «Петру Александровичу Нилусу в знак верной дружбы».

Содержание: Суходол, Захар Воробьев, Сто восемь, Ночной разговор, Сила, Хорошая жизнь, Сверчок, Веселый двор, Игнат.

Все девять произведений, включенных в книгу, публиковались ранее.

Границы события определены по упоминаниям в письме В.Н.Муромцевой и по дате дарственной надписи И.А.Белоусову и письму Бунина. См.: 12 сентября 1912, вторая запись; 28 сентября 1912. Тираж книги установлен по: *Книжная летопись*.

Сентябрь, 28. Бунин дарит И.А.Белоусову книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с надписью:

«Дорогому со-хозяину И.А.Белоусову Ив.Бунин. 28 сент. 1912 г.».

ГЛМ ОКФ, № 120871.

Бунин пишет А.М.Горькому:

«...я только позавчера отъявился в Москву. <...> Горячо и крепко целую Вас за обещание посвятить мне Вашу работу! Очень был обрадован, узнав, что "Сказки" уже у нас. <...> На следующем заседании будем толковать о сборниках — вот было бы хорошо, как Вы появились в первом же! Моя книга <"Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг." (М., 1912)> нынче вышла — с этим письмом и шлю ее Вам — без подписи пока, ибо сброшюрована она скверно, и я хочу отдать переплести ее и сделать надпись на переплетенной.

<...> Надо писать, — думаю посвятить этому весь октябрь. Мы <...> переселились в Лоскутную, именно для тишины, для писания, хотя поминутно зовут меня к телефону, да и настроение у меня слегка дурацкое ввиду 28-го октября — дня воздаяний мне за служение "четвертьвековое" на литературной "ниве". Позавчера, на "среде" читал свои новые стихи, имел успех. (Попрошу Веру переписать несколько штук и пришлю Вам.) После меня читал рассказ Каменский и заслужил даже грубости, некоторые прямо сказали ему, что рассказ производит "неотразимое впечатление" парикмахерской. <...> Восхитили Вы меня рассказом о матери и дочери. Да, это только в Италии может быть! Будете ли писать на эту тему?»

Письма (*2*). С. 241.

Сентябрь, 29 или 30. Ф.Ф.Фидлер пишет Бунину, предлагая войти в юбилейный комитет по празднованию 40-летия литературной деятельности Д.Н.Мамина-Сибиряка.

В дневнике Ф.Ф.Фидлер записывает 6 октября 1912 г.: «Примерно неделю назад я написал письма Бунину и Л.Андрееву и предложил им принять участие в Маминском комитете (или, по крайней мере, дать свои имена). Бунин в ответ прислал мне свою книгу "Суходол" — без какого бы то ни было сопроводительного письма».

Фидлер. С. 591.

См.: 11 октября 1912, первая запись.

Октябрь, 1. В журнале «Женское дело» (№ 19. С. 6) публикуется перевод отрывка из поэмы Саади «Бустан» — «Череп» («Над Тигром жил отшельник. Древний череп...»). Авторская дата: «Дамаск. Весна, 1907 г.»

В газете «Киевская мысль» (№ 272. С. 2–3) помещается статья А.А.Яблоновского «Деревенское хулиганство».

Критик пишет: «На наших глазах, в каких-нибудь два-три года, родился и вырос модный нынче вопрос о деревенском хулиганстве.

Первым заговорил об этой новой беде беллетрист г. Родионов, которого, в сущности, и следует считать отцом вопроса. <...>

Что касается общей литературы, то вопрос о деревенских хулиганах возбуждался и в ней. Но возбуждался только мимоходом, только чуть-чуть.

Кое-что можно, например, найти в возмутительной, насквозь лживой, книге г. Бунина "Деревня". <...>

Но г. Бунин знает деревню только постольку, поскольку она видна с крыльца помещичьего дома. Он знает садовника, кучера, скотницу, огородника, пастуха. Но му-

жика он не знает. По крайней мере, его мужики и мужики толстовские — это люди с разных планет».

Октябрь, 2. В московской газете «Утро России» (№ 226. С. 4) печатается статья Н.С.Клестова «Иван Алексеевич Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Подпись: Н.К-ов. Воспроизводится фотопортрет писателя.

Критик пишет: «Бунин — поэт покинутых старых усадеб, пустынных аллей, запущенных парков. Он любит и знает деревенскую Русь во всем ее разнообразии. <...>

Но бедность, убожество, несовершенства русской жизни не вызывают у Бунина протестующих аккордов: он слишком любит быт и веками сложившийся уклад людских отношений, чтобы отказаться от красоты этого уклада во имя сухого веления разума. Он поет быт в его распаде. <...>

В стихотворениях 1903–1906 гг., изданных “Знанием”, талант Бунина развернулся во всю свою величину. Стих стал безупречен, строг, выразителен. Ничего лишнего, никаких поэтических метафор. В этом отношении Бунин стал в уровень с лучшими классическими образцами русской поэзии. <...> “Деревня” создала уже целую критическую литературу, но и до сих пор еще не окончены споры о том, “левый” ли Бунин или “правый”? любит ли он народ или презирает? тенденциозна ли его “Деревня” или правдива? <...> Бунин именно *знает* народ так, как вряд ли кто из ныне пишущих о народе. <...>

Отличительная черта творчества Бунина — авторская скрытность. Он не принадлежит к тем современным писателям, которые прежде всего спешат “выявить” себя, свою сущность, совершенно не утруждая критику истолкованием их произведений. В своих новых прозаических произведениях Бунин так же скрытен, как и целомудрен в выражении своих чувств в поэзии.

В этом — залог неиссякаемости творчества. Бунин не испишется, как не мог исписаться Чехов.

Бунин всего более созерцатель, *по виду* холодный и бесстрастный. Мы потому подчеркиваем это “по виду”, что авторская скрытность и целомудренность в изображении своих чувств очень многими принимается за бесстрастие.

Наблюдательность у Бунина удивительная. В области художественного описания он не имеет себе равного. <...>

В “Деревне” Бунин, быть может, сам того не замечая, закрестил мужиков, а в “Суходоле”, написанном в тех же тонах строгого реализма, — всю помещичью Русь. К этому пессимизму Бунин пришел не случайно, не вдруг. Мотивы “мировой скорби” давно уже звучат и в его поэзии и в его прозе. Он всегда смотрел на мир опечаленным взглядом. “Деревня” и “Суходол” эту скорбь только усилили».

Октябрь, 3. В одесской газете «Южная мысль» (№ 329. С. 3) помещается информационная заметка «К юбилею И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается о подготовке общественного чествования Бунина 28 октября по случаю 25-летия его литературной деятельности.

Октябрь, 4. В газете «Голос Москвы» (№ 228. С. 4) к 25-летнему юбилею литературной деятельности писателя воспроизводится литографированный портрет Бунина с факсимильной подписью под ним.

В архангельской газете «Северное утро» (№ 222. С. 2) публикуется информационная заметка «Юбилей Ив.А.Бунина» о подготовке чествования писателя. Без подписи.

Октябрь, 1...4. Бунин пишет А.С.Черемнову.

Письмо неизвестно. См.: 5 октября 1912, вторая запись.

Октябрь, до 5. Бунин посылает Ф.Ф.Фидлеру книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен.

Граница события определена по дневниковой записи Ф.Ф.Фидлера. См.: 29 или 30 сентября 1912.

Бунин посылает П.Н.Сакулину книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 6 октября 1912, третья запись.

Бунин посылает П.А.Нилусу книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 7...10 октября 1912.

Октябрь, 5. Бунин дарит А.И.Сумбатову-Южину книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с надписью:

«Глубокоуважаемому Князю Александру Ивановичу Сумбатову Ив.Бунин 5 окт. 12 г.»

ГЛМ ОКФ, № 161932.

А.С.Черемнов сообщает Бунину в письме из Клеевки:

«Рад был душевно получить от Вас несколько строк <...>, очень жалею, что не попаду к юбилею. Напишите, все же, правда ли, что Телешов и Грузинский уже командированы на Волгу выбирать стерлядей. Говорят тоже, что Вы поедете в “Прагу” на триумфальной колеснице, в которую запрягут Брюсова.

На этих днях получил письмо от Горького. Зовет меня в “Современник”, который реформирован, принять участие в отделе политической и общественной сатиры, где, кроме нас, будут подвизаться еще: Амфитеатров, Саша Черный и Николай Иванов из “Киевской мысли”. Посрамим мы с Максимычем Аверченку и Тэффи.

А у нас хорошо. Стоит ясная, погожая осень и листопад совсем бунинский, т.е. очень декоративный».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/3 оф.
ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 643–644.

Октябрь, 6. На заседании Общества любителей российской словесности по предложению И.А.Белоусова, Н.Д.Телешова и А.Е.Грузинского Бунина единогласно избирают почетным членом Общества.

Председатель Общества любителей российской словесности А.Е.Грузинский в официальном письме (без даты) сообщает Бунину:

«Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете, в ознаменование заслуг Ваших перед русской лите-

ратурой, в заседании своем 6 октября сего 1912 г. единогласно избрало Вас своим Почетным членом».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 133.

П.Н.Сакулин, получив от Бунина книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М.. 1912), пишет ему:

«Сердечное спасибо за “Суходол”.

В нем оказался и тот рассказ (“Веселый двор”), который мы все с таким наслаждением прослушали в чтении самого автора. Скоро мы получим прямую возможность в торжественной форме выразить свое отношение к Вашему выдающемуся и разностороннему таланту».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 195, л. 1.

Октябрь, 7. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Милый, дорогой друг мой, Иван Алексеевич! Поздравляю тебя с избранием в почетные члены “Общества любителей российской словесности”. Рад душою за тебя. Я был на этом собрании очень многолюдном. Ты избран единогласно. <...> дай мне небольшое стихотворение для 1 № “Пути”. Помнишь, ты обещал мне дать какие-то старые рассказы. Если можно это сделать, буду очень рад».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 34–35.

В газете «Оренбургский край» (№ 222. С. 2) в рубрике «Из Москвы» помещается информационное сообщение о готовящемся праздновании 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина 28 октября. Подпись: А.Доброхотов.

В заметке дается краткая характеристика юбиляра: «Достойный юбилей талантливого, лучшего современного поэта-реалиста, этого Тургенева в стихах. Высоко держит он гордое знамя поэзии, храня его от модернистической безвкусицы и арлекинады».

В архангельской газете «Северное утро» (№ 225. С. 2) под заглавием «Иван Бунин о писателях» перепечатывается из газеты «Южная мысль» отрывок из интервью Бунина.

См.: 6 сентября 1912, пятая запись.

Октябрь, 5...7. Бунин посылает В.Н.Обнинскому книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), очевидно, с дарственной надписью.

Этот экземпляр неизвестен. См.: 9 октября 1912, вторая запись.

Октябрь, 8. В письме В.Л.Львову-Рогачевскому Бунин просит:

«...меня из многих мест просят о стихах. Будьте добры ускорить ответ о судьбе “Алисафии” и того сонета (“Ритм”), который я послал Марии Карловне уже с полмесяца тому назад».

Письма (*2*). С. 241–242.

См.: середина ноября 1912, вторая запись; до 16 января 1913, первая запись.

В.Я.Брюсов пишет Бунину:

«Простите, что с некоторым опозданием приношу вам свою благодарность за присланные стихи. Большое спасибо. Надеюсь, что стихотворение будет напечатано в ближайшей, ноябрьской книжке “Русской мысли”».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 466.

См.: 15 декабря 1912, вторая запись.

Октябрь, 9. В.В.Вересаев пишет Бунину:

«Какая-то злая судьба в последнее время все ставит меня поперек Вашим желаниям. Прочел я очень внимательно книгу г. Нилуса. Бесспорно, она внешне талантлива. Тем не менее произвела она на меня самое отталкивающее впечатление, — еще более отталкивающее, чем его драма, о которой мы говорили весною. Общий характер отношения к жизни, — поверхностный и плоский, <...> какое-то бульварное отношение к женщине вообще, как к вкусному мясу, — все это удивительно напоминает Каменского. <...>

Мне недавно попалась одесская газета, где помещена Ваша беседа с интервьюером. В ней Вы приветствуете конец Арцыбашевых и Каменских. С Вами радуюсь и я. И именно поэтому нахожу, что книгоиздательству нашему менее всего подобает издавать такие книги, как книга г. Нилуса».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 5.

См.: 6 сентября 1912, третья и пятая записи.

В.Н.Обнинский пишет Бунину по городской почте:

«Сердечно благодарю Вас за “Суходол” <...> и особенно за память. Прочту книгу с той же хорошей и покойной радостью, с какою я всегда привык брать в руки Ваши вещи. <...>

Непременно приду приветствовать Вас со всеми вместе и откровенно выражаю Вам свою благодарность за то, что не уклоняетесь от празднества. За показной скромностью юбиляров мне всегда чудится черствость духа, или влияние той серости нашей жизни, которую Вы с таким мастерством продолжаете вскрывать своим удивительным пером».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 172.

В газете «Пятигорское эхо» (№ 240. С. 2) перепечатывается из газеты «Утро России» статья Н.С.Клестова «Иван Алексеевич Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Без подписи.

См.: 2 октября 1912.

Московская газета «Русские ведомости» (№ 232. С. 5) в рубрике «Московские вести» кратко сообщает о программе пятидневного чествования Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности.

В газете «Рязанская жизнь» (№ 232. С. 1–2) печатается статья Н.Чарова «Иван Алексеевич Бунин. (По поводу 25-летия его литературной деятельности)».

Журналист пишет: «Кто не знает из современных читателей Ивана Алексеевича Бунина?

Его стихи, обвеянные чувством природы и рассказы, согретые истинным художественным талантом, всегда останавливали на себе внимание нашего общества. <...>

По крайней мере, как пейзажист, Бунин среди современных поэтов не имеет себе равного.

Тихая, мягкая, поэтическая созерцательность Бунина вполне гармонирует с колоритом деревенского пейзажа. <...> Его многие стихотворения, рисующие картины

природы русской, сами собой просятся в хрестоматию. Безыскусственность и простота их напоминают собой, в связи с мастерской чеканкой стиха, наших классиков. Но чистая поэзия, лишенная гражданских мотивов, у нас долго была в загоне и лишь немногие ее ценят по достоинству. Темперамент же Бунина, мечтательный и сосредоточенный в себе, располагающий и к созерцанию и тихой меланхолии, был всегда чужд гражданской поэзии, которая требует от поэта активности и быстро воспламеняющейся страсти. Бунин же всегда бесстрастен и, прежде всего чистейший живописец. Усовершенствуясь с каждым годом в форме стиха, Бунин в настоящее время представляет из себя крупную литературную величину. <...>

Между поэзией и прозой Бунина есть тесная духовная связь. Основное поэтическое настроение: грусть и созерцательность пронизывают собой особенно первые его рассказы. <...> Особенно удачны те рассказы Бунина, в которых он рисует настроение вырождающихся, оскудевающих "дворянских гнезд". <...> Люди неактивные, натуры дряблые, эти бунинские персонажи не способны ни на какой взлет вверх. Родственники Обломова и Рудина, они только охают, да стонут, грустя весенними вечерами у себя на лежанках, о давно отлетевших днях. Очень хорошо зафиксировал их Бунин. Но он помимо этого, рисует и быт родного народа, деревню. Особенно хороши его рассказы "На край света". <...> В последнее время Бунин дал нам и свою "Деревню", вызвавшую разноречивую критику и упреки по адресу автора ее в односторонности и тенденциозности. Может быть, доля <правды> в этих упреках и заключается, но, во всяком случае, "Деревня" вещь значительная и интересная, как попытка дать картины жизни современной деревни».

Октябрь, 10. Бунин присутствует в Литературно-художественном кружке на заседании литературного кружка «Среда», которое проходит под председательством Ю.А.Бунина. На собрании читается рассказ М.П.Арцыбашева «Преступление доктора Лурье».

Присутствуют: М.П.Арцыбашев, В.Я.Брюсов, В.В.Вересаев, А.С.Серафимович, В.В.Переплетчиков, А.И.Адашев, Н.Я.Абрамович.

См. отчетную заметку в газете «Вечерние известия газеты "Коммерсант"» (11 окт. (№ 8). С. 5) «На литературной "среде"». Подпись: Сен-Бри.

Бунин сообщает в открытке А.С.Черемнову:

«Дорогой, сейчас получил Ваше письмо. <...> Прежде всего: единогласно избраны Вы членом "Книгоиздательства писателей" (Никитский бул<ьвар>, 6, Николаю Семеновичу Клестову). Шлите 200 р. Думайте о книге стихов. <...> Поздравляю с саном сатирика. Купили ли уже бич?»

Письма (2). С. 242.

В московской газете «Вечерние известия газеты "Коммерсант"» (№ 8. С. 5) помещается информационная заметка «Литературные странички». Без подписи.

В заметке сообщается о предстоящем чествовании Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности и говорится: «Бунин — поэт русской деревни, он любит и знает деревенскую Русь, даже в бедности и убожестве, во всем несовершенстве русской жизни он чувствует глубокую красоту».

В одесской газете «Южная мысль» (№ 335. С. 2) печатается статья Г.Цагарели «Иван Бунин. (К 25-летию его литературной деятельности)».

Журналист пишет: «Бунин — поэт тургеневской полосы наших дней, которого можно любить, которым можно увлекаться.

Нельзя, конечно, отрицать, что есть у нас представители молодой поэзии, не уступающие ему в силе и превосходящие его оригинальностью своей поэзии.

Назовем хотя бы Брюсова.

Но поэзией Брюсова можно только заинтересоваться, можно ее изучать и не больше.

Стихи Ив.Бунина богаты той теплотой, которая как магнит притягивает душу человека, умеющего находить покой и удовлетворение в чистом эстетическом наслаждении.

За все время литературной деятельности Ив.Бунин оставался верен себе — своей мудрой музе.

В годы увлечения модернизмом, когда быстрая смена литературных вкусов и настроений захватывала лишенных внутреннего равновесия художников слова, поэзия Бунина светила своим тихим, ровным светом. <...>

Бунин — поэт тургеневской полосы русской литературы; нового мало, как в содержании, так и форме его стихов.

Пишет он, как писали со времени Пушкина, ямбами и хореями, не гоняется особенно за рифмами, хотя при случае он блещет их поразительной созвучностью.

<...> Поет о том, что до него воспевалось многими, и многими, но не боится показаться шаблонным, так как его вдохновляют не книги, а природа, ясновидцем которой он остается за все время своей литературной деятельности.

Правда, временами он пытается углубить свое созерцание — не только видеть явления и вещи, но и раздумывать над ними, но надо признать, что это приводит его далеко не к завидным результатам. <...>

Углубиться в свои впечатления Бунин не может — он только созерцатель, который хочет все видеть, все замечать. <...> И стихи Бунина, описывающие ее <природу>, в художественном отношении бесспорно — самые безупречные. Рисунок Бунина ясен, четок, насыщен красками. <...> В стихотворении “Проводы” есть мелочи, которые обнаруживают удивительно тонкую восприимчивость автора, умение незначительными штрихами набрасывать яркие картины. <...>

Там, где Бунин изображает человеческие чувства, он пленяет душу нежностью и теплотой. Он скуп на слова, но последние у него всегда стоят на месте и создают в читателе настроение одним своим ритмом. <...>

Одиночество в изображении Бунина приобретает особенную остроту и становится почти физически ощутимым. <...>

О внешней стороне стихотворений Бунина говорить не приходится. Размер у него всегда строго выдержан и стих не оставляет желать ничего лучшего в отношении чеканки и ясности. <...>

Пишет Бунин сравнительно с другими современными поэтами — мало. <...>

Кроме стихов, Бунин, как известно, пишет повести и рассказы, художественные достоинства которых несомненны. <...>

Но своей славой Бунин больше всего обязан собранием своих стихотворений. <...> Творчество Бунина продолжает совершенствоваться, и если этому поэту дано отпраздновать не только четверть, но и полвека своей литературной деятельности, с уверенностью можно сказать, что среди его истинных поклонников будет немало лиц, отрицательно относящихся в настоящем к его на редкость здоровой и плодотворной литературной деятельности».

В харьковской газете «Южный край» (№ 11030. С. 3) помещается литографированный портрет Бунина с факсимильной подписью по случаю литературного юбилея.

Октябрь, 7...10. Получив от Бунина книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), П.А.Нилус пишет ему из Одессы:

«Дорогой Иван. Целую тебя трижды, благодарю за посвящение книги, которое, вероятно, кое-кем будет встречено с комментариями... <...>

Ты, вероятно, уже получил портрет Чехова — пристрой его клубу <Литературно-художественный кружок>, деньги у них дешевые, а портрету приличествует быть там, если бы удалось сплавить — приехал бы в Москву <...>. Цена портрету 1000 р. (поездки в Ялту к Чехову обошлись в 200 р.), портрет единственный, редкость, ну и прочее».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 35–36.

Сентябрь, 28...Октябрь, 10. Бунин посылает свои книги А.А.Яблочкиной.

Эти экземпляры неизвестны. См.: 11 октября 1912, вторая запись.

Октябрь, начало. Бунин посылает Н.П.Азбелеву книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 21 октября 1912, вторая запись.

Бунин дарит Н.А.Муромцеву книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с надписью:

«Николаю Андреевичу искренно любящий его Ив.Бунин».

РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 17.

Сохранился только шмуцтитул книги с автографом.

Бунин посылает П.А.Тулуб книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 15 октября 1912, вторая запись.

При № 39 московского журнала «Живое слово» подписчикам рассылается «Альбом современных русских выдающихся писателей. Бесплатное приложение к журналу “Живое слово”» (М., 1912), в котором (л. 7) воспроизводится фотопортрет Бунина.

Граница события определена по объявлению в журнале «Живое слово» (№ 38. С. 16).

Октябрь, 11. В ответном письме Ф.Ф.Фидлеру Бунин пишет по поводу готовящегося чествования Д.Н.Мамина-Сибиряка в связи с 40-летием его литературной деятельности:

«...я только вчера получил Вашу открытку, <...> к великому моему сожалению, ибо счел бы и за большую честь, и за большое удовольствие быть

в комитете по чествованию Дм<итрия> Н<аркисовича>, коего я всегда и любил, и уважал глубоко. Теперь мне поневоле придется ограничиться приветствием, даже не удастся, вероятно, быть на юбилее: ведь 28-го окт. у меня тоже юбилей <...>.

Изумлен выше головы, что у Вас нету “Деревни”! Все пришлю Вам».

Письма (2). С. 242.

А.А.Яблочкина, получив книги от Бунина, пишет ему:

«Шлю Вам, многоуважаемый Иван Алексеевич, глубокую благодарность за книги и за память о Вашей искренней почитательнице».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3213 оф.

А.А.Шахматов пишет Бунину из Петербурга на бланке Отделения русского языка и словесности Академии наук:

«Прилагаемый текст приветствия Д.Н.Мамину-Сибиряку в день сорокалетнего его юбилея (26 октября) составлен почетным академиком Д.Н.Овсянико-Куликовским. Покорнейше прошу сообщить, желаете ли Вы, как член разряда изящной словесности, присоединить свою подпись к этому приветствию».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 2–3.

На обороте напечатано краткое приветствие. См.: 19 октября 1912, вторая запись.

Октябрь, 12. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ив. Я послал тебе письмо и портрет Чехова на “Лоскутную”, получил ли ты? Там ли ты живешь, как предполагал? — Представь, до сих пор чувствую какую-то неприятную неловкость, расставшись с тобой не на вокзале, как привык это делать. Что значит привычка! Хотел бы написать о твоем художестве к 28-му <октября> большую статью. Да не знаю, как отнесется к этому аспид — Александровский».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/6 оф.

В газете «Одесский листок» (№ 237. С. 3) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение о программе чествования Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. Без подписи.

«Двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности академика Ив.А.Бунина будет, как выясняется, отпразднован в Москве в конце октября. 24 октября московским кружком писателей “Среда”, членом которого давно состоит юбиляр, устраивается интимное чествование его. 25-го октября предполагается устройство посвященного И.Бунину вечера первым женским клубом. 26-го октября намерено устроить торжественное публичное заседание Общество деятелей периодической печати и литературы. 27-го октября состоится в университете торжественное заседание Общества любителей российской словесности. Общественное чествование юбиляра, устройство которого принял на себя особый комитет из представителей московских литературных организаций, назначено на 28-е октября».

Октябрь, 14. П.В.Мурашев пишет Бунину по поводу журнала «Живое слово» и возможных его сотрудников:

«Б.К.Зайцев сотрудничать будет. <...> Боборыкин обещал посмотреть журнал, и ответ даст во вторник».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 163, л. 1.

В московской газете «Раннее утро» (№ 237. С. 8) в рубрике «Литературные листки» (без подписи) печатается краткая информационная заметка о чествовании Бунина 28 октября по случаю 25-летия его литературной деятельности. Воспроизводится фотопортрет писателя.

Октябрь, 13 или 14. А.А.Измайлов пишет Бунину из Петербурга:

«Редакция “Огонька” при “Биржевых ведомостях” очень просит Вас не отказать ей или в присылке Вашего позднейшего портрета, или в позволении направить к Вам нашего московского фотографа Смирнова, который бы снял Вас у Вас дома. <...> Все это необходимо нам дать ко дню Вашего юбилея <...>.

Позвольте присоединить к этому и мою личную просьбу. В книгу мою, печатающуюся сейчас у Сытина, входит статья о Вас. При статьях я прилагаю портреты и автографы тех двенадцати лиц, коим книга посвящена. Вы очень обязали бы меня, если бы прислали и для меня новый Ваш портрет и автограф, в размере открытки — все, что Вам угодно, отрывок ли стихотворения, страничку ли старой рукописи».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 109, л. 3.

Речь идет о книге А.А.Измайлова «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (М., 1913). См.: до 10 апреля 1913.

Октябрь, 15. Бунин пишет А.А.Измайлову:

«...посылаю Вам портрет. Это очень недавний. Я ничего бы не имел против, если бы он был и в книге Вашей, и в “Огоньке”. Но исполняя Ваше желание, я телефонировал г. Смирнову. Завтра он придет ко мне для съемки. Завтра вышлю Вам и автограф».

Письма (*2*). С. 242–243.

Речь идет о книге А.Измайлова «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (М., 1913). См.: 13 или 14 октября 1912; до 10 апреля 1913.

П.А.Тулуб, получив от Бунина книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), пишет ему из Киева:

«Дорогой Иван Алексеевич. Бесконечно тронут Вашим вниманием. Благодарю — от всей души.

“Суходол” предо мною на письменном столе. Когда устаю от судебных дел, — раскрываю его и пью его красоту. Какая глубина проникновения! Какой язык! И тихая, глубокая, затаенная печаль чудится из разлитой по этим чудесным страницам. А когда дохожу до “Ста восьми”, — для меня становится понятной тайна Ваших страданий. Тут вся Русь — бедная, сгубленная, обезличенная вековыми неправдами. И нельзя не тосковать пред лицом народа <...>.

Горячо благодарю Вас за книгу. С нею пришло ко мне много радости.

Если позволят обстоятельства, буду 28-го <октября> в Москве. Может быть, не один, а с моей дочерью, Зинаидой. Ей очень хочется быть на Вашем празднестве. Она посылает Вам сегодня свой перевод древне <нрзб> поэмы. <...>

Если есть у Вас Ваша последняя фотография, очень прошу прислать. “Киевская мысль” просила меня о Вашем портрете. Его хотят поместить в газете в день Вашего юбилея».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 217, л. 1.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«Дорогой генерал. Письмо ваше получил в один день с извещением Клестова и вчера еще отправил ему 200 р. Очень польщен единогласным избранием, которое несомненно доказывает, что моя долгая и разносторонняя литературная деятельность не создала мне врагов в московских писательских кругах: пример единственный в этом роде. <...>

Меня все подмывает написать о вас большую статью в “Заветах”, да както стыдно хвалить начальство. Кстати, вы на “Заветы” сердиться не должны: дермановы глупости высказаны даже в белоусовском “Пути”».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 644–645.

См.: апрель 1912; до 8 августа 1912.

Выходит № 20 журнала «Женское дело», в котором (с. 5–7) печатается статья И.П.Попова «Иван Алексеевич Бунин».

Журналист пишет: «В лице И.А.Бунина, двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности которого исполнился в настоящем году, русская литература имеет крупного художника и поэта, достойного продолжателя наших лучших поэтов и писателей. Многие из взглядов г. Бунина на народ мы не разделяем, но в то же время мы далеки от мысли видеть в его рассказах из деревенской жизни отражение барства.

Г. Бунин как по своей жизни, так и по своим убеждениям является демократом. Рисуя картины деревенской жизни, он, подобно А.П.Чехову, к которому ближе всего подходит в изображении народной жизни, скорбит и болеет о “Деревне”. <...> Каждый писатель. особенно художник, должен быть субъективен. И.А.Бунин наблюдает деревню после такой встряски, какая была в 1905/6 гг. Не вина писателя, что деревня в его описаниях нам кажется такой, какой мы не хотели бы видеть. <...>

Он, как интеллигент, как представитель демократии, не может не страдать, не возмущаться и в то же время не слышать голоса собственного сердца и совести, когда деревня дает для его творчества отрицательные типы. <...>

Быть может, пессимизм автора несколько сгущен, быть может, его чуткое сердце реагирует не всегда точно на действительность, но художник видит жизнь такой, какой она представляется в его творчестве.

“Деревня” Бунина является вечным укором и для самого автора, как представителя интеллигенции, и для всех нас. <...>

О прозе г. Бунина могут спорить и спорят, соглашаться и не соглашаться со взглядами беллетриста, но в области поэзии все сходятся, что И.А. достойный преемник и последователь Пушкина, Лермонтова и др. корифеев нашей поэзии и, как поэт, давно причислен к числу наиболее крупных представителей поэзии. <...> Беллетристика и поэзия И.А.Бунина чужды манерности, шаблона; все его произведения, написанные в реалистичных тонах и красках, крайне самобытны и проникнуты большой индивидуальностью автора.

По своим политически-общественным взглядам И.А. принадлежит к левому направлению. В молодости он увлекался народничеством, был толстовцем <...>, а затем его симпатии склонились к социал-демократическому направлению.

<...> В мрачных красках, в которых он описывает деревню, сказалось не “барство”, а как раз наоборот — разочарование в активности и стройности народных масс. Но как бы ни были мрачны описания деревенской жизни, в заслугу писателю нужно поставить то, что большой художник и поэт не успокоился на высотах Парнаса, а с полным знанием дела, с серьезностью один из первых и немногих современных писателей обратился к художественному воспроизведению народной жизни».

В московской газете «Столичная молва» (№ 270. С. 4) помещается информационная заметка «К юбилею И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается: «Общество славянской культуры решило принять участие в предстоящем 28-го октября чествовании 25-летнего юбилея литературной деятельности И.А.Бунина. Приветственное слово поручено произнести академику Ф.Е.Коршу».

Октябрь, 16. Фотограф С.Г.Смирнов из петербургского журнала «Огонек» приходит к Бунину в гостиницу «Лоскутная» и фотографирует писателя за рабочим столом.

См.: 17 октября 1912, вторая запись; 28 октября 1912, пятнадцатая запись.

А.А.Измайлов пишет Бунину из Петербурга:

«Сердечно благодарю Вас <...> за исполнение моей просьбы, и столь быстрое. Не откажите в любезности посоветовать г. Смирнову возможно скорейший присыл нам фотографий. “Огонек” заготовляется на целые две недели».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 109, л. 1.

Октябрь, 17. Бунин присутствует на заседании кружка писателей «Молодая среда», которое было посвящено чествованию Д.Н.Мамина-Сибиряка по случаю 40-летия его литературной деятельности.

Председательствует Ю.А.Бунин, характеристику творчества юбиляра дает А.М.Федоров. Читает свои стихи Н.Клюев. Присутствуют: А.С.Серафимович и др.

См. информационную заметку в газете «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (18 окт. (№ 15). С. 5) «Литературная “среда”». Без подписи.

Бунин сообщает А.А.Измайлову в письме:

«...вчера у меня был г. Смирнов, но работа его, верно, пропадет даром: я нездоров, у меня мертвые глаза, распухший нос.

Шлю два автографа — на выбор: “Завесу” можете взять только в том случае, если Ваша книга выйдет через месяц, полтора — я еще не печатал этого стихотворения».

Письма (*2*). С. 243.

Очевидно, с этим письмом Бунин посылает А.А.Измайлову книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 21 октября 1912, третья запись.

Бунин фотографируется. На фото автограф писателя: «Ив.Бунин. 17 окт. 12 г.».

РНБ, отдел эстампов, Э $\frac{ФП}{1Б910}$, № 15702.

Воспроизведено: *ЛН*. Т. 84, кн. 2. С. 96.

В газете «Одесский листок» (№ 241. С. 4) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение о программе чествования Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности на торжественном заседании Общества любителей российской словесности. Без подписи.

«<...> вступительное приветственное слово произнесет председатель Общества А.Е.Грузинский. Ив.Бунин прочтет одно из своих еще неизданных произведений, артисты А.И.Южин и О.А.Правдин продекламируют произведения юбиляра».

В газете «Орловский вестник» (№ 253. С. 3) помещается информационная заметка «Литературные юбилеи». Подпись: Е.В.

В заметке сообщается о предстоящих в текущем году трех литературных юбилеях – Бунина, Д.Н.Мамина-Сибиряка и А.Н.Будищева.

В иллюстрированном приложении к № 341 одесской газеты «Южная мысль» (с. 2) воспроизводится фотопортрет Бунина к его литературному юбилею.

Октябрь, 18. В Москве Юбилейный комитет по организации чествования Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности вырабатывает программу общественного чествования, назначенного на 28 октября 1912 г.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 344, л. 5.

См.: 23 октября 1912, пятая запись.

Московская газета «Русские ведомости» (№ 240. С. 5) в рубрике «Московские вести» сообщает:

«Комитет по организации празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности И.А.Бунина получил из Петербурга известие, что и там с той же целью образовался комитет, в состав которого вошли академики Н.А.Котляревский и С.Ф.Ольденбург, проф. М.И.Ростовцев и др. Участие петербуржцев выразится, вероятно, в поднесении приветственных адресов и в присылке депутации. Из отдельных учреждений Петербурга уже делегировали своих представителей: Литературный фонд – В.П.Кранихфельда и совет высших курсов П.Ф.Лесгафта – П.С.Когана».

В нижегородской газете «Волгарь» (№ 287. С. 1) помещается статья С.Фомина «И.А.Бунин – как поэт. (К 25-летию его литературной деятельности)».

Критик пишет: «Четверть века литературной деятельности И.А.Бунина дает нам право говорить о нем, как о вполне зрелом, законченном поэте. Заслуженная слава Бунина, как поэта, явилась не сразу, и не с громкими криками опьяненных поклонников таланта, как это случалось с другими, а как робкая невеста пред любимым и достойным мужем. <...> Стихи его, с первых же юношеских опытов отличаются вдумчивостью, простотой, лишенной вычурности и претенциозности. Ни у кого другого, как у Бунина, следует учиться писать начинающим поэтам.

Бунин — классик. <...> Бунинская поэзия близка душе русского человека, в особенности обывателя провинции и деревни.

Читать бунинский сборник под названием “Листопад”, — поистине величайшее наслаждение. <...>

Было бы большой ошибкой называть Бунина только “пейзажистом”. В том же “Листопаде”, сквозь канву бунинского узора, чувствуешь его тихую и скорбную философию о сущности бытия, о смерти, о Боге, любви и о прошлом, чему возврата нет. <...>

Вообще скорбная нота звучит во всей поэзии Бунина. <...>

Чеховское “хмурое время” не могло не отразиться на поэзии Бунина...

Но удивительно то, что несмотря на скорбь и тоску бунинской поэзии, в ней нет разочарованности, отчаяния и безысходности. <...>

Простота художественных форм и образов бунинской поэзии во многом напоминает Пушкина; ее реальность доступна пониманию всякого грамотного человека. <...> В 1902 г. И.А.Бунин выпускает новую книгу своих стихотворений. В этой книге стихотворений мы видим уже не один чудный пейзаж, не одно прекрасное описание природы. Здесь поэзия молодого академика достигла до высшего предела своего творчества. Здесь И.А.Бунин выявил себя не только как даровитого художника, но и как мыслителя».

В газете «Одесские новости» (№ 8851. С. 2) печатается статья Н.Л.Геккера «И.А.Бунин. К 25-летию его литературной деятельности». Подпись: Н.Г.

Критик отмечает: «<...> едва ли мы ошибемся, если скажем, что *поэзия* г. Бунина принадлежит прошлому, т.е. слава поэта установлена давно и ныне ничем из его новых произведений не превзойдена, а в *прозе* своей он идет все дальше и привлекает общее внимание своими пессимистическими изображениями крестьянства. <...> Одинаково во всех его писаниях оставался он объективен и строго реален. И как это ни необычно, особенно в его лирике, всегда чувствовалась та рациональная, реалистическая почва, которую он не покидал, о чем бы он ни говорил — о небе или о земле. <...> Все же больше всего у него преобладает лирический тон грусти и сожаления, и чаще всего его влечет к осенним или сумеречным песнопениям. <...>

Когда пробегаешь эти многочисленные творения своеобразной бунинской музы, невольно поражаешься не только неутомимостью внимания такого острого наблюдателя, которого всегда и непрестанно интересует все новое в природе и окружающей обстановке, но и умению передать увиденное так, что оно является не простой фотографией и копией с существующего, а чем-то живым и обвевающим читателя тем самым впечатлением, которое было воспринято в первоисточнике. <...> Г. Бунина интересует не одна форма и внешность, а весь предмет или все явление в целом, захватывая его всем своим существованием в природе. <...> Психологические проникновения ему почти чужды, а общественные отношения, если наводят его на размышления, то вызывают в нем совсем грустные и безнадежные суждения. Г. Бунин меньше всего поэт общественный, и гражданские мотивы у него очень редки. Если же они прозвучат у него иногда, то обязательно в духе критического и отрицательного отношения в смысле безверия и безнадежности. <...>

Холодные, жуткие и мрачные темы заполняют всю прозу г. Бунина. И если о них можно лишь догадываться, если от них мы воспринимаем легкое впечатление из лирики его поэзии, то в его рассказах и поэмах на нас постоянно действует незамаскированный лик тоскующего одиночества, живой и неотразимый образ какого-то безрадостного безверия и расхолаживающий голос отрицания, безнадежного пессимизма. <...>

Выдающимся рассказом г. Бунина из его позднейших произведений является “Астма”. В нем он ближе всего подходит к Чехову и проявляет свой огромный талант умения представить явление во всей его ужасающей сложности. Но в то же время он больше, чем в других своих произведениях, является тут со своими склонностями ко всему пугающему и отпугивающему, со всем своим настроением, холодным и многого чуждающимся. <...>

Особенности бунинского дарования лучше всего определяются в рассказах о деревне. Тут налицо и его скептический, несколько насмешливый, реализм, тут весь его расхолаживающий, ни к чему не обязывающий объективизм, здесь же и все его одиноческое настроение, с высоты которого наши житейские дела кажутся ему такими маленькими и не заслуживающими волнений. <...> Он знает деревню, и все происходящее в ней ему не чуждо. Но тут же нужно оговориться, что знает он ее с одной стороны, — худшей и особенно доступной тому, кто не расположен и не настроен искать в ней светлых явлений и обнадеживающих изменений. <...>

Самым типичным и выдающимся произведением г. Бунина в этом роде все же остается его знаменитая “Деревня”. В ней только одной дана полная исчерпывающая картина народной жизни, причем даже рассказана ее история за последние десятилетия».

Октябрь, 19. Бунин подписывает с «Московским книгоиздательством» в лице Г.Г.Блюменберга Договор о выкупе выпущенных там книг:

«Мы, Торговый дом Московское книгоиздательство Г.Блюменберг и К°, получившие на основании наших от 17-го сентября 1910 г. и 8-го ноября 1911 г. договоров с дворянином Иваном Алексеевичем Буниным право издать его, Бунина, книги, означенные в сих договорах, ныне это право использовали и более печатать и распространять их права не имеем, все же экземпляры, оставшиеся от нашего издания этих книг и находящиеся на складе “Московского книгоиздательства”, а именно: 1382 экз. “Деревни”, 218 экз. “Перевала”, 912 экз. “Рассказов и стихотворений 1907–1910 гг.” и 1108 экз. “Стихотворений 1903–06 гг.”, а всего 3620 экз., продали, <...> увеличив нашу скидку с 35% и 40% номинальной цены до 50%, ему, Бунину, в полное его распоряжение, за сумму в 2542 рубля и 25 копеек, кои и получаются нами от Бунина наличными деньгами сполна по доставлении вышеозначенного числа экз. куда он, Бунин, прикажет в условленный нами срок, а именно, не позднее 20-го сего октября. <...> Если же после подписания сего обязательства у нас, “Московского книгоиздательства”, окажется еще какое-либо количество вышеупомянутых книг, <...> мы обязуемся в продажу их не пускать, а немедленно представлять Бунину <...> — для уничтожения. В случае невыполнения выраженного здесь обязательства мы, “Московское книгоиздательство”, обязаны уплатить Бунину тысячу руб. неустойки».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 339, л. 9.

См.: 21...30 октября 1912.

В ответном письме Бунин сообщает А.А.Шахматову:

«Получив письмо Ваше от 11 сего октября относительно приветствия Разряда изящной словесности Д.Н.Мамину-Сибиряку, спешу сообщить Вам, что я с удовольствием присоединяю свою подпись к этому приветствию».

Письма (*2*). С. 243.

Октябрь, 20. Извиняясь за молчание, Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Совершил сложное дело — выкупил 4 книги у “Моск<овского> к<нигоиздательст>ва”, передал в “Книгоизд<ательство> писателей”. Портрет Чехова в Кружке есть — работы Ульянова. Кружок потратился недавно — купил “Толстого” Репина — мерзость — за 2.000 р. Куда теперь девать твой?

Пьесу <вероятно, “Господин Порецкий”> Незлобин возвратил — я послал ее тебе с Федоровым.

Пришли свою статью о синематографе — немедленно. Тут затевается приглашение писателей в Кинематограф.

Неужели не приедешь на юбилей?! Ты с ума сошел! Вот так друг! Как! Не найти 50 целковых на проезд! Отказываюсь верить!»

Письма (*2*). С. 243–244.

См.: 21...30 октября 1912.

Д.М.Ребрик посылает Бунину доверенность из «Московского книгоиздательства»:

«За сданные Вам сего числа на основании нашего соглашения от 19-го с/м в количестве 3620 экз. книг Две тысячи пятьсот сорок два рубля 25 коп. верин получить артельщику Василию Яковлевичу Грузинову».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 294, л. 5.

В московской газете «Раннее утро» (№ 242. С. 5) публикуется интервью «Русский академик о войне. Беседа с И.А.Буниным». Подпись: Ст. Эн.

Речь в беседе идет о начавшейся 25 сентября (8 октября) Первой Балканской войне:

«— Не касаясь происходящей войны как таковой, — сказал в беседе с нашим сотрудником И.А.Бунин, — я могу рассказать только о своих личных впечатлениях, вынесенных от встреч с турками.

<...> На основании собственных наблюдений и всего того, что приходилось слышать, кажется, что приписываемая туркам жажда крови и обвинения их в особенных зверствах довольно преувеличены. <...>

Встречаясь с турецкими офицерами, солдатами и просто рабочими, я всегда выносил самое лучшее впечатление. Народ мягкий, доверчивый, стремящийся к культуре.

Такие же мнения я слышал и от других лиц. <...>

Равным образом таковыми же были мои наблюдения и в Египте.

Это, конечно, не значит, что я желаю им победы в происходящей войне.

Я вообще никому не желаю победы, потому что я противник всякой войны. Я против того, чтобы один народ хватал за горло другого».

Война Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) против Османской империи длилась до 17 (30) мая 1913 г.

В газете «Одесский листок» (№ 244. С. 2) печатается статья Н.Пересветова «Поэт-странник. (К 25-летию литературной деятельности И.А.Бунина)». Воспроизводится фотопортрет Бунина.

В первом инициале опечатка: Н.А.Бунина.

Критик пишет: «Он странник, он искатель. Но не “града грядущего” и не несбыточного взыскует его душа: он в погоне за радостью красоты. <...>

“Нет пути ему далекого...” И на всех путях в красоте нет ему чужого. С поразительным чутьем улавливает Бунин краски экзотических картин, в точных образах, в чеканных стихах, дает нам поэт плоды своих созерцаний.

Главнейший источник вдохновения Бунина — природа, но он не отходит от нее в творчестве дальше, чем это необходимо для художественного восприятия. Это не пантеист А.К.Толстой, видевший в красоте озарение вечной любви, стремящийся к своему первоисточнику к Глаголу, которого “творческая сила толпы миров воззвала из ночи”. Это не А.А.Фет, или наш современник В.Я.Брюсов, ищущие в природе “приотворенных дверей в вечность”. Бунин — прежде всего, пейзажист и созерцатель — он зеркало, привольно открытое миру, и все поет об отражениях. Принято говорить об одиночестве и пессимизме Бунина. Это не совсем верно и совершенно не страшно. Из двух главнейших видов одиночества — городского, ужасного, когда все чужое, и “некому руку подать” и другого, овладевающего нами пред лицом природы, среди степей, на берегу моря, на вершинах гор. Бунину свойственно именно последнее — удел всех чутких смертных. А пессимизм? Странная вещь — его в стихах не чувствуется. Бунин как беллетрист лишь, — порой вызывает в читателе гнетущее настроение... По существу, разве может быть безотрадным нытиком тот, кто жадными глазами смотрит в вечно юное, вечно обновляющееся лицо природы. <...>

Какая несправедливость называть поэта пессимистом!

Но есть, правда, в сокровищнице наблюдений художника уродливые, гнетущие... Они вызывают чувство безотрадности и касаются деревни. <...>

И так странно сочетаются в Бунине поэтическая жизнерадостность и беллетристическое уныние. Отрадного в деревне писатель не видит. Он говорит о деревне беспощадную правду, но, думается, познает ее односторонне. Представитель старого дворянского рода, он не может сбросить гнет класса, уже освободившегося от рабовладельческой психологии, уже снявшего с себя ярмо “покаяния” и “жаления”, но все-таки стоящего по отношению к крестьянству за социальной перегородкой.

Изумительное разнообразие мотивов поэзии Бунина сочетается у него с громадным богатством красок и слов. Его не смущают ни “низкие” слова, ни архаизмы, ни провинциализмы и это, в свою очередь, не шокирует читателя.

В стороне от целой плеяды молодых поэтов, воспевающих город, Бунин по характеру своей музы близок Тургеневу и Фету. С Фетом у Бунина много сходства. Сходство в понимании и изображении природы, в структуре стиха, в любви и пре-

клонении перед красотой. Но Бунину, как я уже упоминал, чужда мистичность Фета, а Фет по размерам своих наблюдений — уже. Фет знал только среднюю Россию, которую и воспевал в своих бессмертных стихах. Бунин вдохновлялся во всех уголках земного шара и, собираясь вновь путешествовать, думает о том, где он еще не был. Затем у Фета природа только рамка для, в большинстве случаев, переживаний любви — у Бунина же природа пред нами, как таковая, манящая своею тайной, но часто заслоняющая собой автора. <...>

Четвертьвековое служение Бунина литературе есть, в сущности, пребывание в почетном звании рыцаря красоты. Ради этой прекрасной дамы поэт пустился в странствия. Чтобы как можно больше ее отражений запечатлеть в душе, он посещает самые различные места земли, благословленной солнцем.

Юбилей застает Бунина в расцвете сил, на полдороге к новым достижениям. К дарованным уже художником радостям приобщатся еще многие».

Октябрь, середина. Выходит № 7 московского журнала «Вестник воспитания», в котором (отд. II, с. 143–144) помещается информационная статья «К юбилею акад. И.А.Бунина». Без подписи.

В статье содержится поздравление юбиляра и кратко сообщается о предстоящем чествовании писателя в Москве 28 октября.

Октябрь, 21. В Литературно-художественном кружке на вечере, устроенном первым литературно-драматическим и музыкальным обществом имени А.Н.Островского, Бунин читает новые стихотворения «Мать», «Алисафия».

Сбор с вечера поступает в кассу общества «для создания образцового общедоступного театра им. А.Н.Островского». См.: 9 ноября 1912, вторая запись.

См. объявления о вечере в газетах: «Русское слово» (21 окт. (№ 243). С. 3); «Русские ведомости» (7 окт. (№ 231). С. 2; 13 окт. (№ 236). С. 1; 20 окт. (№ 242). С. 1).

В журнале «Рампа и жизнь» (№ 43. С. 8) в рубрике «Хроника» помещается информационное сообщение об этом вечере.

«В вечере, устраиваемом 21 октября в Литературно-художественном кружке обществом имени Островского, согласился принять участие академик И.А.Бунин. Он прочтет по рукописи еще неизданные свои произведения: “Мать” и “Алисафия”. Между прочим, в настоящее время выяснилась полная программа этого вечера: М.Н.Ермолова пожелала прочесть стихотворение Lolo, посвященное Островскому, Е.К.Лешковская, К.Н.Рыбаков и А.В.Васенин исполнят в гриме и костюмах отрывки из пьесы Островского “Волки и овцы”. О.А.Правдин выбрал для своего выступления сцены из “Полуночников” — Лескова. Артисты Большого театра исполнят романсы Бородина, Сахновского и арии из различных опер. Е.В.Гельцер выступит в “Русской” и “Вакханалии”. Ее партнером будет Л.А.Жуков».

В журнале «Рампа и жизнь» (28 окт. № 44. С. 10) в рубрике «Хроника» сообщается: «Концерт, устроенный 21-го октября О-вом имени Островского в Лит.-худ. кружке, прошел очень удачно. Устроители дали блестящий подбор исполнителей. Все, что есть интересного в Москве, было соединено в этом концерте.

Громом аплодисментов встретили М.Н.Ермолову, которая с обычной глубокой красотой прочитала стихотворение Lolo — “Островскому” и монолог из “Снегуроч-

ки". Очень интересно читала и Е.Н.Рощина-Инсарова, которая тоже выбрала одно из стихотворений Lolo.

Имели большой успех г-жа Антарова и гг. Лабинский, Петров, Яковлев, Корещенко, а также И.А.Бунин, читавший свое стихотворение "Мать".

Концерт собрал полный зал и в пользу фонда для постройки Общедоступного театра имени Островского очистилась большая сумма».

«Московская газета» (22 окт. (№ 217). С. 5) публикует отчет «Вечер имени А.Н.Островского». Без подписи.

Корреспондент отмечает: «Исключительный по составу участвующих первый литературный вечер в пользу общества им. А.Н.Островского собрал вчера в Литературно-художественном кружке полный зрительный зал. <...> Академик И.А.Бунин прочел свое стихотворение "Мать".

Среди присутствующих председатель общества кн. В.Голицын, П.Боборыкин, С.Юшкевич. Участвовали М.Н.Ермолова, Е.В.Гельцер, А.М.Лабинский, Грызунов и Яковлев».

Отчетная заметка о вечере также печатается в газете «Раннее утро» (№ 23 окт. (№ 244). С. 5).

Н.П.Азбелев, получив книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (3 ноября н. ст.) пишет Бунину из Нагасаки:

«...несказанно обрадован был получением книжки Ваших произведений с авторской надписью. Некоторые из них читал — как читаю все Ваше — с огромным интересом. В прошлом году я был, не преувеличенно говоря, глубоко потрясен Вашей "Деревней". Безнадежная правда чувствуется в ней».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 46, л. 15.

А.А.Измайлов, получив книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.», пишет Бунину из Петербурга:

«Искренно благодарю Вас, глубокоуважаемый и добрый Иван Алексеевич, за исполнение всех моих просьб, и — особенно за "Суходол". Мне так давно хотелось иметь Вашу книгу с автографом, но я не смел напрашиваться. Позвольте выслать Вам мою книжонку со статьею о Вас (она уже печатается), а пока не побрезгуйте на книжонке рассказов.

Очень жалею, что Вы в Москве, — какую бы хорошую беседу (для печати) можно было бы учинить при личной встрече».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 109, л. 2.

В помещении Пречистенских курсов для рабочих проходит заседание Суриковского кружка под председательством В.А.Щуренкова; в частности, принимается решение послать Бунину приветственный адрес в день празднования 25-летнего юбилея его литературной деятельности.

См. информационную заметку «В Суриковском кружке» в газете «Столичная молва» (22 окт. (№ 271). С. 3). Без подписи.

Газета «Голос Москвы» (№ 243. С. 6) помещает информационное сообщение о программе общественного чествования Бунина 28 октября по случаю 25-летнего юбилея его литературной деятельности.

Подписано всеми членами юбилейного комитета по организации чествования.

См.: 18 мая 1912, вторая запись.

В газете «Одесский листок» (№ 245. С. 5) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение о праздновании 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина в Петербурге. Без подписи.

В иллюстрированном приложении к № 1780 харьковской газеты «Утро» (с. 1) помещается фотопортрет Бунина к его литературному юбилею.

Октябрь, 15...21. Выходит № 41 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 8–9) помещается статья «25-летний юбилей литературной деятельности И.А.Бунина». Подпись: П.М.

В биографической статье критик, в частности, пишет: «По своим взглядам первое время литературной деятельности И.Ал. примыкал к народникам. <...> Позднее Иван Алексеевич увлекся марксизмом, и до настоящего времени симпатии его лежат на стороне социал-демократии, хотя ни к какой политической партии он не принадлежит.

От начала своей литературной деятельности и до последнего времени И.А. был и остался чистым реалистом-художником, никогда не отклоняясь в сторону модных литературных течений – модернизма и декадентства. <...>

Иван Алексеевич еще молод, ему всего 42 года; литературный талант его находится в полном расцвете, и Россия вправе ожидать от него еще много прекрасных художественных произведений».

Статья иллюстрирована девятью фотоснимками: Бунин с М.Горьким и Н.Д.Телешовым в Ялте в 1900 г.; Бунин и А.П.Чехов в Ялте в 1900 г.; Бунин с супругой В.Н.Муромцевой в 1907 г.; Бунин в феврале 1894 г.; Бунин в Коломбо в марте 1911 г.; Бунин с суданскими неграми; Бунин в 1890 г.; Бунин в Константинополе в 1903 г.; Бунин с М.Горьким, Н.Д.Телешовым, Д.Н.Маминым-Сибиряком в Ялте.

Октябрь, 22. В «Московской газете» (№ 217. С. 5) публикуется интервью «И.Бунин о поэзии». Подпись: X. Воспроизводится литографированный портрет Бунина.

В беседе с корреспондентом в гостинице «Лоскутная» Бунин говорит: «– Мне <...> нравится жить в таком месте, я нарочно хочу быть подальше от раздражающей обстановки, чтобы иметь полную возможность свободно, без помех, работать. А работать предстоит мне немало! Нужно писать и писать!.. Нынешнее лето прошло в этом смысле весьма продуктивно и дало, кроме того, массу интересного материала. <...> Гостил, между прочим, у А.С.Черемнова <...>. Мне пришлось очень много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, присматриваться к их нравам, изучать их язык. Причем я сделал ряд интересных наблюдений. У крестьян этой полосы, по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода. Да и живут они хорошо, далеко не в тех ужасных некультурных условиях, как наш мужик в средней России...

<...> теперь заканчиваю большую новую вещь, которая впервые будет мною прочитана в Обществе любителей российской словесности накануне юбилея. Помимо того, мною задумана и даже начата одна повесть, где темою служит любовь, страсть. Проблема любви до сих пор в моих произведениях не разрабатывалась. И я чувствую настоятельную необходимость написать об этом.

Не менее сильно ощущаю потребность писать стихи».

На вопрос «что больше влечет вас: стихи или проза?» Бунин отвечает:

«— Прежде всего, я не признаю такого деления художественной литературы на стихи и прозу. Такой взгляд мне кажется неестественным и устарелым. Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности одинаково как в стихотворной, так и в прозаической форме. Проза также должна отличаться тональностью. Многие чисто беллетристические вещи читаются, как стихи, хотя в них не соблюдается ни размера, ни рифмы. У Толстого, например, в романе его “Война и мир” есть такие поистине поэтические описания, которые не уступят шедеврам стихотворного творчества. К прозе не менее, чем к стихам, должны быть предъявлены требования музыкальности и гибкости языка.

— Равным образом я отрицаю ту эстетическую теорию, которая поэзии предписывает только чисто художественные задачи, различает направления гражданских мотивов, лирику и т.п. По-моему, предметом поэтического воспроизведения может быть все многообразие действительности. <...>

С этой точки зрения я считаю, что русская поэзия остановилась в своем развитии на Фете, Ал.Толстом. А последние пятнадцать лет представляют пустое место.

Мне говорят, что форма стиха сделалась теперь совершеннее, рифма богаче, поэтические образы смелее... Все это в высшей степени спорно, почасту рискованно, а главное, искусственно и неприятно. Если сравнить того же Пушкина, “солнце русской поэзии”, с существующими стихотворцами (я не буду называть имена), то... какое может быть сравнение?

У кого из современных поэтов вы найдете более музыкальный стих, чем, положим, в стихотворении “Для берегов отчизны дальней”, или разве встретите в русской поэзии последних лет такие смелые, мощные образы, как в пушкинском “Обвале”.

Что касается разнообразия размера или богатства рифмы, то и в этом отношении трудно соперничать хотя бы с Меем или Минским. Разница та, что у последних просто и естественно, в то время как нынешние блещут надуманными стихотворными “ухабами”.

Мне думается, я буду прав, если скажу, что поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха».

Октябрь, 15...22. Выходит № 141 — (42) петербургского журнала «Солнце России», в котором (с. 1) воспроизводится фотопортрет Бунина и печатается статья З.Н.Гиппиус «В целомудренных одеждах. (К 25-летию литературной деятельности Ив.А.Бунина)» (с. 2).

Критик пишет: «И.Бунин — хороший писатель, это известно, с этим никто даже и не спорит. А кроме того — он имеет свои черты, свой лик, его не смешаешь с другими нашими, “просто хорошими”, писателями: большинство из них — типичны; Бунин — индивидуален. Бескорыстие (если можно так выразиться) его произведений доходит до полной бесстрастности; и это отнюдь не легкомысленная, легковесная, порой нарочитая, бестенденциозность новейших беллетристов, это что-то другое: автор отдает книге свой талант — и совершенно не дает себя. <...> Во всяком случае, у нас в данную минуту нет художника, равного Бунину по умению так последовательно, под такими целомудренно-длинными одеждами скрывать себя — в своем. Порою кажется, что и тяжеловесность, и бессюжетность, и скука бунинских романов — являются отчасти следствием авторского целомудрия, упорного бесстрастия.

Скучными, впрочем, романы эти назвать нельзя, в определенном смысле слова; если угодно — они скучны для читателя, ищущего в книге событий и приключений <...>.

Бунин — писатель без начал и концов, у него нет ни прошлого, ни будущего, ничего, кроме *настоящего*; таков, конечно, и должен быть поэт чисто созерцательный. Спорят до сих пор: что такое искусство? Не чистое ли это созерцание? Если да, — произведения Бунина должны считаться образцом истинного искусства; в большей степени, чем писания всех наших убежденных эстетов и модернистов. <...>».

Упомянув и пересказав рассказ «Веселый двор», Гиппиус отмечает: «Но вот что надо сказать: Бунин писатель до последней степени *русский*; и не то что он знает Россию, знает народ, хорошо пишет о них, нет, он попросту сам — кусок России; его свойства, его пугающие недостатки (да, они есть, мы их увидим, только что откажемся от узкоэстетической, художественной точки зрения), не свойства ли это той же России, русского народа — в широком смысле слова? Бездейственность, тяжеловесность, созерцание, нестройность какая-то, вечная пассивность, скучная беспечность, — да, ведь, это же сам талантливый Бунин! Каждому произведению его можно поставить эти упреки, если уж начать упрекать. <...> Пусть я говорю ересь с точки зрения чистой эстетики, но я утверждаю, что *настоящее* искусство стоит в такой близости к жизни, что между ними почти нельзя провести разделяющей черты. Я понимаю чистую эстетику: перед ее судом Бунин непогрешим, это хороший и большой художник. Но... искусство шире чистой эстетики. Лишь за ее краями начинается оно, настоящее. За ее края Бунин не вышел; отразив в романах своих, как в малой капле, вот эти верные свойства народа русского, — все ли его свойства он отразил? Бунин тяжел, темен, хаотичен, созерцателен, ярко талантлив; тяжел, бездействен, ярок и народ наш. Но... у Бунина пустое место там, где не пусто у русского народа. Народ глубоко думает... что думает Бунин? Народ силен действием спящим... где сила Бунина? Народ верит, наконец, верит в какую-то последнюю правду, и ни за что своей веры не отдаст... во что верит Бунин? Ни во что; ведь, чувствуется же, что ни во что, хотя и прикрыта нагота его благородными художественными одеждами, красивым умолчанием, бесстрастностью, которую на языке эстетики, пожалуй, и следует назвать целомудрием. За края эстетики Бунин не вышел.

<...> Бунину дано много; но все-таки “Деревня” его — не “Война и мир”, а сам он — не Лев Толстой. Это, пожалуй, тоже наша русская черта, — быть недовольным

тем, что тебе дают, ждать и желать от человека непосильного. Пусть искусство Бунина не переливается за края эстетики; как никак — его талант ярок и благороден, это редкий талант в пустозвонной пестроте современной литературы. Будем же за него благодарны художнику».

Октябрь, 23. Бунин посылает коллекционеру Э.П.Юргенсону свой фотопортрет с автографом, а также отдельный листок с написанным на нем изречением из книги «Суттанипата»; в сопроводительном письме уведомляет:

«...с удовольствием исполняю Ваши просьбы».

Письма (2). С. 244, 634.

Л.А.Авилова пишет Бунину:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич. 28 будет торжественно праздноваться день Вашего юбилея. Я не буду участвовать ни в депутации, ни на банкете и не пришлю телеграммы. На депутации я не буду, потому что не принадлежу ни к одному обществу; на банкет не попаду, потому что никого не знаю и не хочу чувствовать себя в неловком положении среди незнакомых. Телеграммы не пошлю, потому что это не имеет значения.

Но поздравить Вас мне хочется. Как-то в длинном письме, которое я не послала Вам, я старалась многое рассказать Вам: как я ценю Ваш талант; как все, что Вы пишете, мне близко и понятно и почему для меня Вы стоите совсем особняком, так что, когда я читаю Вас, мне сейчас же хочется написать Вам, поделиться моими впечатлениями. Немного таких писателей, с которыми хотелось бы делиться своими впечатлениями!

Вспоминается мне и то время, когда мы встречались в редакции "Нового слова", а позже в Союзе. Когда Вы прислали мне свою книгу, которая привела меня в такой восторг. <...>

Я шлю Вам свои самые горячие пожелания. Я рада, что Ваш праздник будет торжественный и блестящий и я хотела бы, чтобы в <нрзб> речах, которые будут обращены к Вам, было бы столько же искренности, сколько в моем чувстве <нрзб> и благодарности, о которых мне так давно хотелось Вам сказать».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 45, л. 1.

Вечером В.Е.Ермилов в новой большой аудитории Политехнического музея читает лекцию «Сильные и слабые», в которой говорит о творчестве Бунина.

См. объявление в газете «Русские ведомости» (23 октября (№ 244). С. 1).

См.: 24 октября 1912, пятая запись.

В газете «Одесские новости» (№ 8855. С. 2) помещается заметка «И.А.Бунин о турках». Без подписи.

В заметке цитируется интервью писателя из газеты «Раннее утро». См.: 20 октября 1912, третья запись.

В московской газете «Утро России» (№ 244. С. 5) помещается письмо в редакцию «К юбилею А.И.Бунина» (инициалы перепутаны) от комитета по организации чествования писателя 28 октября по слу-

чаю 25-летия его литературной деятельности. Всего 23 подписи. Дата: «Москва, 20 октября 1912 года».

Октябрь, 24. Бунин вносит правку в гранки стихотворения «Мать» («На пути из Назарета...»). На полях гранок Бунин пишет:

«Исправить и печатать. И.Бунин 24 окт. 12 г.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 22.

Отправляет гранки стихотворения «Мать» в редакцию «Русского слова».

См.: 28 октября 1912, девятая запись.

Вечером в большом зале Литературно-художественного кружка члены литературного кружка «Среда» и их близкие знакомые чествуют Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности:

— Н.Д.Телешов приветствует юбиляра краткой речью, в которой «подчеркнул, что в лице Бунина соединилась старая и молодая “среда”». От «Среды» Бунину подносится лавровый венок. Вечер открывается чтением рефератов Н.М.Мешковым «Поэзия Ивана Бунина» и Ю.В.Соболевым о мотивах любви в художественном творчестве юбиляра.

— Бунина приветствуют посвященными ему стихотворениями:

А.Е.Грузинский — «И.А.Бунину» («Ты прежде здесь искал слиянья...»).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 95, л. 12–13.

М.П.Гальперин — «И.А.Бунину от меньшого брата».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 2–3.

А.И.Журин – сонет «И.А.Бунину».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 5.

И.А.Белоусов и А.А.Чумаченко.

— стихи Бунина читают В.М.Иолшина (жена Е.Н.Чирикова) и А.И.Третьякова.

— Бунин читает свой новый рассказ «Крик».

— в концертном отделении артистка А.И.Третьякова читает отрывки из рассказа Бунина «Хорошая жизнь», а также участвуют г-жи М.С.Муромцева-Венявская, Е.М.Курч.

— вечер заканчивается товарищеским ужином, на котором с речами выступают А.Р.Ледницкий, П.Н.Сакулин, А.А.Кизеветтер, Н.Г.Шкляр.

На чествовании присутствуют: П.Д.Боборыкин, В.В.Вересаев, Д.Я.Голубев, Ю.А.Бунин, А.Р.Ледницкий, А.А.Кизеветтер, П.Н.Сакулин, Б.К.Зайцев, А.М.Васнецов, И.С.Шмелев, Г.Чулков, И.А.Белоусов, А.А.Чумаченко, М.П.Гальперин, В.В.Переплетчиков, С.Д.Разумовский, С.С.Мамонтов, С.Гарин, А.И.Адашев, М.Н.Климентова-Муромцева, Незлобина, и многие другие, всего более 200 человек.

См. отчетные заметки в газетах: «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (25 окт. (№ 20). С. 5) «Чествование И.А.Бунина на “среде”». Подпись: С. Воспроизведен фотопор-

трет Бунина; «Русские ведомости» (25 окт. (№ 246). С. 5) — «Юбилей И.А.Бунина». Без подписи.

В газете «Русское слово» (25 окт. (№ 246). С. 6) в отчетной заметке «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) сообщается: «Происходившее вчера собрание литературной “Среды” отличалось необыкновенным многолюдством — присутствовало свыше 200 человек. Н.М.Мешковым и Ю.В.Соболевым были прочитаны доклады, посвященные юбилею И.А.Бунина. Читали стихи, написанные специально к юбилею, И.А.Белоусов, М.П.Гальперин, Ада Чумаченко и др. Среди поэтов, приветствовавших юбиляра стихотворными экспромтами, оказался председатель Общества любителей российской словесности маститый А.Е.Грузинский. В конце собрания по просьбе присутствовавших юбиляр прочел свой рассказ <“Крик”>. В концертном отделении выступали: г-жи Муромцева-Венявская, Курч и артистка Третьякова. Эффектны были речи А.Р.Ледницкого, П.Н.Сакулина и А.А.Кизеветтера. Дирекция Литературно-художественного кружка решила приветствовать почетного академика И.А.Бунина по случаю исполняющегося в воскресенье 25-летия его литературной деятельности. В этот день особая депутация из членов дирекции поднесет юбиляру адрес. Все члены кружка <...> приглашаются подписывать этот адрес в конторе кружка».

В газете «Сибирская жизнь» (6 нояб. (№ 246). С. 2) в статье Г.А.Вяткина «Юбилей И.А.Бунина. (От нашего московского корреспондента)» говорится: «Первым откликом на юбилей было торжественное заседание литературного общества “Среда” <24 октября>. <...>

К девяти часам вечера большой зал в Литературно-художественном кружке был полон, на столах — цветы, приветственный адрес в изящной папке, фотографические группы для подношения юбиляру, роскошный лавровый венок на фоне простых полевых цветов. <...>В начале десятого появляется юбиляр с женой. Их встречают единодушными аплодисментами, переходящими в овацию.

Ив.Ал.Бунину подносят венок, а его супруге, Вере Николаевне, букет красных и белых гвоздик.

Председателем собрания избирается Телешов. Н.М.Мешков читает реферат “Поэзия Ивана Бунина”. 2-м референтом выступает Ю.В.Соболев.

Он останавливается, главным образом, на мотивах любви в творчестве Бунина и подчеркивает высоко человечное отношение поэта к этому чувству, целомудренную сдержанность и светлую чистоту его нежной музы.

Красиво написанный и с подъемом прочитанный реферат вызывает шумное одобрение аудитории. <...>

Ужин проходит очень весело, просто и непринужденно. Произносятся ряд экспромтов, тостов, речей.

Наиболее теплую речь произносит присяжный поверенный Н.Г.Шкляр. Он отмечает, как огромное достоинство бунинского творчества, постоянную связь писателя с землей и усматривает в этой связи верный залог дальнейшего процветания симпатичного таланта.

Юбиляр отвечает на эту речь:

— Вы подчеркнули, — обращается И.А.Бунин к оратору, — именно то, что мне дороже больше всего. Вы напомнили мне самое любимейшее мое изречение из Корана:

"Знаете ли, с чем Бог сравнивает человеческое слово? Он сравнивает его с деревом, корни которого таятся глубоко в земле, а ветви тянутся к небу"... Кровная неразрывная связь с землей, — в особенности с родной землей, с родным народом, — всегда была, есть и останется для меня священной, радостной и необходимой.

Ужин закончился в четвертом часу ночи».

А.А.Альвинг посылает из Петербурга Бунину приветственную телеграмму:

«Глубоко огорченный тем, что не могу присутствовать на собрании Среды всем сердцем принимаю участие в ее сегодняшнем празднике».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 1.

В.Е.Ермилов посылает литературному кружку «Среда» письмо:

«Прошу Вас передать глубокоуважаемому Ив.Ал.Бунину мое искреннейшее огорчение, что я не могу, по болезни, принять сегодня участие в чествовании высокоталантливого юбиляра. Утешаюсь только тем, что вчера удалось мне быть свидетелем на своей публичной лекции, того глубокого сочувствия, с которым отнеслась многочисленная публика в Новой большой аудитории Политехнического музея к знаменитому автору "Суходола" — Ивану Алексеевичу Бунину, о значительной роли которого в истории нашей литературы о народе я имел счастье вчера беседовать в своей лекции. Вместе с многочисленной аудиторией приветствую славного юбиляра. Vivat!».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 4.

И.И.Попов шлет телеграмму из Сызрани, очевидно, на имя Ю.А.Бунина:

«Юный воспитатель академиков огласи Среде мое любовное приветствие маститому юбиляру».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 6.

В кругу близких Ю.А.Бунина иногда называли «воспитателем академиков».

В газете «Голос Москвы» (№ 245. С. 4) публикуется интервью «И.А.Бунин». Без подписи.

К предстоящему 25-летнему юбилею своей литературной деятельности Бунин в беседе с журналистом рассказывает свою биографию, в которой, в частности, отмечает:

«Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготею больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности.

В настоящее время в газетах появляется обо мне много неверного. Например, "Утро России" <см.: 2 октября 1912> решило, будто я одержим "мировой скорбью". Может быть, газету ввела в заблуждение та грусть, которая сквозит в некоторых моих прежних юношеских вещах, но грусть — ведь это потребность радости, а не пессимизм, и отсюда еще очень далеко до мировой скорби. Я, наоборот, настолько люблю жизнь, что с удовольствием прожил бы хоть две тысячи лет. <...>

Из всех написанных мною книг я все-таки считаю наиболее удачным "Деревню", "Суходол" (сборник повестей и рассказов 1911–1912 гг.). Затем некоторые стихотворения последнего периода и прозаические поэмы моих

странствий — “Тень птицы”, “Иудея”, “Пустыня дьявола”. Что касается вообще странствий, то у меня сложилась относительно этого даже некоторая философия. Я не знаю ничего лучше, чем путешествие.

На нынешнюю зиму у меня был план кругосветного путешествия, но я себя чувствую неважно и не могу сказать, к чему сведется поездка — может быть, всего лишь к Испании и Италии. <...> Путешествия играли в моей жизни огромную роль.

Вы спрашиваете мое мнение о современной литературе? Должен признаться, что меня, за немногими исключениями, современная литература совсем не удовлетворяет. Русская литература сейчас европеизируется. Я, конечно, не против этого; но, с другой стороны, нельзя не заметить, что эта европеизация дала пока лишь самые незначительные результаты. Дело в том, что то, что происходит сейчас в западной литературе, тоже не Бог весть как ценно. Мы же стараемся гнаться за модой. К пресловутым стилизации и схематизации я отношусь вполне отрицательно. Это все порождения мертвого сердца. Когда человеку нечего сказать, то он обычно толкует об исканиях формы, прячется за стилизацию и т.д.

Вы замечаете, между прочим, что русская литература за последние годы, может быть, в связи с общественными течениями как-то растерялась и не знает, что сказать? В ней появилось что-то нервное, честолюбивое. Это какая-то боязнь отстать от последнего крика моды.

Следует отметить еще одну странность в характере современной литературы <...>, она утратила способность непосредственного воздействия на душу читателя. Между тем цель литературы заключается именно в непосредственном, эмоциональном воздействии. И вот этого-то эмоционального, органического элемента слишком мало в произведениях современных писателей, но зато в них более, чем надо, элемента головного».

В газете «Одесский листок» (№ 247. С. 4) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение о программе чествования Бунина в Москве 28 октября в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. Без подписи.

«Комитет для устройства чествования И.А.Бунина в Москве выработал следующую программу чествования: в 1 час дня, 28-го октября с.г., принесение приветствий юбиляру депутациями на его квартире (Москва, Тверская, “Лоскутная” гостиница). Вечером банкет в Большом зале Литературно-художественного кружка. Приезд к 11 ч. Приветственные телеграммы и адреса комитет просит направлять в Литературно-художественный кружок: Москва, Дмитровка, Литературно-художественный кружок».

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 279. С. 3) под заглавием «И.А.Бунин о войне» помещаются выдержки из интервью, опубликованного в газете «Раннее утро».

См.: 20 октября 1912, третья запись.

В иллюстрированном приложении к № 347 одесской газеты «Южная мысль» (с. 1) воспроизводится коллективная фотография:

И.А.Бунин, Д.Н.Мамин-Сибиряк, М.Горький и Н.Д.Телешов в Ялте в 1900 г.

Октябрь, 25. Вечером в Первом московском женском клубе (Богоринский пер., дом Доровина) чествуют Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности:

— Н.С.Клестов читает реферат о творчестве юбиляра;

— артистка Н.В.Салина исполняет романсы на слова Бунин;

— артистки В.М.Иолшина-Чирикова и Чилаева-Мельгунова читают стихотворения Бунина.

Газета «Русские ведомости» (25 окт. (№ 246). С. 5) в информационной статье «Юбилей И.А.Бунина» дает краткую программу вечера.

Московская газета «Раннее утро» (26 окт. (№ 247). С. 4) в отчетной заметке «Чествование И.А.Бунина в женском клубе» (без подписи) сообщает: «Вчера состоялся вечер в московском женском клубе, посвященный поэту И.А.Бунину.

Во время чтения Н.С.Клестовым доклада, посвященного юбилею поэта, И.А.Бунин с женой и братом Ю.А.<Буниным> появился в зале. Чтение доклада было прервано, и публика устроила юбиляру овацию. Остальная часть вечера прошла в присутствии поэта.

Между прочим, исполнены были артисткой Салиной — романс "Ночь печальна", романс Рахманинова на слова Бунина "Я опять одинок" и на его же слова "Снова один", муз. Глиэра.

Г-жа Иолшина-Чирикова продекламировала стихотворения Бунина "Джордано Бруно" и "За окнами снега", а артистка Чилаева-Мельгунова превосходно прочитала стихотворения юбиляра "Александр в Египте" и "Розы Шираза"». Далее сообщается о чествовании писателя 26 октября на заседании Общества деятелей периодической печати и литературы.

Газета «Русское слово» (26 окт. (№ 247). С. 7) в отчетной заметке «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «Вчерашний вечер, устроенный московским женским клубом, был посвящен чествованию И.А.Бунина. Был прочитан "юбилейный" реферат о творчестве Бунина. За рефератом следовала музыкальная программа; наконец, прочитано несколько стихотворений Бунина. Появление на вечере самого юбиляра было встречено долго не смолкавшими аплодисментами».

А.А.Золотарев (7 ноября н. ст.) пишет Бунину с Капри:

«От всей души благодарю Вас за все то хорошее, что пробуждали и будят во мне Ваши произведения. Стихи Ваши были для меня радугой в ненастные дни моей жизни.

Еще раз сердечно благодарю, приветствую Вас и желаю долгой плодотворной и радостной работы.

Приезжайте к нашей зиме опять на остров».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 107.
ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/12 оф.

В газете «Одесский листок» (№ 248. С. 4) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение (без

подписи) о подготовке альбома членов литературного кружка «Среда» для поднесения его Бунину в день общественного чествования.

Выходит № 12 московского журнала «Путь», в котором публикуются материалы о Бунине:

— открывается номер фотопортретом Бунина с факсимильной подписью под ним (вклейка перед титульным листом журнала);

— стихотворение И.А.Белоусова «Ивану Алексеевичу Бунину» («Его душа чутка, — как воздух предвечерний...») (с. 5);

— статья Н.М.Мешкова «Поэзия Ивана Бунина. (К 25-летию литературной деятельности)» (с. 24–34).

Критик пишет: «Русская литература празднует 25-летие деятельности одного из самых выдающихся и замечательнейших современных художников слова — И.А.Бунина. <...>

Верный заветам Пушкина и Тургенева, Бунин как бы продолжает собою все тот же славный классический период русской литературы и в потайных родниках и истоках своего творчества соприкасается с основными мотивами другого величайшего нашего поэта — классика Фета. <...>

Мотив светлой солнечности, счастья жизни и радости бытия — лучезарное пушкинское начало — один из основных мотивов бунинской лирики, философское обоснование ее. Здесь как бы ключ к пониманию внутреннего содержания художественных воплощений Бунина. Певец красоты и счастья жизни, радости бытия, Бунин отсюда уже неустанный и такой дивный в своем художественном мастерстве поэт красоты и очарования природы, несравненный и великодушный пейзажист.

Природа — главная вдохновительница Бунина, изначальная стихия его поэзии. И не только природа родной ему с детства глухой деревенской и помещичьей Руси, но природа Востока и других стран, природа вообще. К ней он подходит, как поэт исключительно острого восприятия и, найдя свои чисто бунинские краски и тона, в изображении ее отдельных моментов и настроений вкладывает и зоркую наблюдательность, и чуткую любовь к ней, и всю огромную силу своего художественного мастерства и таланта. Поистине, в этом отношении Бунин не знает соперников в современной русской литературе.

И это несмотря на то, что природа — мотив далеко не новый в нашей литературе. И до Бунина писали о природе и как писали!.. Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев дали классические образцы этого рода. Тем более велика заслуга Бунина, сумевшего в деле художественной трактовки этого не нового мотива найти нечто свое, бунинское, при полной гармонизации двух основных начал: могучая по своей яркой красочности внешняя изобразительность, как бы одухотворена глубоким и вдумчивым проникновением в философскую сущность описываемого явления. Основные черты художественного метода Бунина несомненно оригинальны. Но эта оригинальность не бросается в глаза, не бьет на шумный успех: благородная и тонкая, она рассчитана на вдумчивое понимание. Артист мазка всегда необычайно острого по своей свежей сочности, Бунин до виртуозности изощрил и утончил всю красоту и роскошное великолепие красочных пятен своей живописи. Впечатление живописного пятна в слове достигает Бунин искусной и тонкой комбинацией меткого эпи-

тета, изощренной метафоры и часто до дерзости смелого, но всегда глубоко верного сравнения. <...>

К другой отличительной черте бунинской лирики следует отнести то, что он никогда не навязывает своего настроения отвлеченными и рассудочными фразами и восклицаниями, а умеет вызвать и передать настроение данного момента исключительно при помощи живописно-описательного метода, путем воплощения в поэтические образы мельчайших нюансов и деталей окружающей его обстановки. Этим приемом он владеет в совершенстве, пользуясь им с ясным спокойствием истинного художника-классика. <...> Вообще следует заметить, что многие стихотворения Бунина инструментованы прекрасно. При том инструментовка эта отличается той же ясностью, которая так характерна для Бунина. У Бунина вы никогда не встретите той тяжелой и неуклюжей перегруженности аллитерациями, вследствие которой некоторые интересные стихи В.Иванова становятся совершенно неудобочитаемые. Как истинный художник, Бунин знает чувство меры, и все звуковые украшения его речи всегда естественны и легки, а не сделаны и не придуманы нарочно. <...>

Красота жизни, радость и счастье бытия, хотя бы и в “печальной красоте”, все-таки основной мотив Бунина».

К отличительной черте любовной лирики поэта критик относит то, «что Бунин никогда не поет определенную женщину или девушку, не делает строго очерченного ее образа, а лишь веяние Вечно Женственного начала, сходясь в этом отношении с другим нашим величайшим поэтом, Фетом. <...>

Поэт сдержанный и глубоко целомудренный, певец светлых и ясных чувств, Бунин, конечно, не мог пройти мимо красоты материнской любви и самоотверженности, посвятив ей трогательные по своей задушевности и глубокому лиризму строфы небольшой поэмы “Мать”».

— в рубрике «Литературный архив» публикуются четыре письма А.М.Жемчужникова к И.А.Бунину 1892-1894 гг. (с. 34–38);

— в рубрике «Литературный архив» под заглавием «Неизданное стихотворение И.А.Бунина» печатается стихотворение «Жизнь увлекает пошлостью дневной...» (с. 38).

К нему имеется редакционное примечание: «Стихотворение это появляется в печати впервые; оно написано в альбом И.А.Белоусова и датировано 12 марта 1895 г., на самом же деле время написания этого стихотвор. относится к 1890–91 г., когда поэт жил в Орле».

Данное примечание ошибочно, это стихотворение было впервые опубликовано в журнале «Мир Божий» (1892. № 7. С. 115). См.: 1 июля 1892; 12 марта 1895 (*Летопись* (*1*). С. 146, 192).

Дата выхода журнала определена по письму И.А.Белоусова. См.: 17 сентября 1912, вторая запись.

Октябрь, 26. В Большом зале Политехнического музея в 9 часов вечера Общество деятелей периодической печати и литературы на торжественном заседании под председательством Д.А.Жаринова чествует Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности:

— С.С.Голоушев (С.Глаголь) читает доклад «Поэт-живописец»;

— романсы С.В.Рахманинова на слова Бунина исполняют: «Я опять одинок» — Ф.А.Ошустович, «Ночь печальна» — Е.В.Чайковская;

— А.И.Третьякова читает отрывок из повести «Хорошая жизнь»;

— М.А.Дурасова читает стихотворения «Я простая девка на баштане...» и «Гроза прошла над лесом стороною....»;

— А.П.Шереметьев исполняет романс А.Т.Гречанинова на слова Бунина «На распутьи»;

— после настойчивых просьб публики Бунин читает стихотворения «Алисафия» и «Белый Олень».

См. программу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 26.

В газете «Голос Москвы» (27 окт. (№ 248). С. 4) в отчетной заметке «Чествование И.А.Бунина» (без подписи) говорится: «Председатель собрания Д.А.Жаринов, приветствуя юбиляра, передал ему поздравления общества. Слова Д.А.Жаринова были покрыты долго не смолкавшими аплодисментами.

Докладчиком выступил Сергей Глаголь (С.С.Голоушев), который охарактеризовал творчество И.А.Бунина.

Докладчик считает юбиляра поэтом-живописцем по преимуществу и с этой точки зрения рассматривает все его произведения.

Он, подобно Левитану, поэт русского пейзажа, обладающий удивительным даром охватывать все, что поражает глаз. Но его стихи, однако, вовсе не папки красивых этюдов — они таят в себе целый ряд новых образов, сложившихся в душе автора под влиянием созерцаемого. И пейзаж оживает, в природе чувствуется трепет подлинной жизни, благодаря чему в картинах близких, родных нам силой поэта является особая красота. <...> В заключение С.Глаголь отметил удивительную и вполне своеобразную музыку бунинского стиха.

Докладчик С.Глаголь вызвал громкие аплодисменты».

В газете «Раннее утро» (27 окт. (№ 248). С. 4) в отчетной заметке «Чествование И.А.Бунина» (без подписи) сообщается: «Большая аудитория Политехнического музея была переполнена». Присутствовали: А.Н.Веселовский, А.Н.Толстой с супругой, С.Д.Дрожжин, И.П.Чехов и др. «Появление на эстраде И.А.Бунина с супругой было приветствуемо шумными аплодисментами. Юбиляру поднесли букет живых цветов. <...> артисты г-жа Третьякова читала отрывок из “Хорошей жизни”, М.А.Дурасова — стихи “Я простая девка на баштане”, “Гроза прошла над лесом стороною”».

В газете «Русские ведомости» (27 окт. (№ 248). С. 4) в рубрике «Московские вести» корреспондент отмечает: «Зала была полна. Кроме членов Общества были представители различных просветительских учреждений, ученых обществ, педагогического мира, судебного ведомства, масса учащейся молодежи. Появление юбиляра встречено долгими аплодисментами. Супруге его от Общества поднесен А.Чумаченко букет. Председатель правления Общества Д.А.Жаринов обратился к юбиляру с кратким приветствием. Затем Сергей Глаголь прочитал доклад на тему “Поэт-живописец”, представив в нем характеристику творчества И.А.Бунина. А.И.Третьякова прочитала рассказ юбиляра “Хорошая жизнь”. Ф.А.Ошустович исполнил романс “Я опять одинок”, слова И.А.Бунина, музыка С.В.Рахманинова.

М.А.Дурасова прочитала несколько стихотворений И.А.Бунина. Е.В.Чайковская исполнила романс С.В.Рахманинова “Ночь печальна”. Сам юбиляр, по просьбе публики, прочитал два своих новых стихотворения “Алисафия” и “Свадебный белый олень” на темы из народных сказаний. Публика устроила юбиляру овацию».

В газете «Русское слово» (27 окт. (№ 248). С. 6) в заметке «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) корреспондент сообщает: «Вчера Общество деятелей периодической печати и литературы чествовало почетного академика И.А.Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности. Огромная аудитория Политехнического музея была переполнена собравшимися на торжественное заседание. Заняты все скамьи, густая толпа молодежи заполнила балкон. Юбиляра встретили бурными, долго не смолкавшими аплодисментами. Супруге его поднесли большой букет цветов. Когда аудитория несколько успокоилась, Д.А.Жаринов открыл собрание и предоставил слово Сергею Глаголю. Оратор охарактеризовал И.А.Бунина как поэта русского пейзажа, назвал его Левитаном в области литературы. Вторая часть заседания была посвящена исполнению нескольких вещей юбиляра, переложенных на музыку С.В.Рахманиновым и А.Т.Гречаниновым, и чтению его стихотворений. После долгих просьб собравшихся выступил сам И.А. и прочел несколько лучших своих стихотворных произведений».

Газета «Утро России» (№ 247. С. 6) помещает информационную заметку «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) об этом чествовании. В следующем номере «Утра России» (27 окт. (№ 248). С. 5) публикуется краткий отчет о торжественном заседании в Политехническом музее «25-летний юбилей И.А.Бунина» (без подписи): «И.А.Бунина, явившегося на заседание, публика, переполнившая аудиторию, встретила бурей аплодисментов.

И.А. и его супругу приветствовало правление общества во главе со своим председателем <Д.А.Жаринов>. Юбиляру были поднесены цветы.

Громадный успех у публики имел и доклад С.Глаголя “Поэт-живописец”, посвященный И.А.Бунину. Удачно прошло и концертное отделение. <...>

П.Д.Боборыкин по болезни на заседании не присутствовал».

См.: 27 октября 1912, первая запись.

В газете «Сибирская жизнь» (6 нояб. (№ 246). С. 2) в статье Г.А.Вяткина «Юбилей И.А.Бунина. (От нашего московского корреспондента)» о торжественном собрании в Политехническом музее 26 октября говорится: «Это собрание было наиболее публичным. Аудитория вместила около тысячи человек, причем заметно преобладала учащаяся молодежь. <...> Председатель правления Общества деятелей периодической печати Д.А.Жаринов обратился к писателю с кратким приветствием. <...> Очень картинно, изящно и тепло Сергей Глаголь прочитал доклад на тему “Поэт-живописец”, характеризуя Бунина, как поэта особенного, удивительно красочного, единственного в своем роде. Докладчик сравнил Бунина с художником Левитаном. <...>».

См. также отчетную заметку «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) в газете «Камско-Волжская речь» (31 окт. (№ 242). С. 2).

Бунин подписывает коллективную приветственную телеграмму Д.Н.Мамину-Сибиряку в связи с 40-летием литературной деятельности писателя.

Телеграмма посылается от Разряда изящной словесности Императорской академии наук; под телеграммой всего 14 подписей: Константин, А.Кони, Д.Овсянико-Куликовский, Ф.Фортунатов, А.И.Соболевский, В.Истрин, В.Миллер, Н.Кондаков, Н.Котляревский, А.Шахматов, К.Арсеньев, А.Н.Веселовский, И.А.Бунин, Ф.Е.Корш.

Письма (*2*). С. 411.

Н.Д.Георгандопуло пишет Бунину по городской почте:

«Позвольте и мне, Вашему случайному знакомому, которого Вы соизволили третьего дня принять радушно, — принести свое поздравление с юбилейным днем Вашей литературной деятельности и пожелать Вам много лет здравствовать на радость и утеху Вашей супруге и сочленов.

В ознаменовании торжественных дней Вашего юбилея, позвольте мне поведать Вам мою <нрзб> многострадальную жизнь и помочь мне описать таковую, для назидания юного потомства, литературным словом, ибо я не смогу справиться с этой задачей. <...> когда и где я могу с Вами побеседовать как с духовным отцом, в полной уверенности, что все то, что я скажу, останется между нами и если попадет в печать, то под вымышленной фамилией».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 86, л. 1.

С.Л.Гурвич пишет Бунину по городской почте:

«Собираясь издать свой сборник "Утренняя заря", имею честь просить Вас не отказаться поместить перед ним Ваше маленькое вступление».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3022 оф.

Н.И.Тимковский, извиняясь за то, что не принимает участия в юбилейных чествованиях, пишет Бунину:

«Мне хочется сказать Вам, что я всегда чуял и продолжаю чуять в Вас ту нежную, глубокую, быть может, болезненную душу-недотрогу, которая инстинктивно прячется в тайниках и лишь смутно просвечивает в сказанных речах. Чистое золото — в недоговоренном, не выраженном. Высшая цена и сила — в незримом и неслышимом: до наших внешних чувств доходят лишь слабые и искаженные отражения. Повести, стихи, пейзажи, сонеты — только символы, по которым мы смутно угадываем глубокое подлинное "я". Дай Бог, чтобы эта золотая сердцевина души не была у Вас ничем изранена, отравлена. Этого желаю Вам от искреннего сердца и так же искренне крепко жму Вашу руку».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 212, л. 3.

Секретарь кружка «Вечера Случевского» В.Н.Уманов-Каплуновский посылает Бунину из Петербурга приветственное письмо:

«Глубокоуважаемый Иван Алексеевич. Кружок поэтов и поэтесс "Вечера Случевского" приносят Вам в день 25-летия Вашей литературной деятельности сердечное поздравление, желает дальнейших успехов Вашей нежной эстетической Музе и выражает горячую надежду, что, будучи в Петербурге, Вы украсите своим присутствием какое-нибудь из его собраний.

У покойного Константина Константиновича Случевского Вы бывали иногда на его поэтических "пятницах", Ваш автограф сохранился в его аль-

боме и поэтому кружок вправе считать Вас своим членом и очень гордится этим».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 219.

Читательница О.Ушакова посылает Бунину поздравительное письмо, выражая благодарность от себя и своей сестры за полученные произведения писателя, а также пишет:

«Теперь, в день двадцатипятилетия Вашей литературной деятельности, примите наше искреннее поздравление и пожелание столь же плодотворной работы в грядущем для Вас как писателя, а для нас как читательниц выражаем эгоистическое желание, чтобы Ваша творческая деятельность долгие и долгие годы доставляла тот эстетический отдых и художественное наслаждение, которое испытываем мы и многие другие, читая Ваши книги».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3170 оф.

А.М.Федоров посылает Бунину из Одессы приветственное стихотворение «Мне нынче вспомнился недаром...».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/4 оф.

В московских «Вечерних известиях газеты “Коммерсант”» (№ 21. С. 3) печатается интервью «Бунин о театре. Из бесед». Подпись: И.

Краткое изложение беседы Бунина с корреспондентом, опубликованной в журнале «Рампа и жизнь». См.: 28 октября 1912, восьмая запись.

В иллюстрированном приложении к № 297 газеты «Киевская мысль» (№ 46. С. 359) помещается фотопортрет Бунина к его литературному юбилею.

В московской газете «Утро России» (№ 247. С. 6) к юбилею Бунина публикуется фотография с подписью «Группа писателей, снятая в Ялте 12 лет назад. А.И.Куприн, А.М.Федоров, И.А.Бунин, А.П.Чехов, С.Я.Елпатьевский, М.Горький».

Октябрь, 27. В 8 часов 30 минут вечера в зале Правления Московского университета на заседании Общества любителей российской словесности под председательством кн. А.И.Южина-Сумбатова чествуют Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности:

— открывает заседание своим приветствием юбиляру А.Е.Грузинский.

Текст его выступления (дополненный) был напечатан позднее в журнале «Вестник воспитания». См.: ноябрь 1912, третья запись.

— Бунин читает рассказ «Смерть», стихотворения «Монастыри в предгориях глухих...», «Летняя ночь» («Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный...»), «Мать» («И дни и ночи до утра...»).

— произведения Бунина читают артисты М.Н.Ермолова, А.И.Южин-Сумбатов («Астма»), О.А.Правдин;

См. программу заседания: ОГЛМТ, ф. 14, № 5736/1 оф.

— торжественно объявляется об избрании Бунина почетным членом Общества любителей российской словесности.

См.: 6 октября 1912, первая и вторая записи.

На заседании также присутствуют: А.Н.Веселовский, П.Д.Боборыкин, Ю.А.Бунин, И.А.Данилин, Н.Д.Телешов, Б.К.Зайцев, И.С.Шмелев, И.А.Белоусов, С.Д.Дрожжин, П.А.Тулуб и др.

Газета «Голос Москвы» (28 окт. (№ 249). С. 5) в кратком отчете «Чествование И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «После доклада А.Е.Грузинского выступил сам юбиляр со своим новым рассказом “Смерть”.

Рассказ этот — о смерти пророка Моисея — написан в аллегорической форме, в тоне спокойного библейского повествования. <...> В заключение кн. А.И.Сумбатов прочел отрывок из рассказа И.А.Бунина “Астма”, а сам поэт продекламировал ряд своих стихотворений».

В газете «Русские ведомости» (28 окт. (№ 249). С. 6) публикуется отчет «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи), в котором отмечается: «Небольшая круглая зала правления университета была полна публикой. Юбиляр был встречен продолжительными аплодисментами. Председатель Общества А.Е.Грузинский произнес речь, посвященную характеристике творчества И.А.Бунина. <...>

После этой речи И.А.Бунин прочитал свое новое произведение “Смерть”, где в восточных тонах описываются искания и смерть пророка.

После перерыва кн. А.И.Сумбатов прочитал отрывок из рассказа И.А.Бунина “Астма”. Затем И.А.Бунин прочел несколько своих стихотворений.

В конце заседания председатель общества А.Е.Грузинский объявил об избрании И.А.Бунина почетным членом общества в ознаменование литературных заслуг. Это постановление встречено собравшимися продолжительными аплодисментами».

В газете «Русское слово» (28 окт. (№ 249). С. 3) в информационной заметке «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) говорится: «Общество любителей российской словесности праздновало вчера 25-летие литературной деятельности своего члена И.А.Бунина. Заседание общества, происходившее в зале правления университета, было закрытым, и все члены были заранее извещены, что каждый из них, ввиду тесноты помещения, может записать гостями не более двух лиц. Это, естественно, создало обстановку интимности и даже некоторой замкнутости. <...>».

Газета «Утро России» (28 окт. (№ 249). С. 5) в краткой отчетной заметке «Чествование И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «Председательствовал на заседании кн. А.И.Южин-Сумбатов, присутствовали П.Д.Боборыкин, Н.Д.Телешов, И.А.Белоусов, И.А.Данилин, Ю.А.Бунин и мн. др.

Юбиляра встретили шумными овациями.

Прочитанный им рассказ “Смерть”, написанный на библейские темы (смерть Моисея), произвел сильнейшее впечатление.

Уступая просьбам, И.А. прочитал, кроме рассказа, еще несколько своих новых стихотворений.

А.Е.Грузинский в небольшой вступительной речи охарактеризовал поэзию И.А.Бунина. Кн. А.И.Южин-Сумбатов прочитал рассказ Бунина “Астма”.

В заключение А.Е.Грузинский объявил о состоявшемся постановлении Общества любителей российской словесности, решившем избрать Бунина своим почетным членом.

Постановление это было встречено долго не смолкавшими аплодисментами».

См. также отчетные заметки в газетах: «Раннее утро» (28 окт. (№ 249). С. 6) — «Чествование И.А.Бунина» (без подписи); «Речь» (28 окт. (№ 296). С. 3) — «Чествование» (без подписи).

В газете «Сибирская жизнь» (6 нояб. (№ 246). С. 2) в статье Г.А.Вяткина «Юбилей И.А.Бунина. (От нашего московского корреспондента)» о торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 октября говорится: «Бунин прочитал рассказ “Смерть” из цикла восточных рассказов. Читал он, по обыкновению хорошо: медленно, вдумчиво и сдержанно; по-видимому, манера читать у Бунина та же, что и писать. И от такого гармоничного слияния характера произведений и манеры читать их — впечатление получается сильное. <...>».

М.В.Аверьянов пишет Бунину:

«Сегодня я решил выехать в Москву, чтобы лично приветствовать Вас, благороднейшего рыцаря русской литературы, давно читаемого мною в прозе, как верного хранителя и последователя заветов гоголевского периода, а в стихах как наследника Великого Пушкина, но судьба все еще немилостива ко мне и в последний момент небольшие дела задержали меня.

Как мне хотелось бы сказать Вам горячие слова благодарности за мгновения тихого восторга при чтении Ваших простых, но наполненных светлой поэзией стихов, хотелось бы забыть на Вашем празднике многие свои огорчения, но... судьба еще не милостива.

Поздравляю, крепко обнимаю Вас и сердечно целую и желаю Вам долгих лет славной работы».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 44, л. 7.

В.В.Бибикова посылает из Сочи телеграмму Бунину:

«Пусть теплый морской ветер принесет аромат юга и сердечный привет и пожелания долголетия дорогому юбиляру».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 7.

Боткины шлют телеграмму Бунину:

«Сердечно приветствуем вас в день вашего 25-летнего юбилея. Екатерина Александровна Мария Сергеевна и сестры Боткины».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 8.

М.П.Бякин пишет Бунину из Орла:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич. Глубоко сочувствую Вашему юбилею и от души приношу поздравление своему “Ване”, с которым когда-то занимался и которому старался больше всего внедрить любовь к чтению, как бы предчувствуя, что из этого получится через десятки лет. Прошло 30 с лишним лет, но ты стоишь как живой перед моими глазами с оружием индейца против такого же “Егорчика” (не забыл Захарова).

Желаю дождать дня 50-тилетия, пью твое здоровье и жалею, что не могу лично поздравить. Жду большого прославления.

Твой, гордый своим учеником, бывший учитель, теперь подполковник в отставке М.Бякин».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 69.

Во время учебы в Елецкой гимназии в 1881–1882 гг. Бунин жил в доме М.П.Бякина.

В.П. и В.П.Куровские шлют телеграмму Бунину из Одессы:

«Радуемся всей душой твоему празднику ждем еще твоих чеканных слов».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 10.

А.А.Луговой пишет Бунину из Петербурга:

«Искренно уважаемый Иван Алексеевич. От души приветствуя Вас вместе со всеми Вашими литературными друзьями и почитателями в Ваш юбилейный день, я сегодня с особенным удовольствием вспоминаю еще другую дату — день, когда я впервые познакомился с Вашей музой и полюбил ее, как родную, близкую. Шестнадцать лет тому назад Вы принесли мне, тогдашнему редактору "Нивы", Ваше стихотворение "В костеле". Я с истинным восторгом прочел его не только в рукописи и в корректуре, но и столько раз перечитывал потом на страницах журнала, что почти заучил его тогда наизусть. В этом стихотворении мне было близко и дорого то, что Вы, в такой художественной форме, так ярко противопоставили дух древнебиблейской суровости костела духу пантеистической любви, как Вы ее чувствовали и понимали в новозаветном христианстве. С тех пор я уже всегда следил за Вашей музой, печалился вместе с ней, когда видел, как мрачная действительность вызывала и у нас <нрзб>, скорби и печали, — радовался, когда она опять молилась тому Богу, чьи слова

"К счастью, к жизни призывали
К свету и любви".

Сердечно желаю, чтобы и впредь жизнь ставила Вас почаще в общение с Ним и чтобы Вы могли повторять Ваше обращение к Нему».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 11–12.
ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/21 оф.

Упоминаемое стихотворение см.: 24 февраля 1896 (*Летопись* (*1*). С. 216).

С.Т.Семенов посылает Бунину приветственное письмо:

«Поздравляю дорогого Ивана Алексеевича с праздником его 25-летия послужения родной литературе. На ее скрижалях его творчеством отпечатаны целые страницы, присущие только истинным поэтам. Желаю ему продления интереса к народной жизни, что выразился в его писаниях за последние года, — и того проникновения в глубину мужицкой души, память о котором мы имеем в наследстве великих народолюбцев: Толстого, Достоевского, Тургенева, Эртеля, Златовратского и Успенского».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3136/4 оф.

Читательница В.Г.Харджиева пишет Бунину из Севастополя:

«С 25-тилетним юбилеем поздравляю — милый Бунин! Желаю 50-тилетнего! Согласны?

Простите, мы незнакомы, но Вы — писатель — и мне позволительна эта смелость! Вы симпатичны моей душе своими произведениями, и вероятно, и лично были бы, если бы только познакомились. <...> Пока попросила бы карточку Вашу на память и главное — ответ, это была бы мечта, которую давно лелеяла — познакомиться ближе с человеком, у которого ум солидарно благородны с сердцем. Это большое достоинство в наше время. Ваша поклонница».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3180 оф.

Е.А.Бунин, Н.К.Бунина, семья О.К. и А.О.Туббе посылают Бунину телеграмму из Ефремова:

«Милый брат Ваня от души поздравляем торжественным днем твоей литературной деятельности желаем полного счастья здоровья продолжения высокого творчества. Бунины Туббе Саша».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

Неизвестный начинающий писатель посылает Бунину из Петербурга приветственное письмо:

«Вы не из моих постоянных любимцев. Изломанной душой современного интеллигента я больше люблю Бальмонта, Брюсова, Мережковского, Гиппиус. Они, а не Вы живут со мной, лежат на моих полках, от них, а не от Вас я учусь, по их, а не по Вашим стопам пойду я, вероятно.

Но, Иван Алексеевич, когда мне становится очень грустно, когда мне хочется близкого друга, когда является желание интимно говорить с кем-нибудь, тогда я читаю Вас. Ни Бальмонт, ни Брюсов, ни Мережковский, ни Гиппиус никогда не могут быть так близки, так родственны, как Вы. Их я только слушаю, с Вами я разговариваю.

И вот за то, что с Вами я разговариваю, за то, что Вы не только даете мне возможность слушать Вас, но и позволяете говорить мне (нужды нет, что Вы не слышите, что я говорил!) — позвольте мне, Вашему маленькому, совсем маленькому собрату, сказать Вам свое большое спасибо. Я хочу, чтоб в хоре приветствий и поздравлений, который Вас встретит в этот день праздника, прозвучало и мое спасибо, быть может, очень тихое, но верьте мне — не последнее по искренности, по тому глубокому чувству, которое родило его. <...> Лишний».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 256.

В вечернем выпуске петербургской газеты «Биржевые ведомости» (№ 13218. С. 5–7) публикуется статья А.А.Измайлова «Юбилей И.А.Бунина».

Критик пишет: «О Бунине нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова. Бунин больше чем “его школы”. Он плоть от плоти и кровь от крови чеховского поколения, чеховского настроения, чеховских симпатий. <...>

Если искать в русском стихе чеховских настроений, — Бунин будет здесь первым и самым значительным и интересным. Если искать в прозе чеховских переживаний, но не наигранных, не подражательных и, однако же, моментами прямо до буквальных слов, до торжественных тем, совпадающих с чеховскими настроениями и темами, — опять Бунину придется отдать первенство.

Медленно и тяжеловато создавалась литературная репутация Бунина. Он разделил обычную участь миниатюристов в искусстве. <...>

Есть категория людей, в душе которых живет неодолимое очарование старины, подчинение ей, непобедимое обаяние тем, что было и уходит.

Бунин типичнейший представитель этой категории людей, для которых высшая прелесть бытия в тихой тоске по уходящем невозвратном, в подведении грустного итога жизни.

Они живут не мечтой будущего, а памятью прошлого. <...> Необыкновенно спокойное, тихое, отнюдь не терзающее чувство везде отличает Бунина. <...>

В огромном своем большинстве стихи Бунина – какие-то песни старого холостяка, одинокого бобыля. Он точно всех пережил, всех растерял. <...>

Настроение *прощения*, беззлобного примирения со всем, то, что отличало поэзию Случевского, — очень характерно для Бунина. И новые годы, безжалостно уходящие, уносящие все и оставляющие только одиночество, простит этот добрый бобыль. Только все менее влечет его настоящее, все тоскливее оглядка назад, все реже и реже улыбка на его лице.

Иногда Бунин слишком строг, холодноват, несколько сух. У него нет страстности Бальмонта, нежности Фофанова, умной пытливости Брюсова. Он несколько однотонен.

В своей прозе Бунин такой же чистый лирик, как и в стихах. <...>

Так же, как и в стихе, он здесь поэт, способный подмечать в природе многое, ускользающее от обыкновенного глаза, подмечает нежно, чутко, ласково. Так же и здесь для него существует только *его* любовь, печаль, скука, раздражение. <...>

Вы читаете пять, десять рассказов Бунина и проникаете в секрет его творчества. Это — литературная станиславщина, игра на мелочах, филигранная работа, рисование тоненькой кисточкой, нежною акварелью. Да, здесь и красивое ощущение природы, и поэтическая память. Но здесь нет движения. Это – лирические страницы из дневника, может быть, наброски прозою того, что потом следовало перелить в стихи.

Этот недостаток беллетристики Бунина сглаживается там, где он имеет дело с темами чистой романтики.

Яд рассудительности медика, который тек в жилах Чехова, как бы разлит и в крови Бунина. Кажется, он слишком рассудочен, трезв и холоден, чтобы у него закружилась голова, чтобы он сам поверил в возможность счастья. Его преобладающий герой, герой тургеневской Аси, который и не верит в счастье, и боится его».

В газете «Нижегородский листок» (№ 287. С. 2) печатается статья Н.В.Соколовского «Поэт образов живых и красок. (К 25-летию литературной деятельности И.А.Бунина)». Подпись: Энес.

Критик пишет: «Как поэт, Ив.Бунин давно уже известен. <...> Отличительной чертой его поэзии является простота замысла и изящество форм. <...> Таких простых по замыслу и изящных по исполнению стихотворений у Бунина сколько угодно. Это – силуэты, но силуэты, в которые вложены блестки мысли. У Бунина не мысль служит силуэтом стиля, как у многих современных поэтов, а как раз наоборот — стиль выражает силуэт мысли. <...>

Ив.Бунин – поэт живых образов и красок, и, пожалуй, настроений. <...> Некоторые из его стихотворений положительно не уступают классикам и так и просятся в хрестоматию. И, вероятно, в ближайшем будущем попадут. Пока же наши составители хрестоматий игнорируют Бунина, предпочитая ему Ф.Сологуба, Вяч.Иванова, К.Бальмонта. <...>

У Бунина стихи звонкие, как бы выкованные из стали и фраза “Бунинские стихи” приобрела такое же значение, как фраза “Тургеневский стиль”. Его поэзия здоровая, тонкая и изящная. Не будучи туманной и отвлеченной, она в одинаковой

степени действует и на ум, и на сердце. В особенности образны и красочны те из его стихотворений, в которых он касается картины природы.

Среди современного оскудения на ниве поэтического творчества имя И.А.Бунина блестит, как яркая звезда.

В значительной степени Бунин уступает поэту, как беллетрист. Зато там, где он касается описательной формы, например, в путевых очерках, прозаический талант его не уступает поэтическому дару.

Литературная карьера И.А.Бунина еще далеко не закончена и будущность ее впереди».

В газете «Одесский листок» (№ 250. С. 4) в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается информационное сообщение о подготовке чествования Бунина в Москве 28 октября в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. Без подписи.

«Инициативу чествования приняли на себя литературные организации Москвы <...> и московская литературная "Среда", образовавшая для этой цели из своей среды комитет. Приветственные телеграммы и адреса комитет просит направлять в Литературно-художественный кружок: Москва, Дмитровка».

В газете «Орловский вестник» (№ 262. С. 3) публикуется статья «И.А.Бунин». Подпись: И.С.

Журналист сообщает о готовящемся общественном чествовании писателя 28 октября, рассказывает о работе Бунина в редакции «Орловского вестника», а также отмечает, что Бунин «в настоящее время заслуженно стоит в первых рядах корифеев нашей современной литературы.

Многие стихотворения юбиляра могут считаться лучшими образцами русской поэзии.

В особенности у него хороши стихотворения, рисующие картинки родной природы.

Они в высшей степени сочны, правдивы и художественны.

В поэзии И.А. — трезвый реалист и глубоко, беззаветно любит родную природу.

В беллетристике, как и в поэзии, язык его гибок и богат».

В петербургской газете «Против течения» (№ 2 (54). С. 7) в рубрике «Писатели и книги» печатается статья «И.А.Бунин. (По поводу 25-летия его литературной деятельности)». Подпись: С.Б.

Критик пишет: «У Бунина есть рассказ "Старая песня", бесконечно красивый, простой. <...>

И как близка "Старая песня" — "Деревне" и "Ночному разговору".

К народу, таящему не только красоту, но и гнилую язву, равнодушную скорбь и застывшую страсть — пришел Бунин с приветливым словом, открытою душою и не застонал поэт, увидев разрыв и развал душевной жизни, не впал в лиризм, но эпически спокойно поведал о страшной находке.

В этой пассивности быть может недостаток Бунина, но здесь и его сила, так как ему не простили бы кощунственного отношения к народу, и его примиряющее чувство, созерцательность искупила и освятила союз с поэтом.

<...> Бунин — лирик, Бунин — грустен, Бунин — мыслитель, и толпа всегда, а в минуты унижения даже сильнее, жаждущая динамических, взрывающих старое,

писаний, не приняла Бунина. Жестокая, все время в плоскости приемлемого и простого, толпа не слышала и не слушала Бунина. <...>

Бунин медленно разбирается в ворохе нелепостей, которые дала жизнь и слышит лишь песни о горьком и трудном, но он не пессимист, а реалист, т.е. он любит правду открытую, громко на людях, а не в щелочку сказанную. <...>

Благодарная бережливость мысли, муки слова, резко отделяют Бунина от недоношенных писателей нашего времени.

Бунин писатель Чеховской школы. Разбираясь в фактах и изучая жизнь, поэт не жертвует на построение храма *сплоченной посредственности* ни атома правды.

В прозе Бунин говорит о заветном, а поэзия его чересчур внешняя, спокойная. Где Бунин лирик, где пульс бьется усиленно, где кровь и плоть — поразительны и красивы милой деревенской простотой стихи.

Хороши: “Кружево”, “Туман”, “След”, “Последние слезы”.

Его лирика усвоила мотивы романа, оттого настроение едино и известно, т.е. видим, что хотя мысль своя, но нет бездны, нет ужаса познания, как у Достоевского, у Чехова.

<...> живая жизнь для Бунина ласковая ясность, та ласковая ясность, по которой тосковали великие поэты прошлого.

Бунин говорит о своих идеалах всегда языком поэта, а не проповедника; изображая жизнь, он остается, прежде всего, тем, чем ему быть на роду написано — художником. Ни тенденциозности, ни подчеркиваний, ни угождений моменту у него нет.

<...> А таким правдивым и нежным поэтом, с такой необыкновенной по красоте натурой, пришел к нам, живет среди нас — Иван Алексеевич Бунин. но мы недовольны, не сознаем, что наше счастье велико; что не погибла русская поэзия, не ушла молодость. И поэзия и молодость в творчестве Бунина...».

В петербургской газете «Речь» (№ 295) помещаются материалы о Бунине:

— письмо С.С.Кондурушкина «25-летний юбилей И.А.Бунина» (с. 3), в котором говорится:

«Дорогой Иван Алексеевич! 28 октября в Москве чествуют вас “по случаю” того, что двадцать пять лет вы печатаете свои стихи и прозу. “Случая” тут никакого нет, ибо вы родились художником, от Господа Бога поэт. <...> Есть художники, для коих творчество — это *движение*. Ваше творчество — *созерцание и покой*. Своей художественной душой вы спокойно находитесь на одном месте и медленно поворачиваете художественный взор по кругу жизни. Все радостно и слегка грустно, ясно и удивленно. Радость всегда оттеняется грустью, лучше всего дополняет ее <...>. Ясность — свойство истинного художника. Искусство только тогда достигает своего высшего выражения, когда становится ясным. И наконец — удивленность! Вот лучший дар художника — удивляться и удивлять тем, что все видели и знают. <...> мне больше всего хотелось бы в этот день (уж если непременно 28-го нужно!) посидеть с вами наедине часок, поговорить о чем придется и пожать руку. Мы так мало встречались».

Автограф этого письма см.: РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 37–39.

— в рубрике «Московская хроника» заметка «Юбилей И.А.Бунина». Без подписи (с. 6).

Краткое сообщение о юбилейных чествованиях Бунина. Инициалы в заглавии перепутаны местами.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 248. С. 2) помещается статья Л.С.Козловского «Певец “Суходола”. К 25-летию литературной деятельности И.А.Бунина».

Критик, рассматривая книгу «Суходол. Повести и рассказы» и приводя цитаты из нее, отмечает: «Таким мрачным рисуется писателю прошлое помещичьей усадьбы, она несла в себе зародыш смерти, и внешние события лишь ускорили ее разложение. Но, разлагаясь, она отравила и окружающую жизнь. <...> Мертвые деревни, грязь, нищета, физическое и нравственное уродство, тупоумие, искривленные члены и зверские чувства, вот содержание следующих рассказов сборника. <...>

Трудно решить, какая деревня страшнее, гнилее в рассказах И.А.Бунина. <...> Грязная, голодная, проеденная до костей болезнями, заеденная вшами, — вот она, та Русь, которую, выходя из села, выглядел певец Суходола. Неужели только *это* и есть в русской деревне? <...> Мы знаем, что дело не обстоит так безнадежно. Мы знаем, что, рисуя такую безнадежную картину, автор лишь ведет дальше ту линию в русской литературе, которая обозначилась в ней уже давно и направлена к развенчанию идеализированной раньше деревни. В этом направлении “Суходол” пошел много дальше чеховского “Оврага”. В “Овраге” еще есть источник жизни, правда, жестокой, грубой, но все же живой. “Суходол” — это действительно высохший дол жизни, сухое дно оврага, воды уже нет и следа, осталась лишь грязь и по ней ползают назойливые, сонные мухи. Мы не имеем права требовать от художника, чтобы он изображал жизнь так, а не иначе: он изображает ее такою, какою видит. Но мы можем ставить вопрос, почему же он видит ее такою.

Предвзятой идеи, тенденции в изображении деревни у Бунина нет. Почему же он видит в ней одно уродливое, больное и разлагающееся? Бунин — художник живописец, глаза которого ищут ярких пятен и определенных очертаний. Уродливое ярче, рельефнее выступает в нашей жизни, в особенности в жизни деревни, находящейся в процессе ломки, перерождения, умирающее, разлагающееся старое имеет вполне определенные формы, тогда как живое, рождающееся, еще не вылилось в одну из таких форм. Взор, скользящий лишь по поверхности явлений, может его и не заметить. Наш автор схватывает и зарисовывает то, что бросается в глаза. <...> И все это стоит перед нашим взором, но все это не составляет картины народной жизни. И “Суходол” не картина Руси, хотя в ней и есть все то, о чем рассказывает наш автор, но все эти отдельные штрихи, верно зарисованные, нужно еще объединить в общую картину жизни. Это большая задача, которой хватило бы на целую жизнь проникновенной художественной работы. Можно ли ставить такую задачу в юбилейные дни, когда уместнее подводить итоги сделанного чествуемым писателем, нежели предъявлять к нему новые запросы? В данном случае, без всякого сомнения, можно: Ив.Ал.Бунин, несмотря на 25-летний юбилей, еще молодой писатель, и “Суходол”, конечно, не эпилог его творчества».

В московской газете «Русское слово» (№ 248. С. 3) помещается статья П.Д.Боборыкина «Молодой юбиляр».

Автор статьи, упомянув вначале Златовратского и народническую литературу 1870-х годов, далее отмечает: «Какой контраст! Совершенный перелом в трактовании крестьянского мира.

Это началось еще раньше. Чеховские "Мужики" прозвучали тогда новой нотой; но, к сожалению, повесть являла несомненную примесь какого-то *личного* чувства.

Молодой наш юбиляр лишен этого чувства. Объективность его изображений "деревни", с беспощадной правдой и даже строгостью, делает теперь невозможным возвращение к прежней народнической идеализации».

Остановившись на избрании Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности и о порядке этого избрания, Боборыкин продолжает: «Наш молодой коллега, вероятно, не возбуждал против себя и *во влиятельных* членах коллегии никакого предубеждения. Характер его дарования был очень многим приятен. В его лице приветствовали лучшие художнические и гуманитарные традиции, наследие Пушкина, хотя он по летам своим и принадлежит к поколению, которое выработало свою писательскую физиономию только к самому концу XIX в.

Он мог бы, с первых своих шагов, принадлежать к полосе "упадочной" литературы.

Но этого не вышло. <...>

Он просто — поэт и прозаик — реалист, с своеобразным отношением к той русской жизни, которую знает, и с своей манерой "письма".

Сегодняшний юбиляр — один из последних представителей старой дворянской культуры. <...>

Он — "дворянское дитя", в самом культурном значении этих слов. В нем чувствуется всегда душевная связь с теми усадьбами, которые теперь доживают уже свой век. <...>

У автора "Деревни", это — кровная связь. И как лирик, и как повествователь, он повит поэзией "дворянских гнезд", что не мешает ему, однако, знать и мужицкое царство так, как это возможно коренному жителю деревни. <...> Позволительно надеяться, что наш коллега в следующее 25-летие завершит свою художническую эволюцию, и как лирик, и как бытовой реалист-психолог.

Этого чистосердечно желает ему его — увы! — старейший собрат, вместе с сохранением творческой бодрости, прочного здоровья и полной свободы духа!»

Октябрь, до 28. А.М.Горький посылает Бунину с Капри коллективное приветственное письмо:

«Иван Алексеевич. Большому сердцу Вашему доступно не только горе русской жизни — оно познало "тоску всех стран и всех времен" — великую, творческую тоску о счастье, которая движет мир все вперед.

И проза Ваша, и стихи с одинаковою красотой и силой раздвигали пред русским человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле.

Двадцатипятилетняя работа Ваша, полная ревностной любви к родному языку — красота его всегда так тонко чувствуется Вами, — эта еще не оцененная работа дает нам радостное право сказать, что Вы являетесь

достойным преемником тех поэтов, которые породнили русскую литературу с европейской, сделали ее одним из самых замечательных явлений XIX века.

Мы, читатели Ваши, почтительно и любовно кланяемся Вам, поэт "отдавший всю жизнь творчеству", и — да будет "благословенна сладостная мука трудов" Ваших!

М.Горький, Алексей Золотарев, Б.Тимофеев, А.Прибой, Леонид Старк, Н.Любарский, П.Вигдорчик, Ф.Лоренц, Ф.Шефер, К.Шефер, Е.Любарская, Н.Золотарев, Ю.Желябужская, Мария Андреева, М.Сторский, К.Пятницкий, О.Каменская, Вас.Каменский».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 168.

Э.В.Фехнер пишет Бунину по городской почте:

«Милостивый государь Иван Алексеевич! Позвольте и мне как старой знакомой поздравить Вас с 25-летним юбилеем Вашей литературной деятельности, сердечно радуюсь вашей Славе! Прошло уже 26 лет как я Вас знаю, и все время страшно хотелось что-либо о Вас узнать, хотя вскользь кое-что слышала, но мало.

В прошлом 1911 году случайно узнаю от одного родственника, что Вы в Москве, он знает Вас хорошо; и сердечно рада, что Вы идете к славе. И тогда, когда Вам было только 16 лет, я предвидела, что Вы пойдете далеко; это было в 1886 году <...>. Извините за беспокойство, но не утерпела, чтобы не поздравить, хотя долго колебалась.

С почтением Лидия Григорьевна Носова урожденная Эмилия Васильевна Фехнер».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 225.

Октябрь, 28. В Лоскутной гостинице в 13 часов начинается общественное чествование Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности:

— чтение поздравительных адресов открывается приветствием от Разряда изящной словесности Императорской академии наук; А.Н.Веселовский, П.Д.Боборыкин и Д.Н.Овсянико-Куликовский передают Бунину адрес, подписанный 12 академиками.

В адресе отмечается: «Истинный и совестливый художник — а таковым мы Вас признаем — бывает всегда требователен к себе сверх меры, и исчисление его заслуг будит в нем чувство недовольства собой и тайного раздражения против его созданий. Нам хотелось бы, чтобы в день Вашего празднества Вы полюбили Ваши создания так, как мы их любим за их веское содержание, за любовь к человеку, которая так чувствуется во всех воплощенных Вами образах, за изящество кисти, какой эти образы зарисованы...

Пусть двадцать пять лет Вашего служения искусству будут счастливым и красивым залогом грядущей работы; пусть совесть Ваша как художника будет спокойна — а все, кому дороги судьбы русской словесности, с любовью и уважением произнесут Ваше имя».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 13.

— А.Е.Грузинский и П.Н.Сакулин подносят юбиляру адрес от Общества любителей российской словесности.

Газета «Русские ведомости» (30 окт. (№ 250). С. 4) в информационной заметке «Чествование И.А.Бунина» сообщает: «В адресе, прочитанном председателем Общества А.Е.Грузинским, отмечается, что юбиляр в своих произведениях дал читателям ряд новых картин русской природы, незабываемых по яркости и задушевности. В стихах и прозе он дал целую гамму чувств и настроений отходящего помещичьего быта, начиная с мягких элегических ее звуков, кончая яркими и резкими тонами, рожденными крепостной грубостью. В произведениях юбиляра раскрыта и широкая картина жизни нашего народа <...>, причем ясно, что пером его в одинаковой степени водило и чувство правды, и ужас, и боль. Форма его поэзии всегда ясна, проста и пластична. Тон его поэзии так же разнообразен, как и ее предметы, а в красоте и музыке стиха он часто становится близко к лучшим образцам нашей богатой литературы».

— адрес от Общества драматических писателей преподносят А.И.Южин и Вл.И.Немирович-Данченко.

А.И.Южин указал «на тесную связь тонов и настроений в произведениях юбиляра с эволюцией русской драмы и выразил надежду, что И.А.Бунин еще подарит русскому театру прекрасные произведения» (Русские ведомости. 30 окт. (№ 250). С. 4).

— от литературного кружка «Среда» приветствуют Н.Д.Телешов, А.Е.Грузинский, А.А.Карзинкин, И.А.Белоусов, Б.К.Зайцев, Л.А.Хитрово, передав Бунину портрет А.С.Пушкина и альбом с портретами всех членов кружка.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 170.

В приветственном адресе подчеркивается: «Твои многолетние спутники, твои старые товарищи по “Среде”, ныне волью и неволью рассеянные по лицу земли, шлют тебе дружеский горячий привет, тебе — одному из немногих носителей того яркого светоча чистой поэзии, который у нас в России был впервые зажжен гением Пушкина.

Прими же от нас, дорогой Иван Алексеевич, этот портрет — это изображение Солнца русской поэзии — в воспоминание о твоем литературном празднике и о нашей общей неизменной дружбе. “Среда 1899–1912”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 7.

— А.А.Карзинкин преподносит Бунину «художественно сделанного слона на цветочном плато с изображением экзотического уголка из пальм, мимоз и орхидей»;

— от А.А.Карзинкиной прислано «очень ценное старинное итальянское издание “Божественной комедии” Данте»;

— «Молодая среда» в лице Д.Я.Голубева, М.И.Гальперина, Е.М.Курч и А.Н.Бибикова подносит юбиляру адрес, помещенный в папку с акварельным этюдом художника В.В.Переплетчикова, изобразившим бедную русскую избу; возможно, в эту папку было вложено стихотворение А.Н.Бибикова «Большому брату сердца от меньшого».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 43.

— от Толстовского общества Бунина приветствуют Н.В.Давыдов, А.И.Южин, А.Е.Грузинский, В.С.Бородинский;

— от первого Литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н.Островского приветствуют юбиляра товарищ председателя А.А.Яблочкина и Н.П.Кашин.

В поздравительном адресе говорится: «В речи своей о Пушкине А.Н.Островский высказал ту глубокую мысль, что "гениальный поэт завещал своим последователям искренность, самобытность, завещал каждому быть самим собой, дал всякой оригинальности смелость".

В Вашем лице первое Литературно-драматическое и музыкальное общество имени А.Н.Островского приветствует сегодня представителя "оригинальной русской мысли", поэта "с самобытным складом духа" и желает Вам быть на долгие-долгие годы носителем светлых идеалов русской литературы!» Под текстом стоит 22 подписи.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 1.

— от Общества деятелей периодической печати и литературы приветствуют Д.А.Жаринов, Д.Звонарский, Е.М.Курч и И.И.Попов.

В приветственном адресе отмечается: «Общество деятелей периодической печати и литературы приветствует сегодня Вас, как тонкого и вдумчивого художника, подарившего нашей родине много страниц кристально-чистой поэзии, и как художника-бытописателя русской жизни, дающего в незабываемо ярких красках синтез ее ужаса и ее красоты». Под текстом 25 подписей: А.Шер, С.Дрожжин, Д.Жаринов, Ю.Бунин, Н.Абрамович, М.Рославлев, Н.Мешков, А.Панкратов, Н.Михайлов и др.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 2.

— от Художественного театра К.С.Станиславский и Вл.И.Немирович-Данченко подносят Бунину золотой жетон с римской датой из бриллиантов XXV и изображением эмблемы театра — чайки;

— от Литературно-художественного кружка приветствуют Н.Д.Телешов и И.А.Белоусов. Адрес читает Н.Д.Телешов.

В адресе, написанном В.Я.Брюсовым, одним из директоров кружка, говорится: «Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич! Русское общество и русские читатели высоко ценят две стороны Вашей деятельности. Во-первых, мы любим в Вас замечательного поэта, выдающееся значение которого давно выяснено нашей критикой, и которое получило свое всенародное признание в тот день, когда Вы были избраны Почетным академиком отделения изящной словесности при Императорской Академии наук. В своих стихах, безукоризненных по форме, Вы явились достойным преемником титанов русской поэзии — Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, Тютчева. В строках, сжатых, звучных и сильных, Вы рисовали перед нами незабываемые картины родной и чужой природы, Вы пересказывали нам свои чувства и настроения, в которых каждый читатель узнавал переживания своей собственной души, Вы повторяли нам вечно-новые заповеди Любви, Правды и Красоты. Тот, кто ознакомился с Вашей поэзией, никогда не забудет

ее очарования, и, пока будет жив русский язык, к Вашим стихотворениям всегда будут обращаться все, способные понимать и любить искусство, как неисчерпаемому источнику высоких, художественных радостей. С другой стороны, мы чтим в Вас внимательного и добросовестного наблюдателя и бытописателя современной русской жизни, особенно жизни современной деревни. Продолжая великое дело Глеба Успенского, Н.Н.Златовратского и других, чьи имена сейчас у всех на памяти, Вы дали нам ряд картин из жизни русской деревни за самые последние годы, написанных и с большим мастерством и с неуклонной правдивостью. Пусть Вам пришлось рисовать иногда сцены тяжелые и, может быть, даже жестокие, — мы все чувствуем, что под этой беспощадностью бытописателя таится горячая любовь к русскому народу и к русскому мужику. И, читая Ваши очерки, мы не только ближе узнаем его, не только получаем возможность как бы непосредственно заглянуть в безотрадную обстановку его жизни и в самую глубину его души, но и учимся у вас полнее и самоотверженнее любить тот океан русской жизни, на котором мы, интеллигентное меньшинство, образуем только легкую пену поверхности. Сегодня, в день двадцатипятилетнего юбилея Вашей литературной деятельности, который застает Вас в полном расцвете Ваших творческих сил, мы, представители Московского Литературно-Художественного кружка, гордящегося тем, что он считает Вас в числе своих членов, не можем не присоединиться к тем пожеланиям, которые обращены к Вам со всех концов России: еще долго продолжать свою работу писателя, радовать нас своими новыми поэтическими созданиями, учить нас своими новыми вдумчивыми очерками русской жизни. Мы верим, что еще долго не оскудеет Ваше прекрасное творчество, и хотим надеяться, что еще не раз представителям русского общества, в дни, подобные сегодняшнему, удастся благодарить Вас за все, что Вы сделали для родной литературы, за те, уже написанные и будущие создания, которые всегда будут занимать почетное место в истории нашей словесности. Мы счастливы также сообщить Вам, что Дирекция Московского Литературно-Художественного кружка, присоединяясь к предложению группы его членов, единогласно постановила: предложить ближайшему Общему собранию гг. членов избрать Вас Почетным Членом Кружка, звание, которое первым носил незабвенный Лев Николаевич Толстой».

РГБ ОР, ф. 386, к. 135, ед. хр. 6.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 4–6.
Письма (*2*). С. 635.
Известия Московского литературно-художественного кружка. М., 1913. С. 3–4.

— от Московского правления Кассы взаимопомощи литераторов и ученых приветствуют Н.Д.Телешов, И.А.Белоусов, И.А.Данилин и А.Н.Бибиков.

В адресе говорится, что Касса взаимопомощи «чтит и горячо приветствует в Вашем лице глубокоодаренного и пытливого писателя, которого юби-

лей застает в разгар деятельности и в расцвете художественных сил. Надеемся, уверены и ждем, что талант молодого юбиляра будет крепнуть, расти и развиваться, и что вклады в русскую литературу будут Вами пополняться еще долгие годы». Подписи: Н.Телешов, И.Данилин, <нрзб>.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 12.

— от «Книгоиздательства писателей в Москве» приветствуют С.Д.Разумовский, Д.Я.Голубев, А.А.Карзинкин.

В поздравительном адресе говорится: «Ваше сочувственное отношение к идее предприятия дало нам возможность начать свою издательскую деятельность выпуском "Суходола" — книги, в которой собраны Ваши последние сочинения, раскрывающие талант Ваш в полном блеске его развития.

Книга эта вышла только на днях в совпадение с Вашим юбилеем, <...> мы верим, что настанет время, когда Вы, улавливая в окружающей Вас жизни бодрые настроения, найдете возможным написать наконец радостную и светлую книгу». Под текстом 12 подписей: Д.Голубев, И.Шмелев, С.Махалов, Н.Телешов, Н.Крашенинников, Ю.Бунин, Н.Клестов, И.Попов, И.Белоусов, А.Карзинкин, Б.Зайцев, В.Смидович.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 134а.
ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/3 оф.

— от Суриковского литературно-музыкального кружка приветствуют Г.П.Георгиев, Г.П.Попов и Н.Д.Телешов.

В поздравительном адресе написано: «Суриковский кружок народных писателей приносит Вам свой горячий привет, как несравненному поэту и большому писателю-художнику.

Желаем Вам много лет здравствовать и обогатить русскую литературу еще лучшими произведениями». Под текстом три подписи.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 8.

— от Первого Московского женского клуба приветствует С.Маньковская.

В приветственном адресе говорится: «Мы чтим в Вас писателя, лозунгом которого в течение всей деятельности были слова: "свято — человеческое горе" <...>.

Являясь поэтом, у которого "кровное родство с природой", Вы дали нам описания этой природы, которые должны войти в хрестоматии как образцы, а язык Ваших произведений есть именно тот русский язык, о котором Тургенев писал <...>». Подписан председателем клуба В.А.Морозовой и секретарем С.Маньковской.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 14.

— Р.Ф.Брандт и В.С.Боднарский подносят юбиляру адрес Русского библиографического общества при Императорском Московском университете.

В тексте говорится: «Досточтимый Иван Алексеевич! <...> высоко ценя Вашу художественную деятельность, <общество> просит принять искрен-

ний привет по случаю XXV-летия Вашего славного служения родному слову». Адрес подписан председателем общества Р.Ф.Брандтом и секретарем.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 3.

— приносят приветствия от редакций журналов и газет: «Вестник Европы» — Д.Н.Овсянико-Куликовский, «Вестник воспитания» — Н.Ф.Михайлов, «Современник» — Е.А.Ляцкий, «Женское дело» — И.П.Попов, «Сибирь» — И.И.Попов.

— от редакции газеты «Сибирская жизнь» Г.А.Вяткин говорит:

«...позвольте мне, сибиряку, приветствовать Вас от редакции газеты “Сибирская жизнь” в частности и от нарождающейся сибирской литературы вообще. <...> И мне радостно сказать Вам, дорогой Иван Алексеевич, что молодая сибирская литература верна тому здоровому светлому течению, талантливейшим представителем которого являетесь Вы. Мне радостно сказать Вам, что незакатная звезда Вашего имени останется навеки одной из тех путеводных звезд, на которые будут устремлены взоры молодых поколений Сибири».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 11.

— от редакции журнала «Путь» И.А.Белоусов подносит юбиляру адрес, в котором сказано:

«Редакция журнала “Путь”, приветствуя Вас в день Вашего прекрасного праздника, который поистине есть светлый день для всех, чтущих великую нашу литературу, видит в Вашем лице благородного преемника высоких начал, завещанных Пушкиным, Тургеневым, Толстым. Истинный наследник огромного их богатства, утонченный, проникновенный поэт, Вы понимаете силу и мощь “великого, могучего, правдивого и свободного русского языка”. Вы бережно, свято сохранили всю чистоту его, всю его живую красоту и прелесть. И он звучит в Вашей лирике так нежно, так прекрасно!» Под текстом три подписи: И.А.Белоусов, Ю.Соболев, Н.Мешков.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 10.

— от студенческого журнала «Молодая жизнь» преподносят адрес, в котором написано:

«Честь и слава Вам — первоклассный поэт и художник! <...>

Студенческий журнал “Молодая жизнь” <...> низко склоняет свою голову и до земли преклоняет свое знамя перед дорогим учителем-юбиляром и искренне желает ему еще многие лета идти по трудному, но славному пути.

Да здравствует первоклассный борец за лучшее земли Русской». Под текстом 31 подпись.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 9.

— от киевских писателей приветствует юбиляра П.А.Тулуб;

— от Московских высших женских курсов приветствует А.А.Чумаченко.

В адресе говорится: «Как тонкий и чуткий поэт, как проникновенный художник, глубоко чувствующий красоту и правду больной, страдающей и все-таки божественной жизни, — Вы делаете большое и нужное дело. <...>

Ваша любовь к народу и Ваши правдивые слова о нем связали нас с Вами навсегда, — и мы счастливы, что в этот день, в этот праздник Вашей сдержанной и такой близкой нам Музы — мы можем сказать Вам наше искреннее сердечное спасибо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3406 оф.

— от курсов П.Ф.Лесгафта приносит поздравления Н.С.Кашина;

— от курсов драмы А.И.Адашева поздравляет Бунина Е.А.Телешова.

— от поклонников А.Н.Бибиков подносит Бунину адрес и аккредитив на 20 тысяч франков.

В адресе, в частности говорится: «Благодарим Вас, дорогой Иван Алексеевич, за те светлые часы, в которые, читая Ваши произведения, мы отдыхали душой от нашей серой и часто тяжелой жизни и шли за Вами туда, куда Вы нас вели: то в мир мечты, то в самую глубь нашей родины, то в далекие полуденные страны <...>, за то, что дал нам Ваш редкий прекрасный талант. <...>

Искренние поклонники.

Вместе с этим приветствием просим Вас принять аккредитив банка "Лионский кредит" на двадцать тысяч франков для получения во всех городах Старого и Нового Света».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 132, л. 14.

— другая группа поклонников творчества писателя подносит ему в подарок серебряную парусную яхту с надписью «Вера» и адрес, в котором отмечается:

«Таланту Вашему обязаны мы многими прекрасными часами, проведенными за чтением Ваших произведений, они трогали нас и заставляли задуматься, а благородное изящество их формы восхищало нас. Благодарим Вас за них».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 132, л. 15.

— от одесских «Четвергов» в коллективном приветственном письме говорится:

«Под звон бокалов, под общий шум и говор, при взрывах смеха и под туш на разбитом пианино в честь искусства, поэзии, любви и дружбы, с трудом, по общему поручению, пишем тебе сие послание, о — друг певец, поэт и реалист, маститый член веселой и бестолковой, но горячей и вольной Академии Одесских Художественных Четвергов. — Ты наш! — Сквозь дым сигары Нилуса, сквозь пенистые узоры разлитого пива, сквозь чад общего повышенного настроения, ты видел наше сердце, ты верил в его чуткость и не боялся сообщать нам свои лучшие думы, свои вдохновенные песни. — И были чудные моменты, когда внезапно стихало пьяное веселье и весь Четверг, как один человек, отдавался обаянию твоих произведений. Официанты, с блюдами соуса в руках, и те застывали в немом благоговении. Мы помним и не забудем, как из тонких уст твоих, сквозь загадочную улыбку, сыпались крупицы горькой, неприкрашенной прозы, которые сменялись кристаллами самой чистой поэзии. Мы глубоко понимали тебя и знали, что ты смотришь на свое литературное призвание не как на безмятежное песнопение, а как на

служение красоте и правде. И мы гордимся, что ты не отказывался черпать и у нас, в Одессе, в среде твоих Четверговых друзей, силы, чтобы нести высоко, над всей Россией, знамя чистого искусства. <...> Да здравствует наш славный Бунин.

Чтобы в чаду торжества ты не забыл о нас — чтобы ты из хладного Севера почаще приезжал к нам на Юг в теплые объятия друзей, приемлем смелость предложить тебе нетленный — ибо записанный на пергаменте наших сердец — диплом на звание почетного члена Одесских Четвергов.

В.Заузе, Б.Эгиз, Т.Дворников, А.Де-Рибас, П.Нилус, Ю.Бершадский, А.Рубец, Н.Скроцкий, А.Стилиануди, Е.Буковецкий, И.Мормоне, А.Богомолец, А.Васьковский, Н.Лепетич, Б.Заузе, П.Михайлов, А.Кальнинг, П.Порубаев, В.Лазурский, Л.Марков, В.Рейнбальд, А.Ценовский, В.Куровский, Р.Радбил, С.Лучинский, А.Федоров, Я.Борченко».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 131, л. 15.

В ОГЛМТ (ф. 14, № 5738 оф) хранится машинописная копия данного письма.

— юбиляру подносят большой его фотопортрет с дарственной надписью на обороте:

«Уважаемому писателю Ивану Алексеевичу. В.Чеховской, С.Крас<нрзб>, Е.Ребрик, В.Н<нрзб>, В.В.Гейз. Осень 1912 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3758 оф.

— поэт Саша Черный, вероятно, сам прочитывает Бунину свое приветственное стихотворение «Растроганный черный поэт...», в конце которого просит прислать портрет на память.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/18 оф.

См.: начало ноября 1912, первая запись.

— в конце торжественной церемонии Бунин говорит:

«Глубоко благодарю, не могу больше сказать ничего».

См. отчетную статью «Чествование И.А.Бунина» в газете «Волгарь» (31 окт. (№ 300). С. 4). Без подписи.

— в заключение гостям предлагается завтрак и шампанское.

В 11 часов вечера в Большом зале Литературно-художественного кружка начинается банкет в честь юбиляра; при входе в зал Бунину и В.Н.Муромцевой подносят цветы; председательствует на банкете А.И.Южин;

— выступают с приветственными речами С.А.Иванцов, Д.Н.Овсянико-Куликовский, А.Е.Грузинский, П.Н.Сакулин произносит «красивую речь, покрытую аплодиментами», заслуженный профессор Р.Ф.Брандт читает приветственное письмо академика Ф.Е.Корша, П.Н.Петровский, Н.М.Кишкин в своей речи приветствует юбиляра «как одного из лучших сынов великого народа», А.И.Южин приветствует юбиляра лично от себя и затем от имени Малого театра, Н.Д.Телешов, А.Р.Ледницкий, И.И.Попов, армянский поэт А.И.Цатуриан читает стихотворение на армянском языке в честь юбиляра, Е.А.Ляцкий, и многие другие. Речи длились до 3 ½ часов ночи. Полу-

чено более 300 телеграмм (в том числе из Египта, Западной Европы, Японии) и много приветственных писем.

На банкете также присутствуют: Ю.И.Айхенвальд, П.С.Коган, С.Д.Дрожжин, гр. А.Н.Толстой, М.П.Арцыбашев, Б.А.Лазаревский, В.Ф.Лебедев, А.И.Адашев, В.А.Капеллер, К.Н.Рыбаков, Е.В.Гельцер, О.Л.Книппер, А.А.Вербицкая, М.Н.Муромцева, С.А.Разумовский, М.П.Чехова, И.П.Чехов, Б.К.Зайцев, В.Н.Обнинский. Всего свыше 200 человек.

— в ответной речи Бунин касается замечаний, делавшихся ему критикой относительно его таланта, рассказывает о направлении своей творческой деятельности.

См. меню банкета: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 344, л. 6.

В газете «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (29 окт. (№ 23). С. 3) воспроизводится фотография с чествования писателя в Обществе любителей российской словесности, за столом сидят: Бунин, А.Грузинский, акад. А.Веселовский, кн. А.Сумбатов, П.Сакулин и другие; а также помещается отчетная заметка о чествовании Бунина 28 октября «На юбилее И.А.Бунина». Подпись: Сен-Бри.

В заметке, в частности, сообщается, что после выступления Цатуриана, приветствующего писателя на армянском языке, Бунин ответил: «Благодарю вас за мудрую речь Востока...». После чтения приветственных телеграмм Бунин выступил с длинной речью, в которой «он старается выяснить свое credo и ответить на нападки... Он отрицает свой пессимизм, говорит, что он всегда поклонялся и поклоняется солнцу. Отрицает свою антиобщественность и делает цитату из Флобера — почему-то всегда человека, обладающего хорошим стилем, обвиняют в антиобщественности... Растроганным голосом Бунин говорит о своей любви к народу, о том, что, несмотря на его происхождение из старинного рода — в чем его постоянно упрекают — он кровно связан с народом...

Речь производит большое впечатление искренностью...».

Газета «Русское слово» (30 окт. (№ 250). С. 6–7) в отчетной статье «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «28-го октября литературно-артистическая и художественная Москва праздновала 25-летний юбилей литературной деятельности И.А.Бунина. Юбиляра чествовали днем в “Лоскутной” гостинице, где временно живет И.А.Бунин, и вечером — в Литературно-художественном кружке на большом парадном банкете. *Депутации.* Чествование юбиляра на квартире состоялось во втором часу дня. К этому времени в гостинице собрались представители литературных и театральных организаций, московских просветительных обществ, литераторы, художники, артисты. Юбиляра встретили аплодисментами. Начались приветствия и чтение адресов. Первым был прочитан адрес от академии наук — от разряда изящной словесности <...>. Это приветствие было передано юбиляру А.Н.Веселовским и П.Д.Боборыкиным. Адрес был подписан целым рядом академиков <...>. Далее следовали адресы от имени Общества любителей российской словесности — А.Е.Грузинский и П.Н.Сакулин; от Общества драматических писателей — Вл.И.Немирович-Данченко и А.И.Южин-Сумбатов; от кружка “Среда” — Н.Д.Телешов, А.Е.Грузинский, А.А.Карзинкин, И.А.Белоусов, Б.К.Зайцев, Л.А.Хитрово; от молодых членов того же кружка — Д.Я.Голубев, Е.М.Курч, Бибиков и др.; от

Толстовского общества — Н.В.Давыдов, А.И.Южин, А.Е.Грузинский, В.С.Бородинский; от Общества имени Островского — Н.П.Кашин; от Общества периодической печати и литературы — Д.А.Жаринов, Д.Звонарский, Е.Курч; от Художественного театра — К.С.Станиславский и Вл.И.Немирович-Данченко; от Литературно-художественного кружка — Н.Д.Телешов, И.А.Белоусов; от кассы взаимопомощи литераторов — Н.Д.Телешов, И.А.Белоусов; от издательства писателей — С.Д.Разумовский, Д.Я.Голубев, А.А.Карзинкин; от Суриковского кружка — Н.Д.Телешов; от первого женского клуба — г-жа Маньковская и др. От большинства депутаций были кроме адресов и подарки. От старых членов кружка "Среда" юбиляру был поднесен в роскошной папке альбом с портретами всех членов кружка. От друзей и почитателей — красивая серебряная парусная яхта с надписью "Вера", от другого кружка почитателей — аккредитив на 20000 франков. От Художественного театра юбиляру был передан брильянтовый жетон с изображением эмблемы театра — чайки. От А.А.Карзинкина юбиляру был передан художественно сделанный слон на цветочном плато с изображением экзотического уголка из пальм, мимоз и орхидей. От г-жи Карзинкиной было прислано очень ценное старинное итальянское издание "Божественной комедии" Данте. От старой "Среды" юбиляру был поднесен портрет Пушкина, от молодой "Среды" — картина-акварель В.В.Переплетчикова. Целый ряд депутаций приветствовал юбиляра от различных журналов и газет: от "Вестника Европы" — Д.Н.Овсянико-Куликовский, от "Современника", "Вестника воспитания", "Сибирской жизни", от студенческой "Молодой жизни" и мн. др. Затем произнесли приветствия и передали адресы депутации от высших женских курсов, от курсов Лесгафта, от курсов драмы Адашева и др. Юбиляр был растроган всеми этими приветствиями и в ответ произнес только несколько слов благодарности. Вечером в Литературно-художественном кружке состоялся банкет. *Банкет.* Большой зал кружка был совершенно переполнен. Налицо обычная публика кружковских банкетов — артисты, многие литераторы, представители различных ученых и просветительских обществ. Появление юбиляра было встречено по традиции исполнением туша. Еще до начала речей председатель банкета А.И.Южин доложил о полученной телеграмме от Д.Н.Мамина-Сибиряка. Все присутствовавшие поднялись со своих мест. <...> Телеграмма была покрыта аплодисментами и тотчас же было решено послать от имени участников банкета телеграмму больному писателю с пожеланием скорейшего выздоровления. Первое слово было предоставлено С.П.Ивановскому, приветствовавшему юбиляра от имени Литературно-художественного кружка. Затем говорили речи: Д.Н.Овсянико-Куликовский, А.Е.Грузинский, П.Н.Сакулин, заслуженный профессор Р.Ф.Брандт, П.Н.Петровский, Н.М.Кишкин, А.И.Южин, приветствовавший юбиляра лично и затем от имени Малого театра, Н.Д.Телешов и мн. др. Юбиляр получил свыше 300 телеграмм и массу приветственных писем. Среди прочитанных телеграмм и писем большой успех имело у публики письмо от М.Горького с острова Капри. Собравшиеся тотчас же решили послать писателю ответную телеграмму. Из полученных юбиляром телеграмм отметим: от "кружка русских" с острова Капри, между прочим, с подписями М.Горького и М.Ф.Андреевой, от Общества взаимопомощи учивших и учащихся Самарской губ., от Самарской городской публичной библиотеки, от Общества истории литературы, от артистов Малого

театра, от неофилологического общества Петербургского университета, от московского общества народных университетов, от Литературного фонда, от Л.Андреева <...>. От Евг. Чирикова из Софии, от В.Васнецова, от Ф.Сологуба, от Ф.Шаляпина, Ю.Веселовского, С.Елпатьевского, С.Найденова, В.Брюсова, С.Рахманинова, В.Короленко, Евт. Карпова, А.Блока, А.Ремизова, А.Будищева, В.Рыжкова, Фидлера, Д.Тихомирова, Г.Чулкова, А.Измайлова, В.Ходотова, художника Костанди, художника Первухина, проф. Безобразова, от Екатеринославского общества любителей художеств, от "Товарищества южно-русских художников", проф. С.И.Ростовцева, от Общества изящных искусств, от Литературно-художественного кружка, московской молодежи, от Общества поощрения образования, от Д.В.Философова, В.Муйжеля и мн. др. Банкет прошел очень оживленно и закончился поздно ночью».

Московская газета «Раннее утро» (30 окт. (№ 250). С. 5) в отчетной статье «Юбилей И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «В воскресенье И.А.Бунин торжественно справлял свой литературный юбилей. П.Н.Сакулин охарактеризовал различные моменты "перевалов" в деятельности И.Бунина, обозначающих пути его творческих исканий.

Армянский поэт А.Цатуриан произнес приветствие на русском и армянском языках от имени армянской литературы, что вызвало ответ И.А.Бунина, благодарившего за звуки древней речи древнего Востока, поклонником которого он является.

Проф. Р.Ф.Брандт объяснил в своем приветствии значение слова "банкет" (скамейка), прочитал переводное стихотворение с греческого "Изгнание поэтов" и доложил приветственное письмо от акад. Ф.Е.Корша на латинском языке». С приветствиями выступили А.Р.Ледницкий, А.Е.Грузинский, В.А.Капеллер, И.И.Попов, Д.А.Жаринов и многие другие. «З.П.Тулуб и народный поэт Щуренков прочитали юбилейное стихотворение. Развеселил гостей оригинальным приветствием от "некультурных славян" В.Ф.Лебедев».

См. также отчеты в газетах: «Московская газета» (29 окт. (№ 218). С. 4), «Орловский вестник» (31 окт. (№ 265). С. 2), «Речь» (29 окт. (№ 297). С. 1; 30 окт. (№ 298). С. 3), «Руль» (29 окт. (№ 376). С. 3), «Русские ведомости» (30 окт. (№ 250). С. 4); «Столичная молва» (29 окт. (№ 272). С. 3), «Трудовая копейка» (30 окт. (№ 100/257. С. 2), «Утро России» (30 окт. (№ 250). С. 5); в журнале «Исторический вестник» (№ 12. С. 1296–1298).

См. также: 18 октября 1912, первая и вторая записи; 31 октября 1912, шестая запись.

Приветственные телеграммы Бунину посылают:

— Ю.И.Айхенвальд:

«Давнишний и глубокий почитатель Вашего поэтического дара я прошу Вас принять сегодня и мои душевные поздравления».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 7.

— Л.Н.Андреев:

«Люблю и высоко ценю твой талант и с радостью присоединяюсь к приветствиям, в которых всё русское общество и литература знаменует сегодняшний твой день. Работай на славу. Как твой земляк, орловец, радуюсь за нашу Орловскую губернию и от лица ее лесов и полей, тобою любимых, крепко целую тебя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 969 оф.

— П.В.Безобразов:

«Обширному хору приветствующих Ваш сильный все развивающийся талант присоединяю свой слабый голос».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— А.А.Блок и А.М.Ремизов:

«Сердечно поздравляем Ивана Алексеевича Бунина».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— Брунсы из Москвы:

«В день двадцатипятилетия вашего писательства приносим вам наши искренние поздравления и пожелания здоровья для дальнейшего служения русской литературе которую вы уже давно украсили вашим именем».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 14.

— В.Я.Брюсов:

«Глубоко сожалея о невозможности присутствовать лично на банкете от души приветствую Вас в день Вашего юбилея составляющего истинный праздник русской литературы и приношу свою давнюю благодарность Вам как одному из прекраснейших поэтов современности безупречные стихи которого доставляли мне так часто минуты светлой и высокой радости».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— А.Н.Будищев:

«Приветствую юного но славного юбиляра честь и слава ему здоровья и всех благополучий».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— Е.И.Буковецкий:

«Поздравляю крепко обнимаю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— В.М.Васнецов:

«От души поздравляю Вас с праздником Вашего юбилея дай Вам Бог здоровья и сил долго и долго радовать и утешать нас Вашими стихами и рассказами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 3.

— Л.И.Гальберштадт:

«Не знаю за какие грехи наказывает меня судьба уложив в инфлюэнце именно сегодня когда вам выражают свою дружескую любовь и нелицеприятную благодарность за прекрасный труд не в парадной обстановке заседаний и банкетов, а в тесном кругу единомышленной литературной семьи. Не знаю какими словами выразить вам то что хотелось бы вам сегодня сказать, поэтому избираю благую часть присоединяю мой голос ко всем предыдущим и последующим ораторам мои приветствия тем кто не отделим от вашего сегодняшнего торжества Вере Николаевне и Юлию Алексеевичу».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 30.

— М.О.Гершензон:

«Шлю Вам искреннейший привет <...> давно люблю Вашу поэзию и рад теперь ее общему признанию Вашим праздником Русское общество сно-

ва доказало по Вашему же слову что оно иного ищет что блуждая все мы жаждем преклониться пред любовью».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 6.

— Б.С.Глаголин:

«Пусть юбилей воодушевит Вас напишите пьесу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 8.

— Н.Гнетнев (сельский врач):

«Из глубокой Сибири шлю поздравление и пожелания долгих лет благотворной деятельности дорогому товарищу детства по Елецкой гимназии».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 7.

— А.С.Изгоев:

«Ясному тихому таланту шлю свой сердечный привет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— А.А.Измайлов:

«Тысячу лет здравствовать с нестареющей музой».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 6.

— Е.П.Карпов (председатель Совета Петербургского общества имени Островского):

«сердечно приветствует юбиляра шлет поздравления <...> желает вдохновенному поэту сил и успеха во славу родной литературы».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 1.

— Е.П.Карпов:

«Привет и поздравление вдохновенному певцу глубоких душевных настроений и поэту бытописателю обездоленной русской деревни».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— В.Г.Короленко:

«Шлю привет и пожелания».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— К.К.Костанди из Одессы:

«Поздравляю дорогого юбиляра сердечно желаю дальнейшего служения искусству».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 3.

— М.М.Коцюбинский и Н.Д.Леонтович:

«Сверх всего чем полны сердца чествующих Вас мы как украинцы приветствуем Вас и за наше родное что Вы временный гость Украины столь чутко уловили и столь прекрасно воссоздали».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 7.

— С.А.Кречетов (редактор «Грифа»):

«Опечален невозможностью лично приветствовать юбиляра да здравствует его высокое художество прямое искреннее честное строгое подлинно национальное его стихия есть вечная стихия славянства его корни питаются от сокровенных родников души народной да цветет долгие годы».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 3.

— А.И.Куприн из Гельсингфорса:

«Только сегодня получил извещение твоем юбилее обнимаю дорогого друга кланяюсь чудесному художнику».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 1.

— М.А.Ласкаржевская из Орла:

«Поздравляю шлю, дорогой Ванечка, самые горячие приветствия обнимаю целую со всей нежностью нашей дружбы в юности дай тебе Бог всего лучшего мире, Ося <И.А.Ласкаржевский> шлет сердечный привет он болен Женя Коля <Е.И. и Н.И.Ласкаржевские> крепко целуют».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 22.

— Г.А.Лукин из Вологды:

«Сердечно приветствую дорогого юбиляра двадцать пять лет тому назад моего юного друга помню ваши восторги от первого в печати вашего стихотворения помню радости горе душевные движения все помню хорошо было живите на радость друзей и славу русской литературы».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 23.

— Д.Н.Мамин-Сибиряк из Петербурга:

«Мамин-Сибиряк приветствует милейшего Ивана Алексеевича с горячими пожеланиями счастья и дальнейших успехов на литературном поприще».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— С.С.Мамонтов:

«Приветствую сожалею не могу быть серьезно болен».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— А.П.Мертваго:

«Горюю что по нездоровью лишен возможности присутствовать на праздновании Вашей серебряной свадьбы с Русской литературой сердечно обнимаю и желаю чтобы Ваш многогранный талант сохранил свежесть и энергию ко времени Вашей золотой свадьбы».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 7.

— В.С.Миролюбов, В.М.Чернов:

«...шлем от редакции “Заветов” сердечные пожелания, чтобы долгие годы в первом ряду работников русского художественного слова шел хранитель его высокого значения то есть Иван Алексеевич Бунин».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 7.

— И.М.Москвин:

«Того кто правдив глубок и прост нельзя не любить и я Вас очень люблю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— В.В.Муйжель:

«Приветствую двадцатипятилетие проникновенного художника и искреннего поэта способствовавшего возвеличению родной литературы талантом чутким глубоким и мощным».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 4.

— С.А.Найденов:

«Дорогой Иван Алексеевич глубоко сожалею что я не в Москве не могу обнять Вас и пожать крепко руку сказать что не переставая любить Вас как

поэта и человека я в последние годы все больше начинаю уважать Вас как писателя смотрящего на мир своими глазами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 5.

— Н.К.Пиксанов (руководитель кружка новейшей русской литературы высших женских Бестужевских курсов):

«Отпраздновав Ваш юбилей вновь воссоздав в памяти прекрасные образы Вашей поэзии кружок <...> шлет Вам дорогой поэт свою благодарность и пожелание долгих лет радостного творчества».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 1.

— Н.А.Пушешников из Глотово:

«Поздравляю желаю от души много лет славной и плодотворной деятельности».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3259/3 оф.

— С.Н.Пушешникова из Орла:

«Поздравляем желаем от души много лет славной и плодотворной деятельности».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3259/2 оф.

— С.В.Рахманинов:

«Примите душевный привет от печального суходольного музыканта».

ОГЛМТ, ф. 14, № 969 оф.

— С.М.Ростовцева:

«Искренний привет <...> нежному певцу Востока провидцу больной русской души художнику русского слова».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 8.

— В.Ф.Саводник:

«<...> не имея возможности лично принять участие в чествовании Вашего юбилея чувствую однако душевную потребность приветить Вас как истинного поэта Божией милостью и выразить Вам свою любовь и уважение как верному хранителю священных пушкинских традиций в Русской поэзии».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 8.

— А.Смирнов (редактор журнала «Жатва»):

шлет поздравления «радуется правде и красоте Вашего творчества».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— М.А.Стахович:

«Присоединяюсь к празднующим шлю поздравления и сердечные благожелания как читатель поклонник земляк и сосед».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— И.Д.Сытин:

«Приветствую Вас милый вдохновитель чарующий талант глубокочтимый Иван Алексеевич с двадцатипятилетием Вашей литературной работы на благо русского просвещения».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 3.

— Д.И.Тихомиров:

«Почет и слава мастеру художнику слова посвящавшему свой талант и детской литературе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2.

— Н.Н.Ходотов:

«...вместе с другими благодарно радостно любуюсь твоим литературным посевом слова разумного доброго вечного».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 4.

— Н.Ф.Цвиленев из Курска:

«По поручению земляков ельчан приветствую вас как писателя получившего художественное настроение среди родной деревни и полей это зерно вы воспитали и вырастили в красивый букет изящных своих произведений. Приветствуем вас и как редкий пример человека без казенного образовательного ценза своим трудом в совершенствовании достигшего видного положения в области литературной деятельности приветствуем в этот день желаем дорогому юбиляру многая лета работать на этом пути».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 27.

— А.Чайковский из Москвы:

«Я ждал случая поблагодарить вас за ваши дружеские советы за то что вы мне помогли вернуть утраченную мною тогда работою пишу и все что выходит из-под робкого пера согрето мыслью о вас воспоминаниями о ваших дружеских советах и указаниях тогда искренно от всей души шлю вам пожелания здоровья бодрости сил и радости сознания что юные силы идут по вашему пути».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 28.

— Е.Н.Чириков из Софии:

«От души поздравляю милого товарища».

ОГЛМТ, ф. 14, № 969 оф, л. 7.

— Ф.И.Шаляпин:

«Дорогой друг Иван Алексеевич прими мое сердечное поздравление с торжественным празднованием твоей славной деятельности шлю тебе пожелания здоровья и счастья на многие годы и крепко тебя люблю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 3.

— В.Н.Штурм из Москвы:

«Приветствую вас до этого двадцатипятилетия своей литературной деятельности уже успевшего стяжать бессмертие народного русского бытописателя официально академика заслужившего славу не проторенной дорогой и долголетием, а силою слова неизменной правдой своих произведений без предвзятых окрасок слава ваша близка всякому кто ищет и умеет ценить действительную правду и самостоятельность слава Ивану Алексеевичу Бунину слава».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 29.

— С.В.Яблоновский:

«Больше недели я болен и больше недели неотлучно находится у моей постели Бунин утром днем и в бессонные часы ночи рассказывает он мне

все наблюденное им с девяносто второго года до последнего времени от Перевала до Игната жадно воспринимаю многое уже не в первый раз и рад взволнованно рад что у России есть в настоящее время такой крупный такой исключительный такой нужный писатель».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 6.

— коллективная телеграмма от редакции журнала «Вестник Европы»:

приветствует с юбилейным днем «совпавшим с расцветом Вашего прекрасного дарования». Арсеньев Овсянико-Куликовский Ковалевский (всего 9 подписей).

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 1.

— от редакции журнала «Рампа и жизнь»:

«Горячо приветствуем чудесного поэта преисполнены гордой радости что в день юбилея Ваш чеканный стих засверкал на страницах нашего журнала».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 14.

— от редакции журнала «Современный мир»:

«Ивану Алексеевичу Бунину в день двадцатипятилетнего юбилея его литературной деятельности совпавший с двадцатилетней годовщиной его ценного сотрудничества в нашем журнале шлем горячий привет да здравствует на многие годы этот чародей слова в стремлении к единой и вечной красоте ищущий примирения своей тоски по человеку с радостным чувством природы».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 12.

— коллективная телеграмма от общего собрания Всероссийского литературного общества:

«приветствует талантливого поэта <...> высоко ценя прекрасные качества изящной поэзии и умелого повествования даровитого автора желаем ему растить в ширь и вглубь свои таланты и еще обогатить русскую литературу многими ценными произведениями». М.Александров Ф.Батюшков Т.Богданович (всего 34 подписи).

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 1.

— коллективная телеграмма из Полтавы:

«Ваши старые полтавские знакомые шлют горячий привет поздравления <...> сердечные пожелания на много лет сохранить на пользу русской литературы Ваши богатые духовные силы». Селитренниковы Орловы Лазарев Ротмистров Падалка Оберталер Имшенецкий.

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 9.

— коллективная телеграмма от студентов:

«Студенты филологи приветствуют прекрасного поэта вещего певца природы воссоздавшего в хрустальных мелодиях грустную удаль русской песни».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 10.

— коллективная телеграмма от Литературно-художественного кружка московской молодежи:

«<...> шлет свой горячий привет и поздравления юбиляру чьи стихи всегда зажигали нас любовью к поэзии в венок которой он навеки вплел бес-

смертные цветы своего неувядаемого таланта наше желание долгие годы слышать Вашу лиру пусть она нам молодым будет путеводным огнем в царство красоты и поэзии».

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 14.

— также прислали приветственные телеграммы: Брянские, Викены, Г. и А.Волковы, С. и Н.Зноско-Боровские, А.Николаев, Ф.Ф.Фидлер, Н.Цветаев;

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 13, 15–19, 24–26.

В.Идельсон, И.И.Мальская-Найденова, Л.О.Пастернак, Шестаков, М.К. и Н.И.Иорданские, Н.М.Тесленко, С.Н.Василенко и С.К.Шамбинаго, Л.С.Баткис, Г.И.Чулков, И.А.Гриневская, Т.Л.Щепкина-Куперник, А.М., Л., В.А.Федоровы, А.С.Черемнов и М.П.Миловидова, А.С.Серафимович и О.Дымов, Н.Ф.Олигер, Е.В.Аничков и И.Странник, К.К.Первухин, В.Н.Рышков, К.Лукашевич, С.Я.Елпатьевский, Д.Я.Айзман, А.Н.Чеботаревская и Ф.К.Сологуб, И.Джонсон, В.В. и Н.А.Котляревские, Д.Л.Тальников, Ю.А.Веселовский, А.А.Коринфский и В.П.Лебедев, П.П.Кудрявцев (профессор духовной академии), Н.Г.Кулябко-Корецкий и Е.В.Святловский, П.Г.Курлов, С.В.Курнин, Скворцов и Младов, В.А.Александров, М.Л.Леонов, О.А.Израэльсон-Волжанин, Ребинины, С.П.Балабуха, Н.Архипов, Муринов, Н.В.Дризен, Н.А.Карев, Н.А.Сентянина, Н.А.Скворцов, А.К.Энгельмейер, П.Т.Герцо-Виноградский, В.Н.Муромцев, Д.В.Философов, И.Александровский (председатель Одесского литературно-артистического клуба), редакция журнала «Русское богатство», С.А.Венгеров от имени Литературного фонда, В.Д.Шервинский и Б.М.Сыромятников от имени Московского общества народных университетов, Ф.А.Браун (профессор, председатель Неофилологического общества при Петербургском университете), редакция газеты «Северное утро», редакция журнала «Бюллетени литературы и жизни», редакция газеты «Речь», редакция газеты «День», «Московское книгоиздательство», кинематографическое акционерное общество А.А.Ханжонков и К°, «Московская газета», Е.П.Карпов от имени центрального правления кассы взаимопомощи литераторов и ученых, комиссия публичной библиотеки Ново-Николаевского общества приказчиков, Левентон от имени редакции газеты «Сибирь», сотрудники газеты «Обская жизнь», редакция журнала «Студенческое дело», И.М.Хейфец от имени редакции газеты «Одесские новости», слушательницы Московских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учителей, А.Н.Толстой и Г.И.Чулков от имени редакции нового журнала «Новая мысль», Одесское отделение кассы литераторов и ученых, В.И.Костылев, комитет и члены Общества воспитательниц и учительниц, слушательницы курсов Лесгафта, К.К.Греве (директор Елецкой мужской гимназии), Подбельский (председатель правления Самарского общества поощрения образования), М.В.Брайкевич от имени Одесского общества изящных

искусств, редакция газеты «Нижегородский листок», Одесское библиографическое общество при Императорском Новороссийском университете, редакция газеты «Русские ведомости», Издательское товарищество писателей, Екатеринодарское общество любителей изящных искусств, редакция газеты «Утро», издательство «Шиповник», редакция газеты «Орловский вестник», редакция газеты «Руль», редакция журнала «Живое слово», И.М.Розенфельд от имени редакций «Новой жизни» и «Нового журнала для всех», редакция журнала «Весь мир», редакция газеты «Приазовский край», редакция газеты «Киевская мысль», артисты Императорской Московской оперы, редакция газеты «Русское слово», Товарищество «Знание», артисты Императорского московского Малого театра, Общество истории литературы, правление Елецкого землячества студентов Московского университета, Ушаков (председатель Самарской городской публичной библиотеки), Смирнов (председатель Самарской городской училищной комиссии), правление общества взаимопомощи учивших и учащихся Самарской губернии.

ОГЛМТ, ф. 14, № 968 оф, л. 2–17.

Читатель В.П.Ветвицкий пишет Бунину из Сухум-Кале:

«Я, к сожалению, не знаком с Вами, но как поэта и беллетриста, настроения которого всегда были близки мне, — знаю и люблю Вас давно.

Недуг держит меня на юге. Поэтому в день Вашего юбилея — я могу лишь “на бумаге” пожать Вашу руку и пожелать Вам еще многих лет светлых вдохновений, радости и красоты, и — сердечно поздравить Вас».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 20.

Другой экземпляр данного письма — ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/23 оф. На полях помета Бунина: «К 28 октября 1912 г.».

А.А.Карзинкин пишет Бунину:

«Сердечно поздравляю Вас и благодарю. Благодарю за все. За изящество Вашего духа, за правдивое освещение жизни, за вдумчивое отношение к человеческой душе, за Ваш тонкий сверкающий юмор, за удивительный дар проникновенно чувствовать и передавать красоту земли и неба, за пленительную ясность формы и за певучую звучность Вашего стиха! Много хороших часов провел я, читая и перечитывая Вас, милый Иван Алексеевич! Дай Вам Бог здоровья и пусть Ваш прекрасный талант еще долго трогает сердца людей, наполняя их души радостью, той светлой радостью, которая дается лишь приобщением к Красоте!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 21.

Сельский учитель И.Кишковский пишет Бунину из Киевской губернии, обращаясь за материальной помощью.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3055 оф.

Одесские друзья и знакомые писателя — А.М.Де-Рибас, П.А.Нилус, А.В.Васьковский, В.Х.Заузе, А.Стилиануди, В.П.Куровский, Е.И.Буковецкий, Б.И.Эгиз, Т.Я.Дворников, А.А.Ценовский посылают Бунину приветственное письмо:

«Мы, как всегда, сегодня у Евгения <Буковецкого> за круглым столом. <...>

И вот мы радуемся твоему празднику, поздравляем тебя. Все мы любим тебя и жалеем, что нет сегодня нас с тобой, или тебя с нами. И хотим скорее видеть тебя, опять за нашим воскресным столом. <...>

Необходимые добавления:

1) За обедом первая рюмка опрокидывалась со словами: “за здоровье Бунина!”

2) Подано было для чествования отменно хорошее вино.

3) Каждый присутствовавший должен был прочесть по стихотворению Бунина <...> читали все.

После обеда отправились в Литературный клуб, где предполагалось открытие нового помещения чествованием Бунина — экспромтом. Но дверь оказалась закрытой <...>, так что праздник не удался».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 344, л. 3–4.

В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 44) печатаются произведение Бунина и материалы о нем:

— на обложке воспроизводится фотопортрет Бунина. (К 25-летию литературной деятельности);

— стихотворение «Завеса» («Так говорит Господь: “Когда, Мой раб любимый...”») (с. 5);

— статья Ю.В.Соболева «Любовь, смерть и вечность в творчестве Бунина» (с. 3–5).

Критик отмечает: «...воспринимает поэт мир лишь через призму лирических ощущений. И когда для него “ревет ли зверь в лесу глухом”, “поет ли дева за холмом”, тогда тесными нитями связана его творящая душа с этой далекой, неведомой девой, отголоски песни которой, волнующей и сладкой, будет он вечно носить в себе, отзываясь на песню, слезы и музыку тихой и грустной любовной мелодии. И как бы горько и безнадежно ни твердил ему рассудок, какие бы доводы ни приводило сознание, как бы ни ясна была иллюзорность той “радости, которой в мире нет”, все же откликнется он на эту песнь далекой девы и утвердит не умом, а сердцем, тем лирическим мироощущением, зачарованную силу которого познал он, утвердит великую правду о любви, о той радости, которая есть в мире!» Упомянув и процитировав стихотворения «Веснянка», «В поздний час мы были с нею в поле...», рассказы «Осенью», «Новый год», «В Париже» <«Поздней ночью»>, автор статьи продолжает: «Несколько особое место среди этих рассказов о тихой и грустной любви, занимает рассказ “Игнат”, в котором дано Буниным необыкновенно яркое изображение страсти, — буйной силы, земной, воплощенной в такие жестокие формы, — любви... В этой повести о муках парня, влюбленного в наглую, холодную, развратную девку, выступает как-то особенно рельефно писательский темперамент Бунина, который умеет так просто, по-видимому покойно, так целомудренно строго говорить о самых темных сторонах человеческой души, похотливой и взволнованной инстинктом... <...>

Говорит Бунин и о любви, не нашедшей отклика, об обманчивом призраке счастья. В “Суходоле” дана потрясающая картина такой неразделенной любви... <...>

В мыслях о вечности, в глубоком сознании бессмертия — находит утешение поэт...» Пересказав и процитировав рассказ «На хуторе», критик отмечает: «И так, тесно переплетаясь, любовь и смерть дают поэту не горечь разочарования, а глубокий и ясный мир, сливаясь в нечто единое и вечное...». Процитировав стихотворение «Ночь» («Ищу я в этом мире сочетанья...»), автор статьи подчеркивает: «Здесь эта глубокая, возвышенная мысль о бессмертии любви выражена ярко и полно. Ведь вот этой вспыхнувшей любовью к той, что пришла с ним к тихому прибою — свяжет поэт свое *я* с тенями всех отживших, всех, кто когда-то, в веках, также приходил сюда на берег, влекомый любовью и нежностью... <...>

Не страшит его смерть... Возьмет земля, которая всегда права, лишь прах... Любовь, красота, земля, цветущее царство природы — вот в чем вечное успокоение, вечное примирение с жизнью. <...>

И Бунин, этот истинный поэт, глубокий и чуткий, уловивший бессмертную красоту жизни, утверждающий радость бытия и славящий любовь, поэт родной природы, раскрытой перед ним во всем богатстве ее красок, во всем разнообразии ее оттенков, во всей задумчивой прелести осени и жарком томлении знойного лета, поэт, неустанно говорящий о жажде впечатлений, зачарованный морем, — но влюбленный в русскую бедную равнину, с которой кровными связан он узами, Бунин мог бы над всем своим творчеством поставить слова той надписи на древней чаше, о которой сказал он в одном из самых своих глубоких стихотворений <“Надпись на чаше”>. <...>

“Вечно лишь море, безбрежное море и небо, вечно лишь солнце, земля и ее красота, вечно лишь то, что связует незримою связью душу и сердце живых с темной душою могил!..”

Так утверждает Бунин вечную жизнь духа, вечную любовь, которая в земных ее проявлениях есть для поэта радость неземная».

— интервью «У И.А.Бунина». Подпись: Ю.С. <Ю.В.Соболев> (с. 5).

В беседе с корреспондентом журнала речь идет о театре:

«— Ведь театр не отразился в вашем творчестве... Отчего? Вы не любите театр?

— Проще сказать, я отвык от театра, — отвечает Иван Алексеевич. — И это правда, что в своем писательстве я прошел мимо него. Ведь я редко заезжаю в Москву, редко хожу в театр. Бывали, конечно, минуты больших сценических впечатлений. Многое волновало, многое оставляло известное впечатление. Но беда в том, что я, — как бы вам сказать? — беда в том, что я знаю “закулисы” театра. Я вижу и замечаю всякую фальшь, всякую неестественность, всю эту театральную условность, которая часто коробит меня. Вот, как в опере: хорошо слушать большого артиста... с закрытыми глазами.

— Но отчего это предубеждение?.. Вы, как чеховский Треплев, против пьес, в которых говорится, как “люди носят свои пиджаки”?..

— Нет, не потому. Я думаю, что и с “пиджаками” можно написать глубокую вещь, если, конечно, не останавливаться на мелочах и частностях, а брать лишь важное и основное в человеческой психике и жизни. И потом еще: я не люблю и не понимаю таких слов как “новая форма”, “соборное действо”, “хоровод” и

прочее... И эта погоня за “стилизацией” меня часто возмущает и не только в театре (я видел, напр., стилизованный античный театр Рейнгардта и это зрелище казалось мне грубым), но и вообще в искусстве. Стилизация в ее благородном смысле, конечно, законна, да и естественна во всяком подлинном произведении художества. Не стилизована ли разве “Саламбо” Флобера?.. А вся эта подделка под античность — она свидетельствует лишь о дряблости чувств моих современников; она говорит о том, что мы перестали чувствовать настоящую любовь и настоящую страсть; разучились ценить радость жизни, правда, короткой, но полной впечатлениями. Но, разумеется, для этого надо не сидеть на одном месте, а путешествовать, видеть новые страны, жить на море. <...>

Да... Часто мне хотелось написать что-нибудь для сцены. Влекла меня и самая форма. Ведь в драме, в ее стремительном, сильном, сжатом диалоге — так многое можно сказать в немногих словах. Тут приходится как бы концентрировать мысль, сжимать ее в точные формы. А это ведь так увлекательно. Вот и сонет, поэтому, излюбленная моя форма. А как хорошо было бы написать трагедию...

— Вы любите этот род?

— Очень. Тут такой простор для широчайших обобщений, тут так много влекущего. Ведь тут можно дать картину мощных страстей; люди, история, философия, религия — все может быть взято в такой яркой форме... Сколько заманчивого, напр., в мысли о трагедии из жизни Будды. Только вот одно останавливает: условности сцены, с которыми надо постоянно считаться...»

Разговор переходит на литературу, писателей: «С упоением цитирует Иван Алексеевич Толстого.

— Вы вспомните, как у него все просто, сильно и глубоко. А ведь он не боялся мелочей, которые могли бы показаться оскорбительными. <...> Да, надо быть широким и смелым в творчестве».

— воспроизводятся фотографии: «И.А.Бунин 25 лет назад» (с. 4), «И.А.Бунин на острове Цейлоне» (с. 5), шарж И.Малютина «И.А.Бунин» (с. 6).

В московской газете «Русское слово» (№ 249) публикуются стихотворение Бунина и материалы о нем:

— стихотворение «Мать» («На пути из Назарета...») (с. 3);

— статья А.А.Измайлова «Юбилей И.А.Бунина (1887–1912)» (с. 3).

Критик пишет: «Ранняя осень, ранние сумерки — вот слово, определяющее весь характер поэзии и отчасти прозы Бунина. <...> У него ночная душа, лепестки которой раскрываются лишь тогда, когда к нему подходят тьма и одиночество. <...> Тургенев и Чехов – вот кто могли быть поручителями за Бунина перед академией наук при выборах. Он — их верный ученик, можно бы сказать больше: родственник. <...> Грусть Бунина совершенно чужда раздражения, озлобления, отчаяния. Душа его все приемлет, как должное, все прощает, со всем примиряется. <...> В таких тонах примирения с землей пели Тютчев, Случевский. <...> Бунин — прямое противоположение Фету. <...> Бунина наоборот умиляют унылая

пора листопада, умирание, запустение. <...> Ранняя печаль лежит и на прозе Бунина. Здесь Бунин — чистый индивидуалист. Личное настроение для него выше и важнее всего. <...> Того, что называется фабулой, нет в этих рассказах. <...> Первые рассказы его, в сущности, те же стихотворения. <...> Мужики Бунина, в сущности, недалеко ушли от чеховских. <...> Юбилей застает талант Бунина в полном цветении».

— статья С.В.Яблоновского «Подарок» (с. 3).

Журналист пишет: «Я даже не помню, было ли это с кем-нибудь из наших писателей, чтобы пять дней подряд чествовали его юбилей, как сейчас происходит с Иваном Алексеевичем Буниным.

Точно деревенская свадьба, на которой целую неделю пируют! <...>

Но я ужасно рад, что вдруг все поднялись, и все начали его наперебой чествовать: рад потому, что мы этим хотя несколько искупаем свою близорукость: ведь, собственно-то говоря, мы Бунина проглядели, и он нам теперь вовсе не юбиляр, с которым вот-вот попрощаться придется (как на большинстве юбилеев), а скорее только что обретенный нами человек, точно неожиданно сделанный нам подарок.

Вспомните: когда мы попрощались с Чеховым, и стали известны слова его, что наибольшим человеком в молодой литературе он считает Бунина, — все приятно изумились:

Да неужели?

Литературным критикам было вовсе не неловко писать, что они Бунина совсем не знают, но радуются, если у русской литературы, действительно имеется такая светлая надежда. А ведь было это совсем недавно. Бунин был "пожалован" в почетные академики, этому опять-таки приятно изумились:

Да неужели?

<...> И почти накануне четвертьвекового юбилея стоял он перед русским обществом фигурой, еще недостаточно определившейся.

Но уже в это последнее время все-таки расчухали, что стоит, действительно, что-то очень большое и значительное, и только теперь, во время юбилея и после него, когда к И.А. обратились внимательные взоры, — только отсюда пойдет то его признание, которого по праву и давно уже он заслуживает.

А произошло это очень естественно.

Дело в том, что он говорил без выкриков, с тем спокойствием, с тою ровностью, с которыми говорит человек, зная, что ему придется говорить много и долго, а вокруг него не говорили, а выкрикивали истошным голосом люди, весь смысл и все значение которых заключалось в моменте, и в этом моменте они должны были сконцентрировать всю свою яркость.

Бунин горел ровным, немигающим светом в то время, когда вокруг сверкали и крутились, и шипели, и стреляли мельничные колеса, ракеты, римские свечи. На ровный, белый огонь мало обращали внимания, а когда фейерверки прогорели, и остались от них копоть, обгорелый картон и пороховой чад, то увидели, что бунинский огонь — огонь прочный, настоящий и нужный. <...>

Обратившись теперь к Бунину, мы увидели, что он совсем по-настоящему крупный писатель, и увидели, что не расторгнута в русской литературе связь с прошлым

и не повторено прошлое, а пошло оно через Бунина так же естественно, как идут из мощного ствола новые, молодые, сильные и здоровые ветки.

Бунин — весь от истинной русской литературы, — литературы Гоголя, Тургенева, Толстого, — и нет в нем ничего позаимствованного, весь он свой, твердый, спокойный и смелый, как всякий большой талант.

<...> Бунин незаметно, просто и естественно выковал свой собственный язык, совершенно исключительный и так мало еще оцененный.

Сейчас, на юбилейных вечерах, говорили об этом писателе как о живописце. Действительно, верность глаза и зрительная память Бунина совершенно исключительны: самыми простыми, настоящими народными словами он дает такой точный, такой строгий, такой детальный рисунок, какого не знала до него русская литература. Но в этом таланте поражает не только глаз. Смешно и странно сказать: "бунинское обоняние", но вы попробуйте перечитывать его, обращая внимание именно на эту сторону, и вы поразитесь: там, где для нас пахнет приятно или неприятно, там, где мы не слышим никакого запаха, — там Бунин чувствует и различает десятки запахов, легко выделяет каждый из них и этим способом необыкновенно дополняет зрительную картину. И таков же "бунинский слух", разбирающийся в сотнях звуков и шорохов.

Эти, казалось бы, внешние особенности и создают крупного художника.

Верно видеть, верно слышать и иметь точный фиксирующий эти впечатления аппарат, — в этом и заключается тайна художественного творчества. Такой художник дает ту наивысшую правду, мимо которой не художники проходят мимо.

У такого художника является обыкновенно и та высшая художественная честность, которая не позволяет ни на волос покривить духом, которая позволяет смотреться в творческое создание точно так же, как в творчество самой природы.

Ну, а внутреннее содержание этого большого таланта?

Оно тоже чрезвычайно крупно, но об этом говорит целый ряд моих сотоварищей по перу. <...>

А вина перед автором... Я убежден, что мы ее загладим: он — прочный талант, он даст еще много, и мы долго-долго будем еще радоваться его творчеству, поняв, наконец, с какою величиной мы имеем дело».

В газете «Варшавский дневник» (№ 300. С. 3) помещается статья Ю.Писаревой «К юбилею И.А.Бунина».

Критик пишет: «Сегодня в Москве литературная семья празднует 25-летний юбилей литературной деятельности писателя-академика Ивана Алексеевича Бунина.

Чрезвычайно нежное, симпатичное дарование Бунина особенно явственно проявилось за эти годы в его поэзии. Бунин в полном смысле слова поэт, богатство лирики которого вне всякого сомнения, несмотря на то, что оно скромно таится между строк его стихотворений описательного характера. Лирика Бунина покоится во внешних, реальных чертах видимого, в самой сущности вещей, о которых говорит нам автор, и ею проникнуто каждое творение поэта <...>.

Богатство впечатлений, почерпнутых из целого ряда интересных путешествий по белу свету, дало Бунину материал для создания множества художественных, тончайшей творческой работы этюдов-картин, проникнутых нежным, поэтическим

настроением. Оттого реализм его стихотворений является только их украшением, ничуть не понижая художественной ценности целого.

Проза Бунина отличается тою же характерной чертой его творчества — лирикой. Как в каждом стихотворении Бунина незримо живет частица его поэтической души в виде соответствующего случаю настроения автора, так и в прозе, в каждом отдельном рассказе или повести, с особенной силой чувствуется личное настроение писателя, слышится песня его души, эта неумолкающая лирика поэта.

Тон бунинской лирики минорный. Это отчасти тоскующая, отчасти утешающая мечта, рожденная неудовлетворенностью реальной обстановкой жизни. Ярких красок, бурных порывов, жадных страстей — нет в настроениях Бунина. Мелодия его души состоит из полутонов, тончайших, нежнейших оттенков полугрусти, полупокоя. Бунин — поэт созерцатель, поэт мечтатель, обнимающий землю с любовью нежного сына и взирающий к небу. Бунин-писатель — дитя печального безвременья 80-х годов. <...> Поэтому вполне естественно, что миросозерцание этого писателя не отличается особенной цельностью: чувствуется какой-то надлом, какая-то безбрежность и расплывчатость. <...> Ему гораздо более свойствен космополитизм, с присущей ему любовью ко всему миру и ни к чему в частности. Бунин, как истый поэт, прежде всего человек настроений и гораздо менее — носитель каких-нибудь определенных идей.

Как бытописатель народной жизни, он лишь наполовину реалист. Никогда не теряя реальной почвы, никогда не паря над землей, он однако соприкасается с нею лишь постольку, поскольку этого требует известный комплекс его настроений. <...> Он не замечает тех сторон жизни, которые не соответствуют его лирике; он проходит мимо них, запечатлевая в своих произведениях лишь те данные живой действительности, душа которых звучит в унисон с его собственной душой.

Отсюда получается некоторого рода односторонность Бунина как бытописателя-прозаика. Так, например, его большая повесть “Деревня” <...> создана вся из присущих Бунину минорных настроений <...>. В этой “Деревне” не все от деревни, в ней настроения от города, и к тому же при наличности одних — не хватает других характернейших, живейших черт деревенской жизни в ее целом. <...>

Теперь вышла новая книга И.Бунина — “Суходол и другие рассказы” из народной жизни.

Проявившаяся было в “Деревне”, несмотря на несомненную художественность бунинского пера, тенденциозность марксистского миросозерцания, теперь, в этой последней книге, совершенно отсутствует. Меньше места уделено и настроениям автора. Но и от этой книги, как от “Деревни”, получается впечатление некоторой субъективности автора. Все собранные в ней факты народной жизни <...> создают настроение полной безнадежности. Но и тут ласкает душу читателя обаятельная своей грустью лирика автора, и некоторые места, проникнутые ею, надолго приковывают к себе внимание чуткого читателя.

Особенно хороши в этом отношении рассказы: “Сто восемь” <...>, “Ночной разговор” <...> и “Веселый двор” <...>.

Эти рассказы, как и стихотворения Бунина, чаруют своей нежной, тонкой лирикой и могут быть прочитаны десятки раз не только с неослабевающим, но с все более возрастающим художественным интересом. Каждый раз, читая их, находишь

все больше и больше красот в этих мягких, грациозных полуштрихах, которыми они набросаны, в этих глубоко поэтических полутонах настроений, с которыми они созданы чутким поэтом.

Непосредственное духовное родство связывает Бунина с Чеховым. Это как бы два брата, грустно задумавшихся над жизнью, один с иронической, а другой с уповающей улыбкой на устах; один с заботой и неустанной мыслью о будущем своей родины, другой — с любовью к земле, к ее жизни и красоте и с мечтой поэта о солнечных лучах.

<...> Померкла слава Горького, вышел из моды Андреев, а скромный, кроткий Бунин по-прежнему вершит свой красивый, поэтический путь к далекому будущему, все такой же нежно-мечтательный и грустный, отчасти скептически, отчасти покорно настроенный, вершит его одиноко в своей поэтической индивидуальности, неутомимо созерцая все попадающееся ему на пути.

Далекий от временных модных течений, он не изжил себя как поэт, и сохранит надолго свою неувядаемую свежесть».

В газете «Голос Москвы» (№ 249. С. 2) публикуется статья «И.А.Бунин». Подпись: Нич. Воспроизводится литографированный портрет писателя с его факсимильной подписью.

Критик пишет: «В истории новейшей русской беллетристики и поэзии, в сознании обширного круга его неизменных читателей, весь облик этого талантливейшего представителя “после тургеневской” эпохи отмечен совершенно определенными и выпуклыми чертами.

Бунина не смешаешь с другими писателями. <...>

Внутренняя сущность, круг его представлений, манера его письма, чудесный — по-пушкински и по-тургеневски — чеканный русский язык так непохож на литературно-философские особенности творчества многих его сверстников и собратьев.

Каковы бы ни были размеры дарования и удачи, отпущенных ему Господом Богом, но свое “я” писатель проявил целиком.

Один из немногих Бунин сумел гармонически слить в себе поэта и прозаика.

И, — счастливая особенность, — в четком, грациозном бунинском стиле, в неизменно лирическом строе его поэтических произведений нет налета “презренной” прозы, столь естественного в прирожденном наблюдателе-прозаике.

В то же время, к достоинствам беллетристики Бунина непременно следует отнести ясную трезвость, благородную сдержанность всегда отчетливой мысли и полное отсутствие поэтической буйности красок. <...> В его стихах, то нежных, то элегических, то бодрящих какою-то скрытою свежестью, он откликнулся на обширную гамму переживаний человека культурного и простого крестьянина.

В прозе самое главное свое внимание писатель отдал тому течению, которое на банальном языке называется “народничеством”. <...>

Но как далек Бунин-народник от тех узких, односторонних, располагающих лишь убогими художественными средствами народников-бытописателей, находящих приют на скучных страницах претенциозно-идейных журналов!

Ни этнография (хотя он знаток и в этой области), ни статистика, ни фальшивый пафос и целование мужицкого лаптя, — ничто из этого “народнического” арсенала не привлекает взыскательного художника.

Писатель ясно видит и умеет запечатлеть свои наблюдения в безукоризненной внешней форме — мужицкую темноту, пороки наследственные и благоприобретенные русского крестьянина.

Иногда с эпическим спокойствием летописца, иногда со стоической выдержкой подлинного культурного человека, не закрывающего глаз перед ужасами жизни, но сознающего, что путь к прогрессу неизбежно "устлан жертвами" — Бунин рассказывает о деревне вырождающейся, дерзкой, оголтелой... <...>

И это гражданское мужество, это отсутствие всякого лицемерия — одно из самых привлекательных свойств И.А.Бунина, как писателя и человека».

В московском журнале «Искры» (№ 42. С. 331) помещается фотопортрет Бунина к его 25-летнему литературному юбилею.

В екатеринодарской газете «Кубанский край» (№ 242. С. 2) печатается статья Н.Розанова «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Воспроизводится фотопортрет писателя.

Критик пишет: «Первые впечатления детства, полученные в среде крестьянства, незадолго перед этим раскрепощенного, не могли не наложить отпечатка на душу Ивана Алексеевича. Из него естественно должен был выработаться народолюбец Тургенев. И Бунин, действительно, оказался народником, но только более чистой, чем Тургенев, воды, без той примеси барского либерализма, который так сильно был заметен и в личности и в творчестве Тургенева. <...>

И.А.Бунин — народник без присяги, без обещаний в области художественного слова служить определенным тенденциям социально-политического характера. <...>

В последние годы в рассказах Бунина о деревне резко проявилось стремление показать, что деревня *обречена.* <...> Сам из деревни переехавший в город Бунин видит и спасенье деревни в этом переселении.

И.А.Бунин, однако, отнюдь *не проповедует* такого переселения. <...>

И.А.Бунин *не проповедует.* Он — художник, он мастер в изображении деревни и иного быта, любовно изучивший все тонкости и частности людских отношений. Он описателен до бесстрастности. Он не холоден и не горяч; ему одинаково чужды и сильный гнев и сильная любовь. <...>

Бунин хорошо знает природу. Он понимает ее тонко, во всех ее разветвлениях, от величия колоссальности до досадной лужи под ногами. <...> Такую утонченность восприятия явлений природы надо отнести просто к высокой степени близости между ней и душой писателя-поэта.

Стихи Бунина, как и его рассказы, совершенно беспретенциозны. Они льются нежной струей без вычурных слов, без деланного пафоса. И, если рассказ Бунина по стилю и приближается к Тургеневу, то его стихи заставляют вспомнить о Пушкине. Эта родственная близость к бессмертным представителям отечественной литературы уже определяет высокую ценность языка Бунина.

В 1909 году Бунин избран в почетные академики и этим он в значительной степени обязан чистоте и ясности своего языка».

В газете «Нижегородский листок» (№ 288. С. 2) печатается статья А.А.Дробыш-Дробышевского «И.А.Бунин как прозаик. (Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.)». Подпись: А.Ум-ский.

Критик пишет: «Вчера у нас была помещена характеристика И.А.Бунина как поэта, сделанная г. Энес. В характеристике этой говорилось, что г. Бунин как беллетрист в значительной степени уступает Бунину-поэту. Таково, впрочем, общее мнение.

Но вот последняя книжка его прозы: "Суходол", которая, по моему мнению, заставляет усомниться в справедливости этого общего мнения.

Уже в прежних, незначительных рассказах г. Бунина видна была большая сила изобразительности. Напомню, например, небольшой рассказ "Астма". <...> Тут сила изобразительности автора доходит почти до галлюцинации: точно сам видишь этого белого коня.

Прежние рассказы г. Бунина вообще отличались большой силой изобразительности, но вместе с тем и незначительностью содержания, точно автор писал их между прочим, между стихами. Так посмотрели на них и читатели, не придавая большого значения г. Бунину как прозаику.

Теперь, когда вышла его книжка "Суходол", к г. Бунину, как прозаику, нужно отнестись гораздо серьезнее. Кроме силы изобразительности, здесь прибавилась и значительность содержания, так что о г. Бунине уже нельзя сказать, что он прозаик между прочим.

Большое внимание на себя обратил его рассказ "Суходол" — из жизни крепостной России, но лично мне он не кажется лучшим. <...>

Правда, г. Бунин взглянул на прошлое с оригинальной точки зрения. Он рисует крепостное право, как проявление некультурности, сближавшей помещиков и дворню, так что отношения их постоянно переплетались. <...>

На этом фоне автор рисует несколько живых силуэтов господ и дворни, проявляя большое уменье входить в чуждое, некультурное миросозерцание. Это уменье проявляется и в ряде очерков из народной жизни, помещенных в этой книжке, которые читаются прямо-таки с увлечением, как рассказы Чехова или В.Г.Короленко, открывая как бы оконце в народную душу. <...>

Лучшим в книжке рассказом является, по моему мнению, "Веселый двор". Здесь удивительно хорошо обрисован характер крестьянина Егора, который несколько сродни короленковскому Тюлину и является одним из основных русских типов. <...>

Удивительно также вырисована мать Егора, опять-таки типическая крестьянка. <...> И это все изображено удивительно картинно, на фоне прелестно нарисованной природы, обстановки, причем действующие лица говорят и думают поразительно живо схваченным, не установившимся, неправильным языком, соответственно их неустановившемуся, примитивному душевному строю.

Так, впрочем, написаны и все рассказы в этой книжке, представляющие своего рода шаг вперед в изображении народной жизни, которую автор уже не изучает, а воспроизводит как художник, сохраняя при этом всю реальную правду изображаемой среды.

В своей статье г. Энес писал, что будущность г. Бунина еще впереди. Я думаю, что в будущем ему предстоит больше всего проявить себя в прозе».

Выходит № 44 петербургского журнала «Огонек», в котором (с. 10) под заглавием «К 25-летию литературной деятельности. Специальный снимок, по поручению "Огонька", С.Г.Смирнова» помещается

фотопортрет Бунина за рабочим столом. Под фотографией дается краткая характеристика писателя:

«Литературная деятельность И.А.Бунина проходила без особого блеска и шума успеха. Годы ровного, неторопливого, но все повышавшегося по жизненному охвату и достоинствам творчества вывели молодого еще сравнительно поэта и беллетриста на верхи современной русской словесности. 25-летие своей работы И.А.Бунин встречает уже почетным академиком — редкий и завидный удел писателя!»

В газете «Одесские новости» (№ 8860. С. 3) помещается фотопортрет Бунина за рабочим столом к его литературному юбилею.

Кратко сообщается о программе общественного чествования писателя в Москве.

В газете «Одесский листок» (№ 251) публикуются материалы о Бунине:

— статья П.А.Нилуса «Впечатления» (с. 3).

Художник отмечает: «Но если юбилейная ложь досадная принадлежность всякого юбилея, то этой лжи на юбилее Бунина будет немного — неосуществимого пожелания для Бунина не может быть. Юбиляр для этого слишком молод, а “Суходол” — только что вышедшая превосходная книга Бунина — говорит не об осени — упадке, а о горячем лете, переживаемом им. <...> В таланте Бунина есть, несомненно, скрытая способность к живописи — иначе невозможно себе уяснить многие и многие строфы его стихов, рисующие с такой ясностью и силой форму, контрасты пятен, которые могут быть доступны только руке, умеющей владеть карандашом и красками. Бунин не импрессионист, а реалист того толка художников, которые уже впитали в себя все завоевания импрессионизма и как художник, часто отдающий большое место пейзажу, долгое время был чужд своим современникам, которые, по замечанию Чехова, “относятся к природе свысока”: так они долгое время смотрели и на Бунина...».

— в рубрике «Наука. Искусство и литература» печатается краткое информационное сообщение о начале чествования Бунина 24 октября. Без подписи.

В газете «Орловский вестник» (№ 263. С. 3) печатается информационная заметка «Юбилей И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается о торжественном заседании литературного кружка «Среда» 24 октября по случаю литературного юбилея Бунина.

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 283. С. 3) помещаются материалы о Бунине:

— статья П.Т.Герцо-Виноградского «Юбилей И.А.Бунина». Подпись: Лоэнгрин.

Критик пишет: «Бунин — несомненно, один из лучших современных писателей, реалист чистой пробы, преданный хранитель лучших традиций в литературе.

В нем прекрасно сохранились и отразились черты прошлого уже увядающего русского быта со всей их поэзией, трогательной и подкупающей редкой искренностью чувств.

Почти нет имен в современной литературе, которые можно было бы поставить наряду с г. Буниным в смысле тесной связи с прошлыми страницами. <...>

Ценность г. Бунина совсем не в новых словах, а в прежних, сказанных с новой силой.

Г. Бунин — это логическое и психическое завершение целого огромного периода литературы.

Божьим чудом он и его духовная сущность уцелели среди литературного разгрома последних лет.

Соблазны были рассеяны повсюду. Новые литературные чары предстояли и манили на каждом шагу. Чувствовалась жажда нового. <...>

Было какое-то безумие переоценки.

И все ломали себя, свое прошлое, свои устои. <...>

Это было лет пять тому назад. Г. Бунин как никто в этой пустыне новых, но мертвых слов, чувствовал жажду реализма и видел приближавшийся возврат к прежнему. Сердцем, умом чувствовал его. Чувствовал, очевидно, исторически. <...>

Если г. Бунин завершает сейчас последние страницы реализма, то его реализм все же есть реализм прошлого и только мост к будущему.

После него придут и уже идут другие и молодые авторы, для которых этот мост явится переходным для следующих страниц и глав, и для следующего нового и глубокого победного торжества реализма».

— статья В.Севского «Внук Тургенева. (К двадцатипятилетию литературной деятельности И.А.Бунина)».

Критик пишет: «Лебединую песню “Дворянского гнезда” пропел Тургенев. Милые “лишние” люди доживали и проживали свои “Дворянские гнезда”. <...>

Чуть слышен для чуткого уха рыдающий напев панихиды.

Это поэзия Бунина.

Княжии липы... Дворянское гнездо... Вишневый сад. <...>

Усадьба Тургенева опустела, она брошена, забыта и такой-то ее любит внук Тургенева — Бунин.

Бунин не воспевает усадьбу — он ее отпевает.

Тихою грустью, обвеянною печальною дымкою невыплаканных слез, веет от его отпеваний. <...>

Поэзия запустевшей усадьбы — это тихие слезы русского барина, последнего барина в литературе — Бунина. <...>

Бунин одинок, он хочет спастись от уныния и скуки, он тоскует по умирающей усадьбе.

Он сын усадьбы и ее печалями печалится он. <...>

Душу живую в усадьбе прошлого видит Бунин».

В приложении к газете «Приазовский край» (№ 44. С. 177) воспроизводится фотопортрет Бунина к его литературному юбилею.

В московской газете «Раннее утро» (№ 249. С. 3) печатается биографический очерк «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Без подписи. Перед статьей воспроизводится фотопортрет писателя.

В петербургской газете «Речь» (№ 296. С. 2–3) публикуется статья Е.А.Колтоновской «И.А.Бунин». Воспроизводится фотопортрет Бунина с факсимильной подписью под ним.

Критик пишет: «Среди наших частых литературных юбилеев, юбилей И.А.Бунина выделяется, как вполне заслуженный. Много он успел сделать за 25 лет! <...>

В новой литературе талантливый писатель занял своеобразное и вполне самостоятельное место. Его нельзя причислить к “модернистам”, но нельзя и назвать чужим по отношению к новым литературным течениям.

В поэзии он, прежде всего, ученик Пушкина, стремящийся сохранить его заветы — музыкальную чистоту стиха и простодушную ясность образов. Но внутренне он тяготеет и к лирику-импрессионисту Тютчеву, отцу современной поэзии. Это тяготение особенно заметно в его стихах, посвященных природе, например, в стихотворениях “Последняя гроза” или “Весеннее”. <...>

Красивые и изящные стихи Бунина несколько холодны, и это является их недостатком. Но когда его муза отдается тому, что ей наиболее знакомо и близко — воспеванию русской природы и русской старины, эта холодность ничуть не портит. Напротив, в ней звучит что-то величавое и правдивое, стильное — истинно славянское. <...>

По умению передать, запечатлеть в творчестве эту свою русскую стихию, Бунин один из самых самобытных писателей.

Лирика Бунина разнообразна, <...> постоянная мысль о вечности, о сверкающей всюду многострунной, многокрасочной жизни углубляет смысл его стихов.

Бунин-беллетрист сложился позже Бунина-поэта. <...> Между его ранними этюдами и очерками, написанными в чеховском духе, и позднейшими зрелыми произведениями — огромная разница. Он расцвел и окреп до неузнаваемости. <...>

Особенно велика разница в стиле между бледным, интеллигентски-безликим языком ранних очерков и теперешним колоритно-бытовым, красочным языком — языком поэта-художника. В непосредственно переданной речи, в деревенских разговорах у Бунина отражается не только внешний склад жизни, но и душа народа.

Этот живой, образный и точный язык сближает Бунина с лучшими из новых стилистов. Вообще, Бунин-прозаик ближе к молодым веяниям литературы, чем Бунин-поэт. Густой, стильный, рельефно выразительный узор его прозы, правдивый, одухотворенный реализм изображений, и наконец, философская подкладка всех наблюдений над жизнью, всякого анализа, это — свойства “молодой” литературы, ее несомненные завоевания. Бунин — сродни этой литературе, еще недавно царившей и всех увлекавшей, а теперь оскуделой и опальной. Но он не особенно поддавался каким бы то ни было влияниям, сумел сохранить себя и потому так хорошо, правильно развился, без увечий и провалов в бездны. Бунин — реалист, но нового типа.

В противоположность большинству новых писателей, столичным горожанам, Бунин — созданье провинциальной России. Он среди нее вырос и верен ей. <...>

“Прескверная тишина”, заброшенность среди снегов, обособленность, отрезанная от мира — вот что больше всего удручает Бунина в деревне, во всей России. И он этим чувствам все с большею горечью отдается.

В “Деревне” и особенно в “Суходоле” он так много философствует, анализирует и обобщает, что из трезвого реалиста превращается почти в символиста-мистика.

Не русский косный мужик, не вырождающийся дворянин интересует его, а основная наша национальная сущность, наше русское, вернее, славянское “я”. С бес-

страшным самокритицизмом углубляется он до самых корней нашей национальной души и ужасается. <...>

Этот патриархальный, немощный, затхлый Суходол — наша общая духовная родина, по Бунину. <...>

Сгущенность красок и резкость приговоров не уменьшает значительности тех правдивых картин, которые рисует Бунин на общем фоне деревенской жизни. Он сделал предметом изображения лишь то, что видел, почувствовал, поэтому и его "тенденциозность" не кажется диссонансом, а скорее усиливает впечатление. Кто так знает и любит, тот получил право на ненависть...».

Данная статья также напечатана в газете «Современное слово» (28 окт. (№ 1728). С. 2–3).

В петербургской газете «Россия» (№ 2136. С. 3) помещается статья «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Подпись: А.Л.

Критик отмечает, что Бунин рано празднует свой юбилей: «Рано ввиду его молодости, но далеко не рано, если судить по той широкой известности, которою пользуется в обществе этот талантливый писатель уже около десяти лет. <...> Верный хранитель пушкинских традиций, Бунин стоит одиноко среди современных писателей. Он совершенно чужд нарядной изысканности и вычурности модернистов. Пушкинская простота и ясность — его стихия. <...> Бунин высокий мастер пейзажа, он любит природу за ее красоту, а не навязывает ей своих настроений. <...> Бунин родственен Тургеневу не только своею задумчивой грустью о доживающем век старом помещичьем быте, но и своим изящным и тонким письмом в тургеневском стиле. Он не заботится о новых формах, так как чувствует, что далеко еще не исчерпаны прежние, но в простых, строгих и чистых очертаниях дает образец высокого благородства стиля. Читая Бунина, убеждаешься, как много может быть влито поэзии в самую простую прозу и как много можно извлечь красоты из самой низкой обыденности. <...> Его поэзия, спокойная, без исключительности, серьезная, вдумчивая, подернутая слегка дымкой сладкой грусти или тихой мольбы о счастье, так близка по характеру и Чехову. <...> Поэзия И.А.Бунина и грустная и светлая одновременно. Она проникнута грустью о быстротечности всего земного, но светла верой в неумирающую гармонию и красоту мира. Бунин всюду видит стремление к небу, к идеалу, переход на высшие неземные ступени бытия. <...> Сравнивая Бунина со всей остальной литературной братией современности, какой-то больной и развинченной, нельзя не отметить чувства меры и здорового вкуса, которые всегда спасали и спасают его от пошлой декадентщины. Упиваясь красотой, ей одной дыша полно и широко, Бунин гонит прочь с глаз все нечистое; не чуждый страсти и любовного упоения, он целомудрен и далек от грубой извращенности и в своей страстной мечте».

В газете «Саратовский вестник» (№ 237. С. 4) помещается статья Л.Клода «Певцу Листопада. (К двадцатипятилетию литературной деятельности Ивана Бунина)».

Критик пишет: «Рядом с истерическими выкликиваниями Горьких и Юшкевичей, рядом с фанфарами Блоков и Бальмонтов он <Бунин> всегда оставался верен традициям минувшего — писал ясно и четко, чуточку даже суховато.

Ночь печальна, как мечты мои <...>

Сравнить эти кристальные строки с трюками певцов “зеленого вертограда” и “снежной маски” — сколько фальши и натянутости вскроется. За ними угадывается тень того, кто однажды рассказал о дивной ночи на Бежином лугу. После этого, неудивительно, что так одинок остается у нас Бунин.

Конечно, не одним только этим он отличается от своих сверстников. Среди них, мятущихся и просто шатающихся, он стоит замкнутый, рано определившийся, постоянно равный самому себе. Шумели “аргонавты” молодого искусства, бушевал пятый год, а Бунин не менялся. <...>

Более же всего Бунин сближается с Тургеневым этой привязанностью своею к разрушающемуся родовому гнезду с безмерно милым сердцу вишневым садом. Сельская, усадебная, мелкопоместная Русь любима Буниным. <...>

Тонко и проникновенно рисует он пейзаж родного края — просто и тепло, как Левитан, <...> захватывая, как Нестеров, молитвенной сосредоточенностью, <...> как Васнецов, заставляя проникнуться вещим духом сказки. <...>

Краски Бунина ярки, ясен и четок рисунок — настолько, что слово местами прямо граничит с живописью.

Бунин еще и одухотворяет каждое свое изображение — каждое из них, выводя из состояния живописной замкнутости, награждает жизненностью. Чисто тютчевский прием, — не высшая ли похвала в этом признании? В любом из образов Бунина угадывается живая душа, всего чаще, и скорбящая, тоскующая душа самого художника. <...>

Трезвенность, присущая всему творческому существу Бунина, никогда не позволяла ему уходить из томления жизни в сверх жизненное, в мистическое. <...>

Двадцать пять лет, а он все тот же. Он не окаменел в одной и той же позе, но, раз приняв ее, остается стоять в ней изящный и свободный. Проходят годы, жизнь течет непрерывно, а он, ясно и трезво, глядя перед собою, поет о листопаде жизни».

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 239. С. 3–4) публикуется статья Г.А.Вяткина «И.А.Бунин».

Критик, назвав Бунина «одним из талантливейших современных писателей», далее отмечает: «В лице юбиляра русское общество приветствует прежде всего то здоровое, вдумчивое и полное любви начало, которое коренится в Пушкине, бьет горячим ключом у Тургенева и Толстого, и тихими, теплыми струями сквозит в произведениях Чехова.

Спокойно-радостное приятие мира, широко открытое, близкое всему живому сердце, светлая грусть о несбывшемся и мудрость примирения с неизбежным — вот характерные черты бунинской музы, всегда и во всем целомудренной, нежной и искренней, всегда и во всем самобытной и независимой. Бунин прежде всего художник, он подходит к жизни как таковой, наблюдает, зарисовывает, воплощает в художественные образы и картины то, что видит — и в этом сила и прелесть его творчества, совершенно чуждого злобам дня и какой-либо тенденции и в то же время всегда и везде столь близкого к миру и людям. <...>

Был ли равнодушен поэт к общественному движению, служил ли он честно гражданскому долгу — для нас это несущественно, потому что мы видим большее.

Мы знаем, что поэт любит свою страну и свой народ глубоко и свято, мы чувствуем, что он болеет за родину всей душой и своими тихими песнями, может быть, баюкает ее горе... Для нас довольно той сердечной боли и той стыдливо-сдержанной любви, которые сквозят в стихах Бунина. <...>

Бунин поэт-пейзажист, поэт-созерцатель. Это основная черта его лирики. Действительное <м.б., действенное> начало в нем почти отсутствует, в большинстве случаев он пассивен, спокойно сдержан, сосредоточен. Иногда он даже холоден и бесстрастен, как фотографический аппарат, — но это только на первый взгляд. Надо подойти к нему ближе, вглядеться пристальнее и вдумчивее, и тогда станет ясно, что Бунин не фотограф жизни и не рисовальщик только, а художник Божьей милостью с живой и тонкой душой, влюбленной в жизнь. <...> Радость бытия, любовь и красота, вот то Триединое, чему молится поэт, и отблески чего жадно ловит он даже в самой неприглядной действительности. <...>

Романтизм Бунина чужд какой-либо мистике или метафизике, он не витает в заоблачных странах и не спускается в ад, он весь — на земле, в ее нескончаемых просторах, в ее зовущих далях, в ее песнях, сказках и легендах. <...> Наиболее рельефно эта романтическая сторона творчества нашего поэта проявляется в лирике о любви. В этой области сдержанность и чистота его музы особенно заметны. <...> Отношение Бунина к любви, к женщине полно благородства и нежности, но эта нежность не слащава и не сентиментальна. <...> Проникнувшись весь Востоком, он понял его, как ни один из русских поэтов, и рассказал о нем в изумительных по красоте и стильности стихах. <...> Но Бунин-беллетрист значительно бледнее Бунина-поэта. Другие приемы, другой язык и уже не та сила выразительности, хотя, правда, это не мешает его рассказам быть, тем не менее, интересными, а в отдельных страницах безукоризненно прекрасными. <...> Именно большая дума и большое наблюдение делают их очень ценными и серьезными. Тут нет и тени какого-либо романтизма, а лишь одна трезвая, горькая правда, страшная правда темного и жуткого деревенского прозябания, полного дикости, зверства, грубости, чудовищного невежества. <...> Как эстет, художник, предъявляющий к жизни особенно строгие и высокие требования, Бунин чувствует все это очень остро, остро до боли, и передает убедительно, неоспоримо. <...>

Не чужды Бунину и темы детства, светлых переживаний юности, любви, особенно последней. Какие нежные тона, какие тонкие, свежие краски находит поэт для рассказов о любви! Шедевром таких рассказов является “Осенью” — изумительно написанная миниатюра, вся звучащая какой-то внутренней музыкой, вся переполненная нежным трепетным светом... <...>

Но для нас он всего больше дорог, как поэт, как верный и талантливый ученик Пушкинской школы. Его стихи, богатые художественной простотой, тонким рисунком, блестящей чеканкой формы — есть огромный дар в сокровищницу русской поэзии, а такие пленительные вещи, как “Листопад”, несомненно станут достоянием всех хороших хрестоматий, наряду с классическими стихами Пушкина, Тютчева, Фета.

Слава пришла к Бунину поздно. Пишет он уже четверть века, а давно ли поняли его и полюбили?.. Но теперь эта слава и любовь крепнут с каждым днем, и вставшая над горизонтом звезда Бунина уже горит светом бессмертия».

В иркутской газете «Сибирские вести» (№ 61. С. 2) публикуется статья И.Г.Гольдберга «Влюбленный в осень. Ив.Бунин. 25 лет творчества. 28 окт. 1887–1912 гг.». Подпись: Исаак Г.

Критик отмечает: «У него тихая, ясная поэзия. Он любит все, что набросано вокруг; то, мимо чего проходите вы, не останавливаясь. <...> Но больше всего любит он осень. Ясную, грустную осень, таящую в себе незримую радость. И рядом с осенью — как неизменную спутницу ее — скорбную и убогую — любит он Русь. <...>

Кто он такой?.. <...>

Одни, упиваясь светлой грустью его поэзии, признавали за ним заслугу призыва к жизни и любви. Другие же шли за ним — зовущим к одиночеству. <...>

Можно подумать, что поэт неразгаданный сфинкс. Что он таит в себе загадку. <...>

Можно подумать, что нет лица у поэта. И что настроения его также многосменны, как настроения тех, что со стороны ждут от него откровений.

Можно подумать так — и убить в поэте поэта.

Но это не так. <...> Он начал с доверчивого любования окружающим. <...>

Он поет о том, что до него было воспето множество раз. Казалось бы, поэту прегражден путь: обойди проторенную дорогу и проложи свою собственную. <...> Но Бунин идет по этому пути — и его следы не теряются на нем и его славословия не сливаются в общем хоре средних певцов, а звучат своим сильным, своим особенным звуком.

Почему это?..

В поэте и в начале его творческого пути — и в стихах, и в прозе — жило что-то нежно-мятущееся.

Да, именно, — *нежно-мятущееся*! Это любование обыденным, каждодневным, доступным простому смертному таило в себе особое дерзание. <...>

Это — в области интимных переживаний.

Это — в тайниках души поэта, где живет любовь.

Дальше же, обвиваясь с этим интимным, бьется в его душе иное — Русь. Здесь не слащавое, сусальное славословие Руси. Не поддельная былинность, не фальсифицированная любовь к “отечеству”. У Бунина в его миросозерцании вселенная обнимается с Русью. И одна другую не заслоняет. <...>

Он и любит и сетует на деревенскую Русь в одно и то же время. Он негодует над ней, но прощает, преисполненный любви. <...>

Творить простую песню, осуществлять свою любовь и быть признанным при жизни.

Быть признанным по справедливости *поэтом*.

Поэтом, от которого и после такого долгого и красивого пути можно ждать песен, песен и песен».

В иркутской газете «Сибирь» (№ 242. С 2) печатается статья И.И.Попова «Иван Алексеевич Бунин. (1887–1912)».

Журналист пишет: «И.А.Бунин принадлежит несомненно к самым выдающимся из современных писателей, а как поэт занимает первое место на русском Парнасе. 25-летний юбилей литературной деятельности такого писателя — крупное явление в литературном мире и в общественной жизни. <...> Большое влияние на мальчика

и юношу имел его старший брат Ю.А., известный статистик и редактор “Вестника воспитания”. В кругу близких Ю.А. в шутку называют “воспитателем академиков”. <...>

Репутация И.А. складывалась постепенно, но прочно, и его популярность постоянно возрастала, в особенности за последнее время, когда им были написаны его высокохудожественные, проникнутые глубоким знанием народной жизни и удивительной наблюдательностью произведения, рисующие современное состояние деревни и народную психологию с широкими обобщениями и выводами.

<...> Сочинения И.А. написаны в реалистических тонах и красках, но он никогда не замыкался в рамки какой-либо тенденции, всегда свободно проявляя свою самобытность и индивидуальность. Шаблон, манерность, вычурность, саморекламирование всегда были ему не только чужды, но и враждебны. Любимыми его писателями из мировых гениев были Гомер, Шекспир, Гете, Данте, а из русских Пушкин и Л.Толстой.

Перед именами этих двух великих писателей И.А. всегда преклонялся. Высоко он ценил и поэзию Фета, Кольцова, Шевченко, произведения А.Чехова, Флобера, Мопассана и др. <...>

По своим общественно-политическим взглядам И.А. принадлежит к левому направлению <...>, но он никогда не был ортодоксом. События освободительного движения глубоко взволновали молодого писателя, а победа реакции, подавленность, дезорганизованность и пассивность общества после революции послужили одной из причин того, что народ в последних произведениях г. Бунина обрисовывается в темных и даже мрачных красках. В этом направлении сказалось не “барство”, не “сословный инстинкт” <...>, как это думают некоторые критики, а как раз наоборот: разочарование в активности и стойкости народных масс вызывает в авторе и чувство негодования, и чувство глубокого пессимизма, даже безнадежности. Но как бы мы ни относились к взглядам автора “Деревни” и ее персонажам, мы должны признать, что среди писателей, посвятивших свое перо описанию крестьянства после 1905 г., И.А.Бунину принадлежит первое место, как по художественной изобразительности, так и по правдивости описания. Огромная заслуга И.А. заключается в том, что он с полным знанием дела и с должной серьезностью один из первых и очень не многих “молодых” писателей обратился к художественному воспроизведению народной жизни. <...>

Поэт и художник беллетрист, беллетрист-народник, близко подходящий к А.П.Чехову и отчасти Г.И.Успенскому, тесно сплелись в писателе. <...>

Как поэт, И.А.Бунин уже давно причислен к числу наиболее крупных представителей поэзии, как по художественной изобразительности, так и по форме, ясности и выразительности сжатого и стильного стиха. Его сонеты — безусловно, первоклассные произведения, поражающие читателя глубокой вдумчивостью, красотой и яркостью стиха. <...> В произведениях Бунина находят отклик основные вопросы человеческого бытия, религии, философии и пр.».

Во владикавказской газете «Терек» (№ 4450. С. 3) публикуется статья Н.Розанова «Дневник журналиста. 116. — Иван Алексеевич Бунин».

Критик пишет: «Бунин с детских лет сроднился с деревенским "Вишневым садом", он вылетел из "Дворянского гнезда". Поэтому-то в его произведениях чисто тургеневская ясность, какая-то утренняя предосенняя бодрость, в их тоне — чеховская мягкость и грусть. <...>

Не настолько барин, чтобы либерально каяться перед народом в грехах сошедших в могилу поколений, но и не пролетарий, не черная кость, — Бунин смотрит на деревню с точки зрения горожанина, который жил в деревне, все видел в ней, рассудил, взвесил и решил, что будущее России не там, в деревенской серости, а в чаду непосильного труда, в чаду эксплуатации, разврата и жестокосердия города, бросающего человека под колеса жизни и взамен дающего одно: сознательную мысль.

Ни сахарных пряничных мужичков Тургенева и Григоровича, ни благоговения перед деревенско-общинным укладом Златовратского, ни чистодушного мужика, вечного укора для барина Толстого — у Бунина нет. <...>

Гораздо ближе Бунин к Глебу Успенскому. <...>

Очень недалек Бунин от определения деревни Николаем Успенским. <...>

Как и Глеб Успенский, Бунин изображает деревню не в ее устоях, как Златовратский, а в ее разложении и расслоении.

Бунин — ни народник-социалист, ни народник-ретроград. В своем скептическом отношении к деревне он ни последователь марксистской доктрины, как она выражается, например, у нынешнего Горького, когда он пишет о деревне, ни единомышленник Родионова и современного Фонвизина, ненавидящих мужика в условиях дворянско-крепостнического созерцания.

Бунин слишком поэт, чтобы можно было упрекнуть его в каком-либо доктринерстве. Беспристрастие, доходящее до бесстрастия, — вот фон его повестей о деревне. Как птица ранним утром, Бунин поет о красоте Божьего мира и о распаде жизни, в котором с точки зрения художника есть своя своеобразная яркая красота.

Если к написанному я добавлю, что за чистоту языка, красоту формы стихов и безукоризненность в смысле порнографических увлечений Бунин избран в почетные академики, то о сегодняшнем юбиляре будет довольно».

В московской газете «Трудовая копейка» (№ 99/256) публикуются материалы о Бунине:

— статья А.Даурского «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)» (с. 1).

Критик пишет: «С раннего детства И.А. страстно любил чтение, и просиживал целые дни за книгами, обнаруживая большую склонность к поэзии. <...> Глубоко-мечтательная, полная живой фантастики пылкая душа талантливого ребенка вечно жила в таинственном мире ярких грез, переживая подвиги и разделяя горе и радость любимых героев...

Стихи И.А. начал писать еще в детстве; в 1-м классе Елецкой гимназии И.А. уже считался лучшим поэтом гимназии. <...>

В середине 90-х годов И.А., когда ему было еще всего только 25–26 лет, уже считался в ряду выдающихся современных писателей. <...> С 1895 г. И.А. всецело отдался литературе. <...>

Многие из стихов И.А. переведены на иностранные языки и пользуются крупным успехом за границей...

Стихи И.А. отличаются изысканностью стиля, красотой рифм, звучностью, выдержанностью размера, задушевностью, глубокой лирической проникновенностью и яркой индивидуальностью.

В своих беллетристических произведениях И.А. обнаруживает близкое знакомство с деревней и ее бытом. Все его вещи написаны ярко, сочно, красивым, образным языком.

Пожелаем юбиляру еще долгие годы работы на гордость родной литературы».

— шарж на Бунина к его литературному юбилею. Без подписи (с. 2).

В харьковской газете «Утро» (№ 1786. С. 5) печатается статья «Листочки. Бунин». Подпись: Пессимист.

Журналист пишет: «Изящный облик Бунина-художника вполне отчетливо сложился в читательском сознании.

Бунин — поэт "листопада", тихих созерцательных настроений, точной, чеканной формы.

В споре между реализмом и модернизмом Бунин занял положение совершенно своеобразное, не примыкая ни к тем, ни к другим, он одинаково приемлемый и для поклонников классической поэзии, и для искателей литературных утонченностей.

По точности и ясности образов, по темам и настроениям Бунин все же ближе к классической школе — к влияниям Пушкина и Фета. <...> Он <Бунин> не поражает глубиной и яркостью чувства, силой поэтической мысли, взволнованностью поэтической стихии, но прозрачно и светло трогает целомудренной ясностью своей поэзии. Она напоминает осеннее нежаркое солнце, когда грустны и тихи дали, и так отчетливы линии, предметы и оттенки красок...

Бунин среди современной "городской" поэзии одинок в своем неустанном влечении к деревне, сельскому пейзажу, степи. <...>

Почти те же свойства, что отмечают бунинскую поэзию, проникают и его прозу — точность и некоторая суховатость стиля, прозрачно-печальный, ясный колорит, влечение к природе, деревне, степи.

Последние годы Бунин много путешествует; его книги, посвященные впечатлениям от этих путешествий, прелестны своим лиризмом, четкостью и изяществом письма».

В иллюстрированном приложении к № 1786 газеты «Утро» (с. 1) помещается коллективная фотография: И.А.Бунин, Д.Н.Мамин-Сибиряк, М.Горький и Н.Д.Телешов в Ялте в 1900 году.

В киевской газете «Южная копейка» (№ 662. С. 3) публикуется статья «И.А.Бунин. (25-летие литературной деятельности)». Подпись: Idem.

Журналист пишет: «25 лет литературной деятельности и какая-то редкая прямолинейность, удивительно здоровый дух. <...> Его русский язык, звучащий у него дивной музыкой, строго высеченный, точно мрамор из-под руки греческого скульптора, стих — обратили на себя внимание, и он занял одно из наиболее почетных мест в рядах современной русской литературы.

Более того — он занял совершенно изолированное место, точно жил вне условий нашей действительности.

Все тяжелое, кошмарное, породившее надрыв, разочарование, больную душу, метания, тупик и крик безумия — минуло его... <...>

Бунин не был в стороне от тяжелой действительности, он лишь иначе реагировал на нее, она не покорила его здорового духа. Если и она в конце концов придавила его всей тяжестью, — то дальше нирваны его пессимизм не ушел. <...> В прозе — Бунину удалось “соединить несоединимое” — строгий реализм с тонким поэтическим чутьем. Ведь реализм всегда легко переходит в педантизм, становится сухим. У Бунина этого нет. <...>

Как и все творчество его — просты и ясны у него — стиль и слог, отдыхаешь на них...».

Е.А.Ляцкий пишет А.М.Горькому из Москвы:

«...попал я сюда in medias res <в самую суть — *лат.*> отчитывания и отпевания юбилейного страстотерпца Бунина, — и на третий день еле перевожу дух. Но об этом при свидании, да если и не расскажу, потеря невелика».

ЛН. Т. 95. С. 521.

В Киеве в помещении киевского Общества искусства и литературы (ул. Фундуклеевская, д. 10) проходит литературно-музыкальный вечер, посвященный Бунину по случаю 25-летия его литературной деятельности:

— со вступительным словом «Характер и мотивы творчества И.А.Бунина» выступает И.В.Джонсон;

— в литературно-музыкальном отделении вечера участвуют Л.А.Лескова, П.И.Словцов, С.Л.Кузнецов и Н.М.Радин.

См. объявления о вечере в газетах: «Киевская мысль» (28 окт. (№ 299). С. 5) в рубрике «Хроника»; «Южная копейка» (28 окт. (№ 662). С. 4) в рубрике «Театр и искусство».

В газете «Южная копейка» (31 окт. (№ 665). С. 3) в отчетной заметке «В мире искусств. Вечер И.А.Бунина» (подпись: Нарцисс) журналист отмечает: «Самую мысль чествовать нашего талантливого академика нельзя не приветствовать; но, к сожалению, осуществление этой мысли оставляло желать очень многого.

Лектор вступительного слова И.В.Джонсон, по-видимому, совершенно не подготовился к своему реферату, ибо поминутно останавливался, запинался, искал подходящих слов и выражений, рылся в книгах, подыскивая необходимые цитаты, и всем этим сильно расхолаживал внимание слушателя. Между тем, план и масштаб изложения были интересны: лектор коснулся сначала Бунина как не декадента среди декадентов, Бунина как чистого лирика — поэта для немногих. <...>

Потом Бунина как певца “разоренных дворянских усадеб”, Бунина как прозаика, <...> и, наконец, закончил определением бунинской политической идеологии.

Затем состоялось литературно-вокальное отделение. Участвовали Лескова и Словцов, Радин и Кузнецов, остальные не приехали».

Октябрь, после 28. Начинающий писатель И.М.Касаткин пишет Бунину из Нижегородской губернии:

«Уважаемый и дорогой Иван Алексеевич! Шлю искренний привет и поздравление. Примите глубокое спасибо от благодарного читателя и малень-

кого собрата по перу. На долгие годы желаю Вам лучшего, что знаю в мире: здоровья, бодрости и ясности душевной.

В наше время на ниве родной литературы мало видно пахарей, как Вы. Особенно радостно приветствовать Вас теперь, когда Вы направили свой плуг по великой пространством и скорбями, почти заброшенной долине крестьянского мира. Мне, нынче живущему в глуши, из всех современников как-то особенно дороги Вы, обративший светлый талант свой в сторону темной, ото всего отброшенной жизни масс. Я полон предчувствиями и твердо верю, что Вы еще ближе подойдете к этой жизни, впитаете ее в себя, сольетесь с ней, — и как некогда дали нам верные облики уходящих из жизни людей, — дадите верные и глубокие облики людей вырастающих и грядущих в жизни. <...> Как можно, чтоб Захары Воробьевы без конца источали и силу, и совесть в никчемных порывах! Нет, они выпрямятся во весь свой духовный рост и понесут нас, как ту старуху, к тому, без чего так душно жить. <...>

Письмом — обрадуете. Я давно писал бы Вам, но не знал адреса, а сейчас узнал из газет. Читал описания Вашего праздника и как бы присутствовал на нем. <...> А "Суходол" вышел? Хотелось бы его иметь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/1 оф.
ЛН. Т. 95. С. 634.

Датируется по содержанию.

Октябрь, 29. Бунин пишет благодарственное письмо в Кассу взаимопомощи литераторов и ученых:

«Позвольте принести мне Вам мою глубокую благодарность за приветствие Ваше в день моего юбилея».

Также Бунин посылает письмо в редакцию газеты «Русское слово»:

«Позвольте мне при посредстве Вашей уважаемой газеты выразить чувство глубокой благодарности всем, почтившим меня приветствиями в день 25-летия моей литературной работы».

Письма (2). С. 244.

Л.М.Василевский пишет Бунину из Петербурга:

«Милый Иван Алексеевич! К пышному и звонкому гулу Ваших юбилейных чествований присоединяюсь и я, Ваш скромный ученик и крестный сын в поэзии — помните Полтаву, "Орловский вестник". <...>

К искренней любви к поэту Бунину у меня всегда присоединяется и нежное чувство признательности и благодарности, связанные с этой далекой полосой. <...>

Не так давно я издал том своих стихов; разрешите прислать его Вам?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 70, л. 3.

В.И.Качалов пишет Бунину приветственное письмо:

«Прошу Вас принять и мой запоздалый привет. Я не приветствовал Вас вчера письменно, так как надеялся и очень хотел сделать это лично — в Л<итературно>-х<удожественном> кружке, но к большому сожалению, мне не удалось туда попасть.

<...> И хотелось мне этого не только потому, что я давнишний и большой поклонник Вашего таланта, — такого ясного, несомненного, убедительного и привлекающего, а еще и потому, что Ваш талант всегда и неизменно будит во мне одно, очень важное и дорогое для меня чувство — любви к жизни. Вы любите жизнь и умеете заразить Вашей любовью меня. <...> Жизнь — благо, жизнь — благо — звучит у меня в душе, когда я Вас читаю. <...> Благословляю жизнь, — и люблю Вас, тянусь к Вам, потому что и Вы благословляете и с любовью принимаете ее. Какой бы грустью ни наполнились Ваши глаза, — они все так же пристально и любовно глядят на жизнь. И Вы заражаете этой любовью, не только потому, что владеете послушным, звенящим, прекрасно настроенным талантом, но и потому, что хотите этого, потому что любите нас, — ведь мы кусочки этой жизни, Вами возлюбленной. А мы отвечаем Вам теплотой, живой благодарностью».

ОГЛМТ, ф. 14, № 975 оф.

В. и Н.День посылают Л.Ф.Муромцевой телеграмму из Петербурга:

«Просим вас и Веру Николаевну принять от нас и передать Ивану Алексеевичу Бунину сердечные поздравления и пожелания всего наилучшего».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 31.

В вечернем выпуске петербургской газеты «Биржевые ведомости» (№ 13220. С. 5) под заглавием «Юбилей И.Бунина. (По телефону из Москвы)» публикуются тексты приветственных телеграмм от В.Г.Короленко, Л.Н.Андреева, В.Я.Брюсова, С.Я.Елпатьевского, С.А.Найденова, Д.Я.Айзмана, С.В.Рахманинова, а также приветственное письмо А.М.Горького.

В московской газете «Столичная молва» (№ 272. С. 2) публикуется статья И.И.Попова «И.А.Бунин и народничество».

Журналист отмечает: «С редким единодушием и вниманием к писателю со стороны общества отпразднован 25-летний юбилей литературной деятельности И.А.Бунина, одного из крупнейших современных писателей художников.

Как поэт, И.А.Бунин принадлежит к самым выдающимся современным поэтам и является достойным продолжателем великого Пушкина. <...>

Отдавая должное автору “Суходола”, разлагающейся помещичьей жизни и “Деревни”, как крупному писателю беллетристу, критика расходится в оценке его описаний мужицкой жизни. <...>

Полной безнадежностью веет от этих картин. Жутко становится, когда перелистываешь страницы “Суходола”, “Игната”, “Веселого двора”. В груди подымается крик протеста: “Нет, это не так!” <...>

Ум и совесть не хотят примириться с картинами жизни, описываемой Ив.Буниным, не хотят потому, что велика ответственность общества и государства: за 50 лет жизни после крепостного права мы ничего не сделали для деревни, а, напротив, разорили мужика, убили в нем образ Божий, затушили искру Божию и довели его до нынешнего состояния.

Стыдно становится за такое общество, такое государство. Не автор “Суходола” тенденциозен, а тенденциозно наше отношение к “Деревне”, отношение, близкое к “кающемуся” дворянину 60–70 гг. прошлого столетия. Мужика возвеличивали, идеализировали, и в то же время для него ничего не делали или, точнее, делали все, чтобы загубить народную жизнь, отдалить от нее блага культуры и цивилизации.

И вот, когда художник-реалист подошел к народу, поднял ту розовую дымку, через которую мы смотрели на народную жизнь, и показал ужасы жизни, мы кричим: “Нет, это — не правда; нет, это — ложь; это — опасения барина крепостника!” <...> перед нами совершенно не та жизнь, которую мы привыкли видеть у писателей-народников; мужик Бунина совершенно не похож на мужика Некрасова, — и вместо света, ясности, глубокой веры мы находим темноту, мрак, глубокую безнадежность.

Не спорим, быть может, краски у автора “Суходола” сгущены, быть может, он слишком мрачно смотрит на крестьянскую жизнь; но упрекать его в предвзятой, да еще “барской” тенденции — не справедливо. Бунин описывает действительную жизнь, то, что ему, впечатлительному художнику, более всего бросилось в глаза, что произвело на душу и ум художника наиболее сильное впечатление. <...>

Верный заветам Пушкина, Белинского, Тургенева, певец светлых и ясных чувств, поэт красоты, высоко сдержанный, проникновенный, целомудренный художник в высоком значении этого слова, тоскующий о правде и красоте, Бунин не мог и не может быть тенденциозным. Демократические же его убеждения не позволяют ему быть антинародным <...>.

От беспросветной тьмы деревенской не только стыдно за самую деревню, сколько за всех нас, ничего не делающих для этой деревни. <...> И в том, что стало нам стыдно, большая общественная заслуга автора: ибо он один из всех современных писателей подошел к деревне, поднял завесу, скрывающую ее от нас, разбил наши иллюзии <...>.

В таком правдивом отношении к народу и есть истинное народничество, ярким выразителем которого является Ив.Бунин, глубоко убежденный в том, что народ не нуждается в подкрашиваньях и румянах, и что в разлагающейся старой деревне, среди мятущегося народа, таится великий залог будущего. <...> Не нужно также забывать одного чрезвычайно важного обстоятельства, что большой художник, проникновенный поэт, с полным знанием дела, со всей серьезностью, как бывший статистик, один из первых из современных писателей обратился к художественному воспроизведению народной жизни. Все это говорит, что произведения из народной жизни Ив.Бунина заслуживают глубокого внимания и изучения, и что его народничество — настолько крупное явление, что с ним не может не считаться общественная мысль».

В харьковской газете «Южный край» (№ 11064. С. 3) публикуется статья А.Станкевича «Певец осени. И.А.Бунин».

Журналист пишет: «Бунин в поэзии мало трогает. Слишком он определенный, слишком обточенный. Заключен в форму прекрасных сверкающих слов, но не теплый, не сердечный. Слишком стилист. <...> Больше любви к словам, чем чувства.

Школа поэтов, которая десять лет тому назад начала наше модернистское направление <...>, но их главный вклад — форма, а не содержание.

Бунин почти примыкает к ним. Форма. Поэзия плавит железо и берет в плен сердца. Бунин пленяет мысль и оставляет холодным сердце.

Но зато он особый, оригинальный и увлекающий в своей прозе.

Чеховское находит в нем своего последнего представителя и одним крылом граничит с Тургеневым.

Бунин в этом отношении — писатель старой веры.

В 1902 году вышел первый томик его рассказов в издании "Знания". С этого времени, собственно, имя писателя выделилось и стало заметным. Какие это были милые, грустные и ароматные рассказы.

Именно грустные, ароматные.

Полутоны, полунастроения. Родное, чеховское, сумеречное письмо. <...>

Почти непосредственно к этим произведениям примыкают бунинские путевые очерки <...> ("Тень птицы"). Это удивительно тонкие и нежные рисунки. <...>

Все эти очерки лучше рассказов вскрывают сущность эстетического миросозерцания Бунина. И в жизни, и в мечте он сливает форму и содержание, но он пройдет мимо жизни, если она не заключена в красивую форму. <...>

Вот почему его "Деревня", деревня, пережившая революцию, — одно из слабых произведений. Мало необходимого для широкой картины быта, реализма и уравновешенности трезвого беспристрастного наблюдателя. Увлечение формой, красками, сочные, детальные описания — здесь уже явились минусом.

Но вот "Суходол" <...>, и все эти краски на месте, потому что писатель уходит в старую усадебную жизнь, где можно дать полную свободу поэтическому творчеству. <...>

И действительно, как красив, как тонко, как влюбленно вырисован этот "Суходол"! <...>

Наталья "Суходола" и Фирс Чехова — образы равной красоты и грусти, символы одного времени.

Бунинское увлечение формой, — новое, наше, но бунинские настроения, бунинская любовь к осени, к отмирающим усадьбам, отошедшим укладам жизни, тихим полумертвым комнатам, где навеки уснули звуки клавесин, тихим запущенным прудам, где плавают желтые опавшие листья, — это старое, почти тургеневское, и у Бунина настоящее, свое и драгоценное именно это».

Октябрь, 22...29. Выходит № 142 — (43) петербургского журнала «Солнце России», в котором (с. 3) к 25-летнему юбилею литературной деятельности воспроизводятся четыре фотографии: Бунин в Индии в 1911 г.; Бунин в Турции в 1903 г.; Бунин, Д.Н.Мамин-Сибиряк, М.Горький и Н.Д.Телешов в Ялте в 1900 г.; фотопортрет Бунина.

Октябрь, 30. Д.П.Варлыгин посылает Бунину стихотворение «В ночи безлюдной и ненастной...» с надписью:

«Дорогому поэту Ив.А.Бунину на память о его 25 юбилее. 30 октября 1912 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/20 оф.

В газете «Баку» (№ 245. С. 2–3) публикуется статья «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)». Подпись: А.К.

Журналист пишет: «Знают ли в России что-нибудь про Бунина? – Почти все читающие. Но знают ли Бунина? Очень немногие. И это именно так. Он удивительный мастер слова и только слова. Формула: "искусство для искусства", если лишить ее свойственного ей оттенка тенденциозности, очень хорошо характеризует его писательское свойство и самочувствие. Он все время около жизни и так же все время бесконечно далек от нее.

Его темы разнообразны, затрагивают чуть не все стороны жизни. Но в этом разнообразии нет ни силы, ни объективности. В сущности, он ко всему глубоко безразличен. И это особенно видно, если присмотреться, по каким ассоциациям строятся его художественные образы. В них много внешне художественных наблюдений, собранных с поверхности жизни, много внешней колоритности, разработанности речи. Но глуби и сути явления – не найдете.

Надо слишком много верить и сильно любить, чтобы обладать "открытым зрением", и видеть живую душу явлений и людей. Бунин далек от этого и неубедителен. После чтения его рассказов и романов остаются в душе яркие крупинки, красивые кусочки, слова, жесты, подробности быта. Но никогда не вспомнишь ни одного живого лица.

Таковы же и его стихотворения; эти красивые, чеканные крупинки. Они мало согреты внутренним чувством. И только порой в них чувствуется раздраженное художественное любопытство, имеющее очень мало общего с истинным лиризмом.

Но есть и у него область тем, где живое чувство пробивается сквозь академический холод красивой словесности. Это – когда он касается замирающей жизни старых русских усадеб. Здесь все трогает его за живое и рождает в душе истинный родник печали и раздумья. И даже выражение "по-бунински" стало нарицательным именем, именно для всякого рода дворянского оскудения и угасания.

Еще штрих.

Бунин великолепный переводчик. Художественная ценность его перевода очень высока. <...> Это подчеркивает в нем то, что он мастер слова, знает душу слова, его стихию и жизнь.

Так же характерно для него и то, что он академик. Если его, со временем, скоро и забудут, то, во всяком случае, он долго будет жить в памяти академии; долго его будут там ценить и изучать, ибо его слово действительно прекрасно».

В газете «Одесский листок» (№ 252. С. 2) помещается стихотворение Л.Баткиса «И.А.Бунину» («Четверть века служа красоте...»).

В газете «Одесские новости» (№ 8861. С. 4) публикуется информационная заметка «Чествование И.А.Бунина» (без подписи), внутри текста заметки помещается шарж на Бунина работы художника И.Малютина.

В харьковской газете «Южный край» (№ 11066. С. 5) печатается статья профессора Н.Ф.Сумцова «И.А.Бунин. (По поводу 25-летия литературной деятельности)».

Автор статьи пишет: «Бунин – автор значительного числа рассказов и большого количества стихотворений. Рассказы его большей частью невелики и слабы по внутреннему содержанию. Некоторые страдают тяжелой придуманностью, например,

“Тарантелла” <...>, рассказ “Перевал” слишком аллегоричный. Лучшие рассказы те, где находится описание красот внешней природы, например, “Осенью”, “Руда”, “Антоновские яблоки”. Только в описании внешней природы автор чувствует себя дома, и в прозаике просыпается поэт-художник.

Бунин — по настроению прямой потомок Жуковского, <...> чистый романтик. В его стихах обнаруживается восторженное описание внешней природы, особенное расположение к картинам ночи и осени, любовь к одиночеству. По многим признакам Бунин — натура мягкая, мечтательная, местами пробивается религиозное настроение, например, в рассказах “Руда”, <...> “На Донце”. <...>

Одиночество — понятие растяжимое, и, судя по произведениям Бунина, автором преувеличено. Писатель сам ищет одиночества, любуется им и болеет от него. Он не может и не хочет войти в широкие общественные и народные интересы.

Гораздо более веса Бунин имеет, как поэт, причем лучше всего ему удаются краски природы, преимущественно осенние картины дня и ночи, преимущественно в переходных моментах. <...>

Если сравнить стихотворения Бунина с его рассказами, то обнаруживается, что автор и в поэзии так же часто выражает излюбленные им мотивы одиночества и молчания, так же часто бывает односторонен в смысле живописи внешней природы, слишком часто говорит об осени, ночи, лесах. Если в прозаических статьях мало экскурсии в область общественности и этнографии, то в стихотворениях их еще менее.

С внешней стороны стихотворения Бунина большей частью музыкальны и красивы.

Бунин любит повторения, и часто пользуется этим приемом удачно. <...>

Бунин пользуется повторением умело и кстати; оно всегда стоит в тесной зависимости от внутреннего содержания произведения, душевного настроения поэта и тесно связано с текстом. <...>

Нельзя не отметить ценной заслуги Бунина в превосходном стихотворном переводе поэмы Лонгфелло “Песнь о Гайавате”. <...> Перевод сделан по подлиннику тщательно, стихами легкими и музыкальными».

Октябрь, 29 и 30. В газете «Киевская мысль» (29 окт. (№ 300). С. 2; 30 окт. (№ 301). С. 2) помещается статья Л.Н.Войтоловского «И.А.Бунин. (К 25-летнему юбилею)».

Критик пишет: «И теперь, и раньше И.А.Бунин стоял в литературе особняком. <...>

Элегия — преобладающая черта в творчестве Бунина. Элегия, созданная какой-то эстетической жалостью о прошедшем. В его лице тургеневская литература с глубоким чувством оглянулась в последний раз на разоренные дворянские гнезда. И было в этом зрелище много мучительного для художника, много такого, что надолго покрыло смертною бледностью его лицо. <...> Но Бунин не любит трагических признаний, не любит воплей. Он строг и сдержан и целомудренно таит в себе свои чувства. Без гнева, без излишней чувствительности он стал рассказывать о разоренных усадьбах, о сером дворянском прозябании. <...> Но в действительности, не земля сама по себе, не помещичье разорение привлекло фантазию Бунина, а дух старины, тот аромат мечтательной тайны, который носился над развалинами старых

дворянских гнезд и запущенных парков. Его творчество всегда и во всем питалось тем, что Бунин сам называет "исчезновением в вечности". И когда ему открылись все тайны, связанные с помещичьей былью, с "запахом тления", Бунин перестал прислушиваться к голосам "пустынных аллей" и вскоре совсем отвернулся от своих захиревших и оскуделых героев. <...> И отгородившись от деревни, он стал с тех пор еще скупее в своих порывах и увлечениях, сохранив в себе только одно эстетическое любопытство. Он точно задумал превратиться в холодного созерцателя жизни, стоящего вне течений и партий, вне общественных тем и национальных привязанностей. Он полюбил экзотические страны, чужеземные темы и вместе с ними скитальческую жизнь. <...>

С поразительной тщательностью и добросовестностью заносит он каждое свое впечатление на бумагу, как будто репутация чуткого туриста ему гораздо дороже репутации чуткого гражданина. И при этом всегда повторяет о своей любви к красоте. Но странным образом последняя неизменно сплетается у него с любовью к грусти и сумраку, к старым развалинам и забытым могилам. Он точно ищет в мире следы истребленной, заброшенной жизни, и, открывая забытые гробницы, в пыльных, обезображенных чертах старины он старается найти источник бессмертных откровений и какой-то великий, неумирающий завет, идущий от мертвых к живым, от прошлого к будущему. Красота запустения, поэзия запущенных парков, как свет давно померкших светил, служит грустным свидетельством этой вечной, неумирающей связи. <...> Он, без сомнения, глубоко привязан к жизни и к миру и оттого так много внимания уделяет он деталям, фактам, описаниям внешних мелочей. Но смотрит на мир он взглядом, опечаленным созерцанием всегда цветущей и всегда умирающей земли. Ибо родником его поэзии — и теперь, как и прежде, — является "исчезновение в вечности". И часто трудно понять, исцеляет ли он собственную печаль в этих строгих, серьезных описаниях, или объемлет своей тоской весь мир, как беззащитное прибежище от неиссякаемых страданий.

С появлением в печати "Деревни" связывается новый крутой перелом в творчестве И.А.Бунина. Об этой повести уже написана целая литература. <...>

Ни реставрировать мужика, ни поносить его падшее величие Бунин, конечно, не имел в виду своей "Деревней". <...> Но деревня — неподвижная, мертвая, застывшая, как воплощение старины, — всегда была истинной стихией его творчества, и оттого он вернулся к ней. И то, что он написал теперь о деревне, действительно страшно. <...>

О вырождении деревни вопиет теперь каждая страница у Бунина. Гниет Дурновка! <...>

Искать в этой повести умышленного сгущения красок со стороны Бунина — нет никакого основания. Его "Деревня" такова, а не иная, потому что в таком, а не ином созерцании рисуется ему вся русская, — и не только русская, а вся человеческая жизнь. Бунинская деревня — это те же исторические руины, населенные печальными призраками и входящие в тот же великий круг запустения и смерти, которым усеян весь путь человечества. В этом смысле бунинская "Деревня" только один из фазисов в развитии прежней меланхолической эстетики Бунина, и что в ней — в этой повести — не кроется никакой "социальной подоплеки", — следует из того, что почти вслед

за грязной, больной, разлагающейся “Деревней” был напечатан Буниным “Суходол”, <...> и от этой печальной дворянской летописи веет тем же жутким разложением, как и от мужицкой “Деревни”. <...> Создается гнетущая картина, не только не уступающая, но превосходящая по мрачной сгущенности “Деревню”. И весь смысл этой картины — в резком стремлении подчеркнуть, что нет двух Россий, между которыми якобы прошла петровская бритва. <...> Но душа у всех была Суходольская, мужицкая, на которой безмерно велика была власть косного Суходольского быта. <...>

Утверждать, что все эти безотрадные картины не что иное, как брезгливая гримаса эстета, это значит ничего не понимать и не чувствовать в поэзии Бунина. Можно Бунина упрекать, что слишком много злодейства и тупоумия в его деревне, и это будет вполне справедливо. Но разве не твердила нам того же вся публицистика, начиная с Белинского? <...> Можно Бунина упрекать, наконец, в чрезмерном безверии. И это тоже будет верно. <...>

Да и так ли уж велико безверие Бунина?

Как ни жесток и страшен Суходольский быт, — при чтении многих страниц вас охватывает щемящая грусть. Тоска по ушедшему, нелепому, жалкому, но все же жившему и чем-то близкому нам. <...> И хорошо, что жизнь перешагнула через эту тяжелую черту и мечтательно рвется куда-то дальше.

Куда? Бунин не всегда умеет сказать об этом. И оттого его мечтательность постоянно отравлена горьким привкусом пессимизма. Чувство жизни, вера в ее негаснущий след — в нем необыкновенно тонки и сильны, но он совершенно не знает чувство поклонения. Бунин — созерцатель, один из немногих наших поэтов-философов, и подобно Сюлли-Прюдому, подобно Леконт де Лилю и Тютчеву, он ставит искренность и размышление выше молитвы и обязательных идолов. Родина, свобода, народ — эти слова оставляют его холодным. Он, говоря прекрасным старинным словом, — писатель безочарованный. Он чувствует себя всегда одиноким среди людей и грустным перед лицом природы. Но это не значит, конечно, что Бунин — “писатель вне жизни и общества”, как называют его некоторые критики. Он только раз навсегда оборвал все затаенные пристрастия, раз навсегда отвергнул все оглушительные слова. <...>

И это не потому, что Бунин эстет и утонченник, брезгливо отворачивающийся от грязной деревни и грубого жандарма. Нет, Бунин считает себя не выше и не ниже земли. Он только страдает тихим, но непобедимым недоверием и к слезам, и к радостям жизни. Он все знает, все готов принять и освятить. Но строгий разум всему отводит свое место, и каждый образ Бунина как бы выходит одновременно из головы и из сердца».

Октябрь, 21...30. На книгах Бунина, изданных «Московским книгоиздательством» (остатки тиражей, выкупленные писателем) «Деревня» (М., 1910), «Перевал и другие рассказы 1892–1902 г.» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912), «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред Байрона» (2-е изд., доп. М., 1912) переклеиваются титульные листы и обложки с маркой «Книгоиздательства писателей в Москве».

См.: 19 октября 1912, первая запись; 20 октября 1912, первая и вторая записи; 31 октября 1912, третья запись; 12...19 ноября 1912.

Октябрь, 31. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Друг мой дорогой. <...> Я хотел тебе напомнить о твоем обещании дать хоть небольшое стихотворение для 1 № “Пути”. Ради дружбы сделай это. <...>

Вчера видел Ф.И.Благова; он мне рассказывал о твоем стихотворении “Мать”: “Дорошевич вообще, говорит, не любит стихов, и когда я ему сказал, что есть бунинское стихотворение, — он поморщился, а когда прочитал, так привскочил даже от восторга”.

Поздравляю тебя, большую тушу ты пронзил».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 36–37.

См.: 28 октября 1912, девятая запись.

Ф.Г.Тихонов посылает посвященное Бунину стихотворение и пишет ему из Харькова приветственное письмо, где, в частности, говорится:

«Счастлив воспоминанием о проведенном с Вами времени в Орле, которое навсегда останется одним из лучших в моей безотрадной жизни» и просит выслать фотопортрет.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 32–33.

Из конторы типографии П.П.Рябушинского посылается Бунину счет за набор и перепечатку обложек и титульных листов к книгам «Деревня» (М., 1910), «Перевал и другие рассказы 1892–1902 гг.» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912), «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред Байрона» (2-е изд., доп. М., 1912).

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/7 оф.

В симбирской газете «Волжские вести» (№ 1048. С. 3) печатается статья «Поэт вечной красоты. (25-летие литературной деятельности И.А.Бунина)». Подпись: Аст.

Критик пишет: «Бунин — поэт созерцатель. Он тесно слит с жизнью и ее впечатлениями, но в то же время он и далек от них. Чистая эмоция, непосредственная лирика редка в его стихах. Он больше любуется миром, чем переживает его. Поэтому, может быть, его поэзия несколько холодна и чуть-чуть задумчива. Ведь созерцание не проходит даром для поэта: оно глубже простой эмоции. Поэтому стихи Бунина походят часто на антологию. <...> Бунин любит природу, как она есть, не связывая ее обязательно с своими переживаниями и даже часто подчиняется сам ее жизни. Природа для него хороша, но родней и ближе своя милая, несколько печальная, зато близкая сердцу природа. <...>

Как живописатель природы, Бунин исключителен. Представитель пушкинской традиции, в кристальные, чистые образы он отливает свои видения. <...> Вот “Листопад”. <...> В этом же произведении есть восхитительное описание осени. Оно удивительно напоминает такой же отрывок из “Онегина”, известный всем со школьной скамьи. И, однако, у Бунина нет повторения: он нашел новые краски и новые слова. <...>

Прекрасен по своему задумчивому ритму “Ковыль”. <...>

Любовь сильнее смерти... Но и она у Бунина такая же, больше созерцательная, тихая, нежная; страсть редко врывается, быстро сменяясь задумчивой умиленностью. Таковы “Первая любовь” и “В поздний час”.

Бунин не ищет новых размеров для своих стихов. Они у него просты по структуре, но благородны и прозрачны. Его певучий стих как-то сдержан, и интересной особенностью для Бунина является незначительная роль рифмы в его стихах. Читая, не замечаешь, что стихи рифмованы, так ритмически плавно и свободно льется стих. А между тем, его рифмы интересны, звучны и изящны. Форма стиха у него всегда красива, часто грациозна, всегда закончена; нередко обычная сдержанность стиля придает некоторую холодность. Самый язык ясен и гибок; в нем встречается много индивидуальных особенностей, автор любит употреблять народные слова (ветряк, шугуй, буерак, побирушка). Нередко стих подходит близко к прозе; иногда Бунин ставит точку среди стиха, но от этого речь приобретает лишь большую правдивость.

Сдержанная простота характеризует как стиль, так и содержание поэзии Бунина. Поклонник красоты и радости жизни он как рыцарь благороден и скромен».

В газете «Одесские новости» (№ 8862. С. 3) помещается фотография: И.А.Бунин на острове Цейлон.

Бунин обнимает двух цейлонцев.

В московской газете «Утро России» (№ 251. С. 6) публикуется статья В.Г.Тардова «Юбилейные мысли». Подпись: Т.Ардов.

Журналист пишет: «При главнейших так сказать "моментах" празднества, которое устроила по поводу юбилея литературная Москва, я присутствовал и вынес много хороших, славных, трогательных впечатлений и много... не то чтобы дурных, но странных. Были минуты, когда мне было хорошо за юбиляра. Но были и такие минуты, когда мне было жаль его, когда было больно за него, невыразимо тяжело от того неуклюжего непонимания, которым в эти минуты был окружен писатель.

Я увидел, прежде всего, одно удивительное явление: со всех сторон приходили к писателю, который четверть века служил своему призванию, разные люди с приветом. И чуть не все эти люди (по крайней мере многие!) приносили не один только этот свой привет, приходили не за тем, чтобы в день писательского праздника в почтении склониться пред *писателем*: они приходили с страстным намерением сказать ему, *что именно они желали бы переделать в его творческой личности*. И каждый из них приносил свои указания и свои мерки. <...> Сколько мерок, шаблонов, штемпелей тут пришлепывается к нему, каждый тянет его к себе, на свою сторону, в свой толк, в свою группу. <...>

Когда звучали все эти речи (да и вообще за эти дни), я невольно думал: "А ведь Бунин-то, может быть, гораздо, гораздо больше, чем его считали и считают вот здесь". Я думал так потому, что уж очень это по-моему хороший знак, когда к писателю нельзя пришпилить ни одной этикетки так, чтобы она пришлась как раз! <...>

И мне хотелось обратить внимание собрания на неуместность всех наших "указаний" и в особенности на неосновательность всех указаний критики, которых столько было сделано И.А.Бунину. <...>

Мне припомнились тут слова Пушкина:

Ты царь, живи один, дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

Вот формула, вот гениальное определение поэта, писателя, творческой личности, в котором всегда содержится ответ на все упреки, на все советы впрячься в ту или иную программу. <...>

И вот, пробегая путь, пройденный Буниным, я вижу, что и его судьба осенила тем же знаком писательского благословения и человеческого проклятия, и он — из тех, что остаются самими собой до конца. И когда он тогда, в конце банкета, отвечал на некоторые указания и страстно повторял с таким хорошим упрямством: “Не буду, не буду писать так, как вы хотите, никогда не буду” — у меня было хорошо на душе. Слава Богу!.. <...>

Нужно только одно: чтобы это было святое творчество, чтобы было не только талантливо, но и *свободно*. А у Бунина, если вы проследите его работу и его жизнь, и отношение к нему критики, — это было. И сейчас, в дни двадцатипятилетнего юбилея его работы это сказывается, и видно, что он побеждает. <...> И единственное пожелание мое ему на этот грядущий путь — это пусть он по-прежнему остается самим собою, блюдет свою самость, не склоняется ни пред какими соблазнами жизни, пусть помнит гениальные слова:

Ты царь, живи один, дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...».

Октябрь, конец. Приветственные телеграммы и письма Бунину посылают:

— В.И.Дмитриева из Воронежа:

«Из далекого Воронежа, где ночью на улицах воют волки и антоновские яблоки продаются возами сердечный привет», приложено стихотворение, посвященное писателю.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 35–36.

— Н.М.Мешков:

«...крайнее нездоровье к величайшему моему прискорбию помешало мне принести лично Вам свои приветствия и поздравления. Позвольте сделать это <нрзб> и положить к ногам вашим свою любовь, преданность и благодарность за светлые радости, пережитые мною за дивными страницами Ваших произведений.

Целуя руки Ваши благоговейно,
остаюсь преданным Вам Николай Мешков».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 40.

— С.Д.Фомин:

«Дорогой Иван Алексеевич! Четверть века Ваших трудов на ниве русской литературы дали золотые всходы.

Радуюсь за Вас, как за учителя слова, талантливого художника и наблюдателя жизни.

Желаю здоровья и творческих сил на славу и гордость нашей литературы. Болезнь не позволяет поздравить лично».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 42.

А.А.Кротков посылает Бунину из Кобеляк Полтавской губ. приветственное стихотворение «И.А.Бунину».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3391/24 оф.

И.И.Морозов посылает Бунину свое стихотворение «И.А.Бунину».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 41.

Октябрь. Бунин посылает А.М.Горькому книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Дорогому Алексею Максимовичу от старого друга. Ив.Бунин. Москва. Октябрь, 12 г.».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Бунин посылает А.Ф.Кони книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Анатолию Федоровичу Кони с глубоким уважением Ив.Бунин».

ИРЛИ Б-ка, $\frac{1938к}{2564}$

Бунин посылает В.В.Котляревской книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Дорогой Вере Васильевне преданный ей автор».

ИРЛИ Б-ка, 44.45.

Бунин посылает В.П.Кранихфельду книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому Владимиру Павловичу Кранихфельду автор».

ИРЛИ Б-ка, $\frac{1936к}{1257}$

Бунин посылает И.М.Москвину книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому Ивану Михайловичу Москвину Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 166388.

Бунин посылает В.Г.Тардову книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Многоуважаемому Владимиру Геннадиевичу Тардову Ив.Бунин».

РГАЛИ, № 21522а.

Бунин посылает Е.А.Телешовой книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Дорогой Елене Андреевне преданный Ив.Бунин».

РГАЛИ, № 987а.

Бунин посылает М.П.Чеховой книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Марии Павловне сердечно преданный ей Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 281.

Бунин посылает Л.Ф.Маклаковой книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемой Лидии Филипповне Маклаковой Ив.Бунин».

ГЛМ ОР, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 12.

Сохранился только шмуцтитул с автографом.

Ноябрь, 1. Бунин пишет благодарственные письма:

— В.Я.Брюсову:

«Позвольте мне в лице Вашем выразить мою глубокую благодарность Дирекции Литературно-художественного кружка за принесенное мне приветствие в день моего юбилея и за предложение общему собранию избрать меня в почетные члены».

— М.П.Гальперину:

«От всей души благодарю Вас за все то внимание и доброе отношение, которое проявили Вы ко мне за эти памятные для меня дни».

— А.Е.Грузинскому:

«Позволь мне в лице твоем принести мою искреннюю благодарность Обществу любителей российской словесности за ту высокую честь, которую Общество оказало мне избранием меня в почетные члены и поднесением мне приветственного адреса в день 25-летия моей литературной работы».

— Н.В.Давыдову:

«Позвольте мне в лице Вашем принести мою глубокую благодарность Толстовскому обществу за приветствие в день моего юбилея».

— П.Н.Сакулину:

«От всей души благодарю Вас за то внимание и доброе отношение, которое оказали Вы мне в день моего юбилея».

— К.С.Станиславскому:

«От всей души благодарю Вас за ту высокую честь, которую мне оказали Вы и Художественный театр своим приветствием и подношением в день моего юбилея. Глубоко тронут этим дорогим для меня знаком Вашего внимания ко мне».

— в редакцию журнала «Русское богатство»:

«Приношу глубокоуважаемой редакции “Русского богатства” мою искреннюю благодарность за приветствие в день моего юбилея».

Письма (2). С. 244–246.

М.Бжиленцкий выражает в письме Бунину недовольство их краткой встречей в коридоре гостиницы 31 октября и при этом настойчиво просит оказать ему материальную помощь.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2994 оф.

Б.А.Лазаревский пишет Бунину по городской почте:

«Хотел зайти к Вам, но меня раскатала такая инфлуэнца. <...> Послал И.А.Белоусову рассказ для “Пути” <...> спросите его по телефону, как он думает со мной поступить?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3078/1 оф.

И.А.Ромашков пишет Бунину:

«Поздравляю Вас <...> с двадцатипятилетием вашей литературной деятельности очень сожалею что не имею возможности приветствовать вас лично».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 34.

Бунин получает приветственное письмо от редактора журнала «Русская мысль» П.Б.Струве:

«Не имея удовольствия и чести Вас знать, почитаю за удовольствие и честь принести от себя лично и от журнала, коего являюсь редактором-издателем, поздравление с прошедшим Вашим юбилеем. Единодушное участие в нем разнородных элементов русского общества показало, что в своей изящной литературе русские научились ценить общенациональное

достояние, пред которым замолкают партийные споры и направленские перебранки».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 313, л. 3.

Датируется на основании пометы Бунина на письме: «1-го ноября 1912 г.»

В газете «Баку» (№ 247. С. 3) помещается фотопортрет Бунина в связи с литературным юбилеем писателя.

Выходит № 45 петербургского журнала «За 7 дней», в котором (с. 2057–2058) помещается статья «И.А.Бунин. (К 25-летию его литературной деятельности)». Подпись: Л.М-ч. Статья оформлена заставками работы Е.Е.Лансере.

Журналист пишет: «Кто любит родной русский язык, кто любит родную русскую литературу, — не за что-нибудь, а “так”, как любят мать или возлюбленную, — кто любит Пушкина и ценит в меру Бальмонта, кто любит Толстого и возмущен Сологубом, — тот знает и любит Ивана Алексеевича Бунина». Назвав Бунина «большим писателем», критик продолжает: «Бунин вступил в литературу как законный правопреемник старых мастеров, как законный наследник всех завещанных ими прав и обязанностей, — вступил спокойно, не спеша, как подобает настоящему хозяину. И он был сразу признан, <...> он очень скоро заслужил и чрезвычайно почетное сравнение, которое стало с тех пор почти банальным: Бунина сравнивают с Тургеневым.

<...> Но, в сущности, всякое сравнение такого рода, когда оно касается крупных художников, всегда оказывается слабо, так как большой художник — прежде всего характер, своеобразная, неповторимая индивидуальность, и меньше всего тип.

Да, у Бунина есть, конечно, очень много от Тургенева, но вглядитесь внимательно — и вы увидите в нем и очень много от Толстого, и кое-что от Фета, и еще от многих других.

<...> Бунин большая творческая индивидуальность, но он типичен, как русский, или — еще точнее — как русский дворянин: эта созерцательность в нем — чисто русская, этот меланхолический душевный строй — черта русского дворянина; эта глухая тоска — чисто русская, этот разъедающий анализ — старая болезнь русского дворянина; его искания — чисто русские, его безверие, его пессимизм — безверие и пессимизм русского дворянина; эта серьезность восприятия жизни — чисто русская, этот скептицизм на самом дне, это незнание дороги — типичный душевный склад русского дворянина. Его глубокий, экспрессивный, но мягкий и красочный язык — чисто русский и живописность и некоторая кокетливость его — во вкусе русского барина. <...>

Бунин — последний русский дворянин-писатель, и быть может, поэтому он сумел так ярко, так сильно, так страшно описать русскую “деревню”; но до дна *понять* ее, но услышать шум подземных ручьев, но разглядеть черты лица *новой* деревни — именно поэтому он не сумел.

Но именно в этом и таится сила и обаяние Бунина-художника: среди пустозвонного шума, среди нервических судорог современности, среди торгашеских криков с одной стороны и страстной героической борьбы — с другой, так странно действует на душу это элегическое спокойствие, эта уверенная, барственно-неторопливая речь, весь этот красивый обломок старины, вправленный в современную оправу, — этот последний прекрасный цветок, выросший на тучном спящем черноземе».

В газете «Одесский листок» (№ 254. С. 4) под заглавием «Юбилей И.Бунина» публикуются тексты приветственных телеграмм от В.Г.Короленко, Л.Н.Андреева, В.Я.Брюсова, С.Я.Елпатьевского, С.А.Найденова, Д.Я.Айзмана, С.В.Рахманинова, М.М.Коцюбинского, Ф.И.Шаляпина, редакций газет и журналов, а также письмо А.М.Горького.

В архангельской газете «Северное утро» (№ 245. С. 2) помещается информационная заметка «Чествование И.А.Бунина» (подпись: Ив.Кр-ов) о чествовании писателя в Обществе деятелей периодической печати и литературы 26 октября.

А.М.Горький пишет И.П.Ладыжникову (14 ноября н. ст.) с Капри о «Книгоиздательстве писателей в Москве»:

«Относительно Т-ва писо-издателей: они от меня скрыли, что Клестов у них, хотя И.А.Бунин знает мое отношение к этому человеку».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 187.

А.М.Горький пишет Е.А.Ляцкому:

«Следовало бы для ноябрьской книги <журнала “Современник”> написать статейки о Мамине-Сибиряке и Бунине, по поводу их юбилеев. Вы не напишете?»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 189.

Ноябрь, 2. В московских газетах «Русские ведомости» (№ 253. С. 4), «Русское слово» (№ 253. С. 5) и «Утро России» (№ 253. С. 5) публикуется письмо Бунина с благодарностью за приветствия в день юбилея.

См.: 29 октября 1912, вторая запись.

Н.Д.Георгандопуло вновь пишет Бунину по городской почте с просьбой о встрече:

«Третьего дня я имел честь беседовать с Вами по телефону, и Вы позволили мне быть у Вас дня через три-четыре».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2–3.

К.И.Дмитриева пишет Бунину из Самары с просьбой о материальной помощи:

«Обращаюсь к Вам как самому лучшему человеку в свете! <...> Пишу Вам по секрету, муж убьет меня, если узнает. <...> Пришлите, если Вы мой спаситель Вашу фотографическую карточку. Какой Вы?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3041 оф.

В.Клингер посылает Бунину свою книгу «Животное в античном и современном суеверии» (Киев, 1911) с дарственной надписью:

«Высокочтимому Ивану Алексеевичу Бунину от Витольда Клингера, — великому художнику от чернорабочего науки.

Киев. 2.XI.12».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3453 оф.

А.И.Конвисар, узнав из газет о юбилее Бунина, обращается к нему в письме из Ахтырки Харьковской губернии с просьбой о материальной помощи.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3056 оф.

В газете «Одесский листок» (№ 255. С. 4) под заглавием «Юбилей И.Бунина» публикуется текст приветственного адреса от Академии наук.

В Петербурге умирает Д.Н.Мамин-Сибиряк.

В.В.Вересаев вспоминает: «Заседали мы как-то вечером в правлении “Книгоиздательства писателей”. Иван Бунин скучающе просматривал вечернюю газету. Вдруг он с сожалением воскликнул:

— Умер Мамин-Сибиряк!.. А мы как раз собирались избрать его в почетные академики. Эх, жалко, не поспели! Тяжелая его жизнь была в последние годы. Утешили бы старика».

Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 472.

Ноябрь, до 3. Выходит № 7 петербургского журнала «Заветы», в котором (отд. II, с. 156–158) публикуется статья Р.В.Иванова-Разумника «Два юбилея», о 40-летии литературной деятельность Д.Н.Мамина-Сибиряка и 25-летии литературной деятельности Бунина.

Критик пишет о Бунине: «...почетный академик и юбиляр меньше чем кто-либо может жаловаться на отсутствие шума вокруг его имени; шума иногда, к сожалению, больше, чем следовало бы. <...>

А между тем И.А.Бунин — действительно хороший писатель, сильный в своей области “ума холодных наблюдений”, сильный и в холодно обдуманных стихах. Лучше всего удаются ему переводы — “Песнь о Гайавате”, “Манфред”, “Каин”, “Небо и земля”. Любит он писать стихи из южных и восточных стран — вообще оттуда, где есть “нечто экзотическое”; но и южные стихи выходят одинаково холодными, четкими и безупречными.

Но, конечно, не стихами оставит о себе память в русской литературе И.А.Бунин, а своими рассказами, из которых наиболее интересны посвященные русской деревне. <...> Впечатление у автора от деревни — черное; он хочет с любовью подойти к мужику, хочет понять, хочет изобразить правдиво. <...> Во всяком случае, несомненно, что перед нами — добросовестный писатель, по мере сил изображающий то, что дано ему видеть и понимать. А что *дано*, то не зависит от воли художника.

Социально-этнографические романы Мамина-Сибиряка и пейзажно-психологические рассказы Бунина во многом противоположны, но во многом и дополняют друг друга. <...> пришло в русскую жизнь то, что описывает Мамин-Сибиряк, а что произошло от этого прихода — о том смотри в произведениях Бунина. Разница лишь в том, что первый из них художественно описывал объективный факт, а второй осветил результаты этого “факта” с очень субъективной точки зрения. О деревне в произведениях И.А.Бунина всегда судит (независимо от воли автора) русский дворянин в фуражке с красным околышком».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 ноября (№ 254). С. 1).

Ноябрь, 3. В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина составляется денежный и материальный отчет по рассылке и продаже книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«Получено у типографа 4188 экз. Продано 1965 экз. Остаток на складе 2223 экз.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 1–2.

Выходит № 44 петербургского журнала «Нива», в котором (с. 880–881) печатается статья «Юбилей И.А.Бунина». Подпись: Н.Л. Воспроизводится фотопортрет Бунина.

Журналист отмечает: «Ивану Алексеевичу Бунину всего сорок два года, но он уже празднует свою серебряную свадьбу с Музой. <...> О его личной жизни известно мало. Он стоит в стороне от литературных кружков, имя его не часто мелькает в журнальной сутолоке, и вся его известность — исключительно авторская.

И какая это широкая и почетная известность! <...> Все одинаково любят этого тонкого, нежного поэта. <...>

Его место в современной русской поэзии совсем особенное. За ним и вокруг него нет партии, он не желает пролагать какие-то новые пути, из-за него не ломаются копья. Безмятежно и спокойно созерцает он жизнь, умея во всех явлениях ее находить золотое ядро поэзии; он не враждует с нею, и его мироотношение с чисто пушкинскою простотою и ясностью принимает мир, в котором “все благо”, потому что все создано высшею мудростью, которой покоряется без ропота душа поэта. <...> Ничего резкого и волнующего нет в его настроениях, но они не стоячая вода, а плавно совершающее свое круговое течение глубокое, чистое озеро.

Один наблюдательный критик сравнил Бунина с Чеховым и Левитаном. Это было удивительно метко и верно. С ними обоими роднит Бунина чувство пейзажа, именно русского пейзажа, тихого, скромного, задумчивого. <...> Какая волшебная прелесть в этой целомудренно краткой и кроткой простоте описаний, в этой четкой строгости и определенности образов родной природы! Какое уменье несколькими словами навеять то сладостно-томящее настроение, с которым оставляешь страницу тургеневского описания природы или уходишь от картины Левитана, закрываешь некоторые рассказы Чехова. Для Бунина природа — не что-то, хотя и прекрасное, но отдаленное от человека, — он ощущает ее в себе самом, чувствуя ее, чувствуя себя и свое бытие, и заставляет и других испытывать то же.

Фабул и событий Бунин не знает. Они ему не нужны, потому что волшебной силой он и останавливает, и навеки животворит, и закрепляет трепещущие мгновения. Поэзия Бунина — самое типическое выражение лиризма во всей его беспримесной чистоте. В этом его высшая значительность и своеобразие среди современных наших поэтов. Иные струны звучат в нынешней русской поэзии громче и ярче, но эта струна, такая сердечная и нежная, звенит только на его лире с особенно покоряющей душу властностью».

В газете «Одесские новости» (№ 8865. С. 2 иллюстрированного приложения к газете) помещается фотография «И.А.Бунин 25 лет назад».

Публикуется фотопортрет 1887 г.

В газете «Омский телеграф» (№ 239. С. 3) помещается краткая информационная заметка «Чествование И.А.Бунина» (без подписи) о праздновании юбилея 28 октября.

В архангельской газете «Северное утро» (№ 247. С. 2–3) публикуется информационная заметка В.А.Щуренкова «Юбилей И.А.Бунина» о чествовании писателя 28 октября. Подпись: Веди-Аз.

Псевдоним раскрыт по: Блюм А. И.А.Бунин и «Северное утро» // Север. 1970. № 10. С. 127–128.

В симферопольской газете «Южные ведомости» (№ 250. Литературно-иллюстрированное приложение. С. 3) воспроизводится фотопортрет Бунина (сидит в кресле в профиль) с подписью: «И.А.Бунин. (К 25-летию литературной деятельности)».

Ноябрь, 4. В день похорон Д.Н.Мамина-Сибиряка в московской газете «Раннее утро» (№ 255. С. 4) публикуются высказывания о писателе Бунина и Н.Д.Телешова под общим заглавием «Из воспоминаний».

Бунин говорит: «— Д.Н.Мамин-Сибиряк <...> оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный, с оттенком скептицизма.

В то же время замечательно нежной души человек.

Встречались мы с ним в редакции “Мира Божьего”, а еще раньше в редакции народнического журнала “Новое слово”.

Он отличался удивительно красивой внешностью: здоровый, крепкий <...>.

Крупный талант, не использовавший до конца своих сил, не сказавший своего последнего слова!».

В газете «Омский вестник» (№ 241. С. 3) печатается статья Г.Вяткина «Письмо из Москвы».

Журналист пишет о юбилейных торжествах: «В литературном мире самым значительным событием является 25-летний юбилей литературной деятельности лучшего из современных русских поэтов, почетного академика Ив.Ал.Бунина. Юбилейные чествования заняли несколько дней. <...> Чествование разрослось в грандиозный общелитературный праздник. В лице Бунина горячо приветствовали не только его самого, но и то здоровое светлое направление в литературе, представителем которого он является. В бесчисленных речах и адресах неоднократно подчеркивалось, что почтенный юбиляр, как чуткий художник и проникновенный поэт, делает большое дело: незаметную, серую, будничную жизнь он углубил до символа и возвысил до Бога; он показал, что красота не только над нами, но и среди нас, в живой, трепетной, иногда покрытой ранами, и все-таки божественной жизни. В ответной речи на одно из приветствий И.А.Бунин сказал, что если его произведения и сильны, то сила их — в его постоянной связи с землей, и привел свое любимое изречение из Корана: “Слово должно быть деревом, корни которого таятся в глубине земли, а ветви тянутся к небу...”. Речь юбиляра была покрыта единодушными, долго не смолкавшими аплодисментами».

В газете «Омский телеграф» (№ 240. С. 3) публикуется статья Н.Феоктистова «И.А.Бунин. (По поводу 25-летия литературной деятельности)». Подпись: Н.Ф-в.

Критик пишет: «28 октября праздновал двадцатипятилетний юбилей своей

литературной деятельности один из лучших поэтов нашего времени — И.А.Бунин. <...>

Поэзия Бунина чужда новым крайним течениям, как в форме, так и в содержании стиха. В своем творчестве Бунин прямой потомок Пушкина.

В его поэзии преобладают осенние мотивы и теплая, тихая грусть, как лучи осеннего солнца. Сумерками, тихой прелестью старого помещичьего сада, задумчивою грустью русских степей веет от его стихотворений.

<...> Радость жизни с грустным чувством примирения с неизбежным — характерная черта бунинской музы. Грусть Бунина — это философия всепрощения, в ней нет ни озлобления, ни чувства отчаяния. Он спокойно и просто принимает жизнь. <...>

Бунин по преимуществу поэт-лирик, и в стихах его отведено много места чувству любви. Здесь и лаконической простотой и яркостью зарисованы и первые нежные переживания юной души на фоне любимой им природы, и глубокое чувство зрелого человека, понимающего, что в любви всегда больше страдания, чем радости. <...>

Юбилей застает Бунина в расцвете его жизненных сил, и можно надеяться, что он сделает еще много ценных вкладов в русскую литературу».

В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 45. С. 6–7) помещается статья «Бунинские дни». Без подписи.

«Юбилей И.А.Бунина был отмечен в Москве целым рядом заседаний литературных организаций и празднеств, на которых ярко сказались симпатии общества к поэтической деятельности И.А. <...>

Собрание "Среды" было посвящено целиком И.А.Бунину, который состоит давним и верным членом, как "старой" так и "молодой" "Среды"... На этом, носящем такой товарищеский, задушевный характер, собрании были прочитаны рефераты (поэтом Н.Мешковым и Ю.В.Соболевым), стихи, посвященные Бунину, отрывки из его произведений. И.А.Бунин прочел свой новый рассказ "Крик".

В женском клубе читал г. Клестов, в О-ве деятелей периодической печати — Сергей Глаголь.

На заседании О-ва любителей российской словесности было оглашено постановление об избрании Ивана Алексеевича почетным членом... Читал доклад о поэтической деятельности Бунина г. Грузинский, и с тонким, изысканным мастерством прочел отрывок из "Астмы" кн. Сумбатов-Южин. Огромное впечатление произвел рассказ Бунина "Смерть пророка"...

Но самый торжественный день в этом ряду празднеств в честь поэта — был 28 октября — официальная юбилейная дата.

Днем в Лоскутной гостинице собрались представители многочисленных ученых, литерат., обществ. орг-ций. Академия наук в лице пр. А.Н.Веселовского, П.Д.Боборыкина, Овсянико-Куликовского приветствовала в лице Бунина большого "совестливого художника", О-во любителей российской словесности вручило адрес и диплом почетного члена; Толстовское о-во, идеи которого столь близки творчеству Бунина, — поздравило юбиляра депутацией в лице Н.В.Давыдова, А.И.Южина, А.Е.Грузинского и В.С.Боднарского. Далее следовали депутации от Библиографи-

ческого о-ва, старой и молодой "Среды", "кассы литераторов и ученых", "Женского клуба", Литерат.-художественного кружка, избравшего Бунина своим почетным членом, Высших женских курсов, Свободной школы Лесгафта и пр., и пр.

<...> Бунина приветствовала депутация от О-ва драматических писателей, от имени которого кн. Сумбатов пожелал, чтобы юбиляр подарил театру пьесу.

Художественный театр поднес И.А. чудесный золотой жетон, с изображением чайки... В.И.Немирович-Данченко в своей приветственной речи выразил мысль, что театр в самых своих "крайних исканиях" никогда не уклонялся в сторону от мощного влияния слова, благородным художником которого является И.А.Бунин. Поэтому, чувствует Художественный театр крепкую свою связь с литературой, у которой сегодня такой большой праздник.

О-во имени А.Н.Островского поднесло адрес, указав, что Бунин всегда был верен завету Островского "свободно и широко творить, идя вперед свободною дорогой"... Приветствовали И.А. депутации многочисленных редакций ("Современника", "Вестника Европы", "Вестника воспитания", "Пути", киевские, сибирские газеты и др.)

Вечером на многолюдном банкете в кружке А.И.Южин приветствовал И.А.Бунина от Малого театра. Вообще на банкете было много представителей театрального мира: К.Н.Рыбаков, В.Ф.Лебедев, артисты Введенского дома, А.И.Адашев, г-жа Иолшина-Чирикова и др.

В.Ф.Лебедев произнес милую юмористическую речь от имени "некультурных слоев населения" благодарных за то, что И.А. "так расковырял хорошо деревню"...

На банкете было провозглашено масса тостов, прочтено огромное количество телеграмм и приветствий».

В архангельской газете «Северное утро» (№ 248. С. 2) публикуется стихотворение В.А.Щуренкова «И.А.Бунину» («Словно звездочки кроткие, ясные...»), прочитанное на банкете по случаю 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина.

Выходит № 45 петербургского журнала «Театр и искусство», в котором (с. 867) в рубрике «Маленькая хроника» (без подписи) сообщается о поднесении поклонниками Бунину в день его юбилея 20000 франков и серебряной яхты, и отмечается:

«Поднесли франками, чтоб в России, дескать, не растратил и непременно поехал. А круговой билет от Кука позабыли?»

Ноябрь, 5 (18). А.М.Горький пишет Бунину с Капри:

«Дорогой мой друг, Вы, вероятно, уже наслушались до глухоты разных громких и красивых слов, и я не стану обременять Вас порцией еще подобных же.

Просто скажу, что очень люблю Вас, поэта и человека, люблю давно и все лучше как-то, все радостней. Мне приятно, что между нами хорошие отношения, и я ими горжусь. Когда вспоминаешь о Вас, — это так же ласкает душу, как Ваши стихи.

Ваш юбилей — также и мой праздник, так уж я чувствую себя. Я люблю всю Вашу работу, она тоже подобна поэме вся.

Всей душой желаю Вам здоровья — остальным Вы награждены. <...>

А стихов Ваших новых я не получил еще!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 173–174.

В «Московской газете» (№ 219. С. 2) публикуется шарж «Иван Бунин» художника Денисова (с. 2), а в рубрике «Книга» (с. 5) сообщается:

«Недавний юбиляр И.А.Бунин на днях уезжает на продолжительный срок за границу, где он намерен серьезно заняться работой над своим новым произведением "Любовь" из деревенской жизни».

Октябрь, 29...Ноябрь, 5. Выходят отдельные издания романсов В.Ф.Акинина «Догорел апрельский вечер» (Екатеринодар, 1912) и «Первый снег» (Екатеринодар, 1912) на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Ноябрь, 6. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Ну, дорогой Ив, ты теперь уже сушеный архиерей, — так тебя окурили фимиамом, что, пожалуй, как от афонского монаха от тебя пахнет святостью. Как ни скучно это однообразное юбилейное курево, но оно необычайно кстати пред большим изданием. Какой же собиратель "полных сочинений" теперь не подпишется на новое издание? Загребешь большое место франков. Особенно же приятно то, что издаешь в "Т<оварищест>ве", пока не жульническом. Не забудь некоторое количество экземпляров напечатать на дорогих бумагах, да десятка два с первым листком, подлинным автографом — это ново и библиофилами будет цениться нестерпимо дорого, жаль только, что это пахнет лавочкой, но если продавать автографы — для издания с благотворительной целью, то можно. Может усугубить ценность таких автографов их разнообразие. Одно досадно, это то, что в 1912 г. такие вульгарные шрифты, скучная, гладкая бумага. <...>

Наше литературное общество посвящает тебе вечер, так что чествования еще не окончились, на "четверге" читались твои стихи (Митрофаныч <А.М.Федоров>). Кто эти провинциальные кретины, которые подарили тебе серебряную лодку? Кстати, насчет подарков. Хотел я тебе подарить картину, да раздумал, т.е., вернее, отложил до того времени, когда у тебя будет свой дом, надеюсь в Одессе, или где-нибудь в Крыму <...>. Вот аккредитив — это для тебя как раз подходящая мебель. Теперь вот что — раз ты стал богачом, *сделай то, что советует Гаврилов*, дай слегка поиздеваться над тобой врачам, и если они выдумают что-нибудь *ценное и приятное* — так и сделай».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 37–38.

В петербургской газете «Речь» (№ 305. С. 2) печатается статья Ю.И.Айхенвальда «Литературные наброски. (Ив.Бунин. Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг. Москва)».

Критик пишет: «Душа поэта говорит стихами. <...> проза Бунина, большого поэта, меньше его стихотворений. <...> она не дает существенно нового сравнительно с чеканными строчками его стихов. Ее свежесть, ее выдержанный стиль, ее прекрас-

ную студеность и мелькающие в ней здесь и там "аленькие цветочки" полнозвучного лиризма мы уже раньше встречали — в его поэзии. К тому же последняя не есть у него отрицание прозы, а только — ее возвеличение, ее претворение в ритмическую красоту. Бунин с удивительным искусством возводит прозу в сан поэзии. И оттого, пусть его рассказы внутренне его стихотворений не дополняют и являются только иным обликом той же сути, но величайшим достоинством тех и других служит отсутствие между ними принципиальной разницы. Бунин везде — реалист, натуралист, ничем не брезгающий, не уклоняющийся от грубости; честный изобразитель факта, он рисует внешность вещей; и за нею как бы сама собою раскрывается уже их истинная глубина. <...> Не любит автор тысячелетней русской нищеты, убожества и длительного разорения русской деревни; но крест, но страдание, но смиренные родимые черты не позволяют не любить, заставляют полюбить. И потому он кошмарной пеленою расстилает перед нами деревню, ее ужасающую нищету, грязь, душевную и физическую скверну, рабство, безмерную жестокость и низость, жадность, неслыханное равнодушие брата к брату, мужика к мужику; но на этом фоне, которому дал свои краски весь человеческий ад, выступают отдельные образы такого страдания, такой праведности, такой бесконечной боли, что на них сердечной болью, уже не сопротивляясь, беззащитно отзывается и сам писатель, и его потрясенные читатели; и сквозь поруганную, оскверненную человечность опять светится оправдание добра, и опять склоняешься перед святыней души. <...> Бунин, в соответствии с коренною темой своих произведений, всегда имеет дело, преимущественное дело, со стихией. <...> И те случаи смерти от голода и мороза, про которые мы, согретые и насыщенные, читаем в газетах, — они у Бунина возвращаются к нам, живые факты, талантом художника воскрешенная действительность. <...> И вот, когда про все это читаешь у Бунина, то не только беспредельную жалость чувствуешь и болит сердце, болит совесть, но и бесспорным становится то, что <...> он все-таки не может не любить Анисьи, он не может не испытывать к ней самой жалостливой нежности и невольно в свою как будто бесстрастную манеру, в свое эпически-невозмутимое повествование, в эти безжалостные подробности объективного рассказа он вплетает нити-нервы своего острого сочувствия, быть может, даже — заглушенное отчаяние. Перед мукой чужого страдания насильственной презрительностью не оградишь себя от сострадания; и только потому Бунин так пристально вглядывается в деревню и так беспощадно показывает ее наготу, что эта деревня — ему родная. Он — любящий сын русского Ноя, и наготе отцовской он не смеется, и к ней он не равнодушен. Ему не все равно. Он сам не горожанин; он не любопытствующие наезды совершает на деревню, а духовно живет ею и в ней, и самая большая доля его писательского существа неотразимо и навсегда заинтересована как раз деревенским началом и безначалием. Деревня для него не сюжет. <...> Он искусственной и мнимой считает разницу между помещиком и мужиком; история соединила их органически, и появились общие плоды, уродилось общее уродство. <...> Так Бунин — один из разновидностей "кающегося дворянина". Только его раскаяние очень своеобразно: не говоря уже о том, что оно не застенчиво, не мягко, а сурово, — наиболее острым концом своим оно обращено к тем, перед которыми потомок "владык и повелителей" виноват. <...> Именно

это чувство общей вины, эта сопричастность греху, это отсутствие равнодушия и постороннего любопытства, — именно это объясняет, почему страницы Бунина не производят оскорбительного впечатления и не возмущают против автора. Они художнически объективны, но они человечески заинтересованы, внутренне участливы». При этом критик отмечает: «бунинская деревня прямо угнетает. Не только в другую сторону от раннего народничества ушел писатель: он далеко оставил за собою и чеховских “Мужиков”. <...> Другой раз посетуешь на рассказчика за его бесцеремонные детали, но гораздо чаще понимаешь, что он иначе не может. Это не своего рода щегольство у него и не цинизм; ему, как писателю, нужно, ему необходимо, чтобы все эти штрихи, попавшие в поле его зоркого зрения, не пропали и дополнили собою унылый пейзаж безрадостного быта. <...> Детализация, результат микроскопического анализа, нередко замедляет у Бунина темп рассказа; она задерживает и писателя, и читателя. Это относится и ко многим пейзажам автора. <...> Бунин с печалью оглядывается на изжитую пору нашей истории, на все эти разорившиеся гнезда <...>, он бередит старые помещичьи раны и на своем генеалогическом древе видит засохшие ветви и тощие плоды. <...> Талант не лжет. Пугает и томит русская деревня на страницах Бунина, – но ни разу читатель не испытывает такого впечатления, что автор выдумал, сочинил или хоть сгустил краски. Не обманет Бунин ни ради красного словца, ни ради черного (а черных слов у него почти столько же, сколько красных). <...> что-то высокое и примиряющее есть в его несчастных героях. У Бунина трагедия одета в сермягу; оттого не сразу разглядишь ее красоту, но эта красота несомненна. <...> рассказ Сверчка о том, как замерзал его сын <...> – рассказ этот обнаруживает в нем светлые глубины морального героизма. <...> Во всяком случае, правильно или неправильно *объясняет* деревню Бунин, — но уж, наверное, изображает он ее глубоко, бесстрашно и художественно. Народное слово он подслушал и воспроизвел мастерски. <...> Он черпает из невозмущенных русских ключей. И когда читаешь его страницы, когда отдаешься на волю его словесных волн, чарам его языка, его русского языка, вспоминаешь бессмертные слова Тургенева: “Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу”. <...> русское дело спасается русским словом, и, рассказывая русскую деревню, Бунин тем ее оправдывает. Прекрасное слово указывает на возможность прекрасного дела, — и у них один корень».

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 246. С. 2) публикуется статья Г.А.Вяткина «Юбилей И.А.Бунина. (От нашего московского корреспондента)».

Журналист отмечает: «Все эти пять дней, с 24 по 28 октября, центром внимания интеллигентной Москвы был Ив.Ал.Бунин.

Торжества по поводу 25-летнего юбилея его литературной деятельности, неожиданно для самих инициаторов, разрослись до размеров грандиозного общелитературного праздника, радостное воспоминание о котором долго останется в памяти всех, кто имел удовольствие присутствовать на этих собраниях, заседаниях, банкетах». Далее рассказывается отдельно о каждом дне чествования писателя.

См.: 24 октября 1912, третья запись; 26 октября 1912, первая запись; 27 октября 1912, первая запись; 28 октября 1912, двадцать пятая запись.

Ноябрь, 7. В Харькове открывается Литературно-художественный кружок, первое заседание которого посвящается Бунину.

В харьковской газете «Утро» (10 ноября (№ 1797). С. 3) помещается статья «Листочки. Первый “четверг”» (подпись: Пессимист), автор которой сообщает об открывшемся в Харькове 7 ноября Литературно-художественном кружке и состоявшемся первом его заседании, посвященном Бунину: «На первом литературном “четверге” кружка присутствовало едва 20 человек. <...>

От этих унылых, одиноко чернеющих в пустоте зрительного зала фигур; от этих заикающихся, наивных или высокопарных речей; от этой бедности литературных вкусов и мнений рождалось впечатление чего-то безнадежно-захолустного, где среди “сонной одури” кто-то вспомнил невзначай чуждое и пленительное имя поэта... <...>

Г. Станкевич назвал свой доклад о Бунине “введением в собеседование”, но, в сущности, за введением ничего не последовало, ибо нельзя же назвать “собеседованием” смущенные реплики, которые подавались после настойчивых приглашений председателя “высказать хоть что-нибудь”.

Нет, карикатурное уныние этого вечера — клевета на Харьков, на его интеллигентность, литературные вкусы.

Среди нас есть люди, не только живо чувствующие искусство, но и знающие его, всегда взволнованные его интересами. <...>

“Кружок” просто не сумел привлечь их в свои стены, и провал первого “четверга”, первого опыта подлинно-литературного дела, под флагом литературно-художественного общества — это недостаток организации кружка, его руководства».

В иллюстрированном приложении к газете «Одесский листок» (№ 259. С. 3) воспроизводится групповая фотография: Н.Д.Телешов, И.А.Бунин, М.Горький. (К 25-летию литературной деятельности И.Бунина).

Ноябрь, 8. В газете «Одесский листок» (№ 258. С. 5) перепечатывается благодарственное письмо Бунина за приветствия в день юбилея.

См.: 29 октября 1912, вторая запись; 2 ноября 1912, первая запись.

В тюменской «Сибирской торговой газете» (№ 244. С. 3) перепечатывается из газеты «Современное слово» (28 октября (№ 1728). С. 2–3) статья Е.Колтоновской «И.А.Бунин» (без подписи).

См.: 28 октября 1912, двадцать вторая запись.

Ноябрь, 9. В иллюстрированном приложении к № 311 газеты «Киевская мысль» (№ 48. С. 371) помещается стихотворение П.А.Тулуб «Я молился тьме душистой...», посвященное Бунину.

В московской газете «Русское слово» (№ 259. С. 6) публикуется «Письмо в редакцию» Н.Леонова, в котором сообщается, что вечер, устроенный комитетом первого литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н.Островского 21 октября в Литературно-художественном кружке, дал сбор в 1695 руб. 3 коп.; выражается благодарность всем участникам вечера, среди которых упоминается Бунин.

Ноябрь, 10. Бунин пишет Н.А.Котляревскому:

«...передаю Вам мнение московских академиков — П.Д.Боборыкина, А.Н.Веселовского и свое — о кандидатах в Академию наук. Мы все единодушно согласились на следующем. Несомненным кандидатом мы считаем *Мережковского.* Затем, несмотря на то, что в произведениях Л.Андреева, особенно последнего периода, встречаются существенные дефекты, мы все-таки думаем, что по своему выдающемуся и яркому таланту он имеет право занять место в Академии более, чем все другие. Третья вакансия вызывает больше сомнений. Если принимать во внимание талантливость и заслуги в литературе, то, без сомнения, надо остановиться на Куприне — особенно настаивает на этом Боборыкин. Однако мы предвидим, что могут не согласиться с нами и указать на некоторые факты из его жизни. Поэтому, если Куприн не пройдет, мы рекомендуем Вересаева-Смидовича Викентия Викентьевича. Я лично думаю, что имеет право на место в Академии и А.И.Южин — князь Сумбатов — выдающийся артист, глава Малого театра и драматург, произведения которого награждались грибоедовскими премиями. Что касается В.Я.Брюсова, то, несмотря на его работоспособность, против него выдвигают то возражение, что он "глава" так называемых модернистов, многим вредивших русской литературе. Избрание Брюсова было бы официальным признанием этого течения.

Думаем мы и так: если предлагаемые кандидаты не пройдут, лучше оставить места пока свободными». В заключение сообщает, что заболел бронхитом и завтра уезжает за границу.

Письма (*2*). С. 246–247.

Ноябрь, начало. Бунин посылает Саше Черному свой фотопортрет с дарственной надписью:

«Спасибо за милый привет,
Талантливый "черный поэт"!
Примите на память портрет!
Ив.Бунин.
Москва, ноябрь
1912 г.»

Лесман. С. 287, 401.

Члены Плесского общества самообразования Ф.Чекалов, М.Мельников, Е.Миловидова, П.Чекалова, В.Мельникова и др. в коллективном письме поздравляют Бунина с 25-летним юбилеем:

«...выражаем свои искренние пожелания, чтобы Вы, многоуважаемый Иван Алексеевич, еще долгие, долгие годы продолжали также плодотворно работать на ниве родной литературы на пользу русского народа».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3193 оф.

Выходит № 43 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 14) публикуется статья «За неделю». Подпись: П.М.

Обозреватель отмечает: «И.А.Бунина чествовали так, как, может быть, ни одного из его предшественников и товарищей. Юбилей его показал, что и мы, русские, при желании, можем и умеем отдать должное».

Выходит № 11 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 342–349) помещается статья С.А.Адрианова «Критические наброски».

Критик пишет о творчестве писателя: «...жажда любви начинает казаться уже чем-то таким, что и не должно воплощаться. Мечта, невоплотимость — самое сердце любви. <...>

Вот один поток настроений, который отразился во многих произведениях Бунина с прозрачной простотой и задушевным лиризмом. В мягких и нежных тонах доброго старого времени протекает у него любовная драма. Ему чужды жестокие экстазы модернистской страсти. <...>

Но кроме мечты о невоплотимой любви, обрекающей на одиночество, кроме грусти об этой невоплотимости, старая усадьба дала поэту и великую, неиссякающую радость: все чувства его раскрыты для яркого, изощренного восприятия природы, неувядающей красоты и таинственной, умиротворяющей мудрости ее стихийной жизни. <...> Его глаз четко уловляет все разнообразие очертаний внешнего мира, все переливы красок <...>. Особенно поразительно чутье Бунина на запахи. <...> И действительно, тонко различаемые запахи – интегральная часть бунинского пейзажа. <...> Далее, Бунин, как никто, умеет передавать ощущения стужи и всяких вообще перемен температуры, а его эпитеты указывают на сильно развитые чувства вкусовые и осязательные. Эти особенности стиля Бунина доказывают, как ярко, полно и всесторонне воспринимает он внешний мир. Все его физическое существо всеми своими органами богато отвечает на явления мира и обильно заполняет его психику всевозможными впечатлениями. <...> Труднее дается ему синтез, когда он обращается к конкретной русской действительности настоящего исторического момента, анализом которой все более и более вытесняется у Бунина личный лирический элемент, хотя к этому анализу он подошел тоже через личные вопросы. <...> У всех еще свежа в памяти ужасающая картина, развернутая в этой повести <“Деревня”>. <...>

И только что вышедший сборник Бунина: “Суходол” подтверждает безотрадную характеристику русской деревни. К этому прибавляется еще окончательное отречение автора от всяческого “обольщения стариною” дворянского крепостного быта. <...> В грозном, всесокрушающем вырождении готов Бунин видеть ключ к пониманию всей современной русской действительности, и деревенской, и интеллигентской.

Такова безутешная картина, которую рисует в последних своих произведениях Бунин, достигая именно в них наибольшего художественного мастерства. <...> юбилей застает его в полном расцвете таланта и работоспособности, любовь его и чуткость к русской жизни стоит вне всякого сомнения, а склонность его к синтетическому миропониманию, сказавшаяся в его лирике, не даст ему успокоиться на пессимистическом понимании нашей действительности. <...> завтра, освободив свою душу от переполнившей ее скорби и боли, он сможет увидеть хотя бы зачатки той бодрой силы, которая сулит воздвигнуть на месте разрушающейся ветоши прочное здание новой жизни».

Ноябрь, 11. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжает из Москвы за границу.

Из Смоленска Бунин посылает Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу открытку, сообщая, что едет за границу.

Письма (*2*). С. 247.

Ноябрь, 4...11. Выходит № 44–45 петербургского журнала «Неделя», в котором (с. 690–693) печатается статья Д.Гельгессена «Литературный юбилей».

Критик пишет: «25-летний юбилей литературной деятельности известного поэта И.А.Бунина, отпразднованный 28 октября <...>, несомненно, писательский праздник, и потому совершенно понятно, что шесть литературных обществ выделили из себя "Комитет", организовавший чествование юбиляра; это, пожалуй, и читательский праздник, ибо также, несомненно, имеется определенный, хоть и небольшой, кружок, для которого скромная изящная муза почетного академика является более или менее священной. Но "обывательская улица вообще" вряд ли прислала хоть одного депутата в помещение Литературно-художественного кружка в Москве, где 28 октября разыгрывалось юбилейное действо. Не прислала, ибо для нее И.А.Бунин — человек чужой. <...> Бунин "первой манеры" — это, прежде всего, рыцарь "Красоты", ищущий (и — что удивительно — находящий) свою даму всюду и везде. Он сознательно ищет грусти, и в ней поэта прельщала именно красота грусти; поэзия его проникнута пессимистическим флером, но читатель ясно видит, что из всего этого пессимизма для автора на первом плане стоит опять-таки красота пессимизма, а не он сам. И так во всем и везде: красоту, ее только одну преследует Бунин, ее только одну он ценит, ею наслаждается, и не то что поклоняется, а пьет ее. <...> Восток, Греция, Египет — вот куда неудержимо влечет Бунина, вот где он находит полный душевный покой, полное душевное удовлетворение.

Перечитайте его путевые заметки. <...> Вы сознаете, что перед вами <...> просто чужой человек, говорящий на своем, чуждом вашему уху языке.

И проследите дальше. Что рисует с любовью Бунин? Пейзаж, пейзаж и пейзаж. <...> Люди не занимают его, большей частью они ему мешают. <...>

Зато совершенно понятными становятся произведения Бунина "второй манеры": "Деревня", "Ночной разговор", "Веселый двор", где автор рисует мужика. <...> Я отлично понимаю, что Бунин — не Родионов, и что источник его "мужицких" вдохновений — совершенно отличный от источника этого милостивого государя, и что, если уж сравнивать Бунина с кем-нибудь, то скорее всего с Мопассаном. Оба эти писателя приблизительно одинаково рисуют мужика — больше со стороны внешности. <...>

Но мы, благодаря русским же писателям, привыкли в этой области к иному изображению, где налицо такая же правда, как и у Бунина, но где есть и еще кое-что, именно — *полная* правда, тогда как у почетного академика налицо всего одна ее половина». Поставив в пример Г.И.Успенского, критик заключает: «Все пристрастия Бунина нам чужды, чужд, повторяем, и он сам. Пишет, однако, он красиво и читать его интересно».

Ноябрь, 12–13 (25–26). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников останавливаются в Варшаве и Вене, далее через Земмеринг и Понтебба едут в Венецию.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 147–148.

Ноябрь, 14 (27). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает в Венецию.

Н.А.Пушешников записывает в дневник: «Венеция. <...>

Остановились в отеле Бауэра. Знаменитая на весь мир старинная немецкая гостиница. И.А.чувствует себя нехорошо.

На следующий день выехали на К<апри>. В Риме не остановились даже — проехали насквозь до Неаполя и в половине третьего с пароходом были уже на Капри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 148–149.

См.: 15 (28) ноября 1912, первая запись.

В газете «Саратовский вестник» (№ 251. С. 2) публикуется статья С.Патрашкина «Литературные заметки. Жаргонная литература».

Критик, в частности, замечает, выбрав из повести «Суходол» два слова «бурдылястый» и «сучнище»: «“Бурдылястые”, без словаря недоступные, выражения стали горохом сыпаться в новых произведениях академика Ив.Бунина. Один из его последних рассказов написан на удивительно ярком жаргоне».

Ноябрь, 15 (28). Бунин сообщает Ю.А.Бунину в письме:

«Второй день в Венеции — страшный насморк, вчера была повышенная температура. Нынче вечером едем в Рим. Верно, будем на Капри».

Письма (*2*). С. 247.

Вечером Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников уезжают из Венеции, через Рим и Неаполь прибывают на Капри; останавливаются в отеле «Квисисана».

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 149.

Ноябрь, 17. Общее собрание Московского Литературно-художественного кружка избирает Бунина почетным членом кружка.

«Извещение об избрании было встречено дружными аплодисментами присутствующих членов».

Известия Московского Литературно-художественного кружка. М., 1913. С. 4.

Ноябрь, 19 (Декабрь, 2). Бунин сообщает Ю.А.Бунину в открытке:

«Совсем было расхворался в дороге, теперь лучше. Поселились в тех же комнатах, плюс еще комната через коридор напротив для Коли».

Письма (*2*). С. 247.

Ю.А.Бунин пишет Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 30 ноября (13 декабря) 1912, первая запись.

Ноябрь, 12...19. Поступают в продажу под маркой «Книгоиздательства писателей в Москве» книги Бунина, изданные «Московским книгоиздательством» (остатки тиражей, выкупленные писателем): «Деревня» (М., 1910. Тираж 1300 экз. Цена 1 р. 25 к.), «Перевал. Рассказы 1892–1902 гг.» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912. Тираж 200 экз. Цена 1 р. 50 к.), «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912. Тираж 900 экз. Цена 1 р. 50 к.), «Стихотворения 1903–06 гг. Манфред Байрона» (2-е изд., доп. М., 1912. Тираж 1100 экз. Цена 1 р. 50 к.).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

См. также: 19 октября 1912, первая запись; 20 октября 1912, первая и вторая записи.

Ноябрь, 16 (29)...Ноябрь, 19 (Декабрь, 2). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников посещают А.М.Горького.

В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину 20 ноября (3 декабря): «Как Вы знаете, мы на Капри. И очень, очень рады, ибо устроились более чем хорошо. <...> У Горьких были, встретили нас, как всегда, радушно. Много хорошего он говорил об юбилее, искренне всем доволен. Устали мы за дорогу. Да как было и не устать, и Ян и Николай Алексеевич <Пушешников> в Венеции чуть было не свалились, у обоих началось повышение температуры <...>. Из-за всего этого мы только осматривали дворец Дожей да темницы, а то почти все время просидели, вернее, пролежали в комнатах».

Письма (*2*). С. 638.

Ноябрь, 20 (Декабрь, 3). А.М.Горький пишет Е.А.Ляцкому с Капри:

«Нужна бы статья о Бунине, другая – о Мамине, — устройте это! Я не знаю, к кому обратиться. Вот хорошо бы Неведомскому дебютировать в журнале <“Современник”> этими двумя статьями! Как думаете?»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 201.

Ноябрь, середина (Ноябрь, конец...Декабрь, начало). Бунин посылает В.Л.Львову-Рогачевскому для журнала «Современный мир» стихотворение «Ночная змея» («Глаза козюли, медленно ползущей...») и сообщает ему в письме:

«...болезнь — жестокая жаба — не дала мне возможности прислать Вам рассказ на январь. Пришлю на февраль. А пока — *на январь* — не хотите ли еще стих<отворение>? Цена прежняя — 2 р. строка.

Жду ответа самого скорого. Сообщите, кроме того, в какой же книге идут “Алисафия” и “Ритм”?»

Письма (*2*). С. 250.

Датируется по содержанию. См.: конец ноября 1912, вторая запись.

Выходит № 11 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 1–2) помещается стихотворение «Алисафия» («На песок у моря синего...»).

Там же (с. 341–355) печатается статья В.П.Кранихфельда «Литературные отклики. И.А.Бунин».

Критик пишет: «25-летний юбилей застал И.А.Бунина в пору пышного расцвета его художественного дарования». Процитировав авторский вопрос в ранней редакции рассказа «Новая дорога»: «Какой стране принадлежу я, русский интеллигент-пролетарий, одиноко скитающийся по родным краям?», критик отмечает: «Имел ли Бунин право на это звание или он самовольно присвоил его себе? <...> И как не близко соприкасается он иногда своими настроениями с писателями, представляющими наш интеллигентный пролетариат, но корнями своими он упирается в иную среду, которая и определяет его писательскую физиономию. <...> Но суть в том, что интеллигент-пролетарий, вопрошая о “стране”, ищет ее потому, что еще не нашел ее, а Бунин – потому, что уже потерял ее». Далее автор статьи, кратко рас-

сказывая биографию писателя, пытается доказать, что Бунин тяготеет к старине, к своим предкам, воспоминаниям о прошлом и мало интересуется современностью: «...все интеллигентские увлечения Бунина были не глубоки и во всяком случае не нашли себе сколько-нибудь определенного выражения в его творчестве. Связанный далекими воспоминаниями, он скорее из любопытства заглядывает вперед, в “страну детей”, тогда как к прошлому, к “стране отцов”, влекли художника все его с детских лет определившиеся симпатии. И точно так же прошел он мимо модернистских “исканий” своего поколения, нимало не прельстившись ни шумными успехами последнего, ни новыми открытиями его в метрическом строении русского стиха. “Его стихи (по их метру) могли бы быть написаны в 70-х и 80-х годах” — справедливо замечает Брюсов и называет поэтому “ветхозаветным” стих Бунина. Но “ветхозаветным” можно назвать не стих только, а самого поэта <...>.

Пересмотрите заново книги Бунина, и вы увидите, до какой степени он остается — в стихах своих и в прозе — во власти этих воспоминаний. <...>

В повести “Суходол” Бунин обобщил это прошлое и воздвиг ему великолепный, с поразительным мастерством выполненный памятник. <...>

Этот именно контраст между бренностью человеческого строительства, с одной стороны, и постоянством — “в вечной смене” — творческих сил природы, с другой, и являются основным мотивом художественных произведений Бунина. <...>

В “своем углу” он до тонкости изощрил присущее ему чувство природы и, отдавшись литературе, развернул в пейзажной живописи такое неподражаемое мастерство, что в этой области среди наших современных писателей-художников у него нет соперников. Созерцая природу, Бунин не отделяет ее от себя, а сливается с нею. <...>

В пейзажах Бунина бросается в глаза их непосредственная простота и ясность. Ничего сложного, ничего “тютчевского”. <...> Его отношение к природе — не бурная и порывистая страсть Тютчева, а тихая любовь, ищущая ответной ласки, радости, счастья. <...> Бунин <...> обнаруживает в своих произведениях особенную чуткость к непритязательной красоте родного пейзажа, — природа севера наиболее соответствует его целомудренно-сдержанной кисти. <...> Из всех времен года Бунин особенно много внимания уделяет осени. <...> Для Бунина привлекательность осени заключается в том, что здесь, на этом периоде *мнимого* “увядания” природы, особенно ярко иллюстрируется идея ее вечного движения и красоты <...>.

Сам художник смотрит на человека и на человеческую жизнь *со стороны*. <...>

Его жанровая живопись почти целиком посвящена деревне. Он знает и любит деревню, он плачет над ее разорением и нищетой и зло в то же время смеется над ее косной неподвижностью, над скудостью ее жизни. <...>

Во всяком случае, то человечное и человеческое, что свойственно виду homo sapiens вообще, Бунин показывает нам в индивидуальных крестьянских образах такой душевной красоты, что заподозревать его в преднамеренных подчеркиваниях отрицательных сторон крестьянской психики и жизни нельзя. В изображении Бунина, в изображении, сделанном мастерскою кистью, крестьянская жизнь оставляет впечатление неорганизованной стихии; в ней удивительнейшим образом сочетаются элементы, которые в организованной жизни не могут, казалось бы, соединяться ни в какие мыслимые комбинации. <...> Выхваченные из своей среды, все эти отдельные

лица захватывают нас своими переживаниями, они движутся и живут в произведениях Бунина, как движется и живет в них природа. Но по мере того, как они срастаются на ваших глазах со средой; по мере того, как эта последняя выступает перед вами в изображении художника, как нечто неорганизованное, бесформенное, — перед вами и здесь встает антитеза вечной красоты природы и разорения человеческой жизни. <...>

Со стороны могут показаться безнадежными эти беспрестанные переходы неудовлетворенного художника от природы к людям, от людей к природе и т.д. Но Бунин и не успокаивается на этом. Свое раздвоившееся между любовью к природе и тоскою по человеку чувство он пытается примирить в своеобразном художественном пантеизме, — в стремлении к единой и вечной красоте».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 24 ноября (7 декабря) 1912.

Ноябрь, 21 (Декабрь, 4). Бунин посылает Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу открытку со своим каприйским адресом.

Письма (*2*). С. 248.

Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Понемногу приходим в себя, но погода не радует — шел дождь, а нынче буря. Все-таки можно ходить в летнем пальто.

В “Заветах” обо мне очень гнусная статейка Иванова-Разумника. Непременно прочти (№ 7). Хочу заявить в газетах, что больше сотрудником “Заветов” не состою. Шлю тебе рецензии. Добавь их к материалу для книжки “Среды”. С нетерпением жду известий об этой книжке.

Вересаев возмущает и Горького изданием Новикова, Львова-Рогачевского. <...> Вересаев ставит в идиотское положение все книгоиздательство. Я самым серьезным образом думаю о своем выходе из книгоиздательства. Я не желаю поддерживать дело Вересаева».

Письма (*2*). С. 248.

Предполагалось подготовить сборник материалов о 25-летнем юбилее литературной деятельности Бунина. Сборник издан не был.

См.: до 3 ноября 1912; 24 ноября (7 декабря) 1912.

Ноябрь, 22 (Декабрь, 5). Бунин посылает А.М.Горькому записку с просьбой:

«Дорогой, пришлите Библию, Евангелие. А если можно, то и “Р<усское> богатство”. Пришел бы сам, да все сижу, думаю — привожу себя в писательское настроение, что весьма трудно после долгого безделия и болезни».

Письма (*2*). С. 248.

Ноябрь, 24 (Декабрь, 7). Бунин в письме Ю.А.Бунину просит чаще писать и сообщает:

«В “Совр<еменном> мире” статья обо мне. Видел? Дурацкая жвачка. *Но все-таки не забудьте ее для юбилейного сборника.* Равно как и статью в “Вестн<ике> воспитания”, которую, пожалуйста, *пришли мне.*

Посылаю в “Заветы” (и Мирову, и в Птб.) отказ от сотрудничества. Нахально-дружеский ответ Мирова: “Нет, это недоразумение. Все уладится”. Черт знает что!»

Письма (*2*). С. 248–249.

См.: середина ноября 1912, вторая запись.

Ноябрь, 25. В иркутской газете «Сибирь» (№ 266. С. 3) публикуется статья Н.Геккера «Литературные письма. II. И.А.Бунин. (По поводу исполнившегося 25-летия литературной деятельности)».

Критик пишет: «Его стихи не заучивались наизусть, не распевались и не декламировались, как произведения любимейших наших поэтов, но все же славились, потому что в них есть своеобразная и неотразимая красота. <...> Наибольшей известностью пользовались бунинские песни о природе, потому что ими поэт уводил читателей от волнующих тем дня. <...> И замечательно, между прочим, то, что даже стихотворения г. Бунина, относящиеся к наиболее бурному периоду 1901–1906 гг., сохраняют свою обычную эпичность и объективность и обнимают факты и явления, которые стоят далеко от злободневных вопросов и волнений этого времени.

Лирика г. Бунина спокойная и уравновешенная. Она подернута легким покровом грусти и безнадежности, но лишена пессимизма и горького осадка глубокого разочарования. Лирика г. Бунина навеяна и продиктована объективным наблюдением и взглядом на все окружающее со стороны, без тревоги и страстного отношения. И потому она не имеет ни глубины чувства, ни порыва страсти и проникновения. От нее веет холодком и немножко скептицизмом.

Поэзия г. Бунина не общественная и не альтруистическая поэзия. Житейские дела и треволнения ее почти не касаются. <...>

В своих прозаических произведениях г. Бунин гораздо интереснее и определеннее, чем в своей поэзии. Прежде всего, тут у него есть настроение, которое навязчиво и стихийно передается читателю. Оно грустно и меланхолично и навеяно смутной тоской по какому-то идеалу, по чему-то более совершенному и желательному, чего нет в действительности, в окружающей жизни».

Процитировав рассказ «Новая дорога», критик отмечает: «Он <Бунин> не принадлежит к тем довольным и сытым буржуям-писателям, которые ничем не волнуются и никогда не хандрят, особенно после того, как они овладели искусством пера и, сделав из него свое ремесло, накопляют материальные блага и увеличивают свое благополучие, бесконечно плодя строки и печатные листы... В Бунине всегда живет святое недовольство, потому что он остается на всю жизнь интеллигентом-пролетарием, вечно скитающимся и всегда ищущим правды и красоты. Но беда его в том, что он никогда ничего не находит и не имеет что предложить тем многим, которые по праву ищут, в свою очередь, именно у него, как и у других братьев-писателей. Все несчастье в том, что он до конца остается беспомощным и бессильным чем-либо помочь “исполинской лесной стране”».

Процитировав и пересказав рассказы «У истока дней» и «Астма», критик замечает: «Кроме этого налета таинственности, выдается в рассказах г. Бунина мрачный тон неверия и безнадежности. Нигде в них не встретите торжества добра, по крайней мере, надежды на это, или чего-нибудь возвышающего дух, какой-нибудь окрыляющей веры и вдохновения. Напротив того, везде царит неудача, огорчение и безрадостное копание в себе, на виду царящего вокруг зла и безобразия. <...> Без преувеличения можно сказать, что добрых две трети его прозы занимают рассказы из деревенской жизни. В них больше всего отражается

меланхолическое настроение автора, навеваемое и поддерживаемое тоскливым пейзажем, запущенностью и заброшенностью обстановки, ростом нищеты и оскудения в деревне, общей бескультурностью и безалаберностью жизни. В этих же рассказах все более отчеканивается безотрадный и безнадежный взгляд автора на судьбы русского народа, на его ближайшее будущее и на роль его в строении земли. <...> Годы и события только усиливали безотрадное впечатление, которое он выносил из деревни еще в молодости. Процесс разрушения, намеченный им в начале, развивается все дальше и не оставляет никаких надежд ни на улучшение жизни, ни на усовершенствование личности. Впереди рисуется одна лишь темная ночь и кругом полное одичание».

А.М.Горький пишет Е.А.Ляцкому с Капри (8 декабря, н. ст.):

«Приехал Бунин. Просить у него стихов? Есть прекрасные! Он, вероятно, проживет здесь всю зиму, будет работать. Хорошо бы взять у него рассказ в “Современник”, но — это дорогой автор!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 205.

Ноябрь, 19...25. Выходит № 45 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 11–13) помещается статья Н.С.Клестова (?) «И.А.Бунин. (По поводу юбилейной литературы)». Подпись: Н.К-ов.

Журналист пишет: «В той огромной литературе, которая создалась вокруг имени И.А.Бунина и в связи с его юбилеем, наиболее верную оценку творчества писателя и его личности дали те, кто подходил к писателю без желания сказать что-либо свое *по поводу* произведений Бунина. Публицисты справа и слева одинаково напали на писателя за тенденциозное изображение деревни и мужика. Эти публицисты усмотрели “сгущение красок” там, где художник был только внутренне свободен и правдив.

“Защитники” Бунина и т.п. благожелательная ему критика, перегнули палку в другую сторону, объявив Бунина... народником». Далее автор статьи разбирает статью И.И.Попова «Бунин и народничество» (см.: 29 октября 1912, седьмая запись), критикуя ее, и продолжает: «Бунина у нас мало знают. Об этом можно только жалеть, но это легко объяснить: эстетические вкусы огромного большинства русской читающей публики все еще находятся на невысоком уровне.

Но когда незнакомство с писателем обнаруживает журналист, — это уже совсем грустно. А ведь только незнакомством с творчеством Бунина и можно объяснить причисление его к народничеству. <...>

15–20 лет назад, состоя ближайшим сотрудником народнического “Нового слова”, Бунин мог быть назван народником. <...>

Как реалист и человек, подлинно знающий народ и деревню, как правдивый и честный художник, Бунин рано или поздно должен был отказаться от народнической идеологии. <...>

В марксизме Бунина всего более интересовал, да и сейчас интересует, самый метод изучения общественных явлений и только. Но марксистская “идеология” не подчинила себе писателя.

И за это прямолинейная марксистская критика обвиняет Бунина в том, что он не увидел в деревне то нарождающееся новое, что *обязательно должно* быть — не уви-

дел “пролетаризации” крестьянства, не отразил новое настроение и не поздравил “с праздником светлым” русский народ.

Как Гл.Успенский, несмотря на свою приверженность к народничеству, не смог отказаться от художественной правды, так и Ив.Бунин дал нам в своих последних произведениях не пролетаризацию, а пауперизацию деревни, т.е. то, что на языке биологов называется вырождением.

Огромное прогрессивное значение Чехова в истории нашей общественной мысли заключается, как известно, в том, что он, так же как и Пушкин, всегда оставался вне сферы влияния наших всевозможных идеологий. <...>

Но Чехов остался самим собой, остался только художником. Таким, только художником остался и И.А.Бунин».

Ноябрь, 26 (Декабрь, 9). Бунин подписывает коллективное поздравительное письмо П.А.Кропоткину в связи с его 70-летним юбилеем.

Письмо было послано с Капри; под текстом 18 подписей, в том числе: М.Горький, Б.Тимофеев, А.Золотарев, И.Вольный, Е.Пешкова, А.Новиков, В.Н.Муромцева и др.

Письма (*2*). С. 411–412.

Ноябрь, 19 (Декабрь, 2) ... Ноябрь, 26 (Декабрь, 9). Во время болезни Буниных почти ежедневно навещает А.М.Горький.

А.А.Золотарев вспоминает: «Как-то вечером Горький позвал меня навестить Ивана Алексеевича, заболевшего и слегшего в постель. <...>

Комнаты Ивана Алексеевича были обставлены богато и нарядно, но сам он лежал в постели худой, бледный, изможденный, и это делало его более нежным, ласковым и доступным.

Иван Алексеевич обрадовался приходу Горького и показал себя радушным и щедрым хозяином. Пили густо, по-китайски, заваренный чай с печеньем и итальянскими сладостями, угощались фруктами — виноградом, винными ягодами и финиками. Мирная, ласковая, душевная беседа закончилась чтением только что написанных Буниным стихов, посвященных главным образом нашей древней богатырской сказочной и песенной Руси. <...>

Когда мы вышли из отеля, я пошел проводить Алексея Максимовича, <который сказал>:

— Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души. Беречь таких людей, как Иван Алексеевич, надо. Он еще многое может открыть нам и о себе самом, чудеснейшем русском человеке, и о том мире, где мы живем, зачастую ничего не видя и не подозревая даже той красоты, какою полон наш мир, да и мы сами в нем.

Мне не пришлось быть еще раз у Ивана Алексеевича. Но оба неутомимые странники и бегуны по белому свету, мы не раз встречались с ним, горячо беседовали.

Иван Алексеевич резко нападал на вычуру и крикливость, жеманность и изломанность, на манерность и стилизацию образов, сюжетов, языка. Доставалось особенно земляку-орловцу Леониду Николаевичу Андрееву, чей культ и влияние еще не успели выветриться с острова <Капри>.

Я только теперь, только через толщу времени в целых 35 лет, в целую треть столетия, с запозданием и раскаянием в сердце чувствую, до чего Иван Алексеевич был

одинок среди нас, горьковцев, далеких от той простоты и душевности, которую наследовал он через Чехова от Тургенева и Пушкина.

Недаром же он постукивал своей тросточкой об известковые ступени каприйских тропок и зорко оглядывал нас через любимую свою присказку: “Тут старичок – убил бы его; нет старичка – купил бы его”. <...>

Иван Алексеевич был одинок в своих думах и мнениях о литературе. Он считал, что горные вершины литературы, в частности, русской, идут не впереди, а сзади. Он преклонялся перед красотою, правдой и ясностью слова и стиля Пушкина, перед глубоким и общезначимым смыслом произведений пушкинского периода русской литературы».

О творчестве Л.Н.Андреева, в частности, о его рассказе «Василий Фивейский» Бунин говорил: «В рассказе все сплошь выдумка и все в целом лишено смысла. Талант принесен в жертву умной мысли автора. Он искажает жизнь и тем самым губит себя, свой большой художественный дар.

<...> Идя таким путем, можно вывернуть наизнанку всю человеческую историю и лишить родную нашу русскую литературу лучшего ее дара – правды».

Наш современник. 1965. № 7. С. 103–104.

Ноябрь, 27 (Декабрь, 10). Бунин в ответном послании благодарит Л.М.Василевского за письмо, извиняется за молчание из-за болезни и пишет:

«Очень буду рад Вашей книге, пришлите поскорее».

Письма (*2*). С. 249.

Речь идет о книге Л.Василевского «Стихи. 1902–1911» (СПб., 1911).

Ноябрь, 29 (Декабрь, 12). Бунин выздоравливает; вместе с Н.А.Пушешниковым Бунин приходит к А.М.Горькому.

В.Н.Муромцева начинает письмо Ю.А.Бунину:

«Я писала уже Вам, что мы как добрались до Капри, так и свалились в жабе. Теперь, слава Богу, все идет на полное выздоровление. Ян уже выходил и сегодня они с Н.Ал. <Пушешниковым> впервые после болезни отправились к Горьким. <...> Во время нашей болезни Горькие были очень внимательны, почти ежедневно бывали у нас, приносили цветов. <...>».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3238/1 оф.

Ноябрь, 30 (Декабрь, 13). Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Я второй день выхожу. Вера встала, но еще не выходит. Погода по-прежнему дивная. <...>

Вчера Горький получил открытку от Вересаева. Читал мне ее, возмущаясь, что ему о делах пишут на открытке. Вересаев пишет, что “Сказки” вышли, что цену назначили вы ей 85 к. (И глупо неимоверно, по-моему. Бумага жалкая на вид, вышло темно. Надо было хорошую бумагу, а цену – 1 р. Глупо, глупо, глупо!) Затем: “Издаваться у нас, пишет Вересаев, это не значит, что необходимо и в пайщики вступать. Можно и не вступать”. Умно? Горький сказал: “Очень рад. И не пойду ни за что. Уже по одному тому, что издают Новикова и Львова-Рогачевского”. О сборнике Вересаев опять ни слова. <...>

Письмо твое от 19 ноября получили, очень рады были. Пиши, ради Бога! <...>

Хлопочи, хлопочи о юбилейной книжке. Что ж, что дорого! Ничего! <...> Отзыв "России" меня очень удивил».

Письма (2). С. 249–250.

См.: 28 октября 1912, двадцать третья запись; 21 ноября (4 декабря) 1912, вторая запись.

Бунин пишет С.А.Найденову:

«Дорогой и милый друг, кланяюсь Вам с Капри, крепко и нежно целую за привет 28 окт. Давно сделал бы это, да, выехав, захворал — жабой, больным и сюда приехал, да и провалялся по сию пору».

Письма (2). С. 250.

В.Н.Муромцева заканчивает письмо к Ю.А.Бунину:

«Ян занимается пока все еще ответными письмами. Настроение, не сглазить, у него ровное. Живем пока очень мирно».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3238/1 оф.

Ноябрь, конец. Выходит № 8 петербургского журнала «Заветы», в котором (с. 61) печатается стихотворение «Светляк» («Леса, пески, сухой и теплый воздух...»).

В.Л.Львов-Рогачевский пишет Бунину из Петербурга:

«Получили мы вчера Ваше сердитое письмо. Сердиться Вы имели достаточное основание. Долго я не отвечал <...>. Теперь у нас пришли к решению: просим у Вас рассказ на осень. <...> Ваши стихи "Алисафия", *которой весьма много*, были напечатаны без замедления. Стихотворение "Ритм" идет в январе, "Змея" <"Ночная змея"> в феврале.

Мне досталось за то, что я не сказал Вам, что редакция не может платить по 2 р. со строки. Но, во всяком случае, за эти три стихотворения контора вышлет Вам по расчету, условленному со мною».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 147, л. 4.

Выходит № 6 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 277–280) публикуется статья «К юбилею И.А.Бунина». Без подписи.

Обозреватель пишет о юбилейной литературе, посвященной Бунину, и отмечает: «Творчество Бунина слишком ясно и просто для того, чтобы вызывать споры и глубокие, волнующие читателя, критические исследования. Все, что писали и пишут о деятельности этого поэта-беллетриста <...> легко сходятся в определении его музы и места в литературе. <...> Но <...> никто не отказывает таланту Бунина в самобытности». Далее разбираются юбилейные статьи А.А.Измайлова, Л.С.Козловского, Т.Ардова.

Ноябрь. Выходит № 44 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 1) помещается стихотворение «Судный День. Из сур о Великой Вести» («В щит золотой, висящий у Престола...»).

В петербургском журнале «Современник» (№ 11. С. 3) публикуется стихотворение «Гробница» («Глубокая гробница из порфира...»).

В московском журнале «Вестник воспитания» (№ 8. Отд. II, с. 108–116) печатается статья А.Е.Грузинского «И.А.Бунин. (По поводу 25-летия поэтической деятельности)».

Автор статьи пишет: «Бунин — писатель с прекрасным, крупным и чистым именем, но без громкой популярности в широкой публике. Благодаря разнообразию таланта, он известен весьма многим, <...> но нельзя сказать, чтобы он был достаточно оценен в обществе и в критике. Отчасти это объясняется некоторыми особенностями его таланта. При большой пластической силе в нем мало страстного лиризма; горячее одушевление, энтузиазм, быстро передающийся и легко воспринимаемый, ему не свойственны так же, как и вообще динамика настроения. <...> В силу этой сдержанности, и ее сестры — сжатости, произведения Бунина, при всей своей прозрачности и классической простоте, не проигрывают, а выигрывают от повторного чтения, открывающего в них новые элементы содержания и новые оттенки настроения.

Другой причиной было то, что Бунин постоянно шел вперед, развертывая то одни, то другие стороны своего таланта, захватывая все новые предметы и углубляя отношение к старым, при чем можно наблюсти, что по мере углубления в жизнь лирическое отношение его к ней становится все сдержаннее, и чем выразительнее и целесообразнее делаются строгие, объективные линии его рисунка, тем скупее он на непосредственные излияния чувства. <...> На представление о нем, как о мягком элегике с грустящей лирой он ответил общей трезвостью своего реализма и яркими, жесткими тонами своих деревенских картин. <...>

Нам кажется, что все эти образы и картины, взятые из стихотворений Бунина лишь за три года, убедительны: таких вещей нельзя писать, не нося в душе и близости, и симпатии, и уважения к той жизни, откуда взяты приведенные нами черты. <...>

Мы не касались еще одной стороны творчества Бунина, которая постепенно выросла и достигла видного значения. Это — изображение им природы и жизни чуждых стран, преимущественно Востока. Посвященный Востоку ряд путевых очерков и стихотворений показывает, что Бунин путешествовал не только как чуткий поэт и тонкий наблюдатель, но и как мыслящий, культурный человек. Поэтому живые, конкретные наблюдения его превращаются иногда в широкие обобщения, в веские и глубокие символы. <...>

Эта глубокая, гуманная внимательность ко всему человеческому, даже больше: ко всему живому, особенно ярко поражает именно в произведениях Бунина из чуждой жизни».

В петербургском «Новом журнале для всех» (№ 11. Стб. 75–86) помещается статья Е.А.Колтоновской «И.А.Бунин. (По поводу 25-летия его литературной деятельности)».

Критик пишет: «При беглом знакомстве с произведениями Бунина, правда, может показаться, что перед нами какой-то космополит, “гражданин вселенной”. Таинственная сила все гонит его с родины и влечет к путешествиям, в новые страны. Рассказы и стихотворения Бунина переполнены художественными описаниями Востока и Запада <...>. Они всегда читаются с интересом, с удовольствием — язык у Бунина так красив, ярок и точен... Но странно: как только закроешь книгу, в душе от этих великолепных описаний не остается ничего. И самое имя Бунина, в нашем представлении, связывается совсем с другим — с картинами чисто рус-

скими, а не иноземными: с русской природой, русской стариной, русским бытом... <...>

Оказывается, что космополит Бунин прикован тайной властью ко всему "своему", обречен на изображение только "своего". <...>

Только когда он занят воспроизведением этого хорошо знакомого, глубоко запавшего в душу "своего", у него находятся живые прочные краски и сильный, полнозвучный голос... Иначе, впрочем, и быть не могло: ведь Бунин не случайный гость литературы, а естественное звено в ее большой основной цепи, настоящий русский писатель, серьезный и искренний. <...>

Как поэт, Бунин занял в новой литературе своеобразное и вполне самостоятельное место. Поклонник и последователь спокойного ясного Пушкина, он как будто бы равнодушен к модернизму — чужд импрессионизма и всяких исканий в области формы. Но внутренне он заметно тяготеет к Тютчеву, "отцу современной лирики", и это сближает его с новыми вкусами. Стихи у Бунина изящны, легки и красивы, чаще всего безупречны по форме. Недостаток в них только один — что они несколько холодны. Даже когда они блещут образностью, они воспринимаются, как внешние, потому что не согреты темпераментом.

Холодность Бунина особенно обнаруживается в его отношении к природе, которую ошибочно считают "его стихией". Природа в красивых стихах Бунина не живет собственною жизнью и не воспроизводится им, а только описывается. <...> Нет, если природу и можно назвать стихией Бунина, то разве лишь потому, что она его искренно привлекает и ей посвящены у него очень многие стихотворения. <...>

Когда Бунин воспевает русскую природу в связи с исторической русской стариной, самая холодность его не мешает ему: она звучит как-то величаво и стильно, будто символически. <...>

У Бунина совсем мало интимных стихотворений, которые говорили бы о его личных переживаниях, о затаенных вкусах и настроениях. На них тот же отпечаток холода, что и на стихотворениях, посвященных природе. Даже любовная лирика больше говорит о любви к нему, о "влюбленных взорах", на него обращенных, чем о его собственных чувствах. В его лирике преобладает отвлеченный, философский характер. <...> Он далеко не пессимист, хотя в отдельных стихотворениях у него и звучат мотивы разочарования. Находя везде на случайных, преходящих явлениях печать вечной красоты и гармонии, он верит в жизнь и всюду ее приветствует. <...>

Бунин не принадлежит к числу писателей скороспелых, которые входят в литературу очень рано и вполне готовыми, сразу развертывая весь свой багаж. <...> Он вырос и окреп в последние несколько лет. И теперь уже несомненно, что прозаик в Бунине сильнее и оригинальнее поэта.

Бунин-поэт остался в стороне от новых литературных влияний, тяготея к ним лишь внутренне. А Бунин-беллетрист стоит гораздо ближе к новым литературным течениям. Он вполне самобытен и самостоятелен как в сюжетах, так и в настроениях; но в отчетливости рисунка и умении подбирать краски он — несомненно, ученик "молодой" литературы. Его яркие и живые, тончайшие, как мозаика, описания сделаны в духе *нового реализма*; он в них живописец и поэт. То, чего всегда будто

несколько не хватает Бунину-поэту — общей художественной идеи и драматизма, в достаточной степени имеется у Бунина-беллетриста.

В противоположность большинству современных писателей-горожан, Бунин занят деревней. <...> Бунинская правда ужасна. Все мы — никчемный народ и во всех наших несчастьях сами виноваты. Мы не только не культурны, неприспособленны к жизни — мы и по самой природе ни на что не годимся. Потому-то у нас и в деревне нищета и убожество. <...>

Этот мрачный, уродливый Суходол — для Бунина почти символ нашей общей славяно-русской негодности и обреченности. Он и углубляется в сказочную Суходольскую "быль" для того, чтобы открыть корни нашей природы. <...>

Косность и неустойчивость... Сочетание ума и неразумности, богатства, яркости, даже глубины отдельных переживаний и общей основной бледности темперамента, холодности и вялости души. Вот те корневые славянские свойства, которые усмотрел Бунин в Суходольском прошлом. <...>

Картина распада изумительно жива и колоритна у Бунина — и его раскопки в прошлом дают богатый материал для размышлений. Резкость же его безотрадных выводов обусловлена все тем же сложным чувством "любви-нелюбви" ко всему своему, которое вообще окрашивает его творчество . С этими выводами можно соглашаться и не соглашаться, но нельзя не признать их глубоко искренними. <...> По глубине замысла и яркости исполнения "Суходол" превосходит все другие произведения Бунина.

Тот же резкий и несколько односторонний критицизм чувствуется и в последних рассказах Бунина: "Сто восемь", "Ночной разговор", "Хорошая жизнь", "Сверчок", "Веселый двор" дают однородные картины деревенского темного жития. <...>

По технике эти последние рассказы превосходны. Они показывают, что талант Бунина, как дорогое вино, все крепнет и набирается ароматом».

Декабрь, 1 (14). Бунин предлагает в письме М.В.Аверьянову издать книгу рассказов П.А.Нилуса:

«*Дорогой, сделайте это!* У нас против него Вересаев — говорит: "пошлый взгляд на женщину". Это *сущий вздор*».

Письма (*2*). С. 250–251.

В письме Бунин сообщает И.А.Белоусову:

«...завтра-послезавтра пошлю тебе стихи. Извини, что поздно — заболел жабой, лежал здесь все время».

Письма (*2*). С. 251.

Бунин в письме П.В.Мурашеву просит присылать журнал «Живое слово».

Письма (*2*). С. 251.

Бунин посылает в редакцию журнала «Заветы» письмо:

«Я написал В.С.Миролюбову, что не могу более принимать участие в "Заветах". Будьте добры вычеркнуть мое имя из списка Ваших сотрудников».

Письма (*2*). С. 251.

Ф.И.Благов в телеграмме из Москвы просит Бунина дать рассказ для рождественского номера газеты «Русское слово»:

«хотелось бы иметь рукопись 15 декабря».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/4 оф.

Декабрь, 2 (15). В.Н.Муромцева с Буниным в письме поздравляют Н.Д.Телешова с именинами. В.Н.Муромцева также сообщает:

«С Алексеем Максимовичем виделись часто. Он с Екатериной Павловною навещал нас почти ежедневно во время нашей болезни. <...> Русских здесь много. Жизнь начали вести праведную. Ложимся спать в десять часов, встаем в 7. И как это хорошо! Сегодня засели за свои письменные столы, но что из этого выйдет, покажет будущее».

Письма (*2*). С. 252.

Декабрь, 3. А.Грипич пишет Бунину из Петербурга:

«Орловское землячество в С.-Петербурге просит Вашего согласия на участие в художественном вечере, устраиваемом им в г. Орле в первых числах января 1913 г. (пока назначено 2 янв.)».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3020 оф.

«Московская газета» (№ 224. С. 3) публикует статью «Писатели на экране». Подпись: К.Д.

Журналист, в частности, пишет: «На экране кинематографа в поучение грядущим потомкам фиксируются различные моменты обыденной жизни современных нам писателей. <...>

Уже вышла группа с Мережковским, Гиппиус и Философовым; потом — “выдающийся поэт” (как стоит в заголовке) Бунин, Телешов и Зайцев; Шмелев, Серафимович, Белоусов, Мамонтов, поэт Дрожжин; отмеченные Толстым — Куприн и Ратгауз. <...> На почве кинематографии создается своего рода писательская конкуренция и недоброжелательство. <...> Кроме того, многие <...> обращаются иногда с странными предложениями.

Так, например, некоторые из неумеренных поклонников Бунина желали во что бы то ни стало снять празднества по случаю его 25-летия — прием депутаций и пр.».

Декабрь, до 4. Выходит № 12 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 74) печатается стихотворение «На большой дороге» («Как дым пожара, туча шла...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 дек. (№ 279). С. 7).

В тексте оказалась опечатка, которая была исправлена в № 1 «Вестника Европы» (с. 446) за 1913 г.

Декабрь, 5. В иркутской газете «Сибирские вести» (№ 93. С. 2) публикуется статья М.Омича «Русская деревня. (“В волостных старшинах” ст. Матвеева. “Русское богатство”, кн. 4 и 5-я 1912 г.)».

Критик сравнивает очерки С.И.Матвеева с произведениями Бунина и Родионова, подчеркивает их большую разницу и, в частности, пишет: «В изображении Ив.Бунина русская деревня обратилась в какое-то “болото” всяческой нечисти, пьянства, разврата, преступления. “Деревня” Ив.Бунина, собственно, очень малым отличается от родионовской деревни. <...> Казалось бы, это совпадение должно быть “роковым”. Ведь не может быть оно случайным? Ведь между “правым” Родионовым и “либералом” Ив.Буниным слишком большая разница и в миросозерцании

и в известных, ну что ли, просто человеческих отношениях. <...> И все же... многое у Ив.Бунина напоминает Родионова! Чем же это объясняется? <...>

Мы далеки от преувеличения действительности. Мы не отрицаем возможности, что в действительности могли быть те случаи, о которых так много повествуют и Бунин и Родионов, но мы их признаем нетипичными, а потому и не могущими служить характеристикой для современной деревни. <...>

Таков диагноз современной деревни, поставленный "земским начальником" Родионовым, это, так сказать, утрированный диагноз барина Бунина. Но вот в этом-то и беда — слишком много грязного, кровавого, животного, дикого в этом диагнозе, чтобы признать его верным и правильным. <...> Утрировка действительности слишком очевидна, чтобы поверить, чтобы согласиться, признать, что все написанное авторами действительность, не "кривое зеркало", выявившее их классовую, барскую подоплеку наблюдений. Собственно авторы нашли то, что искали».

Декабрь, 8. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой друг. Надеюсь, ты уже притерся к Капри, к креслу и пришел в порядок от московской сырости, работаешь — помоги Бог! — В последние дни, как-то все чаще вспоминаю тебя и твою привычку, как говорит Евгений <Буковецкий>, "привинчиваться к креслу" и мне становится тяжело. <...> Все это приметы старости, но с этим нужно бороться, бороться до предела сил. <...>

Согласись, прошлогодняя программа была программа невозможная. Правда, был славный, урожайный год, поработал ты много и основательно, а главное были доброкачественные дрожжи, но нельзя же забывать и того, что <...> и помечтать необходимо и поучиться нужно на тех образцах, которые до сей поры вдохновляют человечество, а главное, все в двух шагах: 4 часа и Рим, еще 4 часа и Флоренция. Правда, в прошлое твое сидение на Капри ты додумался сам до этого, но теперь это нужно *обратить в принцип*». Далее сообщает, что написал три рассказа и начал роман «Жизнь», а также есть начатый роман страниц 200.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 39–40.

Е.А.Ляцкий пишет А.М.Горькому из Петербурга:

«У Бунина просите, пожалуйста, стихов и рассказ <для журнала "Современник">. Что же делать, если не хочет за дешево, пускай дает за ту цену, которую ему платят в других журналах. Скажу по совести, что более 400 платить ему не следует, за стихи его готовы платить по два рубля за строчку».

ЛН. Т. 95. С. 543.

Декабрь, 9 (22). Бунин пишет рассказ «Геннисарет». Авторская дата: «Капри. 9.XII.1911 г.»

ПСС. Т. 4. С. 216–220.

Год в авторской дате указан ошибочно; год установлен по письмам Бунина, В.Н.Муромцевой. См.: 16 (29) декабря 1912, первая и третья записи; 17 (30) декабря 1912, вторая запись.

См.: 25 декабря (7 января 1913), четвертая запись.

Декабрь, 10 (23). Бунин посылает И.А.Белоусову стихотворение «Чибисы» («Заплакали чибисы, тонко и ярко...») для журнала «Путь» и пишет ему:

«Шлю стихи. <...> Дорого? Не плачь, авось раз в году, да и стихи мои любимые. И победнее тебя платят так».

Письма (*2*). С. 252.

Бунин посылает в редакцию газеты «Речь» два стихотворения «Зов» («Как старым морякам, живущим на покое...»), «Пращуры» («Лицом к туманной зыби хороните...») и пишет в сопроводительном письме:

«Предлагаю для рождественск<ого> и новогоднего номеров "Речи" два стихотворения. Плата — по Вашему усмотрению. Обычно я получаю 3 рубля со строки. <...>

Если поставите оба стих<отворения> в одном номере, не дать ли им общее заглавие: "Море"? Тогда I пусть идет — "Пращуры"».

Письма (*2*). С. 252–253.

А.М.Федоров посылает Бунину из Одессы свое стихотворение и просит в письме передать его при встрече В.С.Миролюбову, а также пишет:

«Я, в свою очередь, сгораю нетерпением узнать, что ты сотворил, о, юбиляр и триумфатор. <...> Мы здесь собираемся тебя чествовать. Тальников пишет большой реферат о тебе, я буду читать посвященные тебе стихи, а Петр <Нилус> — впечатления о твоем пребывании в Одессе.

По-прежнему мы собираемся по четвергам, а по воскресеньям у Буковецкого».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 222, л. 56–57.

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 324. С. 3) помещается информационная заметка «В Гоголевском обществе». Без подписи.

В заметке сообщается: «В общем собрании членов общества присутствовало свыше 40 человек.

Член общества М.П.Богаевский прочел обстоятельный и весьма интересный доклад на злободневную тему "Русская деревня в современной литературе". Докладчик подверг тщательному анализу следующие произведения: "Мужики" Чехова, "Наше преступление" Родионова, "Деревня" и "Суходол" Бунина».

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«С удовольствием повидал бы Бунина: я ведь его не знаю. Но сейчас: 1) денег нет <...>».

ЛН. Т. 95. С. 418.

Декабрь, 11 или 12 (24 или 25). Бунин посылает Ф.И.Благову для газеты «Русское слово» рассказ «Геннисарет».

См.: 16 (29) декабря 1912, третья запись; 25 декабря 1912 (7 января 1913), третья запись.

Бунин пишет А.А.Чумаченко и посылает свой фотопортрет.

Письмо и фотопортрет неизвестны. См.: 17 (30) декабря 1912, первая запись.

Декабрь, 12 (25). Е.А.Ляцкий посылает Бунину телеграмму с просьбой прислать стихи и рассказ для журнала «Современник».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3256 оф.

Декабрь, 14 (27). Бунин посылает А.М.Горькому записку с просьбой:

«...не будете ли ласковы сообщить мне точно — что именно говорит Е.А.Ляцкий по моему адресу — и в письме, и в депеше?».

Письма (2). С. 253.

А.М.Горький присылает Бунину телеграмму Е.А.Ляцкого и цитирует его письмо:

«У Бунина просите, пожалуйста, стихов и рассказ. Пускай даст за ту цену, которую ему платят в других журналах. За стихи его готовы платить по два рубля за строку». В конце Горький добавляет: «А “Соврем<енник>” надобно поддержать!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 216.

В письме Е.А.Ляцкому Бунин сообщает,

что А.М.Горький «передал мне Вашу просьбу о стихах и о рассказе. Будьте добры, сообщите, к какому времени нужно все это “Современнику”. <...>

Что до условий, то пусть для стихов остается прежняя плата. Но рассказ могу дать только в том случае, если “Современник” может заплатить мне хотя бы 500 р. за 40.000 *знаков*. Простите, что пишу так грубо — нужда!»

Письма (2). С. 253.

Бунин пишет П.В.Мурашеву, что журнал «Живое слово» получает:

«Спасибо. Желаю успеха. Что от некоторых отказываетесь — весьма хорошо. Рассказ, читанный на “Среде” <“Веселый двор”>, уже напечатан. Могу дать другой — так, приблизительно 1/3 листа. Лист я разумею в 40000 *знаков* (а не букв) — и при всем моем желании помочь Вашему журналу, не могу взять менее 500 р. за такой лист. С других беру больше. Если это Вам подходит, напишите».

Письма (2). С. 253–254.

В письме Бунин просит Д.А.Пушешникова отдать в переплет книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), а затем прислать ее на Капри.

Письма (2). С. 254.

Декабрь, 15. В.С.Миролюбов пишет Бунину из Петербурга:

«То, что Вы прислали мне стихи, как я уже писал Вам, доставило мне большое удовольствие. Мое отношение к Вам выразилось в телеграмме, которую я послал Вам в Ваш юбилей. К сожалению, в это время Ив<анов->Раз<умник> готовил в книгу <журнала “Заветы”> юбилейную заметку, которую я, к сожалению, прочел только по выходе книжки. Мое отношение к Вам совершенно иное и напрасно Вы избрали, чтобы ответить мне, тон Вашего последнего письма.

Не сердитесь, все уладится. Буду надеяться, что мое отношение сделается и отношением всей нашей редакции к Вам.

Позвольте Ваше имя не снимать. Стихотворение Ваше, как я уже писал Вам, отложено до последней книжки. <...>

Просил у Вас рассказ я и опять прошу и прошу его прислать мне».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 279, л. 14.

Выходит № 12 петербургского журнала «Русская мысль», в котором (с. 1) помещается стихотворение «Белый Олень» («Едет стрелок в зеленые луга...»).

См. объявление о выходе журнала в газете «Русские ведомости» (15 декабря (№ 289). С. 2).

Декабрь, 16 (29). Бунин пишет Ю.А.Бунину о предполагаемом сборнике материалов о прошедшем 25-летнем юбилее своей литературной деятельности:

«Милый Юлий, мало ли что кто сбрешет! "Юбилей раздули"... Да это всегда и про все так говорят. Это все кляповина. А вот Ляцкий писал Горькому: "Это не только литературное, но и общественное событие". И Горький сам то же говорил. — Но издавать ли юбил<ейный> сборник — не знаю. <...> Вон декаденты не боялись, не сопливились — и что натворили! Что там не толкуй, а победы огромные. И теперь ту же линию ведут. А тут... <...> Повторяю — *тебе виднее.* Хотя чувствую — все равно ничего не выйдет, или выйдет убого. Как будто склоняюсь к тому, что *не надо.* Только тогда, может быть, как-нибудь иначе использовать материал? Мог бы Клестов или Попов написать к новогоднему номеру какой-нибудь газеты или журнала. <...> тот же Клестов за плату мог бы хоть *рукописную памятную записку для* "Среды" составить... Да мало ли комбинаций! *Подумай, ради Бога.*

Теперь о другом сборнике <"Слово">. <...> И как я предрекал, так и вышло: Толстой, Шмелев, Зайцев пораздали свои вещи. А все это бесполезная, подлая и тупая тварь — Вересаев! Теперь Махалов и Клестов снова поднимают толк о сборнике, просят просить Горького. Я было не хотел — опять в лужу меня посадят. Да жалко дела. Нынче говорил: *Горький дал твердое обещание, слово, — так и написать просит вам, —* ***что даст повесть в 3 листа*** и никаких авансов не просит.

<...> я тоже меньше листов 3 не хочу давать. Меня в конец. Выпустить можно сборник *в феврале.*

Что Маша? Вечное горе!

Я истекаю кровью 10 дней. Чувствую себя очень неважно. За все время написал на грош — дал в "Р<усское> слово" строк 250 <"Геннисарет">, да еще есть пустяк строк 350. Вот и все. А денег не густо.

Твердо говорю — Клюева издадут — уйду».

Письма (2). С. 254–255.

Бунин посылает Е.А.Ляцкому для журнала «Современник» стихотворение «Ноябрьская ночь» («Туман прозрачный по полям...») и просит в письме:

«Будьте добры, немедленно известить о получении этого письма и о том, подходят ли Вам эти стихи и когда пустите их».

Письма (2). С. 255.

Ф.И.Благов в телеграмме из Москвы извещает Бунина, что получил рассказ «Геннисарет» для рождественского номера «Русского слова».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/5 оф.

Декабрь, 17 (30). А.А.Чумаченко пишет Бунину:

«Какой Вы хороший и умный, что первый написали мне. Не знаю, собралась бы я написать Вам сама, — хоть и хотелось мне этого очень, очень крепко. Очень мне страшно то, что Вы академик и вообще, большой человек. <...> А получила Ваше письмецо, обрадовалась очень и совсем, совсем забыла о том, что Вы умный и большой. <...> Сейчас Вы для меня не важный и знаменитый человек, — а просто Иван Бунин, — тот самый Иван Бунин с остренькой бородкой и грустными глазами, который когда-то написал мне “Листопад” и перевел “Гайавату” и за которым я когда-то пошла и вот иду до сих пор. И мне кажется, что никогда не уйду от него. <...> Арсика <А.Н.Бибикова> я видела недавно. Ходит он грустный и какой-то побитый. Совсем больное лицо и совсем чужие, не его, глаза, — что-то неладное с Варварой Владимировной, и это его мучает очень. Бедный, милый Арсик! <...>

Стихов сейчас я Вам посылать не хочу. <...> За карточку спасибо большое».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2963/1 оф.

В.Н.Муромцева в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«Ян написал две вещи: очерк, который появится в “Русском слове” 25 дек. <“Геннисарет”>, и еще рассказ про ястребов. Теперь он стал еще над чем-то работать, но над чем не говорит. Он чувствует себя сносно <...>. Получили сегодня письмо от Овсянико-Куликовского, просит у него рассказов в февральскую книжку».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3238/2 оф.

Какой рассказ «про ястребов» имеется в виду неизвестно.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину с Капри:

«Дорогой Юлий Алексеевич! Получили от Вас второе письмо, ждем теперь третьего. Пишите почаще, а то С<удорожный> начинает скучать и беспокоиться, не получая от Вас долго известий. Про нас рассказывать нечего, так как жизнь наша однообразна в высшей степени: встаем рано, пьем кофе в общей зале, еще одни, <...> затем пробежимся каждый в отдельности на пьяццу или по Виа Трегара и садимся за стол. В половине 1-го завтрак, потом полуторачасовая прогулка, потом опять по своим комнатам, потом, без четверти семь, после двукратного гонга, гремящего на весь отель, длительная прогулка, обычно с заходом к Г<орькому>. В 12 ч. электричество у нас уже погашено. Совсем другая жизнь у Г<орького>. Там вечный праздник, вечная сутолока, вечный народ. <...> Русских на К<апри> человек тридцать. Все они, за исключением К.П.П<ятницкого>, с которым Г<орький> в ссоре, бывают у Г<орького> по три раза в неделю, а некоторые и чаще. Все русские, не исключая жен и детей, пишут, или, вернее, учатся писать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 7.

Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

Декабрь, 18. В Москве выходит альманах «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912), в котором (с. 3–4) печатается манифест футуристов «Пощечина общественному вкусу». Подписи: Д.Бурлюк, А.Крученых, В.Маяковский, В.Хлебников. Авторская дата: «Москва, 1912. Декабрь».

В манифесте, в частности, говорится: «Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только мы — *лицо нашего* Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов.

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности. <...>

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!..»

Дата выхода альманаха определена по: Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 306.

См.: 14 мая 1913, вторая запись.

Декабрь, 19. А.М.Федоров пишет Бунину из Москвы:

«Тебе перевели 300 р. Дай рассказ, это хорошо по 500 р., но при чем тут товарищество!».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 222, л. 20–21.

Декабрь, 21. В екатеринодарской газете «Кубанский край» (№ 286. С. 2) публикуется статья Н.Е.Пояркова «О трех Иванах. Иван Бунин “Суходол”. Иван Новиков “Рассказы”. Иван Шмелев “Рассказы”».

Критик пишет: «Да! Бунин часто прекрасный поэт, с четким, ясным рисунком, певец моря и степи, зоркий художник, которому особенно удаются пейзажи и быт. Его третий том стихотворений почти безукоризненная книга, в которой так мало неудачных произведений.

Я люблю и книгу рассказов Бунина, где он показал себя хорошим импрессионистом, особенно удачно рисующим психологию своеобразной, чистой, нежной любви. Но последние четыре года Бунин стал реалистом, заинтересовавшись современной русской деревней». О книге «Суходол. Повести и рассказы» отмечается: «Здесь везде бунинский четкий, острый рисунок, и зоркий птичий глаз. Старыми мастерами писателями порой веет от некоторых мест этой любопытной, хотя и однообразной, могущей скуку навеять и ослабить внимание, книги.

Но рядом с художественным импрессионистским рисунком и этими прекрасными картинами и русской милой природы и времени года — идет и развивается иное страшное, неумолимое, как Рок. И чем больше вдумываешься в это черное и зловещее, тем страшнее становится и куда-то далеко в пропасть проваливаются очаровательные бунинские пейзажи. <...>

В каждом рассказе Бунина черные краски – убийства, преступления, смерть, пьянство, ругань, грубость. Даже не будучи оптимистом, не веришь картинам и обобщениям автора “Деревни” и “Суходола”, совпадающим с выводами тенденциознейшего произведения г. Родионова.

Новая жизнь и новые люди современной русской деревни как-то не попали в поле зрения зоркого Бунина. Его острый взгляд не заметил всего таящегося и происходящего в глубине народного океана. Что-то заставило талантливого поэта по-

смотреть на деревню слишком пессимистично, сгустив краски, заполнить весь воздух запахом махорки, водки, звуками наглых песен и грубой брани».

Декабрь, 23. Выходит № 51 петербургского журнала «Гражданин», в котором (с. 5) помещается статья В.Чернобаева «“Суходол” Ив.Бунина».

Критик пишет: «Творческая сила Бунина заключается не столько в изображении движения жизни, сколько в умении схватывать эту жизнь в состоянии покоя. У него нет драматизма, нет резко обрисованных характеров, но взамен этого есть жизнь. <...> Это одновременно и достоинство и недостаток. В “Суходоле” и то и другое сказывается, осложненное еще характером избранной темы: Бунин говорит не о городской или шумной столичной жизни, а об обитателях далекой провинции на границе какой-нибудь Воронежской и Курской губерний с переходным говором от великороссов к малороссам. Этот переходный говор не всегда удается Бунину, и подделка под народную речь иногда проскальзывает, но в целом от книги остается впечатление, что автор томится и грустит о старой жизни, где все было ясно и понятно одинаково и для помещиков и для мужиков. <...>

Слишком ясно видно из самого характера выбранной Буниным темы, что он — поэт старой школы. <...> Единственная отрада в этой печальной картине — ее фон, описания и изображения природы: здесь Бунин выступает настоящим реалистом, но этот реализм — уже не тот целомудренный тургеневский, а отмеченный грубоватыми чертами современности. Половые отношения не представляют уже для Бунина такой темы, за которую он побоялся бы взяться. Видно, после Тургенева и Гончарова к Бунину мы должны идти через Чехова, у которого есть уже огрубение реализма, а быть может это объясняется западно-европейскими влияниями, например, Мопассана.

<...> Бунин как бы не хочет жить будущим; он весь в прошлом... Прошлое имеет большую власть над ним и его героями. <...> Характеры героев в большинстве случаев только намечены, в них недостает живости, красочности, драматизма. Положительная же сторона “Суходола” состоит в изображении жизни в застывших формах и в лиризме описаний природы».

В петербургской газете «Речь» (№ 352. С. 3) печатается статья К.И.Чуковского «Самоубийцы. (Очерки современной словесности)».

Критик упоминает сочинения Бунина «Веселый двор», «Суходол» и отмечает: «Беспричинные самоубийства — таково новейшее открытие современной нашей словесности». Разбирая книгу Э.Дюркгейма «Самоубийство» (СПб., 1912), критик пытается выяснить причины самоубийств.

Данная статья К.И.Чуковского была напечатана также в газете «Современное слово» (23 дек. (№ 1784). С. 2).

В московской газете «Русские ведомости» (№ 296. С. 1) помещается объявление о подписке на журнал «Современный мир», в котором в 1913 г. намечен к публикации, в частности, рассказ Бунина.

Декабрь, 25 (Январь, 7, 1913). Бунин начинает писать рассказ «Преступление».

См.: 27 декабря 1912.

Е.А.Ляцкий пишет Бунину из Петербурга по поводу публикации его стихотворения в журнале «Современник»:

«Спасибо великое и за память и за стихи. Пускаем их в январе. Рассказ просим, — как напишете. <...> Собираюсь к Вам сам скоро на Капри, отдыха просит душа и свидания с Алексеем Максимовичем и Вами».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 148.

В петербургской газете «Речь» (№ 354. С. 4) публикуется стихотворение «Зов» («Как старым морякам, живущим на покое...»).

Данное стихотворение также напечатано в газете «Современное слово» (25 декабря (№ 1786). С. 2).

В московской газете «Русское слово» (№ 297. С. 4) печатается рассказ «Геннисарет».

Декабрь, 27 (Январь, 9, 1913). Бунин заканчивает рассказ «Преступление» (позднее озаглавлен «Ермил»). Авторская дата: «25–27. XII. 1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 20–21.
ПСС. Т. 6. С. 65–76.

См.: январь 1913, первая запись.

Декабрь, 28. Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петербурга на бланке редакции журнала «Современный мир»:

«Сегодня получил Ваше сердитое письмо. Конечно, Ваше недовольство имеет основания <...>.

Что касается стихотворений, то мы украшаем одним из них январь, а другим — февраль. Но, Иван Алексеевич! Разве можно просить с нас по 2 р. за строку! Ей-богу, эти цены могут давать только газеты, поддерживаемые биржевиками. <...>

Рассказ Ваш мы теперь просим у Вас уже на осень, для февраля он слишком "дорог", и нельзя же баловать подписчиков первоклассною беллетристикою.

<...> верьте, что "Современный мир" относится к Вам с прочным расположением, как старый друг, который всегда лучше новых двух!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 9.

Декабрь, 30 (Январь, 12, 1913). Бунин пишет рассказ «Князь во князьях». Авторская дата: «30. XII. 1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 22–23.
ПСС. Т. 6. С. 77–85.

См.: конец февраля 1913.

Декабрь, 31 (Январь, 13, 1913). Бунин пишет рассказ «Вера» (позднее озаглавлен «Последнее свидание»). Авторская дата: «Капри. 31. XII. 1912».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 24.
ПСС. Т. 6. С. 51–57.

См.: конец февраля 1913.

Бунин спрашивает в письме И.А.Белоусова о посланном стихотворении:

«Алексеич, что молчишь? Пожду еще — и отдам стихи в другое место».

Письма (2). С. 255.

См.: 10 (23) декабря 1912, первая запись.

П.А.Нилус сообщает Бунину в письме из Одессы,

что написал пять рассказов, из которых «два святочных я тебе послал, в купе со стихами Лепетича, рассказами Федорова, Юшкевича», далее рассказывает, что провалились пьесы С.С.Юшкевича, Л.Н.Андреева, С.А.Найденова, А.М.Федорова, «для меня этот год оказался неудачным во всех отношениях».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 41–42.

Декабрь, 17...31. Выходит отдельное издание романса П.Карасева «Бог один» (СПб.: Ю.Г.Циммерман, 1912) на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь. В московском журнале «Новая жизнь» (№ 12. С. 34) публикуется стихотворение «Монастыри» («Монастыри в предгориях глухих...»).

В петербургском журнале «Исторический вестник» (№ 12. С. 1296–1298) в рубрике «Смесь» публикуется информационная статья «Юбилей И.А.Бунина». Без подписи.

Корреспондент подробно пишет о чествовании Бунина 28 октября в Москве.

В петербургском журнале «Обновление школы» (Кн. 14, № 4. С. 3–5) печатается статья А.В.Беломорского «И.А.Бунин. (К 25-летнему юбилею литературной деятельности)». На вклейке перед титульным листом журнала помещается фотопортрет Бунина.

Критик пишет: «И.А.Бунин, 25-летний юбилей литературной деятельности которого не так давно праздновался, принадлежит к тем поэтам беллетристам, которым, подобно Д.Н.Мамину-Сибиряку, должно быть отведено видное место в детской книге, отвечающей новейшим требованиям экспериментальной педагогики.

Его стихотворения “Детство”, “Ракета”, “С кургана”, “Бушует полая вода...”, “Долгий, сонный зимний вечер...”, “Счастье”, “Северная береза”, “У шалаша” и многие другие, стихи из поэмы “Листопад” настолько хороши в смысле подбора переживаний, что их можно назвать зеркалом юности. <...>

Что касается внешней отделки стиха Бунина, то надо признать за ним и чистоту, и ясность. Со стороны звучности хорошо стихотворение “С кургана” <...>; при чтении его слышишь зовы весны в эмоциональных отзвучиях мелодий Бизе.

С рассматриваемой нами точки зрения даже признание стиха Бунина “ветхозаветным” является констатированием его достоинства; дети не принадлежат к числу тех немногих, которым нужна поэзия горных вершин с ее особым стихом. Взрослым его поэзия для юношества кажется холодной, бесстрастной, но лучше “строгий холод, чем притворная страстность”, а всякая страстность притворна по отношению к детям, если она из душевного мира взрослых».

Ноябрь...Декабрь. Выходит 2-е издание книги Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912. 320 с.). Цена 1 р. 50 к.

Конец года. Выходит сборник, составленный И.Брихничевым, «Христос в мировой поэзии» (М., 1912), в котором (с. 34–35, 237, 241–242, 262) помещаются стихотворения Бунина: «По алтарям пустым и белым...», «В Гефсиманском саду» («И в этот час, гласит преданье...»), «Канун Купалы» («Не туман белеет в темной роще...»), «Сын человеческий. Апокалипсис, I» («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...»).

В течение года. Выходит отдельное издание романса К.Н.Шведова «Одиночество» (М.: Юргенсон, 1912) на слова Бунина.

Выходит книга Ч.Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (Пер. с англ. Н.Пушешникова. М.: «Польза», В.Антик и К°, 1912. 98 с. Универсальная библиотека, № 753).

Выходит книга Ч.Диккенса «Колокола. Волшебный рассказ о колоколах, звонивших в конце старого и начале нового года» (Пер. с англ. Н.Пушешникова. М.: «Польза», В.Антик и К°, 1912. 104 с. Универсальная библиотека, № 758).

1913

Январь, 1 (14). Бунин с В.Н.Муромцевой встречает Новый год в гостях у А.М.Горького. Бунин читает рассказ «Преступление».

Дневники. Т. 1. С. 132.

См.: 2 (15) января 1913; 5 (18) января 1913, вторая запись.

Одновременно в петербургских газетах «Речь» (№ 1. С. 4) и «Современное слово» (№ 1791. С. 4) печатается стихотворение «Пращуры» («Лицом к туманной зыби хороните...»).

В газете «Киевская мысль» (№ 1. С. 17–18) публикуется статья «Русская литература». Без подписи.

Обозреватель пишет: «Все крупнейшие писатели развертывают перед нами огромнейший бытовой материал и ведут нас по самым глухим уголкам уездной и деревенской России. Так было и год назад, когда и Горький, и Бунин, и Сергеев-Ценский, и Муйжель, и множество менее известных художников разом заговорили о деревне. <...>

Вся современная художественная литература лишена объединяющих настроений. Каждый беллетрист — это одиночка, у которого осталось одно беспокойное желание писать, писать и писать, но который действует ощупью и ни на миг не перестает себя чувствовать задавленным этой свирепой, тупой и победоносной действительностью. <...> Оттого с таким отвращением говорит о действительности Бунин в “Суходоле”. <...> Беллетристика “Современного мира”, как и вся беллетристика минувшего года, большими достоинствами не блещет. Здесь помещалось почти все лучшее, что появилось за этот год в печати. <...> Очень хороши также: повесть Гусева-Оренбургского “Призрак”, рассказ “Хорошая жизнь” И.Бунина, сатирические “Сказки” Горького и “Дневник агитатора” И.Коновалова. <...> В течение года была напечатана в “Заветах” довольно интересная беллетристика, в том числе “Рождение человека” Горького, “Веселый двор” Бунина, “Торговый дом” Сургучева <...>».

В петербургской газете «Новое время» (№ 13221. С. 9) печатается статья «Русская литература». Без подписи.

Обозреватель, в частности, отмечает: «Психологии деревни уделяет большое внимание И.Бунин. В “Суходоле” (“Вестник Европы”) рисуется царство сумасшедших помещиков с одной стороны и мужиков с безымянными могилами и похожими одна на другую жизнями, скудными и бесследными, – с другой. В “Захаре Воробьеве” Бунин изображает богатыря-крестьянина, который, выпив на пари неимоверное количество водки, умер. Критика не без глубокомыслия пробовала решить вопрос, есть ли в этой вещи скрытый символический смысл, или такого нет, но иной морали, кроме того, что водка может довести человека до погибели, из него вывести нельзя. Пропасть, отделяющую мировоззрение мужика от того, что составляет духовную сущность интеллигента, представленного в виде ищущего сближения с народом барчука-гимназиста, – Бунин изображает в “Ночном разговоре” (альманах “Шиповник”), но согласиться с тем, что выведенные в этом произведении существа, звериного образа и подобия, являются типичными русскими крестьянами, могут только те, кто знает только “альманашных” мужиков».

В газете «Одесский листок» (№ 1. С. 5) помещается статья «Русская литература в 1912 году». Подпись: Н.П.

Критик отмечает: «Зарекомендовал себя со стороны значительной плодовитости И.А.Бунин. Лучшая вещь писателя “Суходол” печаталась в “Вестнике Европы”; больше же всего толков вызвал “Ночной разговор” – безотрадное изображение деревенской действительности».

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 1) печатается статья М.Шагинян «Литературный дневник. Первое января».

Критик, в частности, пишет: «В замечательной книге Ив.Бунина показано, как самые корни Руси – крестьяне – подгнили. <...> Взять хотя последнюю книгу Ив.Бунина “Суходол”, – я упоминала о ней выше.

Мы до известной степени верим, что русское крестьянство таит в себе какие-то свежие, неперебродившие соки, которыми оно вспоит последующую русскую культуру; мы смутно сознаем, что хоть оно-то должно быть нетронуто, свежо и пусть дико, да зато здорово... <...>

Но неугодно ли узнать правду о русском мужике, как бы специально зафиксированную, собранную в книгу к новому году. Разверните страницы этой белой и спокойной, эпически-благодушной книги, и для вас начнутся сюрпризы. Вместо прежнего знакомого мужика или даже мужичка, – сентиментально представляемого в зипуне и с мудреной, но особенной, толстовской философией, перед вами ряд характерных портретов не то зверей, не то умалишенных, маньяков жестокости, бесстыдства и бессознательности. Наиболее вразумителен рассказ “Ночной разговор”. <...>».

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/281 оф.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 1) публикуются статьи:

– И.Н.Игнатова «Литература. “Тяга” и “отшибка”» (С. 54–55).

Обозреватель, сравнивая творчество Серафимовича и Бунина, пишет о произведениях двух писателей в целом: «Казалось, ничего в жизни не оставалось, кроме зверства, кроме убийства, драк, хватаний за горло, иногда с азартом, со злобой, другой раз хладнокровно, без увлечения, как самое обыкновенное дело».

— Р.В.Иванова-Разумника «Русская литература в 1912 году» (с. 56).

В статье, в частности, говорится: «Из второстепенных “маститых” писателей не слишком порадовал юбилейный Ив.Бунин своим “Суходолом”».

В петербургской газете «Современное слово» (№ 1791. С. 2–3) печатается статья А.Ожигова «Литературные мотивы. Вместо обзора».

Критик пишет: «Серьезно, красиво, вдумчиво и благородно работает над современными проклятыми вопросами русской жизни И.Бунин, праздновавший в истекшем году свой юбилей не дуто-незаслуженно, а, действительно, по истине и “по-хорошему”. Славу своей работы взял он своим трудом.

Тоже мечется И.Бунин. Тоже ищет пытливо и остро ответов на те же проклятые вопросы жизни, клубком сложным и непонятным запутавшиеся около 1905 года. Но подходит к ним писатель с величайшей объективностью и простотой. Его волнует основной вопрос русской жизни — вопрос деревни, крестьянства, мужицкого мира, мужицкой души и совести. Давно уже ищет г. Бунин в этом направлении. Давно уже пишет он правду о русской деревне, правду грубую, но жизненную.

Несомненно, г. Бунин — пессимист. Но где в равнинах русской земли почерпнуть бодрую веру в русский народ, русскую деревню и дворянство, около нее питающееся и ее в свой полон стремящееся взять?

На всех, кто сердцем и душой скорбит скорбями и печалится печалями русской жизни и ее кривды, должен был произвести большое впечатление рассказ г. Бунина “Ночной разговор”, этот обвинительный акт русскому народу, которого мы готовы были повысить в чин свободных граждан русской земли... Жестоко и больно резнул по сердцу всех народников г. Бунин, раскрывши правду-матушку про этих граждан. Дальше Чехова пошел он в этом направлении после своей убийственной “Деревни”. И, раскрывая все эти язвы, все же страдает он, г. Бунин, а не только забавляется кусками жизни, превращенными в легенду.

В “Суходоле” пессимизм автора доходит до последнего напряжения. Это отходная рабьему, бессмысленному, тупому, вечно-молчащему и заячьей души мужику. Это отходная и дворянству, в три поколения уничтожившему себя и заживо разложившемуся, кончившему отвратительным вырождением, равносильным смерти, несмотря на освежение благородной крови мужицкою.

Кнут г. Бунина равномерно играет на спинах мужиков и дворянства. Всюду взор художника видит только умирание, разложение, смерть, позор, поганство русской жизни.

И страдает писатель от этих язв жизни, как, конечно, никогда не страдал ни г. Сологуб, ни г. Андреев. Он только ищет. И в русском народе видит слишком много поганки, чтобы поклониться ему. Но зато и в культурных классах деревни не видит ничего, что выше этой поганки вознеслось бы.

И, читая г. Бунина, вы чувствуете тревожную мысль искателя-художника, а не забавника и развлекателя жизни. Тот же 1905 год для г. Бунина — загадка, центр поисков и исканий, мученическая задача. Где же русский народ, который будто бы выявил тогда свое лицо и показал силу своих мускулистых, натруженных рук? Нет его. И не было. И скорбит, и плачет над этим писатель».

В московской газете «Трудовая копейка» (№ 1. С. 6) помещается статья «Русская литература в 1912 году». Подпись: Н.В-н.

Обозреватель, в частности, пишет: «Сильный интерес в публике и горячую полемику в печати вызвала повесть И.Бунина "Суходол" ("Вестник Европы"), в которой автор дал яркую картину дворянского распада и ультрамрачных изображений из крестьянской жизни, за что особенно и напала на автора критика. В своем произведении И.Бунин бесконечно мягче, снисходительнее к родным ему, по каким-то воспоминаниям, дворянам Хрущевым, чем к мужикам. В этом именно минус художественного произведения И.Бунина. У автора очень много вдумчивых наблюдений над действительностью, и он умело ими пользуется. "Суходол" дает много для понимания сущности нашего барства, в котором так мало "барского" и так много "холопского". <...> Перед г. Буниным стоит, несомненно, задача выяснить себе, что такое барство и какова причина его неустойчивости. <...>

Как всегда, отлично написан рассказ И.Бунина "Ночной разговор", хотя и производит тягостное настроение, благодаря тому, что г. Бунин слишком мрачно смотрит на деревню, а русский народ весь, по его мнению, состоит из убийц и идиотов».

А.М.Горький пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«Здесь — пишут! Особенно — Вольный. И — Бунин. И — Силыч <Новиков-Прибой>. И я. И Старк. Драться хочется, а — некогда».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 235.

Январь, 2 (15). А.М.Горький посылает Е.А.Ляцкому телеграмму с Капри:

«Оставьте лист январе для Бунина. Посылаю рукопись».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 237.

См.: 3 (16) января 1913, первая запись.

Январь, 3 (16). Бунин посылает Е.А.Ляцкому рассказ «Преступление» для журнала «Современник».

См.: 5 (18) января 1913, первая запись.

В газете «Одесские новости» (№ 8912. С. 3) помещается статья Н.Л.Геккера «Литературный 1912 год».

В статье, в частности, говорится: «25-летие литературной деятельности И.А.Бунина, хотя и сопровождалось торжественным чествованием восемью соединенными научно-литературными обществами Москвы, не дало ничего нового для оценки этого забирающегося все более в глубь жизни и делающегося первым у нас по нынешнему времени и совершенно своеобразного (в противоречии установившимся традициям) знатока народа. <...> Наиболее важным в литературном отношении из собраний произведений различных авторов является первый сборник "Товарищества писателей", заключающий в себе рассказы гг. Сергеева-Ценского и Бунина. <...> Рассказ Бунина "Ночной разговор" <...> — является наибо-

лее типичным из произведений этого писателя, посвященных русской деревне, <...> в “Ночном разговоре” изобличается дикость, ожесточение и озверение русского мужика. <...> Из настоящих русских писателей г. Бунин единственный, который любит свое отечество и народ, видя в них несомненные симптомы умирания и движения назад».

Январь, 4. В петербургской газете «Новое время» (№ 13224. С. 4) печатается статья А.Бурнакина «Литературные заметки. Год небытия».

Критик, в частности, отмечает: «Отсутствие искренности — важнейший симптом современной литературы. Если не считать немногих новых писателей, заговоривших голосом души и взыскательной совести, все прочее, все руководящее в литературе направляло нас по пути лжи, лицемерия, фальши. Лгал Андреев, когда прославлял преподобного экспроприатора, лгал Бунин, когда чернил деревню, лгал Куприн, когда истекал в сантиментах, лгал Арцыбашев, когда корежился в падучей всеотрицания и демонического пессимизма. Литературу делают притворщики, выдумщики, пачкуны и хулители, сплошь клейменные и порченные, и между ними ни одного свежего, искреннего, яркого смелого человека. Литература как трехдневный покойник, полный трупного яда. Общее заражение — заражение всего литературного организма — язык, стиль, образы, психология, краски — все отравлено трупным ядом распадения, все извратилось, изуродовалось, потеряло преемственную и национальную форму. <...> Действительно, в 1912 году она <литература> приблизилась к последней черте вульгарности и низкопробности. Лауреат Бунин опустился до бездарного пасквиля, живой талант Куприна выродился в пьяную гримасу, хмельная символика Андреева обратилась в открытое глумление над русским языком, Максим Горький бесповоротно согнулся в шабесгоя, Валерий Брюсов разменял свою декадентскую эротику на безвыходную “пастельность” профессионального порнографа (“Зеркало теней”)».

Январь, до 5. Выходит № 1 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (С. 52) помещается стихотворение «Летняя ночь» («“Дай мне звезду”, — твердит ребенок сонный...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (5 янв. (№ 4). С. 6).

Январь, 5 (18). Бунин пишет Е.А.Ляцкому, извещая о посылке «позавчера» рассказа «Преступление» в журнал «Современник» и просит:

«500 р. за 40000 знаков <...>.

Молю о самой тщательной корректуре».

Письма (*2*). С. 255.

А.М.Горький пишет Е.А.Ляцкому:

«Если только имеется хоть какая-нибудь возможность, — включите рассказ Бунина в январскую книгу! Пусть книжка будет немного дорога, — необходимо, чтоб она была ярче! <...> Если же, к великому огорчению, рассказ Бунина запоздал, — *в феврале ставьте его первым*».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 238.

См.: январь 1913, первая запись.

В газете «Оренбургский край» (№ 4. С. 3) печатается статья А.Колосова «Литературные наброски».

Критик пишет: «Бунин, в сущности, гораздо больше поэт, нежели беллетрист. Но за последнее время он тяготеет к повести и рассказу сильнее, нежели к поэзии». Далее о книге «Суходол. Повести и рассказы»: «Мне кажется, что это стремление к прозе отражается в эпиграфе к новому сборнику рассказов Ив.Бунина. Эпиграф гласит:

"Веси, грады выхожу,
Русь обдумаю, выгляжу..."

Задача, как видно, огромная... И нужно сказать, что осуществление ее в полной мере дало бы бесспорно и результаты выдающиеся.

Но, к сожалению, Бунин выполняет ее лишь частично. Он скорее "обдумывает" Русь, нежели ее "выглядывает". Он — горожанин, живущий кабинетной жизнью, и потому к какому бы вы произведению его из жизни деревни ни обратились, везде вы почувствуете отсутствие подлинных личных впечатлений. Скорее чувствуется тема, надуманная задача, чем объективно-художественный материал, из которого сам читатель может сделать тот или иной вывод.

Возьмите хотя бы его рассказ "Суходол". В сущности, он представляет собою легенду старого разрушенного дворянского гнезда. <...>

Бунин — поэт, вышедший сам из такого гнезда, и можно было бы думать, что его легенда будет проникнута тем ароматом поэзии, которая так присуща всем подобным легендам. Я при этом имею в виду не дворянина Тургенева, но даже мужика Чехова. Сколько очарования в "Вишневом саде", выраженном в одном из таких дворянских гнезд. — Но Бунин разрушает красоту этих поэтических сказаний. Он ставит себе задачей доказать, что в дворянских гнездах сами их обитатели нисколько не отличались от остальной деревни и принадлежащих им крестьян. <...>

Быть может, Бунин отчасти прав. Однако, при всей справедливости каждого из сообщенных им фактов, чувствуется отсутствие общей правдивой картины.

Молодой беллетрист граф А.Н.Толстой, описывающий такие же усадьбы в настоящее время, дает картины гораздо более убедительные. <...>

Бунин, повторяю, больше "обдумывает". При этом обдумывает холодно, не творит, а решает задачу. То, что он рассказал со слов дворовых о крепостном праве — <...> правда. Но однобокая. Я знаю правду Тургенева, Льва Толстого, Чехова, Пушкина... И потому чувствую, что у Бунина правда не полная.

Убежден, что такое именно впечатление вынесет и всякий читатель».

Январь, 1...5 (14...18). Бунин читает А.М.Горькому рассказы «Вера», «Князь во князьях».

Границы события определены по письму Бунина. См.: 6 (19) января 1913, вторая запись.

Январь, 6 (19). Бунин встречается с приехавшим на Капри Л.Н.Андреевым в гостях у А.М.Горького.

Письма (2). С. 647.

В письме Ю.А.Бунину Бунин сетует:

«Милый Юлий, все только сулишь писать! <...> От Маши ужасное письмо <неизвестно> — пошли ей из моих рублей 20–25. Дела мои пока плохи. Написал три вещички, но все маленькие — по ¾ листа <«Преступление», «Вера», «Князь во князьях»>. Одну отослал в “Современник”. Две свободны — говорят, очень хороши. Горький *буквально* обливался слезами. Завтра-послезавтра пошлю тебе все три — две из них можно прочитать на “Среде”. А что же сборник, сборник книгоиздательства! <...> Горький пишет и день, и ночь для нас <...>. Я *непременно* дам к февралю — не меньше 3 листов. <...> Думаю — роман небольшой <«При дороге»?>.

Сижу я за письменным столом не вставая. Денег осталось всего 2 тысячи *франков*».

Письма (*2*). С. 256.

Бунин посылает литературному кружку «Среда» два рассказа: «Вера» и «Князь во князьях». В сопроводительной открытке сообщает:

«Шлю Вам для прочтения — пусть потрудится Н.Д.Телешов или А.Н.Бибиков — два рассказа».

Письма (*2*). С. 256.

И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы:

«Друг мой дорогой. Ты не сердись на меня, что я не ответил на твое письмо: праздники как-то завертели меня. Стихи я твои получил и с радостью напечатаю их. <...>

Получился ли на Капри 1 № “Пути”?».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 311, л. 7–8.

В петербургской газете «Речь» (№ 5. С. 3–4) помещается статья К.И.Чуковского «Пафос косности и безжеланности», в которой, в частности, говорится о книге «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912):

«Вот только что с почты получена новая книга “Суходол” — великолепные рассказы Бунина. <...> Бунин, например, как мелочный прокурор, пристрастно выслеживает каждое малейшее наше движение и ежеминутно отмечает: не то, не то, не так. Именно на этом “не так” основаны многие его творения. <...> Бунинская тоска есть тоска по хозяйственности, по какому-то “правильному” делу, — это так небывало, так ново в литературе нашей! Бунин с содроганием ощутил в русской душе — “жажду гибели”, “жажду самоуничтожения, разора” — и вот старается ее за это презирать». Далее автор статьи дает примечание: «Именно старается, ибо и сам, по словам З.Н.Гиппиус — бездейственен, созерцателен, пассивен».

Январь, 7 (20). На именинном обеде у И.Е.Вольнова Бунин вновь встречается с Л.Н.Андреевым.

Письма (*2*). С. 647.

Январь, 8 (21). Утром Л.Н.Андреев приходит к Бунину в отель «Квисисана».

Н.А.Пушешников записывает в дневнике, что в этот день Л.Н.Андреев пришел в отель к Бунину «совершенно пьяный». В разговоре с Буниным Л.Андреев гово-

рит: «Я тебя, люблю, В<аню>ша. За твой ум тебя люблю. <...> Нет, я не хочу спать. Я вас всех ненавижу. И Г<орького> ненавижу. <...>. И мужиков твоих ненавижу, “Дер<евню>” твою я ненавижу! Вольновских мужиков люблю, а твоих ненавижу. <...> Ты души русской не знаешь. Ты русского не знаешь народу. Ты в мужиках людей не видишь. Ты их презираешь. Ты за них не страдаешь. <...>». Далее Н.А.Пушешников, который на время выходил из комнаты, отмечает: «Я вошел в комнату и увидел, что А<ндреев>, упав с кресла вперед на пол, стоит на коленях. Его черные длинные волосы рассыпались и свисли на лицо. Он схватил руку И.А. <Бунина> и стал целовать ее, а И.А. <Бунин>, нагнувшись, схватил его за пухлую шею и целовал в голову, и слезы у него лились ручьем.

– Я тебя люблю, А<ндрюша>, — говорил он. — Поверь мне! Ты мне дороже всех писателей... Понимаешь... Я тебя больше всех писателей люблю. Но ты себя не знаешь. Как ты хорошо девушек описываешь. Чуть тронешь, и живет теплое человеческое существо. А ты все выдумываешь каких-то Иуд и Элеазаров. Каждая фраза у тебя начинается с “и”. “И пели арфы, и пели струны...”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 164–167, 173–174.

Январь, 9. Из редакции петербургской газеты «Биржевые ведомости» пишут Бунину:

«Позвольте просить Вас дать для журнала “Огонек” небольшой рассказ (200–300, в крайнем случае, 400 строк) в возможно непродолжительном времени. В зависимости от содержательности рассказа, редакция иллюстрирует его. Гонорар может быть уплачен немедленно по принятии рассказа».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 264, л. 1.

Е.А.Ляцкий пишет А.М.Горькому из Петербурга:

«Рукопись Бунина <рассказ “Преступление”> и Ваша повесть “Хозяин” мною получены. Рассказ Ивана Алексеевича успеем поместить в январе. <...> Печатаю в январской книжке рассказ Бунина, стихи его, конечно, отнесем на февраль. Не правда ли?»

ЛН. Т. 95. С. 552–553.

Январь, 10 (23). Вечером Бунин вновь встречается с Л.Н.Андреевым в гостях у А.М.Горького.

См.: дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 177. Л.Н.Андреев уехал с Капри 11 (24) января 1913 г.

См.: 12 (25) января 1913, вторая запись.

Январь, 11 (24). Бунин пишет рассказ «Забота». Авторская дата: «Капри. 24.I.1913 г.»

ПСС. Т. 6. С. 121–125.

См.: 7 марта 1913, вторая запись.

Рассказ датирован по новому стилю, что подтверждается письмом Бунина. См.: 12 (25) января 1913, пятая запись.

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 9. С. 2) публикуется статья И.Иванова «Художественная литература 1912 г.».

Критик, в частности, пишет: «Интересным вышел 1-й сборник товарищества писателей, благодаря трем значительным вещам — “Медвежонку” Сергеева-Ценского, “Ноч-

ному разговору" Бунина и "Хромому барину" гр. А.Н.Толстого. <...> В "Заветах" же напечатан "Веселый двор" Бунина, где изобразительной силой в обрисовке психологии голодного человека автор легко соперничает с знаменитым "Голодом" Кнута Гамсуна».

Январь, 12 (25). В письме И.А.Белоусову Бунин просит отдать его гонорар Ю.А.Бунину и сообщает:

«Собираю долги — м.б., скоро уеду отсюда в Испанию. <...>

Леонид <Андреев> был 3 дня, 2 из них пил, пьяный целовал меня страстно и говорил дерзости всем».

Письма (*2*). С. 256–257.

В Испанию Бунин не ездил.

Бунин просит в письме Ю.А.Бунина выслать на Капри гонорарные деньги и пишет:

«У меня остается *очень мало* денег, а взять негде. <...>

Был 4 дня Леонид <Андреев>, 2 из них пил, вломился ко мне пьяный, целовал руки и, как последний хам, говорил мне дерзости. Злоба, зависть — выше меры. Я и не провожал его».

Письма (*2*). С. 257.

Бунин получает телеграмму о выходе П.В.Мурашева из редакции журнала «Живое слово».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3269/2 оф.

В письме П.В.Мурашеву Бунин выражает сожаление по поводу его ухода с поста редактора журнала «Живое слово» и дополняет:

«Пишу новому редактору, прося снять мое имя. Я его не знаю даже».

Письма (*2*). С. 257.

Редактором «Живого слова» стал С.Е.Ганьшин. Письмо Бунина к нему неизвестно.

Бунин пишет П.А.Нилусу, извиняясь за молчание:

«Писал во все руки, переписывал — кое-что отправляю. Сочинил 4 небольших рассказа <"Преступление", "Князь во князьях", "Вера", "Забота">. <...> Целую за письма и за присылку рассказов — много хорошего, но что с тобой? — чересчур ловко, опытно! Был Андреев 4 дня, пьянствовал, зацеловывал меня и говорил дерзости».

Письма (*2*). С. 257.

Январь, 15. В газете «Одесские новости» (№ 8922. С. 3) публикуется статья Д.Л.Тальникова «Об И.А.Бунине» — рецензия на книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

Рецензент отмечает: «Мне хочется поговорить о замечательной книге, вышедшей в свет на этих днях, — книге писателя очень серьезного и очень большого, сейчас в нашей литературе самого большого, по силе изобразительного таланта самого замечательного, которого, очевидно, по всем этим причинам очень мало знают, мало читают, о котором мало говорят. <...> Я знаю, что он честен, как писатель, — до последней строчки своей, и вкусам читающей и покупающей публики никогда не старался угождать, как все остальные <...>. Книга эта — "Суходол" — книга зрелости таланта, пышного праздничного расцвета его, книга большого, настоящего художества, большой творческой силы и мастерства. Я бы мог выписать

целые страницы из нее, страницы высокой поэзии и художественной прелести (из “Веселого двора”, “Игната” и др. рассказов), которые должны стать и станут классическими в нашей литературе... <...> писателю удалось задеть какой-то новый нерв в своем читателе, ударить по его сердцу с неведомой для себя прежде силой, захватить какой-то новый острый и больной вопрос насущной русской жизни. <...> Мне кажется необходимым сказать здесь несколько слов именно об этой стороне “Суходола” <...> — книге, если не великого гнева, то великого скептицизма, неверия и усмешки великой боли. <...> Там, где до сих пор была елейность, идеализация, отыскивание религиозных и моральных самодельных богатств, он, художник нашего скептического, отрезвленного и уязвленного в самое сердце века, увидел голую, обнаженную и убийственную правду. Бунин подошел как художник-эстет, но через его прекрасное, местами объективное, местами взволнованное художество смотрит на нас сын нашего послереволюционного века, по-европейски сознательный, умный интеллигент. <...> Бунин — первый в русской литературе — не западник, а европеец, — европеец с ног до головы. <...> Художественное слово, могучее там, где бессильно научное. Всеми художественными образами своими и переживаниями Бунин сказал это могучее слово. <...> Во всем всюду атавизм. <...> В этом “вошь съест” — все слово, весь кошмарный символ тупости, неподвижности, звериной первобытности, разложения и смерти русской деревни, ее пассивности. <...> Страшный, поистине страшный, — почти богохульственный с точки зрения русского искони народолюбивого интеллигента вывод, к которому пришел Бунин, — художник чистой воды, стоящий вне всякой официальной политики и партийности, — пришел один-единственный в нашей литературе о деревне. <...> Но на всем этом — и героизме, и любви, и силе — на всем, даже на чудесном, — темная печать неизбывной, глубокой первобытности».

Январь, 10...15 (23...28). Бунин пишет А.С.Черемнову.

Письмо неизвестно. См.: 22 января (4 февраля) 1913, четвертая запись.

Январь, до 16. Выходит № 1 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 22) публикуется стихотворение «Ритм» («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (16 янв. (№ 13). С. 1).

П.А.Нилус просит Ю.А.Бунина в письме (датированном январем) помочь в организации лекции Д.Л.Тальникова «Творчество И.А.Бунина» в московском Литературно-художественном кружке и отмечает:

«Повторяю, лектор он для “интеллигентской публики” самый настоящий и, кажется, искренно заинтересован Иваном <Буниным>, которого до последнего времени не понимал... <...> 17-го наш клуб дает в честь Ивана вечер, читают рефераты Е.Н.Щепкин, Авалиани и я».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3316/1 оф.

Датируется по содержанию. См.: 17 января 1913, вторая запись.

Январь, 16 (29). Бунин в письме Ю.А.Бунину возмущается тем, что издание сборника «Слово» откладывается на осень, вновь просит прислать гонорарные деньги.

Письма (*2*). С. 258.

В письме к Е.А.Ляцкому Бунин просит выслать ему гонорар за стихи и рассказ, посланные в журнал «Современник».

Письма (*2*). С. 258.

Январь, 17 (30). Утром Бунин заканчивает рассказ «Илья Пророк». Авторская дата: «Утро 17/30 янв. 1913. Капри».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 28.
ОГЛМТ, ф. 14, № 2739 оф.
ПСС. Т. 6. С. 9–12.

См.: до 23 марта (до 5 апреля) 1913, вторая запись.

В Одессе в 9 ч. вечера в Новом театре (ул. Скобелевская, д. 55) на заседании Одесского литературно-артистического клуба проходит вечер, посвященный 25-летию литературной деятельности Бунина:

– профессор Е.Н.Щепкин читает доклад «Бунин XIX-го и Бунин XX-го века»;

– С.Л.Авалиани выступает с докладом «И.А.Бунин в прозе»;

– П.А.Нилус читает доклад «Отношение И.А.Бунина к Одессе и эволюция его творчества»;

– А.М.Федоров читает свое стихотворение «Сапсан», посвященное Бунину;

– актрисы Л.А.Рощина, Н.И.Тамарина, Нижняя, Сорокина читают стихотворения Бунина «Вечер», «Могила в скале», «Огни небес», «Мудрым», «Лилии», «Первая любовь», «В Альпах», «Эпитафия»;

– актеры Лишицкий, Треплев, Изверов читают стихотворения «Листопад», «Вирь», «Снова сон, пленительный и сладкий...», «На распутьи», «Веснянка».

См. объявления о вечере в газетах: «Одесские новости» (13 янв. (№ 8921). С. 4; 15 янв. (№ 8922). С. 4; 16 янв. (№ 8923). С. 4; 17 янв. (№ 8924). С. 3); «Одесский листок» (13 янв. (№ 11). С. 4; 15 янв. (№ 12). С. 3).

Газета «Одесские новости» (18 янв. (№ 8925). С. 2) в отчетной заметке «“Четверг” о Бунине» (подпись: Ис.Ш.) сообщает: «Немножко запоздал литературно-артистический клуб со своим откликом на юбилей Бунина, блеснув зато разнообразием широкой программы. Докладом проф. Е.Н.Щепкина открылся этот “четверг” — в общем содержательным, но временами элементарным, и слишком растянувшимся докладом о поэзии Бунина. <...> На тему о вечном и бесконечном в творчестве Бунина, о том спасительном философском угле зрения, который один может дать утешение от тоски и бедности родимой стороны, говорил и С.Л.Авалиани в своем кратком и недостаточно убедительном докладе “И.А.Бунин в прозе”. Несколько в стороне от этих чтений занял место доклад П.А.Нилуса “Об отношении Бунина к Одессе и эволюция его творчества” — доклад, который своим интимным характером мог бы внести струю желанного оживления, если бы не был прочитан так вяло и тихо. А.М.Федоров красиво прочел свое стихотворение “Сапсан”, посвященное Бунину. Артистки <...> читали стихи Бунина, все такие прекрасные, чеканные стихи. У переполнившей зал публики исполнители, равно как и лекторы, имели шумный успех».

В газете «Одесский листок» (18 янв. (№ 15). С. 2) заметка «Литературно-артистический клуб. Чествование И.А.Бунина» (без подписи) информирует, что доклад Е.Н.Щепкина «занявший добрую половину вечера, к сожалению, недостаточно ясно и образно обрисовал творчество Бунина», затем выступает С.Л.Авалиани «давший в небольшом докладе удачный образ Бунина-прозаика. Бунин, — как ни один из писателей последнего времени, — проник в первозданную природу. Из экзотических стран, куда удалился было поэт, он возвратился снова к нам, — в голодные деревни. Но вид этих голодных деревень, нищеты и темноты не печалит поэта, ибо он верит, что в наших руках пересоздать эту обстановку ужаса, уничтожив беспросветную мглу и тьму...». П.А.Нилус в своем докладе «подчеркнул, что Бунин близок Одессе; Бунин до сего времени связан дружескими отношениями с кружком художников, существующим в Одессе уже 23 года».

Литературно-артистический клуб отправляет Бунину на Капри приветственную телеграмму на французском языке:

«Проведя литературный вечер, посвященный Вашей изящной поэзии, мы шлем Вам наш привет — как истинному поэту. Литературно-артистический клуб Одессы».

Перевод Т.В.Балашовой. См.: 19 января 1913.

Январь, 10...17 (23...30). Бунин посылает в редакцию журнала «Вестник Европы» рассказы «Вера» и «Князь во князьях».

См.: 22 января (4 февраля) 1913, третья запись.

Январь, 18. Д.Л.Тальников пишет Бунину:

«Многоуважаемый, позвольте лучше сказать дорогой Иван Алексеевич! Посылаю Вам свою статью о “Суходоле”, как маленькую и запоздалую дань признательности — верноподданнической признательности одного из читателей к таланту, который стал так близок и именно дорог ему в последнее время. Читая и изучая в последнее время Ваши книги, этот читатель тонул в расточительной роскоши их красок, звуков, образов — и сейчас весь в их дурманящей, чарующей власти. Мне жаль, <...> что я не мог в размерах газетной статьи сказать того многого, что накопилось у меня сказать, что должно объять все стороны Вашего творчества и что сейчас выливается у меня в большую статью или лекцию.

На вечере, посвященном Вам в Одессе, к сожалению, я не мог принять участие (по болезни). <...> Мне бы хотелось тепло и с любовью пожать Вам руку, и если Вы издали почувствуете это пожатие, я был бы очень рад».

Письма (*2*). С. 650–651.

См.: 15 января 1913.

Январь, 19. В газете «Одесские новости» (№ 8926. С. 3) в заметке «Литературно-артистический клуб» публикуется текст приветственной телеграммы (на французском языке), отправленной Бунину на Капри 17 января после вечера, посвященного писателю по случаю 25-летия его литературной деятельности.

См.: 17 (30) января 1913, третья запись.

Январь, 18 (31) или 19 (Февраль, 1). Бунин посылает в Одессу ответную телеграмму:

«Прошу одесский Литературно-артистический клуб принять мою искреннюю благодарность за память и привет».

Письма (*2*). С. 258.

См.: 17 (30) января 1913, третья запись.

Январь, 20. В московской газете «Русское слово» (№ 17. С. 3) публикуется стихотворение «Великий Лось» («Ночь зимняя мутна и холодна...»).

Январь, 21. А.Е.Грузинский пишет Бунину из Москвы:

«Живется <...> с большой всячиной. Заболела жена <...>. В это же время схоронил старшего брата. Спасибо, сам пока здоров и много работаю. <...>

Что Вы? Кажется, послезавтра будем слушать на “Среде” что-то твое — говорил Юлий. Прислал бы мне какую-нибудь стишину: больно я до них охотник.

Посылаю оттиск из “В<естника> в<оспитания>”. Он дополнен против того, как был читан в заседании, двумя новыми страницами».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 95, л. 7.

См.: ноябрь 1912, третья запись.

Январь, 22 (Февраль, 4). Бунин пишет Ю.А.Бунину, возмущаясь поведением В.В.Вересаева по отношению к подготовке «Книгоиздательством писателей в Москве» сборника «Слово», и посылает копию своего письма к В.В.Вересаеву.

Письма (*2*). С. 258–259.

В письме к В.В.Вересаеву Бунин выступает против его письма к А.М.Горькому, в котором говорится:

«Бунина никто не уполномочивал просить Вас, он принял свое собственное желание издать сборник за желание книгоиздательства». На это Бунин пишет: «Ошибаетесь. Книгоиздательство это — мы, а из нас, помимо меня, выражали это желание — и твердо — Шмелев, Зайцев, Юшкевич, брат Юлий, да, кажется, буквально и все прочие, за исключением Вас. Некоторые только боялись — выйдет ли? Эта боязнь и Ваши доводы много раз обсуждались. <...> А что до полномочий, то напоминаю Вам, что С.Д.Махалов, после нашего прощального обеда в Б<ольшом> Московском, категорически говорил со мною о сборнике, как о деле решенном, настолько категорически, что точно, точно условился со мной о цене моей, о размере приблизительном моей вещи и твердо просил меня просить Горького. Кто же дал Вам право говорить, что меня “*никто* не уполномочивал”? А письмо того же С.Д.Махалова <неизвестно> ко мне (от 8-го дек.)? <...> А письмо Клестова <неизвестно> от 7-го декабря? <...> Почему же я знал, что все это были слова, слова? То, что сборник отлагается ровно на год, для меня было полнейшей неожиданностью. Неожиданностью — и престранной! — является для меня и письмо Ваше к А<лексею> М<аксимовичу>, — те места, где Вы говорите обо мне».

Письма (2). С. 259–260.

Д.Н.Овсянико-Куликовский пишет Бунину из Петербурга на бланке редакции журнала «Вестник Европы»:

«Рассказы получены, прочитаны (с большим удовольствием) и будут помещены в мартовской книге, в указанном Вами порядке (1. "Вера", 2. "Князь во князьях"). <...> Гонорар, как и всегда, 500 р.

Мы еще в августе наняли дачу на 13-й ст<анции> ("Швейцария"). Это — дача Галиной. По всей вероятности, там и водворимся <...>. Было бы весьма приятно, если бы и Вы устроились под Одессой».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 173, л. 5.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Кисловодска:

«Спасибо Вам и Вашим за поздравление <неизвестно>. Мы получили его только на днях и на днях же узнали Ваш адрес. <...>

Что нового на Капри? О семейной перемене у Красноперого <А.М.Горького> узнал я сразу из двух источников: от Боголюбова и от "брата Юлия" <Ю.А.Бунина>. <...> Поцелуйте его <Н.А.Пушешникова> крепко за Скруджа <"Рождественская песнь в прозе" Ч.Диккенса>. Скрудж его великолепен <...>, перевод не потерял прелести. Сколько тут Вашего? Если немного, то поздравляю: Хлюп <Н.А.Пушешников> — прекрасная подставная лошадь просвещения. Что он теперь переводит? <...>

Ну, довольно. Кончаю. Знаю, что Вы не охочи до писания писем, да и писать их не умеете <...>, но если напишете, то доставите мне большую радость, ибо я Вас, ведь, очень люблю, — это уж серьезно!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/5 оф.

Ю.А.Бунин пишет Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 28 января (10 февраля) 1913, первая запись.

Январь, 25 (Февраль, 7). Бунин начинает писать рассказ «Будни».

См.: 26 января (8 февраля) 1913, первая запись.

Из редакции петербургского журнала «Современник» сообщают Бунину, что переводят ему гонорар 407 р. 75 к. за стихотворения и рассказ в № 11 за 1912 г., № 1, 2 за 1913 г.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 319, л. 1.

Январь, 26 (Февраль, 8). Бунин заканчивает рассказ «Будни». Авторская дата: «Капри. 25–26. I. 1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 25.
ПСС. Т. 6. С. 99–107.

См.: 10 (23) февраля 1913, третья запись.

Во владикавказской газете «Терек» (№ 4521. С. 3) в рубрике «В мире литературы» публикуется анонс № 1 журнала «Современник».

В частности, говорится: «В январской книжке "Современника" будут помещены новые повести Ив.Бунина и М.Горького. В повести "Преступление" И.Бунин рисует психологию человека, которого одиночество и страх неотразимо влекут к совершению преступления».

Январь, 27 (Февраль, 9). Бунин пишет рассказ «Личарда». Авторская дата: «Капри. 27. I. 1913».

ПСС. Т. 6. С. 114–120.

См.: 14 марта 1913, первая запись.

В петербургской газете «Колокол» (№ 2036. С. 3) публикуется статья Я.Давыдова «Критические наброски».

Автор статьи, в частности, пишет о книге «Суходол. Повести и рассказы», в которой Бунин «показал себя действительно мастером, достойным звания академика. Видна задумчивость, наблюдательность, правдивость, психологическое проникновение. Выдумка отсутствует, как у большинства русских талантов, но с избытком возмещается истинностью и яркостью переживаний. Портреты великолепны: Любка в “Игнате”, Анисья и Егорка в “Веселом дворе”, Настасья в “Хорошей жизни” — прямо живые. До такой безупречной объективности можно дойти только, действительно, ставши каким-то бесстрастным оком, созерцающим коловращение жизни. В крохотные рассказики, вроде “Сверчка”, автор умеет вложить, однако, большую мысль, чем именно и бывают непреодолимо очаровательны маленькие рассказы». Пересказав «Веселый двор», критик отмечает: «Целые трактаты пишутся нынче о самоубийстве, но правдивее и лучше не напишешь. Все это нравственные банкроты, натуры от природы опустошенные, изжившиеся и усталые, которые привязывает к жизни одна какая-нибудь, да и то сплошь и рядом невидимая для них, ниточка, оборвалась она и с нею вместе гаснет и без того едва мерцавшая жизнь. <...> Все это дико, но все это бывает в действительности гораздо чаще, чем люди думают». Передав сюжеты рассказов «Захар Воробьев», «Сто восемь», «Игнат», критик пишет: «И вся эта безысходная трагедия человеческого существования совершается на фоне природы, вечно обновляющейся, вечно прекрасной. Тихая грусть осени, искрящаяся миллионами бриллиантов зимняя лунная ночь, залитый солнцем роскошный летний полдень, лазурь майского неба и ласковое журчание вешних вод — воспроизведены автором с изумительной роскошью красок, богатством оттенков, неподдельно-поэтической глубиной настроения. И что особенно отрадно, что нигде нет следа политиканского шарлатанства, на котором стараются выехать разные модные, прогрессивные бездарности. Помимо прирожденного таланта, помимо многолетнего труда, помимо строгости к себе истинного художника, в книге этой чувствуется еще что-то: приближение к черте итога, роковое влияние возраста».

Л.Н.Андреев пишет А.А.Смирнову из Ваммельсу о своей поездке на Капри и, в частности, отмечает:

«И тут же гордый, надменный, остроумный и язвительный И.Бунин, который, по-видимому, теперь никак не может решить: был ли его юбилей всерьез или только для смеха».

ЛН. Т. 72. С. 537.

Январь, 28 (Февраль, 10). Бунин в открытке Ю.А.Бунину сообщает, что послал ему три своих рассказа «Преступление», «Князь во князьях», «Вера», получил его письмо от 22 января (неизвестно), а также пишет:

«Просидим мы здесь еще с месяц. <...> *Ради Бога, немедля напиши твое мнение о даче под Одессой* — снимать теперь же надо. Будешь ли жить с нами?»

Письма (2). С. 260.

Бунин посылает вторую открытку Ю.А.Бунину с просьбой:

«Забыл тебе давеча утром приписать: береги посланные рассказы, все три как зеницу ока. Черновиков у меня не осталось, а дубликаты посланы — и взяты — “Вера” и “Князь во князьях” в “В<естник> Евр<опы>”, а “Преступление” — в “Современник”. Да вдруг в редакциях пропадет!»

Письма (2). С. 260.

Январь, 30 (Февраль, 12). Бунин посылает Ф.И.Благову для газеты «Русское слово» рассказы «Будни», «Личарда» и пишет ему в сопроводительном письме:

«посылаю Вам, согласно Вашей просьбе, два рассказа — “Будни” и “Личарда”. Печатайте с Богом. И подумайте: не следует ли мне прибавить немного? Обидно мало — полтинник. Вы другим собратьям моим куда больше платите, да еще анонсируете их, а ведь не Бог весть как славнее они меня и дают Вам, что поплоше, что в журналы не идет, чего я, слава Богу, никогда не делал. Но — не настаиваю, не настаиваю.

<...> То, что приходится за стихи (и стихи даю первейший сорт!) и за эти два рассказа, прошу сейчас пока не посылать. Напишу — когда и куда».

Письма (2). С. 260–261.

В письме Ю.А.Бунину Бунин сообщает, что получил денежный перевод на 150 р.:

«Боже, как мало! Сколько у тебя осталось, если осталось?»

Письма (2). С. 261.

Бунин, извиняясь за молчание, пишет Д.Л.Тальникову, что давно получил его письмо и статью:

«Запойно работаю, даже на прогулках, без коих уже невозможно, плохо вижу окружающее. Отложим до свидания, до Одессы путный разговор, <...> а пока позвольте сказать Вам весьма ординарно, но вполне искренно, что я очень, очень тронут Вашим письмом, с истинным удовольствием прочел Вашу статью — и крепко жму Вашу руку. Дело не в похвалах, дело в уме, который так изумительно редок теперь в литературе, дело в критике-друге».

Письма (2). С. 261.

См.: 15 января 1913; 18 января 1913.

Январь, 31. В газете «Одесские новости» (№ 8936. С. 3) в заметке «Литературно-артистический клуб» сообщается о полученной ответной телеграмме Бунина и приводится ее текст.

См.: 18 (31) или 19 января (1 февраля) 1913.

Январь. В петербургском журнале «Современник» (№ 1. С. 55–67) печатается рассказ «Преступление».

В петербургском журнале «Жизнь для всех» (№ 1. Стб. 202–205) помещается статья В.В.Брусянина «Беллетристика в 1912 г.».

Критик пишет: «Да и такие бытописатели деревни, как И.Бунин, автор повести “Деревня”, напечатал в прошлом году два интереснейших произведения “Суходол” (“Вестник Европы”) и “Хорошая жизнь” (“Современный мир”). Как и во всех предыдущих работах, Бунин и тут остался верен своему художественному воплощению деревни, призывая в деревню “учителей жизни”, которых недавно считали уже лишними».

Выходит № 3 московского журнала «Хмель», в котором (с. 24–26) публикуется статья С.Розенталя «День и ночь русской литературы».

Критик, в частности, пишет: «Литература пережила революцию. <...>

Но мало обращали внимания, мало говорили — некогда было — о том, что революция в российской словесности была революцией на поверхности (“зыбь”), а не в глубине. И Блок, и Бальмонт, с одной стороны, и Андреев, и Бунин, с другой, по “настроениям” не ушли от Чехова.

Я говорю не о “тенденциозности”, не об “идейности”, — старые ненужные слова, — я говорю о настроении: неопределенной тоске по прошлому, неясных мечтах о будущем, отсутствии резкого, волящего и хотящего. <...>

От Чехова до Шмелева, через Бунина, Блока — русская литература “видела” мир, а не слышала, от того Чехов невозбранно воцарился в родной литературе. <...>

Бунин в “Ночном разговоре” пытался послушать и услышать, ужаснулся и... замер. Повести и рассказы Бунина из крестьянской жизни объективны до ужаса. Бунин рассказал, что увидел, но смягчил. Бунин продолжил “Мужиков” Чехова. Рассказал правду грязную, без лиризма искупающего. В стихах Бунин еще более подчеркнул характер мировосприятия своего. “Прощание”. <...> Интимность при прощании разрядилась красками, и боль утихла, пришла примиренность. Я объясняю не стихи, а уясняю настроение читателя, контактное с настроением поэта».

Февраль, 1 (14). Бунин пишет рассказ «Последний день». Авторская дата: «Капри. 1.II.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 26.
ПСС. Т. 6. С. 86–92.

См.: 17 февраля (2 марта) 1913, третья запись.

Во Владикавказе Н.П.Розанов читает лекцию «Мужик в литературе».

Газета «Терек» (30 янв. (№ 4524). С. 2) в информационной заметке «Лекция Н.П.Розанова» (без подписи) сообщает: «В пятницу, 1-го февраля, в Общественном собрании состоится лекция Н.П.Розанова под названием “Мужик в литературе”. Приведем программу лекции: <...> И.А.Бунин. Обвинения в тенденциозности. Любовь и ненависть к деревне. Золотое дно. Без устоев. Отрицание быта. Гниение деревни. Вошь — в качестве устоя мужицкой жизни. В город!..»

Данная лекция была прочитана Н.П.Розановым также 22 марта в городе Грозный. См. объявление в газете «Терек» (21 марта (№ 4565). С. 3).

Февраль, 2 (15). Бунин пишет рассказ «Весна». Авторская дата: «Капри. 2.II.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 27–28.
ПСС. Т. 6. С. 58–64.

См.: 14 апреля 1913, пятая запись.

В газете «Оренбургский край» (№ 28. С. 2) печатается статья А.Доброхотова «Изящный пессимизм».

Критик, в частности, отмечает: «Изящным пессимизмом проникнуты и многие стихотворения Ив.Бунина, и особенно сладкой тоской дышат его воспоминания о Босфоре — 1-ая книга “Земля”».

Имеется в виду рассказ «Тень Птицы».

Февраль, 3. В.В.Вересаев пишет Бунину из Москвы по поводу подготовки 1-го сборника «Слово»:

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

В письме моем к Горькому я писал о телеграмме, в которой Вы обвиняли нас в том, что мы заставили писать и отклонить другие предложения — его (и Вас). У меня не осталось копии моего письма к Горькому, но я твердо помню, что упомянул в скобках и Вас. Поэтому мне непонятны Ваши слова: “Как видите, я, прежде всего, телеграфировал не об одном Горьком, но и о себе”. Но если бы и даже не упомянул о Вас, — не понимаю, что тут было бы недобросовестного. <...>

Эта телеграмма Ваша обсуждалась в наблюдательном комитете. На основании обмена мнений и рассмотрения протоколов прежних заседаний было выяснено с полною несомненностью, что постановления издать сборник *в этом книжном сезоне* не было. Было только постановление *выяснить вопрос о возможности* его издания теперь же. При таком постановлении можно было только запрашивать писателей об их согласии на участие, о согласии с проектируемой программой, об условиях, о том, могут ли они сейчас дать рассказ и т.п. Но нельзя было “заставлять их писать”, — т<ак> сказать, абонировать их и связывать себя какими-либо обязательствами. Это можно было бы сделать только тогда, когда уже выяснилась бы возможность издания сборника.

Вот это-то, установленное наблюдательным комитетом, обстоятельство и дало мне право написать Горькому, что не мы виноваты в том, что связали свободу его действий.

Вы указываете на Ваш разговор с С.Д.Махаловым, на его письмо от 8 декабря и письмо Клестова от 7 дек., — которые внушили Вам убеждение, что вопрос о сборниках категорически решен. Махалов пишет Вам сам. <...> Клестов утверждает, что, в общем, письма его никак нельзя было понять в том смысле, что вопрос о сборниках категорически решен. Он мне представил Ваше письмо к нему от *16 декабря.* Письмо это, полное самых несправедливых и раздраженных выпадов против меня, кончается таким образом:

“Итак: со сборником наделано черт знает что: но еще не все потеряно; можно выпустить и в конце февраля; очнитесь же! Жду твердых известий. Иначе буду продолжать работать другое и для других”. <...>

Судя по почтовым штемпелям, письмо от Москвы до Капри идет 6 дней. Письма Махалова и Клестова, как Вы пишете, помечены 7 и 8 декабря, значит, были Вами получены 13 — 14 декабря. Ваше письмо, значит, написано непосредственно под впечатлением их писем. Зачем же Вам было требовать твердых известий после писем, утвердивших Вас в убеждении, что вопрос категорически решен?

Единственно, в чем я мог бы признать себя неправым, — это в той форме, в которой было выражено мое сообщение. Я мог все это выразить в форме более мягкой и для Вас не обидной. Но во 1-х, — я не предполагал, что это будет Вам прочитано, а во 2-х, — трудно все время оставаться хладнокровным при том невероятном тоне, который Вами усвоен по отношению к книгоиздательству: грозные запросы, постоянные ультиматумы и угрозы уходом, стремление направлять решения издательства не путем товарищеского убеждения, а путем тех же ультиматумов и угроз уходом. Дело и без того трудное, — гораздо более трудное, чем Вам может казаться со стороны; никакой выгоды, — могу Вас уверить, — ни я, ни другие работающие не имеем от этого дела и иметь не рассчитываем. Если бы можно было уйти без ущерба для дела, я ушел бы с величайшим наслаждением. И единственное, что меня удерживает, — это желание не губить дела, полезного и нужного для товарищей-писателей. И при этом встречать отношение, которое едва ли допустимо даже по отношению к какому-нибудь Копельману или Блюменбергу, — да, простите! Не всегда хватает спокойствия и силы духа, чтоб стать выше этого».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 6–8.

Февраль, до 5. Выходит № 2 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (С. 44) печатается стихотворение «Песня» («Ночь мутна и не месячна...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (5 февр. (№ 29). С. 7).

Февраль, 5. А.А.Шахматов пишет Бунину:

«На основании прилагаемых при сем Правил о присуждении премий им. М.Н.Ахматова Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук постановило обратиться к Вам с покорнейшей просьбою, не согласитесь ли Вы принять на себя рассмотрение сочинений:

1) Л.Григорьевой “Стихотворения Эдельвейса” и

2) Н.А.Крашенинникова: а) “Мечты о жизни” <...>, б) “Барышни” <...>, в) “Сказка любви” <...>, г) “Угасающая Башкирия”, — представленных на V-ое соискание упомянутых выше премий, и разбор свой доставить в отделение не позже 15 октября сего года».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 4.

Февраль, 6 (19). Бунин пишет в редакцию газеты «Речь», предлагая для публикации рассказ «Последний день», и спрашивает:

«сколько именно можете платить мне. Письмом сообщите, угодно ли Вам иметь от меня и еще рассказы».

Письма (*2*). С. 262.

См.: 17 февраля (2 марта) 1913, третья запись.

Февраль, 1...6. Бунин начинает писать рассказ «Иоанн Рыдалец».

См.: 18 февраля (3 марта) 1913.

Н.А.Пушешников в недатированном письме Ю.А.Бунину рассказывает: «Спешу с окончанием перевода <рассказов Р.Киплинга> и перепиской набело. (С<удорожный> уже стал читать). Получили ли Вы мое письмо с описанием “андреевских дней”, как мы теперь называем время пребывания здесь А<ндреева>. Действительно, была игра! Приехав сюда пьяным, А<ндреев> проспал все четыре дня — ночь же обыкновенно пил. <...> А<ндреев> почему-то озлоблен, жалуется, что его травят. <...> Самолюбие у него непомерное. Трезвый он гораздо хуже. Бывает зол; по натуре — скрытен. Г<орький> говорит (узнал уже от кого-то), что он прямо же по приезде в Р<оссию> стал о “нас с вами распускать какие-то гнусные слухи”. С<удорожного> он, видимо, не любит. <...> На днях у Г<орького> было чтение повести (длиннейшая!) Ив.В<ольнова>, которую Г<орький> до чтения очень хвалил и собственно говоря, по его же желанию и было устроено публичное чтение этой повести. С<удорожный> после прочтения, когда начались прения, сильно критиковал вещь, Г<орький> с ним во многом соглашался. <...> Скоро сюда приедет Е.А.Л<яцкий>, а потом, как говорил Г<орький>, приедет на две недели Ф.И.Шаляпин. Здесь будет его концерт. Я жду его приезда с нетерпением. В этот приезд мы живем здесь гораздо приятнее и веселее. Киплинга скоро кончу, осталось менее двух листов. Собственно говоря, переводить его нельзя — никто из русских не в силах представить себе быта страны, характер языка, так как язык у него туземно-английский <...>. С<удорожный> обещает начать читать. Делает он это неохотно, так как понимает всю бессмыслицу подобных переводов. Куда мы поедем отсюда, пока еще неизвестно (внутренний голос, что в Россию). Суд<орожный> хочет в Испанию. <...> Суд<орожный> пишет, но недоволен своим писанием. Говорит износился. Сейчас пишет рассказ об юродивом Илларионе или Илларии».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 17–20.

Датируется по содержанию. Судорожный — домашнее прозвище Бунина.

Февраль, 8 (21). Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петербурга на бланке журнала «Современный мир»:

«Спасибо за доброе отношение и внимание к журналу. Ваше предложение очень устроило нас. Суть в том, что наши дела совсем плохи. Подписка в этом году <...> упала, вероятно, под влиянием военных тревог. <...> При больших же долгах, <...> поступающая наличность так быстро тает, что становится очень трудно вести дело. <...> для того, чтобы уцелеть, необходимы капиталисты. Нет ли у Вас свободного капиталиста в запасе? Порекомендуйте ему нас... <...>

Видел Андреева. Что-то не понравился ему каприйский климат. Почему бы? <...>

P.S. Мне, наконец, удалось убедить департамент полиции, что Петербург не провалится, если я буду в нем жить, и с 1 марта я снова беру на себя редактирование журнала».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3427/4 оф.

На Капри прибывает Ф.И.Шаляпин с женой. Очевидно, встречается с Буниным.

Летопись Шаляпина. Т. 2. С. 48.

В дневнике В.Н.Муромцевой приезд Шаляпина отмечен 2 февраля.

Дневники. Т. 1. С. 133.

Февраль, 9 (22). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников обедают с Ф.И.Шаляпиным в отеле, где остановился артист.

Н.А.Пушешников в недатированном письме Ю.А.Бунину сообщает: «Приехал Ш<аляпин>. Видел его уже три раза. <...> 9-го мы обедали у него в <нрзб> отеле, в отдельной зале. <...> Нельзя сказать, чтобы на этом обеде было весело. Всех заледенил К<расноперый>. Он был уныл, натянут, мрачен и неразговорчив (всегда таков в обществе знаменитостей). Всех выручал С<удорожный>. К концу вечера оживился и Ш<аляпин>. Читал “Дон-Жуана” Пушкина, напевал, рисовал свой профиль и т.д. Потом С<удорожный> и Ш<аляпин> (уже подвыпившие) стали петь малороссийские песни. С<удорожный> кричал [с таким остервенением, что Ш<аляпина> почти не было слышно]. В час ночи перешли вниз, в комнату, где стояло пианино. Ш<аляпин> под свой аккомпанемент спел пять вещей: “В могиле э. мрачной” Б., “Я не сержусь”, романс Брамса, “Ноченьку” и “Ах, как я да молоденька была”. Комната была маленькая, народу много и голос его терялся. Потом опять наверху пили вино. <...> Ушли мы от Ш<аляпина> в четыре часа ночи».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 44.

Красноперый — прозвище А.М.Горького, очевидно, придуманное А.С.Черемновым. См.: 22 января (4 февраля) 1913, четвертая запись. Судорожный — прозвище Бунина.

Февраль, 10 (23). Бунин пишет рассказ «Рана от копья» (позднее озаглавлен «Копье Господне»). Авторская дата: «Капри. 10. II. 1913».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2736 оф.
ПСС. Т. 6. С. 135–141.

См.: 10 марта 1913, первая запись.

Бунин пишет Н.С.Клестову:

«...чрезвычайно прошу Вас во что бы то ни стало двинуть мои книги — хотя бы путем очень большой скидки, на железные дороги, на пароходы. Я готов даже не добрать то, что отдал Блюменбергу. Причина — нужда в деньгах, которых весной, летом мне будет нужно много. Ведь мало того, что я отдал “Суходол” в счет будущих благ, я ведь еще сколько Блюменбергу отвалил. Год у меня тяжелый.

Чрезвычайно прошу Вас покрепче подумать над этим моим письмом. — О новом издании “Перевала”, предпринятом еще в прошлом столетии, я уже и не спрашиваю. Стыдно и противно за себя!»

Письма (2). С. 262.

См.: 11...18 марта 1913, первая запись.

В московской газете «Русское слово» (№ 34. С. 3) помещается рассказ «Будни».

Газета «Одесские новости» (№ 9845. С. 3) публикует статью Н.Л.Геккера «Литературные заметки». Подпись: Н.Г.

Критик, в частности, пишет о рассказе «Преступление»: «Г. Бунин продолжает живописать неприглядную мужицкую жизнь не только в мрачных, удручающих тонах, но и под углом зрения, закрытого на все доброе и обнадеживающее в ней».

Январь, конец...Февраль, начало. А.М.Горький пишет А.А.Трояновскому о журнале «Просвещение»:

«Говорил с Буниным и Вольным, имею от них обещания дать рассказы к следующим книжкам».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 252.

Февраль, 4...11. Выходит сборник стихотворений «Современные русские лирики, 1907–1912» (Сост. Е.Штерн. СПб.: Изд. А.Л.Попова, 1913), в котором (с. 85–96) помещаются девять стихотворений Бунина: «Чужая» («Ты чужая, но любишь...»), «Как светла, как нарядна весна!..», «Панихида» («Ограда, крест, зеленая могила...»), «В порту» («Огромный, красный, старый пароход...»), «Мать» («И дни, и ночи до утра...»), «Олень» («Густой зеленый ельник у дороги...»), «Надпись на чаше» («Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»), «Одиночество. П.А.Нилусу» («И ветер, и дождик, и мгла...»), «Пустошь» («Мир вам, в земле почившие! — За садом...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 12 (25). На вилле «Серафина» Бунин дает обед в честь Ф.И.Шаляпина. После обеда Ф.И.Шаляпин поет.

В воспоминаниях Бунин пишет: «Мы дали обед в честь его приезда, пригласили Горького и еще кое-кого из каприйской русской колонии. После обеда Шаляпин вызвался петь. И опять вышел совершенно удивительный вечер. А в столовой и во всех салонах гостиницы столпились все жившие в ней и множество каприйцев слушали с горящими глазами, затаив дыхание...».

СС (*2*). Т. 8. С. 246.

В недатированном письме Н.А.Пушешников сообщает Ю.А.Бунину: «Вчера мы совместно с Л. устроили прием Ш<аляпину> у себя. Обед был великолепный. Все остались им очень довольны. <...> К девяти часам пришли русские человек 20 слушать известного русского баса (будущая знаменитость), поющего в Сан-Карло. С ним вместе приехал профессор пения, итальянец, который и аккомпанировал ему и Ш<аляпину>. <...> К. приехал с тем, чтобы Ш<аляпин> его прослушал <...>. Пение К. ему не понравилось. Сказал, что так будет петь на вторых ролях, затем пел он сам. Прекрасно: величественно, могущественно, нежно. Спел арию из “Дон-Карлоса”, “Д.Гренд.”, “Серенаду” Шуб<ерта>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9077 оф, л. 45.

А.А.Золотарев дарит Бунину свою книгу, возможно, «Во едину от суббот. Повесть» (Берлин, 1912) с надписью:

«Ивану Алексеевичу с чувством глубокой все растущей любви А.Золотарев, о. Капри 25 ф. 1913 г. “Даже одна попытка достигнуть неба перерождает мир”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3035/2 оф.

Сохранился только шмуцтитул из книги с автографом.

Февраль, 13 (26). Бунин просит в письме Ю.А.Бунина выслать еще денег и сообщает, что ждет гонорары из журналов.

Письма (2). С. 262–263.

Февраль, 14 (27). Бунин начинает писать рассказ «Худая трава».

См.: 22 февраля (7 марта) 1913.

Февраль, 8 (21) ... Февраль, 14 (27). Бунин фотографируется в группе гостей в доме А.М.Горького на Капри: А.М.Горький, Ф.И.Шаляпин, Е.А.Ляцкий, М.А.Пешков, Бунин, В.Н.Муромцева, М.В.Шаляпина (Петцольд), Е.П.Пешкова, А.С.Новиков-Прибой, В.В.Шейкевич, Л.Н.Старк, А.Н.Тихонов, С.Н.Гусев, М.В.Сикорская, А.К.Лоренц-Метцнер.

ОГЛМТ, ф. 14, № 7429 оф.

Границы события определены по времени пребывания Ф.И.Шаляпина на Капри, откуда он уехал 15 (28) февраля 1913 г. (*Летопись Шаляпина*. Т. 2. С. 49).

Февраль, до 16. Выходит № 2 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 80) публикуется стихотворение «Ночная змея» («Глаза козюли, медленно ползущей...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (16 февр. (№ 39). С. 1).

Февраль, 16 (Март, 1). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым переселяется в отель «Моляро» на Анакапри в связи с подорожанием проживания в отеле «Квисисана».

См. счета отеля «Моляро»: ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/45 оф, 2945/46 оф, 2945/47 оф, 2945/48 оф.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «К 1.III переехали в отель Моляро на А<накапри>. Он построен на высокой скале над морем. <...>

И.А. недоволен всем и раздражен. Читал своих два новых рассказа Г<орькому>. Один ему, видимо, не понравился, но другой довел его до слез. Во время чтения вставного четверостишия Г<орький> заплакал, встал и стал ходить.

— Вот, черт его дери! — и как бы стыдясь: — Вот и Тургенева не могу читать, — реву».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 221–222.

В московской газете «Утро России» (№ 39. С. 5) печатается статья «“Преступление” Ивана Бунина. (Составлено по явным уликам; вещественные доказательства: рассказ И.Бунина в “Современнике”, кн. 1-я, под названием “Преступление”)». Подпись: Пикквик.

Дается изложение рассказа в сатирическом и пародийном стиле. В заключение говорится: «А в монастыре дюже он всем понравился, стали его монахи уговаривать, чтобы он монашество принял, однако Ермил на то не пошел. Думали, думали, куда его девать, взяли и выбрали почетным академиком».

Там же в рубрике «Литературные новости» сообщается:

«Писатели на Капри. В настоящее время на о. Капри находятся следующие русские писатели: М.Горький, И.А.Бунин, Н.Олигер, Иван Вольный, И.Сургучев. Из поездки на Капри недавно вернулся в Петербург Л.Н.Андреев».

Данное информационное сообщение напечатано также в газете «Одесские новости» (19 февр. (№ 8952). С. 2) под заглавием «Писатели на о. Капри».

Февраль, до 17. Выходит № 2 петербургского журнала «Современник», в котором (с. 3) помещается стихотворение «Ноябрьская ночь» («Туман прозрачный по полям...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (17 февр. (№ 40). С. 7).

Февраль, 17 (Март, 2). Бунин пишет Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу:

«Если бы Вы, друзья, знали, как я соскучился по Вас, Вы бы не ставили мне в вину мое молчание, а написали бы мне, тем более, что я спрашивал дело: где будете летом. Шлю тебе, Петр, один из рассказов, написанных мною. Есть еще штук 5 — лучше. Пришлю. Крепко целую.

Гнуснейшая зима — дожди, бури. Чувствую себя паршиво. <...>

Жил Шаляпин неделю. Я ему закатил обед — он пел после обеда часа два. Весь отель слушал, трепетал».

Письма (*2*). С. 263.

Бунин посылает П.А.Нилусу три рассказа: «Будни», «Последний день» и, вероятно, «Личарда».

См.: 1 (14) марта 1913, седьмая запись.

Одновременно в петербургских газетах «Речь» (№ 47. С. 2) и «Современное слово» (№ 1837. С. 2) печатается рассказ «Последний день».

Февраль, 18 (Март, 3). Бунин заканчивает рассказ «Иоанн Рыдалец». Авторская дата: «3 марта/ 18 февр. 1913 г. Капри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2741 оф.

ПСС. Т. 6. С. 3–8.

См.: до 31 марта 1913.

Февраль, 11...18. Выходит книга В.Л.Львова-Рогачевского «Снова накануне. Сборник критических статей и заметок» (М.: Кн-во писателей в Москве, 1913), в которой (с. 3–28) помещаются статьи «Поэма запустения. (И.А.Бунин)», «Дурновка».

В статье «Дурновка» автор, в частности, пишет: «В изображении этой “Дурновки” много страшной, бестрепетной и мучительной правды, на какую только способен был Глеб Иванович Успенский. Но у Бунина есть то, чего не найдешь у Глеба Успенского — это пейзаж, написанный рукою большого поэта и глубокого знатока русской природы. Такой пейзаж найдете разве у А.П.Чехова. <...>

Зато Ив.Бунину, сказавшему *правду* о деревне, недостает одной замечательной черты Гл.Успенского, недостает силы *прозрения*. Он умеет смотреть, а Глеб Успенский умел *прозревать*, и прозревать то будущее деревни, которое разрушало золо-

той сон народника. <...> “Деревня” Ив.Бунина наиболее субъективное из всего написанного им, произведение — наиболее пессимистическое.

<...> Об этом “полном вырождении” говорит теперь Ив.Бунин и говорит с фактами в руках и с каким-то глубоким надрывом и беспощадностью.

Фактов, вопиющих о гибели деревни, о вырождении “несчастного народа”, художник собрал много, даже слишком много. Он больно хлещет ими благодушного россиянина, мимо идущего. Художнику действительно удалось показать с *нарочитой* даже грубостью вырождение деревни и показал он это с великой мукой и праведным гневом против тех, кто довел деревню до обновления, показал, — ни разу не называя виновника. Этот “некто в сером” чувствуется в каждой строке, и это он без всякой жалости убивает “жизнь человека” в “Деревне”.

<...> Убогая, бессильная, неподвижная, мертвая Дурновка — не Россия и деревня — не Дурновка.

Гораздо более правильно поступил бы художник, если бы дал своей повести название “Дурновка”. <...>

“Ночной разговор” явился как бы последним завершающим аккордом, итогом всего того, что говорилось о Дурновке. Дальше идти некуда.

В этом сжатом, как бы сгущенном очерке просвета не видно. Тут столько мрака и отчаяния, что невольно спрашиваешь себя: да как же с этим можно жить?! Мы глубоко уверены, что художник *переболел* своим “ночным разговором”.

В его очерке много тончайших штрихов, масса деталей, много знания деревни и деревенского, много внешней правды, но нет в нем живой души народа, того великого народа, богатый образ и яркий язык которого питает творчество художника.

Здесь правда деталей, правда подробностей, но нет правды целого и нет веры в огромную торжествующую правду страны. А без этого нельзя жить и не стоит жить!

<...> В лице гимназиста-романтика был казнен мечтательный романтизм народничества, в лице четырех мужиков, подобранных один к одному, было показано “подлинное лицо” народа.

Не слишком ли только все это просто и не слишком ли эта не книжная правда — тенденциозна. <...> “Ночной разговор” это не художественное обобщение, а однажды случившийся случай, написанный резко подчеркнутыми, натуралистическими красками. <...>

Эпиграфом к своей книге “Суходол” художник взял прекрасные слова “веси, грады выхожу, Русь обдумаю, выгляжу”... Эти слова обязывают! Большой художник и добросовестный художник Ив.Бунин уже преодолел романтику мечтательного народничества, но он должен сделать еще шаг и преодолеть голую, натуралистическую неживую правду, и тогда он увидит живые ростки, тогда он почувствует движение... <...>

Сам художник в “Суходоле” показал тот могучий процесс жизни, который на наших глазах отметает все отжившее, все ненужное, все косное.

Он с беспощадной правдивостью произнес свой приговор над последними суходольцами».

Первая статья была напечатана ранее. См.: середина января 1910, вторая запись.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 20. Из редакции петербургского журнала «Вестник Европы» сообщают Бунину о переводе гонорара в 556 р. за рассказы в № 3 и стихотворения в № 12 за 1912 г., №№ 1, 2 за 1913 г.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 266, л. 2.

Февраль, середина. М.П.Гальперин посылает Бунину из Москвы письмо в стихах.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3770 оф.

Февраль, 21. Ю.А.Бунин пишет Бунину.

Письмо неизвестно. См.: 1 (14) марта 1913, третья запись.

Февраль, 22 (Март, 7). Бунин заканчивает рассказ «Худая трава». Авторская дата: «Капри. 14–22. II. 1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 29.

ПСС. Т. 6. С. 24–43.

См.: первая половина апреля 1913.

Февраль, 23 (Март, 8). Бунин пишет рассказ «Пыль». Авторская дата: «Капри. 23 февраля 1913».

ПСС. Т. 6. С. 277–280.

См.: 2 (15) февраля 1914, третья запись.

В петербургской газете «День» (№ 52. С. 3) помещается статья В.Л.Львова-Рогачевского «Символисты и адамисты».

Критик, в частности, отмечает: «Ни Сергей Городецкий, ни Гумилев явились учителями Нарбута. Учитель Нарбута – Ив.Бунин.

Этот большой, серьезный поэт-реалист вот уже 25 лет работает вне школ. Сколько раз эстеты-символисты доказывали, что Бунин не поэт, а он продолжал идти своей дорогой. И теперь, если восторжествует в поэзии здоровая, реалистическая струя, то в этом будет заслуга, прежде всего, Бунина, а не Городецких и Гумилевых, которые жнут, где не сеяли».

Февраль, 25. В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина составляется Расчет по продаже книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 3.

Февраль, 26. В петербургской газете «Правда» (№ 47. С. 2) помещается статья «Хулиганство в деревне и правовой порядок». Подпись: А.Р.

Журналист пишет: «Доклад на эту злободневную тему сделан был 24 февраля в юридическом собрании г. Фромметом. Содержание доклада сводится к следующему.

Хулиганство в деревне выдвинуто в последние годы и чрезвычайно раздуто стараниями реакционных кругов <...> в своих классовых интересах». Упомянув книгу Родионова «Наше преступление», докладчик далее говорил: «Известный писатель Бунин, которого охотно печатают в наших передовых журналах, в своем изображении современной деревни, в сущности, недалеко ушел от Родионова. Он рисует картину одичания и нравственного опустошения деревни, усиливая, таким

образом, позицию реакции в ее походе против крестьянства под видом борьбы с хулиганством. К его голосу прислушивается интеллигенция и принимает его без возражений.

Но не есть ли это клевета на стомиллионное русское крестьянство? Ведь Бунин сам является представителем разоряющегося дворянства, идеологию которого он невольно отражает. Отсюда и однобокость его изображения».

Февраль, 27. Из конторы газеты «Русское слово» сообщают Бунину о переводе гонорара.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 314, л. 4.

Ф.И.Благов посылает Бунину телеграмму из Москвы:

«Сегодня послан чек тысячу задержка вышла ввиду праздников прошу рассказ привет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/7 оф.

Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева:

«Милый и дорогой Иван, все поджидал тебя в Одессе, — думал, наедешь, — хотелось очень почитать тебе кое-что, попросить совета, твоих поправок и пр. Но, увы <...>. Не поленись, милый, прочесть ниже приложенные стихотворные строчки любящего тебя одесского грека <...>. Поправь, что найдешь нужным, сделай твои пометки, и без ругани пришли обратно.

Переслал Петру <П.А.Нилусу> недавно “Русское слово” (он не имеет этой газеты), с твоим превосходным рассказом “Будни” и поделился с ним впечатлениями. В “Речи” тоже читал твой “Последний день”. Не знаю, читал ли его Петр? Ты, кажется, сам читал ему эту вещицу. Он мне что-то в этом роде рассказывал. — Вот замечательная, брат, вещь! Чертовски талантливо, живо, ароматно!..

Мы так не сумеем!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/3 оф.

Февраль, 19...27 (Март, 4...12). Бунин читает А.М.Горькому рассказ «Иоанн Рыдалец». На чтении присутствует А.А.Золотарев.

Границы события определены по дате написания рассказа и письму В.Н.Муромцевой. См.: 18 февраля (3 марта) 1913; 28 февраля (13 марта) 1913, вторая запись.

А.А.Золотарев вспоминает, что его первое знакомство с Буниным «перешло в более прочную связь за годы моего третьего и трехлетнего жительства на острове Неаполитанского Поморья с 1911 по 1914 год, когда мы снова и уже как старые знакомые встретились с Иваном Алексеевичем. <...>

На тех литературных вечерах, что устраивал М.Горький у себя на вилле, <...> Иван Алексеевич оспаривал у самого хозяина славу первого рассказчика. <...>

Иван Алексеевич, как всегда строгий к себе и скупой на сердечные излияния, читал свои классические, выдержанные — словам тесно, мыслям просторно! — рассказы как бы с одного присеста, не выделяя избранных мест, не ускоряя и не замедляя темпа своей гладкой, в совершенстве законченной речи.

<...> Загорался, бывало, костром нежданных ярких мыслей и слов Алексей Максимович после чтения Иваном Алексеевичем любого из его рассказов:

— Иоанн Рыдалец, как это просто, прекрасно, правдиво рассказано вами. Это вы, это я, это все мы, вся русская литература рыдает денно и нощно, оплакивая злодеяние своих Иванов грозных, не помнящих себя в гневе, не знающих удержу своей силе. Вот мне бы хоть один такой рассказец написать, чтобы всю Русь задеть за сердце. Какой счастливец стал бы я. Один бы такой рассказец на радость себе и на вечный помин души».

Наш современник. 1965. № 7. С. 102–103.

Февраль, 28 (Март, 13). Бунин заканчивает рассказ «Псальма». Авторская дата: «28 февр./ 13 марта 1913 г. Анакапри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7415 оф.
ПСС. Т. 6. С. 44–50.

См.: 14 апреля 1913, шестая запись.

В.Н.Муромцева сообщает Ю.А.Бунину в письме с Анакапри:

«Отсюда мы пока никуда не уезжаем. В Анакапри устроились прекрасно. У нас с Яном две прекрасные комнаты с прекрасными видами. Из одних окон видна гора Монте-Соляро с замком Барбаросса, из другого вид на залив, Везувий, гору Тиберия и т.д. Отель очень старинный, комфортабельный, хозяин его сын адъютанта Гарибальди. <...> Ян еще рассказ посылает в “Современник”, по-моему, очень хороший о больном мужике, как он умирает <“Худая трава”>. Описана там и Анюта-Дурочка. Написал он рассказ про Святого “Иоанн Рыдалец”. Горький и Золотарев обалдели от этого рассказа».

Письма (2). С. 653.

Февраль, конец. Выходит № 3 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 5–12, 15–24) печатаются рассказы «Вера», «Князь во князьях».

Граница события определена по рецензии. См.: 2 (15) марта 1913, вторая запись.

Февраль. В московском журнале «Путь» (№ 2. С. 5) публикуется стихотворение «Чибисы» («Заплакали чибисы, тонко и ярко...»).

В московском журнале «Бюллетени литературы и жизни» (№ 11. С. 504–509) помещается статья «Певцы убыли и гибели: (О настроениях русской беллетристики)». Без подписи.

В частности, цитируется статья З.Н.Гиппиус из журнала «Солнце России».

См.: 15...22 октября 1912.

В петербургском журнале «Кругозор» (№ 2. С. 33–34) печатается статья Г.С.Петрова «Суходолия».

Критик, посвящая статью прошедшему юбилею писателя, отмечает: «И.Бунин — бесспорно большое литературное имя и вместе, столь же бесспорно, — большая и сложная литературная загадка. Человек несомненно большого таланта и глубокой серьезной мысли, вдумчивый наблюдатель и вместе изящный художник-поэт, И.А.Бунин, за все 25 лет своей литературной деятельности, даже временно, не был ни властелином, ни выразителем дум общества, как это, хоть на время, удавалось А.Чехову, М.Горькому, Л.Андрееву, Ф.Сологубу <...>, А.Куприну, наконец, даже М.Арцыбашеву <...>, А.Каменскому.

Не в пример всем названным именам, талант И.Бунина ни разу не срывался, с годами не уставал и не слабел, а наоборот, как выдержанное вино, что далее, то сильнее проявляет свои и аромат, и густоту, и при всем том, полагаю, сам И.Бунин не станет отрицать, что он, как писатель, считается как-то не спаянным тесно, не сросшимся до неразрывной близости с читателем, не вошел глубоко в своих читателей и почитателей. Наконец, возьмите самые названия литературных работ И.Бунина, как определение волнующих писателя явлений жизни, и тут сложная загадка. И.Бунин углубляется в самую гущу родной, русской деревенской жизни; и он же бездомною птицею мечется чуть не по всему миру. <...>

Прошлою весною И.Бунин был в Одессе и там своему другу А.М.Федорову читал приготовленное к печати новое свое произведение “Суходол”. Спустя несколько дней приехал и я в Одессу. Встретясь с А.Федоровым, разговорились о литературе, <...> И.Бунине.

— Какая жалость, что вы не застали Ивана Алексеевича, — сказал А.Федоров, — не слыхали его вещи. Удивительное дело: человек пишет 25 лет, имеет давно уже большое имя, избран академиком, а талант его как будто еще только начинает распускаться. Если так пойдет дальше, то нужно сказать, что мы настоящего Бунина еще не видели, не знаем, что Бунин во весь рост впереди.

Когда я потом прочел “Суходол”, я должен был признаться, что слова А.Федорова о Бунине не были словами только дружеской приязни. “Суходол” на самом деле — большое художественное произведение, заслуживающее и большой похвалы, и большого общественного внимания, и серьезного изучения. И.Бунин, как художник, проявил в “Суходоле” силу и чистоту таланта, превосходящие всё прежде им написанное». Сопоставив «Суходол» с «Жизнью Матвея Кожемякина» А.М.Горького, критик продолжает: «И очевидно, “Суходол” здесь не случайное имя усадьбы, “Суходол” — символ. Среди стихотворений И.Бунина есть, пожалуй, единственное, озаренное сильным пламенным чувством, стихотворение “Пустошь”. В “Пустоши” тридцать строк, но в этих тридцати строках стихотворения вся сотня страниц “Суходола”. <...>

И.Бунин, хотя в литературном отношении по характеру таланта стоит особняком от В.Брюсова, К.Бальмонта и Ф.Сологуба, от поэзии Д.Мережковского, но он, ведь, как они все, жилец одного общего бездомного дома, порождение того же Суходольского времени. <...>

Сказалось время, или, вернее, безвременье, и на силе поэзии И.Бунина. И.Бунин — поэт милостью Божиею, но он не поэт-пророк. Его поэзия не жжет, не воспламеняет, потому что не пылает сам поэт. <...>

Поэзия И.Бунина — это поэзия полного и ясного, но грустного месяца, светило не дня, а ночи. <...>

Все “гляжу”, “смотрю”, “вижу”, — положение наблюдателя жизни, а не строителя, творца ее. Но это — не вина поэта, это уж горе-злосчастье всего Суходола».

А.М.Горький пишет начинающему писателю М.В.Рослякову:

«Очень рекомендую вниманию Вашему Чехова и Бунина, — не для подражания, конечно, а для изучения их приемов. Оба они с изумительной силою чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 265.

Март, 1 (14). Бунин посылает рассказ «Худая трава» в редакцию журнала «Современник».

См. письмо к Ю.А.Бунину ниже.

Бунин благодарит в письме Ф.И.Благова за пересылку увеличенного гонорара и сообщает:

«...я послал Вам уже три рассказа: “Будни”, “Личарда” и “Забота”. – “Будни” напечатаны. Получили ли “Личарду” и “Заботу”? Очень беспокоюсь – не пропали ли на почте? <...> На днях вышлю и еще рассказ. Непременно дам и для пасхального номера».

Письма (*2*). С. 263.

В письме Бунин сообщает Ю.А.Бунину о получении его письма от 21 февраля (неизвестно) и о переселении в Анакапри, а также пишет:

«Дела мои такие: я старался и стараюсь работать с утра до ночи, хотя чувствую себя совсем больным, и еще не совсем определил, что буду иметь — почему и не решил, куда поеду и где проводить лето. Ждал денег». Далее рассказывает о написанных и опубликованных рассказах «Преступление», «Вера», «Князь во князьях», «Будни», «Личарда», «Забота», «Последний день» и продолжает о новых: «“Рана от копья” – строк 450, отосланных в “Русскую молву” <...>; 5) “Иоанн Рыдалец” – строк 350–400 газетных: отослано в “Вестник Европы” <...>; 6) “Илья Пророк” – строк 300: отослано и пойдет в “Совр<еменном> мире” в марте: деньги за это, равно как и за стихи, прошу три месяца – и бесплодно: верю, что не заплатят; 7) “Худая трава” – лист журнальный: нынче отослал в “Современник” <...>; и 8) “Весна” – 350 строк, посланных в “Речь”». Затем просит собирать гонорары за эти рассказы и хранить у себя, вновь сообщает о планах посетить Испанию. В заключение пишет о сборнике «Слово» и «Книгоиздательстве писателей в Москве»: «Дерзкое (довольно) письмо получил от Вересаева <см.: 3 февраля 1913>, сухое от Махалова <неизвестно>, вполне идиотское от Клестова <неизвестно> — все по поводу сборников. Все ссылаются на формальности, сволочь, идиоты, — на то, что в *протоколах* нет постановления категорического о сборниках. Никому не ответил и не буду отвечать — спорить с дураками не хочу. <...> я новой книги не дам. <...> У, как я рву волосы на себе, что связался, что выкупил книги! Клестов распространять не умеет, книгоиздательство никому не ведомое!».

Письма (*2*). С. 263–265.

Бунин благодарит в ответном письме М.П.Гальперина:

«трижды целую Вас за Ваш октавный “протокол”. Хотел ответить октавами же, но буквально нет минуты свободной – спешу побольше написать и поехать куда-нибудь подальше поразмяться».

Письма (*2*). С. 265.

Бунин сообщает Е.А.Ляцкому в письме:

«Рассказ для апрельской книги (он называется теперь “Худая трава”) послан мною на “Современник”, на Троицкую. Измазанная рукопись, да нет

времени переписывать! Впрочем, все-таки очень ясная. Молю Вас — подтяните корректора! <...>

Известите о получении рукописи — всегда дрожу, что пропадет».

Письма (*2*). С. 265.

В ответном письме А.А.Шахматову Бунин соглашается написать отзыв о сочинениях, представленных на соискание премии имени М.Н.Ахматова Императорской Академии наук:

«Спешу известить Вас, что весьма охотно принимаю на себя рассмотрение сочинений, перечисленных в нем. Весьма охотно принял бы и больше, лишь бы чем-нибудь быть полезным Академии, оказывать услуги которой мне, к величайшему моему сожалению, приходилось так редко».

Письма (*2*). С. 265.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ян. Спасибо за рассказы. Если хочешь услышать трезвенное слово — то заметь себе в уголке глаза: не будь расточителен и соблюдай в каждом рассказе его суть, не раскидываясь по сторонам. Так, в рассказе “Будни” совсем не нужен рассказ мужика о чахоточном сыне — работнике (из этого эпизода можно сделать маленький рассказ, полный мужицкого миропонимания), довольно одного пустоболта, а подробность о том, как поп славно накладывает на телегу навоз, хоть и относится к будням, но очень бы пригодилась для крепкого, хорошего рассказа о радости трудового дня. В “Последнем дне” размазаны ненужные подробности о *новом хозяине* — это очень портит впечатление. В общем, все три рассказа очень хороши — молодчина!».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/12 оф.

Март, 2 (15). Бунин пишет стихотворение «Холодная весна» («Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...»). Авторская дата: «2.III.1913».

СС (*Петр*). Т. 4. С. 189.

В *ПСС* (Т. 6. С. 158–159) авторская дата: «2.VIII.1912».

См.: 18 августа 1913, первая запись.

В петербургской газете «Русская молва» (№ 80. С. 3) публикуется статья И.Жилкина «Допевы».

В статье говорится о рассказах «Вера», «Князь во князьях»: «Два тонких, прекрасных рассказика И.Бунина в последней книжке “Вестника Европы” рождают смешанное чувство. Тихое удовлетворение обвевается грустью, и нерешительно нарастает в душе смутный протест.

Конечно, художнику нельзя предписывать: “Пиши о том-то и том-то”. <...>

Но все же, почему И.Бунин с такой печальной отчетливостью видит в одной стороне — в дворянском быту — только увядание, разложение, бессилие, дичание от обезумия, от неумения жить, а в другой стороне — в крестьянстве и купечестве — тупую грубость, первобытную дикость, жадность, скотство, грязь, безнадежное уродство духа?

Все это есть, конечно, но это не все. <...> На месте старого неизбежно создается новое. <...>

Но художник, видимо, плохо видит то, что только еще бродит, отслаивается и кристаллизуется. Художника пленяет отстоявшийся, прочный и спокойный быт, в котором жизнь отражается отчетливо и ясно, как в гладком зеркале тихого лесного озера.

Оттого, может быть, художник тоскует и замутняется духом, когда жизнь беспокойно ломается, мутнеет и готовит перемену форм.

А еще, может быть, важнее для художника ломка и гибель того быта, в котором зрело его детство и где складывались его вкусы, склонности, мечты.

Печально, зорко, неотрывно направлен сюда взгляд художника, а душа близ развалин поет тоскующую похоронную песнь... И не хочется глядеть на чужое, где мерещится только грубое, мало понятное, дикое, безобразное.

Бунин допевает замирающую песню старых дворянских усадеб.

А певцу новой культуры — певцу бодрому, сильному — нужно, видимо, родиться в новом быту, впитать его, полюбить его кровно и потом уже воспеть».

Март, 3. Д.Н.Овсянико-Куликовский пишет Бунину из Петербурга на бланке редактора журнала «Вестник Европы»:

«“Иоанн Рыдалец” пойдет <...> в апрельскую книгу “Вестника Европы”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3104/2 оф.

Выходит № 9 московского журнала «Рампа и жизнь», в котором (с. 6) воспроизводится карандашный портрет Бунина работы художника Черкасова. Подпись под портретом: «Академик И.Бунин».

Март, 5 (18). А.М.Горький пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«А вот что плохо: в “Правде” какой-то кутенок накатал разносную статью о Бунине; который — с третьей книжки — явится сотрудником “Просвещения” и который намечен одним из главнейших сотрудников по сборникам <“сословным”>.

Можете себе представить, как весело чувствует себя Горький и каково будет ему разговаривать с Бун. по поводу этой статьи! О, “Прравда”!

Он все пишет и пишет рассказы, один другого лучше, а статью еще не дал, хотя я уже знаю, что он ее начал писать. Хорошо бы сдерживать невежд и бойкачей “Правды”».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 268.

См.: 26 февраля 1913.

В письме В.М. и О.А.Каменским А.М.Горький подчеркивает:

«Бунин сочиняет превосходные рассказы, удивительные!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 270.

М.А.Осоргин пишет А.М.Горькому длинное письмо, продолжая разговор о «тоске по родине», который писатели вели 1 (14) марта при личной встрече на Капри, и который был прерван приходом Бунина:

«...беседа наша была нарушена приходом... писателя, для которого подобных вопросов не существует».

С двух берегов. С. 432.

См.: 9...11 (22...24) марта 1913.

Март, 6 (19). По просьбе А.М.Горького Бунин посылает Е.А.Ляцкому для журнала «Современник» три стихотворения под общим заглавием «Мудрость»: 1. «Уголь» («Могол Тимур принес малют-

ке-сыну...»), 2. «Потомки пророка» («Не мало царств, не мало стран на свете...»), 3. «Завеса» («Так говорит Господь: “Когда, мой раб любимый...»), и пишет ему в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам 32 строки — 3 маленьких стихотворения — и присовокупляю покорнейшую просьбу: сообщить о получении их», далее просит внести поправку в текст рассказа «Худая трава».

Письма (2). С. 266.

Автографы посланных стихотворений сохранились при письме Бунина к А.М.Горькому от 11 (24) июня 1913 г. – ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-40. Стихотворение «Завеса» перечеркнуто. В журнале напечатано только два стихотворения и рассказ «Худая трава»; указанная поправка в рассказ внесена не была.

См.: первая половина апреля 1913.

Март, 7. Из редакции петербургской газеты «Русская молва» пишут Бунину:

«Присланный Вами рассказ <“Рана от копья”> получен и будет помещен в “Русской молве” 10 марта».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 312.

Подпись неразборчива.

В московской газете «Русское слово» (№ 55. С. 2) помещается рассказ «Забота».

Март, 8 (21). Бунин пишет стихотворения:

— «Матрос» («Ночью в море крепко спать хотелось...»). Авторская дата: «Анакапри. 8.III.1913».

ПСС. Т. 6. С. 162–163.

См.: апрель 1913, первая запись.

— «Конь Святогора» («В чистом поле, у камня Алатыря...»). Авторская дата: «8.III.1913».

ПСС. Т. 6. С. 153–154.

См.: 18 августа 1913, первая запись.

Ф.И.Благов посылает Бунину телеграмму из Москвы:

«Будни Забота напечатаны Личарда получен».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/6 оф.

В Саратове в Народной аудитории П.В.Мурашев читает лекцию «Ключи к счастью в современной русской литературе».

См. объявление в газете «Саратовский вестник» (8 марта (№ 55). С. 1).

Газета «Саратовский вестник» (10 марта (№ 57). С. 5) в отчетной заметке «Ключи к счастью в современной русской литературе. (Лекция П.В.Мурашева)» (подпись: И.И.) сообщает: «Рекламное заглавие не соответствует содержанию лекции г. Мурашева. <...> Лекция г. Мурашева — винегрет из случайных отрывков, бойких, но не обоснованных и поверхностных суждений, расплывчатых пересказов прочитанного, наивных саморекламирований, кинематографических выводов, — целая лавка литературных обрезков, а иногда и отбросов. <...> Г. Мурашев, конечно, передовой человек — и потому строго осуждает декадентскую и упадочную литературу. <...> Дальше суровость лектора несколько смягчается. Публика ошибается, если думает,

что не стало писателей, способных глаголом жечь сердца людей. Россия может гордиться фалангой своих талантов. Ни одна нация не способна с ней конкурировать. Достаточно вспомнить Горького, Куприна, Бунина, Арцыбашева, Короленко, Чирикова, Б.Зайцева, Сергеева-Ценского, Мережковского, Сологуба, Брюсова, Бальмонта. <...> Творчество почетного академика И.А.Бунина было одобрено лектором. Даже такие знатоки народного быта, как Златовратский и Глеб Успенский, должны уступить в знании народного языка пальму первенства Бунину. Обвинения Бунина, что он не любит крестьянина, г. Мурашев считает необоснованными, ибо и Гоголь зло высмеял Россию, но едва ли кто стал бы обвинять его в равнодушии к судьбам родины».

Март, 9 (22). А.М.Горький пишет Е.А.Ляцкому с Капри:

«Посылаю стихи Бунина на апрель и март».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 270.

См.: первая половина апреля 1913.

Март, 10. В петербургской газете «Русская молва» (№ 88. С. 3) печатается рассказ «Рана от копья».

В газете «Одесский листок» (№ 59. С. 3) публикуется статья И.Александровского «Записки. Беллетристы о деревне».

Критик пишет: «Каково отношение наших нынешних беллетристов к деревне? <...>

Вот одно из последних произведений присяжного бытописателя современной деревни — И.А.Бунина — “Ночной разговор”, появившийся в “Первом сборнике Издательского товарищества писателей”». Процитировав рассказ, упомянув о рассказах Муйжеля и Дмитриевой, обозреватель отмечает: «Заколдованное царство! Убожество и нищета, голод, нравственная косность и невежество — управители этого царства. Рассказы об убийстве человека, о надругательстве над телом убитого, рассказы о неслыханной жестокости над животным вызывают там лишь веселый смех и в рассказчике и в слушателях. Там все чужие, там отцы торгуют дочерьми, там все живут по-звериному — “словно слепые щенята, уткнувшись мордой в навоз”...

Так изображают русскую деревню современные русские беллетристы.

Подлинная ли это деревенская жизнь?

Из других свидетельств мы знаем, что русская деревня уже начала просыпаться от вековой спячки, что деревне не только не чужда элементарная грамотность, но что деревня уже и не довольствуется элементарной грамотностью, уже стремится к школам высшего типа. Не чужды деревне и агрономические познания, и разные благодетельные веяния.

Почему же современные беллетристы в таких мрачных красках изображают деревенскую жизнь?

Наши беллетристы грешили некогда “обидной ласковостью” в своих взглядах на деревенского обывателя. Не грешат ли наши нынешние беллетристы противоположной крайностью — и по причинам, также не имеющим отношения к художественным задачам?»

А.М.Горький (23 марта н. ст.) сообщает А.Н.Тихонову:

«Бунина ознакомили со статейкой в “Звезде”, он, разумеется, надулся. Естественно».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 274.

Очевидно, Горький ошибся, упомянув «Звезду». Речь идет о статье в «Правде». См.: 26 февраля 1913.

Март, 11 (24). Бунин посылает Ф.И.Благову для газеты «Русское слово» рассказ «Псальма про сироту» и пишет ему:

«Посылаю Вам при сем рассказ для пасхального № — весьма к тому пригодный».

Письма (*2*). С. 266.

Посылая Ю.А.Бунину свои рассказы, Бунин пишет ему:

«Милый Люкася, шлю тебе два рассказа — “Иоанн Рыдалец” и “Псальма про сироту”. Это копии. Оригиналы отосланы — “Иоанн” в “Вестн<ик> Евр<опы>”, а “Псальма” — в “Р<усское> слово”. Если хочешь, можно прочитать на “Среде”. Но *сохрани рукописи — как зеницу ока*».

Письма (*2*). С. 266.

Март, 4...11. Выходит отдельное издание романса П.Вебера «Ночь печальна» (М., 1913) на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март, 9...11 (22...24). А.М.Горький пишет М.А.Осоргину:

«Наконец, я решительно протестую против Вашей оценки трудов и значения И.А.Бунина, — извините меня, но я должен сказать, что эта оценка унижает Вас, а многоточие, поставленное Вами перед словом “писатель”, [прямо] оскорбительно для меня, ибо я считаю И.А.Бунина именно писателем [в самом широком смысле этого слова], не менее [значительным] талантливым, чем А.П.Чехов, и более культурным, чем последний.

Можете быть уверены, что в близком будущем это мнение станет общим мнением всех, кто умеет любить и ценить русскую литературу».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 271–272.

Март, 12 (25). Бунин пишет рассказ «Сказка». Авторская дата: «Анакапри. 12.III.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 30–31.
ПСС. Т. 6. С. 93–98.

См.: 14 апреля 1913, шестая запись.

Бунин посылает Е.П.Пешковой записку, в которой приглашает ее в гости завтра и просит:

«Пользуюсь случаем — посылаю Вам один пустячок — если можно, перепишите, будьте ласковы».

Письма (*2*). С. 267.

М.А.Осоргин в ответном письме А.М.Горькому разъясняет:

«Что касается Вашего протеста по поводу моей оценки трудов и значения И.А.Бунина (если можно назвать оценкой два слова по поводу), то облечение Вашего протеста в форму выговора не только для меня неприемлемо, но попросту меня удивляет. Я полагаю, что в своих оценках я так же свободен, как и Вы, как и всякий

другой. Кроме того, Вы неправы и по существу. Многоточие, поставленное мною перед словом писатель, относится вовсе не к этому слову (не могу же я сомневаться, что И.Бунин — писатель!), а к словам: "писателя, для которых подобных сомнений не существует". Низко ли или высоко ставлю я талант Бунина, я Вам не высказывал; я сказал только, что он — один из тех писателей, которые, обладая возможностью "свободного передвижения", не имеет недостатка в сюжетах и фабулах для своих многочисленных произведений. Ему, бывшему в России и в ней преимущественно живущему, не страшна перспектива исчерпаться в своем знании России, так как его непосредственные наблюдения постоянно могут пополняться. Я назвал это большим счастьем, которого лишен писатель-эмигрант. Или я в этом неправ? <...> Кстати я Бунина с Чеховым не сравнивал, как и вообще его ни с кем не сравнивал: я лишь противополагал И.Бунина — М.Горькому, назвав первого несравненно менее талантливым. И сделал это не потому, что М.Горький — Вы, но потому, что таково мое мнение, высказать которое никто мне запретить не может».

С двух берегов. С. 433–434.

Март, 14. В московской газете «Русское слово» (№ 61. С. 2) публикуется рассказ «Личарда».

Еще не получив рассказ Бунина «Псальма про сироту», Ф.И.Благов телеграфирует ему:

«Все рассказы напечатаны просим еще кроме того весьма желателен пасхальный небольшой строк 200 не позже 5 апреля».

Письма (*2*). С. 656.

В газете «Одесский листок» (№ 62. С. 2) публикуется статья Н.Пересветова «Журналы».

Обозреватель пишет: «Мартовская книга "Вестника Европы" по-весеннему страдает малокровием. Бледновата, несколько неопределенна, кое в чем сквозит недосказанность...

Более яркими пятнами на этом нехарактерном лице выделяются... два наброска И.А.Бунина: "Вера" и "Князь во князьях". Обе очень невелики по размерам и напоминают эскизы к большой картине: рисунок оборван внезапно, нет исчерпывающего развития темы, но все же видна рука мастера, отдельные мазки пленяют своей красотой. И в одном, и в другом наброске, имеющим значение этюдов к большому полотну деревенской жизни, особенно хороша живопись природы».

А.М.Горький (27 марта н. ст.) пишет Г.Д.Гребенщикову с Капри:

«Последние рассказы Бунина, талант которого все развивается, восходит на высоту талантов Тургенева и Чехова, эти рассказы дадут Вам понять, как можно строить повесть, располагать материал — научат, как нужно слить слова с образом. Возьмите, на пробу, в "Суходоле", рассказ "Захар Воробьев" — посмотрите, как это сделано, посмотрите — в начале 107-й стр. — как автор сразу заставит Вас почувствовать всю страшную тоску русской жизни».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 283.

Март, 15 (28). Бунин пишет рассказ «Хороших кровей». Авторская дата: «Анакапри. 15.III.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 35.

ПСС. Т. 6. С. 108–113.

См.: 28 июля 1913.

Бунин дарит Е.П.Пешковой книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912) с надписью:

«Дорогому моему сотруднику Екатерине Павловне. Ив.Бунин. 28/15 марта 1913 г. Капри».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Получив телеграмму Ф.И.Благова, Бунин отвечает ему:

«Отлично, – на пасхальный № пришлю строк 200–250. Для этого № я послал Вам "Псальму про сироту", но, значит, она велика для него? Тогда напечатайте ее (*озаглавив просто "Псальма"*, а не "Псальма про сироту") до Пасхи, а для Пасхи я, повторяю, пришлю».

Письма (2). С. 267.

Март, 17. Е.А.Ляцкий пишет А.М.Горькому из Петербурга, извиняясь за молчание:

«Не извиняет <меня> и по отношению к И.А.Бунину, которого я душевно полюбил».

ЛН. Т. 95. С. 563.

Март, 11...18. В «Книгоиздательстве писателей в Москве» выходит 5-е издание первого тома сочинений Бунина «Перевал. Рассказы 1892–1902 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. 368 с.). Тираж 2000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание то же. См.: до 20 марта 1912.

Выходит книга И.В.Владиславлева «Русские писатели XIX–XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе» (2-е изд., перераб. и доп. М.: Кн-во «Наука», 1913), в которой (с. 22–23) дается библиография изданий произведений Бунина и литературы о нем.

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Март, 19 (Апрель, 1). В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину:

«Дорогой Юлий Алексеевич, мы все еще на Капри, вероятно, пробудем здесь еще с неделю, – "барин пишут". Погода здесь чудесная <...>. Прошлую неделю ужинали у Горьких 5 раз! Отношения с ними нежные. Предлагали поселиться у них, – вообще дружба! <...> В Испанию не едем, капитала не хватает». Далее сообщает, что надо посылать в издательство «Шиповник» рукопись ее перевода романа Г.Флобера «Сентиментальное воспитание», который редактировал Бунин: «Ян только прочел 70 стр. из 520, и главное я вижу, что он не может быть редактором, ему некогда и не любит он этого дела, впрочем, кто любит его, да и интереса нет! Я очень жалею, что взяла эту работу. Надо было бы пока переводить в мелких издательствах и не такие ответственные вещи».

Письма (2). С. 267–268.

Март, 21 (Апрель, 3). Бунин посылает П.А.Нилусу свои новые стихотворения и пишет:

«Послезавтра, надеюсь, уедем с острова в Неаполь. <...>

Писанные стихи сохрани — еще не напечатаны».

Письма (2). С. 268.

Посылая Ю.А.Бунину некоторые рецензии, Бунин сообщает ему, что послезавтра уезжает с Капри.

Письма (2). С. 268.

Март, до 22 (Апрель, до 4). Бунин заканчивает писать рассказ «При дороге». Авторская дата: «Анакапри. III. 1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 32–34.
ПСС. Т. 6. С. 222–245.

См.: до 2 октября 1913, вторая запись.

Март, 22 (Апрель, 4). В открытке Бунин пишет А.Е.Грузинскому: «Не знаю, дорогой, как и оправдываться перед тобой! Одно оправдание — исписал ведро чернил. А то, что мне очень горестно было твое грустное письмо и что я был весьма тронут твоим присылом, ты конечно, знаешь. <...> Завтра покидаем Капри».

Письма (2). С. 269.

См.: 21 января 1913.

А.М.Горький пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«Передайте в “Просвещение” прилагаемый стих Бунина».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 288.

Было послано стихотворение «Матрос» («Ночью в море крепко спать хотелось...»). См.: апрель 1913, первая запись.

Март, до 23 (Апрель, до 5). Бунин начинает писать рассказ «Чаша жизни».

В дневнике за март В.Н.Муромцева отмечает: «Ян пишет “Чашу жизни”. Нервен, раздражителен, придирчив».

Дневники. Т. 1. С. 132.

Граница события определена по времени отъезда Бунина с Капри.

Выходит № 3 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 1–4) печатается рассказ «Илья Пророк».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (23 марта (№ 69). С. 1).

Март, 23 (Апрель, 5). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым переселяется с Анакапри из отеля «Моляро» на Капри.

См.: 24 марта (6 апреля) 1913, первая запись.

Бунин посылает приветственную телеграмму Д.Н.Овсянико-Куликовскому в день чествования его по случаю 35-летней научной и литературной деятельности.

Телеграмма неизвестна. См. отчет о чествовании в журнале «Вестник Европы» (№ 4. С. 433).

А.М.Горький сообщает в письме Н.А.Румянцеву с Капри:

«Завтра уезжает в Скифию Ив.Бунин, — ах, как прекрасно стал писать этот человек! Удивительно!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 292.

Март, 22 или 23 (Апрель, 4 или 5). Бунин читает А.М.Горькому рассказ «При дороге».

Датируется по упоминанию в письме Бунина. См.: 15 апреля 1913, первая запись.

Март, 24 (Апрель, 6). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжает с Капри в Неаполь; останавливаются в отеле «Эден».

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 204–205.

А.М.Горький сообщает в письме А.Н.Тихонову с Капри:

«Сегодня 6-ое апреля, уезжает Бунин, обещая прислать статью с дороги, через две недели. Это — все, чего я мог добиться от него, да и в это я не очень верю.

Действовал весьма напористо, но “им овладело беспокойство, охота к перемене мест”, и одолеть его — нельзя. Тем более нельзя, что с ним творится что-то особенное, неладное как будто: он, пожалуй, рассматривает свой юбилей как прижизненную панихиду. Не любит он смерть и боится ее».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 294–295.

Статья Бунина предполагалась для «сословного» сборника «Мужик» (в свет не выходил).

Март, 25 (Апрель, 7). За завтраком Бунин встречается с А.М.Горьким, приехавшим в Неаполь.

Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым посещает театр.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 207–208.

Март, 26 (Апрель, 8). Вечером Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников вместе с А.М.Горьким осматривают древний монастырь.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 9067 оф, № 7456/2 оф, л. 209–212.

Март, 27 (Апрель, 9). Утром Бунин и Н.А.Пушешников едут в Салерно, откуда на извозчике прибывают в Амальфи, где ночуют.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 213–219.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 1874. С. 2) печатается статья А.Ожигова «Литературные мотивы».

Критик пишет: «В той же области народной души по-прежнему ищет И.Бунин, которого так несправедливо некоторая часть нашей критики обвиняет в пристрастно-отрицательном отношении к крестьянству, к народным массам, к русской деревне. Писатель идет, однако, своим путем. Его зрительный аппарат видит определенно в одном направлении, и его рассудочная мысль, по-видимому, занята самой мучительной загадкой — проникнуть в современную крестьянскую душу, чтобы понять, почему душа великого народа потерпела недавно столь позорный крах, почему она была нагло сбита с пьедестала, на который взобралась в бурный и тяжелый период нашей жизни. И если в поисках для раскрытия этой тайны писатель иногда переходит границы и вместо холодного объективизма, отклоняется хотя бы в сторону излишнего пессимизма, то в этом нет греха и беды. Равнодействующая литературы скажет свое решительное слово, а не отдельные, хотя бы и красивые усилия И.Бунина.

И, продолжая быть в той же плоскости настроений и взглядов, И.Бунин в поэтической полусказке “Илья пророк” (“Современный мир”, март) раскрывает душу крестьянина. <...> В “Преступлении” (“Современник”, январь) И.Бунин рисует де-

бри крестьянской души, под влиянием испуга почти искусственно прививающей себе идею убийства и искусственно подталкивающей к себе свою жертву. <...> Скажут, что это в духе Родионова. Но ведь и Родионов не все и не во всех отношениях выдумывал. Гораздо важнее и ценнее призадуматься над картинами, которые рисует Бунин. Тут есть о чем поразмыслить с сердцем сдавленным и прищемленным: ведь подлинная Русь встает пред нами. И хотя она облита светом несколько односторонним, но все же она подлинная, живая и страдающая».

Март, 28 (Апрель, 10). В 8 часов утра Бунин с Н.А.Пушешниковым выехали из Амальфи в Сорренто, куда прибыли вечером. Из Сорренто они на пароходе возвращаются в Неаполь.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л.220.

А.М.Горький пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«Со сборниками <“сословными”> — все так же. Рассказы Бунин увез, ответа от него нет. У меня желчь разливается, готов кусать сам себя за уши».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 299.

Март, 29 (Апрель, 11). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым выезжают из Неаполя в Вену.

См.: 3 (16) апреля 1913.

Март, до 31. Выходит № 4 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 5–10) печатается рассказ «Иоанн Рыдалец».

Граница события определена по рецензии. См.: 1 апреля 1913.

Март, 31. В ново-николаевской газете «Сибирская новь» (№ 56. С. 3) публикуется статья «Журнальное обозрение». Подпись: Н.Г-ков.

Рецензент пишет, в частности, о рассказе «Преступление»: «Грустью сжимается сердце от сознания обидности и неустройства нашей жизни. <...> мужик Ермил, нанявшийся сторожить лес, совершает “преступление”. А живущий около зимних мужичков писатель, поведал нам правду об этом “преступлении” (так называется рассказ Ив.Бунина, помещенный в январской книжке “Современника”).

Мужик Ермил убил человека в лесу, так, ни за что, ни про что. Но были же на это какие-нибудь причины, без причин, ведь, ничего не случается. <...>

Отчуждение, людская травля загоняют трусливого и безответного Ермилу в лес. <...>

Одиночество — это первопричина “преступления”, это — лейтмотив небольшого, но талантливо выполненного рассказа. Язык у Бунина чист, манера письма проста, безыскусственна, но с теми своеобразными богатыми оборотами и терминами, которые присущи только этому народному писателю.

Сказка про Ермила зимнего проста, завязка преступления его не сложна. Но это потому, что эту сказку рассказал нам Ив.Бунин». Пересказав фабулу рассказа, обозреватель отмечает: «Смутный укор и жалость вызывает этот преступник, зимний мужик Ермил. Снисходительно отнесся к нему и суд, послав его отбывать наказание при монастыре».

Март. В журнале «Аполлон» (№ 3. С. 59) публикуется статья М.Горшенфельда «Письма из Одессы. Театры и художественная жизнь».

В статье, в частности, говорится о лекции П.С.Когана «Перелом в новейшей русской литературе»: «Поставив исходной точкой своих “определений” *вкусы и взгляды публики*, будто бы не “совпадающие” с воззрениями вождей модернизма, лектор построил целое обвинение модернизма в противоречиях с традициями реализма в русской литературе. <...> Отрицающему в поэзии даже фантазию, которую еще Гете приветствовал, как “освободительницу человечества от темных наслаждений”, г. Когану ничего не оставалось для подкрепления своих выводов, как сослаться на ту же... общественность: московское чествование г. Бунина подчеркнуло де торжество “здорового реализма”... Но г. Когану следовало бы знать, что пресловутая “общественность” очень плохое мерило в области искусства, которое всегда стоит *впереди* общественных стремлений, и что не общество, а поэты и художники создают вкусы».

Выходит № 13 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 14) помещается шарж на Бунина неизвестного художника.

В московском журнале «Путь» (№ 3. С. 38–45) публикуется статья А.А.Кипена «Из дневника. Писатели и читатели», в которой автор выступает против литературной критики, «уничтожающей» писателей, огульной отрицательной оценки современной литературы, в связи с чем пишет:

«Но ведь это все просто неправда, и если в нашей общественности еще есть что-нибудь возвышенное и чистое, то это в первую очередь именно наша прекрасная и честная художественная литература. Кто это наши порнографы-писатели? Короленко? Куприн и Горький? Бунин? Андреев? Сергеев-Ценский? Б.Зайцев? Скиталец? Чириков? Серафимович? Крюков? Вересаев? Телешов? Шмелев? Олигер? Пришвин? Сургучев? Я не хочу продолжать этот список, хотя его можно было бы утроить. Но разве и одних приведенных здесь писателей не было бы достаточно для украшения любой современной литературы в Европе.

Бранить современную литературу, лягать писателей сделалось нынче настолько модным, что даже и вполне, казалось бы, почтенные люди не могут воздержаться от соблазна. <...>

А Ив.Бунин? Давно ли его узнали и оценили?

Стыдно сказать — академия признала его раньше, чем наши читатели! В конце прошлого года в Москве чествовали И.А.Бунина по случаю 25-летия его литературной деятельности. А не более 10 лет назад девять десятых русских читателей не знали даже его имени. <...>

А что писалось тогда об этом изящнейшем из наших поэтов и как вознегодовали литературные критики, когда в печати появился воистину чудесный сонет И.Бунина “В Альпах”? <...> Поняли гг. литературные критики всю тоску и печаль одинокого поэта, вылившуюся в этих прекрасных стихах?»

В петербургском журнале «Современник» (№ 3. С. 342–343) публикуется рецензия Р.Г.Григорьева на книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

Рецензент пишет только о повести «Суходол»: «Старые барские гнезда, которые казались нам поэтическими памятниками отмирающей культуры, которые мы так

щедро наделяли всей красотой и благородством феодального рыцарства, — предстали в повести Бунина в необычном, отталкивающе-отвратительном виде. Пристально вглядевшись в кошмарную историю хрущевского рода, развернув широкую картину этой дикой, невозможной жизни, автор взял под сомнение даже право дворянства считать себя особым сословием, носителем особой культуры <...>.

Бунин захотел трезвыми глазами взглянуть на Суходол. Он никого не пощадил, ничего не замолчал... Сильно и ярко запечатлена им целая эпоха, показана жизнь такой, как она была, безо всяких предвзятостей и прикрас...

И все же, сквозь суровую правдивость повествования, меж горьких строк о мерзости дворянского запустения, – проглядывает скорбный лик поэта, как бы грустящий по этому ушедшему кошмару, как бы вздыхающий по умершей жуткой душе Суходола <...>.

Кровная связь с изображаемым бытом не могла не сказаться на повествовании художника. Все время чувствуются какие-то незримые нити не то симпатии, не то жалости или грусти, протянутые от автора к Суходолу. Но это столь понятное и законное тяготение к своему, кровному, родному, — не сковало свободы художника, не исказило объективной правды, а лишь придало прекрасной повести Бунина грустный, мягкий, нежный колорит».

Апрель, 1. В петербургской газете «Речь» (№ 89. С. 2) печатается статья Е.А.Колтоновской «“Вечерние” мотивы. (Из современных литературных настроений)», в которой, в частности, говорится о рассказах «Вера», «Князь во князьях», «Преступление», «Иоанн Рыдалец».

Критик пишет: «Вечерние мотивы заполнили и последние рассказы Бунина. В противоположность Зайцеву, Бунин совсем не лирик, а повествователь-реалист. Сила его не в иррациональном, не в музыке настроений, а в смелом, остром анализе. У него тонкое историческое чутье и верное понимание действительности. Его сердцу тоже близко все русское, оно с ним срослось, но в изображение этого близкого, родного Бунин всегда вносит некоторую преднамеренность и тенденциозность. Он исходит из предубеждения, что “из Назарета ничего не может быть доброго”... В этом резко-отрицательном отношении ко всему *своему*, родному, Бунин далеко не одинок. Да и сам этот характерно интеллигентский, крайний “критицизм”, близкий к самоотрицанию, — не новость. <...> Два маленьких этюда, напечатанных в “Вестнике Европы” <«Вера», «Князь во князьях»> пропитаны беспросветною мрачностью, безнадежным национальным самоотрицанием. <...> Затаенный едкий скептицизм всегда струится из-за слов Бунина – хоронит ли он своих, все-таки близких его сердцу дворян, или встречает их заместителей...

Еще более проникнуты у Бунина духом отрицания его картины крестьянской жизни. Его новый колоритный рассказ «Преступление» является продолжением его прежней горестной летописи о звероподобном, вырождающемся мужике. <...> Верен своему обычному настроению Бунин и в красивом рассказе об юродивом “Иоанн Рыдалец” <...>, но здесь оно менее резко и тенденция глубже скрыта».

Апрель, 3 (16). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает в Вену.

См.: 4 (17) апреля 1913, первая запись.

Апрель, 4 (17). В открытке Бунин сообщает П.А.Нилусу:

«Вчера приехали в Вену. Завтра-послезавтра думаем выехать отсюда на Одессу – или по ж<елезной> д<ороге>, или по Дунаю».

Письма (*2*). С. 269.

А.М.Горький сообщает И.П.Ладыжникову в письме с Капри:

«"Сборники" <"сословные"> отложили на осень, считайте это решенным. Бунин пропал».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 304.

Апрель, 5 (18). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников отправляются из Вены в Одессу, по всей видимости, поездом.

См.: 4 (17) апреля 1913, первая запись.

В петербургской газете «Новое время» (№ 13314. С. 5) печатается статья А.Бурнакина «Литературные заметки».

Критик, в частности, пишет: «Гораздо удачнее претворяет Толстого другой корифей, Иван Бунин. Этот даровитый писатель начинает теперь замаливать свои грехи перед деревней и мужиком. Мужик-дикарь сменяется мужиком-праведником, но в новейшей оценке Бунина не чувствуется предвзятости, нет, Бунин несколько иначе стал относиться к натуре и описывает ее по-толстовски — округло и проникновенно. В то время, как из горьковского праведника <"Фальшивый купон"> не получается ничего, кроме сахарных аллегорий; у Бунина мужики дышат всею внешней и внутренней правдой изученной и любимой натуры. Бунин и раньше был наделен большой моральной чуткостью, но он временно переживал пароксизм скептицизма. Это было результатом крушения революции. Теперь же художник снова спокоен и снова доверчивым взором глядит в сердце народа. В рассказе "Иоанн Рыдалец" ("Вестник Европы", апрель 1913) Бунин дает яркий образ страдающей и пророческой души мужичьей. Его "Иоанн Рыдалец" — "кривоглазый и скорбный, полунагой и дикий, как пророки, всю жизнь вопивший о какой-то радости и умерший в грязном поле" знаменует возвращение писателя к мистическому прославлению таинственной и вещей души народа».

Апрель, 6. Под Одессой Бунин расстается с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым: Бунин приезжает в Одессу, В.Н.Муромцева едет в Москву, Н.А.Пушешников — в Глотово.

Дневники. Т. 1. С. 133.

См.: 10 апреля 1913, третья запись; 14 апреля 1913, вторая запись; 15 апреля 1913, вторая запись.

Апрель, 8. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Киева:

«Дорогой Ян, доехали мы великолепно. <...> Приехав в Киев, отправились к Исаевым. Напились прекрасного кофе и отправились провожать Ник.Ал. <Пушешникова> на вокзал. <...>

Вчера я была в гостях у Ивановых, дочери старухи-медведь. Муж ее — доктор, он говорит, что каждая рюмка вина для тебя — яд. Я рассказала о твоей болезни. <...> Советовал в санаторию на берегу Баденского озера. Я объяснила твоё отношение к подобным учреждениям. Тогда пусть *он подробно разузнает о способе лечения и пусть следует ему дома.*

Очень беспокоюсь, как ты доехал. <...>

Если все будет благополучно, то 10 апреля я буду в Москве. Как раз в день, когда началось наше с тобой странствование по белу свету. Можно и подвести итоги. Как раз мы вступаем в роковой год супружеских отношений, по опытному мнению Зайчихи, большинство разводов бывает на этом году!

Мне конечно, грустно, что я в этот день буду без тебя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/128 оф.

Апрель, до 9. Бунин продолжает работать над рассказом «Чаша жизни», отрывок из которого под заглавием «О.Кир» посылает в газету «Русское слово».

См.: до 23 марта (до 5 апреля) 1913, первая запись; 26 мая 1913.

Граница события определена по упоминанию в письме В.Н.Муромцевой. См.: 17 апреля 1913, вторая запись.

Апрель, 9. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 14 апреля 1913, четвертая запись.

В газете «Одесский листок» (№ 84. С. 2) публикуется статья «Журналы». Подпись: Н.П.

Обозреватель, в частности, пишет: «Перелистывая отчетные книжки, ничего не находишь радующего, кроме небольшой бунинской вещицы “Илья пророк”. Она прекрасна. Красота народного сказания, реализм крестьянской думы и языческая мистичность воззрений мужика претворились в художественном синтезе писателя в яркую легенду, лишенную всякой натяжки туманности, недосказанности образов, возможности досадного многотолкования. Такая русско-деревенская миниатюра Бунина, что сильнее не придумаешь. На фоне пейзажа, удивительной кисти, — крестьянин Семен и Илья пророк — громовержец, — они беседуют во сне. Илья недоволен, зачем Семен уклоняется от гнева его, пророка. Весь разговор крестьянина с пророком поразительно сочен. <...>

Первобытность души, верующей в гневного и умилостивляемого жертвами господина грозы, глядит из строк легенды Бунина и есть в нем стиль “сказителя”, бесхитростного передатчика завещанного предания».

Апрель, 1...9. Бунин пишет Н.Н.Лепетичу, разбирает его стихотворения, дает советы.

Письмо неизвестно. См.: 10 апреля 1913, вторая запись.

Апрель, до 10. Выходит книга А.А.Измайлова «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (М.: Изд. Т-ва И.Д.Сытина, 1913), в которой (с. 201–213) имеется статья «Ранняя осень. (Поэзия и проза И.А.Бунина)». Перед статьей помещен фотопортрет Бунина.

Данная статья впервые опубликована ранее. См.: октябрь 1910, первая запись.

Время выхода книги определено по сообщению в рубрике «В литературном мире» в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» (10 апреля (№ 13492). С. 5).

Апрель, 10. Бунин вновь пишет В.Н.Муромцевой, спрашивая о месте отдыха в Одессе летом.

Письмо неизвестно. См.: 16 апреля 1913.

Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева:

«Вчера вернулся из Москвы, Киева и Одессы в Николаев, и нашел дома твое заказное. — Спасибо большое, дорогой и милый Иван, за советы и поправки. Принял все во внимание. С отсылкою куда-либо стихов подожду, и пока что — поработаю и выправлю еще, что сумею. Ужасно сожалею, что не дождался тебя в Одессе. <...>

Ты пишешь: "Прости, немного запоздал с ответом (за подлую лесть твою)"... — Это ты напрасно. Никакой лести. Что может засвидетельствовать тебе и Петр, которому я зимой писал отсюда о твоих вещах и с которым сейчас в Одессе говорил о тебе.

А если, как ты думаешь, и лесть, то это во всяком случае лучше, чем непомерное и возмутительное, жидовское юшкевичское нахальство — возведение тебя в "Коссоды". Что и было на последнем четверге <4 апреля> нашем в многолюдном собрании. Все твои стихи по определению тонкого и требовательного критика Юшкевича — это каллиграфия Коссодо — не больше! — Все это, говорит он, быть может и гладенько и красиво, но ужасно по-стариковски, знакомо все, избито, старо, мертво. Отжившие, переизвестные, надоевшие, трафаретно-мертвые формы. Ни искры новизны, ни капли свежести, оригинальности. Ни намека своего, выдумки, своего стиля.

В таком роде сочинительствовать, по его — это значит плестись печально в хвосте Пушкина и последующих. И кого же он ставил мне в образец, поучая и наставляя на верный и настоящий путь стихотворного искусства? — Игоря Северянина!! — Сей последний на днях приезжал в Одессу, вместе с <...> Тетерниковым. Были они на четверге, читали здесь свои заковыристо-шарлатанские вирши и поразили Юшкевича несказанно (в особенности вышеозначенный Игорь). <...> В ответ на "Коссодо" Митрофаныч <А.М.Федоров> сказал, что за это следовало бы стукнуть Тромбон <т.е. С.С.Юшкевича> бутылкой по голове, но это ни мало не смутило новоявленного критика.

Тромбон гудел свое».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/2 оф.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Янчик, доехала я до Москвы великолепно. Ждала найти от тебя письмо или, по крайней мере, открытку с адресом, — ни того, ни другого не оказалось. Как тебе не стыдно! Ведь с субботы <6 апреля> я не знаю, что с тобой? <...> С Юлием Алексеевичем виделась. Он все такой же. Недоволен, что ты не написал большой вещи, я сказала, что у тебя она намечена. С нами он думает прожить летом недель шесть. <...> По телефону разговаривала с Блюменбергом, любезен, он находит, что книгу выпускать поздно теперь. Хочет первую выпустить в конце августа, а вторую в конце ноября. Печатать будет летом. Я сказала, что ты прочтешь еще в корректуре. Затем спросила насчет денег, он сказал, что посмотрит в условие, я просила позвонить, но он не позвонил. По-видимому, платить ему не очень хочется. Поэтому пусть ты или Ник.Ал.<Пушешников> напишет *на основании условия*, чтобы тот прислал деньги мне. Мне же неудобно второй раз звонить. — Брун в восторге от "Ио-

анна Рыдальца", специально звонил по телефону, чтобы сказать это. "Вестн<ик> Европы" тебе не присылается, напиши, чтобы выслали. "Соврем<енный> мир" вышел 3 номер, в нем "Илья Пророк", завтра прочту. <...> В Орле и Ефремове жизнь течет обычно. — Митина девочка выросла, ты не узнаешь ее. Знает тебя по портрету: "дядя Бу". <...> Если завтра не будет известий, пошлю телеграмму тебе. Поправка пишущей машинки стоит 8 р., но если менять вал, чтобы она *не косила*, то будет стоить 10 р. Что делать. Ответь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/94 оф.

Речь идет о будущих книгах Бунина «Иоанн Рыдалец» и «Чаша жизни».

В конторе газеты «Русское слово» для Бунина готовится Счет с указанием гонораров за напечатанные произведения писателя с октября 1912 г. по апрель 1913 г.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/10 оф.

Апрель, 11. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, сегодня я была у Юл.Ал.<Бунина>, и мы долго разговаривали с ним о тебе. Оказывается, С.Н.<Пушешникова> была в Москве. И он из разговоров понял, что ей не очень-то хочется, чтобы мы жили у нее. <...> Кроме того, она зла на тебя за Ник.Ал.<Пушешникова>. Видишь ли, ты разъединяешь их. "Потащил". <...> Я нахожу, что если ты будешь по своему здоровью в состоянии жить под Одессой, то снимай дачу, только не у Федоровых. Пора жить своим гнездом. Я готова взять все на свою ответственность и уверена, что все будет хорошо. — Почему ты не пишешь мне? Меня это очень беспокоит. Чуть ли не неделя как я не знаю о тебе ничего. Как ты равнодушен к моим нервам! <...> Юл.Ал. не верит, что ты выживешь в Одинцове. Почти во всем мы сходимся с ним. Он очень рад, если ты будешь писать большую вещь. Ваше книгоиздательство выпускает сборник <"Слово"> осенью, к концу июня надо доставить вещь в редакцию. <...> Вероятно, это письмо получишь в первый день праздника <Пасхи>, трижды целую тебя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/92 оф.

Апрель, 14. Бунин отправляет открытку в редакцию газеты «Речь», сообщая, что вернулся в Россию.

Письма (*2*). С. 269.

Бунин пишет А.М.Горькому, извиняясь за долгое молчание:

«Дорогой друг, я перед Вами тяжко, но без вины виноват. Я, как Вы уже знаете, вдребезги заболел дорогой. Буквально шалея от потери крови, я с упорством пьяного ехал — все искал места, где бы в тепле остановиться, но всюду нас встречала адская погода. Под Одессой мы расстались — Вера и Коля поехали в Москву, я — в Одессу. Здесь солнце и доктора немного подняли мои силы, но еще и до сих пор я и живу, и мыслю, как в полусне <...>.

Завтра еду в Москву, где надеюсь пробыть дней 10. Затем вернемся сюда: нанял здесь дачу — нужно солнце, ванны, и т.д.»

Письма (*2*). С. 269–270.

Бунин обращается в письме к Л.Ф.Маркс, предлагая издать свое собрание сочинений в качестве приложения к журналу «Нива» на 1914 г.:

«Условия мои, опять-таки по многим исключительным причинам, будут весьма скромные.

У меня имеется 10 довольно *больших* томов, из которых легко — особенно благодаря добавлениям, кои я намереваюсь сделать для этого *первого* полного собрания моих сочинений — составить 12. Прилагаю при сем список этих томов.

Если бы Вы ничего не имели против моего предложения принципиально, я мог бы приехать в Петербург для начала переговоров».

Письма (*2*). С. 270.

В.Н.Муромцева начинает писать письмо Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, вторая неделя пошла, что мы с тобой расстались и за все время от тебя лишь одно письмо, в котором ты забыл написать, где ты остановился. Приходится писать все на Княжескую <адрес Е.И.Буковецкого>. На телеграмму же ты даже и не ответил мне. Ну, Бог тебе судья! Твое письмо от 9 апр. я получила только вчера, 13 апреля. И весь день очень волновалась, не получая от тебя ответа на телеграмму».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/90 оф.

В петербургской газете «Речь» (№ 102. С. 2) публикуется рассказ «Весна».

В московской газете «Русское слово» (№ 87. С. 6–7) помещаются рассказы «Псальма», «Сказка».

В ново-николаевской газете «Сибирская новь» (№ 66. С. 4) перепечатывается из журнала «Современный мир» рассказ «Илья Пророк».

См.: до 23 марта (до 5 апреля) 1913, вторая запись.

Апрель, 15. Бунин пишет Е.А.Ляцкому, извещая его, что вернулся в Россию и на днях приедет в Москву, спрашивает о положении журнала «Современник», далее предлагает:

«А<лексей> М<аксимович>, конечно, уже писал Вам, что он просил меня дать "Современнику" тот любовный рассказ, что я читал ему перед отъездом, — "При дороге"? Я хотел послать его Вам, чтобы он попал в май, да вот, повторяю, хворь помешала. На июнь можно?»

Письма (*2*). С. 271.

В.Н.Муромцева продолжает свое письмо Бунину:

«Сегодня почти весь день провела у Телешовых. Было очень приятно. <...> Об Одинцове я ничего пока не говорила, ибо об этом имеет смысл поднимать вопрос, если ты под Одессой не будешь жить. Меня крайне удивляет, почему ты ничего не сообщаешь. Почти десяток суток прошло, как мы расстались. <...> Пасху мы встречали в Кремле, т.е. Юл.Ал., Сева, Настя с помощником мужа и я».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/90 оф.

Апрель, первая половина. Выходит № 4 петербургского журнала «Современник», в котором (с. 3, 41–61) помещаются два стихотворения под общим заглавием «Мудрость»: I. «Уголь» («Могол Тимур принес малютке-сыну...»), II. «Потомки пророка» («Не мало царств, не мало стран на свете...») и рассказ «Худая трава».

Граница события определена по письму В.Н.Муромцевой. См.: 17 апреля 1913, вторая запись.

Апрель, 16. В.Н.Муромцева заканчивает свое письмо Бунину:

«Получила сейчас 16 апреля письмо твое от десятого. Целую за него. Только как ты краток. Против Куровских ничего не имею. Конечно, хорошо если бы комнаты были бы изолированы. Не знаю, какая хозяйка Вера Павловна. Помни о своих кишках».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/90 оф.

Апрель, 15 или 16. Бунин уезжает из Одессы в Москву.

См.: 14 апреля 1913, вторая запись.

Апрель, 17. Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева, поздравляя его с Пасхой:

«Только что прочел в “Русском слове” твою “Псальму” и “Сказку”. Ей-богу, Иван, это что-то необыкновенное! — До чего интересно, хорошо, свежо, ярко, непосредственно. А живопись, краски, рисунки, стиль. Язык Никифора, сам он, и барин, и лирник Родион, и актер — живут все, дышит и все вокруг них... Восторг — что такое! <...>

Посылаю тебе два стихотворения, из отмеченных тобою крестиком. Не скажу, чтобы не радостно мне было, с твоей легкой руки продебютировать в “Современнике”. Целую тебя и благодарю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/4 оф.

В журнале «Современник» (1913. № 6) было напечатано стихотворение Н.Н.Лепетича «Апрель».

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Ян, не тароват ты на письма. У меня тоже пропадает охота писать в пустоту. <...> В “Современнике” “Худая трава”. Мне сегодня дали эту книжку Каменские. Я подсчитала, выходит около 600 р. В “Русском слове” напечатано не “Отец Кир”, а “Сказка” и “Псальма”. Оттуда я получила счет. За тобою 418 р. 25 коп. Рассчитывают по 50 коп. за строку. За Пасхальный номер приходится тебе *174 р. 50 к.* За “Кира” еще не плачено. <...> Послал ли “При дороге”. Розенфельд так 44 руб. и не прислал. <...> Сегодня звонил по телефону Черемнов. Я пригласила их на завтра обедать, да мама восстала <...>, приходится писать отказ. Думаю с Юл.Ал.<Буниным> съездить к ним с визитом. <...> Вчера обедали у Брун. И читали вслух по желанию хозяев “Иоанн Рыдалец”, им это очень нравится. <...> “Это Пушкин”, — сказала m-me Брун».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/139 оф.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 491. С. 2) печатается интервью «На литературные темы. (Беседа с И.Буниным)». Подпись: Л.Фл.

На вопрос журналиста о жизни на Капри, о М.Горьком, о творческой работе, о новых литературных течениях Бунин отвечает:

«— Появившиеся в последнее время литературные течения <...> до того нежизненны, до того беспочвенны, что мне, право, не хочется об этом гово-

рить. Да и что, в самом деле, можно сказать об акмеистах, адамистах, модернистах, символистах, которые указывают скорее на известный упадок русской литературы, нежели на ее расцвет. Что можно говорить о литературных течениях, которые постепенно сходят со сцены и которые не оставят никакого следа в русской литературе. <...>

Я даже считаю унизительным для себя говорить о так называемых "новых течениях" в русской литературе. Повременная же печать, уделяющая им столько внимания, бессознательно рекламирует это беспочвенное, наносное и вредное явление в нашей литературе. <...>

По поводу моей последней повести "Деревня" было очень много толков и кривотолков. Большинство критиков совершенно не поняли моей точки зрения. Меня обвиняли в том, что я будто озлоблен на русский народ, упрекали меня за мое дворянское отношение к народу и т.д. И все это за то, что я смотрю на положение русского народа довольно безрадостно. Но что же делать, если современная русская деревня не дает повода к оптимизму, а, наоборот, ввергает в безнадежный пессимизм».

О жизни и работе А.М.Горького Бунин отметил:

«— Писатель-изгнанник продолжает по-прежнему усердно и много работать. Настроение у него бодрое; здоровье, вопреки распространившимся слухам, вполне удовлетворительно. <...> Несмотря на свою сильную тоску по родине, Горький и не думает покидать о. Капри».

Апрель, 17 или 18. Бунин приезжает в Москву, останавливается у Муромцевых (Столовый пер., д. 11).

Апрель, 18...20 (Май, 1...3). А.М.Горький пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«Получено письмо от Бунина, <...> спрашивает: можно ли подождать со сборниками недельки две? Напиши ему: можно, но — не больше!»

Горький. ПСС. Т. 10. С. 313.

Апрель, 23. В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина готовится Расчет по книгам «Деревня», «Перевал. Рассказы 1892–1902 гг.», «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.», «Стихотворения 1903–1906 гг.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 4.

Апрель, 24. Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором читают свои произведения А.С.Серафимович, Н.М.Мешков, Л.Столица.

Дата определена по письму Бунина. См.: 14 мая 1913, вторая запись. См. также: 3 сентября 1913.

Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петербурга на бланке журнала «Современный мир»:

«Контора считает за собою Вам — 191 р. 37 к. Сейчас я полностью не могу выслать Вам этой суммы. Но Н.С.Клестов может Вам уплатить по этому письму в наш счет 85 р. Остальное пришлю, собравшись с силами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3427/3 оф.

Апрель, 25. В петербургской газете «Биржевые ведомости» (№ 13514. С. 3) публикуется статья А.А.Измайлова «Литературное обозрение».

Критик пишет: «Новый рассказ И.А.Бунина “Преступление” рисует ту же русскую деревню, которой недавно беллетрист-академик посвятил большую повесть.

На этот раз перед вами отдельный тип, одна крестьянская разновидность, частный случай, впрочем, отнюдь не лишенный типичности.

Его герой — лесник Ермил Зимний, в своем роде больной человек. Он мог бы заинтересовать психиатра. <...> Но деревня давно нездорова, и больные Ермилы в ней не исключение. <...>

Рассказ Бунина не лишен силы, и в нем чувствуется правда, — грустная правда, которая утверждает, что деревня неврастенизируется и заболевает уже немногим меньше, чем давно выродившийся город».

Апрель, 26. Л.Ф.Маркс в ответном письме сообщает Бунину из Петербурга:

«Против предложения Вашего в принципе я, конечно, ничего не имею, но предварительно <...> просила бы Вас не отказать ответить на следующие вопросы:

1) сколько приблизительно Вам желательно получить от нас за право однократного приложения нами к “Ниве” полного собрания Ваших сочинений;

2) не обременено ли Ваше авторское право какими-нибудь издательскими договорами <...>;

3) согласны ли Вы также на то, что, уступая нам право приложения Ваших сочинений на 1914 год, Вы вместе с тем предоставляете нашему усмотрению дать их в будущем 1914 году, или в следующие 5 лет».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 3–4.

Апрель, 18...28. Бунин встречается с А.С.Черемновым в гостинице, читает ему свое новое недавно написанное стихотворение «Художник» («Хрустя по серой гальке, он прошел...»).

См.: май 1913, первая запись.

Стихотворение об А.П.Чехове. В *ПСС* (Т. 6. С. 160) авторская дата: «1908», очевидно, это явная ошибка, т.к. это стихотворение вошло в книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг.» (М., 1913).

Границы события определены по времени пребывания Бунина и Черемнова в Москве и по упоминанию в письмах А.С.Черемнова. См.: 17 апреля 1913, вторая запись; 30 мая 1913; 10 июня 1913.

Апрель, 29. В конторе газеты «Русское слово» Бунину выдают аванс в 500 р.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 345, л. 4.

Вечером Бунин уезжает из Москвы в Петербург.

Дневники. Т. 1. С. 133.

Апрель, 30. Бунин прибывает в Петербург; ведет переговоры с управляющим конторой журнала «Нива» А.Е.Розинером об издании собрания своих сочинений в качестве приложения к «Ниве».

См.: 1 или 2 мая 1913.

Апрель. В петербургском журнале «Просвещение» (№ 4. С. 48) публикуется стихотворение «Матрос» («Ночью в море крепко спать хотелось...»).

В харьковском журнале «Вера и разум» (№ 7. С. 139–140) печатается рецензия П.Фомина на сборник И.Брихничева «Христос в мировой поэзии» (М., 1912).

Критик, в частности, отмечает: «...г. Брихничев не оказался на высоте поставленной задачи. <...> Вместе с неподдельными жемчужинами поэзии он ставит самые заурядные, бесцветные, слабые и даже совсем не подходящие стихотворения на религиозные темы. К числу этих последних мы относим неудачные с декадентским пошибом произведения Бальмонта, З.Гиппиус, С.Городецкого, А.Блока, В.Брюсова, С.Соловьева, И.Бунина, В.Иванова, Н.Минского и Ю.Балтрушайтиса. <...> Грубость некоторых стихотворений декадентов, как напр., <...> "По алтарям пустым..." (с. 34) резко и болезненно поражает читателя: становится жаль, что автор в этой своей книге напрасно дал место этому сорному балласту».

Выходит № 17 московского журнала «Живое слово», в котором (с. 8, 10) публикуется статья Е.Скифа «Литературные абрисы. Поэт увядания».

Критик пишет: «После невероятной, засоряющей мысль трухи "пасхальных рассказов", неведомо в силу чего получивших права гражданства и ставших обязательными даже для серьезных изданий, <...> с каким тихим, примиряющим чувством останавливаешься на двух рассказах Бунина "Сухая трава" <имеется в виду «Худая трава»> и "Иоанн Рыдалец" <...>.

Литературная физиономия Бунина давно выкристаллизовалась, определилась четко и ясно, но по какому-то странному, чисто русскому недоразумению он до сих пор писатель не для многих.

Должно быть, в этом больше всего виновата та его особенность, что он совершенно чужд экзотических, преднамеренных тем, — тем, рассчитанных на дешевый, уличный эффект.

Это чистый последователь той великой и славной плеяды гигантов слова, которая открывается Пушкиным и Гоголем и заканчивается А.П.Чеховым, Л.Н.Толстым. Со смертью их он один из немногих прямой и честный носитель славных заветов и традиций настоящей великой, свободной и целомудренно-прекрасной русской литературы.

В самый разгар разнузданной вакханалии модернистов и декадентов всех пород и оттенков, Бунин сумел сохранить свой тихий, благоухающий талант, я бы сказал: — свою писательскую девственность.

По существу Бунин — реалист, но реалист не поставивший себе главной и конечной целью видеть теневые стороны жизни, ее омрачающую душу грязь и мерзость. Он берет вещи в их полной световой гамме: прекрасное и безобразное, умиляющее и отталкивающее, духовно-мощные подъемы и глубины человеческого падения — все это он берет со спокойной совестью, всему дает место на своей палитре, очевидно, уверенный в неизбежности и роковой целесообразности всего совершающегося.

<...> Суровой, жуткой правдой веет от его “Иоанна Рыдальца”».

После краткого пересказа текста рассказа критик отмечает, что образ юродивого «выступил как символ русской души, ее высшей красоты, ее лучших и самых святых стремлений. <...>

В этом образе Бунин приник к самой сути народного духа, к самым его тайникам и дал нам живое олицетворение того, что разумеется когда говорят:

“Святая Русь”».

Пересказав сюжет рассказа «Худая трава», критик пишет: «Неопределенность, полное равнодушие ко всему совершающемуся вокруг, отсутствие мысли, воли, желаний — вот лейтмотив бунинских рассказов, как всей нашей русской жизни.

Жутко».

Выходит № 4/6 московского журнала «Хмель», в котором публикуются статьи:

— В.Берсенева «Предтечи» (с. 32–36).

Критик, в частности, пишет: «Эпоха народнических горений и творческих пытливых поисков недавнего времени кончена. Слава теперь приходит не к поре седых волос и не к двадцатипятилетнему юбилею, а гораздо раньше. <...> Редкие самоцветные каменья нашей современной литературы, чеканные и прозрачные рассказы Бунина проходят незамеченными, а “Веселые устрицы” <А.Т.Аверченко> выдерживают пятнадцать изданий.

Словом, вертится безудержная карусель, звенят звонки, гудят гудки, и гг. Игори Северянины, сидя на деревянных кружащихся лошадках, смотрят сквозь лорнеты на собравшихся пейзан и затыкают носы от кислого запаха овчины».

— С.Дмитриевича «Критик-эклектик» — рецензия на книгу В.Львова-Рогачевского «Снова накануне» (с. 44).

Рецензент, в частности, отмечает: «...г. Рогачевский, непрестанно ищущий “идею”, “объективное содержание”. Назвать все творчество И.Бунина поэмой запустения, значит попытаться прикрепить художественное произведение, как мотылька на картон, булавкою.

Вечная и беспредельная жизнь, бесконечная форма с многообразным содержанием художественный образ, например, Гамлет, Отелло, Чацкий, Фауст и др. “Поэма запустения” — временное, рассказ о “сегодня”. Временное не покрывает вечное. В.Рогачевский не понял кинетичности, перманентной жизни художественного образа».

Май, 1 или 2. Бунин пишет А.Е.Розинеру, что уезжает из Петербурга в Москву и сообщает:

«...ибо надежды на то, что мы столкуемся, у меня весьма мало. Все же подумайте. Ведь мы расходимся только из-за года!

В Москве пробуду всего 2–3 дня».

Письма (2). С. 271.

Май, 3. Бунин возвращается в Москву.

Май, 4. Отвечая на неизвестную телеграмму А.Е.Розинера, Бунин телеграфирует ему:

«Понедельник <6 мая> буду Петербурге установите точно детали условия».

Письма (2). С. 272.

В московской газете «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (№ 172. С. 3) помещается интервью «Да здравствует жизнь!». Подпись: Влад.К.

В интервью Бунин рассказывает о своей работе на Капри, встречах с А.М.Горьким, не осуществившемся намерении совершить совместную с Горьким поездку по Европе. На вопрос о кинематографе и возможности написать что-нибудь для него Бунин отвечает:

«— Да, ко мне обращались, но писать пока я не намерен. И не думайте, потому что боюсь толпы, пошлости, — нет! И толпа и пошлость есть везде, от нее не убежишь. Дело в том, что я не выяснил еще точной формы. Писать же так, не представляя ясно, как нужно, я не умею. Я считаю вообще литературу для синематографа очень серьезным вопросом. Пора, и очень давно, действительным литераторам обратить внимание на эту область и изгнать безраздельно царящую пошлость.

После перерыва в беседе, во время которого Бунин говорит по телефону, он продолжает:

— Вот людям грустно живется, скучают, а мне это кажется странным и очень удивляет. Как можно скучать!

Жизнь так интересна, человек же в своем знании ее ограничен, скоро приходится умирать. Я бы согласился жить бесконечное количество лет, и если бы нашелся человек, который гарантировал мне жизнь в течение десятков тысяч лет, я не задумываясь заключил бы с ним контракт на каких угодно условиях. <...> И, знаете, не правы говорящие об Агасфере, что он несчастный человек. Нет. По-моему, нет счастливее человека, чем этот вечный странник. Ведь он все видел, все знает и будет знать. Завидую ему... жаль, очень жаль, что нельзя с ним поменяться, я с огромным удовольствием бы сделал это...».

Май, 5. В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина готовится Расчет по книге «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 5.

В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина готовится Счет с указанием расходов по пересылке книг на Капри и за объявления в газетах о книгах Бунина.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/9 оф.

Май, 6. Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает в Петербург; ведет переговоры с А.Е.Розинером по поводу издания собрания своих сочинений в качестве приложения к журналу «Нива».

См.: 4 мая 1913, первая запись.

Май, 7. Бунин подписывает договор с «Товариществом издательского и печатного дела А.Ф.Маркс», по которому предоставляет Товариществу «исключительное право издания их <сочинений> для выдачи бесплатным приложением к журналу “Нива” в течение одного года» между 1 января 1914 и 31 декабря 1916 гг. включи-

тельно по усмотрению Товарищества А.Ф.Маркс. Также в договоре говорится:

«Все мои произведения собираются и редактируются лично мною, Буниным, с тем, что я вправе вносить в них необходимые с моей точки зрения поправки и изменения. Сборку и редакцию своих обнародованных произведений я имею вести с таким расчетом, чтобы закончить их и доставить Товариществу А.Ф.Маркс в подписанном к печати виде никак не позже первого сентября тысяча девятьсот тринадцатого года, а новые произведения не позже месяца после появления их в свет первым тиснением». Договор подписан Буниным: «Договор этот подписал и по нему двадцать тысяч рублей получил Дворянин Почетный Академик Иван Алексеевич Бунин» и по доверенности Правления Товарищества — А.Е.Розинером.

Письма (*2*). С. 659.

Май, 8. Бунин посылает Ю.А.Бунину телеграмму о благополучном подписании договора с «Товариществом А.Ф.Маркс».

Телеграмма неизвестна. См.: 9 мая 1913.

В.Н.Муромцева в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«...Почти все время мы были заняты делом. Договор подписан. Деньги получены. <...> Выяснилось, что Ян может хоть сейчас выпускать хоть по подписке полное собрание своих сочинений. Деньги помещены пока в Лионском кредите. Пока особенно не рассказывайте.

Сейчас уезжаем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3238/5 оф.

Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Петербурга прямо в Одессу.

Май, 9. По пути в Одессу Бунин пишет Ю.А.Бунину, что вчера телеграфировал ему и сообщает:

«Да, договор для меня весьма недурной, — в общем с полистной платой дающий мне больше 25 тысяч. Приедешь — прочтешь».

Письма (*2*). С. 272.

Май, 10. Бунин с В.Н.Муромцевой прибывает в Одессу.

См.: 15 (28) мая 1913.

Бунин подписывает две телеграммы соболезнования в связи с кончиной редактора издателя газеты «Русские ведомости» В.М.Соболевского, посланные от имени комитета юбилейного чествования «Русских ведомостей» и от редакции журнала «Бюллетени литературы и жизни».

Письма (*2*). С. 412–413.

Под первой телеграммой стоит 52 подписи, под второй — 9 подписей. В.М.Соболевский умер в Гаграх 9 мая 1913 г.

См.: 11 мая 1913; 12 мая 1913, вторая запись.

Май, 9...11 (22...24). А.М.Горький пишет А.Г.Туркину с Капри:

«И.А.Бунин очень верно, очень умело пишет орловского мужика, но для верхнего и среднего Поволжья этот тип — почти неправда, — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина <“Река играет”>».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 323.

Май, 11. В московской газете «Русские ведомости» (№ 108. С. 3) под общим заглавием «Отклики на смерть В.М.Соболевского» помещается текст коллективной телеграммы от комитета юбилейного чествования «Русских ведомостей» с выражением «глубокого соболезнования редакции газеты и семье покойного». Среди 52 подписей — имя Бунина.

См.: 10 мая 1913, вторая запись.

Май, 12. Бунин с В.Н.Муромцевой поселяется под Одессой на Большом Фонтане на даче Ковалевского.

Дневники. Т. 1. С. 133.

См.: 14 мая 1913, первая запись.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 109. С. 2) под общим заглавием «Отклики на смерть В.М.Соболевского» помещается текст коллективной телеграммы от журнала «Бюллетени литературы и жизни» с выражением «искреннего сочувствия по поводу постигшей вас тяжелой утраты». Среди 9 подписей — имя Бунина.

См.: 10 мая 1913, вторая запись.

Май, 13. В письме Н.С.Клестову Бунин просит перевести ему гонорар из журнала «Современный мир» и если возможно выдать аванс за повесть для сборника «Слово».

Письма (2). С. 272.

А.М.Горький (26 мая н. ст.) пишет Д.Н.Семеновскому с Капри:

«Еще рекомендую Ив.Бунина, он суховат, но прекрасно знает русский язык и не словоточив развратно, как, напр., Бальмонт, вообще — большой — конечно — поэт, но раб слов, опьяняющих его».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 329.

Май, 14. Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину:

«Мы третий день на даче — у нас поразительно хорошо. Наняли повара с женой — горничной. Приезжай скорей».

Письма (2). С. 272.

В письме А.М.Горькому Бунин рассказывает о подписании договора с «Товариществом А.Ф.Маркс», благодаря которому он «хоть малость обеспечен насчет куска хлеба». Далее пишет:

«В Петербурге с великим огорчением узнал о Вашем конфликте с “Современником”. Ах, дорогой, все-то у нас на Руси не ладится! Неужели не разрешится этот конфликт миром?

В Москве огорчен был футуристами. Не страшно все это, но, Боже, до чего плоско, вульгарно — какой гнусный показатель нравов, пошлости и пустоты новой “литературной армии”! На “Среде” я два раза сделал скандал — изругал последними словами Серафимовича, начавшего писать à la Ценский что ли (слияние с космосом, какой-то мещанин (“торгующий козлятиной”, часть природы и несущий чепуху), и горы Кавказа, “стоящие непреложно”), изругал поэтессу Столицу, упражняющуюся в том же роде, что и Клюев... Чествования Бальмон-

та, слава Богу, не видал. Устроено это чествование было исключительно психопатками и пшютами-эстетами из литературно-художественного кружка <...>.

NB Позвольте напомнить о судьбе Лепетича (стихи) и Федорова (стихи)».

Письма (*2*). С. 273.

Речь идет о манифесте футуристов «Пощечина общественному вкусу». См.: 18 декабря 1912; 17 апреля 1913, третья запись.

Бунин сообщает в письме Е.А.Ляцкому свой дачный адрес, спрашивает о возможности разрешения конфликта с А.М.Горьким в редакции журнала «Современник», а также спрашивает:

«Напишите, пожалуйста, и насчет критического отдела — на ком Вы остановились. По-моему, самое святое дело — взять Вам этот отдел целиком в свои руки. Я с удовольствием посылал бы Вам тогда — изредка, конечно, — заметки о некоторых книгах».

Письма (*2*). С. 273–274.

В письме Н.Д.Телешову Бунин сообщает свой дачный адрес и пишет о благополучном подписании договора с «Товариществом А.Ф.Маркс» об издании Полного собрания его сочинений.

Письма (*2*). С. 274.

Май, 15 (28). П.А.Нилус пишет Бунину из Парижа:

«Дорогой Ив. Так и не удалось встретиться. Впрочем, спины Веры Николаевны и твою я видел. Я читал газету, (на вокзале 10-го) <...> повернул голову к окну... бросился вслед. Разумеется, в коридоре задержали носильщики... и когда я выбежал на перрон, прозвонил звонок 2 раза и знакомых спин уж не было».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/1 оф.

Май, 16. Бунин в открытке просит С.П.Боголюбова прислать 2-й и 5-й тома его сочинений, изданных «Знанием»: «Стихотворения» (СПб., 1909), «Рассказы» (СПб., 1909).

Письма (*2*). С. 274.

В ответном письме А.Е.Розинер сообщает Бунину, что он записан на получение журнала «Нива» на 1913 г., а вышедшие номера будут посланы завтра комплектом.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 5.

Май, 18. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«Вы просили меня способствовать увеличению материала для Ваших литературных заметок в газетах <письмо неизвестно>. Скоро пришлю Вам содержание своей новой книги <“Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.”> (о печатании которой нам пора уже подумать). Пришлю и конспекты еще ненапечатанных вещей моих. Пока же не будете ли добры тиснуть заметку о моем деле с “Нивой”? <...> Надо сообщить, что продал я полное собрание своих сочинений *только для приложения* к “Ниве”, оставшись совершенно, по-прежнему, свободным в деле издания этих сочинений (где и как мне угодно).

Подумываю озаглавить новую книгу по первому рассказу: “Преступление”. Что Вы, многоопытный, на это скажете? Будут в этой книге и иного рода рассказы — любовные, “дворянские” и даже, если хотите, “философские”. Но мужик опять будет на первом месте — или, вернее, не мужик в узком смысле этого слова, а душа мужицкая — русская, славянская. Я с великим удовольствием поставил бы эпиграфом к этой книге один из последних заветов Гл.Успенского: “Смотрите на мужика... Все-таки надо... Надо смотреть на мужика!..” Да боюсь дам повод суживать мои задачи. <...> не нынче завтра засяду за вещь для сборника. Написав, сделаю передышку — совершу паломничество к Арарату. Думаю даже, что отправлюсь туда 27 мая — прямиком к Кавказским берегам, а, возвращаясь от Арарата, погляжу малоазиатские берега».

Письма (2). С. 274–275.

При письме Бунин посылает свои рассказы «Иоанн Рыдалец», «Худая трава», «Преступление».

Май, 19. Получив письмо Н.С.Клестова от 15 мая (неизвестно), Бунин вновь пишет ему, повторяя содержание предыдущего письма и более подробно сообщает о содержании своей новой книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«И на основании всего этого можете заключить, что новая книга моя будет не совсем похожа на предыдущие. Критики уже много раз укладывали меня на определенную полочку — и все приходилось им перекладывать меня. Бог даст, снова будет наказана их поспешность, снова дам я им работу. Новая книга моя, думается, будет далеко не столь жестка, как прежние (хотя опять будут в ней местами жестокие русичи), будут в ней новые черты нашей души, новые типы, новые настроения — нежные, любовные, религиозные и т.д.».

Письма (2). С. 275–276.

Май, середина. Выходит № 5 петербургского журнала «Известия книжных магазинов Т-ва М.О.Вольф по литературе, наукам и библиографии», в котором (стб. 136) помещаются результаты анкеты «Существует ли интерес к новейшей русской поэзии?»:

«Из современных поэтов, включая сюда и недавно умерших, наиболее выдающимися признаются: Бальмонт — 2361 голос, Якубович — 2192 голоса, Бунин — 2115 голосов, Фофанов — 2003 голоса, Брюсов — 1384 голоса, Мережковский — 1018 голосов, Сологуб — 917 голосов, К.Р. — 847 голосов, <...> А.Блок — 429 голосов <...>».

Время выхода уточнено по сообщению в газете «Оренбургский край» (23 мая (№ 111). С. 3) — рубрика «Литературная летопись».

Май, 23. Бунин получает письмо Н.С.Клестова от 18 мая (неизвестно) и в ответном послании пишет ему об издании своей новой книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«Условие мое с “Нивой” таково, что она может приложить меня и в 1914, и в 1915 году — смотря по обстоятельствам. И посему Вы правы — скоро нужно приступить к печатанию книги. Напечатаем всего 2000 экз.».

Письма (*2*). С. 276.

А.М.Горький (5 мая н. ст.) пишет А.Н.Тихонову с Капри:

«Бунин продался “Ниве” и сообщает, что теперь “не имеет права перепечатывать из старых вещей ни строки”».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 340.

А.М.Горький пишет В.М.Гнатюку по поводу сборника в память Ивана Франко:

«Но считаю нужным сообщить Вам, что славный М.М.Коцюбинский при мне говорил об этом с Ив.Буниным, и Бунин категорически обещал рукопись для сборника. Я сегодня же напомню ему это обещание, но — будет очень хорошо, если и Вы напишете ему об этом».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 341.

См.: 19 июня 1913, первая запись.

Май, 25. На дачу Ковалевского к Бунину приезжает Ю.А.Бунин.

См.: 28 мая 1913, вторая запись.

Май, 26. В московской газете «Русское слово» (№ 120. С. 4) печатается рассказ «О. Кир».

Фрагменты будущего рассказа «Чаша жизни».

Май, 27. Е.А.Ляцкий в письме Бунину рассказывает о своем конфликте с А.М.Горьким в редакции журнала «Современник».

ОГЛМТ, ф. 14, № 6231 оф.

Май, 28. В письме Н.С.Клестову Бунин просит послать его книги, выпущенные «Книгоиздательством писателей в Москве» в Общество взаимного кредита домовладельцев и земледельцев Херсонской губернии, о чем просили его директор и служащие этого Общества:

«...при О<бщест>ве, видите ли, существует библиотека и библиотеке этой “весьма лестно” иметь эти книги с моим автографом (который я должен сделать, когда они будут получены).

Аванс под рассказ для сборника <«Слово»> мне уже выдали по Вашему переводу. Удивляюсь размеру его, — уж очень он мал, — но, конечно, нисколько не в претензии. <...> Прошу только иметь в виду, что рассказ мой, как я уже неоднократно заявлял Вам всем, будет около трех листов».

Письма (*2*). С. 276–277.

Ю.А.Бунин пишет Е.Е.Юргенс с Большого Фонтана:

«Сюда я приехал три дня тому назад. <...> На днях мы думаем поплавать по Черному морю или по Дунаю с заездом в разные места. Продлится это недолго — всего недели две. Затем вернемся сюда».

Письма (*2*). С. 660.

Май, 30. А.С.Черемнов пишет А.М.Горькому:

«Он <Бунин> теперь исхудал так, что виден только в профиль, а с лица — точный пещерный угодник, но бьет ключом, как всегда, и, мне думается, все растет и растет. Будучи у меня в последний раз в гостинице, он читал свое новое, еще не оконченное стихотворение “Художник”. Пользуясь адской своей памятью, я приведу его вам <...>».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 646.

Май, 31. Н.Д.Телешов пишет Бунину из Москвы:

«Твоему решению с “Нивой” я радуюсь. Может быть, твой журавль в небе и полетит, но синица уже в руках. Поздравляю совершенно серьезно. Поступил бы нелепо, если б не доделал большого дела. Такое распространение, такое великое множество *нового* читателя никто и никогда тебе не даст. Денежная сторона обставлена блестяще».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 611.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 528. С. 2) помещается ответ Бунина на анкету «Не “прощайте”, а “до свидания”. (Наша анкета к сегодняшнему последнему спектаклю московского Художественного театра)».

В ответе Бунина говорится: «Распространяться о заслугах Художественного театра излишне, так как он давно доказал свое совершенство в области театрального искусства. <...> Художественный театр никогда не останавливался в своем развитии и все время гигантскими шагами шел вперед, завоевывая все более и более неприступные твердыни, стоявшие на его пути, чего до него никто не делал. Художественники все время находятся в постоянных исканиях, стремясь воплотить задуманное. Большей частью им это удается, и они достигают порой того, что кажется на первый взгляд совершенно недостижимым. <...> постановкой “Гамлета” они совершенно перевернули все понятия, буквально ошеломив нас созданным шедевром искусства. <...> много талантливых пьес, которые вначале не могли добиться признания публики, все же ставились Художественным театром, и всегда с блестящим успехом. Например, этим театром были поставлены все новые пьесы Чехова, при почти общем недоверии или предвзятом отношении к ним. В этом одном, по-моему, его громадная заслуга перед искусством. <...> Художественный театр вполне заслужил свое название художественного и единственного. Можно, конечно спорить о некоторых деталях постановки, можно не соглашаться с трактованием той или другой роли, но в целом Художественный театр составляет громадное историческое явление».

Также опубликованы ответы на анкету Е.Щепкина, П.Пильского, А.Федорова, С.Юшкевича, А.Богомольца.

Май. В петербургском журнале «Современник» (№ 5. С. 30) публикуется стихотворение «Художник» («Хрустя по серой гальке, он прошел...»).

Выходит бесплатное приложение к журналу «Задушевное слово» — «Жемчужины русской поэзии. Для детей среднего и старшего возраста» (Собрала М.Лемке. М.: Изд. Т-ва М.О.Вольф, [1913]. Вып. V), в котором (с. 73) помещается стихотворение Бунина «Олень» («Густой зеленый ельник у дороги...»).

В петербургском журнале «Заветы» (№ 5. Отд. II, с. 138–143) печатается статья Иванова-Разумника «Литература и общественность. Полемика».

Критик, в частности, пишет: «Бывают критические оценки, с которыми не приходится спорить, а можно с ними только соглашаться или не соглашаться. Вот, например, тот же г. Айхенвальд. Он совершенно отрицательно относится к поэзии Вал.Брюсова, видит в ней только "величие преодоленной бездарности", а поэзию Ив.Бунина ценит очень высоко. Мои критические суждения о В.Брюсове и И.Бунине совершенно противоположны этим».

В петербургском «Новом журнале для всех» (№ 5. Стб. 149) помещается рецензия В.Нарбута на книгу Ф.Жамма «Стихи и проза» (М., 1913).

Рецензент, в частности, отмечает: «Франсис Жамм нам представляется французским Буниным. То же умиротворение опустошенной души природной, та же песня об оскудевшей жизни».

Июнь, 1 (14). Д.Н.Семеновский пишет А.М.Горькому:

«Бунин мне очень нравится, он пишет просто, безыскусственно, и его всегда можно понять».

Горький. ПСС. Т. 10. С. 686.

Июнь, 2. В одесской газете «Южная мысль» (№ 530. С. 5) публикуется статья «Писатели на отдыхе». Без подписи.

В статье, в частности, сообщается: «Гостящий в Одессе академик И.А.Бунин на некоторое время устроился с семьей своей в укромном уголке дачи Ковалевского. И.А. очень доволен избранным им местом, т.к. там одновременно имеется и морской, и степной воздух, что благотворно действует на его здоровье. На даче И.А. много работает и в час отдыха он с семьей и часто посещающими его знакомыми спускается вниз к морю и долго бродит по берегу.

Сейчас И.А. занят черновой работой по изданию Полного собрания своих сочинений, приобретенных у него журналом "Нива".

Через некоторое время талантливый писатель отправится в большое путешествие и по возвращении приступит к ряду новых работ и, между прочим, к печатанию тома новых рассказов, написанных им за зиму».

Июнь, 2 или 3. Бунин с Ю.А.Буниным отправляется в путешествие по Черному морю в Константинополь, Батум.

См.: 28 мая 1913, вторая запись; 5 июня 1913; 6 июня 1913 вторая запись.

Июнь, 4. На общем собрании членов Общества деятелей периодической печати и литературы Бунина избирают почетным членом общества.

См. информационную заметку в газете «Раннее утро» (5 июня (№ 128). С. 3).

Июнь, 5. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Одессы в Константинополь:

«Дорогой, золотой, пишу первое письмо. Здорова. Ждем телеграммы от вас. Вероятно, вас качало. Погода мерзкая. Я начала брать уроки английского языка».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/96 оф.

Июнь, 6. В петербургской газете «Биржевые ведомости» (№ 13582. С. 2) помещается статья А.А.Измайлова «Литературное обозрение.

Быль и легенда под пером И.А.Бунина (“Иоанн Рыдалец” и “Худая трава”)».

Критик пишет о рассказах: «Сравнивая их, можно видеть преимущество прямой жизненной правды над областью вымысла, хотя бы и художественного. <...> Но в то время, как “Худая трава” оставляет равнодушным и просто мало занимает, — шесть страничек красивого очерка “Иоанн Рыдалец” запечатлеваются в памяти и слагаются в ней так, как слагались небольшие, но глубокие новеллы Чехова. Это — жизнь, это — правда. *Так* не сочинить.

<...> “Иоанн Рыдалец” выдержан в стиле “Суходола”, — повести, всецело возникшей на фоне воспоминаний того времени, которого сам Бунин не застал даже ребенком.

Художественная проза этого писателя-лирика в таких вещах приближается к характеру старых наших мемуаров, где от каждой страницы, иногда от каждой строчки веет жизненной правдой.

Писателю, не скупящемуся на слова, такой страницы достаточно для целой повести. Может быть, это самое ценное в новом рассказе, что он написан такими густыми чернилами. Он сжат и стиснут. Это — миниатюра. Но тем вернее она достигает цели и создает настроение. <...> В его рассказе нет лишней строки, нет ни одной диссонирующей мелочи. Рассказ “Худая трава” далек от совершенств “Иоанна Рыдальца”. У Бунина много таких рассказов из жизни современной деревни. <...> Все эти картинки, мелькающие как в калейдоскопе перед отуманенным глазом старика, <...> чужды особенной художественной силы или яркости».

Сохранилась газетная вырезка с этой статьей, на полях которой Бунин отмечает: «А именно весь “Иоанн” сочинен мною от слова до слова. Ив.Бунин».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/253 оф.

См. также: 4 октября 1913.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 532. С. 2) публикуется информационная заметка «Отъезд академика И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается: «Академик И.А.Бунин выехал в Константинополь, начав этим свое путешествие по Малой Азии. К концу лета И.А. вновь вернется в Одессу, откуда вместе с семьей, возвратится на постоянное жительство в Москву».

Июнь, 7. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой, золотой Ян мой, послала тебе закрытку с почты, т.к. вспомнила там, что в четверг отходит пароход в Константинополь. Сейчас напишу всё пообстоятельнее. Чувствую себя хорошо: все боли прошли, хотя занимаюсь почти весь день. <...>

Сегодня взяла второй урок у англичанки. К моему удивлению, я с ней объясняюсь, Берлиц помог, читаем пока легкий роман, очень многое понимаю и рассказываю ей, затем она сделала диктант и, вообрази, я написала его хорошо. Вообще, я думаю, если всё будет благополучно, то через три месяца я буду в состоянии сопровождать тебя в качестве переводчика во все английские страны. А через месяц начну для тебя переводить поэтов: Теннисона, Лонгфелло. Кроме

того, для меня отдых заниматься с ней. Деньги на языки у меня найдутся. Да и нужно пользоваться, когда еще будем жить так долго на одном месте. <...>

Прочла пол книги Лоти “Matlot” по-французски, читаю совершенно, как по-русски. <...> Мне это произведение очень нравится <...>. И как он пишет по-своему! Жаль, что ты не приучил себя читать по-французски, — какое это наслаждение. По-итальянски читаю со словариком. <...> И испытываю удовольствие. Не остается ни одной неясной фразы. Я думаю, если лето пройдет для меня счастливо, то я овладею, по крайней мере, для чтения и итальянским языком. Флобер тоже подвигается, к твоему приезду в ящике, отведенном для моих рукописей, будет лежать, Бог даст, вся I часть и немного второй. Готовься! <...>

Беспокоит меня лишь твой живот. Как бы я бы<ла> счастлива, если ты по приезде стал бы внимательно относиться к нему».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/162 оф.

В газете «Голос Москвы» (№ 130. С. 2) помещается шарж «И.А.Бунин» работы художника Мака.

Июнь, 4 (17) — 7 (20). Бунин с Ю.А.Буниным посещает Батум, Трапезунд, Керасунд, Самсун.

Письма (2). С. 281.

Июнь, 8 (21). Бунин посылает из Самсуна открытку Н.С.Клестову: «Скоро возвращаюсь под Одессу. Шлю малоазиатский привет»

Письма (2). С. 277.

Июнь, 9. Выходит № 23 московского журнала «Рампа и жизнь», в котором (с. 7) помещается шарж на Бунина работы художника Мака.

Июнь, 9 (22) — 10 (23). Братья Бунины посещают Инеболи и прибывают в Константинополь.

Письма (2). С. 281.

Июнь, 10. А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«“Отец Кир”, несомненно, — фрагмент нового романа Бунина. Этот поп наделает, пожалуй, больших делов, не ручаюсь за его поведение, чего доброго, употребит кого-нибудь в принудительном порядке. Очень уж здоровенный попище. Как хорошо это, что у него коричневые зубы и что в него влюбляются девицы с тугими икрами <...>.

Я тоже пишу прозу. С непривычки стыдно и страшно. Все хочется погуще и выходит густо, как застывший гуммиарабик.

Горький прислал письмо <неизвестно> <...>. Чтобы скрасить его безрадостное существование, я послал ему вашего “Художника”. Пусть старик поплачет. А вы больше не будете читать мне ненапечатанных стихотворений. Я запомнил его от первой до последней строки. Что из этого следует? Что оно переживет нас с вами и дождется дней, когда люди научатся понимать и любить хорошие стихи <...>.

Пишите же, милый генерал, когда думаете приехать, ведь у меня на шее Кисловодск, а вас мне хочется пуще Кисловодска, ей-же Богу, не лгу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/9 оф.

См.: май 1913, первая запись.

Июнь, 11 (24). Из Константинополя Бунин пишет А.М.Горькому:

«Дорогой друг, перед отъездом из-под Одессы получил Ваше письмо <неизвестно> – и за сборами не успел ответить. <...>

Я с братом Юлием немножко потаскался по Малой Азии. Теперь мы направляемся через Румынию домой, т.е. под Одессу».

Письма (2). С. 277.

В ответ на «горестное письмо» Е.А.Ляцкого об окончательном уходе А.М.Горького из редакции журнала «Современник» Бунин пишет:

«...ах, русичи, русичи! Ничего-то у нас не выходит! В каком же положении дело теперь?».

Письма (2). С. 278.

См.: 27 мая 1913.

Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«Дорогой друг, Вера сообщает о твоем письме, о твоем поздравлении. Целую, благодарю и кланяюсь Елене Андреевне и тебе из этого любимого моего города. Я немножко потаскал Юлия по Малой Азии <...>.

Жара в этой самой Азии идольская!»

Письма (2). С. 278.

См.: 31 мая 1913, первая запись.

А.В.Амфитеатров пишет А.М.Горькому из Феззано:

«Говорил мне Зина, что Вы пребываете в хроническом восторге от Бунина. <...> А народа он не любит — все врет, и на народ врет, и на язык врет... Если бы таков был народ, как его Бунин пишет, то только и оставалось бы молить небеса, чтобы пришли немцы и обтесали эту уродскую массу завоеванием: авось, на людей хоть сколько-нибудь станут похожи...».

ЛН. Т. 95. С. 430.

Июнь, 5 (18)...11 (24). Бунин делает вольный перевод десяти отрывков из поэм Саади «Гулистан» и «Бустан» — «Персидская мудрость». Авторская дата: «Трапезунд — Стамбул. Июнь 1913 г.»

Границы события определены по времени путешествия Бунина по указанным в авторской дате городам.

См.: 29 сентября 1913.

Июнь, 12 (25). В.М.Гнатюк пишет Бунину из Львова:

«Покойный украинский писатель М.Коцюбинский имел просить Вас от имени Комитета по составлению юбилейного сборника в честь 40-летней литературной и общественной деятельности Ивана Франко принять участие в этом сборнике. <...> беру на себя смелость, посылая Вам печатное приглашение Комитета, просить Вас от имени Комитета прислать по моему адресу хотя бы незначительную вещицу для упомянутого сборника. Мы напечатаем ее в оригинале и этим покажем воочию, что украинцы относятся к Великороссии дружественно, а отнюдь не враждебно, как это старается инсинуировать некоторая часть печати. <...> Все украинцы будут очень рады видеть и Ваше произведение в сборнике в честь своего национального пионера».

Рад. літ. 1957. № 4. С. 134–135.

В газете «Одесские новости» (№ 9046. С. 6) в бесплатном иллюстрированном приложении перепечатывается из журнала «Рампа и жизнь» шарж на Бунина работы художника Мака.

См.: 9 июня 1913.

Июнь, 12 (25) – 13 (26). Братья Бунины посещают Констанц, Бухарест, Яссы, Кишинев.

Письма (*2*). С. 281.

Об этом путешествии см. статью Ю.А.Бунина «По берегам Анатолии. (Из путевых заметок)» (Столичная молва. 1913. 2 сент. (№ 325). С. 2).

Июнь, 14. Бунин с Ю.А.Буниным возвращается в Одессу.

Ю.А.Бунин в письме Е.Е.Юргенс сообщает:

«Сегодня, дорогая моя, я вернулся из поездки по Черному морю. Хотел послать тебе письмо из Константинополя: приема заказных писем в день нашего приезда уже не было, а оставаться дольше было нельзя, так как у Вани образовался нарыв в горле, и пришлось очень спешить с дальнейшей поездкой. <...> Остановки в пути были небольшие, но мы все же смогли осмотреть несколько турецких городов на малоазиатском берегу».

Письма (*2*). С. 662.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки, приглашая приехать в гости:

«Сил моих нет, как мне хочется вас видеть. Только с вами я становлюсь умным человеком и чувствую себя писателем, вдали же от вас и долго вас не видя, я делаюсь глупее всякого Дмитрия Цензора. Ах, милый, славный, как это жалко, что вы — человек бездомный и одержимый манией скитания. Вам надо жить в центре и чтобы все молодые поэты ходили бы к вам по субботам как во время оно мужички в волостное — “сечься”».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 646–647.

Июнь, 15. В иллюстрированном приложении к одесской газете «Южная мысль» (№ 540. С. 2) помещается шарж на Бунина художника Мака.

Очевидно, перепечатка из газеты «Голос Москвы» или из «Рампы и жизни». См.: 7 июня 1913; 9 июня 1913.

Июнь, 17. В письме Н.С.Клестову Бунин просит послать все его книги, выпущенные «Книгоиздательством писателей в Москве» в Библиотеку имени Л.Н.Толстого в Риме.

Письма (*2*). С. 278.

Июнь, 18. Н.Д.Телешов пишет Бунину из Малаховки:

«Читал сегодня в газете, что тебя и Короленко и “прочих” приложат <к журналу “Нива”> в 1914 году. Недурная компания. Вот деревню-то когда точно в стереоскопе увидим: и с левого глаза, и с правого; какой глаз ни закрой — все выходит односторонне, а гляди в оба — картина с “воздухом”.

Все это очень хорошо и мне нравится».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 612–613.

Позднее Полное собрание сочинений Бунина решено было приложить к «Ниве» в 1915 г.

А.М.Горький (1 июля н. ст.) пишет Г.Д.Гребенщикову с Капри:

«Я не убеждал Вас “любить” Бунина, но советовал Вам учиться у него знанию русского языка, ибо Вы этот язык знаете плохо».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 13.

Июнь, 14...18. Бунин пишет Н.Н.Лепетичу, сообщая о конфликте А.М.Горького с редакцией журнала «Современник».

Письмо неизвестно. См.: 20 июня 1913.

Июнь, 19. В ответном письме В.М.Гнатюку Бунин «с величайшим удовольствием» соглашается принять участие в сборнике в честь 40-летия литературной и общественной деятельности Ивана Франко:

«радуюсь возможности посильно выразить свое уважение писателю того народа, искренним другом которого я всегда был».

Письма (*2*). С. 278.

В сборнике «Привіт Іванови Франкови в сороколітє його письменської праці (1874–1914)» (Львів, 1916) произведений Бунина нет.

В письме Н.С.Клестову Бунин пишет о своей новой книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг.»:

«Назову книгу — это уже *почти* установлено — весьма просто: *Ив.Бунин. Рассказы 1912–1913 г.* Вот и все.

Пожалуйста, немедля приступите к приготовлениям к печатанию книги. Нужна бумага верже — хочу всю книгу напечатать так, как были напечатаны авторские экземпляры “Суходола”, — *всю на этой бумаге.* Печатать надо всего 2000 экз. Ведь если понадобится больше — не беда, матрицы-то останутся.

Рукопись, т.е., вернее, материал, вышлю непременно *на днях.* В самом деле, очень пора печатать. Корректуру (вторую) буду читать сам.

А как дела со сборником < “Слово”>?»

Письма (*2*). С. 279.

Июнь, 20. Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева:

«Милый Иван, получил твое письмецо <неизвестно>. По самому началу, значит, и совершенно непредвиденно не повезло мне. И нужно же было этому редактору <...> заводить ссору с Горьким. <...> Ну что ж, — значит не судьба! Самолично я посылать стихов в “Современник” не стану. Без твоей солидной рекомендации — не дерзну. Подожду лучше подходящего случая. На днях буду в Одессе и с удовольствием посмотрю на тебя».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/7 оф.

См.: 17 апреля 1913, первая запись.

Июнь, 21. Н.Н.Лепетич в открытке сообщает Бунину:

«В воскресенье <23 июня> приеду на Большой Фонтан и привезу стихи, если только ты не будешь сильно ругаться, как в прошлом году в гостинице — помнишь?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/8 оф.

Июнь, 23. Бунин встречается с Н.Н.Лепетичем, читает его стихотворения.

См.: 21 июня 1913.

Июнь, 26. И.А.Белоусов пишет Бунину из Москвы:

«Высылаю тебе № “Пути”. Я решил развязаться с этим делом и отдал его молодежи. До конца года журнал будет выходить под моей редакцией, а там видно будет.

Ах, вот о чем я хотел тебя спросить: не знаешь ли ты что-нибудь о Горьком? Газеты сообщают, что он возвращается в Россию, — правда ли?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 38.

Июнь, 28. Бунин сообщает в письме Н.С.Клестову, что послал ему треть материала своей новой книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«Набирайте. Остальное — на днях.

Видел в кн<ижных> магазинах две книги под *нашей* обложкой — Елпатьевского и Златовратского. По внешности, это — совершенный позор! Что это, вообще, творится у нас! И кто же, в конце концов, хозяева? — Не понимаю, кстати сказать, отчего Вы мне не присылаете наших новых книг?

Напишите о положении сборника <“Слово”>».

Письма (*2*). С. 279–280.

Речь идет о книгах: Елпатьевский С.Я. Крымские очерки. М., 1913; Златовратский Н.Н. Избранные рассказы для юных читателей. 2-е изд. М., 1913.

Июнь, 30. В петербургской газете «Современное слово» (№ 1965. С. 2) публикуется статья А.Ожигова «Литературные мотивы».

Разбирая в статье «Повесть о днях моей жизни» И.Вольнова, критик, в частности, пишет: «За последние годы нам приходилось отмечать целый ряд произведений, которые вскрывали смело и беспощадно самое нутро современного деревенского развала, которые объективно и бесстрастно нарисовали нам облик мужицкой беспутной тьмы, среди которой гибнет и глохнет все живое в русской деревне. И среди таких писателей первое место до сих пор занимал талантливый И.Бунин, сосредоточивший в последнее время свое творчество преимущественно на деревенской жизни.

Повесть Ив.Вольнова при своем появлении в журнале <“Заветы”>, привлекла большое внимание и возбудила даже ряд весьма пламенных надежд на автора. Высказывалось мнение, что “Повесть о днях моей жизни” выше бунинской “Деревни”. <...>

В таких отзывах, несомненно, слишком много преувеличений. Чтобы затмить г. Бунина, нужно проявить слишком много положительных данных, нужно заявить себя слишком богатым художником, нужно обладать обширным активом талантливости».

Июнь, конец. Бунин посылает И.Л.Толстому, очевидно, газету «Русское слово» от 26 мая с рассказом «О. Кир» и письмо.

Письмо неизвестно. См.: 3 июля 1913, пятая запись.

Июль, 1. Бунин посылает А.П.Иващенко в редакцию газеты «Утро России» письмо, в котором сообщает:

«...в своих последних письмах ко мне Алексей Максимович ничего не говорит о своем приезде в Россию».

Письма (2). С. 280.

Июнь, 30 или Июль, 1. Бунин в открытке сообщает Н.Н.Лепетичу, что его стихотворение «Апрель» напечатано в № 6 журнала «Современник».

Письмо неизвестно. См.: 3 июля 1913, четвертая запись.

Июль, 2. В письме Бунин спрашивает А.М.Горького:

«Правда ли, что едете в Россию? Правда ли, что Вы — редактор “Просвещения”? (Кстати, где мои стихи — “Матрос” и “Конь Святогора”?) Меня осаждают расспросами о Вас. <...>

Перечитал “По Руси”, о чтении над покойником. Ах, хорошо! Крупный конь и поэт шагает!»

Письма (2). С. 280.

См.: апрель 1913, первая запись; 24 июля 1913; 18 августа 1913, первая запись.

В ответ на неизвестное письмо Н.С.Клестова Бунин пишет об издании своей новой книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«“Перевал” <М., 1913> у меня есть, бумага его мне не нравится — прилична, но адски бедна. Неужели нельзя достать “верже”, неужели это очень удорожит издание? Да если бы и удорожило — что за беда! Ну получу немного меньше... Сделайте милость, похлопочите о хорошем и по-человечески сброшюрованном издании!»

Письма (2). С. 280–281.

Бунин пишет А.С.Черемнову, извиняясь за долгое молчание, о своем путешествии по Черному морю, с сожалением отказывается от приглашения приехать вновь в имение Черемнова Клеевка:

«А Вам, по-моему, надо безвыездно сидеть в этой самой Клеевке: пора, дорогой, пописать толком, — сотый раз говорю это! Дай Бог успеха в прозе — и не бойтесь густоты: стихотворцу без этого не обойтись.

Новостей у нас нету. Живем тихо, благородно. У нас Юлий, брат Веры — Павлик, Николай Андреевич — отец ее <...>. За похвалы “Киру” — спасибо. Что будет с ним — это пока секрет изобретателя.

Неужели и правда, что Вы “Художника” запомнили? Чудо природы Вы, да и только, — девятое чудо! А Горький что-то примолк».

Письма (2). С. 281.

Июль, 3. Бунин фотографируется на даче под Одессой.

На обороте фотографии Бунин помечает: «3 июля 1913 г. Дача Ковалевского».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 162, л. 7.

Воспроизведено: *ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 371.

См.: 10 июля 1913, первая запись.

В.М.Гнатюк (16 июля н. ст.) пишет Бунину:

«Позвольте принести Вам глубокую благодарность как от себя лично, так и от имени всего комитета за обещанную Вами работу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3024 оф.

См.: 19 июня 1913, первая запись.

В.Е.Ермилов пишет Бунину из Москвы:

«...позволяю себе обратиться к Вам с просьбой, согласно Вашему любезному разрешению, — с просьбой — уделить иной раз полчасика, часик, и поделиться сокровищами Вашего великого таланта с юной аудиторией, с детьми. Я с проф. А.В.Цингером готовлю хрестоматию для сельской школы, — для детей 8 и 9 лет, — для деревенских ребятишек, которых Вы так хорошо знаете, понимаете, которых Вы так любите. <...>

Что это будет? Побасенки, басенки, сказочки, в прозе, в стихах (лучше бы — в прозе), рассказцы, анекдоты, коротенькие характерные разговорцы, шутки, прибаутки и т.п.

Только один писатель у нас до сих пор писал подобные вещицы для крестьянских ребятишек, это — Лев Толстой. <...> сказки для детей писал Мамин-Сибиряк <...>.

Я счастлив, что получил обещание сотрудничества от Бальмонта и Куприна <...>.

Помните, Вас будут читать с умилением, с наслаждением искренним, неподкупным <...>. И за все это издательство (“Московское издательство” — богатое) будет платить Вам по расчету 500 руб. лист. <...>

Впечатления ребенка при этом драгоценны. Особенно драгоценны были <бы> воспоминания о впечатлениях Вашего детства».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3028 оф.

Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева:

«Только что получил твое открытое <письмо>. Спасибо, милый, за приятное сообщение. Несмотря, значит, на некоторые осложнения, с легкой руки твоей, мне все-таки повезло. И литературная слава моя, по первому дебюту, не была омрачена ничем. В здешней некультурной дыре нигде книжки “Современника” не нашел пока. <...> К 8–9-му июля приеду снова и приду к тебе. Целую твои бледные и ввалившиеся гуски — преданный и благодарный тебе. Твой Тич».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/6 оф.

И.Л.Толстой пишет Бунину из имения Мансурово Калужской губернии:

«Я несказанно обрадовался Вашему письму. <...> Как досадно, что Вы хворали! Сочувствую Вам, ибо я сам болею с тех пор, как мы с Вами расстались». Приглашает приехать в гости: «Жена и я были бы очень рады, если бы Вы приехали с супругой, да не на один день, а сколько поживется. Но... *с непременным* условием предварительно списаться телеграммами. Ибо я человек подвижной, могу улетучиться. А если Вы не застанете меня, я, узнав, что Вы были без меня, сейчас же повешусь. Рассказ Ваш прочла сначала моя жена и расхвалила, а потом я. Спасибо за присылку его, ибо я иначе пропустил бы его, т.к. газет здесь не получаю. Написано превосходно. Стильно и с чувством меры. Трудно в такой небольшой рамке удержаться

от эффекта, — не приплести какой-нибудь фабулы — и в этом большая заслуга вкуса».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 214, л. 1–2.

См.: конец июня 1913.

Июль, 5. В московской газете «Утро России» (№ 154. С. 4) печатается заметка «Возвращается ли М.Горький в Россию?», в которой приводится ответ Бунина.

См.: 1 июля 1913.

В петербургской газете «Новое время» (№ 13402. С. 4) публикуется статья А.А.Бурнакина «Литературные заметки. Современное народничество».

Критик пишет: «Литературный обоз опять сворачивает на деревенский проселок, беллетристика опять возвращается к идеализации народа. Во главе идет “кающийся дворянин”, Иван Бунин. Рассказ за рассказом отрекается он от прежних поклепов и находит в народе все новые достоинства. Вот недавний бунинский рассказ “Худая трава” (“Современник”, кн. 4) – жуткая и трогательная картина мужицкой смерти, и в этой картине новое подтверждение перелома в писателе. Ничего похожего на то, что изображалось в “Деревне” и “Ночном разговоре”, не тот тон, совсем иное отношение: черное стало белым, отрицательное положительным, недоверие сменилось благоговением, писатель перестроил свою лиру, перевернул свою психику, уже нет брюзги, насмешника, укорителя, на лице Бунина — доверие, сочувствие, умиление. Раньше мужик казался Бунину дикарем, зверем, выродком, теперь писатель видит в мужике человека, мудреца, святого, видит и радуется своему прозрению. Основной тон новейших рассказов Бунина – умиление, удивление перед народом. Теперь народ очаровывает Бунина во всех положениях, состояниях, случаях. <...> Интерес писателя сосредоточился на другом, — от безрадостных внешних наблюдений Бунин переходит к созерцанию внутренней жизни народа, вступает в величественный храм народной души. <...> В крошечном рассказе “Илья Пророк” (“Современный мир”, кн. 3) тема народного суеверия не только опоэтизирована, но и рассказана с явным сочувствием народному пониманию, с глубоким уважением к воззрениям народа. Разговор Ильи пророка с мужиком Семеном <...> драматично и кратко воплощает трезвую и мудрую психику народа, в этом стильном выражении деревенского поверья каждое слово на вес золота. Прозревший, переменившийся писатель даже и в тему убийства вносит теплое проникновение и благостным оком взирает на преступника, видя в нем только запуганного и доведенного до отчаяния человека (“Преступление”, “Современник”, кн. 1). Или вот перед Буниным деревенский кулак (“Князь во князьях”, “Вестник Европы”, кн. 3), — кажись, уж с подобным типом можно было бы и не церемониться, но и тут симпатии писателя на стороне мужика, — кулак благожелательно изображен в противовес разлагающемуся дворянству. В рассказе же “Иоанн Рыдалец” (“Вестник Европы”, кн. 4), о котором мне уже приходилось говорить, ясно слышатся ноты патетизма, благоговения перед народом. <...> Многое, конечно, зависит от настроения самого писателя. Бунин все-таки нытик, в его творчестве есть что-то болезненное,

какой-то надлом, острое разочарование в жизни вообще, потому в его народолюбии преобладает пессимизм, потому тяготеет Бунин к изображению страдания, разложения, смерти. Пронизанный влиянием Толстого, Бунин сосредоточивает свои силы на реализме народного страдания, и то затушевывает просветы жизни, то просто не видит их. Его народолюбие, прежде всего, скорбь о народе, правда, скорбь без осуждения, но все же скорбь».

См.: 5 апреля 1913, вторая запись.

Июль, 8. Бунин пишет Н.С.Клестову о своей новой книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«Посылаю гранки. Ни тот, ни другой шрифт меня не удовлетворяют вполне. Каким набран “Иоанн”, изящнее, *спокойнее* и *яснее* для чтения, чем шмелевский (хотя и кажется шмелевский ярче). Но не чересчур ли он сер и — главное — мелок? Все — и брат, и Федоров, и Яблочков, и Нилус, и многие другие, — советуют все-таки предпочесть его (то есть *не* шмелевский). А я запутался. Не знаю что выбрать. Решите Вы. И вообще еще раз очень прошу Вас — сделайте хорошую, ладную, красивую книгу (но сколок с “Суходола”) — и не жалейте денег на бумагу, на краску и т.д.

А что же Вы ничего не сказали про заглавие книги? “Иоанн Рыдалец” — это очень дико?»

Письма (2). С. 282.

Июль, 10. В бесплатном иллюстрированном приложении к газете «Одесские новости» (№ 9070. С. 5) помещается фотопортрет Бунина, сидящего в кресле в полосатом костюме, с бритой головой. Под фото напечатано: «Почетный академик И.А.Бунин на отдыхе в Одессе. (Фот. И.И.Эллинкриг, Дерибасовск., 26)».

См.: 3 июля 1913, первая запись.

Е.А.Ляцкий пишет П.Е.Щеголеву по поводу публикации стихотворений Бунина в журнале «Современник»:

«Посылаю Вам письмо Бунина*, — по-видимому, почувствовал новый курс, иначе — оно непонятно»

*Бунин просит, если не напечатаны его стихи в июне, вернуть их ему. Это очень нам кстати».

ГЛМ ОР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 603.

Июль, 14. В.С.Миролюбов пишет Бунину из Петербурга:

«Собираюсь с осени налаживать дешевый журнал. Надеюсь на помощь друзей-писателей. Денег очень мало: только начать. Все ищу, но напрасно.

Попомните обо мне и дайте для первых книжек что-нибудь небольшое. Да не дорожитесь, возьмите подороже с тех, у кого есть деньги. <...> От “Зав<етов>” пока отошел, хоть и с болью в сердце. Много было с ними хлопот».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/14 оф.

См.: 8 сентября 1913.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 565. С. 2) печатаются интервью под общим заголовком «Рыцарь общественности. 60-летний юбилей В.Г.Короленко». Подпись: А.А.

Бунин вспоминает о своих встречах с писателем: «Встречаться с Короленко я <...> не мог часто, так как всем известно, что Владимир Галактионович в широких литературных кругах не появлялся и держался исключительно в тесном кругу литераторов из “Русского богатства”.

Все же кое-когда у Владимира Галактионовича я бывал.

Жил он в Петербурге, возле Греческой церкви, в деревянном двухэтажном доме с мезонином <...>.

В длинные петербургские вечера я забирался к Владимиру Галактионовичу, с которым мы долго и много беседовали на литературные темы.

Однажды, помню, мы целый вечер говорили о Толстом.

Владимир Галактионович говорил о Толстом с благоговением.

Слушая его, я упивался и тонким анализом учения Толстого, и образностью речи Владимира Галактионовича.

Помню, в этот вечер Короленко подарил мне свою книгу, на которой сделал надпись: “Вечер. Пески. Долгие разговоры”.

Затем с Владимиром Галактионовичем я встречался в Москве. <...>

Радуешься тому, что он живет и здравствует среди нас, как какой-то титан, которого не могут коснуться все те отрицательные явления, которыми так богаты наша нынешняя литература и жизнь.

Когда жил Л.Н.Толстой, мне лично не страшно было за то, что творилось в русской литературе.

Теперь я тоже никого и ничего не боюсь: ведь жив прекрасный, непорочный Владимир Галактионович Короленко!..».

Здесь же опубликованы ответы Д.Н.Овсянико-Куликовского и А.М.Федорова.

Июль, 15. Бунин посылает В.Г.Короленко поздравительную телеграмму в связи с 60-летием писателя:

«От души желаю еще многих лет, столь же славных и прекрасных».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 378.

Июль, 17. В петербургской газете «День» (№ 189. С. 2) в числе прочих опубликована поздравительная телеграмма Бунина к В.Г.Короленко по случаю его юбилея.

См.: 15 июля 1913.

Июль, 18. В ответ на неизвестное письмо В.В.Каллаша, который просил Бунина написать статью о М.Ю.Лермонтове для Полного собрания сочинений поэта в 6 томах, издаваемого к 100-летию со дня его рождения, Бунин пишет:

«...нет минутки свободной <...> просто беда! А написать о Лермонтове кратко, хорошо — величайший труд, я ведь не модернист, не борзописец. Главное — когда это нужно дать? Черкните».

Письма (2). С. 282.

Бунин не писал статьи о М.Ю.Лермонтове.

Узнав из письма Н.С.Клестова (неизвестно), что в 1-м сборнике «Слово» не будет произведений Б.К.Зайцева, А.М.Горького, Бунин пишет ему:

«Значит — сборник сядет. Состав нищенский, а для первого сборника он должен был быть — блестящий. У, проклятие!

Начали печатать сборник? Что первое идет? Статья Вересаева? А за ним кто? Нужно по алфавиту — меня. Известите — когда присылать.

А как моя книга <«Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг.»>? Что примолкли? Жду. Очень беспокоит меня шрифт».

Письма (*2*). С. 282–283.

Июль, 20. Из редакции газеты «Русское слово» телеграфируют Бунину:

«Очень просим подарить наших читателей маленькими новеллами сердечный привет».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 314, л. 5.

Июль, 21. В одесской газете «Южная мысль» (№ 571. С. 3) помещается статья-интервью А.С.Ходоровского «Писатели на отдыхе». Подпись: А.Ард.

Автор статьи сообщает, что Бунин живет на даче под Одессой вместе с братом Ю.А.Буниным, поблизости живут А.М.Федоров, Г.А.Яблочков, Д.Н.Овсянико-Куликовский. «Больше всех, по-видимому, тянет к морю И.А.Бунина, которому нужно тепло юга, но которому так не хочется расставаться с Россией.

— Здесь в Одессе, я все-таки в России, — сказал нам с улыбкой И.А.Бунин, когда мы на днях у него побывали. — Мне надоела заграница. Я даже думаю и зиму провести в России. Ведь я целый ряд зим живу все за границей. А при всех иностранных прелестях культуры меня все-таки тянет домой.

Вспоминаю свое пребывание на Капри.

Сидишь среди очаровательной природы, которая дает все, что только может создать природа; но вот подберется что-то к сердцу, начнет тихо, украдкой щемить — и тебя вдруг потянет в какой-нибудь русский Муром или Козлов... Мы, русские — неисправимые “патриоты”...

В Одессе И.А.Бунин массу работает.

Сейчас писатель спешит закончить вещь <рассказ “При дороге”> для сборника, издаваемого группой русских писателей.

— Много времени отнимает у меня и чисто техническая работа, — сказал нам, между прочим, писатель. — Сейчас я редактирую полное собрание своих сочинений, которое дает в виде приложения “Нива”.

Также необходимо мне просмотреть и новую свою книжку <“Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.”>.

Это для меня — очень большая работа.

Так внимательно нужно проследить всякую деталь, всякую мелочь.

Ведь когда книжка вышла уже в свет, тогда каждый промах больно режет глаз...

Свободное время И.А.Бунин проводит в беседах с Г.А.Яблочковым.

— Очаровательный, интересный человек Георгий Алексеевич, — отозвался о Яблочкове И.А.Бунин. — Вот настоящий, чуткий, глубокий, наблюда-

тельный и умный писатель. Как настоящий талант, он тихий, ушедший в себя...

Может быть, потому его мало знает широкая публика».

Псевдоним раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 537.

Июль, 23. Бунин пишет Н.С.Клестову, что хорошо бы выпустить в «Книгоиздательстве писателей в Москве» книгу А.М.Горького, а также пишет о своей книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«Заглавие – “Иоанн Рыдалец” – пока оставьте. Наберите, а я при корректуре подумаю. Жду ее.

Рассказ <“При дороге”>для сборника готов. На днях пришлю.

Книгу для школ составить? Если думаете, что можно, что пойдет — чудесно! Составляйте, составляйте, я пока очень занят, а потом примкну к Вам».

Письма (*2*). С. 283.

Июль, 24. Из редакции петербургского журнала «Современник» П.Е.Щеголев сообщает Бунину:

«Евг.Александр.Ляцкий сообщил нам, что Вы просите не печатать Ваших стихов “Конь Святогора”. Они уже были набраны, но в исполнении Вашего желания сняты из июльской книги, к большому нашему сожалению. Надеемся, что впредь не оставите нас своим сотрудничеством».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 319, л. 2.

Июль, 26. Бунин читает «Былое и думы» А.И.Герцена.

Ю.А.Бунин уезжает с дачи Ковалевского в Москву.

Бунин записывает в дневнике: «Нынче уезжает Юлий. А наступила дивная погода. Страшно жалко его.

Каждое лето — жестокая измена. Сколько надежд, планов! И не успел оглянуться — уже прошло! И сколько их мне осталось, этих лет? Содрогаешься, как мало. Как недавно было, напр., то, что было семь лет тому назад! А там еще семь, ну, 14 — и конец! Но человек не может этому верить.

Кончил “Былое и думы”. Изумительно по уму, силе языка, простоте, изобразительности. И в языке – родной мне язык — язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени».

Дневники. Т. 1. С. 133–134.

Июль, 27. Бунин спрашивает в письме Н.С.Клестова о 1-м сборнике «Слово»:

«...если сборник еще не начали печатать, то я пришлю немедленно свой рассказ — с тем, чтобы он шел на первом месте, после вступительной статьи Вересаева об Аполлоне. Если же уже начали, то я хочу быть в самом конце и тогда не буду торопиться посылать. Жду ответа».

Письма (*2*). С. 283.

Июль, 28. В московской газете «Русское слово» (№ 174. С. 3) печатается рассказ «Хороших кровей».

Июль, 29. В письме И.А.Белоусову, укоряя себя за свой «недостаток» не отвечать сразу на письма, Бунин пишет:

«...ничего я не изменился, если не считать, что я работаю последние годы вдесятеро больше прежнего и — в отчаяние прихожу, как коротки дни и годы! <...> Знаю и то, что ты никак не поверишь тому, что строчу и читаю я, — больше, конечно, чем строчу, и все далеко не пустяки, не просто для времяпрепровождения, — буквально с утра до вечера, а отдыхаю и гуляю с обалделой головой. <...> Ну вот тебе и все причины моего молчания, и не выдумывай ты иных».

Письма (*2*). С. 284.

Бунин пишет П.Е.Щеголеву в журнал «Современник»:

«...очень извиняюсь, что наделал Вам хлопот, если б я знал, что стихотворение уже набрано, не стал бы беспокоить Вас. Постараюсь в ближайшем будущем чем-либо возместить его».

Письма (*2*). С. 284.

См.: 24 июля 1913.

Июль. Выходит бесплатное приложение к журналу «Задушевное слово» — «Жемчужины русской поэзии. Для детей среднего и старшего возраста» (Собрала М.Лемке. М.: Изд. Т-ва М.О.Вольф, [1913]. Вып. VII), в котором (с. 97–98, 110–111) помещаются два стихотворения Бунина «После дождя» («Все море — как жемчужное зерцало...»), «То разрастаясь, то слабея...».

В петербургском журнале «Современник» (№ 7) печатается статья В.Л.Львова-Рогачевского «Символисты и наследники их», в которой, в частности, говорится о поэзии Бунина.

Критик пишет: «Адамизм-акмеизм Сергея Городецкого и Н.Гумилева только подчеркнул значительность того явления, которое мы давно уже наблюдаем: в среде начинающих молодых поэтов замечается поворот от Валерия Брюсова к поэзии Ив.Бунина (я дал о нем статью в моей книге “Снова накануне” 1913 г., изд. “Моск. тов. писателей”. — *Прим. автора*), юбилей которого был отпразднован в прошлом году. Ив.Бунин в годы расцвета символизма шел своей дорогой, не пугаясь обвинений в прозаизме, на которые так щедры были “Золотое Руно” и “Весы”. Этот серьезный поэт-реалист давно уже, как “Новый Адам” дал имена вещам, давно достиг вершины (акме) творчества. Он возвратил стихам пушкинскую ясность и строгую сдержанность, он показал всю красочность, всю благородную силу русского языка. В свою поэму запустения, в свой степной пейзаж он сумел вложить какую-то стыдливую нежность и родную грусть.

Его сжатый, строгий, прекрасный язык трепещет жизнью, его образы согреты сдержанной любовью к родному.

Мастер эпитета, проникающий в интимную жизнь вещей, если можно так выразиться, Ив.Бунин в свои образы внес глубокий смысл и сообщил им движение.

В поэзии Ив.Бунина каждый штрих, каждая черточка, каждый эпитет рождаются впервые и выхвачены из жизни, а не из сборников французских поэтов.

Огромное влияние Ив.Бунина можно проследить в поэзии Владимира Эльснера <...>. Черемнов, <...> Всеволод Кожевников <...>, поэт Федоров, Владимир Нарбут и т.д., и т.д., все воспитались на стихах Ив.Бунина.

Ив.Бунин позвал поэта к земле, а не адамисты. Это надо признать.

Поэзия Бунина устанавливает порванную связь с поэзией Пушкина, говорит о новой победе реализма. Только люди, ослепленные кружковщиной, могут замалчивать значение творчества Ив.Бунина для будущего русской поэзии.

После пряности, искусственности, утонченностей и экзотизма модернистов — изящные, простые и правдивые стихи Ив.Бунина вас радуют, они утоляют жажду, как “родник живой и звонкий” в знойный день. В стихах Ив.Бунина нет рабства перед вещами, нет грубого натурализма, нет преклонения перед фактом. Его стихи напоминают нам рассказы А.П.Чехова, в которых образы всегда живут внутренней жизнью. <...>

Для А.П.Чехова, как и для Ив.Бунина, не пропала даром работа целого поколения. Они знают, что “писать по старинке нельзя”. Их образы живописуют, но и настраивают и открывают “просветы” в даль. Здесь чувствуются зачатки нового реализма, который использует огромную работу поэтов-символистов и не будет заниматься перегибанием палки в другую сторону» (с. 305–307).

Август, 1. Бунин пишет Н.С.Клестову о своей новой книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«...заглавие я решил оставить все-таки “Иоанн Рыдалец” — по первому рассказу. Шрифтами обложки и титула я недоволен. Пусть тиснут в одну строку и мельче. А еще вот какой проект: не сделать ли нам обложку *белую* и на ней поставить мой автограф, а остальное набрать и поставить в том виде, как на прилагаемом листке. Марку же издательства прилепить на загривок. *Я бы очень хотел сделать именно такую обложку.* Жду Вашего совета или утверждения. <...>

Корректуру выслал. Завтра шлю остальной материал».

Письма (2). С. 285.

Август, 6. Бунин посылает Н.С.Клестову рассказ «При дороге» для 1-го сборника «Слово» и пишет ему:

«...посылаю рукопись для сборника. Идти она должна в самом конце его. Необходима корректура — в двух экземплярах.

Очень нужны деньги <...>. Я получил авансом 300 р. Дайте еще столько же. *Если возможно.* Пожалуйста. Я не ожидал, что у меня будет такое плохое лето».

Письма (2). С. 285.

Август, 7. Н.Н.Лепетич пишет Бунину из Николаева:

«Кругом по городу: в витринах магазинов, в кондитерских и пр. — иллюстрированные широковещательные рекламы о субботнем <10 августа> приезде сюда из Одессы литературных знаменитостей — академиков и прочих близких сердцу моему — тебя, дорогой Иван, Митрофаныча <А.М.Федорова> и пр. <...> Хотелось бы мне встретить вас, но это весьма неудобно. Пароход из Одессы приходит сюда — ни свет ни заря — раньше петухов. Увидимся уж попозже в гостинице».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/5 оф.

Август, 10. Рано утром на пароходе Бунин приезжает в Николаев.

См.: 7 августа 1913.

Август, начало. Выходит № 8 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 355–356) помещается рецензия В.Нарбута на книгу М.Шагинян «Orientalia» (М., 1913).

Рецензент, в частности, пишет: «“Orientalia” <...> — несколько грубоваты и эксцентричны. Впрочем, грубость в данном случае оказывается лишь перекидным мостом к выполнению рисунка в манере И.Бунина <...>. Есть целая вереница реалистически-метких строк в книге М.Шагинян. а в то же время попадаются стихотворения символические и напыщенные: так неровно развертывается небольшое дарование поэтессы, что не знаешь, за кем последует она — за Буниным, за певцами ли риторики и разных отвлеченностей, или же разовьет то восточное, одурманенное жаркими полночными грезами Кавказа, упоение бытием, которое роднит “Orientalia” с “Песнью песней”».

Август, 11. Из Николаева Бунин пишет Н.С.Клестову:

«...деньги мне теперь особенно нужны: позавчера ночью к нам залезли воры и очень много унесли, особенно из одежды — почти все взяли, раздели. Помогите! Я в Николаеве. Нынче еду в Одессу».

Письма (2). С. 285.

Бунин возвращается в Одессу, а затем на дачу на Большом Фонтане.

Август, 14. В письме Н.С.Клестову Бунин сообщает:

«...возвращаю корректуру обложки и титула <книги “Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.”>.

“Слово” — название для сборника недурное. Я ничего не придумаю.

Завтра вышлю остальной материал для своей книги — стихи.

“При дороге” получили? Как жаль, что эта вещь идет в сборнике и, значит, не будет в книге!»

Письма (2). С. 285–286.

Август, 16. А.Е.Розинер пишет Бунину из Петербурга по поводу сроков издания Полного собрания его сочинений:

«К сожалению, мы и сейчас ничего положительного сказать не можем. Но для того, чтобы сочинения были приложены в 1914-м или ином году, для нас очень важно иметь точное представление об их объеме в уже готовом, просмотренном Вами виде и, следовательно, важно, чтобы редактирование их <нрзб> не было. Это не значит, что мы Вас связываем сроком, указанным в договоре: к этому сроку Вы можете и не прислать».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 6.

Август, 15 или 16. В качестве члена комитета юбилейного чествования газеты «Русские ведомости» Бунин подписывает «Письмо в редакцию», в котором данный комитет сообщает об учреждении фонда для литераторов и журналистов под названием «Капитал имени “Русских ведомостей”» и объявляет о сборе средств для этого фонда.

Письма (2). С. 413–414.

Под письмом 55 подписей. См.: 18 августа 1913, вторая запись.

Август, 18. В московской газете «Русское слово» (№ 190. С. 4–5) публикуются «Пять стихотворений»: 1. «Холодная весна» («Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...»), 2. «Конь Святогора» («В чистом поле, у камня Алатыря...»), 3. «Матрос» («Ночью в море крепко спать хотелось...»), 4. «Дальняя гроза» («Мелькают дали, черные, слепые...»), 5. «Ночные облака» («Океан под ясною луной...»). Авторская дата: «Индийский океан. Март 1910 г.».

В авторской дате ошибочно указан год. См.: 25 февраля (10 марта) 1911; 26 февраля (11 марта) 1911, первая запись.

Там же (с. 7) помещается письмо «От комитета юбилейного чествования “Русских ведомостей”» по поводу учреждения фонда «Русских ведомостей» для помощи литераторам и журналистам. Среди 55 подписей — имя Бунина.

Данное письмо было опубликовано также в газетах: «Современное слово» (19 авг. (№ 2015). С. 2), «Русские ведомости» (20 авг. (№ 191). С. 5), в журнале «За 7 дней» (№ 29. 22 авг. С. 636).

Август, 19. Бунин сочиняет стихотворение «Дедушка» («Дедушка ест грушу на лежанке...»). Авторская дата: «19.VIII.1913».

ПСС. Т. 6. С. 155.

См.: 28 августа 1913.

Бунин посылает Н.С.Клестову три первых листа корректуры книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» и пишет ему:

«...шлю подписанные к печати 3 первых листа, но дрожу с ног до головы: много *очень* важных опечаток <...>.

Если берете весь страх на себя, печатайте. А не то уж лучше еще раз прислать мне. Решите как лучше.

Чек на 300 р. получил, большое спасибо. Серьезно, мы прямо раздеты!»

Письма (*2*). С. 286.

В этот же день Бунин посылает Н.С.Клестову еще два листа корректуры своей книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» и отмечает в сопроводительной открытке:

«Пожалуйста, обратите, Николай Семенович, внимание на то, как ужасно тесно, нелепо сидят друг на друге слова в корректуре моей книги и как прыгают буквы.

Шлю еще 2 листа — 4-й и 5-й».

Письма (*2*). С. 286.

Август, 20. Бунин пишет стихотворения «Мачеха» («У меня, сироты, была мачеха злая...»), «Невестка» («Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась...»). Авторская дата: «20.VIII.1913».

ПСС. Т. 6. С. 150, 154.

См.: 28 августа 1913.

Август, середина. Бунин обращается за помощью в письме к Ф.И.Благову:

«И наконец, самое главное: мы разуты, раздеты — без шуток, побывали воры, вырезали стекло и порядочно очистили. Сделайте милость — компенсируйте наш бюджет: пришлите *пятьсот* рублей!»

Письма (2). С. 286.

Август, 22. Во владикавказской газете «Терские ведомости» (№ 179. С. 2–3) публикуется статья Ф.П.Шипулинского «Впечатления. Через тридцать лет». Подпись: Шип.

Критик пишет: «<...> приятно после современной беллетристики успокоиться душой за книгой И.С.Тургенева († 22 августа 1883 года). <...> Язык Тургенева! Сколько бы дали современные писатели, если бы им удалось достичь такой простоты...

А, между тем, язык тургеневских произведений до чрезвычайности прост. В этом, может быть, и заключается главная его прелесть. <...>

Или мужики... Тот самый народ, именем которого освящена история интеллигентских движений девятнадцатого века. Мужики И.С.Тургенева и мужики нашего современника И.А.Бунина.

Особенно разительна эта разница потому, что у Бунина такой же ясный и красивый по своей простоте язык. Бунин — литературный внук Тургенева.

Мужики Тургенева — мученики и на кресте своей жизни сохранившие незлобивость, чистоту душевную и всепрощение. Едва ли это реальные мужики.

Мужики Бунина — пьяные, живущие без ума и злые. Никчемные люди. Также: едва ли реальные мужики.

Правда может быть в середине, между этими двумя полюсами нереальностей. Но сейчас не в этом вопрос. А в том, что существуют такие полюсы и что они так ужасно (в подлинном, а не в дамском смысле слова, — ужасно) различны.

Где жизненный факт и где вымысел? Литература всегда выдумка, потому что она продукт творчества. Но она всегда — жизнь, потому что творчество писателя художественно, творчество писателя потому и ценно, что его произведения не выдумка».

Август, 25. В харбинской газете «Жизнь» (№ 12. С. 2) помещается статья «Литературные заметки». Подпись: С.Ч.

Критик пишет: «В последнее время в нашей литературе наметилось новое течение, — особливо в области стихотворной поэзии. <...> На русской земле стало тяжко и грустно, невыносимо смрадно, и поэты ушли в заоблачные выси, без точного уяснения себе желанного пути. <...> Прекрасные чеканные формы Бунина, спокойная, как гладь воды, настроенность его стихов, тихая грусть, подобная чеховской, стали как-то сразу ненужными, излишними, щемящими». Далее журналист разбирает творчество С.М.Городецкого, О.Э.Мандельштама, В.И.Нарбута, А.А.Ахматовой, Н.С.Гумилева.

Август, 28. В московской газете «Русское слово» (№ 198. С. 3) печатаются «Три стихотворения»: 1. «Дедушка» («Дедушка ест грушу на лежанке...»), 2. «Невестка» («Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась...»), 3. «Мачеха» («У меня, сироты, была мачеха злая...»).

Август, 29. Начинающая писательница Л.Попова обращается к Бунину в письме из Москвы с просьбой прочесть один из ее рассказов и высказать свое мнение:

«Я глубоко верю в Вас — Вы такой чуткий художник, и потому только я решилась побеспокоить Вас».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3115 оф.

Выходит № 30 петербургского журнала «За 7 дней», в котором (с. 643–645) публикуется статья В.Кожевникова «Деревенская быль».

Критик, в частности, пишет: «После грандиозных крестьянских движений девятисотых годов, многих разочаровавших и многих просто испугавших, выступили новые бытописатели крестьянства. Не говоря уже об откровенно черносотенных беллетристах, вроде Родионова, даже такие, несомненно прогрессивные художники, как Ив.Бунин, заговорили о крестьянах с нескрываемой враждебностью, почти с ужасом.

Но по существу, между старыми и новыми писателями большой разницы нет: они одинаково односторонни? <...> вышедшая теперь отдельным изданием “Повесть о днях моей жизни” Ив.Вольнова <...> написана просто, местами даже слабо и в смысле художественной цельности значительно ниже соответствующих произведений Бунина. Но в этой крестьянской хронике чувствуется действительная, неприкрашенная правда жизни.

В произведении Ив.Вольнова нет народнической идеализации деревни, и в этом отношении он приближается к Бунину. В книге много отчаявшихся людей, но нет того бесповоротного, безнадежного отчаяния, которым проникнуты произведения Ив.Бунина.

Автор не запуган и сам никого запугивать не собирается. <...>

И эти люди <герои И.Вольнова> по своему духовному складу оказываются несравненно сложнее упрощенных схем Златовратского и Бунина. <...> Автор умел под самой дикой оболочкой найти человека и в каждом человеке обнаружить зверя. Мужики Бунина и Златовратского получили в произведении Вольнова как бы художественный синтез, полный реальной правды».

Август, 30. Бунин пишет стихотворение «В Венеции» («Восемь лет в Венеции я не был...»). Авторская дата: «30.VIII.1913».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2737 оф.
ПСС. Т. 6. С. 281–285.

См.: до 22 декабря 1913.

Сентябрь, 2. Бунин заканчивает рассказ «Чаша жизни». Авторская дата: «2.IX.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 36–37.
ПСС. Т. 6. С. 170–188.

См.: 26 мая 1913; 2 декабря 1913.

Сентябрь, 3. Н.М.Мешков пишет Бунину из Москвы:

«Очень я соскучился по Вас, дорогой Иван Алексеевич, — скорблю, что встречи наши так редки и так редко приходится слышать от Вас Ваше живое и страшно ценное для меня слово...

Свою книгу стихов я отложил до осени <...>. Дорогой Иван Алексеевич! Разрешите мне книгу посвятить Вам, как знак моей благоговейной любви, ибо писать я учился у Вас, и в светлые минуты творчества Ваш образ всегда

со мной и надо мной. Кроме того, мне хотелось бы посвятить Вам одно из стихотворений — “На церковном дворе”. Оно Вам понравилось, этой весной на “Среде” <см.: 24 апреля 1913>. Конечно, если Вы не имеете ничего против... <...>

Теперь еще просьба. Был я у Юлия Алексеевича и читал ему свои стихи. И сказал мне Юлий Алексеевич, чтобы я послал их Вам, и что Вы можете их передать Овсянико-Куликовскому для “Вестника Европы”. Дорогой Иван Алексеевич, если стихи этого заслуживают, устройте, рад буду очень. Если нет, разорвите и бросьте в печь. <...> Во всяком случае, ожидаю от Вас разбора строгого и взыскательного.

Теперь — страшно сказать! — третья просьба: один молодой писатель, который обожает Вас до умопомрачения, просит меня послать Вам свой очерк. Как-нибудь на досуге просмотрите и черкните мне два-три слова. А я уж передам».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 154, л. 1–2.

Книга Н.М.Мешкова «Стихотворения» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914) имеет посвящение: «Эту книгу я посвящаю Ивану Алексеевичу Бунину в знак неизменной любви и глубокого уважения». В данной книге также посвящено Бунину стихотворение «На церковном дворе» (с. 67).

Сентябрь, 4. Бунин пишет стихотворения «Мушкет» («Видел сон Мушкет...»), «На камнях» («Теплой ночью горною тропинкой...»). Авторская дата: «4.IX.1913».

ПСС. Т. 6. С. 149, 162.

См.: 13 сентября 1913.

Бунин посылает Ф.И.Благову для газеты «Русское слово» два стихотворения «На камнях» («Теплой ночью горною тропинкой...»), «Мушкет» («Видел сон Мушкет...»).

См.: 6 сентября 1913, третья запись.

Возвращая исправленную корректуру рассказа «При дороге», Бунин просит Н.С.Клестова в письме:

«...шлю корректуру “При дороге”. Ради всех святых, последите, чтобы мои поправки, — они очень важны, — все были сделаны.

Прилагаю корректуру обложки и титул книги <“Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.”> — нет, кажется, это дурной тон — печатать заглавие на боку: надо как прежде — на средине. Ведь верно? А то выходит пошло. Это раз. А второе — ведь в книге будут и стихи — не поставить ли в подзаголовке после слова “рассказы” — “и стихи” (стихотворения — очень длинно). То же, конечно, надо сделать и в титуле. В шм<уц>титуле я сделал.

И еще: не опасное это заглавие для книги “Иоанн Рыдалец”. Это обращает внимание на этот рассказ, а вдруг *духовная цензура* восстанет? Подумайте».

Письма (*2*). С. 287.

От Комитета юбилейного чествования «Русских ведомостей» обращаются к Бунину с просьбой:

«Комитет юбилейного чествования “Русских ведомостей” решил обратиться с просьбою к нашим наиболее выдающимся общественным деятелям и ученым с просьбой произнести в день чествования газеты, утром 6-го октября в Литературно-художественном кружке приветственные речи, в которых “Русские ведомости” были бы охарактеризованы с разных сторон.

Предложенная программа: В.А.Маклаков <...>, П.Н.Милюков <...>, М.М.Ковалевский <...>, А.Р.Ледницкий <...>, Д.Н.Шипов <...>, В.Я.Данилевский <...>, И.А.Бунин “Русские ведомости” и литература.

Комитет выражает надежду, что Вы согласитесь произнести намеченную речь и тем способствовать значительности общественного торжества. <...>

Для произнесения каждой речи предполагается назначить 15–20 минут».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2941 оф.

В одесской газете «Южная мысль» (№ 607. С. 3) публикуются ответы на анкету «Где быть санатории для журналистов?». Подпись: Вл.С.

В ответе Бунина говорится: «Что санатория нужна — всякий знает. <...>

Относительно места — то это вопрос специальный. Конечно, Крым имеет все преимущества».

На анкету также ответили А.М.Федоров, Д.Н.Овсянико-Куликовский, Е.Н.Щепкин, С.С.Юшкевич, Д.Я.Айзман, Н.Л.Геккер.

Сентябрь, 6. Бунин пишет стихотворения:

— «Могильная плита» («Могильная плита, железная доска...»). Авторская дата: «6.IX.1913».

ПСС. Т. 6. С. 161.

См.: 1 октябрь 1913, первая запись.

— «После обеда» («Сквозь редкий сад шумит в тумане море...»). Авторская дата: «6.IX.1913».

ПСС. Т. 6. С. 163.

См.: до 2 октября 1913, первая запись.

Бунин посылает Н.С.Клестову исправленную корректуру своей книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» и пишет ему о сборнике «Слово»:

«Для сборника предлагаю еще стихи, поэму — “В Венеции”. Викентию Викентьевичу должно понравиться — должно отвечать его сердцу. Плата — по усмотрению книгоиздательства, согласен и на скромную».

Письма (*2*). С. 287.

Стихотворение «В Венеции» («Восемь лет в Венеции я не был...») не было напечатано в 1-м сборнике «Слово». См.: до 22 декабря 1913.

В письме к секретарю редакции газеты «Русское слово» М.А.Успенскому Бунин просит исправить одно из двух стихотворений, посланных «позавчера».

Письма (*2*). С. 287–288.

См.: 4 сентября 1913, вторая запись.

Сентябрь, 7. Из конторы газеты «Русское слово» Бунину посылается аванс в 502 р. 40 к.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 345, л. 4.

Сентябрь, 8. В.С.Миролюбов пишет Бунину из Петербурга:

«Поджидаю. Дайте для начала, чтобы освоить дело. Выпускать думаю в дек., но материал нужен сейчас. Не подобрав, не начну. Для начала дайте такое, чтобы начало предвещало долгую жизнь и плодотворную».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/4 оф.

Просьба В.С.Миролюбова связана с подготовкой им к выпуску нового журнала — «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», который начал выходить в Петербурге с 1914 г.

Сентябрь, 10. Бунин начинает писать рассказ «Я все молчу».

См.: 14 сентября 1913, первая запись.

Сентябрь, 13. В московской газете «Русское слово» (№ 212. С. 3) помещаются «Два стихотворения»: 1. «На камнях» («Теплой ночью горною тропинкой...»), 2. «Мушкет» («Видел сон Мушкет...»).

Сентябрь, 14. Бунин заканчивает рассказ «Я все молчу». Авторская дата: «10–14.IX.1913».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7419 оф.
ПСС. Т. 6. С. 13–23.

См.: 8 октября 1913, первая запись.

Бунин в письме благодарит Ф.И.Благова за деньги и сообщает ему:

«Рассказ <...> высылаю в понедельник 16 сент. Будьте ласковы — пустите его не позднее, если можно, воскресенья 22 или воскресенья 29-го, а то я вво- жу этот рассказ в свою новую книгу, выйти же она должна чем скорее, тем лучше: она почти готова».

Письма (*2*). С. 288.

См.: 16 сентября 1913, первая запись; 8 октября 1913, первая запись.

Сентябрь, 15. В ответ на письмо Н.С.Клестова (неизвестно) Бунин посылает ему три открытки, в которых отвечает на вопросы по поводу издания его книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.», пишет о составе 1-го сборника «Слово» и предполагаемом 2-м сборнике:

«1) Плачу, а не могу согласиться не держать корректуры стихов. Шлите скорее.

2) Марку <книгоиздательства> хотите на 1-ой странице обложки? За ради Бога, если можно, *не ставьте*! Много пустого места? Это-то *и хорошо*, книга в глаза бросается.

3) Поэму “В Венеции” ставьте *на каком угодно месте*.

4) Ах, зачем, зачем выкинули Ценского!!

Второй сборник? Неожиданность! Постараюсь дать. Но зачем не говорили раньше? Я бы готовился как следует.

“При дороге”, конечно, не так остро, как “Ночной разговор”. Но все весьма хвалят. Конечно, лучше бы “боевую” вещь, но ведь не готовился я к 1-му сборнику специально. А кто виноват? У меня даже равнодушие к нему было, да и есть, плохо верю в него».

А также просит послать В.П.Лебедеву в Литературно-художественный кружок все свои книги, кроме «Суходола».

Письма (2). С. 288–289.

См.: 6 сентября 1913, вторая запись.

Сентябрь, 16. Бунин посылает Ф.И.Благову рассказ «Я все молчу».

См.: 14 сентября 1913, вторая запись; 8 октября 1913, первая запись.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«...целую вас за “Мушкета” и весьма рад быть вашим современником. Друг мой! Князь русской поэзии! Внемлите моей мольбе: вернитесь к стихам, ведь этот дар ваш оттуда же, откуда и все другое.

“Мушкет” ваш — чудо. Я сразу взвился, когда его прочел. Вот это эпос, т.е. то именно, что нужно. Довольно лирики и баб. Все современные поэты стоят в одной позиции: подняв заднюю ногу на куст. Ах, милый-славный, как вам нужно быть здоровым. Как, повторяю это с гордостью, счастлив я жить в одно время с вами.

Скажу вам не хвалясь: все это и я бы мог написать... И “азовские подолья”, и “на татарках алый цвет”, и кости в траве — все. Но вот чего я никак не мог бы написать, хоть проглоти перо:

Черт повил в жгуты,
Засушил в густой крови их чубы.

Вот это самое настоящее и есть. И если бы вам не удалось так ловко пустить по лиману (какой же в Стамбуле лиман, господин хороший!) эту чубатую мушкетову башку, то у меня так и осталось бы впечатление этих засохших чубов, — до конца. Но у вас все значительно, хотя, повторяю, эти две строки стоят всего остального.

Я прочел “Мушкета” и вижу, что нивы русской поэзии еще не возделаны и много целины, над которой стоит работать.

Поедемте в Египет. Я очень хочу туда».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 648.

Сентябрь, 18. Бунин пишет Н.С.Клестову о своей книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«...все жду корректуры стихов (в гранках) и отпечатанных листов. Жду и ответа — идет ли мое стихотворение в сборнике.

Затем: не мала ли выходит книга (“Иоанн Рыдалец”)? Всего 15 листов! Прошу Вас вот о чем: нынче я отослал в “Русское слово” новый рассказ (“Я все молчу”) <...>. Так вот мне очень хотелось бы вставить его в книгу — в 10-й лист, после рассказа “Забота”. Если можно, задержите печатание 10-го листа и, как только “Я все молчу” появится в “Рус<ском> слове”, возьмите его и вставьте. Это очень важно, этот рассказ прямо необходимое дополнение к этой книге».

Письма (2). С. 289.

В ответном письме Бунин пишет Н.М.Мешкову:

«Крепко целую Вас за полученное — и за Ваше чувство ко мне, и за посвящение, очень буду рад, если Вы будете у нас. В тех стихах, что Вы прислали мне, очень тронуло меня многое, но мне уже хочется от Вас более сильных

мужественных нот. Поговорю с Вами о них подробно при свидании — в конце сентября надеюсь быть в Москве. Куликовскому я их передал немедленно и надеюсь, что он уже ответил Вам. <...> Очень хотелось бы видеть Вас в “Вестн<ике> Евр<опы>”! Передайте, пожалуйста, мой поклон Милованову, когда приеду, познакомьте нас. До Москвы откладываю разговор с ним, в письме всего не скажешь, а и скажешь, то не так, как надо».

Письма (*2*). С. 289.

Стихотворения Н.М.Мешкова в «Вестнике Европы» не печатались. См.: 3 сентября 1913.

Сентябрь, 19. В.Н.Муромцева пишет Е.А. и Н.Д.Телешовым:

«Скоро, надеюсь, увидимся. Последнее время здесь чудесно. <...> У нас очень большая дача, а потому теперь холодно, особенно по ночам. Деревья только начинают желтеть. Ян работает, написал два мрачных рассказа <“Я все молчу”, “Чаша жизни”>, один прочтете в “Русском слове” на днях, а другой, вероятно, услышите в его исполнении, ибо печататься он будет в ноябре в “Вестнике Европы”. Ян низко кланяется всем, я тоже».

Письма (*2*). С. 672.

Сентябрь, 21. Бунин пишет стихотворение «Степь Моздокская» («Синий ворон от падали...»). Авторская дата: «21.IX.1913».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1 об.
ПСС. Т. 6. С. 150.

См.: 1 октября 1913, первая запись.

Сентябрь, 22. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«Подумал — кажется, лучше не задерживать книгу, не вводить “Я все молчу”. Ведь так? Уж прибавка в ½ листа не спасет.

Как Вы замолкли!!»

Письма (*2*). С. 290.

Сентябрь, 23. Бунин посылает Ф.И.Благову несколько стихотворений, возможно, «Персидская мудрость» из Саади, «Два стихотворения»: 1. «Степь Моздокская» («Синий ворон от падали...»), 2. «Могильная плита» («Могильная плита, железная доска...»), и в сопроводительном письме просит его:

«Шлю Вам пук стихов. Не пугайтесь, скоро примолкну — это я все спешу понапечататься перед книгой <«Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»>. Если можно, “Два стихотворения” напечатайте поскорее.

“Жемчужные четки” Вас позабавят. Публике нравится».

Письма (*2*). С. 290.

Стихотворение под заглавием «Жемчужные четки» неизвестно. См.: 29 сентября 1913; 1 октября 1913, первая запись.

Д.Н.Овсянико-Куликовский сообщает Бунину в открытке из Петербурга:

«Стихи Мешкова будут напечатаны, (но, вероятно, не все). Ждем Ваш рассказ!

До свидания — в Москве, где мы будем примерно с 6-го до 8-го окт.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3104/3 оф.

Сентябрь, 24. В письме Н.С.Клестову Бунин спрашивает о причине его молчания и пишет о своей книге «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.»:

«Очень тревожусь о корректуре стихов. Она необходима — повторяю. А все нет и нет! Если не выслали, уж не высылайте, еду нынче билет брать — верно, дней через 5, 6 буду в Москве».

Письма (2). С. 290.

Сентябрь, 25. Бунин сообщает в письме И.А.Белоусову, что свое письмо Н.М.Мешкову послал на адрес Белоусова, т.к. не знает его адреса, а также пишет:

«Собираемся в Москву. Надеемся быть в конце сентября.

Где Зилов? Очень меня занимает его талант. Он *несомненный* талант.

Как сильно, крепко, чудесно написал Шкляр о Волге!»

Письма (2). С. 291.

Имеется в виду очерк Н.Г.Шкляра «Грузят. (Из волжских впечатлений)», напечатанный в журнале «Путь» (1913. № 7. С. 22–24).

Сентябрь, 28. На заседании Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук Бунин избирается в состав Попечительского совета Литературно-театрального музея имени А.А.Бахрушина.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 347, л. 1.

См.: 1 октября 1913, вторая запись.

В московской газете «Утро России» (№ 223. С. 2) публикуется статья Н.Н.Русова «Литературные разговоры».

Критик пишет в форме диалога с знакомым о футуристах и, в частности, отмечает: «– Разумеется, талантливые писатели не могут расти, как грибы. Но если на каждое поколение найдется два-три его выдающихся современника, то, значит, это поколение имеет свою историю и свою физиономию. <...>

— А из современников я вам назову несколько почтенных имен. Я перечислять не буду, ну вот, к примеру, Иван Бунин.

<...> Он, конечно, не гений, вроде Тютчева или Фета. Для гениальности он слишком прозрачен, слишком неприхотлив. По счастливому выражению одного критика, его видишь до дна. А гений всегда темен, как омут. И блестит по-разному в грозу и в вёдро. Ну-ка, вникните в глубины Достоевского, и сколько уже умниц безнадежно потонули в этих глубинах!.. Но вот вам только восемь строчек из Бунина:

Ограда, крест, зеленая могила
<...>

Это стихотворение называется "Панихида". Не правда ли, в нем простота, но с ней и самая живая красота? Это — не то, что какая-нибудь поэтическая арлекинада пре-сло-ву-того Андрея Белого: трень-брень там и прочее... Иван Бунин — не гений, но он все-таки первоклассный мастер...»

Сентябрь, 29. В московской газете «Русское слово» (№ 224. С. 4) печатается перевод Бунина десяти отрывков из Саади под общим за-

главием «Персидская мудрость». Авторская дата: «Трапезонд-Стамбул. Июнь 1913 г.».

Сентябрь, 29 или 30. Бунин и В.Н.Муромцева приезжают в Москву; останавливаются в гостинице «Лоскутная».

Октябрь, 1. В московской газете «Русское слово» (№ 225. С. 4) публикуются под общим заглавием «Два стихотворения»: 1. «Степь Моздокская» («Синий ворон от падали...»), 2. «Могильная плита» («Могильная плита, железная доска...»).

А.А.Шахматов посылает Бунину извещение из Петербурга:

«Препровождая при сем к Вам Высочайшее утверждение 13 июля 1913 года одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон об установлении Положения и штата литературно-театрального музея Императорской Академии наук имени Алексея Бахрушина в Москве <...>, имею честь уведомить Вас, что Отделение русского языка и словесности, в заседании своем, состоявшемся 28 минувшего сентября, избрало Вас, на основании пункта 3 ст. 22 Положения о Музее, в состав Попечительского совета последнего, о чем, вместе с сим, мною уведомлен Председатель совета А.А.Бахрушин».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 347, л. 1.

Октябрь, до 2. Выходит книга Бунина «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. 264 с.). Тираж 2550 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание: **Рассказы:** Иоанн Рыдалец, Илья Пророк, Худая трава, Псальма, Вера, Весна, Преступление, Князь во князьях, Последний день, Сказка, Будни, Хороших кровей, Личарда, Забота, Без заглавия, Крик, В Красном море, Геннисарет, Смерть, Я все молчу; **Стихи:** Мушкет («Видел сон Мушкет...»), Гробница («Глубокая гробница из порфира...»), Степь («Синий ворон от падали...»), Невестка («Свекровь госпожа в терему до полдён заспалась...»), Белый олень («Едет стрелок в зеленые луга...»), Алисафия («На песок у моря синего...»), Песня («— Ночь мутна и не месячна...»), Конь Святогора («В чистом поле, у камня Алатыря...»), Мачеха («У меня, сироты, была мачеха злая...»), Пращуры. Голоса с берега и с корабля («Лицом к туманной зыби хороните...»), Светляк («Леса, пески, сухой и теплый воздух...»), Дедушка («Дедушка ест грушу на лежанке...»), Ночная змея («Глаза козюли, медленно ползущей...»), Великий Лось («Ночь зимняя мутна и холодна...»), На большой дороге («Как дым пожара, туча шла...»), Ритм («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»), Чибисы («Заплакали чибисы, тонко и ярко...»), Холодная весна («Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...»), Летняя ночь («"Дай мне звезду" — твердит ребенок сонный...»), Ноябрьская ночь («Туман прозрачный по полям...»), Художник («Хрустя по серой гальке, он прошел...»), Могильная плита («Могильная плита, железная доска...»), Ночные облака («Океан под ясною луной...»), Дальняя гроза («Мелькают дали, черные, слепые...»), На камнях («Теплой ночью, горною тропинкой...»), Матрос («Ночью в море крепко спать хотелось...»), Монастыри («Монастыри в предгориях глухих...»), После обеда («Сквозь редкий сад шумит в тумане море...»), Потом-

ки пророка («Не мало царств, не мало стран на свете...»), В Скутари («Шипит и не встает верблюд...»), Уголь («Могол Тимур принес малютке сыну...»), Судный день («В щит золотой, висящий у Престола...»), Завет Саади («Будь щедрым как пальма. А если не можешь, то будь...»), Мать («На пути из Назарета...»), Завеса («Так говорит Господь: "Когда, Мой раб любимый...»), Зов («Как старым морякам, живущим на покое...»).

Из 56 произведений, включенных в книгу, два стихотворения: После обеда («Сквозь редкий сад шумит в тумане море...»), В Скутари («Шипит и не встает верблюд...»), — публикуются здесь впервые.

В «Книгоиздательстве писателей в Москве» выходит 1-й сборник «Слово» (М., 1913), в котором (с. 221–255) публикуется рассказ «При дороге».

Граница событий определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (2 окт. (№ 226). С. 7).

Октябрь, 4. Возражая против положений статьи А.А.Измайлова «Литературное обозрение. Быль и легенда под пером И.А.Бунина ("Иоанн Рыдалец" и "Худая трава")», Бунин пишет ему:

«...никогда я не писал возражений своим критикам — и напрасно! По крайней мере насчет фактов следовало бы возражать. Не раз, например, слышал я от критиков, что я что-то "записываю", собираю, рассказываю свои семейные предания и т.д. Вот и Вы — о "Худой траве" и "Иоанне Рыдальце". Прочел сейчас Ваш фельетон и прошу Вас: когда будете писать обо мне, не говорите, пожалуйста, о моих "записях", можно ошибиться. "Иоанн" *весь* выдуман. А ведь Вы целый фельетон построили на контрасте выдумки и *были*».

Письма (*2*). С. 291.

См.: 6 июня 1913, первая запись.

Октябрь, 6. Днем в Большом зале Литературно-художественного кружка торжественно отмечается 50-летний юбилей газеты «Русские ведомости». На юбилейном заседании Бунин выступает с речью, в которой говорит о современном состоянии русской литературы:

«Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и морем разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Испорчен русский язык (в тесном содружестве писателя и газеты), утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи, опошлен или доведен до пошлейшей легкости — называемой "виртуозностью" — стих, опошлено все, вплоть до самого солнца, которое неизменно пишется теперь с большой буквы, к которому можно чувствовать теперь уже ненависть, ибо ведь "все можно опошлить высоким стилем", как сказал Достоевский <...>. Буквально каждая зима приносила нам нового кумира. Мы пережили и декаданс, и символизм, и неонатурализм, и порнографию, называвшуюся разрешением "проблемы пола", и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и "пролеты в вечность", и садизм, и снобизм,

и “приятие мира”, и “неприятие мира”, и лубочные подделки под русский стиль, и адамизм, и акмеизм — и дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом “футуризм”. Это ли не Вальпургиева ночь!»

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 319–320.

В газете «Одесский листок» (7 окт. (№ 235). С. 3) в отчетной заметке «Юбилей “Русских ведомостей”. От нашего корреспондента» (без подписи) говорится: «Академик Бунин говорил о газете и литературе. Вместо юбилейной речи Бунин выступил с резкою характеристикою современной литературы. Это вызвало протесты части собрания. Конец речи Бунина был посвящен задачам газеты».

В газете «Современное слово» (7 окт. (№ 2064). С. 3) в отчетной заметке «50-летие “Русских ведомостей”» (без подписи), в частности, отмечается: «Он <Бунин> читает формальный обвинительный акт против современной периодической печати и литературы. <...> Речь Бунина была встречена аплодисментами, хотя уместность ее в публике признавалась спорной».

В газете «Голос Москвы» (8 окт. (№ 231). С. 6) в заметке «50-летний юбилей “Русских ведомостей”» (без подписи) сообщается: «Резким диссонансом в согласованном хоре речей звучит речь писателя-академика <Бунина> на тему “Чем стала литература за последнее время?”».

В газете «Утро России» (8 окт. (№ 231). С. 5) в отчетной заметке «Юбилей “Русских ведомостей”» (без подписи), в частности, отмечается: «Выступление академика И.А.Бунина, говорившего на тему об охране “Русскими ведомостями” заветных традиций русской литературы, носило характер сведения счетов с литературными противниками, и потому было неуместным».

В газете «Приазовский край» (10 окт. (№ 265). С. 2) в отчетной заметке «Юбилей “Русских ведомостей”» (без подписи) сообщается под отдельными заголовками: «Речь Бунина. И.А.Бунин читает формальный обвинительный акт против современной периодической печати и литературы. <...>

Речь Бунина была встречена аплодисментами, хотя уместность ее в публике признавалась спорной.

Ответ Брюсова. В.Я.Брюсов в своем приветствии от Литературно-художественного кружка, как бы отражая неожиданный выпад Бунина, говорит, что “Русские ведомости” вовсе не были цитаделью, в которой собрались противники новых сил и новых течений. Он прямо указывает, что это подтверждается его сотрудничеством в газете».

См. также: 7 октября 1913; 10 октября 1913, четвертая запись; 11 октября 1913, пятая запись; 13 октября 1913, первая запись; 14 октября 1913, первая и вторая записи; 15 октября 1913, третья и четвертая записи; 16 октября 1913; 17 октября 1913, вторая и четвертая записи; 23 октября 1913, вторая запись; 28 октября 1913, вторая запись; 3 ноября 1913; 22 декабря 1913, вторая запись; февраль 1914, шестая запись.

Также выступают с речами М.М.Ковалевский, П.Н.Милюков, А.С.Посников, А.А.Мануйлов, И.И.Попов. После начала речи Н.И.Ефремова, выступающего от имени центрального комитета партии прогрессистов, торжественное собрание закрывается полицией.

В 11 часов вечера в ресторане «Славянский базар» начинается банкет в честь «Русских ведомостей» (более 550 человек); председателем

банкета избирается кн. П.Д.Долгоруков; на банкете звучат тосты и приветственные речи, которые также прерываются полицией — приставом Строевым. Начинают читать многочисленные приветственные телеграммы; после прочтения телеграммы члена Государственного Совета, председателя Императорского географического общества П.П.Семенова-Тян-Шанского пристав Строев запрещает дальнейшее чтение телеграмм, в результате чего кн. П.Д.Долгоруков отказывается от обязанностей председателя банкета и пристав Строев объявляет банкет закрытым и просит всех присутствующих освободить ресторан.

См.: 7 октября 1913; 8 или 9 октября 1913.

Октябрь, 7. В 2 часа ночи на юбилейном банкете в честь «Русских ведомостей» в ресторане «Славянский базар» происходит инцидент между Буниным и приставом Строевым, который запрещает произнесение речей, чтение приветственных телеграмм, закрывает банкет и предлагает всем разойтись. Бунин возмущается действиями Строева, который составляет по этому случаю протокол.

В газете «Голос Москвы» (8 окт. (№ 231). С. 6) в отчетной заметке «50-летний юбилей “Русских ведомостей”» говорится об этом инциденте: «На этой почве <закрытие банкета> разыгрывается инцидент с почетным академиком Императорской академии наук, писателем И.А.Буниным <...>. После предложения пристава г. Строева оставить зал, академик И.А.Бунин, волнуясь, заявил, что это ресторан и он еще не успел допить свое кофе.

Пристав попросил его пройти в контору для удостоверения личности, на что И.А.Бунин, взволнованно жестикулируя, ответил — что он почетный академик И.А.Бунин и предложил приставу обратиться к Августейшему президенту Академии наук».

В газете «Речь» (7 окт. (№ 274). С. 1–2) помещается статья «Юбилей “Русских ведомостей”», в которой, в частности, кратко пересказывается речь Бунина; не совсем точно сообщается о закрытии банкета полицией: «Речь Бунина была встречена аплодисментами, хотя уместность ее некоторыми признавалась спорной». Вечером банкет был закрыт приставом Строевым из-за того, что на его требование разойтись И.Бунин “громогласно заявил, что расходиться не желает”».

На следующий день газета «Речь» (8 окт. (№ 275). С. 5) в рубрике «Московская хроника» в заметке «Инцидент на банкете» (без подписи) рассказывает о закрытии банкета в честь юбилея «Русских ведомостей» приставом Строевым и составлении им протокола в связи с поведением Бунина после закрытия банкета. В 2 часа ночи пристав Строев запретил оглашение приветственных телеграмм, после чего председательствующий на банкете кн. П.Д.Долгоруков сложил с себя обязанности председателя; тогда пристав Строев заявил:

«— Раз председатель сложил с себя полномочия, считаю собрание закрытым. Прошу разойтись. На это послышались возражения, что здесь ресторан, и каждый имеет право пить тут кофе и вино. <...> В общей сутолоке раздается взволнованный голос И.А.Бунина:

— Я не желаю уходить, я требую, чтобы мне разрешили пить мое вино.

Этот возглас долетел до слуха Строева.

— Кто это сказал? — спрашивает Строев.

— Почетный академик Иван Алексеевич Бунин, — отвечает Бунин.

— Пожалуйте за мной.

Бунин отвечает, что не желает. В то же время он поднимается и проходит мимо пристава.

— Я прошу вас не дергать меня за руку, — волнуется пристав, — рукам воли не давать.

— Я вас не дергал, — говорит Бунин, — а если я вас нечаянно задел, то прошу извинить.

Всем казалось, что инцидент исчерпан.

В начале 3-го часа к столику И.А.Бунина подходит Строев вместе с несколькими околоточными и просит его в отдельный кабинет для составления протокола. Бунин вынужден последовать за полицейскими.

Многие участники банкета скопляются у дверей кабинета и требуют, чтобы их впустили, желая записаться в свидетели.

В конце концов, пускают в кабинет только академика Д.Н.Овсянико-Куликовского, художника Апполинария Васнецова и мирового судью Д.Н.Муромцева. <...>

В 4 ч. утра протокол готов, но Бунин подписаться отказывается, находя, что протокол переполнен всякими неточностями. Не пожелали также подписать протокол и те 4 лица, которые присутствовали при его составлении. <...>

На банкете присутствовало более 550 человек.

И.А.Бунин привлекается за оскорбление полицейского чина при исполнении своих обязанностей. Дело будет рассматриваться в окружном суде без участия присяжных заседателей».

В газете «Речь» (9 окт. (№ 276). С. 2) в рубрике «Московская хроника» в отчетной заметке «К юбилею “Русских ведомостей”» (без подписи) сообщается, что в числе свидетелей инцидента Бунина с подполковником Строевым «был один из студентов сельскохозяйственного института, давший свой адрес. В ту же ночь полиция произвела у свидетеля обыск, нашла охотничье ружье, на которое не было разрешения и какую-то изъятую книжку, и арестовала студента».

В газете «Русские ведомости» (8 окт. (№ 231). С. 4) в отчетном репортаже «Чествование “Русских ведомостей”» (без подписи) излагается речь Бунина на юбилее газеты; сообщается об инциденте на банкете в связи с его закрытием полицией: «В 2-м часу дня в Большой зале Литературно-художественного кружка началось торжественное заседание для чествования “Русских ведомостей”, устроенное юбилейным комитетом. <...> Юбилейным комитетом устроен был в “Славянском базаре” в 11 ч. вечера общественный банкет в честь “Русских ведомостей”. На банкете собралось свыше 600 человек».

В вечернем выпуске харьковской газеты «Южный край» (9 окт. (№ 11669). С. 2) в заметке «Дело И.А.Бунина» (без подписи), в частности, сообщается следующая деталь: «А.Е.Грузинский сообщает историческую справку:

— Это первый академик, на которого составляется протокол. Протокол полковника Строева, как исторический документ, войдет полностью в биографию И.А.».

См. также отчеты о юбилее и изложение речи Бунина в газетах: «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (7 окт. (№ 296). С. 2), «Столичная молва» (7 окт. (№ 331). С. 3–4), «Раннее утро» (8 окт. (№ 231). С. 6), «Русское слово» (8 окт. (№ 231). С. 7).

Октябрь, 8. В московской газете «Русское слово» (№ 231. С. 2–3) печатается рассказ «Я все молчу».

В московской газете «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» (№ 297. С. 3) публикуется заметка «Что грозит И.А.Бунину. (Из бесед)». Без подписи.

В заметке сообщается: «Инцидент с составлением полицейского протокола на академика И.А.Бунина взволновал всех.

Мы обратились к известному присяжному поверенному Н.К.Муравьеву с вопросом, что грозит И.А.Бунину.

— На мой взгляд, И.А. никакого преступления не совершал.

Вероятно, его поступок постараются подвести под 285 статью <...>. По ней обвиняются лица, оскорбившие чиновника действием во время исполнения служебных обязанностей.

К данному случаю такая теория не применима, и мне кажется, что дело будет прекращено.

Мы все знаем И.А.Бунина как человека спокойного и корректного. Нанести оскорбление действием представителю полиции он не мог.

О том, что полицейский протокол отправлен к судебному следователю И.А.Бунину до сего времени ничего неизвестно».

Октябрь, 9. В самарской газете «Волжское слово» (№ 220. С. 3) в информационной статье «Чествование “Русских ведомостей” в Москве 6 октября» (без подписи) приводятся цитаты из речи Бунина.

В петербургской газете «Земщина» (№ 1464. С. 3) публикуется статья «“Юбилей” “Русских (?) ведомостей”». Подпись: Москвич.

Корреспондент, в частности, пишет: «<...> говорил пристав. — Прошу разойтись.

“Почетный академик” Бунин, стихокропатель, действительно, “разошелся”: он стал скандалить, требовать, чтобы его “оставили в покое”, чтобы он, почетный академик, мог “допить свою бутылку вина”! И, должно быть, эта бутылка так вдохновила поэта-академика, что он даже схватил пристава за руку...

Составлен протокол и г. Бунин привлекается по обвинению в оскорблении действием должностного лица. Этим поучительным скандалом и закончился фарисейский юбилей газеты “Русские ведомости”».

Октябрь, 8 или 9. В связи с появившимися в прессе краткими и неточными сообщениями об инциденте на юбилейном банкете в честь «Русских ведомостей» в ночь с 6 на 7 октября Бунин пишет письмо в редакцию газеты «Русские ведомости», в котором подробно излагает действительные события той ночи:

«После того как пристав Строев запретил сперва произнесение речей, а затем и чтение приветственных депеш и потребовал, чтобы публика очистила залу ресторана, я, находившийся поблизости от места председателя банкета кн. П.Д.Долгорукова, сказал, обращаясь к приставу: “Но позвольте мне

допить кофе", — и пристав резким и властным тоном, оскорбительным для всякого ни в чем не повинного человека, крикнул, кто я такой. Я назвал себя, подал свою визитную карточку, но пристав почему-то не удовольствовался этим и, потребовав, чтобы я следовал за ним, двинулся вперед среди густой толпы, нас окружавшей. Я вослед ему спросил, почему и куда должен я идти, причем, желая обратить внимание на свои слова, машинально коснулся его рукава. И тут-то произошло то, что обычно происходит в подобных случаях: пристав крикнул, что я не умею держать себя, что я *хватаю* его за рукав и что он усматривает в этом оскорбление. "Если так, виноват", — сказал я, но пристав и этим не удовольствовался и, возвратившись с несколькими другими полицейскими в залу ресторана, — где уже приказано было, несмотря на огромную и взволнованную толпу, ее переполнявшую, тушить электричество, снова потребовал, чтобы я следовал за ним в отдельную комнату. В этой комнате, — я, конечно, принужден был на этот раз подчиниться, пристав и продержал меня приблизительно от двух до четырех часов ночи <...>.

Протокол я, конечно, не подписал, — и ввиду его многих неточностей, и ввиду того, что и в нем было утверждение, что я "дернул" пристава за рукав, что я грозил криком и "взглядами" и что я "не пожелал" назвать своего постоянного места жительства, хотя я несколько раз повторил приставу, что живу я то в деревне, то в Москве, то на юге, то за границей, а в настоящее время — в "Лоскутной" гостинице.

Теперь, после всего этого, я вовлекаюсь еще и в судебное дело».

Письма (*2*). С. 291–292.

Октябрь, 10. В московской газете «Русские ведомости» (№ 233. С. 2) помещается «Письмо в редакцию» Бунина.

См.: 8 или 9 октября 1913. Данное «Письмо в редакцию» было перепечатано в газетах: «Вечерние известия газеты "Коммерсант"» (10 окт. (№ 299). С. 4), «Одесский листок» (13 окт. (№ 241). С. 6), «Южная мысль» (13 окт. (№ 642). С. 1).

В той же газете (с. 5) публикуется информационное сообщение «Дело об И.А.Бунине». Без подписи.

В заметке говорится: «Московским градоначальником передано прокурору окружного суда дело о почетном академике И.А.Бунине по обвинению его в оскорблении действием представителя полиции на банкете в честь "Русских ведомостей" в ресторане "Славянского базара". В числе свидетелей со стороны обвиняемого является почетный академик Д.Н.Овсянико-Куликовский, не подтверждающий, как и другие свидетели, факта оскорбления представителя полиции».

Бунин пишет А.А.Шахматову по поводу инцидента на банкете в честь «Русских ведомостей» и кратких сообщений о нем в газетах:

«Ввиду того, что такое краткое сообщение может быть истолковано как угодно и бросать на меня тень в глазах Академии во главе с ее Августейшим Председателем, позвольте просить Вас прочесть мое письмо в редакцию "Русских ведомостей" (номер коих я вместе с этим посылаю Вам), где издевательство московского полицейского надо мною изложено точно и подробно, и, если возможно, довести о нем до сведения моих товарищей по разряду».

Письма (2). С. 292–293.

В газете «Одесский листок» (№ 238. С. 2) печатается статья А.С.Изгоева «Праздник русской интеллигенции. Письмо из Москвы».

Корреспондент, в частности, пишет: «Дуновение своеобразного литературного скандала, пронесшееся по зале во время чтения И.А.Буниным своей яркой речи, вызвавшей наряду с громовыми аплодисментами и заметное шиканье в разных углах со стороны обиженных за современную литературу молодых людей, оставило подполк. Строева спокойным и благожелательным. Он ведь живет в XX веке! Кроме науки, он ценит и литературу! <...>

Подполковник Строев слушал яркую речь академика И.А.Бунина с видимым сочувствием.

Речь Ивана Алексеевича Бунина вызвала больше всего разговоров. Она произвела впечатление на всю залу и разделила публику в три неравные части. Одни, их было меньшинство, горячо возмущались. Они нападали прямо на личность самого И.А.Бунина и не щадили злых и ядовитых слов. “Хотел прославится, оправдать свое звание академика, разыграть роль Ф.М.Достоевского с его знаменитой речью на Пушкинских торжествах, а разыграл пошлый фарс, подыгрываясь под вкусы толпы” и т.д. и т.д. Не перечислить всех злых словечек, которые говорились о спокойном, вдумчивом и академически холодном поэте, почувствовавшем истинную боль за русскую литературу, униженную после Толстого и Достоевского порнографией и кривляниями разных вздутых газетами эфемерных знаменитостей.

Огромное большинство было всецело на стороне И.А.Бунина. Но едва ли сочувствие этого большинства было ему вполне приятно. В подносимых розах были свои шипы. Радовались, что он “отчитал” разных там, декадентов и кривляк, футуристов, кубистов и просто шарлатанов. Радовались неожиданному скандалу. Думали, что все пройдет чинно-благородно, несколько скучновато, как и подобает на юбилее “Русских ведомостей”, — а тут вдруг неожиданное развлечение... Словом, “Иван Алексеевич” смазал “Леонида Егоровича”, задел “Дмитрия Сергеевича”, указал надлежащее место “Алексею Максимовичу”... Сцены, напоминающие разъезд и разговоры после купеческой свадьбы...

Была, поэтому, третья небольшая группа людей, которая, вполне разделяя взгляды И.А.Бунина и сочувствуя его праведному гневу, находила, однако, что время и место для своих выпадов он выбрал неудачно. Не называя имен, он, однако, слишком очевидно для всех направил острие своего кинжала на вполне определенных лиц. Говоря о том, что “Русские ведомости” не следовали примеру других газет и не занимались досадной болтовней о частной жизни прибегающих к услугам рекламы писателей, И.А.Бунин ясно для всех намекал на Леонида Андреева. Получил свой удар и Арцыбашев наравне с Вербицкой. Отмечены были и некультурность выпада Горького против Достоевского и “мистические туманы” богостроителей Мережковского и Гиппиус...

— Неудобно, — говорили критики, — воспользоваться юбилейной речью, на которую не может быть сделано никаких возражений, для нападок на определенных лиц. И.А.Бунин мог указать в общей форме, что “Русские ведомости” держались в стороне от охватившей наше малокультурное общество погони за модой, что они

никогда не участвовали в развращении литературы нелепым отрицанием традиций и общественности, восхвалением самовлюбленных индивидуалистов, раздуванием эфемерных знаменитостей и беззастенчивой рекламой. Но он не должен был приводить своих почти ничем не прикрытых иллюстраций, не должен был создавать "скандала".

Но тогда, — слышались возражения, – речь И.А.Бунина не произвела бы такого впечатления. Она прошла <бы> бесплодно, а теперь, быть может, окажет свое оздоравливающее действие...

Дай Бог...

Отмечу одну частность. В публике с особой настойчивостью подчеркивали "пикантность" такого эпизода, что вскоре после обличительной речи И.А.Бунина выступил "декадент" В.Я.Брюсов со своим приветствием "Русским ведомостям", в котором говорил об их внимательном отношении к "новым течениям"... Тут кроется некоторое недоразумение. В.Я.Брюсов вместе с К.Д.Бальмонтом принадлежат к числу тех "декадентов", которые уже признаны "Русскими ведомостями"...».

На листке отрывного календаря помещается портрет Бунина. Среди памятных дат значится: «1870 г. Род. И.А.Бунин, поэт».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9301 оф.

В конторе газеты «Русское слово» составляется Счет по опубликованным там произведениям Бунина с 26 мая по 8 октября 1913 г. и посылается писателю вместе с оставшейся по счету суммой в 248 р. 60 к.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 345, л. 4.

Октябрь, 11. Бунин с В.Н.Муромцевой присутствует в школе А.И.Адашева на музыкальном утре, посвященном памяти композитора И.А.Саца.

См. отчетную заметку: М.Галь-н. Утро памяти И.А.Саца // Рампа и жизнь. 1913. № 42 (20 окт.). С. 11–12.

Бунин посылает А.А.Шахматову свой отзыв на стихотворения Эдельвейса и книги Н.А.Крашенинникова, представленные на соискание премии имени М.Н.Ахматова, о чем сообщает в сопроводительном письме. В отзыве Бунин отмечает, что разбираемые произведения никакого поощрения не заслуживают.

Письма (*2*). С. 293.

Бунин приходит на прием к врачу-окулисту, приват-доценту Московского университета К.В.Снегиреву, который выписывает писателю рецепт на пенсне и очки для работы.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 38, л. 1.

В.П.Лебедев посылает Бунину телеграмму по городской почте в Москве:

«Горячо благодарю за книги люблю грусть ваших стихов переживаю ваши рассказы люблю их быт и поэзию».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3255 оф.

См.: 15 сентября 1913.

В этот день (24 октября н.ст.) Л.Н.Старк пишет Бунину с Капри:

«Дорогой Иван Алексеевич. Прочел в “Речи” краткое изложение Вашей речи на чествовании “Русских ведомостей” и захотелось от всего сердца поблагодарить Вас за нее и крепко пожать Вашу руку.

Вот и благодарю, как умею».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 207.

В московской газете «Утро России» (№ 234. С. 4) помещается шарж на Бунина с подписью под ним: «Иоанн IV-й Бунин. Шарж к случаю».

Писатель изображен в виде страуса с большим яйцом.

Октябрь, 12. В московской газете «Раннее утро» (№ 235. С. 6) помещается рецензия на 1-й сборник «Слово». Подпись: С.

Рецензент, в частности, отмечает: «Лучшая вещь в сборнике — “Росстани” И.Шмелева. <...> Обращает внимание рассказ И.Бунина “При дороге”. Будем надеяться, что следующие сборники товарищества писателей будут богаче и содержательнее, нежели первый опыт».

Октябрь, 13. В газете «Голос Москвы» (№ 236. С. 4) публикуются ответы на анкету «Прав ли Бунин?» по поводу его речи на юбилее «Русских ведомостей».

В начале анкеты говорится: «На юбилейном празднестве “Русских ведомостей” писатель-академик И.А.Бунин обрушился на современную литературу. <...> Словом, почтенный писатель выдал русской литературе наших дней волчий паспорт.

По заслугам ли? Действительно ли наша литература в периоде упадка?»

К.Д.Бальмонт в своем ответе отмечает: «Бунина я считаю человеком талантливым, но не большим. Вдобавок он увлекается своим академизмом, который не заслужен и не существует. Что касается его выпадов против кого бы то ни было в литературе, то они мне кажутся неуместными, ибо на свадебных обедах не говорят поминальных речей, а на поминальных — свадебных. Кроме того, именно в этой части своих слов он говорил против самого себя, против своего прошлого, а отрекаться от самого себя хотя бы и в прошлом, — стыдно».

Ю.К.Балтрушайтис отмечает: «Бунин поставил на один уровень и смешал в огульном осуждении крайне разнообразные явления литературы. <...> Бунин считает, что по сравнению с тем, что было 20 лет назад, в литературе наступил упадок. Лично я никакого упадка не замечал и полагаю, что наша литература осталась без перемены, если только не приобрела большей внутренней значительности».

В.Я.Брюсов, оговорившись, что сам речи не слышал, пишет: «Сомневаюсь, чтобы можно было доверять пересказу газет. В их изложении речь была просто вздорная <...>. Но, зная И.А.Бунина как человека умного и следящего за литературой, я не могу допустить, чтобы его речь была передана в газетах правильно. Поэтому от суждения о ней я воздерживаюсь».

М.П.Арцыбашев, отметив, что судит о речи Бунина только по газетным репортажам, пишет, что «речь эта вызвала во мне крайне неприятное удивление. <...> для меня представляется несомненным фактом, что литература наших дней утратила свою идейную цельность, утратила внутреннюю напряженность и стала более профессиональной, даже ремесленной, — стала продуктом спроса и предложения, в самом узком значении этих слов. Но утверждать, что это произошло потому, что в литературу во-

шел разночинец!.. Такое утверждение так странно <...>. Какая-то отжившая кастовая непримиримость звучит в нем. При чем тут разночинец?.. Талант, идейность, ум и проч. не составляют привилегии дворянского сословия, так же, как бездарность и беспринципность вовсе не характерны для других сословий. В наше время даже как-то дико говорить об этом! Я не понимаю, что разумел Бунин под словом "разночинец"».

Б.К.Зайцев, так же судя о речи по газетным репортажам, говорит: «При всем моем глубоком уважении к И.А.Бунину, решительно не могу согласиться с его оценкой литературы (и культуры) нашего времени. <...> Для того, кто осведомлен и не предубежден, ясно, что настоящая твердыня современной русской литературы — именно ее лирическая поэзия, давшая в лице Бальмонта, Бунина, Блока, Сологуба, Андрея Белого и некоторых других образцы искусства, очень далекие от улицы и хулиганства».

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 268. С. 4) в рубрике «Московские письма» печатается статья О.Савинича «Юбилей "Русских ведомостей" и выступление Бунина».

Репортер, в частности, отмечает: «Некоторым диссонансом прозвучало <...> лишь выступление "почетного академика И.Бунина".

На этом злобном и желчном выступлении следует остановиться.

<...> В прошлом году, на одном из собраний "литературной среды" <...> Иван Бунин сделал подобное же выступление.

Читал тогда свой новый рассказ Серафимович.

По прочтении рассказа И.Бунин обрушился на Серафимовича, обличая его в... декадентстве. Это Серафимовича! Обличение это было сделано в чрезвычайно злобной и грубой форме. И кому только не досталось в этом обличении! Всю русскую литературу после Толстого уничтожил, стер с лица земли. <...>

Выступление это было так нелепо и грубо, что на защиту символистов и декадентов выступили... Серафимович и молодой писатель-бытовик Шмелев.

К концу этого выступления И.Бунин был укрощен просьбами поклонников прочитать какое-нибудь свое стихотворение.

Он стал сразу похож на избалованного розового ребенка, таланты которого восхищенные родители демонстрируют перед гостями. И кротко, застенчиво улыбаясь и пожимая крепкими, сухими "плечиками" и жеманясь, он стал читать свои действительно прекрасные, полнозвучные и такие своеобразные стихи.

Но тогда это выступление было "домашнее", в своем кругу, в своей "среде".

А злоба росла, желчь разливалась. Хотелось зашипеть на ненавистную внебунинскую литературу так, чтобы не только домашние, а все, весь "честной народ" услышал.

И вот случай представился.

Конечно, форма речи почтенного академика Бунина покоробила собравшихся на торжество деятелей, друзей и читателей "Русских ведомостей", всегда признававших превыше всего благородство тона, корректность и спокойное, "академическое" отношение ко всем течениям и ко всем направлениям. Правда, речь вызвала в толпе довольно шумные аплодисменты, но ведь толпа — всегда толпа, даже и тогда, когда она собирается чествовать юбилей "Русских ведомостей"».

В московской газете «Русское слово» (№ 236. С. 7) помещается заметка «"Дело" академика И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается о передаче «дела» Бунина в связи с инцидентом на банкете в честь «Русских ведомостей» прокурору московского окружного суда.

Октябрь, 14. В петербургской газете «Речь» (№ 281. С. 4) в рубрике «Московская хроника» публикуется заметка «Дело академика И.А.Бунина».

В заметке сообщается: «Дело об оскорблении академиком И.А.Буниным пристава Строева препровождено прокурором судебному следователю 3-го участка г. Москвы г. Органову».

В той же газете (с. 5) в рубрике «За неделю» (без подписи) обозреватель пишет о юбилее «Русских ведомостей».

Подчеркнув, что пристав Строев был прав, закрыв дважды юбилейные заседания, журналист, в частности, отмечает: «Среди юбилейных речей выделилась одна, которая, несомненно, не носила юбилейного характера, но зато сама по себе была целым событием. Мы разумеем речь Бунина с его страстным отрицанием дутого модернизма и саморекламирующейся бездарности. Слово, сказанное Буниным, надо было сказать давно. Но что именно теперь и так оно было сказано, — тоже чрезвычайно характерно. Последний этап страстного отрицания носил прямо противоположный характер. Это был протест против традиционного типа русской интеллигенции во имя всех новейших “измов” в политике, литературе, философии и т.д. И у защитников традиционного типа не нашлось достаточно страсти для отпора. В речи г. Бунина мы, наконец, встретились с накопившимся чувством, с резким отрицанием отрицания. Очевидно, сумерки русского просвещения проходят. Пусть речь г. Бунина была не юбилейная, но на празднике газеты, которая все свое полувековое служение посвятила идеалам русской интеллигенции, эта реабилитация здравого смысла от наскоков преходящей моды была как нельзя более у места».

В московской газете «Столичная молва» (№ 332. С. 6) печатается статья «Литературные заметки. (“Слово” — первый сборник)». Подпись: Н.К-ов.

Рецензент, в частности, пишет: «Рассказ Ив.Бунина “При дороге” написан с присущим ему мастерством: всё у места, — ни лишних слов, ни докучных и ненужных подробностей. Все персонажи в рассказе говорят каждый на своем языке, нет “подслушанных” разговоров и приторной подделки под народную речь».

Пересказав сюжет рассказа, критик отмечает: «Может показаться, что рассказ Бунина не соответствует основному настроению сборника, но это только кажется благодаря присущей Бунину писательской скрытности.

Бунин бесстрашно правдив, и потому жизнь в его произведениях по большей части мерзка и уродлива, но в то же время он чувствует огромную красоту жизни во всем ее разнообразии и необъятности. И всякий, кто захочет вдуматься в смысл произведений Бунина, поймет, чего стоит ему эта художественная правда и какую боль причиняет ему поруганная красота».

Октябрь, 10...14. Бунин посылает Г.А.Вяткину оттиск рассказа «При дороге» из первого сборника «Слово».

Данный оттиск неизвестен. См.: 17 октября 1913, первая запись.

Октябрь, 15. Бунин пишет Г.А.Яблочкову, что получил его рукопись (вероятно, его переводы) и ждет его в Москве.

Письма (*2*). С. 293.

А.А.Шахматов пишет Бунину из Петербурга:

«Ваше письмо в "Русских ведомостях" я сообщил Вашим товарищам по Разряду изящной словесности. Мы все шлем Вам искреннее наше сочувствие и лучшие пожелания».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 238.

В газете «Голос Москвы» (№ 237. С. 2) помещается «Ответ И.А.Бунина. (Беседа)» по поводу мнения некоторых писателей о его речи на юбилее «Русских ведомостей».

В беседе с корреспондентом газеты Бунин, отметив, что большинство высказавшихся писателей речи его сами не слышали, а судят о ней по газетным репортажам, в основном неточным и неверным, говорит: «Бальмонт говорит, что на свадебных обедах не говорят похоронных речей. Совершенно верно. Но, во-первых, это был не обед и не свадебный, а общественное торжество, а, во-вторых, если бы я говорил похоронную речь по поводу "Русских ведомостей", то это было бы, конечно, и неуместно и глупо. Но ведь я хоронил единомышленников Бальмонта, к которым "Русские ведомости", по-моему, относились в общем отрицательно». По поводу слова «разночинец», прозвучавшего в речи, Бунин отвечает М.П.Арцыбашеву: «...мне совестно пояснять его Арцыбашеву, доказывать ему, что это слово давным-давно употребляется далеко не одними дворянами, что оно никогда не заключало в себе ничего кастового, ни малейшего презрительного отношения к людям недворянского происхождения и что связывать это слово с моими якобы дворянскими тенденциями — просто стыдно. <...>

Зайцев вообразил, что я против европеизации и приписывает мне совершенно младенческий призыв назад, к 60-м годам, над которыми, кстати сказать, совершенно не след иронизировать, ибо, не говоря уже о чем ином, нужно помнить, что в 60-е годы писали такие художники, как Толстой, Тургенев, Достоевский, Герцен, Фет, — не хуже Блока, Андрея Белого и Сологуба, — и что тогда работали по изучению русского искусства и русской культуры люди не меньше, чем Муратов, Грабарь и проч., о которых упоминает Зайцев. <...>

Балтрушайтис <...> говорит, что я смешал в огульном осуждении "крайне разнообразные явления литературы". <...> я говорил, что "Русские ведомости" относились к этим разнообразным явлениям *одинаково* отрицательно, или же хранили по поводу них золотое молчание. Кроме того, я в своей речи несколько раз подчеркивал, что я говорю *не обо всех* представителях литературы и вообще печатного слова, что я говорю о *преобладавшем и преобладающем*.

Вообще же скажу следующее: некоторые газеты, разбирая мою речь, находят ее "неуместной" на торжестве. Еще раз напомню, что на торжествах общественных, коим и был юбилей "Русских ведомостей", искони принято рисовать ту среду, в которой жил и действовал юбиляр, и что ораторы, вы-

ступавшие рядом со мною 6 октября, так именно и поступали. Ораторы эти касались наших общественных, политических, экономических дел и рисовали картины весьма безотрадные, говоря о позиции "Русских ведомостей" по отношению ко всем этим картинам.

Почему же нельзя было касаться *литературы*? Думаю, что не только было можно, но и должно, да, несомненно, думала так же и та громадная аудитория — цвет русской интеллигенции, съехавшейся со всех концов России, — которая неоднократно — и как раз тогда, когда я говорил о литературе — прерывала меня такими горячими, даже, смею сказать, бурными аплодисментами».

В петербургской газете «За правду» (№ 10. С. 1) публикуется статья В.И.Ленина «О "юбилее русской интеллигенции"». Без подписи.

В статье отмечается: «Пятидесятилетний юбилей московской либеральной газеты вызвал потоки хвалебных речей со стороны всех и всяческих российских либералов. Это естественно, законно, последовательно. Либералам полагается чествовать юбилей либеральной газеты. "Рус. вед." были не хуже других либеральных газет, а в некоторых отношениях (напр., по обилию научного материала) они стояли, безусловно, выше среднего либерального уровня.

Но когда краснобаи либерализма, гг. Ковалевский, Милюков, Мануйлов, Бунин и т.п. хвалят "Рус. вед." от имени демократии и с точки зрения якобы демократической, то эта вопиющая ложь не должна остаться без отпора.

Господа именитые и знаменитые либералы! Вы все клянетесь и божитесь, что стоите за политическую свободу. Но вы не хотите понять простой вещи, а именно, что не заслужило политической свободы и никогда не может добиться ее такое либеральное общество, которое без отпора оставляет контрреволюционные выступления либералов в России.

Вы празднуете 50-летний юбилей "Рус. вед."? Прекрасно. Так не прячьте *правды*. Не забывайте того, что "Рус. ведомости" — одна из первых либеральных газет, которая ставила подножку первому серьезному и глубокому движению масс в России, преследовавшему цель достижения политической свободы.

Это было *летом* пятого года».

Авторство статьи установлено по: Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1969. Т. 24. С. 76–77.

В газете «Киевская мысль» (№ 285. С. 2) печатается рецензия Л.Н.Войтоловского на первый сборник «Слово».

Критик, в частности, пишет: «Но лучший рассказ в этом сборнике — "При дороге", принадлежащий Ив.Бунину. <...> Бунин описывает только индивидуальное, только личное. <...> У каждого из них <героев рассказа> свои мечты, свои интересы, свои грехи и свои человеческие ошибки. И каждый видит совсем не то, что представляется другому. Но кто-то, — гений рода или гений истории? — кто-то лишенный сострадания, слепой и небрежный, сталкивает друг с другом эти чужие жизни, свивает спиралью, рвет и разбрасывает их по всему мировому пространству. Что означают эти неожиданные встречи, эти оборванные поцелуи?

Бунин никогда не говорит, а может быть, и не думает об этом. Но в его распоряжении всегда имеются такие яркие краски для изображения волнистых полей, по ко-

торым странствуют одинокие люди, для описания кошачьих лиц и блестящих глаз. Бунин знает такое множество прекрасных слов, которыми он так волнующе хорошо рассказывает об ударах судьбы, о покинутых девушках, о смерти. Он с удивительной быстротой гонит события перед вами, не дает вам перевести дух. Каждое мгновение жизни воспроизводит он во всей полноте, во всем его эстетическом блеске. И вы без размышлений доверяетесь потоку его нервного воображения и расстаетесь с ним, обогащенный новыми воспоминаниями и новыми лицами. Такой редкой определенностью характеристик отличаются Устин, Параша и Никанор в рассказе “При дороге”. Эти лица должны быть отнесены к наследию незабываемых литературных фигур».

Октябрь, после 15. В письме А.М.Горькому Бунин укоряет его за молчание «с самого мая» и сообщает:

«Мы сидим в Москве, я запутался во всяческих скандалах»; при письме посылает № «Русских ведомостей» со своим «Письмом в редакцию» по поводу инцидента на банкете в честь «Русских ведомостей».

Письма (*2*). С. 293.

Октябрь, 16. В газете «Голос Москвы» (№ 238. С. 3) продолжается публикация ответов на анкету «Прав ли Бунин?».

Д.М.Ратгауз подчеркивает: «Каждый человек, если ему дорога истинная русская литература, если он с гордостью сознает, что Л.Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Пушкин, Лермонтов — русские, то он должен горячо и от души пожать руку уважаемого академика Ивана Алексеевича Бунина за его “смелое” выступление против той псевдолитературы, которая за последние 10–15 лет густым роем саранчи осела на ниве русской словесности в виде модернизма, футуризма и других направлений, ничего общего не имеющих с художественной литературой».

В.Лесин пишет: «Мнение академика Бунина — одно из тех откровенных и смелых мнений, которые на время способны всколыхнуть общественную мысль и оторвать от самолюбования наших литературных олимпийцев».

И.А.Белоусов, полностью поддерживая выступление Бунина, отмечает: «...я часто высказывал, что литература последних лет испортила читателей, и главный ее грех в том, что она развратила юношество, она не могла привить ему крепких устоев нравственности и не научила его не только чтить, но даже познавать вечные истины — правду и любовь. <...> До Ивана Алексеевича никто так твердо и прямо не говорил об этом. Я преклоняюсь перед его мужеством».

В иркутской газете «Сибирь» (№ 237. С. 1–2) помещается отчетная заметка И.И.Попова «“Русские ведомости”. (Юбилей)».

В заметке не совсем верно передается краткое резюме речи Бунина: «Почетный академик И.А.Бунин отмечает одну из многих заслуг юбиляра — терпимое, спокойное, благородное отношение “Русских ведомостей” ко всем литературным течениям и способность этой газеты с величайшей корректностью и беспристрастием оценивать все явления литературы».

В вечернем выпуске харьковской газеты «Южный край» (№ 11682. С. 3) печатается статья В.Власова «Вины И.Бунина».

Автор статьи пишет: «Не повезло И.Бунину с юбилеем “Русских ведомостей”.

С двух сторон не повезло.

С одной стороны — попал в протокол за “сопротивление” полиции.

С другой — отозвался неодобрительно о направлении молодой литературы.

Строгому стилисту, академику, поэту, одержимому грустью по красоте старого дворянского гнезда, чуткому к строгой красоте и спокойствию природы, вся современная литература, нервная, раздерганная, дисгармоничная, представляется чем-то, безусловно, отрицательным, безусловно, пустым, кричащим и проходящим.

— Словоблудие, — сказал академик.

Академик Бунин — бельмо на глазу у многих.

Бунин не отказался от почетного звания, как это сделал Короленко.

Бунин, получив почетное звание, как теперь говорят, отошел от кружков “молодой литературы”.

И мало того. Публично, на юбилее “Русских ведомостей” он заявил о своем отношении к этим молодым.

Таковы проступки И.Бунина. <...>

В историю русской литературы перейдут немногие, очень немногие из современных писателей.

И раньше всех — Бунин.

О Бальмонте, Сологубе и даже Брюсове будут долго спорить.

О Бунине споров не будет.

Конечно, о Бунине-поэте, стихотворце, ибо есть два Бунина мало похожих один на другого. Поэт и беллетрист. Насколько неоспорим первый, настолько спорен второй.

Но о поэте Бунине не будет споров.

Быть может, он меньше Бальмонта, Сологуба и Брюсова, если величина поэта соответствует размаху его “дерзаний”, но он — спокоен, академичен, строг, созерцателен, выдержан.

Его место рядом с Тютчевым, Фетом, Апухтиным, Голенищевым-Кутузовым.

Его место — в стороне от большой дороги литературы, от ее кипучих центров.

Его место — в молчаливом храме поэзии.

Вот почему шумливая, крикливая, пестрая литература-модерн <...> ему кажется словомудрием.

Мало слов, мало созерцания, мало мысли.

Конечно, свой эпитет Бунин прицепил не к Бальмонту, Брюсову и Сологубу, как это думают иные.

Нет. Это слово относится к тем, кто бегут за большими и машут руками, чтобы и самим казаться большими.

А таких разве мало? <...> Вот чью литературу Бунин обозвал “словоблудием”.

Литература, которая понижает вкус.

И разве не имел право сказать об этой литературе свое мнение писатель, искренно любящий литературу, имеющий перед нею заслуги?

Не только имел право, — но должен был, ибо для этого нужно было иметь некоторую смелость.

Бунин осмелился... и попал в протокол....

С одной стороны — за сопротивление полиции, с другой — за неодобрительный отзыв о малых, которые хотят и не могут быть большими, не могут догнать даже и “небольшого”, по их мнению, академика Бунина».

Октябрь, 17. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Петербурга:

«Дорогой Иван Алексеевич, право не знаю, как благодарить Вас за присланный Вами оттиск “При дороге”.

Снова мне хочется сказать Вам, что я всей душой люблю каждую строчку Вашу — особенно стихи. Хочется сказать, что обаяние Чехова перешло к Вам — я не нахожу более лучшего выражения... <...> большое, большое спасибо за большую радость.

А все-таки — может быть, и новую книжку свою пришлете?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 82, л. 3.

См.: до 2 октября 1913.

В петербургской газете «Земщина» (№ 1472. С. 4) в рубрике «Маленький фельетон» публикуется сатирическое стихотворение «Поехали» («Хулиганскую газету...»). Подпись: Д-й. В частности, затрагивается инцидент Бунина с приставом Строевым на банкете в честь 50-летия газеты «Русские ведомости».

Выходит № 42 журнала «Церковный вестник», в котором (стб. 1300–1302) публикуется статья П.Никольского «Властители дум».

Критик, в частности, пишет: «Беспринципная литература заполонила не только улицу, но подавляет все идейное и в составе общественных библиотек, отравляя своим ядом общественный вкус и особенно нравственное чувство молодежи. Я знаю случаи, когда родители тщательно прятали от своих детей-подростков литературные новинки, в которых все названо своими именами и в которых все pudenda, рассказано с протокольною точностью. И такие произведения выходят из-под пера Куприна и даже Бунина, образцового стилиста, избранного членом Академии наук по отделу изящной словесности. Не говорим уже о Кузминых, Каменских и т.п.»

Ф.Ф.Фидлер приходит в гости к Ф.К.Сологубу, который в беседе с ним, в частности, высказывает свое мнение по поводу речи Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости».

В дневнике Ф.Ф.Фидлер записывает 17 октября 1913 г.: «Собирался сегодня заглянуть на четверть часа к Сологубу, а провел у него целых два часа. <...>

Весьма несдержанно отозвался Сологуб о поведении Бунина на юбилее “Русских ведомостей” в Москве. Сперва говорил о речи Бунина, в которой тот клеймил модернистов за страсть к рекламе и прибыли, а сам, по словам Сологуба, — один из главных рекламистов, и к тому же скряга, готовый торговаться из-за каждой копейки гонорара. Потом — о конфликте с приставом: мол, не пристало Бунину козырять тем, что он — почетный академик. “Это не только глупо, это позорно и *гнусно*!”»

Фидлер. С. 610–611.

Октябрь, 19. Л.М.Парецкая, А.Гирш, С.Барановская пишут Бунину из Киева:

«Реферат, читанный Вами на юбилее “Русских ведомостей”, навел нас на эту мысль звать Вас к нам в Киев, чтобы услышать из Ваших уст живое сло-

во, столь дорогое нам, молодежи. Мы просим Вас <...> прочесть этот реферат в пользу наших курсисток самаритских курсов (так называемых лекарских помощниц), которые в настоящее время переживают острую нужду».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3108 оф.

Октябрь, середина. Л.О.Кармен пишет Бунину из Куоккалы:

«Сейчас прочитал Ваше “При дороге”, — взял у Чуковского.

Я люблю всегда первое сравнение, пришедшее в голову. Этот рассказ представляется мне кошелем, туго набитым золотом, такой густой, сочный, ароматный, удивительно сколоченный. Сокровищ его хватило бы иному на десять рассказов». Далее, цитируя рассказ, продолжает:

«Хорошо и как-то необычно, ново <...>.

Как это правдиво <...>.

Все это, понятно, только крупинки золота из огромного кошеля.

Вы часто с любовью говорили о Флобере, цитировали некоторые места из его “Простого сердца”. Помните? <...>

Думается, что Вы давно оставили Флобера позади».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3421 оф.

Датируется предположительно по содержанию.

Октябрь, 21. В петербургской газете «Речь» (№ 288. С. 5) помещается рецензия Е.А.Колтоновской на 1-й сборник «Слово» (М., 1913).

Критик, в частности, пишет: «Даже у таких, вполне сложившихся писателей, как Бунин, чувствуется движение вперед, внутреннее развитие. В рассказе “При дороге” он ушел от своего утрированного серого реализма, дал себе свободу. Конкретность изображения здесь сочетается у него с полетом. Психология деревенской девицы <...> необычно тонка и сложна. Рассказ “При дороге” захватывает, несмотря на свой малоубедительный, мало драматический финал».

Октябрь, 22. Из редакции петербургского журнала «Современный мир» Н.И.Иорданский пишет Бунину:

«Я буду очень рад, если Тальников привьется у нас. Для журнала необходим еще один критик. <...> очень просим его начать немедленно. <...>

Затем, дорогой Иван Алексеевич, пожалуйста, сообщите название рассказа, который Вы мне обещали на январь. Я составляю теперь объявление на будущий год, и очень хотел бы поставить в него и Вас».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 10.

Г.А.Яблочков пишет Бунину из Ветлуги:

«Сегодня послал Вам на Столовый пер. первые шестьдесят страниц Леконта-де-Лиля. Там много великолепных вещей. Через неделю пришлю еще страниц сорок. Несколько слов остались для меня неясными — я их подчеркнул. Разберусь, когда приеду в Москву, что будет недели через три, если только Вас застану еще. Теперь главным образом занят переводом».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 251, л. 2.

Октябрь, 2...23. Бунин посылает Л.С.Козловскому книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), очевидно, с дарственной надписью.

Границы события определены по времени выхода книги и ответному письму Л.С.Козловского. Этот экземпляр неизвестен. См.: до 2 октября 1913, первая запись; 24 октября 1913, пятая запись.

Октябрь, 23. В литературном кружке «Среда» Бунин читает свои произведения.

См.: 24 октября 1913, пятая запись.

Газета «Голос Москвы» (№ 244. С. 5) печатает заключительную подборку ответов на анкету «Прав ли Бунин? Отклики наших читателей».

Рабочий Николай Чернов из Пензы выражает общее согласие с позицией Бунина, но оспаривает мнение писателя о том, «что в этом виноваты одни писатели-“разночинцы”. Тяжело слышать подобное заключение из уст бывшего “народника” и единомышленника Горького. <...>

Я не знаю, каково происхождение символистов, импрессионистов, акмеистов, адамистов, футуристов и прочих “истов”... Мне думается, что большинство этих “утонченных эстетов” из того же “привилегированного” сословия, к которому имеет честь принадлежать и сам И.А.Бунин. А если и нет, то ведь все равно зло заключается не в этом, а в совершенно других, более важных причинах».

М.Якубович из Смоленска отмечает: «Возможно, что огульное обвинение современной русской литературы в недостатке культурности и страдает некоторой неосторожностью. Однако, несомненно, что И.А.Бунин затронул глубокие и острые вопросы, которые, к сожалению, тщательно замалчивались почти всеми нашими критиками. Упадок нравственно-культурного духа совпал в истории русской литературы с исчезновением ее сословно-дворянского характера. Утверждать это вовсе не значит еще призывать к политической или социальной реакции, и это не дает никакого права причислять И.А. к числу обскурантов. Литературный разночинец сегодняшнего дня не воспринял культурных заветов своего предшественника – идеалиста-дворянина».

П.В.Пирогов пишет: «По-моему, весь инцидент с выпадом г. Бунина – “много шума из ничего”.

Я помню еще одно странное выступление г. Бунина. Это было в 50-летие со дня рождения А.П.Чехова. Г. Бунин, в числе других, должен был прочесть свои воспоминания об А.П. Он подчеркнул в них свою близость к покойному и стал говорить о том, что наша читающая интеллигенция не понимает Чехова.

“Нам, друзьям Чехова, — сказал он, — нужно рассеять те неверные представления, которые существуют в публике об А.П.”.

Чехов, конечно, не может быть причислен к литературе упадка, и, очевидно, он один из тех, кого г. Бунин приводит в пример опустившейся современной литературе.

Оценка современной литературы требует, прежде всего, чтобы несколько улеглись страсти, чтобы всякие течения в ней проявили себя. Пока нет спокойного, объективного отношения к писателю, всегда можно вынести несправедливый приговор».

Октябрь, 24. Бунин присутствует на вечере в Литературно-художественном кружке, где С.С.Юшкевич читает свой роман «Леон Дрей».

На этом вечере Бунин встречается с Н.М.Гариной, которой преподносит свой кабинетный фотопортрет с надписью:

«Многоуважаемой Нине Михайловне Ив.Бунин 24 окт. 1913 г.».

Бунин дарит ей книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Многоуважаемой Нине Михайловне Гариной как память об авторе. Ив.Бунин 24 окт. 1913 г.».

Данный экземпляр книги неизвестен. Текст дарственной надписи зафиксирован в альбоме Н.М.Гариной.

В альбоме Н.М.Гариной Бунин оставляет запись:

«Ив.Бунин. 24 окт. 1913 г. Вечер. Шум, дым, буйный Юшкевич...».

ИРЛИ ОР, ф. 736, № 57, л. 2, 12 об.

Л.С.Козловский, получив от Бунина книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), пишет ему по городской почте в Москве:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваш любезный подарок. Отдельные рассказы, вошедшие в Ваш последний сборник, я читал по мере того, как они появлялись, а некоторые из них слышал в “Среде”, но, объединенные вместе, они в моих глазах получили новый смысл, на который Вы, по-видимому, и намекаете эпиграфом из Аксакова: “не прошла еще древняя Русь”. Мыслями, навеянными Вашими картинами этой живучести древней Руси мне хотелось бы поделиться с читателями, и если И.Н.Игнатов не будет писать о Вашем сборнике в “Русских ведомостях”, то напишу о нем я.

Пользуюсь случаем выразить свое искреннее восхищение Вашим рассказом “При дороге” в сборнике “Слово”. <...>

P.S. С большим сожалением узнал только сегодня, что вчера Вы читали в “Среде”. Непременно пришел бы, если бы вовремя получил повестку».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 118, л. 1–2.

Начинающий писатель Н.Н.Тюрин пишет Бунину из Москвы:

«Пользуясь Вашим великодушным разрешением, препровождаю Вам мои рукописи. Пишу – рукописи, т.к. кроме повести, о которой я говорил Вам, приложил еще два рассказа <...>, едва ли скоро представится такой счастливый случай слышать ценный и авторитетный отзыв».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3157/1 оф.

Выходит № 21 журнала «Новый Сатирикон», в котором (с. 3) помещается стихотворение В.Воинова «Рукава» («Пристава Строева взяв за рукав...»).

Стихотворение по поводу инцидента, произошедшего между Буниным и приставом Строевым на банкете в честь 50-летия газеты «Русские ведомости».

Октябрь, 27. На чествовании И.Е.Репина в гостинице «Княжий двор» Бунин выступает с приветственной речью. После чествования все присутствующие идут в ресторан «Прага», где среди прочих выступавших Бунин читает свои стихи. Художника чествуют в связи

с благополучной реставрацией его картины «Иван Грозный убивает своего сына».

В московском журнале «Искры» (№ 43. 3 нояб. С. 338) помещается краткая информация о чествовании И.Е.Репина и групповая фотография гостей, присутствующих на банкете в «Праге»: И.Е.Репин, М.Н.Муромцева, М.А.Дейша-Сионицкая, С.В.Яблоновский, К.И.Чуковский, К.К.Первухин, С.С.Мамонтов, В.В.Переплетчиков, К.А.Коровин, А.Р.Ледницкий, С.Л.Толстой, Ф.И.Шаляпин, А.И.Третьякова, И.Бунин, Ю.Бунин и др.

В газете «Русские ведомости» (29 окт. (№ 249). С. 5) в отчетной заметке «Чествование И.Е.Репина» (без подписи) сообщается: «В воскресенье <27 октября> происходило чествование И.Е.Репина. Воспользовавшись пребыванием художника в Москве, представители различных общественных организаций собрались для чествования его во 2-м часу дня в гостинице “Княжий двор”, где остановился И.Е.Репин. Здесь находились почетный академик И.А.Бунин, С.И.Мамонтов, А.М.Васнецов, В.В.Переплетчиков, гр. С.Л.Толстой, В.М.Фриче, А.Р.Ледницкий, Ю.А.Бунин, Н.Д.Телешов, директор Строгановского училища Н.В.Глоба, Н.М.Кишкин, К.И.Чуковский, М.Н.Климентова-Муромцева, С.В.Яблоновский и др. <...> И.А.Бунин, приветствуя художника, отметил, что в настоящее время искусство сосредоточивается преимущественно на подробностях, элементах, которые остаются не одухотворенными идеей. Но есть представители искусства, которые влагают всю свою душу в произведения, являющиеся глубокими по содержанию. К числу таких художников принадлежит и И.Е.Репин. <...> Чествование закончилось банкетом в гостинице “Прага”, на котором произнесено было много тостов и речей. <...> Говорил между прочим Ф.И.Шаляпин».

В статье С.С.Мамонтова «Чествование И.Е.Репина» в газете «Русское слово» (29 окт. (№ 249). С. 7), в частности, говорится: «27 октября в гостиницу “Княжий двор”, где остановился Репин, к 2 ч. дня собрались друзья и почитатели художника <...>. Яркие и красивые речи сказали академик И.А.Бунин и депутат 1-й Думы А.Р.Ледницкий. После чествования все присутствующие отправились в “Прагу”, подъехал Ф.И.Шаляпин после спектакля. И.А.Бунин декламировал свои стихи».

См. также отчетные заметки в газетах «Голос Москвы» (29 окт. (№ 249). С. 5), «Речь» (28 окт. (№ 295). С. 3), в журнале «Рампа и жизнь» (№ 44. (3 нояб.). С. 11–12) .

Картина И.Е.Репина «Иван Грозный убивает своего сына» была изрезана в музее 16 января 1913 г. старообрядцем А.А.Балашовым.

Октябрь, 28. В приложении к № 292 петербургской газеты «День» помещаются материалы о Бунине:

— статья С.А.Ауслендера «В защиту современников» (с. 2).

Журналист пишет: «Академик Бунин на недавних юбилейных празднествах “Русских ведомостей” произнес речь, в которой более чем сурово порицал современную русскую литературу. Я не знаю речи Бунина, но уже самый факт, что на таком культурном празднике, как юбилей старейшей и культурнейшей русской газеты, один из самых почтенных литераторов не нашел для своей речи другой темы, как огульная хула литературной современности — самый этот факт кажется мне весьма характерным.

Действительно, кто в наше время не порицает, не хулит современной литературы?» Далее критик выступает в защиту современной русской литературы и в подтверждение своих слов в качестве примера упоминает следующие «значительные произведения»: роман Д.С.Мережковского «Александр I», который сравнивается с «Войной и миром» Л.Н.Толстого; роман Б.К.Зайцева «Далекий край», «изумительный» роман «совершеннейшего мастера» Ф.Сологуба «Слаще яда»; роман В.Я.Брюсова «Алтарь Победы», в котором сочетается «огромная культурность» с «пылкой творческой фантазией». В заключение отмечается: «Можно было бы назвать, по крайней мере, десяток авторов самых разнообразных, которые достойны того, чтобы привлечь к себе внимание. Откуда же это ощущение пустоты, серой скуки, незначительности? Заслужила ли современная литература равнодушное пренебрежение?»

— рецензия Ф.Щеколдина на 1-й сборник «Слово» (М., 1913) (с. 3).

Рецензент пишет о рассказе «При дороге»: «Хорошо переданы у И.Бунина переживания одиноко выросшей и замкнутой девушки-подростка, в тумане неясных мечтаний отдающейся подвернувшемуся негодяю; но в целом рассказ напоминает что-то уже раньше написанное Буниным».

В петербургской газете «Новое время» (№ 13517. С. 4) публикуется статья Н.Е.Вильде «Пестрые беседы. Разночинец».

Журналист пишет по поводу речи Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости»: «Г. Бунин вызвал некоторого рода бурю возмущения вырвавшимся у него словечком о разночинце, ворвавшемся в современную литературу.

Я думаю, не то слово нужно было сказать г. Бунину. <...> Слово “разночинец” звучит в особенности странным, чем-то отжившим в наше время.

Хотя человеческая слабость неизменно продолжает тянуть людей к чинам (быть может, не без нее и поэт-академик Бунин) <...>.

О, нет, не разночинец вошел в литературу, а пошляк, рыночный торговец, порнограф, прикрывающийся грошовым философствованием. <...>

Не разночинец, а самоуверенный необразованный пошляк вошел в искусство, вошел в критику, в особенности, газетную. <...>

Если бы г. Бунин сказал, что в литературу (и в искусство вообще) пришел *безчинец*, это, мне кажется, было бы вернее».

Октябрь, 30. В московской газете «Русское слово» (№ 250. С. 4) публикуется ответ Бунина на анкету «Отзывы о приговоре» в связи с вынесением оправдательного приговора по делу М.Бейлиса.

«— Не стал бы я говорить о деле Бейлиса, потому что двух мнений о нем в той среде, к которой я принадлежу, не может быть.

Но говорить надо. Было бы весьма полезно, чтобы возможно большее число людей высказалось об этом деле, тем более, что приговор суда вылился в такую все же двойственную формулу. Полагаю, что, к сожалению, возникновение этого средневекового дела возможно было только в России, но все же не русский народ затеял его.

Говорю так потому, что, насколько это в моих силах, знаю русский и южно-русский народ, знаю и еврейский, и те взгляды русского народа на ев-

рейский, которые — каковы бы они ни были — все же исключают реальную возможность обвинения в изуверстве.

Всем известно, что не с добрым умыслом было затеяно это нелепое обвинение.

Но вдохновители обвинения не рассчитали, что настроение общества с момента возникновения дела Бейлиса все же изменилось и что в глубинах сердца русского народа нет и не было убежденности в этом изуверстве. <...>

Теперь получилась двойственность приговора. Бейлис оправдан, а ритуал как бы признан “под сурдинку”.

Но удастся ли этой “сурдинкой” воздействовать на широкую массу русского народа — еще большой вопрос.

Можно, в конце концов, очень радоваться исходу этого дела, ибо конкретное обвинение, обвинение живого лица, все же пало и остались одни темные намеки».

На анкету также ответили Д.С.Мережковский, А.И.Куприн, В.В.Вересаев, И.Н.Потапенко, А.Л.Волынский, А.М.Горький, А.В.Амфитеатров, Г.Зудерман, А.Франс, К.Гамсун, Г.Д’Аннунцио, М.Метерлинк и др.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 2087. С. 2–3) помещается статья А.Ожигова «Литературные мотивы» о 1-м сборнике «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «Вернуться опять к деревне, значит опять попасть в старую колею пессимизма и всех черных полос нашей жизни. А Ив.Бунин — неисправимый пессимист относительно деревни. Он видит ее жизнь под определенным углом. И хотя мрачна его кисть, но настолько она правдива, что у читателя никогда не остается никакого сомнения в реальности картины, в верности бытия.

На этот раз Ив.Бунин рисует нам прекрасную юную женскую душу, зря, не нужно погибающую <рассказ “При дороге”>. Очень тонкими штрихами, точно интимно погружаясь в самые тайники женской души, дает талантливый писатель переживания простой деревенской девушки, охваченной жадным желанием жить».

Кратко пересказав сюжет рассказа, критик заключает: «Этот трагический эпизод интересен именно тем, что он не будничен по психологии женской души, очень красиво раскрываемой автором. Все ее тонкие переживания переданы с трогательной простотой и изяществом, очерчены глубоко, и точно ажурной кажется юная душа только что начавшей жить женщины, на пороге жизни упавшей и больно разбившейся и еще больнее разбившей все свои мечтания».

Октябрь, 31. Бунин присутствует на ужине, который дает в его честь группа членов «Московского Литературно-художественного кружка».

В «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1913. Вып. 2. С. 25) сообщается: «31 октября группою членов Кружка был организован подписной ужин в честь академика, почетного члена Кружка, Ивана Алексеевича Бунина по случаю его отъезда из Москвы».

В петербургском журнале «За 7 дней» (№ 39. С. 839–840) печатается рецензия В.Л.Львова-Рогачевского «Живая книга» на 1-й сборник «Слово».

Рецензент пишет: «Лучшим в сборнике является прекрасный, свежий и яркий, как весеннее утро, рассказ Ив.Бунина “При дороге”. Если “Ночной разговор” когда-то нарушал цельность “1-го сборника” <“Издательского товарищества писателей”>, то здесь, в этой книге трепещущий поэзией очерк “При дороге” является украшением. Он написан со строгой сдержанностью, недосказанностью, его не читаешь, а жадно пьешь, строка за строкой, и кончаешь, долго не можешь успокоиться, долго сидишь, как очарованный. Тяжела судьба людей, обрисованных Ив.Буниным, а вы радуетесь, улыбаетесь, и нет у вас мрачного отношения к описанному, ибо художник заставляет вас любить жизнь “нутром и чревом”».

Октябрь, 2...31. Бунин дарит В.М.Дорошевичу книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Глубокоуважаемому Власу Михайловичу Дорошевичу автор».

РНБ, 37.45.5.25а.

Бунин дарит Н.А.Котляревскому книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Дорогому Нестору Александровичу автор».

ИРЛИ Б-ка, 44.43.

Бунин дарит С.А.Кречетову книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Сергею Алексеевичу Кречетову автор».

ГЛМ ОКФ, № 94645.

Бунин дарит Е.П.Пешковой книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Дорогой Катерине Павловне автор».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Бунин посылает П.Н.Сакулину книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с дарственной надписью:

«Дорогому Павлу Никитичу с глубоким уважением автор».

ЕКМ – 7512. КН – 1878.

См.: 4 ноября 1913, вторая запись.

Бунин дарит А.И.Сумбатову (Южину) книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Глубокоуважаемому Князю Александру Ивановичу Сумбатову автор».

ГЛМ ОКФ, № 161931.

Бунин дарит Д.Л.Тальникову книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Давиду Лазаревичу любящий его автор».

РГБ ОР, ф. 487, к. 36, ед. хр. 3.

Бунин дарит Московскому Литературно-художественному кружку книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Библиотеке Л.Х.Кружка автор».

Научная библиотека Российского
института истории искусств, Авт Б-910.

Границы событий определены по времени выхода книги в свет и дате отъезда Бунина из Москвы. Крайняя граница даты последней записи уточнена по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1913. Вып. 2. С. 18).

Ноябрь, 1. В письме Н.М.Мешкову Бунин выражает удивление тем, что ему вернули его стихи из журнала «Вестник Европы», и сообщает, что Д.Н.Овсянико-Куликовский обещал напечатать некоторые из них в журнале.

Письма (*2*). С. 293–294.

Н.С.Клестов как заведующий конторой и складом «Книгоиздательства писателей в Москве» посылает Бунину докладную записку, в которой представлен баланс на 1-е августа 1913 г. и сообщается, что год закончен с убытком в 1392 р. 13 к. и дается подробный финансовый отчет; предлагается издать письма А.П.Чехова и «Сказки» А.М.Горького, что было бы очень выгодно.

Далее пишет: «Высчитывая, таким образом прибыль, ни “Суходол” И.А.Бунина, ни 3-й том “Рассказов” И.С.Шмелева, ни 6-й том Ценского не дали издательству дохода, ибо не оправдали еще расходов по изданию. <...>

Несомненный доход издательство получило с комиссионных изданий и главным образом со следующих: <...> книги И.А.Бунина — 90 р. <...>». В связи со сложившимся финансовым положением предлагается выплачивать авторам только 50% гонорара с тем, чтобы вторая половина гонорарных денег шла на покрытие расходов.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 348.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки, укоряя его за молчание:

«В самой сущности я понимаю это и вовсе не сержусь. Увы... Я знал вас скромным писателем и академиком, а ныне вы — почетный член московской оппозиции российскому правительству и с высоты инцидента смотрите на мою плешь. Везет вам, дорогой мой, как утопленнику. Помните, я говорил в Клеевке, что вам для биографии необходимо учинить что-нибудь эдакое экстраординарное: вздуть Леонида Андреева, или жениться на четырех египтянках <...>. Теперь в этом нет надобности, — само пришло.

Шуток кроме, любимый мой, я еду в Египет и далее и зову вас туды».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 649.

А.М.Горький (14 ноября н. ст.) пишет Д.Н.Семеновскому с Капри:

«Чтоб понять, что такое Клычковы, какие они еще мальчики, сравните их стихи со стихами хотя бы Бунина, взяв его последнюю книгу “Иоанн Рыдалец”, посмотрите, какая строгость, серьезность, какая экономия слова и любовь к нему. Вообще же учиться нужно по Пушкину, а от того, кто скажет Вам, что Пушкин устарел, — идите прочь!»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 63.

А.М.Горький пишет Ю.Н.Зубовскому:

«У нас стихи писали хорошо только старые поэты, прежде всех — Пушкин. Из современников обратите внимание на Бунина, — он чище и строже многих».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 64.

Ноябрь, 1 или 2. Бунин уезжает из Москвы в Кисловодск с Н.А.Пушешниковым.

См.: 5 ноября 1913, первая запись; 17 ноября 1913, первая запись.

Ноябрь, до 3. Выходит № 11 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 428) помещается рецензия Е.А.Колтоновской на 1-й сборник «Слово» (М., 1913). Подпись: Е.К.

Рецензент пишет: «Этот сборник благоприятно выделяется среди других аналогичных изданий общей литературностью физиономии и серьезностью поставленной задачи. <...> Чрезвычайно красив и ярок рассказ Бунина: “При дороге”, в котором писатель вступил как бы в новый этап *идеализма*; обычная рельефность и тщательность реалистического рисунка у него сочетается с совершенно не свойственным ему раньше подъемом, зрелость — с хмельностью».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 нояб. (№ 254). С. 7).

Ноябрь, 3. В ростовской газете «Утро юга» (№ 269. С. 7) публикуется заметка «На тему вчерашнего дня». Подпись: И.Ш.

В форме диалога «двух интеллигентов» автор пишет о речи Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости»: «Не знаю, многие ли помнят, что на юбилейном чествовании “Русских ведомостей” поэт И.А.Бунин произнес речь, представлявшую формальный обвинительный акт по адресу современной русской литературы и печати. Этой речи вслух похлопали, втихомолку пошикали, В.Брюсов косвенно ответил на нее на самом чествовании, да, пожалуй, посплетничали о ней в литераторских кругах — и забыли. <...>

— Вот посмотрите, как быстро и легко забыли все выступление Бунина. Подозрительно прытки стали мы все там, где касается наших умственных и идейных дел. <...> Пустоцветы мы. <...> Ну, поглядите только: как легко забыли речь Бунина. Посудачили, да и на завтра же перестали. А ведь его устами добрый гений русской литературы говорил. <...>

— Вот то-то и есть, что ничего нового Бунин не сказал. Это-то и грустно. Говорили все это до него — мы и бровью не повели. Ну, до сих пор, скажем, все по кусочкам, отрывочно говорили, и трудно было всю эту мозаику осознать. А вот теперь пришел поэт Божьей милостью и сказал *всю* печальную, горькую правду разом, сказал ее на празднике, не побоялся прийти “на свадьбу в траурных одеждах”, — мы и теперь глазом не моргнули.

Сделали “фигуру умолчания”, и баста. <...> Разве есть хоть нотка преувеличения в этом страстном j’accuse, брошенном нашей литературе и печати? Разве не звучит в этом негодующем обвинительном акте голос загнанных и оскорбленных лучших традиций нашего литературного прошлого? Ведь, поистине, пришел не Великий Хам, а просто хам, — огромный и кричащий, всюду раскинул свой буйный стан, нашел себе жрецов и служителей, наложил свою крикливую печать на поэзию и на газету, на скульптуру и на картину. <...> Не народ, а именно чернь, толпа определяет

теперь весь облик и нравы нашей литературы. И ведь прав Бунин, когда вопит о том, что, следуя "литературным вкусам" Ее Величества Публики, не только газеты, но и журналы больше интересуются разбойником Чуркиным, чем "Хаджи Муратом" Толстого. А господа писатели этим вкусам потакают. Вот это страшно. Публика всегда требовала лубка. Но не давали ей его писатели. Рискуя непопулярностью и нищетой, они упорно плыли, по плещеевскому завету, "против течения", вносили в литературу лишь то, что было вспоено кровью их сердца и соком их нервов. А сейчас наша литература — словно универсальная лавочка с вывеской: "Всякого товара имеется", — где писатели не жрецы, а приказчики, подобострастно твердящие всякой мещанке: "Чего изволите?!..". И в этом подобострастном шепоте неслышно угасает звон мощных колоколов красоты и бодрой правды жизни, которые прежде так неустанно сзывали всех чутких и смелых, всех, не задавленных гнетом кулака сытости и духовного рабства, в храмы любви и справедливости. Теперь российский писатель, как тип, внимает одному лишь голосу литературного успеха, гонорара, славы».

Далее дается резкая критика «исканий новых течений» как добровольный «возвышающий обман»: «Не то, что нуль, а просто каллиграфически выведенный минус — вот цена всему этому кривлянию. <...> Ни ниточки оригинальности, выстраданной убежденности и, прежде всего, таланта нет во всех этих Бурлюках, Маяковских, Василисках Гнедых с братией. <...> А здесь есть только невежество, возведенное в культ, вандализм и бездарность — целое море бездарности. <...> Просто собралась ватага литературных последышей, недоносков искусства, пустоцветов, которых сметет первое же дуновение истинного творчества. Без следа и памяти сметет.

— <...> Бросьте вы, милый человек, эту мерехлюндию! Не гибнет так большая литература. Прав, конечно, Бунин: очень уж испоганили и обидели ее матушку всякие вольные и невольные пачкуны и проходимцы. Но кто же не чует всем нутром своим, что не начало конца, а только маленькая заминка это на величавом пути ее. В настоящей глубине ее лежат целые пласты тучного, мощного чернозема, а вся эта торжествующая на поверхности крикливая бездарность, — это только накипь, пески летучие. <...>

— <...> А ведь в душе и я нерушимо верю, что схлынет все взбаламученное море, что цел и крепок настоящий кряжистый становой хребет нашей литературы.

Только знаете: моментами невмоготу становится... Злоба к горлу клубком подкатывается. И почти близки и понятны становятся мне те, кто так страстно и нетерпеливо ждут "пророка", религиозно верят, что придет некто, мужественный и честный, и скажет нам *последнюю правду* о нас и нашей жизни, вберет в себя все тяготы и всю мерзость ее и вернет их нам в простых, тонких и незабываемо жгучих образах. <...> И, как злой сон, схлынет обида и уродство сегодняшнего дня, и не *назад* к старой литературе, а *вперед от нее* пойдет бодрый ход нашего культурного развития».

Ноябрь, 4. М.В.Ватсон пишет Бунину из Петербурга:

«...когда я Вас видела в Москве, в редакции "Русских ведомостей" в понедельник, 7-го октября — я Вас просила участвовать на вечере литературно-музыкальном 30-го ноября — Вы любезно согласились. <...> надеюсь, что Вы будете в Петербурге и доставите всем величайшее удовольствие, про-

читав два, три Ваших стихотворения. Участвует, как всегда Н.А.Морозов и другие».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3007/3 оф.

П.Н.Сакулин, получив от Бунина книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), пишет ему:

«Очень тронули Вы меня своим новым подарком. Он тем более для меня дорог, что в этом сборнике я нашел несколько произведений, которые мне посчастливилось услышать в Вашем собственном чтении. <...> С наслаждением прочитаю всего “Иоанна Рыдальца”.

Земно кланяюсь художнику Бунину и крепко обнимаю дорогого Ивана Алексеевича».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 195, л. 2.

Ноябрь, 5. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, не писала я все эти дни, потому что чувствовала себя очень слабой. <...> Сегодня лучше. <...> С пятницы <1 ноября> я живу безвыходно дома. <...> Смутила твоя телеграмма, неужели 15 руб. за каждого, вот разбой! Но мы с тобой ведь решили о деньгах не думать, устраивайся так, чтобы ты мог работать и жить в свое удовольствие <...>. Со мной не считайся, будь уже последовательным <...>. Поэтому повторяю, устраивайся, где нравится, живи с кем хочешь. Если ты можешь работать в мое отсутствие – работай, я в претензии не буду. Я теперь больше всего мучаюсь тем, что я в октябре не смогла скрыть от тебя своего неудовольствия, но это произошло потому, что я была серьезно больна, и хотя ты говоришь, что я всегда больна, но это неправда, то, что я пережила за октябрь <...>, у меня не было почти никогда. <...> Машинку купила за 224 р. вместе с чехлом, в эту же цену входит и поправка Колиной машинки, таким образом, я передам ее ему в исправленном виде. <...> Корректуру “Чаши жизни” получила вчера поздно вечером. <...> В первый день после твоего отъезда я очень взволновалась и расстроилась тем, что не нашла своего шелкового одеяла, подаренного тобой, не взял ли ты с собой его. Оно было в “Лоскутной”, это я твердо знаю. <...> Надо поставить себе за правило в день отъезда не собираться. <...>

Сейчас от Яблочкова пришла рукопись. Напиши ему, что я получила ее».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/93 оф.

В газете «Одесские новости» (№ 9174. С. 2) печатается рецензия Н.Геккера «Литературные заметки» на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг.» (М., 1913). Подпись: Н.Г.

Рецензент пишет: «Новый том рассказов и стихов Ив.Бунина “Иоанн Рыдалец” читается с большим интересом и доставляет большое художественное удовольствие. Не раз приходилось здесь отмечать несимпатичные нам тенденции автора – выделять ту его односторонность, которою он так отличается от других в своем изображении деревни и всего нынешнего в ней. Но в то же время нельзя было не восхищаться красотами его описаний и не рекомендовать эти последние, как высокие образчики прекрасного стиля и близкого отношения к действительности. Ведь, как бы то ни было, г. Бунин не выдумывает и не сочиняет из своей головы, а пишет,

можно сказать, кровью своего сердца. Ему ненавистны дикость и некультурность нашей жизни, ему противны темнота и невежество с их предрассудками и суевериями, ему представляется невыносимыми это холопство с одной стороны и произвол с другой. И он клеймит их и бичует, как будто объективно рисуя картины жизни. И нас задевает и обижает только то, что видит в ней только отрицательное и скверное, проходя мимо, как бы отвернувшись от всего радостного и светлого. Таковы же и произведения настоящей книги». Далее пересказываются сюжеты рассказов «Иоанн Рыдалец», «Илья пророк», «Преступление».

Ноябрь, 6. Из Кисловодска Бунин в письме Н.С.Клестову сообщает адрес И.Д.Сургучева и пишет:

«Но ловко ли нам тянуть его из “Знания”? <...> Посылаю мой V т. для печатания. <...> Вышлите “Иоанна” Черемнову и Овсянико-Куликовскому».

Письма (*2*). С. 294.

Имеется в виду переиздание пятого тома сочинений Бунина под новым заглавием «Золотое дно. Рассказы 1903–1907 гг.».

В московской газете «Русские ведомости» (№ 256. С. 7) помещается рецензия И.Н.Игнатова «Литературные отголоски» на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Критик пишет: «Взгляды Бунина на деревню известны. Они очень определенны. Но в этом сборнике и деревня не имеет цельной окраски. Здесь не одно зверство, не одна бесчувственность, но все же далекий и от нас, и от нашего понимания мир. <...> Мне уже приходилось говорить о наблюдениях г. Бунина над деревней. Это не вымысел, даже не умышленный подбор односторонне освещенных явлений. Это — результат известного душевного настроения, позволяющего видеть в окружающих явлениях только их отрицательную сторону. <...> Деревня с ее зверством, с ее растерянной, колеблющейся, неотрешимой от житейской суеты верой, живет в этом изображении какой-то ненастоящей жизнью. Нет того, что когда-то называлось ее “устоями”».

В той же газете (с. 10) публикуется объявление:

«Открыта подписка на юбилейное полное роскошно иллюстрированное собрание сочинений М.Ю.Лермонтова в 6-ти томах. Под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями В.В.Каллаша и вступительными статьями С.А.Андреевского, Ю.И.Айхенвальда, К.Д.Бальмонта, В.Я.Брюсова, И.А.Бунина, О.П.Герасимова и др.»

Данное объявление периодически публиковалось в газете до конца года; в 1914 г. оно вновь печаталось в январе, феврале и сентябре. Бунин не стал писать статью для этого издания.

Ноябрь, 7. Н.Н.Тюрин в письме Бунину из Москвы спрашивает, получил ли он рукописи его произведений.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3157/2 оф.

Ноябрь, 6...8. Бунин пишет В.Н.Муромцевой.

Письмо неизвестно. См.: 10 ноября 1913, вторая запись.

Ноябрь, 9. В московской газете «Утро России» (№ 259. С. 6) публикуется рецензия Н.Сербова на 1-й сборник «Слово» (М., 1913).

Рецензент пишет: «И.Бунин пишет о степи, о деревне. А что может написать этот тонкий художник, когда он заговорит о деревне, известно: кроме ужасов, насилий, непробудного пьянства и всяческой дикости, он ничего в жизни деревни не видит, не хочет видеть. Так и в этом рассказе ("При дороге"). <...> В общем, сборник интересный, много в нем живых, талантливых страниц. Но закрываешь книгу и нет радости в душе».

Ноябрь, 10. Бунин посылает В.Н.Муромцевой телеграмму из Керчи.

Телеграмма неизвестна. См. письмо ниже.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, получила сейчас твою телеграмму из Керчи. Устраивайтесь в Ялте. Мама очень хвалит гостиницу Метрополь. <...> Относительно твоего приезда в Москву дикого ничего не нахожу, — я очень боялась морского переезда, легко схватить воспаление легких. Надеюсь, что все обойдется, и ты не простудишься. Будь осторожен в Ялте, высиди несколько дней, тогда будешь здоров. В одной телеграмме ты спрашиваешь "почему не едешь". Куда? Да, кроме того, я не кончила с зубами <...>. Твое письмо получила. Напрасно уехал без меня, все равно неделя пропала даром. <...> Как долго думаешь жить в Крыму? И почему ни звука не написал ты о "Чаше жизни". А корректура, между тем, в плохом состоянии. <...> Приезжать ли мне или нет? <...> Как вообще ты чувствуешь себя? Способен ли писать или же нужно поправляться. Как у нас все глупо выходит! Напиши мне поподробнее. Вырезки собираю. Есть и письма. Очень милое от Сакулина. Здоровье мое хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/91 оф.

Ноябрь, 11. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Ян, вчера беспокоилась: каково было плавание? Не простудился ли ты? Жду сегодня телеграммы. <...>

Вчера решена продажа дома, если все будет благополучно, то в четверг мы будем перебираться в новую квартиру, т.е. в Скатертный пер. Вероятно, это продлится до воскресенья. Мама уезжает сегодня в Сосновку, таким образом, надеяться не на кого, я думаю, что мне можно будет уехать на той неделе. Да и вы за это время сможете устроиться.

<...> Вчера Грузинский, Юл.Ал.<Бунин> и я были в "Праге". <...> Ал. Ев. переменил со мной тактику. Хвалил мой перевод. Ну, а ты прочел хоть главку или же ты занят Киплингом? Знаете ли вы, что Тагор получил Нобелевскую премию.

Как мне быть с деньгами. <...> Может быть, занять на дорогу мне у папы? <...>

Передай Ник.Ал.<Пушешникову>, что "Пентезелея" готова, сдана в набор и что на днях он получит 500 руб. за нее <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/163 оф.

В приложении к № 306 петербургской газеты «День» (с. 2–3) помещается рецензия Ф.Щеколдина на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Рецензент пишет: «Читаешь эту книжку, — как будто бредешь по деревенской Руси, от усадьбы к усадьбе, от села к селу, а рядом с тобой идет поводырь с ясными глазами. И все-то он тут знает, обо всем порасскажет ласково и спокойно. Все примечает он <...>; но обо всем он расскажет все тем же ровным, слегка грустным, голосом, такими же все красивыми и чуть задумчивыми словами. <...> Все живописует он в одинаково красивых, меланхолических, но спокойных тонах. — Таков Ив.Бунин. <...> Ив.Бунина не отталкивает и нарождающаяся новая жизнь, формы которой еще не сложились, не выработались и способны многих пугать своей стихийной дикостью. Спокойно встречает он смену одного дня другим.

Он знает: коротки и сочтены наши дни. <...> Величавая легенда о кончине Моисея ("Смерть") едва ли не самая значительная и глубокая вещь в сборнике. Через нестерпимый ужас и возмущение перед смертью автор приводит нас здесь к спокойной примиренности с неизбежным.

Несколько путевых очерков, вошедших в сборник, колоритны; однако здесь Ив.Бунин — не дома, и потому рассказывает только внешнее, окрашенное лишь его личными настроениями. Хороши и богаты стихи, и не в этой заметке говорить о них».

Ноябрь, 12. Д.Л.Тальников пишет Бунину из Петербурга:

«Не писал Вам потому до сих пор, что все устраивался (с комнатой и пр.) и все не знал ничего определенного. <...>

Не знаю я ничего определенного и сейчас, но все-таки пишу, потому что хочется Вам написать. Пришел я в "Совр<еменный> м<ир>": Ник. Ив.<Иорданский>, прежде всего, заявил мне, что если я надеюсь на "Совр<еменный> м<ир>" как на "материальный фундамент (!) своих работ в Питере", то надеяться не следует. Затем поговорили о "духовном". Многого, очевидно, нельзя будет касаться. <...> Хотел я писать о другом — Кранихф<ельд> взял (он пишет о "Рыдальце"). <...> Между прочим, Марья Карловна просила Вам передать привет и поклон. Она ждет обещанного рассказа и, кажется, стихов.

Овс<янико->Кулик<овский> еще не прочел моей статьи. <...> Между прочим, Дмитрий Никол. <Овсянико-Куликовский> говорил мне о "сборнике о театре", затеваемом К<нигоиздательст>вом писателей. Правда ли это, и каков характер этого сборника?

Дм.Ник.<Овсянико-Куликовский> получил повестку от суд<ебного> следоват<еля> по "строевскому" делу, но она ему была доставлена позже того срока, который был назначен следоват<елем> для допроса, и он возвратил ее обратно. Когда я был у Дм.Ник., он как раз просматривал в корректуре Ваш рассказ <"Чаша жизни"> и говорит, что рассказ ему еще больше понравился, чем в первый раз, когда он слушал его. Тот символизм, о котором болтал так много Юшкев<ич>, по мнению Дм.Ник. есть законный художеств<енный> символизм, к которому так часто прибегал Чехов.

О петербургских скандалах футуристов и истории с Бальмонтом Вы, Иван Алексеевич, вероятно, читали. Бальмонта после его лекции чествовали в подвале "Бродячей собаки" Сологуб, Потемкин, Ремизов, Е.Аничков и др. <...> Но закончился вечер печально для Бальмонта. <...> к поэту подо-

шел какой-то футурист, плеснул в него вином и дал ему сильную пощечину. — Я хотел дерзнуть! — кричал футурист при этом.

В “Речи” вчера Сологуб и др. выражают негодование правлению “Бродячей собаки”, которая не оградила чествуемого “знаменитого поэта” от оскорблений, а Серг.Городецкий вызывает к третейскому суду Сологуба и всех, подписавших с ним протест, за легкомысленное и неправильное обвинение “Бродячей собаки”.

Таковы нравы. <...> Подробно сообщаю Вам об этом всем, Иван Алексеевич, так как знаю, что Вас интересуют эти “документы современности”.

Собираюсь я писать о “честном писателе”. Если у Вас имеются к<акие->л<ибо> яркие факты из хроники современного бесчестия писательского, не откажите, Иван Алексеевич, прислать мне. Иорданских очень интересовала эта тема. Не помните ли Вы, напр., историю плагиата, совершенного Сологубом (кажется, у английск. автора)? Если у Вас имеются к<акие->л<ибо> вырезки, я по использовании отошлю Вам в исправности. <...>

Не нужно ли Вам чего в Петербурге достать или узнать — я бы с большой радостью сделал это для Вас»

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1391.

Г.А.Яблочков пишет Бунину из Ветлуги:

«Дорогой Иван Алексеевич, книгу Leconte de Lisle <Леконт де Лиля> кончил наконец до последней строчки. <...> не знаю, в Москве ли Вы. Грешно не извещать было открыткой».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3212 оф.

Ноябрь, 14. А.А.Бахрушин, уведомляя Бунина об избрании его в Попечительский совет Литературно-театрального музея им. А.А.Бахрушина, сообщает ему в письме:

«...первое заседание Попечительского совета имеет быть под председательством Августейшего Президента Академии наук в понедельник, 25 ноября, в 3 часа дня, в помещении музея.

Форма одежды — фрак».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 347, л. 2.

Ноябрь, 10...14. Бунин пишет А.С.Черемнову.

Письмо неизвестно. См.: 16 ноября 1913, третья запись.

Ноябрь, 15. Бунин с Н.А.Пушешниковым возвращается в Москву; останавливается у Муромцевых — Столовый пер., д. 11.

См.: 17 ноября 1913, первая запись.

Ноябрь, 16. Бунин в ответной телеграмме сообщает М.В.Ватсон:

«с удовольствием готов участвовать в Вашем вечере буду читать рассказ “Я все молчу”».

Письма (2). С. 294.

В ответном письме М.В.Ватсон пишет Бунину из Петербурга:

«...только что получила Вашу телеграмму и очень, очень благодарю за Ваше согласие участвовать на нашем вечере. Только уверена, что рассказ

“Я все молчу” не будет пропущен в Градоначальстве. <...> Не будете ли Вы добры указать пять, шесть стихотворений, которые Вы могли бы прочесть. <...> Если пропустят “Я все молчу” — отлично, а нет — у нас будут стихотворения готовы. <...> Ваше присутствие украсит наш вечер».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 71.

А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«Получил ваше письмо <неизвестно> и огорчился — но решения не переменил: едем в Египет в конце этого месяца из Одессы <...>.

Что до моих похвал вам, то вы сами знаете, насколько они искренни. Все смешается в корзине забвения и все забудется, но стихи ваши переживут и Эйфелеву башню, и Немировича-Данченко, и Мюра и Мерилиза. В истории российской словесности через триста лет будет напечатано, что жил Бунин-поэт, что он хорошо писал прозу, но все же похуже Толстого, а стихи он писал лучше Толстого и лучше своей прозы; но что стихи тогда мало раскупались и Бунин забывал их для прозы и что это очень и очень жаль. Это факт, как говорит Максимыч <А.М.Горький>. Я же скажу откровенно: стихи ваши я люблю и прозу люблю. Но разница моей любви та, что стихов ваших я жду и, встречая подпись, волнуюсь от предвкушения, а прозу... Я вот теперь перечитываю “Войну и мир” — и ничего другого читать не хочется. Вот бы что-нибудь этакое написать, или “Вечера на хуторе”, или “Повести Белкина”, или “Тамань” какую-нибудь... Важно!

Дивно-хороша ваша “Степь Моздокская”. Эпически сильно и от краткости еще сильнее. Вот уже держу пари, что никакой “разсобачий жид” Минский или другой, будь он Соломон, не напишет так:

Пьет глаза он до донушка,
Собирает по косточкам дань...
Сторона ли моя, ты сторонушка,
Вековая моя глухомань...

Мамочки мои, — как хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/12 оф.
ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 649–650.

В газете «Голос Москвы» (№ 265. С. 6) печатается рецензия В.Лобанова на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Критик пишет: «Эта книжка — продолжение его “Деревни”, его повестей и рассказов, объединенных в книге “Суходол”. Здесь, в новой книге, та же тема, та же трактовка, тот же метод описания — холодноватый, ровный, спокойный, как и подобает истинному классику. Тема, так упорно завладевшая творчеством Ив.Бунина, опять та же, что и раньше, деревня, ее странный, загадочный быт, ее удивительные, “не наши” законы и обычаи.

Трактовка этой темы опять-таки старая.

Если не одно зверство, то поразительную бесчувственность, если не дикость, то страшное невежество только и видит Ив.Бунин в нашей деревне. Только это и может подметить, только это и запечатлевает в своих чеканных образах Ив.Бунин. <...>

В этой “однотипности” и образов и наблюдений сказывается одна типическая черточка нашего интеллигентского умонастроения.

Мы всегда и раньше в народничестве и теперь неизменно подходили и подходим к народу с определенным настроением, с определенной схемой, с определенным, заранее сложившимся, представлением о народе. И в результате этого, как в старой народнической литературе, мы “переоценивали” достоинство народа, так теперь, в новой народнической литературе, мы “переоцениваем” его недостатки. И только.

Ив.Бунина и, в частности, его новую книгу, нельзя упрекать поэтому ни в тенденциозном освещении, ни в подборе фактов.

Это только одна из типических особенностей нашей психики.

Рассказы, собранные в “Иоанне Рыдальце”, только на беглый взгляд обвинительный акт против современной деревни: при более внимательном чтении, когда уяснишь точку зрения автора, рассказы его, помимо чисто художественных достоинств, прекрасного языка, четкости образов и острой наблюдательности, интересны, конечно, не как правда о современной деревне, а как документ о взаимоотношениях интеллигенции и народа».

Ноябрь, 17. Бунин, извиняясь за молчание, пишет А.М.Горькому:

«Две недели тому назад, вдребезги измотавшись, бежал из Москвы в Кисловодск, надеясь пробыть там месяца 1 ½ и написать небольшую повесть для 2-го сборника “Слово”. Оттуда же хотел и Вам отвечать — длинно и дельно. Но, приехав в этот самый Кисловодск, нашел закрытый отель, приютился черт знает где — и вдребезги простудился: бронхит, жар, насморк и пр. Позавчера вернулся в Москву, болен и сейчас <...>. Холодно здесь ужасно, новости прежние — драки литераторов, публика холодно посмеивается над ними и пр.

Дадите ли нам рассказ — в 2-й сборник? Дайте, дорогой! Да поскорее. <...>

P.S. “Иоанн” для Вас переплетается».

Письма (*2*). С. 294.

Бунин в письме В.С.Миролюбову сообщает адрес Д.Л.Тальникова, «критика, коего весьма Вам рекомендую».

Письма (*2*). С. 295.

Бунин извещает в открытке Е.И.Буковецкого и П.А.Нилуса, что вернулся из Кисловодска в Москву.

Письма (*2*). С. 295.

Открытками Бунин сообщает Д.Л.Тальникову, А.С.Черемнову, что вернулся в Москву.

Письма (*2*). С. 295.

Ноябрь, 19. Бунин, извиняясь, пишет М.В.Ватсон:

«...приходится взять назад свое обещание участвовать в Вашем вечере: я совсем нездоров, боюсь, что не смогу приехать».

Письма (*2*). С. 295.

Посылает М.В.Ватсон книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 21 ноября 1913.

М.В.Ватсон извещает в письме Бунина:

«...как я и предполагала, Градоначальство не разрешило Ваш рассказ "Я все молчу". — Их, по-видимому, ввело в сомнение заглавие. Теперь можно провести через драматическую цензуру. <...> Во всяком случае, очень просила бы Вас указать несколько — пять, шесть стихотворений Ваших. Их непременно пропустят, мне так думается. Ваше участие в вечере 30 ноября нам очень дорого, очень радостно. Когда Вы думаете быть в Петербурге?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3007/2 оф.

А.С.Черемнов, получив открытку Бунина от 17 ноября, вновь приглашает его вместе поехать в Египет:

«Очень хотелось бы с вами, очень. Думается, и вам было бы нелишне пожариться в Асуане месяца три. Это не то, что Ялта, где плюнуть негде и выйти некуда».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 651.

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 255. С. 3) помещается рецензия Г.А.Вяткина (?) на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи» (М., 1913). Подпись: Г.В.

Критик пишет: «Эпиграфом к новому тому своих произведений И.А.Бунин взял слова Ив.Аксакова: "Не прошла еще древняя Русь". Рассказы, вошедшие в этот том, говорят именно о жизни древней Руси и о тех величавых отголосках старины русской, которые то тут, то там выявляются из-под наслоений современности; таков, например, поэтичный рассказ "Псальма", мастерски передающий одну трогательную украинскую песню — былину; таков "Иоанн Рыдалец", легенда "Илья Пророк", жуткая "Сказка" о помещике и мужике. Чеховской мягкостью и теплотой дышит маленький изящный набросок "Без заглавия"; красочны очерки из путешествий поэта: "Крик", "Геннисарет" и "В Красном море".

Большинство стихотворений, помещенных в книге, относятся тоже к древней Руси: "Конь Святогора", "Алисафия", "Мачеха" и др., но есть и стихи, напоминающие прежнего Бунина — прекрасного пейзажиста, тонкого, вдумчивого наблюдателя, умевшего двумя-тремя штрихами нарисовать яркую, характерную картину или фигуру. Лучшим стихотворением этого тома, украшением всей книги является большая лирическая пьеска "Мать", посвященная Мадонне. <...>

Прелестны, кроме того, стихотворения "Ритм", "Художник", "Чибисы", "Монастыри" и "Завеса".

Почитателям Бунина новый том его произведений, несомненно, даст большую радость».

Ноябрь, 12...19. Выходит 2-е издание «Сборника первого» книгоиздательства для детей «Утро» (Под ред. И.А.Белоусова. М., 1913), в котором (с. 18) помещается стихотворение Бунина «Остров» («Ноябрь, сырая полночь. Городок...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Ноябрь, после 19. Н.А.Клюев пишет А.А.Блоку, в частности, касаясь творчества Бунина:

«У меня на столе старая, синяя, глиняная кружка с веткой можжевельника в ней. В кружку налита горячая вода, чтобы ветка, распарясь, сильнее пахла. Скажите это

кому-либо из Собачьей публики <имеются в виду посетители литературно-артистического кабаре “Бродячая собака”>, Вам скажут, что по Бунину деревне этого не полагается (мне часто говорили подобное). И не знает эта публика, что у деревни личин больше, чем у любого Бунина, что “свинья на крыльце” и “свиное рыло”, и Сергий Радонежский и недавний Трошка Синебрюхов, а сейчашный Трофим Иванов по формуляру (в командировке Валентин Викентьевич Воротынский), око охранки и кокотка Норма (на деревне Стешка) — только личины, только “Бесовское действо” в ночь на “Воскресенье”.

Я вспомнил “Бесовское действо” Ремизова, прибавляю, что это всеславянское писание, вещественное доказательство Буниным, что “Золотой вертеп” и “Святой вечер” <рассказ А.Ремизова> нетленны на Руси».

ЛН. Т. 92, кн. 4. С. 518.

Ноябрь, 20. В ответ на письмо М.В.Ватсон Бунин повторяет, что боится из-за болезни подвести ее:

«Но если бронхит оставит меня, непременно приеду. Хотелось бы прочитать (в сокращенном виде) рассказ “Будни” (из “Иоанна Рыдальца”). А если уж непременно надо стихи, то можно взять: “Мушкет”, “Невестка”, “Белый олень”, “Алисафия”».

Письма (*2*). С. 296.

Ноябрь, 21. М.В.Ватсон пишет Бунину из Петербурга:

«...не могу Вам выразить, до чего меня огорчили Ваши несколько строк... Если б еще только меня, — но ведь публика надеялась Вас увидеть и услышать. Вы такой редкий гость в Петербурге. Было уже напечатано в газетах, что Вы обещали приехать, и прочтете какой-нибудь отрывок из Вашей книги или еще лучше какие-нибудь Ваши стихотворения. Еще осталось до вечера неделя, и больше. Бог даст, Вы еще поправитесь, — а то самого выдающегося и не будет у нас на вечере, если Вас не будет. <...>

Самую глубокую благодарность приношу Вам за Вашу книгу <“Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.” (М., 1913)>, полученную мною вчера. А я в драматическую цензуру отнесла “Я все молчу” и, если позволите, сообщу, как там отнеслись к этому прекрасному рассказу.

Искренняя почитательница Ваша М.Ватсон».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3007/1 оф.

Ноябрь, 22. А.А.Шахматов извещает Бунина из Петербурга:

«Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук имеет честь принести Вам свою благодарность за исполненный Вами по его просьбе труд рецензирования трудов: 1) Л.Григорьевой <...> и 2) Н.А.Крашенинникова <...>.

Согласно § 11 Правил об Ахматовских премиях Отделение постановило выдать Вам золотую медаль».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2942 оф.

Ноябрь, 25. Бунин принимает участие в первом заседании Попечительского совета Литературно-театрального музея имени А.А.Бахрушина в качестве члена совета.

В московском журнале «Искры» (№ 47. 1 дек. С. 376) под заголовком «Торжественное заседание Академии наук в Москве» помещается групповая фотография К.А.Фишера и краткая информация о заседании.

Газета «Русские ведомости» (26 нояб. (№ 272). С. 5) в информационной заметке «Бахрушинский музей» (без подписи) сообщает: «Вчера в литературно-театральном музее А.А.Бахрушина, перешедшем теперь в ведение Императорской Академии наук, происходило торжественное заседание вновь образованного совета музея.

В 2 ½ ч. дня в гостиной А.А.Бахрушина стали собираться члены попечительского совета музея. <...> Председательское место занял Августейший президент академии <К.Р.>, по правую его руку находился А.А.Бахрушин, по левую — заслуженная артистка М.Н.Ермолова, далее расположились А.А.Яблочкина, А.Н.Веселовский, Ф.Е.Корш, А.Д.Алферов, В.И.Немирович-Данченко, К.С.Станиславский, В.К.Трутовский, кн. Н.С.Щербатов, И.А.Бунин, кн. А.И.Сумбатов, М.А.Стахович, Н.В.Давыдов, Ф.А.Корш, К.Н.Незлобин, С.И.Зимин, <...>». Выступали с речами, читались приветственные телеграммы. После заседания великий князь Константин Константинович осматривал коллекции музея в сопровождении всех членов попечительского совета. В конце состоялся обед.

В журнале «Рампа и жизнь» (№ 48 (1 дек.). С. 6) помещается групповая фотография с надписью «Торжественная передача театрального музея А.А.Бахрушина Академии наук». На фото в центре председатель совета Президент Академии К.Р., слева от него: А.А.Бахрушин, Н.В.Салина, Н.А.Попов, Н.М.Миронов, В.А.Рышков, С.И.Зимин, К.Н.Незлобин, А.И.Чарин, Ф.А.Корш, Н.В.Давыдов, М.А.Стахович, А.И.Южин, И.А.Бунин, кн. Щербатов, В.К.Трутовский, К.С.Станиславский, Вл.И.Немирович-Данченко, справа: М.Н.Ермолова, А.А.Яблочкина, А.Н.Веселовский, Ф.Е.Корш, А.Д.Алферов и В.В.Бахрушина.

Там же (с. 8–9) дается краткий отчет о заседании.

Отчет об этом заседании также напечатан в газете «Голос Москвы» (26 нояб. (№ 272). С. 5). См.: 14 ноября 1913.

В петербургской газете «Речь» (№ 323. С. 3) помещается рецензия Е.А.Колтоновской на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Рецензент пишет: «Древняя Русь давно привлекает внимание Бунина. <...> Бунин никогда не изменял реализму, не искал для себя путей вне его, он и вышел весь, целиком, из старой реалистической школы. Однако его реализм много впитал в себя из окружающего, в нем как бы есть примесь новейшей стилизации: он тенденциозен и субъективен. Яркие бунинские изображения не столько говорят о своем предмете, сколько о самом авторе. Рисунок у Бунина красив, изящен, тщателен, точен и очень тонок; но его кружевные детали все же выдвигают главным образом оттенки авторских настроений, а не душу вещей. <...> Рассматривая корни, Бунин распределил их на три категории, на три слагаемых, вошедших в состав нашего современного быта, точнее, деревенского быта: крестьянство, дворянство и тот промежуточный смешанный класс истребителей “вишневых садов”, который впервые определенно выступил у Чехова. Все представители этих групп окутаны одинаковым мрачным флером и у них есть одна общая черта: звериная некультурность — некультурность

в такой мере, что рождается сомнение в возможности какого бы то ни было строительства из этих элементов. В целом ряде колоритных рассказов: “Преступление”, “Сказка”, “Будни”, “Забота” и др. даны выразительные картины темной мужичьей жизни. В других — обрисованы сложные отношения крестьян с помещиками (“Сказка”, “Личарда”). Как ни темны эти мужичьи силуэты <...>, а все же в крестьянских корнях есть для Бунина какие-то свежие прочные точки, на которые можно опереться. Одна из таких точек — его светлый колдун (“Хороших кровей”), из тех, что черпают свою таинственную силу от Бога, а не от “врага” <...>. Зато дворяне бунинские — совершенно отпетые, выродившиеся, безнадежные и сами ни на что не надеющиеся, бессильно отступающие перед натиском жизни. <...> Жадные покупатели вишневых садов изображены у Бунина, пожалуй, с наибольшим беспристрастием и правдоподобием, — может быть, потому, что они ему совсем чужие. Как всегда, красивый, чеканный язык Бунина достигает в этих коротеньких новых рассказах законченного совершенства. В прозе он больше поэт, чем в стихах».

Ноябрь, 27. Бунин присутствует на праздновании 50-летнего юбилея И.А.Белоусова.

См. групповую фотографию — ОГЛМТ, ф. 14, № 9247 оф.

Бунин сообщает в письме П.А.Нилусу:

«“Моск<овское> к<нигоиздательство>” книгу твою не взяло — говорит, завалено. Предлагает издать некто Маевский. <...> Еду дня на 3 в Птб. — там еще попробую».

Письма (2). С. 296.

М.Л.Зеликсон пишет Бунину из Риги:

«Устраивая в Риге целый ряд лекций, имею честь покорнейше просить Вас сообщить, не найдете ли Вы возможным в ближайшем будущем посетить Ригу для этой цели.

Надеюсь на Ваш положительный ответ, покорнейше прошу Вас одновременно указать наиболее удобное для приезда время, темы и условия».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 104.

В газете «Киевская мысль» (№ 328. С. 3) печатается рецензия Л.Войтоловского «Летучие наброски» на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Рецензент пишет: «Бунин — одна из пяти самостоятельных глав в современной русской литературе. Четыре другие называются: Короленко, Горький, Андреев и Куприн. <...> Ложь — это одна из любимейших слабостей, которую мы охотно и даже с азартом эксплуатируем в писателях. И оттого писатели стремятся показывать все в увеличенном и приукрашенном виде. <...>

Но Бунин представляет в этом отношении серьезное исключение. Его перо совершенно не знает боязливой сдержанности и умолчаний других писателей. В своем стремлении к правде Бунин является прямым последователем Толстого. У каждого писателя постоянно слышится какая-то посторонняя, собственная примесь: у одних жгучий гнев, у других — ликование, громкие вопли, немые слезы. Бунин не чествует, не воспевает и не хоронит. Он на все смотрит открытыми глазами и описывает то, что видит, правдиво и честно.

Он взял на себя очень трудную ношу — изображение русской деревни. Мужик и помещик дают тон всему его творчеству, — особенно в последние годы. И Бунин с удивительной любовью выполняет эту тяжелую работу. Я умышленно говорю — работу. Потому что это не подвиг и не служение, а именно строгая, чисто писательская работа, в которой нет ни элементов восторженности, ни элементов смирения и которую следует мерить только масштабом литературным. <...>

Бунин не отрицает и не идеализирует мужика. Он, действительно, знает все слезы, всю нищету и разоренность деревни, всю ее звериную жестокость и разрушительные, кулачные нравы. Знает всю медлительную и темную работу мужицкого мозга. Но он также знает безмерное деревенское горе, страдания, доходящие до праведности, твердую веру мужика и его неусыпную, неослабную энергию. Знает и понимает и сердцем и разумом, — в чем сила и бессилие мужика, в чем его величие и ничтожество, его ошибки и превосходство. И когда он пишет о мужике, он не боится слов, которые давно уже изгнаны из литературного лексикона.

Этой безбоязненной правдой пропитаны также и рассказы, помещенные в последнем сборнике, озаглавленном "Иоанн Рыдалец". Бунин мало заботится о расположении духа читателя. Его нельзя упрекнуть и в привязанности к определенному политическому рисунку. Он говорит о том, чем переполнена его душа, и говорит до тех пор, пока не исчерпана в нем самом потребность художественного откровения. Бунин ходит по деревне от дома к дому, как строгий и все замечающий хозяин; раскрывает перед читателем все двери; открывает доступ ко всем деревенским мыслям и в избе, и в барской усадьбе; и в четких правдивых образах выясняет и жалкое падение, и героические победы деревенского духа.

Глаз у Бунина удивительно зоркий и жадный. Ко всему он доверчиво прикасается и все удивительно ясно запоминает. Запоминает не для того, чтобы блеснуть наблюдательностью. Бунин мало ухаживает за популярностью в этом смысле, иначе он от многого должен был бы скорее отказаться. У него просто звучат постоянно в памяти все промелькнувшие явления и гулко отдаются под высокими сводами его творческой мечты. Там нет воспоминаний, исключительно приковывающих мысль художника. Он ничего не отгоняет и ничего не вытягивает насильно у своего вдохновения. В сердце его царит полнейшее равенство. Все одинаково овладевает его любовью и все одинаково поддерживает в нем влечение к творческой работе. Говоря иначе, все он знает, все готов принять и освятить в своем сердце, и все воскрешает в памяти с беспримерною легкостью. <...>

Враг торжественности, Бунин облекает свои мысли в простые формы. И эта простота придает удивительную силу писателю. В маленьких эпизодах, в ничтожных словах передает он никогда не умолкающие жалобы человека, который не понимает своего братского родства с другими людьми и расходует свою душу "в жажде самоистязания, отвращении к узде, к труду, к быту, в страсти ко всяким личинам — и трагическим, и скоморошеским, — в темных, преступных хотениях, в слабоволии, в вечной тревоге, бедах, печалях и нищете"... Если бывают моменты, когда людям хочется выразить свое возмущение пошлостью или обманами человеческой жизни, то они делают это так странно, так мучительно, как Иоанн Рыдалец, или так обидно и свирепо, как Шаша в рассказе "Я все молчу", или так неприязненно, как Стрешнев в рассказе

“Вера”. Иногда человек, погруженный в себя, как бы вдруг просыпается радостный, как от пасхального звона, и ласково проникает в сокровеннейшую глубину окружающего мира. Но это дар редкий, и чаще всего достается он людям накануне смерти.

В интимной, очаровательной форме передает он такое перерождение в рассказе “Худая трава”. <...>

Бунин не пессимист, и это особенно сильно подчеркивает настоящий сборник. Чувство жизни, вера в ее не гаснущий след — в нем необыкновенно тонки и осязательны. Бунин — созерцатель, один из немногих наших писателей-философов, и подобно Толстому и Тютчеву, он ставит правдивость и размышление выше молитвы и поклонения. Оттого родина, свобода, народ — эти слова оставляют его холодным. Но он радостно прислушивается к внутреннему напеву каждой минуты и заявляет с мудрым спокойствием: “Каждое мгновение свое должен человек посвящать жизни”.

Совершенно иной Бунин открывается нам в той части книги, где напечатаны его стихи. Здесь все сочнее, определеннее. Каждая мимолетная мысль, каждая греза запечатлена с блестящею силой. И добавлено именно то, чего не хватает прозе Бунина: уменье быть восхищенным и требовательным. Вот одно из таких стихотворений, написанных темпом, совершенно не свойственным строго сдержанным рассказам Бунина:

Мелькают дали, черные, слепые <...>

Лучшие стихотворения в этой книге: “Алисафия”, “Степь”, “Песня”, “Ноябрьская ночь” и “Дальняя гроза”».

Ноябрь, 28. А.В.Абрамов (Ширяевец) пишет Бунину из города Чарджуй:

«...не будете ли так любезны взять на себя труд пересмотреть прилагаемые стихотворения и сказать мне: есть ли у меня то, что называется “дарованием”, стоит ли вообще писать мне?» Изложив далее свою биографию, просит: «И вот, не зная Вас лично, но зная как писателя, обращаюсь к Вам за разрешением своих сомнений; обращаюсь к Вам потому, что в современной литературе Вы стоите вне всяких партий и кружковщины, и думаю, что Вы дадите самую верную оценку моим стихам.

Сознаю, что поступаю дерзко, отрывая Вас этим письмом от работы, но думаю, что Вы чутким сердцем поэта извините мой поступок. Ведь и Вы наверное переживали ту пору, когда сомнения не дают покоя, и когда не чувствуешь почвы под ногами...»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2964/3 оф.

Н.А.Карев пишет Бунину из Ветлуги:

«Дорогой Иван Алексеевич! <...> Очень прошу Вас, мой дорогой и любимый, прислать мне, если можно, то теперь, Ваш портрет и что-либо из книг последних сочинений, что много обрадует меня в моем далеком одиночестве.

Напишите мне Ваше истинное мнение о моей книге». Далее просит помочь с изданием второго сборника его сочинений, а также написать к нему предисловие, «и помочь мне указаниями и редактированием его.

P.S. А я часто по вечерам беседую с Вами, то читая Ваши сочинения, то слушая на граммофоне Ваш голос в стихотворениях: “Песня”, “Иерихон”, “Одиночество”, “Христос”, недостает мне только вашего портрета».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 111, л. 1–2.

Речь идет о книге Н.А.Карева «Сочинения. Том 1: Стихотворения лирические» (СПб., 1913).

Ноябрь, до 29. Бунин посылает В.Г.Тардову книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с дарственной надписью:

«Владимиру Геннадьевичу Тардову дружески автор».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 42.

Данный экземпляр книги неизвестен, сохранился только вырванный титульный лист с дарственной надписью. См.: 6 декабря 1913, вторая запись.

Ноябрь, 29. Бунин посылает М.В.Ватсон телеграмму:

«Завтра надеюсь быть».

Письма (*2*). С. 296.

Ноябрь, 30. Бунин прибывает в Петербург.

Посылает В.Н.Муромцевой телеграмму.

Телеграмма неизвестна. См.: 1 декабря 1913, третья запись.

В концертном зале Тенишевского училища на литературно-музыкальном вечере, устроенном П.П.Гайдебуровым, Бунин читает стихотворение «Алисафия».

См.: программу вечера — ОГЛМТ, ф. 14, № 9055/1 оф.

В московской газете «Утро России» (№ 276. С. 6) помещается рецензия на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913). Подпись: М.К-ов.

Рецензент отмечает: «И в прежде появившихся рассказах и вещах более крупного размера и теперь — своим чудесным по простоте и сжатости каким-то проникновенно-чутким языком Бунин рассказывает о том, что никогда, или почти никогда, не заметно для глаз простого зрителя. <...>

Бунину часто ставят в упрек его кажущуюся однобокость в изображении русской деревни. <...> Пожалуй, эта группа читателей и в данном сборнике найдет материал для дальнейших нареканий. Такие вещи как “Я все молчу”, “Забота”, “Личарда”, “Будни”, “Сказка”, “Последний день”, “Преступление”, не создадут тепла и уюта в душе читателя, привыкшего к литературе иного рода». Герои и сюжет — «темные, безотрадные, быть может, уродливые типы и явления, — но тот, кто знает деревню не книжно, увидит в этих рассказах гораздо больше, чем “однобокость” и пресловутый пессимизм Бунина. И, может быть, для определенного читателя, настроенного предубежденно, покажется новым, отрадным и даже необычным для Бунина коновал Липат (“Хороших кровей”), из которого так и хлещет земная и радостная сила; или мастерски вылепленная фигура Лукьяна (“Князь во князьях”) <...>; для нас же это только один из звучных мажорных аккордов, которые уже не так редко встречаются в творчестве Ив.Бунина.

Язык деревни Бунину удается необыкновенно. От его мужицких речей не пахнет барской “потугой”, балаганом, пряничным изделием, чем грешат многие из современных бытописателей деревни. Вместе с естественной образностью и силою и меткостью мысли в языке мужиков Бунин сохраняет чутко границу меры.

В конце книги — ряд стихотворений. С обычным мастерством написаны вещи в мотивах народных песен (начиная “Невесткой” по порядку и кончая “Мачехой”). Из остальных отметим “Дедушка”, “Мушкет”, “Летняя ночь” и в особенности “Степь”, кончающаяся аккордом, необыкновенно удачным и характерным для всей поэзии Бунина:

Пьет глаза он до донушка <...>».

Ноябрь, конец. В петербургском журнале «Современный мир» (№ 11. Отд. II, с. 278) публикуется рецензия В.П.Кранихфельда на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913). Подпись: Вл. Кр.

Критик отмечает: «Книга как книга: самого обычного формата, обычного размера. Но она так богата содержанием, так полна интереса, что просто теряешься, как и подойти к ней, как втиснуть ее в предельные рамки рецензии. <...> читатели “Современного мира” знакомы с некоторыми образчиками художественной прозы и стихов, вошедшими в эту книгу. Мне, стало быть, нет надобности распространяться ни о мощном языке Бунина, достигшем в последних его произведениях неподражаемой красоты и четкости, ни о его чудодейственной способности поднимать в мир поэзии самые, так сказать, будничные явления жизни. <...> Эпиграфом к своей книге художник избрал слова Ив.Аксакова: “Не прошла еще древняя Русь”... И содержание сборника, как и всего вообще творчества Бунина, поскольку оно касается русской деревни, вполне оправдывает эпиграф. Своими зрячими глазами художник смотрит на современную деревню, проникая через всю толщу ее бытовых устоев и устанавливая таинственную связь психики проходящего “сегодня” с отдаленным прошлым. <...> Среди наших современных художников, оторвавшихся от жизни и населивших мир своей фантазии какими-то отвлеченными категориями и бесплотными призраками, Бунин представляет одно из редких счастливейших исключений. Он цепко держится за корни жизни и, питаясь их целебными соками, продолжает неизменно расти в своем здоровом творчестве, сближающем его чеканные произведения с лучшим наследием наших классиков».

См.: 1 декабря 1913, третья запись.

Декабрь, 1. Бунин в гостях у М.В.Ватсон.

Присутствуют: Ф.Д.Батюшков, Я.Я.Гуревич, И.Д.Сургучев, В.В.Муйжель, Л.А.Муйжель, А.Редько, Н.А.Морозов, В.Богучарский, Н.В.Чайковский, С.А.Адрианов, З.П.Лодий, Н.А.Котляревский, Г.А.Лопатин, Лучицкий, М.В.Новорусский, Н.Русанов, Ф.Ф.Фидлер, Е.Н.Чириков.

В альбоме Ф.Ф.Фидлера «В гостях. XIII» Бунин оставляет запись: «Не знаю, что написать — так взволнован и очарован пением Зои Петровны. Ив.Бунин 1 Дек. 1913 г.».

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, № 13, л. 37.

Ф.Ф.Фидлер записывает в дневнике 2 декабря 1913 г.: «Вчера — день рождения Ватсон. <...> Был и Бунин; через несколько дней он покидает Петербург, потому что здешняя (впрочем, как и московская) суета не позволяет ему писать, а его тянет к работе. <...> С.А.Адрианов явился со своей невестой (обручение должно состояться в начале января), горбатой, но пикантной Зоей Петровной Лодий, превосходной певицей».

Фидлер. С. 619–620.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Ян, получила твою телеграмму около семи вечера, а потому не смогла сразу написать, ибо ехала на концерт Кусевицкого. <...> Ребрику звонила. Деньги С.Н. <Пушешниковой?> 250 р. послала, на что имею квитанцию. <...> Я испытываю физическое удовольствие, когда я сижу за столом и пишу и кругом никого, никого. Лучше этого — это жизнь с тобой вдвоем. <...> поедем на зиму в San-Sebactiun (Испания). <...> Читала о тебе рецензию в “Совр<еменном> мире”. Здорово! Даже Кранихфельд хвалит. А ты говоришь, что из-за меня пишешь плохо! <...> Как ты читал?

Видел ли маму, Павлика?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/95 оф.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 2119. С. 1) помещается объявление о подписке на журнал «Северные записки». В числе сотрудников — Бунин.

Декабрь, 2. Выходит № 12 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 65–84) печатается рассказ «Чаша жизни».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 декабря (№ 278). С. 7).

Декабрь, 3. В московской газете «Русское слово» (№ 278. С. 7) печатается заметка «Дело академика И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается о допросе 2 декабря в качестве свидетеля профессора А.А.Мануйлова по поводу инцидента на банкете в честь «Русских ведомостей».

Декабрь, 4. Бунин пишет В.Н.Муромцевой:

«Как ты беспокоишь меня всегда своим молчанием! Что с того, что я мало пишу — у меня ни единой минуты свободной.

Д<олжно> б<ыть>, завтра выедем, т.е. будем в пятницу. Но не наверно».

Письма (*2*). С. 296.

В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой, золотой мой дружок, получила твое письмо, целую за него. На минуту сделалось неприятно, — всё мы врозь и врозь, так и отвыкнуть недолго. Но я очень рада, что не поехала с тобой, прежде всего, потому, что у меня гостит, как бы ты думал кто? Екатерина Павловна. <...> Пробудет она, вероятно, до воскресенья. Телеграфируй, когда приедешь, ей хочется тебя повидать, хотя несколько часов. Ал.Мак.<Горький> здоров. <...> Вчера была на Верхарне. Он очаровал меня. За ужином я сидела рядом с ним. Он взял наш адрес, хочет прислать тебе книгу свою. Приглашал нас с тобой в С. Клу. Познакомил меня со своей женой, очень просто одетой женщиной».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/122 оф.

Д.Л.Тальников в письме Бунину из Москвы сообщает, что благополучно приехал из Петербурга, продолжает работать над новой статьей и скоро вернется в Петербург.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 192, л. 1.

Декабрь, 5. Т.М.Шабад пишет Бунину из Киева:

«Глубокоуважаемый и высокочтимый Иван Алексеевич! По уполномочию Кассы взаимопомощи при Киевских высших женских курсах, — мы обращаемся к Вам с почтительнейшей просьбой: не откажите прочесть в Киеве лекцию или доклад на тему из русской литературы.

Мы жаждем живого, серьезного, глубокого слова, и это слово ждем услышать от Вас.

Киев будет счастлив вместе с нами приветствовать у себя одного из великих писателей России».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3199 оф.

Декабрь, 6. Бунин возвращается в Москву, останавливается в доме Муромцевых (Столовый переулок, д. 11).

Дневники. Т. 1. С. 134.

В.Г.Тардов пишет Бунину:

«Отчаявшись дозвониться к вам по телефону, посылаю эту “писулю”, чтобы поблагодарить Вас за присылку Вашей прекрасной книги.

Чтение “Иоанна Рыдальца”, стихов и рассказов, доставило мне громадное удовольствие. Хотелось бы и потолковать, но Вас не достанешь. <...>

Надеюсь еще увидеться с Вами на одной из “Сред”, которые теперь буду посещать».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 210, л. 1–2.

Декабрь, 8 (21). А.С.Черемнов пишет Бунину из Неаполя:

«Дорогой генерал. <...> Сидим в Неаполе и думаем завтра ехать на Капри <...>.

Дорогой мой! Что я придумал: приезжайте-ка сюда, оставим своих дам у Серены <каприйский банкир> и махнем с Вами и Хлюпом <Н.А.Пушешниковым> в Испанию. Право? В Испанию мне очень даже можно. А Вы сами говорили, что там хорошо и интересно.

Если Вы не приедете, — зима для меня потеряна. Вы знаете, что к молодым талантливым прохвостам, окружающим Максимыча <А.М.Горького>, я не чувствую никаких симпатий. Сам же он, т.е. Максимыч, все же не может заменять мне Вас, дорогой мой, сколь он ни симпатичен».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/14 оф.

В петербургской газете «Россия» (№ 2476. С. 4) помещается обзор А.Лукинского № 12 журнала «Вестник Европы».

Рецензент пишет: «Рассказ Ив.Бунина “Чаша жизни” с виду несколько сухой, бедный содержанием, навевает какое-то особое настроение. Живо представляются: тот захолустный городишко, в котором происходит действие с его особой пустотой жизни, и слишком резко очерченные своеобразные типы консисторского чиновника Селихова и семинаристов Кира Иорданского и Горизонтова; ясно чувствуется вся тяжесть как-то глупо разбитой жизни и поповны Саши, и Селихова и о. Кира Иорданского.

Строгого реализма в рассказе нет: все фигуры слишком заострены и подтушеваны, чтобы создать настроение пустоты, нудности и мещанской однотонности жизни; и такое настроение действительно получается».

Декабрь, 1...8. Бунин посылает В.В.Муйжелю книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 12 декабря 1913, вторая запись.

Декабрь, 9. Бунин посылает А.Л.Волынскому книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с надписью:

«Глубокоуважаемому Акиму Львовичу Волынскому автор».

Лесман. С. 54.

В сопроводительном письме Бунин сообщает А.Л.Волынскому о посылке ему своих книг.

Письма (*2*). С. 297.

А.Л.Волынский, очевидно, просил Бунина прислать его книги для написания статьи о его творчестве. С 1913 г. Волынский выступал в литературном отделе газеты «Биржевые ведомости» в качестве критика. См.: 11 декабря 1913, вторая запись.

Бунин пишет В.П.Кранихфельду:

«...меня очень тронула Ваша заметка о моей книге тем дружелюбным и внимательным отношением к автору, которое чувствуется в ней и которое так редко теперь. Спасибо Вам. Крепко и дружески жму Вашу руку».

Письма (*2*). С. 297.

См.: конец ноября 1913.

Декабрь, начало. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ян, спасибо, милый, за хлопоты. Только вижу я, ничего из этого не выйдет. <...> Сообщаю тебе как учителю, что свой роман я распорол, <...> будет новая выправка, надеюсь, более логичная, простая <...>.

P.P.S. Будь добр, спроси у Яблоновского, передал ли он мою пьесу Южину».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 48–49.

Датируется по письму Бунина (см.: 27 ноября 1913, вторая запись) и помете Нилуса на письме: «1913 Декабрь».

Декабрь, 11. Бунин, возможно, присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором Н.Д.Телешов читает рассказ «Мама».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 33.

Дата события определена по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1914. Вып. 3. С. 23).

А.Л.Волынский пишет Бунину из Петербурга:

«Примите мою сердечную признательность за книги и долгожданный автограф».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 80, л. 1.

В самарской газете «Волжское слово» (№ 1865. С. 5) публикуется статья «Литературные заметки». Подпись: Nemo.

Критик, в частности, пишет: «В мир особых, своеобразных переживаний, в особый характерный самодовлеющий быт вводит читателя неподражаемый талант И.Бунина в повести “Чаша жизни”, напечатанной в декабрьской книжке “Вестника Европы”. <...> незаметные, малые люди, — люди, судьба которых предопределе-

на от рождения, которые не будут бороться с судьбой, ничего не ищут, никуда не стремятся, ничего не преодолевают. Казалось бы, что может быть интересного для читателя в мире их переживаний? Но могучая сила таланта заставляет читателя проникнуться интересами их незаметной жизни, пережить вместе с ними и трагедии, незаметные трагедии этой насквозь трагической, хоть и незаметной жизни, скорбеть хоть на минуту об их смерти, как скорбят о смерти близких. Такова сила таланта».

Декабрь, 12. В Литературно-художественном кружке на чествовании народного поэта С.Д.Дрожжина по случаю 40-летнего юбилея его литературной деятельности Бунин приветствует юбиляра от имени Литературно-художественного кружка. После чествования в зеркальном зале проходит банкет, после которого — импровизированное литературно-музыкальное отделение.

Также участвуют в праздновании А.Е.Грузинский, Ю.А.Бунин, Н.Д.Телешов, В.А.Анзимиров, Д.И.Тихомиров, И.С.Шмелев, В.И.Немирович-Данченко, П.Н.Сакулин, С.Д.Разумовский, В.В.Переплетчиков, А.М.Васнецов, С.Л. и И.Л.Толстые и др.

См. отчет о чествовании в газете «Раннее утро» (13 дек. (№ 287). С. 4); в журнале «Путь» (1914. № 1. С. 39–40) — статья И.А.Белоусова «Из дневника. (О юбилее С.Д.Дрожжина)».

В.В.Муйжель пишет Бунину из Печор:

«Дорогой Иван Алексеевич. Сегодняшний день начался для меня большой радостью: посланный на почту человек среди газет и писем принес бандероль с “Иоанном Рыдальцем”, <...> позвольте мне искренно поблагодарить Вас.

Я получил книгу и прежде всего раскрыл “Мушкета” и прочел его <...>, я прочел его и каждая строка мне западала в память, как бы произнесенная Вашим голосом. До того, как услышал в Вашем чтении — я не знал этого стихотворения и теперь я, если бы и хотел — не мог бы отойти от толкования, приданного вещи ее автором.

Какая это чудесная, трагическая вещь! Я позволю себе отблагодарить чем могу Вас и за книгу и за то незабываемое для меня стихотворение: посылаю слабую книгу мою <...>.

Еще раз благодарю Вас, дорогой Иван Алексеевич, за Вашу книгу и то подлинное наслаждение подлинным искусством, что глянуло на меня с первых развернутых страниц ее...

Я питаю счастливую уверенность, что Вы не забудете прислать мне и портрет Ваш. Когда сидишь в глуши и полном одиночестве — отрадно видеть лица тех, на кого смотришь как на учителей».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 161.

В.В.Муйжель, очевидно, посылает свою книгу «Рассказы» (СПб., 1910).

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 324. С. 4) печатается рецензия Б.Неймана «Литературные заметки. “Слово”».

Рецензент пишет о рассказе «При дороге»: «Почти все участники этого сборника говорят о смерти и говорят о ней бодро, спокойно, уверенно. <...> Этот рассказ <Бунина> по теме несколько выделяется из всего сборника. Здесь опять перед нами та

деревня, о которой Бунин теперь так часто пишет. <...> К сожалению, этот рассказ, написанный несколько сухо и жестко, не дает последовательного развития переживания героини, вследствие чего причины ее поступков не вполне ясны читателю...».

Декабрь, до 14. Выходит № 12 петербургского журнала «Русское богатство», в котором (с. 373–379) печатается рецензия А.Е.Редько «Литературные наброски» на 1-й сборник «Слово» (М., 1913).

Рецензент, в частности, пишет: «В сборнике есть еще <...> рассказ И.Бунина: “При дороге”.

Как известно, наша летопись очень выразительно характеризовала быт древлян, которые по словам Нестора “живяху звериньским образом”. И.Бунин сделал своим призванием розыски следов звериньского образа жизни в современной русской деревне, не только там, где жили некогда древляне. В этом отношении многие его рассказы по времени действия могли бы без всякого затруднения отодвинуты приблизительно на тысячелетие назад. Они не сделались бы от этого анахроничными... Этого достаточно, чтобы читатель имел право в объективном тоне рассказчика почувствовать яркую субъективную окраску, выражающуюся в том, что так упорно видит художник.

Тяжело действует тон рассказа, объективный, мрачно-спокойный. Точно автору “все равно”: его дело рассказать тяжелый случай».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (14 декабря (№ 288). С. 1).

Декабрь, 14. Г.А.Яблочков пишет Бунину по городской почте, что во вторник уезжает из Москвы.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 251, л. 1.

Декабрь, 15. В газете «Киевская мысль» (№ 346. С. 3) печатается статья Л.Н.Войтоловского «Журнальное обозрение».

Критик, рассматривая № 12 журнала «Вестник Европы», в частности, отмечает: «На первом месте должна быть поставлена “Чаша жизни” И.Бунина. От начала до конца здесь чувствуется строгий резец и великолепная бунинская лепка. Но кроме умения запечатлеть, строгий и сдержанный Бунин проявляет в этом рассказе некоторое новое свойство, которое я назвал бы — даром слез. Теплыми пятнами разбросаны лирические слезинки, которые ласково доходят до сердца и придают всему рассказу какой-то нежный оттенок».

Пересказав сюжет рассказа, рецензент пишет: «Отрывочно и эскизно описывает Бунин суровую строгость о. Кира Иорданского, презрительную сухость и скупость Селихова, и слезы, пролитые Александрой Васильевной. Но по мере того, как окутывается вечерним туманом и расплескивается “чаша жизни” этих людей, мысли читателя грустно возносятся над случайными житейскими мелочами. <...> Из маленьких грубых приключений выделяется печальная сказка, покрытая тысячелетнею давностью, — сказка о терпеливых людях и безжалостной смерти. Новым для Бунина в этой сказке является то, что она взята в тоне нежной, задумчивой элегии».

В ростовской газете «Утро юга» (№ 303. С. 4) публикуется статья В.П.Кранихфельда «Литературная беседа. Ив.Бунин и современная литература».

Критик разбирает последние произведения писателей Ф.Сологуба, В.Брюсова, З.Гиппиус, О.Мартова, Б.Зайцева, А.Белого и делает вывод, что их произведения — «это литературные выражения все той же оторванности наших писателей от современной жизни, от насущных интересов и тем»; упомянув поэтессу Н.Львову, автор статьи подчеркивает, что эти писатели находятся «во власти бесплотных серых призраков и мучительных снов».

Далее критик отмечает: «К счастью, литература наша не вся замкнулась в этот зачарованный круг "мучительных видений" <...>.

Тот же Бунин <...>. Из всей будничной жизни художник выхватил один из самых рядовых эпизодов и написал рассказ "Забота". <...> И на пространстве не полных шести страничек рассказа художник, пользуясь этим, как будто ничтожным, случаем из хозяйственной практики Авдея, сумел отчетливо и выпукло нарисовать фигуру жадного мужика, показать его семью и воспроизвести жизнь этой последней на фоне ярких очертаний деревенской природы и быта.

Рассказ вышел красочным, сочным и интересным, как вообще все, что выходит из-под пера этого единственного и неподражаемого в нашей современной литературе мастера слова.

Бунин принадлежит к числу тех немногих, к сожалению, в наше время, художников, для которых жизнь, во всех ее проявлениях, полна глубокого и поучительного интереса. <...>

Вместе с М.Горьким, А.Куприным, к которым теперь можно присоединить имена Сергеева-Ценского (с некоторыми, впрочем, оговорками), Ив.Шмелева, а также и нескольких других, только что начинающих свою карьеру писателей, Ив.Бунин любит, видит и понимает жизнь, со всеми ее светлыми и темными красками. У Бунина есть несомненный вкус к жизни, к быту. Для него, как и для Хрущева (из рассказа "Без заглавия") "в жизни все полно смысла, все значительно". И он больше, чем кто-либо другой из наших писателей, имел нравственное право возвысить, на юбилее "Русских ведомостей", свой авторитетный голос, чтобы обличить крайнюю оторванность нашей современной литературы от жизни.

<...> И для нас, читателей, особенно ценна культурная преемственность Бунина от богатырей русской литературы. Через него, через его красочные, написанные богатым и чистым русским языком произведения, мы как бы непосредственно приобщаемся к самым истокам русской художественной литературы, — к Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Толстому, Чехову. С ними у Бунина чувствуется живая и крепкая связь, способная противостоять какому угодно гипнозу модных увлечений и "дерзаний".

<...> Художник любит отмечать, как цепко держится "древняя Русь" даже в современной деревне, при наличности всех условий, разлагающих эту упорствующую старину.

<...> И в бережном отношении Бунина к наследию прошлого сказывается типичная для этого художника культурность его дарования. Это поистине культурный талант, спокойный и ровный, исключительный в наши дни крикливой рекламы и дешевых базарных лавров.

Сказанное о Бунине вообще имеет прямое отношение и к новой книге его рассказов и стихов. Разнообразны люди и их отношения в этой книге. <...> Каждый из

них, каков бы он ни был, становится интересным в художественной чеканке Бунина. <...> Потому что на их лица легла печать художественной правды, которая у Бунина находится в полном согласии и в мире с правдою жизни. Он не боится этой последней, и смело глядит ей в глаза».

В газете «Одесский листок» (№ 303. С. 4) под заглавием «На литературные темы» (беседу записал Л.С.Флауменбаум, подпись: Л.Фл.) публикуется беседа с писателем Н.Ф.Олигером об итогах литературного года.

Н.Ф.Олигер говорит: «На весьма печальные размышления наводят итоги 1913 года в литературном отношении. <...> Ничего интересного, ничего яркого и отрадного, все серо, скучно и до безнадежности тускло. <...> Есть крупные писатели, есть Бунин, Горький, Куприн, но ими перестали интересоваться, они где-то скрываются в тени». Далее отмечает, что критика «уделяет много внимания наносным и вредным течениям в литературе. Она говорит о футуристах и публика начинает с ними считаться. <...> Литература разменялась на мелочи. Вкус широкой публики значительно понизился. <...> Это, действительно, наступило царство торжествующей пошлости. Все пошлое ценится, а хорошее не замечается».

Декабрь, 17. В ответном письме Бунин сообщает В.Д.Бонч-Бруевичу:

«...условия Ваши весьма тяжки. Сообщите, пожалуйста, телеграммой (я спешу кончить свои дела, времени у меня мало — на днях уезжаю за границу), какая будет продажная цена той и другой книги. (Что до книжки переводов, то на цену менее рубля не могу согласиться ни в каком случае — про “Храм солнца” не говорю, ибо ведь эта книга должна, по нашему уговору, стоить не менее 2 р., 1 р. 50 к.) Должен, кроме того, поставить и другое непременное условие — срок владения Вашего этими книгами 3 года (после чего все права мои восстанавляются). Сообщите в депеше, соглашаетесь ли и на это условие — иначе нам и времени терять нечего».

Письма (*2*). С. 297.

Речь идет о подготовке к изданию двух книг Бунина: «Байрон. Манфред. Небо и Земля. Каин» (Пер. И.Бунина. СПб., 1914), «Храм Солнца» (Пг., 1917).

М.К.Куприна-Иорданская посылает Бунину телеграмму из Петербурга:

«Очень просим рассказа ждем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3257/3 оф.

В открытке Д.Н.Овсянико-Куликовскому Бунин просит выдать ему авансом 500 р. и сообщает:

«...пришлю рассказ на февраль или март».

Письма (*2*). С. 297.

Декабрь, 18. Бунин, вероятно, присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором А.М.Васнецов читает рассказ «Наводнение».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 33.

Дата определена по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1914. Вып. 3. С. 24).

Декабрь, до 19. Бунин начинает писать рассказ «Братья» и одну из глав его под заглавием «Седьмой номер» посылает в газету «Утро юга».

См.: 25 декабря 1913, третья запись.

Граница события определена по времени отъезда Бунина из Москвы. См.: 22 декабря 1913, первая запись.

Бунин посылает П.А.Тулуб книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 25 декабря 1913, вторая запись.

Декабрь, 20. В конторе «Книгоиздательства писателей в Москве» для Бунина готовится Отчет по изданию и продаже книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 6.

Я.Л.Сакер (редактор-издатель журнала «Северные записки») посылает Бунину телеграмму из Петербурга:

«Вчера выслал телеграфом пятьсот очень прошу рассказ на февраль сообщите заграничный адрес».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3262 оф.

В петербургской газете «Новое время» (№ 13570. С. 6) помещается статья А.А.Бурнакина «Литературные заметки. “Анабиоз”».

Разбирая 1-й сборник «Слово», критик, в частности, пишет о рассказе «При дороге»: «...ничто особенно “в нос не шибет”, за исключением рассказа Бунина, в котором под видом “народничества”, прячется клевета на самые святые чувства (отношения отца к любимой дочке)».

Декабрь, 16...20. Выходит отдельное издание романса Б.В.Подгорецкого «Один» (СПб.: Циммерман, 1913) на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, до 22. Выходит № 12 петербургского журнала «Современный мир», в котором (с. 94–98) публикуется стихотворение «В Венеции» («Восемь лет в Венеции я не был...») с посвящением А.А.Карзинкину.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (22 дек. (№ 295). С. 3).

Декабрь, 22. Днем Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым отправляется в заграничное путешествие в Италию. На вокзале их провожают: Н.А. и Л.Ф.Муромцевы, А.Г.Гусаков, П.Н. и Д.Н.Муромцевы, Ю.А.Бунин, Н.Д.Телешов, В.А. и Б.К.Зайцевы, А.Н.Бибиков.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

В иркутской газете «Сибирь» (№ 287. С. 4) публикуется рецензия на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913). Подпись: А.С-ва.

Рецензент пишет: «На минувшем недавно празднестве юбилея “Русских ведомостей” в Москве И.Бунин, выступив с приветствием газете, коснулся в своей речи теперешнего положения русской литературы. Характеристика ее дана была поистине уничтожающая... <...>

Речь эта, блестящая и страстная, вызвала самые разнообразные толки в публике. Были возмущенные “неуместной на торжестве” резкостью Бунина, были радовавшиеся неожиданному “скандалу”, но большая часть публики дружно и горячо аплодировала, — следовательно, соглашалась...

Нам лично кажется, что негодование Бунина глубоко справедливо и правильно: ибо кому другому еще дано столько нравственного права возмущаться и болеть душой о падении литературы русской, как не Бунину, единственному из писателей нашей современности, стоящему на страже великих литературных заветов былого...

Те “драгоценнейшие черты” русской литературы, о которых говорил в своей речи Бунин, — глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство — сохранились в значительной степени у него самого, в его благоуханных, прекрасных произведениях. Имя Бунина поэтому всегда было и есть таким родным и близким нам; оно неразрывными узами связано с другими, бесконечно дорогими для нас именами прошлого: нечто и от тургеневской эпически-спокойной красоты и романтизма есть в нем, и порою чеховская сумеречная печаль... Но, главным образом, ценно в нем свое, бунинское, лишь ему принадлежащее: огромная его любовь к жизни, к природе, к человеку, почти языческое поклонение красоте... Его чувство природы изумительно по глубине и силе; душа взволнованно стремится навстречу этой дивной музыке бунинских описаний, таких простых, сжатых, почти бедных количеством слов, но богатых — ах, каких богатых внутренней силой и чудесной выразительностью! <...>

Тонкий и изящный поэт, Бунин и в прозе сохраняет те же черты истинной поэзии, которой неиссякаемый источник хранится в его душе. Даже в рассказах, посвященных русской современной деревне, со всей ее неприглядностью, тьмой, невежеством и жестокостью, — умеет Бунин рассыпать драгоценный жемчуг высокой поэтичности и создать почти незабываемые образы...

“Иоанн Рыдалец” — это заглавие первого рассказа в новой книжке Бунина. <...> Не все здесь равноценно — некоторые рассказы выглядят просто набросками, как, например, “Будни”, “Забота” и др. Есть и такие законченные прекрасные вещи, как “Худая трава”, “Преступление”, “Князь во князьях”. Захватывающей красотой дышит “Крик”, — маленький, очень маленький не рассказ даже, а очерк, но сколько в нем выразительности и яркости, как он волнует и трогает! Изящно и тепло набросано “Без заглавия”, рельефно, до мелочей, выписана “Сказка”; “Последний день”, “Вера” — очень колоритны, в них масса характерных для умирающего дворянства черточек. Но лучшее в книге — стихи. Их немного, но каждое из них своей живой и оригинальной прелестью входит в душу, как красивая мелодия. Положительно чарует “Мать”, где столько трогательной простоты в повествовании. <...>

Много теплой грусти в “Ноябрьской ночи”; красивая, примиренная печаль сквозит в “Могильной плите”. “Великий Лось” — целая картина, мастерски выполненная, полная загадки и тайны... “Невестка”, “Белый олень”, “Алисафия”, “Конь Святогора” — написаны почти былинным складом, образны и звучны... А вот “Чибисы” — совсем пустячок по размерам, всего восемь строк, но уже в первых двух чувствуется трепет весны, пробуждения природы. <...>

В рассказе "Без заглавия" Хрущев, стоя в лунную зимнюю ночь под открытым небом, думает о том, что "в жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно". В этих словах — вся сущность и характер бунинской поэзии: он ничего, ни одной мелочи не пройдет своим пристальным вниманием, во всем найдет красоту и перед ней преклонится, и нам осветит и покажет эту красоту — красоту всего огромного мира и многогранной души человеческой...».

Декабрь, 23 (Январь, 5, 1914). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает в Варшаву.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

Декабрь, 24 (Январь, 6, 1914). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников приезжают в Берлин, осматривают город, посещают аквариум, террариум.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

В газете «Одесские новости» (№ 9222. С. 3) печатается статья Н.Л.Геккера «Литературные заметки. "Вестник Европы", 12 и "Русское богатство", 12». Подпись: Н.Г.

Рецензент, в частности, пишет: «В этой же книжке "Вестника Европы" напечатан большой рассказ г. Бунина "Чаша жизни". Это очень горькая и вполне отравленная чаша, в духе этого писателя. Нет радости, удовольствий, наслаждений в жизни, а есть одно только горе и страдания в ней. Нет в жизни настоящей любви и привязанности, а есть только нечто похожее на них и поддельное. Нет в жизни удачи и успехов, дающих настоящее удовлетворение и питающих дух, моральные потребности человека, а есть только материальное преуспеяние и благополучие, ублажающие тело и доставляющие внешнее благо, т.е. сытость и довольство. Словом, нет в жизни ничего такого, что не носило бы обмана и подделки, что не дразнило бы каких-то дремлющих в человеке высших стремлений и полетов чувства. Все суета сует и ничего нет прочного и действительного, стоящего наших мучений, что давало бы какое-то длительное внутреннее довольствие.

Что же это такое? — спросит читатель. Неужели такой знаток жизни, как г. Бунин, такой тонкий и умный наблюдатель, как он, такой замечательный писатель современности, — неужели клевещет он на живую жизнь и в своем озлоблении что-то выдумывает и сочиняет? Конечно, это маловероятно. И если бы не знали Бунина, могли бы, пожалуй, допустить нечто подобное. На самом же деле факт объясняется проще и правдивее. Дело в том, что у него есть известная односторонность, которая сказывается во всем, что воспроизводит этот художник, будет ли то город, или деревня, жизнь мужицкая или барская, панская. Она вытекает из его скептицизма, подобного пессимизму и не находящего ничего отрадного в нашем диком и некультурном обиходе. Благодаря этому темному, окрашенному безнадежностью, взгляду на нашу жизнь, в последней выделяются больше всего и ставятся на первое место разные недочеты и недостатки. Они заслоняют собой все прочее, а именно, доброе и обнадеживающее, на чем строится все наше будущее. Не то, что его совсем не видит и не замечает наш писатель, но оно отходит на второстепенное место, а главным у него является то, что действительно весьма печально и наводит грусть и даже отчаяние...».

Декабрь, 25 (Январь, 7, 1914). Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает в Мюнхен.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

П.А.Тулуб, получив книгу Бунина «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), пишет ему из Киева:

«Дорогой Иван Алексеевич. Очень благодарен Вам за “Иоанна Рыдальца”. Получил книгу 23 дек. Она-то у меня давно есть, и давно я ее медленно и любовно перечитываю. Но Ваш экземпляр, с авторской надписью, доставил мне много радости». Далее сообщает, что послал на адрес Н.Д.Телешова поэму своей дочери З.П.Тулуб «Саломея»: «Вещь эта, о которой Вам летом говорил Б.Лазаревский, готова, отделана, и мне очень хотелось знать о ней Ваше мнение», Д.Н.Овсянико-Куликовский, слушавший эту поэму, «настойчиво советовал обратиться к Вам, как близко стоящему к сборникам Книгоиздательства писателей».

Также при письме посылается статья Л.Н.Войтоловского с отзывом о рассказе «Чаша жизни». См.: 15 декабря 1913, первая запись.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 217, л. 2–3.

В ростовской газете «Утро юга» (№ 311. С. 7) помещается отрывок «Седьмой номер» с подзаголовком «Глава из рассказа И.А.Бунина».

Часть будущего рассказа «Братья».

Декабрь, 26 (Январь, 8, 1914). Утром Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников осматривают Мюнхен, затем уезжают в Меран, куда пребывают вечером.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

Декабрь, 27 (Январь, 9, 1914). В открытке из Мерана Бунин сообщает В.Д.Бонч-Бруевичу, что иллюстрации для книги «Храм Солнца» выслал еще из Москвы, и пишет:

«В Меране я, верно, не останусь, посему адрес сообщу Вам только через два-три дня. Распределю материал — стихи и прозу — сам».

Письма (*2*). С. 298.

Декабрь, 28–29 (Январь, 10–11, 1914). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым посещает Верону.

См.: 1 (14) января 1914, третья запись.

Декабрь, 30 (Январь, 12, 1914). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым приезжает на Капри. Все останавливаются в отеле «Квисисана».

В дневнике Бунин записывает 1 (14) января 1914 г.: «Позавчера с Верой и Колей приехали на Капри. Как всегда, отель “Квисисана”.

Горький и Кат. Павл. с Максимом уехали в Россию, он на Берлин, она на Вену».

СС (*2*). Т. 7. С. 375.

Дневники. Т. 1. С. 134.

Декабрь, 20...31. Выходит 1-я книга литературно-художественного сборника «Аргонавты» (Киев: Изд. И.И.Самоненко, 1914), в кото-

рой (с. 160–176) помещается статья С.Родзевича «В поисках Атлантиды. (Поэзия И.А.Бунина)».

Критик, предпринимая попытку дать общий портрет Бунина-поэта, пишет: «<...> манера поэтического письма Бунина очень напоминает манеру "парнасца" Heredia. Но между "парнасцами" и "романтиками" — и в психологии их творчества и в смысле стилистических особенностей — нет ничего диаметрально противоположного. <...> Парнасская школа поэзии, к которой принято относить Бунина, — отпрыск школы романтической, и основная скала переживаний нашего поэта, кажется нам, именно романтическая. В "Листопаде" этот романтизм не скрывается поэтом. "Драма одиночества", некоторый мистицизм, разочарование в прошлом и попытка "принять мир" — все это находит здесь свое выражение не менее ярко, чем в юношеской лирике Лермонтова, чем в излияниях молодого С<ент>-Бёва или в "Ночах" А.Мюссе. <...>

Ум и чувство, "угрюмый голос" и сладкое "волненье" — опять типичнейшая романтическая антитеза! И это сладкое волненье зарождается обычно в душе Бунина при созерцании природы. Подобно Лермонтову ("Когда волнуется желтеющая нива...") от эстетического восприятия Бунин переходит к утверждению бытия, — "любовь и радость" которого он постигает через созерцание внешней красоты. <...>

В стихотворениях II-го сборника Бунин стоит как бы на перепутье, охваченный разнообразными чувствами. Еще не совсем забыта юношеская любовь, <...> но она уже — призрак. <...>

И это сознание напоминает излюбленную тему немецких романтиков (Новалиса, Гофмана) — имматериализацию земной любви. <...> Час скитальчества по белому свету еще не наступил, но поэт начинает готовится к нему. Он уходит от людей к тому, что всегда было дорого романтикам, что заменяло им людей — к Природе. <...>

В "Листопаде" <...> Бунин предстает перед нами как "музыкант" преимущественно, напоминая часто Фета. <...>

Любопытно, что неизменный ритм природы, то неиссякаемое ее творчество, которое оттеняет еще резче наше ничтожество, с точки зрения Тургенева, — для Бунина является чем-то утешающим, ободряющим. <...>

Пантеизм Бунина, о котором также говорилось довольно много, явление далеко не новое в русской поэзии. У Бунина <...> он возникает в связи с интимными переживаниями поэта, как известный исход; "пантеизм" Бунина не связан органически с основными чертами его "я", но является как бы попыткой обосновать философски природный эстетизм, природную влюбленность в красоту внешнего. Ярче всего подтверждает это стихотворение "Донник". <...> Любопытно, что эстетизм Бунина в этом случае напоминает о Бальмонте. <...>

Как "пантеист", Бунин напоминает больше всего Никитина, любившего, подобно Бунину, солнце и яркие краски, видевшего в них также "радость бытия". Несомненно, что Бунин в "Листопаде" находится под известным влиянием Никитина, как поэт русской природы. <...>

И все же "пантеизм" Бунина — романтичен. Скиталец по натуре, Бунин слишком мятежен в глубине души, чтобы всецело раствориться в Космосе, чтобы удовольствоваться ролью частицы "Единого" природы. <...>

Говоря о влиянии парнасцев в поэзии Бунина, наши критики упоминают обыкновенно о Леконте-де-Лиле. Некоторое основание для такого сопоставления, конечно, имеется, но не более. <...>

"Пессимизм" Бунина, поскольку он заметен, напоминает иногда Л.-де-Лиля. <...>

Пессимизм Бунина не столь мрачен <...>.

И в этом "пессимизме", правда редко, но все же слышатся и нотки мистические. В поэме "Сапсан" они звучат настойчиво и четко. <...>

Но поэт не остается долго в кругу скорбных переживаний. Подобно Л.-де-Лилю, он ищет успокоения, забвения, в чисто эстетическом созерцании, в наслаждении формами, красками. <...> Бунин в своих пейзажах (после "Листопада") поэт солнца, поэт, влюбленный в свет; этим он отличается отчасти от старых и современных романтиков, избиравших фоном для своих переживаний ночь, лунную ночь, сумерки. <...>

Свет рождает краски. С удивительной подчас зоркостью подмечает поэт их оттенки, но подчас его красочная гамма бывает слишком резкой, как бы примитивной "любительской". <...>

Бунин в своих стихотворениях очень часто допускает применение самых резких красочных эффектов. <...>

Эта красочность, особенно в стихотворениях восточного цикла, невольно напоминает "Orientales" В.Гюго. Но еще больше напоминает она о сонетах J.M.Heredia. Heredia вообще представляется нам из писателей 2-й половины 19-го века наиболее близким к Бунину в философии своего искусства, к Бунину во втором периоде его поэтической деятельности. <...> В поисках наиболее полной, совершенной красоты Эредиа и Бунин пытаются видеть, знать, перечувствовать все, что можно, что доступно нам в течение короткой жизни». Процитировав стихотворение «Зов», критик заключает: «Эти мечты об Атлантиде — мы узнаем их в мечтах о "голубом цветке", в мечтах всех тех, кто искал эту Атлантиду прежде всего *в своей душе*, а не находя ее там, — *искал везде*. "Она повсюду разлита" — говорит Бунин. Красоту поэт умеет находить и в человеческой душе. <...>

Это *искание красоты* не в извращенности чувств, не в кривлянии, не в бутафорском демонизме, и кажется нам духом поэзии Бунина, роднящим ее отчасти с романтиками первой половины прошлого столетия. Но в романтизме Бунина больше самоуглубления».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Декабрь. В московском журнале «Живое слово» (№ 51–52. С. 16–20) помещается статья Е.Скифа «Русское творчество за 1913 год. (Литература, философия, театр)».

В статье упоминается речь Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости».

В петербургском журнале «Современник» (№ 12. С. 288–293) публикуется статья В.Львова-Рогачевского «Осенние сборники».

Критик отмечает: «Редакция "Слова" продолжает живое дело "Знания", но шире ставит свои задачи и терпимее относится к разным оттенкам. <...>

"При дороге" Ив.Бунина нельзя назвать рассказом, это поэма в прозе. Сколько здесь сдержанного, глубокого лиризма, как тонки и нежны краски! Здесь — мрачное

понимание жизни чудесно сочеталось с радостно светлым отношением к ней. Все здесь закончено, связано, сжато и целомудренно прекрасно.

Парашка с ее проснувшейся жаждой любить, сломленная налетевшим вихрем — это лучший образ Ив.Бунина. <...> Только конец рассказа слишком мелодраматичен и написан не в духе и не в стиле всегда сдержанного поэта, от произведений которого всегда веет холодком и какою-то отдаленностью от людей. У Ив.Бунина резец мастера, — вы резко слышите, как бьется сердце художника-поэта, но вы почти всегда видите этот резец мастера».

В течение года. Выходит книга Г.Мопассана «Рассказы Бекаса. Могила. Заметки путешественника» (Пер. с фр. В.Н.Муромцевой. М.: «Польза», В.Антик и К°, 1913. 186 с. Универсальная библиотека, № 857–858).

1914

Январь, 1 (14). Бунин встречает Новый год с А.С.Черемновым и М.П.Миловидовой, Н.В.Кончевской — вдовой Л.Э.Шишко и его дочерью, И.Е.Вольновым, Я.О.Берсон (Яниной).

В дневнике Бунин записывает: «Вчера встречали Нов. год: Черемновы, вдова революционера и “историка” Шишко с психопаткой своей дочерью, Иван Вольнов, Янина и мы.

Ныне весь день проливной дождь. Кляну себя, что приехал. Италия зимой убога, грязна, холодна, и все давно известно-переизвестно здесь».

СС (*2*). Т. 7. С. 375.

В открытке В.Д.Бонч-Бруевичу с Капри Бунин сообщает свой заграничный адрес и просит:

«весь материал “Храма солнца” будьте добры прислать мне обратно: я все перечитаю, распределю очерки и стихи и быстро возвращу Вам. Пришлите и проект условия».

Письма (*2*). С. 298.

Бунин посылает открытку Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу:

«Были <в> Берлине, Мюнхене, Меране и Вероне. Сейчас опять на Капри — приехали позавчера».

Письма (*2*). С. 298.

Посылает Н.С.Клестову корректуру книги «Золотое дно» (М., 1914), в сопроводительном письме сообщает свой итальянский адрес и просит:

«***Все*** сверстанные (а мож. б., есть уже и напечатанные?) листы *немедля шлите мне*. Ждем и корректуру Тагора».

Письма (*2*). С. 298.

Имеется в виду корректура книги Р.Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (М., 1914) в переводе Н.А.Пушешникова и под редакцией Бунина.

В ответном письме к Т.М.Шабад, выразив «горячую благодарность» за приглашение прочесть лекцию в Киеве, Бунин «с величайшим сожалением» отказывается от него, т.к. находится за границей.

Письма (*2*). С. 299.

В петербургской газете «Современное слово» (№ 2148. С. 2) публикуется статья А.Ожигова «Литературный обзор».

Критик, отмечая «Повесть о днях моей жизни» И.Вольнова, в частности, пишет: «Картинки рисунка г. Вольнова поистине кошмарны. Если г. Вольнов, как художник, значительно уступает г. Бунину, этому признанному знатоку и мрачному поэту нашей деревни, то, как описатель, г. Вольнов сразу выделился из линии современной литературы своей простотой, искренностью, правдивостью <...>.

И.А.Бунин выпустил в прошлом году два томика своих рассказов — "Суходол" и "Иоанн Рыдалец", посвященных, конечно, жизни деревни, и ярко и сильнее прежнего озаренных крепнущим талантом автора, таким сочным и полным большого знания жизни».

Январь, 2 (15). Вечер Бунин проводит на даче А.М.Горького с Н.В.Кончевской — вдовой Л.Э.Шишко и матерью Е.П.Пешковой — М.А.Волжиной.

В дневнике Бунин отмечает: «Вечером на даче у Горького — там живет Шишко и мать Катерины Павл. — старозаветнейшая старуха: воображаю, каково ей жить ни с того ни с сего среди эмигрантов, бунтарей! И с трепетом в душе: шутка ли, за какую знаменитость попала ее дочка!»

СС (2). Т. 7. С. 375.

Январь, 3 (16). Бунин посылает Н.Д.Телешову открытку:

«"Чем больше работаешь, тем лучше работаешь и тем сильнее хочется работать. Чем больше творишь, тем становишься производительнее".

Бодлер.

Заруби это себе на — носу, Митрич».

Письма (2). С. 299.

Январь, 4 (17). Бунин пытается начать писать.

В дневнике он записывает: «Весь день мерзкая погода. <...>

Лень писать, вялость — и беспокойство, что ничего не делаю».

На следующий день 5 (18) января Бунин отмечает в дневнике: «Отчаяние — нечего писать!»

СС (2). Т. 7. С. 376.

В херсонской газете «Родной край» (№ 518. С. 3) печатается статья «Литература в 1913 году». Подпись: Б.Р.П.

Критик, в частности, отмечает: «Интересны также и пластической красотой языка и строгою художественностью образов последние рассказы г. Бунина».

Январь, 1...5 (14...18). Бунин пишет А.В.Померанцевой.

Письмо неизвестно. См.: 12 января 1914.

Январь, 6 (19). В письме Бунин просит Н.С.Клестова «немедля» послать все его книги кроме «Иоанна Рыдальца» в Петербург В.В.Брусянину, а также сообщает, что высылает корректуру книги Р.Тагора «Гитанджали».

Письма (2). С. 299.

Январь, 9 (22). Бунин, очевидно, вновь встречается с матерью Е.П.Пешковой и Н.В.Кончевской (Шишко).

Бунин записывает в дневник: «Старухи (мать К.П. <Пешковой> и Шишко) — “сюжет для маленького рассказа”. Шишко была в дружбе с Э.Реклю, с Кропоткиным».

СС (2). Т. 7. С. 376.

Январь, 11 (24). Бунин начинает писать рассказ «Соотечественник», первоначальное заглавие «Трифон Чуев». Авторская дата: «Капри. Зима 1913–1914 г.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 38.

В дневнике Бунин отмечает: «Начал “Человека” (Цейлонский рассказ)».

СС (2). Т. 7. С. 376.

Январь, 12. А.В.Померанцева пишет Бунину:

«...Как это случилось, что в одну из самых горьких минут <...> я получила твое письмо-записку из Италии, дорогой Иван Алексеевич? Меня это удивило и тронуло глубоко. <...> Твое письмо было этим приветом и утешило меня в том, в чем не могли утешить меня мои друзья настоящего дня. <...> За это горячо благодарю тебя, за слезы облегчения, которые так давно не находили исхода. <...>

Ты просишь рассказать о себе. Не так это легко». Далее рассказывает о своем замужестве, что «навсегда связала жизнь с движением рабочих», о двух ссылках.

«Жалеть я буду горько, если мне не придется увидеться с тобой весной. Хотела бы узнать тебя ближе, каким ты стал теперь, достигнув полного расцвета своих творческих сил. Знаю тебя только по твоим произведениям, в которых так много углубленной сдержанности, какой-то чистоты созерцания, всего того истинно художественного, что для меня недоступно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3729 оф.

Январь, 8...15. В издательстве П.Юргенсона выходит романс К.Шведова «Одиночество» на слова Бунина (М., 1913).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Январь, 10...18 (23...31). Бунин посылает Я.Л.Сакеру для журнала «Северные записки» шесть стихотворений: «Псковский бор» («Вдали темно и чащи строги...»), «Причастницы» («Свежа, прохладна ранняя заря...»), «При свече» («Голубое основанье...»), «Купальщица» («Смугла, ланиты побледнели...»), «Норд-ост» («Норд-остом жгут пылающие зори...»), «Отчаяние» («Вновь Каина порфирой облекли...»).

Границы события определены по письму Я.Л.Сакера. См.: 2 (15) февраля 1914, вторая запись.

Январь, 19 (Февраль, 1). Бунин просит Н.С.Клестова в письме прислать все его книги на Капри для Русской библиотеки, а также пишет:

«Все, все листы (отпечатанные) “Золотого дна” жду с нетерпением. Мне ***необходимо*** (*не для* корректуры)».

Письма (2). С. 299.

Январь, 23 (Февраль, 5). Бунин пишет рассказ «Святые». Авторская дата: «Капри. 23.I.1914 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 39.
ПСС. Т. 6. С. 246–256.

См.: до 4 апреля 1914.

Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Неаполь, откуда в Салерно и Амальфи.

В дневнике Бунин отмечает: «Едем с Колей в Неаполь».

СС (2). Т. 7. С. 376.

См.: 24 января (6 февраля) 1914.

Январь, 24 (Февраль, 6). Переночевав в монастырской гостинице в Амальфи, Бунин с Н.А.Пушешниковым осматривают город.

Бунин записывает в дневнике: «Вчера из Неаполя ездили в Салерно. Удивительный собор. Пегий — белый и черно-сизый мрамор — совсем Дамаск. Потом Амальфи.

Ночевали в древнем монастырском здании — там теперь гостиница. Чудесная лунная ночь».

СС (2). Т. 7. С. 376.

Январь, 25 (Февраль, 7). Бунин с Н.А.Пушешниковым уезжают из Амальфи на Капри.

В дневнике Бунин отмечает: «Выехали из Амальфи на лошадях».

СС (2). Т. 7. С. 376.

Январь, 27 (Февраль, 9). Посылает А.Н.Бибикову открытку, в которой просит написать «хоть словечко».

Письма (2). С. 300.

Бунин вновь пишет В.Д.Бонч-Бруевичу, спрашивая о причине молчания:

«Отчего не прислали материал “Храма солнца”? Ведь нужно же мне его пересмотреть и распределить. Мой V т. (теперь он будет называться по первому рассказу — “Золотое дно”) выходит 2-м изд. и “Тень птицы” и “Зодиак<альный> свет”, находящиеся в нем, *имеют порядочно поправок*. С этого изд. и надо перепечатывать. Да и прочее я поправлю чуть-чуть».

Письма (2). С. 300.

В письме Бунин вновь просит Н.С.Клестова выслать ему все отпечатанные листы книги «Золотое дно»:

«...*не для корректуры*. Мне очень, оч<ень> нужно, а Вы спорите со мной за 5 тысяч верст!»

Письма (2). С. 300.

Январь, до 29. Выходит № 1 московского журнала «Путь», в котором (С. 62–66) помещается рецензия Ю.Соболева на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913).

Рецензент пишет: «Об этой книге можно говорить, как о прекрасной, светлой радости. <...>

И об этой книге должно говорить, как о большом достижении, как о значительном этапе в благородном мастерстве ее автора.

Бунин собрал в этот том рассказы написанные им в течение одного только года, и перечитывая их, поражаешься не только огромной плодотворной продуктивности его творчества, по-видимому, ни на один миг в своей яркой силе не ослабевающем; но и с восхищением наблюдаешь рост его, как писателя, такого теперь крепкого, все более и более нам близкого, такого изящного и волнующего.

Уже давно и справедливо установился и упрочился взгляд на Бунина, как на превосходного мастера формы и как на художника, безукоризненно владеющего стилем. Последние же его вещи эту репутацию только усиливают. В тягостные дни, когда варвар и дикарь с гиканьем устремились на все, что нам дорого, и едва ли не первейшей задачей стремительного своего набега поставили уничтожение русской речи, оплевание и заушение нашего изумительного, чарующего, свободного языка, как знаменательно бережное отношение Бунина к родному слову. Как прекрасен его “уход” за этим словом!.. Бунинская проза — давно завоевала себе место в хрестоматиях, нашим же современникам следует учиться по его образцам...

Его речь музыкальна, язык его гибок, богат, чист, свободен и ярок». Отметив «значительность мастерства» писателя, на котором «нет и следа никакой нарочитой изысканности...», рецензент выступает против критиков, упрекавших Бунина в холодности, суровом отношении к деревне. Возвращаясь к разбору книги, критик подчеркивает: «И тут следует, прежде всего, отметить необычайную наблюдательность его <Бунина>. У него зоркий и острый взгляд, он схватывает все, и все запечатлевает. Ни один эпитет, ни одно сравнение, ни одно прилагательное у него не случайно. Он все замечает. <...>

Иногда он расточителен в передаче тонких, едва уловимых, но таких верных и нужных для всей картины, штрихов. <...> Бунин дает огромную образность; рисует выпукло и ярко не только природу, но и людей. И вырастая с каждой новой книгой, делаясь в каждой вещи все более и более глубоким, Бунин подходит к самому трудному и к самому ценному, к тому, что всякое мастерство делает подлинным и вечным созданием искусства — к душе человека.

В декабрьской книжке “Вестника Европы” напечатана его “Чаша жизни”. И рассказ этот о четырех человеческих жизнях — есть рассказ о душе человеческой в разных странных, страшных, милых и вечных ее проявлениях...

И “Чаша жизни” свидетельствует о том, какой большой художник Бунин, какую радость способен он еще дать, и какое будущее ждет его...».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (29 янв. (№ 23). С. 7)

Январь, 29. О.В.Харкеевич (дочь начальницы Ялтинской женской гимназии В.К.Харкеевич) рассказывает Бунину в письме о своей жизни, болезнях и просит помочь опубликовать свои художественные произведения.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3179 оф.

Январь, 28 или 29. В недатированном письме Д.Л.Тальников пишет Бунину:

«Приехал в Петербург на днях только. Иорданский сказал мне, что от Вас была для меня открытка, но разыскать, к моему сожалению, не мог ее <...>. Привез я Иорданскому статью, но вышла большая — только половина задуманной мною, и сильно опасаюсь, что будет "история" с ней, т.е. что она не пойдет. <...> Горький, — которого видали здесь случайно (ибо он прятался), производит, говорят, впечатление растерянного человека, не знающего, с кем ему быть и к кому пристать. <...> Очень я хотел бы Вас видеть, дорогой Иван Алексеевич, и поговорить-поболтать: здесь не с кем. Да и, страшно вот признаться, соскучился по Вас и очень огорчен был, узнав, что Вы — за тридевять земель».

Письма (*2*). С. 683.

Датируется по ответному письму Бунина. См.: 5 (18) февраля 1914.

Январь, 31 (Февраль, 13). Бунин пишет рассказ «Весенний вечер». Авторская дата: «Капри. 31.I.1914».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 40.
РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 4, л. 9–22.
ПСС. Т. 6. С. 257–266.

См.: ноябрь 1914; 2 декабря 1914, первая запись; 12 или 13 января 1915.

Январь. В петербургском «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (№ 1. С. 1) печатается стихотворение «Нищий» («Все сады в росе, но теплы гнезда...»). Авторская дата: «Дамаск. Весна. 1907 г.».

В петербургском журнале «Современник» (№ 1. С. 119–132) публикуется статья В.Л.Львова-Рогачевского «Вчера, сегодня и вероятное завтра русской литературы».

Критик, в частности, пишет: «В минувшем году много было разговоров об упадке, об оскудении, о вырождении русской литературы. На юбилее "Русских ведомостей" академик И.А.Бунин выступил с речью в высшей степени пессимистической <...>. О падении литературы говорилось и во Всероссийском литературном обществе. <...> О рассказах Ив.Бунина, тонких, мастерских, изящных и прохладных, я еще буду говорить. Когда читаешь их, эстетически наслаждаешься. Ив.Шмелев любит, Ив.Бунин любуется. Его последние вещи: "Иван-Рыдалец" <так!>, "При дороге" звучат, как и прекрасная музыка».

Февраль, 1. Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петербурга на бланке журнала «Современный мир»:

«Я знаю, что Вы совсем не "смирнейший", но как же быть, если Чириков желал противопоставить Вашу небесную кротость и поэтическое величие задорному злонравию полицейского невежды? Уж так полагается, чтобы обиженный произволом отличался голубиными свойствами.

Козырь в январе, действительно, оказался, но это над нами сжалился Бог, после того, как Вы оставили нас сиротами. Во всяком случае, рассказ за Вами и мы его будем ждать».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 11.

Февраль, 2 (15). В ответном письме Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу третьего сборника «Слово»:

«вероятно, вышлю для сборника на днях. Я говорил Вам — мне нужно в первую голову отрабатывать авансы. <...> А деньги, Вы знаете, нужны. А книги теперь дают мне меньше всякого другого издателя».

Письма (*2*). С. 300.

Редактор-издатель журнала «Северные записки» Я.Л.Сакер пишет Бунину, извиняясь за поздний ответ:

«Благодарю Вас за стихи и жду рассказа. Пять стихотворений пойдут в феврале. "Отчаяние" я считаю лучше не пускать.

Гонорар? Я не пристав Строев и помню Ваш сан, но стихи ценю независимо от сана; впрочем, не совсем так: за стихи обыкновенным смертным мы платим 50 коп., за стихи же поэтов Божьей милости мы платим 1 руб. Для Вас предназначается, конечно, последний гонорар, если с Вашей стороны не будет возражений».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 1.

См.: февраль 1914, третья запись.

Выходит № 5 московского журнала «Заря», в котором (с. 2–3) печатается рассказ «Пыль» с подзаголовком «Глава из повести».

Рассказ иллюстрирован художником А.П.Апситом.

Там же (с. 4–8) под общим заглавием «Наш привет Горькому» (к возвращению писателя в Россию), в частности, помещаются фотографии: члены «Среды» с подписью «Максим Горький и его друзья» — Л.Н.Андреев, Е.Н.Чириков, А.М.Горький, Бунин, Ф.И.Шаляпин, С.Г.Скиталец, Н.Д.Телешов (с. 4); А.М.Горький, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Н.Д.Телешов, Бунин в Ялте (с. 7).

Среди приветственных слов близких Горькому лиц публикуется, в частности, приветствие Ю.А.Бунина (с. 6).

Февраль, 3. В.Д.Бонч-Бруевич пишет Бунину:

«Очень извиняюсь, что задержался высылкой текста: дней пять тому назад выслал, вероятно, получили. Если возможно, добавьте рисунков и распределите эти».

Письма (*2*). С. 682.

Февраль, 4 (17). Посылает И.А.Белоусову открытку:

«Иванушка, ау! Ау-у!»

Письма (*2*). С. 301.

В открытке Бунин спрашивает Н.М.Мешкова:

«...отчего Вы никогда не напишете мне? Жду»

Письма (*2*). С. 301.

Февраль, до 5 (18). Бунин пишет Н.Г.Шкляру.

Письмо неизвестно. См.: 10 февраля 1914.

Февраль, 5 (18). Бунин благодарит в открытке Д.Л.Тальникова за письмо и просит писать чаще.

Письма (*2*). С. 301.

Февраль, 7. В Московском Литературно-художественном кружке Ф.А.Степун читает лекцию «О духе современной русской литературы».

В газете «Русские ведомости» (9 февр. (№ 33). С. 6) в отчетной заметке «Доклад о современной литературе» (без подписи) сообщается: «Третьего дня <7 февраля> в Литературно-художественном кружке Ф.А.Степун сделал доклад на тему: “О духе современной русской литературы”. <...> Первые, это – Куприн, И.Бунин, Л.Андреев, А.Толстой, которых докладчик находит весьма талантливыми, но ценными исключительно в своем умении рисовать остро, смачно, тонко лишь детали. Вторые, это – акмеисты, возводящие непродуманность в теорию, футуристы, с их культом заумного языка и других простеньких глупостей».

Дата события определена также по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1914. Вып. 4. С. 24).

См.: 10 февраля 1914; 20 апреля 1914.

Февраль, 8 (21). Бунин посылает в банк «Лионский кредит» письмо с просьбой выслать на Капри деньги.

Письмо неизвестно. См.: 17 февраля 1914.

Февраль, до 9. Выходит книга «Золотое дно. Рассказы 1903–07 г.» (2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 212 с.). Тираж 2000 экз. Цена 1 р. 25 к.

Содержание: Золотое дно, Сны, У истока дней, Астма, Счастье, Цифры, Тень птицы, Зодиакальный свет, Чехов.

Данная книга – переиздание пятого тома сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1909).

Дата выхода определена по письму Н.Г.Шкляра. См.: 10 февраля 1914.

Февраль, 10. Н.Г.Шкляр в ответном письме Бунину пишет:

«Спасибо за память, дорогой Иван Алексеевич! <...>

Читал в кружке немецкий выученик Степнун <так!> “О духе русской литературы”. <...> Стало так скучно, как бывает, когда забудешь что-то неуловимое, а такое важное... Я вышел из кружка злой, потерянный.

А при выходе мне подали Ваше голубенькое письмецо. И что-то вспомнилось, нужное и важное – спасибо Вам сердечное! Хорошо ли Вам там на теплом острове? <...>

Вышло Ваше “Золотое дно”. Перечитываю и с радостью нахожу много забытых открытий. Серьезно говоря, ведь все настоящее в литературе должно быть тревожным открытием – откровением. Думаю о Тагоре Рабиндранате, что хотя это кажется иногда мне, нам, риторикой, но это неверно. <...> Местами чудесно! <...>

Напишите что-нибудь чудесное!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 258.

Февраль, начало. А.А.Ценовский в недатированном письме просит Бунина:

«Иван Алексеевич! Милый, хороший, дорогой, замечательный Иван Алексеевич! Помогите мне, научите меня, спасите меня! Нет сил у меня больше заниматься “частной практикой” <...>. Я бы давно от всего этого ушел. Но у меня семья, – старуха мать, дети, жена. <...> Я не умею Вам сказать, как я обрадовался, когда Горелик сказал мне, что ред<акция> “Русск. слова” просит послать ей телеграмму о Константинополе и Болгарии. И в

час-полтора написал какую-то чепуху. А затем, по совету Вашему, послал статью о Турции, хочу завтра послать еще Болгарию. <...> Поместят ли мои статьи? Могут ли мне поручить какие-нибудь поездки? Я поеду куда угодно — в Буковину, Бельгию, Турцию, на передовые позиции, — куда скажут. Только бы мне делать то, что я люблю, что я хочу делать, сделаться хоть на несколько лет оставшейся жизни журналистом, а не врачом, занимающимся в свободное время журналистикой. Как хочется! Иван Алексеевич, родной, хороший, — узнайте, если можно, в ред<акции> "Р<усского> с<лова>", как это все может быть. Самому мне неудобно, не хочу навязывать своей работы».

Письма (2). С. 684–685.

Датируется по письму Бунина. См.: 26 февраля (11 марта) 1914, первая запись.

Февраль, 11. Н.М.Мешков в письме сообщает Бунину о получении его открытки и пишет:

«Большое спасибо за Вашу память и внимание», передает «душевный привет» В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешникову. «Я вспоминаю часто всех вас троих — и тот лунный ноябрьский вечер в полупустом доме Муромцевых». Далее рассказывает о заседании «Среды» 8 января с участием Ф.И.Шаляпина, И.С.Шмелева, И.А.Белоусова, С.С.Мамонтова.

Письма (2). С. 683.

Февраль, до 12. В серии «Библиотека иностранных писателей под редакцией И.А.Бунина» выходит книга Р.Киплинга «Избранные рассказы. Кн. 3» (Пер. Н.Пушешникова. М.: Московское книгоиздательство, 1914). Цена 1 р. 25 к. Тираж 2500 экз.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (12 февр. (№ 35). С. 9).

Февраль, 13 (26). Бунин спрашивает в письме Н.С.Клестова:

«Как дела со сборником? как идут мои книги? <...>

1 р. 25 к. за "Золотое дно" — мало. Книга толще "Иоанна"».

Письма (2). С. 301.

Январь, 1 ... Февраль, 15. И.А.Белоусов дарит Московскому Литературно-художественному кружку книгу И.А.Бунина «Избранные стихи для юношества» (М., 1909).

Границы события определены по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1914. Вып. 4. С. 15).

Февраль, 16. В газете «Одесские новости» (№ 9271. С. 6) помещается рецензия Н.Л.Геккера «Литературные заметки» на книгу «Золотое дно» (М., 1914). Подпись: Н.Г.

Рецензент пишет: «"Золотое дно" г. Бунина обнимает вещи, написанные им в 1903–1907 гг. <...> О них можно сказать то же, что и о прежних рассказах: хороши они и читаются с удовольствием, но веет от них грустью, потому что в них заключена самая печальная сторона нашей жизни. <...> Это настоящая "поэма запустения", которую хорошо написать, но тяжело испытать, мучительно переживать. И если бы не было ничего, кроме нее, которую только видит Бунин, то хоть ложись и помирай. Даже удивительно было бы и не понятно. Как люди живут, чем поддерживаются и

ради чего. Не совсем вдомек это и рассказчику-путешественнику (автору тож) <...>. Вот об этом и надо догадываться и не писать все для мрака и безверия...

Второй рассказ "Сны" в том же духе написан. Не отличишь сна от действительности. Что-то кошмарное и непробудное происходит. <...>

"Тень птицы" и "Зодиакальный свет" очень напоминают стихотворения г. Бунина, относящиеся к путешествиям автора на Восток. В этих рассказах дается красивое описание экзотических мест и людей, иногда целые картины чуждой нам жизни. <...>

Весьма своевременно, к грядущему 10-летию смерти А.П.Чехова, воспроизводятся тут воспоминания г. Бунина. Это очень ценные страницы, искренние и весьма характерные для покойного».

Февраль, 17. Из банка «Лионский кредит» в Москве Бунину сообщают, что по его запросу от 8/21 февраля в Неаполь послано 2656 итальянских лир.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2946/16 оф.

Февраль, 19. А.А.Шахматов на бланке Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук обращается к Бунину с просьбой:

«На основании § 8 Правил о премиях А.С.Пушкина премии эти могут быть присуждены не только за сочинения, представленные на соискание их авторами, но также и за такое сочинение, которое по какой-либо причине автором его представлено не было. Ввиду этого Разряд изящной словесности имеет честь покорнейше просить Вас сообщить ему к заседанию, назначенному на 24 марта, не находите ли Вы желательным включить в список сочинений, представленных на XXI-ое соискание премий А.С.Пушкина тот или иной труд, отвечающий требованию § 9 упомянутых Правил».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 5.

Февраль, 20 (Март, 5). Бунин в письме В.Д.Бонч-Бруевичу, извиняясь за небольшое опоздание, сообщает, что высылает материал для книги «Храм солнца».

Письма (*2*). С. 301.

Февраль, 24 (Март, 9). Бунин прибывает в Амальфи.

Бунин посылает Ф.Ф.Фидлеру открытку:

«Amalfi, Cappuccini convent, белый №, похожий на келию, летнее утро, жаркий блеск солнца по заливу, — кланяюсь!»

Письма (*2*). С. 301.

Амальфи, Капуцинский монастырь (*ит.*)

Февраль, 24–25 (Март, 9–10). Бунин живет в отеле «Капуцинский монастырь» в Амальфи (№ 29).

См. счет отеля — ОГЛМТ, ф. 14, № 2945/41 оф.

Февраль, 26 (Март, 11). Возвратившись на Капри, Бунин пишет Ф.И.Благову рекомендательное письмо, представляя своего «хорошего приятеля» А.А.Ценовского, который собирается в трехмесячное путешествие в Персидский залив и хотел бы публиковать свои очерки в газете «Русское слово»:

«Очень, очень рекомендую его Вам — и очень прошу не бояться ни описаний природы, ни прочих пустяков: пишет он на редкость цельно, сжато, интересно, Восток знает отлично, и может, я убежден, сказать много такого, что всякому Вашему читателю будет любопытно».

Письма (*2*). С. 302.

Бунин благодарит в письме Е.Е.Нечаева за его книгу «Вечерние песни» (М., 1914):

«в ней очень много и прекрасного, и трогательного, — от души жму Вашу руку и желаю сил, здоровья».

Письма (*2*). С. 302.

В письме А.А.Ценовскому Бунин сообщает, что написал рекомендательное письмо Ф.И.Благову:

«от всей души желаю Вам доброго пути, <...> делаю Вам всяческую рекламу — и буду прямо счастлив, если дело устроится».

Письма (*2*). С. 302.

Февраль, конец. Выходит № 12 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 721–722) под заглавием «Из стихотворных сборников» печатается подборка стихотворений разных поэтов. На первом месте перепечатываются пять стихотворений Бунина из книги «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи»: «Степь» («Синий ворон от падали...»), «Дедушка» («Дедушка ест грушу на лежанке...»), «Летняя ночь» («Дай мне звезду — твердит ребенок сонный...»), «Могильная плита» («Могильная плита, железная доска...»), «Завеса» («Так говорит Господь: “Когда Мой раб любимый...”»).

В редакционном комментарии говорится: «Всех стихотворных сборников просмотрено нами более пятидесяти; из них только девять остановили на себе наше внимание».

Февраль, конец (Март, начало). Бунин заканчивает рассказ «Братья». Авторская дата: «Капри. II. 1914».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 16.

ПСС. Т. 6. С. 198–221.

См.: до 19 декабря 1913, первая запись; 25 декабря 1913, третья запись; до 27 марта 1914.

Февраль. Бунин пишет рассказ «Аглая». Авторская дата: «Капри. II. 1914».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 43, 48.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2738 оф, 7417 оф, 792 оф.

См.: 1 января 1915, вторая запись; 7 марта 1915, первая запись; 8 марта 1915, первая запись; до 3 ноября 1916.

П.А.Нилус пишет Бунину:

«Что это ты не пишешь? <...> да еще кому, ученику, да на “жгучие” вопросы. Если ты будешь поступать так же и впредь — брошу <...> литературу, или перейду к Федорову или Юшкевичу. <...>

Куда ты девал полное собрание моих сочинений? Тальников говорил, что ты их подбросил “Шиповнику”. Напиши этим паршивцам. <...> Отдавать на

глупом условии получения платы “со временем”, а м. б., и позже — не желаю. Напиши подробно о своем дурацком сидении на Капри. Как тебе не надоест... а, впрочем, ты дьявольски упрям».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 50–51.

В петербургском журнале «Северные записки» (№ 2. С. 5–8) публикуются стихотворения под общим заглавием «Шесть стихотворений»: «Псковский бор» («Вдали темно и чащи строги...»), «Причастницы» («Свежа, прохладна ранняя заря...»), «При свече» («Голубое основанье...»), «Купальщица» («Смугла, ланиты побледнели...»), «Норд-ост» («Норд-остом жгут пылающие зори...»), «Отчаяние» («Вновь Каина порфирой облекли...»).

В петербургском «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (№ 2. С. 109–114) печатается статья Г.В.Рочко «Творчество Бунина». Подпись: Г.Танин.

Критик пишет: «Глаз у Бунина зоркий, подробностями он не нарочно щеголяет. Но они сами текут. Нанизываются, создавая до иллюзии точную картину. И таков Бунин даже в своей лирике, и здесь личное чувство, личное отношение отступает перед зрительным и часто детально вычерченным образом. Эта особенность бунинского творчества может ему создать репутацию наиболее правдивого реалистического писателя. <...>

Однако, когда вы присмотритесь внимательнее к произведениям Бунина, вы увидите в них странную односторонность, вы почувствуете, что, хотя автор о себе ничего не говорит, но, по существу, он не перестает рассказывать только о своем отношении к жизни, отношении чрезвычайно личном. Дальше вы узнаете, что Бунин на протяжении почти всей своей писательской деятельности остался себе верен, и в этой односторонности убеждающая сила бунинского творчества, но в ней же раскрывается его пристрастие. <...> И мне представляется, что источником бунинского творчества является удивление, удивление, надолго приковавшее его взгляд к мужицкому миру, который, однако, все время остается для него посторонним, несмотря на всю зоркость его глаза, на всю наблюдательность.

И, в конце концов, Бунин рассказывает не о мужицком мире, а о немногих чертах мужицкого мира, удививших его самого на всю жизнь».

Упомянув рассказы «Ночной разговор», «Худая трава», критик отмечает: «...то, что писатель не увидел во всем крестьянском мире проявлений *деятельности* тихой, сосредоточенной, стихийной и доброй, характерно для писательского глаза, для писательской души, так сказать, для восприятия и ощущения писателя. Если можно у Бунина найти тихую деятельность, то недобрую. <...>

Строка за строкой, страница за страницей Бунин неумолимо, систематически ведет свой мрачный рассказ, нанизывает удручающие подробности, и к концу видишь себя разбитым и усталым.

<...> Можно сказать без преувеличения, что деревенскую жизнь Бунин изобразил кошмарной. <...> Бунин ничего не выдумывает, Бунин описывает лишь то, что знает. Но он поступает так, как это делает каждый из нас, когда в минуту раздражения выкапывает все дурное из своей души.

Бунин отправляется не от раздражения, на его впечатлительность сильнее подействовали одни черты, они удивили его и о них он рассказывает, <...> но нужно отметить, что Бунин еще потому так сурово обошелся с деревней, что это писатель, вообще, — как ни странно будет звучать такое утверждение — очень суровый и не добрый. Это писатель, не очень склонный к тому, чтоб герои его радовались и были счастливы. Суд его над нашим братом интеллигентом — не более милостивый. <...> Скептицизм Бунина не покоится на какой-либо философии, такой философии у Бунина нет. То скептицизм людей старого поколения, которые считают дурным все позднее и отказывают всему позднему в жизнеспособности. <...> Бунинское настроение чуждо бодрости».

В заключение критик отмечает, что есть другая Русь, которая отличается от бунинской Руси, она двигается вперед: «И вот с нею-то оглядывающийся назад Бунин не может идти шаг в шаг, не может органически срастись с нею, она ему чужда».

В петербургском журнале «Русское богатство» (№ 2. С. 354–357) печатается рецензия А.Б.Дермана на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913). Без подписи.

Рецензент, процитировав из рассказа «Последний день» фрагмент о повешенной собаке, пишет: «Этот отрывок дает верное представление не только о литературной манере и стиле г. Бунина, но и о том общем впечатлении, которое остается от его рассказов: точность рисунка, разнообразие красок, холодное спокойствие тона – и... что-то неприятное в результате, какой-то тяжелый и холодный осадок. <...> "Неправда" Бунина — тот общий фон, на котором он пишет свои частно-правдивые (не всегда, впрочем) детали, а фон этот — какое-то рассудочное и холодное отношение к изображенному миру». Процитировав «Мужиков» Чехова, критик продолжает: «Все те зверства, жестокости и ужасы, которыми наполнены мужицкие рассказы г. Бунина — не им ведь открыты, но нет правды в том фоне, на котором они выступают у него. У Чехова же, столько раз эту тьму и эти ужасы изображавшего, — была правда в фоне. <...> Таких мужиков, какими они рисуются г. Бунину, — невозможно любить, — ни для читателя, ни для автора невозможно. А без любви не откроется и та невидная правда, то стремление к справедливости, над которыми всплывают отдельные отрицательные факты мужицкой жизни. <...> Ибо в самой любви заложен тот могучий реактив всякой правды и всякого знания, который так или иначе непременно проявится.

Стихи г. Бунина примиряют с ним читателя, не удовлетворенного его прозой. Какое неподдельное мастерство!»

Авторство рецензии определено по: *ЛН*. Т. 87. С. 685.

В петербургском журнале «Современный мир» (№ 2. Отд. II, с. 112–138) помещается статья Д.Л.Тальникова «Эстетика и общественность. (О современной литературе)».

Критик, в частности, отмечает, что речь Бунина на юбилее «Русских ведомостей» (полный текст которой помещен «в выходящем на днях» сборнике «Русских ведомостей») «является не только вполне законным даже с точки зрения последовательного эстетизма, но и общественно-необходимым актом». Назвав Бунина «одним из самых замечательных писателей наших дней, стоящим в стороне от торжествующих

течений современности», критик отмечает: «Выступление Бунина, затрагивая не только художественные — как можно было бы ожидать этого от писателя-художника pur sang, — но и этические и общественно-публицистические вопросы, связанные с общим вопросом о современной нашей литературе, настолько значительно на наш взгляд, настолько отвечает назревшей в обществе потребности высказать вполне определенно свое отношение к событиям русской литературы последнего времени; с другой стороны, оно так упорно замалчивается <...> представителями господствующих течений, что на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Характеристика современной русской литературы в ее главных проявлениях, сделанная Буниным в своей речи, по необходимости схематична и афористична, но от этого не теряется смысл ее, ни беспощадный характер ее. <...>

Целый ряд отмеченных Буниным явлений нашел в свое время известную отповедь со стороны передовой реалистической и демократической критики. <...> сам читатель — и эстетически отсталый, и переживающий полосу общественной реакции, — должен был пройти собственными усилиями через “Вальпургиеву ночь” современных литературных “плясок”, чтобы оценить сейчас по заслугам синтетическую характеристику Бунина, связавшую в один “Брокенский” букет все эти цветики и ягодки пережитых литературных увлечений, — характеристику, приобретающую особую авторитетность в устах известного писателя.

<...> Идет, нарастает новая волна общественности и реализма во всех творческих областях нашей жизни. Эта волна сметет тот разгул и разврат, которые захватили собою не только искусство, но и всю нашу общественность и политику. <...> Здоровой общественности, здорового искусства, здорового демократического духа — вот чего ищет современность, по чем тоскует и к чему она идет».

См.: 11...18 февраля 1915.

Март, 1. Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылаются Бунину отчеты и счета по выпущенным книгам.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 7–10.

Март, до 4. Под редакцией Бунина выходит книга Р.Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (Пер. Н.А.Пушешникова. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 56 с.). Цена 40 к. Тираж 1500 экз.

Граница события определена по рецензии. См.: 5 марта 1914.

В этом же году выходит 2-е издание данной книги. См.: 5...12 июня 1914.

Март, 4. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Друг мой дорогой. Не сердись, что не писал тебе до сих пор, — очень был занят с устройством Шевченковского юбилейного вечера. <...> Читал твои чудесные стихи в “Сев<ерных> записках”. Дай Бог тебе здоровья! Готов обнять и расцеловать тебя! <...> Скоро ли ты приедешь? Не смотри на то, что идет снег, будет весна, будем сидеть в садочке; а у меня для тебя хранится бутылка старого-престарого вина».

Письма (*2*). С. 682.

Март, 5. В московской газете «Русские ведомости» (№ 53. С. 7) публикуется рецензия Дионео на два издания перевода Р.Тагора «Ги-

танджали», один — под редакцией Ю.Балтрушайтиса, другой — Н.Пушешникова, под редакцией Бунина.

Рецензент отмечает: «Как перевод Н.А.Пушешникова (Книгоиздательство писателей), так и другой, сделанный под редакцией Ю.Балтрушайтиса (издание В.Португалова), сделаны добросовестно. Первый перевод удачнее второго, хотя встречаются некоторые небрежности».

Февраль, 26...Март, 6. Выходит отдельное издание романса А.Абуткова «Звезды ночью весенней нежнее» на слова Бунина (М., 1914).

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Март, 8 (21). Бунин посылает Ю.А.Бунину рассказ «Братья».

В письме Бунин сообщает В.В.Вересаеву:

«Дорогой Викентий Викентьевич, шлю рассказ — и, простите, с большим опозданием по многим причинам. Того, что хотел дать, не могу — и опять-таки по многим причинам: и плохо себя чувствовал (как и теперь чувствую), и думал, что сборник не состоится, да и надо было отработать авансы. Шлю рассказ под заглавием "Братья" (на Юлия). Рукопись ужасная, и посему прошу о самой тщательной корректуре».

РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 205, л. 9–10.

См.: до 27 марта 1914.

Март, 9 (22). Бунин посылает В.С.Миролюбову для «Ежемесячного журнала» стихотворение «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...») и пишет в сопроводительном письме:

«извините, что еще не дал рассказа. Пока шлю стихотворение».

Письма (2). С. 303.

См.: апрель 1914, первая запись.

Бунин посылает Д.Л.Тальникову свой фотопортрет 1913 г. с дарственной надписью:

«Дорогой Давид Лазаревич, давно не выходят у меня из головы удивительные слова Будды: "Как птица, вспорхнувшая из кустарника, летит в лес, обильный плодами, так, покинув людей мелкого понимания, достиг я великого моря". Ах, как следовало бы всякому почаще вылетать из кустарника! Ив.Бунин. 9/22 марта 1914 г. Капри».

РГБ ОР, ф. 487, к. 37, ед. хр. 6., л. 3.

Воспроизведено: *ЛН.* Т. 84, кн. 2. С. 493.

В газете «Одесский листок» (№ 64. С. 3) печатается статья И.Александровского «Записки. Поэты».

Критик пишет: «Поэтами судьба нас не обошла. <...> Поэтов много, но нет истинного поэта — все нет среди нынешних поэтов властителя дум народных...

<...> И.А.Бунину <...> по всем правам принадлежит первое место в нашей современной поэтической литературе. <...> г. Бунин настоящий поэт, хотя и не очень уж сильный поэт, — поэт пушкинской традиции. <...> Г. Бунин в своих поэтических грезах не витает в надземном пространстве, а беспрерывно состоит в общении со всем земным и в земном черпает свои поэтические силы, в соприкосновении с зем-

ным беспрестанно обновляет их, а потому и не знает упадка таланта, несмотря на быстро текущие годы, уносящие молодость.

И в своем новейшем стихотворении “Степь” г. Бунин откликается на жгучую современность <...>.

Затем: г. Бунин — поэт жизни, г. Сологуб — панегирист смерти».

Март, 10 (23). Бунин пишет стихотворения:

— «Господь скорбящий» («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»). Авторская дата: «10/23 марта 1914 г. Капри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 8781 оф, л. 1.
ПСС. Т. 6. С. 286–287.

— «Иаков» («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»). Авторская дата: «Капри, 10.III.14».

ПСС. Т. 6. С. 285–286.

— «Плач ночью» («Плакала ночью вдова...»). Авторская дата: «10/23 марта 1914 г. Капри».

ОГЛМТ, ф. 14, № 8781 оф, л. 1 об.
ПСС. Т. 6. С. 287.

См.: 6 апреля 1914.

Март, 11 (24). Из редакции газеты «Киевская мысль» посылают Бунину телеграмму с просьбой дать рассказ к Пасхе.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3269/6 оф.

Март, 13. В московской газете «Русское слово» (№ 60. С. 6) помещается информационное сообщение «Прекращение дела И.А.Бунина». Без подписи.

В заметке сообщается, что дело Бунина, возбужденное по поводу инцидента на юбилее газеты «Русские ведомости», прекращено.

Март, до 20. Бунин начинает писать рассказ «Конец». Авторская дата: «Капри, 1914».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 17.
ОГЛМТ, ф.14, № 2748 оф.

Первоначальный вариант рассказа «Исход».

См.: январь...март 1918.

Март, 20. Из редакции газеты «Русское слово» посылают Бунину телеграмму с просьбой прислать для пасхального номера стихотворение или рассказ не позже 30 марта.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3261 оф.

В бесплатном приложении к № 77 петербургской газеты «День» — «Отклики. Литература. Искусство. Наука» (№ 11. С. 2–4) публикуется статья З.Н.Гиппиус «Дневник журналиста. Механический “реализм”». Подпись: Антон Крайний.

Критик, в частности, разбирая статью Д.Тальникова «Эстетика и общественность» («Современный мир» № 2), пишет: «Кстати, я понимаю, что Тальников стоит за Горького и старается показать, что выступление последнего против Достоевского — было прекрасно во всех отношениях. Но почему критик стоит за Бунина,

этого типичнейшего “модерниста”, со всеми модернистскими правдами и неправдами? Неужели только для того, чтобы ради своих целей “использовать” Бунина, вернее — использовать его неожиданную и бестактную выходку против литературы на юбилее “Русских ведомостей”? Этот выпад был единодушно оценен по достоинству, <...> и не думаю, чтобы горячая защита Тальникова очень утешила нашего модерниста-академика. Он такой сдержанный, такой холодно-достойный по природе, такой художественно чуткий, что, конечно, сам досадует теперь на случай, поставивший его в несвойственное положение. Тальников мог бы радоваться ошибке Бунина — ошибке модерниста. Но он не радуется — а считается с этой ошибкой, подпирает ею свои положения. И выходит печальная — для всех — чепуха».

Март, 13...20. В издательстве П.Юргенсона выходит романс М.Остроглазова «Из сказки» на слова Бунина (М., 1914).

Выходит отдельное издание романса С.Лаппо-Данилевского «Иерусалим. Это было весной» на слова Бунина (СПб., 1914).

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Март, 24 (Апрель, 6). Бунин, В.Н.Муромцева и Н.А.Пушешников прибывают в Рим.

Бунин пишет стихотворения:

— «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»). Авторская дата: «Рим. 24.III.14».

ПСС. Т. 6. С. 286.

См.: февраль 1915.

— «На пути из Назарета» («С Иосифом Господь беседовал в ночи...»). Авторская дата: «Рим. 24.III.14».

ПСС. Т. 6. С. 287.

См.: 6 апреля 1914.

Бунин пишет рассказ «Первый шаг» (позднее озаглавлен «Клаша»). Авторская дата: «Рим, 24.3.1914».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 44.
РАЛ, MS. 1066/133–135.
СС (Петр). Т. 6. С. 158–168.

См.: 11 мая 1914, первая запись.

Март, 25 (Апрель, 7). Бунин пишет стихотворение «Магомет и Сафия» («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»). Авторская дата: «Рим. 25.III.14».

МКТ.
ПСС. Т. 6. С. 287.

См.: до 31 декабря 1914.

Из Рима Бунин посылает Ф.И.Благову для «Русского слова» четыре стихотворения: «Иаков» («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), «Плач ночью» («Плакала ночью вдова...»), «Господь скорбящий» («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), «На пути из Назарета» («С Иосифом Господь беседовал в ночи...») и сообщает в письме:

«посылаю, согласно Вашему желанию, стихи».

Письма (2). С. 303.

См.: 6 апреля 1914.

Март, до 27. Выходит 3-й сборник «Слово» (М.: Кн-во писателей в Москве, 1914), в котором (с. 233–272) печатается рассказ «Братья».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (27 марта (№ 71). С. 10).

Март, 29. В газете «Голос Москвы» (№ 73. С. 5) печатается рецензия «Литературный календарь» на 3-й сборник «Слово». Подпись: Н.Г.

Рецензент, отметив рассказы А.Н.Толстого, Н.Д.Телешова, И.С.Шмелева и Л.А.Авиловой, пишет: «Но лучшей вещью сборника является рассказ Ив.Бунина “Братья”. <...> Трагическим пафосом веет от рассказа, и замечательнее всего то, что несколько приподнятый тон его нигде не переходит в напыщенность и риторику».

Март, 30 (Апрель, 12). Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжает из Рима в Венецию.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Март — отъезд с Капри, Неаполь. <...> Рим — Страстная, Храм Св. Петра. <...> Сад Боргезе. Катание по Риму. <...> Венеция. <...> В Триесте на пароход. Аббация. <...> Фиумэ».

Дневники. Т. 1. С. 136.

Март, 31 (Апрель, 13). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывают в Венецию.

См.: 30 марта (12 апреля) 1914.

А.А.Шахматов на бланке Отделения русского языка и словесности пишет Бунину:

«На основании прилагаемых при сем Правил о присуждении премии имени А.С.Пушкина Разряд изящной словесности Императорской Академии наук постановил обратиться к Вам с покорнейшей просьбою, не изволите ли Вы принять на себя рассмотрение сочинений: 1) Л.Жданов “Исторические поэмы” (Спб., 1914) и 2) Э.Голландская “Рассказы” т. II-ой (СПб., 1913), представленных на XXI-ое соискание упомянутых выше премий и разбор свой доставить не позже 1-го марта 1915 г.»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 6.

Март. В петербургском «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (№ 3. С. 155–156) печатается рецензия А.Б.Дермана на 1-й сборник «Слово» (М., 1914).

Рецензент, в частности, пишет: «Что касается содержания сборника, то его можно, в общем, охарактеризовать словами: “любовь к жизни”. <...>

В этом хоре любви к жизни особняком стоит рассказ Бунина “При дороге”. Написанный с обычным бунинским мастерством, яркостью и четкостью, он посвящен, однако, изображению темных, разрушительных и злых сторон жизни, угрюмых страстей человеческой души. И эти страсти кажутся читателю особенно мрачными, сгущенными, быть может, именно потому, что он невольно сопоставляет этот рассказ со всем остальным содержанием сборника, проникнутым светлым доверием к жизни и горячей любовью к ней, какие горести и печали она бы в себе ни таила».

Апрель, 3 (16). Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывают в Зальцбург.

См.: 4 (17) апреля 1914.

Апрель, до 4. Выходит № 4 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 72–83) публикуется рассказ «Святые».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 апреля (№ 77). С. 8).

Апрель, 4 (17). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым осматривают Зальцбург, посещают дом-музей В.А.Моцарта.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике 3 апреля: «Зальцбург. Приехали вечером. На утро вышли на балкон и смотрели сверху на город. В горах еще белеет снег. Прямые белые улицы. Деревья чуть зазеленели. Воздух звонок и прозрачен. После утреннего завтрака осматривали город. Поднимались на фуникулере в замок XIV века Гогензальцбург. Залы. Двор. Орган, устроенный отцом Моцарта. Всюду в магазинах и на коробках портрет Моцарта. На кирке игра курантов. Звуки колоколов. Краски: нежно-сиреневая и белая, холодная. Пахнет от садов и дорог горным снегом. Скаты гор: виден каждый камень, каждая трещина, каждый куст. Тиролки в ярких платьях и в шляпах. Здоровье, груди, бедра. Домик Моцарта. Нашли его не сразу. Домик маленький, серо-желтого цвета, убогий. Поднялись по лестнице, вошли: три маленьких комнатки. Маленький клавесин. Портреты и т.д. На этом клавесине написан Реквием. Реликвии в витрине».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/2 оф, л. 160.

Апрель, 6. В московской газете «Русское слово» (№ 80. С. 3) помещаются под общим заглавием «Четыре стихотворения»: 1. «Иаков» («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), 2. «Плач ночью» («Плакала ночью вдова...»), 3. «Господь скорбящий» («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), 4. «На пути из Назарета» («С Иосифом Господь беседовал в ночи...»).

Апрель, 4 (17) – 6 (19). Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым через Загреб, Будапешт и Бухарест едут в Одессу.

См.: 30 марта (12 апреля) 1914.

Апрель, 7. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым прибывает в Одессу.

Газета «Одесский листок» (9 апреля (№ 92). С. 4) сообщает: «Третьего дня в Одессу приехал из-за границы известный поэт, академик И.Бунин».

В дневнике В.Н.Муромцева отмечает: «5 апреля в Одессе».

Дневники. Т. 1. С. 136.

Дата в дневнике В.Н.Муромцевой, очевидно, ошибочна. См.: 4 (17) апреля 1914.

Апрель, 8. В.П.Куровский пишет Бунину из Очакова:

«Дорогой Ваня!

Твои предсказания сбылись. Сижу в Очакове. <...>

Я доволен. Неожиданно свалилось на меня то, о чем я мечтал всю жизнь. Почти полное одиночество».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3046/19 оф.

Апрель, 10. В газете «Одесские новости» (№ 9320. С. 3) помещается интервью «У Ив.А.Бунина». Подпись: Ш.

В интервью говорится: «Почти ежегодно, к Пасхе, возвращаясь с поездки по Европе, прибывает в Одессу Иван Алексеевич Бунин.

<...> Побывал Иван Алексеевич и на Капри — впрочем, Максима Горького тогда уж там не было.

— Опустело Капри, — замечает Ив.Ал., — в пути же, по обыкновению, писал. Писал много — особенно во время морских переездов, когда работается свободно и легко.

Подготовил большую вещь. Роман... А между делом — несколько небольших вещиц — для разных сборников.

— А как заглавие?..

— Нет, не скажу... Я так суеверен! Да и зачем говорить о своем?

Заговорили о чужом — о современной поэзии. Между прочим — о футуристах, отечественных и итальянских, об “эго” и “кубо”. Ох, и честит же их Иван Алексеевич!

<...> Ну, а о Маринетти я кое-что слыхал. Знаю, что он очень богатый человек. Вот и развлекается... Как вообще эти богатые молодые люди: одни — увлекаются всякими видами спорта, ломают головы на автомобилях, и проч. Другие — футуризм выдумывают... Вот как я смотрю на это. Вы знаете, в Италии о футуристах никто не говорит, ими совершенно не интересуются. Они не существуют для широкого общества и печати. Ведь это ж нельзя сравнить даже с отношениями в России. Итальянцы, право, руками развели бы, если б открыли наши русские газеты да прочитали бы эти обстоятельные статьи, эту уйму серьезных рассуждений о футуристах. <...> Ну, а русские футуристы эти...

Ив.Ал. останавливается и, презрительно махнувши рукой, после некоторого раздумья продолжает:

— Эти уж совсем жалости достойны... “Эго-футуристы”, как знаете, уж вовсе не существуют. Кто там? Игорь Северянин. Но он сам уж заявляет, что он — не футурист... Ну а “кубо-футуристы” Маяковские, Бурлюки... Что о них скажешь?.. Безобразники они, и больше, право, ничего... Меня изумило даже, что о них пишут длинные критические рассуждения, как это о них говорят в серьезном тоне. До такой степени все это плоско, до такой это степени глупо... А вот смотрите же: собирают публику... Вы говорите: интерес скандала. Но, как хотите, это дурной показатель для русского общества. Значит, оно не *живет* разумно, значит оно так себе просто *глазеет*. Ведь у кого есть серьезные интересы, того не привлекут скандалы... И особенно такого дурного тона.

— А как вы думаете об Игоре Северянине? Частью критики отмечен в нем талант...

— Да что вы? Талант?.. Как же можно так говорить? Стихотворный пшют он, и не больше. Разве это поэт? Дешевый стихотворец... У него стихотворческие способности — вот и все тут. И это — талант? Читал я об этих его “поэзо-концертах”... <...>

— Был у нас еще Бальмонт.

— Вот тоже! Читал! Читал я об одной его лекции: переполненный зал, только публика какая-то растерянная, не знала, что ей надлежит делать. И часть аплодировала, в то время как другая... гоготала. Оно и понятно: пустые, ничем не связанные слова. Не знаю, как это определить — эту игру словами — иначе, как пустословие. Вот вслушайтесь.

Ив.Ал. процитировал:

“Кристалл мгновенья в оправе вечности”...

Ну, что это может означать, этот “кристалл мгновенья в оправе вечности”? Ничего не понимаю!.. Нет, очень меня огорчает это пустословие в русской литературе...».

Апрель, 13. В харьковской газете «Южный край» (№ 11994. С. 5) публикуется статья И.Турского «Слово о “Слове”» — рецензия на 3-й сборник «Слово».

Рецензент пишет: «...в обиход русской критики уже года три вошел термин: неореализм, употребляемый для обозначения именно той школы писателей, которая сгруппировалась вокруг московского “Слова”. Что такое неореализм? Понятие это пока неустановившееся. <...> Можно было бы формулировать девиз неореализма в следующих словах: не *назад* к Тургеневу и Гончарову, а *вперед* от Тургенева и Гончарова. Мы принимаем старый “крепкий”, как хорошее вино, русский реализм, но осложняем его мотивами субъективной лирики, новыми красками личности, пышно расцветшей в последнее десятилетие. Неореализм — это синтез, это, по существу, наиболее полный, наиболее совершенный реализм: введший новые реальности, — реальности души, — и тем превзошедший былой натурализм. Неореализм, это, можно сказать, — свобода художественных приемов при известном ограничении тем, — действительностью... Это — теория. Какова же практика?

С редким наслаждением читаешь последний сборник “Слово”. Редко радует нас литература такою свежестью красок. <...> Для того, чтобы изучить неореализм, нужно обратиться <...> к трем шедеврам — гр. Ал.Н.Толстого, И.Шмелева и И.Бунина.

Три шедевра... Я не беру назад этого рискованного слова. В этих трех вещах я вижу полное и превосходное осуществление принципов, провозглашенных неореализмом. Это, во-первых, свобода творчества. Это, во-вторых, жизнь, как объект творчества. <...>

И опять совсем по-иному написаны “Братья” И.Бунина. Вставлен этот изумительный рассказ в роскошную раму тропического Цейлона. <...> В этом великолепном рассказе намечается слиянный мотив идеализма мысли и реализма письма, разрешенный свободой творчества, — мотив неореализма».

Апрель, 11...14. Бунин прибывает в Москву.

Газета «Утро России» (15 апр. (№ 86). С. 4) извещает, что «на днях» писатель вернулся в Москву.

Апрель, 15. В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 77. С. 3) в рубрике «Литературный дневник» сообщается:

«Ив.Бунин продал полное собрание сочинений издательству Маркс для приложения к “Ниве” в 1915 году — за 35000. Издание будет редактироваться самим

автором; в него войдут ряд неопубликованных стихотворений и рассказов, а также переводы “Песни о Гайавате”, “Каина” Байрона и др.».

Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылают Бунину отчет по книге «Золотое дно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/14 оф.

Апрель, 16. В литературном кружке «Среда» Бунин читает рассказ «Братья».

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Среда: “Братья”».

Дневники. Т. 1. С. 137.

См.: 23 апреля 1914.

Н.С.Клестов пишет Бунину на бланке «Книгоиздательства писателей в Москве» расчет гонорара за рассказ «Братья».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/13 оф.

См.: 17 апреля 1914.

В херсонской газете «Родной край» (№ 600. С. 2) печатается статья Н.Заречного «Два полюса».

Критик пишет: «В последней повести И.Бунина “Братья” мы встречаемся с двумя крайностями человеческого бытия. “Братья” — это ироническое обозначение двух разновидностей породы, именуемой “homo sapiens”.

На самом деле, между цейлонским сингалезом <...> и тем пресыщенным, все на свете перевидавшим англичанином <...> дистанция не менее огромного размера, чем между дикарями и европейцами в те дни, когда дикари впервые были открыты европейскими мореплавателями. <...>

Итак, перед нами два полюса. И утонченный европеец чувствует себя способным прийти к той же точке, на которой стоит человек, пребывающий почти что в первобытном состоянии. Можно бы отчаяться за нашу культуру, — как уже не раз приходили в отчаяние люди, предававшиеся философствованиям на эту тему, — если таковы ее цветы и плоды. Но все-таки хочется думать, не совершается ли здесь некий подлог, и не выдается ли за человека, стоящего на последней культурной ступеньке, субъект, отражающий только некоторые внешние черты культурного развития. <...> Для роли другого брата можно было бы взять лицо, не принадлежащее к числу тех, кто за внешним лоском таит в душе полнейшее одичание, и тогда картина, может быть, вышла бы несколько иная: не культурный человек почувствовал бы себя способным поклониться жестоким и безжалостным началам, а дикарь воспринял бы заветы, которыми, как ни стараются иные подкопаться под них, человечество все же до сих пор дорожит, как своим лучшим культурным завоеванием».

Апрель, 17. Бунин присутствует на заседании «Книгоиздательства писателей в Москве», на котором получает гонорар за рассказ «Братья».

На письме Н.С.Клестова от 16 апреля Бунин делает помету: «Двести шестьдесят два рубля 50 коп. получил 17 апреля. Ив.Бунин».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/13 оф.

Дата события определена по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1914. Вып. 6. С. 34).

Апрель, 18. В Политехническом музее Бунин присутствует на диспуте, посвященном постановке пьесы Л.Н.Андреева «Мысль» в Художественном театре.

Газета «Русские ведомости» (19 апр. (№ 90). С. 5) в отчетной заметке «Диспут в Политехническом музее» (без подписи) сообщает: «Происходивший вчера в Политехническом музее диспут был посвящен постановке Художественным театром андреевской “Мысли”; интерес диспута сосредоточился на суждениях о Художественном театре; этот вопрос втянул в спор всю аудиторию, которая выслала на кафедру несколько ораторов и живо реагировала на все перипетии спора». Выступали С.С.Мамонтов, Ю.В.Соболев, С.Глаголь, В.В.Маяковский. «Можно еще отметить одну не лишенную интереса подробность. По поводу указания докладчика <С.С.Мамонтова>, что Андреев позволяет себе писать о том, что не видел и не перечувствовал (напр., “Красный смех”), почему допускает грубые фактические погрешности, С.Глаголь вступился за Андреева и развил теорию о “художественной лжи”, которая важнее реальной правды. В пример оппонент привел стихотворение И.Бунина, где при описании красоты осеннего леса последний сравнивается с теремом. Находящийся на эстраде И.Бунин пожелал себя обелить и указал, что художественный вымысел и образные сравнения — одно, а искажение реальной действительности — другое».

Апрель, 19. Я.Л.Сакер пишет Бунину на бланке редакции журнала «Северные записки»:

«Вы, по-видимому, не получили моей открытки в Италии. Ваш рассказ, за который я Вас благодарил, в марте не пошел, а сейчас его пускать <...> не хочу, — лучше его отложить до осени. Надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого. <...>

В апрельской <книге журнала> идет рецензия о “Рыдальце”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 2.

Речь идет о рассказе «Первый шаг». См.: 24 марта (6 апреля) 1914, третья запись; 30 апреля 1914, вторая запись; 11 мая 1914, первая запись.

В московской газете «Новь» (№ 80. С. 5) помещается рецензия П.Кожевникова на 3-й сборник «Слово».

Рецензент пишет: «Интересно задуман очерк Ив.Бунина “Братья” из его путешествия на Цейлон. Но противопоставление миросозерцаний двух “братьев”, цейлонца и англичанина, не вполне удалось автору. Философия же разлитого в мире ужаса была бы, вероятно, более уместна в устах русского бывалого путешественника, чем в устах англичанина».

Апрель, 20. В Саратове Ф.А.Степун читает лекцию «О духе современной русской литературы», в которой, в частности, разбирает творчество Бунина.

Газета «Саратовский листок» (23 апр. (№ 88). С. 3) в отчетной заметке «О литературе» (подпись: М.Р-в) сообщает: «В воскресенье <20 апреля> в Коммерческом собрании состоялась первая лекция г. Степуна на тему — “О духе современной русской литературы”. Изложение отличалось доступностью. <...>

На вопрос: может ли служить гениальное творчество масштабом при оценке творчества более обыкновенного, просто талантливого — г. Степун отвечает, что, не-

смотря на кажущуюся невозможность и несправедливость сравнения обыкновенного творчества с неизмеримым гениальным, подобное измерение все-таки возможно, а следовательно, и необходимо. Только в свете гениального творчества, как в свете солнца, можно видеть и оценивать все то, что дает нам литература. <...>

Для иллюстраций своих абстрактных построений г. Степун разбирает творчество четырех современных писателей, наследников старого реалистического направления, — Куприна, И.Бунина, Андреева и гр. Ал.Н.Толстого, давая всем им, и особенно последнему, яркие, меткие характеристики. Все это — безыдейные фактописцы, их творчество не открывает собою какой-либо новый мир, в котором можно было бы жить духовно, — наоборот, оно нередко губит своим влиянием, особенно молодежь».

Апрель, 21. В «Московской газете» (№ 310. С. 6) публикуется интервью «У И.А.Бунина. Беседа». Без подписи.

В интервью говорится: «В Москве в настоящее время гостит писатель И.А.Бунин.

Бунин только что возвратился из Капри. Эта местность очень ему полюбилась своей тишиной и весьма удобными условиями для творческой работы.

— Капри, — рассказывает писатель, — дивная итальянская провинция. Самый климат здесь великолепный. Между прочим, Капри по справедливости гордится своей достопримечательностью — “лазурным гротом”, который считается чудом света.

Под скалами имеется большой грот, куда ведет маленький вход. На лодке едва можно проникнуть через этот вход. Благодаря преломлению света через морскую воду внутри грота получается изумительное освещение.

Буквально грот залит голубым сиянием, что производит необычайный эффект.

Кроме того, там замечательны развалины дворца императора Тиберия.

На Капри я все время много работал. <...>

В числе других произведений мною написана одна большая повесть. <...>

К осени И.А.Бунин намерен написать лекцию о русских писателях последних дней и выступить с этой лекцией перед публикой.

И.А.Бунин намерен здесь показать на примерах, действительно ли литература нового периода дала нам какие-нибудь новые приобретения.

По его мнению, весьма спорны утверждения, будто бы новейшая литература сделала завоевания в области техники, формы и языка.

— Я постараюсь доказать, — говорит Бунин, — на основании литературных примеров, что в действительности и это далеко не так, что литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях».

В петербургской газете «Речь» (№ 107. С. 3) печатается рецензия Е.А.Колтоновской «Мираж возрождения» на 3-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «Немного оптимизма навевает и превосходный рассказ Бунина “Братья”, написанный с его обычною суровою едкостью. В колоритной картине восточной жизни развивается ультра европейская философия, или, вернее, ее критика.

Выразителем скептических настроений на этот раз является англичанин, весьма родственный прежним бунинским русским героям. Он жалуется на вырождение инстинкта жизни, на головную человеческую жестокость, на оторванность от природы и затхлый "индивидуализм".

В страстных речах этого слишком экспансивного англичанина нетрудно уловить отголоски авторских дум и настроений. <...>

На всем сборнике, вообще, есть печать усталости, говорящая о том, как труден оздоравливающий литературный подбор и как тяжела та болезнь, с которой борется талантливая молодая литература».

Апрель, 23. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Весенний вечер».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 26.
РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 34.

Апрель, 24. В харьковской газете «Южный край» (№ 12013. С. 4) печатается обзор И.Турского «Журналы».

Рецензентом в обзоре № 3 и 4 журнала «Вестник Европы», в частности, отмечается «прелестная страничка Бунина ("Святые")...».

Апрель, 26. В газете «Киевская мысль» (№ 114. С. 2) публикуется рецензия Л.Н.Войтоловского на 3-й сборник «Слово» — «Летучие наброски».

Рецензент пишет: «В противоположность зычному Алексею Толстому <"Большие неприятности"> Бунин рассказывает тихо, спокойно и убедительно. Пожалуй, даже несколько холодно. Но это холодность Гете — чистая, строгая, изящная. Его рассказ "Братья" переносит нас под тропики. Перед нами развертываются яркие панорамы Востока. Люди, животные, деревья — все окрашено в экзотические цвета. <...>

И у Бунина, как и у Алексея Толстого, собраны в один пучок самые разнообразные элементы: <...>. Но в повести Алексея Толстого все описания навалены в хаотическом беспорядке, в сыром, не переваренном виде, как морковь и капуста в корзине у овощной торговки. Тогда как у Бунина все это, как в живом организме каждая мелочь растворяется без остатка и горячей алою кровью струится по жилам его рассказа. И это объясняется тем, что каждый осколок жизни Бунин берет не как тему, а как живой человеческий документ, и в каждом взгляде, в каждой улыбке он ищет и открывает его внутренний смысл. Алексей Толстой пишет не задумываясь. Бунин глубоко изучает своих героев и сам всегда выше и содержательнее их».

Апрель, 29. Бунин сообщает в письме П.А.Нилусу из Москвы:

«Приедем 2-го или 3-го мая. <...>

Редактор "Книгоиздательства писателей" теперь я. Вересаев будет редактировать только сборники <"Слово">».

Письма (2). С. 303.

В петербургской газете «Россия» (№ 2592. С. 6) публикуется рецензия на 3-й сборник «Слово» (М., 1914). Подпись: З.Б.

Рецензент, в частности, пишет: «Нечто чрезвычайно своеобразное дает Ив.Бунин в своих "Братьях". В благоуханно красочном описании Цейлона — прежде всего, сказывается поэт. Красивые страницы, посвященные этим описаниям, бук-

вально переливаются всеми цветами радуги. Тяжкая судьба обездоленных рикш рассказана с большой, дышащей неподдельным сочувствием яркостью. Но в преклонении перед буддизмом, вложенном в речи больного англичанина, в умалении бессильной перед хаосом личности звучит нечто глубоко и неприязненно чуждое христианскому миропониманию, так что заглавие поэтического и тонкого рассказа – "Братья" вызывает тот же холод непонимания, как и руководящая мысль автора».

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 89. С. 3) печатается рецензия Г.А.Вяткина на 3-й сборник «Слово».

Рецензент отмечает: «В третьем сборнике "Слово" четыре крупных имени: Ив.Бунин, Ив.Шмелев, Н.Телешов и гр. А.Н.Толстой. Бунин дал рассказ "Братья" из быта коломбийских туземцев и путешественников. <...> В рассказе – столкновение двух миров, туземного и культурного, двух братьев: чернокожего рикши и белого выхоленного англичанина. <...> На этой гибели рикши автор построил другую, более сложную драму – опустошенной души европейского человека, переживающего кризис индивидуализма и понявшего ничтожества личности».

Апрель, 30. Бунин в письме А.Е.Розинеру из Москвы сообщает свой будущий адрес на Большом Фонтане под Одессой.

Письма (*2*). С. 303.

Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петербурга на бланке журнала «Северные записки»:

«...у меня к Вам большая просьба – согласитесь написать о Чехове для июньской книжки (десятилетие смерти). Вы написали о нем когда-то удивительно хорошо. Дайте теперь статью, характеристику, воспоминания – что хотите. Нужно к концу мая. Буду Вам очень благодарен, если напишете.

С огорчением уступил Ваш рассказ, но вполне уверен, что к осени Вы дадите другой. Жду в августе, самое крайнее – в сентябре».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 4.

Речь идет о рассказе «Первый шаг». См.: 19 апреля 1914, первая запись; 11 мая 1914, первая запись.

Апрель, 7...30. Бунин дарит Э.Д.Воронцу книгу «Золотое дно. Рассказы 1903–1907 гг.» (М., 1914) с надписью на авантитуле:

«Дорогому другу Эммануилу Дмитриевичу. Ив.Бунин».

Лесман. С. 54.

Датируется по времени пребывания Бунина в Одессе и Москве.

Апрель. В петербургском «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (№ 4. С. 3) печатается стихотворение «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...»).

В московском журнале «Живое слово» (№ 17. С. 269–271) помещается рецензия Евг.Скифа <В.К.Егорьева> «На литературные темы. "Слово", сборник третий».

Рецензент, в частности, пишет: «"Братья" – рассказ Бунина интересен и по материалу, и по вложенной в него идее», далее следует пересказ содержания.

В петербургском журнале «Северные записки» (№ 4. С. 188–190) печатается рецензия на книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913). Подпись: А.К.

Рецензент пишет: «Имя Ив.Бунина приобрело широкую известность лишь в последние пять-шесть лет, но те читатели, которые знают его давно, знают также, что он всегда заслуживал самого полного признания. Можно только удивляться тому, что в течение почти двадцати лет у нас не то что не ценили, а просто мало знали писателя, которым современная русская литература по справедливости может гордиться.

<...> Уже тогда, в самых ранних своих произведениях Ив.Бунин обнаружил не только большое поэтическое дарование, но и то строгое отношение к приемам творчества, которое следовало бы назвать художественной мудростью, свойственной лишь очень немногим.

<...> По-видимому, уже в то время Ив.Бунин знал так же точно и определенно, как теперь, — как именно надобно писать; но и, кроме этого, он всегда превосходно знал, понимал и чувствовал — как писать нельзя. Об этом лучше всего свидетельствует полное отсутствие у Ив.Бунина произведений банальных и риторических, встречающихся нередко даже у самых выдающихся художников слова.

Утонченное изящество вкуса, любовь к слову и чувство слова и ритма нашли себе полное выражение в той благородной простоте исполнения, которою отличаются все без исключения произведения Ив.Бунина. С любовным знанием родного языка, с умением чувствовать живописность и музыкальность слов, Ив.Бунин сочетал чрезвычайную потребность к сжатости, постоянное стремление к достижению наивысшей силы изображения и наибольшей выразительности действия при наименьшей затрате средств. Отсюда — точность общего построения и стиля произведений Ив.Бунина, всегда исполненных прекрасной ясности и чувства меры. <...> Как и для всех истинных художников, форма никогда не была для него только средством, а содержание только целью. Эта совершенно нерасторжимая связь между формой и содержанием, в которой все цель и все средство, менее всего видна в лирических стихотворениях и рассказах поэта, всегда согретых чрезвычайно теплым чувством и всегда заражающих искренностью настроения. Интересно отметить, что для передачи настроения Ив.Бунин нередко пользуется только изображением. <...>

Конечно, Ив.Бунин не только лирик. Стоит прочесть целый ряд больших (“Деревня”, “Суходол” и др.) и многих мелких, по размерам (“Ночной разговор”, “Байбаки”, “Худая трава”, “Преступление” и др.), его произведений, чтобы увидеть, что это не простое собрание эпизодов, а самый доподлинный, давно желанный эпос, для создания которого всегда необходимо строгое созерцание жизни.

Ив.Бунин всегда был и остался до сих пор именно таким созерцателем. Умный и проницательный, одаренный не просто способностью “наблюдать”, а скорее неспособностью не видеть и уменьем угадывать, он никогда не был в своем творчестве восторженным. В этом сказывалась всегда как врожденная душевная застенчивость поэта, так и умышленная его сдержанность. Пафос всегда был совершенно чужд Ив.Бунину. Недаром всегда так привлекателен был для него Восток, сказочно-живописный, проникнутый духом мудрого спокойствия и величавости.

Но и созерцая громадную развертывавшуюся перед ним жизнь, Ив.Бунин всегда смотрел на нее с очень глубоким вниманием. <...> Но зато всегда он был проникнут искренней и горячей любовью к тому интимному душевному миру человека, который так чудесно раскрывался ему в минуты вдохновенья. <...> В ней <книге> собрано 36 стихотворений и 19 рассказов — небольших по размерам, но очень значительных по содержанию и, как всегда, превосходно исполненных. Всякий, кому близко и дорого русское художественное слово, прочтет с подлинным наслаждением эту книгу. Такие стихи, как "Алисафия" и "Дедушка", и такие рассказы, как "Худая трава", "Преступление" и "Последний день", будут для читателя не только источником высокого художественного волнения, но и свидетельством полного расцвета сил в честном благословенном творчестве поэта».

Май, 1. Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылаются Бунину отчеты по выпущенным книгам.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 11–12.

Апрель, 24...Май, 1. В издательстве Б.Решке выходит романс А.Архангельского «На диких скалах», трио на слова Бунина (М., 1914).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Май, 2 или 3. Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает под Одессу на Большой Фонтан, на дачу Ковалевского. В гостях у Буниных десять дней живет Б.К.Зайцев.

В.Н.Муромцева записывает в дневник: «Май: Отъезд в Одессу. Дача Ковалевского. <...> Зайцев 10 дней у нас».

Дневники. Т. 1. С. 137.

См.: 29 апреля 1914, первая запись.

Май, до 4. Выходит № 5 петербургского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 327–341) печатается статья Е.А.Колтоновской «Бунин как художник-повествователь».

Критик пишет: «Есть сложные писательские индивидуальности, в которых черты старого и нового перепутаны очень пестро и капризно. Таков И.А.Бунин, еще в молодые годы проявивший себя как зрелый, законченный художник, вполне заслуженно посвященный в академики. Почетное звание вполне ему соответствует. И по языку, и по общему органически любовному отношению к литературе, это — наш "классик", классик новой литературы, в котором все определилось и отстоялось — годится для образца.

<...> Одно можно было сказать с первых же шагов творчества Бунина, что это писатель характерно русский. По характерно русскому колориту и содержанию, Бунина можно сопоставить разве с Гончаровым да, пожалуй, из новейших писателей, с Ремизовым.

<...> При первом знакомстве с прозой Бунина, является большой соблазн объединить его со старшим современником — Чеховым, так как бросается в глаза их взаимная литературная симпатия. Но <...> природа этих будто бы родственных художников, и их позиция по отношению к старым и новым писателям, весьма различны. Бунин, выступивший позднее Чехова, *старее* его. Чехов, по сравнению с Буниным, модернист-протестант. Для него неприемлемы, нестерпимы некоторые из прежних

приемов творчества, например, тургеневские описания, которые он называет "риторическими". А Бунин в этих самых описаниях достиг совершенства. <...>

Зато в необычайной колоритности языка и в капризной прихотливости узора Бунин зашел гораздо дальше Чехова — кое-что стихийно воспринял от позднейших литературных веяний. <...>

Плебей родом и тончайший аристократ по духу, Чехов являлся писателем совершенно внеклассовым, внесословным. <...>

Бунин, напротив, — весь от своего сословия, от той среды, которая его создала: до мозга костей дворянин, интеллигент и барин. Отсюда его странная любовь-нелюбовь к России и сложное отношение к русскому человеку: к мужику, как к дикарю, и к своему брату-дворянину, как к продукту вырождения. <...>

Эта мысль о власти прошлого, о связи с ним настоящего и будущего лежит в основе того раздумья над жизнью, которое проходит яркою нитью через все творчество Бунина. Особенно резко оттенена она в "Суходоле".

<...> Перед нами типичный интеллигент — странник, с усталой и требовательной душой, недовольный собою и людьми. В его жизни — все испытания и "перевалы". <...>

Нет на первых порах у Бунина и будущего яда в отношении к мужику. По существу, первобытная мужицкая примитивность и темнота, конечно, неприемлемы для тонкой и требовательной, изысканно-культурной души нашего писателя. Мужик внушал ему страх и недоумение. Но к этим чувствам примешивается большая доля участия и тревоги — что-то вроде дворянского покаяния. <...>

Юные рассказы Бунина так сильно отличаются от его позднейших произведений, как будто бы они принадлежат перу другого автора. В них много поэзии, чувствуется свежесть всех впечатлений бытия, но кисть художника отличается робостью, настроение не интенсивно и расплывчато. Это та именно литература, о которой Чехов говорил, что в ней "ни капли алкоголя", а только "лимонад". Позднейшие произведения Бунина, начиная с "Деревни", напротив, изобилуют хмелем. Дрожжевая закваска в них все крепнет и нарастает. Общественный ли "алкоголь", или собственное внутреннее созревание обнаруживают в писательской физиономии Бунина новые черты. Поэт-созерцатель все больше вытесняется философом-скептиком, резким критиком окружающей жизни.

"Чистоту" тургеневской прозы он блюдет так же тщательно, как и чистоту пушкинского стиха. Однако он во многом родственен новейшим писателям, до некоторой степени одного с ними поля ягода. Как и они, он органический индивидуалист и очень субъективен, пожалуй, несколько тенденциозен в творчестве. Он открыл свою "правду" о жизни — о деревне, о русском человеке, и ему важнее всего доказать ее, подтвердить, иллюстрировать. Отсюда его, иногда невольное сгущение красок, несмотря на трезвость и добросовестность в наблюдениях.

<...> Бунинское интимное "я" выявлено в его творчестве с не меньшею экспансивностью, чем у таких признанных субъективистов, как Арцыбашев или Зайцев. <...>

Чаадаевские настроения были всегда присущи психике интеллигента. Как своеобразный диссонанс, еще восполняющий общую гармонию, они сопутствовали всем народническим порывам и утопиям. В последнее время <...> это скептико-критическое настроение усилилось и обострилось. Бунинская "Деревня" — характерный па-

мятник этой новочаадаевщины, где крайнее "западничество" сочеталось с упорным славянофильством. <...>

В этой смеси "западничества" с "славянофильством" — корень своеобразной бунинской любви-нелюбви к России. <...>

Подавляющие картины непроглядного деревенского мрака и некультурности следуют у Бунина одна за другой. Чувствуется, что автор не умышленно сгущает краски, а сам глубоко захвачен, потрясен тем, что увидел, и просто старается разгрузиться, отделаться от этих ужасных впечатлений. <...>

Книга Бунина о деревне — страшная книга. Хотя в ней и чувствуется, что автор не простой наблюдатель-повествователь, а нервный интеллигент, склонный к односторонности и субъективизму, однако, он захватывает своею страшною "былью". Бунинская "Деревня", это — новые "Подлиповцы" <Ф.М.Решетникова>. Она жжет. Не только крестьянский быт, а и душа народа, его язык и психология переданы в ней с великим мастерством. По отчетливости и яркости изображений, интенсивности настроения и общей чистоте работы, "Деревня" — самое выдающееся из произведений Бунина. Это — удивительная книга — зрелая и по-настоящему внутренно-хмельная, как выдержанное вино.

Очень близок к "Деревне" по теме "Суходол", но душа у этой повести иная, более нежная, лирическая. В отрицательном отношении к русским корням, в отыскании того таинственного бацилла, который отравляет русскую, — да, пожалуй, и вообще славянскую — психику, Бунин идет еще дальше, чем в "Деревне". Но этот разрушительный анализ смягчается общим поэтическим колоритом и явно прорывающейся везде любовью автора к тому, что он описывает. <...>

Написана эта насквозь русская повесть Бунина ярко, тонко и выразительно. Реалистическая простота в ней сочетается с одухотворенностью, иногда отдающей настоящим символизмом. Суходол конкретный, видимый, колоритно обрисованный, тесно переплетается и сливается с Суходолом абстрактным, символическим, и это без всякого умысла со стороны автора, само собой. Даже кажущаяся внешняя нестройность повествования — обилие отступлений и повторений — вполне логична и художественно оправдана, вполне соответствует той форме полубредовых воспоминаний наследника Суходола, в которую отлилось ее содержание. В целом "Суходол" так стилен и лиричен, так глубоко пропитан интенсивными авторскими настроениями, что к нему гораздо больше подходит название поэмы, чем повесть. <...>

И.А.Бунин теоретически всегда оставался верен реализму и не искал для себя путей вне его. <...> Но собственная писательская природа побуждала его, незаметно для себя, впитывать многое из новых веяний. <...> Самое понятие реализма можно применять теперь в отношении к Бунину только с оговорками. В своем реализме он является в большой степени импрессионистом».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 мая (№ 102). С. 7).

Май, 7. Начинающая писательница О.Н.Попова пишет Бунину:

«Большое Вам спасибо за память, за письмо и за ваше обещание помочь мне. Посылаю Вам два небольших рассказа, <...> мне, главным образом, хотелось бы знать Ваше откровенное мнение о них».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3109/2 оф.

В газете «Одесские новости» (№ 9346. С. 2) публикуется статья Н.Л.Геккера «Литературные заметки». Подпись: Н.Г.

В статье, в частности, говорится о 3-м сборнике «Слово»: «Рассказ г. Бунина “Братья” производит сильное впечатление и даже волнует. В нем фигурирует рикша, человек, возящий на себе другого человека в Коломбо. И этот богатый седок, возвращаясь в Европу на пароходе, кается в езде на себе подобном и разглагольствует...».

Май, 8. Бунин пишет В.Д.Бонч-Бруевичу по поводу своей книги «Храм солнца»:

«небрежность Вашего издательства по отношению ко мне переходит все границы. Точно я в пропасть бросил книгу! Ни единой вести о ней, ни проекта условия, ни денег! Настойчиво прошу Вас немедленно сообщить мне, в каком положении находится эта злосчастная книга, выслать условие и перевести 300 рублей, срок платежа коих уже давно прошел».

Письма (*2*). С. 304.

Май, 10. В ответном письме В.Д.Бонч-Бруевич пишет Бунину:

«Крайне удивлен тоном и формой Вашего письма. Я не привык и не хочу привыкать к подобной переписке: ни сам не пишу никому столь грубых писем, ни получать их ни от кого не желаю. Что касается дела издания Ваших книг, то оно обстоит следующим образом:

1) Переводы из Байрона были сданы в печать, в типографию “Труд” — в одно из громаднейших предприятий в Петербурге. 6 марта 1914 г. в этой типографии вспыхнула забастовка; книга, — почти за этот промежуток вся набранная, — остановилась. Забастовка продолжалась до 29 апреля, и конечно, все работы в типографии замерли. 29 апреля типография пошла и несмотря на то, что здесь были праздники: 1 мая, 4 мая, 6 мая и 9 мая — уже сверстано 8 листов, т.е. работа идет чрезвычайно быстро. С понедельника <12 мая> книжка будет печататься. Что касается “Храма солнца”, то как обещал, буду печатать летом, чтобы книжка вышла к осени. Вы обещали прислать еще картин, но так и не прислали, будут ли они присланы? <...>

3) Условие Вам не выслали только потому, что оно собственно уже имеется в обменных телеграммах и письмах. Перепишем еще на листе писчей бумаги то, что раньше было написано на почтовой и телеграфных бланках. Пришлю его на днях <...>».

Письма (*2*). С. 686.

Май, 11. В московской газете «Русское слово» (№ 108. С. 4) помещается рассказ «Первый шаг».

Бунин пишет Д.Л.Тальникову, спрашивая о его местонахождении и выражая желание встретиться.

Письма (*2*). С. 304.

Май, 12. Бунин просит в письме А.С.Новикова-Прибоя, который заведовал хозяйством в «Книгоиздательстве писателей в Москве», найти и выслать ему книги «Суходол» (М., 1912), «Деревня» (М.,

1912), «Стихотворения 1907 г.» (СПб., 1908), Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина (СПб., 1903).

Письма (2). С. 304.

Май, 15. В ответном письме Бунин выражает В.Д.Бонч-Бруевичу возмущение делопроизводством книгоиздательства «Жизнь и знание», не получая от него известий по несколько месяцев:

«Вы ничуть не уверили меня, да, должно быть, и сами не верите, что сказать то, что я сказал, есть грубость. <...>

Так как, к сожалению, развязаться на этот раз мы уже не можем и книги не повинны в наших распрях, то прошу, если возможно, прислать мне корректуру».

Письма (2). С. 304–305.

Бунин пишет А.Е.Розинеру по поводу подготовки Полного собрания сочинений в качестве приложения к журналу «Нива»:

«Я несколько раз перечитал то небольшое количество прозы, которое или совсем еще ни разу не входило в отдельн<ые> издания моих сочинений, или входило в книжечки, издававшиеся для детей, для подростков, и которое я хотел было включить в Ваше издание, — и пришел к заключению, что делать этого совсем не следует: эти рассказики, эти юношеские наброски необыкновенно слабы, мне весьма стыдно, что я когда-то тискал их. Мало и стихов хочу добавить я: какой смысл напоминать публике, что когда-то я очень плохо писал стихи! — Надеюсь, что Вы напишете мне, что согласны со мной, и удовольствуетесь тем, что перечислено у нас в условии, и тем, что написано и напечатано мною после него, — книгой “Иоанн Рыдалец” и стихами и рассказами 1913–1914 г. (еще не бывшими в отдельном издании)». Далее в письме излагается план десяти томов будущего собрания сочинений и отмечается: «Очень прошу Вас высказаться, одобряете ли Вы этот план, и сообщить, когда именно доставлен должен быть Вам весь материал. Думаю, что недели через 2–3 смогу выслать Вам все. (Ведь не поздно, конечно?) Еще раз все перечитываю и немного правлю».

Письма (2). С. 305–306.

Май, 17. Я.Л.Сакер в письме Бунину просит:

«...все же очень хотелось бы, чтобы Вы написали о Чехове. <...> я готов <...> перенести ее на июль. <...> Устраивает ли это Вас?

Если увидите Нилуса, передайте ему, пожалуйста, что “Затишье” идет в мае.

Вы мне не ответили, когда ждать Ваш рассказ?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 3.

Май, 20. Из редакции журнала «Солнце России» пишут Бунину:

«...почтительнейше напоминаем Вам о Вашем (правда, условном) обещании прислать к 1–5 июня небольшие воспоминания о А.П.Чехове для журнала “Солнце России”».

На письме помета Бунина: «Ответил 25 мая неопределенно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 323.

Май, 22. В самарской газете «Волжское слово» (№ 1983. С. 5) публикуется статья «Литературные заметки». Подпись: Б.Р.

Журналист, разбирая № 4 «Ежемесячного журнала», в частности, отмечает: «Много стихов, среди которых есть стихи Клюева, Бунина, А.Блока. Хорошо, но, по обыкновению, не трогает стихотворение г. Бунина — “Ночлег”».

Май, 23. Ф.А.Ребинин пишет Бунину из Москвы:

«Возвратившись из долгой командировки, я застал у себя Ваш рассказ “Братья”. Большое Вам спасибо. <...> производит сильное впечатление.

По прочтении “Братьев” невольно приходит на память “Комедия Всемирной истории” Шерра, начиная с первой ее страницы, написанной под влиянием буддийского миросозерцания. <...>

Большое наслаждение доставляют “Братья”, когда прочтя вслух, перечитываешь его потом про себя, не спеша: выпуклее тогда выступают детали и характерные особенности богатого, красочного языка в описании природы Цейлона».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3124 оф.

В иркутской газете «Сибирь» (№ 114. С. 2) публикуется рецензия И.Г.Гольдберга на 3-й сборник «Слово». Подпись: И.Г.

Рецензент, в частности, пишет: «Прекрасную, волнующую вещь “Братья” дал Ив.Бунин. Это переживания цейлонского рикши. Но это не только переживания несчастного вьючного животного-человека. Философия возвышенного пронизывает все произведение и напояет его какой-то особенной силой. <...> “Братья” чем-то новым звучит в творчестве Ив.Бунина, это новое еще только нащупывается, но оно в будущем, наверное, родится — ценным и многозначащим».

Псевдоним раскрыт по: Блюм А. Бунин и Сибирь // Сибирские огни. 1970. № 10. С. 146.

Май, 25. Бунин в ответном письме в редакцию журнала «Солнце России» пишет «неопределенно» о написании воспоминаний об А.П.Чехове для журнала.

Письмо неизвестно. См.: 20 мая 1914.

Май, 27. Бунин посылает В.Д.Бонч-Бруевичу корректуру книги «Храм солнца» и пишет в сопроводительном письме:

«Возвращаю корректуру. Обратите внимание на то, что в листах 5–6 два раза набрано одно и то же — несколько страниц — и что, значит, нужно далее на всех страницах исправить нумерацию. Затем: по-моему, шрифты титула очень грубы, провинциальны и по стилю не подходят друг к другу. То же, верно, будет и на обложке. По-моему, надо изменить — поставить тоньше, немного меньше и т.д. <...> Когда все будет исправлено, переверстано, когда все примет вид готового к печати, не можете ли прислать мне еще раз? *Очень прошу*».

Письма (2). С. 306–307.

Май, 28. В.Д.Бонч-Бруевич сообщает в письме Бунину, что гонорар за книги, посланный на Капри, вернут в издательство и перешлют затем ему, и добавляет:

«Я не буду возражать Вам на многое из Вашего письма от 15 мая 1914 г., но только скажу, что ссылка Ваша на Версаль меня отнюдь не убедила: в

вопросе отношения к людям я следую этике и морали не версальцев, а демократии, и эта этика научила меня быть деликатным и уважительным по отношению к другим. И я знаю, и я чувствую, что Вы нехорошо поступили по отношению ко мне».

Письма (2). С. 687.

Май, 31. В письме Бунин сообщает Н.С.Клестову содержание будущей книги «Избранные рассказы» и пишет:

«Я чуть-чуть почеркаю эти рассказы и вышлю Вам вскоре».

Письма (2). С. 307.

Бунин пишет в банк «Лионский кредит» с просьбой выслать в Одессу деньги.

Письмо неизвестно. См.: 3 июня 1914.

В самарской газете «Волжское слово» (№ 1990. С. 6) печатается рецензия Н.Миклашевского «Литературные заметки» на 3-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Братья»: «Рассказ Ив.Бунина, написанный удивительно красивым языком, как, впрочем, и всё, вышедшее из-под пера этого писателя, лишний раз подтверждает мнение о Бунине, как лучшем стилисте современной литературы».

Май, вторая половина. Выходит № 10 петербургского журнала «Современник», в котором (с. 116–118) помещается рецензия Л.Щегловой «“Слово”. Сборник третий».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Братья»: «И.Бунин, очевидно, тенденциозным эпиграфом искупил недостатки своего рассказа. Вяло, с массой повторений ведется рассказ, иногда напоминающий страницы из учебника географии. К чему понадобилось Бунину посадить англичанина в конце рассказа на русский пароход и заставить его говорить с капитаном на ту тему, что “под нами бездонная глубина, а вокруг та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия...”.

Итак, пестрота и безстильность на этот раз характеризует очередной сборник “Слово”».

Июнь, 3. Из банка «Лионский кредит» в Москве Бунину сообщают в письме, что по его запросу от 31 мая 1914 г. в Одессу послано 500 руб.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2946/17 оф.

Июнь, 4. Бунин спрашивает в письме А.Е.Розинера о причине его молчания и сообщает:

«Много шансов за то, что 10–12 июня буду в Птб. (проездом на Белое море). Где Вы, смогу ли увидеть Вас?»

Письма (2). С. 307.

Поездка на Белое море не состоялась. См.: 3 июля 1914, вторая запись.

Июнь, 7. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Харькова:

«“Книгоиздательство писателей в Москве” переслало Вам мои рассказы, предполагаемые к изданию.

Благоволите прилагаемые два рассказа присоединить к предыдущим.

Очень обяжете сообщением мне Вашего мнения относительно моих вещиц и о возможности или невозможности их издания в частности».

На письме помета Бунина: «Возвратил рукопись 25 июля».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 82, л. 1.

Июнь, 9. А.С.Черемнов пишет Бунину:

«Я — старый дурак — писал вам, что стихи ваши лучше вашей прозы. Не верьте. Проза ваша переживет все стихи последнего столетия. Я читаю вашего Рыдальца двенадцатый раз <...>.

Напишите мне, сделайте милость, обо всем, что случилось в издательстве».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 651.

Июнь, 5...12. Под редакцией Бунина выходит 2-е издание книги Р.Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (Пер. Н.А.Пушешникова. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 56 с.). Цена 40 к. Тираж 1200 экз.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Июнь, 10...12. Бунин с братом Ю.А.Буниным уезжает на поезде из Одессы в Саратов, откуда отправляются путешествовать по Волге: от Саратова до Ярославля.

См.: 17 июня 1914.

Июнь, 15 (28). В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой Ян, вчера писала тебе в Царицын, сегодня адресую в Саратов. Пока мы здоровы. <...> За твое отсутствие пришли письма: <...> От Черемнова, как всегда зубоскальства, зовет вас к себе. <...> Вчера получено от Клестова письмо в шесть страниц большого формата. <...> Письмо от Маши и Ласкарж<евского> к Маше, из которого ясно, что он ее ненавидит, письмо грубое и хамское. Денег у Маши нет. Я посылаю ей 25 руб.»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/100 оф.

Июнь, 17. На стоянке в Самаре Бунин и Ю.А.Бунин узнают из газет об убийстве Франца Фердинанда д'Эсте и его супруги герцогини Софии Гогенберг.

Бунин вспоминает в эмиграции: «В начале июля <правильно — июня> 1914 г. мы с братом Юлием плыли вверх по Волге от Саратова, 11 (одиннадцатого) июля <правильно — 17-го июня> долго стояли в Самаре, съездили в город, вернулись на пароход (уже перед вечером) и вдруг увидали несколько мальчишек, летевших по дамбе к пароходу с газетными клочками в руках и с неистовыми веселыми воплями: Екстренная телеграмма, убийство австрийского наследника Сараева <в Сараево> в Сербии.

Юлий схватил у одного из них эту телеграмму, прочитал ее несколько раз и, долго помолчав, сказал мне:

— Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!

Через несколько дней мы вернулись с ним на дачу Ковалевского под Одессой, которую я снимал в то лето и на которой он гостил у меня, и вскоре началось сбываться его предсказание.

В августе мы уже должны были вернуться в Москву. Уже шла наша война с Австрией».

Дневники. Т. 1. С. 138.

См.: Русское слово. 1914. 17 июня (№ 138). С. 2.

Убийство 15 (28) июня 1914 г. в городе Сараево (Сербия) наследника австро-венгерского престола эрцгерцорга Франца-Фердинанда д'Эсте и его супруги герцогини Софии Гогенберг послужило формальным поводом для начала Первой мировой войны. 15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии; Россия заявила, что не допустит оккупации Сербии. 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. 24 июля (6 августа) 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну России. Сербия объявила войну Германии. 19 октября (1 ноября) 1914 г. Россия объявила войну Турции.

Июнь, 18. Бунин посылает Ф.И.Благову рассказ П.А.Нилуса «Белая акация» для «Русского слова» и пишет в сопроводительном письме:

«посылаю Вам рассказ (“Белая акация”) моего друга Петра Александровича Нилуса, — по моему мнению, очень хороший во многих отношениях. Простите, что немножко неказиста рукопись, я взял у П<етра> А<лександровича> плохо переписанный экз.; но будьте покойны, ошибок нет, я все внимательно перечитал.

На днях вышлю Вам свой фельетон — из воспоминаний о Чехове.

Совершаю путешествие по Руси. К концу июня надеюсь быть дома, на даче».

Письма (*2*). С. 307.

Рассказ П.А.Нилуса «Белая акация» не был напечатан в газете «Русское слово». См.: 2 июля 1914, первая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы, сообщая о переводе М.А.Ласкаржевской 25 рублей и продолжает:

«Вероятно, скоро они снова будут без копейки. Пошлите, если хотите или телеграфируйте мне, что делать. Ведь к 1 июля ей нужно платить за Женю и кроме того есть и пить. — Тренев прислал свои рассказы для просмотра. Начну их читать. <...> Вчера пил чай у нас Нилус, затем, когда он ушел, явился Федоров. <...>

Отсутствие известий портит мне сон».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/53 оф.

Г.А.Яблочков пишет Бунину из Костромы:

«Привет Вам с Волги. <...> Думаю, все-таки, попасть и к Вам <...>, но когда, не знаю. Вы теперь редактор книг И<здательс>тва. Моя 2-я книга выйдет у Вас. Она была принята Вересаевым. Нужно ли послать Вам материал».

На письме помета Бунина: «Ответил 1.VII».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 251, л. 3.

Июнь, 19. Бунин с Ю.А.Буниным продолжает путешествие по Волге.

В дневнике Бунин записывает: «Вечер, Жигули, запах березового леса после дождя. На пароходе пели молебен».

СС (*2*). Т. 7. С. 377.

Июнь, до 20. Выходит № 6 петербургского журнала «Русская мысль», в котором (отд. II, с. 52–75) помещается статья А.Б.Дермана «И.Бунин».

Критик пишет: «Замечательной особенностью Бунина, как художника, является то обстоятельство, что он *делим.* В этом отношении он представляет собою редкое исключение. <...> Его поэзия и его проза вполне автономны, и не для своего удобства делит критик Бунина, но сам Бунин для какого-то своего внутреннего "удобства" сам в себе разделился <...>, совершенно отличны поэтические и прозаические восприятия Бунина, тон и дух его стихов и его прозы, авторские чувства и мысли, получившие воплощение в том и в другом роде его творчества. <...>

Поэзии Бунин отдал свои очарования, прозе — разочарования; и, быть может, <...> так прозрачна и беспримесна поэзия Бунина и так мрачна, безотрадна его проза... Здесь пойдет речь только о последней. <...>

Для того, чтобы судить об остроте этого разочарования, достаточно сравнить "Антоновские яблоки" или "Байбаки" с "Суходолом". <...>

Итак, это не пессимизм текущего момента, это пессимизм исторический, добирающийся до самого национального корня. Автор с глубокой горечью ставит крест над своими былыми очарованиями, над лирикой прошлого; он отказывается от нее, переоценивает свое прежнее отношение. <...> Интересы Бунина не лежали в направлении мужика. Я решаюсь сказать, что он был к нему равнодушен, и я думаю, что, вообще говоря, *человек* занимал второй план интересов Бунина, его *художнической* души. <...> Человеческая жизнь лишь "*издалека, в общем*" представляется Бунину прекрасной, интересной и увлекательной и сразу теряет свою привлекательность, как скоро он к ней приблизится.

И все разочарование Бунина — суть простые следствия его приближений. <...>

Внутренняя отчужденность Бунина от крестьянского мира сказывается, прежде всего, уже в том языке, на котором говорят его мужики, в системе его передачи. Говорю это, несмотря на то, что мужицкий язык у Бунина необыкновенно богат, разнообразен, правдив и точен. Все дело, однако, в том, каким образом он его передает, — он *фотографирует его фонетику.* <...> Бунин — небывалый пример русского писателя, равнодушного к России». Далее критик цитирует рассказ «Тень Птицы» о путешествии в Турцию и пишет: «Русскую природу он тонко чувствует и нежно любит. Стало быть, мы, не колеблясь, можем установить, что, изображая мужицкую Россию, Бунин изображает нелюбимый уклад жизни людей, к которым он равнодушен. Результаты этого процесса поистине ужасны!

Был в творчестве Бунина прекрасный момент недоумения перед философией и психологией чуждого ему духа, но это был только момент — рассказ "Беден бес", являющийся поворотным пунктом воззрений Бунина на национальную русскую психологию.

"Беден бес" — лучшее из прозаических произведений Бунина. Здесь есть все от его силы, и ничего нет от дефектов его дарования: рассудочности, выпячивающихся тезисов, подчеркиваний. Мысли автора здесь воплощены, а не иллюстрированы, и прекрасно задуманный рассказ производит сильное и законченное впечатление, возбуждает работу мысли и подъем чувств у читателя. <...>

Правда рассказа заключается именно в том, что нищий и студент друг друга не понимают. Они оба — представители противоположных мироощущений и мировоззрений, и несомненно, что какая-то громадная сила, стойкость, какая-то глубокая психология, а не простое *отсутствие* культурности, есть в этом нищем. <...> И если бы Бунин стал выразителем в русской литературе этого взаимного непонимания двух русских мировоззрений и психологий, то это была бы нужная, очередная работа художественного анализа. Однако Бунин быстро сошел с этой позиции и, “не понимая”, не любя народа, отдал свои силы изображению его. И получился такой результат: метафорические “дикари” превратились под его пером в дикарей подлинных.

<...> А что в своей системе изображения народной жизни он <...> строго выдерживает какое-то определенное направление, — не может быть ни малейшего сомнения. Чувствуется, что Бунин систематически борется с тем представлением о народе, которое он предполагает в русском образованном обществе и которое он расценивает, как книжную романтику. <...> Оно <направление> не совпадает с правдой действительности. <...>

Понадобились бы чрезмерно длинные выписки из произведений Бунина, для того чтобы полностью вскрыть манеру его иллюстрировать рассудочные положения, рассудочные тезисы, рассудочные характеры и психологию. Сплошь да рядом, читая, почувствуешь вдруг, что автор к чему-то “подгоняет”. <...>

Бунин не нашел высшего начала, высшего принципа, которым движется народное чувство и сознание, зато он настойчиво подчеркивает ряд низших начал: отвращение к труду, жажда унижения, самоистязания, органическое актерское притворство, лукавство... <...>

Все дурное сквозит и ничто не светит — как бы говорит Бунин всеми своими последними рассказами. Особенно замечателен в этом смысле “Ночной разговор”. <...>

Быть может, нигде так полно не сказалась рассудочность Бунина, как именно в этом нашумевшем рассказе. <...>

Равнодушие к человеку — плохая школа для познания его души. Борьба с идеализацией — не менее плохая школа беспристрастности. Но отпечаток того и другого лежит почти на всем прозаическом творчестве Бунина. <...> Писатель равнодушен к России, но против своей воли все-таки волнуется ее судьбами, и события, происходящие в ней, насильственно влекут его к себе и заставляют присмотреться к причинам, которые их создают, к народу, в среде которого они совершаются. И это насильственное внимание уже отравлено в самом своем корне, это с самого уже начала — анализ, окрашенный раздражением “пленной мысли”, а не исследование, продиктованное свободным влечением сердца... <...>

Наиболее бесспорными художниками являются те, которые одинаково ясно видят внешнюю и внутреннюю стороны явления. <...> Бунин принадлежит к типу художников с гипертрофией зрения, обращенного на внешность предмета, но с отмеченным выше тяготением к изображению его внутренней сущности.

Свойство художественного зрения Бунина <...> сказывается в поражающем читателя изобилии нюансов светотени и цвета. <...> Но нельзя скрыть от себя и того, что часто его пейзаж бывает перегружен трудно улавливаемыми оттенками. <...>

Бунин видит мир, как ряд картин, и эти картины, воспроизводимые им, ценны для него не в силу того или иного своего *содержания*, в широком смысле слова, а лишь как *мотив*, как повод для наложения известным образом красок, для группировки фигур и проектирования линий. <...>

Только тем, что единственно-органической стихией в творчестве Бунина является стихия зрительных впечатлений, можно объяснить эту резкую перемену отношений Бунина к мужику от сочувственно-ласкового к страстно-осудительному: и то и другое — рассудочного происхождения. Впечатления органического характера подобных эволюций не претерпевают. <...>

Мир души человеческой не есть органическая, заветная область интересов Бунина, он его никогда не любил и потому он в главном для него закрыт. <...>

Субъективно честный и усердный наблюдатель, с метким глазом, с неподкупно строгим отношением к слову, к художественной работе — к ее точности и законченности, — он внешне точно и согласно с тем, как *он* видел, описал для нас ряд фактов и явлений русской жизни. Но он выдал это за русскую жизнь. А между тем, в ней, быть может, есть все, что описано у Бунина, но у него нет того, главнейшего, что и есть в ней и чего он не видит...».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (20 июня (№ 141). С. 6).

Июнь, 20. Бунин и Ю.А.Бунин продолжают путешествовать по Волге.

Бунин отмечает в дневнике: «Половина девятого, вечер. Прошли Балахну, Городец. Волга впереди — красно-коричнево-опаловая, переливчатая».

СС (*2*). Т. 7. С. 377.

Июнь, 22. Л.А.Хитрово сообщает Бунину в письме:

«Посылаю Вам — “На старой усадьбе”. Хотя “ребята и хвалили”, но хотелось бы знать Ваше мнение: годится это для “Сборника”? Если годится — пошлю к В.В.Вересаеву».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 229.

Июнь, 23. В.В.Вересаев пишет Бунину по редакторским делам «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Пересылаю Вам рукописи и письмо г-на Тасина и письмо Гольдберга, адресованное мне, как редактору кн<игоиздательст>ва. Я их известил обоих, что редактором теперь состоите Вы, и что я пересылаю их письма Вам.

Как Вы относитесь к писаниям В.И.Дмитриевской? <...> Желаете Вы взять на себя решение вопроса, или предоставляете мне, как начавшему иметь с нею дело, и кончить его? Я бы с большим удовольствием предоставил решение Вам. Не откажите известить».

На письме помета Бунина: «Ответил, что уклоняюсь 3 июля».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 9.

Июнь, 19...23. Бунин заканчивает мемуарный очерк «О Чехове. Из записной книжки» и посылает его Ф.И.Благову для «Русского слова».

См.: 18 июня 1914, первая запись; 2 июля 1914, первая запись.

Июнь, 24. В газете «Одесские новости» (№ 9391. С. 2–3) публикуется интервью Д.Н.Овсянико-Куликовского под заглавием «На литературные темы». Подпись: Ар.

Д.Н.Овсянико-Куликовский, в частности, говорит: «Твердить <...> об упадке русского художественного творчества — значит предъявлять какие-то особые требования. Разве в Германии или во Франции говорили бы об упадке творчества при наличности таких писателей, как Бунин, Зайцев, Шмелев, Куприн, Айзман и др.? Из произведений всех этих писателей брызжет здоровый, бодрый талант. В отношении же формы некоторые из них прямо восхищают. В частности, Бунин проявляет в своих последних произведениях такое умение концентрировать мысли, так сжато излагать их, что в некоторых случаях он добирается до чеховских высот. Гении рождаются не ежегодно, но до упадка еще, во всяком случае, очень далеко».

Июнь, 21...24. Бунин с Ю.А.Буниным по Волге прибывает в Ярославль, откуда поездом едет в Ростов Великий, осматривает город. Из Ростова Великого поездом братья отправляются через Москву в Одессу.

СС (*2*). Т. 7. С. 377.

См.: 8 июля 1914; 22 ... 25 сентября 1914.

Бунин пишет стихотворение «Мученица» («Она стоит в серебряном венце...»). Авторская дата: «1914. Ростов Великий».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 3, л. 4.

См.: 8 октября (25 сентября) 1919, первая запись.

Июнь, 25. Н.С.Клестов пишет Бунину по издательским вопросам.

Письмо неизвестно. См.: 29 июня 1914, первая запись.

Июнь, 28. Бунин вместе с Ю.А.Буниным возвращается на дачу под Одессой на Большом Фонтане.

См.: 29 июня 1914, первая запись.

Июнь, 29. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«вчера получил Ваше письмо от 25 июня. Поговорим обо всем при свидании: ведь Вы пишете, что будете в Одессе 5 июля, — не минуете же меня?»

Письма (*2*). С. 308.

Бунин посылает Д.Л.Тальникову открытку, приглашая его с женой на обед во вторник 1-го июля к 5 часам.

Письма (*2*). С. 308.

Июнь, конец. Выходит № 20 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 631–632) приводятся цитаты из рецензий на 3-й сборник «Слово».

Июль, 1. Бунин пишет Г.А.Яблочкову.

Письмо неизвестно. См.: 18 июня 1914, третья запись.

Д.Л.Тальников с женой обедает у Бунина на даче на Большом Фонтане.

См.: 29 июня 1914, вторая запись.

Июль, 2. В московской газете «Русское слово» (№ 151. С. 2–3) печатается мемуарный очерк Бунина «О Чехове. Из записной книжки».

В газете «Одесские новости» (№ 9398. С. 2) публикуются ответы на «Анкету о Чехове»: «Что наиболее ценного для вас в Чехове и что вам дал Чехов как писатель?». Подпись: А.Ар.

В своем ответе Бунин отмечает: «— Что наиболее ценного в Чехове? Да в нем всё ценно. Огромная художественная изобразительность, своеобразность — эта черта всякого большого художника, благородство простоты, отсутствие литературщины, книжности, чудесная форма, стройность, гармоничность, — все это чрезвычайно ценно. Дорог его ясный, необыкновенно яркий и трезвый ум. Особенно дорог он теперь, когда царит все противоположное. Теперь нет изобразительности, есть выдумка. О простоте и говорить нечего, — все вычурно, надуманно и, главное, по большей части глупо. <...> В свое время я писал и настаивал на том, что Чехов по натуре своей далеко не был нытиком. Он любил смех, но смеялся он — и смеялся заразительно — только в тех случаях, когда слышал что-нибудь смешное. Он любил шутки, нелепые прозвища, мистификации. <...> Как же можно после этого называть Чехова "нытиком"? Читатель привык ссылаться на героев Чехова. Но ведь не все же герои у него нытики. Да и не виноват же Чехов в том, что в те годы, когда он жил, страна находилась в состоянии... апатии, а интеллигенция переживала период дряблости. Нельзя смешивать автора с его героями. <...> Нет, в определении личности Чехова имеется много неправильного. Послушаешь иных, то получится впечатление, что Чехов был слабый, безвольный, податливый человек. Это не так. Сбить его с позиции было не легко. Он был строг и ни в какой мере не поддавался чужим влияниям. Это была цельная, своеобразная натура.

Имел ли на меня, как на писателя, Чехов влияние? Нет. Я был поглощен, восхищен им, но не испытывал желания: вот бы так именно написать, как написал Чехов. Для меня был Богом Л.Н.Толстой. Конечно, как умный благородный человек, с которым я имел счастье встречаться, Чехов имел на меня влияние, но влияние это было не непосредственное.

Наиболее ценными произведениями я считаю: "Счастье", "Студент", "Скучная история", "Убийство", "Палата № 6", "Архиерей". Как в зеркале, в этих произведениях отражаются ум, душа Чехова, поразительная изобразительность, наблюдательность и необычайная концентрация мысли».

Также на анкету ответили А.М.Федоров, Д.Н.Овсянико-Куликовский, Д.Я.Айзман.

В петербургской газете «Речь» (№ 177. С. 4) помещается мемуарный очерк П.А.Нилуса «О Чехове», в котором, в частности, говорится о встречах с Чеховым и Буниным в Ялте.

См.: 8...13 апреля 1901; 3 апреля 1902 (*Летопись* (*1*). С. 407, 458).

Июль, 3. В ответном письме В.В.Вересаеву Бунин сообщает, что уклоняется от решения вопроса об издании сочинений В.И.Дмитриевской.

Письмо неизвестно. См.: 23 июня 1914.

Бунин пишет А.С.Черемнову:

«полярные страны я, подумав, решил оставить пока в покое, не Бог весть как хорошо себя чувствую, а вот на Волге, в прибрежных ее городах и в Ро-

стове Великом мы таки побывали и остались довольны весьма и весьма: опять всем нутром своим ощутил я эту самую Русь, за которую так распекают меня разные Дерьманы, опять сильно чувствовал, как огромна, дика, пустынна, сложна, ужасна и хороша она. А уж про Ростов и говорить нечего! Нюрнбергу не уступит! Буду жив, еще десять раз побываю там, равно как и в Угличе, Пскове и т.д. Но устал за дорогу зверски — уж очень жарко было и насчет пищи плохо. Да и бок не перестает болеть. А посему сейчас и думать нечего о новых поездках <...>. Я покуда безгласен, чего Вам от души не желаю. Если кончили каприйскую поэму — пришлите, очень хочется знать, как изобразили Вы всех нас вместе с Моргано и Монте Соляро».

Письма (*2*). С. 308.

Июль, 4. Бунин сообщает в письме В.Д.Бонч-Бруевичу, что получил гонорар за книгу «Храм солнца» и пишет:

«снова напоминаю Вам, что к<нигоиздательст>во “Жизнь и знание” до сих пор не выполнило обещания своего от 13 мая выслать мне “завтра” проект условия. Не обратило оно никакого внимания и на убедительнейшую просьбу мою еще раз дать мне корректуру моих переводов и опять хранит молчание о том, когда оно приступит к набору “Храма солнца”, рукопись которого лежит у Вас уже почти 5 месяцев. Как вижу, жестка и “демократическая мораль”!»

Письма (*2*). С. 309.

Июль, 5. В газете «Одесские новости» (№ 9401. С. 2) в рубрике «Пресса» (без подписи) говорится о воспоминаниях Бунина об А.П.Чехове:

«Много ценной и фактически занимательной поминальной литературы породила десятая годовщина со дня смерти А.П.Чехова, но едва ли не самым ценным в ней приходится признать напечатанные в “Русском слове” отрывки “из записной книжки”, принадлежащие перу почтенного академика И.А.Бунина, влюбленного друга покойного писателя. Все в этих аристократически утонченных воспоминаниях и обобщениях читается с захватывающим интересом». Далее приводятся цитаты из мемуарного очерка Бунина «О Чехове».

См.: 2 июля 1914, первая запись.

Июль, 8. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Друг мой дорогой! Слышал, что ты был в Москве. И.С.Шмелев говорил мне, что ты, будто бы, хотел заехать к нам, но не заехал. <...> позавчера ездили компанией (Ал.Ал.Смирнов, С.Т.Семенов, И.С.Шмелев и я) в имение к Ил.Л.Толстому. Вспоминали тебя, — вот бы тебе посмотреть более века тому назад построенный дом-дворец и теперешних обитателей и жизнь в нем, — много любопытного, значительного. Ив.Серг-ч <Шмелев> как-нибудь тебе расскажет своими словами. <...>

2-го июля были на могиле Ан.Пав.Чехова; очень много было народа, но такой был ливень во время самой панихиды, что многие были как вынутые из реки».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 41–42.

Июль, 10. З.М.Рунова в ответном письме пишет Бунину из Симбирска:

«Наконец-то получила так долго жданную от Вас весточку! Хочется говорить с Вами, хотя и не лично, но все так же просто и искренно. <...> Мне кажется, что Вы не совсем поняли меня, или не так как мне бы хотелось? Уж очень порывисто моя душа открылась Вам. Неужели Вы недоверчиво отнеслись ко мне? <...> Передо мной, на моем столе фотография, где Вы очень похожи. Последний номер журнала “Солнце <России?>”, посвященный Чехову, один снимок, где Вы и Чехов очень понравился и его вырезала — 1902 года».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3128/1 оф.

Июль, 3...10. В издательстве В.Гроссе выходит романс А.Терновского «Звезды ночью» на слова Бунина (М., 1914).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Июль, 12. В.В.Вересаев пишет Бунину из Ряжска:

«Ю<шкевича> я не приглашал сотрудничать у нас <в “Книгоиздательстве писателей в Москве”>, <...> потому что общий характер его теперешнего жизнеотношения слишком не соответствующий. Но, не видя рассказа, конечно, ничего сказать не могу, и “принципиально”, разумеется, ничего против С.С-ча <Юшкевича> иметь не могу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3152/2 оф.

А.С.Черемнов пишет Бунину:

«Жаль, что вы не приехали к нам в июне. Погода стояла совсем в вашем вкусе: температура в тени 28, на небе ни облачка и теплые ночи. <...>

Я читал недавно в газете ваши воспоминания о Чехове, и они мне очень понравились. Взглянув на Антона Павловича через десять лет, сквозь призму вашей богатой души и сквозь легкий налет раздражения на современников, которых “бог дал мне в товарищи”, вы прибавили много ценных черт к тому Чехову, которого так старательно стремились обезобразить Горький, Куприн, Елпатьевский и поэт Упрудиус. Радуюсь я вашей манере письма, этому искреннему, раздраженному тону. Из всех “товарищей” вы один, пожалуй, подбавляете к чернилам крови сердца <...>. Но, дорогой мой, вам пора делаться добрее. Судьба заботливо убирает с вашего пути всякий сор и бурьян, и лучи читательского внимания падают на вас без помехи. Ведь как-никак через 50 лет вы умрете. Что за охота давать повод Чуковскому-внуку писать вашу биографию под заглавием “Злой талант”. <...>

Впрочем, если я переживу вас, то непременно напишу о вас большую книгу. Она будет читаться так легко, как романы Дюма. Конечно, из этого не следует, чтобы вы поторопились умереть. <...>

Наболтал и нацитировал я кучу, а не сказал самого главного: что я вас люблю, дорогой мой, по-прежнему и несказанно рад буду видеть <...>.

Поэму пришлю, а лучше приезжайте читать ее в Клеевку».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 652–654.

Июль, 21. Бунин сочиняет «Святочный рассказ» (позднее озаглавлен «Архивное дело»). Авторская дата: «Одесса, 21.7.1914».

ПСС. Т. 6. С. 267–276.

См.: 25 декабря 1914, вторая запись.

Бунин посылает в банк «Лионский кредит» в Москву телеграмму с просьбой выслать деньги в Одессу.

Телеграмма неизвестна. См.: 23 июля 1914.

Июль, 23. Из банка «Лионский кредит» сообщают Бунину, что по его запросу от 21 июля в Одессу послано 1000 руб.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2946/18 оф.

Июль, 25. Высылая обратно рассказы К.А.Тренева, которые Бунин читал в качестве редактора «Книгоиздательства писателей в Москве», он пишет Н.С.Клестову:

«Я начал читать его с рассказов “На извозчике” и “В консистории” — и испугался: будь таковы и другие рассказы, я бы ни за что не согласился печатать его. Но, к счастью, другие рассказы оказались гораздо лучше. Это, несомненно, талантливый человек (я употребляю это слово очень редко), хотя очень неровный еще, с некоторыми дурными замашками à la Сергеев-Ценский и пр., небрежный иногда в языке и т.д. Надеюсь, он согласится, что “На извозчике” и “В консистории” нельзя поставить в книгу. <...> Свои “Избран<ные> рассказы” я на днях Вам высылаю. <...>

P.S. Передайте Треневу мой товарищеский совет сжать последнюю треть “Владыки”. Топчется на одном месте».

Письма (*2*). С. 309.

Бунин возвращает Г.А.Вяткину рукописи его рассказов, очевидно, отказываясь издавать их в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

См.: 7 июня 1914.

В Одессе вводится военное положение.

См.: Одесские новости. 26 июля (№ 9422). С. 2. См.: 17 июня 1914.

Июль, 27. Бунин пишет для Императорской академии наук отзыв на книги Л.Г.Жданова «Исторические поэмы» (СПб., 1914) и Э.Голландской «Рассказы» (СПб., 1913), представленные на XXI соискание Пушкинских премий. Авторская дата: «27.VII.14».

В отзыве говорится: «Эти две книги <...> не заслуживают, на мой взгляд, никакого одобрения: поэмы Жданова — произведения человека, совершенно лишенного художественного дарования и оригинальности, набившего руку фабриковать якобы исторические драмы и повести для Никольского рынка, а рассказы Голландской всецело принадлежат к тому серому, прилично-банальному и никому не нужному роду литературы, который за последнее время растет не по дням, а по часам».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 354.

Бунин возвращает А.А.Шахматову книги Л.Г.Жданова и Э.Голландской, представленные на XXI соискание премии им. А.С.Пушкина, и посылает свой отрицательный отзыв о них, о чем сообщает в сопроводительном письме.

Письма (*2*). С. 309.

Июль, 28. Бунин задумывает сюжет будущего рассказа «Казимир Станиславович».

Бунин отмечает в дневнике: «Дача Ковалевского, под Одессой. <...>

Написать рассказ “Неизвестный”. <Далее кратко излагается сюжет>».

СС (2). Т. 7. С. 377.

Август, 1. Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылается Бунину товарный отчет о продаже выпущенных книг (с 1 августа 1913 г. по 1 августа 1914 г.).

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/12 оф.

Август, 11. Из Одессы Бунин посылает Н.С.Клестову телеграмму:

«Надеюсь на днях быть в Москве».

Письма (2). С. 310.

Август, 13. В.П.Катаев на личном именном бланке пишет Бунину:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Ввиду того, что на этих днях я выезжаю из Одессы с санитарным поездом на театр военных действий, очень прошу Вас назначить мне обещанный “осенний” день и час, дабы я мог с Вами проститься и узнать Ваше мнение <о> моих последних 5–6 вещичках, в которых нет *ни одного слова лжи*.

Из рекомендованных Вами книг, ни одной не прочел, по причине лени. Хотя надеюсь наверстать потерянное после окончания кампании. <...> простите за беспокойство!».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 118.

Очевидно, встреча Бунина с В.П.Катаевым не состоялась.

Август, 14 или 15. Бунин прибывает в Москву, где снимает квартиру по адресу: Зубово, Долгий переулок, д. 14, кв. 12.

См.: 16 августа 1914; 15 октября 1914, первая запись.

Август, 16. Бунин сообщает в письме Н.А.Пушешникову:

«Как уже телеграфировал тебе, переезжаем в Москву. Причин на то много, но писать о них неудобно.

Пиши пока на Юлия.

Квартиру мы уже сняли, но, м.б., я завтра переменю ее на другую. <...>

О войне не рассуждаю, — в письмах запрещено, что вполне разумно».

Письма (2). С. 310.

Август, 21. С.В.Харченко (?) пишет Бунину:

«Наблюдая, многоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, много интересного и нового для меня по пути на войну, я не могу не обращаться мыслью постоянно к великому творению Толстого, и душа моя скорбит от сознания, что переживаемые нами моменты, б.м., не воплотятся в форму такого же крупного произведения. Когда я вспоминаю имена наших писателей современников, передо мною ярко вырисовывается имя “Бунин”. Дорогой мой. Берегите себя. Вы особенно нужны теперь культурной России».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3089/2 оф.

Август, 30 или 31. Бунин пишет Я.Л.Сакеру, предлагая для журнала «Северные записки» свои произведения.

Письмо неизвестно. См.: 2 сентября 1914.

Август, конец. Бунин посылает М.Ано книгу «Стихотворения 1903–1906 гг. Манфред Байрона» (2-е изд. М., 1912).

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 3 сентября 1914.

Сентябрь, 2. Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Северные записки»:

«...очень рад Вашему письму. Рассказ действительно нужно пустить в ноябре. Кончится война или нет, все же поместим его в ноябре. <...> Если рассказ готов, то пришлите его теперь, а не то в сентябре — октябре (до 15-го).

Обрадовало меня Ваше предложение романа, но где теперь печатать "Бешеную <нрзб>"? Бог весть как подписка будет, нужно печать экономить. <...> Серьезно, нет ли у Вас пайщика? — О романе все же сообщите: 1) размер, 2) минимальный гонорар, 3) готов ли роман.

Очень хорошо было бы иметь Ваши критические заметки и об этом следовало бы переговорить основательно — ведь это одна из "баз" журнала. <...> напишите, в каком виде Вы их себе представляете — обзор ли текущей литературы, выяснение ли принципиальных положений».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 5.

Царским указом 18 августа 1914 г. город Санкт-Петербург переименовывается в Петроград.

Сентябрь, 3. М.Ано пишет Бунину из Ярославля:

«Еще никто никогда не оставлял моих писем так долго без ответа, как это сделали Вы, но — "у меня испорченный вкус, и Вы мне очень нравитесь". Благодарю Вас очень за книгу. Я только раскрыла ее и уж нашла поразившую меня своей меткостью мысль: "но у женщины прошлого нет. Разлюбила и стал ей чужой". Да, как бы безумно и безоглядно ни любила прежде. Впрочем, думаю, и мужчина таков же. Еще раз благодарю Вас».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 52.

Сентябрь, 6. И.А.Белоусов пишет Бунину, в частности, отмечая:

«Тебе, как большому писателю, известны многие сокровенные черты русского народа».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 43.

Сохранился фрагмент письма.

Сентябрь, 7. В Литературно-художественном кружке Бунин присутствует на первом заседании писателей, артистов, ученых и художников по поводу написания воззвания против немецкого вандализма на войне.

См.: 10 сентября 1914; 11 сентября 1914.

Сентябрь, 10. В московской газете «Утро России» (№ 216. С. 5) публикуется заметка «Москва — против германского вандализма» (без подписи).

Журналист пишет: «Разрушение Реймского собора, в связи с остальными актами германского вандализма, сильно взволновало московские художественные круги и организации.

Устраиваются заседания, выносящие резолюции протеста. <...>

Кружок писателей и художников во главе с академиком И.А.Буниным, предполагает на днях обратиться также с воззванием-протестом к общественному мнению России и других стран, протестуя против разрушения германцами лучших памятников искусства. Третьего дня в Литературно-художественном кружке состоялось специальное совещание, посвященное обсуждению этого вопроса. Общее возмущение, царящее в московских литературных и художественных кругах, отразилось и в тех беседах, которые нам пришлось вести по этому поводу».

Далее приводятся мнения академика Ф.Ф.Шехтеля, архитектора И.П.Машкова, профессора А.И.Успенского. В конце печатается высказывание Бунина:

«Мое возмущение безгранично и не находит слов. Протест необходим! Пока я не могу ничего вам сказать о тех выступлениях, которые подготовляются русскими писателями и художниками в Москве.

Что касается того, является ли у немцев уничтожение памятников искусства системой, то думаю, что это вполне возможно, и входит, быть может, в план немецкого нашествия на Европу».

Сентябрь, 11. Бунин пишет Вл.И.Немировичу-Данченко:

«В субботу 13-го сент., в 9 ч. вечера, в Кружке будет заседание — писатели и артисты, ученые и художники прочтут и обсудят воззвание против немецких жестокостей. Мне поручено обратиться к Вам с покорнейшей просьбой пожаловать на это заседание. Беспокоить Вас в воскресенье 7-го, когда мы собирались первый раз, мы не решились».

Письма (*2*). С. 310.

Сентябрь, 4...11. Выходит книга Н.М.Мешкова «Стихотворения» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914), которая имеет посвящение:

«Эту книгу я посвящаю Ивану Алексеевичу Бунину в знак неизменной любви и глубокого уважения».

В этой книге (с. 67) также посвящено Бунину стихотворение «На церковном дворе» («Окончив исповедь, идет к себе домой...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Сентябрь, 7...12. Бунин пишет воззвание «По поводу войны. От писателей, художников и артистов». Авторская дата: «Сент. 1914. Москва».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 10.

Границы события определены по датам заседаний в Литературно-художественном кружке. См.: 7 сентября 1914; 13 сентября 1914, первая запись.

Сентябрь, 13. В Литературно-художественном кружке проходит второе заседание писателей, артистов, ученых и художников, на котором обсуждается текст воззвания «По поводу войны. От писателей, художников и артистов» против немецких варварских действий на войне.

См.: 11 сентября 1914; 28 сентября 1914.

Бунин посылает В.Н.Ладыженскому (во время Первой мировой войны — уполномоченный Красного Креста Земских Союзов) рекомендательное письмо, в котором представляет Н.М.Мешкова,

«который желает поработать в организации общеземского союза. Очень рекомендую Вам его как человека безусловной честности и энергичного, — пожалуйста, помогите ему устроиться».

Письма (2). С. 310.

Сентябрь, 15. Бунин пишет А.А.Ценовскому:

«Дорогой, я несказанно обрадовался, увидав нынче Ваше имя в "Русском слове". Не ждите каждый раз их приглашения — пишите прямо небольшие фельетоны об Одессе — ведь Вы у истока многих важных вестей — и будут печатать, и дело наладится».

Письма (2). С. 311.

Статьи А.А.Ценовского печатались в газете «Русское слово» с сентября 1914 г. ежемесячно.

З.И.Гржебин пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Жизнь»:

«Я не сумею скоро быть в Москве; дела не позволяют. Я не отстану от Вас: Вы должны помочь мне в моем начинании. Вы должны принять участие (фактическое) и прислать небольшие очерки, заметки, письма и проч. и проч. как захочется и как выйдет.

Первый номер уже сдан в печать, но если бы Вы немедленно прислали мне что-нибудь, я бы еще в первый номер дал бы.

<...> Пожалуйста, ответьте мне немедленно, лучше, если пришлете хотя бы немного.

Убедительно прошу Вас дать нам "иллюстрации" из жизни Москвы, поскольку эта жизнь связана с войной.

Москва как-то ближе чувствует Великую Народную Войну. И кому же зарисовать это, как не Вам.

<...> Наш журнал целиком посвящен этой войне. Вы сейчас в Москве. Дайте нам "Корреспонденции" из Москвы — самого сердца России. <...> Нам нужно отразить всю жизнь России — примите вот в этом участие. *Никто этого так хорошо не сделает, как именно Вы*».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 276.

Сентябрь, 21 или 22. Бунин уезжает из Москвы в Петроград.

См.: 23 сентября 1914.

Сентябрь, 23. Бунин встречается с А.М.Горьким в Мустамяки; обсуждается текст воззвания «По поводу войны. От писателей, художников и артистов».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 376.

См.: 26 сентября 1914.

А.М.Горький подписал данное воззвание не позднее 25 сентября 1914. По поводу подписи Горького под этим воззванием выступил В.И.Ленин. См.: 5 декабря 1914, третья запись.

Сентябрь, 26. А.М.Горький пишет Е.П.Пешковой из Мустамяки:

«Только сегодня собрался ответить на письма, переданные мне Буниным три дня тому назад».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 130.

Сентябрь, 22 ... 26. Будучи в Петрограде, Бунин встречается с А.А.Золотаревым.

А.А.Золотарев вспоминает: «Должно быть осенью 1914 года, в тяжелую эпоху начавшейся войны с Германией, мы нечаянно встретились вместе с Иваном Алексеевичем у Константина Петровича Пятницкого. Когда мы вышли на улицу и рядом, под одним зонтом, пошли по направлению к Николаевскому вокзалу, в "Северную" гостиницу, где остановился Бунин, грусть-тоска защемила сердце... И вдруг, опять, как когда-то на о. Капри, звонкий, берущий за сердце голос Ивана Алексеевича:

— А я был у вас в Ростове Великом. <...> Был нынче летом. Приехал в Ростов: жарища, пыль, вонь, душно. С трудом нашел комнату в каком-то грязном кабацком трактире. Праздник, что ли, какой был, не знаю, только все пьяные: и половые в трактире, и извозчики. Под окном играют зазорные похабные песни.

<...> И только у подъезда гостиницы Бунин торопливо и задушевно заговорил:

— А ночь была тихая и лунная. Город заснул. Я и пошел, путаясь в переулках и пустырях, на озеро. Взял лодку, выехал на середину, взглянул на город и Кремль... Хорошо! — закончил Иван Алексеевич, ласково и благодарно пожимая мне руку.

Это было наше последнее свидание: больше мы не виделись друг с другом. Зато менялись письмами».

Наш современник. 1965. № 7. С. 105.

Сентябрь, до 27. Бунин возвращается в Москву и передает в редакцию газеты «Русское слово» воззвание «По поводу войны. От писателей, художников и артистов» для публикации.

См.: 28 сентября 1914.

Сентябрь, 28. В московской газете «Русское слово» (№ 223. С. 4) помещается воззвание «По поводу войны. От писателей, художников и артистов», которое, в частности, подписано Буниным.

Всего 259 подписей, среди которых: К.К.Арсеньев, А.Н.Веселовский, Н.А.Котляревский, Д.Н.Овсянико-Куликовский, Ф.А.Корш, А.Е.Грузинский, Ю.А.Бунин, Н.Д.Телешов, П.Б.Струве, А.Н.Бибиков, И.А.Белоусов, С.С.Глаголь, А.М.Горький, С.А.Найденов, А.С.Серафимович, С.Г.Скиталец, И.Д.Сургучев, И.П.Чехов, И.С.Шмелев, А.М.Васнецов, В.М.Васнецов, К.А.Коровин, Л.О.Пастернак, Ф.И.Шаляпин, М.Н.Ермолова, Е.Б.Вахтангов, В.И.Качалов, О.Л.Книппер, Вл.И.Немирович-Данченко, К.С.Станиславский, представители общественных организаций, редакций журналов, писатели, критики, журналисты, артисты, художники, ученые, педагоги.

В воззвании говорится: «К родине и ко всему цивилизованному миру обращаем мы наш голос.

То, чему долго отказывались верить сердце и разум, стало, к великому стыду за человека, непреложным: каждый день приносит новые страшные доказательства жестокостей и вандализма, творимых германцами в той кровавой брани народов, свидетелями которой суждено нам быть, в том братоубийстве, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать в мире насилием, возлагая на весы мирового правосудия только меч. <...> Пусть же впишутся в книгу судеб злодеяния эти неизгладимыми письменами! И да внушат они нам только одно страстное

желание: вырвать из варварских рук оружие, навсегда лишить Германию той грубой мощи, на достижение которой устремила она все свои помыслы. Уже прорастает широко брошенное ее рукой семя национальной гордыни и ненависти: пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом, — голоса требующих мести и отрекающихся даже от всего великого и прекрасного, что было сделано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей, ибо тот черный грех, которым покрыла себя Германия, обнажая меч, и то зверское, что дозволила она себе в опьянении борьбы, есть неизбежное следствие мрака, в который добровольно вступила она, ныне поощряемая даже своими поэтами, учеными, вождями общественными и политическими. Противники ее, несущие народам мир и освобождение, воистину должны быть руководимы лишь священными чувствами!»

Данное воззвание было напечатано также в газете «Русские ведомости» (28 сентября (№ 223). С. 6), всего 262 подписи; в газете «Утро России» (29 сентября (№ 235). С. 4), всего 261 подпись.

См.: 5 декабря 1914, третья запись.

Октябрь, 6. Н.А.Карев сообщает Бунину в письме о своей болезни, в связи с которой находится на лечении в Москве, просит о встрече.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 111, л. 3.

Октябрь, 9. Б.К.Зайцев рассказывает в письме Бунину, что видел его во сне, о своем переводе «Ада» Данте, сообщает, что его жена Вера пошла в сестры милосердия.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 103, л. 20–23.

Октябрь, 10. Бунин пишет Б.К.Зайцеву:

«редактирование сборников <“Слово”> перешло ко мне. Составляю IV-й сборник и весьма прошу дать для него рассказ в 1–2 л<иста> (да поскорее). Можем обрадовать авансом».

Письма (*2*). С. 311.

Л.Н.Андреев пишет Бунину:

«Иван Алексеевич. Хотя я не вполне согласен с текстом заявления писателей, напечатанным в “Утре России”, и не мог дать своей подписи, Вы, находясь в Петрограде и собирая подписи некоторых петроградских писателей, должны были обратиться и ко мне. Не сделав этого, Вы совершили дурной и не товарищеский поступок, что дает мне основание прекратить личные наши отношения и просить Вас отныне не считать меня в числе Ваших знакомых».

Вопросы лит. 1969. № 7. С. 173.

См.: 28 сентября 1914.

В.А.Зайцева пишет Бунину:

«Дорогой Иван! Обращаюсь к тебе с большой просьбой. Сейчас получила письма от моего двоюродного брата, который просит меня попросить у тебя место в Бахрушинском музее. Он человек образованный и сведущий. Боря <Б.К.Зайцев> это подтверждает. Посылаю тебе его письмо. <...> Зовут его Василий Григорьевич Сахновский».

К письму есть приписка Б.К.Зайцева, который также рекомендует В.Г.Сахновского как «очень способного человека».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 103, л. 24–25.

Начинающая писательница З.П.Тулуб пишет Бунину:

«Иногда мне кажется, что я переживаю тот перелом, который по Вашим словам, надо пережить всякому поэту. <...> Прочтите мои последние стихи — и скажите, жива ли во мне душа живая?

Много раз хотела я написать рассказ, — вообще, перейти к прозе. Есть у меня и тема; но ничего не выходит, как я ни билась.

Года два тому назад мне тоже не писалось, но тогда Вы надолго заставили меня поверить в себя. Верю я, что и теперь Вы меня поддержите...

Весной случайно познакомилась с проф. Краковского университета Яновским. <...> Ваши произведения произвели на него глубокое впечатление, и он решил посвятить Вам ряд лекций в своем семинарии. Особенно восхищался он рассказом “Сверчок”. — “С этим рассказом можно сопоставить только рассказы Толстого — например, “Хозяин и работник”, — говорил он: Бунин — писатель мирового калибра, быть может — лучший в России; я приложу все усилия, чтобы перевести его на польский, немецкий и французский. Под моей редакцией вышло много русских книг на этих языках, и я считаю своим долгом познакомить запад с Буниным”.

Теперь я потеряла Яновского из виду и не знаю, осуществит ли он свои планы ввиду войны; но за точность его слов — я ручаюсь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3156/2 оф.

Октябрь, 13. В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 14430. С. 4) публикуются ответы на анкету «Будущее русско-польских отношений».

В ответе Бунина говорится: «Как и большинство того круга русского общества, или той части русского общества, к которой я принадлежу, я стою за самоуправление Польши. Польский народ соединяет в себе драгоценные славянские черты с европейской культурой, и единение с ним для нас особенно ценно. Почин такого единения уже положен в Москве, и я уверен, что начатое дело довершится с полным успехом. Помощь Польше естественно диктуется теми страданиями, которые сейчас выпали на долю Польши в борьбе России с Германией. В этой помощи я вижу залог будущего единения».

На анкету также ответили: М.В.Родзянко, В.Д.Кузьмин-Караваев, В.М.Бехтерев, Н.А.Котляревский, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Ф.Сологуб, С.А.Венгеров, Е.Н.Чириков, С.К.Маковский, И.И.Толстой, Е.Н.Трубецкой, С.Н.Булгаков, В.М.Голицын, Н.И.Гучков, Н.М.Кишкин и др.

Октябрь, 15. Бунин пишет А.С.Черемнову:

«Ваше письмо от 12 июля пришло к началу войны — можете ли Вы после этого негодовать на меня за столь поздний ответ? Три месяца я с утра до вечера сидел — читал газеты и забыл за войной все на свете — без преувеличений говорю. Давно уже находимся в Москве, сняли квартиру (Москва, Зубово, Долгий пер., д. № 14, кв. 12)».

Письма (2). С. 311.

Б.К.Зайцев пишет Бунину в ответном письме:

«Дорогой Иван Алексеевич, сейчас я кончаю повесть листа на 2 ½. Если это не много, то могу дать Вам. Готово все это будет в начале ноября. Напишите пару слов, подходяще ли это Вам. Собственно, я обещал эту штуку Дм. Ник. Овсянико-Куликовскому для январского № и если бы не Вы ко мне обратились, то не дал бы в издательство. <...> Если возражений не встретится, то будьте добры, прикажите перевести мне 300 р.»

Письма (2). С. 692.

Повесть Б.К.Зайцева «Мать и Катя» была напечатана в 4-м сборнике «Слово» (М., 1915. С. 17–76).

Октябрь, 16. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Спас-Загорья, где она находилась у знакомых:

«Дорогой мой, доехали мы благополучно, только уж очень медленно ползет поезд по этой дороге! <...> Здесь мне очень нравится: прелестный старинный дом, большой парк, отличные виды. Погода ясная. <...>

Если бы не ты, я прожила здесь как можно дольше, — так хорошо теперь на воле. <...>

Все-таки жаль, что тебя нет здесь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/133 оф.

Октябрь, 9...16. Выходит книга «Волны вечности в русской художественной литературе» (Киев: Изд. киевского религиозно-философского общества, 1914), в которой (с. 315–316, 351–353, 423–424, 462, 486) помещаются шесть стихотворений Бунина: «Канун Купалы» («Не туман белеет в темной роще...»), «Три ночи» («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»), «Христос воскрес! — Опять с зарею...», «Жизнь» («Набегает впотьмах...»), «Берег» («За окном весна сияет новая...»), «День гнева. Апокалипсис, VI» («...И Агнец снял четвертую печать...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Октябрь, 17. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Спас-Загорья:

«Дорогой Кустик, “заболел Ваш председатель” — каждый день у меня болит голова, да и вид плохой. <...> я думаю приехать в воскресенье <19 октября> с поездом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/180 оф.

Октябрь, 18. Бунин посылает Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу открытку, в которой сообщает свой новый московский адрес и просит писать.

Письма (2). С. 311.

Октябрь, 19. Днем в зале правления университета проходит заседание Общества любителей российской словесности, посвященное памяти М.Ю.Лермонтова. Бунин по болезни не присутствует на заседании.

В этот день газета «Русские ведомости» (№ 241. С. 6) в информационной заметке «Юбилейное заседание» сообщает, что Бунин сделает доклад на тему «Несколько слов о М.Ю.Лермонтове».

Газета «Русские ведомости» (20 окт. (экстренное приложение к № 241). С. 2) в кратком отчете о заседании информирует: «Бывший на повестке доклад академика И.А.Бунина не состоялся вследствие нездоровья докладчика».

Октябрь, 20. Бунин посылает А.Е.Розинеру материал для 6-го тома Полного собрания сочинений и пишет в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам <...> произведения 1913–1914 г.: несколько стихотворений, маленькую поэму “В Венеции”, рассказы: “Чаша жизни”, “При дороге”, “Пыль”, “Святые”, “Братья”, “Весенний вечер”, новые воспоминания о Чехове и речь о современной русской литературе (на юбилее “Русских ведомостей”). Все это составит, по-моему, с половину книги “Иоанн Рыдалец”. Приблизительно столько же есть у меня материала еще не совсем законченного, не покрытого лаком и не опубликованного, — его я Вам, конечно, не могу сейчас послать».

Письма (*2*). С. 312.

А.С.Черемнов сообщает Бунину в письме из Клеевки:

«Несколько дней тому назад я получил от глотовского барина <Н.А.Пушешников> экземпляр “Гитанджали” с краткой, но трогательной надписью. <...> Очень обрадовался Вашей открытке и тому, что в Москве я, может быть, Вас увижу.

Да, дорогой мой, война... <...>

Мы пережили две мобилизации, набор новобранцев <...>.

Вы пишете, что сидите над газетами. Я читаю ежедневно четыре газеты. <...> Вы жестоко ужалили коллег в воспоминаниях о Чехове и один писатель, называющийся по-японски Номина — Сунт-Одиоза, — довольно кисленько улыбался в письме ко мне, указывая на Ваши выпады: вот, мол, какой он злой аспид. <...> Каюсь, мне самому кое-что в вашей статье казалось жестоким. Но теперь я вижу, что Вы имели право быть еще беспощаднее. <...>

А где же Красноперый <А.М.Горький>? Все еще занимается фольклором? Николай Алексеевич прав: это ему не поможет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/18 оф.

Октябрь, 26. Бунин пишет в ответном письме Л.Н.Андрееву о подготовке воззвания «По поводу войны. От писателей, художников и артистов»:

«Ваше письмо, полученное мною через Ив.А.Белоусова, есть дерзость, ничем с моей стороны не вызванная, дерзость нелепая и объяснимая только запальчивостью, так как Вам, когда Вы сочиняли это письмо, уже известно было от Ив<ана> А<лексеевича>, что я не имел поручения собирать подписи, что я воспользовался именами только тех, с кем виделся по делам или в силу желания видеться, а никак не по склонности скакать по Петербургу и тем паче по Финляндии с подписным листом. В продолжении знакомства с Вами я ничуть не заинтересован».

Письма (*2*). С. 312.

См.: 28 сентября 1914; 10 октября 1914, вторая запись.

Октябрь, 28. В письме И.А.Белоусову Бунин приводит текст своего ответа Л.Н.Андрееву и добавляет:

«Нынче первый день хожу по комнатам после целой недели здоровенного жара. Слабость ужасная».

Письма (*2*). С. 312–313.

Октябрь. П.А.Нилус пишет Бунину:

«Дорогой Иван. Зачем тебе понадобилась статейка Куприна? Неужели думаешь издавать книжку и пишешь предисловие — это теперь, когда говорят только о войне, читают только о войне?»

Письма (*2*). С. 692.

Ноябрь, 1. А.А.Золотарев пишет Бунину:

«Иван Алексеевич, очень хочется сделать вам приятное. Посылаю вам веточку того самого растения, про которое вы как-то сказали мне на Капри (у поворота большой дороги снизу к Villa Argentina): "Люблю я это растение". Если рассердитесь на сентиментализм мой — ругайтесь только не слишком. Не знаю, сумею ли я вырваться из родного Рыбинска в Москву, а то непременно буду у вас и буду говорить с вами насчет хорошей повести из духовного быта. Заветы ваши все помню. Не сердитесь на полынь. Она звалась Artemisia и посвящена была вечно юной, не знавшей болезни и утомления богине Артемиде».

Письма (*2*). С. 693.

Из «Книгоиздательства писателей в Москве» Н.С.Клестов посылает Бунину отчет о продаже выпущенных книг (с 1 августа по 1 ноября).

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/11 оф.

Ноябрь, 2. В московской газете «Русские ведомости» (№ 253. С. 1) помещается объявление о подписке на петроградский журнал «Отечество», в списке сотрудников упомянут Бунин.

Ноябрь, 4. А.Е.Розинер сообщает Бунину в письме из Петрограда:

«Ваше письмо с пожеланием насчет обложки получил, но, увы, поздно: обложка уже заказана и рисунок уже сделан.

Очень прошу Вас немедленно нам выслать Вашу автобиографию, которая, как Вы сообщали, у Вас готова, т.к. мы должны немедленно приступить к набору первого тома Ваших сочинений, в начале которого мы помещаем Вашу автобиографию, и выслать заблаговременно Вам корректуру».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 7.

В 1-м томе Полного собрания сочинений Бунина (Пг., 1915) автобиография не печаталась, она была помещена в 6-й том.

Ноябрь, 5. В ответном письме Бунин пишет А.А.Золотареву:

«большое Вам спасибо за память и за вечно юное растение богини, не ведавшей болезней, — оно сейчас как нельзя кстати мне: я чертовски болен вот уже две недели. Весьма буду рад видеть Вас в Москве и толковать и о повестях, и о чем угодно».

Письма (*2*). С. 313.

Ноябрь, 7. В московской газете «Русское слово» (№ 257. С. 1) помещается объявление о подписке на журнал «Нива» на 1915 г. и приложения к нему, в том числе Полное собрание сочинений Бунина в 12 книгах.

Дается краткая характеристика творчества Бунина. Более развернутую рекламную заметку см.: 11 ноября 1914.

Данное объявление печатается в этой газете несколько дней: 16, 20 нояб., 2, 19, 24 дек. 1914 г. Также это объявление помещается в газете «Биржевые ведомости» (18 дек. (№ 14563). С. 6; 29 дек. (№ 14581). С. 6).

Ноябрь, 9. Бунин пишет Е.И.Буковецкому и П.А.Нилусу:

«Дорогие друзья, газеты на этот раз правы — я болен, не так тяжко, как пишут, но болен: недели две держалась инфлуэнца, доходило иногда чуть не до 40°, теперь — уже с неделю — держится боль в правой брови и в глазу, временами чрезвычайно мучительная. Почти ничего не могу делать, не могу долго читать и писать. <...> О твоей книге, Петр, все подумываю, все взвешиваю, можно ли теперь издать. Все-таки, если можно, пришли статейку Куприна. Вера поехала в Вязьму — повидаться с Павликом, который направляется на войну».

Письма (*2*). С. 313.

Ноябрь, 11. В московской газете «Русские ведомости» (№ 260. С. 2) публикуется объявление о подписке на журнал «Нива» на 1915 г. и приложения к нему, в том числе Полное собрание сочинений Бунина в 12 книгах.

В краткой рекламной заметке (без подписи) говорится: «Бунин, перешедший уже за четверть века писательской деятельности, увенчанный Пушкинской премией и лаврами почетного академика, духовно живет деревней, и наибольшая часть его писательского существа неотразимо заинтересована деревенским началом и безначалием. Чистый реалист, до ужаса честный изобразитель жизни, Бунин в своих знаменитых произведениях: “Деревня” и “Суходол” достигает предела, где беллетристика уже выходит из своих рамок, отрицает самое себя и в первоначальную правду обращает свой вымысел.

Поэзия Бунина, как и его проза, имеет свои особые черты: продолжая вечную традицию Пушкина, несколькими своими мотивами она напоминает Тютчева, но, в общем, она своеобразна и единственна. У Бунина свой рисунок, сжатый и сосредоточенный. В своих описаниях природы Бунин достиг совершенно исключительного мастерства. В его пейзажах масса зелени, в них живет и дышит русская деревня с ее полями, сенокосами и хлебными нивами.

Известный сборник стихотворений Бунина “Листопад”, за который ему присуждена была Пушкинская премия, завоевал ему имя поэта осени, поры увядания.

Бунин рисует не только осень, увядание, но и яркое солнце, солнце нездешних краев. Душа его ищет отблесков мировой красоты, и он в своем поклонении солнцу, уловленный его “золотым неводом”, странствует по берегам Малой Азии, направляется в Святую Софию, в Грецию, в Иерусалим, на Нил, стремится к колыбели

человечества, и из древнейших в мире руин взирает он в туманно-голубую бездну мифа».

Данное объявление регулярно печатается в газете до конца года.

Ноябрь, 12. Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Современный мир»:

«Из газет узнал, что Тальников ранен и в Москве. Вы, конечно, знаете, где он именно и в каком состоянии его здоровье. Черкните нам об этом».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 12.

Ноябрь, 13. З.И.Гржебин пишет Бунину на бланке журнала «Отечество»:

«Спасибо за присланные вырезки из газеты. Но еще приятнее было бы получить не вырезки, а Ваш собственный рассказ. Насчет гонорара, надеюсь, сговоримся».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 303.

В петроградской газете «День» (№ 309. С. 2) помещается объявление об открытии подписки на журнал «Нива» на 1915 г.; в качестве одного из бесплатных приложений к журналу — Полное собрание сочинений Бунина в 12 книгах.

Дается краткая редакционная характеристика творчества Бунина. См.: 11 ноября 1914.

Ноябрь, 14. Н.Н.Тюрин пишет Бунину из Москвы:

«Не могу отказать себе, чтобы не выразить Вам моей искреннейшей радости по поводу того, что Ваши произведения выйдут в свет в приложениях “Нивы”. Теперь Ваши прекрасные произведения узнает почти буквально *вся Россия*.

Я — убежденный и горячий поклонник Вашего классически-строгого и эпически-целомудренного таланта. Мне кажется, я не ошибаюсь, что со времен Толстого у нас не было такой высоты эпического беспристрастия, такой красоты, чистоты и кованой сжатости языка. Вы, как будто “добру и злу внимая равнодушно”, с высоты Вашего художественного полета изображаете жизнь во всех мельчайших и сокровеннейших ее проявлениях. <...> Для Вас слово заменяет строки, и страницы укладываются в строки.

Не осудите, что я воспользовался случаем и присоединяю свой скромный голос к сонму хвалителей Ваших, чтобы выразить хотя бы отчасти то, что давно мне хотелось сказать на “Средах”, но от чего я воздерживался, опасаясь, что недостаточно верно выражу свою мысль, т.к. не обладаю даром слова».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3157/3 оф.

От Российского общества Красного Креста пишут Бунину:

«20–21 декабря сего года в Москве предположен однодневный сбор в пользу Общества Красного Креста. <...>

В целях достижения наиболее успешных результатов Комитетом предположено издание ко времени сбора однодневной газеты, в которой <...> проектируется поместить ряд статей и рассказов выдающихся современных писателей и литераторов. <...> не признаете ли Вы возможным принять в указанной однодневной газете свое участие».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 336.

Выходила ли однодневная газета неизвестно.

Ноябрь, 15. В московской газете «Русское слово» (№ 264. С. 6) в информационной заметке «Памяти М.Ю.Лермонтова» сообщается об устройстве в Литературно-художественном кружке торжественного заседания к 100-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова; в составе участников значится вступительное слово Бунина.

См.: 16 ноября 1914.

Ноябрь, 16. В Литературно-художественном кружке проходит торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Бунин на заседании не присутствует.

Газета «Русское слово» (17 нояб. Бюллетень. С. 2) сообщает в информационной заметке «Памяти Лермонтова» о прошедшем 16 ноября торжественном заседании в Литературно-художественном кружке к 100-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. «И.А.Бунин в день торжества заболел и вместо него выступил с своим словом Н.Л.Бродский».

Об этом же сообщает газета «Русские ведомости» (17 нояб. (экстренное приложение к № 265). С. 2): «По болезни академика И.А.Бунина вступительное слово произнес Н.Л.Бродский».

Ноябрь, 17. Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Северные записки»:

«Что с рассказом? <...>

Хотелось бы, чтобы Вы приступили к “Литературным заметкам”, считайте, что принципиально вопрос уже решен».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 6.

Ноябрь, 19. А.М.Горький вызывает запиской И.М.Касаткина на встречу в квартире Е.П.Пешковой (Машков переулок, д. 1). Встреча состоялась в этот же день, на ней присутствуют также Бунин и Ф.И.Шаляпин.

И.М.Касаткин вспоминает: «Он <А.М.Горький> только что приехал в Москву. Дымя папиросой, взволнованно заговорил о наплыве в столицу раненых. Позднее явился сухонький, подтянутый, смахивающий на приказчика из хорошего мануфактурного магазина Иван Бунин. Еще позднее, прямо из театра, приехал вальяжный, с широкими королевскими жестами Федор Шаляпин».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 382.

В московских газетах «Новь» (№ 118. С. 7), «Русские ведомости» (№ 267. С. 6), «Русское слово» (№ 267. С. 6), «Утро России» (№ 286. С. 5) помещается «Письмо в редакцию». Подписи: Ив.Бунин, Н.В.Давыдов, С.И.Варшавский, В.В.Вересаев, Н.Д.Телешов, А.П.Мертваго, В.А.Анзимиров.

В письме говорится: «Обращаемся ко всем московским издателям газет и журналов, их сотрудникам и к писателям с призывом собраться для обсуждения вопроса о дне печати в Москве в пользу наших воинов. <...>

Собрание состоится в Литературно-художественном кружке в четверг, 20-го ноября, в 8 час. вечера».

См.: 20 ноября 1914, третья запись.

Ноябрь, 20. Бунин присутствует в юридическом собрании (Малая Никитская, 25) на торжественном вечере, посвященном 50-летию судебных уставов.

Газета «Утро России» (21 нояб. (№ 288). С. 6) сообщает: «20 ноября 1914 г. вечером, в день 50-летия судебных уставов, в юридическом собрании состоялся товарищеский чай, на который были приглашены только члены собрания и некоторые особо почетные гости. Среди последних присутствовали М.Горький и академик И.Бунин».

В качестве редактора «Книгоиздательства писателей в Москве» Бунин пишет И.Д.Сургучеву:

«...книгоиздательство поручило мне просить Вас взять за рассказ “Эленучча” двести рублей с листа – только при этих условиях можем мы напечатать его в сборнике “Слово” (в 4-ой кн<иге>, которая уже набирается) <...>. Очень просим, кроме того, изменить заглавие: “Эленучча” плохо звучит для русского уха и совершенно не заинтересовывает — никому и в голову не придет, что это имя девушки, что речь идет о любви. <...> Вы, верно, почеркаете рассказ, он немного растянут».

Письма (*2*). С. 314.

В 4-м сборнике «Слово» рассказ И.Д.Сургучева был напечатан под заглавием «Песни о любви».

В московских газетах «Новь» (№ 119. С. 6), «Русские ведомости» (№ 268. С. 6), «Русское слово» (№ 268. С. 7), «Утро России» (№ 287. С. 4) помещается «День печати. (Письмо в редакцию)» о переносе собрания по организации «Дня печати» в Москве на 21 ноября, в 8 ч. вечера, в Литературно-художественном кружке. Подписи: Ив.Бунин, В.Вересаев, Н.Телешов, Н.В.Давыдов, А.П.Мертваго, В.А.Анзимиров, С.И.Варшавский.

Ноябрь, 21. В Литературно-художественном кружке Бунин присутствует на собрании писателей, журналистов и деятелей периодической печати по организации в Москве «Дня печати» в пользу жертв войны. Избирается исполнительный комитет, которому поручается к следующему собранию представить свои предложения по устройству «Дня печати».

См. информационную заметку в газетах «Русское слово» (22 нояб. (бюллетень). С. 2) и «Русские ведомости» (22 нояб. (экстренное приложение к № 269). С. 2).

В ответном письме И.Д.Сургучев пишет Бунину:

«...в крайнем случае, конечно, придется согласиться и на 200 руб., потому что: куда же теперь сунешься? Но все-таки я просил бы что-нибудь прибавить, ибо и для писателя <...> тоже времена не ахтительные».

Письма (*2*). С. 694.

См.: 20 ноября 1914, вторая запись.

Ноябрь, 24. Бунин с В.Н.Муромцевой, очевидно, присутствуют на премьере спектакля Художественного театра «Сверчок на печи» по Ч.Диккенсу с участием М.А.Чехова в роли Калеба.

Чехов М. Т. 2. С. 424.

В.Н.Муромцева вспоминает: «Через несколько лет мы видели Мишу в "Первой студии Художественного театра", в пьесе, переделанной из рассказа Диккенса "Сверчок на печи". Игра его взволновала нас до слез. Иван Алексеевич пришел в полный восторг».

Муромцева-Бунина. С. 468.

Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Современный мир»:

«Пользуюсь Вашею любезностью и посылаю письмо, которое прошу передать Тальникову. А к Вам просьба: может быть, Вы украсите наш декабрь, который теперь составляется, вашим стихотворением, хотя бы небольшим? За присылку стихотворения был бы Вам очень благодарен».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 13.

Ноябрь, 21...25. А.М.Горький в письме Н.Валентинову (Н.В.Вольскому) из Москвы, в частности, отмечает:

«Вместо святых Власов, Акимов, Платонов Каратаевых народнической литературы и Л.Толстого, Подъячев дает подлинного, живого, неидеализированного, без всяких прикрас, мужика. Он продолжает линию разоблачений, начатую "Мужиками" Чехова и "Деревней" Бунина».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 136.

Ноябрь, 26. З.И.Гржебин пишет Бунину из Петрограда на бланке редакции журнала «Отечество»:

«Вы не ответили мне на мое последнее письмо, в котором я просил Вас прислать нам рассказ.

С этой просьбой обращаюсь к Вам еще раз <...>. Я не прошу специально военного рассказа, можно и "штатский" рассказ *или стихи.* — Вы и не предполагаете даже, до какой степени я хочу, чтобы Вы приняли участие в "Отечестве" <...>. Теперь мы можем уже платить и по 25 к. (ужасно много!), а стихи *по рублю.* Это не много, но не даром».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3014/4 оф.

Из Литературно-театрального музея имени А.А.Бахрушина посылают Бунину приглашение на заседание Попечительского совета музея 28 ноября в 16 ч. в помещении Литературно-художественного кружка.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 349, л. 4.

Ноябрь, 28. Бунин присутствует на заседании Попечительского совета Литературно-театрального музея Императорской академии наук имени А.А.Бахрушина в Москве.

ПФА РАН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 927, л. 41.

Н.М.Мешков сообщает в письме Бунину, что едет в Пермь:

«Вспомнился Ваш рассказ "Новая дорога"».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 154, л. 5–6.

Ноябрь, 29. На заседании Общества любителей российской словесности Бунин читает рассказ «Весенний вечер»; Бунина избирают

товарищем председателя Общества любителей российской словесности.

Газета «Русское слово» (30 нояб. (№ 276). С. 5) в информационной заметке сообщает: «Вчера в университете под председательством А.Е.Грузинского состоялось заседание Общества любителей российской словесности. В заседании почетный академик и почетный член общества И.А.Бунин прочел свой новый рассказ. В рассказе красочно описана жизнь старика-нищего, который погибает, в конце концов, от руки оборванца. В рассказе есть характерные для творчества И.А.Бунина картины тихой деревенской жизни, с красотой полей, ярким солнцем и простыми людскими переживаниями.

После небольшого перерыва писатель А.С.Серафимович прочел отрывки из рассказа “Клубок”. <...> На заседании присутствовало много писателей, профессоров, журналистов».

Газета «Русские ведомости» (30 нояб. (№ 276). С. 6) в кратком отчете о заседании, в частности, отмечает: «Рассказ И.А.Бунина “Весенний вечер” посвящен изображению нравов деревни, причем краски положены автором очень темные». После пересказа содержания рассказа сообщается: «Товарищем председателя Общества вчера избран И.А.Бунин, секретарем — Ю.А.Веселовский».

К.А.Ковальский пишет Бунину из Петрограда:

«Только что я и Ольга Несторовна вернулись в Россию из Франции (южным путем). Вывезенный нами материал о Германии и Швейцарии мы обрабатываем для газет, статью же о Франции, написанную в других тонах и другими мазками, мы очень хотели бы предложить кн<игоиздательст>ву писателей для предстоящего сборника».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3054 оф.

Ноябрь, до 30. Выходит книга Н.Кадмина (Н.Я.Абрамовича) «История русской поэзии. От Пушкина до наших дней. В 2-х томах» (М., 1914). Во 2-м томе в главе 22 имеется статья «Ив.Бунин» (с. 290–294).

Критик пишет: «Никто из современных поэтов не оставил в своих книгах столько свежих и жизненных впечатлений красок, запахов, просторов, света и силы природы, как И.А.Бунин. В этом смысле чтение его книг стихов оставляет ни с чем несравнимое впечатление. В них буквально дышат луга и степи, леса и озера, воды и ветер, в них с тонкой и нежной ясностью оставлены первоначальные впечатления художника. От ранних шагов своей поэтической деятельности он выделился из разнообразных групп современных лириков, искавших поэтических возбуждений в книге, в культуре, и пошел своей особой тропой. Его влекли иные тревожные желания и чаяния. В нем лежал дар непосредственного художника, живописца, с великим чутьем красок, тонов, запахов. В силу своих определенных поэтических инстинктов он по праву может быть назван в большей мере поэтом, чем многие из современных лириков. <...> Вся гамма человеческих чувств, и в особенности юности, тревожной, жадной, полной напряженного душевного голода, связана у Бунина с рисунками природы. Он иначе не отражает себя. Он субъективен, он ярко лиричен, но выразить себя он может только в отражениях природы, потому что нет ни-

чего, что так бы напрягало в нем жизненность, что так возбуждало бы его душу, как природа в огромном смысле этого слова, как совокупность всех простых и стихийных явлений ее.

Талант его определенен, огражден и в этой определенности и ограниченности своей ярок и замечателен. То, чем чарует и пленяет поэзия, чего мы все жадно хотим от нее и его не заменишь никакими изысканными перепевами чужих мелодий, — душу жизненных впечатлений, свежесть пережитого, пронесшегося над душой момента, — в современной поэзии мы находим, быть может, в наибольшей степени у Бунина. <...> Его стихи говорят о том, что он терял самого себя, свое “я” в одиноких созерцаниях, что он погружался в эти забвения, в это состояние души сильно и полно; только и могли быть результатом такой потери своей души его совершенные вещи, как “Отчего ты печально, вечернее небо”, “Зной”, “В плавнях”, “Розы”, “Кольцо”, “После дождя” и мн. др.

Некоторые явления природы звучат в стихах с полной красотой и с особым очарованием жизненным только у Бунина в стихах <...>. Он шел вслед за Фетом, но не подражал ему, а учился у него, и стал самостоятельным поэтом, творцом собственных творческих достижений. <...>

Поэма Бунина “Листопад” — создание, отличающееся редкой в наши дни поэтической чистотой, прочностью, крепостью; будет странно не увидеть эту вещь в хрестоматиях, в собраниях классических образцов лирики. В этой поэме прекрасно соединяются ученичество и талант личный. Поэма довольно определенно отдает ароматом пушкинского стиха; в ней пушкинский простой подход к рисунку явлений, в ней пушкинский реализм, простота, вовлечение в поэтический рисунок всего, что входит в человеческий кругозор. В то же время целый ряд рисунков зарисован индивидуально, воспроизведен впервые, личной наблюдательностью поэта. Великолепен стих этой поэмы: гибкая строфа, напевность строки, ее тон видоизменяются согласно с характером рисунка <...>. В этой поэме чувствуется доступное только для поэта глубокое прислушивание к жизни земли, соединенное с тонким даром выражения этих чувств и созерцаний.

Нет однообразия в рисунках Бунина, этого поэта, выражающего целиком себя в ощущениях природы, поэта, одновременно и как бы безличного, и в то же время глубоко личного и нежно-интимного. <...>

Бунин в лирике — глубоко оптимистичен. В нескольких стихотворениях он силу мгновенного восторга распространяет на все жизнеощущение, выражая общее чувство жизни, как сладкий слепящий восторг <...>.

С годами он становится суше, трезвее, и рисунок его все больше лишается элемента лиризма, и его оптимизм становится несколько иным. <...>

Несмотря на попытки в последние годы объективного реалистического творчества, на жестокие нотки реализма, на внимание к черным, почти кошмарным явлениям быта, Бунин все же, даже в своей деревенской беллетристике, холодной и жестокой по многим деталям и основному тону, остается художником, влюбленным в землю, в реальность, во все земное, естественное, бытовое, природное, что ему приходится описывать. В самом описании кургана, земли, старой сухой шеи нищего или молодой девушки чувствуется нежность художника, прилепляющегося к дета-

лям и вникающего в тон, в оттенок, в частности рисунка. Именно в этом поэтическое богатство Бунина, сильного в рисунке и слабого в размышлениях, яркого в ощущениях и неубедительного в тенденциях и выводах. Он прежде всего поэт, и читатель будет искать в его прекрасных книгах только непосредственного, в чем ясная правда жизни, не затемненной ничем головным, рассудочным, теоретическим».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (30 нояб. (№ 276). С. 7).

Ноябрь, 30. М.М.Пришвин пишет Бунину по поводу издания своих книг в «Книгоиздательстве писателей в Москве»:

«Получил от изд<ательст>ва писателей наставление. Меня очень радует Ваше приглашение издавать свои книги у Вас. В “наставлении” упоминаются три группы издающих у Вас книги, под какую же группу Вы подведете меня?

В ближайшем возможном будущем я мог бы предложить изд-ву сборники моих <нрзб> очерков. <...> Что же касается остальных моих сочинений, то я очень боюсь риска. <...> Мне очень хотелось бы издать настоящее собрание моих сочинений. Я жду для этого удобного времени, но кто же будет читать в это смутное время мои книги?

Поэтому на Ваше предложение <нрзб> издать что-нибудь из старого затрудняюсь ответить: готов на все, но боюсь, это будет не выгодно и Вам и мне.

Может быть, Вы в этом отношении что-нибудь посоветуете? Во всяком случае, мне было бы много приятнее при помощи Вашего издательства стать на собственные ноги, чем зависеть от каприза мецената».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 185.

Ноябрь, конец. А.А.Измайлов в недатированном письме просит Бунина:

«Редакция “Биржевых ведомостей” поручила мне *очень просить* от Вас рассказ установленного редакцией размера (от 300–400 строк). Единственное условие — необходимость какого-либо, хотя бы отдаленного и чисто психологического касания нынешних событий. Наш сотрудник, бывший у Вас в Москве, сообщал нам, что принципиально Вы ничего не имеете против сотрудничества у нас. Позвольте слышать этому подтверждение из Ваших уст. <...> В одинаковой мере нам интересен был бы и Ваш фельетон, и Ваша статья».

Письма (*2*). С. 694.

Датируется по ответному письму Бунина. См.: 2 декабря 1914, вторая запись.

Ноябрь. Бунин посылает в «Книгоиздательство писателей в Москве» рассказ «Весенний вечер» для 4-го сборника «Слово».

На полях первой страницы машинописи Бунин пишет: «Прошу как можно тщательнее воспроизвести оригинал. Есть умышленные ошибки, ударения на словах и т.д. — все это надо сохранить. Ив.Бунин».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 4, л. 9–22.

Время события определено по дате на корректуре рассказа. См.: 2 декабря 1914, первая запись.

Декабрь, 1. На заседании комитета по устройству «Дня печати» в Москве избраны председателем комитета Н.В.Давыдов, товарищем председателя Ю.А.Бунин, секретарем С.С.Раецкий. И.Бунин на заседании не присутствует. Для подготовки сборника в пользу раненых создается редколлегия, в которую входят: И.Бунин, В.В.Вересаев, Н.Д.Телешов.

В газете «Русское слово» (2 дек. (№ 277). С. 5) в информационной заметке, в частности, сообщается: «И.А.Бунин, В.В.Вересаев и Н.Телешов взяли на себя организацию издания особого “Альманаха” в пользу раненых воинов. К участию в “Альманахе” предполагается привлечь видных представителей изящной литературы и известных художников Москвы».

Речь идет о подготовке сборника «Клич».

Бунин сообщает в письме А.М.Горькому о сложном положении дел в «Книгоиздательстве писателей в Москве»:

«спешу известить Вас, что я убедился в полнейшей невозможности работать в “К<нигоиздательст>ве писателей” и снял с себя обязанности редактора его изданий, а вместе с тем и члена наблюдательного комитета. Причин тому множество: и нищета, не позволяющая делать дело мало-мальски сносно, и полнейшее равнодушие к делу многих “товарищей”, и шальной, но все более возвышающийся Клестов, и вечный сумбур заседаний, и все растущие контры, дошедшие на последнем собрании до форменной демонстрации против нас с братом, и вечные перерешения постановлений, и т.д., и т.д. По отношению к Вам и еще некоторым писателям меня поставили в ужасное положение: совершенно неожиданно, наперекор всему тому, что решали раньше, подняли за последние дни буйные толки о прекращении сборников — и я, просивший Вас о рассказе для V сборника по настоятельным просьбам тех же, кто теперь орет о том, что сборники надо прекратить, — поставлен в постыдную необходимость известить Вас об этом».

Письма (*2*). С. 314–315.

Декабрь, 2. Бунин правит корректуру рассказа «Весенний вечер».

На обложке корректуры Бунин пишет: «Исправить и дать мне в 2-х экз. для подписи. Ив.Бунин 2 дек. 14».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 4, л. 1–8.

В ответ на просьбу А.А.Измайлова о рассказе для газеты «Биржевые ведомости» Бунин пишет ему:

«если у меня будет что-либо, подходящее для “Бирж<евых> вед<омостей>”, просьбу Вашу исполню. Пока не могу, к сожалению».

Письма (*2*). С. 315.

В московской газете «Новь» (№ 131. С. 10) помещается информационная заметка «Сборник “1914 год”». Без подписи.

В заметке сообщается: «На днях в свет появится новая книга — сборник “1914 год”, весь доход от продажи которого поступит в пользу семей воинов, призванных на войну. Сборник обещает быть удачным». Среди участников сборника упомянут Бунин.

В харьковской газете «Утро» (№ 2506. С. 7) в рубрике «Хроника искусства и литературы» сообщается:

«Иван Бунин закончил новую большую повесть в 10 печатных листов. Повесть предполагается к напечатанию в “Вестнике Европы”».

См.: 30 декабря 1914, третья запись.

Декабрь, до 3. В серии «Народно-школьная библиотека» выходит книга «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 130 с.). Тираж 3000 экз. Цена 65 к.

Содержание: Сон Обломова-внука, Антоновские яблоки, Руда, Весна, Скит, Сверчок, На край света, На чужой стороне, Танька, Кастрюк, Велга.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 дек. (№ 278). С. 7). Тираж и цена книги определены по: *Книжная летопись*.

Декабрь, 3. Бунин вновь пишет в книгоиздательство «Жизнь и знание»:

«Прошу книгоиздательство немедленно и в точных выражениях ответить мне, в каком положении находятся мои книги — переводы из Байрона и “Храм солнца”. Положение это становится настолько исключительным, что я вынужден буду предпринять решительные шаги для того, чтобы распутать его».

Письма (*2*). С. 315.

Бунин пишет К.Ф.Некрасову:

«Я хочу покинуть “К<нигоиздательст>во писателей”. Если Вы продолжаете свое дело, я мог бы предложить Вам для издания некоторые свои вещи, как новые, так и прежние, уже разошедшиеся».

Письма (*2*). С. 315.

Декабрь, 2 или 3. Выходит сборник «1914 год» (Ред. С.А.Лопашов. М., 1914), в котором (с. 5, 6) публикуются стихотворения «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...»), «Нищий» («Все сады в росе, но теплы гнезда...»).

Весь сбор с продажи сборника поступает в помощь семьям запасных, призванных в действующую армию.

Время выхода книги определено по сообщениям газет: (см.: 2 декабря 1914, третья запись); в газете «Раннее утро» (30 нояб. (№ 276). С. 1; 4 дек. (№ 279). С. 1) печатается объявление: «Комитетом Ее Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, устраивается со 2 декабря с. г. уличная продажа сборника, носящего название “1914 год”».

См. также: 9 декабря 1914, вторая запись.

Декабрь, 5 (18). А.М.Горький пишет Е.П.Пешковой из Мустамяки:

«Бунин написал мне, что он ушел из “К-ва писателей”. Верно? Рад за него».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 140.

Б.К.Зайцев в письме Бунину просит по возможности скорее выслать гонорар за его повесть «Мать и Катя», посланную для 4-го сборника «Слово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 103, л. 28–29.

В газете «Социал-демократ» (№ 34) публикуется статья В.И.Ленина «Автору "Песни о Соколе"», в которой оценивается наличие подписи Горького под воззванием «По поводу войны. От писателей, художников и артистов».

В статье, в частности, говорится: «С болью в сердце прочтет каждый сознательный рабочий подпись Горького, наряду с подписью П.Струве, под шовинистски-поповским протестом против немецкого варварства».

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 96–97.

См.: 28 сентября 1914.

Декабрь, 7. Вероятно, Бунин присутствует в Литературно-художественном кружке на собрании издателей под председательством С.И.Варшавского по поводу организации «Дня печати»; принимается решение в один из после праздничных дней выпустить одну газету вместо всех, выходящих в Москве, в пользу жертв войны.

Газета «Русское слово» (8 дек. (бюллетень). С. 2) в информационной заметке «День печати» сообщает о собрании и его решении: «Организацию и выпуск газеты в пользу жертв войны собрание поручило особому комитету, в состав которого собранием намечены: кн. Н.Н.Трубецкой, акад. И.А.Бунин, В.В.Вересаев, кн. Г.Е.Львов, Н.В.Давыдов».

Декабрь, 9. К.Ф.Некрасов в ответном письме пишет Бунину:

«Сейчас мне переслали сюда из Ярославля Ваше письмо. Надо ли говорить насколько оно для меня лестно и приятно. С большим удовольствием буду Вашим издателем. Сегодня вечером я уезжаю и вернусь в Москву в субботу <13 декабря> утром. Не будете ли добры в субботу позвонить по телефону 4.44.98, чтобы сговориться, где встретиться и когда. Еще раз спасибо и всего доброго».

Письма (*2*). С. 695.

В московской газете «Новь» (№ 138. С. 9) помещается рецензия В.Коля на сборник «1914 год».

Рецензент отмечает: «Какой интересный сборник!». Бунин не упомянут.

Декабрь, 10. С.П.Боголюбов пишет Бунину из Петрограда:

«Еще в сентябре я покинул "Знание" после 17 ½ лет службы в нем: не вынес его замирания.

Надо служить в каком-нибудь другом деле, чтобы не остаться "без напитков, без наедков" (Ваше выражение). Хотелось бы пристроиться к привычному книжному делу.

Имею сведения, что в Петроградских книжных магазинах и делах Сытина имеются свободные вакансии <...>.

Хорошо было бы в Москве же подготовить почву. Но там опять-таки у меня нет знакомых, кроме Вас и Н.Д.Телешова, которому тоже пишу о том же.

Бога ради похлопочите обо мне пред И.Д.Сытиным, порекомендуйте меня; я свято оправдаю Вашу рекомендацию и доверие ко мне. <...>

Простите, что беру на себя смелость так затруднять Вас. Но в силу прежних добрых отношений и к “Знанию” и ко мне у меня имеется твердая уверенность, что не откажете в просьбе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2997/2 оф.

Н.И.Иорданский пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Современный мир»:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за прекрасную “Жидовку”, которую печатаю в декабре.

Когда увидимся в Петрограде, я постараюсь привести Вам доказательства, что статья С. очень хороша. Между прочим, Распутин отправлен, как говорят, в Тобольскую губернию».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 14.

Имеется в виду стихотворение «Магомет и Сафия». См.: до 31 декабря 1914.

Декабрь, 11. В Литературно-художественном кружке Бунин присутствует на заседании комитета по организации «Дня печати» в Москве под председательством Н.В.Давыдова.

Газета «Русское слово» (12 дек. (№ 286). С. 6) в информационной заметке «День печати» сообщает: «В заседании приняли участие И.А.Бунин, В.В.Вересаев, С.И.Варшавский, Н.Д.Телешов, В.А.Анзимиров, А.П.Мертваго и С.С.Раецкий. <...> Комитет постановил выпустить газету в пользу жертв войны 7 января. Газета будет носить название “День печати”. <...> Н.Телешов сделал доклад об издании “Альманаха”, составление и редактирование которого поручено ему, И.Бунину и В.Вересаеву. Решено как издание “Альманаха”, так и вообще всю организацию “Дня печати” в Москве проводить самостоятельно и независимо от Петрограда».

Декабрь, 12. И.В.Шкловский (Дионео) в письме Бунину, в частности, отмечает:

«С великим наслаждением слежу за каждым Вашим литературным произведением. <...>

P.S. Я послал Вам перевод книги “England und Germany”, сделанный Р.М.Заблудовской <?>. Сегодня посылаю окончание».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 241.

Московская газета «Русское слово» (№ 286. С. 1) помещает объявление о подписке на газету «Голос Москвы», в списке участников упомянуты И.Бунин и Ю.Бунин.

Там же (с. 6) публикуется «Письмо в редакцию», в котором говорится:

«Комитет по устройству “Дня печати” просит всех сотрудников московских периодических изданий собраться в воскресенье 14 декабря в 5 ч. вечера в помещении юридического собрания (М. Никитская, 25) для выслушивания доклада комитета и для решения вопроса об участии журналистов в создании фонда “Дня печати”».

Декабрь, 13. Бунин участвует в вечере «Поэзия и музыка Польши», устроенном в малом зале Благородного собрания Обществом деятелей периодической печати и литературы.

См. объявление о вечере в газете «Русские ведомости» (10 дек. (№ 284). С. 1; 12 дек. (№ 286). С. 1).

В отчетной заметке «Польский вечер» (без подписи) в газете «Русские ведомости» (14 дек. (№ 288). С. 5) говорится: «Вечер польской поэзии и музыки, устроенный вчера “Обществом деятелей периодической печати и литературы” имел большой успех у публики, собравшейся в Малом зале Благородного собрания. Программа вечера была очень разнообразно составлена и изящно выполнена. Здесь были и образчики творчества Мицкевича и Красинского в новых переводах Ю.Балтрушайтиса, Ив.Бунина и Вячеслава Иванова, прочитанные авторами».

Декабрь, 14. В помещении Юридического собрания проходит заседание журналистов по поводу организации «Дня печати» в Москве, следующее собрание журналистов назначено на 21 декабря.

Присутствовал ли Бунин на этом собрании неизвестно. См.: «Русское слово» (15 дек. (бюллетень). С. 2).

В петроградской газете «Современное слово» (№ 2487. С. 6) печатается рецензия на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914).

Рецензент пишет: «Прекрасная мысль — дать для народно-школьных библиотек сборнички современных писателей. <...> Если бунинский сборник — первый, то это прекрасное начало серии». Рассказы, «собранные один подле другого, один другой дополняющий и оттеняющий, — они дают целую гамму деревенских дуновений, то чистых, чарующих, как синеющая даль, как радость и свет солнца, то унылых и тоскливых, говорящих о голоде и бедности, зовущих на помощь. Каждая страница напоена деревенскими соками, настроениями и переживаниями людей и природы, слитыми вместе. По таким книжкам хорошо еще в детстве культивировать в себе любовь к родным местам, чтобы навеки и всюду потом уметь слышать зовы родины...».

Декабрь, 15. В ответ на просьбу А.А.Измайлова ответить на предрождественскую анкету «Биржевых ведомостей» Бунин пишет ему:

«простите — не могу ответить <...> в нескольких словах и сгоряча. Вопрос великий, без преувеличения, — чтобы ответить на него достойно, не кощунственно, нужно, после долгого поста, думать и писать целый год и забыть о всяческих цензурах. Твердо знаю, что нынешнее Рождество может быть не последним кровавым Рождеством, знаю, что человечество живет еще ветхим заветом, что люди еще слишком звери — *теперь* это доказано с небывалой, ужасающей очевидностью — но есть и тысячи “но”, радостных и утешительных, не говоря уже о голосе сердца. Не могу позволить себе с легким духом пророчествовать о судьбах мира, где за последнее столетие все же совершаются беспримерные в истории политические, социальные и научные катастрофы. Да и мыслимо ли, не будучи Исаией, пророчествовать в такие дни, когда во всяком мало-мальски человеческом сердце идут такие приливы и отливы, смены надежд и скорби».

Письма (*2*). С. 316.

Н.С.Клестов сообщает Бунину на бланке «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Прилагаю при этом чек Моск<овского> о<бщест>ва вз<аимного> кр<едита> на 250 р., из коих 150 р. — аванс за книгу “Избранные рассказы” и 100 р. по отчету на 1-ое ноября 1914 г. <...>

Т<аким> о<бразом>, за книгу “Избранные рассказы” Вы получили всего 250 р.

Редакторский гонорар причитается Вам за книгу Тренева и за сборник “Слово”. Гонорар за книгу Яблочкова будет уплачен по снятии ареста».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3051 оф.

Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Северные записки»:

«С удовольствием передам переводы Вашей жене и Вашему племяннику, как только что будет подходящее.

<...> Сейчас для перевода ничего нет — б. м., Вы можете что-либо указать?

Вы ничего не упоминаете о рассказе. Мы рассчитываем иметь его для января — если он у Вас имеется, не откажите сообщить название: в декабрьской хочу объявить о содержании январской».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 7.

Декабрь, первая половина. В петроградском журнале «Нива» (№ 49. С. 947–950; № 50. С. 967–969) публикуется статья К.И.Чуковского «Смерть, красота и любовь в творчестве И.А.Бунина».

Критик пишет: «Бунин — поэт деревенский. Его муза — в голубенькой ситцевой кофточке. <...>

Смиренное кладбище, дикий сад, тень ветвей — главные очарования для Бунина.

Он не воспевал никогда ни Кремля, ни Медного Всадника. Если бы провалились Петроград и Москва, в его стихах не изменилось бы ни строчки. <...>

Ветер, оттепель, снег, листопад, — всепоглощающие факты его жизни. Он — певец прогалин и проталин, сосен, октябрей, февралей. Его стихи — деревенский дневник <...>. Там есть и другие мотивы, но природа и погода — главнейшие. В наблюдении и описании природы он изумительный мастер.

Видеть снег, тени деревьев, луну — для него несказанное пиршество. Он поглощает природу *глазами*, постигает ее почти исключительно *зрением*; как и Фет, он — “*соглядатай* природы”.

Его степной, деревенский глаз так хваток, остер и зорок, что мы все перед ним — как слепые. Никто не писал до него, что белые лошади — под луною зеленые, а глаза у них фиолетовые, что дым — сиреневый, чернозем — синий, а жнивья — лимонные. Там, где мы видим только синюю или красную краску, он видит десятки оттенков: розово-палевый, сиренево-стальной, серебристо-сизый, грязно-грифельный. Он не столько певец, сколько колорист-живописец. Любование, радование зримым для него величайшее счастье. <...> самая любимая краска Бунина голубая, небесная, синяя <...>.

Бунин дошел до того в своем любовании красками, что даже глаголы у него выражают не действия, а колеры вещей. Ни у одного поэта нет такого обилья глаголов: чернеет, алеет, синеет, розовеет, сизеет, сереет, зеленеет <...>.

И, конечно, он не был бы лириком, если бы всеми этими деревенскими красками и деревенскими о́бразами, лужами, березами, стогами не умел изобразить свою душу, передать те своенравные, неуловимые чувства, которые проносятся в ней.

<...> Его лирика густо насыщена óбразами, вещами, предметами. Это самая конкретная, вещная лирика в русской современной поэзии. Когда Бунин пробует изливать свои чувства без помощи сосен, косогоров, овинов, вообще без помощи вещей, он становится неузнаваемо-слаб. <...> и нет такого тонкого, еле уловимого чувства, которого не умел бы он выразить при помощи стогов и снегов. Здесь он несравненный маэстро. Вся природа подчинена его лирике. <...>

Его голос – самый спокойный и ровный во всей современной словесности.

Чем больше он взволнован, тем бесстрастнее его негромкая, осторожная речь. Он никогда не кричит и, кажется, лучше себе руку отрежет, чем напишет барабанное слово. Всякие вопли, истерики, визги кажутся ему лживее лжи. <...>

Сталь и лед – существо его творчества. В изъявлении чувств он сдержан и скуп. <...> Он честен и правдив до фанатизма, честен с самим собою, с искусством <...>. После кончины Серова и Чехова, Бунин – один из благороднейших в ряду современных писателей. <...> Если бы Серов был поэтом, он непременно писал бы, как Бунин. Это были братья по духу. Для меня они оба – одно. Серова сравнивали с Толстым, с Достоевским, но, по существу, это – Бунин. <...>

Он, как и Серов, могучий лирик, но тоже затаённый, застенчивый. То, что поется в душе, он высказывает такими сложными óбразами, такой тонкой инструментовкой стиха, такими интимными ритмами, что многие пройдут, как глухие, мимо его изысканной лирики. Его стихи не для салонных романсов, не для декламации на театральных подмостках. Он в высшей степени не публичный поэт; и каждый забубенный словоблуд, у которого не душа, а шарманка, – всегда сорвет у простодушной галерки больше аплодисментов, чем он.

Как и Серов, он прежде всего виртуоз, – с таким чрезмерно-утонченным вкусом, который обесплодил бы его дарование, не будь оно так велико. Вкус, чувство стиля и формы в последних творениях Бунина дошли до такой высоты, какая доступна лишь классикам. Его последняя вещь "При дороге" – предел артистической техники. Но он не щеголяет своим мастерством, не кокетничает. Ему нужна не красивость, а красота; он понял, что красота – в некрасивом. Он никогда не заботится о мелодичности, гладкости, лоске, напевности своих прочных, тугих стихов. <...>

Даже внешнее обличье его книг говорит о вкусе аскетически-строгом. Простые сероватые обложки, без всяких цветов, загогулин <...>.

Ни крикливой краски, ни громкого слова; все скромно, благородно и сдержанно. <...>

Ибо, повторяю, этот усадебный, деревенский писатель в ссоре со своей эпохой и ни в чем не уступит ей ни пяди.

<...> тихая мысль о смерти, почти приятная, благостная, никогда не оставляет поэта. Она окрашивает все его чувства. <...>

Поэтическое волнение всего чаще возбуждается в Бунине óбразами оскудения, запустения, разрушения, увядания, умирания, смерти. Не потому ли его влечет на Восток, что Восток для него – огромный, сладостно-милый погост <...>.

Не потому ли его так влечет к старикам, кротко и покорно умирающим <...>.

Все гаснущее, догорающее, стынущее, все, что было и чего уже нет, – меланхолически чарует его. <...> Изо всех современных поэтов ему одному дана такая пуш-

кинская гармоничность души, такая примиренность и благостность. Он — поэт-утешитель и учит нас кроткой покорности. <...>

У Бунина, чуть заговорит он о смерти, всегда есть утешительное "но". <...> "Покоряясь смене, одиноко мы уходим: скоро догорит наш закат, *но* день уж недалеко, он других улыбкой озарит", — кажется, со времен Пушкина, не было в русской поэзии такого гармонически-ясного чувства!

<...> Главное заключается в том, что эти мои строки относятся к прежнему, старому Бунину, а между тем два-три года назад появился новый Бунин, нечаянный, совершенно не похожий на прежнего.

Это было чудо, колдовство! Он двадцать лет проработал у нас на глазах, мы думали, что знаем его, мы привыкли к его голосу, манерам, — и вдруг все другое, все новое! Ничего подобного, кажется, не было в анналах российской словесности. Писатели созревали, росли, но переродиться на пятом десятке, после четверти века работы, переменить свою душу, свой стиль, — этого еще не бывало! Здесь я говорю исключительно о Бунине-прозаике, авторе "Антоновских яблок", "Нового года" и проч. До сих пор его проза была очень мила, поэтична, но бледновата, расплывчата. Этим полу элегиям, полу новеллам, зыбким, забываемым, смутным, не хватало железа и камня. Им нужна была мужская рука. <...> Недаром за все двадцать лет поэт только и мог написать, что два томика этих новелл, — и вдруг "Деревня", "Суходол", "Иоанн Рыдалец", с такими рассказами, как "Захар Воробьев", "Сверчок", "Хорошая жизнь", "Князь во князьях", "Вера", "Сказка", "Худая трава" и шедевром, венцом его творчества — изумительным рассказом "При дороге". Новый непредвиденный Бунин! И какой в этих новых творениях мужской, лаконический, четкий и твердый рисунок, какая энергичная крылатая фабула (которою он доселе был так беден) и, главное, какая психология! Вот это-то я и хочу подчеркнуть: Бунин неожиданно стал живописцем сложнейших и запутаннейших человеческих душ, и, после нескольких малоудачных попыток, достиг мастерства небывалого, небывалой пластики, рельефности, лепки. <...> он внезапно оказался таким изощренным психологом, ведателем глубей и высей души, каких и в русской литературе не много.

Здесь он обрел себя. За последние два–три года им написано больше томов, чем за последние двадцать!

Поразительная метаморфоза, неслыханная».

Разбирая рассказ «Захар Воробьев», критик задается вопросом: «К чему же этот изумительный дар, если в нем — позор и страдание?

Об этом неустанно вопрошает во всех своих новых творениях Бунин. Ему кажется, что мы — безумные моты, расточаем свое последнее, лучшее; что тратить, разорять, разоряться — единственное наше призвание. <...>

Бунину это даже не страшно. Он знает, что это закон. Кто-то околдовал ту Дурновку, в которой он издавна живет вместе со своими героями. Недаром же ее название — Дурновка. Все в ней ни к чему, все в ней зря: сила, красота, долголетие. Всякое благословение Божие превращается в проклятие дьявола. <...>

Бунин — строгий хозяин, взыскательный. Когда персонажи его повестей делают какое-нибудь дело, он тяжелым, непрощающим взором следит за их каждым движением <...>.

Несуразность, нехозяйственность мира, нелепость всех вещей и поступков колет его, как иголками, но, должно быть, ему сладка эта боль, если он растравляет ее. Его лирика все чаще питается óбразами нескладицы, бессмыслицы, бестолочи. На них зиждется его повесть “Деревня”, ими насыщены “Суходол” и “Рыдалец”. В них мироощущение поэта обрело свои заветные символы. Только никчемные дела и явления проникают к нему на страницы, остальным туда доступа нет. <...>

То же и с нашими душами. Мы тратим их так же бессмысленно. Это страшнее всего. Здесь главная тема Бунина: как нехозяйственно, зря расточается душа человеческая! В его книгах — большая коллекция таких растраченных, “раздребезженных” людей. Они — его любимые герои. <...>

Но странно: чем пристальнее Бунин глядит на этот кавардак и хаос, где все божеское исковеркано дьяволом, — тем яснее у него на душе.

Его давняя книга “Деревня” была безнадежна черна. Следующая за ней, — “Суходол” — уже лучилась какими-то проблесками. А последняя — об Иоанне Рыдальце, Псальме, Худой траве — вся осиянная, благостная.

В Дурновке ничего не изменилось. <...>

По-прежнему все — гибель, бессмыслица, но у поэта какие-то новые чувства: поскольку ему позволяет его застенчиво-суровое сердце, он поддался умилению и нежности. Что-то в нем размягчилось, оттаяло. Он уже — не придирчиво-строгий хозяин, а растроганный, прощающий сын. Только теперь он постиг, как много в нем таилось любви к этой раздребезженной Дурновке! Он скрывал свою любовь ото всех, даже от самого себя <...>.

Вот то новое, что теперь открылось поэту: умиление пред душой человеческой. Его рассказы о Сверчке, о певце Родионе, о кроткой Анисье, о кротком Аверкии <...>.

Все это такая осанна изумительным человеческим душам, какая даже в русской литературе еще никогда не звучала! <...>

Бунин это ощутил, как никто. Словно он был слеп — и прозрел. Многие из его новейших созданий суть тайные гимны, молитвы пред умилительной душой человеческой, житие блаженных и праведных. <...>

Прежде он ощущал лишь себя и прислушивался к своим ощущениям, а теперь <...> впервые увидел других и, увидев, просветлел; перестал роптать и брюзжать. У него обнаружился редкостный дар: чувствовать чужую душу, как собственную. <...>

Бунин не хлопочет о том, чтобы умилить и разжалобить.

Напротив, он, чем дальше, тем суровее. Вместо прежней Тургеневской кроткой расслабленности, у него теперь Толстовская хмурость. Слюнтяйство ему отвратительно. Он неприветлив и глядит исподлобья, с одинаковым равнодушием рассматривая и Таганка, и Сверчка, и Шмарка. Ни одного нежного слова не скажет он смиренной Анисье, <...> но разве не чувствуется, что он перед ней на коленях? <...>

Осердечилось творчество Бунина. Прежде он умел лишь любоваться, а теперь научился любить. Только этого ему и не хватало, чтобы сделаться великим писателем; остального всего было вдоволь. И если эта любовь — не назойливая, а потаенная, скрытая, которой газетные наши Сент-Бёвы так-таки не разглядели поныне, то ведь уличали же они и Чехова в черствости! Пока он не знал этой любви, все каза-

лось ему бредом, бессмыслицей, дьяволовым водевилем, кошмаром, но теперь ему и не надо смысла: он уже не спрашивает, *почему* и *зачем*, он всюду чувствует ритм, гармонию, мудрость».

Декабрь, 16. В харьковской газете «Утро» (№ 2520. С. 7) помещается рецензия на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914). Подпись: О.Т.

Рецензент пишет: «Желая познакомить нашу подрастающую молодежь с творчеством Бунина, издательство должно было выбрать такие его рассказы, которые больше могли бы заинтересовать читателей. Одни его рассказы, как “Весна”, “На край света”, “На чужой стороне”, увлечь молодежь не могут. Они великолепно передают картины весны, ярко рисуют, например, настроение крестьян, идущих на заработки и принужденных пасхальную ночь провести на далекой затерянной станции. Несмотря на чисто поэтические достоинства этих рассказов, молодые читатели с большим интересом прочтут другие вещи, помещенные в той же книжке: “Антоновские яблоки”, “Сверчок”, “Велга” <...>. <Они> вызовут к себе интереса больше, так как в них занимательная фабула и более внешнего движения».

Декабрь, до 17. Выходит в свет 4-й том Полного собрания сочинений Г.Флобера «Сентиментальное воспитание» в переводе В.Н.Муромцевой (Пг.: Шиповник, 1914).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (17 дек. (№ 290). С. 1).

Декабрь, 20. Бунин пишет С.А.Венгерову:

«Если в Вашей “Рус<ской> литературе XX в.” очередь до меня дойдет еще не скоро, — м. б., Вы могли бы, были бы добры возвратить мне на несколько дней мою автобиографию для пересмотра и дополнений? Нельзя ли, кроме того, переменить портрет? — тот, что Вы взяли у меня, уж очень невыразителен».

Письма (*2*). С. 316.

Декабрь, 21. Бунин пишет А.М.Горькому:

«в сборнике приму участие с удовольствием, если, конечно, напишу что-нибудь подходящее, но редактировать его не берусь и прежде всего потому, что не вижу причин для Вашего отказа от редактирования. <...>

Вместе с Н.Д.Телешовым усердно прошу о небольшом рассказе в помощь раненым».

Письма (*2*). С. 317.

Задуманный А.М.Горьким литературно-художественный сборник, посвященный деревне, в свет не вышел. В конце письма имеется в виду сборник «Клич».

В петроградской газете «День» (№ 347. С. 3) публикуется полный перевод адреса английских писателей «Нашим русским коллегам» под общим заглавием «Английские писатели “русским коллегам”».

В редакционных комментариях говорится: «В номере “Times” от 23 ноября появился полностью текст адреса 54 английских писателей, обращенный “к нашим коллегам в России”. <...> Среди подписавших адрес имеются следующие писатели: Беннет, Бриджс, Конан Дойл, Гаррисон, Джеймс Мюррей, Уотсон, Уельс, Райти, Маргарита Уудс и др.»

В адресе английских писателей, в частности, говорится: «В настоящий момент, когда ваши и наши соотечественники одинаково смотрят в лицо смерти в борьбе за освобождение Европы, мы, английские писатели, пользуемся случаем, чтобы выразить вам чувства, в течение многих лет живущие в наших сердцах. Вы сами едва ли отдаете себе надлежащий отчет в силе того вдохновения, которое англичане последних двух поколений черпали в вашей литературе. <...> Они испытали чувство, подобное тому, какое испытывает созерцатель неба, когда в его кругозор попадает новая планета.

Перед нами открылся странный мир, мир полный чуждых нам имен, которых никто из нас не мог ни произнести, ни запомнить, мир, полный чуждых обычаев и предметов обихода, которых мы не в состоянии были понять. Но несмотря на все эти странности, в нас возникло сознание того, что мы открыли новую родину, что мы встретили новых, неизвестных нам дотоле, но родных людей, что мы обрели в ясно выраженной форме сокровища мысли, лежащие до тех пор неосознанными и неоформленными в глубине нашего собственного сознания. Ваши книги были отличны одна от другой. Случалось, что они находились одна с другой в противоречии. И все же мы во всех них нашли качества, придававшие им характер некоторого единства и роднившие и нас с ними. <...> Мы радуемся тому, что вы наши союзники и друзья, не только потому, что ценим вашу боевую силу и совершенства вашего искусства, вашей науки и литературы; нас радуют еще некоторые особенные качества России, то глубокое и гуманное, что дало происхождение и силу вашему искусству и знанию».

См.: 29 марта 1915, вторая запись; 23 ноября 1915, третья запись.

Декабрь, 13...21. Вероятно, Бунин встречается с К.Ф.Некрасовым и ведет переговоры по поводу издания своих книг в его книгоиздательстве.

См.: 9 декабря 1914, первая запись; 22 декабря 1914, вторая запись.

Декабрь, 22. В письме к Н.Д.Телешову Бунин просит послать приглашение к участию в сборнике «Клич» А.С.Черемнову.

Письма (*2*). С. 317.

К.Ф.Некрасов пишет Бунину, разбирая подробнее возможность издания двух книг писателя; приведя расчет затрат, размер тиража и гонорара, он отмечает:

«Вы легче можете определить, сколько можно печатать без риску и я готов издать новую книжку и в большем количестве, если Вы пожелаете». Далее издатель приводит предположительный расчет небольшого гонорара и заключает:

«Но если по каким-либо соображениям Вы найдете нужным выпустить книжку — я к Вашим услугам и с большой охотой».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3096 оф.

Книги Бунина в «Книгоиздательстве К.Ф.Некрасова» не выходили.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 14570. С. 2) печатается статья А.А.Измайлова «Темы и парадоксы», в которой критик, в частности, пишет о вышедшем литературном сборнике

«Современная война в русской поэзии» под редакцией Глинского и отмечает:

«...проще определить состав сборника обратным приемом, сказав, что из хороших имен в нем недостает только Мережковского да Бунина».

Декабрь, 17...22. Выходит книга Д.Г.Байрона «Манфред. Небо и Земля. Каин» в переводе И.Бунина (Издание для юношества. СПб.: Жизнь и знание, 1914. 288 с.). Тираж 6200 экз. Цена 1 р.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, 23. В московской газете «Новь» (№ 152. С. 9) публикуется рецензия на книгу Бунина «Избранные рассказы» (М., 1914). Подпись: -н.

Рецензент пишет: «Есть писатели, “Избранными произведениями” которых, как вехами, можно наметить схематически путь их творчества, и есть писатели, для которых эти “избранные произведения” являются спасательным кругом на водах собственного творчества. Бунин не принадлежит ни к тем, ни к другим. Как беллетрист, вскормленный и возросший добрыми традициями старой “чеховской” литературы, он только в одной точке, и именно в убежденной нетематичности своих рассказов и повестей, соприкасается с новой русской прозой. С этой стороны Бунин, уже более четверти века работающий в рядах русской литературы, для нас представляется всегда одним и тем же: у него нет “путей и перепутий”, есть только одна раз занятая и не сдаваемая позиция. Игнорируя тему, Бунин всю силу своего творчества направляет на изобразительность образа, и именно образа описательно-вскрывающего, почти исключительно.

С другой стороны, в творчестве Бунина нет лишнего и нелишнего, нужного и ненужного. Если он приемлем вообще, то приемлем именно во всей совокупности всего им написанного. Из этих соображений трудно допустить, чтобы “Избранные рассказы” Ив.Бунина оправдывали свое значение. Это и приходится констатировать на настоящем отчетном издании».

Декабрь, 24. Бунин просит в письме А.Е.Розинера:

«сделайте милость — верните мне на неделю мои рассказы: “Чаша жизни” и “Пыль”. Буду весьма благодарен».

Письма (*2*). С. 317.

К.И.Чуковский пишет Бунину из Петрограда:

«Вам, должно быть, попалась на глаза моя заметка о Ваших писаниях, недавно напечатанная в “Ниве”. “Нива” сделала из нее черт знает что, скомкала, смяла, изрезала. Мне теперь неловко перед Вами. Я знаю, что Вам все равно, но не могу успокоиться. Достаточно сказать, что вся статья была написана в виде полемики с критиком Дерманом, напечатавшим в “Русской мысли” этюд “И.А.Бунин”. Все это выброшено. Одни слова заменялись другими и т.д. <...> Я видел корректуры Ваших книжек, они будут очень милы. Я говорю о внешности. Есть оттенок вульгарности, но самый минимальный. Подписка на “Ниву” идет хорошо. Когда то Вы соберетесь в Петербург! В прошлом году Вы обещали приехать в Куоккала, но не приехали. Если бы выбрались к нам в январе! По воскресеньям — мы дома, Илья Ефимович

<Репин> непременный наш гость; я упросил бы его зарисовать Вас в мой альбом, а Вас попросил бы — написать туда несколько строк».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3188 оф.

Декабрь, 25. Бунин пишет П.А.Нилусу, приглашая его к участию в сборнике «Клич»:

«Дорогой друг, вот сборник, в котором тебе следовало бы принять участие. С Вересаевым мы во вкусах не сходимся, а Телешов слаб духом, посему есть шанс (думаю, один из ста), что тебе могут отказать, но не обращай на это внимания, все же пришли мне что-либо <...>. Думаю, что можно выбрать даже из “Ликиной молодости”. Укажи, что именно, или предоставь мне.

В “Ликиной молодости” много превосходного».

Письма (*2*). С. 317–318.

В московской газете «Русское слово» (№ 297. С. 3) публикуется «Святочный рассказ».

Декабрь, 27. Бунин сообщает в письме И.М.Касаткину, что отказался от редактирования сборников «Слово»:

«Все Ваши рукописи я передал новой редакции, у меня остались только “Лоси”. Хотелось бы поговорить с Вами — позвоните мне по телефону 2-55-63».

Письма (*2*). С. 318.

Декабрь, 28. А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки, поздравляя с Новым годом и сообщая о своей болезни:

«Лежа в постели, в жару, прочел я Ваш рассказ “Драма в нужнике”. Фисун Ваш мне и в жару понравился. Стахович выписан великолепно. <...> А рассказ хорош».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/23 оф.

Речь идет о «Святочном рассказе» (позднее озаглавлен «Архивное дело»).

Декабрь, 30. Бунин с Н.А.Пушешниковым посещает Марфо-Мариинскую обитель на Ордынке.

В дневнике 1 января 1915 г. Бунин записывает: «Позавчера были с Колей в Марфо-Мариинской обители на Ордынке. Сразу не пустили, дворник умолял постоять за воротами — “здесь великий князь Дмитрий Павлович”. Во дворе — пара черных лошадей в санях, ужасный кучер. Церковь снаружи лучше, чем внутри. В Грибоедовском переулке дома Грибоедова никто не мог указать. Потом видели безобразно раскрашенную церковь Ивана Воина. Там готовились крестить ребенка. Возвращались на пьяном извозчике, похожем на Андреева».

СС (*2*). Т. 7. С. 378.

Бунин отправляет А.Е.Розинеру корректуру гранок очередного тома Полного собрания сочинений и сообщает об этом в письме.

Письма (*2*). С. 318.

В харьковской газете «Утро» (№ 2532. С. 7) в рубрике «Хроника искусства и литературы» сообщается:

«“Вестником Европы” приобретено большое произведение И.А.Бунина, повесть, рисующая взаимоотношения города и деревни».

Очевидно, имеется в виду повесть «Зима» (или «Город») — замысел Бунина, оставшийся не осуществленным.

Декабрь, до 31. Выходит № 12 петроградского журнала «Современный мир», в котором (с. 80) помещается стихотворение «Магомет и Сафия» («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (1915. 1 января (№ 1). С. 1).

Декабрь, 31. Бунин с Н.А.Пушешниковым посещают Ваганьковское кладбище, Кремль, Зачатьевский монастырь.

Бунин записывает в дневнике 1 января 1915 г.: «Вчера были на Ваганьковском кладбище. Вся роща в инее. Грелись на Александровском вокзале. Лакей знакомый, из Лоскутной, жалеет о ней — "привык в кругу литераторов жить", держал чайную возле Харькова, но "потерпел фиаско". Потом Кремль, долго сидели в Благовещенском соборе. Изумительно хорошо. Слушали часть всенощной в Архангельском. Заехали в Зачатьевский монастырь. Опять восхитили меня стихиры. В Чудове, однако, лучше.

В 12 ночи поехали в Успенский собор. Черный бесконечный хвост народа. Не пустили без очереди. Городовой не позволил даже в дверь боковую, в стекла заглянуть — "нечего там смотреть!"»

СС (*2*). Т. 7. С. 378.

Декабрь, 20...31. Выходит книга «Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по периодам. Период третий. Вып. 1» (СПб., 1914), в которой (с. 36–46) публикуются 12 стихотворений Бунина: «В Альпах» («На высоте, на снеговой вершине...»), «Трясина» («Болото тихой северной страны...»), «На распутьи. (В.М.Васнецову)» («На распутьи в диком древнем поле...»), «Бродяги» («На позабытом тракте к Оренбургу...»), «С кургана» («Дымится поле, рассвет белеет...»), «Бушует полая вода...», «Счастье» («Весеннего ливня мы жаждем...»), «Северная береза» («Над озером, над заводью лесной...»), «Нынче ночью кто-то долго пел...», «Как светла, как нарядна весна...», «Звезды ночи осенней, холодные звезды...», «Вечерняя звезда» («За все Тебя, Господь, благодарю...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Послал я тебе начало романа (приблизительно 67 стр.) — нужно еще написать дважды столько же — работа большая, целая книга... И вот меня взяло сомнение: стоит ли, есть ли порог, наконец, это дитя зачато в слишком тревожное время, все мы больны и т.д.

Так вот, дорогой мой, <нрзб> разреши мне это сомнение — со стороны это очень хорошо видно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/15 оф.

В петроградских «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу "Нива"» (№ 12. С. 591–604) печатается статья А.А.Измайлова «И.А.Бунин».

Отметив в начале статьи, что на Бунина поспешили наклеить определенные ярлыки, критик далее пишет: «Больше чем кто-либо иной, он <Бунин> стал жертвою готовых слов, кристаллизовавшихся формул, бессменных ярлычков. Известная академичность его письма, стройная ясность его стиха и рассказа в значительной мере содействовали этому. <...> Ранняя осень, ранние сумерки, настроение раннего итога – вот слова, в самом деле, определяющие Бунина, одинаково и прозаика, и поэта. <...>

Грусть Бунина совершенно чужда раздражения, озлобления и отчаяния. Кроткая душа все приемлет, как должное, все извиняет, со всем примиряется. <...> Скорее это фатализм поэтической души, раз навсегда примиренно понявшей, что чему быть, того не миновать. <...> Ничто не умиляет Бунина более чем унылая пора листопада, умирание, запустение. <...>

Такова действительная стихия Бунина, и он отдается ей полно и искренно. Рассказывает он спокойно, пряча себя, пряча свое волнение, редко-редко давая почувствовать читателю, что воспоминания хлынули и на него, что он умилен и растроган. Один из немногих. Бунин умеет совершенно стушеваться, достигать чистейшей объективности. И как поэта и как рассказчика, его нередко упрекали и упрекают в холодности, в бесстрастности. Его формы, в самом деле, слишком классически строги. На его лице выражение тех мастеров рассказа, которые умеют не улыбаться и не плакать, рассказывая самое смешное и самое драматическое. Ни малейшей растрепанности нет ни в его стихе, ни в его прозе. Он – полная противоположность в этом отношении Фофанову, истинный ученик выдержанного и олимпийски спокойного Майкова. Такова его духовная организация. <...> Бунин предпочитает лучше показаться сухим и холодным, чем неискренним. <...>

С внешним моментом увенчания Бунина лаврами академика совпадает начало новой фазы его творчества, выходящей далеко за пределы той готовой формулы, которой принято его определять. <...> Его фраза становится лаконичной и сильной. Огромная памятливость на впечатления, исключительная зоркость глаза останавливают здесь внимание критика так, как не останавливали никогда ранее. <...> В период совершенного оскудения рассказа о русском крестьянине Бунину выпадает участь точно восполнить этот пробел. <...> Мы забыли о том, что такое художественность в народном рассказе. Бунину удалось это напомнить. <...>

У Бунина есть убийственные рассказы о русском мужике. <...>

Но писатель вправе требовать, чтобы его судили не по части, а по целому. Против этих картин уныния и отчаяния можно выстроить целый ряд рассказов, где Бунин воистину преклоняется пред светом русской крестьянской души, пред ее неосознанной, не всегда безошибочной (“Преступление”), но всегда честно ощущаемой правдой, пред ее юродивыми и немудрыми, оказывающимися мудрее ученых, пред ее простой красотой, выливающейся в песнях какого-нибудь бродячего псальмиста. <...>

В одном из своих писем Чехов горячо протестует против тех писателей, которые считают необходимым философствовать в своих рассказах о жизни. Он категорически отстаивает, что художник должен только показывать жизнь, как он ее видит, не притворяясь, что понимает то, чего не понимает. <...>

В этом смысле Бунин — истинный ученик Чехова. <...>

И много таких рассказов у Бунина, где избегая формул и точек над i, не вкладывая ни в чьи уста публицистических речей, не пытаясь решать вечных проблем о мужике и интеллигенте, он воздает должное крестьянину, который смотрит таким темным, пугающим ликом со страниц его "Деревни". <...> Бунин знает мужика по-настоящему, знает его лексикон, мастерски подмечает эти неправильные падежи, эти ломанные слова. За простой мужицкой внешностью он иногда улавливает такую капризную психологию. <...> Как хорошо, по-толстовски, он ловит лукавое притворство нестарых стариков, напускающих на себя и древность и хворь.

Что положительно отличает Бунина второй фазы от прежнего Бунина, Бунина "Русского богатства", первых томиков "Знания" — это его новая лепка. В сжатом рассказе, где словам тесно, он иногда достигает настоящего рельефа».

В течение года. Выходит книга «Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по темам. Россия» (СПб., 1914), в которой (с. 82–84) печатаются три стихотворения Бунина: «Косогор» («Косогор над разлужьем и пашни кругом...»), «В лесу» («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), «Бродяги» («На позабытом тракте к Оренбургу...»).

1915

Январь, 1. Бунин, вероятно, с Н.А.Пушешниковым посещает Ново-Девичий монастырь.

В дневнике Бунин отмечает: «Нынче часа в 4 Ново-Девичий монастырь. Иней. К закату деревья на золотой эмали. Очень странны при дневном свете рассеянные над могилами красные точки огоньков, неугасимых лампад».

СС (2). Т. 7. С. 378.

В газете «Голос Москвы» (№ 1. С. 5) публикуется отрывок «Из повести».

Фрагмент рассказа «Аглая».

Там же (с. 4) печатается статья Н.А.Пушешникова «Литература в 1914 году».

Рецензент, в частности, отмечает: «Ив.Бунин, выпустивший в конце 1913 года книгу своих новых произведений ("Иоанн Рыдалец"), в прошлом году напечатал всего три вещи: "Святые", "Братья" и "Святочный рассказ", наполненные со всеми присущими ему художественными достоинствами. Проникновение в жизнь в разнообразных ее проявлениях, глубина, такт и другие стороны все растущего бунинского таланта ярко сказались и в этих произведениях».

В газете «Одесские новости» (№ 9577. С. 4) помещается статья «Литературный 1914 год». Подпись: Н.Г.

Обозреватель, в частности, пишет: «Из произведений Ив.Бунина, кроме продолжения начатого его полного собрания сочинений, обращает на себя внимание "Золотое дно" (издание "Писателей в Москве"), замечательное тем, что изображает нам всю некультурность нашей жизни и невозможность в ней широких размахов».

Январь, 3. Бунин с Н.А.Пушешниковым посещает Троице-Сергиеву Лавру, Спасо-Вифаньевский женский монастырь в трех верстах от Троице-Сергиевой Лавры.

В дневнике Бунин записывает: «В 2 часа поехали с Колей в Троице-Сергиеву Лавру. Были в Троицком соборе у всенощной. Ездили в темноте, в метель, в Вифанию. Лавра внушительна, внутри тяжело и вульгарно».

СС (*2*). Т. 7. С. 378.

Д.Я.Айзман пишет Бунину из Екатеринослава:

«Хочу внести и свою лепту в издание сборника для жертв войны. Посылаю для него монолог-рассказ “Удачный случай”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 47.

В московской газете «Утро России» (№ 3. С. 6) публикуется рецензия И.Джонсона на книгу Бунина «Избранные рассказы» (М., 1914). Подпись: И.Дж-он.

Рецензент пишет: «Если это первый почин книгоиздательства, за которым последуют и дальнейшие шаги по тому же пути, то его нельзя не приветствовать. Давно пора и в школьную и в народную среду пустить подходящие произведения современных писателей. Целиком в них не все доступно и соответственно уровню и запросам такой среды, а потому выборка, сделанная умелой рукой, может быть очень полезной. В лежащую перед нами книжку вошло одиннадцать рассказов Бунина, преимущественно из первой поры его творчества».

Январь, 4. Бунин с Н.А.Пушешниковым посещает скит Черниговской Божьей Матери под Москвой.

В дневнике Бунин отмечает: «Были в Скиту у Черниговской Божьей Матери. Акафисты в подземной церковке. Поп выделывал голосом разные штучки. Вернулись в Москву вечером. Федоров».

СС (*2*). Т. 7. С. 378.

По пути Бунин посылает Н.С.Клестову открытку, в которой просит подписаться для него на журнал «Бюллетени литературы и жизни».

Письма (*2*). С. 318.

Январь, 5. Бунин провожает А.М.Федорова в Петербург.

Бунин присутствует на заседании редакционного комитета газеты «День печати» и сборника «Клич».

В дневнике Бунин записывает: «Провожал Федорова на Николаевский вокзал — поехал в Птб., а потом в Варшаву. Вечером у нас гости, Любочка. Был на заседании. Князь Евг.Трубецкой».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

А.Е.Розинер пишет Бунину о подготовке его Полного собрания сочинений как приложения к журналу «Нива»:

«Первые два листа я все-таки посылаю Вам <...>, но с покорнейшей к Вам просьбой не задержать их возвратом <...>. Что же касается вопроса Вашего, когда будет дана последняя книга, то я могу Вам сообщить весь наш план распределения книг, а именно: 1-я книга при № 3 — 17/I, 2-я — № 4 — 24/I, 3-я — № 7 — 14/II, 4-я — № 9 — 28/II, 5-я — № 15 — 11/IV, 6-я — № 19 — 9/V,

7-я — № 24 — 13/VI, 8-я — № 28 — 11/VII, 9-я — № 33 — 15/VIII, 10-я — № 38 — 19/IX, 11-я — № 42 — 17/X и 12-я — № 46 — 14/XI.

Я теперь очень рад, что настаивал на Вашем согласии дать Ваши сочинения не в 1914, а в 1915 г. Подписка в этом году предвидится значительно большая».

Письма (*2*). С. 698–699.

План выпуска полутомов Полного собрания сочинений Бунина в дальнейшем изменился, они издавались с другой периодичностью.

Январь, 7. Бунин читает корректуру своего Полного собрания сочинений, выходящего приложением к журналу «Нива».

В дневнике Бунин пишет: «Поздно встал. Читаю корректуру. Серый день. Все вспоминаются монастыри — сложное и неприятное, болезненное впечатление».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

Январь, 8. В гостях у Бунина завтракает А.М.Горький.

Бунин отмечает в дневнике: «Завтракал у нас Горький. Все планы, нервничает. Читал свое воззвание о евреях».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

См.: 1 марта 1915, третья запись.

В газете «Киевская мысль» (№ 8. С. 5) в рубрике «Литературная летопись» сообщается:

«“Книгоиздательство писателей” начало выпускать серию народно-школьных изданий избранных произведений современных авторов. Вышли “Избранные рассказы” Ив.Бунина».

Январь, 9. Бунин сдает в набор книгу «Чаша жизни».

В дневнике он отмечает: «Отдал в набор свою новую книгу.

Кончил читать Азбуку Толстого. Восхитительно».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

А.Е.Грузинский пишет Бунину:

«Как живешь, если вообще еще живешь? Ты так упорно не подаешь никаких признаков жизни, что я стал сомневаться в твоем существовании и иногда думаю, что ты — просто миф, созданный жителями Огненной земли, — миф о человеке, который жил безмерно далеко от океана, хотя любил его, прекрасно пел, хотя не имел никакого голоса, и вечно зяб, хотя жил в теплом доме и носил чудную шубу на обезьяньем меху».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3019/3 оф.

Январь, 10. В газете «Голос Москвы» (№ 7. С. 1) публикуется объявление о подписке, в котором сообщается:

«Со 2-го декабря программа газеты расширена, состав редакции и сотрудников обновлен и увеличен. Газета объединяет все прогрессивные течения русской мысли». В списке сотрудников газеты упомянуты И.А.Бунин и Ю.А.Бунин.

Выходит № 2 петроградского журнала «Нива», в котором (с. 2 обложки) помещается объявление о подписке на журнал с бесплатными приложениями, в том числе Полное собрание сочинений И.А.Бунина в 12 книгах.

Данное объявление перепечатывалось в «Ниве» (№ 3, 14, 28).

Январь, начало. И.М.Касаткин в ответном недатированном письме пишет Бунину:

«Будьте добры, простите меня, — я так заваливаю Вас своими произведениями, отнимаю время. Но, если б знали Вы, как ценно для меня, в настоящем и будущем, Ваше слово! Уже только видеть Вас — тогда — для меня было и приятно, и внутренне ценно, ибо последние два-три года я жил только Вами, как художником, восторг и удивление переживал над каждой новой строкою Вашей. Под Вашим влиянием я, до сих пор сидящий в глуши и безлюдье, уже многое нашел и оставил... Но все же — ощупью пока пробираюсь. Но — фальшь уже претит. Ее Вы увидите в моем прежнем писании.

Этих "Лосей", если приемлемы, быть может, можно вставить в сб. "Слово". Впрочем, не знаю».

Письма (*2*). С. 697.

Рассказ И.М.Касаткина «Лоси» не был напечатан в сборнике «Слово».

Датируется по письму Бунина. См.: 27 декабря 1914.

Январь, 11. К Бунину в гости приходит Л.А.Авилова.

В дневнике Бунин записывает: «Была Авилова. Говорила, между прочим, что она ничего не знает, ничего не видала — и вот уже седая голова».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

Январь, 13. Бунин читает свой перевод сонета А.Мицкевича «Чатырдаг» на «Польском вечере» в Литературно-художественном кружке.

См. объявление и краткие отчеты о вечере в газетах: «Русские ведомости» в рубрике «Театр и искусство» (9 янв. (№ 6). С. 5; 14 янв. (№ 10). С. 6); «Голос Москвы» (14 янв. (№ 10). С. 4) в информационной заметке «Литературно-художественный кружок».

В харьковской газете «Утро» (№ 2545. С. 7) публикуется рецензия Г.А.Вяткина на сборник «1914 год».

Рецензент отмечает: «Сборник открывается прекрасными стихотворениями Ив.Бунина, Ю.Балтрушайтиса и Ады Чумаченко. <...> Доход от сборника поступит на оказание помощи семьям лиц, призванных на войну, забота о которых лежит на комитете Великой княгини Елизаветы Федоровны».

Январь, 12 или 13. Выходит 4-й сборник «Слово» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915), в котором (с. 1–16) печатается рассказ «Весенний вечер».

Границы события определены по объявлениям: газета «Русские ведомости» (8 янв. (№ 5). С. 8) сообщает, что «на днях поступит в продажу "Слово" сб. IV», в газете «Речь» (12 янв. (№ 11). С. 4) в рубрике «Литературная летопись» сообщается: «На днях выходит четвертый сборник "Слово"», а 14 янв. (№ 10. С. 8) «Русские ведомости» объявляют под заглавием «Новые книги» о выходе 4-го сборника «Слово».

В этом же году 4-й сборник «Слово» выходит 2-м изданием. См.: 12...19 мая 1915, вторая запись.

Январь, 14. Бунин сообщает в письме С.А.Венгерову, что получил с опозданием письмо «Общества русских писателей для помощи

жертвам войны» с просьбой дать рассказ или стихотворение для альманаха, а также напоминает о своей просьбе вернуть ему автобиографию для внесения исправлений и дополнений.

Письма (*2*). С. 319.

Бунин получает телеграмму от А.М.Горького, который приглашает приехать в Петроград.

Телеграмма неизвестна.

В дневнике Бунин отмечает: «Телеграмма от Горького, зовет в Птб.».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

Январь, 15. В иркутской газете «Сибирь» (№ 12. С. 3) публикуется рецензия Ф.Г.Ширяева на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914). Подпись: Д.Ю.К.

Рецензент пишет: «Но если не подлежит сомнению, что библиотека народной школы должна заключать в себе тщательно подобранную литературу, что книги этой библиотеки должны отвечать *общему развитию* читателя, давать *ясные* картины и *законченные образы* в той области, которую изображает автор той или другой книжки, — если это для вас, читатель, несомненно, то книжка г. Бунина для *детской* библиотеки не пригодна.

Уже первый рассказ “Сон Обломова-внука” как будто предполагает знакомство юного читателя с романом Гончарова “Обломов”. Но беда в том, что “Обломов” едва ли будет в силах одолеть и понять даже окончивший двухклассное училище. И если он, допустим, прочел и понял, то рассказ г. Бунина, не давая ему ничего нового, в смысле изображения сытой и пустой барской жизни, опоэтизирует разве только это вымирающее барство. <...>

“Антоновские яблоки” — это requiem “помещичьему миру”. <...> Будь это этнографический очерк или чисто исторический, то что можно бы было против него возразить в сборнике для *народной* библиотеки? Но как дать в руки детям такие пренебрежительные строки о наших деревенских обитательницах: “бойкие девки — однодворки <...>”. Как дать детям такие строки, к которым не сделано добавления, что только плечами и спиной этих грубых и неизящных пейзанок создано благополучие фыркающего наблюдателя “барчука” <...>. Если этот рассказ имеет претензию попасть в школьную библиотеку, то он должен бы найти себе антитезу в каком-нибудь другом рассказе, где читатель встретил бы и положительное отношение автора к деревенской женщине. Но противоположения нигде нет, и изображение деревни оказывается однобоким.

Также однобоко изображен и “барин” в рассказах г. Бунина о деревне. <...>

“Борзятники”, “бреттеры” — они давно отошли в вечность и по меньшей мере странно идеализировать перед современным мальчиком пробуждающейся деревни их повитые народным гневом тени.

Если остановиться в “Ските” на изображении бобыля Мелитона, то здесь г. Бунин дал только спешно набросанный этюд, и как таковой не может найти места в *школьной* библиотеке, которая нуждается в законченных картинах.

“На край света”, “На чужой стороне” <...> опять-таки только красивые этюды, которые только бередят ум, в которых острые грани жизни лишены объяснения их

смысла и содержания, оставаясь для читателя изящными, тонкими силуэтами. Материал для "легкого" чтения? Допустим, но не детей *школьного* возраста...

Той же недоговоренностью, теми же недостатками веет от "Таньки" и "Кастрюка", и городскими читателями они, наверное, будут или пропущены, или совсем не поняты.

"Велга" представляет попытку имитировать северный народный эпос, но кто знаком, например, с Гайаватой, с финской Калевалой, того, конечно, не удовлетворит эта имитация».

Январь, 16. Вечером Бунин с Н.А.Пушешниковым едет из Москвы в Петроград.

В дневнике Бунин записывает: «...непроглядный мокрый снег к вечеру. Поехали с Колей в Птб. Страшно ударила меня в левое плечо ломовая лошадь оглоблей. Едва не убила».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

Из Московского местного комитета снабжения раненых произведениями печати Российского общества Красного Креста пишут Бунину, приглашая принять участие в журнале, доход от продажи которого даст комитету «возможность на долгое время осуществлять поставленные задачи в более широком масштабе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2910 оф.

В газете «Киевская мысль» (№ 16. С. 2) печатается статья Л.С.Козловского «Из современной литературы. "Слово" (IV литературно-художественный сборник "Книгоиздательства писателей")».

Критик пишет: «На днях выходит IV сборник "Слово". <...> Открывается он рассказом Ив.Бунина "Весенний вечер"». Сравнивая рассказ Бунина со стихотворением Н.А.Некрасова о нищем Власе, критик отмечает: «У Власа "сила вся души великая в дело Божие ушла", у "похожего на святителя" нищего <...> сила души неизвестно на что ушла, да и сама душа неизвестно куда ушла, и осталась только эта ладонка, да сума, набитая всякой ветошью... Он не только внешне высох до черна и выветрился, он высох до черна и внутри и "выветрилась" душа. Ничего не осталось...

Я сравнил нищего-старика Бунина с некрасовским Власом для того, чтобы резче подчеркнуть характерную особенность творчества Бунина, сказавшуюся и в его последнем рассказе: у него почему-то всегда мужик с выветрившейся, почерневшей душой, его деревня — внутренне выгоревшая, с обгоревшими, почерневшими душами, его мужики — душевные погорельцы.

Такова та деревня, в его последнем рассказе, которую он так ярко вырисовывает на фоне ясного, чуть розового весеннего вечера. Это — душевно мертвая деревня.

Фигура нищего — прекрасная. Именно так ходит и держит себя нищий, как нарисовал его Ив.Бунин. И если бы мы могли заглянуть в душу такого нищего, вероятно, и мы не увидели бы ничего сверх того, что раскрыл в ней художник, возможно, и даже вероятно, что ничего и нет в ней. Но не в этом дело, а в том, что в деревне Бунина мы только и видим этого нищего и пьяного мужика, который убивает с целью грабежа старика-нищего». Процитировав сцену убийства, критик отмечает: «Художественно-правдивой является вся эта сцена. Художественная правда здесь

сказывается именно в тех подробностях, которые на первый взгляд могут показаться неправдоподобными. <...>

В этом есть и психологическая, и бытовая правда, эта “безумная покорность” есть в той отживающей, спившейся, разоренной и внутренне, и внешне прогоревшей деревне, которую изображает Бунин. Но если деревенские картинки Бунина обобщить, то получится огромная неправда, ибо эта погоревшая деревня заново отстраивается, созидается новая деревня, мимо которой, не замечая, проходит Бунин. <...> И старые писатели, любившие народ, Толстой, Достоевский, Некрасов, Гл.Успенский умели разглядеть под внешней грубой корой далеко не грубое “сердце народное”. Это сердце осталось, но новейшая литература мало проникла в него, останавливаясь на огрубевшей коре жизни. И если бы эта кора внешне огрубевшей жизни так не пугала и не отталкивала современного художника, то, мне думается, и Ив.Бунин увидел бы не одно убийство в деревне в тот “весенний вечер”. <...> Художник, конечно, волен в выборе предмета, и Бунин в праве рисовать те стороны и моменты жизни деревни, которые больше привлекают его кисть, но если из-под его кисти выходит целый ряд рисунков и картин и все они говорят только о грубости, жестокости, вырождении, разорении, то мы не можем не заметить художнику, что картина в целом, которая создается из отдельных его этюдов, не отвечает действительности, не верна, что жизнь не такова, какою он нам ее изображает.

И возвращаясь к “Весеннему вечеру”, можно сказать, что сам по себе это — очень яркий этюд, каждый штрих которого мастерски сделан, но присоединяясь к серии других картин того же художника, он лишь усиливает односторонний характер изображения деревни, усиливает те тона, благодаря которым жизнь предстает на картине в неправильном освещении».

Январь, 17. Утром Бунин с Н.А.Пушешниковым прибывает в Петроград, останавливается в гостинице «Англия».

Бунин пишет стихотворение «Просыпаюсь в полумраке...». Авторская дата: «17.I.15».

СС (Петр). Т. 6. С. 201.

См.: Руль. Берлин, 1920. 25 (12) дек. (№ 34). С. 3.

Бунин присутствует на заседании в квартире Ф.К.Сологуба, где читается и обсуждается воззвание в защиту евреев.

Бунин отмечает в дневнике: «Птб., гост. “Англия”.

Дивная морозная погода.

Заседание у Сологуба. <...>

Как беспорядочно несли вздор! “Вырабатывали” воззвание в защиту евреев».

СС (2). Т. 7. С. 379.

См.: 1 марта 1915, третья запись.

В качестве приложения к № 3 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина первого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Перед титульным листом на вклейке воспроизведен фотопортрет Бунина с факсимильной подписью под ним.

Дата события определена по письму А.Е.Розинера (см.: 5 января 1915, третья запись), а также по объявлению в № 3 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См.: 24 января 1915, третья запись.

И.Е.Репин пишет Бунину:

«Слышу от товарищей по кисти <...>, слышу милую весть, что приехал Нилус, наш художник прекрасный, — ах, если бы мне его краски! — а с ним и вы, прекрасный писатель, портрет которого мечтаю написать: приезжайте, милый, сговоримся и засядем за работу».

СС (2). Т. 8. С. 209.

Подлинник письма неизвестен. Датируется по содержанию и воспоминаниям Бунина. См.: 18 января 1915, вторая запись. См. также: 22 января 1915, вторая запись; 3 марта 1915, первая запись; 9 марта 1915, первая запись.

Январь, 18. Утром Бунин присутствует на панихиде по С.Я.Надсону на Волковом кладбище.

Днем едет в Куоккалу к И.Е.Репину, встречается там с К.И.Чуковским.

Очевидно, во время этой встречи Бунин пытался договориться с художником о написании его портрета.

В мемуарном очерке «Репин» Бунин пишет, что, получив письмо от И.Е.Репина, «я с радостью поспешил к нему: ведь какая это была честь — быть написанным Репиным! И вот приезжаю, дивное утро, солнце и жестокий мороз, двор дачи Репина, помешавшегося в ту пору на вегетарианстве и на чистом воздухе, в глубоких снегах, а в доме — все окна настежь; Репин встречает меня в валенках, в шубе, в меховой шапке, целует, обнимает, ведет в свою мастерскую, где тоже мороз, как на дворе, и говорит: “Вот тут я и буду вас писать по утрам, а потом будем завтракать, как Господь Бог велел: травкой, дорогой мой, травкой! Вы увидите, как это очищает и тело и душу, и даже проклятый табак скоро бросите”. Я стал низко кланяться, горячо благодарить, забормотал, что завтра же приеду, но что сейчас должен немедля спешить назад, на вокзал — страшно срочные дела в Петербурге. И сейчас же вновь расцеловался с хозяином и пустился со всех ног на вокзал <...>».

СС (2). Т. 8. С. 209.

Возвращается в Петроград; вечером обедает в гостях у А.М.Горького.

В дневнике Бунин записывает: «Поездка на панихиду по Надсону. Волково кладбище. Розовое солнце.

Был в Куоккале у Репина и Чуковского. Вечером обедал у Горького на квартире Тихонова. Хорош Птб.!»

СС (2). Т. 7. С. 379.

В газетах «Голос Москвы» (№ 14. С. 6) и «Утро России» (№ 18. С. 6) помещается информационная заметка «День печати». Без подписи.

В заметке, в частности, говорится о подготовке сборника «Клич» и сообщается: «Прислал картину И.Е.Репин, который в сопроводительном письме на имя редакционного комитета альманаха пишет:

“Одновременно с этим я посылаю на имя редакционного комитета рисунок, который, по использовании его репродукции в черном, я прошу глубокоуважаемого Ивана Алексеевича Бунина принять от меня на добрую память с горячим желанием успеха сборнику “На помощь жертвам войны”. Приношу высокоуважаемому составу редакционного комитета посильную лепту своего труда. Илья Репин”».

И.Е.Репин прислал рисунок «Дама с муфтой (Вера Ильинична Репина)», который и был воспроизведен в сборнике «Клич».

На рисунке автограф Бунина: «Подарено мне Репиным в начале января 1915 г. Ив.Бунин».

См.: Наше наследие. М., 1994. № 31. С. 47.

Январь, 19. Вечером Бунин с Н.А.Пушешниковым уезжает из Петрограда в Москву.

В дневнике Бунин отмечает: «Вечером с курьерским уехали из Птб. Хотели ехать в Новгород, но поезда ужасно неудобны (в смысле расписания)».

СС (*2*). Т. 7. С. 379.

В петроградской газете «Речь» (№ 18. С. 4) печатается рецензия Е.А.Колтоновской (?) на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914). Подпись: Е.К.

Рецензент отмечает, что в книгу Бунина включены произведения «столь близкие детской психологии, но вполне понятные, написанные с обычным мастерством. <...>

Хотя в целом, в своей писательской сущности, Бунин слишком сложен и вообще мало приемлем для детей, знакомство с богатой тканью его творчества, с его тонким рисунком и чеканным стилем все же желательно. Недоступное таким и останется, не причинив вреда. А приобщение к его красоте совершится. И чем раньше это случится, тем лучше».

Январь, 20. Утром Бунин с Н.А.Пушешниковым прибывает в Москву.

Январь, середина. В недатированном письме А.А.Измайлов пишет Бунину:

«Нельзя ли затруднить Вас покорнейшей просьбою дать мне возможность познакомиться с материалами редактируемого Вами “Клича” до появления его в свет, — для “Русского слова” и “Биржевых ведомостей”. <...> Заметки исходили бы из ясно сознанного намерения заинтересовать в сборнике самые широкие круги читателей. <...>

Позвольте также напомнить Вам, что редакция “Биржевых ведомостей” с прежним интересом ждет Вашего рассказа и убедительно просит об этом».

Письма (*2*). С. 699.

Датируется по ответному письму Бунина. См.: 24 января 1915, первая запись.

См.: 3 марта 1915, вторая запись; 17 марта 1915, четвертая запись.

Январь, 21. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Петрограда:

«Шлю Вам для сборника “День печати” стихо́творение. Буду очень рад, если оно подойдет. Если оно нуждается в поправках — укажите, исправлю как сумею. Если не нравится какая-либо строфа, исключите ее».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3001/2 оф.

В газете «Голос Москвы» (№ 16. С. 4) помещается информационная заметка «День печати» (без подписи), в которой говорится о ходе подготовки сборника «Клич», куда решено включить и музыкальный отдел, а также сообщается:

«Выехавший в Петроград академик И.А.Бунин лично передаст от имени редакционного комитета просьбу об участии в газете “День печати” академику А.Ф.Кони и К.К.Арсеньеву».

Январь, 14...21. Выходит сборник С.Н.Василенко «Четыре романса» (М.: П.Юргенсон, 1914), в котором печатаются два романса на стихи И.Бунина: «Неугасимая лампада» и «Песня».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Январь, 22. В письме Ф.Д.Батюшкову Бунин приглашает его к участию в сборнике «Клич».

Письма (*2*). С. 319.

С.А.Венгеров в ответном письме сообщает Бунину:

«Посылаю Вам то, что Вы мне прислали в мае 1912 г. Это, собственно говоря, простая отписка, и я Вам весьма буду признателен, если Вы дадите мне действительно настоящую автобиографию, примерно в печатный лист, которая целиком и будет напечатана в одном из ближайших выпусков “Русской литературы 20-го века”. Что касается живописного портрета, то если он будет готов к 1-му марта, то я, вероятно, смогу еще им воспользоваться. Жду, как условлено, каких-нибудь стихов для альманаха. Возвращаемую сейчас справку прошу вернуть по возможности скорее. Вам она совершенно ни к чему, а я ведь коллекционер!»

Письма (*2*). С. 698.

Январь, 23. Бунин посылает А.Е.Розинеру две открытки, в которых просит:

«простите, все докучаю Вам просьбами — очень прошу прислать мне на время и стих<отворение> мое — “В Венеции”».

«в листах, благодаря моим сокращениям, — в листах, кажется, 7 и 8, — пришлось переверстать немного: страшно боюсь, что напутают. Для успокоения моего (не для новых правок, а только для успокоения) прикажите прислать мне — после всех исправлений — весь том прозы».

Письма (*2*). С. 319–320.

Начинающий поэт А.И.Журин пишет Бунину:

«По совету Николая Михайловича Мешкова, я посылаю Вам мое стихотворение “Дух человечества” для альманаха “Клич” в пользу жертв войны.

Независимо от того найдете ли Вы возможным напечатать мои стихи или нет, может быть, Вы дадите мне Ваш отзыв о них и о моей новой книге стихов “Радостный круг”, которую я Вам посылаю бандеролью.

Вы знаете, как важно, как драгоценно для человека, преданного литературе, мнение поэта, которого глубоко любишь и высоко ценишь...

В октябре 1912 г. мне посчастливилось прочесть в Кружке во дни Вашего юбилея сонет, посвященный Вам. Тогда же мы с Вами и познакомились... К сожалению, из-за моей всегдашней застенчивости, мне не удалось ближе сойтись с Вами, да и не хотелось быть навязчивым».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3033 оф.

Московский врач-окулист Н.Н.Дислер выписывает Бунину рецепт на очки.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 38, л. 2.

Январь, 24. Бунин пишет А.А.Измайлову:

«“Клич” весь доставлю Вам в гранках. Большое спасибо, что хотите помочь нам в хорошем деле.

Обещание свое “Биржевым ведомостям” твердо помню. Но все занят ужасно. Повремените, пожалуйста. <...>

Шлю Вам наш последний <4-й> сборник “Слово”. Если угодно, могу посылать Вам все новые издания “К<нигоиздательст>ва писателей”. Постараюсь, чтобы послали Вам в листах новый том писем Чехова, на днях выходящий в свет».

Письма (*2*). С. 320.

М.В.Сабашников пишет Бунину:

«Посылаю Вам при сем договор об издании “Песни о Гайавате”. Если Вы одобрите текст, не откажите подписать договор через марку и, получив от артельщика моего, который доставит Вам это письмо, пятьсот рублей, сделать на договоре же запись о получении денег».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 192, л. 2.

См.: 27 января 1915, первая запись.

В качестве приложения к № 4 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина первого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Содержание 1-го тома: **Из юношеских стихотворений**: «Шире, грудь, распахнись для принятия...», Поэт («Поэт печальный и суровый...»), Деревенский нищий («В стороне от дороги, под дубом...»), Полевые цветы («В блеске огней, за зеркальными стеклами...»), «Какая теплая и темная заря!..», «Бледнеет ночь... Туманов пелена...», «Осыпаются астры в садах...», «Любил я в детстве сумрак в храме...», «Далеко за морем...», «...Зачем и о чем говорить?..», «...Поздним летом...», Отрывок. Из Мюссе («...Когда из школьных стен домой мы возвращались...»), «Нет, не о том я сожалею...», Ангел («В вечерний час, над степью мирной...»), Родине («Они глумятся над тобою...»); **Листопад. Стихотворения 1886–1900 г.**: Листопад. Осенняя поэма. М.Горькому («Лес, точно терем расписной...»), На распутье («На распутье в диком древнем поле...»), Вирь («Где ельник сумрачный стоит...»), Из сказки («Все лес и лес. А день темнеет...»), Ковыль («Что шумит-звенит перед зарею?..»), Последняя гроза («Не прохладой, не покоем...»), Костер («Ворох листьев сухих все сильней, веселей разгорается...»), «Не видно птиц. Покорно чахнет...», В отъезжем поле («Сумрак ночи к западу уходит...»), Родина («Под небом мертвенно-свинцовым...»), «Вьется путь в снегах, в степи широкой...», Ночная вьюга («Когда на темный город сходит...»),

«Ночь и даль седая...», В феврале. А.М.Жемчужникову («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»), Весеннее («Тает снег — и солнце ярко...»), «Бушует полая вода...», Три ночи («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»), В Гефсиманском саду («...И в этот час, гласит преданье...»), «Христос воскрес! — Опять с зарею...», «Догорел апрельский светлый вечер...», «Один встречаю я дни радостной недели...», После половодья («Прошли дожди, апрель теплеет...»), «В стороне далекой от родного края...», «За рекой луга зазеленели...», В мае («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...»), «Зной, — но ясно лазурное небо глядится...», Новолуние («Народился месяц молодой...»), Соловьи («То разрастаясь, то слабея...»), «Снова сон, пленительный и сладкий...», «Счастлив я, когда ты голубые...», На пруде («Ясным утром на тихом пруде...»), «Когда деревья в светлый майский день...», Троица («Гудящий благовест к молитве призывает...»), «Лес шумит невнятным, ровным шумом...», «Крупный дождь в лесу зеленом...», «Не пугай меня грозою...», «Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...», «Как флером даль полей закрыв на полчаса...», «Туча растаяла. Влажным теплом...», «Звезды ночью весенней нежнее...», «Как светла, как нарядна весна!..», Лилии. А.Асныка («Золотые кудри в косы...»), Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича («Солнце уходит в далекие страны...»), «Отдохни, — еще утро не скоро...», В поезде («Все шире вольные поля...»), «Гаснет вечер, даль синеет...», «Ночь идет — и темнеет...», «В темнеющих полях, как в безграничном море...», «Серп луны под тучкой длинной...», На Днепре («За мирным Днепром, за горами...»), По вечерней заре («Засинели, темнеют равнины...»), «Нынче ночью кто-то долго пел...», «Месяц задумчивый, полночь глубокая...», «Могилы, ветряки, дороги и курганы...», «Ночь наступила, день угас...», «Ночь печальна, как мечты мои...», «Неуловимый свет разлился над землею...», Рассвет («Высоко поднялся и белеет...»), На проселке («Веет утро прохладой степною...»), «Еще от дома на дворе...», Подражание Пушкину («От праздности и лжи, от суетных забав...»), Родник («В тайге, в глуши ее зеленой...»), Псалом жизни. Г.Лонгфелло («Не тверди в строфах унылых...»), Учан-Су («Свежее, слаще воздух горный...»), Кипарисы («Пустынная Яйла дымится облаками...»), Золотой диск. Л. де Лиля («Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни...»), Зной («Горячо сухой песок сверкает...»), Закат («Корабли в багряном зареве заката...»), На дальнем севере («Так небо низко и уныло...»), Сумерки («Все — точно в полусне. Над серою водой...»), «Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...», «Отчего ты печально, вечернее небо?..», В заливе («На мертвый якорь кинули бакан...»), «К прибрежью моря длинная аллея...», «Долог был во мраке ночи...», Северное море («Холодный ветер, резкий и упорный...»), «Поздний час. Корабль и тих и темен...», «Если б только можно было...», Плеяды («Стемнело. Вдоль аллей, над сонными прудами...»), Затишье («За днями серыми и темными ночами...»), «И вот опять уж по зарям...», «Листья падают в саду...», «...И снилося мне, что осенней порой...», На хуторе («Свечи нагорели, долог зимний вечер...»), «Как печально, как скоро померкла...», Астры. А.Асныка («Все поблекло... Только астры...»), «Таинственно шумит лесная тишина...», Октябрьский рассвет («Ночь побледнела, и месяц садится...»), «Открыты жнивья золотые...», «Нагая степь пустыней веет...», «Высоко полный месяц стоит...», «Ветер осенний в лесах подымается...», В степи. Н.Д.Телешову («Вчера в степи я слышал отдаленный...»), «В пустынной вышине...», «Помню — долгий зимний ве-

чер...», Метель («Ночью в полях, под напевы метели...»), «Скачет пристяжная, снегом обдает...», В костеле («Гаснет день – и звон тяжелый...»), Мать («И дни и ночи до утра...»), Смерть птиц. Коппе («В безмолвье сумерек, мечтая у огня...»); **Новые стихотворения. 1901 г.**: Ночь и день («Старую книгу читаю я в долгие ночи...»), Ручей («Ручей среди сухих песков...»), В Альпах («На высоте, на снеговой вершине...»), Оттепель («Еще и холоден и сыр...»), Облако («Высоко в просторе неба...»), Ракета («Был поздний час – и вдруг над темнотой...»), Подснежники («Раскрылось небо голубое...»), Весенний вечер («Затрепетали звезды в небе...»), Жемчуг («Мил мне жемчуг нежный, чистый дар морей!..»), С кургана («Дымится поле, рассвет белеет...»), «Гроза прошла над лесом стороною...», В старом городе («С темной башни колокол уныло...»), «Отошли закаты на далекий север...», «Облака, как призраки развалин...», Элегия («Стояли ночи северного мая...»), «Ту звезду, что качалася в темной воде...», Счастье («Весеннего ливня мы ждем...»), На монастырском кладбище («Ударил колокол – и дрогнул сон гробниц...»), Кедр («Темный кедр растет среди долины...»), «Зеленый цвет морской воды...», «В поздний час мы были с нею в поле...», Ночь («Ищу я в этом мире сочетанья...»), Зарница («Зарницы лик, как сновиденье...»), «Спокойный взор, подобный взору лани...», Закат («За все Тебя, Господь, благодарю!..»), В море («Высоко наш флаг трепещет...»), Утро («Светит в горы небо голубое...»), Веснянка («Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью...»), Под тучей («Полями пахнет, – свежих трав...»), «Звезда над темными далекими лесами...», Надпись на могильной плите («Несть, Господи, грехов и злодеяний...»), Из Апокалипсиса. Глава IV («И я узрел: отверста дверь на небе...»), На горах («Пока я шел, я был так мал!..»), «Из тесной пропасти ущелья...», Ночью в июле («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...»), Курган («Любил он ночи темные в шатре...»), Сон-цветок («Это было глухое, тяжелое время...»), «Моя печаль теперь спокойна...», «Звезды ночи осенней, холодные звезды!..», «Шумели листья, облетая...», «Светло, как днем, и тень за нами бродит...», «Смотрит месяц ненастный, как сыплются желтые листья...», Из дневника («В окно я вижу груды облаков...»), Эпиталама («Озарен был сумрак мрачный...»), «Морозное дыхание метели...», Крещенская ночь («Темный ельник снегами, как мехом...»), Кустарник («Жесткой, черной листвой шелестит и трепещет кустарник...»), На острове («Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...»), Звезды («Не устанем воспевать вас, звезды!..»), Аккерманские степи. “Крымские сонеты” Мицкевича («Выходим на простор степного океана...»), Чатырдаг. “Крымские сонеты” Мицкевича («Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни...»); **Стихотворения. 1902 г.**: Смерть («Спокойно на погосте под луною...»), Лесная дорога («В березовом лесу, где распевают птицы...»), На озере («На озере, среди лесов зеленых...»), Первая любовь («Перед закатом набежало...»), «Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пена...», «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?..», «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», «Крест в долине при дороге...», «Как все спокойно и как все открыто!..», Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...»), Забытый фонтан («Рассыпался чертог из янтаря...»), Эпитафия («Я девушкой, невестой умерла...»), Зимний день в Оберланде («Лазурным пламенем сияют небеса...»), Сиваш («Багряная печальная луна...»), Кондор («Громады гор, зазубренные скалы...»), «Широко меж вершин дубравы...»; Песнь о Гайавате. Лонгфелло.

Дата определена по письму А.Е.Розинера (см.: 5 января 1915, третья запись), а также по объявлению в № 4 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

В московской газете «Русские ведомости» (№ 19. С. 5) помещается статья И.Н.Игнатова «Литературные отголоски. Довоенная и военная беллетристика. Сб. “Слово” и “Ежемесячный журнал”».

Критик, в частности, пишет о рассказе Бунина: «“Весенний вечер” был недавно прочитан г. Буниным в Обществе любителей российской словесности. И тогда, в чтении автора, и теперь, напечатанный, он мрачен. <...>

Г. Бунин не подчеркивает, — он излагает, стараясь не обнаружить своего отношения к изображаемому и остаться объективным».

См.: 29 ноября 1914, первая запись.

Январь, 25. В помещении Литературно-художественного кружка Бунин присутствует на праздновании 25-летнего юбилея московского журнала «Вестник воспитания».

Газета «Голос Москвы» (26 янв. (прибавление к № 20). С. 2) в заметке «Юбилей “Вестника воспитания”» (без подписи) сообщает: «Вчера состоялось чествование Н.Ф.Михайлова и Ю.А.Бунина по случаю 25-летия журнала “Вестник воспитания”. Присутствовали: И.А.Бунин, Н.Д.Телешов, А.А.Мануилов, А.А.Кизеветтер, В.А.Розенберг, Н.В.Давыдов и др.».

В отчете о торжестве в № 2 «Вестника воспитания» (с. 81–82, 103–104), в частности, говорится: «Литературный кружок “Среда” (комиссия литературных собеседований Московского общества помощи литераторам и журналистам), после приветствия редакции “Вестника воспитания”, в лице его редактора Н.Ф.Михайлова, обратилась с приветственным словом к Ю.А.Бунину, как председателю Кружка, при чем от старых товарищей “Среды” была ему преподнесена чернильница с выгравированными именами: Леонида Андреева, Ив.Бунина, И.Белоусова, В.Вересаева-Смидовича, А.Грузинского, Сергея Глаголя, Бор.Зайцева, А.Карзинкина, Н.Крашенинникова, Серг.Мамонтова, С.Махалова, И.Попова, С.Семенова, А.Серафимовича, Е.Телешовой, Н.Телешова, Льва Хитрово, Марии Чеховой и Ив.Шмелева.

Кроме того, Ю.А.Бунину был поднесен адрес в стихах, принадлежащих перу Ады Чумаченко, украшенный рисунком художника А.М.Васнецова. <...> Подписали адрес А.Чумаченко, И.Бунин, И.Данилин, И.Попов, Л.Андреев, Л.Хитрово, И.Шмелев, А.Серафимович и др.».

Е.И.Вашков пишет Бунину из Москвы:

«Посылаю Вам свое стихотворение, которое, может быть, Вы найдете возможным поместить в сборник “Клич”.

Не знаю только подойдет ли оно по содержанию».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 52.

С.Д.Фомин пишет стихотворение «В деревне» («Все в снегах. Холодный зодчий — вьюга...») и посвящает его Бунину.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3379 оф.

А.М.Горький пишет В.Н.Муромцевой из Петрограда:

«Я получил Ваш подарок — Флобера: Иван Алексеевич забыл эту книгу у Сологуба, вчера сей доблестный муж прислал мне ее. Благодарю; сердечно уважая Вас, я очень тронут Вашей любезностью, очень рад, что Вы дали мне этот Ваш труд».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 153.

Имеется в виду книга: Флобер Г. Полное собрание сочинений. Новые переводы. Т. 4: Сентиментальное воспитание / Пер. В.Н.Муромцевой. Пг.: Шиповник, 1914.

Январь, 27. Бунин подписывает с Книгоиздательством М. и С.Сабашниковых Договор об отдельном издании перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в серии «Памятники мировой литературы». Под текстом Договора, написанного в конторе Книгоиздательства, Бунин пишет:

«Иван Алексеевич Бунин. Москва, 21 января 1915 г. Пятьсот рублей, согласно пятому пункту сего договора, получил 27 января 1915 г. Ив.Бунин».

РГБ ОР, ф. 261, к. 7, ед. хр. 48.

Бунин пишет Ф.Д.Батюшкову:

«С.А.Венгеров только что сообщил мне, что для его “Истории рус<ской> литературы XX в.” обо мне будете писать Вы. На тот случай, если Вам понадобится пересмотреть что-либо из моих писаний или сделать выдержку из них, посылаю I т. “Собрания сочинений” моих, изд. “Нивы” — в нем есть необходимые поправки и дополнения».

Письма (*2*). С. 320.

Бунин пишет А.С.Черемнову:

«Дорогой Клеевский барин, простите за ради Бога — я тону в корректуре, езжу в Птб., хвораю, “чего я терпеть не могу”, не успеваю ловить дней... Спасибо, и большое, за отличный рассказ — не ожидал я даже, что Вы можете так ловко и прозою! — редакцион<ным> комитетом он прочтен и одобрен, но, пожалуйста, разрешите выкинуть хоть несколько строк из речи, уж очень свирепой, дворянина, а главное — про “Петрушку” и там, где о Куропаткине (несколько слов, коих “не потерпят” ни в каком случае).

Живем мы, как все теперь, — тихо, новостей не имеем. Глотовский барин <Н.А.Пушешников> еще у нас, переводит 2-ю кн<игу> Киплинга <...>. Вера переводит “Иск<ушение> Антония”, радуется на огромный том “Сант<иментального> воспитания”, недавно вышедший в свет».

Письма (*2*). С. 320–321.

Речь идет о рассказе А.С.Черемнова «Попутчики», который был напечатан в сборнике «Клич».

Январь, 28. Бунин, очевидно, присутствует в литературном кружке «Среда» на собрании в честь Ю.А.Бунина по случаю 25-летнего юбилея журнала «Вестник воспитания».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 34.

Г.А.Вяткин пишет Бунину из Петрограда:

«...просьбу редакции исполнил, стихотворение сократил. Утешаю себя, впрочем тем, что Вы к своим стихам безжалостны. На днях, разыскивая одно из любимейших мною стихотворений Ваших — “Нынче ночью кто-то долго

пел" — (в приложении к "Ниве") пришел в ужас, не видя двух последних строф: <...>

Ведь эти строки, хорошие сами по себе, завершают пьеску, связывают начало с концом — а Вы их уничтожили.

Кстати и еще один вопрос. В сборниках Ваших, в стих. "Ночь прошла за шумной встречей года" почему-то исключена одна прекрасная строфа, которая была при первоначальном напечатании пьески в "Журнале для всех": <...>

Неужто и эту строфу Вы намеренно исключили? и она тоже не войдет в собрание "Нивы"? Очень, очень жаль».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3001/1 оф.

Январь, 29. Бунин завтракает вместе с И.Л.Толстым в ресторане «Прага».

СС (*2*). Т. 7. С. 380.

Бунин, очевидно, присутствует на заседании оргкомитета по выпуску однодневной газеты «День печати»: принимается решение о выпуске газеты 9 февраля, а также обсуждается подготовка сборника «Клич».

См. информационную заметку в газете «Русское слово» (31 янв. (№ 25). С. 7).

Вечером в Литературно-художественном кружке Бунин присутствует на чествовании Ю.А.Бунина по случаю 25-летия редакторской деятельности в журнале «Вестник воспитания».

См. информационную заметку «В литературном мире. Чествование Ю.А.Бунина» (без подписи) в газете «Голос Москвы» (30 янв. (№ 24). С. 5).

Январь, 31. В харьковской газете «Южный край» (№ 12520. С. 5) печатается рецензия И.Турского на 4-й сборник «Слово» — «На путях реализма».

Рецензент, в частности, пишет: «И, наконец, <...> новый шедевр Ив.Бунина "Весенний вечер". Как хороша проза, которую теперь, с "Деревни" и "Суходола", дает нам этот огромный художник! Такого четкого и сочного рисунка еще, пожалуй, не знала русская реалистическая живопись. Тургенев писал мягкой кистью, у Чехова перо вздрагивало под толчками авторской иронии. Бунин же при поразительной строгости и лаконизме письма достигает крайней степени сгущенности. <...> Ни звука фальши, неотвратимость безобразной жизни, и каменная сдержанность художника — таковы впечатления этого подлинного шедевра современной русской литературы».

Январь, 25...31. В ответном недатированном письме А.А.Измайлов пишет Бунину:

«Душевно благодарю Вас <...> за любезное обещание исполнить нашу просьбу о "Кличе", за присылку "Слова", за готовность знакомить нас с изданиями "Т-ва писателей", за память об ожидаемом от Вас редакцией рассказе. Лично мне всем этим Вы делаете большую радость. Ваш рассказ в "Слове" я уже прочитал и на днях же буду иметь удовольствие познакомить с ним нашего читателя».

Письма (*2*). С. 699.

Датируется по письму Бунина. См.: 24 января 1915, первая запись.

См.: 9 февраля 1915, третья запись.

Январь. В московском журнале «Вестник воспитания» (№ 1. С. 8, 55) в редакционной статье, посвященной 25-летию журнала, говорится о его истории и сотрудниках.

В статье, в частности, отмечается: «С августа 1897 г. и до настоящего времени принимал участие в редактировании журнала “Вестник воспитания” Ю.А.Бунин. С 1897 г. в журнале принимали участие Ю.А.Бунин, академик И.А.Бунин (иногда под псевдонимом И.Озерский)».

Февраль, 1. Вечером в Мраморном зале Большой Московской гостиницы Бунин присутствует на «капустнике» журналистов, устроенном в пользу ссудо-сберегательной кассы при Обществе деятелей периодической печати и литературы.

Газета «Голос Москвы» (31 янв. (№ 25). С. 5) в рубрике «В литературном мире» помещает информационное сообщение «“Капустник” журналистов»: «В воскресенье, 1-го февраля, в 8 ч. вечера, в Мраморном зале Большой Московской гостиницы состоится товарищеский ужин московских журналистов и гостей».

В той же газете (3 февр. (№ 27). С. 5) в рубрике «В литературном мире» публикуется краткий отчет «На “капустнике” журналистов», в котором, в частности, говорится: «В числе гостей — академик И.А.Бунин и депутат М.М.Новиков».

В газете «Одесские новости» (№ 9606. С. 4) публикуется рецензия «Литературные заметки» на 4-й сборник «Слово». Подпись: Н.Г.

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Весенний вечер»: «Как-то запахло деревней, понесло ароматом вспаханных полей, сразу обдало нас привычным и, с молодости любезным, запахом мужика. Что-то родное и знакомое есть в этом чувстве и что-то успокаивающее, привлекающее к неразрешенным злобам дня. Это ничего, что есть в рассказе нечто истинно бунинское, мрачное и скептическое отношение к этой почти первобытной жизни».

Февраль, 2. А.С.Черемнов в ответном письме пишет Бунину по поводу своего рассказа «Попутчики»:

«Выкидывайте, марайте, пожалуйста, сколько душе вашей угодно. От этого рассказ мой только выиграет. Очень рад, что он вам понравился, а я пишу второй».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 655.

Февраль, 3. Бунин посылает П.Е.Щеголеву стихотворение для «молодого» журнала и сообщает об этом в письме:

«Единственно, что могу дать — вот это стих<отворение>. Оно входит в мою книгу, которая выйдет дней через 8–10, и, к сожалению, еще нигде не было напечатано».

Письма (*2*). С. 321.

Возможно, речь идет о стихотворении «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), которое к этому времени оставалось единственным неопубликованным и входящим в новую книгу «Чаша жизни» (М., 1915). Какой имеется в виду журнал неизвестно. Это

стихотворение позднее было послано З.И.Гржебину для журнала «Отечество». См.: 7 февраля 1915, третья запись.

А.В.Абрамов, посылая свои стихотворения, пишет Бунину:

«Будьте так добры, посмотрите эти стихотворения — не подойдет ли которое-нибудь из них для редактируемого Вами сборника “Клич”?

Ваша прошлогодняя открытка с Капри, скрашивает мою жизнь, и заставляет больше работать над собой. <...>

Ради Бога извините, что лезу к Вам со своими виршами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2964/2 оф.

См.: 22 февраля 1915, первая запись.

В.Н.Муромцева уезжает из Москвы в Малоярославец.

С дороги В.Н.Муромцева сообщает Бунину в открытке:

«В вагоне заняла место хорошее. <...> Чувствую себя хорошо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/52 оф.

В газете «Голос Москвы» (№ 27. С. 2) печатается статья В.Сахновского «Литературные заметки. Четвертый сборник “Слово”».

Критик пишет: «В прекрасном рассказе Ив.Бунина “Весенний вечер” повествуется о деревне. <...>

Этот прекрасный сказитель, передающий уже давно свои наблюдения над деревенской народно-земской Россией, в этом рассказе заставляет чувствовать себя погруженным в деревенскую стихию. <...>

Какое-то мудрое знание о жизни, спокойствие и особливая стихия земли и русских людей около земли расплавлена Ив.Буниным в строках его рассказа. <...>

Красотою степи, красотою жизни овеян рассказ К.Тренева.

В нем нет сильной фабулы. Это очерк. Это не тот кусок действительности, как у Ив.Бунина, в который вдохнули живую душу, найденную художником во всем, к чему он приближается».

Февраль, 4. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Малоярославца (Калужской губ.):

«Дорогой мой, я здорова, погода прелестная, теплая, полдня было солнце. Я много была на воздухе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/49 оф.

Февраль, 5. З.И.Гржебин пишет Бунину из Петрограда на бланке конторы журнала «Отечество»:

«Очень прошу Вас дать нам стихи и рассказ. Это, кажется, пятое письмо, — а Вы мне не отвечаете. Получаете ли Вы наш журнал? Читали ли? Правда, журнал хороший?

Очень просим Вас также относительно рассказа, стихов и т.п. для “книги воззваний”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3014/5 оф.

Февраль, 4 или 5. Бунин принимает участие в заседании редакционного комитета однодневной газеты «День печати».

В газетах «Трудовая копейка» (6 февр. (№ 29/935). С. 5) и «Утро России» (6 февр. (№ 37). С. 5) публикуется информационная заметка «День печати» (без

подписи), в которой сообщается о состоявшемся заседании редакционного комитета однодневной газеты “День печати” под председательством Н.В.Давыдова. Присутствовали: Бунин, кн. Е.Н.Трубецкой, Ю.А.Бунин, А.П.Мертваго, С.И.Варшавский, А.К.Дживелегов и др. Обсуждались присланные для газеты рукописи.

Бунин участвует в совещании по поводу ответа русских писателей на обращение английских писателей «Нашим русским коллегам».

В газете «Утро России» (6 февр. (№ 37). С. 5) помещается информационная статья «Русские писатели — английским писателям» (без подписи), в которой сообщается: «Среди московских писателей возникла мысль ответить особым адресом-приветствием английским писателям, которые недавно опубликовали дружественное обращение к представителям русской литературы. Содержание этого обращения, перепечатанного русскими газетами, известно нашим читателям.

Инициатива отправки особого адреса-приветствия английским писателям принадлежит гостящему в настоящее время в Москве С.Я.Елпатьевскому, который и составил текст ответа. Ближайшее участие в этом деле принимает академик И.А.Бунин.

Для обсуждения текста адреса и условий его посылки было созвано совещание, на котором присутствовали академик И.А.Бунин, С.Я.Елпатьевский, В.В.Вересаев, Н.Д.Телешов, Ив.Шмелев, Н.В.Давыдов, Ю.А.Бунин, представители общества любителей российской словесности и литературных кругов г. Москвы. Была выделена комиссия, которой и поручена окончательная организация дела.

Под ответом предполагаются подписи всех видных русских писателей. <...>

Перевод ответа на английский язык будет сделан известным русским публицистом г. Дионео, живущим в Лондоне. У инициаторов дела возникла было мысль напечатать ответ в выходящей 9 февраля однодневной газете “День печати”, но этому помешало то обстоятельство, что до выхода газеты не удастся собрать подписей писателей, живущих вне Москвы».

См.: 21 декабря 1914, вторая запись.

Февраль, 6. Бунин посылает З.И.Гржебину стихотворение «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»).

См.: 7 февраля 1915, третья запись.

Газета «Голос Москвы» (№ 30. С. 4) в информационной заметке «День печати» сообщает:

«Ожидается для газеты “День печати” статья академика И.А.Бунина на тему, связанную с войной».

Бунин в однодневной газете «День печати» не публиковался.

Февраль, 7. Бунин пишет стихотворение «Слово» («Молчат гробницы, мумии и кости...»). Авторская дата: «7.II.1915. Москва».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 4.

В *СС* (*Петр*). (Т. 6. С. 200) авторская дата: «7.I.15».

См.: 15 декабря 1915.

Выходит в свет книга «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 176 с.). Тираж 2400 экз. Цена 1 р. 50 к.

Содержание: **Рассказы:** Чаша жизни, Братья, При дороге, Святые, Весенний вечер, Святочный рассказ, Пыль, Над городом; **Стихотворения:** В Венеции. А.А.Карзинкину («Восемь лет в Венеции я не был...»), Псковский бор («Вдали темно и чащи строги...»), Причастницы («Свежа в апреле ранняя заря...»), Иаков («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), Господь скорбящий («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), Плач ночью («Плакала ночью вдова...»), Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), Магомет и Сафия («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»), Нищий («Все сады в росе, но теплы гнезда...»), Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...»).

Из 18 произведений, включенных в книгу, одно стихотворение — Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...») — печатается здесь впервые. См.: февраль 1915, первая запись.

В дневнике Бунин записывает: «Вышла “Чаша жизни”. Заседание у Давыдова об ответе английским писателям».

СС (*2*). Т. 7. С. 380.

См.: 10 апреля 1915, вторая запись.

З.И.Гржебин пишет Бунину из Петрограда на бланке конторы журнала «Отечество»:

«Спасибо Вам большое за присланное стихотворение. Гонорар я переведу Вам срочной телеграммой в понедельник».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3014/1 оф.

См.: 6 февраля 1915, первая запись; февраль 1915, первая запись.

Февраль, 8. Бунин пишет начинающему поэту К.Г.Хохлову:

«Прием рукописей для нашего сборника <“Клич”> уже давно прекращен. Воспользоваться Вашим стих<отворением> мы не можем. С удовольствием могу только сказать Вам, что, по-моему, Вы талантливы, хотя стих<отворение> Ваше <“Набат”> и очень риторично и многословно. Желаю Вам работы и успехов».

Письма (*2*). С. 321.

В газете «Одесский листок» (№ 37. С. 5-6) печатается рецензия на 4-й сборник «Слово» — «О жестокой жизни». Подпись: Н.П.

Рецензент, разобрав рассказ К.А.Тренева «Мокрая балка», отмечает: «Еще мрачнее и определеннее по тону рассказ г. Бунина “Весенний вечер”. Сюжет также взят из деревенской жизни. Автор неоднократно уже изображавший в объективном освещении ужасы, выплывающие как фантомы на фоне крестьянского быта, — на этот раз только увеличил свою галерею. <...> Уродливостью, ужасом, а главное, полной бессмысленностью совершенного преступления веет от рассказа. <...>

Рассказ более ценен чудесными описаниями природы, нежели напряжением в изображении самого убийства, сделанного кратко, сжато, без особой силы выражения».

Февраль, 9. Бунин спрашивает в письме П.А.Нилуса о причине его молчания и пишет:

«Я буквально свету Божьего не вижу за корректурой для “Нивы”».

Письма (*2*). С. 321.

Н.А.Карев пишет Бунину из Ветлуги:

«Сегодня заказною бандеролью я послал Вам несколько моих стихотворений. Покорнейше прошу Вас — рассмотреть их и если признаете подходящими поместить хоть что-нибудь в редактируемом Вами альманахе "Клич". <...> Новые знакомства мне не нужны, а Вас я не могу не позабыть, не разлюбить, потому что еще люблю с Орла, когда считал Вас поэтом, несмотря на противное мнение других из редакции "Орловского вестника" и я не ошибся. Я полюбил Вас еще маленьким, а не таким известным, каким Вы теперь стали, следовательно, я люблю Вас, а не лицемерно курю фимиам восторгов». В заключение просит о встрече, чтобы посоветоваться об издании второго сборника своих сочинений.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 111, л. 4–5.

См.: 5 марта 1915, первая запись.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 14660. С. 4) публикуется рецензия А.А.Измайлова «"Весенний вечер" И.А.Бунина». Без подписи.

Рецензент пишет: «По своим настроениям, по своей манере Бунин все более и более вырабатывается в "наместника Чехова на земле". Сам Чехов при жизни указывал на родственность себе бунинского таланта. На этот раз это чувствуется уже не на изображении Буниным дворянства, допевающего последнюю песню, а на народном рассказе.

Это — один из тех "деревенских случаев", которые занимали и Чехова парадоксальной психологией русского простеца, сначала режущего, потом примеривающего, ходящего по какой-то заколдованной грани, от которой направо — подвиг и доброе дело, налево — черное преступление. <...> У Бунина хорошо выписан этот тип пропащего, спившегося, опускающегося по наклону мужика-хвастуна, не то вымышленно, не то по правде вспоминающего какие-то лучшие дни. <...> Деревенский случай, каких хроника приносит тысячи. Но у Бунина есть мудрое чувствование этого будничного случая, и его рассказ отмечен тем рельефом, какого писатель достиг в самые последние годы. Немногими словами он достигает большой изобразительности. Его мужицкая речь схвачена метко, и бабу <...>, и деревенского кобеля с огненными глазами, рычащего на захожего нищего, и наглого мужичка в чужой избе, — вы видите, как на хорошем холсте».

Авторство рецензии определено по письму А.А.Измайлова. См.: 25...31 января 1915.

В петроградской газете «Речь» (№ 38. С. 3) в рубрике «Новые книги» помещается рецензия Ю.И.Айхенвальда на 4-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Весенний вечер»: «Начинается книга мрачным рассказом Бунина о том, как убили нищего, <...> рассказывает Бунин неумолимо, чеканными словами, и он берет их, в повествовании и в диалоге, подслушанном у самой жизни, как раз столько, сколько нужно, ни больше, ни меньше, — и берет уверенно и властно, как раз те, какие нужны, оттого изумительно четкий писательский почерк автора гипнотизирует, и нельзя не верить жуткому нарастанию трагизма, почти неизбежному приближению катастрофы, гибели "старой крестьянской души"».

В Москве выходит однодневная газета «День печати» в помощь жертвам войны, в которой (с. 7–8) печатается статья «От организаци-

онного комитета “Дня печати”» с изложением всей истории организации этого благотворительного дня, упоминается имя Бунина.

Февраль, 7...9. Бунин посылает Г.А.Вяткину книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 11 февраля 1915.

Февраль, 10. Бунин благодарит в письме Ф.Д.Батюшкова за присылку статьи для сборника «Клич» и просит:

«Послал Вам все свои сочинения. Если будете писать обо мне и если понадобится цитата, будьте добры пользоваться — при просмотре первых томов — изданием “Нивы”: я немного почистил их, сделал и добавления, и сокращения».

Письма (2). С. 322.

В харьковской газете «Утро» (№ 2572. С. 7) помещается рецензия Г.А.Вяткина на 4-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «Новый сборник “Слово” открывается небольшим рассказом Ив.Бунина “Весенний вечер”. Миниатюра эта, — конечно мастерски написанная, — ничего не прибавляет к славе автора. В жестких и мрачных тонах, характерных для бунинской деревни, автор снова вскрывает перед нами темные провалы мужицкой души, одичавшей от вековой нужды и угнетенности».

Февраль, 11. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Петрограда:

«“Чашу жизни” получил. Душевно благодарю. Если найдется у Вас лишний экземпляр этой книги, пошлите Александру Мих. Замиралову. У него, кажется, нет ни одной книги с вашей надписью, и это будет для него большой радостью. <...>

Не откажите в любезности сообщить, пойдет ли в “Кличе” мое стих., когда выйдет книга и будет ли она разослана участникам сборника».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3001/3 оф.

Февраль, 14. Начинающий поэт А.Н.Суслов пишет Бунину:

«Сомневаясь в своих произведениях и рассчитывая на Вашу опытность и знание литературы, я решаюсь послать Вам на просмотр тетрадь моих стихов.

Будьте добры высказать мне о них свое мнение и дать благосклонный совет, что для меня будет очень ценно и послужит руководством на будущее».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3143 оф.

В качестве приложения к № 7 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина второго тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Дата определена по письму А.Е.Розинера (см.: 5 января 1915, третья запись), а также по объявлению в № 7 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См.: 11 апреля 1915, вторая запись.

В газете «Голос Москвы» (№ 37. С. 5) в рубрике «Литературные новости» сообщается,

что в следующем альманахе издательства «Шиповник» «будет напечатана новая большая вещь академика И.А.Бунина. <...> собрание сочинений Флобера про-

должает выпускать издательство “Шиповник”. <...> Для нового тома сочинений Флобера переводит его знаменитую “Иродиаду” И.А.Бунин. В серии “Памятники мировой литературы” вскоре выходит новым изданием бунинский перевод “Песни о Гайавате” Лонгфелло».

В альманахах издательства «Шиповник» Бунин больше не печатался; перевод Бунина «Иродиады» Г.Флобера неизвестен.

В московской газете «Утро России» (№ 44. С. 6) публикуется рецензия И.Джонсона на 4-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «Из произведений, составивших этот сборник, наибольший интерес представляют две его первые вещи: рассказ Бунина — “Весенний вечер” и повесть Зайцева — “Мать и Катя”.

В своей теперешней манере, с суровой четкостью и удивительной чеканностью, рассказывает Бунин короткую и страшную историю убийства захожего нищего пьяным мужиком. Великолепно, со скульптурной ясностью, нарисованы они оба. <...>

Рисуя преимущественно темные проявления души деревенского человека, Бунин однако умеет дать почувствовать в ней и великую тоску по иной, светлой и праведной жизни, только до поры до времени, запечатанной для нее необоримыми печатями. Полон тоски и этот спившийся, одуревший от пьянства мужик».

Февраль, 7...15. Бунин посылает А.И.Южину (Сумбатову) книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому Александру Ивановичу Сумбатову. Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 161933.

Границы события определены по дате выхода в свет книги и ответному письму А.И.Южина (Сумбатова). См.: 17 февраля 1915.

Февраль, 17. А.И.Южин (Сумбатов), получив книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), пишет Бунину:

«И получил, и, не отрываясь, прочел Ваш дорогой подарок, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, и очень, очень благодарю Вас и за память и — главное — за большую радость, которую я испытал.

Пишу Вам это так искренно, как, пожалуй, Вы и не предполагаете. Дело в том, что эта радость читателя испытывается все реже и реже, по крайней мере — мною. Что этому причиной <...> не знаю. Но факт редкого увлечения книгой для меня несомненен и, главное, тяжел. Оттого-то и искренна и горяча моя благодарность за то, что мне дала Ваша книга.

Крепко жму Вашу руку, дорогой и глубокоуважаемый Иван Алексеевич, и всем сердцем желаю Вам всех радостей творчества».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 247, л. 2.

Февраль, 7...17. Бунин посылает А.А.Измайлову книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 18 февраля 1915, четвертая запись.

Февраль, 18. Ночью в 00 ч. 52 м. Бунин заканчивает рассказ «Грамматика любви». Авторская дата: «12 ч. 52 м. в ночь с 17 на 18 февр. 1915 г. Москва».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 6.
ОГЛМТ, ф. 14, № 3773 оф (корректура).
ПСС. Т. 6. С. 189–197.

См.: 16 марта 1915, вторая запись.

Утром Бунин присутствует на отпевании Ф.Е.Корша.

Газета «Утро России» (19 февр. (№ 49). С. 4) в информационной заметке «Кончина Ф.Е.Корша. Погребение» (без подписи) сообщает об отпевании Ф.Е.Корша в университетской церкви, среди присутствующих Бунин, А.А.Шахматов, А.Н.Веселовский, Д.Н.Анучин.

Заслуженный профессор Московского университета, академик Ф.Е.Корш умер в Москве 16 февраля 1915 г.; похоронен на кладбище Донского монастыря.

Вечером Бунин на заседании литературного кружка «Среда» слушает рассказы Л.Н.Зилова, Н.Н.Ляшко, Н.Г.Шкляра.

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 34.

В дневнике Бунин записывает: «Отпевание Корша в университетской церкви. Два епископа. Сильное впечатление.

Вчера ночью в 12 ч. 52 м. кончил “Грамматику любви”. “Среда”. Читали Шкляр, Зилов, Ляшко».

СС (2). Т. 7. С. 380.

А.А.Измайлов пишет Бунину из Петрограда:

«Искренно благодарю Вас за любезную присылку Вашей новой книги и “Слова”. Прилагаю отметку в нашей газете Вашего рассказа из этого альманаха.

Не будет ли для Вас удобным случаем дать нам в пасхальный № что-нибудь из впечатлений путешествия по Палестине? Это было бы неоценимо! — Порадуйте!»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3042/2 оф.

См.: 9 февраля 1915, третья запись.

Февраль, 11...18. Выходит книга «Пятидесятилетний юбилей газеты “Русские ведомости” (1863–1913 гг.)» (Под ред. Н.В.Давыдова. М., 1915), в которой (с. 27–30) помещается текст речи И.Бунина на юбилейном чествовании газеты.

См.: 6 октября 1913, первая запись.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 18 или 19. Бунин пишет Н.А.Кареву и посылает ему книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), очевидно, с дарственной надписью.

Письмо и данный экземпляр книги неизвестны. См.: 9 марта 1915, вторая запись.

Февраль, середина. Бунин посылает Л.А.Авиловой книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: конец февраля 1915, четвертая запись.

Бунин посылает А.А.Золотареву книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 28 февраля 1915, вторая запись.

Бунин посылает А.А.Карзинкину книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«А.А.Карзинкину с неизменной любовью. Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 88437.

Бунин посылает Л.С.Козловскому книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр неизвестен. См.: 4 марта 1915.

Бунин посылает Е.А.Ляцкому книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Дорогому Е.А.Ляцкому автор».

ИРЛИ Б-ка, № 44.46.

Бунин посылает В.С.Миролюбову книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Дорогому В.С.Миролюбову автор».

ИРЛИ Б-ка, № $\frac{1940к}{285}$.

Бунин посылает А.А.Смирнову книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Многоуважаемому А.А.Смирнову от автора».

ГЛМ ОКФ, № 111785.

Февраль, 21. В ответном письме Бунин сообщает Ф.Д.Батюшкову историю с письмом к нему от «Общества русских писателей для помощи жертвам войны» с просьбой дать рассказ или стихотворение для «Невского альманаха» и пишет:

«Рад сделать угодное Вам. Занят ужасно, но раз не поздно прислать к 1-му марта, очень постараюсь написать что-нибудь».

Письма (*2*). С. 322.

См.: 14 января 1915, первая запись.

В московской газете «Утро России» (№ 51. С. 6) публикуется рецензия Б.Савинича на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Произведения И.Бунина всегда отличаются четким мастерством письма, законченностью, а также ясной, уверенной наблюдательностью. В этой книге рассказов, наряду с обычными достоинствами автора ясно видна его объективность, его способность смотреть на жизнь с холодной внимательностью художника, остерегающегося иметь и выражать какие-нибудь свои взгляды на смысл происходящего и не зовущего ни к каким выводам. Природа внушает автору ряд прекрасных, внимательных описаний. Человеческая жизнь доставляет ему материал, всегда ярко и умело использованный. <...> Герои Бунина — это люди, попав-

шие в беспощадные лапы прочно и уродливо сложившейся жизни, движущейся по беспощадным велениям инстинктов, влекущих к любви, к достатку, к преступлению или к печальной покорности судьбе. Часто существование этих чудаков и этих рабов жизни — только уродливая гримаса, изученная и переданная художником с холодным любопытством естествоиспытателя, изучающего каких-то странных насекомых. Но ведь эти существа — живые люди... И место холодного детерминизма ученого у художника занимает сквозящий в его произведениях пессимистический, почти буддийский мотив безысходности. Зрелище жизни слишком часто является у него безотрадным. <...>

И есть признаки, что автору и самому хотелось бы выйти из того тупика, в который его завело только художественное созерцание жизни, лишенное горячего и деятельного желания вмешаться в эту жизнь, направить ее на новые, лучшие пути, найти или создать веру в их существование».

Февраль, 22. Бунин пишет А.В.Абрамову:

«Рад был сделать для Вас что-нибудь, Вы несомненно талантливы, — даже в стихотв<орении> “Стенька”, которое мне очень не понравилось, потому что оно пахнет лубочн<ой> олеографией, Коринфским, Скитальцем и т.д., есть живые проблески, — но беда в том, что “Клич” уже давно готов и положительно перегружен стихами. Все же попытаюсь устроить одно стих<отворение> — “Зимнее” — которое очень хорошо задевает по сердцу. Не выйдет — не пеняйте.

Жму Вашу руку и желаю настоящей работы над собой. Пишите только свое, живое, то, что в *Вашем* сердце и вокруг Вас».

Письма (*2*). С. 322.

Стихотворение А.В.Абрамова «Зимнее» под псевдонимом А.Ширяевец было напечатано в сборнике «Клич».

Бунин посылает рассказ «Грамматика любви» А.А.Измайлову и сообщает в письме ему:

«...посылаю Вам свой рассказ (“Грамматика любви”), который идет в нашем сборнике “Клич”. Он набран только вчера и еще не совсем исправлен, неверна, между прочим, и дата под ним, надо 18.II.1915, а не 18.I. Сборник уже весь почти набран».

Письма (*2*). С. 323.

Февраль, до 25. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Малоярославца о своем самочувствии и добавляет:

«Выехать отсюда можно будет в субботу вечером <28 февраля>.

Лечить же белокровие он <врач> советует мне серьезно, иначе дело может дойти и не до таких вещей. Вот видишь, я права была, говоря, что меня в санаторию нужно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/176 оф.

Февраль, 25. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Грамматика любви».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 26 об.
РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 34.

В ответном письме К.Г.Хохлов пишет Бунину:

«Ваше письмо от 8 февр. с.г. мною давно получено. Искренне благодарен Вам за отзыв о моем стих. "Набат". Ваше мнение о риторичности и многословии моего стих. принимаю к сведению. <...> Посылаю Вам при этом письме некоторые из моих стих. <...> мне хочется получить Ваш совет: могу ли пройти в журналы подобными стихами? и в какие журналы и как? <...> Ваше слово по этому поводу для меня будет иметь решающее значение».

Письма (*2*). С. 700.

Февраль, 26. В письме С.А.Венгерову Бунин просит сообщить крайний срок представления автобиографии и пишет:

«Я был несказанно занят последнее время. Теперь понемногу освобождаюсь, но ведь Вы хорошо знаете, как это трудно — рассказать свою жизнь даже в самых главных чертах мало-мальски сносно. В счастливую минуту это можно сделать, конечно, и легче, и быстрее, но такие минуты бывают только при свободе».

Письма (*2*). С. 323.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Малоярославца:

«Доктор гов<орит>, что до сих пор идет всё хорошо. <...>

Скучно без стервеночка, но все-таки покойнее, если не увижу его сегодня.

Целую тебя крепко.

Будь покоен, постарайся взять себя в руки и, если останешься в Москве, то начни работать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/118 оф.

Февраль, 27. Бунин переводит стихотворение Ш.Леконта де Лиля «В темную ночь, в штиль, под экватором» («Время, Пространство, Число...»). Авторская дата: «27.II.1915. Москва».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 6.

Бунин посылает С.А.Венгерову для сборника «Невский альманах. Жертвам войны. Писатели и художники» перевод стихотворения Ш.Леконта де Лиля «В темную ночь, в штиль, под экватором» («Время, Пространство, Число...») и сообщает об этом отдельными письмами Ф.Д.Батюшкову и С.А.Венгерову.

Письма (*2*). С. 323.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Малоярославца:

«Очень рада, если ты возьмешь меня завтра из моего заключения. Как ты себя чувствуешь?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/168 оф.

Февраль, 28. Вечером Бунин забирает В.Н.Муромцеву из санатория в Малоярославце и привозит в Москву.

См.: до 25 февраля 1915; 27 февраля 1915, третья запись.

А.А.Золотарев пишет Бунину из Рыбинска:

«Я очень тронут Вашим подарком. Тронуло меня за живое самое название книги Вашей "Чаша жизни". <...>

А в этой Вашей книге ближе всего моему сердцу — не сумею объяснить: почему? — “Восемь лет в Венеции я не был”. <...>

За Вами обещание приехать в Рыбинск».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3035/1 оф.

Февраль, конец. Бунин посылает А.М.Замиралову книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Данный экземпляр неизвестен. См.: 2 марта 1915.

Бунин посылает П.А.Нилусу книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Данный экземпляр неизвестен. См.: 21 марта 1915, первая запись.

Бунин посылает З.П.Тулуб книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Данный экземпляр неизвестен. См.: 1 марта 1915, вторая запись.

Л.А.Авилова пишет Бунину по поводу его книги «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915):

«Я читаю Вашу книгу. Не пугайтесь, Иван Алексеевич, я совсем не собираюсь огорчить Вас отзывом.

Я к Вам с маленькой просьбой: скажите мне, кто и где о ней писал? Хочется мне уяснить себе, что это Вы делаете с литературой? И пусть мне это объяснят дельно и умно. А мне это ужасно важно. <...>

А еще я прежде думала, что Вы сушите Ваши рассказы не из литературного только вкуса. Потом я видела, что Вы и округляете их. (У Вас этого давно нет: придать форму котлетки...). Анекдот Вы никогда не пускаете к себе на порог, но Вы изжили и фабулу и определенную мелодию со всеми ее нежностями, теноровыми нотками и веянием теплоты. Вместо мелодии стало то, что шарманки играть не могут. А вместо рассказа то, что не расскажешь.

И тогда вдруг оказалось, как еще много оставалось условностей, которых никто не уничтожал, потому что не замечал, и как приятно их уничтожить, потому что от условностей горе.

Распоясать тугой пояс.

Ваш путь теперь совсем ясен. Вы даже уже пришли и уверовали».

На верхнем поле письма Бунин пометил: «Конец января 15 г.». Очевидно, ошибочно указан месяц. См.: 7 февраля 1915, вторая запись; середина февраля 1915, первая запись.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 45, л. 2–3.

Февраль. Выходит № 5/6 петроградского журнала «Отечество», в котором (с. 105) печатается стихотворение «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»).

Март, 1. Н.С.Клестов посылает Бунину отчет товарный и денежный по выпущенным «Книгоиздательством писателей в Москве» книгам.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/16 оф.

З.П.Тулуб, получив книгу «Чаша жизни», пишет Бунину:

«От всей души благодарю Вас за Вашу чудную книгу. Я прочла ее медленно и внимательно и много передумала над ее страницами. <...>

Я знаю почти все Ваши рассказы по альманахам "Слово" и по "Вестнику Европы", но в книге они много выигрывают. <...>

Еще раз горячо благодарю Вас за "Чашу жизни", которая доставила мне много радостных минут. <...>

P.S. Перечитав Ваши прежние рассказы, я недавно заметила маленькую неточность в "Сне Обломова-внука": в первых строках Вы говорите о цветущей *черемухе*, а на четвертой странице рассказа о том, как в небе "кудрявятся белые облака и всюду столько света и радости, как бывает только в *июне*". По-моему, черемуха цветет в апреле, раньше яблонь и груш. Не правда ли? Может быть, Вы признаете нужным заменить черемуху хотя бы жасмином в издании "Нивы"? Простите мне, пожалуйста, это указание, но я позволила его себе, искренне любя Ваши чудесные рассказы».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3156/4 оф.

В московской газете «Утро России» (№ 59. С. 5) публикуется воззвание «К борьбе с антисемитизмом», которое, в частности, подписывает Бунин.

В тексте говорится: «Нам доставлено с просьбой напечатать следующее обращение к "русскому обществу":

С великим напряжением всех своих духовных и материальных сил ведет Россия войну. В этой борьбе одинаково принимают участие все населяющие Россию народы. <...> Мы верим, что претерпев ужасы войны, народы с усиленною энергией обратятся к устроению лучшего, светлого будущего. <...> деятельно хотим, чтобы в будущем отношения между российскими народами строились на незыблемых основаниях разума и совести.

Но в этот великий в истории нашей год мы с глубоким прискорбием и смущением видим, что к страданиям одного из населяющих Россию племен прибавляются новые и новые муки: ограничение права на образование особенно больно чувствуется ныне еврейским юношеством, потому что западная граница закрыта, а в русских учебных заведениях сохранена процентная норма для евреев, евреи из разрозненных местностей не имеют права проникнуть за черту оседлости, что ведет часто к разлучению членов семьи, к невозможности жене и детям посетить раненого солдата и к другим жестоким страданиям. <...> Только в единении населяющих Россию племен государство может и должно черпать свои силы, и только совершенное уравнение всех граждан в правах сделает эти силы несокрушимыми.

Русские люди, вспомним, что у русского еврея нет иного отечества, кроме России, и вспомним, что нет для человека ничего милее той земли, где он родился. Поймем, что благо и могущество России, счастье и свобода русского племени неразрывно связаны со счастьем и свободою всех племен, входящих в состав великого русского государства. Поймем это, обратимся к нашему разуму и к нашей совести, и одним из условий государственного строительства нашего поставим для себя прекращение гонений на евреев и полное уравнение их в правах с нами».

Воззвание также подписали: Л.Н.Андреев, В.А.Анзимиров, К.К.Арсеньев, Ф.Д.Батюшков, Н.Бердяев, М.Бернацкий, В.Богучарский, А.Бельский, П.А.Бурышкин, М.Ватсон, З.Н.Гиппиус, М.Горький, А.Дживелегов, С.Елпатьевский, Ф.Зелинский,

А.Зеленко, Вяч.Иванов, А.Иванчин-Писарев, Вас.Каменский, А.Карташов, Н.Кареев, А.Керенский, А.Кизеветтер, А.Р.Крандиевская, Е.Кускова, Г.Лопатин, С.Мельгунов, Д.Мережковский, А.Мертваго, Н.А.Морозов, В.Н.Муромцева, В.Мякотин, Е.Нелидова, Вас.И.Немирович-Данченко, Д.Н.Овсянико-Куликовский, С.Плевако, В.А.Поссе, А.Прокопович, С.Прокопович, А.Пешехонов, Е.Пешкова, С.Раецкий, С.Разумовский, А.Римский-Корсаков, М.Ростовцев, Ф.Ребинин, А.Серафимович, С.Скирмунт, Ф.Сологуб, П.Б.Струве, И.Северянин, Н.А.Тэффи, И.И.Толстой, А.Н.Толстой, К.Томашевский, Д.Философов, В.Фриче, Е.Чириков, А.Чапыгин, А.Чеботаревская, Г.Чулков, А.Чумаченко, Н.Чехов, Д.И.Шаховской, Н.Шкляр и др. Всего 207 подписей.

Март, 2. Полтавский врач и начинающий писатель А.М.Замиралов пишет Бунину из Черни (Тульской губ.):

«Получил как нечаянную радость — Вашу белую книжку — “Чашу жизни”. <...> Если б Вы знали как мне дорого то, что Вы вспомнили обо мне. Я давно люблю Вас, давно пытаюсь научиться у Вас мастерству, строгому отношению к слову, любви и верности нашему родному языку и равнодушию к моде, Вашей писательской искренности, постоянной близости с собственной душой, близости, которая так гарантирует от подчинения творчества голове, правилам, принципам — как бы они не казались благородными, глубокими (символизм, акмеизм и пр.).

Я уверен, что в смутное время литературы Вы многих, очень многих, в том числе и меня своей стойкостью удержали от соблазнов. А теперь уже сама жизнь раздавит эти моды. Не знаю — прав ли я, но я надеюсь, что война очистит нашу литературную атмосферу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3034 оф.

Март, до 3. Выходит № 2 петроградского журнала «Русские записки», в котором (с. 360–365) помещается рецензия на 4-й сборник «Слово». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет: «Верен себе остался Бунин в маленьком рассказе “Весенний вечер”, — верен в замысле, как и в исполнении. Сжато, отточено, подлинно академически безупречно изобразил он сложный момент острой вспышки сумасшедшей жажды нажиться, налетевшей на хмельного мужика при виде беспомощного нищего. <...> Автор сделал все, чтобы не слышно было его собственного голоса, чтобы действующие лица сами за себя и говорили и были ответственны. Более того, заключительный эпизод рассказа, когда убивший и ограбивший нищего мужик вдруг далеко отшвырнул от себя ладонку с деньгами, — сразу перестраивает весь рассказ на иной лад, делая его не только более правдоподобным, но и более широким, более трагичным. <...> Читателям Бунина, привыкшим к его художественным “обвинительным актам” вроде “Ночного разговора”, эпизод с брошенными ограбленными деньгами, быть может, по контрасту, покажется своего рода идеализацией, уступкой “народнической” традиции, но в действительности он — результат более углубленного отношения к вопросу. Если это действительно так, то “Весенний вечер” — немалая победа Бунина».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 марта (№ 50). С. 1).

Март, 3. С.А.Венгеров в ответном письме пишет Бунину:

«Недели 3 я бы еще мог дать Вам на сочинение автобиографии, но уже это, пожалуй, самый крайний срок. Буду ее ждать с нетерпением! Очень был бы Вам благодарен, если бы *немедленно* сообщили мне, можно ли рассчитывать, что недели через 2 будет готов Ваш портрет, который Репин собирался писать. Если нельзя, тогда дадим уж фототипию с фотографии.

Большое спасибо за присланные стихи, которые еще в конец сборника попадут».

Письма (*2*). С. 701.

См.: 27 февраля 1915, вторая запись.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 14704. С. 5) в рубрике «В литературном мире» печатается информационная заметка А.А.Измайлова «Клич». Без подписи.

В заметке сообщается: «Глубокой симпатии заслуживает благой почин московских литераторов — настоящей посильной помощи жертвам войны. К 15 марта выйдет большой сборник “Клич”». Далее дается краткое содержание сборника с упоминанием имени Бунина как автора рассказа.

Авторство заметки установлено по письму А.А.Измайлова. См.: середина января 1915.

Март, 4. Л.С.Козловский пишет Бунину из Москвы:

«Разрешите мне подарить Вам этюды о польских романтиках <...>.

С большим наслаждением перелистываю “Чашу жизни” (за которую еще раз благодарю Вас), наибольшее впечатление из этого сборника на меня производит рассказ “Братья”, глубокий по своему замыслу. Кстати, меня поразила одна мысль (это к нашему спору по поводу деревни), что Вы и к русскому мужику подходите так же *sub specie aeternitātis* <с точки зрения вечности. — *лат.*> как и к индусу. <...> Но русский читатель требует чего-то другого в изображении русской деревни. <...>

Быть может, в этой черте Вашего творчества — отдаленности от злобы дня — залог его сохранности в будущем, но оное обрекает Вас на нападки со стороны злободневных критиков, к которым принадлежит и Ваш покорный слуга».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 118, л. 3–4.

Март, 5. Бунин в письме Н.А.Кареву сообщает, что его стихотворение «Нет, Бог аскетов...» будет напечатано в сборнике «Клич».

Письмо неизвестно. См.: 9 марта 1915, вторая запись.

В письме П.А.Нилусу Бунин желает ему «одолеть» роман и пишет:

«Есть вялые места, но, повторяю, есть удивительно свежие и <...> мастерские. <...> А к креслу я привинчен не по старости, а по болезни: клянусь тебе, что всю зиму тяжело страдаю — заел бок, и все истекаю кровью, хотя лечусь и живу как святой».

Письма (*2*). С. 324.

Март, 6. Бунин фотографируется в Фотографии «Dore» в Москве (профиль).

На обороте помета Бунина: «1915 год».

Музей ИРЛИ, ф. 3, № 81517.

См.: 9 апреля 1915, первая запись.

Бунин фотографируется (анфас), очевидно, в Фотографии «Dore». На обороте паспарту красным карандашом Бунин отмечает: «6 марта 1915 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 5739 оф.

Бунин фотографируется (сидит в кресле, сложив руки на коленях), очевидно в Фотографии «Dore».

На обороте помета Бунина: «6.III.1915».

РГАЛИ. ф. 44, оп. 2, ед. хр. 162, л. 8.

Г.А.Вяткин пишет Бунину из Петрограда по поводу книги «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915):

«Дорогой Иван Алексеевич, все получил и сделал, что мог. Устроил бесплатно объявление о книге в следующих газетах: "Утро" (Харьков), "Южный край" (Харьков), "Сибирская жизнь" (Томск, самая распространенная в Сибири), "Голос Сибири" (Красноярск), "Сибирь" (Иркутск), "Жизнь Алтая" (Барнаул), "Алтай" (Бийск) и "Омский вестник" (Омск).

Кроме того, пишу для "Утра" довольно большую статью, весьма положительного свойства.

Прошу не отказать в высылке мне одного экземпляра сборника».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 82, л. 2.

См.: 10 марта 1915, третья запись.

Март, до 7. Выходит № 2 петроградского журнала «Северные записки», в котором (с. 129–140) печатается рецензия А.Гвоздева «Литературная летопись. ("Земля", сборник 15-й. "Слово", сборник 4-й)».

Рецензент, в частности, отмечает: «"Весенний вечер" Ив.Бунина (первый рассказ сборника "Слово") производит гнетущее впечатление. Бессмысленное убийство под пьяную руку, о котором повествует автор, тяжелым бременем ложится на сознание читателя. Чувствуется, что Ив.Бунин правдиво изобразил одну из нелепостей русской жизни, что он с бесстрашной прямотой взглянул в глаза ужасающей жестокости, на которую способен зверь в человеке. Только отделавшись от впечатления сугубого реализма рассказа, подмечаешь то мастерство, с которым Бунин сумел запечатлеть волновавшие его образы.

<...> На фоне весеннего вечера, нарисованного уверенными мазками, движется живописная фигура нищего <...>. Существует какая-то гармония между этим дряхлым скитальцем и природой <...>. Бунин, улавливая одним взглядом старика и убогий пейзаж, заставляет читателя почувствовать синтетический образ нищего».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (7 марта (№ 54). С. 6).

Март, 7. В архангельской газете «Северное утро» (№ 52. С. 2) публикуется отрывок из рассказа «Аглая» под заглавием «Из повести».

В московской газете «Утро России» (№ 65. С. 6) помещается информационная заметка «Клич». Подпись: -ъ.

В заметке говорится: «Книга “Дня московской прессы” скоро появится в продаже: черновые экземпляры уже разосланы по редакциям. <...>

Содержание “Клича”, насколько можно судить при мимолетном просмотре, тоже выгодно отличается от тех благотворительных “подачек”, которыми привыкли в таких случаях отделываться наши беллетристы. Здесь не только есть “имена”, но и достойные этих имен прекрасные вещи».

Март, 8. В архангельской газете «Северное утро» (№ 53. С. 2) публикуется второй отрывок из рассказа «Аглая» под заглавием «Из повести».

В иркутской газете «Сибирь» (№ 57. С. 3) печатается рецензия на 4-й сборник «Слово». Подпись: Ис. Г.

Рецензент пишет о рассказе «Весенний вечер»: «Рассказ волнует, потому что написан со свойственным Бунину мастерством. Но после прочтения его остается тяжелое чувство: обидно за человека и хочется негодовать на автора за то, что он в ясный и прелестный весенний вечер — именно в прелестный вечер! — раскрыл самые низины — темные и пугающие — человеческой души...».

Март, 9. Бунин пишет С.А.Венгерову по поводу своего портрета для книги «Русская литература XX века»:

«Что до портрета, то придется удовольствоваться фотографическим. Я в Финляндию не ездил — и не здоров, и очень занят. Да ведь с Репиным у нас и не было определенного разговора. К.И.Чуковский передал мне его желание, но ответа прямого я не давал, боялся, что не выберусь из Москвы — и так оно и вышло. <...> Очень постараюсь как можно скорее прислать Вам автобиографию».

Письма (2). С. 324.

По поводу предполагаемого портрета работы И.Е.Репина Бунин написал в своих «Воспоминаниях» (глава «Репин»). См.: 18 января 1915, вторая запись.

Н.А.Карев в ответном письме сообщает Бунину:

«Глубокоуважаемый, дорогой и милый Иван Алексеевич! Спешу известить Вас, мой искренний и <нрзб> друг юности, что Ваши письмо и книгу сочинений “Чаша жизни” я получил своевременно, 23-го февраля. <...> Получая “Ниву”, я читаю Ваши сочинения, но сочинения юношеские у меня и у моей жены положены на язык, как романсы <нрзб> и мы их постоянно читаем друг другу наизусть, особенно милы и незабвенны: “Нынче ночью поезд шумный унесет меня опять”, “Засыпай, засыпай, дорогая”, “Помню — долгий зимний вечер”... Вообще Ваши сочинения, читая, приходится переживать, чувствовать». Сравнивая далее поэзию Бунина с сочинениями К.Бальмонта, Ф.Сологуба, В.Брюсова, отмечает, что этих поэтов трудно читать и они не оставляют следа в душе.

«Как поэт — Вы “блажен”, потому что носите и храните заветы Пушкина и Тургенева, Ваш язык пламенный, он жжет сердце и потому-то люди будут помнить и любить Вас. <...>

Часто о Вас идут разговоры в моей семье, а по вечерам мы часто слушаем Ваш голос, декламирующий стихотворения “Одиночество”, “Христос”, “Песня”, “Иерихон”, записанные на пластинке для граммофона. <...>

Сегодня получил Ваше письмо от 5 марта и спешу в ответ на него искренно и от всей души поблагодарить Вас за помещение моего стихотворения в сборнике "Клич". <...>

Ваша жизнь нужна для Русской литературы, как лучший цветок ее украшения».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 111, л. 6–8.

Март, 10. В Литературно-художественном кружке на вечере сборника «Клич» Бунин читает рассказ «Грамматика любви».

Газета «Утро России» (6 марта (№ 64). С. 4) в информационной заметке «Вечер "Клича"» (без подписи) сообщает: «10 марта в Литературно-художественном кружке состоится вечер, устраиваемый редакцией альманаха "Клич", сбор с вечера поступит в фонд "Дня печати" на помощь жертвам войны. <...> академик И.А.Бунин прочтет свой рассказ "Грамматика любви"».

В газете «Утро России» (11 марта (№ 69). С. 5) в рубрике «Театры» помещается отчетная заметка «Вечер "Клича"». Без подписи. В заметке говорится: «Вчера в Литературно-художественном кружке состоялся вечер сборника "Клич".

Читали свои произведения: академик И.А.Бунин, И.С.Шмелев, Ю.К.Балтрушайтис и др. <...>

Зал кружка был переполнен. Весь сбор с вечера поступит в фонд "Дня печати"».

Н.С.Клестов посылает Бунину расчет стоимости издания книги «Чаша жизни» — «печаталось 2400 экз.» и суммы гонорара.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/15 оф.

В харьковской газете «Утро» (№ 2600. С. 7) помещается рецензия Г.А.Вяткина на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Литературная физиономия писателя уже давно вполне определилась, полное собрание его сочинений расходится ныне по всей России в сотнях тысячах экземпляров, но тем не менее хочется говорить о нем опять и отметить новую книгу, как новый прекрасный подарок русской литературе. <...>

Всеми переливами красок цветут осенние сады бунинской поэзии. <...> Бунин богат и щедр, он знает не только осень. <...>

Но элегическая музыка осени прельщает его больше, чем зеленый шум весны, и жизнь он любит страстно, но "чаша жизни" дороже для него тогда, когда она полна. <...>

Взыскательный художник, нелицемерный свидетель бытия, не может закрывать глаза на то жуткое и недоброе, что совершается на земле. <...> Художник обязан об этом сказать, и Бунин это говорит, и умеет говорить простыми, трезвыми и сильными словами (рассказ "Весенний вечер").

Писатель "честный до ужаса", он недаром над одним из лучших рассказов ("Братья") ставит эпиграфом: "Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали". <...> Эта любовь к миру и "чуть заметная счастливая улыбка" характерны не только для старика Арсенича <рассказ "Святые">, рассказывающего о святых, но и для самого Бунина, так щедро и убедительно рассказывающего нам и о святых и о грешных.

В конце новой книги помещена поэтическая миниатюра “Над городом”. <...>

Эти же мысли и чувства <как в рассказе “Над городом”> встречали мы и в прежних произведениях Бунина, всегда неизменно тяготевшего к живой жизни и живому миру. Он остается себе верен и, какие бы мрачные драмы он ни описывал, какие бы жесткие и горькие слова ни говорил, мы знаем, что за всем этим бьется большое и теплое сердце, играет и пенится полная чаша жизни, и сквозь дымку печали сдержанно светится на суровом лице “чуть заметная счастливая улыбка”».

Март, начало. Бунин посылает В.В.Брусянину книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Данный экземпляр неизвестен. См.: 13 марта 1915.

Бунин посылает А.М.Горькому книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Алексею Максимовичу, который никогда не присылает мне своих книг».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Датируется по письму Бунина. См.: 15 марта 1915, первая запись.

Выходит № 2 петроградского журнала «Современный мир», в котором (с. 340–341) публикуется рецензия Н.П.Ашешова (псевд. А.Ожигов) на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915). Подпись: Ал. О.

Рецензент пишет: «Эта книга рассказов Ив.Бунина, так сказать, годовой отчет о художественной деятельности писателя. <...>

Свежие это рассказы хорошего, уверенного и изящного бунинского пера. Оно сделалось теперь точно спокойнее, объективнее, я сказал бы — мудрее. <...>

Сколько любви к любви в четырех первых рассказах Бунина! “Чаша жизни”, “При дороге”, “Братья”, “Святые” — это поэмы в изящной прозе, поэмы тоски, песнопения умудренного любовью сердца».

Граница события определена по времени выхода № 1 журнала «Современный мир»: до 10 февраля. См. объявление в газете «Русские ведомости» (10 февр. (№ 32). С. 2).

Авторство рецензии установлено по письму В.В.Брусянина. См.: 13 марта 1915.

Март, до 11. Выходит № 3 петроградского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 322–339) печатается статья Е.А.Колтоновской «Пути и грани молодой литературы. (Новости беллетристики)», в которой разбирается 4-й сборник «Слово».

Критик пишет: «Эти сборники, как и вообще московское издательство писателей, постепенно объединяют талантливые и живые элементы молодой литературы. Объединить их вполне пока не удалось еще, но все, что выпускается этой фирмой, всегда интересно и подлинно литературно, является определенным “словом” писателей о себе, а отчасти и общим словом литературы о пройденном ею этапе. <...>

Коротенький рассказ Бунина, с таким заманчиво-мирным заглавием: “Весенний вечер” — по содержанию кошмарен. Он примыкает к известной бунинской летописи о деревне, но на этот раз автор вносит в нее необычайно страшную страницу. Сюжет рассказа несложен и зауряден <...>, но нарисована эта картина у Бунина с такой острой отчетливостью и подчеркнутостью и в таких сгущенных тонах, что получается впечатление жуткой, чудовищной жестокости. <...>

Этот скупой, сжатый рассказ написан сильно, с той особенной “художественной жестокостью”, которая в новейшей литературе свойственна одному только Бунину. Она не похожа на лихорадочную, эмоциональную жестокость Достоевского, мучающего нервы. Она хладнокровна и обращена к мысли. Как отточенный кинжал, ранят бунинские слова, тоже отточенные, холодноватые и прозрачные — колющие и жгущие, как ледяные кристаллы. <...> Всё это не сливается в одно кошмарное впечатление, а воспринимается раздельно, с полной отчетливостью, да еще в поэтической рамке “весеннего” вечера. <...>

И сама катастрофа воспринимается тоже раздельно, отчетливо — она передана автором в обычных спокойных, точных словах, без аффектации: самое страшное — за словами. <...>

Ослабляется впечатление от страшного рассказа только рационалистически — тем сознанием, что бунинская жестокая “правда”, <...> — уже правда вчерашнего дня. <...>

“Стилизованная” деревня Бунина, как отражение вчерашнего дня, вполне совпадает с “реальной” деревней Подъячева. Эта прошлая деревня напоминает о себе и сейчас, когда уже началось возрождение».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (11 марта (№ 57). С. 8).

Март, 11. А.Е.Розинер пишет Бунину из Петрограда:

«Прошу извинить мой не совсем скорый ответ на последнее Ваше письмо.

На выключение статьи о Чехове из IV тома мы согласны, — и том этот, стало быть, объемом будет меньше других. Что же касается до пополнения тома III несколькими страницами с датами стихотворений, то таковое, во-первых, не совсем осуществимо для типографии, которой теперь уже поздно добавлять означенный том, и во-вторых, как-то неудобно, рискованно с точки зрения, как отнесутся к этому подписчики. И без того уже по сравнению с книгами остальных авторов, Ваши книги малы объемом (новые будут уже в 8 л., вместо 9 л.), и как ни желательно нам иметь побольше от Вас материала, право, как бы подписчик косо не взглянул на такое добавление в конце тома — не усмотрел бы именно как бы умышленного заполнения места ради увеличения объема.

Повторяю, мы очень желали бы получить от Вас материал — и если бы Вы нашли возможным дополнить наше издание Вашими произведениями новыми или старыми, Вы этим бы крайне нас обязали. Мы предполагали дать наших листов 108, а выйдет 97, — покорнейшая просьба, если возможно, включить в издание еще какие-нибудь произведения».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 296, л. 9.

Март, 13. В.В.Брусянин пишет Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич! Большое спасибо Вам за книгу “Чаша жизни”. С каким-то особенным удовольствием всегда читаешь Вас, смакуя, перечитывая и всматриваясь и в Ваш пейзаж и в пластичность героев. Особенно мне приятны Ваши рассказы: подлинная, настоящая в них деревня. <...> Всем очень нравятся сборники “Слово”, и все вообще издания “Книгоиздательства писателей”. Очень это хорошо. <...>

Очень я хотел повидаться с Вами в Москве. <...>

В “Современном мире” о “Чаше жизни” написал Ожигов. Вчера прочел статью Вяткина в харьковской газете “Утро”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 64.

Март, 15. Бунин пишет А.М.Горькому, извиняясь за поздний ответ:

«Вы понимаете, как трудно мне отвечать на Ваше последнее письмо <неизвестно>. Позвольте только особенно горячо поцеловать Вас. Вы истинно один из тех очень немногих, о которых думает душа моя, когда я пишу, и поддержкой которых она так дорожит».

Письма (2). С. 324–325.

Очевидно, в недошедшем до нас письме А.М.Горький выразил свое мнение о книге «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г.» (М., 1915).

Бунин в письме А.А.Измайлову вновь отказывается дать что-либо для газеты «Биржевые ведомости» и пишет:

«я последнее время чувствую себя совершенно больным и свету Божьего не вижу из-за корректуры для “Нивы”».

Письма (2). С. 325.

В газете «Киевская мысль» (№ 74. С. 2) печатается статья Л.С.Козловского «“Клич”. (Письмо из Москвы)».

Критик пишет: «На днях в Москве выходит под редакцией Ив.Бунина, В.Вересаева и Н.Телешова сборник “Клич”. <...>

Независимо от благотворительной цели, сборник “Клич” представляет несомненную ценность и любящие литературу найдут в нем много интересного. <...> Сами редакторы сборника не пожалели отдать в этот сборник вещи несомненной художественной ценности. <...> Ив.Бунин — написанный с обычным для этого мастера слова изысканностью и простотой рассказ “Грамматика любви”. <...>

Вообще, как черту этого сборника, следует отметить, что авторы вовсе не давали — как это иногда бывает при издании с благотворительными целями — залежавшихся и менее удачных, ненужных произведений. Нет, жертвовали с любовью и радостью и потому жертвовали хорошее и ценное. <...> В ряду литературных сборников “Клич” занимает совершенно исключительное место».

Март, 16. Бунин переводит отрывок из «Золотой легенды» Г.Лонгфелло «О Христе и дочери халифа» («Я нарвала цветов...»). Авторская дата: «16.III.1915. Москва».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 8–12.

См.: 22 марта 1915.

Выходит в свет книга «Клич. Сборник на помощь жертвам войны» (Под ред. И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова. М., 1915), в которой (с. 47–53) печатается рассказ «Грамматика любви».

Газета «Русские ведомости» (17 марта (№ 62). С. 6) в информационной заметке «Клич» (без подписи) отмечает: «Очень нарядная, эффектная внешность, — такова первая положительная черта “Клича”, выпущенного вчера сборника. <...>

Вчера же разошлось более половины 10-тысячного тиража “Клича”».

В газете «Утро России» (17 марта (№ 75). С. 6) в информационной заметке «День печати» (без подписи) сообщается: «Вчера днем вышел из печати изданный писателями при участии художников и композиторов литературно-художественный сборник "Клич" в пользу жертв войны. Первые же 3 тысячи экземпляров были немедленно распроданы. <...> Всего "Клич" отпечатан в количестве 10000 экземпляров. <...> Итого от продажи сборника и выручки с вечера "Клич" поступило по вчерашний день 9948 руб. 72 коп.».

Март, 17. Литературный сборник «Клич» преподносится Бунину с дарственной надписью:

«Ивану Алексеевичу Бунину. В.Вересаев. Н.Телешов. Москва. 17/III. 1915 г.».

РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 18.

Литературный сборник «Клич» посылается А.К.Глазунову с коллективной дарственной надписью:

«Александру Константиновичу Глазунову. Ив.Бунин. В.Вересаев. Н.Телешов. Москва, 17/III 1915 г.».

ГЛМ ОКФ, № 51606.

Литературный сборник «Клич» посылается в Литературно-художественный кружок с коллективной дарственной надписью:

«Литературно-художественному Кружку с благодарностью за отклик редакторы "Клича" Ив.Бунин. В.Вересаев. Н.Телешов. Москва, 17/III 1915 г.».

ГЛМ ОКФ, № 193335.

В московской газете «Русское слово» (№ 62. С. 9) печатается статья А.А.Измайлова «Клич», в которой к выходу сборника в свет было представлено его содержание с краткими характеристиками некоторых произведений, в частности, рассказа «Грамматика любви».

Критик пишет: «...всякий отыщет что-нибудь для себя <...> романтик — целый ряд лирических набросков в прозе, начиная с "Грамматики любви" Бунина и кончая рассказом Авиловой <...>. Характерно, как густо-лирические тона окрашивают литературу сегодняшнего дня. Сплошь лиричен рассказ Бунина <далее идет пересказ рассказа>. Впрочем, Бунина, да еще в такой лирической теме, разве можно пересказывать».

Март, 20. А.А.Золотарев пишет Бунину из Рыбинска:

«...пишу Вам по просьбе друга моего — Алексея Константиновича Лозина-Лозинского. Он отправил рукопись: "Капри" в "М. Кн-во писателей". Нельзя ли ускорить ответ».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3035/3 оф.

Март, 21. П.А.Нилус пишет Бунину:

«Дорогой Ив. Только что дочитал твою книгу — незнакомый рассказ только один — "Пыль" — очень хороший. Что нравится в "Братьях" и что не нравится, а равно в "Чаше жизни" — ты знаешь, к сожалению, остаюсь при прежнем мнении. Общее впечатление очень хорошее, к этой книге тянет — а в этом все. Одно только могу сказать — дорого нынче товар свой ценят писатели — 1 р. 50 к. <...> Затем. Не нравится мне заголовок "Ив.Бунин" — автографом, да еще крайне искусственным, — не солидно».

Письма (*2*). С. 704.

Московская газета «Утро России» (№ 79. С. 4) в рубрике «Литературная хроника» (без подписи) сообщает о продаже сборника «Клич»:

«Успех сборника "Клич" был совершенно исключительный. Уже 19-го марта к вечеру в магазинах Москвы не осталось ни одного экземпляра».

Март, 20...22. Н.Н.Лепетич в недатированном письме из Николаева (Херсонской губ.) поздравляет Бунина с Пасхой, просит оценить приложенные свои стихотворения, а также пишет:

«Прочел в перепечатке "Новостей" твою великолепную "Тору". — Вот это бриллиант! (не льщу, ей-богу, а так по душе. Я перечел раз десять). Но досада, — посмотри, что Мойсеи из Одессы — наборщики и корректоры — сделали с ней — в третьей строке. Как после этого не бить жидов! Так едва и не было постом — чуть мы не били Юшкевича. Дело было в "Литературке". <...>

Был постом в нашей компании несколько дней и дорогой Павлыч <В.П.Куровский>, приехавший из Очакова. Вспоминали с ним — тебя, Иван, и пили твое здоровье».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3414/1 оф.

В 1915 г. Пасха праздновалась 22 марта. В газете «Одесские новости» перепечатанное стихотворение не обнаружено.

Март, 22. В московской газете «Русское слово» (№ 67. С. 3) публикуется перевод из «Золотой легенды» Г.Лонгфелло «О Христе и дочери халифа» («Я нарвала цветов...»).

Март, 19...23. Бунин посылает Ф.Д.Батюшкову сборник «Клич».

Данный экземпляр неизвестен. См.: 27 марта 1915, вторая запись; 31 марта 1915, первая запись.

Март, 25. Ф.Д.Батюшков пишет Бунину:

«Если Вам не покажется скучным, не откажите порешить "поэтический спор" у нас с Марьей Вал.Ватсон, ибо Вам и книги в руки. Вопрос в том, как понимать Ваш образ (в сборнике "Чаша жизни") в стихотворении "Плач ночью":

Звезды слезами текут с небосклона ночного,
Плачет Господь, рукава прижимая к очам.

Я толкую это в том смысле, что звезды уподобляются слезам Господа, который проливает их, и они текут по небосклону. В таком смысле нахожу образ красивым, выразительным и соответствующим возможному впечатлению от мерного течения звезд по небосклону, подобно слезам, котор. просто проливает.

Марья Вал.Ватсон утверждает, что это не так, что плачут сами звезды и их-то слезы текут по небосклону... <...> Лермонтов мог сказать, что звезды "говорят" друг с другом, ибо мигание — показатель возможного общения; но звезды могут быть уподобляемы и слезам, которые текут по небосклону, — и этот образ удачно Вами использован. Но утверждать, что звезды сами плачут — это все равно, что сказать, что луна кашляет, солнце сморкается — полный насморк на небе: это уже не поэзия.

Так вот и решите кто из нас прав. Мария Валентиновна успокоится только когда Вы выскажетесь, почему я и решился Вас беспокоить».

Письма (2). С. 703.

В харьковской газете «Утро» (№ 2613. С. 7) помещается рецензия Г.А.Вяткина на сборник «Клич».

Рецензент отмечает: «И в самом деле, какой это исключительный, какой прекрасный сборник! <...> Богатство содержания бьет ключом из каждой страницы. <...>

Прекрасный рассказ "Грамматика любви" дал Ив.Бунин. <...> Рассказ написан с обычным для Бунина мастерством, простотой и изяществом».

Март, 27. В Большом зале Российского Благородного собрания Бунин слушает «Всенощное бдение» С.В.Рахманинова.

Дата определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (17 марта (№ 62). С. 1).

См.: 29 марта 1915, первая запись.

В ответном письме Бунин пишет Ф.Д.Батюшкову по поводу мнения М.В.Ватсон о стихотворении «Плач ночью»:

«Марья Валентиновна, конечно, не права. Сравнения, всяческие одушевления всегда должны диктоваться величайшим чувством меры и такта, никогда не должны быть натянуты, пусты, "красивы" и т.д. Кроме того, я почти всегда очень точно говорю то, что говорю, и до смерти буду учиться этому. Вы пишете, что М<ария> В<алентиновна> толкует мой стих так: "плачут сами звезды и их-то слезы текут по небосклону". Но ведь у меня ясно сказано: "Звезды слезами текут...", а не "плачут". Желая сказать, напр., "я плачу", я никогда не скажу: "я теку слезами".

Очень беспокоюсь, получили ли Вы "Клич"».

Письма (2). С. 325.

Март, 28. Московская газета «Утро России» (№ 84. С. 6) в рубрике «Литературная хроника» (без подписи) сообщает:

«Сборник "Клич" выйдет в скором времени вторым изданием».

См.: 19...26 мая 1915.

Март, 29. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Спасибо, дорогой, за отзыв о книге, приятно слышать. Вообще, дай Бог не сглазить, ее похваливают. Насчет автографа на обложке вполне согласен — нехорошо, не следует; больше не допущу этого, хотя уверяют, что даже такой пустяк помогает продаже. <...>

Очень приятно, что не охладел еще к роману. Что он растет, не беда — в том случае, конечно, если будешь хрипеть и потом над ним, да раз десять прогонишь сквозь сепаратор.

Скрябин — да, тяжек и противен. А что до "музыкал<ьной> тошноты", то, право, она вызывается всеми бездарными и претенциозными людьми. Но бездарен ли он? — Тут я в суждениях робок.

Слушал "Всенощн<ое> бдение" Рахманинова. Кажется, мастерски обработал все чужое. Но меня тронули очень только два-три песнопения. Остальное показалось обычной церковной риторикой, каковая особенно нетерпима в служениях Богу. <...>

С корректурой для “Нивы” стало легче. Пишу для “Истории рус<ской> литературы” Венгерова автобиографию. Это мука. Кажется, опять ограничусь заметкой».

Письма (*2*). С. 325–326.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 71. С. 3) публикуется «Ответ русских писателей английским товарищам», подписанный, в частности, Буниным.

В «Ответе...» говорится: «Мы давно знаем вас. С тех пор, как мы, русские, пришли в общение с Западной Европой и стали черпать из великого духовного богатства, накопленного нашими западно-европейскими братьями.

Из поколения в поколение мы пристально всматривались в жизнь Англии и складывали в наших умах и сердцах все то особенное, яркое и индивидуальное, чем запечатлены английское слово, английская мысль, английская гражданская жизнь. <...>

Мы знаем, как широко и крепко английское слово, знаем, что внесли английские писатели не только в жизнь Англии, но и в мировую, общечеловеческую жизнь, и мы с чувством давней приязни и великого уважения читаем старую книгу, заглавие которой “Англия”, где страницы не желтеют, мысли не блекнут, письмена не стираются и где новые главы говорят о том, что книга все пишется, что продолжение следует, — бесконечное продолжение, все в том же сильном и светлом, общечеловеческом духе, чем полны старые страницы.

Мы горды вашим признанием великой индивидуальной ценности русской литературы, и мы взволнованы вашими горячими словами сочувствия и содружества. <...>

Мы верим и позволяем себе надеяться, что наше содружество не кончится на полях битвы, что будет расти и крепнуть наше взаимное понимание, и те искренние, сердечные слова, с которыми вы обратились к нам, претворятся в духовное единение на почве общей работы человеческого духа.

Мы верим в еще бо́льшее, — верим, что потухнет злоба в человеческих сердцах и не горька станет взаимная обида, и когда будут качаться хлебные колосья на изрытых окопами и политых человеческой кровью полях и полевые цветы покроют могильные холмы, придет время, и разъединенные, так далеко разошедшиеся народы снова сойдутся на едином великом общем человеческом пути, вернутся к общечеловеческим великим словам.

Мы верим и надеемся. Привет вам».

Всего 77 подписей, среди которых: Ю.А.Бунин, И.А.Белоусов, В.В.Вересаев, А.Е.Грузинский, Н.Давыдов, С.Я.Елпатьевский, И.Игнатов, С.Мельгунов, А.С.Серафимович, Н.Д.Телешов, И.С.Шмелев, Н.Морозов, А.Н.Толстой, А.Горнфельд, А.Пешехонов, Ф.Батюшков, Н.Котляревский, П.Сакулин, А.Кони, В.Кранихфельд, Б.Лазаревский, И.Потапенко, Ф.Сологуб, Т.Л.Щепкина-Куперник, К.Баранцевич, С.Венгеров, П.Милюков, К.Арсеньев, М.Горький, Л.Н.Андреев, И.Белоконский, А.Сумбатов, В.Фриче, А.Веселовский, Вл.И.Немирович-Данченко, Е.Трубецкой, Л.Козловский, Ф.Кокошкин, И.Л.Толстой, А.Кизеветтер, Е.Кускова, Тимковский, Арцыбашев, Ю.Балтрушайтис, Гершензон, Ю.Айхенвальд, Д.Шаховской, Д.Овсянико-Куликовский, А.Ремизов, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, А.А.Блок, Е.Н.Чириков, В.Я.Брюсов и др.

В московской газете «Утро России» (№ 85. С. 4) публикуется «Ответ русских писателей» (адресованный английским писателям), подписанный, в частности, И.Буниным и Ю.А.Буниным.

Всего 67 подписей. См. выше.

См.: 21 декабря 1914, вторая запись.

Март, 30. В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 14753. С. 4) помещается «Ответ русских писателей английским собратьям», подписанный, в частности, Буниным.

Текст тот же. Среди подписей отсутствуют: Ю.А.Бунин, А.Пешехонов, В.Семевский и некоторые другие. См.: 29 марта 1915, вторая запись.

См.: 21 декабря 1914, вторая запись.

В петроградской газете «Речь» (№ 86. С. 3) публикуется статья Е.А.Колтоновской «Бунин и старая Россия» — рецензия на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Критик пишет: «Бунин писатель ядовитый... Даже сейчас, когда старая Россия, предмет его изображения, как бы несколько потускнела, стушевалась и не так уже пугает, потому что кажется прошлой, отошедшей, — бунинский яд чувствуется остро.

В этом отношении, в новом бунинском сборнике <“Чаша жизни” (М., 1915)> интересен короткий рассказ “Пыль”. Это — как бы дополнительный эпизод к суходольской хронике вырождающихся дворян Хрущевых; и эпизод — очень характерный. <...>

Этот истинно-русский “пыльный” колорит затхлой провинциальной жизни Бунин передает с художественной тонкостью и отчетливостью настоящего реалиста. <...>

Разве не типичен этот бунинский “европеец”?

Это живой символ тех наших культурных людей с утонченными вкусами, которые в течение многих поколений убегали от родного варварства и так склонны были, презирая все свое, отождествлять чужую “лакированную красоту” с духовной культурностью. И сколько вреда приносил России такой отлив сил! <...>

Тот же “историзм” присущ бунинским изображениям деревни. Деревня сейчас уже не та, какою была вчера. И бунинская жестокая правда о ней, при всей ее едкости, является правдой вчерашнего дня. <....> У Бунина изображены именно — искалеченность, потеря человеческого образа.

В поэтической рамке благоухающего весеннего вечера <рассказ “Весенний вечер”> развертывается картина потрясающего человеческого зверства, чисто мужичьего, возможного только при темноте и алкоголическом безумии.

Обе фигуры — <...> классические, характерные для старой России.

Виртуозно нарисован и финал. <...>

Может быть, именно вследствие некоторой анахроничности тем, в бунинских рассказах теперь захватывает не столько сам предмет, сколько мастерство в его изображении. Предмет отдален, воспринимается более объективно, поэтому выдвигается тонкое изящество работы художника; дает особенное наслаждение сам по себе талант Бунина, такой своеобразный и самобытно-русский по природе, но

с замечательным искусством отточенный — колючий, красивый талант поэта-живописца.

Бунин — писатель уже вполне определившийся. А между тем в каждом новом томе его сочинений чувствуется, как он растет, как раздвигаются рамки его творчества, углубляется и светлеет содержание.

Бунин в нашей новой, растущей литературе сейчас — самый старший, совсем зрелый, но далекий от увядания.

Как художник-психолог, он ближайший наследник Чехова, его младший литературный брат. Но как колоритный живописец, как стилист, он ушел от Чехова вперед. По сравнению с живописной выразительной прозой Бунина, чеховская — уже кажется бледной.

Чехов и Бунин не похожи по природе; в зависимости от этого различен и тон их изображений: у Чехова лирический, с примесью добродушного юмора, у Бунина — сатирический, злой. Но их изобразительные приемы родственны. Это — оригинальное сочетание прежнего, довольно старого, реализма с новейшим схематизмом и символизмом.

И предмет изображения у этих писателей один и тот же, хотя и взят в разное время в различных условиях.

Чехов ничего, кроме “Ионыча” и “Палаты № 6” не видел, и мог лишь мечтать о том, что “будет через сто лет”. Та же Россия воспитала и Бунина. Но затем он видел чудеса, до которых не суждено было дожить Чехову. На глазах у Бунина совершалась грандиозная ломка старого и переоценка. Отсюда и нервный субъективизм в его творчестве, страстность и едкость его приговоров. Но тенденциозный элемент все больше стушевывается у Бунина, уступая место непосредственности.

Среди рассказов нового сборника тенденциозность присуща только “Чаше жизни”. Это рассказ, написанный сильно и выпукло, но его сатирическая душа слишком выпячена; краски в нем сгущены, положения без нужды утрированы. В изображении провинциала нет сдержанности. Это уже не “человек в футляре”, а какой-то монстр, вроде героев “Пятой позы” Ремизова.

Гораздо проще другой мрачный рассказ: “При дороге”, с очень живым драматичным сюжетом. Содержание его — исключительное, краски, по обыкновению, темны; но темнота эта не от авторского измышления — от нее веет жутью жизненных тайн. <...> Автор создал очень красивый, капризный и далеко не монотонный узор.

Темнота жизни не бывает сплошной, беспросветной. И под ужасами, заполнившими житие Парашки на пороге зрелости, чувствуется большое положительное содержание: ее богатые силы и яркий темперамент.

Не хрущовское пренебрежение к своему родному вызывает этот бунинский рассказ, а, напротив, острое сочувственное любопытство.

Сейчас, когда это свое родное засияло нежданной красотой, только такие чувства и укореняются в душе.

Навевает эти чувства и маленький поэтический рассказ Бунина “Святые”, необычно для него кроткий, элегический».

Там же (с. 2) в рубрике «Московская хроника» приводится с некоторыми сокращениями текст «Ответа русских писателей английским

писателям», выработанного и подписанного группой писателей, в том числе Буниным.

В харьковской газете «Утро» (№ 2617. С. 3) перепечатывается из «Русских ведомостей» «Ответ русских писателей английским товарищам».

77 подписей, в том числе Бунин.

См.: 21 декабря 1914, вторая запись; 29 марта 1915, вторая запись.

Март, 31. В ответном письме Ф.Д.Батюшков пишет Бунину:

«Вот Вы и порадовали старушку: от своего толкования “звезды слезами катятся” она, т.е. Марья Вал.Ватсон, конечно, отказалась, но выпросила Вашу записку как автограф на память и говорит, что осталась в выигрыше, хотя и проиграла спор. Спасибо Вам.

“Клич” имею даже в двух экземплярах (один приобрел по выходе). Поздравляю с успехом — “на помощь жертвам войны”».

Письма (*2*). С. 703.

В газете «Киевская мысль» (№ 89. С. 5) в рубрике «Литературная летопись» сообщается о продаже сборника «Клич» и издании сборника «Невский альманах»:

«Сборник “Клич”, изданный кружком писателей под редакцией Бунина, Вересаева и Телешова в помощь жертвам войны, встречен был читательской публикой очень горячо. Печаталось 10000 экземпляров. Для большего количества не хватило веленевой бумаги, на которой печаталась книга. Все 10000 экземпляров распроданы были со склада в два дня. На помощь жертв войны досталось чистых около 25000 р. Спрос на книгу тем не менее продолжается. По слухам есть предположение повторить издание.

Заканчивается печатанием и в начале апреля поступит в продажу “Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники”».

Март, 11...31. Выходит книга К.Р. «Критические отзывы» (Пг., 1915), в которой (с. 284–310) помещается «Отзыв о стихотворениях Бунина. (Из отчета о восемнадцатом присуждении премии им. А.С.Пушкина в 1909 г.)».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

См.: 17 февраля 1909. (*Летопись* (*1*). С. 785–787).

Март, конец. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы в недатированном письме о рассказе «Грамматика любви»:

«Рассказ мне очень понравился: сюжет весьма приятный, написано все “по-Бунински”, но, к сожалению, и с Бунинскими недостатками, которые мне не все нравятся. Излишние подробности — я принимаю, но не могу терпеть рассказов в рассказе, эпизодов, *не относящихся никак к сути* <нрзб>. Так, например, вместо того, чтобы Ивлев поехал прямо к Хвощинскому, он заезжает к графине. То, что выясняется из разговора с графиней можно объяснить двумя строчками. К чему же этот эпизод? Неужели для того, чтобы показать, что у нас еще и нищие графы — тогда такой сюжет, пожалуй, стоит большого рассказа. Только поспешностью можно объяснить оставленную фразу о том, что Ивлев едет “в дальний край уезда”.

Засим, автор, прославившийся некогда точностью наблюдений, начинает, иной раз, нести кляповину и даже прибегает к весьма частым "б<...> многоточиям" по его же выражению.

"Серебро уже побелевшее и стертое от времени" — серебро от времени темнеет; белеет же от *постоянного* употребления.

"Окна сидели в толстых стенах глубоко". — И это неправда. Только в новейших постройках углубляют окна — и это очень важно, — в старину делали как раз наоборот и т.д.

Этот рассказ, если бы не "архитектоника" — нужно отнести к самым приятным твоим рассказам. — Название не нравится. Франс, Флобер — назвали бы иначе. <...>

Евгению <Буковецкому> рассказ понравился. <...>

P.S. Послал тебе вчера рассказ. На днях высылаю II часть "Лишиной молодости", будь добр, приложи к I части, если будет время и достаточно любопытства, прочитай».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 88–89.

Датируется по времени выхода сборника «Клич» и по следующему письму П.А.Нилуса. См.: 2 апреля 1915, вторая запись.

Март. Выходит № 13/14 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 787–789) публикуется рецензия «Новые рассказы. "Весенний вечер" Ив.Бунина. (Слово, сб. 4)». Без подписи.

Рецензент пишет: «И вечер, — весенний вечер в русской деревне, мастерски написанный в мягких, ласковых бунинских тонах, мы действительно находим в этом рассказе, но на фоне ласкового вечера творится деяние темное, казалось бы, нелепое и невозможное в своих бьющих в глаза психологических противоречиях, и в то же время кошмарно-правдивое в своей чувствующейся простоте и возможности. Это пример той несообразной, не поддающейся анализу психологии, которую только и можно встретить у нас — в русской деревне, темной, тоскующей, надорванной и... пьяной».

Апрель, 1. В севастопольской газете «Крымский вестник» (№ 81. С. 4) перепечатывается из «Русских ведомостей» «Ответ русских писателей английским писателям».

77 подписей, в том числе Бунин. См.: 29 марта 1915, вторая запись.

Апрель, 2. Бунин в письме С.А.Венгерову сообщает:

«вероятно, дня через два вышлю Вам автобиографические заметки. Сделал бы это давно, да все нездоров: фотографируют мои почки и т.д.»

Письма (2). С. 326.

См.: 10 апреля 1915, первая запись; 17 апреля 1915, первая и вторая записи.

П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Посылаю тебе 2-ую часть моего романа <...> нужно, по чеховскому рецепту чикнуть из начала так страниц 20, тогда не будет вялых мест. А когда окончу — то же сделать с концом. Может быть, лучше и не браться за него?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 71.

В севастопольской газете «Крымский вестник» (№ 82. С. 4) публикуется рецензия К.Подводского на сборник «Клич».

Рецензент, в частности, пишет: «Несколько дней тому назад в витринах книжных магазинов выставили с ярко огненной обложкой художественный сборник “Клич”. <...>

Третий день я не отрываюсь от живого, интересного сборника “Клич”. <...>

Пересказывать “Грамматику любви” Ив.Бунина — невозможно: ее струны так звонко натянуты, в таком мягком, мирно романтическом тоне, что каждое прикосновение к ним руки, а не взора души и сердца читателя, может оборвать их и разлить глубокое сожаление. <...>

В сборнике “Клич”, как весною в лугах. Много цветов и каждый цветок красив, каждый влечет к себе взор своей формой, красками и ароматом. Ко всем цветам тянется с волнением душа читателя и долго, долго наслаждается светлыми переживаниями. <...>

Невыразимо радостно, что братья писатели принесли братьям воинам лучшие цветы своего творчества. Братья читатели! “Клич”, как горный студеный ручей, утолит вашу духовную жажду. Идите, идите к нему».

Март, 31...Апрель, 7. В серии «Библиотека иностранных писателей под редакцией И.А.Бунина» выходит книга Р.Киплинга «Избранные рассказы. Кн. 4» (Пер. Н.Пушешникова. М.: Московское книгоиздательство, 1915. 316 с.). Тираж 2500 экз. Цена 1 р. 50 к.

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Апрель, 8. А.Е.Розинер пишет Бунину из Петрограда по поводу издания Полного собрания сочинений приложением к «Ниве»:

«Недохватка, которая так нас испугала, к счастью, оказалась мнимой: произошла просто ошибка при подсчете нами одного из томов <...> и дело опять, следовательно, обстоит вполне благополучно, <...> так что листов достаточно, о чем и спешу Вас уведомить».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2927 оф.

Апрель, 9. Бунин посылает Ф.Ф.Фидлеру свой фотопортрет (профиль) с дарственной надписью:

«Дорогому Федору Федоровичу Фидлеру. Ив.Бунин. Москва, 9 апр. 15 г.».

На нижнем поле паспарту Бунин отмечает: «Москва, фотография “Дорэ” 6 марта 1915 г.».

Музей ИРЛИ, ф. 4, № 38920.

Начинающий поэт П.Сенюк пишет Бунину:

«Дорогой Поэт!

Я молод и глуп. <...> Пришлите мне собственноручный отзыв о моих стишках, хороший отзыв. Ваш хороший отзыв сделает меня счастливым».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3144 оф.

Апрель, 9–10. А.М.Горький находится в Москве, встречается с Буниным, которому предлагает печататься в журнале «Современник».

См.: 17 апреля 1915, третья запись.

Апрель, 10. Бунин заканчивает писать «Автобиографическую заметку» для книги С.А.Венгерова «Русская литература XX века». Авторская дата: «Москва, 10 апр. 1915 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 793 оф.

См.: 17 апреля 1915, первая, вторая и четвертая записи.

Бунин посылает Ф.Ф.Фидлеру книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственной надписью:

«Дорогому Федору Федоровичу автор. 10 апр. 1915 г. Москва».

На шмуцтитуле Бунин отметил: «Вышла 7 февраля 15 г.».

ИРЛИ Б-ка, № 73 $\frac{4}{7}$.

В ответном письме А.С.Черемнову Бунин рассказывает о своем нездоровье и сообщает, что собирается уехать в деревню.

Письма (2). С. 327.

Апрель, 11. Бунин вновь пишет В.Д.Бонч-Бруевичу:

«да побоится, наконец, Бога “Жизнь и знание”! Что же оно не скажет мне, будет оно печатать “Храм солнца” или нет? Ведь уже истекает срок нашего условия скоро! Если печатает — *корректуру мне обязательно надо прислать*. Христа ради, ответьте хоть что-нибудь, но — определенно».

Письма (2). С. 327.

В качестве приложения к № 15 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина второго тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Содержание 2-го тома: **Рассказы 1892–1902 гг.**: Перевал, Танька, Кастрюк, На хуторе, Вести с родины, На чужой стороне, На край света, Учитель, Байбаки, На Донце, На даче, Велга, Без роду-племени, Поздней ночью, Антоновские яблоки, Руда, Над городом, Новая дорога, Сосны, Скит, Туман, Костер, В августе, Осенью, Новый год, Тишина, Надежда.

Дата определена по объявлению в № 15 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

В газете «Московские ведомости» (№ 82. С. 2) печатается рецензия «“Клич”. (Наша благотворительная литература)». Подпись: N.N.N.

Рецензент, в частности, пишет: «Получивший сан “академика” поэт Иван Бунин напечатал в сборнике “Клич” рассказ “Грамматика любви”. Полковник Растанев в “Селе Степанчикове”, говоря о сочинениях Фомы Опискина, заметил своему племяннику:

— Такая, братец, бурда... то есть, понимаешь, в благородном смысле бурда».

«Боюсь, что упоминая о бунинской “Грамматике любви”, мне придется прилагательное “благородный” заменить, скрепя сердце, “прямым”. Рассказец написан в тургеневской манере, но без признаков тургеневского таланта». Пересказывая сюжет рассказа, критик сопровождает его своими замечаниями в круглых скобках: «(почему Лушка легендарная, раз она действительно жила, — неизвестно), <...> (почему таинственная — также неизвестно), <...> (какая нелепица, однако!). <...> Опять невольный вопрос академику Бунину: разве надо было угождать Лушке и после ее смерти? Что за фантасмагория?» В целом дана отрицательная оценка всему сборнику.

Апрель, 12. Ф.Ф.Фидлер пишет Бунину из Петрограда:

«В полной целостности и невредимости я только что получил Ваше ценное обогащение моей сокровищницы. Спасибо Вам, большоооое спасибо!!!

Теперь открыток с Вашим портретом у меня – шесть. А знаете, сколько у меня Ваших писем — не считая ко мне лично — к другим писателям? 38, к 18 писателям. А всего читательских писем — опять-таки: не ко мне – у меня 12956, адресованных к 1356 литераторам».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3176/2 оф.

Апрель, 13 или 14. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Дорогой друг!

Убедительно прошу:

дайте стихов для июньской книжки “Современника”!

Если можно – дайте 5–6 стихотворений, стихи хорошо печатать помногу, циклами.

Пожалуйста! Помогайте!»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 168.

Апрель, 16. В письме в редакцию журнала «Современник» Бунин спрашивает о времени выхода номеров журнала для посылки туда стихов по просьбе А.М.Горького.

Письма (2). С. 327–328.

Апрель, 17. Бунин посылает С.А.Венгерову «Автобиографическую заметку» (машинопись с авторской правкой); на левом поле л. 1 вертикально Бунин пишет:

«Чрезвычайно прошу о самой тщательной корректуре, о полном сохранении моих знаков препинания и т.д. Ив.Бунин». В конце машинописи авторская дата: «Москва. 10 апр. 1915 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 793 оф.

В сопроводительном письме Бунин просит С.А.Венгерова:

«простите, я опять запоздал — все хвораю. Посылаю Вам набросок автобиографии. Непременное условие, если Вам угодно печатать его, — печатать все целиком, до последнего слова. Буду весьма благодарен, если известите меня о получении этого письма, и еще больше — если пришлете мне корректуру (в 2-х экз.) — возвращу Вам ее в тот же день».

Письма (2). С. 328.

Бунин пишет Д.Л.Тальникову по поводу его статьи «При свете культуры»:

«Что сказала Марья Карл<овна> о статье? И по корысти, и по другим причинам это меня весьма интересует. Снова был Горький в Москве и снова тянул меня в “Современник” и снова толковал о культурности (говоря о моем рассказе “Пыль”). Значит – да я и знаю, что это так — конек “Современника” – тоже культурность. Если Мария Карл<овна> снова убоится, имейте это в виду».

Письма (2). С. 328.

С.А.Венгеров, получив от Бунина «Автобиографическую заметку», пишет ему в ответ:

«Сейчас получил автобиографию, за которую приношу искреннейшую благодарность. Она очень интересна и поучительна».

Письма (*2*). С. 705.

Апрель, 18. Бунин вновь пишет С.А.Венгерову с просьбой прислать корректуру «Автобиографической заметки»:

«Все более вижу, что это необходимо. Ответьте, пожалуйста, можно ли на это надеяться».

Письма (*2*). С. 328.

В письме Д.Л.Тальникову Бунин сообщает, что Ю.А.Бунин в санатории Н.М.Кишкина:

«переутомление, склероз... Весьма грустно».

Письма (*2*). С. 329.

В московской газете «Утро России» (№ 105. С. 4) печатается рецензия Ю.И.Айхенвальда на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Рассказы и несколько стихотворений, собранные в этой книге исполнены тех высоких достоинств, которые характеризуют Бунина вообще. Все та же необычайная обдуманность и отделанность изложения, строгая красота словесной чеканки, выдержанный стиль, покорствующий тонким изгибам и оттенкам авторского замысла. Все та же спокойная, может быть, несколько надменная власть таланта, который одинаково привольно чувствует себя и в самой близкой обыденности, в русской деревне или уездном городе Стрелецке, и в пышной экзотике Цейлона. <...> и все эти цветы и цвета воспроизводит победительное слово Бунина. <...> Но если каждое событие у Бунина помещается, так сказать, в гнезде неизбежно-соответственных слов, если эти слова подобраны с чарующей красотою и безусловной убедительностью, то самым событиям такая обязательность у него не всегда присуща. <...> Фактически автор всегда прав; он не только не позволяет себе жизнь оболгать, но и проявляет щепетильно-точное и честное отношение к ее подлиннику, и с этим подлинным все у него верно. И полная возможность его событий — вне сомнения. Но только возможность, а не необходимость. <...> Получается житейская правда, но не жизненная истина, случай, а не повелительная психология <...>, все это очень могло быть, но могло и не быть; нет психологической неотразимости, и на писательский произвол допустимо здесь читательское veto. <...> На выбор той или другой комбинации, на предпочтение одного узора судеб другому, на исход жизней влияет, конечно, творческая субъективность писателя. И вот субъективности Бунина свойственно, между другими, даже противоположными чертами, и что-то недоброе, жестокое или, по крайней мере, ожесточившееся. Он далеко не исчерпывается той лирикой сочувствия, той растроганностью, которая нередко дышит в его прозе и особенно в поэзии, <...> наряду с такою доброй настроенностью, глаза у Бунина раскрыты, однако, и на злую бессмыслицу быта, на вздор и жестокую нелепость жизни, на тусклую запыленность людей и предметов. У него — язвительная ирония, писательская желчность, печальная способность сарказма. <...> Но все это недоброе и озлобленное, повторяем, не образует единственной, исключительной стихии Бунина, и вовсе не выступает он сплошным брюзгою. Он побеждает свое темное. <...> Временное и вечное, близкое и далекое, факт и миф объединил он в своем прекрасном творчестве, и та “чаша жизни”, стильная чаша, которую вычеканил этот строгий

ювелир, этот ваятель стиха и прозы, вмещает в себя, употребляя его же слово, некое драгоценное “темное вино”».

Апрель, 19. В.В.Федоров пишет Бунину:

«Простите великодушно, что я вторично осмеливаюсь беспокоить Вас своей просьбой. Придя домой после нашей беседы о Чехове, я был очень огорчен, когда увидел, что Ваш автограф, написанный мне на карточке, совершенно побледнел после того, как чернила высохли.

Высоко ценя Вас, как лучшего представителя нашей русской литературы, каждое слово которого является для меня самым ценным и дорогим, я решился еще раз просить Вас, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, подписать мне прилагаемую карточку, за что буду премного Вам благодарен.

Верьте, что эта карточка будет самым близким и самым дорогим моему сердцу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3173/2 оф.

Апрель, 20. С.А.Венгеров пишет Бунину:

«Конечно, пришлю корректуру, но, пожалуй, не раньше как недели через 3–4: задержался по разным причинам V выпуск, а статья о Вас <...> в VI».

Письма (2). С. 706.

Апрель, середина. Выходит № 15 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 832–834) под заглавием «“Окно в Европу” становится “окном в Россию”» перепечатывается из газеты «День» текст адреса 54 английских писателей, обращенный «к нашим коллегам в России». Среди подписей: А.Беннетт, А.Конан Дойл, Гаррисон, Мюррей, Г.Уэллс, М.Уудс.

См.: 21 декабря 1914, вторая запись; 29 марта 1915, вторая запись.

Апрель, 22. Бунин пишет А.М.Горькому по поводу участия в журнале «Современник»:

«если будут стихи, непременно пошлю. Редактором сборников “Слово” избран Н.Д.Телешов. Он очень просит меня поклониться Вам: дайте листа полтора, лист для V сборника, который должен *выйти* в начале сентября! Исполните обещание!»

Письма (2). С. 329.

Н.С.Клестов посылает Бунину отчеты по выпущенным в «Книгоиздательстве писателей в Москве» книгам (с 1 марта по 22 апреля 1915 г.).

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/17, 18, 19 оф.

Апрель, 23. В петроградской газете «Голос Руси» (№ 462. С. 3) публикуется статья М.О.Меньшикова «Из дневника».

Автор, в частности, пишет: «Талантливые беллетристы у нас никак не могут выбиться в Тургеневы, Достоевские, Толстые. Почему? Мне кажется, не по недостатку техники, ибо Бунин, Куприн, Горький в способности изображения вещей не уступают великим писателям. Чего им, может быть, недостает — это той черты гения, которая состоит в неустанной заинтересованности к предмету, в неустанном внимании к нему, что позволяет гениальным авторам подмечать в вещах самое таинственное,

интимное, составляющее их душу. Только эта способность к открытию нового, все более близкого к существу вещей и составляет величие таланта. Тем, кто обладает ясно выраженным призванием к беллетристике, следует воспитывать в себе внимание ко всему. Нужно постоянно упражнять чуткость зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и тех неразвившихся или атрофированных способностей, которым нет названия. Нужно проникать в природу всеми щупальцами духа и как можно глубже. Нужно неутомимо всматриваться во все, как матрос на салинге, и может быть, что-нибудь откроется новое, еще никем не подмеченное. Такими были на моих глазах Толстой и Чехов. <...> Изучайте жизнь! Изучайте ее неустанно! Будьте точными в передаче наиболее характерного и величие вашего таланта будет признано».

Апрель, 25. В качестве приложения к № 17 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина третьего тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Дата определена по объявлению в № 17 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См. также: 30 мая 1915.

Апрель, 20...25. Бунин посылает Л.Н.Зилову, В.В.Федорову книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) с дарственными надписями.

Данные экземпляры неизвестны. См.: 26 апреля 1915, первая и вторая записи.

Апрель, 26. Л.Н.Зилов, получив от Бунина книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915), пишет ему:

«Очень тронут неожиданным, дорогим для меня подарком.

Странная судьба давнего нашего знакомства и давней глубокой моей к Вам приязни: встречаться приходится случайно, мимолетно, на людях, и встречи сухи и холодны. Посему особенно дорог мне Ваш подарок: мне показалось это знаком того, что Вы чувствуете мое бескорыстное к Вам влечение, мою искреннюю любовь к Вам и к Вашей поэзии.

Я рад, что меня никто никогда не мог упрекнуть в подражании Вам, но, причисляя к Вашей школе, подчеркивали внутреннюю близость мою к Вам.

В тот день, как Вы брали перо, чтобы сделать для меня надпись на Вашей книге, получил я письмо от Овсянико-Куликовского, где он пишет, что взято в “Вестник Европы” мое стихотворение, посвященное Вам и читанное на “Среде”. Получилось маленькое совпадение. Стихотворение это отделывал я на клочке бумаги, вложенном в Вашу книгу “Иоанн Рыдалец”, которую в последнее время я кропотливо перечитывал».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 105.

В.В.Федоров, получив от Бунина книгу «Чаша жизни», пишет ему:

«Не нахожу слов выразить Вам мою искреннюю и сердечную благодарность за столь доброе и внимательное отношение ко мне. Книгу Вашу “Чаша жизни” я получил и глубоко, глубоко благодарю Вас за нее. Вы не можете представить, сколько счастливых и светлых переживаний доставило мне одно сознание, что Вы еще не забыли меня. <...>

Душа писателя мне представлялась именно такою, какую я встретил в Вашем лице».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3173/1 оф.

Ф.Ф.Фидлер пишет Бунину:

«Теперь я укладываю в папки портреты русских писателей, вырезанные мною из газет и журналов. Ваших имеется у меня — 24, а карикатур на Вас — 8. (Для групповых — отдельный счет)

Чуковский пишет мне, что Вы беседовали с ним обо мне».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 226, л. 1.

Апрель, 27. Бунин получает письмо от М.А.Ласкаржевской:

«Дорогие мои Ваня и Вера Николаевна! Спасибо за деньги. Меня буквально убило, что Юрий в санатории. <...> *Умоляю тебя самим Богом* пиши мне каждый день открытки о его здоровье».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2979/4 оф.

Апрель, 28. В московской газете «Русское слово» (№ 96. С. 4) публикуется статья А.А.Измайлова «Невский альманах».

В статье сообщается о выходе альманаха «на днях» и дается его содержание с упоминанием имени Бунина и краткий обзор некоторых произведений.

Апрель, 29. В московской газете «Русские ведомости» (№ 97. С. 7) печатается рецензия И.Соловьева на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914).

Критик пишет: «Очерки г. Бунина будут понятны отнюдь не для детей. Автор делится своими впечатлениями о современной деревне, изображая и уходящий в прошлое барский уклад. Он вдумчиво всматривается в случайные встречи с иными деревенскими типами, часто уносясь и в былое, что будит в нем грустные настроения. Изящный и тонкий наблюдатель природы, он любовно зарисовывает родной пейзаж, пользуясь для этого своим богатым, выразительным языком. Особняком стоит романтическая легенда “Велга”, красиво воспроизводящая бурную морскую стихию...

В этих очерках г. Бунина наше юношество найдет ценный художественный материал для своих жизненных размышлений над родной действительностью».

Апрель, вторая половина. Бунин посылает В.С.Миролюбову 1-й и 2-й тома своего Полного собрания сочинений, переплетенные в одну книгу с дарственной надписью:

«Дорогому Виктору Сергеевичу Миролюбову Ив.Бунин».

ИРЛИ Б-ка, № $\frac{1940\text{к}}{256\ 1\text{-}2}$.

Граница события определена предположительно по времени выхода 2-го тома Полного собрания сочинений Бунина. См.: 11 апреля 1915, вторая запись.

Апрель, до 24. Выходит № 4 петроградского журнала «Русские записки», в котором (с. 364–367) публикуется рецензия А.Б.Дермана на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915). Без подписи.

Рецензент пишет: «В художественном отношении новый сборник рассказов (и немногих стихов) г. Бунина выше того, что до сих пор дано было этим писателем. И это характерно для его творческого склада, в том отношении характерно, что Бунин — не частый пример русского художника слова, развившего и продолжающего

упорно развивать свой прирожденный дар, ни на один момент не успокаиваясь на достигнутом, не утерявшего из отпущенного ему таланта ни единого грана. При чтении его рассказов испытываешь чувство прямо противоположное тому, какое рождают в читателе рассказы, например даже Куприна или Андреева. У них, у Куприна особенно, чувствуется перевес дарования над его культурой, у Бунина — перевес культуры над талантом. Он не мал, но культура — много больше. <...> Талант его не настолько велик, чтобы стихийно укрыть от читателя эту свою культуру, порой она даже как бы отделяется, точно инородная жидкость, и видна читателю в своем изолированном бытии, но, в общем, все-таки остается впечатление непрерывного движения и совершенствования художника, постоянного роста его.

И, тем не менее, читаешь Бунина всегда с каким-то напряжением. <...>

Во-первых, — у него обнаруживается (и чем дальше, тем сильнее) склонность к живописи без фабулы. <...> Во-вторых, — он склонен к образному воплощению отвлеченных философских построений, довольно сложных порой и нередко несколько туманных и субъективных. Наконец, в-третьих, — колорит его философии, в общем, мрачен, что опять-таки сгущает впечатление напряженности, хотя и иными психологическими путями... <...>

Трудно сказать, в какой мере делается это сознательно, но уже устоялась традиция, что за мрачными рассказами Бунина следуют его прекрасные, светлые, подымающие стихи, — точно за ядом противоядие. С течением времени и стихи Бунина меняются и в них видна постоянная работа усовершенствования, но, так сказать, в направлении, обратном его прозе. Все прозрачнее и теплее становится их содержание, все проще, "элементарнее", примитивнее их форма». Процитировав стихотворения «В Венеции», «Причастницы», критик отмечает: «Очень хороши также "Плач ночью", "Тора", — с их удивительным, каким-то благостным и торжественным созерцанием... Да, совсем различные люди Бунин-поэт и Бунин-прозаик».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (24 апреля (№ 93). С. 1).

Авторство рецензии определено по: *ЛН.* Т. 87. С. 686.

Май, 7. Бунин сообщает в открытке П.А.Нилусу:

«Дорогой, послезавтра еду в деревню».

О том же извещает открыткой Д.Л.Тальникова.

Письма (*2*). С. 329.

Май, 8. Бунин сообщает в письме С.А.Венгерову свой деревенский адрес и добавляет:

«Попомните о корректуре!»

Письма (*2*). С. 330.

Март, 1...Май, 8. Бунин дарит библиотеке Московского Литературно-художественного кружка свои книги: «Полное собрание сочинений. Т. 1–2» (Пг., 1915), «Избранные рассказы» (М., 1914), «Новые стихотворения» (М., 1902), «Стихотворения» (СПб., 1903), «Тень птицы» — очевидно, отдельный оттиск из сборника «Земля» (М., 1908).

Границы события определены по сообщению в «Известиях Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1915. Вып. 11. С. 63).

Май, 9. Бунин вместе с В.Н.Муромцевой и Ю.А.Буниным уезжает из Москвы в Глотово.

См.: 7 мая 1915, первая запись; 12 мая 1915; 28 июня 1915, первая запись.

Май, 10–11. По пути в Глотово Бунин останавливается в Орле на два дня у М.А.Ласкаржевской.

См.: 12 мая 1915; 17 мая 1915.

Май, 12. Бунин приезжает в Глотово.

В дневнике Бунин отмечает 30 июня: «Уехал из Москвы 9 мая. Два дня был в Орле. Сюда приехал 12».

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Май, до 13. Выходит № 5 петроградского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 435–436) в рубрике «Литературное обозрение» печатается рецензия Н.Кашина на сборник «Клич» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Благотворительные сборники обыкновенно оцениваются с точки зрения их цели, а не внутреннего достоинства, потому что в большинстве случаев эта сторона дела оставляет желать многого. Настоящий сборник в этом отношении счастливо выделяется из ряда других подобного рода изданий. <...> Из отдельных миниатюр отметим рассказы: И.А.Бунина “Грамматика любви”, И.Сургучева “Прихожане прелестной Мариэтты”, Н.Телешова “Костя-вожак” и А.Черемнова “Попутчики”.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (13 мая (№ 108). С. 7).

Май, 14. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Дорогой друг,

позвольте напомнить Вам, что Вы обещали дать “Современнику” на июнь несколько стихотворений.

Засим: книгоиздательство у нас наладилось, уже сделано официальное заявление. К осени предполагаем сделать два сборника. Приглашаем Тренева, Шмелева. Очень надеемся на Вашу помощь! Вы помните, что обещали статью о соврем<енной> литературе? И — рассказ!

Иван Алексеевич, друг родной! Как бы хорошо снова собрать публику и заставить ее читать честные книги!

Я уверен, что мы сможем сжаться в небольшой, но крепкий кулачок. При Вашей доброй помощи, разумеется».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 176.

Май, 17. Бунин пишет Д.Л.Тальникову:

«Дорогой друг, мы уже в деревне все. Юлий чувствует себя сравнительно недурно. Погода дурная, у меня болит зуб, я от него ничего не могу делать, только перечитываю кое-что — м<ежду> пр<очим>, “Дворянск<ое> гнездо”, которое, к сожалению, художеств<енной> радости мне не дает (за исключ<ением> немногих мест) и которое не совсем по праву названо “двор<янским> гнездом”. (Едучи сюда, я был три дня в Орле, снова посетил ту усадьбу на окраине Орла, которая описана в “Двор<янском> гнезде” — и вот причина, почему я перечитываю его.)»

Письма (2). С. 330.

Май, 19. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Мы налаживаемся на деревенское житье. <...>

P.S. Роман твой я читал внимательно. И повторяю то, что писал: действие его развивается туго, вторая часть — топтание на одном месте. И все, все описывается подробно и в *одинаковой* мере. А разве можно обо всем одинаково долго говорить?»

Письма (2). С. 330–331.

Май, 12...19. Выходит книга «Невский альманах. Жертвам войны. Писатели и художники» (Пг., 1915. Вып. 1), в которой (с. 87) печатается перевод Бунина стихотворения Леконта де Лиля «В темную ночь, в штиль, под экватором» («Время, Пространство, Число...»).

Выходит 2-е издание 4-го сборника «Слово» (М., 1915), в котором (с. 1–16) печатается рассказ «Весенний вечер».

Границы событий определены по: *Книжная летопись.*

Май, 21. Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Елец.

В дневнике Н.А.Пушешников записывает 22 мая: «Ездили с И.А. в Ел<ец>. Поехали через Семеньки. <...> Остановились в Поповской гостинице».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 8.

Май, до 22. Выходит № 5 петроградского журнала «Современник», в котором (с. 288–289) публикуется рецензия Н.Н.Гиммера (Суханова) на сборник «Клич» (М., 1915). Подпись: Н.С.

Рецензент, в частности, пишет: «Из ценного — самое драгоценное, несомненно рассказ И.Бунина "Грамматика любви", — такой же четкий, пластичный, как и большинство его последних произведений, но в отличие от них, всегда суховатых и сухожильных, — этот рассказ овеян дымкой романтизма, и при этом как раз такого и как раз столько, сколько того требует сама тема, фантастическая и странная любовь помещика Хвощинского к своей горничной Лушке».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (22 мая (№ 116). С. 6).

Май, 22. Бунин и Н.А.Пушешников гуляют по Ельцу.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «В 2 часа ездили на дачу Валуйского. Заходили на Чернослободское кладбище. <...>

Перед вечером ходили к женскому монастырю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 7–8.

Май, 23. Бунин и Н.А.Пушешников возвращаются в Глотово.

В дневнике Н.А.Пушешников помечает 24 мая: «Вернулись домой 23».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 7.

В приложении к петроградской газете «Новое время» (№ 14079. С. 10–11) помещается рецензия на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915) — «Литературные заметки. Философия в беллетристике». Подпись: Ю-н.

Критик пишет: «Сборник последних рассказов И.Бунина получил название по одному из них — "Чаша жизни", но это название, как бы сулящее открыть читате-

лю “философию жизни” автора, до некоторой степени оправдывается содержанием не только упомянутого, но и некоторых других, помещенных в сборнике рассказов. История, о которой идет речь в “Чаше жизни”, не сложна. <...> В чем же “мораль” этого произведения? Ее, очевидно, следует искать в философии играющего в рассказе г. Бунина роль “резонера” некоего Горизонтова. <...> Иначе говоря, самый процесс жизни, как бы ни казалась она лишенной содержания, представляет собою уже вполне достаточное ее оправдание. Относительно того, насколько ценным может считаться самое содержание жизни в зависимости от его сложности, мы находим любопытное указание в другом рассказе г. Бунина “Братья”. <...> В бесхитростной жизни рикши и в его решимости прервать нить этой жизни, когда оказалось, что его невеста потеряна для него навеки, есть какая-то своеобразная красота и цельность, которой способен позавидовать представитель сложной культуры. “Умышленность” рассказа и подчеркнутый параллелизм отнимают от него в значительной степени художественную ценность, — это скорей иллюстрированное рассуждение на тему о первобытной и простой жизни, с одной стороны, и сложной культуре, с другой. В рассказе “Пыль” автор подходит к той же теме, но берет ее в несколько ином освещении. <...> Борьба между культурностью и первобытностью как бы разрешается тем, что первая властно охватывает человека и заставляет идти по пути, начертанному ею, но разлука со второй оставляет тяжелый осадок в его душе. При всей нарочитости своих рассказов автор все же остается настолько художником, что не договаривает до конца своих отвлеченных положений, и мы можем только догадываться с большею или меньшею степенью вероятности, что он разнообразию содержимого чаши жизни не придает, в конце концов, слишком большого значения».

Май, 19...26. Выходит в свет 2-е издание книги «Клич. Сборник на помощь жертвам войны» (Под ред. И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова. М., 1915), в которой (с. 47–53) печатается рассказ «Грамматика любви».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Май, 30. В качестве приложения к № 22 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина третьего тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Содержание 3-го тома: **Стихотворения 1903–06 гг.**: Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...»), Полюс («Свой дикий чум среди снегов и льда...»), Жизнь («Набегает впотьмах...»), Норд-ост («Норд-остом жгут пылающие зори...»), Хризантемы («На окне, серебряном от инея...»), Жасмин («Цветет жасмин. Зеленой чащей...»), В порту («Огромный, красный, старый пароход...»), Сапсан («В полях, далеко от усадьбы...»), Иней («Леса в жемчужном инее. Морозно...»), Русская весна («Скучно в лощинах березам...»), Одиночество («И ветер, и дождик, и мгла...»), После битвы («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...»), Портрет («Платан, часовенка над склепом...»), Невольник («Угрюмый варвар, сын Востока...»), Мира («Тебя зовут божественною, Мира...»), В плавнях («Там, на припеке, спят рыбацкие ковши...»), Тлен («В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...»), Перекресток («Я долго в сумеречном свете...»), С обрыва («Стремнина скал. Волной железной...»), На даче («Луна еще прозрачна и бледна...»), На ущербе («Черные ели и сосны

сквозят в палисаднике темном...»), Мороз («Так ярко звезд горит узор...»), Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»), Призрак Одина («В сумраке утра проносится призрак Одина...»), Бальдер («Хаду — слепец, он жалок. Мрак глубокий...»), Диза («Вечернее зимнее солнце...»), Надпись на чаше («Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»), Печаль («На диких скалах, среди развалин...»), Огни небес («Огни небес, тот серебристый свет...»), Статуя рабыни-христианки («Не скрыть от дерзких взоров наготы...»), Могила поэта («Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов...»), Призраки («Нет, мертвые не умерли для нас!..»), Неугасимая лампада («Она молчит, она теперь спокойна...»), Вершина («Леса, скалистые теснины...»), Развалины («Над синим понтом — серые руины...»), Тропами потаенными («Тропами потаенными, глухими...»), Дома («Ночь тепла, светла и золотиста...»), Кольцо («В белом песке золотое блеснуло кольцо...»), Песня («Я — простая девка на баштане...»), Запустение («Домой я шел по скату вдоль Оки....»), Детская («От пихт и елей в горнице темней...»), Косогор («Косогор над разлужьем и пашни кругом...»), В лесу («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), Речка («Светло, легко и своенравно...»), Пахарь («Легко и бледно небо голубое...»), Две радуги («Две радуги — и золотистый, редкий...»), Закат («Вдыхая тонкий запах четок...»), Чужая («Ты чужая, но любишь...»), Новый год («Ночь прошла за шумной встречей года...»), Тень («Высоко в небе месяц ясный...»), Новая весна («Мы встретились случайно, на углу...»), Огонь на мачте («И сладостно и грустно видеть ночью...»), Мертвый час («Проснулся я внезапно, без причины...»), В открытом море («В открытом море — только небо...»), Апрель («Туманный серп, неясный полумрак...»), Из окна («Ветви кедра — вышивки зеленым...»), Детство («Чем жарче день, тем сладостней в бору...»), Разлив («Паром, скрипя, ушел. В разлив, по тусклой зыби...»), Сказка («...И снилось мне, что мы, как в сказке...»), Поморье («Белый полдень, жар несносный...»), Под вечер («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...»), Донник («Брат, в запыленных сапогах...»), Розы («Блистая, облака лепились...»), Терем («Высоко стоит луна...»), Сквозь ветви («Осень листья темной краской метит...»), Сентябрь («Уж подсыхает хмель на тыне...»), Келья («День распогодился с закатом...»), Судра («Жизнь впереди, до старости далеко...»), У шалаша («Распали костер, сумей...»), На маяке («В пустой маяк, в лазурь оконных впадин...»), Голуби («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...»), Ольха («Осень. Чащи леса...»), Горе («Меркнет свет в небесах...»), Утренник («Первый утренник, серебряный мороз!..»), Огонь («Нет ничего грустней ночного...»), В горах («Катится диском золотым...»), Старик («Старик сидел, покорно и уныло...»), Сумерки («Как дым, седая мгла мороза...»), Олень («Густой зеленый ельник у дороги...»), Змея («Покуда март гудит в лесу по голым...»), Небо («В деревне капали капели...»), На винограднике («На винограднике нельзя дышать. Лоза...»), Перед бурей («Тьма затопляет лунный блеск...»), Штиль («На плоском взморье — мертвый зной и штиль...»), После дождя («Все море — как жемчужное зерцало...»), С острогой («Костер трещит. В фелюке свет и жар...»), Океаниды («В полдневный зной, когда на щебень...»), Дюны («За сизыми дюнами — северный тусклый туман...»), На белых песках («На белых песках от прилива...»), Стон («Как розовое море — даль пустынь...»), В горной долине («Бледно-зеленые грустные звезды...»), Каменная баба («От зноя травы сухи и мертвы...»), Мистику («В холодный зал, лу-

ною освещенный...»), Эсхил («Я содрогаюсь, глядя на твои...»), Самсон («Был ослеплен Самсон, был Господом обижен...»), Ормузд («Ни алтарей, ни истуканов...»), У берегов Малой Азии («Здесь царство Амазонок. Были дики...»), Потоп. Халдейские мифы («Когда ковчег был кончен и наполнен...»), Агни («Лежу во тьме, сраженный злою силой...»), Столп огненный («В пустыне раскаленной мы блуждали...»), День гнева. Апокалипсис, VI («...И Агнец снял четвертую печать...»), Сын человеческий. Апокалипсис, I («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...»), Сон. Из кн. пророка Даниила («Царь! вот твой сон: блистал перед тобою...»), Эльбурс. Иранский миф («На льдах Эльбурса солнце всходит...»), Атлант («...И долго, долго шли мы плоскогорьем...»), Золотой невод («Волна ушла — блестят, как золотые...»), Новоселье («Весна! Темнеет над аулом...»), Дагестан («Насторожись, стань крепче в стремена...»), Послушник. Грузинская песня («“Брат, как пасмурно в келье!..”»), Хая-баш. (Мертвая голова) («Ночь идет, — молись, слуга Пророка...»), На обвале («Печальный берег! Сизые твердыни...»), В крымских степях («Синеет снеговой простор....»), Алушта ночью. «Крымские сонеты» Мицкевича («Повеял ветерок, прохладою лаская...»), Айя-София («Светильники горели, непонятный...»), К востоку («Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы...»), Путеводные знаки («Бог для ночных паломников в Могребе...»), Пастухи («Тонет солнце, рдяным углем тонет...»), Мираж («Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны...»), Черный камень Каабы («Он драгоценной яшмой был когда-то...»), Мудрым («Герой — как вихрь, срывающий палатки...»), Зеленый стяг («Ты почиешь в ларце, в драгоценном ковчеге...»), Священный прах («Пыль, по которой Гавриил...»), За измену («Их Господь истребил за измену несчастной отчизне...»), Авраам. Коран, VI («Был Авраам в пустыне темной ночью...»), Ночь Аль-Кадра («Ночь Аль-Кадра... Сошлись, слились вершины...»), Сатана Богу («Я — из огня. Адам — из мертвой глины...»), Джины («Стынут пески в тишине и молчании ночи...»), Зейнаб («Зейнаб, свежесть очей! Ты — арабский кувшин...»), Склон гор («Склон гор, сады и минарет...»), Белые крылья («В пустыне красной над Пророком...»), Гробница Сафии («Горный ключ по скатам и оврагам...»), Тэмджид («В тихом старом городе Скутари...»), Тайна («Он на клинок дохнул — и жало...»), Птица («На всех на вас — на каждой багрянице...»); **Стихотворения 1906–11 гг.**: За гробом («В подземный мир введет на суд Отца...»), Панихида («Ограда, крест, зеленая могила...»), Забвение («Растет, растет могильная трава...»), Тезей («Тезей уснул в венке из мирт и лавра...»), Христос («По алтарям пустым и белым...»), Гермон («Великий Шейх, седой и мощный друз!..»), Иерусалим («Это было весной. За восточной стеной...»), Проводы («Забил буграми жемчуг, заклубился...»), Храм Солнца («Шесть золотистых мраморных колонн...»), Трон Соломона («На письмена исчезнувших народов...»), Под Хевроном («На пути под Хевроном...»), Каин («Род приходит, уходит...»), Цветные стекла («Люблю цветные стекла окон...»), Петров день («Девушки-русалочки, ныне наш последний день!..»), Пугало («На задворках, за ригами...»), Слепой («Вот он идет проселочной дорогой...»), Наследство («В угольной — солнце, запах кипариса...»), Рыбалка («Вода за холодные серые дни в октябре...»), Пугач («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...»), На Плющихе («Пол навощен, блестит паркетом...»), Кошка («Кошка в крапиве за домом жила...»), Баба-Яга («Гулкий шум в лесу нагоняет

сон...»), Дядька («За окнами — снега, степная гладь и ширь...»), Кто-то («Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...»), Геймдаль («Геймдаль искал родник божественный...»), Безнадежность («На севере есть розовые мхи...»), Трясина («Болото тихой северной страны...»), Один («Он на запад глядит — солнце к морю спускается...»), Сатурн («Рассеянные огненные зерна...»), Лен («Присела на могильнике Савуре...»), С корабля («Для жизни жизнь! Вон пенные буруны...»), Дикарь («Над стремью скал — чернеющий орел...»), Обвал («В степи, с обрыва на сто миль...»), Утро («И скрип и визг над бухтой, наводненной...»), «Вдоль этих плоских знойных берегов...», Летаргия («В полях — сухие стебли кукурузы...»), Стрижи («Костер-маяк, примета мореходу...»), На рейде («Люблю сухой, горячий блеск червонца...»), Балагула («Балагула убегает и трясет меня...»), Дия («Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе...»), Из анатолийских песен: Девичья («Свежий ветер дует в сумерках...»), Рыбацкая («Летом в море легкая вода...»), Закон («Во имя Бога, вечно всеблагого!..»), Мандрагора («Цветок Мандрагора из могил расцветает...»), Напутствие («За погостом Скутари, за черным...»), Розы Шираза («Пой, соловей! Они томятся...»), С обезьяной («Ай, тяжела турецкая шарманка!..»), Стамбул («Облезлые худые кобели...»), Мекам («Мекам — восторг, священное раденье...»), Магомет в изгнании («Джины близ Тайифа пролетали...»), Бессмертный («Ангел Смерти в Судный День умрет...»), Каир («Английские солдаты с цитадели...»), Истара («Луна, бог Син, ее зарей встречает...»), Египет («Ра-Озирис, владыка дня и света...»), Александр в Египте («К оракулу и капищу Сиваха...»), Джордано Бруно («Ковчег под предводительством осла...»), Цикады («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»), Прометей в пещере («Вокруг пещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...»), Звездопоклонники («Мир не забудет веры древних лет...»), Бог («Дул с моря чистый ветер, месяц рогом...»), В Архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...»), Горный лес («Тих горный лес. В долину тень сползла...»), Собака («Мечта, мечтай. Все уже и тусклей...»), Могила в скале («То было в полдень, в Нубии, на Ниле...»), Люцифер («В святой Софии голуби летали...»), В детстве («Я помню сумрак каменных аркад...»), Солнечные часы («Те часики с эмалью, что впотьмах...»), Остров («Ноябрь, сырая полночь. Городок...»), До солнца («Как стая птиц, в пустыне одиноко...»), Полдень («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»), Бог полдня («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...»), Последние слезы («Изнемогла, в качалке задремала...»), Гальциона («Когда в волне мелькнул он мертвым ликом...»), Рыбачка («— Кто там стучит? Не встану. Не открою...»), Морской ветер («Морского ветра свежее дыханье...»), Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Караван («Звон за оградой, нежный, полусонный...»), Иерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»), Бедуин («За Мертвым морем — пепельные грани...»), Пилигрим («Стал на ковер, у якорных цепей...»), Вечер («О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»), Гробница Рахили («И умерла, и схоронил Иаков...»), Источник звезды. Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...»), След («...Ушли с рассветом. Опустели...»), За Дамаском («Щебечут пестрокрылые чекканки...»), Спор («— Счастливы мы, Фессалийцы! Черное, с розовой пеной...»), Смерть («В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...»), Мертвая зыбь («Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката...»), В Мессинском проливе («На темном рейде струнный лад...»), Ко-

либри («Трава пестрит — как разглядеть змею?..»), Вино («— На Яйле зазеленели буки...»), Старинные стихи («— Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), Вальс («Похолодели лепестки...»), Дача («Открыты окна. В белой мастерской...»), Прощание («Поблекший дол под старыми платанами...»), Матери («Я помню спальню и лампадку...»), Няня («В старой темной девичьей...»), Пустошь («Мир вам, в земле почившие! — За садом...»), Вдовец («Железный крюк скрипит над колыбелью...»), Христя («Христя угощает кукол на сговоре...»), На току («Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»), Без имени («Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...»), В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»), Будни («Бегут, бегут листы раскрытой книги...»), Сиротка («Шла сиротка пыльною дорогой...»), В роще («Там иволга, как флейта, распевала...»), Туман («Сумрачно, скучно светает заря...»), Кружево («Весь день метель. За дверью, у соседа...»), Сторож («И снова вечер, сухо позлативший...»), Берег («За окном весна сияет новая...»), Колдун («В мелколесье пело глухо, строго...»), Сенокос («Среди двора, в батистовой рубашке...»), Лимонное зерно («В сырой избушке шорника Лукьяна...»), Мужичок («Ельничком, березничком — где душа захочет...»), Дворецкий («Ночник горит в холодном и угрюмом...»), Криница («Торчит журавль над шахтой под горой...»), Песня («На пирах веселых...»), Песня («Зацвела на воле...»), О Петре-разбойнике («В воскресенье, раньше литургии...»), Зимняя вилла («Мистраль качает ставни. Целый день...»), Памяти («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...»), Сполохи («Взвевая легкие гардины...»), При дороге («Окно по ночам голубое...»), В первый раз («Ночью лампа на окне стояла...»), Березка («На перевале дальнем, на краю...»), Годива. Поэма А.Теннисона («Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь...»), Из «Золотой легенды» Лонгфелло: I. Ночь («Люцифер. Сбросьте! Сбросьте!..»), II. Утро («Однажды утром...»), Каин. Мистерия Байрона, Манфред. Драматическая поэма Байрона, Небо и земля. Мистерия Байрона.

Дата определена по объявлению в № 22 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

Май, конец. Выходит № 18 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 480–483) приводятся цитаты из рецензий на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Май. В московском журнале «Новости детской литературы» (№ 5. С. 26–27) печатается рецензия на книгу «Избранные рассказы» (М., 1915). Без подписи.

Рецензент пишет: «Как всякий большой художник, Бунин обладает даром познавать душу окружающего его мира, подмечать в несложном пейзаже или незначительном на вид факте такую красоту и глубину, которой обыкновенный смертный не заметит. Природа говорит с ним внятным языком, и душа поэта отзывается глубокими, полными чувства и задумчивой грусти нотами. Вот этот свой разговор с природой, это проникновение в скрытую от поверхностного взора красоту ее он и поверяет читателю в одной части своих рассказов. Читая их, кажется, впервые уясняешь себе то, о чем смутно говорили душе эти знакомые картины. <...> все это как будто и неярко и небогато содержанием, но под пером художника проявляет вдруг такую глубину, такое богатство красок, чувств и мыслей, дает такое наслаждение, какое редко получа-

ешь от самого богатого фактами рассказа. Эти страницы, полные чистой, высокой поэзии – близкая и понятная книга для юношества, знакомого с деревней и природой, и прекрасная азбука для тех, кто вырос в городских стенах. <...>

Но не одной природой, не одними воспоминаниями одушевлен автор. Он долго и серьезно изучал деревню и ее обитателей, и другая часть рассказов сборника посвящена им. Здесь мы находим то же умение проникать в тайники души этих людей, наружно спокойных и молчаливых, ту же силу таланта, с которым он вскрывает перед читателем незаметные на вид душевные драмы. Поразительно верно схвачен и трогателен образ Кастрюка <...>.

Такою же яркою фигурою встает перед нами и Мелитон ("Скит"), вызывая тихое удивление оригинальностью и величавостью своего духовного облика.

С поразительной силой передает автор рассказ Сверчка, старика-шорника о том, как замерз его сын. Автор уловил тот своеобразный контраст между простотой выражения и глубиной переживания, который бросается в глаза при более коротком знакомстве с нашим народом. Забитый и немного комичный по виду, Сверчок вдруг вырастает в человека необычайной душевной силы. <...> Заканчивается рассказ с такою же простотою и силою, с какою и ведется. <...>

Сборник оканчивается северной легендой "Велга". Легенда красива, но как-то не гармонирует она с общим тоном книжки. <...> Жаль, что вместо "Велги" не помещен рассказ "Сосны". Тогда сборник был бы удивительно выдержанной книгой "песен в прозе" русской природы и русского народа».

Июнь, 1. Посылая очередную порцию материала для Полного собрания сочинений, Бунин пишет А.Е.Розинеру:

«посылаю Вам большой пук гранок и 2 листа "Деревни". Листы эти подписаны к печати, но ужасно боюсь, не напутали бы в них, уж очень я измарал. Если и Вы боитесь, не пришлете ли мне их еще раз?

На днях вышлю и остальные листы "Деревни". <...>

P.P.S. В "Деревне" всего три главы (вернее – части). Они все очень велики. *Я бы очень хотел, чтобы каждая из них начиналась с новой страницы*».

Письма (*2*). С. 331.

Эта просьба не была выполнена издателями.

Июнь, 2. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Мы живем ничего себе. Была хорошая погода (теперь стала портиться, дождь и холод). <...>

Про "топтанье на одном месте" ты сам же говоришь, что оно бывает разное. Если в нем есть нарастание, развитие темы, тогда, конечно, не плохо. А если нет, и не интересно оно, что тогда? А места чудесные, конечно, есть и во 2-ой ч<асти> твоего романа <...>.

Тич <Н.Н.Лепетич> опять прислал мне стихи. Есть талант, но будет ли прок? Мало он работает, прирожденный дилетант. И уже повторяется».

Письма (*2*). С. 331–332.

В ответном письме Бунин сообщает Д.Л.Тальникову:

«только третьего дня получил Ваше письмо от 7 мая <неизвестно> <...>. Жаль, что не пошла Ваша "Деревня" <статья "При свете культуры">, не по-

слать ли Вам ее, на всякий случай, Горькому, — у него, как я Вам говорил, теперь в руках “Современник”, затевает он, кроме того, какие-то сборники, беллетр<истические>, но со статьями. <...> Нового у меня, конечно, ничего нет, читаю, гуляю, держу корректуру. Деревня, на мой взгляд, ничуть не изменилась, только очень заметно отсутствие молодых людей».

Письма (*2*). С. 332.

Июнь, около 7. Бунин едет в Елец на ярмарку.

См.: 27 июня 1915, вторая запись.

Июнь, 8. Н.С.Клестов на бланке «Книгоиздательства писателей в Москве» сообщает Бунину:

«...посылаю Вам для подписи прошение в М<инистерс>тво торговли и промышленности <...>. Пожелаете, подпишите и верните мне. <...> Дела идут удовлетворительно. Порядочно продал Ваших книг в тыл армии (всего на 1000 р.) и еще кое-куда. Перешли в новое помещение. <...> Комитет никак не могу собрать. <...> Н.Д-ч <Телешов> бывает, вижусь с ним, но по делам сборников. Сегодня он поручил мне просить Вас отозваться и еще раз уверить, что рассказ Вы пришлете летом. Пятый сборник <“Слово”> материалом уже обеспечен и Н.Д-ч <Телешов> набирает уже на 6-й. <...>

О погроме не пишу Вам. Это что-то неслыханное. 1905 г. — ничто. Если выберу время, напишу».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 286, л. 1.

Июнь, 11. Отвечая на неизвестную открытку Д.Л.Тальникова от 2 июня, Бунин повторяет то, что писал в предыдущем письме.

Письма (*2*). С. 332–333.

См.: 2 июня 1915, вторая запись.

Июнь, 15. В экстренном прибавлении к № 136 газеты «Голос Москвы» (с. 2) помещается информационная заметка «Жертвам войны» (без подписи).

В заметке сообщается: «На днях выйдет под редакцией Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба сборник “Жертвам войны”, доход с которого поступит в пользу евреев-беженцев. В сборнике будут помещены произведения: <...> Ив.Бунина».

Имеется в виду сборник «Щит» (М., 1915). См.: до 19 сентября 1915.

Июнь, 17. С.С.Юшкевич пишет Бунину из Одессы:

«Обращаюсь к Вам с просьбой дать что-нибудь для сборника в пользу евреев, пострадавших в войне. Выйдет сборник осенью. <...> Участвуют в нем Горький, Овсянико-Куликовский, Арсеньев, Федоров, Нилус, Бялик, дедушка еврейской литературы Абрамович, Горнфельд, Сологуб и др. Очень прошу написать мне о своем решении. Для сборника имя Ваше очень важно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 249, л. 5.

Речь идет о сборнике «Щит» (М., 1915). См.: до 19 сентября 1915.

Июнь, 20. В газете «Голос Москвы» (№ 141. С. 2) публикуется статья И.Джонсона «После многих скорбных песен» — рецензия на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «“Чашей жизни” назвал И.А.Бунин свою новую книжку — по заглавию первого из помещенных в ней рассказов, и очень редко случается, чтобы название одного рассказа так удачно соответствовало характеру целой книжки, как в данном случае. Никогда еще, кажется, не писал Бунин такой цельной, единой и значительной книги, как эта, составившаяся из разных рассказов, отражающих, однако, все одну и ту же большую думу своего автора. <...>

Как протекают тысячи тысяч наших жизней... Да, именно такие думы отражает эта книжка: думы о том, как разные люди пьют свою “чашу жизни”. <...> Когда <...> вдумаешься в рисуемое этими рассказами существование всех этих людей, медленно пьющих свою чашу жизни в таких городах, — станет жутко. <...>

Но не только обывательскую жизнь наблюдает Бунин. В рассказах этой книжки перед нами и жизнь крестьян, и жизнь дикарей, и культурных верхов, и, наконец, чистых и святых душ. И как ни мрачна, как даже ни страшна порой жизнь крестьянская под пером Бунина, как ни бесконечно во всех отношениях убога жизнь рисуемых им в рассказе “Братья” полудиких аборигенов Цейлона, а все-таки кажется, что и в той и в другой жизни много больше содержания, чем в обывательской, что не мертвы они той мертвой бесчувственностью, которая обывательские чаши жизни делает или вовсе пустыми, или наполненными такою негодною дрянью, что еще хуже совершенной пустоты.

И, пожалуй, такую же по существу, пустоту, пожалуй, не менее страшную душевную опустошенность являют собою даже культурнейшие европейские верхи, о которых говорит странный англичанин в том же рассказе “Братья”. <...> И вот в чудесном, благоуханнейшем рассказе “Святые” Бунин показывает людей, нашедших себе именно такую “прочную опору”, о какой думал Гоголь. Эти люди обрели нечто такое, что дороже покоя, благополучия, власти, славы, счастья, что дороже всего личного и за что можно не только все личное отдать, но и принять какие угодно страдания. Это — отказ от личности во имя чего-то безмерно высшего и в то же время наполняющего чашу жизни личности огромным содержанием. <...>

Та необыкновенная в нынешнем суровом и недобром Бунине теплота и мягкость, с какими написан этот рассказ, уже сами по себе достаточно говорят за его отношение к тому, что им здесь изображено. Но, конечно, было бы ошибочным заключать отсюда, что Бунин пришел к требованию от людей святости. Он не моралист-проповедник, не апостол, он только большой художник. Но он художник и с большою душой, неравнодушно думающий о человеческом мире и отливающий свои думы в художественные формы. <...> Но в ней <книге> уже хочется писателю, горько задумавшемуся над содержимым тысяч и тысяч наших жизней человеческих, бить над ними в какой-то колокол, чтобы дрогнул, наконец, вокруг них воздух, чтобы воскресли мертвые души и познали истинного Бога — Бога живых, бога света и радости.

И не оттого ли, думается мне, вернулся он к старому рассказу <“Над городом”> через тринадцать лет, что снова ощутил в сердце былое желание славить радость бытия, — впрочем, теперь не столько славить ее, сколько призывать к ней?».

Июнь, до 25. Выходит № 6 петроградского журнала «Русские записки», в котором (с. 314–317) печатается рецензия на сборник «Клич». Без подписи.

Рецензент пишет: «Сборник “Клич” разошелся без остатка, кажется, в первый день по выходе и это вполне естественно: помимо цели сборника, как явление литературы и книжной техники, он вполне заслужил свой успех. В нем приняли участие виднейшие силы нашей литературы, поэзии, живописи, музыки. Нельзя сомневаться, что и второе издание, ныне печатаемое, будет разобрано столь же быстро, как и первое.

Тем свободнее можно говорить о содержании сборника. Оно, конечно, не могло не быть пестрым уже по самому типу издания, несмотря на редакцию таких почтенных литературных деятелей, как гг. Бунин, Вересаев и Телешов. Однако из всей этой пестроты переживаемое время невольно заставляет выделить один определенный мотив — военный и только на нем подробнее остановиться, как ни заманчиво для рецензента коснуться также таких вещей, как “мирный” чудесный рассказ Бунина, как прекрасные мемуары Н.В.Давыдова <...>».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (25 июня (№ 145). С. 6).

Июнь, 27. Бунин сообщает Д.Л.Тальникову открыткой, что посылает ему большое заказное письмо и свой фотопортрет, который давно просил адресат.

Письма (2). С. 333.

См.: 28 июня 1915, вторая запись.

В заказном письме, отвечая на неизвестные два письма Д.Л.Тальникова, Бунин пишет ему:

«Дорогой Давид Лазаревич, ответил бы уже давно на Ваше первое письмо, да был в Ельце на ярмарке и, кроме того, совсем пришел в расстройство и от бессонницы (жара в Ельце адова), и от одной весьма глупой истории: на пути в Елец, едучи по селу к станции, я так яростно махнул на собаку бывшей со мной палкой с острым железным наконечником (держа палку за конец), что наконечник вонзился мне в кисть (с исподу). <...> Несколько дней она была в толстом содовом компрессе да и теперь еще завязана».

Далее, отвечая, очевидно, на просьбу Д.Л.Тальникова о помощи в написании рецензии на переводы К.Д.Бальмонта сочинений П.Б.Шелли, Бунин фактически пишет развернутую рецензию с примерами на двух языках: «Что было в “Речи” о переводах Бальм<онта> “с санскритск<ого>” не помню. Было, кажется, что-то насчет перевода “Жизни Будды” Асвагоши, говорилось, что Б<альмонт> весьма ловко скрыл, с какого именно языка он переводил — с китайского или французского. То же говорил и Брюсов в “Р<усской> мысли”, страшно разделавший этот действительно гнусный перевод, ни к селу ни к городу до того русифицированный, что дело доходит почти до “ох, ты гой еси!” А что до Шелли, то я не раз сравнивал Шелли и Бальм<онта> и всегда совсем не без оснований утверждал, что Шелли опошлен и извращен Бальмонтом. Здесь у меня есть один томик Шелли — избранные стихотв<орения> и поэмы — и я уже сравнил кое-что (очень внимательно) и снова возмутился. Смело можете писать, что огромное большинство переводов Б<альмонта> с мало-мальски строгой точки зрения из рук вон плохо.

Если он вломится в амбицию, можно его завалить примерами, доказательствами. Раскрыв подлинник, я увидел на первой странице “Ode to the west wind” — “Песнь к западному ветру”, затем прочитал Б<альмонта> и увидел, что перевод косолап, убог, с выдумками и заимствованиями из перевода Маркова, много лет печатавшегося в издании Гербеля. <...>

Затем я посмотрел знаменитый сонет “Озимандия”. И нашел, что и он переведен Б<альмонтом> плохо — вполне ремесленно, без сохранения строго сонетной формы и опять-таки с высокопарной отсебятиной, что совершенно убивает суровую красоту подлинника. <...>»

О переводах других стихотворений говорится: «У Шелли все кратко, просто, размер не томно-сладкий, не певучий, а тоже простой, с оттенком грусти (Лермонтовское “Так храм оставленный все храм...”). У Бальмонта размер совершенно другой, расположение рифм тоже другое, развратная болтовня, чуть не половина отсебятины и махровая глупость: “розы искрятся, как в небе звезда”. <...>

И таков он всюду. Почти всегда к одному слову Шелли прибавляет десять своих, а иногда нелепо сокращает его».

Приведя целый ряд примеров на двух языках и своих подстрочных переводов, Бунин заключает: «Думаю, что этого с Вас будет, но коли понадобится еще, напишите без церемоний. Работать я еще не начинал, хотя лето у нас пока чудесное, сухое, то есть именно такое, какое мне нужно для работы. Со дня на день собираюсь крепко сесть за стол, а пока вольничаю да читаю старые журналы <...>».

К письму приклеена вырезка из газеты «Биржевые ведомости» от 27 июня со стихотворением К.Бальмонта «Упрямец», по поводу которого Бунин пишет: «Посмотрите, какое это глупое и бессовестное животное! Что за подлое кокетство, сюсюканье! “Ну что ж, там творится что-то ужасное, а я вот сюсюкаю, я — упрямец”... Его надо ругать на всех перекрестках, ибо прав Леонардо да Винчи — “хвалить дурного значит порочить хорошего”».

Письма (*2*). С. 333–341.

Имеются в виду статьи: Данков Н. Индусское нашествие // Речь. 1913. 9 дек. (№ 337). С. 3; Брюсов В. Рецензия на перевод К.Бальмонта книги Асвагоши «Жизнь Будды» // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. IV, с. 413–414. Разбор Бунина переводов К.Д.Бальмонта в данном письме был использован Д.Л.Тальниковым в статье «Литературные заметки» (Современный мир. 1915. № 9. Отд. II, с. 124–142).

Июнь, 28. Бунин пишет А.М.Горькому:

«как всегда — простите, за ради Бога, и отвечаю Вам поздно, и не шлю пока ничего. Уехав 9-го мая из Москвы, я был в Орле, потом все совершал мелкие поездки, потом кончал корректуру для “Нивы”... Вот-вот, надеюсь, засяду за стол и, если Бог благословит урожаем, первым долгом пошлю Вам и для “Соврем<енника>”, и для сборников. Буду чрезвычайно рад, если Ваше книгоиздательство <“Парус”> наладится!»

Письма (*2*). С. 342–343.

Бунин посылает Д.Л.Тальникову свой фотопортрет с дарственной надписью:

«Д.Л.Тальникову Ив.Бунин. 28.VI.1915».

На обороте помета Бунина: «Март 1915 г.».

РГБ ОР, ф. 487, к. 37, ед. хр. 6, л. 1.

Июнь, 29. Бунин пишет в издательство «Мир», сообщает свой деревенский адрес, по которому просит выслать корректуру «Автобиографической заметки».

Письма (*2*). С. 343.

Июнь, 29 или 30. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Позвольте напомнить Вам, что Вы хотели дать в августе статью о русской литературе и рассказ для сборника.

Сборники будет издавать книгоиздательство "Парус", основанное И.П.Ладыжниковым, А.Н.Тихоновым и мною.

Мне очень хотелось бы поговорить с Вами об этом деле, но — как увидеть Вас?»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 11. С. 182.

Июль, 1. Бунин читает жития святых мучеников.

В дневнике писатель отмечает: «Собрать бы все людские жестокости из всей истории. Читал о персидских мучениках Даде, Гаведдае и Таргала. Страшное описание Мощей Дмитрия Ростовского».

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Июль, 3. Бунин читает житие святого преподобного Серафима Саровского.

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Июль, 4. Бунин читает жития юродивых, «Записки» Е.Р.Дашковой.

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Июль, 8. В письме И.А.Белоусову Бунин выражает беспокойство его болезнью, и добавляет:

«У нас пока все слава Богу, лето хорошее, только жаль, работы много».

Письма (*2*). С. 343.

Июль, 10. В.Н.Муромцева уезжает из Глотово в Москву.

См.: 3 августа 1915.

Июль, 11. Бунин посылает А.Е.Розинеру очередные корректурные листы для Полного собрания сочинений.

См.: 15 июля 1915, первая запись.

Июль, 15. Посылая очередной материал для Полного собрания сочинений, Бунин пишет А.Е.Розинеру:

«11-го июля я послал Вам листы 10, 11, 12 и 13 пятого тома и надписал на них "печатать". Но в них много поправок, боюсь, что напутают — и посему *очень прошу прислать мне еще раз их.*

Вместе с этим письмом шлю листы 14–22 включит<ельно> и *тоже прошу прислать мне их еще раз*. Это необходимо, я места не найду себе от беспокойства.

Шлю Вам, кроме того, “Автобиогр<афическую> заметку”, две статьи о Чехове и “Речь”. Это все должно идти в конце 6-го тома. Этим кончается весь материал, который я Вам даю. Но книжки мои выходят так страшно жидки, что, может быть, *нужно добавить материалу*? Пожалуйста, сообщите, — нужно ли? Я думаю, что смогу дать Вам в сентябре или даже ранее несколько листов новой беллетристики».

Письма (2). С. 343–344.

А.М.Горький пишет Бунину из Мустамяки:

«Дорогой друг,

не возьмете ли Вы на себя труд перевести на русский язык стихотворения Саят-Нова и Туманяна? Построчные переводы при сем прилагаю. <...> Стихи предназначаются для литературного сборника “Армения”. Предполагаются еще сборники: грузинский, финский, латышский, еврейский и т.д.

Не пожелаете ли Вы взять на себя редактуру стихотворений во всех этих сборниках?»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 185.

А.М.Горький пишет Д.Л.Тальникову по поводу его статьи о деревне:

«Позвольте обратить Ваше внимание на нижеследующее: И.А.Бунина часто обвиняют в *барском* пессимизме. Ив.Вольный и Семен Подъячев — мужики, но они рисуют деревню еще более, — несравненно более! — мрачными красками, чем рисовал ее Чехов и рисует Бунин.

Было бы очень интересно и убедительно сопоставить суждения о деревне не двух, а четырех авторов».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 185.

Июль, 16. И.А.Белоусов в ответном письме сообщает Бунину:

«Милый мой, родной Иван Алексеевич! Спасибо за совет и сочувствие, доктор <...> преувеличил мою болезнь».

Письма (2). С. 712.

Июль, 18. В качестве приложения к № 29 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина четвертого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс).

Дата определена по объявлению в № 29 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См. также: 15 августа 1915.

Июль, 25. В ответном письме, извиняясь за долгое молчание, Бунин пишет А.М.Горькому по поводу переводов стихотворений армянских поэтов:

«...боюсь взяться за темное дело, — подстрочник всегда темен, — очень прошу Вас извинить мне отказ от переложения стихов Саят-Нова и Туманяна. Да и пора мне написать что-нибудь — многим я, несчастный, наобещал! Вам, если выйдет что, дам, конечно, в первую голову. Со статьей о рус<-ской> литературе, верно, надую, — ей-богу, как-то не до того теперь, — а рассказ дать очень постараюсь. Интересует меня Ваше книгоиздательство <“Парус”> чрезвычайно — всячески желаю успеха и всячески готов помочь

ему. Поговорить о нем — и вообще поговорить с Вами — большая жажда. <...> Напишите, пожалуйста, непременно ли нужен для Вашего сборника о мужиках рассказ — как, помните, Вы говорили — или другое что можно».

Письма (*2*). С. 344.

Июль, 28. Извиняясь за поздний ответ, Бунин вновь пишет Д.Л.Тальникову о его статье «При свете культуры», которая так и не была напечатана в журнале «Современный мир», советует издать ее отдельно в новом издательстве «Парус», основанном А.М.Горьким:

«А не выйдет дело — попытаемся в “К<нигоиздательст>ве писателей”. <...> (Вера уже 3 недели в отсутствии — была у родных в Тульск. губ., теперь в Москве, на днях должна вернуться сюда, где мы еще хотим посидеть нек<оторое> время). Подъячева я очень мало знаю. Вольный ужасен — груб, преднамерен и т.д. Этих господ, торгующих своим якобы мужицк<им> званием, уже немало, они ездят на гастроли по столицам и ошеломляют интеллигентов».

Письма (*2*). С. 345.

Июль, 30. Утром Ю.А.Бунин уезжает из Глотово в Москву.

См.: 1 августа 1915.

Июль. Выходит № 21–22 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 565–567) приводятся цитаты из рецензий на сборник «Клич».

Выходит книга 6/7 альманаха «Жатва. Вестник литературы» (М., 1915), в котором (с. 452–453) помещается рецензия К.Кова «След обретен. (Е.Гуро. Шарманка)».

Рецензент, в частности, пишет: «Удается Гуро, впрочем, и природа деревни <...>. Во “Сне вегетарианца” кусочек, уголок природы оживает, одухотворяется как-то совсем по-новому. Тоже облака, тоже небо, но какая разница в передаче, по сравнению с нудными описаниями хотя бы наших реалистов-натуралистов “знаньевского толка”. Для примера привожу несколько выдержек из нового рассказа академика И.А.Бунина (Клич 1915 г.) — “Грамматика любви”. Рассказа очень глубокого и интересного по теме и идее, но совершенно безжизненного, описательно-протокольного по способу художественного выявления». Далее приводятся четыре большие цитаты из рассказа.

«Человеческая жизнь, природа — загромождены, задавлены бесконечными описаниями, томительными описаниями ненужных предметов. Но и предметы мертвы, иссушены, лишены души и движения.

А у Гуро все живет подлинной жизнью, все волнуется, дышит — и люди, и вещи».

В том же альманахе (с. 502) в рубрике «Золотая доска Жатвы» приводится список авторов и произведений; в частности, напечатано: «И.Бунин. Каин (Байрон), Песнь о Гайавате (Лонгфелло)».

В редакционном примечании к рубрике говорится: «В настоящем списке будут печататься названия книг новейшей литературы, представляющих по мнению литературного комитета редакции Жатвы наибольший интерес для чтения и выдающихся, как по своим художественным достоинствам, так и по идейным и общественно полезным целям, которые они преследуют».

Август, 1. Бунин посещает Колонтаевку.

В дневнике он записывает: «Позавчера уехал Юлий, утром в страшный дождь. Кажется, что это было год тому назад. Погода холодная и серая. Вечером позавчера долго стояли возле избы отца так страшно погибшей Доньки. Какие есть отличные люди! “Жалко дочь-то?” — “Нет”. Смеется. И потом: “Я через нее чуть не ослеп, все плакал об ней”. Нынче вечером сидели на скамейке в Колонтаевке. <...> Думал о любви».

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Август, 2. Утром Бунин отправляет А.Е.Розинеру корректуру повести «Суходол» для Полного собрания сочинений.

Днем Бунин из газет узнает о самоубийстве В.П.Куровского.

В дневнике Бунин записывает: «Проснулся рано, отправил корректуру “Суходола”. Во втором часу газеты. Дикое известие: Куровский застрелился. Не вяжется, не верю. Что-то ужасное — и, не знаю, как сказать: циническое, что ли. Как я любил его! Не верю — вот главное чувство. Впрочем, не умею выразить своих чувств».

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

См.: 3 августа 1915; 6 августа 1915; 8 августа 1915; 10...13 августа 1915.

Август, 3. Вечером Бунин в деревне Скородное.

В дневнике Бунин записывает: «Все же я равнодушен к смерти Куровского. Хотя за всеми мыслями все время мысль о нем. И умственно ужасаюсь и теряюсь. Что с семьей? Выстрелил в себя и, падая, верно, зацепился шпорой за шпору.

Вечером были в Скородном. Заходил в караулку. Окна совсем на земле. 5 шагов в длину, 5 шагов в ширину. Как ночевать тут! Даже подумать жутко. Возвращались — туманно, холодно. <...>

Неужели это тот мертв, кто играл в Мюррене? С кем столько я пережил? О, как дико!

Веры все еще нет, уехала через Вырыпаевку в Москву еще 10-го июля.

Долго не мог заснуть от мыслей о Куровском».

СС (*2*). Т. 7. С. 381.

Август, 4. Бунин посылает телеграмму П.А.Нилусу (неизвестна), спрашивая о кончине В.П.Куровского.

СС (*2*). Т. 7. С. 382.

Август, 6. В Глотово возвращается из Москвы В.Н.Муромцева.

Бунин записывает в дневнике: «Приехала Вера. Привезла “Одесские новости”. Там о Куровском. Весь день думал о нем».

СС (*2*). Т. 7. С. 382.

Август, 7. Бунин пытается начать писать прозу.

В дневнике он записывает: «Тихий, теплый день. Пытаюсь сесть за писание. Сердце и голова тихи, пусты, безжизненны. Порою полное отчаяние. Неужели конец мне как писателю? Только о Цейлоне хочется написать».

СС (*2*). Т. 7. С. 382.

Август, 8. Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Милый Ваня!

Вы все упрекали меня в пессимизме, но действительность далеко опередила мой пессимизм. К сожалению, ничего нового, ничего интересного в этом отношении я не имею сообщить Вам. Впрочем, я почти никого не вижу, — Москва еще пуста. <...>

Сейчас здесь Федоров с Витей <...>. Александр Митрофанович рассказывал про Куровского, будто бы тот за две недели до смерти уже стрелялся, на театре военных действий он не был, не было и никакой контузии, — все набрехали репортеры. Митрофаныч <А.М.Федоров> хочет предложить нашему книгоиздательству две книги. Я полагаю, что следует издать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/13 оф.

Август, начало. Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылают Бунину отчет о продаже изданных книг.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 14.

Август, 12. В.Я.Брюсов пишет Бунину:

«Группа армянских поэтов обратилась ко мне с просьбой — редактировать сборник “Поэзия Армении”, где эта поэзия, — поистине весьма замечательная, была бы представлена, в русских переводах, от древнейших времен (X–XIV в.) до наших дней. <...> Я позволяю себе обратиться к вам с усерднейшей просьбой — не отказать и в своем участии. Среди сотрудников у нас есть А.М.Федоров, Вяч.Иванов, К.Бальмонт, Ф.Сологуб и было бы очень-очень дорого присоединить к этим именам ваше имя. <...> Но, может быть, вы согласитесь сделать один или несколько (чем больше, тем нам будет приятнее) переводов с подстрочного русского перевода, к которому будет приложена точная транскрипция, русскими буквами, подлинника. <...> В свое время вы уже дали несколько переводов с армянского, и теперь я, со знанием дела, могу утверждать, что они принадлежат к самым удачным, какие только существуют на русском языке. <...>

P.S. *Во всяком случае* просим усердно — не отказать в одном: позволить нам *перепечатать* ваши переводы с армянского, уже появлявшиеся в печати; мне известны два таких перевода, один из Исаакяна, другой из Цатуриана».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 466–468.

Август, 10...13. П.А.Нилус в недатированном письме сообщает Бунину о самоубийстве В.П.Куровского:

«Дорогой Ив, случилось то, что должно было случиться, но только в неожиданной форме. Павлыч застрелился. Как ты уже знаешь — этого никак нельзя было допустить, как и того, что в последние свои дни он лишился рассудка. Бывали просветы, тогда он говорил, взявшись за голову: “Верочка, что со мной? Я не могу ни думать, ни работать...” Вот это сознание инвалидности его и доконало. Ему все казалось, что его не хотят брать на войну, что в последнюю минуту его оставят. Он видел, как его щадили, не давали ему в полку работы. “Какой я для них офицер?” — говорил он жене. Ему полковой врач советовал подать рапорт о болезни, но это было равносильно признанию себя никуда не годным, и он упорно отказывался.

Наконец, рано утром, 27 июля, выступал их эшелон; в ночь отхода он несколько раз просыпался, но ему казалось, что его не возьмут... Окончилось тем, что он отбился от своей роты, с которой шел к вокзалу; совершенно без денег, проскитался два дня и застрелился в лавочке минеральных вод.

Так окончилась жизнь нашего друга, самого настоящего человека среди нас. Мне всегда казалось, что на Павлыче лежит отражение Толстовской души — спокойствие, простота, ясность ума, человеческое отношение к людям, доброта (или, пожалуй, еще ближе Короленко?..)».

Письма (*2*). С. 713–714.

Датируется по ответному письму Бунина. См.: 16 августа 1915, первая запись.

Август, 14. Бунин фотографируется вместе с С.Н.Пушешниковой, Н.А.Пушешниковым, М.А.Ласкаржевской, Н.И.Ласкаржевским и В.Н.Муромцевой.

На обороте фотографии рукой В.Н.Муромцевой перечислены все изображенные лица и поставлена дата: «14 августа 1915 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 8975 оф.

Августа, 15. В качестве приложения к № 33 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина четвертого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс).

Содержание 4-го тома: **Рассказы 1903–1910 гг.**: Сны, Золотое дно, Счастье, Сон Обломова-внука, Цифры, У истока дней, Астма, Старая песня, Беден бес; **Храм Солнца. Путевые поэмы**: Тень Птицы, Море богов, Зодиакальный свет, Иудея, Пустыня дьявола, Мертвое море, Храм Солнца, Геннисарет.

Дата определена по объявлению в № 33 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

Август, 16. В ответ на письмо П.А.Нилуса с известием о самоубийстве В.П.Куровского Бунин пишет:

«Дорогой, крепко благодарю тебя за твое прекрасное письмо, прямо разорвавшее мне сердце! Целую всех товарищей особенно нежно».

Письма (*2*). С. 345.

Бунин пишет Д.Л.Тальникову:

«Я плохо провел это время – так ужасна эта смерть Куровского, бывшего очень близким мне человеком».

Письма (*2*). С. 345.

Август, 19. В ответном письме Бунин пишет В.Я.Брюсову по поводу переводов с армянского языка:

«Позвольте ответить Вам условно: будьте добры прислать мне одно или два небольш<их> стихотвор<ения>, я попробую передать их, и *если* выйдет что-нибудь путное, с величайшим удовольствием напечатаю у Вас; если нет – а я очень боюсь, что может так случиться, ибо подстрочник, как бы хорош он ни был, почти никогда не задевает сердца, — великодушно извините. Что до прежних моих переводов с армянского, то Ваши похвалы им я всецело отношу к вашей любезности: я совершенно не помню их, но убежден, что они плохи, — дело давнее, на которое я неразумно согласился по чьему-то настоянию, — и *очень* прошу Вас не перепечатывать их.

От души желаю успеха Вашему хорошему делу».

Письма (2). С. 346.

Август, 14–19. Бунин пишет рассказ «Господин из Сан-Франциско». Авторская дата: «14–19 авг. 1915 г. Глотово».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 5.

В дневнике Бунин записывает 21 августа: «14–19 писал рассказ “Господин из Сан-Франциско”. Плакал, пиша конец. Но вообще душа тупа. И не нравится. Не чувствую поэзии деревни, редко только. Вижу многое хорошо, но нет забвенности, все думы об уходящей жизни».

СС (2). Т. 7. С. 382.

В конце жизни Бунин вспоминает о рассказе «Господин из Сан-Франциско» в письме Ю.Л.Сазоновой от 23 августа 1952 г.: «Вот Вам история написания мною “Господина из Сан-Франциско”. Летом 1915 г. я почему-то приехал на несколько дней в Москву из деревни, из орловского имения одной моей родственницы, где нередко живал подолгу, и, проходя мимо книжного магазина Готье на Кузнецком мосту, увидал в витрине только что вышедшую тогда в свет книгу Томаса Манна “Смерть в Венеции”, не купил ее, но случайно вспомнил о ней в деревне в начале осени и тотчас сел писать “Смерть на Капри”, и написал в четыре дня то, что потом озаглавил иначе: “Господин из Сан-Франциско”. Писал не спеша: попишу немного, поточу перо, оденусь, возьму ружье и пойду на гумно за садом стрелять голубей, слетавшихся туда клевать зерно, оставшееся кое-где после молотьбы, сдавал в кухню на жаркое к вечеру настрелянных голубей, а воротясь в дом, опять садился за письменный стол. Обычно я пишу быстро и спокойно, хорошо владея своими мыслями и чувствами, но на этот раз писал, повторяю, не спеша и порою очень волнуясь.

“Смерть в Венеции” я прочел в Москве лишь в конце осени. Это, оказалось, очень неприятная книга: немецкий писатель, купавшийся на Лидо, влюбился в мальчика лет двенадцати, очень красивого полячка, и умер в жаркой (и зловонной) Венеции от холеры».

Новые материалы (2). С. 295–296.

См.: октябрь 1915, первая запись.

Август, 22. Бунин спрашивает в письме Д.Л.Тальникова о причине его молчания, а также пишет:

«Я живу теми же новостями, что и все. И газет, и книг начитался столько, что в глазах рябит».

Письма (2). С. 346.

Август, 27. Бунин пишет стихотворения:

– «Святой Евстафий» («Ловец великий перед Богом...»). Авторская дата: «27.VIII.15. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 14–15.
СС (Петр). Т. 6. С. 202.

См.: Руль. Берлин, 1924. 27 апр. (№ 1032). С. 6.

– «Поэту» («В глубоких колодцах вода холодна...»). Авторская дата: «27.VIII.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 16.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 203.

См.: 15 декабря 1915.

Август, 28. Бунин читает корректуру «Автобиографической заметки», вносит в текст значительную правку.

На нижнем поле 1-й страницы корректуры авторская помета: «Исправив, можно печатать. Ив.Бунин 28.VIII.1915».

ИРЛИ ОР, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 663, л. 1–8.

Бунин в письме отвечает неустановленному лицу:
«Ни стихов, ни воспоминаний о К.Р. я не писал».

Письма (*2*). С. 346.

Август, 31. Бунин сочиняет стихотворение «К Ночи» («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»). Авторская дата: «31.VIII.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 18.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 204.

См.: 25 декабря 1915, вторая запись.

Бунин отправляет С.А.Венгерову исправленную корректуру «Автобиографической заметки».

Сохранился конверт с п.ш.: Измалково, 31.8.15; Петроград, 2.9.15.

ИРЛИ ОР, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 663, л. 9.

Август. Выходит № 23–24 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 598–603) помещаются цитаты из рецензий на 4-й сборник «Слово».

В петроградском «Новом журнале для всех» (№ 8. С. 58–59) печатается рецензия на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915). Подпись: О.К.

Рецензент пишет: «Рассказы, вошедшие в сборник, <...> объединяет настроение автора — крайне безрадостное, безотрадное. <...> Важно то, что, представляя себе все в таких серых, беспросветных тонах, он сам не чувствует, не видит тех огней, которые обещают красивую жизнь. <...>

Один за другим проходят рассказы, проносятся картины одна мрачнее другой. <...>

Написаны рассказы, как всегда, очень тщательно. Эта тщательность мелькает везде. Чувствуется, что автор очень серьезно относится к самому себе, работает над собой. <...>

В сборнике есть несколько стихотворений.

Их настроение несколько иное, чем в рассказах. В них Бунин, автор “Листопада”, певец осени. Здесь много грусти, но грусти животворящей, не безнадежности, которая чувствуется в рассказах».

В петроградском журнале «Северные записки» (№ 7/8. С. 264–266) публикуется рецензия Г.Кипен на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Некоторые критики Бунина давно уже ставили вопрос: кто он в своем творчестве – эпик с просветленной и совершенной любовью к земному

вещному миру, — или лирик, живущий в смутно-тревожном мире мыслей и чувств? Новый сборник его рассказов возвращает нас к этому вопросу.

Казалось бы, в самом характере творчества Бунина, в его ясной, спокойной — уже почти чуждой нам — гармоничности сказываются черты эпического склада. Он захватывает и волнует своей чуткой любовью к предметному миру, где нет для него вещи, на которую он мог бы не обратить внимания. И тонок и тверд его рисунок; строго-чисты и ясны его краски; его художественная передача сжата и сильна и, в то же время, ясна и изящна.

Вот скупо брошено несколько слов, и перед нами — знакомый и, вместе с тем, неожиданно яркий, мгновенный образ обезьяны: <...>.

Благословенна эта любовь Бунина к реальному миру; благословенна эта чудесная сила изображения!

Она в такой мере присуща писателю, так *владеет им*, что кажется, будто вне конкретных образов для него вообще нет форм художественного выражения — даже тогда, когда дело идет о лишенных образа мысли и чувстве.

Эта земная, телесная, полная жизни и крови форма грустной лирики Бунина — быть может, интереснейшая черта его творчества и исключительный пример встречающегося у него художественного диссонанса.

Но если можно сказать, что даже лирика Бунина оживает лишь во плоти и крови предметного мира, то надо признать и обратное, и в его эпосе нет так называемых чисто-объективных образов; все они связаны с личным настроением автора, проникнуты лиризмом. В свой эпос Бунин все более вносит тот элемент субъективности, который отличает и *должен отличать* эпос нашего времени от старого, “языческого” эпоса. Бунин — выдающийся пейзажист, но в своих пейзажах он — подлинный импрессионист. Бунин — мастерский рассказчик, но в своем рассказе он всегда элегичен.

Эпик и лирик все более сливаются у Бунина в одно целое. <...>

И при всем этом, думается, есть в нынешнем эпосе черта, которой пока оставался чужд Бунин. Эта черта — *напряженность, драматизм*, заступившие место прежнего спокойствия и созерцания.

В сущности, как только эпос сливается с лирикой, художник уже перестает быть чистым созерцателем: он живет и чувствует вместе со своими образами, и, чем напряженнее эта слитая жизнь, тем более драматизируется рассказ. Однако от этого драматизма до сих пор Бунин был довольно далек. Правда, иногда встречались у него драматические жесты, но они казались слишком торжественными, холодно-рассудочными, обещавшими больше пафоса, чем было в этот момент в душе самого писателя.

Чем объяснить это несоответствие у художника, который, как искусный, вдохновенный и мудрый мастер средневековья, знающий цену лежащему перед ним дорогому материалу, тщательно чеканит каждую деталь и потом вдруг поражает изумительной красотой и совершенством своего творения, — чем объяснить у такого художника несоответствие между силой его образов, проникновенностью его изображения и — бледностью его драматического пафоса?

Быть может, — только продолжающимся ростом творческого дара писателя.

Для того, чтобы художника охватило чувство торжественной трагедии жизни, должна была раньше созреть сила его художественных образов. Можно не сомневаться, что эта сила поведет Бунина за собой, переплавит в своем чудесном горниле его чувство и мысль и придаст его творчеству новую жгучую мощь. <...>

Лиризм Бунина, слитый с эпически-мощной формой, уже есть источник драматизма. В помещенном в книге рассказе "Братья" этот источник порою бьет уже живым ключом. <...> И здесь, приближаясь уже к совершеннейшему драматизму, он буквально пропитал весь рассказ свой ощущением бега, напряженного, непрерывного, поразительно передав высший элемент драмы — *движение*!»

Сентябрь, 2. Бунин пишет стихотворения:

— «В арабской деревне» («Если ночью лечь на теплой крыше...»). Авторская дата: «2.IX.15. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 20.

См.: *СС* (*1*). Т. 1. С. 467.

— «В окно пустое ветер дул...». Авторская дата: «2.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 22.

См.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1925. № 20. 1 июня. С. 2, под заглавием «Кинематограф».

— «Роса, при бледно-розовом огне...». Авторская дата: «2.IX.15».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 206.

В *СС-рук.* (*Петр*) — помета Бунина: «Отчизна. Сб. Симферополь. Осень 1918 г.». См.: 21 (8) октября 1918, вторая запись; до 13 февраля (до 31 января) 1919.

— «Се жених грядет...» («В сосудах тонких и прозрачных...»). Авторская дата: «2.IX.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 24.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 21, л. 3.

Во втором автографе авторская дата: «2.IX.14».

См.: январь 1916 (другая редакция); 8 октября (25 сентября) 1919, первая запись.

Сентябрь, 3. В ответ на неизвестное письмо И.М.Василевского, приглашавшего к участию в «Журнале журналов», Бунин пишет:

«Сейчас, к сожалению, ничего не могу послать Вам. Но в недалеком будущем непременно пришлю что-нибудь».

Письма (*2*). С. 347.

Сентябрь, 10. Бунин пишет стихотворения:

— «Бонна» («Худая некрасивая ирландка...»). Авторская дата: «10. IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 31.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 209.

См.: до 17 сентября 1916.

— «Гора Алагалла» («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...»). Авторская дата: «10.IX.15».

СС (*Петр*). Т. 6. С. 207

См.: декабрь 1915, первая запись.

— «Пустынник нам сказал: “Благословен Господь!...». Авторская дата: «10.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 27.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 208.

См.: 25 декабря 1915, вторая запись.

— «Что в том, что где-то, на далеком...». Авторская дата: «10. IX.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 29.

См.: Возрождение. Париж, 1926. 23 мая (№ 355). С. 2.

Сентябрь, 11. Бунин пишет стихотворение «Дача на севере» («К вечеру море темней и мутней...»). Авторская дата: «11.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 33.

См.: до 17 сентября 1916.

Сентябрь, 12. Бунин пишет стихотворения:

— «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...»). Над автографом авторская дата: «12.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 39–40.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 210.

См.: 28 октября 1915.

— «Засуха в раю» («От пальм увядших слабы тени...»). Авторская дата: «12.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 35.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 211.

См.: до 4 февраля 1916, первая запись.

— «Лик прекрасный и бескровный...». Авторская дата: «12.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 41.

См.: 25 декабря 1915, вторая запись.

— «Невеста моряка» («Косоглазая девушка, ножки скрестив...»). Авторская дата: «12.IX.15. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 37.

См.: декабрь 1915, третья запись.

— «Шестикрылый. Мозаика в соборе» («Алел ты в зареве Батыя...»). Авторская дата: «12.IX.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 43.

В *СС* (*Петр*). (Т. 6. С. 216) авторская дата: «14.IX.15».

См.: 15 декабря 1915.

Извиняясь за поздний ответ, Бунин пишет Д.Л.Тальникову:

«Я все думал, что увижу Вас, хотел ехать в Одессу, но каждый день приносил такие страшные вести о несчетном количестве едущих и переполняющих гостиницы, что мечта моя, конечно, была безумной. Кроме того, что-то со мной случилось: давно я не чувствовал себя так ужасно (не физически). А почему — о том слишком долго да и трудно рассказывать. Тут сто причин, всяческих. И не делал я ничего — все только читал, да думал, да по лесам,

по полям и по деревням ездил. Впрочем, я, кажется, уже писал Вам нечто подобное: у меня это уже давно, к несчастию».

Далее вновь дает советы по устройству в печать статьи «При свете культуры» и продолжает: «Удивили Вы меня и сообщением о рассуждениях Дм<итрия> Н<иколаевича> <Овсянико-Куликовского> о невозможности “познания народа”. Да, познать что-либо до конца еще никому не удавалось! Уж известно: “я знаю, что я ничего не знаю”. И самое лучшее и не пытаться познавать. Только ведь этак повеситься можно со скуки.

Спасибо за стихи Сологуба. Приобщу их к своей коллекции — у меня уже немало вырезано изумительно дурацких вещей. Вот Вы говорите, что нет хороших тем для статей. А какая чудесная тема “о глупости в совр<еменной> рус<ской> литературе”! Я говорю совершенно серьезно — непременно следовало бы написать и доказать, что теперь в литературе нашей глупость напояет несметное количество произведений положительно как воздух — глупость невесомая, трудно даже передаваемая и тем более ужасная. — Да, да, журнал “стойкий, безбоязненный” до зарезу нужен. Но, увы, сейчас о нем и мечтать нельзя.

Читали Вашу статью о Треневе — очень хорошо и верно. А что о нем пишут — уму непостижимо! В последнем № “Ежемесячн<ого> журнала” есть, напр., статейка о 4-м сборн<ике> “Слово”. Боже, что там плетет какой-то “А.-лов”! Как он восхищается “красотой” “Мокрой балки” треневской! С восторгом выписывает самые пошлые, самые лубочные места из этой “Балки” <...> и говорит, что тут “захвачена вся жизнь народа”».

Письма (*2*). С. 347–348.

Речь идет о статье Д.Л.Тальникова «Литературные заметки» (Современный мир. 1915. № 7/8). Далее имеется в виду рецензия «Война и литература. Четвертый сборник “Слово”» (Ежемесячный журнал. 1915. № 8. Подпись: А. –лов).

В качестве приложения к № 37 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина пятого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Дата определена по объявлению в № 37 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См.: 10 октября 1915, вторая запись.

Сентябрь, 13. Бунин пишет стихотворения:

– «За Ассуаном» («У нубийских черных хижин...»). Авторская дата: «13.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 45.
МКТ.

В *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 212) авторская дата: «12.IX.15».

См.: до 30 декабря 1915.

– «У Пирамид» («В жарком золоте заката Пирамиды...»). Авторская дата: «13.IX.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 47.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 4
(машинопись; авторская дата: «13.IX.16»).

СС (*Петр*). Т. 6. С. 213.

См.: до 17 сентября 1916.

Датируется по автографу РГАЛИ и *СС* (*Петр*).

В.Я.Брюсов пишет Бунину:

«Дорогой и многоуважаемый Иван Алексеевич!

Очень вы нас огорчили запрещением перепечатывать ваши переводы из армянского. Настойчиво, со всей искренностью, повторяю, что переводы эти очень хороши. Если хотите, мы доставим вам подстрочные переводы оригиналов, дабы вы могли убедиться, как близко вам удалось передать подлинник, сохранив все его краски. Хочется верить, что вы еще "переложите гнев на милость".

Сегодня, пользуясь вашим добрым разрешением, высылаю вам стихотворение Дуриана, — одного из самых значительных поэтов среди турецких армян, — в надежде, что вы захотите передать эти стихи по-русски. Перевод, может быть, слишком буквален, но вы, конечно, угадаете, что скрывается под этими неумелыми прозаическими строками, в которых переводчику не удалось выразить сжатой силы оригинала».

ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 470.

Бунин не переводил стихотворение П.Дуриана.

Сентябрь, 15. Извиняясь за молчание, Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Не припомню такой тупости и подавленности душевной, — в которой уже давно нахожусь. Вероятно, многое действует, иногда, может быть, даже помимо сознания. А смерть Павлыча <В.П.Куровского> прямо сбила меня с ног, хотя, странно, *острую* боль я испытывал только минутами. Впрочем, этого не расскажешь, особенно письменно. И не дивись, что я ничего не написал тебе об этом. Ничего не могу выразить.

Пятый месяц живу здесь изумительно однообразной жизнью. Все читаю, да хожу, да думаю. Деревни опустели так, что жутко порой. Война и томит, и мучит, и тревожит. Да и другое многое тоже. "Портфель" мой пуст. А ты — пишешь ли что-нибудь? Как роман?»

Письма (*2*). С. 348.

Сентябрь, 18. Начинающий поэт К.К.Худяков пишет Бунину из Кургана и просит дать совет: есть ли смысл издавать его стихи.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3181 оф.

Сентябрь, до 19. Выходит литературный сборник «Щит» (Под ред. Л.Андреева, М.Горького, Ф.Сологуба. М.: Русское общество для изучения еврейской жизни, 1915), в котором (с. 46–50) помещаются стихотворения Бунина: «День гнева. Апокалипсис, 6» («...И Агнец снял четвертую печать...»), «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), «Гробница Рахили» («И умерла, и схоронил Иаков...»), «София, проснувшись, заплетала ловкой...», «Столп огненный» («В пустыне долго, долго мы блуждали...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (19 сентября (№ 214). С. 1).

Сентябрь, 23. В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 15106. С. 4) помещается информационная заметка (без подписи) «Поэзия Армении».

В заметке сообщается о подготовке сборника «Поэзия Армении» под редакцией В.Я.Брюсова, а также указывается: «Обещали сотрудничество Сологуб, Бунин и др.».

Сентябрь, 27. В письме А.Е.Розинеру Бунин просит выслать ему в деревню остаток гонорара за Полное собрание сочинений и добавляет:

«Так как дело наше с Вами приходит к концу, то позвольте просить Вас принять от меня искреннюю благодарность за все то внимание, которое Вы неизменно проявляли ко мне».

Письма (*2*). С. 349.

Сентябрь, 29. А.М.Горький пишет Бунину из Москвы с просьбой разрешить перепечатать ранние переводы Бунина стихотворений армянских поэтов Исаакяна и Цатуриана в сборнике «Армения»:

«Налаживается ежемесячник, сборники и прочее такое, а Вас нет! Вы обещали рассказ, — а рассказа нет!

Дорогой друг! Очень хочется видеть Вас, нужно о многом говорить с Вами. Когда Вы будете в Москве или Питере?»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 191.

Сентябрь, конец. В.Н.Муромцева уезжает из Глотово в Москву.

Дневники. Т. 1. С. 148.

Октябрь, 1. Бунин просит в письме в Императорскую академию наук направлять всю корреспонденцию по адресу: Москва, Староконюшенный пер., д. № 32.

Письма (*2*). С. 349.

Бунин пишет Ф.Ф.Фидлеру, что еще живет в деревне и добавляет:

«...чувствую себя — как и многие, конечно — во многих отношениях прескверно. В ноябре надеюсь увидеть Вас».

Письма (*2*). С. 349.

В петроградской газете «Голос Руси» (№ 621. С. 2) печатается статья М.О.Меньшикова «Из дневника».

Критик, в частности, пишет: «Как жаль, что у нас рождается так мало талантливых писателей: они единственные свидетели, способные дать бессмертие своей эпохе. Что успели записать Толстой и Тургенев, только то и останется от России через тысячу лет. Наше, переживаемое сейчас, время не имеет великих бытописателей. Чрезвычайно талантлив Горький, но он совсем не знает ни среднего, ни высшего круга. Очень талантливы Куприн, Бунин... В лучших своих вещах они едва ли много уступают Тургеневу и Толстому, но они тоже почему-то собирают свои впечатления вне большого общества, вне того культурного круга, который один олицетворяет нацию. Чем это объяснить — Господь знает. Очевидно, не так-то легко проникнуть в чуждую вам среду. Нужно органически принадлежать к ней, как наши старые писатели. <...>

Будь я архимиллионер, вроде московских меценатов, я предложил бы талантливейшим беллетристам такие заказы: <...> Вы, г. Бунин, войдите в современный

чиновный и помещичий круг, вы г. Куприн, постарайтесь проникнуть в аристократию и т.д. Поглядите вашими удивительными глазами на наше поколение, на наше время и дайте возможно схожее художественное изображение».

Октябрь, 3. Отвечая на неизвестное письмо Д.Л.Тальникова, который, очевидно, приглашал приехать в Ташкент, куда он переселился, Бунин пишет:

«Удивительно — за последнее время я много думал о поездке именно туда — в Ташкент, в Бухару! М.б., и увидимся там. Вера уехала в Москву, на днях уеду и я».

Письма (*2*). С. 349.

Октябрь, 6. Бунин пишет Н.С.Клестову, извиняясь за поздний ответ:

«Относительно издания моих рассказов брошюрами пока ничего не могу сказать: не представляю себе, сколько могу получить за это, в каком количестве экз. Вы думаете их печатать и т.д. Напишите более подробно».

Письма (*2*). С. 349–350.

Октябрь, 7 Начинающий поэт А.Г.Николаев посылает Бунину свои стихи и просит в сопроводительном письме из Москвы:

«Самое большое, о чем я мечтаю — это со временем печатать свои стихи в более или менее приличном журнале. <...> Но при всем этом, — пока мне хотелось бы слышать от человека, в которого я верю, — стоит ли мне писать, смогу ли я при благоприятных условиях добиться своей мечты. <...> прошу сказать искренно, что плохого или сносного нашли Вы в моих стихах. <...> Еще раз прошу простить и не ругать. Ваше решение я буду ждать, как никогда и ничего не ждал».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 167.

Октябрь, 8. В Политехническом музее П.С.Коган читает лекцию «От “Синей птицы” к “Чаше жизни”».

Газета «Раннее утро» (9 окт. (№ 232). С. 4) в отчетной статье «От “Синей птицы” к “Чаше жизни”. (Лекция П.С.Когана)» (без подписи) сообщает: «Вчера в аудитории Политехнического музея П.С.Коган прочел лекцию <...>.

Вражда к миру и оторванность от жизни — вот отрицательные стороны современной литературы. <...>

Разложение европейской культуры лектор видит в современной литературе в лице Метерлинка, Гамсуна, Уайльда, Андреева, Сологуба и других модернистов.

В противовес этой литературе, оторванной от жизни, — литературе, ищущей “Синюю птицу”, автор противопоставил литературу реалистов.

Особенно большое внимание лектор уделил произведению И.Бунина “Чаша жизни”.

Возврат к действительности — вот лозунг лектора, подвергшего самому ожесточенному разгрому произведения символистов». Далее отмечается, что после прочтения в качестве иллюстрации отрывков из стихотворений Бальмонта, Блока, Северянина «от критики лектора не осталось и следа...

Публика встречала аплодисментами “декадентские” стихотворения и просила прочесть еще... Бальмонта.

Эти иллюстрации послужили не к укреплению положений лектора, а к их умалению, так как все эти положения были очень слабо обоснованы».

См. также: 25 октября 1915, вторая запись.

Октябрь, 10. В ответном письме Бунин пишет А.М.Горькому:

«...эти "переводы" с армянского — думаю, что именно эти, так как иных у меня, кажется, нет — просил у меня для перепечатки в подобном же сборнике Брюсов, приступал несколько раз, с непонятной для меня настойчивостью, но я остался "тверд, спокоен и угрюм", ибо, принимая во внимание давность этого дела, предполагал, что сделано оно плохо. Теперь вижу, что я не ошибся, — стихи точно неважные, в чем повинны оба — и автор, и переводчик. Как же мне быть теперь? Если соглашусь на Вашу просьбу, люто обижу Брюсова и напечатаю то, что не следует печатать. Если не соглашусь — Вы рассердитесь... Решаю так: да будет воля Ваша.

Видит Бог, как я хотел бы дать Вам что-либо. Но такого года я и не запомню — не запомню такого тяжкого душевного состояния, в каковом я уже давно нахожусь. Писать я совсем почти ничего не писал».

Письма (*2*). С. 350.

В качестве приложения к № 41 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина пятого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Содержание 5-го тома: Деревня; **Повести и рассказы 1911–1912 гг.**: Суходол, Захар Воробьев, Сто восемь, Ночной разговор, Сила, Хорошая жизнь, Сверчок, Веселый двор, Игнат.

Дата определена по объявлению в № 41 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

В газете «Одесский листок» (№ 277. С. 2) печатается статья Л.П.Гроссмана «Поэзия Бунина. (К 45-летнему юбилею)». Воспроизводится литографированный портрет Бунина с факсимильной подписью под ним.

Упомянув сначала перевод Бунина из «Золотой легенды» Г.Лонгфелло и рассказав сюжет ее, критик отмечает: «В легенде Лонгфелло есть две черты как бы определяющие основные стихии бунинской поэзии. <...> Этот пантеизм легенды, это сочетание природных голосов с музыкой религиозных раздумий, эти лучи и краски летнего утра, охваченные молитвенной грустью — вот, кажется, самая устойчивая доминанта бунинской лирики. Вечная прелесть природы и неувядаемая мудрость священных книг — вот глубочайшие источники его вдохновений. <...>

Недаром сам Бунин определяет сущность творческих исканий, как сочетание "прекрасного и тайного". В этом отношении необыкновенно характерно одно его коротенькое, двухстрофное стихотворение, в котором звучат ноты авторской исповеди.

Старую книгу читаю я в долгие ночи <...>

Вот вечная антиномия бунинского творчества: старая книга и ясное небо, древние письмена и утренние птицы, пожелтевшие листы и очертания лазурных гор. Из этих двух источников выливается основная струя его поэзии, как бы сочетая созвучный смысл голосов природы и мудрости писания.

Вот почему Бунин, прежде всего, один из замечательнейших пейзажистов русской поэзии. <...>

Но в отличие от многих своих предшественников Бунин не ограничивает горизонтов своего лирического пейзажа определенной климатической зоной. <...> Он поднимается и на далекий север к болотам и чахлым лесам, озаренным “расцветом полярного сияния” и на юг мимо хуторов и полей к ковыльным степям, к морю, к горам, к водопадам. <...>

Но круг его наблюдений природы расширяется гораздо дальше. Восток азиатский и африканский, Египет и Палестина. <...> И с обычной гравюрной четкостью всех своих описаний он <...> собрал целые альбомы этих набросков, этюдов и эскизов. <...>

И отличительной чертой всех этих разнообразнейших картин и набросков является стремление к точной и четкой зарисовке и решительная неприязнь к приемам литературного импрессионизма. Это не отражение впечатлений и настроений, не отрывочное улавливание красочных пятен, или передача внутренней музыки, вызванной зрительными ощущениями, — это точная фиксация контуров и очертаний при самом тщательном расположении светотеней. В пейзажах Бунина нет расплывчатости акварели, или дымности пастелей, — это скорее офорты, гравированные на стали.

Путешествия на Восток обогатили темы и краски этой пейзажной живописи, и, быть может, они открыли новые горизонты бунинской лирике, приобщив ее к религиозной мудрости Востока. <...> Для него раскрылся во всей своей глубине тот богатейший источник поэтических созерцаний, который совмещает в себе предания, раздумья, надежды и житейскую мудрость древнейших верований. Восточные мотивы Бунина, занявшие одно из заметнейших мест в отделе русских Orientalia, не ограничиваются экзотикой быта, костюма и пейзажа. Философия Корана или Библии также кристаллизуется в его строфах <...>.

Эта поэзия, как бы расцветшая на полях священных книг, сохраняет все основные черты бунинского творчества. Так же как импрессионизм был далек его описательной лирике, так же чужд и мистицизм его религиозной поэзии. В книгах великих основателей религий его привлекают, прежде всего, раздумия о жизни и человеческих судьбах. И словно пронизывая ясным взглядом густые сумерки загадочных преданий, он вырывает из этих таинственных поэм те горести, сомнения и отчаяния, которые остаются на протяжении веков общечеловеческим достоянием».

Упомянув стихотворения «Магомет», «Трон Соломона» и другие «(некоторые из которых появились теперь в новом литературном сборнике “Щит”)», критик отмечает: «Заветы древней мудрости здесь с такой же законченностью и слитной полнотой вкраплены в сверкающие и звенящие бунинские строфы, как инкрустация священных письмен в мавританской мозаике.

И хотя в истории русской поэзии есть “подражания Корану” Пушкина и “Спор” Лермонтова, — восточные мотивы Бунина остаются в числе лучших образцов этого жанра. <...>

Но во всех разнообразных отделах своей поэзии Бунин одинаково является редким мастером стиха. Лирика его, уже вошедшая в хрестоматии, остается образцовой

школой стихотворного мастерства. Чистота, прозрачность и безукоризненность его строф, при полнозвучности его рифм и строжайшем выборе всех изобразительных средств, сочетание богатства и простоты словесных драгоценностей и строгих контуров делают из него незаменимого учителя поэтических форм и стихотворного языка. Будущие теории поэзии будут пестрить цитатами и отрывками из "Листопада". Музыкальность многих его строф может сравниться только с чистотою их формы и строгостью языка.

В кругу современных лириков Бунин стоит особняком. Он достиг редкой для писателя участи — быть уже при жизни, и даже еще только "на полпути земного бытия", общепризнанным классиком и не отойти в архив почетных знаменитостей, но каждой новой книгой привлекать и волновать своих читателей, как и в эпоху молодого брожения своих творческих сил».

Октябрь, 12. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Чувствую, что надоел я Вам, как осенняя муха!

Снова с просьбою к Вам. Организуется новый журнал — "Летопись". Первая книжка выходит — на показ, для ознакомления — в декабре. Мы, я и товарищи мои — Тихонов, Ладыжников, — просим Вас о сотрудничестве, конечно — фактическом. Дайте рассказ — хоть маленький — и стихов для декабрьской книги и дайте большой рассказ на первую книгу 16-го года, январскую! Очень просим!»

Горький. ПСС. Т. 11. С. 200.

Октябрь, 13. В харьковской газете «Утро» (№ 2813. С. 5–6) помещается рецензия С.Губера на сборник «Щит».

Рецензент, в частности, пишет: «Беллетристический отдел несколько слабее в альманахе, чем публицистический, <...> отметим <...> восточные стихотворения Бунина».

Октябрь, 6...13. Выходит отдельное издание нот — С.Н.Василенко «Метель. Хор для смешанных голосов» на слова И.Бунина (М.: П.Юргенсон, 1915. 9 с.).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Октябрь, 15. Бунин пишет А.М.Горькому по поводу нового журнала «Летопись»:

«Доброе дело, желаю удачи, благодарю за приглашение, с удовольствием буду, если Бог даст, сотрудничать. На декабрь стихов и рассказ можно дать. Черкните словечко, когда именно нужно выслать».

Письма (2). С. 350.

Октябрь, 18. Бунин пишет Н.Д.Телешову по поводу литературного сборника «В помощь пленным русским воинам» и 5-го сборника «Слово»:

«Дорогой друг, в "Плен", думаю, *непременно* дам. Что до "Слова", то, если можешь, погоди неделю — тогда окончательно выяснится, смогу ли дать; *надеюсь, что дам,* но прямо говорю: кровью не подписываюсь».

Письма (2). С. 351.

А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Дорогой друг,

если можно, — посылайте стихи и рукопись рассказа сейчас же. Мы хотим выпустить первую книгу в декабре, в начале, и пора теперь же начать набор.

Крепко жму руку, сердечно благодарен за пожелание успеха и знаю, что успех во многом зависит от Вашего доброго к журналу и ко мне <отношения>».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 202.

Октябрь, 19. Бунин в письме Н.С.Клестову повторяет то, что написал Н.Д.Телешову по поводу участия в 5-м сборнике «Слово».

Письма (*2*). С. 351.

См.: 18 октября 1915, первая запись.

На заседании Императорской академии наук академик Н.А.Котляревский зачитывает отчет о 21-м конкурсе по присуждению премий имени А.С.Пушкина. В частности, принято решение выдать Бунину золотую медаль за рецензии на представленные на соискание премии сочинения Л.Г.Жданова и Э.Голландской.

См. отчет «Премии имени А.С.Пушкина» в газете «Биржевые ведомости» (20 окт. (№ 15159). С. 3).

Октябрь, середина. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Из письма к Юл. Ал. <Бунину> я вижу, что тебе надо работать и, по-видимому, ты пока можешь. Очень беспокоит меня то, что вдруг ты своим приездом разобьешь свое рабочее настроение, в которое тебе прийти стоило столько труда, и опять ты будешь чувствовать себя неудовлетворенным, поэтому не лучше ли остаться тебе в деревне еще на месяц, а я приеду к тебе, если ты хочешь. Конечно, ты давно живешь без впечатлений, но какие впечатления в Москве, в сущности, грусть и печаль! Вообще советую тебе руководствоваться своим внутренним голосом и ничем больше. Если хочется писать, пиши. Слов твоих ждут. Если хочется проветриться, проветрись. Обо мне не беспокойся».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/101 оф.

Октябрь, 24. В качестве приложения к № 43 петроградского журнала «Нива» выходит первая половина шестого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс).

Дата определена по объявлению в № 43 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

См.: 19 декабря 1915.

Октябрь, 25. Бунин сообщает в письме Н.Д.Телешову:

«Дорогой Митрич, рассказ могу дать — в нем журнальный лист или чуть больше, — но *только* при самом крепком *утверд<ительном>* ответе на следующ<ие> вопросы:

1) Точно ли, что к<нигоиздательст>во выпустит сборн<ик> не позднее конца декабря?

2) Заплатят ли мне *все* деньги *немедля*?

3) Есть ли еще возможность поставить рассказ в *начале* сборника?»

Письма (*2*). С. 352.

Текст своего письма к Н.Д.Телешову Бунин повторяет в письме Н.С.Клестову — *Письма* (2). С. 351.

В Самаре в общественном собрании П.С.Коган выступает с лекцией «От "Синей птицы" к "Чаше жизни"».

Газета «Голос Самары» (27 окт. (№ 227). С. 3) в отчетной статье «От "Синей птицы" к "Чаше жизни". (Лекция приват-доцента П.С.Когана)» (без подписи) сообщает:

«Позавчера в общественном собрании состоялась лекция П.С.Когана на тему: от "Синей птицы" к "Чаше жизни".

Лектор с достаточной ясностью обрисовал общее положение литературных течений культурного мира и <...> подчеркнул отклонения и колебания в "общем направлении мысли и духа". Остановившись на творчестве Метерлинка, Гамсуна, Мережковского, лектор далее отмечал: "Поэт Джек Лондон, восхваляющий не фантастов и мистиков, а здоровую силу и бодрость, выявляет в своих творениях доброго и сильного человека, идущего в мир, и ищущего в нем высших радостей. Таким же является Бунин, Горький, Куприн <...>"».

Октябрь, 26. Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Милый Ваня!

Судя по твоему последнему письму <неизвестно>, ты скоро должен быть в Москве. Хорошо было бы, если бы ты с собой привез рассказ для сборника. Я полагаю, что это было бы полезно для тебя. В устойчивость предприятия Горького здесь не особенно верят, хотя недавно приезжал в Москву Тихонов, был у разных писателей. Я это слышал от Шмелева. С большим презрением о Горьком говорил Леонид Андреев, которого третьего дня мы видели у Голоушева (Голоушев все хлопочет о примирении тебя с Андреевым), он очень недурно передразнивал его, говорил о непонятном и нелепом увлечении Горького евреями и т.д. <...>

Английский вечер, о котором я тебе писал, намечен на 17 ноября. Решено просить Ермолову, Качалова, Южина, Нежданову, Мордкина, Балашову и др. Из поэтов, кроме тебя, никто, вероятно, не будет <...>.

Скоро думаем открыть "Среды", но в преображенном виде.

Настроение в Москве теперь спокойное, хотя в некоторых кругах тревожатся положением топлива и продовольствия».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/14 оф.

Октябрь, 27. Д.Л.Тальников сообщает в письме Бунину из Ашхабада, что признан негодным к строевой службе и переведен в тыл:

«Меня здесь назначили состоять при лазарете пленных, <...> здесь нет никакой возможности физической жить. <...> Ведь раз я призван для тыла, то меня даже в Москву и Петроград, или какой-либо Воронеж — имеют право назначить. <...> Уныние для нас наступило большое, боюсь погибнуть здесь. Начался сыпн. тиф, а у меня сердце больное. Таковы дела. Откликнитесь, дорогой Иван Алексеевич, — дайте весточку из другого мира, где тепло и уютно, где жизнь и искусство».

Письма (2). С. 719.

Октябрь, 20...27. Выходит сборник «Россия в родных песнях. Стихотворения» (Сост. А.Чеботаревской, предисл. Ф.Сологуба. Пг., 1915), в котором (с. 111–114) помещаются стихотворения Бунина «Ольха» («Осень. Чащи леса...»), «В лесу» («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), «Листопад» («Лес, точно терем расписной...») (отрывок).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Октябрь, 28. Бунин правит стихотворение «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...»). Под автографом авторская дата: «28.X.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 39–40.

См.: 12 сентября 1915, первая запись; 25 декабря 1915, первая запись.

Октябрь, 29. Бунин пишет стихотворения:

— «Это волчьи глаза или звезды — в стволах на краю перелеска?..». Авторская дата: «29.X.15. Ночью».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 56.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 219.

См.: Жар-птица. Берлин, 1921. № 2. С. 36 (под заглавием «Сказка о Козе»).

— «Святитель» («Твой гроб, дубовая колода...»). Авторская дата: «29.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 67.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 220.

См.: до 24 февраля 1916.

— «Сивером на холоде...». Авторская дата: «29.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 1.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 221.

См.: 26 (13) декабря 1919, вторая запись.

— «Парус» («Звездами вышит парус мой...»). Авторская дата: «29.X.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 51.

В *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 217) авторская дата: «14.IX.15».

См.: декабрь 1915, первая запись.

— «Что ты мутный, светел-месяц?..». Авторская дата: «29.X.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 53.

В *СС* (*Петр*). (Т. 6. С. 214) авторская дата: «13.IX.15».

См.: до 30 декабря 1915.

— «Казнь» («Туманно утро красное, туманно...»). Авторская дата: «29.X.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 55.

В *СС* (*Петр*). (Т. 6. С. 215) авторская дата: «13.IX.15».

См.: до 15 октября 1916.

— «Я косы девичьи плела...». Авторская дата: «29.X.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 57.

В *СС* (*Петр*). (Т. 6. С. 205) авторская дата: «2.IX.15».

См.: Наш мир. Берлин, 1924. № 23. 24 авг. С. 241 (под заглавием «Невеста»).

Октябрь, 30. Бунин пишет стихотворения:

– «Пустыня в тусклом, жарком свете...». Авторская дата: «30.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 65.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 6. С. 222.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

— «Аленушка» («Аленушка в лесу жила...»). Авторская дата: «30.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 63.

В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 185) авторская дата: «20.VI.16» – это явная ошибка, что доказывается датой первой публикации. См.: до 4 февраля 1916.

— «Ириса» («Светло в светелке от окна...»). Авторская дата: «30.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 59–60.

См.: декабрь 1915, вторая запись.

— «Скоморохи» («Веселые скоморохи...»). Авторская дата: «30.X.15».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 61–62.

См.: до 4 февраля 1916.

Октябрь, 26...31. Бунин приезжает в Москву, останавливается в гостинице «Лоскутная».

См.: 3 ноября 1915; 10 ноября 1915, вторая запись.

Октябрь. Бунин заканчивает рассказ «Господин из Сан-Франциско». Авторская дата в конце автографа: «Окт. 1915 г.».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 5.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 7–37.

См.: 14–19 августа 1915; 11...17 ноября 1915.

О.А.Мочалова, посылая Бунину свои стихотворения, обращается в недатированном письме с просьбой к нему:

«Очень прошу Вас прочесть мои стихотворения и сказать свое мнение о них. Очень обяжете, если исполните мою просьбу. Обращаюсь к Вам первому и Ваше мнение будет для меня много значить».

Письма (*2*). С. 719.

Датируется по ответному письму Бунина. См.: 10 ноября 1915, первая запись.

Выходит № 3 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (отд. II, с. 50–51) приводятся отрывки рецензий на книгу «Избранные рассказы» (М., 1915), вышедшую в серии «Народно-школьная библиотека».

Выходит № 18 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 18–19) публикуется статья М.Леонидова «Современные беллетристы. (Мой список). Заметки. Серия I».

Критик, в частности, пишет: «Бунин И. Редко, кто так ненавидит Россию, как этот лучший русский стилист, один из лучших знатоков русской жизни. Он хочет освободиться, уйти в экзотические страны, к экзотическим людям, но, как пьяница

к водке, — снова и снова возвращается к своей мрачной, звериной деревне, к своим убогим, несчастным людям, которых живописует он с элегической бесстрастностью, слишком искусной, однако, чтоб быть искренней...

Быть может то, что он пишет — для него мучение, но какая это радость для нас...».

Ноябрь, 1. А.М.Горький посылает Бунину телеграмму из Петрограда:

«Убедительно прошу прислать стихов Пешков».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 209.

Начинающий писатель Н.И.Леонов посылает Бунину свою книгу «Стихотворения» (М., 1915) и пишет в сопроводительном письме:

«Обращаюсь к Вам с моей книгой. Я знаю, что она еще очень незрела (мне 21 год), в ней еще так мало достигнуто, <...> ее отдаю Вам на суд. Строгий отзыв не обескуражит меня, но укажет мне пути. Изо всех современных поэтов Вы мне ближе и роднее».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 144.

Ноябрь, 2. В Московском драматическом театре Бунин смотрит пьесу Л.Н.Андреева «Тот, кто получает пощечины».

См.: 3 ноября 1915, первая запись; 10 ноября 1915, вторая запись.

Ноябрь, 3. В Литературно-художественном кружке Бунин слушает доклад С.В.Яблоновского «Новое платье короля. (По поводу пьесы Л.Андреева “Тот, кто получает пощечины”)», после которого проходит диспут по поводу этой пьесы.

В журнале «Рампа и жизнь» (№ 45. 8 нояб. С. 7–8) помещается информационное сообщение о диспуте в Литературно-художественном кружке, где обсуждалась пьеса Л.Н.Андреева «Тот, кто получает пощечины»: «...диспут вызвал огромный интерес и собрал переполненный зал. В публике много писателей, артистов, в том числе академик Бунин, Вересаев, Шмелев, Плевицкая, М.Ф.Андреева <...>. Вступление сделал С.В.Яблоновский. В горячих прениях принимали участие С.Глаголь, Марк Криницкий, Теплицкий».

Бунин пишет А.М.Горькому:

«...со мной случилась беда — дней десять тому назад схватила меня лютая зубная боль, лишила меня сна, пищи, работы, всяческого разума, разодрала лицо и т.д. Вот причина, почему я не отвечал и ничего не слал Вам. Теперь сижу в Москве, совсем пришел в себя и шлю Вам несколько стихотворений: выберите, что понравится и сколько Вам потребно (но, пожалуйста, дорогой, *не больше* половины — очень просят в другие места), остальное возвратите мне, да, если можно, *поскорее*. Рассказ к январю или февралю — как Вам удобно? — непременно постараюсь дать.

Собираюсь быть в ноябре в Птб. — постоянно ли Вы находитесь в нем?»

Письма (*2*). С. 352.

Ноябрь, 4. Секретарь московского издательства «Проблески» И.Никитин пишет Бунину:

«Осведомившись через Н.С.Клестова о Вашем принципиальном согласии предоставить нам право выпуска отдельными брошюрами для народа

и школ Ваших произведений, выпущенных раньше “Детским чтением” под названием “Под открытым небом” и рассказов “На край света” и “Кастрюк”, бывших в издании Поповой, просим Вас назвать Ваш гонорар за эти произведения при выпуске их изданиями в количестве 5000 экз. каждое».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 309.

Книги Бунина в издательстве «Проблески» не выходили.

Ноябрь, 6. В Театре Ф.А.Корша Бунин присутствует на премьере пьесы Б.К.Зайцева «Усадьба Ланиных».

См.: 10 ноября 1915, вторая запись.

А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Спасибо Вам за прекрасные стихи; взяли — шесть, остальные — с сожалением — вернет Вам Александр Николаевич <Тихонов>.

Очень, очень прошу Вас, — дайте рассказ к январю!

А.Н.<Тихонов> расскажет Вам, как идут наши дела, и обо всем, что затеяно нами. Я прошу Вас всей душой — примите в “Летописи” участие, возможное для Вас! Придумайте сами форму этого участия, но — давайте работать вместе.

Так хочется создать хороший литературный орган, так нужен он в эти черные дни».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 212.

Ноябрь, 7. Бунин встречается с А.Н.Тихоновым, который передает письмо А.М.Горького от 6 ноября 1915 г.; беседуют о новом издательстве «Парус», журнале «Летопись».

На конверте письма А.М.Горького от 6 ноября 1915 г. помета Бунина:

«Получено через А.Н.Тихонова 7 ноября 1915 г.».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 467.

Редактор-издатель петроградского журнала «Северные записки» Я.Л.Сакер пишет Бунину:

«Очень хотелось бы получить от Вас рассказ для декабря — возможно это? <...> только что прочел, что в “Слово” Вы дали “Господин из Сан-Франциско”. Отчего не нам?»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 8.

Ноябрь, 1 или 8. Бунин читает рассказ «Господин из Сан-Франциско» на литературном вечере.

См. след запись.

Ноябрь, 2 или 9. А.Е.Грузинский пишет Бунину в недатированном письме с пометой «Понедельник»:

«Милый Иван Алексеевич! Ты меня ради Бога прости: я вчера был непозволительно вял и твой рассказ пропал для меня наполовину. Мне нельзя было вчера говорить <...>.

Дай срок, выйдет Сборник и “Господин из Сан-Франциско” будет прочитан мной с привычным для меня вниманием к твоим вещам».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 95, л. 11.

Датируется предположительно по времени пребывания Бунина в Москве и выхода в свет 5-го сборника «Слово». См.: 11...17 ноября 1915.

Ноябрь, 8 или 9. Вероятно, на генеральной репетиции в Театре К.Н.Незлобина Бунин смотрит пьесу С.С.Юшкевича «Человек воздуха», премьера которой состоялась 10 ноября 1915 г.

См.: 10 ноября 1915, вторая запись.

Вероятно, в это время Бунин знакомится с Б.Вальбе.

Б.Вальбе вспоминает: «В 1915 году мне довелось впервые встретиться с Буниным на каком-то литературном вечере. Я увидел Ивана Алексеевича, беседовавшего с С.С.Юшкевичем. Юшкевич меня представил ему как молодого критика. Оказалось, Бунин следил за одесской прессой и сказал несколько приятных слов по поводу моей статьи».

Звезда. 1965. № 1. С. 188.

Ноябрь, 10. В ответном письме начинающей поэтессе О.А.Мочаловой, извиняясь за поздний ответ, Бунин пишет:

«...одно могу – посоветовать Вам продолжать писать, стараясь говорить свое и своими словами, а не чужими и не столь “красивыми”».

Письма (*2*). С. 352.

В письме Д.Л.Тальникову Бунин сообщает, что постарается ему помочь в его положении:

«Я на днях еду в Петроград и захвачу с собой Ваше письмо, отправлюсь с ним и к Ковалевск<ому>, и к Овсянику<-Куликовскому>, но на всякий случай напишите и Вы. Буду стараться помочь Вам всеми силами <...>.

В Москве туча народу. Я только что начал выходить, был три раза в театре, видел пьесу Зайцева, пьесу Юшкевича и пьесу Андреева, с коим мы помирились. На днях выходит наш 5-й сборник “Слово” — немедленно пошлю Вам его. Больше литературн<ых> новостей нет. А вообще жизнь в Москве почти та же, что и в прошлом году.

Пишите мне поскорее, мы поселились пока в Лоскутной гостинице».

Письма (*2*). С. 353.

Ноябрь, начало. А.А.Измайлов в недатированном письме просит Бунина прислать рассказ для рождественского номера газеты «Биржевые ведомости»:

«Стесняя авторов только размером рассказа (250 строк), она <редакция> предоставляет им в остальном совершенный простор, не настаивая ни на “рождественских темах”, ни на каком-либо касании совершающихся событий».

Письма (*2*). С. 720.

Из «Книгоиздательства писателей в Москве» посылают Бунину отчет о продаже его изданных книг.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 346, л. 15.

Ноябрь, 11. В ответном письме А.А.Измайлову Бунин сообщает, что постарается прислать рождественский рассказ для газеты «Биржевые ведомости».

Письма (*2*). С. 353.

З.И.Гржебин пишет Бунину из Петрограда на бланке редакции журнала «Отечество»:

«На собрании у Ф.Сологуба, М.Горький предложил издать “книгу воззваний”.

Все присутствующие на том собрании литераторы согласились принять участие в этой книге. <...> когда можно рассчитывать получить Ваше произведение».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3014/3 оф.

Ноябрь, 15. В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 46. С. 11) в рубрике «Хроника» помещается объявление:

«17 ноября в Литературно-художественном кружке состоится большой английский вечер, сбор с которого поступит в пользу английских военно-благотворительных учреждений в России. Программа вечера составлена очень интересно. В литературном отделении участвуют поэты Иван Бунин и Валерий Брюсов, которые прочтут свои переводы с английского, М.Н.Ермолова, А.И.Южин, О.В.Гзовская, Е.А.Полевицкая, В.В.Максимов».

Ноябрь, 16. Бунин пишет А.М.Горькому:

«...едет в Петербург некто К.Г.Хохлов, рабочий, пишущий стихи, по-моему, по *натуре* очень талантливый человек. Не позволите ли ему явиться к Вам, не обратите ли внимание на него? Пока пишет он подражательно, но думаю, что из него может выйти прок. <...>

P.S. Вера очень благодарит Вас за предложение перевести что-нибудь для “Летописи”, только не знает, что именно? Не наметили ли Вы что-нибудь? Она могла бы тотчас же и с восторгом засесть за работу. Будьте добры — поимейте в виду и Ник<олая> Алексеев<ича> Пушешникова. Я с удовольствием буду просматривать их переводы».

Письма (*2*). С. 353–354.

Ноябрь, 17. В Литературно-художественном кружке на «английском вечере», устроенном в пользу английских военных благотворительных организаций, Бунин читает отрывки из своего перевода поэмы Д.Байрона «Каин».

См. отчет о вечере в газете «Русские ведомости» (18 нояб. (№ 265). С. 5) в рубрике «Московские вести».

Журнал «Рампа и жизнь» (№ 47 (22 нояб.). С. 9) в рубрике «Хроника» сообщает: «17-го ноября в совершенно переполненном зале Литературно-художественного кружка происходил “английский вечер”. <...> В начале вечера член Государственной Думы М.М.Новиков сказал краткую вступительную речь. <...> В вечере приняли участие И.А.Бунин и В.Я.Брюсов, которые прочитали свои переводы из произведений Байрона и Эдгара По. <...> На вечере присутствовали великобританский консул и некоторые члены английской колонии. Сбор выразился в цифре 900 р.».

Газета «Утро России» (18 нояб. (№ 317). С. 5) в отчете «“Английские дни” в Москве» (без подписи) отмечает: «Иван Бунин прочел с громадным успехом отрывки из своего перевода “Каина” Байрона».

Ноябрь, 11...17. Выходит 5-й сборник «Слово» (М.: Кн-во писателей в Москве, 1915), в котором (с. 259–288) публикуется рассказ «Господин из Сан-Франциско».

Границы события определены по упоминанию в письме Бунина (см.: 10 ноября 1915, вторая запись) и по объявлению о выходе сборника в газете «Русские ведомости» (18 нояб. (№ 265). С. 1).

Ноябрь, 18. На заседании «Среды» в доме Н.Д.Телешова Бунин слушает пьесу Л.Н.Андреева «Самсон в оковах» в чтении С.Глаголя.

Также присутствуют: Л.Н.Андреев, Ю.А.Бунин, И.А.Белоусов, А.Е.Грузинский, Н.А.Крашенинников, Ф.К.Сологуб, А.С.Серафимович, И.И.Попов, И.С.Шмелев, Л.Хитрово и др.

См. информационное сообщение в рубрике «Новости литературы» в газете «Утро России» (21 нояб. (№ 320). С. 6): «На последнем собрании кружка "Старой Среды" у Н.Д.Телешова была прочитана новая пьеса Леонида Андреева "Самсон в оковах". <...>».

Вечером Бунин уезжает из Москвы в Петроград.

Ноябрь, 19. Бунин прибывает в Петроград; останавливается в гостинице «Астория».

В письме В.Н.Муромцевой он сообщает:

«Золотой мой, доехал хорошо. Беспокоюсь о тебе. Остановился в "Астории". Сейчас еду к Горькому».

Письма (2). С. 354.

Бунин встречается с А.М.Горьким, Д.Н.Овсянико-Куликовским.

См.: 23 ноября 1915, первая запись.

Ноябрь, 20. Бунин пишет В.Н.Муромцевой:

«Выеду, д<олжно> б<ыть>, завтра».

Письма (2). С. 354.

В петроградской газете «День» (№ 320. С. 5) в рубрике «Литературная хроника» сообщается:

«Литературный сборник "Щит" под редакцией Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба вскоре выйдет в Москве вторым изданием. Сборник наполнен новыми статьями. <...> В Лондоне готовится перевод сборника на английский язык».

В газете «Киевская мысль» (№ 322. С. 2) печатается рецензия Л.С.Козловского «"Господин из Сан-Франциско" (Сб. "Слово", кн. V)».

Рецензент пишет: «Это – очень яркий рассказ, и когда закрываешь сборник, то перед глазами продолжает стоять "Господин из Сан-Франциско", стоит и растет, превращаясь в символический образ. <...> Действительно, этот "господин из Сан-Франциско", так ярко, выпукло вырисованный Буниным, кажется представителем целой группы того отборного общества, от которого зависит не только фасон смокингов и благосостояние отелей, но и спокойствие народов, прежде всего, это — представитель той равнодушной деловой Америки, которая, наживаясь на европейской войне, исполняет заказы обеих воюющих сторон. А этот грандиозный пароход <...> — разве это не символ европейского общества, которое увлекалось "танго", идя навстречу страшнейшей из войн.

Оглядываясь назад при зареве войны на недавнее прошлое, мы видим, что роскошный европейский корабль вез уже на самом дне темного трюма смерть, присутствия которой никто не замечал.

Жуткое чувство, которое испытываешь при мысли об этом, и передал автор "Господина из Сан-Франциско".

И неудивительно, что этот “господин”, стоящий перед глазами читателя и вырастающий до размеров символического образа, заслоняет собою другие образы сборника “Слово”, заставляет забыть даже милую, обвеянную живой и грустной поэзией “Машу” Бориса Зайцева».

Ноябрь, 21. Бунин заходит домой к Ф.Ф.Фидлеру, но не застает его.

В дневнике Ф.Ф.Фидлер записывает 22 ноября 1915 г.: «Вчера заходил ко мне Бунин (еще с кем-то) и сожалел, что не застал меня дома; сказал, что вечером возвращается в Москву».

Фидлер. С. 677.

Бунин дарит В.С.Миролюбову свой фотопортрет (в профиль) с надписью:

«Дорогому Виктору Сергеевичу. Ив.Бунин. 21.XI.1915».

Музей ИРЛИ, ф. 3, п. 56297.

Вечером Бунин уезжает из Петрограда в Москву.

Январь, 17...19 или Ноябрь, 19...21. Бунин фотографируется в Фотографии Д.Здобнова в Петрограде (поколенный, держит в руке карманные часы).

Музей ИРЛИ, ф. 2, п. 30847.

Бунин фотографируется в Фотографии Д.Здобнова в Петрограде (погрудный).

Музей ИРЛИ, ф. 3, п. 35219.

Датируется по времени пребывания Бунина в Петрограде.

Ноябрь, 22. Утром Бунин прибывает в Москву.

В Большом зале Городской думы Бунин присутствует на публичном собрании, посвященном вопросу сближения России и Англии.

На собрании также присутствуют А.А.Мануйлов, кн. П.Д.Долгоруков, кн. Д.И.Шаховской, кн. Куракин, и.о. английского консула Р.Р.Локкарт, А.А.Яблочкина и многие другие.

См. отчет «“Английские дни” в Москве» в газете «Утро России» (23 нояб. (№ 322). С. 2).

Ноябрь, 23. Бунин сообщает в письме Д.Л.Тальникову:

«Я писал Вам, что постараюсь сделать что-нибудь для Вас в Петрограде. Вчера я вернулся оттуда, но увы, сделать там ничего не мог. Куликовский и многие другие, бывшие у него в гостях, — это был приемный день у него, — отговорили мне обращаться к Ковалевскому, уверяя, что из этого ровно ничего не выйдет, но сам Куликовский очень энергично обещал похлопотать через какого-то своего знакомого. <...> В Петрограде страшно людно и многие живут превесело, — рестораны, напр., и театры переполнены.

Видел Горького, он весь поглощен организацией своего журнала (“Летопись”). Если будет писаться, надеюсь много печататься там. <...>

Сидим пока в Москве, в Лоскутной. Квартир нет как нет. А надо работать, а здесь нельзя. Надо уезжать, но все еще не решу, куда: в Одессу или в деревню. <...> Шлю Вам свой новый рассказ».

Письма (*2*). С. 354–355.

Был послан рассказ «Господин из Сан-Франциско», напечатанный в 5-м сборнике «Слово».

В этот день Д.Л.Тальников пишет Бунину из Ташкента с благодарностью за желание оказать посильную помощь:

«Дорогой Иван Алексеевич! Спасибо большое за ласку. <...>

Пока сижу в этой дыре. <...> Работать трудно, потому что покоя душевного и физического нет, но я все-таки стараюсь <...> заставить себя работать. <...>

С нетерпением поджидаю “Слово” с Вашим рассказом — я помню, как прошлым летом Вы рассказали мне эту историю господина из Сан-Франциско. А теперь работаете ли Вы — и где будете жить зиму? Сюда приехать попутешествовать хорошо, интересно, — да и то осенью, а жить здесь?»

Письма (*2*). С. 722–723.

В экстренном приложении к № 268 московской газеты «Русские ведомости» (с. 2) публикуется «Ответ русских деятелей искусства и мысли английским писателям», подписанный в том числе Буниным.

В «Ответе» говорится: «В эти дни, когда кровью доблестных воинов, верных сынов Британии и России, на все века запечатлевается в памяти человечества событие величайшего значения, — братское единение обоих народов на перепутье всемирно-исторических судеб, в общем деле великой борьбы за освобождение Европы, — в эти дни, вы, английские собратья наши, деятели искусства и мысли, обратили к нам трогательные и прозорливые слова сердечного привета, глубоко запавшие нам в душу, — слова незабвенные. <...>

Но, если вы говорите о признательном чувстве к России за дары ее духа, какой благодарности заслуживаете вы за все, что дали в духе нам? <...> С пламенною силою и смелостью открывал нам все глубины и высоты богатой человечности, все тайники человеческого сердца ваш народный гений и первее других его выразителей великий сердцеведец Шекспир.

Ваша страна, один из древнейших очагов европейского просвещения, ваш народ, общий наставник Европы в науке свободы гражданственной, были и остаются для нас предметами постоянного изучения и удивления. Мы с восхищением вглядываемся в тайну вашей единственной самобытности, которую вы отдали на служение началу всечеловеческому, — в глубину вашей утонченной культуры, не затемняющей, напротив, обнаруживающей величаво простые черты природы и человеческой правды, — правды человеческого сердца. Нечто глубоко родное улавливаем мы в вашей внутренней независимости от всего условного и относительного при энергическом утверждении согласованных форм культурного общежития, — в вашем исконном тяготении к чему-то высшему, чем сама внешне выявленная культура, — тяготении, сквозящем через всю осложненность грандиозного культурного зиждительства. <...> И ныне, в борьбе против неправды, хищничества и насилия, вы доказываете на деле, что стоите на страже общечеловеческой справедливости; и ныне вы учите мир святыне свободы».

В заключение выражается «глубочайшая надежда» на «взаимное постижение и дружеское сближение наших двух народов», «дабы в этом творческом единении, открывающем необозримые кругозоры, оказалось возможным человечеству приблизиться к чаемому воплощению верховных идеалов вселенского блага».

Всего 78 подписей, среди которых: А.Н.Скрябин, Вяч.И.Иванов, Ю.Балтрушайтис, А.Зилоти, Ю.И.Айхенвальд, К.Д.Бальмонт, Н.А.Бердяев, В.Я.Брюсов, С.Н.Булгаков, Ю.А.Бунин, А.Веселовский, М.Гершензон, А.Б.Гольденвейзер, С.М.Городецкий, А.Т.Гречанинов, А.Е.Грузинский, Б.К.Зайцев, А.Кизеветтер, М.Ковалевский, С.Котляревский, С.Кусевицкий, В.Э.Мейерхольд, Н.Метнер, П.Н.Милюков, С.В.Рахманинов, А.М.Ремизов, М.В.Сабашников, С.И.Танеев, А.Н.Толстой, кн. Е.Н.Трубецкой, П.А.Флоренский, Л.Шестов и др.

См.: 21 декабря 1914, вторая запись; 29 марта 1915, вторая запись.

В газете «Одесские новости» (№ 9897. С. 4) помещается статья «Литературные заметки. “Господин из Сан-Франциско”» — рецензия на 5-й сборник «Слово». Подпись: Н.Г.

Рецензент пишет о рассказе Бунина: «Тут, как и во всех произведениях писателя, оказывается пессимистическая, печальная нотка, свойственная ему. Все правдиво и реально и нет ни одного слова выдумки. Но впечатление безотрадно и полно отчаяния. Нужна бодрость духа и непоколебимая вера, чтобы прогнать с души наваждение мрака...

В новом рассказе проведена полностью и очень художественно грустная мысль о торжестве смерти над жизнью. <...> И все так правдиво, так реально и так естественно в наше время, что хочется забыть о душащем всех нас кошмаре <войны>. <...>

Описания природы и окружающей воды, повторяем, великолепны в этом рассказе. Но иногда они утомительны и страдают длиннотами. Особенно там чувствуется многословие, где много говорится о распорядках на корабле и движении его по морю...».

Ноябрь, 24. В харьковской газете «Утро» (№ 2854. С. 3) публикуется рецензия С.Губера «Неореалисты. (V-й сборник “Слово”)».

Рецензент пишет: «Каждый новый сборник “Слово” (а сейчас мы имеем уже пятый) заставляет думать, что мы имеем перед собой не случайную группировку имен, но целую литературную партию, целое направление, которому, может быть, не хватает только “манифеста” и клички, чтобы окончательно утвердиться и кристаллизоваться.

Пока нет еще такой фирмы, <...> я позволю себе именовать ее неореалистами.

Первую скрипку в этой группе, по-видимому, играет Иван Бунин; теоретическим ее представителем, знаменосцем ее лозунгов, кажется, надо считать Вересаева. <...>

Кроме Бунина в группе состоят: Шмелев, Сургучев, Борис Зайцев, Тренев и несколько иных, менее постоянных.

Свое лицо у группы состоит в обостренном, напряженном чувстве жизни. По существу, неореализм “начал быть” еще тогда, когда были написаны бунинские “Антоновские яблоки”. <...> У них <неореалистов> есть тайные мостки к Толстому, Тургеневу, Чехову, Короленко, Горькому, Куприну, Сергееву-Ценскому, нет от них никаких путей к отрицающей жизнь литературе Достоевского, Андреева и Сологуба. <...>

В пятом — последнем — сборнике “Слово” надо отметить чудесный рассказ Бунина “Господин из Сан-Франциско”». Далее дается только пересказ сюжета рассказа.

Ноябрь, 25. В газете «Одесский листок» (№ 323. С. 5–6) печатается статья «Господин из Сан-Франциско» — рецензия на 5-й сборник «Слово». Подпись: Н.П.

Рецензент пишет: «Как уже показывает самое заглавие — последнее произведение г. Бунина носит характер некоторого отвлечения, содержит в себе обобщающие черты... Его тема — судьба смертных, картинка на тему “суета сует и всяческая суета”.

Автором владеет настроение философское, его лицо освещено скорбной улыбкой, адресованной всему бытию. <...>

Бросив эту картину социальной несправедливости, чисто толстовскую по манере контраста, г. Бунин как бы дает символ человеческому существованию, затерянному среди хаоса, спрятанному в каютах разных классов, плывущему к неизбежной цели. Тем же символом неведомого для людей, обманного миража, представляется путешествующая среди других влюбленная парочка. <...>

Рассказ прекрасно выдержан в настроении его проникающем и очень ярок по краскам. Кончается он указанием на то неведение, которое и страшно и дает возможность продолжать нашу жизнь».

В петроградской газете «Современное слово» (№ 2826. С. 2) помещается статья А.Ожигова «Литературные мотивы» — рецензия на 5-й сборник «Слово».

Рецензент выделяет «новое прекрасное произведение Ив.Бунина “Господин из Сан-Франциско”»: «Всего двадцать семь страничек, но, кажется, в каждом слове сосредоточена особая сила и напряженность: ни одного лишнего и каждое — самоценность. <...>

Краткими, но до остроты сжатыми, нервно бросаемыми, экспрессивными словами, рисует автор жизнь на корабле миллионеров. <...>

Несколько выписок характеризуют эту сочную кисть писателя, который сумел сказать в немногом весьма многое, ясное и чистое, жуткое и трагическое. По простой несложной канве вышит весьма богатый, разнообразный и многокрасочный узор с целой галереей живых людей, мелькающих с синематографической быстротой, но выпуклых, углубленных, озаренных внутренним светом. Это не столько сатира, — хотя в поэме есть и она, но скрытая, тем она глубже, — сколько психология, в пестрых тонах рисующая человеческую дребедень. Рисующего нового человека со старым сердцем. И сжатость этой картины, ее редкая художественная планомерность и экономия производят большой эстетический эффект.

Это лучшее произведение сборника».

А.М.Горький в письме к Е.П.Пешковой отмечает:

«В V сборн. “Слова” никакой литературы, кроме Бунина — нет».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 223.

Ноябрь, 27. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«В Одессу боимся ехать — верно, и у вас так же людно, как в Москве, и негде будет приютиться».

Письма (*2*). С. 355.

Ноябрь, 28. А.Н.Тихонов пишет Бунину на бланке секретаря редакции журнала «Летопись»:

«...хотелось напомнить о Вашем маленьком рассказе. 10 декабря беллетристика январского номера должна быть вся на месте, так что...

Шлю сердечный привет Вере Николаевне. Относительно переводного романа <...>, может Вера Николаевна имеет что-нибудь на примете».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 289, л. 1.

В московской газете «Утро России» (№ 327. С. 5) печатается рецензия И.Джонсона на 5-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «Последним в пятом сборнике “Слово” помещен рассказ Бунина “Господин из Сан-Франциско”, но о нем первом следует говорить, потому что он — не только лучшее украшение всего сборника, но, и независимо от того, замечательное и значительное произведение». Кратко пересказав сюжет рассказа, критик отмечает: «До чего, неправда ли, несложно. И, может быть, кто-нибудь скажет, что до чего и не ново проводить мысль о бренности человеческой жизни. Да, конечно, не ново: знаем мы об этом еще из соломонова Экклезиаста, а от него до наших дней сколько раз эта мысль трактовалась! И потому большое дерзновение — браться за такие старые и вечные мысли. Это дерзновение может позволить себе только очень большой художник. Только он может сделать это так, что не станет скучно от тысячного повторения столь давно и прочно известной мысли; только в его руках она снова, точно впервые высказанная, может ударить по сердцам.

В руках Бунина — она ударяет. Коротенький его рассказ вылит в такую совершенную художественную форму, исполнен такой удивительной сгущенности, такой силы и значительности, такой яркой насыщенности в каждом слове, что и ударяет по сердцу и вызывает вместе с тем очарование той красотой, какую может создавать лишь истинный мастер. А дума, облеченная здесь в такую чудесную форму, — это дума, которая, по-видимому, в последнее время становится главной думой Бунина и особенно сказывается в последних его рассказах, вышедших под названием “Чаша жизни”. В них писатель говорит нам преимущественно о том, как бренно наше бытие в земном мире, и как надо нам ту нашу жизнь, которую вручает нам судьба, стремиться наполнить драгоценным содержанием, ибо проходит ничтожное, но остается драгоценное, вечное, и только в нем — победа над смертью. К этим рассказам вполне в этом отношении примыкает и “Господин из Сан-Франциско”».

Там же в рубрике «Новости литературы» сообщается:

«Сборник “Щит” <...> весь разошелся и выходит в скором времени вторым изданием».

Ноябрь, 29. М.В.Сабашников сообщает в письме Бунину:

«Выпуск “Гайаваты” задерживался до сих пор, как Вам известно, перепиской с Дионео и ожиданием книг, выписанных из Англии по его указанию. В настоящее время книги пришли, и я посылаю их Вам для просмотра. Эти интересные издания, конечно, могут быть использованы для наших целей, но в них все же нет того, на что я рассчитывал, выписывая их. Поэтому я склоняюсь к мысли обратиться к известному нашему ученому и путешественнику В.И.Иохельсону, который считается глубоким знатоком американского фольклора, и при желании, конечно, без труда составит те приложения, какие нам хотелось дать к тому “Памятников мировой литературы”,

содержащему “Песнь о Гайавате”. Я набросал письмо В.И.Иохельсону, излагающее наши желания. Прошу Вас просить его и высказать Ваше мнение».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 192, л. 3.

В газете «Одесский листок» (№ 327. С. 5) перепечатывается из «Русских ведомостей» «Ответ русских деятелей искусства и мысли английским писателям». Подписи не приводятся.

См.: 23 ноября 1915, третья запись.

Ноябрь, до 30. Бунин начинает писать рассказ «Сын».

См.: январь...март, середина 1916, первая запись; 15...20 апреля 1916.

Граница события определена по дате чтения рассказа на «Среде». См.: 2 декабря 1915, первая запись.

Ноябрь. В петроградском «Ежемесячном журнале» (№ 11. Стб. 312–313) печатается рецензия Т.Ганжулевича на книгу «Чаша жизни. Рассказы 1913–14 г. [и стихотворения]» (М., 1915).

Рецензент пишет: «Книга новых рассказов Бунина вносит кое-что новое в характеристику писателя. <...> В “Чаше жизни” Бунин рисует жизнь маленьких людей, затерявшихся среди широкой родной равнины, одиноких и тоскующих, беспомощных и жалких в своих неопределенных порывах. Растерянность и одиночество характерны для героев Бунина настолько же, насколько тоска характерна для героев Чехова. В “Чаше жизни” у Бунина взят полный аккорд благодаря тому художественному штриху, которым Бунин объединил колорит с настроением, природу с душой человека. <...>

Холодом полей, но и властью стихии веет от “Весеннего вечера” Бунина. Художественная сила писателя особенно сказалась в этом рассказе, где, кажется, говорит сама природа, вошедшая в душу человека и глянувшая оттуда своими страшными бездонными глазами. <...>

Творчество Бунина нашло новую колею, в которую, очевидно, войдет оно, раскрывая новые богатства художественного творчества. Пропев последнюю отходную дворянским гнездам, Бунин обращается к тому, что оставлено ими, к той новой жизни, которая закипает на их месте. <...>

Книжка Бунина заканчивается небольшими стихотворениями, в которых выдерживается соответствующий сюжету стиль и настроение».

В журнале «Известия Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1915. Вып. 12. С. 55) публикуется общая рецензия И.И.Попова на книгу Бунина «Избранные рассказы» (М., 1914) и книгу А.Серафимовича «Морской волк, Лесная жизнь и др.» (М., 1914). Подпись: И.П-в.

Рецензент пишет: «Первые попытки сделать произведения современных писателей доступными для юношества и школы были сделаны И.А.Белоусовым, издавшим избранные рассказы Златовратского, стихотворения И.Бунина и И.Белоусова. “Книгоиздательство писателей в Москве” решило продолжить это дело и задалось целью объединить рассказы современных авторов в особую “народно-школьную библиотеку”. <...> И.Бунин — писатель не для детей раннего школьного возраста. В этом отношении рассказы Серафимовича <...> имеют преимущество перед рас-

сказами И.Бунина. Но И.Бунин — крайне желательный писатель для юношества и воспитательное значение его рассказов громадно. Впечатления современной деревни, ее типы, уходящая в прошлое барская жизнь невольно наводят на раздумья и заставят задуматься. У И.Бунина, как писателя, есть еще одна черта, также имеющая громадное воспитательное значение: среди современных писателей И.А.Бунин наиболее яркий художник; никто так мастерски и в то же время с такой любовью не зарисовывает любой пейзаж, как И.Бунин, никто не владеет таким богатством и образностью языка, как он. Все это делает его избранные рассказы крайне желательными и необходимыми для развития нашего юношества».

Декабрь, 2. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Сын».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 27.
РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 34.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 276. С. 6) помещается рецензия И.Н.Игнатова на 5-й сборник «Слово» (М., 1915).

Рецензент, в частности, пишет: «Лучшая вещь в сборнике — рассказ Бунина “Господин из Сан-Франциско”. В нем сильно и ярко сопоставлена спокойная пошлость шаблонного существования с всесокрушающей важностью внезапно надвинувшейся смерти. Для вечного вопроса, столько раз трактовавшегося (вспомним хотя бы “Смерть Ивана Ильича”) и всегда мучающего человечество, г. Бунин нашел форму объективного повествования, где каждая деталь важна и ярка, где вся картина художественно закончена, где нет стремления насильно притянуть читателя к известному впечатлению и где, естественно, оставляемое впечатление сильно».

Декабрь, 3. В московской газете «Время» (№ 455. С. 3) печатается статья В.Викторова «Литературное “сегодня”. (Слепые современники)» — рецензия на 5-й сборник «Слово».

Критик, в частности, пишет: «Академик Ив.Бунин, патентованный наблюдатель нашей жизни, вероятно, “покорный общему закону”, в рассказе “Господин из Сан-Франциско” тоже занялся выдумкой и создал такой тип американца, который за все время от начала отъезда из Америки и до приезда на Капри, где он умер, только один раз подумал, в остальное же время только пил, ел, одевался и раздевался».

В петроградской газете «Речь» (№ 333. С. 2–3) публикуется статья Ю.Айхенвальда «Литературные наброски» — рецензия на 5-й сборник «Слово».

Критик пишет: «Последнее внешнее место в сборнике и первое по словесному совершенству занимает “Господин из Сан-Франциско” Ивана Бунина. Словно какая-то великолепная, тяжелая, не гнущаяся ткань, словно драгоценнейшая и строгая парча, расстилается перед нами эта повесть о богатом старом американце, скоропостижно умершем во время увеселительного путешествия в отеле на Капри. Но не в сюжете, конечно, сила бунинского рассказа, а в том, прежде всего, как он сделан, в этих долгих, желанно-тяжелых, как спелые колосья, фразах, в пышности описаний, в какой-то суровой мощи слов. Не знаешь, что и взять отсюда, из этого каскада словесных черных бриллиантов, что переписать с этих блистательных и жутких страниц... <...> Когда читаешь у Бунина про этот титанический корабль <...>, то испыты-

вaешь какое-то мистическое чувство, и этот многоярусный, многотрубный корабль во мгле океана кажется символом человечества, одновременно сильного и жалкого, гордого и ничтожного, одинаково исполненного несчастья и вины, преступления и наказания. И Бунин, писатель вообще недобрый и в этом, среди других своих особенностей, черпающий силу производимых им впечатлений, огромной сосредоточенностью сарказма сопровождает корабль человеческой жизни, и особенно тех праздных путешественников его <...>. Но жестокая и мрачная симфония Бунина, величавая и гневная, в его многострунной музыке находит себе и некоторое молитвенное воспоминание, и вот мы читаем о двух нищих абруццких горцах, которые <...> ранним утром спускаются по древней финикийской дороге <...>».

Декабрь, 5. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«“Русское о-во изучения жизни евреев”, предполагая издать сборник исторических и литературных произведений под общим титулом “Евреи в России”, почтительно предлагает Вам: не соблаговолите ли Вы принять участие Вашим трудом в беллетристическом отделе сборника.

Желательно, чтобы Вы поделились с русским читателем результатами Ваших наблюдений над жизнью евреев в России».

Горький. ПСС. Т. 11. С. 225.

Декабрь, 6. В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 49. С. 9) в рубрике «Хроника» сообщается:

«Ив.Бунин закончил новую пьесу под названием “Гений тьмы”».

Сведений о пьесе нет. Очевидно, это был один из неосуществленных драматургических замыслов писателя.

Декабрь, 7. Из редакции журнала «Летопись» посылают Бунину телеграмму:

«Очень просим телеграфировать название рассказа для январской книги».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3269/3 оф.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 15255. С. 2) публикуется статья А.А.Измайлова «Темы и парадоксы», в которой разбирается 5-й сборник «Слово» и, в частности, говорится о рассказе «Господин из Сан-Франциско»:

«Никакие нынешние молодые имена не вселяют лично мне более ласкового чувства и больших надежд, как имена Шмелева и Тренева, постоянных участников сборника. С ними на этот раз изящный Бунин, томный Зайцев, Тимковский и Сургучев. <...> Наличность темы и замысла есть только в рассказе Бунина “Господин из Сан-Франциско”». Кратко пересказав фабулу рассказа, критик заключает: «Этим мотивом мог бы не побрезговать Мопассан, он мог бы привести в восторг Чехова. Но даже и Бунин точно забыл уроки любимого учителя, и ему понадобилось больше полутора печатных листа на рассказ, который чрезвычайно выиграл бы в молниеносной зарисовке всего на нескольких страницах».

Декабрь, 8. В большой аудитории Политехнического музея в 20 часов начинается вечер, посвященный творчеству Бунина. Н.Я.Абрамович выступает с докладом «И.А.Бунин как художник», Бунин читает рассказ «Смерть».

См. программу вечера: ОГЛМТ, ф. 14, № 5822/12 оф.

В этот день газета «Русское слово» (№ 281. С. 2) помещает объявление о вечере: «Сегодня, 8 декабря, состоится вечер, посвященный творчеству почетного академика И.А.Бунина. Новая большая аудитория Политехнического музея. <...> Весь сбор поступит в распоряжение Центрального бюро при МГУ на оказание помощи жертвам войны. Начало в 8 ч. вечера. Билеты от 5 р. 20 к. до 55 к. Ответственный устроитель, доктор София Мейлах-Фин».

См. также информационные сообщения и отчет в газете «Русские ведомости» (3 дек. (№ 277). С. 4; 4 дек. (№ 278). С. 1; 9 дек. (№ 282). С. 5); объявление в газете «Столичная молва» (7 дек. (№ 455). С. 3).

В отчете И.В.Жилкина «Вечер И.А.Бунина» в «Русском слове» (9 дек. (№ 282). С. 5. Подпись: И.Ж.) говорится: «Вечер 8-го декабря в переполненной Большой аудитории Политехнического музея прошел в сплошных аплодисментах и овациях по адресу главного виновника — И.А.Бунина. Публика как бы спешила воспользоваться публичным выступлением писателя, чтобы ярче, полнее и теплее выразить ему свою благодарность и свои симпатии.

Н.Я.Абрамович прочел доклад на тему: “И.А.Бунин как художник”. О простоте, о ясности, строгости и скромности художника критик говорил с несколько изящной нарядностью слов, с излишней махровостью патетизма.

Все же докладчику удалось нарисовать привлекательный и похожий абрис поэта-художника. <...> Во втором отделении Бунин прочитал красивый, суровый, наполненный восточной мудростью рассказ “Смерть”. Строго и плавно звучал голос чтеца, неторопливо повествовавшего о страшной и сладостной смерти пророка Моисея. <...> Без конца гремели аплодисменты, много раз выходил и благодарно кланялся автор, и только тогда затихли требования нового чтения, когда публика догадалась о нездоровье писателя.

В третьем отделении чудесно читала стихи Бунина М.Н.Германова, с драматической выразительностью прочитал А.И.Сумбатов жуткий рассказ “Весенний вечер”, и еще много читали, мелодекламировали под арфу, артистически пели романсы на слова Бунина, и везде жемчужинами перекатывались самоцветные слова поэта-художника.

Вечер удался художественно, а вместе с тем достигнута и добрая цель, т.к. сбор полностью пошел на помощь жертвам войны».

В журнале «Рампа и жизнь» (№ 50 (13 дек.). С. 8) в рубрике «Хроника» сообщается: «С громадным успехом прошел 8-го декабря в большой аудитории Политехнического музея вечер И.А.Бунина.

Главный интерес вечера сосредоточился, конечно, на выступлении самого И.А.Бунина. Свой рассказ “Смерть” он прочитал выразительно и художественно. Публика наградила И.Бунина долгими и восторженными аплодисментами. Не ограничиваясь этим проявлением восторга, группа студентов и курсисток завладела самим И.Буниным и дружно и весело “качала” его...

Хорошо прочел рассказ И.Бунина “Весенний вечер” кн. А.И.Сумбатов-Южин. Большое впечатление произвела мелодекламация В.В.Максимова “За рекой”, в сопровождении цитры г-жи Иодко; красиво спели М.С.Куржиямский романсы Рах-

манинова и Глиэра на слова И.Бунина и П.И.Цесевич романс Энгеля “Как светла, как нарядна весна”. Большой успех имели также: В.К.Сережников, прочитавший рассказ И.Бунина “Сила”, М.Н.Германова, прочитавшая стихотворение “Мушкет” и П.Доберт, исполнившая романс Василенко “Песня” на слова И.Бунина.

Аудитория была переполнена. Весь сбор поступит в распоряжение центрального бюро по оказанию помощи жертвам войны».

См.: декабрь 1915, шестая запись.

Декабрь, 9. В харьковской газете «Южный край» (№ 13087. С. 4–5) печатается статья И.Турского «Литературный праздник. (5-й сборник “Слово”)».

Критик пишет: «С какими трудностями ни связаны попытки литературных классификаций, но, говоря о “Слове”, мы, кажется, вправе употребить выражение “школа”. Действительно, речь идет об определенном художественном течении. <...>

Назвать последнюю вещь сборника “Господин из Сан-Франциско” И.Бунина превосходным рассказом, значит сказать о ней очень скромно. В смысле художественного совершенства это положительно — шедевр. Какое это чудесное явление — И.Бунин, огромный художник наших дней, в каждой новой своей вещи становящийся выше всего, им раньше написанного. Какая высокая “компетентность” автора в материале, им изображаемом, какая мощь и уверенность пера, в каждом штрихе остающегося верным себе! Пересказывать “Господина из Сан-Франциско” и невозможно и бесполезно. Нужно прочитать его самому, и непременно все, не выронив ни одного слова из этого роскошного и скупого повествования. <...> рассказ настолько полон содержанием, настолько потрясает воображение читателя <...>, настолько глубоко западают в душу читателя великолепные детали, — что нельзя назвать бунинский очерк иначе, чем большим литературным событием...

Итак, разве — не праздник?»

Декабрь, 10. Секретарь Императорской академии наук пишет Бунину:

«Императорская Академия наук постановила присудить Вам золотую рецензентскую медаль, как знак своей признательности за любезно исполненный Вами по поручению Академии разбор труда Э.Голландской “Рассказы” и Л.Жданова “Исторические поэмы”, представленные на соискание премии имени Пушкина.

Ныне, ввиду невозможности изготовить золотые медали до окончания войны, конференция Императорской Академии наук поручила мне обратиться к Вам <...> с просьбой уведомить меня, желаете ли Вы ожидать окончания войны, когда Монетный Двор в состоянии будет выполнить заказ Академии на золотые медали, или предпочтете теперь же получить соответствующую сумму деньгами».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2902 оф.

В Политехническом музее С.В.Яблоновский читает доклад «Новое платье короля» по поводу пьесы Л.Н.Андреева «Тот, кто получает пощечины»; в составе участников прений заявлен Бунин.

См. информационные сообщения в газете «Русские ведомости» (1 дек. (№ 275). С. 6; 10 дек. (№ 283). С. 5; 11 дек. (№ 284). С. 4).

Декабрь, до 12. Бунин фотографируется в Фотографии Г.В.Трунова в Москве и посылает этот фотопортрет Ф.Ф.Фидлеру. Внизу на паспарту автограф:

«1915 г. Ив.Бунин».

Музей ИРЛИ, ф. 3, п. 30848.

Граница события определена по письму Ф.Ф.Фидлера. См.: 14 декабря 1915, вторая запись.

Декабрь, 13. Бунин посылает А.А.Измайлову для «Биржевых ведомостей» стихотворение «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...») и пишет ему в сопроводительном письме:

«...очень прошу извинить меня — ничего не могу предложить Вам сейчас, кроме стихотворения. Прилагаю его при сем, — если угодно, возьмите. <...>

P.S. Б.К.Зайцев сказал мне, что есть в “Б<иржевых> вед<омостях>” заметка о последн<ем> сборнике “Слово”, в которой Вы журите нас за бедность вымысла. Не можете ли Вы приказать выслать мне ее? — я собираю рецензии».

Письма (*2*). С. 355.

См.: 7 декабря 1915, вторая запись.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 286. С. 2) помещается объявление об открытии подписки на новый журнал «Летопись». В списке сотрудников значится Бунин.

Данное объявление печаталось до конца года.

Декабрь, 14. Бунин смотрит в Художественном театре пьесу Ю.А.Бергера «Потоп» с участием М.А.Чехова в роли Фрэзера.

Чехов М. Т. 2. С. 427.

В.Н.Муромцева вспоминает: «А в 1915 году, 14 декабря он смотрел его в “Потопе” и с восхищением передавал его игру, предсказывая, что “из него выйдет большой артист”».

Муромцева-Бунина. С. 468.

Ф.Ф.Фидлер пишет Бунину из Петербурга:

«Дорогой Иван Алексеевич! Сегодня Вы меня порадовали, прислав мне свой портрет. А вот 21.XI — огорчили, пожаловав ко мне 1) за какой-нибудь час до отъезда из Питера, и 2) не предупредив меня по телефону о Вашем визите.

А я Вас все время ждал с нетерпением. Ждали Вас и Ваши — мои стихи. Теперь придется их Вам отправить с оказией.

С большим удовольствием прочел в “Р<усском> слове” о Вашем вечере в Москве».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 226, л. 2.

См.:21 ноября 1915, первая запись; 8 декабря 1915.

Декабрь, 15. В Петрограде выходит № 1 журнала «Летопись», в котором (с. 1–3) печатаются стихотворения «Слово» («Молчат гроб-

ницы, мумии и кости...»), «Поэту» («В глубоких колодцах вода холодна...»), «Шестикрылый. Мозаика в соборе» («Алел Ты в заревах Батыя...»).

Дата выхода определена по объявлению о подписке на журнал «Летопись» на 1916 г., в котором сказано: «Первая книга вышла 15-го декабря 1915 г.» (Журнал журналов. 1916. № 3. С. 23).

Декабрь, 19. В качестве приложения к № 51 петроградского журнала «Нива» выходит вторая половина шестого тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркс, 1915).

Содержание 6-го тома: **Рассказы 1911–1913 гг.**: Иоанн Рыдалец, Илья Пророк, Я все молчу, Худая трава, Псальма, Вера, Весна, Преступление, Князь во князьях, Последний день, Сказка, Будни, Хороших кровей, Личарда, Забота, Без заглавия, Крик, Копье Господне, Смерть; **Стихотворения**: Мушкет («Видел сон Мушкет...»), Гробница («Глубокая гробница из порфира...»), Степь («Синий ворон от падали...»), Невестка («Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась...»), Белый олень («Едет стрелок в зеленые луга...»), Алисафия («На песок у моря синего...»), Песня. Два голоса — матери и сына («— Ночь мутна и не месячна...»), Конь Святогора («В чистом поле, у камня Алатыря...»), Мачеха («У меня, сироты, была мачеха злая...»), Пращуры. Голоса с берега и с корабля («Лицом к туманной зыби хороните...»), Светляк («Леса, пески, сухой и теплый воздух...»), Дедушка («Дедушка ест грушу на лежанке...»), Ночная змея («Глаза козюли, медленно ползущей...»), Великий Лось («Ночь зимняя мутна и холодна...»), На большой дороге («Как дым пожара, туча шла...»), Ритм («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»), Чибисы («Заплакали чибисы, тонко и ярко...»), Купальщица («Смугла, ланиты побледнели...»), Холодная весна («Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...»), Летняя ночь («—Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный...»), Ноябрьская ночь («Туман прозрачный по полям...»), Художник («Хрустя по серой гальке, он прошел...»), Отчаяние («...И нового порфирой облекли...»), Могильная плита («Могильная плита, железная доска...»), Ночные облака («Океан под ясною луной...»), Дальняя гроза («Мелькают дали, черные, слепые...»), На камнях («Теплой ночью, горною тропинкой...»), Матрос («Ночью в море крепко спать хотелось...»), Монастырь в Сицилии («Монастыри в предгориях глухих...»), После обеда («Сквозь редкий сад шумит в тумане море...»), Потомки пророка («Не мало царств, не мало стран на свете...»), В Скутари («Шипит и не встает верблюд...»), Уголь («Могол Тимур принес малютке-сыну...»), Судный День («В щит золотой, висящий у Престола...»), Завет Саади («Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь...»), Мать («На пути из Назарета...»), Завеса («Так говорит Господь: “Когда, мой раб любимый...»), Зов («Как старым морякам, живущим на покое...»); **Рассказы 1913–1915 гг.**: Чаша жизни, Грамматика любви, Братья, При дороге, Святые, Весенний вечер, Святочный рассказ, Пыль; **Стихотворения**: В Венеции. А.А.Карзинкину («Восемь лет в Венеции я не был...»), Псковский бор («Вдали темно и чащи строги...»), Причастницы («Свежа в апреле ранняя заря...»), Иаков («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), Господь скорбящий («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), Плач ночью («Плакала ночью вдова...»), Новый Завет («С Иосифом

Господь беседовал в ночи...»), Магомет и Сафия («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»), Нищий («Все сады в росе, но теплы гнезда...»), Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...»), В темную ночь, в штиль, под экватором («Время, Пространство, Число...»), О Христе и дочери халифа. Из «Золотой легенды» Лонгфелло («Я нарвала цветов...»); **Статьи и заметки**: Чехов, Из записной книжки <об А.П.Чехове>, Речь на юбилее «Русских ведомостей», Автобиографическая заметка. Письмо к С.А.Венгерову.

Дата определена по объявлению в № 51 журнала «Нива» (с. 1 обложки).

Декабрь, 20. Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Москвы в Глотово.

Дневники. Т. 1. С. 148.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 15281. С. 7) публикуется рецензия на № 1 журнала «Летопись» — «Новый журнал» (без подписи).

Рецензент, в частности, отмечает: «Что касается таких стихотворений, как "Ночной бой" г. Герасимова, где дактили играют в чехарду с амфибрахиями, то им, кажется, совсем не место рядом со стихами такого мастера-эстета, как Бунин».

Декабрь, 21. Бунин и В.Н.Муромцева прибывают в Глотово.

Дневники. Т. 1. С. 148.

Декабрь, 22. Бунин в письме Н.Д.Телешову из Глотово сообщает текст своего письма Н.С.Клестову, подлинник которого не сохранился:

«...на тот случай, если будет решено припечатывать V сборн<ик>, посылаю "Господина из С<ан>-Франциско" с *поправками*. Имейте, кроме того, в виду, что *без доплаты* я даю рассказ только на 2 тысячи экз. и что *непременное* условие его печатания — прислать мне корректуру».

Письма (2). С. 355–356.

Декабрь, 25. В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 15290. С. 4, утренний выпуск) помещается стихотворение «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...»).

В московской газете «Русское слово» (№ 296. С. 3) печатаются под общим заглавием «Три стихотворения»: 1. «К Ночи» («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»), 2. «Белый цвет» («Пустынник нам сказал: "Благословен Господь!.."), 3. «В Аравийском море» («Лик прекрасный и бескровный...»).

Декабрь, до 29. Выходит № 12 петроградского журнала «Русские записки», в котором (с. 328–331) печатается рецензия на 5-й сборник «Слово». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет: «Злой холодок, присущий этому бытописателю современной деревни, общеизвестен. Прав он или нет в своих изображениях мужицкой озверелости и дикости, все равно — читатель справедливо чувствовал неправду в рассказе И.Бунина, неправду в том злом холодке, с которым он вел свой рассказ о мужицкой озверелости и дикости.

Этот холодок повествования, очевидно, органическое свойство И.Бунина как беллетриста. Есть этот тон и в новом, весьма удачном, на наш взгляд, рассказе И.Бунина

“Господин из Сан-Франциско”. Удачна сама идея автора — дать своего героя без имени: он называется все время только “господин из Сан-Франциско”. Благодаря этому холодок авторского повествования относится как-то не к *человеку*, с которым читателя сближает мастерство художника (в рассказе И.Бунина много такого мастерства), а к *единице* социальных отношений». Пересказывая сюжет рассказа, критик отмечает: «И автору — нужно в этом признаться — доставляет злое удовлетворение рассказать, как в миг все переменилось у закупленных блеском золота людей. <...> В этом отношении рассказ великолепен. Грань между очарованием комфорта и общей внимательности во время путешествия и жутью такой всеобщей грубости к мертвому и осиротевшим женщинам проведена в рассказе с поразительной силой впечатления. А сам автор по-прежнему в стороне, спокойный, холодный. Но у вас нет протеста против этого. Автор дал только единицу собирательной жизни, — “господина из Сан-Франциско”».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (29 дек. (№ 297). С. 2).

Декабрь, 29. М.В.Сабашников сообщает Бунину в письме:

«Я получил извещение от В.И.Иохельсона о согласии составить очерк народной индийской поэзии для приложения его к издаваемой в наших “Памятниках мировой литературы” “Песни о Гайавате”. Мы приступим к печатанию книги немедленно после праздников. Прошу сообщить, посылать ли Вам корректуры».

На письме помета Бунина: «Ответил 4 января 1916 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 192, л. 4.

Декабрь, до 30. Выходит № 11/12 петроградского журнала «Северные записки», в котором (с. 5–6) помещаются стихотворения «Что ты мутный, светел-месяц?..» («Что ты мутный, светел-месяц?..»), «За Ассуаном» («У нубийских черных хижин...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (30 дек. (№ 298). С. 6).

Декабрь. В петроградском журнале «Вестник Европы» (№ 12. С. 97–98) публикуются стихотворения «Парус» («Звездами вышит парус мой...»), «Гора Алагалла» («В лесах кричит павлин, шумят и хлещут ливни...»).

В московском журнале «Новая жизнь» (№ 12. С. 6) печатается стихотворение «Дедушкины стихи» («Светло в светелке от окна...»).

В петроградском журнале «Современный мир» (№ 12. С. 192) публикуется стихотворение «Невеста» («Косоглазая девушка, ножки скрестив...»).

Выходит № 7/8 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 378–385) публикуется статья «Жизнь человеческая. “Господин из Сан-Франциско” И.Бунина». Без подписи.

Дается краткая характеристика рассказа и приводится его текст с купюрами.

Выходит № 33 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 5–8) печатается статья И.М.Василевского (Не-Буква) «В поисках быта. Новый альманах “Слово”».

В разделе «Бор.Зайцев, Ив.Бунин и Н.Тимковский» критик, в частности, пишет: «Также трагически неудачно сказалась нарочитость замысла и на новой повести Ив.Бунина.

Автор "Иоанна Рыдальца", очень большой писатель, – как бледен и шаблонен он в этом рассказе. Как узнать талантливого Ив.Бунина в этом нарочитом описании смерти "Господина из Сан-Франциско".

Смерть эта не волнует. Остаешься холоден, читая описание жизни на океанском пароходе <...>.

Здесь, конечно, чувствуется мастер слова. Трудно забыть напр. "похожие на облупленные крутые яйца белки негров". Но явственно видна нарочитость в этом сопоставлении кочегаров с миллиардерами, и от этого не веришь автору — старается уж очень».

В московском журнале «Новая жизнь» (№ 12. С. 161–168) публикуется статья Н.Я.Абрамовича «И.А.Бунин как художник».

Критик пишет: «Иван Алексеевич Бунин – замечательное и характерное явление для критика и историка литературы в том отношении, что, пребывая от первых шагов своей литературной деятельности в лагере прогрессивной мысли и общественного служения, он сохранил в полной мере самостоятельность художника.

Он, как истинный художник, есть живое опровержение того банального взгляда, что чистое художество и чистая поэзия уместны только в идиллические времена благополучия и сытости. <...>

Наоборот, не будет парадоксом сказать, что именно время катастроф и катаклизмов есть пробный камень истинного творчества.

То, что на потребу духа, всегда насущно. А у чистой поэзии, у, так называемого, самоцельного творчества есть высшая цель – *строить человеческую душу.*

В этом залог ценности творений всякого художника. В этом залог длительности поэтической жизни творений И.А.Бунина. Кроме служения богу красоты и высшей духовной культуры, он служил также и целям гражданского бытия, но и этим целям служил как художник, никогда не унижаясь до тенденции, ибо тенденция расходится с правдой. <...>

На самом деле, мы ценим поэта превыше всего не за мастерство слова, не за музыку его, не за рисунок или образ, не за идею или замысел. Мы ценим поэта, как нового, совершенно и исключительно нового выразителя жизни, как небывалый еще и мощно, ярко, чудесно звучащий инструмент чувств, говорящий нам неожиданным языком о мире, раскрывающий мир так, как мы еще его не знали и не чувствовали...

С этой точки зрения поэт пересоздает мир. Он пересоздает мир для нас, для нашего понимания и ощущения его. <...>

И.А.Бунин среди современных поэтов один из лучших показателей в данном случае. Он — чистейшее зеркало жизни. <...>

Его первый сборник "Под открытым небом" сразу показал <...> свежесть изображений, первоначальность наблюдений, сделанных собственным глазом, охваченных собственным слухом. Густота интимной настроенности. Внутренняя, порой, очень нежная, музыка. Дар тонкого чистого зарисовывания. Лирический интимизм. Музыкальная меланхолия. <...> В 1901, 1902 и следующих годах наступает пора чисто-ли-

рического расцвета дарования Бунина. Это один из прекраснейших садов нашего геликона. Стих насыщен, звенит как струна, в строках и строфах заключены ароматы и краски мира и полнота душевного поэтического содержания, всегда простого, всегда человечного, чуждого книжности, напыщенности, пафоса, отвлеченности. <...>

Богатейший дар самостоятельной образности характеризует его глубокую художественную приверженность, "пристрастие", как выразился Тютчев, к земле. Бунин обогатил русскую поэзию громадным количеством личных новых образов и рисунков, схваченных его чуткостью, его жаждой, его душевным голодом, его любовью к природе и к ее жизни. <...>

Талант его определенен, огражден и в этой определенности своей ярок и замечателен. <...>

Мир принимается художником Буниным в холодных четких формах, в чистой эстетике его, как бы первозданности, в первоначальном рисунке самой природы, не тронутом человеческой инициативой. В этом смысле Бунин — реалист чистейшей воды — близок всем романтикам и чистым созерцателям-художникам, славословившим мир в его первоначальном природном.

Бунин как беллетрист в последние годы пережил знаменательный перелом, далеко отойдя от зарисовок лирических вспышек, от интимного рисунка художника-бродяги, вечно чающего душевного и эстетического покоя. <...>

Обладая мастерством сильной и рельефной выписки фигур, как во внешнем рисунке, так и со стороны эмоционального напряжения, нарастания, Бунин подымается порой до истинного трагизма, простого, человеческого <...>.

Я не могу не подчеркнуть также отличающего Бунина в современности редкого мастерства описания. Он овладел тайной этого мастерства, в его руках это — чудо, эта ткань легкой чистой и гибкой прозы, простой, свежей, мягкой, передающей душу местности, мгновения, трепет чувства, глубину слитного ощущения ночи или утра, сада или степи.

Бунина упрекали в резком пессимистическом отношении к нашей деревне. В его деревенском материале — уклон к выявлению трагического начала неустроенности, развала, волевой искривленности, истеризма, жестокости, мучения. Какой-то демон извращенности, специально русский, выявлен в его изображениях.

<...> Его рисунок, смелый, искренний, нужнее, чем сладкая идеология сентиментального народничества. <...> Такой большой художник слова, как И.А.Бунин, оправдал свое поэтическое и художественное служение. Он — чистый поэт, обладающий прекраснейшим живописным дарованием и даром музыкального лирического самоотражения. И он чистый художник, служивший богу правды и нашим гражданским чаяниям».

В петроградском журнале «Современный мир» (№ 12. Отд. III, с. 188–189) публикуется рецензия Н.П.Ашешова (псевд. А.Ожигов) на 5-й сборник «Слово». Подпись: Ал.Ож.

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Господин из Сан-Франциско»: «В пятом сборнике "Слово" самая небольшая вещь принадлежит перу Ивана Бунина и в то же время это произведение самое значительное, самое содержательное и самое красивое во всем сборнике.

Г. Бунину вообще свойственна сжатость письма, — тем непосредственнее, полнее и цельнее впечатление от его ударного стиля, тем прочнее влияние его художественного гипноза, его дара заражать настроение читателя.

В последнее время г. Бунин точно еще тщательнее стремится усилить, сконденсировать мощь своего стиля и достичь наибольших психологических эффектов при наименьшем использовании слова, как орудия творчества. И "Господин из Сан-Франциско" является в этом отношении решительно образцом почти идеального применения метода эстетической экономии. <...> Ослепительно описание парохода и всех его умопомрачительных удобств, оплачиваемых дорогой ценой. Великолепны типы путешественников и нравы корабля. И особенно эффектна влюбленная парочка, которая танцует в зале, не расстается и демонстрирует вечность торжества любви».

Выходит № 36 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 7) помещается дружеский шарж на И.А.Бунина работы М.Линского.

В течение года. Выходит книга «Чернозем» (М.: Родная речь, 1915. 20 с. № 37).

Содержание: Золотое дно, Сны.

Переиздание. См.: до 20 марта 1906. (*Летопись* (*1*). С. 594).

В качестве бесплатного приложения к журналу «Проталинка» выходит книга «Цветник. Сборник стихотворений современных поэтов» (М., 1915), в которой (с. 14–15) помещается стихотворение Бунина «В поезде» («Все шире вольные поля...»).

1916

Январь, 1. Бунин пишет стихотворения:

— «Матфей Прозорливый» («Ночь и могильный мрак пещеры...»). Авторская дата: «1.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 106–108.

См.: ноябрь 1916, третья запись.

— «Бегство в Египет» («По лесам бежала Божья Мать...»). Авторская дата: «Засыпая в ночь на 1 янв. 1916 г. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 69.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 218) авторская дата: «21.X.15».

См.: до 4 октября 1916.

В симферопольской газете «Южные ведомости» (№ 1. С. 2) печатается статья А.Б.Дермана «Литературно-общественные черты минувшего года».

Критик, в частности, пишет о Бунине: «Замечательный рассказ написал Бунин ("Господин из Сан-Франциско") — сильнее всего, что им было написано до сих пор, произведение, дышащее прямо толстовской силой, хотя и крайне характерное для Бунина своей беспощадностью и бесперспективностью».

Январь, 2. Бунин в письме к А.А.Измайлову спрашивает о судьбе своего стихотворения «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...»):

«Что значит, что Вы даже ни строки не написали мне по сему поводу?»

Письма (*2*). С. 356.

См.: 13 декабря 1915, первая запись; 25 декабря 1915, первая запись.

Январь, 3. В газете «Киевская мысль» (№ 3. С. 4) помещается статья М.Лирова «Беглые заметки. (“Летопись”, декабрь)».

Критик, в частности, пишет о стихотворении «Слово»: «Книжка открывается прекрасным стихотворением Ив.Бунина, которое наряду с <...> статьей М.Горького “Две души” является как бы программным манифестом нового журнала». Критик приводит полностью стихотворение «Слово» и пишет: «Это стихотворение Бунина своего рода вдохновенный отклик подлинного поэта на пресловутый призыв Леонида Андреева: “Пусть не молчат поэты”».

Имеется в виду статья Л.Н.Андреева «Пусть не молчат поэты» (Биржевые ведомости. 1915. 18 октября (№ 15155). С. 2–3).

Январь, 4. Бунин посылает М.В.Сабашникову 1-й том своего Полного собрания сочинений (Пг., 1915) для нового издания перевода поэмы Г.У.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и пишет в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам то издание “Песни о Гайавате”, — издание “Нивы”, — с которого надо набирать.

Корректуру будьте добры доставлять мне последнюю, для подписи».

Письма (*2*). С. 356.

В петроградской газете «Новое время» (№ 14304. С. 4) публикуется статья «Русская литература в 1915 году». Без подписи.

Критик, в частности, пишет: «Умеющий отливать бытовые явления в законченные формы, И.Бунин в “Чаше жизни” рисует самую обыкновенную историю самых обыкновенных людей, из которой мораль может быть выведена та, что “жизнь для жизни нам дана”, и что самый процесс жизни есть вполне достаточное ее оправдание».

Январь, 8. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Пскова:

«Дорогой Иван Алексеевич.

Вашу книгу получил неожиданно и очень был обрадован.

Большое, большое спасибо. Вы хорошо знаете, как я люблю и ценю Ваши произведения.

Через месяц-два отвечу Вам тем же: пришлю книжку своих рассказов, печатающуюся в издательстве “Огни”; она значительно разнится от первоначальной, которую я два года назад предлагал “Московскому книгоиздательству писателей”, и мне очень хотелось бы, чтобы Вы прочли ее, высказали мне откровенно свое мнение. <...>

Напишите, пожалуйста, пару слов о себе: как чувствуется и пишется. Пишется, кажется, мало. Раскрываешь жадно книги журналов и ищешь Бунина, и так редко находишь.

В конце января надеюсь быть в Москве и, если позволите, зайду к Вам».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 82, л. 4–5.

Какая была послана Г.Вяткину книга неясно: «Чаша жизни» (М., 1915) или один из томов Полного собрания сочинений в 6 томах (Пг., 1915). Г.Вяткин, очевидно, говорит о своей книге повестей и рассказов «Золотые листья» (Пг.: Огни, 1917).

Январь, 10. В ответ на неизвестное письмо И.И.Морозова Бунин пишет:

«Стихи присылайте».

Письма (2). С. 356.

См.: 7 марта 1916, вторая запись.

Бунин в письме к А.Е.Розинеру просит прислать в Глотово свое Полное собрание сочинений в 6 томах (Пг., 1915) в переплетах.

Письма (2). С. 356.

Н.С.Клестов пишет Бунину на бланке «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Корректуру рассказа <“Господин из Сан-Франциско” для 2-го издания сборника> послал Вам, пожалуйста, не задержите. Откатали V-го “Слова” более 600 экз. и все еще откатываем. 2-ое изд. выйдет недели через 3. Нам надо сразу напечатать по 10000 и на это количество покупать вещи, думаю, что Вы с этим согласитесь. <...> Продали все 5000 “Слова” и получили 26 р. прибыли. <...>

Получил расчет с Клюкина. Одно только звание — Ваше. <...>

Прислали нам “Летопись” 300 экз. Продали все, разошелся журнал и в “Науке”. Спрос хороший, но если следующая книга будет столь же бесцветна — не пойдет журнал. Стихи Ваши были хороши — единственное, что есть в журнале. <...>

Верстаем VI “Слово”. <...>

Пишите к VII сборнику <“Слово”> что-либо, а мы постараемся к Пасхе выпустить сборник. Не стесняйтесь размерами. Телешов говорит, что ждет от Вас листа 3. Это было бы очень радостно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 286, л. 2.

См.: 25 февраля...3 марта 1916.

Январь, 11. Вернувшись из краткой поездки в Ефремов, Бунин отвечает на письмо Д.Л.Тальникова от 23 ноября 1915 г.:

«Огорчили Вы меня донельзя! А я-то радовался за Вас! Одно утешает, что, может быть, судьба Ваша уже изменилась или скоро изменится <...>. Ах, дорогой, если бы Вы знали, как мне обидно и больно за все, что творится с Вами! Да хранит Вас Бог, *пожалуйста, немедленно напишите мне о себе*. Мы в деревне с 20 дек. и все это время очень тяжело был болен Ник<олай> Алексеев<ич Пушешников> (племянник мой, Вы его знаете), порою бывала большая слабость сердца. Теперь он поправляется, но все это очень выбивало из колеи, только что принимаюсь за работу. Очень благодарю Вас за предыдущее письмо <неизвестно> — о моем рассказе, я все собирался написать Вам на него ответ, да так и не собрался».

Письма (2). С. 357.

Речь идет о рассказе «Господин из Сан-Франциско».

Январь, 13. Бунин пишет рассказ «Старуха». Авторская дата: «10 ½ — 11 ч. вечера. 13.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 45.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2749 оф.

См.: 9 декабря 1916; 25 декабря 1916, четвертая запись.

Январь, 14. А.П.Легаров пишет Бунину из Москвы:

«Беру на себя смелость напомнить Вам относительно Вашего обещания прочитать после праздников в провинции несколько лекций. Если темы Вами приготовлены, и Вы согласны совершить эту поездку, то покорнейше прошу уведомить меня. <...>

Я бы Вам предложил до поста прочитать в следующих городах: Казань, Саратов, Астрахань, Пенза, Самара, Симбирск и Рязань. Первую неделю Великого поста <...> использовать: Орел, Курск, Харьков, Ростов, Екатеринослав, Киев, Одесса. Во всяком случае, маршрут предоставляю на Ваше усмотрение».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 142.

Бунин не ездил с лекциями по России.

А.Н.Тихонов пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Летопись»:

«Посылаю Вам декабрьскую книгу <“Летописи”>, Маяковского и, — как Вы хотели, — Ваш счет из “Летописи”.

Еще раз повторяю: <...> что угодно может определять наши взаимоотношения, только не деньги. Мы считаем Вас совершенно, по отношению к “Летописи”, свободным от всяких обязательств, захотите дать нам что-нибудь — будем очень рады, не захотите — воля Ваша. Подсчитав наши “доходы”, мы выяснили, что в будущем можем предложить Вам — за стихи по 2 руб. за строку, — за прозу — 700 руб. за 40000 зн<аков>.

Рады бы дать и больше, но нет сил.

В Москве я забыл Вам сказать, что мы к весне готовим в “Парусе” — литературный альманах и очень просим Вас принять в нем участие на любых условиях.

Передайте, пожалуйста, мой привет Вере Николаевне и попросите ее, от меня, прислать нам перевод: — если у нее нет на примете большой вещи, то будем благодарны и за маленькие переводные рассказы (не меньше, однако, — ½ листа)».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 289, л. 2.

Имеются в виду № 1 журнала «Летопись» за 1915 г. (см.: 15 декабря 1915), и, вероятно, книга В.В.Маяковского «Облако в штанах» (Пг., 1915). Литературный альманах в издательстве «Парус» не выходил.

Январь, 15. Бунин просит в письме А.А.Измайлова выслать номер газеты «Биржевые ведомости», в котором было напечатано стихотворение «Прокаженный» («От кипарисовых гробниц...»).

Письма (2). С. 357.

См.: 25 декабря 1915, первая запись.

Январь, 19. В утреннем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 15332. С. 2) печатается статья А.А.Измайлова «Темы и парадоксы».

Критик, в частности, останавливается на издаваемой серии книг «Русская литература XX века» под редакцией С.А.Венгерова и пишет по поводу «Автобиографической заметки» «талантливого беллетриста и поэта» Бунина: «В противоположность Северянину, это одна из самых честных современных репутаций. Вот уж кто никогда не ходил с оттопыренными глазницами, не “делал шума” — шел к признанию той чистой тропой труда и творчества, какую завещали писатели доброй старины. И в своем очерке он выдерживает свою скромность, свое чувство меры. Здесь много интересного и в смысле личной биографии, и в смысле общественном, поскольку Бунин, конечно, выразитель, — и очень любопытный — своего поколения. Но остановлюсь опять на этой всегдашней обиде писателя на критику. Очень деликатно и без всякого наскока, но вполне определенно Бунин недоволен тем, как его понимали и поняли». Процитировав далее фрагмент «Автобиографической заметки», в котором Бунин отрицает в своем творчестве «чеховское», критик отмечает: «Я не собираюсь возражать и доказывать, как поразительна близость “бунинского” к “чеховскому”. Не собираюсь, потому что аксиом, вообще, не надо доказывать. Бунин может утверждать, что он жил и сложился вне собственно чеховского литературного влияния, и здесь, вероятно, он совершенно прав. <...> Но что бунинское иногда не отличить от чеховского, хотя, может быть, это и неприятно самому Бунину — об этом, — по крайней мере, мне так кажется, — едва ли могут быть два мнения. <...> меня сейчас интересует не лик самого Бунина, а опять эта не замирающая обида автора на критику, обида, покоящаяся иногда, как сейчас, (“решительно ничего чеховского”) на совершенно субъективной, хоть и непреодолимой самооценке».

См.: 19 декабря 1915; 6...13 декабря 1916, вторая запись.

В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 14. С. 2) публикуется рецензия на 5-й сборник «Слово». Подпись: Вл.Б-в.

Рецензент пишет: «Лучшей вещью в сборнике является бесспорно рассказ Ив.Бунина “Господин из Сан-Франциско”. Это — большая, мудрая и жуткая символическая картина, сопровожденная писателем вещими словами апокалипсиса: “Горе тебе, Вавилон, город крепкий”». После пересказа сюжета рассказа критик заключает: «Когда закрываешь рассказ Бунина, проникаешься ужасом: это не просто океанский корабль, это — жизнь современного человечества над пучиной “девятого” катастрофического круга преисподней».

Январь, 14...21. Выходит второй альманах «Новая жизнь» (М., 1916), в котором печатаются: стихотворение «Дедушкины стихи» («Светло в светелке от окна...») (с. 6); статья Н.Я.Абрамовича «И.А.Бунин» (с. 161–168).

Данный выпуск альманаха является перепечаткой № 12 журнала «Новая жизнь». См.: декабрь 1915, вторая и шестая записи.

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Январь, 21. Бунин пишет стихотворения:

– «Малайская песня» («Чернеет зыбкий горизонт...»). Авторская дата: «21.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 72.

Датируется по автографу, в *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 223–225) авторская дата: «23.I.1916».

См.: до 2 апреля 1916, первая запись.

— «Святогор и Илья» («На гривастых конях, на косматых...»). Авторская дата: «21.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 70–71.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 6
(гранки с авторской правкой).

См.: до 4 мая 1916.

Январь, 22. Бунин пишет стихотворения:

— «Св. Прокопий» («Бысть некая зима...»). Авторская дата: «22.I.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 74.

См.: до 27 марта 1916.

— «Бретань» («Ночь ледяная и немая...»). Авторская дата: «22.I.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 75.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 4.
РАЛ, MS. 1066/1.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57. С. 8.

Январь, 23. Бунин пишет стихотворения:

— «Князь Всеслав» («Князь Всеслав в железы был закован...»). Авторская дата: «23.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 76.

Датируется по автографу. В *Избранные стихи* и *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 233) — авторская дата: «24.I.1916».

См.: до 27 марта 1916.

— «Сон епископа Игнатия Ростовского» («Сон лютый снился мне: в полночь...»). Авторская дата: «23.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 78.
ИРЛИ ОР, ф. 428, оп. 1, ед. хр. 124.
МКТ.

См.: до 15 октября 1916.

Январь, 24. Бунин пишет стихотворения:

— «Песня» («Мне вечор, младой, скучен терем был...»). Авторская дата: «24.I.1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 80.

См.: до 4 мая 1916.

— «Княжна» («В ризы черные одели...»). Авторская дата: «24.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 82–83.
МКТ.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 236) — авторская дата: «25.I.1916».

См.: около 10 ноября 1916.

— «Ты, светлая ночь, полнолунная высь!..». Авторская дата: «24.I.1916».

СС (*Петр*). Т. 6. С. 235.

См.: Русская газета. Париж, 1924. 22 июня (№ 51). С. 2.

В Литературно-художественном кружке открывается выставка работ художника В.И.Россинского; на выставке представлен портрет Бунина.

Московская газета «Столичная молва» (25 янв. (№ 462). С. 3) в рубрике «В мире искусства» сообщает в информационной заметке «Выставка В.Россинского» (без подписи): «В одной из зал Литературно-художественного кружка В.Россинский устроил вчера выставку исполненных им за последнее время портретов. <...>

Портрет Бунина Кружок предполагает приобрести для своей коллекции».

Январь, 18...24. Выходит № 3 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 16–17) помещаются отрывки из «Автобиографической заметки» Бунина под заглавием «Авторы о себе. (Отрывки из только что опубликованного письма И.А.Бунина к С.А.Венгерову). Автобиография И.А.Бунина. Изд. "Нивы". Т. XII».

Перепечатка из 6-го тома Полного собрания сочинений Бунина (Пг., 1915).

Январь, 25. Бунин пишет стихотворения:

— «Когда-то, над тяжелой баркой...». Авторская дата: «25.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 84.

См.: до 14 декабря 1916.

— «Кадильница» («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»). Авторская дата: «25.I.1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 86.
РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 3, л. 3.

См.: до 6 апреля 1916.

Январь, до 26. Бунин пишет стихотворение «Молодой король» («То не красный голубь метнулся....»).

Датируется по письму к А.М.Горькому. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 189–190) — авторская дата: «27.VI.16».

См.: 26 января 1916, вторая запись; до 24 февраля 1916.

Январь, 26. Бунин пишет стихотворение «Заклинание» («Из тонкогорлого фиала...»). Авторская дата: «26.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 88.

См.: до 18 марта 1916.

Бунин посылает А.М.Горькому для журнала «Летопись» шесть стихотворений: «Молодой король» («То не красный голубь метнулся....»), «Святитель» («Твой гроб, дубовая колода...»), «Святой Прокопий» («Бысть некая зима...»), «Князь Всеслав» («Князь Всеслав в железы был закован...»), «Святогор и Илья» («На гривастых конях, на косматых...»), «Песня» («Мне вечор, младой, скучен терем был!..») и пишет ему в сопроводительном письме:

«Дорогой Алексей Максимович, пожалуйста, простите, я поторопился дать Вам депешу <неизвестна> о высылке рассказа, я и раньше сомневался в его пригодности для "Летописи" и в его законченности, а в последнюю минуту особенно ясно увидел, что я был прав в своих сомнениях, и сел работать над другим, думал сделать его мгновенно, — но от неспокойного

духа запутался в работе, сказал себе, что не след мне появляться впервые в новом журнале наспех, и решил послать Вам вместо рассказа цикл стихов. Если он понравится Вам, печатайте (м.б., под каким-нибудь общим заглавием?), если нет — возьмите из него что угодно и сколько угодно, — словом, поступите без всякого стеснения. <...> Чувствую, что не в силах связывать себя сроками, и что я, как нарочно, в какой-то дурной полосе. Дам рассказ при первой возможности и надеюсь скоро, — случается, что эту полосу вдруг как ветром сдует, — но предупреждаю, ручаться ни за что не могу, и Вы пока забудьте обо мне, храня твердую уверенность, что из того, что будет у меня, все лучшее, с моей точки зрения, будет в первую голову послано в "Летопись". Дам и повесть, но теперь уже видно, что не раньше лета, я страшно боюсь поспешить и наделать себе горя, повредить и себе, и журналу. Если позволите — с радостью возвращу аванс, я тоже поторопился с ним, был в Петербурге в нервном возбуждении, да и хотел, признаться, прижать себя к стене».

Письма (2). С. 357–358.

О каком рассказе, и какой повести идет речь неизвестно.

Январь, 29. Бунин посылает Н.Д.Телешову стихотворение «Кадильница» («В горах Сицилии, в монастыре забытом...») для литературного сборника «В помощь пленным русским воинам» и пишет ему в сопроводительном письме, извиняясь за поздний ответ:

«...все надеялся, что напишу или приведу в порядок что-нибудь старое для твоего сборника — и ничего не вышло, чувствовал себя из рук вон плохо, а последние дни такая несла метель, что не было ни проходу, ни проезду. Посылаю тебе только одно стихотворение — больше, видит Бог, ничего не могу, если что и есть, то совершенно не подходящее для тебя, а те отрывки рассказов, — уже напечатанных, о которых мы говорили с тобою, нельзя послать по той причине, что я их решил дописать и уже сильно исковеркал. Не сердись, сделай милость, ведь ты хорошо знаешь, что уж для тебя я постарался бы!

Посылаю тебе, кроме того, три стихотворения художника Лепетича, не раз печатавшегося в толстых журналах. Может, возьмешь что-нибудь, чем меня очень обрадуешь.

Насчет 7-го сборника <"Слово"> еще ничего не могу сказать. Как будет писаться... Но вот в чем ничуть не сомневаюсь: закатить три сборника в одну зиму — это форменное безумие, это наполовину подорвет к ним интерес и даже уважение, сделает их ординарным явлением. Серьезно говорю тебе — отложи до осени, не зарывайся».

Письма (2). С. 358.

В сборнике «В помощь пленным русским воинам» было напечатано два стихотворения Н.Н.Лепетича: «Под монастырем» и «Верблюд».

7-й сборник «Слово» вышел в свет между 17 февраля и 12 марта 1917 г. (см.: *Книжная летопись*).

Январь, 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Дурман» («Дурману девочка наелась...»). Авторская дата: «30.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 98–99.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 29, л. 2
(авторская дата: «1916, 1953 г.»).
МКТ.

См.: до 8 сентября 1916.

— «Поэтесса» («Большая муфта, бледная щека...»). Авторская дата: «30.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 96.
ГАОдО, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 38, л. 46.

В автографе РГАЛИ текст стихотворения вырезан: сохранились только заглавие, авторская дата и указания на первые две публикации.

См.: июль 1918, первая запись.

— «Сон» («По снежной поляне...»). Авторская дата: «30.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 94.
МКТ.

См.: до 8 сентября 1916.

— «Райское Древо» («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»). Авторская дата: «30.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 90.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 15, л. 2.
ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 40, л. 3
(поздняя редакция).
МКТ.
РАЛ, MS. 1066/4.

См.: до 3 июля 1916.

— «Цирцея» («На треножник богиня садится...»). Авторская дата: «30.I.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 92.

См.: до 14 декабря 1916.

Бунин в письме благодарит Н.С.Клестова за подписку на журнал «Бюллетени литературы и жизни» и советует отложить выпуск 7-го сборника «Слово» до осени:

«Выпускать в одну зиму *три* сборника — безумие».

Письма (2). С. 359.

Январь, 31. Бунин пишет стихотворение «У гробницы Виргилия, весной» («Дикий лавр и плющ и розы...»). Авторская дата: «31.I.1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 100.
МКТ.

См.: до 4 июня 1916.

Январь, 30 или 31. Бунин пишет стихотворение «На Альпы к сумеркам нисходят облака...».

РГАЛИ, ф. 2867, оп. 1, ед. хр. 21.

Датируется по авторским изданиям: в *Роза Иерихона* (с. 232) авторская дата: «30.I.16», в *Избранные стихи* (с. 147) и *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 243) — авторская дата: «31.I.1916».

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Январь, 25...31. Выходит № 4 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 6) публикуется статья «Поэты и стихи. (Обзор)». Без подписи.

Обозреватель, в частности, пишет о стихотворении «Гора Алагалла»: «То непомерное увлечение “экзотикой”, которое, к сожалению, сделало Бальмонта каким-то “специалистом” по Океании и по маорийцам — все больше захватывает и других поэтов.

Талантливый И.Бунин в последней книге “Вестн. Европы” печатает напр. стихотворение “Гора Алагалла”: <...>

Хоть бы знать, где она, “гора Алагалла”, — все-таки легче бы. А то, и правда, “безжизненнее металла” остаешься, читая эти нарочито экзотические стихи о слонах и павлинах».

Январь. В петроградском «Ежемесячном журнале» (№ 1. Стб. 5) публикуется стихотворение «Невесты» («Жених идет в одеждах брачных...»).

Февраль, 1. Бунин пишет стихотворения:

— «Песня» («Там не светит солнце, не бывает ночи...»). Авторская дата: «1.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 102.

См.: 10 мая 1916, вторая запись.

— «В пустом доме» («Синие обои полиняли...»). Авторская дата: «1.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 104.

Датируется по автографу. В *Избранные стихи* (с. 149) и *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 169) — авторская дата: «31.I.1916».

См.: около 10 ноября 1916.

— «Песня» («На помории далеком...»). Авторская дата: «1.II.1916».

ГЛМ ОР, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 170.

См.: 5...11 декабря 1917.

Февраль, до 4. Выходит № 1 петроградского журнала «Летопись», в котором помещаются произведения Бунина и статьи о нем:

— стихотворения «Засуха в раю» («От пальм увядших слабы тени...»), «Аленушка» («Аленушка в лесу жила...»), «Скоморохи» («Веселые скоморохи...») (с. 1–3).

— статья Д.Л.Тальникова «При свете культуры. (Чехов, Бунин, С.Подъячев, Ив.Вольный)» (с. 275–299).

Критик, в частности, пишет: «Чеховские “Мужики” открывают новые страницы в русской литературе, новые художественные горизонты. По путям чеховского критицизма пошла и литература наших дней в лице одного из лучших современ-

ных художников пера Ив.Бунина и отчасти в лице молодых писателей крестьян С.Подъячева и Ив.Вольнова. <...>

Из того, что писалось о деревне после 1905 г. — а писалось много — наиболее ценным в художественном и общественном смысле являются произведения Ив.Бунина. <...>

В сущности, многое, что у Чехова было лишь схемой, стало у Бунина одеваться в художественную плоть. Бунин вошел внутрь, в глубь деревенской жизни, и эта жизнь встает в его произведениях неподдельная, чуждая идеализации, суровая в своей строгой правде — и в каких совершенных художественных формах! “Чеховская” деревня нашла свое полное художественное завершение и обоснование в деревне “Бунина”, и при свете последней “чеховская” деревня приобретает особый смысл, особую свою “идею”, ту “общую идею”, какую искал Чехов. Под пером двух мастеров совершилась переоценка всего, что до сих пор определяло наше отношение к деревне, — отношение, в котором больше всего уделялось места барской жалостливости и совестливости.

<...> Как и Чехова в свое время, Бунина упрекали в тенденциозности, в сгущении мрачных красок, нелюбви к мужику. Для тех, кто вдумчиво читал его книги, этот упрек не действителен. У Бунина — как и у Чехова — мы встречаем ряд трогательных фигур деревни, согретых теплой любовью писателя». Упомянув рассказы «Захар Воробьев», «Хороших кровей», «Худая трава», «Псальма», «Весенний вечер», «При дороге», а также образ «молодой» в «Деревне», критик продолжает: «Все это — и много еще хорошего сказано у него о народе.

Бунин своим “исчерпывающим” заглавием “Деревня” дал перевес не личности, как это у Чехова, а почве, устоям, но это не значит, чтобы эти устои не находили в его картине своего конкретного художественного выражения, главным образом, в лицах и фигурах. <...>

Основной круг, в котором бьется эта <крестьянская> “душа” — “атавизм”. Этим словом Бунин определяет все душевные движения человека своей деревни. <...> “Звериное” — вот что сближает темную душу человека — “дикаря” — это определение встречается и у Чехова, и у Бунина — со зверем. Он весь — со всем своим добром и злом, — во власти темной “изначальной” силы; он весь — по ту сторону добра и зла, вне норм морали, не антиморален, а аморален». Процитировав рассказы «Последний день», «Преступление», «Ночной разговор», «Весенний вечер», критик заключает: «Это только аморализм: герои Бунина не сознательные носители зла, но просто существа, не достаточно ясно ведающие, где зло, где добро — дети или дикари. <...> Вот почему в зле, — как и в других активных проявлениях психики этих людей — в делах и жестоких, и великодушных, и, как увидим дальше, даже героических, поражает часто наблюдателя одна черта — видимая целесообразность, даже нелепость порою. <...>

Начатки культуры, первые ее шаги неизбежно связаны у народов с развитием религиозного миросозерцания. <...> Крестьянская религия это современное идолопоклонство, язычество. Об этом говорит поэма Бунина в несколько страничек “Илья Пророк”, написанная необыкновенно выпукло, сильно и сжато, четко, по-толстовски, чисто народным и оригинальным языком. “Илья Пророк” — это символ всей религии, мироощущения не только “древней” земли, но и современной. <...>

Религия Семена – религия молчания, рабства, религия прикрепленного к земле человека. <...>

Те единичные попытки протеста, которые, однако, подымаются в здоровой части крестьянства, при общей низкой культурности народа обречены на такой же хаотический, нелепый, "атавистический" выход, как и всякие иные попытки самодеятельности».

Разбирая рассказ «Иоанн Рыдалец», критик отмечает: «Древним, диким веет от этого Рыдальца, но он – символ той жизни, простой, грубой и дикой, которую ведет и современная деревня — бесцельно и нелепо страстотерпческая.

Крики Рыдальца, в смысле социальной пользы, немногим больше стоят, чем бахвальное молчание героя другого рассказа — Шаши <"Я все молчу">. И то, и другое — уродливо, дико, безобразно, хотя и по-разному, первое внушает нам какое-то смутное сочувствие, а второе – только раздражение. В Шаше (из рассказа "Я все молчу") — типе новом и оригинальном в русской литературе, Бунин воплотил одну из распространеннейших и своеобразных черт российского "безмолвия", так часто принимаемое за глухое накопляющееся и грозящее излиться в катастрофе возмущение. "Шапками закидаем", которое виснет на нашем языке, нетерпимость, заносчивость, бахвальство, любование собою и самоуничижение паче гордости, позерство и игра – и за всем этим безнадежная пустота, отсутствие всякого содержания — вот смысл того "я все молчу", которое любил повторять Шаша. <...>

Бунина часто обвиняют в *барском* пессимизме. Но вот что пишут другие молодые писатели-крестьяне, привлекшие в последнее время внимание читателя своими деревенскими повестями – С.Подъячев и Ив.Вольнов. <...> Художественные достоинства авторов в наших глазах не представляют значительной ценности. Их книги – скорее дневники, "хроника", чем строгое, сжатое и напряженное художественное повествование. Но тем любопытнее их ценность фактическая». Разбирая повести С.Подъячева «Среди рабочих» и Ив.Вольнова «Повесть о днях моей жизни», критик отмечает: «Фактической стороной своей обе хроники подтверждают всецело художественные итоги Чехова и Бунина, и их правда кажется порою даже еще кошмарнее, чем правда тех писателей».

В заключение критик делает выводы: «Деревня — говорят эти писатели своими художественными образами, – осталась за штатом культуры. <...> Деревня в изображении новейшей литературы — это обвинительный акт не только против политической и культурной закрепощенности деревни, но и против самих хозяйственных основ ее бытия. <...> Бунин совершил пересмотр всех основ и ценностей деревенской жизни – моральных, религиозных, социальных; отдельные его рассказы дополняют один другой и вместе создают целую стройную "философию" деревни. Философия эта неразрывно связана с самим бытием деревни, определяется именно той самой властью, которою уже Гл.Успенский охарактеризовал, как власть земли. <...>

Бунин, писатель, рожденный на перевале русской жизни, вошел в круг тех же передовых идей, определяющих наше время. В своем мировоззрении, поскольку оно проявляется в его творчестве, он выражает "общую идею" нашего времени — европеизация Руси, идею городского периода нашей общественности, вовлечение деревни в общую жизнь человечества. <...>

На одной из его книг стоят эпиграфом слова Ив.Аксакова “Не прошла еще древняя Русь!” Для Аксакова в этих словах, в том, что еще не прошла эта “древняя Русь”, что еще можно, пожалуй, сохранить ее — радость, благодать, счастье. Но какой иронией, сарказмом и болью звучат эти слова у Бунина! Для него в них — ужас и проклятие. И действительно, ужас в том, что не прошла еще “рюриковская” чеховская деревня, “азиатская” бунинская — “жалкого быта”, “вековой глухомани”...».

— рецензия А.П.Пинкевича на 5-й сборник «Слово». Подпись: Ад. Б. (с. 417–419).

Рецензент пишет: «В отличие от других литературных сборников московские альманахи “Слово” объединены единством литературного направления — в них почти исключительно помещаются произведения таких представителей *нового реализма*, как И.Бунин, Ив.Шмелев, Б.Зайцев, А.Н.Толстой и др. Поэтому каждая новая книга “Слова” весьма интересна, являясь, до некоторой степени, показателем тех достижений, которые делает это направление. <...> Среди них <произведений 5-го сборника “Слово”>, бесспорно, наиболее значительным является рассказ И.Бунина — “Господин из Сан-Франциско”. Фабула рассказа очень несложна. <...> Но не в фабуле дело. Значительность рассказа в изображении, в удивительно сжатом, насыщенном образами описании “Атлантиды”, Неаполя, Капри. Особенно ярко изображение океанского парохода. Читаешь это блестящее описание, <...> и начинаешь чувствовать большой и глубокий символ, органически заключенный в этом изображении, и невольно думаешь о том, что не пароход описывается художником, а весь наш социальный строй, вся наша культура нашла здесь изумительно сжатое и сильное отражение. Прямо поразительно совершенство формы, которого достигает в рассказе автор. Его стиль строг, мужествен и сжат, это поистине одни из замечательнейших страниц в современной литературе».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 февраля (№ 27). С. 1).

Февраль, 6. Бунин пишет стихотворения:

— «Даль» («Лиман песком от моря отделен...»). Авторская дата: «6.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 116.

См.: до 9 мая (до 26 апреля) 1918.

— «Молчание» («По знойно-желтому ущелью...»). Авторская дата: «6.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 110.

См.: 10 декабря 1917.

— «На исходе» («Ходили в мире лже-Мессии...»). Авторская дата: «6.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 112.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 1.
МКТ.

См.: до 14 декабря 1916.

— «Эллада» («Меж островов Архипелага...»). Авторская дата: «6.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 114.
МКТ.

См.: до 9 августа 1916.

Февраль, 7. Бунин пишет стихотворение «Перстень» («Рубины мрачные цвели, чернели в нем...»). Авторская дата: «7.II.1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 5.
РГБ ОР, ф. 1, к. 4, ед. хр. 14.

Датируется по автографу РГАЛИ. В *СС* (*Петр*) (Т. 6. С. 199) авторская дата: «7.I.15».

См.: 5...11 декабря 1917.

Февраль, 9. Бунин пишет стихотворение «Земной, чужой душе закат!..». Авторская дата: «9.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 17.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 20, л. 3
(с авторской датой: «1900»).

См.: Возрождение. Париж, 1926. 27 мая (№ 359). С. 2.

Февраль, 10. Бунин пишет стихотворения:

— «Мулы» («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»). Авторская дата: «10.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 7.
МКТ.

См.: до 9 августа 1916.

— «Зеркало» («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»). Авторская дата: «10.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 13.
МКТ.

См.: до 8 сентября 1916.

— «Сирокко» («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»). Авторская дата: «10.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 17.

В автографе под текстом стоит авторская дата «9.II.1916», а над текстом — «10.II.1916».

См.: до 15 октября 1916.

— «Псалтирь» («Бледно-синий загадочный лик...»). Авторская дата: «10.II.1916. Известие о смерти Саши Резвой».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 19.
МКТ.

См.: до 3 июля 1916.

Февраль, 11. Бунин пишет стихотворение «По теченью» («Девушка, что ты чертила...»). Авторская дата: «11.II.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 21.

См.: *СС* (*1*). Т. 1. С. 469.

Февраль, 12. Бунин пишет стихотворения:

— «Людмила» («На западе весною под вечер тучи сини...»). Авторская дата: «12.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1.

См.: март 1916.

— «Миньона» («В горах, от снега побелевших...»). Авторская дата: «12.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 23.
МКТ.

См.: 25 декабря 1917, первая запись.

— «В Апеннинах» («Поэзия темна, в словах невыразима...»). Авторская дата: «12.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 25.

См.: около 10 ноября 1916.

Бунин спрашивает в письме Д.Л.Тальникова о его жизни в Ашхабаде, сообщает, что написал Д.Н.Овсянико-Куликовскому и послал ему стихотворение Д.Л.Тальникова для «Вестника Европы», а также пишет:

«Верно, у Вас уже совсем лето. А у нас столь гнусная, серая и мокрая зима, что я едва ноги таскаю, как всегда в дурную погоду. По целым дням читаю, пишу стихи. Как находите “Летопись”? Библиограф<ический> отдел ее огорчителен донельзя. С удовольствием прочитали Вашу статью, мне показалось, что она очень урезана, — правда это? Пришли мои сочинения из “Нивы”, в переплетах. <...> непременно пошлю на днях».

Письма (*2*). С. 359.

Стихотворение Д.Л.Тальникова «Людмила» было напечатано в «Вестнике Европы» (1916. № 3).

В письме речь идет о статье Д.Л.Тальникова «При свете культуры. (Чехов. Бунин. С.Подъячев. Ив.Вольнов)», напечатанной в журнале «Летопись» (1916. № 1). См.: до 4 февраля 1916.

Февраль, 13. Бунин пишет стихотворения:

— «Кобылица» («Я снял седло, узду — и вольно...»). Авторская дата: «13.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 28.

См.: Наш мир. Берлин, 1924. № 11. 1 июня. С. 129.

— «Индийский океан» («Над черной тьмой твоих морей...»). Авторская дата: «13.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 32.

См.: 25 декабря 1916, вторая запись.

— «Колизей» («Дул теплый ветер, — точно сея...»). Авторская дата: «13.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 34.

См.: до 15 октября 1916.

— «На нубийском базаре» («Она черна, и блещет скат...»). Авторская дата: «13.II.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 38.

См.: *СС* (*1*). Т. 1. С. 469.

— «Стой, солнце!» («Летят, блестят мелькающие спицы...»). Авторская дата: «13.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 36.
РГБ ОР, ф. 1, к. 1, ед. хр. 17.

См.: 5...11 декабря 1917.

— «Стена горы — до небосвода...». Авторская дата: «13.II.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 30.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Февраль, 15. Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«...предлагаю тебе для *шестого* сборника "Слово" несколько своих стихов (я все стихи писал за последние дни). Ведь он, вероятно, еще не совсем готов. Можно поставить в самый конец».

Письма (2). С. 360.

См.: 29 февраля 1916; 10 марта 1916, первая запись.

Февраль, середина. В.Н.Муромцева в письме Е.М.Шнейдеру рассказывает:

«Мы уже почти два месяца в деревне. <...> Ходил ли ты когда-нибудь на лыжах? Мне лыжи нравятся гораздо больше коньков. <...> Иван Алексеевич очень храбро скатывается с гор, я же понемногу приучаюсь к этому».

ОГЛМТ, ф. 14, № 4416 оф.

Февраль, 22. А.М.Горький просит в письме Бунина прислать для апрельского номера журнала «Летопись» «немножко беллетристики»:

«Хотелось бы украсить Вашим рассказом пасхальный №.

Если можете — пришлите! Будем очень благодарны.

Ваши стихи все кончатся в мартовской книге. Ждем еще».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 25.

Февраль, 23. Бунин беседует с В.Н.Муромцевой о литературе.

В дневнике Бунин пишет: «Милый, тихий, рассеянно-задумчивый взгляд Веры, устремленный куда-то вперед. <...>

Говорили почему-то о Коринфском. Я очень живо вспомнил его, нашел много метких выражений для определения не только его лично, но и того типа, к которому он принадлежит. Очень хорошая фигура для рассказа <...>.

Потом я вспомнил и рассказывал о Лебедеве, о Михееве, о Случевском (вот страшная истинно петербургская фигура). <...>

На возвратном пути я говорил о том, какую огромную роль в жизни деревни сыграют пленные. Еще о том, что дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие».

Дневники. Т. 1. С. 149.

Февраль, до 24. Выходит № 2 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 1–3) публикуются стихотворения «Молодой король» («То не красный голубь метнулся...»), «Святитель» («Твой гроб, дубовая колода...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (24 февр. (№ 44). С. 7).

Февраль, 24. А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Дорогой друг Иван Алексеевич!

Когда я получил Ваш пакет со стихами и милое Ваше письмо, — у меня на столе лежало письмо, только что написанное мною, с просьбой к Вам о стихах на март.

Вот что значит “сердце сердцу весть подает”! Спасибо Вам, сердечное спасибо!

Мы хотели бы поместить в мартовской книге весь цикл В<аших> стихов, но вчера цензор зарезал длинное и недурное стихотворение Есенина “Марфа Посадница”, назначенное в февраль, и, к сожалению, два стихотворения Ваших — “Молодой король”, “Песня” — напечатаем в февраль. Не очень это нравится мне и, боюсь, не понравится Вам. Но — уж извините!

Что касается до рассказа и повести, то — как само собою разумеется — у нас нет, не может быть ни малейшего желания стеснять Вас сроками и т.д. Напишите — когда напишется. И, конечно, не может быть речи о возвращении аванса.

Вы только знайте, что Ваши стихи, Ваша проза — для “Летописи” и для меня — праздник. Это не пустое слово. Я Вас люблю — не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать Ваши вещи, думать и говорить о Вас. В моей очень суетной и очень тяжелой жизни Вы — м.б., и даже наверное — самое лучшее, самое значительное. Знали бы Вы, с каким трепетом читал я “Человека из С<ан>-Ф<ранциско>”, с каким восторгом вот эти стихи. Ведь Вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней.

Извините мне эти излияния, но — Боже мой! — так редко счастье любоваться человеками».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 25–26.

Ю.Пантелеева пишет Бунину из Одессы:

«Милостивый государь, глубокоуважаемый господин Бунин!

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой: посылая часть своих стихотворений, я прошу Вас высказать о них Ваше мнение, которое для меня очень дорого и ценно.

Душа писателя сказывается в его произведениях. Это обстоятельство главным образом и побудило меня обратиться именно к Вам.

Извините, что, не будучи знакома с Вами, я беспокою Вас и отнимаю дорогое время».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3120/3 оф.

В.В.Переплетчиков пишет Бунину:

«Московский литературно-художественный кружок давно желает иметь Ваш портрет. С.В.Малютин готов его написать, займет это сеансов 5–6 <...>.

Что Вы на это скажете? <...>

С С.В.Малютиным я уже переговорил. <...>

Быть может, Вы выберете время для портрета в марте или апреле».

На верхнем поле письма помета Бунина: «Ответил согласием 1.III.1916».

ОГЛМТ, ф. 14, № 933 оф.

Февраль, 25. Бунин посылает А.М.Горькому свое Полное собрание сочинений в 6 томах (Пг., 1915, в переплете) с дарственной надписью на 1-м томе:

«Алексею Максимовичу — от друга и почитателя. 25.II.1916».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Февраль, 26. В письме Н.С.Клестову Бунин пишет, что ждет присылки 2-го издания 5-го сборника «Слово» и оттисков рассказа «Господин из Сан-Франциско».

Письма (2). С. 360.

См.: 25 февраля...3 марта 1916.

Февраль, 27. Бунин сообщает в письме А.С.Черемнову:

«...очень был рад Вашему письму, — получил его только недавно. Завтра-послезавтра напишу Вам ответ обстоятельный».

Письма (2). С. 360.

Февраль, 29. Бунин посылает Н.Д.Телешову телеграмму, что высылает стихи для 6-го сборника «Слово».

Письма (2). С. 360.

См.: 1 марта 1916, вторая запись.

Февраль, вторая половина. Бунин посылает А.А.Измайлову свое Полное собрание сочинений в 6 томах (Пг., 1915, в переплетах) с дарственной надписью на 1-м томе:

«Многоуважаемому А.А.Измайлову Ив.Бунин».

Частное собрание.

Граница события определена предположительно. См.: 12 февраля 1916, вторая запись; 25 февраля 1916.

Февраль. Выходит № 11 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (отд. II, с. 249–251) помещаются отрывки из рецензий на 5-й сборник «Слово».

Выходит № 2 петроградского «Ежемесячного журнала», в котором (стб. 305–314) публикуется рецензия А.Гизетти «Новые книги. (“Слово”. Сборник пятый)».

Рецензент, в частности, пишет: «От будней русской жизни к широкой картине “международной”, “океанской” цивилизации уводит нас Бунин в изумительно сильном и красивом очерке “Господин из Сан-Франциско”. Очерк этот по духу примыкает к такому же прекрасному и яркому очерку “Братья”, <...> в свое время достаточно оцененному критикой. В “Братьях” Бунин *художественно* поставил вопрос о пасынках этой цивилизации — цветных туземцах. <...> В новом рассказе Бунин изображает жизнь тех, кто “пользуется” счастьем, купленным потом и кровью “пасынков цивилизации” во всех частях света. Весь очерк с начала до конца безукоризненно выточенный художественный этюд и вопль эстетического негодования перед лицом этого счастья сытых. <...> Страшным символом этой лживой жизни является мнимо-влюбленная пара молодых людей, разъезжающая на всех пароходах по найму от

“Ллойда”, чтобы развлекать своим интересным видом скучающих пассажиров. <...> А рядом с ней <жизнью богатых> и другая, незаметная, скромная жизнь итальянцев на Капри <...>. Так снова и снова ставит большой художник вопрос Руссо: куда ведет нас цивилизация? Ставит и снова не может сдержать свое негодование против той *мнимой* “цивилизации”, что обращает массы в подножие Навуходоносоров, а их самих, подобно библейскому владыке, делает хищными зверями, рабами низших страстей и убивает красоту в мире. Конечно, Бунин не зовет всех нас вернуться к наивности итальянских горцев, но напоминает о человеке-брате, о земле, о природе, о необходимости людям вырваться из-под ига ими созданных вещей и сил, по-иному как-нибудь устроить жизнь и в другом человека увидеть. Рассказ Бунина смело может быть назван первоклассным художественным произведением и занимает вершину того яркого венца пестрых камней и цветов жизни, который дали вокруг него каждый по-своему участники “Слова”».

В журнале «Педагогический листок» (№ 2. С. 95–120) печатается статья Н.Саввина «Детская литература и журналистика в 1915 году».

Обозреватель, в частности, пишет: «Среди книг для старшего возраста одна из наиболее интересных – И.Бунин. “Избранные рассказы”. (Книгоиздательство писателей. Ц. 85 к.). Бунин, как писатель, величина вполне определившаяся в общей литературе: превосходный лирик, знаток деревенской жизни, поэт природы, реалист по направлению, Бунин дал в этой книжке ряд прекрасных рассказов для чтения детям старшего возраста. Такой рассказ, как “Сверчок”, способен произвести сильнейшее впечатление: в нем с большою экономией в художественных средствах передан трагический случай, вполне жизненный и красивый. “Сон Обломова внука” вещь оригинальная. “Велга”, заканчивающая сборник, давно уже известная легенда, получившая право гражданства в детской литературе» (с. 106).

Март, 1. В письме В.В.Переплетчикову Бунин соглашается позировать художнику С.В.Малютину для портрета и сообщает:

«...я надеюсь быть в Москве в начале апреля и весь к его услугам».

Письма (*2*). С. 360.

Был ли написан портрет Бунина художником С.В.Малютиным установить не удалось.

Бунин посылает Н.Д.Телешову для 6-го сборника «Слово» стихотворения «Мулы» («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»), «Миньона» («В горах, от снега побелевших...»), «Дурман» («Дурману девочка наелась...»), «Княжна» («В ризы черные одели...»), «Райское Древо» («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), «Сон» («По снежной поляне...»), «Зеркало» («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»), «Псалтирь» («Бледно-синий загадочный лик...»), «У гробницы Виргилия» («Дикий лавр, и плющ, и розы...»), «Эллада» («Меж островов Архипелага...»), «На исходе» («Ходили в мире лже-Мессии...»), «Сон епископа» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...») и пишет ему в сопроводительном письме:

«Дорогой друг, посылаю стихи для шестого сборника “Слово” (для шестого, а не для седьмого). Может быть, ты ждал, что я пришлю меньше не-

много, но согласись, что это была бы чепуха, так, привеска какая-то к сборнику, а я идти на это не имею ни малейшего желания. Иду на другое: заплати столько, сколько можно. Говорю совершенно серьезно: на этот раз приму, сколько пожалуете, и ни за что не обижусь.

Молю тебя только о самой тщательной корректуре. Главное — сохрани *мои* знаки препинания, каковы бы они ни были.

Очень был бы рад, если бы ни одно стихотворение не переходило на другую страницу».

Письма (*2*). С. 360–361.

См.: 10 марта 1916, первая запись.

И.С.Шмелев пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой Иван Алексеевич,

так мне хочется сказать — дорогой, ибо Вы и есть дорогой. Мне очень тяжело, скучно ото всего, как все темно кругом, страшно, грудь давит. Хочется прекрасного и тихого, тихого. А его нет, и только железный грохот. И в печати, и в душах. И никуда не уйдешь от него. <...> Давно уже, только прочитал Ваши стихи в “Летописи”, хотел писать Вам. И все что-то мешало. Чудесно, глубоко, тихо. Лучше я и сказать не могу. Я их выучил наизусть. Я ношу их в себе. Чудесно! Ведь в “Шестикрылом” вся русская история, облик жизни. Это шедевры, дорогой, Вы это знаете сами, но я хочу, чтобы Вы знали, что и я чувствую это. И “Слово”, и “Поэту”. Это лучшее, что было последнее время для меня. Но как-то не идет это к “Летописи”. Это д<олжно> быть высечено золотом по бел<ому> мрамору или хрусталем на черном граните. А “Летопись” не гранит и не мрамор. Это так. Да будут благословенны поля орловские, вскормившие Вас, дорогой поэт. <...> Вот, пока еще я владею мыслью, которая еще не изменила, еще мирно живет со словом, я и хочу сказать Вам, дорогой, которого я любил той любовью, которою любят светлый талант, божье око и сердце божье, — прекрасно! Творите, вливайте тихое слово в проклятый грохот. Его не убьете, но жадной душе дадите. И даете многое. И многое еще дадите. Только не бросайте русской жизни, — так она горько-прекрасна в Вас. Так Вы слышите и чувствуете ее. Открыта моя душа, и я говорю открыто. Какая тоска. И как я мало сделал, самого-то больного своего еще не успел сказать. Я еще и России не увидал, как надо».

Рус. лит. 1980. № 1. С. 173–174.

Март, 3. Н.С.Ашукин пишет Бунину из Ярославля:

«...спешу послать Вам новую книгу своих стихов. Мне бы очень хотелось получить от Вас рецензию о них. Мнение Ваше мне всегда было дорого и ценно, и я всегда вспоминаю ту доброжелательность, которую находил в Вас ко мне и к моим стихам».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 54.

Речь идет о книге Н.С.Ашукина «Скитания. Вторая книга стихов (1913–1915 гг.)» (М., 1916).

Февраль, 25...Март, 3. Выходит 2-е издание 5-го сборника «Слово» (М., 1916), в котором печатается рассказ «Господин из Сан-Франциско».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март, 6. И.М.Василевский пишет Бунину на бланке «Журнала журналов»:

«Позвольте обратиться к Вам с сердечной просьбой: не согласитесь ли прислать для помещения в журнале Ваш портрет, по возможности последний <...> и какой-либо отрывок из новейших Ваших произведений для отдела “Будущие новинки”.

Если б Вы знали какой радостью явилось бы для меня и для всех моих товарищей по журналу Ваше согласие прислать хотя бы небольшую статью или заметку к Пасхальному №-у. Вы, Иван Алексеевич, очень помогли бы этим постройке независимого и влюбленного в литературу журнала».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 280.

В 1916 г. Бунин в «Журнале журналов» не печатался.

Март, 7. Получив 2-е издание 5-го сборника «Слово», Бунин пишет Н.С.Клестову:

«Вы повергли меня в истинное отчаяние! Какой это варвар наставил в “Госп<одине> из С<ан->Фр<анциско>” точек с запятыми вместо моих запятых? И допустимо ли такое обращение с писателем, с музыкой его стиля в книгоиздательстве *писателей*!»

Письма (*2*). С. 361.

Извиняясь за поздний ответ, Бунин пишет И.И.Морозову:

«Рукопись Вашу прочел (и уже отправил Вам ее), судя по ней, могу твердо сказать, что человек Вы талантливый, но помочь пристроить ее в какое-либо издательство затрудняюсь: Вы хорошо знаете, как неохотно берут издатели стихи, а в такое время, как теперь, надеяться на удачу в таком деле почти невозможно. Все же желаю Вам успеха и жму Вашу руку».

Письма (*2*). С. 361.

Сборник стихов И.И.Морозова «Красный звон» (с предисловием С.Д.Дрожжина) вышел в свет в Москве между 21 и 28 июня 1916 г. (время выхода книги определено по: *Книжная летопись*). См. также: 12 ноября 1916, вторая запись.

Бунин благодарит в письме А.С.Черемнова за приглашение приехать в гости и пишет, что не может им воспользоваться сейчас:

«...я надеюсь навестить Вас в апреле, по пути на юг из Петербурга, где я должен быть апреля 13-го, на вечере, затеваемом в мою честь и славу. <...> Мы тоже сидим <...> в деревне — выезжали в Москву только на ноябрь и декабрь, — и чувствовали себя порою и прескверно и прескучно: поистине проклятое время наступило, даже и убежать некуда, а уж обо всем прочем и говорить нечего.

Мрачен я стал адски, пишу мало, а что и пишу, то не с прежними чувствами...».

Письма (*2*). С. 361–362.

См.: 13 апреля 1916, первая запись.

Март, 8. В томской газете «Сибирская жизнь» (№ 53. С. 2) в рубрике «Новые книги и журналы» публикуется заметка «Среди журналов». Подпись: Б-в.

Обозреватель пишет: «С понятным интересом останавливаешься на январской книжке нового журнала “Летопись”, издаваемого при ближайшем участии М.Горького. <...>

Первое впечатление от беллетристики “Летописи” таково, что тенденциозному обозревателю, ставящему во главу угла своего зрения радужные упования — во что бы то ни стало, будет, пожалуй, не по себе. <...>

Суровы страницы беллетристов из “Летописи”. Тяжела, мрачна русская жизнь, ими поднятая. <...>

Чего же хотят “летописцы”? Своевременны ли ныне обличения? <...> Даже Ив.Бунин на страницах “Летописи” печален и печален и жесток, как никогда. Это он поет в своих “Скоморохах”:

“Веселые скоморохи,
Люди сметливые!
<...>
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!”

<...> Критик из “Летописи” г. Тальников, разбирая в первой книжке журнала посвященные народу, деревне произведения Чехова, Бунина, Подъячева и Вольнова, ищет пути европеизации Руси, вовлечения деревни “в общую жизнь человечества”. <...> Он зовет молодую культурную Русь к борьбе со старою Русью, во имя великих задач родины. И беллетристы журнала выявляют перед нами то, с чем бороться следует».

Март, 1...9. Бунин пишет Ю.Пантелеевой, соглашаясь прочесть ее стихи.

Письмо неизвестно. См.: 14 марта 1916, первая запись.

Границы события определены по письмам Ю.Пантелеевой. См.: 24 февраля 1916, вторая запись; 14 марта 1916, первая запись.

Бунин пишет А.М.Федорову.

Письмо неизвестно. См.: 14 марта 1916, вторая запись.

Март, 10. Получив телеграмму Н.Д.Телешова, Бунин пишет ему:

«*На твое предложение не согласен* — выступать в сборнике с 48 строками — *позор. Вели разобрать, если набрали.* Согласен появиться в сборнике только в том случае, если согласишься (вернее — если можно) уместить девять стих<отворений>: “Мулы”, “Миньона”, “Дурман”, “Княжна”, “Райское Древо”, “Сон”, “Зеркало”, “Псалтырь” и “Гробница Вергилия” (выкинуть, значит, — “Эллада”, “На исходе” и “Сон епископа”): *уничтожь шмуц-титул и печатай стихи сплошь, подряд, как прозу*».

Письма (*2*). С. 362.

См.: 12 марта 1916, первая запись.

Отвечая на неизвестное письмо Л.Б.Яффе, Бунин пишет ему:

«При всем моем искреннем желании исполнить Вашу просьбу и почтить Х.Н.Бялика, коего я считаю настоящим поэтом, что так чрезвычайно редко, ничего не могу написать о нем, ибо все-таки знаю его только по переводам Жаботинского. Окажите любезность, сообщите, когда именно его юбилей и куда направить приветственную депешу».

Письма (*2*). С. 362–363.

Имеются в виду книги Х.Н.Бялика в переводе В.Е.Жаботинского: «Сказание о погроме. Поэма» (Одесса, 1906); «Песни и поэмы» (СПб., 1911).

Март, 11. С.С.Юшкевич пишет Бунину из Одессы:

«Я написал небольшой рассказ из еврейской жизни “Ойнис и его жена” <...> для одного из московских сборников товарищества, разумеется, если он подойдет. <...> Куда Вам послать — не знаю. <...> Петр <Нилус> мне говорил, что давно от Вас не имел известий».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3210/2 оф.

В петроградской газете «Новое время» (№ 14371. С. 5) помещается статья В.П.Буренина «Критические очерки. Перлы и алмазы стихотворства-модерн».

Критик отмечает: «Развернул “Летопись” <...>. Смотрю: на первых же страницах стихи г. Бунина. Если не ошибаюсь, этот певец считается одним из первых светил современной поэзии. Он даже признан почетным академиком за свое стихотворство. Кажется, он издал тома два, коли не три своих вдохновений. Кажется, находится уже в достаточно почтенном возрасте, когда стыдно уподобляться разным юным певцам — предлагать читателям всякий рифмованный вздор, какой им придет в голову. Кажется, он это понимает и даже с некоторой торжественной серьезностью относится вообще к так называемой словесности. По крайней мере, такое заключение можно сделать из первого же его стихотворного плода, красующегося в “Летописи”. Плод этот называется “Слово”. <Далее приводится текст стихотворения>.

Нельзя сказать, чтобы новую мысль изрекал в своем “Слове” г. почетный академик и нельзя сказать, чтобы очень точную и отчетливую. <...> Но пусть и так, пусть, по мнению академика, только “слово” звучит “на мировом погосте”, пусть у нас “нет иного достоянья”. Все-таки, почему мы должны беречь “письмена” “в дни злобы и страданья”, да еще беречь как-то условно, “хоть в меру сил”? <...> Впрочем, пусть и в этом пункте наш академик остается при своей мало основательной мысли. Но вот что уж совсем с его стороны не ладно: он высказал довольно “темно и вяло” свое великое уважение к слову и совет его беречь, тотчас вслед за этим преподносит такие стихотворные “письмена”, что не только для академика почетного, но даже для начинающего певца они плохи. И забавнее всего вот что: сам упражняясь в плохих стихах, г. Бунин обращается в них с наставлением “к поэту”, учит, как надо ценить занятие поэзией! Вот наставления почетного академика во всей их педантической банальности: <далее цитируется стихотворение “Поэту”>. Рифмованные строки его “письмен”, правда, достаточно холодны, но, увы, не только не чисты, а даже совсем мутны. <...> Ведь, право, это курьезный “образ” — поэт, туго привязывающий веревку к веревке бадьи своего вдохновения.

Еще курьезнее “символический ” образ раба, ищущего во тьме при свете грошовой свечи алмаз по пыльным дорогам. <...> Но... но ведь в ином случае г. академик Бунин, изливающий из глубокого колодца своей души практические наставления другим поэтам, сам не очень-то туго привязывает веревку одной строки своего стихотворения к другой. Пожалуй, иной юный поэт, так плохо называемый академиком, вздумает дать и со своей стороны г. Бунину краткое назидание хотя бы вот в таком роде:

Знай, Бунин, трухою подобных стишков,
Возможно наполнить хоть десять мешков.

Обе приведенные поэмы г. Бунина только плохи. Но вот еще третья: это уже не то что плоха, но прямо бессмысленна. <Далее приводится текст стихотворения “Шестикрылый”>.

Можно ли понять что-нибудь в этих восьми рифмованных строчках? <...> Что значит сей сон, г. академик? Я просил моего друга, графа Алексиса Жасминова, разъяснить мне это. Граф выразил такую догадку: академик, очевидно, не закончил своего стихотворения. Надо было прибавить еще следующие строки:

Но образ Бунина Ивана
Ты в наши времена “узрел” —
И, отвратясь от стихомана,
Вдруг из собора улетел!..

При таком добавлении, по крайней мере, было бы понятно, что “шестикрылый”, смутившийся первым Иваном, юродствовавшим в старом стиле на почве ханжества, не вынес второго Ивана, стремящегося к юродствованию в новом стиле на почве стихотворчества, и предпочел скрыться с земли на небеса. <...>

Да извинит меня почетный академик, но я нахожу также некоторое поэтическое юродство и еще в двух плодах его музы, красующихся в других книгах “Летописи”. Оба плода оказываются написанными “без рифм”. <...> Но без рифм-то уж, кажется, не трудно сочинить нечто хоть мало-мальски осмысленное. Но позвольте спросить, какой смысл вот в нижеследующей пьесе, озаглавленной “Молодой король”? <...> Только ради чего же сочинять на такой сюжет около полусотни строк “без рифм”? Право, это для поэта, да еще возведенного в сан почетного академика, как будто немножко стыдно, а пожалуй даже — простите за резкое слово — глупо.

Следующий безрифменный плод бунинской музы еще более курьезен. Боярин призывает плясать “веселых скоморохов”. <...>

По поводу новых вдохновений г. Бунина припоминаются слова покойного великого князя Константина Константиновича, сказанные им мне года два спустя после того, как г. Бунин причислен был к сонму российских “бессмертных”: “Вот с тех пор, как сделали Бунина почетным академиком, он стал писать стихи все хуже и хуже”. Что сказал бы теперь о новых плодах музы академика покойный поэт, который был снисходительнейшим и добрейшим из критиков».

Переходя к разбору поэзии Вяч.Иванова, критик пишет: «Если модерн-поэзия г. Бунина изумительна по феноменальной вздорности, то поэзия г. Вячеслава Иванова приводит в изумление феноменальной сумбурностью».

Март, 12. Бунин вновь пишет Н.Д.Телешову по поводу публикации своих стихотворений в 6-м сборнике «Слово»:

«Дорогой друг, 10-го, получив твою депешу, написал тебе сгоряча, не совсем то, что следовало. Если еще не поздно, пошли к черту всю эту затею, не ставь, ради Бога, ни единой моей строки в сборник — прошу об этом горячо и твердо. Печатать без титула, лепить стихотворение на стихотворение — нет, это безобразно и глупо. А прицепить к сборнику 48 строчек... Надеюсь, что ты не сделал этого, я тебе писал ведь, что на это не пойду.

Во всяком случае будь добр немедленно сообщить мне результаты всей этой чепухи. Мне дорог каждый день, очень ждут от меня в других местах».

Письма (*2*). С. 363.

Стихотворения Бунина в 6-м сборнике «Слово» не печатались.

Бунин пишет И.С.Шмелеву:

«Дорогой друг, истинно братски обнимаю Вас за Ваше письмо, очень благодарю и не умею сказать, как желаю Вам крепости, счастья, работы. Очень тронут — и опечален, хотя хочется верить и верю, что Бог сохранит Вас. Очень понимаю Вас, так как и сам не запомню столь тяжелого для моей души года, как последний. Но что же! — надо жить, крепиться — говорю эту старую фразу сознательно и искренно. Простите столь короткое письмо, я никогда не умел писать писем, а сейчас особенно — нынешнюю зиму я иногда не <в> состоянии написать пяти строк путных. В апреле надеюсь быть в Москве и видеть Вас и говорить с Вами».

Письма (*2*). С. 363.

Март, 14. Ю.Пантелеева пишет Бунину из Одессы:

«Очень благодарна за ответ и внимание, с каким Вы отнеслись к моей просьбе. С нетерпением жду конца апреля».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3120/2 оф.

А.М.Федоров пишет Бунину из Одессы:

«Ужасно обрадовался твоему письму, милый Иван Алексеевич. Каждый день вспоминаю тебя с нежностью и с мыслями, почему ты не в Одессе». Сообщает, что у Нади Ковалевской умер отец, и она продала дачу, в связи с чем спрашивает: «что делать с твоими вещами». «Отзовись по-настоящему, приезжай. До мая можешь остановиться с Верой Николаевной у меня».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 106.

Март, 17. Бунин вспоминает отца — А.Н.Бунина; на прогулке говорит с В.Н.Муромцевой о литературе.

В дневнике он пишет: «Нынче именины отца. Уже десять лет в могиле в Грунине — одинокий, всеми забытый, на мужицком кладбище! И уж не найти теперь этой могилы — давно скотина столкла. Как несказанно страшна жизнь! А мы все живем — и ничего себе!

<...> До одиннадцати ходили по двору, от крыльца до скотного двора. Говорили о Тургеневе. Я вспомнил, как Горький басил про него со своей лошадиной высоты: "Парное молоко!" Я говорил еще, что Пушкин молодым писателям нравственно вреден. Его легкое отношение к жизни безбожно. Один Толстой должен быть учителем во всем».

СС (*2*). Т. 7. С. 383–384.

Март, 10...17. Выходит 2-е издание (дополненное) литературного сборника «Щит» (М., 1916), в котором (с. 47–51) печатаются стихотворения «День гнева. Апокалипсис, 6» («...И Агнец снял четвертую печать...»), «Тора» («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), «Гробница Рахили» («И умерла, и схоронил Иаков...»), «София, про-

снувшись, заплетала ловкой...», «Столп огненный» («В пустыне долго, долго мы блуждали...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март, до 18. Выходит № 2 петроградского журнала «Современный мир», в котором помещаются произведение Бунина и материалы о нем:

– стихотворение «Заклинание» («Из тонкогорлого фиала...») (с. 22).

— стихотворение А.М.Федорова «Ив.Бунину» («Мне нынче вспомнился недаром...») (с. 51–52).

— статья Е.Н.Чирикова «При свете здравого смысла» по поводу статьи Д.Л.Тальникова «При свете культуры» (отд. II, с. 85–111).

Критик пишет: «Для освещения русской деревни и ее обитателя, мужика, составляющего две трети всего народа русского, г. Тальников избирает четырех авторов совершенно различного бытия, а потому и различного сознания: гг. Чехова, Бунина, Подъячева и Вольного, и при этом берет их не целиком, а в некоторой части, нужной ему в каких-то заранее поставленных себе целях. <...> Чтобы добавить к ним хотя такого знатока мужицкой жизни, быта и психологии, как великий писатель земли русской Лев Толстой? Прихватив писателя из крестьян Семенова, остановиться на поэтах из мужиков <...>, а тем более на произведениях самого М.Горького, наконец, не игнорировав такого писателя, как Шмелев? <...> Честный добросовестный критик, не боящийся прийти к правдивым, а не предвзятым выводам, так бы именно и обязан был сделать. <...>

“Летопись” заставила молодого критика сделать большую лоханку из Чехова и Бунина, наполнить ее дегтем подобранных специально для сего случая цитат, подлить злорадостной “отсебятинки” и, взяв помело вместо пера, измазать с головы до ног безответного пока русского мужика! <...>

“Бунина часто обвиняют в барском пессимизме” — осторожненько бросает г. Тальников, после того как выскоблил все из произведений этого писателя для своих целей. Однако на этом дело и кончается. Критику не выгодно рассматривать этот вопрос, и он оставляет его без рассмотрения. <...> Но г. Тальникову следовало бы принять во внимание, что г. Бунин – потомок дворянства, занимавшего определенную позицию в рабовладельческой России, имевшего отличное от рабов сознание, определявшее бытие обеих сторон. Г. Тальникову следовало бы сказать, что в этом бытии было слишком много данных, чтобы сделаться по отношению друг к другу пессимистами; следовало бы вспомнить, что и ныне г. Бунин живет в своей родовой усадьбе на положении помещика-барина, и здесь он делает свои наблюдения над деревней и мужиками. <...>

Мы допускаем, что большой художник, каким несомненно нужно признать г. Бунина, способен встать выше классовой точки зрения. Бунин художник ярких красочных пятен жизни. <...> Как впечатлительному и наблюдательному художнику, Бунину лезут в глаза именно эти красочные пятна-контрасты и на них он останавливается. Пятна отрицательного характера, конечно, сильнее режут глаза, поэтому и на полотне художника их больше. Отсюда все эти Иоанны Рыдальцы, бессмысленные убийцы, Шаши, Ермилы, все эти монстры деревни. Но немало у Бунина и

положительных ярких пятен. Но зачем г. Тальникову что-нибудь положительное! Г. Тальников не придает им никакого значения, упоминает мимоходом и не приводит никаких выдержек. <...>

Так хочется г. Тальникову. Это прибавляет ему дегтя и дает более прав прийти к одному нужному выводу:

Деревня — вся Русь, а между тем мужик — животное, ленивое, пьяное, воровское, пещерное, идиотское, страшное для европейской культуры, а следовательно, такова и вся Русь. Азия и больше ничего».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (18 марта (№ 64). С. 1).

См.: до 4 февраля 1916.

Март, 18. Бунин заканчивает рассказ «Казимир Станиславович». Авторская дата: «18 марта 1916 г. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 46–47.

См.: до 4 июня 1916.

Март, 19. Бунин посылает А.М.Горькому для журнала «Летопись» рассказ «Казимир Станиславович» и стихотворения «Мулы» («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»), «Миньона» («В горах, от снега побелевших...»), «Дурман» («Дурману девочка наелась...»), «Княжна» («В ризы черные одели...»), «Райское Древо» («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), «Сон» («По снежной поляне...»), «Зеркало» («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»), «Псалтирь» («Бледно-синий загадочный лик...»), «У гробницы Виргилия» («Дикий лавр, и плющ, и розы...»), «Эллада» («Меж островов Архипелага...») и пишет ему в сопроводительном письме:

«...ничего не могу послать Вам, кроме очень небольшой вещицы (“Казимира Станиславовича”, при сем прилагаемого). <...> Рукопись ужасна, — не на чем переписать, машинка испортилась, — страшно боюсь, что местами неразборчиво и типография наврет. Но что же делать! Посылаю и пук стихов — выберите, *сколько* и *что* Вам угодно, и будьте добры, *поскорее* сообщите, *что именно* возьмете.

Простите, дорогой и милый друг, ради Бога, простите, что не ответил на Ваше первое февральское письмо, горячо меня тронувшее и обрадовавшее новым доказательством Вашего расположения ко мне, столь ценного для меня. Просто не знал, что ответить!»

Письма (2). С. 363–364.

См.: 24 февраля 1916, первая запись.

Март, 20. Бунин пишет рассказ «Песня о гоце». Авторская дата: «20.III.1916. Глотово».

.ОГЛМТ, ф. 14, № 791/1-2 оф.
РАЛ, MS. 1066/229.

См.: 10 апреля 1916, первая запись.

Январь...Март, середина. Бунин заканчивает рассказ «Сын». Авторская дата: «1916».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 86–101.

Границы события определены по авторской дате и времени посылки рассказа Я.Л.Сакеру. См.: конец марта 1916, вторая запись.

См.: 15...20 апреля 1916.

Бунин пишет рассказ «Легкое дыхание». Авторская дата: «1916».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 64–72.

Границы события определены по авторской дате и времени посылки рассказа Ф.И.Благову. См.: 28 марта 1916, первая запись.

См.: 10 апреля 1916, вторая запись.

Март, 21. На прогулке Бунин говорит о Л.Н.Андрееве; читает прессу и возмущается статьей Е.Н.Чирикова «При свете здравого смысла».

В дневнике он пишет: «Вечером гуляли по задворкам, возле кладбища. <...>

Говорили об Андрееве. Все-таки это единственный из современных писателей, к кому меня влечет, чью всякую вещь я тотчас же читаю. В жизни бывает порой очень приятен. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. Все схватывает с полуслова, ловит малейшую шутку — полная противоположность Горькому. Шарлатанит, ошарашивает публику, но талант. Впрочем, м. б., и хуже — м. б., и самому кажется, что он пишет что-то великое, высокое. А пишет лучше всего тогда, когда пишет о своей молодости, о том, что было пережито.

Дома нашли газеты и “Современный мир”. Задирчивая статья Чирикова о Тальникове — Чириков “верит в русский народ!” В газетах та же ложь — восхваление доблестей русского народа, его способностей к организации. Все это очень взволновало. “Народ, народ!” А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительно несчастного народа?»

СС (*2*). Т. 7. С. 384.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике слова Бунина по поводу статьи Е.Н.Чирикова: «Ив.Алекс. статьей Чирикова и газетами так взволнован, что до поздней ночи, уже сидя и ежеминутно куря в постели, говорил:

— Нет, с какой стати он так его оскорбляет! Кто дал ему на это право? Ах уж эти русские интеллигенты, этот ненавистный мне тип! Все эти Короленки, Чириковы, Златовратские! Все эти защитники народа, о котором они понятия не имеют, о котором слова не дают сказать. <...> Народ сам создает правительство, и нечего все валить на самодержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет! Ведь вот газеты! До какой степени они изолгались перед русским обществом. И все это делает русская интеллигенция. А попробуйте что-нибудь сказать о недостатках ее! <...> Все подлые фразы! откуда-то создалось совершенно неверное представление о организаторских способностях русского народа. А между тем нигде в мире нет такой безорганизации! Такой другой страны нет на земном шаре! Каждый живет только для себя».

СС (*2*). Т. 7. С. 384–385.

См.: до 18 марта 1916.

Март, 23. Бунин сочиняет стихотворение «Да исполнятся сроки» (Х.Н.Бялику) («Почто, о Боже, столько лет...») в связи с 25-летним юбилеем литературной деятельности Х.Н.Бялика и посылает его Л.Б.Яффе. Авторская дата: «23.III.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 42.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 3.

См.: 3 апреля 1916.

В сопроводительном письме к Л.Б.Яффе он пишет:

«Посылаю Вам для юбил<ейного> № стихотворение. Прикажите его переписать для печати, а оригинал будьте добры передать Х.Н.Бялику».

Письма (*2*). С. 364.

Бунин пишет Н.Д.Телешову:

«Дорогой друг, и верить не хочу, что ты серьезно отказываешься от редактир<ования> сборников! Только опять заклинаю: не губите себя, не докучайте публике, не выпускайте 7-го сб<орника “Слово”> раньше осени. <...> “Младость” Андреева очаровательна».

Письма (*2*). С. 364.

Пьеса Л.Н.Андреева «Младость» была напечатана в 6-м сборнике «Слово» (М., 1916).

А.М.Горький пишет Бунину:

«Дорогой друг,

сердечно благодарю Вас за помощь и внимание. Очень жалеем, что рассказ опоздал на апрель, — вся беллетристика апреля уже набрана, мы хотели бы выпустить книгу до Пасхи. Стихи взяты все, за исключением “Княжны” и “Миньоны”, т.е. двух стихотворений.

Вы ничего не имеете против?»

Горький. ПСС. Т. 12. С. 38.

В 1916 г. Пасха праздновалась 10 апреля.

И.С.Шмелев в ответном письме Бунину сообщает, что его освободили от воинского призыва по состоянию здоровья и пишет:

«И Вас, дорогой, хочется читать, читать... Вы не поверите, как велико всегда для меня наслаждение прикасаться к святой чистоте искусства! Ну, да Вы же знаете эту радость.

Сердечно благодарю за душевное, славное письмо Ваше. Оно влило бодрость в меня и умягчило мою скорбь. А пережил я немало.

<...> А как я соскучился, так долго не видя Вас. Вы в Москве — и будто все на месте, и литература будто у себя дома и работает. Нет Вас — что-то не то. Истинно так. Я говорю это — и это чувствую. С Вами радостно и спокойно как-то. Крепко Ваш Ив.Шмелев».

Рус. лит. 1980. № 1. С. 174–175.

Л.Н.Андреев пишет И.С.Шмелеву:

«Люблю Москву, но люблю и Рим, и без Рима мне труднее прожить, чем без Москвы; люблю Орловскую губ<ернию> и Волгу, но люблю и Норвегию — и все, что есть жизнь. Я и немца, подлеца, временами люблю. И в литературе: люблю Вас — и Блока, и Сологуба (не всего) и Ваничку Бунина (не всего)».

ЛН. Т. 92, кн. 4. С. 253.

Март, 25. Бунин читает пьесы А.Вознесенского «Актриса Ларина», А.П.Чехова «Дядя Ваня».

В дневнике он пишет: «Пьеса А.Вознесенского “Актриса Ларина”. Я чуть не заплакал от бессильной злобы. Конец русской литературе! Как и кому теперь докажешь, что этого безграмотного удавить мало! <...> О, Боже мой, Боже мой! За что Ты оставил Россию!

<...> Перечитал “Дядю Ваню” Чехова. В общем, плохо. Читателю на трагедию этого дяди, в сущности, наплевать».

СС (*2*). Т. 7. С. 386.

В.Исаков пишет Бунину:

«Многоуважаемый Учитель!

Посылаю Вам свои произведения и прошу оказать содействие выступить с ними где-либо в издающихся альманахах».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3044 оф.

На обороте рукопись рассказа «Отступление из разоренной Сербии».

Март, 26. Бунин присутствует на собрании крестьян.

В дневнике он отмечает: «После обеда были на Казаковке, на мужицкой сходке. Изба полна. За столом несколько замечательных лиц. <...> Очень хорош, как всегда для меня, запах полушубков».

СС (*2*). Т. 7. С. 386.

Март, до 27. Выходит № 3 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 5–6) публикуются стихотворения «Святой Прокопий» («Бысть некая зима...»), «Князь Всеслав» («Князь Всеслав в железы был закован...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (27 марта (№ 71). С. 1).

Март, 28. Бунин посылает Ф.И.Благову рассказ «Легкое дыхание» и просит в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам небольшой рассказ и чрезвычайно прошу о самом строгом воспроизведении подлинника, — пора гг. корректорам знать, что иногда одна запятая нарушает всю музыку и повергает автора в форменный недуг».

Письма (*2*). С. 364.

См.: 10 апреля 1916, вторая запись.

Бунин сообщает в письме Н.С.Клестову:

«...надеюсь быть 10 апр. в Москве, — тогда и потолкуем о делах».

Письма (*2*). С. 365.

Март, 30. Бунин читает журнал «Современный мир».

В дневнике он отмечает: «Роман Григорьевой в “Совр. мире”. Ее героиня, “легкая, воздушная”, “затесалась в толпу...”. Кончена русская литература!»

СС (*2*). Т. 7. С. 387.

Имеется в виду, очевидно, роман В.Письменной «Моему сыну» (Современный мир. 1916. № 3. С. 3–72; № 4. С. 3–89).

Март, конец. Бунин посылает Х.Н.Бялику телеграмму, поздравляя его с 25-летним юбилеем литературной деятельности:

«Приветствую юбиляра».

Письма (*2*). С. 365.

См.: 3 апреля 1916.

Бунин посылает Я.Л.Сакеру для журнала «Северные записки» рассказ «Сын».

См.: 2 апреля 1916, вторая запись.

Выходит № 3 московского журнала «Русская мысль», в котором (с. 82–95) печатается статья Е.Колтоновской «Сон или умирание?».

Критик, в частности, пишет о 5-м сборнике «Слово»: «Характерно, что другой талантливый участник “Слова”, тоже, подобно Зайцеву, давно, если можно так выразиться, специализировавшийся на определенных настроениях — скептицизм и критицизм по отношению к старой России — сейчас оставил свою язвительную тему о вырождающемся мужике и чахлом дворянине. Недаром Бунин отчасти воспитанник старой школы. Чутье реального в нем очень сильно: он чувствует, что его “правда” о русском человеке в данный общественный момент — правда вчерашнего дня, которая никому не нужна; и он предпочитает молчание... Тема нового мастерского рассказа Бунина общечеловеческая, вечная, а трактовка ее широкая и современная. Более чем когда-либо, здесь Бунин в своем отчетливом сжатом реализме возвышается до символики. Его безымянный богач, “господин из Сан-Франциско”, с помпой, среди людского пресмыкательства, совершавший на блестящем пароходе путешествие в Старый Свет, а затем, после фатальной скоропостижной смерти, подвергшийся суровым гонениям, — яркий символ современной цивилизации, да, пожалуй, и вообще всякой суеты сует человеческого существования».

Март. В петроградском журнале «Вестник Европы» (№ 3. С. 44) печатается стихотворение «Людмила» («На западе весною под вечер тучи сини...»).

Апрель, до 2. Выходит № 2 петроградского журнала «Северные записки», в котором (с. 5–6) публикуется стихотворение «Малайская песня» («Чернеет зыбкий горизонт...»).

Там же (с. 155–156) помещается рецензия А.Гвоздева «Литературная летопись. “Слово”. Сборник V».

Рецензент, в частности, пишет: «В отличие от мягких полутонов повествования Б.Зайцева <рассказ “Маша”>, рассказ Ивана Бунина “Господин из Сан-Франциско” кажется жестоким и мужественно-суровым. За ним чувствуется художник, смело и открыто вглядывающийся в трагические контрасты жизни, художник, переживающий до конца драму житейских противоречий. <...> Мощным контрастом показал Бунин непримиримые противоречия, заключенные в жизни людей, с головокружительной быстротой усовершенствующих все механическое и поклоняющихся новому кумиру — “технике”. <...> Последние аккорды жестокой симфонии И.Бунина звучат истинно трагическим пафосом: <...>.

Корабль Ив.Бунина — величавое и страшное видение. Чудовище, живущее огненной жизнью и поглощающее душу человеческую. Трудно передать силу того

впечатления, которое производит это творение И.Бунина, замечательно умело подготовившего читателя к восприятию символической заключительной картины. Символ вырастает здесь из страшно конкретного, реального описания, почти незаметно, с чрезвычайной убедительностью. Интеллектуальность замысла скрыта в тысяче деталей, в стремительной смене жутких образов, творчество И.Бунина кажется вполне объективным, строгим и законченным».

Граница события определена по письму Я.Л.Сакера (см.: 2 апреля 1916, вторая запись) и по объявлению в газете «Русские ведомости» (6 апреля (№ 79). С. 8).

Апрель, 2. Бунин читает статью Ф.Сологуба «Преображение жизни».

В дневнике он пишет: «Фельетон Сологуба: “Преображение жизни”. Надо преображать жизнь, и делать это должны поэты, а так как Сологуб тоже причисляет себя к поэтам, то и он преображает, пиша. А писал он всегда о гнусностях, о гадких мальчиках, о вождении к ним. Ах, сукины дети, преобразители».

СС (2). Т. 7. С. 387.

Редактор журнала «Северные записки» Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петрограда:

«За Ваш чудесный рассказ “Сын” шлю Вам благодарность, — чтение его доставило истинное наслаждение. Идет он в мартовской книге, которая выйдет только между 15–20 апр. Февральская вышла на днях, с сильным опозданием по вине типографии — не было рабочих, набирали очень медленно. <...> Перехожу в другую типографию, хотя теперь всюду плохо.

В этом году хотелось бы получить еще Ваш рассказ — для октября, ноября, декабря. Можно ли рассчитывать?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3134 оф.

Апрель, 3. В московской газете «Еврейская жизнь» (№ 14/15) публикуются тексты Бунина:

— стихотворение «Да исполнятся сроки» («— Почто, о Боже, столько лет...»), посвященное Х.Н.Бялику по случаю 25-летнего юбилея его литературной деятельности (с. 14);

— приветственная телеграмма, посланная Х.Н.Бялику в связи с его юбилеем (с. 43).

Апрель, 4. С.К.Линцер пишет Бунину из Москвы на бланке «Московского бюро печати»:

«Одновременно с сим письмом посылаю перевод на 206 р. 25 коп. — гонорар за присланный Вами рассказ “Песня о гоце”. <...> Рассказ, как я Вам уже писал, отослан. Не замедлю выслать Вам как-нибудь №-р газеты, где он будет напечатан».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 293, л. 1.

См.: 10 апреля 1916, первая запись.

Апрель, до 6. Выходит литературный сборник «В помощь пленным русским воинам» (под ред. Н.В.Давыдова и Н.Д.Телешова. М., 1916), в котором (с. 19) помещается стихотворение «Кадильница» («В горах Сицилии, в монастыре забытом..»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (6 апр. (№ 79). С. 1).

Апрель, 7. Бунин пишет стихотворения:

— «Абрикосы» («В помпейский серый день, в апреле...»). Авторская дата: «7.IV.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 48.

Ранняя редакция стихотворения «Nel mezzo del camin di nostra vita» («Дни близ Неаполя в апреле...»).

См.: Русские новости. Париж, 1947. 2 мая (№ 100). С. 6.

— «За Соловками» («Солнце полночное, тени лиловые...»). Авторская дата: «7.IV.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 46.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10. ед. хр. 3.

См.: до 15 октября 1916.

— «Молодость» («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»). Авторская дата: «7.IV.1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 44.

См.: до 15 октября 1916.

Апрель, 8. Бунин уезжает из Глотово в Москву.

СС (*2*). Т. 7. С. 388.

См.: 24 мая 1916.

Апрель, 10. Одновременно в новочеркасской газете «Донская жизнь» (№ 81. С. 2), газете «Орловский вестник» (№ 81. С. 2), пензенской газете «Чернозем» (№ 80. С. 2) печатается рассказ «Песня о гоце».

В московской газете «Русское слово» (№ 83. С. 3) помещается рассказ «Легкое дыхание».

Апрель, 4...10. Выходит № 15 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 5) публикуется статья А.И.Куприна «Вольная академия».

Рассказав легенду о железном кольце А.С.Пушкина, которое должно было бы переходить от одного писателя к другому в качестве определенного отличия или награды, А.Куприн выдвигает идею о создании «Вольной академии» и пишет: «А как было бы сказочно прекрасно, если бы оно <кольцо Пушкина> продолжало бы свое дальнейшее волшебное странствие. <...> И какой бы это был пример — чуть ли не единственный в мировой истории литературы! — эта Вольная Академия справедливости, теплой любви к своему призванию и к своему труду.

А ведь русская литература, — как бы ни уродовали, ни терзали и ни оскопляли ее всем известные обстоятельства, — всегда была подвижнической. И даже в самые тяжелые годины, которые лет через пятьдесят будут вызывать в наших потомках брезгливое и недоверчивое недоумение, как злобный кошмар, — все-таки она убедительно показала, как живуч, силен и плодороден оплеванный народ, который мог на своем черноземе взрастить Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Гаршина, Чехова, Короленко, Горького, Бунина».

См.: 25...30 апреля 1916.

Апрель, 12. Д.М.Городецкий пишет Бунину:

«Организуя, по поручению старейшего лондонского издательства Макмиллен и К° коллективную книгу *о России во время войны*, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли Вы возможным внести в этот сборник и свою писательскую лепту, хотя бы в виде вещи, уже появившейся в печати (за время войны), размером не более ⅓–½ печатного листа. <...>

Весь сбор с книги предназначается в распоряжение Гос. Думы на нужды беженцев. <...>

Рукописи необходимо отправить в Лондон не позже 17 апреля (последний срок)».

ОГЛМТ, ф. 14, №9302 оф.

О какой книге идет речь и выходила ли она в свет не установлено.

Апрель, 11 или 12. Бунин приезжает в Петроград.

См.: 13 апреля 1916.

Апрель, 13. В Петрограде в Александровском зале городской думы под председательством филолога профессора Ф.Ф.Зелинского проходит вечер, посвященный Бунину. С вступительным словом выступает П.С.Коган. Бунин читает рассказы «Песня о гоце» или «Братья», «Сын». Актеры Е.Д.Головинская, А.А.Голубев, Н.А.Нолле читают стихотворения поэта.

См. программу вечера (ОГЛМТ, ф. 14, № 5735 оф), вероятно, в программе были изменения, т.к. в отчетной заметке (см. ниже) о вечере упоминается рассказ «Сын», который в программе не значился.

В утреннем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 15495. С. 3) публикуется статья П.С.Когана «И.А.Бунин. (К сегодняшнему вечеру поэзии Бунина)».

Критик пишет: «Сегодня праздник для всех ценителей поэзии: перед петроградской публикой выступит один из самых правдивых и глубоких поэтов современности — И.А.Бунин.

Место его в литературе наших дней особое. Он не примкнул ни к одной из многочисленных поэтических школ, остался в стороне от широкого потока модернизма, но с первых шагов своей деятельности встретил признание в литературных кругах. <...> Бунин начал свою деятельность бесшумно, в противоположность большинству современных литературных карьер, и ему не приходится переживать той горечи, которую пережили многие поэты, начавшие, — по выражению Чехова, — “прямо с академии”. Его влияние растет с каждым годом вширь и вглубь. Он принадлежит к числу тех редких писателей, каждое произведение которого представляет шаг вперед по сравнению с предшествующим.

Красота его поэзии в великом чувстве меры, в гармоническом сочетании непосредственных порывов сердца и сдерживающих сил культуры и разума. <...>

Сегодня мне хотелось бы снова напомнить не раз уже высказанное мною о чарующих мотивах бунинской поэзии. Он поет о вечности, о небе, о красоте, о религии и Боге, о мечте, о любви, о родине, обо всем, о чем испокон веков поют поэты, а осо-

бенно поэты наших дней. Но он поет по-своему, и в этом своеобразном отношении к вековечным мотивам, в реальной трактовке их, его огромное значение.

Человечен характер его религии. <...> Его поэзия рассказывает не о Божестве, она воплощает страстную думу человечества о Божестве. <...>

Его Бог — высшее возможное для человека обобщение самых благородных стремлений нашей природы. Также человечны его “вечность” и его мечта, его чувство космоса и мировой гармонии. Его вечное не враждебно временному. Скорбные драмы нашего временного бытия дают те нити, из которых сплетает он свою поэму вечности. Единство и гармония мира — не чуждые миру запредельные силы, а великая земная возможность, следы которой он находит всюду, для претворения которой в реальность ему не нужна помощь непостижимых, потусторонних сил. Его мечта не занеслась над землею, не поднялась на такие высоты, с которых не видно земли, и где сама мечта становится бескровной и умирает, лишившись своего питающего источника. Она не противопоставляет себя земле, как силу вне ее рожденную, она охраняет связь с своей матерью. Вот почему его поэтические достижения не расходятся с достижениями разума, свободное вдохновение и обобщающая работа мысли сплетаются в невиданный узор в его поэзии. <...>

И также ясна и человечна его мистика. И он зовет фантазию, и призраки, и ночь, хранительницу тайны, и незримые силы, присутствие которых ощущают иные души, но он всегда разоблачает тайну их происхождения. Все эти слуги поэзии, в которых романтика усматривала таинственные существа, для него только свойства человеческой души. <...>

И природу он любит как источник настроений. Чудеса древней и средневековой мифологии отсутствуют в его поэзии. <...> Он даже не приближается к тютчевскому одухотворению природы. Он фактически точен в описаниях природы, он, с первого взгляда, чисто эпический поэт, а не лирик, но это обманчиво <...>.

Обманчивый характер его кажущейся холодности ярче всего сказывается в его отношении к России. <...> Но это <...> просто то же присущее Бунину отвращение к празднословию, к словам, конкретное содержание которых отсутствует в душе говорящего. Он никогда не удовольствуется словом для слова пока не наполнит его определенным содержанием. <...>

Если поэзия есть высшая форма познания природы и жизни, то поэзия Бунина — истинная поэзия. Свободнейший из поэтов, никогда не отдававший своего вдохновения на службу не только общественным направлениям, но и литературным школам, он стал, однако, важным фактором в деле прояснения общественного сознания. Его “Деревня” сделалась предметом ожесточенных споров. Его последнее прекрасное создание “Господин из Сан-Франциско” вызвало восторженные отзывы со стороны так называемой общественной критики. Думал ли Бунин, когда писал эту удивительную повесть, в которой ни словом не упомянуто о войне, — думал ли он, что прольет яркий свет на сущность разыгрывающейся мировой катастрофы, что даст символическую картину современной жизни и покажет в их взаимном сплетении три главные силы века: ликующее богатство, мощь человеческого гения, и беспросветный человеческий труд.

Такова уж сила истинного таланта. Талантливое не может не быть общественно важным».

Очевидно, материал этой статьи лег в основу вступительного слова П.С.Когана на вечере Бунина.

На той же странице «Биржевых ведомостей» в информационной заметке «Вечер И.А.Бунина» (без подписи) дается краткая программа предстоящего вечера.

В вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» (14 апр. (№ 15498). С. 3) в отчетной заметке «Вечер И.А.Бунина» (без подписи) сообщается: «Приезд поэта в нашу столицу собрал в Александровском зале городской думы множество почитателей его. На этом заседании, проходившем под председательством проф. Ф.Зелинского, И.А.Бунин впервые выступил перед петроградской публикой как чтец. Бунин оказался прекрасным декламатором в передаче своих двух рассказов; это мастерство не отвлекло, однако, внимание публики от Бунина-творца. Вот почему публика так единодушно аплодировала прив.-доц. Когану за вступительное слово о поэзии И.А. <...> Проф. Зелинский охарактеризовал Бунина как представителя чистой эволюции.

— Бунин, — говорит проф. Зелинский, — есть плод, созревший на редком дереве нашей литературы и определить место, которое Бунин занял в пантеоне русской литературы — трудно. Но когда здесь присутствует сам автор, нам не приходится заботиться об этом: он сам определит свое место.

Из двух рассказов, прочитанных Буниным, наибольший успех выпал на долю последнего в программе рассказа “Сын”. <Далее дается пересказ сюжета рассказа>.

Публика долго не отпускала талантливого поэта. От студентов он получил венок с надписью: “Поэту — спасибо от всех, кому дорог ваш талант”.

Множество стихотворений было прочитано артистками г-жами Головинской, Нолле и г. Голубевым. За поздним временем сам Бунин не мог удовлетворить настояний публики и прочитать свои стихотворения».

Апрель, 14. В вечернем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 15498. С. 3) публикуется интервью «И.А.Бунин о новой литературе». Подпись: С.Фрид.

«— За последний год, — говорит Бунин, — я работал значительно меньше, чем раньше. В мире происходит огромное событие, которое опрокинуло и опрокидывает все понятия о настоящей жизни. Я уверен, что мы ляжем в могилу с совершенно иными чувствами.

<...> Говоря о современной литературе, И.А.Бунин недоумевает по поводу обилия рассказов на военные темы.

— Пишутся ли эти рассказы, — говорит Бунин, — людьми, не побывавшими на фронте или даже активно участвовавшими в событиях, мне это кажется мало серьезным и совсем не художественным. Я понимаю, что можно оказаться насыщенным страшными впечатлениями и захотеть рассказать их, но ведь это будет крик души, а не художественное произведение. Ежели бы я был на войне, то я не мог бы сейчас откликнуться в литературе и воздержался бы от горячности первых минут. Больше того, — мне кажется, что даже рассказы из так называемой “жизни тыла” требуют также большой осторожности <...>. Рассуждая теоретически, я позволю себе высказать уве-

ренность, что происходящее отрезвит людей и многое изменит в их жизни к лучшему».

О новой пьесе Л.Н.Андреева «Младость» Бунин говорит:

«— Я считаю, что в этом произведении у Андреева замечаются новые шаги, вещь написана очень жизненно, свежо, с большой сдержанностью. Высказывать свои суждения о пьесах вообще я не специалист, ибо я — не театрал. Мне трудно бывать в театре, многое ранит меня, — как, например, театральные условности, надуманность, неискренность, и я бываю в театре весьма редко. <...>

Форма пьесы очень компактна, <...> и почти аналогична форме стиха. Меня очень привлекает драматическое искусство, и я, возможно, напишу пьесу, но напишу ее, не думая совершенно о сцене и о возможности постановки ее. Я, признаться, не особенный поклонник всяких выступлений с эстрады вообще, и когда мне приходится лично читать на вечерах, то я смотрю на это, как на весьма неприятное положение. Ведь публика ждет так называемых “высоких” слов, декламации, а все это мне чуждо, и мне кажется, что я не умею устанавливать связи между собою, как чтецом, и публикой. В интимном кругу друзей я читаю с удовольствием, но выступать вообще, на эстраде, не люблю...».

Апрель, 15. Бунин посылает А.С.Черемнову письмо из Петрограда.

Письмо неизвестно. См.: 24 мая 1916.

Апрель, 12...15. В Петрограде Бунин встречается с А.М.Горьким.

См.: 26 апреля 1916, первая запись.

Апрель, 16. В вечернем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 15502. С. 4) автор рубрики «Кинематограф» (подпись: Фри-Дик) сообщает:

«И.А.Бунин в беседе со мною не подтверждает сообщения московских газет о предоставлении им для кинематографа своих произведений.

— Я об этом узнаю позже всех, — говорит Бунин, — ко мне никто даже и не обращался с подобным предложением».

Апрель, 12...16. В редакции «Ежемесячного журнала литературы, искусства и общественной жизни» Бунин знакомится с молодым поэтом Л.Борисовым.

Л.Борисов вспоминает, что при этой встрече Бунин дал оценку его стихам: «У Пушкина учитесь точности. Он непогрешим для всех нас, и молодых и старых. Особенно для старых. Молодой ошибется, а потом поправится. У старого нет этого “потом”. <...> Бунин советовал почаще и побольше читать Пушкина, Льва Толстого и Тютчева.

— Описание пейзажей хороши у Чехова, — подумав, добавил он. — И еще: точность, неторопливость походки и своя интонация — вот что главное, запомните на всю жизнь. И, само собою, мысль. Одного чувства мало.

На мой вопрос, любит ли он Блока, я получил такой ответ:

— Блок очень, очень талантливый человек. Чрезвычайно талантлив и не по возрасту мудр. Рано все понял».

Нева. 1957. № 3. С. 192–193.

Апрель, 16...18. Бунин возвращается в Москву.

См.: 20 апреля 1916.

Апрель, 15...20. Выходит № 3 петроградского журнала «Северные записки», в котором (с. 5–15) помещается рассказ «Сын».

Границы события определены по письму Я.Л.Сакера. См.: 2 апреля 1916.

Апрель, 20. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказы «Казимир Станиславович» и «Аглая».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 27.

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 35.

Апрель, 21. Ю.И.Айхенвальд пишет Бунину:

«Вы понимаете, дорогой Иван Алексеевич, как отрадно было мне получить Ваш прекрасный дар и как глубоко я Вас за него благодарю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2972 оф.

Речь идет, вероятно, о 5-м сборнике «Слово».

В вечернем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 15512. С. 3) помещается статья «“Песня о гоце”. Новый рассказ Ивана Бунина». Без подписи.

Журналист сообщает: «На днях в одном из толстых журналов появится рассказ академика И.Бунина “Песня о гоце”». Далее дается пересказ с большими цитатами.

О каком журнале идет речь неизвестно. Рассказ «Песня о гоце» был опубликован ранее. См.: 10 апреля 1916, первая запись.

Апрель, 24. Бунин приезжает в Одессу.

Газета «Одесские новости» (25 апр. (№ 10045). С. 2) в рубрике «Одесская жизнь» сообщает: «Вчера в Одессу прибыл академик И.А.Бунин».

Апрель, 25. Бунин посылает М.Н.Климентовой-Муромцевой стихотворения и пишет в сопроводительном письме:

«Плохо представляю себе то издание, для коего они предназначаются, — посему не пеняйте, если они окажутся неподходящими к его тону».

Письма (2). С. 365.

Какие были посланы стихотворения, и для какого издания не установлено.

Апрель, 26. В газете «Одесские новости» (№ 10046. С. 3) публикуется интервью «У И.А.Бунина». Подпись: Аргус.

Бунин сообщает, что последние два года он «провел большею частью в Средней России. Был некоторое время в Москве, недавно заезжал на короткое время в Петроград, но больше жил в Орловской губ., в деревне. Какое настроение — вы знаете. И не обо всем напишешь. Деревня совсем опустела, деревня без людей. <...> Какие теперь новые литературные течения? Не то, что в прежнее время бывало, что ни зима, то два-три новых течения. С начала войны все ударились в военные темы. Потом, конечно, сбавили тон. События слишком грозные, их не так легко обнимешь. И сейчас в ходу военная литература, создающаяся, однако, ремесленным образом, больше литературными мастеровыми. В поэзии тоже ничего заметного».

О статье А.М.Горького «Две души» Бунин говорит: «...в этом явлении затронуты не литературные вопросы. “Две души” Горького интересны с точки зрения общественной, публицистической. <...> На мой взгляд, Горький не сказал ничего особенно резкого, ничего обидного и ничего такого, что прежде не говорилось. Горький призывал к активности, сказал, что у нас много этой восточной инертности. Будем деятельны... Что тут оскорбительного для русского народа? Или враждебного? Из обидевшихся литераторов некоторые наговорили многое, не относящееся к делу.

— А видали вы в последнее время Горького?

— Виделся с ним в Петрограде. У него хорошее, рабочее настроение. Увлечен “Летописью”, имеющей, очевидно, успех. Вообще, все, с кем приходилось говорить, довольны успехом журнала у публики. <...> Хорошо работает и наше московское книгоиздательство писателей. Очевидно, спрос на настоящую литературу есть.

— Вы много работали за эти два года?

— Работал. Написал одну большую вещь, несколько маленьких. Большая — по тону имеет отдаленное сходство с “Господином из Сан-Франциско”. Но, в общем, работал меньше. Война как-то подавляет. Живешь, в сущности, от утра до утра, от газет до газет. Одно постоянное ожидание чего стоит! Развернулось ведь нечто ужасное. Это первая страница из Библии. Дух Божий носился над землей, и земля была пуста и неустроенна. Это подавляет!.. И, кажется, что слово вообще не может дойти до человеческого сердца...».

Какое произведение обозначено «большой вещью» неясно.

В газете «Одесский листок» (№ 112. С. 2) помещается интервью «У академика Бунина». Подпись: Аз <О.Г.Зелюк>.

Бунин говорит о современной литературе: «В начале войны <...> многие из современных писателей кинулись творить на тему о войне, ее ужасах и переживаниях ее участников. Но из этого почти ничего не вышло. Получилась одна лирика, и то барабанная. Да это и понятно. Писать в тиши кабинета, далеко от поля брани, в глубоком тылу, и трудно, и, главное, не представляется возможным отразить те исключительные переживания, которые выпадают на долю участников нынешней титанической борьбы... Наиболее чуткие писатели-беллетристы поняли, что разыгравшиеся события, подавляющие своими чудовищными размерами, являются сейчас не совсем подходящими для обычного творчества, и вовремя бросили неблагодарный труд. Новое, сильное слово в этой плоскости сказать невозможно, гораздо удобнее, до поры до времени, воздержаться писать на темы о войне. Этого не хотят понять лишь немногие беллетристы, продолжающие чисто ремесленным путем “твердить” на темы о великой борьбе народов. Но с этими представителями современной литературы особенно считаться не приходится. Эти мастеровые от литературы в действительности далеки от истинного творчества».

По поводу статьи А.М.Горького «Две души» Бунин отвечает: «Но все это выступление лишь литературный эпизод. Выступление М.Горького надо рассматривать скорее как выступление социальное, общественное, публицистическое.

По существу этого выступления должен вам сказать, что у меня не осталось впечатления о враждебности, резкости или даже оскорбительности в отношении русского народа, как в этом выступлении хотели усмотреть некоторые. Центр тяжести выступления Горького был в призыве к активности, к деятельности...».

На вопрос о его творческой деятельности писатель отвечает: «Нельзя сказать, чтобы я очень-то много работал <...>. Война подавляет, как-то работается меньше. Живем от утра до утра, от газеты до газеты. Тяжело в такой обстановке заняться широким творчеством. Нет необходимой бодрости, нет нужного вдохновения...».

Псевдоним интервьюера раскрыт по: *Новые материалы* (*1*). С. 555.

Ю.Пантелеева пишет Бунину:

«Я узнала о Вашем приезде и, помня Ваше любезное приглашение повидаться с Вами и принести свои стихи — я прошу Вас сообщить мне, когда Вы сможете принять меня».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3120/1 оф.

Апрель, 25...30. Выходит № 18 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 8–9) публикуется статья Н.О.Лернера «Кольцо Пушкина. (По поводу статьи “Вольная академия” А.И.Куприна)».

Автор, в частности, пишет: «А.И.Куприну, видно, очень хочется быть академиком, хотя бы только “вольным”. Да и многим ли дают спокойно спать лавры И.А.Бунина, который дошел до того, что сам себя чествует, а других только честит?.. <...> С этими мечтами в воображении г. Куприна связана легенда о “железном кольце Пушкина”».

См.: 4...10 апреля 1916; 9...15 мая 1916.

Апрель. Выходит № 15–16 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 745–746) в рубрике «Из журнальных стихотворений» перепечатывается из журнала «Летопись» (№ 1 за 1915 г.) стихотворение «Поэту» («В глубоких колодцах вода холодна...»).

Выходит № 3 лондонского журнала «Russian review», в котором (p. 155–158) публикуется английский перевод рассказа Бунина «Илья Пророк» («Elijah, the Prophet»).

См.: *Антология*. С. 611.

Май, до 4. Выходит № 4 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 70–71) публикуются стихотворения «Святогор и Илья» («На гривастых конях, на косматых...»), «Песня» («Мне вечор, младой, скучен терем был!..»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 мая (№ 102). С. 2).

Май, 9. В.Микулина пишет Бунину:

«Я получила известие, что отец <...> будет очень счастлив увидеть Вас и лично попросить Вас нас посетить в деревне. <...> Я все думаю о той чудесной ясности Ваших мыслей и о той яркости, с которой Вы их передаете, я не знаю, можно ли это у себя выработать или это должно быть рожденное. Я надеюсь, что мы с Вами еще много поговорим, можно?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3090 оф.

Май, 10. Бунин пишет стихотворение «Гаданье» («Гадать? Ну что же, я послушна...»). Авторская дата: «10.V.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 2.

См.: Русская газета. Париж, 1924. 14 декабря (№ 199). С. 3.

В Москве выходит однодневная газета «Труд вновь даст тебе жизнь и счастье», в которой (с. 2) печатается стихотворение «Песня» («Там не светит солнце, не бывает ночи...»).

Газета выпущена обществом «Трудовая помощь инвалидам мировой войны» под «непосредственным наблюдением» А.Н.Толстого.

Май, 9...15. Выходит № 20 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 5) публикуется статья А.И.Куприна «Чтение мыслей. (Ответ на статью г. Лернера о Пушкинском кольце)».

Куприн, в частности, пишет: «<...> г. Лернеру <...> пришло в голову сделать несколько неприличных и недостойных серьезного писателя выпадов по моему адресу. <...>

В третьих. Академические лавры Бунина не дают мне спать. Почему было кстати не сказать, что я завидую Еноху, взятому на небо живым? Бунин — настоящий академик, и я не удивлюсь, если он в недалеком будущем получит даже почетные пальмы Французской Академии, подобные тем, которые получил раньше Мамин-Сибиряк за “Аленушкины сказки”. Бунин тонкий стилист, у него громадный багаж хороших, здоровых, метких, настояще-русских слов; он владеет тайной изображать, как никто, малейшие настроения и оттенки природы, звуки, запахи, цвета, лица; архитектура его фраз необычайно разнообразна и оригинальна; богатство определений, уподоблений и эпитетов умеряется у него строгим выбором, подчиненным вкусу и логической необходимости; рассказ его строен, жив и насыщен; художественные трудности кажутся достигнутыми непостижимо легко... И многое, многое другое. А Енох отличился праведной жизнью. Ни то, ни другое мне не свойственно, а потому, вопреки г. Лернеру, я сплю спокойно».

См.: 25...30 апреля 1916.

Май, 18 или 19. Бунин возвращается в Глотово.

См. дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 10.

См.: 8 апреля 1916; 24 мая 1916.

Май, 22. В.Микулина пишет Бунину из Орехово:

«А написать мне Вам хочется очень. Я часто Вас вспоминаю, Ваш ясный прозрачный ум и Вашу чудесную манеру говорить, когда не только видишь, но ощущаешь всё, о чем Вы рассказываете, впрочем, и пишете ведь Вы так же, это большое искусство».

ОГЛМТ, ф. 14, № 937 оф.

Май, 24. Бунин пишет А.С.Черемнову:

«...дня четыре тому назад я, после сорокадневного отсутствия, возвратился в Глотово и прочитал Ваше письмо к Николаю Алексеевичу <Пушешникову> и, прочитав, очень взволновался: из письма Вашего можно заключить, что моего письма к Вам, опущенного в Петрограде 15-го апреля на Николаевском вокзале, Вы не получили — иначе Вы не стали бы так позорить меня. А между тем я, и от себя, и от Веры Николаевны, и от Юлия, еще раз

очень благодарил Вас и Марию Павловну за приглашение, очень твердо говорил, что воспользоваться этим приглашением нам, видимо, не придется, <...> точно сообщал Вам свои планы (возвращение из Петрограда в Москву, поездка в Одессу, поездка на Волгу и возвращение в Глотово) и, как всегда, страшно льстил Вам, на этот раз даже горячее обыкновенного, ибо "Сказания" Ваши (сиречь гнусные издевательства Ваши над нами с Горьким) особенно изобличили Ваше "недюжинное дарование". Чиста моя совесть перед Вами и относительно "К<нигоиздательст>ва писателей": интересы Ваши на собрании пайщиков сего к<нигоиздательст>ва я защитил с честью. <...>

Ездить теперь такая мука, что поездки в Петроград и в Одессу совершенно отбили у меня охоту к дальнейшим путешествиям, так что я даже втайне был рад, когда наступили адские холода и я мог сказать себе, что ехать на Волгу не стоит. Вместо Волги я, как видите, снова здесь. Вера и Юлий еще в Москве, ждем их на днях. <...> Очень, очень был бы рад, если бы нам снова довелось гулять и ругать литературу где-нибудь над морем, по белому шоссе, вместе с Вами!»

Письма (*2*). С. 365–366.

Май, 17...24. Выходит «Сборник армянской литературы» (под ред. М.Горького. Пг.: Книгоиздательство «Парус», 1916), в котором (с. 114–115, 198–199) помещаются переводы Бунина стихотворений А.Цатуриана «Мрачна, темна душа моя...» и А.Исаакяна «Моя душа объята тьмой полночной...».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Май, 25. Бунин посылает П.А.Нилусу открытку с сообщением, что вернулся в Глотово.

Письма (*2*). С. 366.

Май, 26. Бунин в письме Ю.А.Бунину просит помочь пленному мадьяру, который живет в работниках у Пушешниковых, т.к. он потерял связь с родными после взятия в плен.

Письма (*2*). С. 366.

В письме Д.Л.Тальникову, извиняясь за долгое молчание, Бунин пишет:

«Была мысль поехать в Ташкент, да побоялись жары. Непременно хотим исполнить это осенью <...>. Дивлюсь, что Вы до сих пор никак не отозвались на брехню гг. Чириковых — и что вообще замолкли».

Письма (*2*). С. 367.

См.: до 18 марта 1916.

Анна Мар пишет Бунину из Москвы:

«Вы разрешили мне прислать Вам мой последний роман — "Женщина на кресте". Я повинуюсь с огромным душевным волнением. Я знаю, <...> она вызовет в Вас отвращение. В лучшем случае, недоумение. Я знаю, Вы не простите мне некоторых страниц.

Это тяжело для меня, потому что я так свято люблю Вас как поэта. Когда я очень уж уставала, я пила из Вашего творчества свежую воду и могла жить

дальше. Сегодня мне хотелось сказать Вам, как и в нашу последнюю встречу в Обществе искусств, нечто более интимное, но я не умею, не смею, немею и только тоскую».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3093 оф.

Май, 28. Н.В.Тулупов (председатель юбилейной комиссии по празднованию 50-летия издательской деятельности И.Д.Сытина) обращается в письме к Бунину с просьбой принять участие в художественно-литературном сборнике «Полвека для книги» и юбилейных торжествах, просит прислать фотопортрет и несколько строк о юбиляре.

На верхнем поле письма помета Бунина: «Ответил согласием и послал фотопортрет 4 июня 1916 г.»

ОГЛМТ, ф. 14, № 5715 оф.

См.: 19 февраля 1917.

Май, 23...29. Выходит № 22 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 14) помещается статья Н.О.Лернера «Нарцисс. О “почетном академике” И.Бунине». Подпись: Дед-Книговед.

Журналист пишет: «Многих удивило, что почетный академик И.Бунин принял недавно личное горячее участие в вечере, посвященном поэзии почетного академика И.Бунина. <...>

Странно, что умный, талантливый человек, большой писатель, которому незачем заботиться о своей популярности, лавры которого давно признаны, — даже не замечает, в какое комическое положение сам себя ставит.

Но эта наивность, это детское самодовольство способны обезоружить самое сердитое брюзжанье.

Тем более, что в таком самовлюбленном состоянии наш почетный академик обретается уже давно.

<...> При дальнейшем развитии овладевшего г. Иваном Буниным прогрессивного тщеславия мы доживем, пожалуй, до не шуточного зрелища:

Почетный академик Бунин подносит почетному академику Бунину серебряный подстаканник от имени любящего и благодарного почетного академика Бунина».

См.: 13 апреля 1916, первая запись.

Май, 31. Выходит № 5 петроградского журнала «Русская мысль», в котором (отд. III, с. 23–27) печатается статья А.Б.Дермана «Победа художника», посвященная анализу рассказа «Господин из Сан-Франциско».

Критик пишет: «Более десяти лет отделяет нас от конца творчества Чехова, и за этот срок, если исключить то, что было обнародовано после смерти Л.Н.Толстого, не появлялось на русском языке художественного произведения, равного по силе и значению рассказу “Господин из Сан-Франциско”.

Я никогда не был большим поклонником прозы Бунина; посильная критика ее на страницах “Русской мысли” привела меня к определенному выводу о наличности в его прозаическом (условно употребляя этот термин) творчестве порока: холодность к людям, поскольку они люди, а не живые “натуры” для бесстрастных полотен — в соединении с наклонностью автора изображать их внутренний мир; это-то

сочетание холодности и указанного стремления фатально приводило художника к “пленной мысли раздражению”, к одностороннему изображению людских пороков, к какой-то озлобленной субъективности, к позиции разоблачителя темных сторон русской жизни, ее порочного корня. <...>

Прочтя “Господин из Сан-Франциско”, невольно хочется воскликнуть: ты победил, Галилеянин! Пишу это с большой радостью, ибо можно ли не радоваться, когда видишь, как художник, путем упорной, систематической работы над усовершенствованием своего дарования и притом ни в чем не изменяет себе, делает как бы сразу гигантских размеров поступательный шаг, сумев обратить в силу даже те черты своей писательской индивидуальности, какие до сего времени воплощались в те отрицательные формы, о которых только что было упомянуто. <...>

Рассказ “Господин из Сан-Франциско” заставляет невольно искать аналогий у Л.Н.Толстого (говорю это с полным сознанием великой своей ответственности за эти слова), и если бы он не был столь похож на некоторые вещи Толстого, перед нами, несомненно, было бы подлинно гениальное произведение. <...> Оно <сходство> обнаруживается и в замысле “Господина из Сан-Франциско”, и в исполнении, в стиле и в нравственном смысле его. <...>

Жизнь американца и смысл ее подвергнуты в рассказе испытанию смерти, — таков замысел художника, столь характерный для произведений Толстого, под знаком смерти пересмотревшего все ценности и своей лично, и вообще человеческой жизни». Далее критик подчеркивает, что рассказ Бунина «Господин из Сан-Франциско» явился «глубоко интересным моментом литературной эволюции Бунина». «Читатель видит, прежде всего, что художник остался верен себе до конца (да иначе ничто значительное ему бы и не удалось): любви к конкретному человеку нет, конечно, и в “Господине из Сан-Франциско”, — трудно быть беспощаднее к своему герою, чем Бунин к американцу. В чем же эволюционировал художник? В масштабе своего чувства. Его нелюбовь к американцу не заключает в себе ни тени раздражения, и она необычайно (и плодотворно) раздвинута. С какой-то торжественной и праведной печалью художник нарисовал крупный образ громадного зла, — образ греха, в котором протекает жизнь современного гордого человека со старым сердцем, и читатель чувствует здесь не только законность, но и справедливость, и красоту самой авторской холодности к своему герою. Здесь разочарование автора объективировано и поднято на большую высоту. <...>

О силе, с которой написан рассказ, нельзя судить по отдельным, приведенным выше отрывкам. Замечательны не столько насыщающие его и навсегда запоминаемые детали, <...> замечателен в целом стиль рассказа, мерная, металлическая музыка этих безукоризненных, строго наполненных фраз, точно глубокого ритма раскачавшихся гулких колоколов, одновременно богатство и целомудрие слов, без единого лишнего и без единого недостающего».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (1 июня (№ 125). С. 1).

Июнь, 2. Учредители библиотеки в городе Рыльске пишут Бунину, что необходимость библиотеки в городе «ощущается большая», в связи с чем просят пожертвовать свои книги.

На верхнем поле письма помета Бунина: «Послал Собр. сочин. Нивы 14.VI.1916».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2929 оф.

Июнь, 3. Бунин пишет стихотворение «Венчик» («Колокола переводили...»). Авторская дата: «3.VI.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 50.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 2.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 30.

Июнь, до 4. Выходит № 5 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 5, 48–56) помещаются стихотворение «У гробницы Виргилия, весной» («Дикий лавр и плющ и розы...») и рассказ «Казимир Станиславович».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 июня (№ 128). С. 1).

Июнь, 4. Бунин посылает свой фотопортрет Н.В.Тулупову для юбилейного сборника в честь И.Д.Сытина «Полвека для книги» и сообщает в письме о своем согласии принять участие в этом сборнике и юбилейных торжествах.

Письмо неизвестно. См.: 28 мая 1916; 19 февраля 1917.

Июнь, 6. Из редакции журнала «Армянский вестник» пишут Бунину с просьбой «прислать статью» и отмечают:

«...лишь активное участие видных русских общественных деятелей и литераторов в нашем журнале может способствовать осуществлению тех задач, которые положены в основу программы “Армянского вестника”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 262.

Бунин в «Армянском вестнике» не печатался.

Июнь, 14. Бунин посылает в библиотеку, которая организуется в городе Рыльске, свое Полное собрание сочинений (Пг.: Изд. «Т-ва А.Ф.Маркс», 1915).

См.: 2 июня 1916.

В ответ на неизвестное письмо Н.Д.Телешова Бунин пишет:

«Дорогой друг, получил твое как всегда великолепное письмо. И хохотал и возмущался. В самом деле, что за подлое место! Говорил тебе — не езди в этот Кисловодск, говорил — поезжай в Крым! Но в конце концов, и эта поездка неплоха. Все-таки “проветрили”!»

Письма (*2*). С. 368.

Июнь, 7...14. Выходит книга «В помощь жертвам войны. Сборник общества “Музыкально-теоретическая библиотека в Москве”» (М., 1916), в котором помещается романс Р.М.Глиэра «Тих и чуток предрассветный час» на слова Бунина.

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Июнь, 18. В харьковской газете «Южный край» (№ 13431. С. 4) печатается статья И.Турского «Новый рассказ Бунина».

Критик пишет: «Только что вышедшая (майская) книжка “Летописи” украшена маленьким рассказом И.Бунина “Казимир Станиславович”. Эта миниатюра стоит многого. Она, — можно смело сказать, — большое художественное достижение. Как неожиданно для всех казавшийся однослжным поэтом запустения дворянских гнезд, вырос Бунин в первоклассного художника прозы! Уже “Деревня” отстояла от первого тома рассказов Бунина на огромном расстоянии, а последующая серия этюдов — “Братья”, “Весенний вечер”, “Господин из Сан-Франциско”, — показала все мастерство и силу бунинского слова. По степени художественной завершенности Бунин сейчас положительно не знает соперников; любитель литературы в нашей современности не сможет найти других таких образцов художественной экономии. Бунин дает ровно столько, сколько можно требовать от художника: ни строчкою больше; им владеет чудесное чувство меры. И потому всегда шедевры бунинского лаконизма дают неизмеримо больше того, что заключено в его скупых строчках. В последнем рассказе эта словесная бережливость достигает уже предела возможного. Читатель не знает <...> буквально ничего о герое, — а между тем, он стоит, как живой <...>. Как истинный художник, Бунин жесток и всеведущ. Он заставляет своего жалкого героя решиться на самоубийство и оказаться бессильным в осуществлении своего замысла. <...> И сжато все это в восемь журнальных страничек. А читателю, окончившему рассказ, кажется, что он сидел за книгой долго-долго. Чудо творчества осуществлено: писатель заставил за себя думать и говорить читателя».

Июнь, 19. В петроградской газете «Голос Руси» (№ 871. С. 2) публикуется статья М.О.Меньшикова «Из дневника».

Критик пишет: «Под зеленым шатром вязов, непроницаемых для солнца, лежу в гамаке с томиком Бунина в руках. Прошлое лето перечитывал Куприна, нынче — Бунина. Это, как хотите, Тургенев и Гончаров наших дней. Говорю без иронии и без желания польстить молодежи (да ведь и не очень уже должны быть молоды почтенные корифеи). Хочу указать только на большие таланты их и на сравнительно очень скромную их судьбу. <...> Оба названные автора большие художники. В смысле живописи, они, пожалуй, превосходят и Тургенева, и Гончарова, особенно в отделке подробностей, иногда совсем ненужных и утомительных. Несомненно, оба художника, в то же время, достаточно поэты в душе. Казалось бы, все условия для того, чтобы сделаться классиками, *великими* писателями, а между тем, в качестве читателя почему-то боишься признать их великими. Чего-то все-таки как будто недостает им, едва заметного, но бесконечно важного. Чего же?

Да, пожалуй, только этого и недостает, “бесконечно важного”. Настоящие великие писатели пишут иногда небрежно и слабо, но то и дело подводят вас к чему-то пробуждающему и волнующему душу, к чему-то такому, в чем чувствуется вечная значительность. Это как у художников-маринистов. Иные изобразят вам множество волн и отделают их с большою тщательностью. Нужно бы быть морю, но моря не видишь. У других — две-три волны на переднем плане и за ними даль, и этого достаточно, чтобы чувствовался океан. У Куприна и Бунина превосходны мелкие явления жизни, но не ощущаешь крупных, а ведь они есть и должны быть. Дурной или хороший, но у всякого времени есть свой идеализм, и именно он дает содержание и поэме времени, и основной драме ее. Великие писатели улавливают этот идеализм

и заставляют читателей переживать его, т.е. чувствовать огромную, собирательную жизнь эпохи. У нынешних высокоталантливых беллетристов недостает этого захвата. Правда, что и жизнь теперь не та, что прежде. Легко было Тургеневу, Гончарову, Толстому описывать налаженный быт общества и законченные типы. Есть ли теперь такой быт и такие типы? И возможно ли великое искусство в эпоху развалин?»

Июнь, 20. Бунин пишет стихотворение «Колотушка» («Светит, сети ткет паук...»). Авторская дата: «20.VI.1916».

СС (Петр). Т. 5. С. 186.

См.: около 10 ноября 1916.

Июнь, 21. Д.Л.Тальников рассказывает Бунину о сложившейся ситуации с его статьей «При свете культуры»:

«...вообще, несмотря на все мои запросы и письма по разн<ым> поводам, я за все время пребывания в Ташкенте от Иорданской не получал писем-ответов... Но <...> они <редакция журнала "Современный мир"> решились пустить статью Чирикова, такую неприличную по тону, какую о своем сотруднике ни один журнал не решится напечатать, компрометирующую меня и мое дело перед постоянными читателями "Совр<еменного> мира"... Почему такое отлучение от журнала мне — не знаю до сих пор, и я все время уверен, что есть на это какие-то особые интимные обстоятельства, которые мне неизвестны. Для меня статья Чирикова была неприятна гл<авным> обр<азом> потому, что появилась она на страниц<ах> "С<овременного> м<ира>". Мне больше негде писать, чем в этом журнале». Далее Д.Л.Тальников сообщает, что послал в «Современный мир» «Письмо в редакцию» (ответ Чирикову), на что после долгого молчания пришел телеграфный ответ от М.К.Куприной-Иорданской «Ваш ответ Чирикову напечатан не будет»: «Вот и все. Без всякой мотивировки. Я сотрудничал там, меня же там облаяли и мне же не дают слова... <...> Так по-хамски, не думаю, чтобы обращались со своими сотрудниками даже черносотенцы. Меня все-таки беспокоит мое невысказанное слово, и беспокоит мысль, что читатель — вообще доверчивый, инертный и тупой, — истолкует неправильно мое молчание в ответ Чирикову» и далее сообщает, что послал «Письмо в редакцию» по этому поводу А.М.Горькому в «Летопись» (где оно также не было опубликовано).

Письма (*2*). С. 730–731.

См.: до 4 февраля 1916; до 18 марта 1916.

Июнь, 26. Бунин пишет стихотворение «Калабрийский пастух» («Лохмотья, нож — и цвета черной крови...»). Авторская дата: «26.VI.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 52.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 223) авторская дата: «28.VIII.16».

См.: около 10 ноября 1916.

Июнь, 27. Бунин пишет стихотворения:

— «В Орде» («За степью, в приволжских песках...»). Авторская дата: «27.VI.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 58.

См.: до 3 ноября 1916.

— «Никогда вы не воскреснете, не встанете...». Авторская дата: «27. VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 54.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 3.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 30.

— «Цейлон» («Окраина земли...»). Авторская дата: «27.VI.1916».

См.: Звено. Париж, 1923. 24 декабря (№ 47). С. 2.

Д.Л.Тальников, не получив ответа, вновь пишет Бунину из Ташкента:

«Где же Вы? Уж давно Вам написал, а от Вас получил только оттиски “Сына” и “Каз<имира> Ст<аниславовича>” — очень интересные вещи и для Вас — (особенно “Сын”) — новые. Новые пути в Вашем творчестве, если это не случайно только. <...> У меня ничего нового, Юл<ия> Мих<айловна> — в Геленджике. <...> Она часто пишет о Вас, и я ей тоже — так как мы оба — любим Вас, и права Юл<ия> М<ихайловна>, когда пишет, что Вы — необыкновенный человек, не понятый всеми. <...> Читаю всё Ваше всегда с особенным ожиданием. Работаете ли Вы? Сюда хорошо Вам приехать в середине сентября. От “Лет<описи>”, которой послал свое “письмо в ред.” (ответ г. Чирикову) — ни слова. И от “Совр<еменного> м<ира>” — также».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3411 оф.

Июнь, 28. Бунин пишет стихотворения:

— «Богиня» («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»). Авторская дата: «28.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 4.

См.: начало ноября 1916.

— «В цирке» («С застывшими в блеске зрачками...»). Авторская дата: «28.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 73.

См.: 25 декабря 1916, третья запись.

— «Компас» («Качка мучит, клонит в сон, пьянит...»). Авторская дата: «28.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 64.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 224) авторская дата: «28.VIII.16».

См.: около 10 ноября 1916.

— «Отлив» («В кипящей пене валуны...»). Авторская дата: «28. VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 68.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 7.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 4 об.

См.: начало ноября 1916.

— «Спутница» («Шелковой юбкой шурша...»). Авторская дата: «28. VI.1916».

Роза Иерихона. С. 242.

См.: июнь 1918.

— «Плащаница» («По древнему унывному распеву...»). Авторская дата: «28.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 66.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 4
(с авторской датой: «27.VI.1916»).

См.: 8 октября (25 сентября) 1919, первая запись.

С.К.Линцер пишет Бунину из Москвы:

«Позволю себе обратиться к Вам с просьбой предоставить бюро какой-нибудь небольшой рассказ, если Вы имеете готовый или предполагаете написать что-нибудь соответствующее газетным требованиям в смысле размера.

Буду очень рад, если Вы и на этот раз окажете мне внимание и доверие.

Вы меня спрашивали, Иван Алексеевич, послал ли я Вам №№-ра газет, в которых появился Ваш пасхальный рассказ "Песня о гоце". Я ответил, что отослал в Измалково. Если Вы почему-либо не получили этих газет <...>, я их вновь вытребую от редакций и вышлю Вам».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3076 оф.

См.: 10 апреля 1916, первая запись.

Июнь, 29. Бунин пишет стихотворения:

— «Будда почивающий» («Сверкала Ступа снежной белизной...»). Авторская дата: «29.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 77, 79.
РАЛ, MS. 1066/725.

См.: начало ноября 1916.

— «Мятую красную феску мастер водой окропил...». Авторская дата: «29.VI.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 85.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 198) авторская дата: «30.VI.16».

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 12 (25) января (№ 120 (9)). С. 2.

Июнь, 29 или 30. Бунин пишет стихотворение «И шли века, и стены Рая пали...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 81
(с авторской датой: «29.VI.1916»).
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 5
(с авторской датой: «30.VI.1916»).

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 28 (с авторской датой: «29.VI.1916»).

Июнь, 30. Бунин пишет стихотворение «Вечерний жук» («На лиловом небе...»). Авторская дата: «30.VI.16».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 199.

См.: октябрь 1916.

Июнь. Выходит № 4/6 петроградского «Нового журнала для всех», в котором (с. 42–48) помещается статья М.Ю.Левит «И.А.Бунин». Подпись: М.Левидов.

Критик, процитировав фрагмент речи Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости» о состоянии русской литературы, далее отмечает: «Быть может, и пристрастны, и несправедливы эти произнесенные И.А.Буниным язвительные слова, быть может, слишком огульна эта характеристика современной русской литературы, — но ценность ее несомненна, ибо она исходит от человека, стоящего в стороне, от писателя, образующего отдельное, независимое, не стоящее в связи с вышеупомянутыми, течение. И это одиночество, обособленность эта — не случайны, их нельзя объяснить брезгливым отношением честного и целомудренного писателя, каковым всегда был И.А.Бунин, к послереволюционному похмелью. Бунин всегда стоял в стороне от центральных литературных течений, от главного русла литературы, даже и тогда, когда вместо нынешнего упадка, наша литература переживала радостную эпоху смелого строительства, была матерью жизнетворческих идей.

И не чувство бунта говорило в нем, не был он изгоем, проповедником иных богов, носителем особых скрижалей. Только — в стороне. Ибо — "оставить по себе чекан души своей и обозреть красоту мира" — вот исток, цель и пафос творчества И.А.Бунина, писателя асоциального и анационального, представителя всечеловеческого, универсального искусства. <...>

Основной традицией эпохи, взрастившей Бунина, было пассивное, элегическое народничество. <...>

Но наряду с элегическим народничеством намечается и второе основное настроение Бунина этого периода <...> — настроение романтического индивидуализма, эстетизма. <...> Вряд ли можно сказать, что душа Бунина была ареной борьбы между элегическим народничеством и эстетическим романтизмом: последнее сразу одержало победу. И по количеству своему, и по художественной ценности, произведения, проникнутые последним настроением, значительно превышают произведения типично народнические. <...>

Более десяти лет (1892–1903) длился первый период творчества Бунина, период лирического монолога». Критик подчеркивает, что Бунину в литературе были чужды «жизнерадостные, бодрые, бунтарские настроения» с одной стороны, и «аристократический символизм», с другой, и продолжает: «Уличные, крикливые, дерзкие лозунги словесного индивидуализма, нарочитые образы головного символизма не могли не быть чуждыми его душе, строгой — замкнуто-аристократической, целомудренной, слегка скептической; не могли не шокировать его чуткой совести, воспитавшейся в народнических традициях, его трезвую и честную мысль. <...> Идти за течением, быть неискренним он, — искреннейший из писателей, — не хотел».

Во второй период, по мнению критика, с 1904 по 1908 гг. Бунин входит «как писатель асоциальный»: «он покидает Россию, с ее волнующими проблемами, <...> и вдали, на Востоке, таинственном и прекрасном, творит эту незабываемую, единственную книгу — путевые поэмы — "Храм солнца", гимн космосу, красоте, свету. <...> Новый Бунин рождается: светлый, спокойный, с закаленной душой, близкий миру, но далекий человеку, любящий жизнь, но презирающий подобие ее, отказавшийся от творчества-исповеди, и пришедший к творчеству — чекану души, материалом для которого послужит вещественный, объективный мир.

Опьяненный радостью Знания, Разума, Света, снова обращает Бунин свой взор на Россию. Быт <...> — на этот раз всецело захватывает его. Но подход Бунина к быту — своеобразен. Ни фотографировать его, ни "творить из него легенду" — он не намерен. Посмотреть на него со стороны, с дальнего берега, обобщить его, выявить основной его закон — вот цель Бунина. И вооруженный этой целью, он рисует великолепными, смелыми, гениально-точными, но строгими и холодными мазками безотрадную картину русской жизни.

Третий период творчества Бунина, по мнению критика, с 1909 по 1914 гг. можно назвать «периодом "раскрытия тайны", "обнажения сфинкса". Тайна эта, этот сфинкс — душа русского крестьянина, разгадать которую пытался каждый из больших писателей земли русской». Подчеркнув, что «всё, чему учила нас в этом отношении русская литература — лишь "творимая легенда" — не более», критик отмечает: «...видишь, когда читаешь Бунина, что для него этой проблемы вовсе не существует! У него все это просто, слишком просто!» Далее критик касается проблемы «русский крестьянин и религия», которая раскрывается в произведениях Бунина «Деревня», «Иоанн Рыдалец», «Преступление», «Беден бес», «Суходол», «Я все молчу», и продолжает: «Помимо религиозной, есть еще одна загадочная стихия в русской душе, близко, впрочем, с первой соприкасающаяся. Это стихия сладострастного мучительства — себя и других. <...>

В творчестве Бунина эта стихия во внешних ее проявлениях занимает много места». Далее критик упоминает произведения писателя «Ночной разговор», «Преступление», «Весенний вечер», «Игнат», «При дороге», «Веселый двор», «Деревня» и подчеркивает: «Но — интересный факт, ни у одного героя Бунина не найти надрыва, этого специфического спутника русского убийства, основного элемента данной стихии. Глубоко "неинтересны", прозаичны все бунинские убийства, так это все просто у него». Затем критик рассматривает образы стариков в творчестве писателя, разбирая произведения «Сто восемь», «Забота», «Деревня», «Худая трава»: «Сфинкс разоблачается, — и обнажается... почти дикарь. Как ни осторожен Бунин в авторских ремарках, но эпитет "дикарский", все чаще и чаще встречается в его рассказах. <...>

Но Бунин открыл закон крестьянского быта <...>. Закон этот, под углом которого Бунин и обобщал наблюденный им быт — это закон извечной тоски и скуки, бессмысленной, ничем не оправданной, мертвым камнем ложащейся на душу, безграничного, ужасающего одиночества и скуки, вытекающей из оторванности русского мужика, рисуемого Буниным, от Космоса, от Знания, Разума и Света.

<...> То обобщение быта, которое дал Бунин — явилось следствием асоциального наблюдения, наблюдения со стороны, наблюдения, не ставящего вопроса "почему", не желающего объяснить и, как следствие — прощать... Подход Бунина к русскому быту — подход внеисторический, что объясняется асоциальностью и универсализмом мировоззрения его, творческий взгляд Бунина — проникает в статику людей и вещей, вне связи с динамикой, в их настоящее, оторванное от прошлого и будущего. <...>

И.А.Бунин принадлежит к числу тех писателей, творчество которых войдет в историю не только русского искусства, но и русской общественной мысли. И с этой точки зрения — его асоциальный, вненациональный подход к русской душе — весьма ценен, необходим».

Оценив рассказ «Господин из Сан-Франциско» как «величайшее достижение» творчества Бунина, критик пишет: «Не является ли “Господин из Сан-Франциско” началом нового периода творчества Бунина, периода, когда философ и художник, живущие в его душе, сольются в полной гармонии? <...> И как прежде, как всегда, И.А.Бунин в новом периоде творчества оказался опять в стороне, вновь одиноким. Но это одиночество прекрасно, оно поддерживает честь человека, померкнувшую ныне, поддерживает тем, что в час бесчисленных жертв на алтарь временного возносит хвалу Вечному».

Выходит № 5 лондонского журнала «Russian review», в котором (p. 237–280) публикуется английский перевод рассказа Бунина «Цифры» («Figures»).

См.: *Антология*. С. 611.

Июль, 2. Бунин пишет стихотворение «Дочь» («Была бы дочь и у меня...»). Авторская дата: «2.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 87.

См.: Современные записки. Париж, 1924. № 21. С. 192 (другая редакция).

Июль, до 3. Выходит № 6 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 65–66) печатаются стихотворения «Райское Древо» («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), «Псалтирь» («Бледно-синий загадочный лик...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 июля (№ 153). С. 1).

Июль, 3. Бунин пишет стихотворения:

— «И скрылось солнце жаркое в лесах...». Авторская дата: «3.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 89.

См.: октябрь 1916.

— «И снова вечер, степь и четко...». Авторская дата: «3.VII.1916. Вечером, в поле».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 93.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 20, л. 4
(с авторской датой: «1900»).

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 89. С. 20–21, с авторской датой «1900».

— «Рыжими иголками...». Авторская дата: «3.VII.1916. Возвращаясь из Семенков».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 91.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 200) авторская дата: «30.VI.16».

См.: до 14 декабря 1916.

Июнь, 28...Июль, 5. Выходит отдельное издание романса А.Н.Аксельрода «Это было давно» на слова Бунина (М., 1916).

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Июль, 7. Бунин пишет стихотворения:

— «Льет без конца. В лесу туман...». Авторская дата: «7.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 2.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 219) авторская дата: «10.V.1923».

См.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1924. № 3. С. 9.

— «Свет» («Ни пустоты, ни тьмы нам не дано...»). Авторская дата: «7.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 3.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 13, л. 3
(с авторской датой: «1923»).

См.: Россия. Париж, 1927. 1 октября (№ 6). С. 3.

— «Снег дымится в раскрытой могиле...». Авторская дата: «7.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 95.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 20, л. 2
(с авторской датой: «1888»).

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 89. С. 19, с авторской датой «1888».

Июль, 9. М.Криницкий (М.В.Самыгин) в беседе с Ф.Ф.Фидлером высказывается по поводу академического звания Бунина:

«Сказал, что Бунин не заслужил звания академика; а если бы и заслужил, то все равно должен был бы от него отказаться в знак протеста против исключения Горького, как это сделал в свое время Чехов, добровольно выйдя из Академии Наук...».

Фидлер. С. 688–689.

Июль, 5...13. Выходит 3-е издание 4-го сборника «Слово» (М., 1917), в котором напечатан рассказ «Весенний вечер».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Июль, 15. Бунин фотографируется рядом с калекой на тележке. Под фотографией помета Бунина: «15.VII.1916. <далее часть надписи густо зачеркнута> В шляпе — я, в тележке — калека, возле его головы — тот мужик, что возит его. Ив.Бунин».

ОГЛМТ ИЗО, ф. 14, № 5743 оф.
Воспроизведено: *ЛН*. Т. 84, кн. 2. С. 233.

Июль, 16. Бунин пишет стихотворения:

— «Без истории» («Край без истории... Все лес и лес, болота...»). Авторская дата: «16.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 101.

См.: октябрь 1916.

— «В столетнем мраке черной ели...». Авторская дата: «16.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 103.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 5.

Датируется по автографу и вырезке (РГАЛИ). В *СС* (*Петр*) (Т. 1. С. 167) авторская дата: «1907».

См.: *Митина любовь*. С. 179.

— «Плоты» («С востока дует холодом, чернеет зыбь реки...»). Авторская дата: «16.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 105.

См.: 27 (14) октября 1918.

— «Руслан» («Гранитный крест меж сосен, на песчаном...»). Авторская дата: «16.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 97.

В автографе текст стихотворения вырезан: сохранились заглавие и авторская дата.

См.: октябрь 1916.

Июль, 18. Бунин в ответном письме Л.Н.Андрееву дает согласие участвовать в его новой газете:

«...целую за приглашение, рад работать с тобой. Желаю успеха, напиши, когда начнется дело».

Письма (*2*). С. 368.

Бунин пишет М.П.Гальперину по поводу своего участия в новом альманахе «Творчество»:

«...надеюсь, что смогу дать Вам и небольшой рассказ и стихи.

А каков будет характер этого альманаха, каковы “задати” его? Очень любопытно было бы знать это. И что это за книгоиздательство? Только что возникшее?»

Письма (*2*). С. 368.

Бунин пишет П.А.Нилусу, извиняясь за молчание:

«Серьезно, — не о чем даже написать, так однообразно живу. Лето плохое, писать не пишу, разве стишки изредка... <...> У тебя, верно, накопилось тысячу повестей — напиши. Что Федоров?»

Письма (*2*). С. 368–369.

Июль, 20. Бунин пишет стихотворение «Молодой дедушка» («Вот этот дом сто лет тому назад...»). Авторская дата: «20.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 109.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 208) авторская дата: «22.VII.16».

См.: около 10 ноября 1916.

Июль, 21. Бунин пишет стихотворения:

— «Аркадия» («Ключ гремит на дне теснины...»). Авторская дата: «21.VII.1916. Ночью, засыпая».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 111.

Датируется по автографу. В *СС* (*Петр*) (Т. 5. С. 226) авторская дата: «29.VIII.16».

См.: около 10 ноября 1916.

— «Иконка» («Иконку, черную дощечку...»). Авторская дата: «21. VII.1916. Ночью».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 113.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 6
(с пометой: «Во сне»).

См.: 26 (13) декабря 1919, вторая запись.

Июль, 22. Бунин пишет стихотворения:

— «Звезда морей, Мария» («На диких берегах Бретани...»). Авторская дата: «22.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 6.
РГБ ОР, ф. 421, к. 1, ед. хр. 21.

РАЛ, MS.1066/771.

См.: 25 декабря 1917, вторая запись.

— «Конь Афины-Паллады» («Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...»). Авторская дата: «22.VII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 115.

См.: до 14 декабря 1916.

— «Луна и Нил. По берегу, к пещерам...». Авторская дата: «22.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 7–7об.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 31.

— «Разлука» («Бледна приморская страна...»). Авторская дата: «22. VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 8–8об.

См.: Возрождение. Париж, 1927. 28 июля (№ 786). С. 3.

— «Полночный звон степной пустыни...». Авторская дата: «22. VII.16».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 207.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

— «В одной рубашке босиком...». Авторская дата: «22.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 2.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 205–206.

См.: 26 (13) октября 1919, третья запись.

Ранняя редакция стихотворения «Он видел смоль ее волос...».

— «Игроки» («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»). Авторская дата: «22.VII.16».

РГБ ОР, ф. 1, к. 5, ед. хр. 5.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 209–210.

См.: до 14 декабря 1916; до 28 декабря 1916.

Июль, 23. Бунин пишет стихотворения:

— «В рощах Урвелы» («Ты ль повинна, Майя, что презрел...»). Авторская дата: «23.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 10.

См.: 10 июля 1917.

— «Архистратиг» («Архистратиг средневековый...»). Авторская дата: «23.VII.16».

РГБ ОР, ф. 429, к. 1, ед. хр. 1.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 212.

См.: до 14 декабря 1916.

— «Хозяин умер, дом забит...». Авторская дата: «23.VII.16. С. Васильевское».

См.: Русская мысль. Прага, 1923. № 6–8. С. 3–4.

Бунин читает стихотворения Я.П.Полонского.

В дневнике Н.А.Пушешников записывает: «И.А., в пальто и в сером картузе, сидит на седле, в красном кресле и читает Полонского.

– Какая прекрасная душа! Во многих отношениях он гораздо выше Майкова и Фета. Я ни у кого из поэтов не знаю такой изобразительности».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 15.

Июль, 24. В.А.Зайцева в письме приглашает Бунина с женой в гости:

«Боря завтра еще Яну напишет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3038 оф.

Июль, 25. Бунин пишет стихотворение «Нет Колеса на свете, Господин...». Авторская дата: «25.VII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 11.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 89. С. 22–23.

Июль, 26. Бунин пишет стихотворение «Последний шмель» («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...»). Авторская дата: «26. VII.16».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 215.

См.: до 15 октября 1916.

Июль, 29. В нижегородской газете «Волгарь» (№ 205. С. 2) печатается статья Б.Лаврова «Деревенская жизнь. (Бунин и М.Горький)».

Критик пишет: «В наши дни два больших русских писателя – Бунин и Максим Горький дали такую художественную оценку деревенской жизни, которая не может остаться незамеченной в современной литературной критике.

Бунин еще в 1910 году написал свою “Деревню”, а М.Горький совсем уже недавно выпустил интересную повесть “Лето”.

Бунин в своем рассказе “Деревня” дает жуткую и страшную картину деревенской жизни. Она, в его изображении, не только бедна и темна, но, что особенно тяжело, жестока в своем невежестве. У писателя есть даже намерение связать эту жестокость деревенского быта со всем складом нашей национально-исторической физиономии. <...>

Такую физиономию имеет деревенская жизнь в оценке Бунина: людская темнота, бедность мысли и чувства, отсутствие всего светлого, праздничного здесь еще сочетались с тем озлоблением мужика, которое у него автор видит как результат потрясения всего быта крестьянской жизни событиями 1905 года.

Деревня в изображении Бунина в послереволюционные годы еще больше насупилась и осердилась, чем это было раньше. <...>

Бунин решительно не жалеет красок для того, чтобы резче выявить мрачный лик деревни. <...>

Нет, по Бунину, лица у нашей деревни: есть только одна изнанка. Таков Бунин, как изобразитель деревни: страшные, тяжелые и гнетущие краски он употребляет, когда создает свою картину. Такой уж у него талант: писать жутко и давать образы душевной боли. Все это так. Но как, однако, ответить на вопрос, который чаще всего приходится слышать в адрес Бунина: верно ли он изобразил деревенскую жизнь. Я думаю, что Бунин, по крайней мере, в своем рассказе “Деревня”, не писатель-реалист, который дает верное и фотографически точное изображение жизни. Его талант я скорее назову психологическим, чем реалистическим. Он не хочет показать, как

живет деревня: Бунин в своем произведении, при помощи удивительно беспорядочного психологического анализа вскрывает жуткие и тяжелые изъяны крестьянской простонародной души, доводя их до предела своего развития. Получается картина действительно устрашающая, но это не правда факта и объективной действительности, а лишь правда психологического вымысла и рисунка. Мне кажется, что только с этой точки зрения и можно подходить к Бунину, в таланте которого немало черт от Достоевского, Чехова и других писателей, нелицемерных судей нашей совести. Нельзя при изучении писателя всегда применять к нему один и тот же шаблон оценки. <...> Он <Бунин> — психолог-художник, который занят душевным миром человека, в этом мире он путем глубокого и тонкого его познания, пересматривает его слои и весь состав, а иногда нарочно, в целях чисто художественного прозрения, он совсем перестраивает этот душевный мир для того, чтобы глубже его понять и всесторонне в него вникнуть.

И в этом смысле бунинская картина деревенской жестокости, убожества и жути дает нам устрашающий образ темной крестьянской души в законченном пределе ее огрубения и озверения. "Деревня" Бунина страшна не тем, что есть в крестьянской жизни теперь, а тем, что может там означиться, если в полноте своей выявятся пока еще темные залежи мужицкого уклада и простонародной души. Но и это, конечно, страшно, страшно до ужаса».

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Дачная прогулка» («Полночь, море и зарницы...»). Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 5.

Датируется по первой публикации. См.: до 17 сентября 1916.

Первая редакция стихотворения «Ночь и алые зарницы...».

Июль, 31. Бунин дарит А.Н.Бибикову 1–2 тома своего «Полного собрания сочинений» (Пг., 1915) с надписью:

«"Друг, прошлогодний календарь не годится для нового года: на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь". Саади. Арсению — Иоанн, 31.VII.1916. Глотово».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 62.

В ответном письме Л.Н.Андреев пишет Бунину:

«Дорогой мой Иван Алексеевич! Спасибо за согласие. <...> Если же веришь мне на слово, что я в достаточной мере оберегаю достоинство свое и тех, кого приглашаю работать совместно, то подумай о вещи, я буду очень ждать».

Письма (*2*). С. 732.

Июль, конец. В ответном недатированном письме М.П.Гальперин пишет Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич! Давайте, все давайте! Стихи и рассказ и если что-нибудь детское найдется, то и детское давайте. Ибо кроме альманаха для взрослых, предполагается и альманах для детей; характер издательства определить можно так: хорошие люди захотели издать хороший художественный журнал под названием "Творчество" и для боевого крещения сначала выпустить две книги.

Интересуются, главным образом, такими произведениями, которые, не касаясь войны, и, вообще, тенденциозных тем, были бы *просто* художественны, и, по возможности, поддавались бы иллюстрации. Участвуют очень хорошие художники. Многие иллюстрации будут даже в красках. <...>

Итак, шлите Ваши произведения, дорогой Иван Алексеевич, и верьте, что “Творчество” — вещь чистая и честная».

Письма (*2*). С. 732–733.

Август, 1. Бунин пишет В.Д.Бонч-Бруевичу по поводу своего сборника «Храм солнца»:

«Возвращаю Вам корректуру первых листов “Храма солнца”. Стихи сверстаны очень некрасиво — безобразно велики местами разбивки между куплетами: очень прошу Вас последить, чтобы это приведено было в надлежащий вид. Кроме того: сделайте милость, не ставьте картинку “Бегство в Египет”, — картинка эта нарушает серьезность издания, она затрепана, чересчур известна <...>. Если нужно заполнить те две страницы, что образуются вследствие отсутствия этой картинки, прилагаю стих<отворение> “Каин” (куда поставить его, я указал). — Что до прозаического текста, то в нем пришлось сделать много поправок, и это всецело Ваша вина: будучи осенью в Петербурге, я посылал племянника к Вам в контору — сказать, что надо набирать с издания “Нивы”. Он это сказал — и в конторе, и по телефону Вашей супруге, — но, увы, это не принято во внимание. Если это письмо предупредит Ваш второй посыл ко мне корректурных листов, — не посылайте его: дайте предварительно исправить по изданию “Нивы” и тогда уж пошлите.

Огорчен я всем этим донельзя и очень беспокоюсь, не напутали ли бы чего-нибудь.

Если можно, пришлите мне эти первые листы, по исправлению, еще раз».

Письма (*2*). С. 369.

Ю.А.Бунин пишет Бунину из Орла:

«Милый Ваня. Заграничной бумаги нигде нет. Купил французской, выделываемой в Симферополе. Доехал благополучно. В Москву еду завтра вечером. Маша <Ласкаржевская> и дети здоровы».

Письма (*2*). С. 733.

П.В.Мурашев пишет Бунину из Петрограда:

«Написал я повесть “В эти дни” (в форме записок или дневника), которую мне хотелось бы выпустить отдельным изданием в издательстве т-ва писателей. Можно ли на это рассчитывать и нельзя ли повесть прислать на просмотр Вам?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3080 оф.

Август, 1 или 2. Бунин посылает Ю.В.Соболеву оттиск рассказа «Сын» из журнала «Северные записки» и свое Полное собрание сочинений (Пг., 1915).

Оттиск и тома собрания сочинений неизвестны. См.: 8 августа 1916, вторая запись.

Август, 6. Бунин пишет стихотворение «В норе, домами сдавленной...». Авторская дата: «6.VIII.1916».

Роза Иерихона. С. 250.

См.: 7 января 1919 (25 декабря 1918).

Август, 8. Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Милый Люкася, новость одна — пять дней лежала Вера, только нынче поднялась, очень слабая и бледная <...>.

От Андреева такое письмо: <...>

Посоветуй, как быть. И “Зарю” жалко, и как бы не влететь и не поссориться с “Летописью”... Хотя, на кляп она мне нужна? — *Ответь скорее*».

Письма (2). С. 369–370.

Ю.В.Соболев пишет Бунину из Москвы:

«Большое, сердечное Вам спасибо и за “Сына” и за марксовские тома. Уже начал работать над книгой, которая становится мне все яснее и ближе и которая кажется мне необходимой.

<...> Вырезки, какие нашлись у Вас, лучше послать к концу месяца. Быть может, Вы сами приедете к тому времени? Если нет, — напишите, я вышлю солдата, как мы, помните, условились.

Если Вы отыскали и старые издания стихов (Орловское и пр.), то не откажите в любезности одолжить и их. Это очень нужно, и по плану работы даже необходимо».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3148 оф.

Август, до 9. Выходит № 7 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 73–74) публикуются стихотворения «Мулы» («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»), «Эллада» («Меж островов Архипелага...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (9 августа (№ 183). С. 1).

Август, 9. Бунин пишет стихотворения:

— «Вот он снова, этот белый...». Авторская дата: «9.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 8.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января (№ 120 (9)). С. 2.

— «Гор сиреневых кручи встают...». Авторская дата: «9.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 8, л. 7.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января (№ 120 (9)). С. 2.

— «Монгол» («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»). Авторская дата: «9.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 12.

См.: 22 (9) апреля 1918.

И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Друг мой дорогой! <...>

Ты напиши мне, <...> если тебе крайне нужны деньги, то я раздобудусь, хотя бы для меня это стоило больших трудов. <...>

Не сердись, голубчик, на меня, — ты не знаешь, как мне это больно. Одно меня успокаивает, что я отдам тебе все и не забуду твоей услуги».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 46–47.

Август, 10. Бунин пишет стихотворения:

— «Настанет день — исчезну я...». Авторская дата: «10.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 1 об.

См.: около 10 ноября 1916.

— «Благовестие о рождении Исаака» («Они пришли тропинкою лесною...»). Авторская дата: «10.VIII.16».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 216.

См.: 25 декабря 1916, вторая запись.

Август, 11. Бунин пишет стихотворение «Укоры» («Море с голой степью говорило...»). Авторская дата: «11.VIII.16».

Датируется по: *Роза Иерихона*. С. 253. В *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 173) авторская дата: «11.VIII.17».

См.: 4 января 1919 (22 декабря 1918).

Бунин посылает К.С.Станиславскому рекомендательное письмо, в котором просит:

«...оказать возможное содействие к поступлению в Студию Худож<ественного> театра штатной или сверхштатной слушательницей Ольге Дмитриевне Сергеевой».

Письма (*2*). С. 370.

М.П.Гальперин вновь пишет Бунину, напоминая об обещании дать что-либо в новый альманах «Творчество»:

«Почти весь материал собран и сдан в набор, ждем только Вашего августейшего присыла».

Письма (*2*). С. 735.

Август, 12. Бунин пишет стихотворения:

— «Покрывало море свитками...». Авторская дата: «12.VIII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 118.

См.: до 17 сентября 1916.

— «Памяти друга» («...Шел сенбернар вдоль светлой водной глади...»). Авторская дата: «12.VIII.16».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 218–219.

Ранняя редакция.

См.: до 14 декабря 1916.

Август, 13. Бунин посылает Д.Л.Тальникову телеграмму, сообщая о выздоровлении В.Н.Муромцевой и спрашивая о его «истории с “Летописью”».

Письма (*2*). С. 370.

Август, 14. Бунин пишет стихотворение «Качаюсь, плескаюсь — и с шумом встаю...». Авторская дата: «14.VIII.1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 119.
РАЛ, MS. 1066/47
(с авторской датой: «26.VIII.1916»).

Датируется по автографу РГАЛИ.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 5 (с авторской датой: «26.VIII.16. (Ночью, засыпая)»).

Август, 16. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Друг мой!

Посылаю пока 200 р. О твоих “Избран<ных> стих<ах>” я справлюсь. Кажется, я издал только 1 ½ тысячи. Отыщу условие».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2987/5 оф.

Проходит заседание правления «Книгоиздательства писателей в Москве». Бунин на нем не присутствует.

См.: 17 августа 1916.

Август, 9...16. Выходит № 4 литературно-общественного альманаха «Новая жизнь» (М., 1916), в котором (с. 115–160) публикуется статья В.Матвеева «Русская душа».

Критик, цитируя статьи Е.А.Колтоновской о творчестве Бунина, не соглашается с ее положениями и выводами и пишет: «Критик делает плохую услугу Бунину. Наоборот, философом последний был больше именно в первом периоде, в пору первых своих поэтико-лирических рассказов. Тогда он главным образом затрагивал вечное, мировое, космическое, глубинно-психологическое, — отзывался на него так или иначе, был занят этим. Во второй половине Бунин делается преимущественно эпиком, художником быта. Это, конечно, не плохо. Даже очень хорошо в таком виде, в каком это выходит у Бунина. Это в известном смысле имеет громадное значение. Но все-таки здесь Бунин не расширился, а скорее сузился, сжался. С бескрайних горизонтов он пошел на небольшую площадку изображения внешней действительности и жизни, притом в известном укладе, в известной среде, обстановке, исторической перспективе, да еще почти всецело в реалистическом захвате и освещении. Тут философии совсем нет или очень мало.

<...> Истинная и большая художественность Бунина может повести и довести до философии, но сама ее не дает, т.к. Бунин здесь сам не философ и не хочет, а может быть, и не может им быть. Во 2-ую половину своей деятельности Бунин как бы говорит: зачем нам выходить за пределы реального мира, когда и он чрезвычайно широк и еще почти не исследован, — и замкнулся в чистом реализме, сознательно отвергнув всякие символизмы, мистицизмы, индивидуализмы, модернизмы, даже прямо обругав последние ясными словами (на банкете в честь 50-летия “Русских ведомостей”).

Замкнулся на исследовании и изображении России, главным образом, трех ее элементов: мужика, дворянина и торгующего сословия. <...> Это очень почтенно и ценно, т.к. о настоящей, подлинной, почвенной России, о настоящем русском мужике, кроме Бунина почти никто не пишет.

Бунин взрывает деревню и мужика в несколько пластов. Не только экономически, а и психологически, и даже с намерением проникнуть в корни, в самую суть естества русского народа, русской души. <...> Пожалуй, еще никто так правдиво, ярко и сильно не рисовал мужика и деревню, как Бунин, потому что никто их так не знал и не знает. Бунин с этой стороны — вне сравнений.

<...> Бунин односторонен. Но он не тенденциозен, в чем упрекали его за “Деревню” в “Русском богатстве”. Он зарисовал мужика и деревню лишь с одной стороны — темной, и не заглянул на другую сторону, которая освещена солнцем

внутренней жизни мужика, — его души, духа, религии. Только в самое последнее время Бунин и на эту сторону стал обращать все больше и больше внимания (“Иоанн Рыдалец”, “Беден бес” и др.). Начинает находить в народе черту, наиболее всего ценную в человеке какой угодно культуры — *предпочтение духовных благ материальным.*

<...> Все дело в том, что талант Бунина больше его личности. И в этом великое счастье для читателей, для русской литературы. Сам талант его — большой, огромный — ведет художника, направляет, подводит к тому, что наиболее всего важно, ценно в искусстве. Бунин, в общем, — не философ, а чистый художник. И, кажется, хорошо, что не философ. Иначе он не был бы так ярок, так целен, картинен, так выразителен. Художественности помогают впечатлительность и поэзия. Как мыслитель, Бунин плох, и хорошо делает, что не всецело отдается своим “пониманиям”, а больше доверяется таланту. Талант выносит его, куда нужно. <...>

Бунин скорбит и негодует, как человек, публицист, теоретик. Даже с большими, чем многие другие, ядом и отчаянием. Гниль жизни проникает, по его мнению, — всю Россию, сверху до низу, всю “материю” русского естества, да и вообще славянства, таящего в себе “жажду гибели, самоуничижение, страх жизни” и пр. Но, зайдя в тупик, как теоретик, он приводит к просветам, как художник. Присмотритесь к персонажам его произведений. В самой “гибельности” своей они таят в себе нечто такое, что дороже самой цельности, здоровья, способности к жизни. Это опять-таки — их души, заключающие в себе, наряду с нежизненностью, много какой-то особенно хорошей внутренней стихийности, мистичности, духовности.

<...> прелестный рассказ Бунина “Беден бес” <...> можно рассматривать, как символ.

Нищий, это, конечно, — русский человек, русский народ, русская интеллигенция. <...> Россия может замерзнуть материально, от отсутствия теплого платья (метафизически), но душа ее останется жива. Русский человек не страшится жизни, не боится и смерти, и в этом его внутренняя сила. <...>

Как ни рвется большой талант Бунина на простор философско-художественных обобщений над жизнью, бытием, миром, — хотя бы и в сфере чисто русского быта, — он всячески старается не давать ему хода, т.к. не то ушиблен идеологией, больше подходящей к мировоззрению немецких политиков, чем к русскому интеллигенту-художнику, не то просто скован ею. <...>

Русская душа сама по себе настолько горяча, тепла, что мы невольно чувствуем ее дыхание даже сквозь холодный объективизм и суровый скептицизм художника Бунина».

В конце статьи имеется редакционное примечание: «Давая место статье г-на Матвеева, редакция считает необходимым оговориться, что не разделяет некоторых из выставляемых им положений».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Август, 15 или 16. Бунин посылает Н.И.Иорданскому пять стихотворений «Бонна» («Худая некрасивая ирландка...»), «Дачная прогулка» («Полночь, море и зарницы...»), «Дача на севере» («К вечеру море шумней и мутней...»), «Близ Биаррица, зимой» («Покрывало море

свитками...»), «На крыше отеля у Пирамид» («В жарком золоте заката Пирамиды...») для публикации в журнале «Современный мир».

См.: 20 августа 1916, третья запись.

Август, до 17. Выходит 3-е издание книги Р.Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (пер. Н.А.Пушешникова под ред. Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. 56 с.). Цена 50 к. Тираж 1000 экз.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (17 августа (№ 189). С. 1).

Август, 17. Ю.А.Бунин в письме Бунину сообщает:

«Заседание правления книгоизд<ательства> было вчера во вторник, а не в понедельник. Поэтому я несколько запоздал с ответом. 14 марта по предложению Тимковского состоялось определенное постановление, чтобы в сборниках стихов вообще не помещать. Вчера, стоя на этом решении, не сочли возможным принять твое предложение. Присутствовали Вересаев, Гонтарев, Клестов, Махалов, Серафимович, Белоусов и я. За тебя из них стоял только Белоусов; но его голос был лишь совещательный. Кроме формального решения, ранее принятого, были возражения и по существу. Вересаев, напр., доказывал, что в сборниках не надо заводить отдела стихотворений, так как кроме тебя все остальные хорошие поэты — модернисты, что стихи очень дорогая вещь. Все это очень неприятно, но я не советую тебе придавать этому какое-либо значение, так как обидного для тебя здесь, по моему мнению, ничего нет. По крайней мере, вчерашнее решение лишь подтвердило предыдущее.

Бумага для тебя будет. Я только что говорил об этом по телефону с Телешовым. Он говорит, чтобы ты не беспокоился, и сам даже напишет тебе об этом».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/12 оф.

Август, 19. Бунин посылает А.М.Горькому рассказ «Аглая» и пишет в сопроводительном письме:

«...шлю Вам небольшой рассказ (“Аглая”). Напишите мне, берете ли его, немедленно, если можно. А если да, то напечатайте его в той книге, что выйдет не позднее ноября. <...>

P.S. У Вас есть еще три моих стих<отворения>. Нельзя ли их напечатать в какой-нибудь *одной* книге, — если, конечно, будет свободное местечко, а не в тесноте, не под рассказами, не на кончиках страниц».

Письма (2). С. 371.

В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину о своем выздоровлении и, в частности, сообщает:

«Ян хочет ехать сначала в Елец с Колей, потом в Москву и, может быть, на юг, а я? <...>. Вчера у нас было ликование по поводу объявления войны Румынией Австрии, но газеты и в этот раз пришли на сутки позднее!»

Письма (2). С. 371.

Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты (Англии, Франции, России) 14 августа 1916 г.

Август, 20. Бунин сообщает в открытке Ю.А.Бунину:

«*Может быть*, утром 22-го буду в Москве».

Письма (2). С. 371.

Бунин, извиняясь за задержку, сообщает в письме М.П.Гальперину, что скоро вышлет стихотворения для альманаха «Творчество».

Письма (2). С. 372.

Н.И.Иорданский пишет Бунину на бланке журнала «Современный мир»:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за стихотворения. Они будут напечатаны в № 9, который выйдет между 1 и 5 сентября».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 322, л. 15.

Август, 22. Бунин приезжает в Москву.

См.: 20 августа 1916, первая запись.

Август, 23. А.М.Горький благодарит в двух письмах Бунина за рассказ:

«Сердечное спасибо за “Аглаю”, она пойдет в октябрь, в сентябрьскую уже не успеем.

Стихи поместим как Вы желаете.

<...> Не будете ли по скорости в Питере? Хотелось бы повидаться с Вами!»

Горький. ПСС. Т. 12. С. 62–63.

В другом письме А.М.Горький уточняет:

«Стихи будут помещены, как Вы желаете, впереди текста, все тоже, вероятно, в октябре».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 62.

Д.Л.Тальников пишет Бунину из Геленджика:

«Спрашиваете Вы об истории с “Летописью”. Я и сам не знаю, в каком положении она. После того, как мой ответ (он был убийственен для Чирикова, мне кажется) пролежал больше 6–8 недель в “Совр<еменном> м<ире>” и без объяснений мне возвращен, я послал его Горькому — *заказным* письмом, — сам написал Горьк<ому>, почему мне важно напечатать этот ответ Чирикову и просил ответить мне, — но прошло уже больше *2-х* месяцев и — ни слова в ответ. <...> От “Совр<еменного> м<ира>” я ничего не получил и наши отношения порваны. Они — свиньи, и не им говорить о “свободе печати” высокие слова. <...> Они скверно воспитаны — и это руководители общественного мнения».

Письма (2). С. 734.

Август, 26. Бунин пишет стихотворение «На всякой высоте прельщает Сатана...». Авторская дата: «26.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 13.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 31.

Август, 27. Бунин пишет стихотворения:

— «Глупое горе» («Тихой ночью поздний месяц вышел...»). Авторская дата: «27.VIII.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 9, л. 2.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 22, л. 14.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 119
(с пометой: «Ночью, засыпая»).
РГБ ОР, ф. 1, к. 4, ед. хр. 13.
РАЛ, MS. 1066/43–44.

См.: 5...11 декабря 1917.

— «На Невском» («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»). Авторская дата: «27.VIII.16».

СС (Петр). Т. 5. С. 220.

См.: до 15 октября 1916.

Бунин посылает А.М.Горькому стихотворения «Архистратиг» («Архистратиг средневековый...»), «Орда» («За степью, в приволжских песках...»), «Бегство в Египет» («По лесам бежала Божья Мать...») для журнала «Летопись» и пишет ему в ответном письме:

«Что до стихов, то я не говорил, чтобы они были впереди текста, я говорил только о кончиках страниц, под рассказами, где стихи как-то затериваются. Спасибо и за исполнение этой просьбы. Но у меня есть еще одна. Посылаю Вам еще три стихотворения. Если они Вам понравятся, не лучше ли будет поставить в той книжке, где будет "Аглая", *их*, а те, что у Вас, перенести на ту книгу, что выйдет в ноябре? А не понравятся — опять усерднейшая просьба: ради Бога, безо всякого стеснения возвратите их.

Я из Москвы уезжаю снова в деревню, скоро, но когда именно, еще не знаю. <...>

Здесь я в страшных хлопотах — сдаю в печать новую книгу. Вера в деревне.

Сердечно обнимаю Вас, дорогой друг. Отчего не написали два словечка о впечатлении от "Аглаи"? Вы знаете, как я дорожу Вашим мнением».

Письма (2). С. 372.

Имеется в виду книга «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Врач-окулист М.И.Авербах выписывает Бунину рецепт на пенсне.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 38, л. 6.

Август, 28. Бунин пишет стихотворение «Помпея» («Помпея! Сколько раз я проходил...»). Авторская дата: «28.VIII.16».

СС (Петр). Т. 5. С. 222.

См.: около 10 ноября 1916.

Август, 29. А.М.Горький пишет Бунину:

«Дорогой друг!

Позвольте напечатать "Архистратига" в сентябрьской книге, а "Орду" и "Бегство в Египет" оставить для следующих книг. Очень прошу об этом! Нужно, чтоб у нас в запасе всегда были Ваши стихи. Все три стихотворения — великолепны.

Тема "Аглаи" — чужда мне, но Вы написали эту вещь, точно старый мастер икону, — удивительно четко! В конце мне слышится некоторый рационализм и он, как будто, чуть-чуть мешает целостности впечатления.

А вообще, — что же говорить? Вы для меня — первейший мастер в современной литературе русской, — это не пустое слово, не лесть, Вы знаете.

Дорогой Иван Алексеевич, — нам пора составлять плакат о подписке на "Летопись" в 17-м году. Необходимо знать — что Вы дадите нам, чтоб мы могли назвать Вашу вещь или вещи Ваши. Лучше — вещи! <...>

Хочется видеть Вас, хочется много написать Вам, но — мои впечатления — отвратительны, мысли — грустны. Я не люблю жаловаться и однако, порою, так тяжко жить, что даже чувствуешь физическое недомогание, точно отравленный.

Что же будет с нами, Русью?

Вот я уже и готов зареветь медведем.

До свидания, прекрасный человек! Крепко жму руку».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 64–65.

Август, 30. Бунин пишет стихотворение «Цветы» («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»). Авторская дата: «30.VIII.16».

СС (Петр). Т. 5. С. 227.

См.: около 10 ноября 1916.

Август, 23...30. Выходит сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводах русских поэтов» (под ред. В.Я.Брюсова. М., 1916), в котором (с. 315, 378–379) помещаются переводы Бунина стихотворений А.Цатуриана «Мрачна, темна душа моя...» и А.Исаакяна «Моя душа объята тьмой полночной...».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Август, 29 или 30. Бунин возвращается в Глотово.

См.: 1 сентября 1916.

Август, 31. Бунин вместе с Н.А.Пушешниковым, который проходит призыв в армию, приезжает в Елец.

См.: 1 сентября 1916.

Август. Выходит № 7/8 петроградского «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни», в котором (стб. 360) печатается рецензия Т.Ганжулевич на книгу «Избранные рассказы» (М., 1914).

Рецензент пишет: «Прямой преемник Тургенева, в своей художественной простоте Бунин более других современных писателей доступен "народу". В этом отношении данный выпуск народно-школьной библиотеки, казалось бы, удачен. Следует, конечно, мало развитого читателя вводить во вкус художественных красот, но не надо забывать при этом одной особенности народного читателя: художественное произведение привлекает его внимание, лишь когда оно заинтересует его своим сюжетом. Такие рассказы Бунина как "Сон Обломова-внука", "Антоновские яблоки", — рассказы с настроением, — покажутся читателю скучными и ненужными; мало подходят к школьной библиотеке и рассказы "Весна", "Сверчок"; рассказ "Велга" с его интеллигентной психикой производит в этом сборнике какое-то странное впечатление, словно он попал сюда по ошибке: так не гармонируют его тона со всем остальным подбором.

В общем, группировка специального чтения для народа и народных школ всегда грешит односторонностью. <...> Происходит это, очевидно, от коллегиального решения в деле выбора тех или других произведений и от незнания той аудитории, которой предназначен сборник».

Сентябрь, 1. В.Н.Муромцева сообщает в письме Ю.А.Бунину:

«Сегодня II сутки я нахожусь в одиночестве <...>. Вчера я говорила Яну, но он и ухом не повел. Не понимаю, что ему делать в Ельце, раз там будет С.Н.<Пушешникова>».

Письма (2). С. 734.

Сентябрь, 2. На бланке издательства «Книга» А.Соболь пишет Бунину из Москвы:

«Издательство “Книга” поручило мне переговорить с Вами по поводу одного литературного начинания. Так как путем переписки трудно обо всем сговориться — не могли бы Вы принять меня для личных переговоров. Юрий Васильевич Соболев, у которого я узнал Ваш адрес, сказал мне, что в Москве Вы будете не раньше, как недели через три. Это очень долго, и я предпочел бы приехать к Вам».

ОГЛМТ, ф. 14, № 942 оф.

Сентябрь, 3. Л.Б.Яффе на бланке газеты «Еврейская жизнь» сообщает Бунину о готовящемся сборнике «новоеврейской поэзии» в русском переводе и пишет:

«В сборник войдет около десяти современных еврейских поэтов, начиная с Х.Н.Бялика, причем последнему будет уделено самое значительное место. Сборник выходит при ближайшем участии М.О.Гершензона и с его предисловием. К участию в сборнике мы приглашаем лучших представителей русской поэзии.

Считая Ваше участие в сборнике крайне важным и ценным для нас, позволяем себе обратиться к Вам с просьбой взять на себя несколько переводов из Бялика и др. еврейских поэтов.

По получении от Вас ответа пришлю Вам несколько стихотворений с транскрипцией оригинала и подстрочным переводом.

Гонорар можем предложить 50 коп. со строки и если разрешите воспользоваться некоторыми стихотворениями для нашего журнала до появления в сборнике — еще 25 коп. со строки.

Надеюсь, что встретим с Вашей стороны такое же внимательное отношение, как и при первом обращении к Вам».

На сохранившемся конверте помета Бунина: «Ответил 22 IX 1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 272.

См.: 22 сентября 1916, третья запись.

В московской газете «Утро России» (№ 246. С. 5) в рубрике «Новости литературы» (без подписи) сообщается о печатании в книгоиздательстве М. и С.Сабашниковых книги Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина:

«Особенностью этого издания “Песни о Гайавате” будут многочисленные иллюстрации документального характера (преимущественно фотографии), подбор

которых ставит своей целью воскрешение быта индейцев. Художественному тексту будет предшествовать вступительный очерк известного знатока американского фольклора — Иохельсона».

Сентябрь, 5. Ю.А.Бунин в письме Бунину просит сообщить подробности о военном призыве Н.А.Пушешникова, а также пишет:

«Вчера Белоусов говорил мне о <нрзб> выборах редакции: “Надо бы выбрать Серафимовича, сюда Иван не пойдет”. Когда же я сказал, что возможна и твоя кандидатура, он говорит: “Ну, вот и отлично, это — самое хорошее!”».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 68.

Сентябрь, 2...5. Бунин из Ельца приезжает в Орел, откуда возвращается в Глотово.

См.: начало сентября 1916, вторая запись.

Сентябрь, 6. Бунин пишет В.Д.Бонч-Бруевичу:

«Возвращаю Вам корректуру. Опять приходится делать много поправок, благодаря тому, что набирают не с “Нивского” издания! Прилагаю это издание при корректуре. Если еще не набирали далее, пусть набирают с него. <...>

Стихи сверстаны опять дурно. Будьте добры, последите за этим».

Письма (*2*). С. 372.

Сентябрь, 7. В.Д.Бонч-Бруевич пишет Бунину:

«Послал Вам пять листов корректуры. Очень мне было досадно, что то лицо, которому я поручил исправить, сравнив Ваш текст, так сделало это плохо и заставило и Вас и нас произвести так много лишней работы. С нетерпением жду от Вас корректуру, так как очень хочется выпустить Вашу книгу поскорей. Теперь как раз сезон».

Письма (*2*). С. 736.

Сентябрь, до 8. Выходит № 8 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 86–88) помещаются стихотворения «Дурман» («Дурману девочка наелась...»), «Сон» («По снежной поляне...»), «Зеркало» («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (8 сентября (№ 208). С. 2).

Сентябрь, 8. Д.Л.Тальников сообщает Бунину в письме:

«Меня интересует молчание Горьк<ого> по поводу моего “письма в ред.”, и я ему пишу снова».

Письма (*2*). С. 736.

Сентябрь, 9. Бунин пишет стихотворение «Едем бором, черными лесами...». Авторская дата: «9.IX.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 2.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 228.

См.: 15 (2) апреля 1918.

Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку, сообщая об освобождении Н.А.Пушешникова от воинской обязанности по болезни.

Письма (*2*). С. 373.

Сентябрь, 10. Ю.А.Бунин пишет Бунину и В.Н.Муромцевой по поводу выборов редактора «Книгоиздательства писателей в Москве»:

«Общее собрание книгоизд<ательства> будет, как вы уже знаете, 19-го. Доверенность ты пришли на мое имя, а Вы, Вера Ник<олаевна>, на имя Екат<ерины> Павловны <Пешковой>, — с ней я говорил вчера, она не имеет другой доверенности. Что будет с редакцией, не знаю. Шмелев отказывается. Остаюсь пока один я. <...> Клестов настаивает, чтобы был один редактор Вересаев за 3000 р. Тот пока и от этого отказывается. <...>

Ты обещался выступить 25 сент. на вечере Общ<ества> д<еятелей> п<ериодической> п<ечати>. Ты, конечно, не приедешь, но на афишу тебя надо поставить. Пришли, если не приедешь, 2–3 новых стихотворения, которые прочтет какой-нибудь актер. Не забудь сделать это».

Письма (*2*). С. 737.

А.Милорадович пишет Бунину:

«Высокочтимый Иван Алексеевич.

Светлого счастья, многих лет от всей души Вам желаю за *все*, чем дарите нас.

Живая красота чарует, радует в Ваших стихотворениях, а грустные места трогают до слез, до боли, точно, что-то перевернется в сердце, читая их, и живешь ими и ничего другого не надобно и жизнь отхлынивает и одна Красота Ваших стихов сияет, радует и печалит... <...> в памяти встает в своих безисходной тоске и слезах "Ночь печальна, как мечты мои", "На пирах веселых", а гробница Рахили? Как ***проникновенно***. Как жалобно. Как прекрасно».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 155.

На бланке издательства «Книга» А.Соболь пишет Бунину из Москвы:

«Только что получил Ваше письмо. По многим причинам приехать в Елец не могу, особенно в эти дни. Таким образом, придется уж подождать до Вашего приезда в Москву. <...>

Одновременно посылаю Вам телеграмму».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3151 оф.

Сентябрь, начало. Бунин посылает Д.Н.Овсянико-Куликовскому стихотворения под общим заглавием «Цейлон»: «Отлив» («В кипящей пене валуны...»), «Богиня» («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»), «Будда почивающий» («Сверкала Ступа снежной белизной...») для публикации в журнале «Вестник Европы».

См.: 11 сентября 1916, первая запись; начало ноября 1916.

Бунин сообщает в письме Д.Л.Тальникову:

«...я был в Москве, потом в Ельце (призывали племянника Колю, но не взяли), потом в Орле. Живы, здоровы, сидим в деревне, читаем, гуляем, ездим — жизнь простая и скучная. Ничего не пишу (летом все стихи писал), правлю корректуру новой книги стих<отворений> и рассказов. Мечта о Ташк<енте> откладывается до зимы. Не можете себе представить, как жалею, что Вам негде писать! Горьким изумлен выше меры. Ответил он Вам?»

Письма (2). С. 373.

Имеется в виду книга «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Сентябрь, 11. Д.Н.Овсянико-Куликовский пишет Бунину из Петрограда:

«Стихи, конечно, приняты и пойдут в октябрьскую книгу, которая, уповаю, выйдет не позже первых чисел ноября. <...> В типографии заминки и непорядки, — решили перейти в другую, — к Лемке, где и упорядочим дело.

Но — ради Будды! — рассказ, рассказ! Пол “Вестника Европы” за рассказ!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 173, л. 8.

В газете «Саратовский вестник» (№ 194. С. 2) публикуется статья Ю.В.Соболева «Об Ив.Бунине».

Критик пишет: «На днях выходит новая книга рассказов и стихов Ив.Бунина <“Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.”>. <...> Перечитывая их, поражаешься не только очень значительной продуктивностью его творчества, ни на один миг в яркой своей силе не ослабевающей, — но и с восхищением наблюдаешь рост его, как писателя, такого крепкого, такого волнующего и изящного.

Уже давно и справедливо упрочился взгляд на Бунина, как на превосходного мастера формы. Последние его вещи это его художническое мастерство подтверждают с особенной убедительностью. <...>

Бунинская проза по праву вошла уже в хрестоматии, и должно нашим современникам учиться по его образцам. Его речь музыкальна, язык его гибок, богат, чист и ярок.

Таким, повторяю, мы давно знаем Бунина, и теперь он снова с еще большей яркостью показал нам значительность своего мастерства, на котором, однако, нет и следа нарочитой изысканности. В этом отношении он вне упреков.

Упреки, которые ему все еще приходится выслушивать, и которые не могут не волновать писателя горькой обидой непонимания — эти упреки касались иного: не формы, а содержания. <...> Есть люди, которые в изображенной Буниным России увидят одно лишь злое, дикое, страшное. И эти люди со злорадством отметят, что Бунин умеет говорить только о теневых сторонах своей родины. <...> Но ведь и в этих “отрицательных” изображениях звучит не осуждение, — а сожаление, не злоба, а любовь. И разве у него все сплошь черные краски? Разве не Бунин написал “Худую траву”, “Заботу”, “Суходол”?..

Прочтите их внимательно — вам станут непонятны речи о “холодности” Бунина. Ах, эта пресловутая писательская “теплота”, это фальшивое прекраснодушие, эта страусовая привычка бояться взглянуть правде в лицо!.. <...> можно было бы указать тем, которые по привычке вторят вслед за частью критики, до сих пор укоряющие Бунина в “безыдейности”, — что у этого замечательного писателя есть такие рассказы, как “Братья” и “Господин из Сан-Франциско”, где с силой и глубиной, поистине толстовской, ставятся вопросы о смысле жизни и смысле смерти.

Но и эти темы даны в современной оболочке. И если говорить об их внешней форме — то это как раз та *форма*, которая выражает *идею*.

Ибо во всем, что пишет Бунин, он остается художником. Чудесное чеховское пожелание “я бы хотел остаться художником, и только художником” — он воплощает делом своего творчества.

И говоря о его писательском мастерстве, хочется, прежде всего, отметить его необычайную наблюдательность. У него острый и зоркий взгляд, который все замечает, схватывает, запечатлевает. <...>

Такое мастерство в передаче впечатлений, ощущений, красок и звуков лежит в основе бунинского творчества: Бунин дает огромную образность, выпукло и ярко рисуя не только вещи и природу, но и людей. <...>

Вырастая с каждой новой книгой, делаясь в каждой новой вещи все более и более глубоким, Бунин подошел к самому трудному и к самому ценному — к тому, что всякое художническое мастерство делает вечным созданием искусства — к душе человека.

И в прелестном рассказе об Оле Мещерской, у которой было “легкое дыхание”, и в волнующей повести любви г-жи Маро (“Сын”), и в рассказе о жалком Казимире Станиславовиче — говорит Бунин о душе человеческой в ее страшных и милых, странных и вечных проявлениях.

Но среди этих вещей (из них особенно волнующее впечатление оставляет “Сын” и написанное как поэма “Легкое дыхание” — набросок, выросший в целую повесть о девичьей душе) — особое, исключительное по силе, впечатление оставляет “Господин из Сан-Франциско”. <...>

Тема “Господина из Сан-Франциско” — жизнь человека, плененного суетой, злом и пороком “Вавилона” — эта жизнь ужасна, ибо она лишена веры, ибо она вся в плоскости грубых, эгоистических животных требований, инстинктов и побуждений. <...>

Тема, как видите, чисто толстовская.

И кое что от Толстого чувствуется и в самом построении рассказа, и даже, местами в его тоне. <...> Но, разумеется, указывая на это толстовское влияние — я далек от мысли укорять Бунина в подражательности. Близок рассказ Толстому духовно, — но это потому, что тема по огромной внутренней значительности своей могла быть воплощена и Толстым.

Выполнен же “Господин из Сан-Франциско” — в манере, свойственной одному лишь Бунину». Выписав несколько цитат из окончания рассказа, критик заключает: «Так заканчивается этот превосходный рассказ, свидетельствующий о том, какой большой художник Бунин, какую радость способен он дать, и какое будущее ждет его...».

Сентябрь, 13. Ф.Ф.Фидлер пишет Бунину из Мариинской больницы Петрограда:

«Вот, милый Иван Алексеевич, где меня нашла ваша любезная посылка».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3176/1 оф.

Сентябрь, 15. Бунин посылает Ю.А.Бунину доверенности от себя и В.Н.Муромцевой на голосование по поводу выборов редактора «Книгоиздательства писателей в Москве» и пишет:

«Милый Юлий, посылаем доверенности. Посылаю для прочтения на вечере 25-го сент. не стихи, а рассказ — “Песню о гоце” — это очень коротко и

очень хорошо читать с эстрады. Только *кто* будет читать? Если не знаменитый артист, то лучше просто заявить с эстрады, что меня нет».

Письма (2). С. 373.

См.: 19 сентября 1916; 25 сентября 1916, вторая запись.

Не дождавшись письма, Ю.А.Бунин вновь пишет Бунину:

«Жду доверенности на выборы. Просят тебя не отказаться быть редактором сборников <“Слово”> с платою по 25 р. за лист (вчера на этом настаивали Шмелев и Голубев). Вересаев также, вероятно, согласится. Ответь *мне немедленно телеграммой* согласен ли ты или нет».

Письма (2). С. 737.

Сентябрь, 16. Ю.А.Бунин пишет Бунину:

«Читал ли ты в “Р<усских> в<едомостях>” статью Белоруссова о газете, в которой участвует Андреев? Серафимович отказался в ней сотрудничать. Андреев опять писал Шмелеву. <...> Ответил ты что-либо Андрееву?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/8 оф.

Имеется в виду статья Белоруссова «По поводу одного газетного предприятия» в газете «Русские ведомости» (7 сент. (№ 207). С. 2–3), в которой высказывается протест против идеи товарища председателя Государственной Думы А.А.Протопопова создать новую газету, которая бы защищала интересы банкиров и купцов; сообщается, что банкиры готовы собрать около 5 миллионов рублей на создание подобной газеты.

Сентябрь, до 17. Выходит № 9 петроградского журнала «Современный мир», в котором (с. 139–143) публикуются под общим заглавием «Пять стихотворений»: 1. «Бонна» («Худая некрасивая ирландка...»), 2. «Дачная прогулка» («Полночь, море и зарницы...»), 3. «Дача на севере» («К вечеру море шумней и мутней...»), 4. «Близ Биаррица, зимой» («Покрывало море свитками...»), 5. «На крыше отеля у Пирамид» («В жарком золоте заката Пирамиды...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (17 сент. (№ 214). С. 1).

Сентябрь, 17. Бунин сообщает открыткой Ю.А.Бунину, что согласен стать редактором сборников «Слово» и пишет:

«Трудно отсюда решать что-нибудь. Но надеюсь на тебя — тебе там виднее».

Письма (2). С. 373.

Сентябрь, 19. Проходит общее собрание редакции «Книгоиздательства писателей в Москве»; выборы новой редакции откладываются. Бунин на собрании не присутствует.

См.: 21 сентября 1916.

Сентябрь, 18 или 19. Бунин посылает Н.И.Иорданскому восемь стихотворений: «Казнь» («Туманно утро красное, туманно...»), «Сон епископа» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), «За Соловками» («Солнце полночное, тени лиловые...»), «На Невском» («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»), «Молодость» («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), «Колизей» («Дул теплый

ветер, — точно сея...»), «Сирокко» («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»), «Последний шмель» («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...») для публикации в журнале «Современный мир».

См.: 23 сентября 1916, вторая запись; до 15 октября 1916.

Сентябрь, 21. Ю.А.Бунин в письме Бунину сообщает:

«Третьего дня было общее собрание книгоиздательства. Предварительно собирались у Телешова. Решено выборы редакции отложить на 2 месяца, оставив пока редакцию в прежнем составе. Выборы новых пайщиков тоже отложены до выработки условий приема их».

Также Ю.Бунин пишет о предполагаемом вечере, посвященном Бунину: «Вечер намечается на конец октября или начало ноября. Устроителем предполагается секция народного театра Об<щест>ва народных университетов (председателем секции состоит В.Д.Поленов). <...> Реферат будут просить Айхенвальда, а если откажется, то Фриче. Чтецами намечаются Южин, Максимов <...>, Ведринская (имеет громадный успех, она — жена Ник.Ал.Попова). Певцы не намечены. <...>

16-го или 23-го октября предполагается концерт Смирнова, устраиваемый Л<итературно->х<удожественным> к<ружком> и “Средой”. Приглашают Рахманинова, Кошиц, которой всегда аккомпанирует в таких случаях Рахманинов, тебя, Гельцер и, кажется, больше никого. Цены будут огромные, начиная с 25 р. за 1-й ряд. Ответь немедленно, будешь ли ты или нет к этому времени и примешь ли действительное участие. Отсутствовать нельзя. Лучше заранее откажись, т.к. Смирнов обидится и больше нельзя будет его упросить (концерт будет от его имени)».

Письма (*2*). С. 737, 739.

Сентябрь, 22. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«2-ое изд. “Чаши жизни” нужно набирать по изданию “Нивы”. Последнюю коррект<уру> я должен читать сам. Пожалуйста, имейте это в виду».

Письма (*2*). С. 374.

Бунин спрашивает в открытке Д.Л.Тальникова:

«...получаете ли Вы “Летопись”, читали ли статью Бельск<ого> “Жизнь Ивана”? Если нет, могу выслать не только статью, но и самую эту “Жизнь”».

Письма (*2*). С. 374.

Имеется в виду рецензия А.Бельского на книгу О.П.Семеновой-Тян-Шанской «Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний» (Летопись. 1916. № 8).

В ответном письме Бунин пишет Л.Б.Яффе:

«...при всем моем желании исполнить Вашу просьбу, не думаю, чтобы мне удалось это сделать: переводить, не зная языка, нельзя, я однажды уступил настояниям переложить в рус<ские> стихи 2 или 3 стих<отворения> армянских поэтов — и до сих пор чувствую себя неловко, хотя дело было уже давно. Пришлите мне несколько подстрочников, — тогда мне виднее будет, хотя, повторяю, очень мало шансов на то, чтобы вышло из этого что-нибудь путное. О гонораре не беспокойтесь, — я по полтиннику получал лет 25 тому назад, теперь таких цен не беру, и посему, если выйдет что, дам уж лучше бесплатно».

Письма (*2*). С. 374.

Сентябрь, 23. Бунин посылает Н.С.Клестову исправленные корректурные листы книги «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» и пишет в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам то, что готово к печати. (Я и в листах сам буду читать). Посмотрите и подпишите. Отступлений от моих указаний, пожалуйста, не делайте (напр., насчет марки кн<иго>издательства, этого вечного безобразия наших книг, — я ни за что не соглашусь поставить ее на лице обложки). Цвет обложки и цвет краски ее шрифта я выбрал именно эти самые. <...>

Не тонок ли шрифт титула?»

Письма (*2*). С. 374–375.

Н.И.Иорданский пишет Бунину из редакции журнала «Современный мир»:

«8 стих<отворений> получил. Благодарю Вас. Напечатаю эти стихотв<орения> в 10 книжке, которая выйдет около 5/X».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3427/1 оф.

Сентябрь, 24. В московской газете «Утро России» (№ 267. С. 5) помещается статья Н.Я.Абрамовича «Чувство жизни. (И.Бунин и молодые)». Подпись: Н.Кадмин.

Критик пишет: «Среди тех больших и серьезных явлений современного художества, которых так немного, и которые к тому же еще заслонены произведениями поддельного, "бумажного" характера, выделяется несравненный мастер искусства Ив.Бунин. <...>

Ив.Бунин не бил по нервам русского читателя, не писал на модные темы, не плыл в русле "новейших" течений. Перед ним были неизмеримо тонкие и прекрасные художественные задания. И он осуществил их, достиг новых литературных формул, которые поражают чистотой, свежестью, прелестью линий, достиг новых сочетаний красок, света, жизненности... Его лучшие страницы дают такую же простую радость жизни, ощущений, какую дает свет, воздух, утро.

Такое монашество в литературе не могло быть популярным. Бунин "шуметь" не мог. Ведь самое прекрасное, что есть вокруг нас, мы обыкновенно не замечаем, в особенности тогда, когда начинается культ остроты, мути, "танго", половых уклонений и невероятной литературной наглости ("футуристы").

Бунина зачислили в разряд "пейзажистов". <...> Как будто можно выделить ощущения, идущие на нас от природы, из общего потока душевной жизни! Как будто полотна Левитана не отражают все той же цельности творческого я!..

В последние годы, когда казалось, Бунин достиг предельного в области художественного рисунка, расширив, как истинный художник, самую сферу доступных искусству завоеваний, он как-то внезапно вырос и поднялся в совершенно новой для него области. <...>

Тот, кто читал последние шедевры Бунина, вещи совершенные в смысле художественной силы и выполнения, "Братья" и "Господин из Сан-Франциско", свяжет эти творческие проявления с другими произведениями Бунина, родственными им. <...>

В художнике, просто и четко отражавшем мир, теперь с явной и неотразимой силой обозначилось возмущение, появился гнев, общественник сказал бы — протест. Но это неизмеримо глубже общественного протеста. <...> В “Братьях” осуждена со страшной силой художника убийственная инерция европейской жизни, с внешней мощью ее технического прогресса и культом удобств, порабощающим и разрушающим живую стихию духа. Выражено это тем сильнее, что основная идея дана здесь не в отвлеченной, не в логической формулировке, а внушается читателю самым характером общего ощущения, самой душевной настроенностью, разлитой в рассказе, насыщающей каждую его страницу. Чувствуется, что эта вещь вылилась не как головная идея, а как захватившее художника сложное душевное чувство. И оно передано со всем мастерством Бунина, со всею силой свойственной ему едкости и тяжелой угрюмости. <...>

Уже была отмечена в критике наличность среди бунинских мотивов — мотива духовной жизненности, преодолевающего злые и грубые стихии быта (“Беден бес”, В.Матвеев в альманахе “Новая жизнь”, № 4). Но в Бунине теоретики нет, он весь — в наплывах большого, могучего, сложного чувства жизни. И оно отражено, во-первых, чистейшими красками, светом, но и, во-вторых, смутной, неотразимой, какой-то буддийской тоской души. <...>

Из молодых писателей любопытную параллель этому подернутому туманом чувству жизни Бунина представил бы Ив.Новиков, с его свежим, я бы сказал — аппетитным, радостно поглощающим чувством жизни (особенно в повести “Калина в палисаднике”, “Сев. записки”)».

См.: 9...16 августа 1916.

Сентябрь, 25. Бунин вновь пишет Н.С.Клестову с «горячей просьбой» внести дополнительные поправки в рассказ «Аглая».

Письма (*2*). С. 375.

На вечере Общества деятелей периодической печати М.Ф.Андреева читает рассказ Бунина «Песня о гоце».

См.: 15 сентября 1916, первая запись; 26 сентября 1916.

Сентябрь, 26. Ю.А.Бунин в письме Бунину сообщает:

«Вчера на вечере журналистов твой рассказ читала М.Ф.Андреева, читала довольно хорошо <...>.

Пришли мне, пожалуйста, деньги за сентябрь для Маши <Ласкаржевской>, она очень бедствует, а у меня денег нет. Не взять ли из Колиных денег, а ты заплатишь ему?».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/11 оф.

Сентябрь, 27. Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Милый Юлий, я *чрезвычайно* боюсь за этот “Бунинский” вечер, и не лучше ли расстроить его? Позор будет, если все выйдет хуже прошлогоднего. А выйдет именно так, по-моему, непременно должно — уже хотя бы по одному тому, что этот вечер — повторение. <...> И артисты одни и те же, да и не первосортные к тому же... Словом, ради Бога, серьезно подумай об этом. — Во всяком случае ранее середины ноября этот проклятый вечер не должен быть. Я еще ни строки не написал, я не знаю, когда я уеду отсюда. Может

быть, через неделю, через две, ну, а если начну писать? Ни за что тогда не поеду, хоть там земля тресни. И еще раз твердо говорю: истинно буду счастлив, если этот вечер расстроится, он уже и теперь не дает мне покою. Один Фриче в качестве референта обо мне чего стоит! Айхенвальд, я убежден, не будет читать. А музыкальный отдел!! На мои говеннейшие слова написано 2–3 омерзительнейших романсика. И ***опять*** я буду слушать их? Этого я, прямо говорю, не в состоянии перенести.

От участия в концерте Смирнова *отказываюсь самым решительным образом.* В этом концерте я буду уже совсем пришей хвост кобыле. Да и с приездом я могу надуть. Нет, ни за что.

Маша и дети каждую неделю, по 2 раза в неделю пишут отчаянные письма. <...> Мы за этот месяц переслали им разными способами около 75 р. Но, конечно, это не может повториться. Повторяю то, что сто раз долбил: надо что-нибудь делать с землей, — продавать, закладывать. Иного выхода нет».

Письма (*2*). С. 375–376.

Извиняясь за молчание, Бунин сообщает А.М.Горькому, что пока не может «определенно» что-либо назвать из своих произведений для журнала «Летопись» на будущий год:

«Вероятно, я буду все-таки писать, и если это нужно, объявите, что будут, мол, рассказы такого-то. Надеюсь, что это объявление оправдается, но когда и как — сказать не решаюсь».

Письма (*2*). С. 376.

Сентябрь, 30. Д.Л.Тальников в письме Бунину рассказывает:

«От Горького получил, наконец, письмо. Он пишет, что, <...> комиссия (кто это?) “единогласно” признала, что не следует помещать письмо мое ввиду, главн. образ., того, что “полемика с Чирик<овым> не украсила бы журнала, да и по существу это бесполезно. К тому же противная сторона осталась довольна моим (т.е. горьковским) ответом, как это известно нам”. <...> но меня это, конечно, не удовлетворило. <...> И чувство неудовлетворенности и обиды — обиды за то, что не дали мне ответить этому грубому болтуну, и не дали мне доказать мою правоту — это чувство осталось во мне, “литература” в кавычках становится противной, когда я думаю о ней издалека. Это Авгиевы конюшни, а бороться — есть силы и злость... <...>

Очень Вам буду благодарен, если Вы пришлете мне, — если это не затруднит Вас хоть сколько-ниб<удь>, “Жизнь Ивана”, о которой Вы пишете, и статью о ней из “Летописи” <...>. Я слышал, что есть такая книга — и хотелось бы узнать о характере ее».

Письма (*2*). С. 736–738.

Сентябрь. Бунин посылает в редакцию альманаха «Творчество» стихотворение «Игроки» («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»).

См.: до 28 декабря 1916.

Октябрь, 1. Бунин пишет стихотворение «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...». Авторская дата: «1.X.1916».

РАЛ, MS. 1066/47, 1066/48, 1066/49.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21
(с авторской датой: «IX.1918»).

См.: 19 (6) октября 1919, вторая запись.

Из Бюро газетных вырезок Бунину посылается Счет за высланные с 1 января по 30 сентября 1916 г. 130 вырезок.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/22 оф.

Октябрь, 2. Бунин пишет стихотворение «Первый соловей» («Тает, сияет луна в облаках...»). Авторская дата: «2.X.16».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 4.
СС (*Петр*). Т. 5. С. 229.

Датируется по *СС* (*Петр*). В *Роза Иерихона* (с. 275) авторская дата: «2.X.17».

См.: 27 (14) сентября 1919, первая запись.

Октябрь, до 4. Выходит № 9 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 107) печатается стихотворение «Бегство в Египет» («По лесам бежала Божья Мать...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (4 окт. (№ 228). С. 1).

Октябрь, 4. А.В.Абрамов пишет Бунину из Ташкента:

«Шлю Вам тетрадь своих стихов. Одно из них “Зимнее” посвящено Вам. Извините, что сделал это без Вашего разрешения, я буду очень огорчен, если Вы за это на меня рассердитесь. Очень бы хотел знать Ваше мнение об этом сборнике, если не затруднит Вас, черкните несколько строк — выйдет ли из меня толк».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2964/1 оф.

Ю.А.Бунин пишет Бунину:

«Ходят упорные слухи, что еще до нового года выйдет закон, по которому будут брать в солдаты до 50 лет, а по другим слухам — до 55 лет. Хлопотать об освобождении по разным уважительным причинам нужно будет, как говорят, заранее, так как после обнародования указа о призыве хлопоты будут недействительны. Так, по крайней мере, было с последним призывом: освобожденные после указа 15 июля все-таки призываются. <...>

Я уже сообщил, что ты не будешь участвовать в концерте Смирнова. Предложу отложить и “бунинский” вечер.

Насчет Машиной земли я уже говорил тебе, что ее продать или заложить можно будет, когда она утвердится в правах наследства. Еще далеко не истек даже срок публикации. Для утверждения потребуется тоже время, так что делать сделки с землей можно будет не ранее лета. Маша действительно находится в крайне бедственном положении».

Письма (*2*). С. 739–740.

Октябрь, 5. Бунин обращается в письме к Ю.А.Бунину с просьбой:

«Милый, драгоценный, посылаю тебе просьбу от комиссии юбилея Сытина, с которой пристают ко мне десятый раз. Что мне написать о Сытине? Выдумай и *немедленно* пришли мне».

Письма (2). С. 376.

Октябрь, 7. Л.Н.Андреев пишет Бунину:

«Милый мой Иван Алексеевич! Не получив от тебя ответа на второе письмо, ответа и не требовавшее, заключаю, что ты остаешься при намерении прежнем, т.е. дать что-нибудь для "Народной воли" (название нашей газеты). Не входя в надоевшие подробности и не разбираясь во всех этих сплетнях о банках, министрах и проч., еще раз повторяю и только подтвержу, что газета будет прогрессивная и абсолютно чистая от примесей. В этом смысле каждый новый день и новый сотрудник только укрепляет нашу позицию. Между прочим, уже давно вошел и подписал договор Куприн, знаю, что тебе это будет приятно. Подписан договор и с Амфитеатровым.

У тебя я хочу просить и рассказы, и много стихов. <...> И думал я давать хотя бы и не так часто целые циклы стихотворений одного поэта. <...> И вот первый, а если ты не успеешь, то один из первых дней мне хотелось бы отдать тебе. Буду думать, как бы и типографски выделить стихи, дабы всякая скотина поняла, что это место — священно. <...> Будь дружок, погорячись немножко, как я горячусь вот уже два месяца».

Письма (2). С. 741.

Это письмо переслал Бунину Ю.А.Бунин. См.: 12 октября 1916.

Октябрь, 8. Бунин начинает писать рассказ «Петлистые уши».

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает: «И.А. пишет рассказ "Петл<истые> уши"».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 58.

Октябрь, 9. Бунин пишет Ю.А.Бунину:

«Деньги для Маши можно, конечно, взять из тех 200 р. Вечер я тебя не просил расстраивать во что бы то ни стало — просил расстроить его только в том случае, если увидишь, что он будет хуже прошлогоднего».

Письма (2). С. 376–377.

Октябрь, 12. Ю.А.Бунин в ответном письме Бунину пишет:

«Милый Ваня! В письме от 27 сент. ты буквально писал мне по поводу бунинского вечера следующее: "И еще раз *твердо говорю*: истинно буду счастлив, если этот вечер расстроится" <...>. Теперь же ты мне пишешь, что "вечер я тебя не просил расстраивать" <...> Ах, Ваня, Ваня, Ваня! <...> Полагаю, что вечер в будущем (о времени надо условиться) студент устроит. <...> Жаль, конечно, что ты не будешь участвовать в концерте Смирнова. Не в говенных же вечерах выступать тебе. А совсем не показываться публике навряд ли полезно.

Положительно не знаю, что написать о Сытине. Вероятно, придется, если это нужно, сказать что-либо о его необыкновенной нерусской энергии или другую подобную банальность. Тут ничего не поделаешь — не стихи же писать в честь его.

Посылаю письмо Андреева <см.: 7 октября 1916>. Положение твое "пиковое". Не придумаешь, как из него выйти, но оставаться в "Народной воле" нельзя, по моему мнению. Впрочем, поступай, как хочешь, я никак в этом

случае не могу тебе советовать. Если Андреев не шутит с названием газеты, то это — наглость. Хороши “народовольцы”! Прямо возмутительно».

О призыве в армию Д.А.Пушешникова: «Митюшка уже 3 дня в казармах. После отправки туда он только по телефону говорил со мной. Говорит, что с месяц его будут обучать строю, а затем дай Бог, чтобы попал в военные писаря, о чем хлопочем. По словам Мити, ты и Коля <Пушешников> легкомысленно отнеслись к возможности вам попасть в подобное же положение».

Письма (2). С. 740, 742.

Октябрь, 13. П.А.Милованов пишет Бунину из Двинска:

«Дорогой Иван Алексеевич!

В это время как я пишу Вам, над нашей крепостью идет воздушный бой. <...> По московским газетам я все следил, не приехали ли Вы в Москву. <...> Ваша карточка висит у меня на стене в соседстве с Вашим портретом, выдранным из “Друкаря”. Осенью Вы обещали прислать мне другой портрет, который я теперь и жду. Надеюсь, что не позабыли. Буду ждать обещанного. Люди здесь надоели, читать нечего, так что “Иван Рыдалец” да “Казимир Станиславович” в “Летописи” я выучил чуть ли не наизусть. Сплошь и рядом в письмах советую малограмотным читать И.Бунина, или выписывать из Петрограда Ваши сочинения, посылаю в качестве подарка, так что один из таких малограмотных удостоил меня прозвищем “исповедник Бунина” и, по совести сказать, — это мне очень льстит».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3084 оф.

Октябрь, до 15. Выходит № 10 петроградского журнала «Современный мир», в котором (с. 142–144) печатаются под общим заглавием «Восемь стихотворений»: «Казнь» («Туманно утро красное, туманно...»), «Сон епископа» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), «За Соловками» («Солнце полночное, тени лиловые...»), «На Невском» («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»), «Молодость» («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), «Колизей» («Дул теплый ветер, — точно сея...»), «Сирокко» («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»), «Последний шмель» («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (15 окт. (№ 238). С. 1).

Октябрь, 15. Бунин спрашивает Ю.А.Бунина в письме о причине его молчания, а также просит выяснить предполагаемую возможность призыва его в солдаты в связи с продолжающейся войной.

Письма (2). С. 377.

В открытке Бунин спрашивает Н.С.Клестова о судьбе книг «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» и 2-го издания «Чаши жизни», а также о 7-м сборнике «Слово».

Письма (2). С. 377.

Бунин посылает письмо Н.А.Котляревскому, обращаясь с «покорнейшей» просьбой:

«...Вы, может быть, это знаете или имеете возможность узнать, — могут ли меня, академика, взять в солдаты, если будет указ об изменении призывного возраста? Мне 47-й год от роду, я ратник 2-го разряда, солдатом никогда не служил, образования низкого, — не кончил даже прогимназии.

За ответ на этот вопрос буду Вам бесконечно признателен.

Напишите, пожалуйста, и вот что еще: что у нас в академии слышно насчет выборов в почетн<ые> академики? если таковые выборы будут, то когда? — я непременно хочу быть на них, — и кого намечают?»

Письма (2). С. 377.

Октябрь, 17. В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Приношу Вам глубокую благодарность за стихи. Ноябрьская книга уже печатается. Надеюсь, что их успеют вставить в ноябрь. Если книга стихов выходит в ноябре, то в дек<абре> поместить их нельзя. Поздно прислали Вы их, но надеюсь, что в ноябрь еще сверстают.

Еще раз благодарю Вас и очень прошу дать что-нибудь на 1-ую книжку».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3083/15 оф.

Какие были присланы стихотворения неизвестно, в ноябрьском номере «Ежемесячного журнала» стихи Бунина не печатались.

В большой аудитории Политехнического музея П.С.Коган читает лекцию на тему «Литература сегодняшнего дня».

См. объявление в газете «Русские ведомости» (16 окт. (№ 239). С. 1).

В утреннем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (23 окт. (№ 15879). С. 5) в отчетной заметке А.Рогожина «В мире литературы. Литература сегодняшнего дня. (Лекция П.Когана)» (подпись: А.Рог), в частности, сообщается: «Обращаясь к позднейшим литературным произведениям, лектор остановился на повести Бунина “Господин из Сан-Франциско”. В этом рассказе микрокосм нашего мира, символ эфемерности и прозрачности нашей жизни, из-за которой так обильно льется теперь кровь. Здесь сплетены бесчисленные нити к общественному строительству».

Октябрь, 18. Бунин пишет Л.Н.Андрееву по поводу своего участия в новой газете «Русская воля»:

«...дело отлагается до нашего свидания с тобой. Пусть же оно пока и будет в этом положении. Боже меня упаси думать, что газета эта не прогрессивная и т.д. Но ведь все-таки могут быть пункты, по коим я не сойдусь с ней. В начале ноября надеюсь быть в Питере и тотчас же повидаюсь с тобой.

Прошу тебя, дорогой, пожалуйста, не истолковывай это письмо хотя бы на йоту дурно».

Письма (2). С. 378.

Ю.А.Бунин пишет Бунину по поводу возможного призыва в армию:

«Не знаю, у кого можно осведомиться о твоей судьбе. Кого ни спрашивал, все высказывают одни только предположения. Ведь самое учреждение почетных академиков сравнительно недавнее. Устава Академии у меня нет. Может быть, ты сам сообразишь и укажешь мне, где навести справки. Может, и сам обратишься к кому-нибудь за сведениями. <...> С своей стороны, повторяю, сделаю все возможное.

На днях был здесь Л.Андреев. Были мы у Голоушева (я, Телешов, Серафимович, Шмелев и Белоусов). Л.Н. весь вечер говорил о газете — больше не о чем. Доказывал, что дело сложилось не так, как описывается в газетах. <...> Про тебя он спросил только, переслал ли я тебе его письмо. Я ушел рано — в первом часу, другие оставались до 5 утра. Леонид, по словам Шмелева, всех их прямо ругал, но они остались при прежнем мнении — в газете участвовать не будут. <...>

Вчера я получил письмо от Евгения <Бунина>. Он пишет, что вы из Глотова уезжаете в Москву, а так как в Москве жить дорого, то он предлагает вам переехать к нему в Ефремов. Напиши, что сие означает».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2978/3 оф.

Н.С.Клестов пишет Бунину на бланке «Книгоиздательства писателей в Москве» по поводу его книг «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» и 2-го издания «Чаши жизни»:

«У меня были лишь первые листы новой книги (1–4). Я отослал их Кушнереву, сделав те поправки, которые Вы просили в открытом письме ко мне. Кушнерев еще не печатал эти листы, т.к. от Вас пришли еще поправки. Сейчас все сверстано и осталось набрать одну какую-то вещь. Я не подписывал к печати ничего. <...> Вам может что-либо не понравится из моих поправок, Вы можете не согласиться с правкой нашего корректора. <...> Вообще я советовал бы Вам издать эту книгу без нашего просмотра — больше выйдет толку. <...>

“Чаша жизни” на будущей неделе будет закончена набором, но больше задержка за Вами. Вы ведь потребовали корректуру и до сих пор не вернули. С Вами, Иван Алексеевич, скоро книгу не издашь, в особенности, в данное время».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 286, л. 3.

Октябрь, 24. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«Я так и решил — подписываю и буду подписывать “Госп<одина> из С<ан->Франциско” к печати сам. Но сказали ли Вы Кушнереву, что надо печатать 3000 экз., что брошюровать надо как можно лучше, невзирая на дороговизну и т.д. Я вообще имел в виду Ваш чисто технический осмотр. Не могу я кое-чего решить один. <...> Хотел бы, чтобы шрифт титула, да и вообще весь вид титула был повторением обложки».

Письма (*2*). С. 378.

Бунин провожает В.Н.Муромцеву, которая уезжает из Глотово.

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает: «Отъезд В.Н. Провожали ее до Знаменского. Простившись с ней у Знаменского сада, поехали с И.А. в Рем<ерский> лес».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 47.

Октябрь, 25. Из Бюро газетных вырезок посылается Бунину счет на сумму 17 р. 10 к.

На нижнем поле письма помета Бунина: «Пишу Юлию, чтобы выслал (5 ноября 1916 г.)».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2956 оф.

См.: 5 ноября 1916.

В помещении Литературно-художественного кружка на литературно-музыкальном вечере Общества деятелей периодической печати М.Ф.Андреева читает стихотворения Бунина.

См. отчетную заметку «Вечер Общества деятелей печати» в газете «Русские ведомости» (27 сент. (№ 222. С. 6).

Октябрь, 26 или 27. Бунин посылает Я.Л.Сакеру одиннадцать стихотворений: «Цветы» («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»), «Компас» («Качка слабых мучит и пьянит...»), «Дедушка в молодости» («Вот этот дом сто лет тому назад...»), «В пустом доме» («Синие обои полиняли...»), «Без меня» («Настанет день — исчезну я...»), «В Апеннинах» («Поэзия темна, в словах невыразима...»), «Помпея» («Помпея! Сколько раз я проходил...»), «Калабрийский пастух» («Лохмотья, нож — и цвета черной крови...»), «Аркадия» («Ключ гремит на дне теснины...»), «Чернец» («В ризы черные одели...»), «Колотушка» («Светит, сети ткет паук...») для публикации в журнале «Северные записки».

См.: 28 октября 1916; 29 октября 1916; около 10 ноября 1916.

Октябрь, 27. Бунин читает книгу В.Бертенсона «За тридцать лет», «Дневник» М.К.Башкирцевой.

В дневнике Бунин пишет: «Читаю записки В.Бертенсона “За тридцать лет”. Еще раз убеждаюсь в ничтожестве человеческих способностей — сколько их, людей, живших долго, видевших очень многое, вращавшихся в обществе всяких знаменитостей и обнаруживших в своих воспоминаниях изумительное ничтожество. Вспоминаю книгу Н.В.Давыдова — то же думал и ее читая.

Прочел (перечел) “Дневник Башкирцевой”. <...> Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Вспоминаю ее брата, в Полтаве, на террасе городского сада. Наглое и мрачное животное, в башке что-то варварски-римское. Снова думаю, что слава Б<ашкирцевой> (основанная ведь больше всего на этом дневнике) непомерно раздута. Снова очень неприятный осадок от этого дневника. <...> Дневник просто скучен. <...>

Мой почерк истинное наказание для меня. Как тяжко и безобразно ковыляю я пером. И всегда так было — лишь иногда немного иначе, легче.

Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается. Уж как давно я великий мученик, нечто вроде человека, сходящего с ума от импотенции. Смертельно устал, — опять-таки уж очень давно, — и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война, — какое великое душевное разочарование принесла она мне! <...>

Коля по вечерам мне читает. <...> Продолжаем “Мелкого беса” <Ф.Сологуба>. Тоже хорош! Не запомню более скучной, однообразной книги. <...> В стихах у него был когда-то талант».

СС (*2*). Т. 7. С. 388–389.

Октябрь, 28. Бунин пишет стихотворения:

— «Среди звезд» («Настала ночь, остыл от звезд песок...»). Авторская дата: «28.X.16».

СС (*Петр*). Т. 5. С. 230.

См.: около 10 ноября 1916.

— «Бывает море белое, молочное...». Авторская дата: «28.X.16».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 169.

См.: Звено. Париж, 1924. 14 июля (№ 76). С. 2.

Октябрь, 29. Я.Л.Сакер пишет Бунину из Петрограда на бланке журнала «Северные записки»:

«Очень Вам благодарен за присланные стихи. Они идут в октябрьской книге, которая <...> выйдет, д<олжно> б<ыть>, около 10 ноября. Надеюсь, что и Ваш новый том немного запоздает. С благодарностью принял Ваше предложение относительно безгонорарного помещения стихов. Ваши стихи всегда имеют ценность и цену, даже если они выходят одновременно в двух изданиях.

Очень извиняюсь, что отвечаю так поздно. Ваше первое письмо от 7/IX дошло до меня только сегодня. <...> Два последних же письма я взял у секретаря, чтобы лично Вам ответить. <...>

Рассказ Вы обещаете в декабре. Жду его».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 320, л. 9.

Октябрь, 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Море, степь и южный август, ослепительный и жаркий...». Авторская дата: «30.X.16».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 171.

См.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1924. № 3. С. 9.

— «Ночью, звездной и студеной...». Авторская дата: «30.X.16».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 170.

См.: *Митина любовь*. С. 190.

Октябрь, конец. В недатированном ответном письме Н.А.Котляревский сообщает Бунину:

«Навел я все справки. Как почетный академик Вы никакими правами не пользуетесь — и академическое кресло от призыва Вас не освобождает. Но академики мне сказали, что в случае если бы Вам эта неприятность грозила — Академия обратится по поводу Вас со всевозможными ходатайствами и представлениями.

Я лично думаю, что Ваши опасения вряд ли основательны — едва ли дойдет дело до набора людей Вашего возраста. Наконец, когда эта опасность приблизится, можно ведь будет устроиться в разных тыловых организациях. Во всяком случае известите меня заблаговременно и я — весь Ваш.

Насчет выборов ничего не слышал и думаю, что в этом году никаких выборов не будет. Если же начнутся разговоры, то я дам Вам знать».

Письма (*2*). С. 741.

Октябрь. Выходит № 9/10 петроградского «Ежемесячного журнала», в котором (стб. 165–166) помещаются пять стихотворений «Кончина» («И скрылось солнце жаркое в лесах...»), «Руслан» («Гранитный крест меж сосен, на песчаном...»), «Без истории» («Край без истории... Все лес и лес, болота...»), «Сон епископа» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), «Вечерний жук» («На лиловом небе...»).

Ноябрь, 1. На бланке Литературно-театрального музея им. А.А.Бахрушина посылается Бунину приглашение на заседание Попечительского совета Музея 25 ноября в 5 часов дня в помещении Литературно-художественного кружка (Бол. Дмитровка, дом Вострякова).

ОГЛМТ, ф. 14, № 2899 оф.

По всей видимости, Бунин не присутствовал на заседании.

Ноябрь, 2. Бунин пишет Н.С.Клестову:

«Получил ни с того ни с сего 8 и 9-й листы “Чаши жизни”, не видав еще ни 7, ни 6 и других, предыдущих».

Письма (*2*). С. 379.

Ноябрь, до 3. Выходит № 10 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 5, 25–33) печатаются стихотворение «Орда» («За степью, в приволжских песках...») и рассказ «Аглая».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (3 нояб. (№ 254). С. 1).

Ноябрь, 3. Из редакции газеты «Раннее утро» посылают Бунину телеграмму с просьбой прислать рассказы к Рождеству.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3269/7 оф.

Ноябрь, 4. Бунин посылает Ф.Ф.Фидлеру поздравление с днем рождения.

Фидлер. С. 695.

Письмо неизвестно.

Ноябрь, 5. В письме Бунин просит Ю.А.Бунина оплатить счет «Бюро газетных вырезок» и сохранять присылаемые в Москву вырезки.

Письма (*2*). С. 379.

Ноябрь, 10. Бунин продолжает писать рассказы и стихотворения.

Н.А.Пушешников в дневнике записывает: «Пришли газеты, читали их с беспокойством и волнением. <...> И.А. все-таки работает. Каждое утро, взяв стакан чаю, идет к себе в комнату и, накинув на плечи старое пальто, садится писать. На голову до выпячивающихся бровей натягивает черную шелковую шапочку. До обеда не выходит. Душевное состояние у него тяжелое. Он устал от напряжения и от одних и тех же впечатлений».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 98.

Ноябрь, начало. Выходит № 10 петроградского журнала «Вестник Европы», в котором (с. 42–44) печатаются три стихотворения под общим заглавием «Цейлон»: I. «Отлив» («В кипящей пене валуны...»), II. «Богиня» («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»), III. «Будда почивающий» («Сверкала Ступа снежной белизной...»).

Время выхода определено по письму Д.Н.Овсянико-Куликовского. См.: 11 сентября 1916, первая запись.

Ноябрь, около 10. Выходит № 10 петроградского журнала «Северные записки», в котором (с. 5–10) публикуются под общим заглавием «Двенадцать стихотворений»: «Цветы» («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»), «Компас» («Качка слабых мучит и пьянит...»), «Дедушка в молодости» («Вот этот дом сто лет тому назад...»), «В пустом доме» («Синие обои полиняли...»), «Без меня» («Настанет день — исчезну я...»), «В Апеннинах» («Поэзия темна, в словах невыразима...»), «Помпея» («Помпея! Сколько раз я проходил...»), «Калабрийский пастух» («Лохмотья, нож — и цвета черной крови...»), «Аркадия» («Ключ гремит на дне теснины...»), «Среди звезд» («Настала ночь, остыл от звезд песок...»), «Чернец» («В ризы черные одели...»), «Колотушка» («Светит, сети ткет паук...»).

Датируется по письму Я.Сакера. См.: 29 октября 1916.

Ноябрь, 12. В ответном письме Бунин пишет Н.А.Котляревскому:

«Не знаю, как и благодарить Вас за Ваше внимание ко мне. Тронут несказанно и истинно от всей души жму Вашу руку.

Очень все-таки боюсь, что страхи мои оправдаются! А меж тем человек я совсем никуда по многим своим недугам, вот даже в Питере пожить не могу, ибо чувствую себя мало-мальски сносно и в состоянии работать только при санаторском режиме. <...> Да и дорога мне теперь буквально каждая минута: для путной работы осталось у меня теперь в запасе немного времени, — потом все уже пойдет на убыль.

Еще раз — великое спасибо».

Письма (2). С. 379.

И.И.Морозов пишет Бунину:

«Высокоуважаемый Иван Алексеевич!

Вместе с этим посылаю Вам заказной бандеролью свой сборник стихов “Красный звон”. Был бы очень рад Вашему о нем мнению».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 158.

См.: 7 марта 1916, вторая запись.

Ноябрь, 15. Гуляя с Н.А.Пушешниковым по деревне, Бунин говорит о своем творчестве.

В дневнике Н.А.Пушешников записывает: «И.А. говорил:

– Я, вероятно, все-таки рожден стихотворцем. Тургенев тоже был стихотворец прежде всего и он погубил себя беллетристикой. Для него главное в рассказе был звук, а все остальное это так. Для меня главное – это найти звук. Как только я его нашел — все остальное дается само собой. Я уже знаю, что дело кончено. Но я никогда не пишу того, что мне хочется, и так, как мне хочется. Не смею. Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами. Но какая мука, какое невероятное страданье литературное искусство! Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертываю фразу на другой лад, полу-

чается пошлость, изменяю по-другому — чувствую, что опять не то, что так пишет Арцыбашев или Брешко-Брешковский. Многие слова, — а их невероятно много, — я никогда не употребляю, слова самые обыденные. Не могу. Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками, написать всего несколько строк. <...> В сущности говоря, все литературные приемы надо послать к черту! Пусть критики едят за это сколько угодно. Иначе никогда ничего путного не напишешь. М<ожет> б<ыть>, к старости я что-нибудь путное напишу. В сущности говоря, со времени Пушкина и Лермонтова литературное мастерство не пошло вперед. Были внесены новые темы, новые чувства и пр., но самое литературное искусство не двинулось. Проза Лермонтова и Пушкина остались не превзойдены».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 98–100.

Бунин сообщает в открытке П.А.Нилусу, что «на днях» едет в Москву и пишет:

«...пришли окончание своего романа».

Письма (*2*). С. 380.

См.: 4 декабря 1916, вторая запись.

С.К.Линцер на бланке «Московского бюро печати» напоминает Бунину о его намерении прислать рассказ:

«Был бы рад, если бы мог получить от Вас что-либо к Рождеству для рождественских номеров газет. Однако нет надобности, чтобы рассказ или очерк были непременно написаны на тему Рождественских рассказов. Всякая вещь Ваша будет мною принята с благодарностью».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 293. л. 2.

Ноябрь, 20. В ответ на телеграмму Ф.И.Благова с просьбой прислать рассказ для рождественского номера газеты «Русское слово» Бунин пишет:

«Депешу Вашу получил, рассказ постараюсь дать к назначенному Вами сроку.

Посылаю Вам стихотворение. Если напечатаете его и скоро, буду, по некоторым причинам, очень рад».

Письма (*2*). С. 380.

Телеграмма Ф.И.Благова неизвестна. Какое было послано стихотворение неизвестно, в газете «Русское слово» оно не печаталось.

Ноябрь, 15...20. Н.А.Котляревский пишет Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич. Хлопотать заблаговременно — неудобно: примера такого еще не было: Вас могут после осмотра и отпустить. <...> Мы с Шахматовым решили так: когда Вас призовут, то по получении Вашей телеграммы (и то после осмотра) мы через Министра народ<ного> просвещ<ения> входим от имени конференции Ак<адемии> наук с высоч<айшим> обращением к Государю об изъятии Вас. Другого пути нет».

Письма (*2*). С. 743.

Ноябрь, 25. В газете «Ялтинская жизнь» (№ 255. С. 3) печатается информационная заметка «Осенние мелодии». Подпись: N.N.

Журналист пишет: «Вечер художественно-артистического кружка, назначенный к постановке на 21 ноября, состоится только 30 ноября. <...> Осень воспевали все поэты и композиторы. Ив.Бунин, Полонский, Чайковский, Гречанинов, Ребиков наиболее ярко отразили в своих произведениях оттенки переживания русской души, связанной с умиранием природы, и эти имена и использованы в программе вечера».

См.: 30 ноября 1916, первая запись.

Ноябрь, 28. П.Н.Муромцев, посылая свои сочинения В.Н.Муромцевой, в сопроводительном письме просит ее прочесть их, а также пишет:

«Я ничего не буду иметь против, если хоть одну из вещей прочтет Иван Алексеевич и сообщит мне и свое мнение, не в смысле, что из меня, когда из меня и т.п. выйдет, а мнение о вещи так таковой».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 367.

Ноябрь, 29. Б.М.Жаворонков пишет Бунину:

«От лица Елецкого землячества в Петрограде осмеливаюсь просить Вас прочитать лекцию в Ельце в пользу землячества. Соблаговолите ответить, может ли землячество надеяться на Ваше любезное согласие».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3032 оф.

Ноябрь, 30. В Ялте Художественно-артистический кружок проводит вечер «Осенние мелодии», в программе которого исполняются произведения Бунина «Листопад» и «Одиночество».

Газета «Ялтинская жизнь» (2 дек. (№ 261). С. 3) в отчетной заметке «Осенние мелодии» (подпись: Я.Ставриано) сообщает: «30 ноября в помещении курзала состоялся художественный вечер под названием “Осенние мелодии”. Вечер устраивался ялтинским художественно-артистическим кружком. <...> Проникновенно исполнена г. Мальской-Найденовой поэма “Листопад” Бунина. <...> Затем следовало инсценированное стихотворение Бунина “Одиночество”, в котором г. Круглов дал верный тип художника, покинутого своей любовницей и переходящего на “холостые радости”. Хорошей партнершей была г. Петрова».

В харьковской газете «Южный край» (№ 13731. С. 6–7) печатается рецензия И.Турского на сборник «Поэзия Армении» (М., 1916).

Рецензент отмечает: «Брюсов не всегда оказывается гибким переводчиком, тем более, что часто он считает себя связанным ритмом и конструкцией оригинала. <...> И, быть может, лучшую роль в смысле внушения читателю красот армянского творчества сыграют как раз те переводчики, которые держали себя свободнее, подчиняясь лишь законам русского стиха да внутреннему чувству гармонии – Бальмонт, Бунин, Блок, Ю.Балтрушайтис, Сологуб».

Ноябрь. Бунин пишет рассказы:

– «Сны Чанга». Авторская дата: «Ноябрь 1916 г. Глотово».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2751/1, 2 оф; № 2750 оф.
РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 29, 30.

См.: 5...11 декабря 1917.

— «Петлистые уши». Авторская дата: «Ноябрь 1916. Глотово».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 52, 53.

ОГЛМТ, ф. 14, № 2742 оф, 2743 оф, 2744 оф, 2745 оф, 2746 оф.

См.: 1...7 февраля 1917.

Бунин перерабатывает рассказ «Трифон Чуев», озаглавив его «Соотечественник». Авторская дата: «Глотово, ноябрь 1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 54.

См.: 21 (8)...26 (13) мая 1918.

В петроградском журнале «Современный мир» (№ 11. С. 111–112) публикуется стихотворение «Матфей Прозорливый» («Ночь и могильный мрак пещеры...»).

Сентябрь...Ноябрь. С.М.Абрамович в недатированном письме на бланке альманаха «Творчество» сообщает Бунину:

«С благодарностью подтверждая получение Вашей рукописи, при сем имею честь препроводить <...> 168 руб., как гонорар за напечатание “Игроков” в альманахе “Творчество”.

Произведение так вяжется с направлением сборника, что кажется специально для сборника написанным: иначе говоря, мы нашли, чего искали.

“Игроки” будут иллюстрированы кем-либо из известных петроградских художников <...>, думается, что Бенуа, Лансере или подобным».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 325, л. 2.

Границы события определены предположительно.

См.: до 28 декабря 1916.

Декабрь, 4. Бунин посылает В.С.Венгерову два своих фотопортрета на выбор для книги «Русская литература XX века» и пишет в сопроводительном письме:

«Хотелось бы, чтобы Вы напечатали тот, что помечен 1 №-м; на портрете № 2 очень нехорошо вышли руки. Но если портреты будут печататься не на отдельных листах, не на гладкой плотной бумаге, а в тексте, — думаю, что профиль выйдет лучше. Только следует убрать тогда руки».

Письма (2). С. 380.

Бунин сообщает П.А.Нилусу в открытке:

«Дорогой друг, я в Москве надеюсь быть 15-го дек.».

Письма (2). С. 380.

Декабрь, 8. А.С.Черемнов в письме Бунину из Клеевки сообщает, что не сможет присутствовать на заседании «Книгоиздательства писателей в Москве» 15 декабря 1916 г.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/19 оф.

Декабрь, 9. Бунин заканчивает рассказ «Старуха».

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «И.А. пишет маленький рассказ — про старуху».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф., л. 105.

См.: 13 января 1916; 25 декабря 1916, четвертая запись.

Декабрь, до 13. Бунин пишет рассказы:

— «Отто Штейн». Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 49–51.
РАЛ, MS. 1066/219-223.
СС (Петр). Т. 5. С. 56–63.

См.: 1 апреля 1917, вторая запись; Южное слово. Одесса, 1920. 14 (1) января (№ 112). С. 2; Общее дело. Париж, 1920. 27 декабря (№ 165). С. 2; *Роза Иерихона*. С. 60–66.

— «Постом». Авторская дата: «1916».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9297 оф.
СС (Петр). Т. 5. С. 38–41.

См.: 25 декабря 1916, четвертая запись.

— «Третьи петухи». Авторская дата: «1916».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9298/1–2 оф.
СС (Петр). Т. 8. С. 9–12.

См.: 25 декабря 1916, четвертая запись.

— «Последняя весна». Авторская дата: «1916».

СС (Петр). Т. 10. С. 7–21.

См.: Последние новости. Париж, 1931. 12 апреля (№ 3672). С. 2–3.

— «Последняя осень». Авторская дата: «1916».

См.: *СС (Петр)*. Т. 10. С. 22–27.

Граница событий определена по авторской дате и времени пребывания Бунина в Глотово.

Декабрь, 6...13. В серии «Памятники мировой литературы» выходит отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.У.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (Предисловие В.Иохельсона. М.: Изд. М. и С.Сабашниковых, 1916. 200 с., ил.). Тираж 2000 экз. Цена 2 р. 75 к.

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Выходит книга «Русская литература XX века, 1890–1910» (Под ред. С.А.Венгерова. М.: Мир, 1916. Т. 2, кн. 7), в которой (с. 331–341) печатается «Автобиографическая заметка» Бунина. Авторская дата: «Москва, 10 апреля 1915 г.», а также помещается статья Ф.Д.Батюшкова «И.А.Бунин» (с. 342–365).

Критик, упомянув и процитировав в начале отзывы Голенищева-Кутузова и К.Р. на произведения Бунина, представленные на соискание Пушкинских премий, не соглашается с мнением последнего о стихотворении «Одиночество», однако далее пишет: «Более справедлив другой упрек, высказанный К.Р., что у Бунина есть стихотворения непонятные, как ребусы. В них надо вдумываться и с трудом добираешься до смысла. Эта черта позднейшая в поэзии Бунина и вряд ли для него характерная: тут чуется какая-то нарочитость, желание озадачить, заинтриговать, сказал бы даже подделаться под какой-то условный модернизм, если бы слово “подделка”, какая бы то ни была, не шла слишком в разрез со всем обликом Бунина-поэта, такого искреннего и простого в его переживаниях. Быть может, эти непонятности, эти загадки в стихах — результат чрезмерной заботы автора об экономии выразительных средств, <...> но не всегда с этой сжатостью формы сопряжен простор мыслей. Быть может, тут есть и веяние моды на “непонятное”. Такого рода стихотворений наберется с десяток, немногим более». Разобрав в качестве при-

мера стихотворение «Бог полдня» («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...») и упомянув в этом контексте стихотворения «Рыбачка», «Смерть», «Пустошь», «Христя» и некоторые другие, критик отмечает: «Бунин обладает большой начитанностью, но стихотворные переложения мифов могут интересовать лишь общей мыслью, вложенной в доступные пониманию образы: одной причудливостью и экзотичностью имен не создается поэтическое настроение». Далее говорится о двух разных манерах письма в поэзии Бунина: «Отличиями первой являются чрезвычайная ясность и простота, почти обыденность граничащего с прозой языка, виртуозно, именно в этих простоте и обыденности выражений, преображенного ритмом в язык поэзии, и несложные картины, как бы бегло записанные наблюдателем, превращаются в лирические строфы, проникнутые каким-то особым настроением; рядом с этой манерой проступает другая, где с виду те же — тонкость и меткость рисунка, простота выражений и реализм деталей, но смысл затемнен, и упираешься в какую-то загадку, разгадывать которую не всегда заманчиво. Быть может, Бунин более нов, или “модерн”, во второй своей манере, но он больше поэт, когда он ясен и прост».

Рассматривая поэзию Бунина, критик отмечает, что поэт в своей пейзажной лирике «близок по настроениям английским поэтам природы XVIII века, Томсону и Юнгу, но без всякой морализующей окраски. <...> “Любовь и радость бытия”, — бодрый призыв любить жизнь во всех ее проявлениях, — это лейтмотив поэзии Бунина в течение многих лет». Отметив, что «любовные мотивы в общем не характерны для музы Бунина, для которого любовь не служит интегральным условием счастья», критик подчеркивает: «Бунин в области интимных переживаний очень замкнутый в себя поэт. Он дает волю лишь чувствованиям общего характера и по преимуществу в описательной форме». Далее критик замечает: «реалист-художник, Бунин не только экономен, но почти скуп на детали, ограничиваясь не многими, но меткими и выразительными штрихами; он также и импрессионист по умению передавать впечатления, красочные и звуковые, от предметов и явлений: он не чужд порой символизма, поскольку символы присущи образному поэтическому мышлению. Образность языка — одно из безусловных достоинств поэзии Бунина. Сравнения у него, быть может, не так часты, но всегда оригинальны и метки».

О переводах говорится кратко и отмечается: «Лонгфелло, Теннисон, Байрон — главные поэты, которых Бунин любовно и умело переводил по-русски. <...> в общем Бунин все же близко держится оригинального текста и дает русский текст, почти эквивалентный по качествам стиха оригинальному тексту. Это большая заслуга для русского просвещения. Следя чужую мысль и подыскивая ей подходящие выражения по-русски, Бунин проявляет большую объективность в заботе о точности передачи и уменье вживаться в чужие образы, делая их как бы своими».

Переходя к прозе Бунина, критик отмечает, что «Бунин прошел самостоятельную эволюцию, позднейшую его развития, как поэта. <...> Бунин шагнул далеко, но вместе с тем в его прозе, которая за последний период деятельности выдвигается на первый план, как бы заслоняя поэта, ставшего скупым на стихотворения, пробиваются черты нового отношения к миру, далеко не столь оптимистического и жизнерадостного, как в стихотворениях прежних лет. <...>

Бунин, как беллетрист, несомненно вышел из школы Чехова, или, как говорится, находился “под знаком” творчества Чехова». Рассмотрев рассказы и повести «У истока дней», «Астма», «Преступление», «Илья Пророк», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Суходол», «Деревня», «Весенний вечер», «Братья», критик заключает: «Бунин все более утверждается на пути стать не только наблюдателем жизни, но и мыслителем о жизни <...>. Бунин по качествам отделки письма, добросовестной работе художника, умелому рисунку и зоркому глазу, по праву занимает выдающееся положение среди современных поэтов и беллетристов».

Между с. 336 и 337 помещается фотопортрет Бунина; между с. 360 и 361 — факсимиле автографа стихотворения «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, до 14. Выходит книга «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. 192 с.). Тираж 3100 экз. Цена 2 р.

Содержание: Господин из Сан-Франциско, Казимир Станиславович, Аглая, Песня о гоце, Сын, Грамматика любви, Клаша, Легкое дыхание; **Стихотворения**: Слово («Молчат гробницы, мумии и кости...»), Поэту («В глубоких колодцах вода холодна...»), Кадильница («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»), Парус («Звездами вышит парус мой...»), На исходе («Ходили в мире лже-Мессии...»), Конь Афины-Паллады («Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...»), Бегство в Египет («По лесам бежала Божья Мать...»), Орда («За степью, в приволжских песках...»), Фреска («Архистратиг средневековый...»), Святогор и Илья («На гривастых конях на косматых...»), Шестикрылый. Мозаика в соборе («Алел ты в зареве Батыя...»), Св. Прокопий («Бысть некая зима...»), Скоморохи («Веселые скоморохи...»), Казнь («Туманно утро красное, туманно...»), Святитель («Твой гроб, дубовая колода...»), Князь Всеслав («Князь Всеслав в железы был закован...»), Чернец («В ризы черные одели...»), Сон («По снежной поляне...»), Матфей Прозорливый («Матфей. Ночь и могильный мрак пещеры...»), Белый цвет («Пустынник нам сказал: “Благословен Господь...”), Кончина («И скрылось солнце жаркое в лесах...»), Песня («Мне вечор, младой, скучен терем был...»), Мутный месяц («Что ты мутный, светел-месяц...»), Руслан («Гранитный крест меж сосен, на песчаном...»), Без истории («Край без истории... Все лес да лес, болота...»), Аленушка («Аленушка в лесу жила...»), Колотушка («Светит, сети ткет паук...»), Молодой король («То не красный голубь метнулся...»), Мулы («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»), В Апеннинах («Поэзия темна, в словах невыразима...»), Сирокко («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»), Калабрийский пастух («Лохмотья, нож — и цвета черной крови...»), Зимой («Покрывало море свитками...»), Цветы («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»), Среди звезд («Настала ночь, остыл от звезд песок...»), За Ассуаном («У нубийских черных хижин...»), У Пирамид («В жарком золоте заката Пирамиды...»), Гора Алагалла («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...»), Святилище («Сверкала Ступа снежной белизною...»), Отлив («В кипящей пене валуны...»), Богиня («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»), Малайская песня («Чернеет зыбкий горизонт...»), В темную ночь, в штиль, под экватором. Леконта де Лиля («Время, Пространство, Число...»), Прокаженный («От кипарисовых гробниц...»), Заклинание («Из тонкогорло-

го фиала...»), Цирцея («На треножник богиня садится...»), Засуха в раю («От пальм увядших слабы тени...»), Райское Древо («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), Аркадия («Ключ гремит на дне теснины...»), Помпея («Помпея! Сколько раз я проходил...»), Вечерний жук («На лиловом небе...»), Дедушка в молодости («Вот этот дом, сто лет тому назад...»), Игроки («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»), Ириса («Светло в светелке, от окна...»), Людмила («На западе весною под вечер тучи сини...»), Молодость («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), В пустом доме («Синие обои полиняли...»), На Невском («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»), Дурман («Дурману девочка наелась...»), Псалтирь («Бледно-синий загадочный лик...»), Зеркало («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»), Последний шмель («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...»), У гробницы Виргилия, весной («Дикий лавр и плющ и розы...»), Без меня («Настанет день — исчезну я...»), Компас («Качка слабых мучит и пьянит...»), Пора («Когда-то, над тяжелой баркой...»), Песенка («Рыжими иголками...»), Памяти друга («...Шел сенбернар вдоль светлой водной глади...»).

Из 8 рассказов и 68 стихотворений (в том числе один перевод), вошедших в книгу, 8 стихотворений: На исходе («Ходили в мире лже-Мессии...»), Конь Афины-Паллады («Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...»), Фреска («Архистратиг средневековый...»), Цирцея («На треножник богиня садится...»), Игроки («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»), Пора («Когда-то, над тяжелой баркой...»), Песенка («Рыжими иголками...»), Памяти друга («...Шел сенбернар вдоль светлой водной глади...») — публикуются здесь впервые.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (14 дек. (№ 288). С. 1). Цена и тираж книги определены по: *Книжная летопись*.

Декабрь, 14. Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает в Москву; останавливается в квартире родителей жены по адресу: ул. Поварская, д. 26, кв. 2.

Дневники. Т. 1. С. 158.

См. также: 4 декабря 1916, вторая запись. В дневниках Н.А.Пушешникова день отъезда из Глотово — 16 декабря.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 288. С. 6) печатается рецензия на отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.У.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1916). Без подписи.

Рецензент пишет: «Сделанный И.Буниным перевод поэмы Лонгфелло хорошо известен широкому кругу читателей. <...> Конечно, знакомые с ним ранее с удовольствием перечтут его, незнакомые получат истинное наслаждение, впервые вдохнув чистый и вольный воздух поэмы. И те и другие из вступительного очерка г. Иохельсона почерпнут ряд любопытных сведений о замечательной поэме, о быте и мифологии индейцев. Именно такого вступления недоставало предыдущим изданиям этой книги».

Декабрь, 15. Бунин, очевидно, присутствует на заседании «Книгоиздательства писателей в Москве».

См.: 8 декабря 1916.

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 330. С. 5) помещается статья Л.Волоха «Журналы. “Северные записки”, 10. “Русские записки”, 10. “Летопись”, 10».

Критик, в частности, пишет о рассказе «Аглая»: «Прекрасный стилист, если не лучший в современной русской литературе по силе и художественному чекану образов — Ив.Бунин. Это достоинство Бунина богато отразилось в его маленьком повествовании об Аглае, в миру Анне, девушке крестьянской, отрешившейся от мира и от воли своей».

Декабрь, 16. П.А.Нилус пишет Бунину из Одессы:

«Дорогой Ив.

Будь добр, 1 часть романа, которую ты получил, отдай на хранение брату, предварительно вынув из хранилища предыдущие версии и, предав их уничтожению, — чем окажешь большую услугу. Спасибо за книгу. <...>

У нас <нрзб> до сих пор тепло и дни бывают очаровательные».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3095/7 оф.

Из Секретариата Императорской академии наук Бунину посылают золотую Пушкинскую медаль и пишут:

«В дополнение к письму моему от 10 декабря 1915 года № 2432 честь имею препроводить Вам при сем золотую Пушкинскую медаль, о получении которой прошу не оставить меня уведомлением».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2900 оф.

Декабрь, 17. П.С.Коган пишет Бунину из Петрограда, сожалея, что не успел встретиться с ним в Москве:

«...очень хотелось Вас повидать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3052/2 оф.

Декабрь, 19. В газете «Нижегородский листок» (№ 348. С. 2) помещается статья В.Е.Чешихина-Ветринского «Что читать молодежи? По поводу московской анкеты». Подпись: Ч.Ветринский.

Автор выступает против подобных анкет. В анкете был предложен список писателей, в котором значится Бунин, и спрашивалось: каких из этих писателей можно рекомендовать для чтения молодежи?

В петроградской газете «Речь» (№ 349. С. 2) публикуется статья Ф.Д.Батюшкова «Поэзия “народа-художника”», в которой разбирается антология «Поэзия Армении» (М., 1916).

Критик, в частности, пишет: «...большинство переводов принадлежит тому же Брюсову, мастеру чеканки стиха, лишь изредка уступающего место другим нашим виртуозам “размеренной речи”: К.Бальмонту, А.Блоку, И.Бунину, Ю.Балтрушайтису, Вяч.Иванову, Ф.Сологубу и др. Названные имена уже сами по себе служат гарантией художественности текста русского перевода, а что касается содержания поэзии армян, то Брюсов с полным основанием назвал этот народ “народом-художником”».

Декабрь, до 20. Бунин пишет стихотворение «Пост» («Темень, сырость, предрассветный...»).

Граница события определена по первой публикации. См.: 25 декабря 1916, вторая запись.

Первая редакция стихотворения «Москва». В *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 199) авторская дата: «12.IX.19».

См.: 24 (11) октября 1918.

Декабрь, середина. Выходит № 6 лондонского журнала «Russian review», в котором (p. 284–304) публикуется английский перевод

А.Ярмолинского рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско» («The Gentleman from San Francisco»).

Граница события определена по письму В.М.Дорошевича. См.: 31 декабря 1916, вторая запись.

См.: *Антология*. С. 611.

Декабрь, 21. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Петлистые уши».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 27.
РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 35.

На этом собрании «Среды» присутствует А.Б.Дерман; вероятно, при этой встрече Бунин дарит А.Б.Дерману автограф стихотворения «Тает, сияет луна в облаках...» с надписью:

«Абраму Борисовичу любящий его автор».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 4.

См.: 4 января 1917, первая запись.

Декабрь, 15...21. Бунин посылает А.А.Шахматову книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 23 декабря 1916, третья запись.

Декабрь, 22. А.С.Черемнов пишет Бунину из Клеевки:

«Все эти дни я под впечатлением рассказов приезжих питерцев об убийстве Гришки Распутина. <...> Как жаль, что Вы — почетный академик, генерал от литературы. Теперь время уголовных романов, а Вам такие романы писать не по чину. <...>

Поедем в Сочи, право. Там великолепно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3195/20 оф.

Декабрь, 23. Бунин дарит Н.Д.Телешову 1-й том Полного собрания сочинений (Пг., 1915) с надписью:

«Ив.Бунин 23.XII.1916 г. Москва».

МКТ.

Извиняясь за молчание, Бунин пишет Д.Л.Тальникову:

«Сейчас мы в Москве (Поварская, 26. кв. 2). Жить здесь негде, есть нечего. Мечтаю уехать куда-нибудь в тепло — в Крым, на Кавказ, в Ташкент. Но сперва надо съездить в Питер на несколько дней. Пожалуйста, напишите мне о себе поскорее. Я душевно оч<ень> тяжело живу».

Письма (*2*). С. 381.

А.А.Шахматов пишет Бунину:

«Прошу Вас принять мою сердечную благодарность за присылку Ваших произведений 1915–1916 гг. Примите мои лучшие пожелания по поводу наступающего Нового года».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3205 оф.

Декабрь, 15...23. Бунин посылает Л.С.Козловскому книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 25 декабря 1916, первая запись.

Декабрь, 25. Л.С.Козловский пишет Бунину:

«Я оч<ень> благодарен Вам за Ваши любезные и оч<ень> ценные для меня подарки и я оч<ень> рад, что получил сборник Ваш на праздник, когда <...> я могу перечесть его и написать о нем не откладывая в долгий ящик. Ваш последний сборник с этим <нрзб> трагическим “Господином из Сан-Франциско”, с этим прелестным и грустным благозвонным “Легким дыханием” мне кажется одною из самых лучших Ваших книг. Прекрасно и сильно Ваше “Слово”, которым открывается стихотворная часть сборника».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 118, л. 5.

В газете «Киевская мысль» (№ 358. С. 4) помещаются стихотворения «Пост» («Темень, сырость, предрассветный...»), «Благовестие» («Они пришли тропинкою лесною...»), «Индийский океан» («Над черной тьмой твоих морей...»).

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 340. С. 3) печатается стихотворение «В цирке» («С застывшими в блеске зрачками...»).

В московской газете «Русское слово» (№ 298. С. 4) публикуются под общим заглавием «Три рассказа»: I. «Старуха», II. «Постом», III. «Третьи петухи».

Декабрь, 15...25. Бунин посылает академику В.П.Потемкину книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 26 декабря 1916.

Декабрь, 26. В.П.Потемкин пишет Бунину:

«Только что вернулся из деревни и нашел на своем столе Вашу изящную книгу. Низко Вам кланяюсь за внимание. Уже давно — я самый внимательный и неизменно благодарный Ваш читатель, а в последние годы встречаю каждое новое Ваше произведение с особой радостью. На вечере 2-го января, наряду с Вами выступают другие беллетристы. Я все придумывал — как бы не обидеть их, если я стану оценивать их после характеристики Вашего творчества, которое так многозначительно? Наконец решил — говорить о русском писателе *вообще*, не останавливаясь ни на одном художнике отдельно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3122 оф.

См.: 2 января 1917.

Декабрь, 27. В Москве на открытии первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка и словесности С.А.Венгеров выступает с речью «Русская литература в средней школе как источник идеализма».

Критик выступает за включение в школьную программу по литературе произведений современных писателей и отмечает: «А из писателей наших дней, разве не дали бы высоких тем для классных бесед поэтичный, нежный Зайцев, тонкий Бунин, хотя бы по поводу его последнего всех восхитившего рассказа “Господин из Сан-Франциско”, замечательная, при всех своих чисто художественных недочетах, трилогия Мережковского?»

Текст речи публикуется в газетах «Речь» (1917. 9 янв. (№ 8). С. 2), «Терек» (1917. 18 янв. (№ 5690). С. 2).

Декабрь, до 28. Выходит книга первая альманаха «Творчество» (М.; Пг.: Книгоиздательство «Творчество», 1917), в котором (с. 3–5) печатается стихотворение «Игроки» («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (28 дек. (№ 299). С. 1).

Декабрь, 15...28. Бунин посылает Д.Л.Тальникову книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 30 декабря 1916.

Декабрь, 30. Д.Л.Тальников, получив от Бунина его книгу «Господин из Сан-Франциско» (М., 1916), пишет ему:

«Книгу Вашу получил — большое за нее спасибо. Вы знаете, с каким острым нетерпением я и Юл<ия> М<ихайловна> ждем всегда появления Ваших новых вещей — и мы сейчас перечитываем книгу, в которой большинство рассказов и стихотв. известно уже, перечитываем многое по нескольку раз. Очень своеобразно и ново “Легкое дыхание” по форме, по стилю — так мне кажется, ново для Вас. И “Сын” и “Легкое дыхание” — это новая струя, хотя как будто фактическ<ое> содержание старое. Когда читаешь, то чувствуешь неуловимое нечто для логического определения, но сильное, явственное дыхание поэзии чистой и еще чего-то, — если бы я был мистиком, я бы сказал “мистического”: какая-то вторая жизнь, жизнь души, уловленная в своих особых формах, отграниченных от внешнего, — как бы сгусток “духовности”... Внешние изобразительные формы остаются позади, когда читаешь эти произведения, и явственнее выступают на первый план и покоряют читателя ароматом и силой *странного очарования* формы чисто-*душевной* жизни... Бездарные символисты именно это, вероятно, имели в виду, когда они намеренно уходили от внешних изобразительных задач творчества, — но у них получилась чепуха, потому что они не творцы, и потому что нельзя безнаказанно уходить от изобразительности... А Вы вот подошли к этой грани — тонкой чрезвычайно — где вот-вот за изобразительностью уже *обнажается* сама душа, поэзия ее переживаний...

<...> Спасибо Вам за открытку: она нас очень обрадовала, как весточка от Вас. Но я почувствовал Ваше тревожное настроение душевное, и мне так захотелось быть с Вами. И чувствую еще это Ваше настроение в Вашем рождеств<енском> расск<азе> в “Русск<ом> сл<ове>” (первом — о старухе) — во второй половине его». В заключение Д.Л.Тальников приглашает приехать в Ташкент: «После России здесь множество красок, экзотики и всего прочего, и я знаю, что здесь у Вас родится множество чудесных сонетов. Этот край нашей литературой совсем не использован...».

Письма (*2*). С. 744.

См.: 25 декабря 1916, четвертая запись.

Декабрь, 15...30. Бунин дарит Н.С.Ашукину книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с надписью:

«Милому и талантливому Николаю Сергеевичу Ив.Бунин».

РГАЛИ, № 8732а/70742.

В книге имеются карандашные пометы и комментарии Н.С.Ашукина — в конце рассказа «Сын» написано: «Источник рассказа: судебный процесс франц. писателя Шамбижа. Этот же процесс послужил канвою для романа П.Бурже "Ученик". См. Н.Н.Баженов. Символисты и декаденты в сборнике "Памяти Белинского" М. 1899»; около стихотворения «Фреска» отмечена строка «Столичных мод, — в журнале дорогом...» и написано «Намек на журнал "София" изд. Некрасова», отмечена строка «Богоискатели, девицы и поэты...» и написано: «На вечере в Политехнич. музее в Москве Бунин эту строку изменил и прочел: "гнусавые поэты"».

Бунин посылает А.М.Горькому книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Дорогому Алексею Максимовичу. Ив.Бунин».

Мемориальный музей-квартира А.М.Горького.

Бунин посылает В.М.Дорошевичу книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), очевидно, с дарственной надписью.

Данный экземпляр книги неизвестен. См.: 31 декабря 1916, вторая запись.

Бунин посылает В.В.Котляревской книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Дорогой Вере Васильевне Котляревской от Ив.Бунина».

ИРЛИ Б-ка, 44.42.

Бунин посылает В.С.Миролюбову книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Дорогому Виктору Сергеевичу Ив.Бунин».

ИРЛИ Б-ка, $\frac{1940к}{286}$

Бунин посылает Д.П.Сергееву книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Многоуважаемому Дмитрию Павловичу Сергееву. Ив.Бунин».

Лесман. С. 54.

Бунин дарит А.И.Сумбатову-Южину книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с надписью:

«Глубокоуважаемому Александру Ивановичу Сумбатову Ив.Бунин».

ГЛМ ОКФ, № 161930.

Бунин посылает В.М.Устинову книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Владимиру Михайловичу Устинову преданный автор».

Лесман. С. 54.

Границы событий определены по времени выхода книги в свет.

А.Н.Толстой в письме А.М.Ремизову сообщает:

«В Москву мы приехали в начале сентября <...>.

Говорил с Буниным относительно Ваших книг. Бунин в решительной форме отказался. Т.к. его влиянием окрашено Книгоиздательство (редакция: Ю.Бунин, Телешов и Вересаев), то и посылать туда книги не стоит».

Переписка А.Н.Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
С. 257 (с датировкой: сентябрь-октябрь 1916).

Датировка уточняется по времени пребывания Бунина в Москве.

Декабрь, 31. Бунин с В.Н.Муромцевой встречает Новый год дома.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «31 Ян лежит в постели. Встречали дома с индейкой и шампанским».

Дневники. Т. 1. С. 158.

В.М.Дорошевич в письме на бланке редакции газеты «Русское слово» поздравляет Бунина с Новым годом и пишет:

«Очень благодарю Вас за добрую память и книгу.

Посылаю Вам американский журнал с переводом повести из этой книги.

Знаете ли Вы об этом?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3039 оф.

Очевидно, речь идет об английском журнале «Russian review». См.: середина декабря 1916.

Ноябрь...Декабрь. А.А.Золотарев пишет в недатированном письме Бунину:

«Шлю Вам маленькое житие Блаженного Иоанна Христа ради юродивого устюзского чудотворца. Это Вы меня так своею “Аглаею” растрогали!

Четьи-Минеи за мной. Ужо приеду в Москву — расквитаемся в обещаниях. А вот Вы не подумаете ли съездить весною к нам на Волгу, доехали бы вместе до Углича».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3035/4 оф.

Датируется предположительно по времени публикации рассказа «Аглая». См.: до 3 ноября 1916.

Декабрь. В декабрьском номере нью-йоркского журнала «The Russian review» (p. 278–283) печатается статья A.Yarmolinsky «Ivan Bunin: a literary portrait».

В течение года. Бунин пишет стихотворения:

— «Голубь» («Белый голубь летит через море...»). Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3 об.

См.: Русская газета. Париж, 1924. 22 июля (№ 75). С. 2.

— «Рабыня» («Странно создан человек!..»). Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 4.

См.: 2 ноября (20 октября) 1919.

— «Грот» («Волна, хрустальная, тяжелая, лизала...»). Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 4 об.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января (№ 120 (9)). С. 2.

— «Старая яблоня» («Вся в снегу, кудрявом, благовонном...»). Авторская дата: «1916».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 5.

См.: Наш мир. Берлин, 1924. № 20. 3 августа. С. 217.

— «На стене нашей глиняной хижины...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 117.

Ранняя редакция стихотворения «Порыжели холмы. Зноем выжжены...».

Датируется по местоположению автографа в тетради среди стихотворений 1916 г.

— пишет два стихотворных фрагмента: «Под хмурым небом, в синем море...», «Обрыв горы. Восточный, чистый...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 84.

См.: *ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 228.

Датируется по местоположению автографа в тетради среди стихотворений 1916 г.

Выходит сборник «Москва в истории и литературе» (сост. М.Коваленский. М., 1916), в котором (с. 475) помещается стихотворение Бунина «В Москве» («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»).

В журнале «American review of reviews» (Vol. 54. P. 224) печатается рецензия А.Шоу «Has Russia a New Tolstoy?», в которой критик высоко оценивает рассказ «Господин из Сан-Франциско» и ставит Бунина в один ряд с Л.Н.Толстым.

См.: *Антология*. С. 611.

1917

Январь, 1. Е.А.Телешова посылает Буниным иллюстрированную открытку:

«Милые Вера Николаевна и Иван Алексеевич.

Поздравляю вас с Новым Годом и желаю вам здоровья и счастья и окончания войны».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 211.

В газете «Одесский листок» (№ 1. С. 8 приложения) публикуется статья Б.Вальбе «Литературные достижения 1916 года».

Обозреватель, в частности, пишет: «Параллельно течению “областного искусства” идет другое течение, я бы сказал, “дворянское”.

Таковы прекрасные сборники рассказов: Бор.Зайцев — “Земная печаль”, Бунин — “Господин из Сан-Франциско”, Ю.Слезкин — “Господин в цилиндре” и т.д.

Общая мелодия этого течения минорная, элегия “печаль полей”, тоска по былому, приволье “дворянских гнезд”, “вишневых садов”, проникает их мироощущение; испуг перед нивелирующим городом подсказывает им мрачные мысли о “суете сует”, о всепоглощающей смерти».

В ростовской газете «Приазовский край» (№ 1. С. 2) печатается статья Л.Волоха «1916-й год в литературе».

Критик отмечает: «Бунин собрал свои произведения периода 1915–1916 гг. в отдельную книгу, где на первом месте напечатан понравившийся критике рассказ “Господин из Сан-Франциско”».

Январь, 2. В Большой аудитории Политехнического музея В.П.Потемкин читает лекцию «О русском писателе». Во 2-м отделении Бунин читает рассказ «Песня о гоце».

Также выступают А.С.Серафимович, Н.Д.Телешов, И.С.Шмелев. Лекция организована Всероссийским союзом городов. Весь чистый сбор поступает в пользу фонда помощи увечным воинам.

См. объявления в газетах: «Русское слово» (1916. 29 дек. (№ 300). С. 1); «Русские ведомости» (1916. 25 дек. (№ 298). С. 1; 30 дек. (№ 301). С. 1; 1917. 1 янв. (№ 1). С. 1). См. программу вечера: ОГЛМТ, ф. 14, № 6224 оф.

Январь, 3. В харьковской газете «Южный край» (№ 13794. С. 5) печатается статья А.Станкевича «Литература в 1916 году».

Обозреватель, в частности, пишет: «Бунин, помимо участия в сборниках ("Слово") дал в конце года книгу произведений ("Господин из Сан-Франциско" 1915–16 г.). Раньше мне, как и многим другим, он казался несколько холодным, писателем более умным, более богатым опытом и наблюдениями, чем талантливым. Но "Казимир Станиславович", но "Аглая", но "Господин из Сан-Франциско" — какое море углубленного и сложного чувства жизни, проникновения и в печаль, и в радость, живой поклон и человеку, и земле, что и его старой тоске, прежнему чувству бездомности дало новый смысл, сообщило мягкую улыбку, которая есть у чутких живых, и которой не бывает у холодных прохожих, или только созерцателей! И все это в четком рисунке, всегда индивидуально-гибком, обнимающем до деталей тему, — линия темы, тотчас отраженная в красках».

Январь, 4. А.Б.Дерман пишет Бунину из Симферополя:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич, дорогою сюда в уединении немало думал и вспоминал про "Петлистые уши", особенно в связи с нашим разговором после официальной части "Среды". Позвольте поделиться с Вами своими мыслями.

Слушайте — не слишком ли отчетливо выступает фигура автора в разговорах героя с матросами? Последние, помнится, народ невежественный, уличный, или вроде того, — с какой же стати герой заведет с ними речь о философии преступления, о Достоевском и т.п.? Правда, маниак порою говорит потому только, что из него прет, кто бы ни был его собеседником, но это объяснение аннулируется чертой замкнутой сдержанности, которая Вашего героя отличает. Впрочем, думаю, что здесь я просто в чем-то ошибаюсь, что-то не дослышал или не "допонял"».

Касаясь вопроса публикации данного рассказа, А.Б.Дерман отмечает: «Во-первых, простите меня, но я продолжаю считать "Петлистые уши" чуть пониже Вашего умения, таких вещей, как "Госп<один> из С<ан->Фр<анциско>", "Казимир Станисл<авович>", "Клаша"; во-вторых, — боюсь я, что Вы получите сейчас неважного читателя, который весьма быстро и с легким сердцем примет Ваши тяжкие тезисы, самостоятельно их не продумав и не прочувствовав: тезисы Вашего рассказа идут ведь по линии текущих событий. Вам-то они дались, верно, соком — простите за грубость, — а массовый читатель примет их, так сказать, заломив шапку набекрень. <...> А затем —

не скрою, что мне кажется, что с течением времени крупный и ответственный замысел “Петлистых ушей” воплотится у Вас в широкий роман, о котором, ненавидя тему, я напишу восторженный отзыв...».

Письма (*2*). С. 746.

См.: 21 декабря 1916.

В газете «Киевская мысль» (№ 4. С. 2) помещается статья В.П.Кранихфельда «Целомудрие и экспансивность».

В статье говорится: «Пишу под свежим впечатлением двух только что прочитанных книг, — вышедшего на днях сборника новых произведений Ив.Бунина “Господин из Сан-Франциско” <...> и последнего сборника стихов Валерия Брюсова “Семь цветов радуги”.

Бунин... Брюсов... Что нового можно сказать об этих двух мастерах слова, с вполне установившимися писательскими физиономиями и репутациями? <...>

Разве “Господин из Сан-Франциско”, предлагающий читателю ряд новых, еще неизведанных им эстетических переживаний, сулит ему в то же время и нового, еще никому неведомого художника? <...>

Тот же строго, до холодка, сдержанный Бунин, с его чеканным стилем, где “словам тесно, а мыслям просторно”». Далее разбирается книга В.Я.Брюсова, затем критик продолжает: «Перехожу к Бунину <...>, в которого исключительно верю, которого исключительно ценю.

“Много красавиц в ауле”, — в нашей литературе, то есть, а Бунин это тот “лихой конь” нашей литературы, о котором сказано: “он не изменит, он не обманет”. <...>

Как в первом, так и в других рассказах книги жизнь, творимая художником — и богато насыщенная цветами и ароматами его преображающего дарования, протекает где-то совсем вдалеке, — и в пространстве и во времени, — от волнующих нас полей мировых битв. Художник не отразил войны в своих новых рассказах. Он заплатил ей дань, быть может, в своем настроении, но не в рисунке.

Прямого отклика на войну нет, как будто бы и в лирике, которой Бунин обычно заканчивает свои книги. Потому что и здесь Бунин не грозит никому пером и не ведет за собою в атаку мощные полки, как это любят делать иные прочно засидевшиеся в тылу поэты. Но на самом деле чуткая лира Бунина все же дрогнула в ответ на призывные звуки длящихся боев, и в результате мы получили стихотворение “Орда”, быть может, лучшее из всех, какие порождены войной». В заключение критик приводит текст стихотворения «Слово» и отмечает: «Это даже не стихотворение, а подлинный поэтический декрет. И Бунину именно принадлежит право и власть опубликования его. Потому что, приобщившись к литературе, он принес в нее ценное и страшно редкое по нынешним временам качество, которое я назвал бы целомудрием слова».

Январь, 7. В Старом здании Московского университета проходит закрытое (с гостями) заседание Общества любителей российской словесности; Бунин читает свой новый рассказ «Петлистые уши».

См. объявление в газете «Русские ведомости» (7 янв. (экстренное приложение к № 5). С. 2). Журнал «Рампа и жизнь» (№ 4. 22 янв. С. 10) в рубрике «Хроника искусства и литературы» сообщает: «Рассказ Ив.Бунина “Петлистые уши”, на днях читанный автором в собра-

нии кружка “Среда” и на заседании общества Любителей российской словесности — и произведший огромное впечатление, появится в сборнике “Слово”, где будут помещены рассказы Б.Зайцева, Ив.Новикова и Ал.Кипена».

Январь, 9. В газете «Одесские новости» (№ 10299. С. 4) публикуется рецензия на отдельное издание перевода Бунина «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло (М., 1916). Подпись: А.И.

Рецензент пишет: «Перевод И.Бунина знаменитой поэмы Лонгфелло, представляющий поэтическую обработку мифов и легенд индейцев, выходит уже 4-м изданием; о высоких достоинствах его говорить нам не придется: они давно оценены и академией наук, увенчавшей труд Бунина премией имени Пушкина, и критикой, и, наконец, высшей инстанцией, другом-читателем. Прозвучала в этой единодушной оценке лишь одна странная нота: это отзыв о переводе И.Бунина рецензента “Журнала Министерства народного просвещения” <...>. Конечно, этот рецензент, как выражается гоголевский городничий об учителе по исторической части, “ученая голова, и сведений нахватал тьму, но только”... Но только не будем говорить о нем...

К переводу И.Бунина — в теперешнем издании Сабашниковых — впервые приложен прекрасный вступительный очерк В.Иохельсона, большого знатока американской этнографии. <...>

К переводу приложены 13 интересных в этнографическом отношении рисунков. Внешность издания — бумага, шрифт, как во всем, что выпускает фирма Сабашниковых, безукоризненная».

Имеется в виду рецензия И.Холодняка. См.: октябрь 1908, вторая запись. (*Летопись* (*1*). С. 764).

В петроградской газете «Речь» (№ 8. С. 2) помещается текст речи С.А.Венгерова «Русская литература в средней школе как источник идеализма».

См.: 27 декабря 1916. Текст речи опубликован также в газете «Терек» (18 янв. (№ 5690). С. 2).

Январь, начало. Бунин посылает В.А.Морозовой книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с дарственной надписью:

«Варваре Аполлоновне от всей души Ив.Бунин».

ЕКМ — 7662. Кн. — 1950.

См.: 21 января 1917, третья запись.

Январь, 11. В московской газете «Русские ведомости» (№ 8. С. 2–3) печатается статья И.Н.Игнатова «Литературные отголоски».

Критик, в частности, пишет о книге «Господин из Сан-Франциско» (М., 1916): «К новым произведениям Бунина нельзя подходить с намерением узнать взгляд автора на способность русского человека к общественному “строительству”. Это — коротенькие трагедии личного существования, — страшные неизбежностью, с которой не может примириться чувство писателя. “Господин из Сан-Франциско” — прекрасный рассказ, о котором мне уже приходилось говорить, когда он печатался в “Слове”, — значителен и важен трагедией не лица, о котором идет дело (оно едва ли способно переживать трагедии), а читателя, стоящего перед вечной несоответственностью жизненной пошлости с серьезной важностью смерти. Тяжелое чувство, ко-

торое выносишь из рассказа, ложится мрачным налетом на все остальные произведения Бунина, помещенные в новом сборнике.

Почти везде мелкота и пошлость существования, тогда как жизнь предъявляет серьезные и важные запросы; почти везде вследствие этого неразрешимые жизненные конфликты, трагические разрубания недоступных развязыванию узлов. Все это не имеет прямого отношения к вопросу о взгляде на способность русского человека устраивать совместную жизнь с другими».

Январь, 13. И.А.Белоусов пишет Бунину:

«Дорогой мой!

Шмелев, Кипен и Серафимович
Затеяли сыграть квартет...
Нет!

Они затеяли сниматься (в фотографии П.П.Павлова у Петровских ворот).

Завтра, 14 января в час дня тебя очень просят приехать в фотографию. Юлий Алексеевич согласился, — я тоже приеду. <...> Приезжай, пожалуйста».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 58, л. 48.

В петроградской газете «Биржевые ведомости» (№ 16030) печатается статья А.Гвоздева «Беллетристика 1916 года».

Критик, в частности, пишет: «Среди новых произведений Ив.Бунина первое место несомненно принадлежит мощно написанному рассказу “Господин из Сан-Франциско”, в котором запечатлено величавое и страшное устремление человека к торжеству механической культуры, обезличивающей в конечном итоге индивидуальность и поглощающей душу человека. Надиндивидуальная сила, увлекающая человеческий гений к изобретению все новых чудес механики и техники, к победе над свободной стихией природы исполняет его горделивым сознанием всемогущества, но в то же время приносит с собой устрашающее равнодушие к красоте и бесчувственность ко всему истинно-человеческому. Величественный образ титанического океанского корабля, на котором совершает свое последнее житейское странствие обезличенный и безымянный “господин из Сан-Франциско”, вырисован в мастерски построенных, мужественно-суровых периодах, с рельефно отчеканенными, конкретными деталями».

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/406 оф.

Январь, 14. В петроградской газете «День» (№ 12. С. 5) печатается рецензия К.Тиандера на отдельное издание перевода Бунина «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло (М., 1916).

Критик, в частности, пишет: «Несмотря на все затруднения, испытываемые в настоящее время книгоиздательским делом, фирма М. и С.Сабашниковых продолжает свое высококультурное предприятие, снабжая русский книжный рынок образцовыми изданиями “Памятников мировой литературы”. Теперь перед нами новый выпуск этой замечательной серии, посвященный популярной поэме Лонгфелло. Кроме текста самой поэмы в переводе И.Бунина, о достоинствах которого достаточно свидетельствует тот факт, что он был удостоен академией наук премии имени

А.С.Пушкина, новая книга содержит историко-литературное введение, написанное В.Иохельсоном, и ряд иллюстраций, поясняющих быт краснокожих, воспетых Лонгфелло».

Январь, 15. Бунину посылается извещение о заседании литературного кружка «Среда»:

«18-го января с.г. в помещении Литературно-художественного кружка состоится заседание “Среды”, прочтет Ю.В.Соболев “О творчестве И.А.Бунина, Б.К.Зайцева и И.А.Новикова”. Начало в 8 ч. вечера».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2925 оф.

Январь, 16. А.М.Горький просит в письме Бунина:

«Позвольте просить Вас о сотрудничестве в газете “Луч”. А.Н.Тихонов, вероятно, говорил Вам о ней, я скажу только, что газета обещает быть вполне приличной и литературной. Условия — какие Вам угодно.

Был бы очень счастлив, если б Вы дали стихов или маленький рассказ в конце января.

Вы — добрый друг и никогда не отказывали мне в помощи Вашей. Буду надеяться, что не откажете и ныне».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 102–103.

Издание газеты «Луч» не состоялось.

Январь, до 18. Выходит 2-е издание книги «Чаша жизни. Рассказы и стихи 1913–14 г.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917. 168 с.). Тираж 1100 экз. Цена 1 р. 60 к.

Содержание: **Рассказы**: Чаша жизни, Братья, При дороге, Святые, Весенний вечер, Святочный рассказ, Над городом, Пыль; **Стихотворения**: В Венеции. А.А.Карзинкину («Восемь лет в Венеции я не был...»), Псковский бор («Вдали темно и чащи строги...»), Причастницы («Свежа в апреле ранняя заря...»), Иаков («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), Господь скорбящий («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), Плач ночью («Плакала ночью вдова...»), Новый Завет («С Иосифом Господь беседовал в ночи...»), Магомет и Сафия («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»), Нищий («Все сады в росе, но теплы гнезда...»), Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (18 янв. (№ 14). С. 8). Цена и тираж книги установлены по: *Книжная летопись.*

Январь, 18. Бунин, вероятно, присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором выступает Ю.В.Соболев с докладом «О творчестве И.А.Бунина, Б.К.Зайцева и И.А.Новикова».

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 27.

См.: 15 января 1917; 9...15 июня 1917.

Январь, 21. Бунин посылает Е.А.Колтоновской рассказ «Петлистые уши» и просит в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам новый рассказ, идущий в VII сборн<ике> “Слово” (“Петлистые уши”). Буду оч<ень> благодарен, если напишете мне хотя две-три строки, какие чувства он вызвал в Вас, — он еще сильно волнует меня.

Пользуюсь случаем просить Вас — если будете где-либо говорить обо мне и цитировать меня, будьте добры цитировать по изданию “Нивы”».

Письма (2). С. 381.

А.М.Горький и Л.В.Бернацкий посылают Бунину телеграмму из Петрограда:

«Просим сотрудничества Луче».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 105.

См.: 16 января 1917.

В.А.Морозова, получив книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), пишет Бунину:

«Большое Вам спасибо, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, за присланную книгу, за внимание, за память... Чем делаешься старше, тем все более ценишь это внимание».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 160.

Январь, 23. Бунин дарит Д.Н.Муромцеву (?) книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с надписью:

«Мите любящий его автор. 23.II.1917».

РГБ ОР, ф. 487, к. 36, ед. хр. 4.

В петроградской газете «Речь» (№ 21. С. 2) публикуется статья А.Б.Дермана «Старое и новое у Бунина. (“Господин из Сан-Франциско”, сборник)» — рецензия на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Критик пишет: «Новый сборник произведений Бунина составлен по типу прежних: первая половина книжки отведена прозе, вторая — поэзии. <...> уже с несомненностью можно говорить о том, что этого резкого и характерного отличия прозы от поэзии — здесь нет. <...> Не в самых темах, не в фабулах и перемене их лежит секрет нового впечатления, <...> а в отношении автора к своим темам и фабулам, *в осложнении его восприятия*. Именно — в осложнении. <...> Бунин не только не перешел от тем мрачных к светлым, но скорее еще глубже зачерпнул из обширного моря русской национальной тьмы. Он подошел к самому истоку ее, указал место, откуда просачивается в народную душу разъедающее ядовитое начало умерщвления и искажения любви и радости жизни. <...> Читатель видит, что лирика “Аглаи” сближает прозу Бунина с его “лирикой”, в тесном смысле слова, и к этому необходимо добавить, что в последнюю переливается уже нечто и из “прозы” Бунина и, что характерно, из той самой прозы, главная тема которой — тьма русской национальной жизни. В прозу бунинских обличений вторглась его тонкая лирика; в его лирику вторглась волнующая и угнетающая тема о зле русской жизни. <...>

О превосходном рассказе Бунина “Господин из Сан-Франциско” в свое время очень много писали. <...> Для нашего вопроса об эволюции Бунина достаточно будет ограничиться простым указанием на то, что, написанный с полной беспощадностью к главному герою, с уничтожением его и в физическом и в моральном смысле, рассказ тем не менее родит в душе читателя какой-то подъем, т.е. чувство противоположное тому, какое испытывал читатель Бунина предпоследнего периода. <...> Читатель чувствует правильность и праведность этой авторской беспощадности, са-

мая крайность которой так кажется уместной в столь значительном захвате, самая холодность которой кажется уже не холодностью, а пафосом возвышенного лиризма. — Со страниц сочинений Бунина ушло брезгливое раздражение злом и темнотою жизни, между тем как возмущение против этого не только не ушло, но даже окрепло, прояснилось и определеннее выкристаллизовалось, характерным признаком чего и явилось это расширение авторского охвата и углубление к самому корню отравляющих жизнь начал. "Господин из Сан-Франциско" и "Аглая" — суть переход от частных симптомов зла русской и общечеловеческой жизни — к ее первопричине и истоку.

С другой стороны такой переход как бы расширил кругозор автора, поднявшегося в своем созерцании жизни на более возвышенную точку. И это проявилось в его новой книге прежде всего тем, что она просветлела в целом, что сконцентрированное в широких, но твердых художественных формулах, зло жизни очистило многие страницы книги Бунина от своего мрачного присутствия, что вместо угрюмой однотонности мы здесь находим ту нравственную пестроту жизни, которая так характерна для так называемого приятия жизни».

Январь, после 23. Бунин благодарит А.М.Горького в ответном письме за приглашение к участию в новой газете «Луч» и пишет:

«Простите, что ничего не шлю пока в "Летопись". Все собираемся (и все тщетно) в Крым. Как только попадем туда, тотчас сяду за работу.

Будьте добры, прикажите январь "Летописи" выслать мне в Москву (Поварская, 26). Очень хочется посмотреть.

Шлет Вам новый рассказ — по-моему, чудесный — Николай Григорьев Шкляр. Очень прошу Вас — обратите на него внимание».

Письма (2). С. 381.

Январь, 27. Бунин с Н.А.Пушешниковым приходит в гости к А.Е.Грузинскому.

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает: «Вечером были у А.Е.Г<рузинского>. Он читал нам отрывки из дневника С.Ан.Толстой».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 249.

Е.А.Колтоновская пишет Бунину:

«Большое спасибо за все присланное. Рассказ "Петлистые уши" глубоко поразил меня и взволновал. Кажется, это сильнее всего написанного Вами, сильнее "Госп<одина> из С<ан->Фр<анциско>". Но Вы, конечно, не об этом спрашиваете меня, а о сущности впечатления: чувствую ли я изображенное в рассказе *как правду*?

Я думаю, что сейчас все так именно чувствуют. В другое время (ведь эта тема у Вас не новая...) Вас, наверное, упрекали бы в "односторонности" и пр. А сейчас все очевидцы "мировых" событий уже пришли к одной точке — к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут Ваш страшный рассказ. Вольно или невольно, Вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов, и это придало его непреходящему содержанию особенную остроту. Он не только психологически приемлем и понятен, а и глубоко правдив, по-моему.

Как автор его, Вы, вероятно, слышали так много похвал, что мое восхищение его виртуозным исполнением ничего не прибавит. Но я все-таки пользуюсь случаем, чтобы, вообще, выразить Вам глубокую благодарность за те большие, ни с чем не сравнимые радости, которые принесли мне все Ваши последние произведения — и рассказы и стихотворения».

В заключение Е.А.Колтоновская просит сообщить — кто редактор «Книгоиздательства писателей в Москве», т.к. хочет возобновить переговоры об издании своей книги: «...план издания у меня несколько изменился, и я хотела бы издать именно такой сборник, как тогда рекомендовало издательство (исключительно статьи о новых писателях). К кому мне с этим обратиться?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3068/1 оф.

Январь, 28. В газете «Одесские новости» (№ 10318. С. 3) печатается статья К.Бархина «Новые слова Бунина» — рецензия на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–16 г.» (М., 1916).

Рецензент пишет: «Сборник новых рассказов и стихотворений Бунина открывается торжественно-мрачной повестью-песнью “Господин из Сан-Франциско”.

Символический характер произведения слишком очевиден; моральные тенденции подчеркнуты автором преднамеренно резко и по манере письма рассказ Бунина напоминает произведения Толстого последнего “проповеднического” периода. Художник не описывает суетную жизнь праздных, обеспеченных людей, но судит ее и осуждает. <...>

Падение “человека-Вавилона”, “падение великое”, как говорит Библия, изображено у Бунина с потрясающей яркостью — язык его энергичный и сосредоточенный доходит временами до пафоса Ветхого Завета, отбросившего с презрением все условности и недомолвки робкой человеческой речи. Это грозная оратория духовых инструментов на слова из Софонии. <...>

Удивляться начинаешь силе и власти впечатления, особенно, когда вспомнишь, что ведь Бунин совсем не изображает внутренних душевных переживаний господина из Сан-Франциско перед смертью. Это не смерть толстовского Ивана Ильича — здесь идет описание чисто внешних эффектов, а мрак все же получается бездонный и среди этого довременного, изначального мрака слышен призыв автора, его моральная проповедь.

Кажется нам, что “Господин из Сан-Франциско” Бунина займет свое почетное место среди изображений конца человеческого, сердобольной смерти и смерти-палача в мировой литературе, в мировом искусстве. <...>

Простая, наивная по языку, обвеянная романтизмом старины, новелла Бунина “Грамматика любви” — есть интимнейшая авторская философия чувства, которому суждено играть в жизни человеческой такую исключительную роль, вызывая одних из повседневной дремоты к гордому творчеству, и других погружая в лунный сон безумия, который прерывается лишь вечным, уже беспробудным сном.

“Грамматика любви” — “Песнь песней” в обстановке запущенной русской помещичьей усадьбы <...>. Эта небольшая повесть служит как бы поэтическим введением к ряду стихотворений Бунина, в которых воспевается им царица-любовь!

О скрытых от общего, скучающего, филистерского взгляда душевных глубинах говорит новая повесть Бунина — “Сын”. <...> “Сын” Бунина — захватывающе-интересный опыт психологического толкования явления, которое, конечно, никто не признает обыденным и нормальным».

Перечислив остальные рассказы сборника, критик отмечает: «О каждом из них хочется думать, говорить; каждый хочется перечитать еще раз. В каждом приподымается автором край завесы, скрывающей ту мучительно-блаженную тайну, что зовется человеческим сердцем.

Стихотворения Бунина, опубликованные им в период 1915–1916 гг. по силе, замыслу, по совершенству формы очень неровны.

Открывается отдел стихотворений как бы программной пьесой: <далее приводится текст стихотворения “Слово”>.

Это обращение к писателям и народу, представляющее собой как бы продолжение и развитие тургеневского стихотворения в прозе “Русский язык”, в устах другого могло бы звучать холодной риторической сентенцией, но Бунин с его целомудренно-строгим отношением к “нашему бессмертному дару” — слову, имеет право поучать, как “власть от небес имущий”.

Здесь, конечно, не “программа поэзии” — не программа в духе философских од Пушкина, Лермонтова, Шиллера. <...>

Пьеса Бунина лишь призыв, но призыв, во всяком случае, определенный и своевременный!

Прекрасна первая половина стихотворения Бунина “Орда”, с его нежно-счастливыми образами, оригинальными открытиями-эпитетами, с настроением, мощно захватывающим и подчиняющим себе читателя <...>.

Удачен в былинным стиле написанный “Святогор и Илья” и веющие темной стариной, создавшей людей сильных телом и духом: “Князь Всеслав”, “Казнь”, “Святитель”.

Мы назвали лучшие по нашему мнению стихи, но и над всем остальным стоит сияние большого, серьезного, даже строгого к себе таланта».

Январь, 29. В московской газете «Утро России» (№ 29. С. 3) помещается статья Н.Я.Абрамовича «Русские писатели о русском народе». Подпись: Н.Кадмин.

Критик, в частности, пишет: «В высшей степени любопытна и своеобразна занятая И.А.Буниным позиция, отделяющая его от всех. К высказанным им идеям следовало бы повнимательней прислушаться: в них есть глубина и правда не теоретика, не публициста, а художника, исходящего из сложных жизненных глубин. <...> позиция Бунина находится в некоем прямом и резком различии с идеями Леонида Андреева и Шмелева, <...> часто горькая правда, понуждающая к пересмотру и перестрою нужнее всех этих “сладких несторовских речей”.

Именно такой суровой горечью проникнуты в этом смысле определения Бунина. Его суждения несколько незавершенны в силу того, что они основаны не на готовых и существующих в литературе обобщениях и идейных формулах, а на личном жизненном художественном и идейном опыте. Последнего вывода здесь быть не может, для этого мало единичных человеческих сил, а пророчествовать он не хо-

чет. Зарисовывая, как художник, отрицательные и положительные черты народного облика и склада, а также и ту стихийную силу воли и духа, которые часто находят себе кошмарное и мучительное проявление, он выше всех кружковых и партийных платформ поставил завет личной художественной ответственности, какую налагает на человека высокий художественный дар. Источник идей и выводов для художника только один — сама живая сложная действительность.

Конкретно-бытовой и психологический материал, который дает ему русская жизнь, по наблюдениям Бунина, мало вмещает в себя элементов той практической, строительной, крепкой воли, которая созидает внешнюю мощь. Глубокие почвенные начала национальной психологии, по Бунину, резко противоречат практическому, трезвому укладу западного человека, дельца, устроителя “дома” и внешнего благополучия. <...>

Очень трудно свести все это к какому-либо непререкаемому и окончательному выводу, но, как художник, Бунин пытается исходить из глубины, из почвы жизни, прислушиваясь к ее внутренним голосам, говорящим о созданных в ней пластах и наслоениях по непреложным законам самой жизни.

До некоторой степени мы усматриваем сходство в отправных точках Горького и Бунина. Для обоих в русском национальном характере есть внятное начало, предопределяющее своеобразный путь русской творческой культуры. Оба художника прислушиваются к наличному жизненному материалу и не могут в своих наблюдениях и выводах пойти вопреки голосам живой жизни.

Мы можем сказать определенно, что в основном и Горький и Бунин остались верны русской глубинной художественной традиции, проложенной Толстым и Достоевским, наметившими своеобразие жизненного духовного склада русского человека. <...>

Бунин остается прежде всего наблюдателем-художником, склоняющимся над жизненным материалом, как над той загадкой, которую надо отразить в некоем жизненном обобщении и отгадывании. Но здесь налицо позиция художника, который не хочет лгать, не хочет притворяться во имя чего бы то ни было. Он хочет быть передатчиком того, что вещает жизнь. Такова миссия художника».

Январь, 30. В петроградской газете «Речь» (№ 28. С. 3) печатается рецензия Е.А.Колтоновской на 6-ю и 7-ю книги «Русской литературы XX века» (под ред. С.А.Венгерова).

Рецензент, в частности, отмечает: «В названных выпусках помещены интересные писательские автобиографии: Андреева, Бунина, Блока, Белого и др.».

Январь, 31. Бунин в письме спрашивает К.А.Тренева о возможности проезда в Ялту через Симферополь.

Письмо неизвестно. См.: 11 февраля 1917, третья запись.

Январь. В петроградском «Ежемесячном журнале» (№ 1. Стб. 246–247) помещается рецензия А.А.Гизетти на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Рецензент пишет: «...повесть “Господин из Сан-Франциско” при первом своем появлении (в прошлом году, в V сборнике “Слово”) было единодушно отмечено критикой как новое крупное “достижение” талантливого художника и вообще одно

из самых выдающихся произведений современной литературы. Художественные изображения сытой и пошлой жизни американского миллионера-туриста <...> производит неизгладимое впечатление. Легко обвинять Бунина в холодности и апатичном созерцании фактов, называют его скучающим туристом и барином. Сила и значение Бунина в том, что он сам сознает особенности своей творческой личности и направляет силу своей изобразительности на такие области, где эти особенности служат ему во благо». Упомянув рассказы «Казимир Станиславович», «Легкое дыхание», «Клаша», «Сын», критик отмечает: «все эти *внешне* "бесстрастные" эпические этюды таят в себе большую любовь к людям и жажду красивой жизни для них. И не только красивой, но и *осмысленной* жизни! <...> С изумительным искусством развертывает Бунин в своих стихотворениях картины религиозной и бытовой жизни экзотического азиатского Востока и древней Руси. Такие стихотворения как "Бегство в Египет", "Скоморохи", "Казнь", "Святитель", "Князь Всеслав", "Песня", "Руслан" (из "русских"), "Святилище", "Богиня", "Малайская песня" (из "восточных"), несомненно, войдут незабываемыми ценностями в русскую литературу, как образцы стиха и цельного настроения, как попытки воссоздать *душевный* мир далеких эпох и стран. Горячая любовь к родине и страстное желание найти брата-ближнего в человеке другой страны и расы, большое уважение к сложной и многообразной жизни, чутье к жизни природы, душевная тонкость и своеобразие – особенные черты Бунина как поэта. Бунин имеет право отнести к себе характеристику "мудрого" человека, упорно ищущего и *находящего* бесценные алмазы в тщательно им просеиваемой "дорожной пыли", которую он дает в прекрасном стихотворении "Поэту". Произведения Бунина, несомненно, *обращены* к людям, полны живой *связи* с ними, страстного искания правды и беспощадного анализа современной "европейской" души».

Февраль, 1. К.А.Тренев пишет Бунину:

«Таврида в лице возглавляемого мной Таврического педагогического общества, почтительнейше просит Вас позволить использовать проезд Ваш через Симферополь в смысле устройства Бунинского вечера. С этой целью уже мобилизованы силы всех родов оружия — декламационные, вокально-музыкальные, критические — начало вечера откроется докладом о Вас Дермана. <...> Во всяком случае, имейте в виду, что если намерены проследовать через Симферополь в Ялту, то участие в бунинском вечере непременное для этого условие. И се есть глас народа!»

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 216.

Сентябрь, 1, 1916...Февраль, 1. Бунин дарит библиотеке Московского Литературно-художественного кружка свои книги: «Золотое дно. Рассказы 1903–1907 гг.» (2-е изд. М., 1914) и «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Границы события определены по сообщению в рубрике «Библиотека» журнала «Известия Московского Литературно-художественного кружка» (М., 1917. Вып. 17–18. С. 75–76). Эти экземпляры книг неизвестны.

Февраль, 2. В Харькове в Общественной библиотеке П.С.Коган читает лекцию «Литература сегодняшнего дня».

В харьковской газете «Южный край» (4 февр. (№ 13856). С. 6) в отчетной заметке «Лекция П.С.Когана» (подпись: А.С-кий) говорится: «“Литература сегодняшнего дня” — лекция, прочитанная прив.-доц. П.С.Коганом третьего дня в зале Общественной библиотеки, — привлекла массу слушателей и прошла с большим успехом. <...>

Вторую часть лекции П.С.Коган посвятил <...> писателям реалистам, но только не игнорирующим реальную жизнь и общественную обстановку, но весьма чутко прислушивающимся к биению пульса окружающей их действительности. Среди этих писателей мы имеем такого колосса, как И.А.Бунин (“Господин из Сан-Франциско” — лучшее, по мнению лектора, произведение нашей “военной литературы”, хотя оно и было написано до войны)».

Февраль, 7. Бунину посылается приглашение на заседание Разряда изящной словесности Императорской академии наук 9 февраля в 2 часа дня

«для прочтения представления в почетные академики кн. Сумбатова и для разрешения текущих дел».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2901 оф.

Февраль, 1...7. Выходит седьмой сборник «Слово» (М., 1917), в котором (с. 217–231) печатается рассказ «Петлистые уши».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (1 февр. (№ 26). С. 7), что «на днях» поступит в продажу 7-й сборник «Слово», и по рецензии. См.: 8 февраля 1917, четвертая запись.

Февраль, 8. Бунин дарит П.Н.Петровскому книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с надписью:

«Дорогому Петру Николаевичу Петровскому Ив.Бунин. Среда 8 февр. 1917 г.»

ГЛМ ОКФ, № 1337.

М.В.Сабашников пишет Бунину:

«При сем посылаю Вам проект условия, в котором изложено все то, на чем мы сошлись с Вами при последнем свидании. Прошу просмотреть текст и подписать его <...>, если сочтете его удовлетворяющим Ваши желания. В противном случае не откажите отметить желательные для Вас изменения».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 192, л. 5.

Сохранилась копия Договора с издательством М. и С.Сабашниковых о выпуске отдельного издания перевода Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» тиражом 12000 экз. по цене 2 р. В соглашении, в частности, говорится:

«3. Кроме того, мне предоставляется право, но не ранее 1-го ноября 1918 г., выпустить в свет в отдельную продажу удешевленное издание “Песни о Гайавате”, или включить ее в собрание моих сочинений.

4. В уступку Вам права на издание “Песни о Гайавате” я имею получить от Вас пятнадцать (15) процентов с цены».

Гонорар по соглашению был определен в 500 р. при подписании Договора и 400 р. после выхода книги в свет.

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 339, л. 10–11.

См.: 28 (15) августа ... 2 сентября (20 августа) 1918.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 31. С. 2) печатается рецензия И.Н.Игнатова «Литературные отголоски. Сборник “Слово”».

Рецензент пишет: «О рассказе г. Бунина “Петлистые уши” удобнее говорить в связи с другими произведениями автора».

В вечернем выпуске харьковской газеты «Южный край» (№ 13865. С. 5) публикуется статья М.Левидова «Письма о литературе. Писатель и метрдотель».

Статье предпослан эпиграф из стихотворения Бунина «Одиночество»: «И камин затоплю, буду пить. Хорошо бы собаку купить». Далее критик пишет: «Тихим дуновением пронеслись эти печальные, красивые слова над современной литературой и заворожили ее. Показная безнадежность, усталая улыбка и тоска, тоска скрыты в этих словах, лозунгом певцов догорания и отцветания служит эта фраза.

Странный лозунг, странный боевой клич — ведь он провозглашается не опьяненной своей многочисленностью, своим единством толпой на площадях, а околдованным своим одиночеством, своей оторванностью художником, ведь он вырывается из уст не пред схваткой веселой с врагом, а во время бесцельных, заранее на неудачу обреченных поисков врага.

И не найти этого врага, в борьбе с которым радость бытия черпается в русской литературе, кончился период героических битв русской литературы, и проповедник мало-помалу уступает место увеселителю. Сводится на нет прежний смысл, меняются отношения к жизни. И не то, что литература опередила жизнь, не то, что она отстала от жизни, просто она очутилась вне жизни. <...> и литература теперь не то, чем была прежде для читателя. Ибо нет теперь прежнего читателя. <...>

Чтение утеряло теперь элемент искания, перестало быть делом самодовлеющим. <...> Если кое-где еще и сохранилась любовь к чтению, то уважение к книгам исчезло окончательно. <...> Но теперь мы понимаем, почему литература догорает и отцветает. И если не сетовать, то тем менее приходится удивляться, что героический характер русской литературы все больше и больше теряет свою чистоту, затуманивается элементами случайности, что из мятежной литература становится мятущейся, что настроения догорания и отцветания все шире развертывают над литературой свой серый, тоской вытканный плащ, что все, и могильно-холодный Бунин, и примирившийся, но не примиривший со злом мира Зайцев, и Сергеев-Ценский, и патриотствующий Андреев, и заблудившийся на дворянских пепелищах Ал.Н.Толстой, и пытающийся ошеломить Арцыбашев, и грустно молчащий Куприн, и усталый раб Дульцинеи Сологуб, — нужно ли перечислять дальше, — часто даже бессознательно для себя повторяют грустный мотив: “И камин затоплю, буду пить, хорошо бы собаку купить”. <...> Теперь парадоксом являются слова: Роль литературы — учить жизни, открывать мир, освещать темные, неизведанные пути. Не понятнее ли, не ближе современному человеку будет, если ему скажут: ни единым хлебом жив человек, книга ему тоже нужна, а потому полезен и метрдотель, выбирающий для нас ужин и писатель — пишущий книги. Всякому свой талант».

Данная статья напечатана также в газете «Пятигорское эхо» (10 февр. (№ 33). С. 2).

Февраль, 10. П.С.Коган пишет Бунину из Петрограда:

«Вчера получил от Шора (Михаила Николаевича), устроителя нашего харьковского вечера извещение о том, что он уже принялся за устройство его и о том, что он написал Вам. Я указал Шору на выбор — 27, 28 февраля и 1-ое марта. Я бы очень просил Вас, если для Вас это окажется возможным, сохранить 1-ое марта в качестве предельного срока для устройства нашего вечера».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3052/3 оф.

Февраль, 11. Извиняясь за молчание, Бунин сообщает А.Б.Дерману в письме:

«Книга Ваших статей, как Вы уже знаете, взята, о средствах для нее я доложил к<нигоиздательст>ву. Книга рассказов прочтена Юлием и Шмелевым, теперь она у Вересаева, так что участь ее еще не решена». Далее пишет по поводу рассказа «Петлистые уши»: «Много ли автора в рассуждениях Соколовича? По-моему, то, что говорит Соколович, вполне слито с его обликом. Буду ли я иметь хорошего читателя? Не знаю. На многих рассказ произвел чрезвычайн<ое> впечатление».

Письма (2). С. 381–382.

Книги А.Б.Дермана в «Книгоиздательстве писателей в Москве» не выходили.

П.С.Коган вновь пишет Бунину, сообщая о невозможности достать билет до Москвы:

«Поэтому послал Вам сегодня срочную телеграмму. Я боюсь подвести и Вас и Шора. — Как обстоит дело у Вас с билетами? — Если и у Вас дело обстоит так же безнадежно, то лучше отменить вечер. <...> Я бы очень просил Вас, если Вы решите вопрос в пользу отмены вечера, телеграфировать об этом *срочно* (простые телеграммы идут по пять дней): Харьков. Николаевская 19. Шору. <...> На днях вышлю список вещей для перевода».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3052/1 оф.

К.А.Тренев пишет Бунину:

«Сегодня получил Ваше письмо с датой 31 января, а на конверте 3 московских штемпеля от 6-го февр. Значит, письмо, пространствовав по Москве около недели, попало в Симферополь на 12-й день и с моим письмом, т.о., разминулось. <...>

Справки о Ялте я навел. Жизнь там сносная. Помещений и питания достаточно. <...>

Итак, надо надеяться — с восстановлением пассажирского движения Вы пребудете в Крым и в Симферополе примете участие в вечере, о котором просим Вас.

А за несколько дней до приезда Вам все-таки придется уведомить меня телеграммой, ибо здесь в гостиницах в рассуждении №№ тесно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3162 оф.

Редактор «Театральной газеты» М.Н.Шор пишет Бунину из Харькова, предлагая устроить там вечер писателя, упоминает П.С.Когана как посредника в этом деле.

ОГЛМТ, ф. 14, № 3201 оф.

Февраль, 12. В газете «Киевская мысль» (№ 43. С. 2) публикуется статья В.П.Кранихфельда «Новый тип альманаха» о 1-й книге альманаха «Творчество».

Критик пишет: «Альманах открывается красивым, но, к сожалению, не новым стихотворением И.Бунина “Игроки”, впервые оно напечатано в сборнике самого автора — “Господин из Сан-Франциско”».

Февраль, 6...12. Выходит № 7 петроградского «Журнала журналов», в котором помещаются произведения Бунина и статья о нем:

– под общим заглавием «Стихи Ив.Бунина. (Из произведений 1915–1916 гг.)»: I. «Поэту» («В глубоких колодцах вода холодна...»), II. «Парус» («Звездами вышит парус мой...»), III. «Св. Прокопий» («Бысть некая зима...»), IV. «Засуха в раю» («От пальм увядших слабы тени...») (с. 14).

– статья Б.Гусмана «Строгий лик. (Ив.Бунин. “Господин из Сан-Франциско”. Произведения 1915–1916 гг.)». Подпись: Борис Гу-н (с. 14).

Критик пишет: «В холодном спокойствии, и в суровой строгости писаны стихи Ив.Бунина. Каждое слово полновесно и значительно, ни одного пустого, ни одного лишнего. Бунин хорошо знает цену слова, которое одно живет вечной жизнью, побеждая тьму времен, и велика его скупость, — скупость радивого хозяина, берегущего свое добро. Суровый холод его стихов — холод глубокой, подземной воды. <...>

Внешний холод, холод чистоты и глубины, наружная суровость таят за собой жгучее, “до черноты”, горение все увидевшей души. <...> Есть большая радость жизни в стихах Бунина, но не веселит она сердца, радость его так же строга, как и все его творчество. <...>

В последнем сборнике Бунина есть несколько сказаний о святых. В них, живущих на земле для очищения и просветления злобствующих людских сердец, в них, гонимых людьми, равными “псам в свирепости и уме”, — “поэт” дал нам свой строгий образ. Не презрение к людям в его стихах, а гнев, не ненависть, а жалость и жажда просветления, жажда приятия».

Февраль, 13. Бунин дарит свой фотопортрет З.Е.Шнейдер с надписью:

«Дорогой Зое Евгеньевне Ив.Бунин 13 февр. 1917 г.».

ОГЛМТ ИЗО, ф. 14, № 4413 оф.

З.Е.Шнейдер — подруга В.Н.Муромцевой.

Февраль, до 14. Выходит № 1 петроградского журнала «Летопись», в котором (с. 248–258) печатается статья Д.Выгодского «Поэзия и поэтика. (Из итогов 1916 г.)».

Критик, разбирая стихотворные сборники К.Д.Бальмонта, В.Я.Брюсова, А.А.Блока, И.Г.Эренбурга, Н.С.Гумилева, О.Э.Мандельштама, Г.В.Иванова, В.В.Маяковского, В.Г.Шершеневича, Н.Н.Асеева и других поэтов, в частности, пишет о книге «Господин из Сан-Франциско»: «И среди этой молодой и почти совершенно бесплодной поросли одиноко стоит Ив.Бунин, истинный классик, истинный реалист. Поэт пушкинской школы в лучшем смысле этого слова, все время не принимающий участия в борьбе школ и теоретических распрях, не кричащий о своей современности и не

требующий исключительного к себе внимания, он, однако, приковывает к себе взоры и заставляет следить за его путем, неуклонно идущим вверх. Бунин, один из немногих поэтов, который на протяжении почти тридцатилетнего поэтического пути своего никогда не застывал, и до сих пор каждая его книга есть, действительно, новый шаг, новое достижение. В книге этого года (“Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.”) также сказалась и, может быть, особенно ярко эта черта. Всегда точные и меткие слова его стали еще полновеснее, узор его еще более четким и уверенным. Мудростью старца, понявшего мир, звучат его строки. “Душа полна, душа строга” — это его самоопределение чрезвычайно точно. И вместе с этим налет какого-то последнего, продуманного и прочувствованного и потому спокойного пессимизма лежит на большинстве его страниц; пессимизма, питающегося в значительной степени современными событиями, которые нашли в его лирике глубокое отражение и завершились такой формулой:

Пси и человецы –
Единое в свирепстве и уме».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (14 февр. (№ 36). С. 1).

Февраль, 14. Бунин в письме А.М.Григорову соглашается на перепечатку мемуарного очерка об А.П.Чехове «Из записной книжки» в сборнике, посвященном А.П.Чехову.

Письма (*2*). С. 382.

О каком сборнике идет речь, установить не удалось.

Февраль, 15. В доме имени В.Д.Поленова на Медынке Бунин присутствует на лекции В.П.Потемкина «О русском писателе».

Лекция устраивается секцией фабричных и школьных театров; также участвуют А.С.Серафимович, А.И.Сумбатов, Н.Д.Телешов, А.Н.Толстой, И.С.Шмелев.

См. объявления в газете «Русские ведомости» (11 февр. (№ 34). С. 4–5; 12 февр. (№ 35). С. 1).

Извиняясь за поздний ответ, Бунин пишет Е.А.Колтоновской:

«...у меня оч<ень> дурная зима в нынешнем году, я вот уже месяца полтора нездоров, а последнее время чувствовал себя особенно плохо, страдал от ужасной боли в бровной дуге, — и чрезвычайно благодарю Вас за Ваше сердечное и доброе письмо. Буду оч<ень> рад, если Ваша книга будет издана в “Кн<игоиздательстве> писателей”. Редакторами в нем состоят теперь три лица: мой брат, Шмелев и Вересаев. Если книга уже готова, пошлите ее просто по адресу кн<игоиздательст>ва, и она тотчас же поступит в редакцию».

Письма (*2*). С. 382.

Книга Е.А.Колтоновской в «Книгоиздательстве писателей в Москве» не выходила.

Февраль, 18. А.М.Горький сообщает в письме Бунину, что издание газеты «Луч» откладывается, а также пишет:

«Рукопись Шкляра еще не получена. Январская книжка <“Летописи”> будет послана Вам в понедельник <...>.

Вы нам дайте рассказик на июнь, а другой на осень — а? Вот бы хорошо! <...> Нездоров, вторую неделю торчу дома. Жить — очень нехорошо!

Тихонов говорил мне, что и у Вас настроение скверное.

Господи, какая окаянная жизнь!»

Горький. ПСС. Т. 12. С. 111–112.

Февраль, 19. Бунин присутствует в Большой аудитории Политехнического музея на чествовании И.Д.Сытина по случаю 50-летия его профессиональной деятельности.

См. входной билет: ОГЛМТ, ф. 14, № 5822/9 оф.

См.: до 8 марта 1917.

Февраль, 20. В харьковской газете «Последние новости сезона» (№ 422. С. 3) печатается статья «Поэт правды и красоты. (К предстоящему вечеру И.А.Бунина)». Подпись: Юм-Юм.

Обозреватель пишет: «Большим и радостным событием было для всего литературного мира обеих наших столиц устройство публичного выступления любимейшего и популярнейшего писателя нашего времени почетного академика И.А.Бунина.

Широкой публике представилась возможность услышать живое слово от уст живых. Не только услышать, но и увидеть любимого и родного Бунина, такого скромного, интимного и всегда избегавшего лишнего шума, лишнего разговора, лишних слов.

Харькову вслед за столицами выпадает счастливый случай восприять большую радость. В средних числах марта месяца в Харькове состоится вечер популярного писателя, в котором примет видное участие приват-доцент П.С.Коган, который прочтет доклад: “Поэт правды и красоты”, поэтесса Н.А.Нолле и артист Синельниковского театра г. Аркадьев. <...>

Такие вечера бывают редко и почти никогда не повторяются.

Ведь Буниных у нас немного. У нас он один, но зато родной и желанный».

Вечер Бунина в Харькове не состоялся.

Февраль, 21. В газете «Киевская мысль» (№ 52. С. 4) публикуется рецензия М.Лирова «Беглые заметки. (Слово. Сборник VII)».

Рецензент пишет: «Литературно-художественные сборники “Слово”, представляют собой своего рода случайные встречи друзей. Я бы даже сказал: случайные встречи случайных друзей. Ибо, хотя во всех вышедших до сих пор сборниках принимает участие одна и та же группа писателей, — Ив.Бунин, Б.Зайцев, гр. Алексей Н.Толстой и Ив.Шмелев, — не считая других менее постоянных сотрудников издания, — в этом сотрудничестве нет все-таки никакой объективной преднамеренности, никакой органичности. Этих писателей не связывает не единство социально-психологических переживаний, ни общность литературно-эстетических идей. “Слово” — это не боевая трибуна, какой в свое время стремились быть, например, альманахи “Шиповника” или даже сборники “Земля”, это — литературно-аристократический салон, где проводят свои случайные досуги прославленные или заслуженные писатели, устающие от плебейского гомона журнальной суеты. В этом салоне тихо, чинно и — нечего скрывать — немного скучно. Хотя вещи, которые в этом “салоне” появляются, все занимательны, талантливы, а иные даже воистину прекрасны (как, например, “Господин из Сан-Франциско” Ив.Бунина в пятом сборнике), но они как-то ни к чему не обязывают, ни писателей, ни — тем более — читателей. Сбор-

ники прочитываются с интересом — и только: литературного события они не представляют. <...>

Седьмой сборник <...> создает ощущение какой-то экзотичности и помещенные в нем вещи, за исключением “Забавного приключения” Ив.Шмелева, словно написаны вне нашего времени и пространства. <...>

Этюд Бунина “Петлистые уши” написан в строгих тонах, с внутренней страстью художника и с внешним спокойствием академика. Немногими штрихами первоклассного мастера он создает мистико-экзотический образ Адама Соколовича. <...>

Мрачная фигура Соколовича на зловещем, почти Эдгар-поэвском, фоне ночного Петрограда сделана превосходно. Его образ, слова и жесты представляют собой знаменательную антитезу Раскольникова и, вообще, сокровенного пафоса русской литературы с Достоевским и Толстым во главе. Это в то же время символический комментарий к политической идеологии господствующих групп нашего общества, забывших в вихре кровавых событий великие заветы этих апостолов русской литературы.

Фон этюда, слова и жесты Соколовича создают крайне напряженное состояние, все как бы предвещает развитие какого-либо трагического действа, но повесть вдруг обрывается на странном финале, — на банальном убийстве Соколовичем проститутки в номере подозрительной гостиницы... Чувствуется, однако, что неспроста художник столь неожиданным финалом разрядил наше напряженное внимание. В этом банальном финале столь великого напряжения как бы заключен символический смысл. Гора ненависти дерзающего “сверхчеловека” родила мышь в виде обыкновенного уголовного преступления».

Февраль, 23. А.М.Горький пишет Бунину:

«Дорогой друг,

З.И.Гржебин сообщил мне, что Вас заинтересовало наше предприятие — издать для детского чтения ряд биографий, и что Вы не прочь бы взять на себя биографию Сервантеса.

Если б Вы сделали это!

<...> Дорогой мой друг — возьмитесь за Сервантеса!

И — переведите прозой Дон-Жуана, — а?»

Горький. ПСС. Т. 12. С. 115.

Бунин не писал биографию М. де Сервантеса. Имеется в виду поэма Д.Г.Байрона «Дон Жуан», которую Бунин хотел переводить, но не осуществил этого замысла.

Февраль, 25. В петроградском журнале «Нива» (№ 8. С. 4 обложки) помещается рецензия на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916). Без подписи.

Рецензент пишет: «Поэт и беллетрист И.Бунин ярко выделяется в современной литературе чистотою языка, звучностью и легкостью его. Один из немногих наших писателей, остался он верен завету Тургенева: беречь родной язык. “Господин из Сан-Франциско” открывает в таланте И.Бунина еще одну особенность — способность художника перевоплощаться в характеры других национальностей. Характер американской аристократии на корабле “Атлантида” в рассказе “Господин из Сан-Франциско”, молдаванские мотивы в “Песне о гоце”, психология французской

женщины в рассказе “Сын” — выдержаны с такою тонкостью, которая дается лишь писателю, обладающему истинным художественным талантом и восприимчивою душою художника.

Грациозны небольшие рассказы: “Грамматика любви”, “Клаша”, “Легкое дыхание”, но особенно хороши рассказы: “Казимир Станиславович”, “Аглая”. В “Казимире Станиславовиче” вложено много художественной интуиции, тонких художественных штрихов, воспринимаемых между строк».

О стихотворениях, включенных в сборник, говорится: «Разнообразие в настроении и темах, способность проникаться настроениями разных времен и характеров, говорить их языком придает большую художественную ценность этим высоко художественным и по форме произведениям».

Февраль, 26. Бунин у Н.Д. и Е.А.Телешовых читает рассказ «Сны Чанга»; узнает о революции в Петрограде.

Е.А.Телешова в дневнике пишет: «26 февраля <...> вечером у нас были Бунины, Грузинские, Леночка, Самгины. Иван <Бунин> читал “Чанг”. Шмелев сказал по телефону, что в Петербурге началась революция и много убитых».

МКТ.

23 февраля 1917 г. в Петрограде начинаются массовые стачки и демонстрации. 24 февраля — всеобщая забастовка в Петрограде. 26 февраля вечером Петроград объявляется на осадном положении.

Февраль, 27. А.Н.Тихонов пишет Бунину на бланке издательства «Парус»:

«От З.И.Гржебина мы узнали о том, что Вы не прочь издать у нас собрание сочинений. <...> при теперешних всяческих затрудненных условиях, <...> я думаю, Вы уступите нам и согласитесь на четырехлетний срок. <...> Жду от Вас немедленного ответа.

Будем очень рады, если пришлете нам что-нибудь для “Летописи” и особенно надеемся получить от Вас повесть для наших будущих альманахов».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 306, л. 1.

В газете «Одесский листок» (№ 56. С. 4) печатается статья Б.Вальбе «Иван Бунин. (Произведения 1915–1916 гг.)» — рецензия на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Рецензент пишет: «Перед нами новая книга Ив.Бунина, составленная из рассказов и стихотворений, <...> они оставляют по себе впечатление большой художественной углубленности, виртуозно-артистической законченности и незаурядных философских раздумий. Прежде всего, читатель испытывает особое очарование от той бережно-аристократической словесной архитектоники, которая делает каждую страницу бунинского рассказа своего рода событием, в особенности среди массовой литературной порчи языка, вызванной теперь разными писателями-скорогонками, футуристами и т.д.

Читая Бунина, вспоминаешь всякий раз благородный культ языка, который завещал русской литературе Ив.Серг.Тургенев.

И вслед за Тургеневым Бунин в отчетном сборнике посвящает гимн “Слову” <далее цитируется стихотворение “Слово”>. <...>

“Господин из Сан-Франциско”, безусловно, “центральный” рассказ не только отчетного сборника, но и всего творчества Бунина, яркое выражение того своеобразного лирического очарования, которое пленяет нас всегда в бунинских стихах и рассказах, и которое в так называемых “мужицких” его рассказах достигает своего пессимистического апогея.

Правда, в “Господине из Сан-Франциско” художественный охват Бунина несравненно шире. <...> Бунинский рассказ некоторыми тонами своего художественного диапазона, в особенности тем местом, где он дает нам смерть символического “Господина из Сан-Франциско”, действительно напоминает толстовские “Три смерти”, “Смерть Ивана Ильича”, смерть брата Левина из “Анны Карениной” и т.д.

Подобно Толстому, Бунин в своих центральных художественных пунктах сжат и ударен, действует оглушающе.

Нарастание трагических эмоций совершается у него с какой-то внезапной экспрессией, переходы от разных бытовых обстановок, переливы всевозможных психологических нюансов так быстры и гармоничны, что по ассоциации наводят на сравнение с лучшими по совершенству художественными образцами.

И замечательно, что Бунин никогда не прибегает к разным “подогревающим средствам” — экстаз и пафос незнакомы ни одной его странице.

С каждой его строки на вас будто глядят холодные, полуобморочные глаза, темп его повествования – “тишайший”. Меланхолия словно его стихия.

Между тем — все это только тот лед, который скрывает за собой огонь и пламя.

В этом бунинском равнодушии, в его сторонении от “больших дорог” социальных и идейно-моральных проблем слышится, однако, иной раз как бы сознательно заглушенный протест такой силы, которая доступна, скажем, Достоевскому. <...>

Именно этот “социальный” характер бунинского рассказа вскрывает глубокую оригинальность и полное отличие его замысла от Толстого.

И, вместе с тем, этот “замысел” проливает новый свет на художественную сущность Бунина, на тот пессимизм и холод, которые до сих пор считаются его творческой стихией.

Три рассказа отчетной книги вскрывают философию бунинского пессимизма. На первом месте “Господин из Сан-Франциско”, затем идет “Аглая” и “Песня о гоце”.

Эти три рассказа, вместе с некоторыми стихотворениями, по-новому показывают нам Бунина, и его пессимизм оказывается не абсолютным, а направлен лишь в сторону определенного уклада, имеющего свои крепкие корни в прошлом и настоящем, но не канонизированного для будущего. <...>

И ужас смерти “господина” отнюдь не в ее метафизических корнях, а чисто социальных, в той канонизированной фальши, в том освященном насилии современного Вавилона, которые особенно освещаются смертью “господина”, этого законченного символа и эмблемы существующих соотношений социальных сил.

Вот почему пессимизм бунинского рассказа не опустошительный, а творческий. И за этой смертью чувствуется прибой новой жизни. Правда, Бунин еще не разглядел “лика” нового человека и чувство скептицизма, недоверия, и опасения не перестает владеть им. И в стихотворении “На исходе” он дает полное выражение этому чувству. <Далее приводится текст стихотворения>.

И в рассказе “Аглая”, проникнутом очаровательно-скорбным лиризмом, образ грядущего, тех томлений и предчувствий, которые владеют нашим автором “На исходе”, — уже определеннее. <...>

Эту скорбную повесть о медленном угасании нежной девичьей души, эту минорную элегию о жестокой власти среды, о змеях-укусителях и темных предрассудках Бунин, как в “Господине из Сан-Франциско”, как бы неожиданно кончает мажорным аккордом, гимном тому сокровенно-творческому, что единственное питает “живую жизнь”. <...>

Этот творческий пессимизм проникает и прекрасный рассказ “Песня о гоце”. <...>

Этот рассказ о гоце напоминает некоторые рассказы-акварели Короленко. Сцена ареста гоца и того благочестивого смирения, которому отдается гоц, превосходны. <...> И в “Песне о гоце”, как в “Господине из Сан-Франциско”, слышится столь новый для Бунина социально-протестантский мотив.

Рассказы “Грамматика любви”, “Сын”, “Легкое дыхание” проникнуты культом “Матери-Земли”. <...>

Каждый из них оставляет по себе неизгладимое поэтическое очарование подлинного искусства. И собранные вместе, они радуют своей значительностью и глубиной».

Март, 2. В ростовской газете «Приазовский край» (№ 57. С. 3) публикуется статья Л.Волоха «Слово».

Рецензент пишет: «Очередной седьмой сборник книгоиздательства писателей в Москве — интересен.

Бунин, Зайцев, Ал.Толстой, Ив.Новиков — писатели, почти завершившие цикл своих творческих брожений, настолько осевшие в круге своих миросозерцательных переживаний, что каждое их новое произведение нас только больше приближает к ним и осваивает с характерными и доминирующими мотивами их творчества. <...>

Сжат, крепок, но мало примечателен рассказ Бунина “Петлистые уши”».

Март, 7. Бунин присутствует на первом заседании городской думы нового состава.

Газета «Раннее утро» (8 марта (№ 53). С. 3) в статье «Вчера в городской думе. Первое заседание новой думы» (без подписи) сообщает: «Первое торжественное собрание гласных нового состава происходило вчера в необычайной обстановке. <...> Среди публики присутствовали: вдова председателя 1-й Государственный Думы М.Н.Муромцева, <...> присутствовал также академик И.А.Бунин. <...>».

Март, до 8. В Москве выходит литературно-художественный сборник «Полвека для книги» (М., 1916), посвященный 50-летию издательской деятельности И.Д.Сытина.

В книге в разделе «Дом книги» помещается статья (без подписи), в которой излагается идея организации профессионального образования по всем отраслям издательского дела: «С этой целью, в ознаменование пятидесятилетнего юбилея деятельности И.Д.Сытина, основывается “Общество для содействия улучшению и развитию книжного дела в России”, имеющее целью создать в Москве “Дом книги”.

Это будет низшая, средняя и высшая школа всех отраслей книжного производства. Академия, университет печатного дела» (с. 334).

Далее следуют отзывы и мнения известных людей по этому поводу. На с. 339 воспроизводится фотопортрет Бунина и печатаются его слова:

«От души приветствую мысль о создании “Дома книги”, связанного с именем человека такой редкой воли и таланта, как Иван Дмитриевич Сытин».

Подпись — факсимиле.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (8 марта (№ 53). С. 2).

Март, начало. Бунин в ответном письме пишет Д.Л.Тальникову:

«Сердечно Вас приветствуем и очень благодарим за письмо, на которое я не мог ответить в свое время (это были самые тяжкие дни для нас)».

Письма (*2*). С. 383.

Датировка уточнена по содержанию, в книге *Письма* (*2*) ошибочно датировано: февраль 1917.

Газеты сообщают: 27 февраля 1917 г. в Петрограде захватываются арсенал и Зимний дворец. Создаются Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда во главе с Н.С.Чхеидзе и Временный комитет Государственной думы во главе с М.В.Родзянко. Москва объявляется на осадном положении. 28 февраля в Петрограде правительственные войска переходят на сторону революционеров; все вокзалы Петрограда занимаются восставшими. В Москве к полудню бастуют почти все заводы. 1 марта создается Временное правительство во главе с кн. Г.Е.Львовым. Петроградский Совет без согласования с Думой издает Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону, который подчиняется им Петросовету. Возникает «двоевластие»: официальная власть в руках Временного правительства, а фактическая власть в столице — в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Главные пункты программы Временного правительства: созыв Учредительного собрания, амнистия, гарантии политических свобод, продолжение войны до победного конца. Начинается вооруженное восстание в Москве; массовый переход правительственных войск на сторону революционеров. 2 марта в Пскове Николай II отрекается от престола в пользу брата — великого князя Михаила Александровича. В Москве революционеры захватывают почту, телеграф и телефон, контролируют все московские вокзалы, арсеналы и Кремль. Начинаются массовые аресты городовых и жандармов. 3 марта великий князь Михаил Александрович отрекается от престола и призывает всех граждан России подчиниться Временному правительству до созыва Учредительного собрания. 4 марта создается Московский Совет солдатских и рабочих депутатов. 8 марта Николай II и члены царской семьи были заключены под домашний арест.

См.: 12 марта 1917, первая запись.

Март, 11. Бунин посещает комиссара Временного правительства по Москве Н.М.Кишкина.

Московская газета «Коммерческий телеграф» (12 марта (№ 1145). С. 3) в заметке «В комиссариате» (без подписи) сообщает: «Вчера комиссара Временного Правительства по городу Москве Н.М.Кишкина посетили представители различных учреждений, функционировавших при прежнем строе. <...>

Посетили комиссара и члены московского комитета по делам печати во главе с председателем его А.А.Сидоровым. Комиссар заявил им, что комитет временно сохраняется до выяснения вопроса о петроградском комитете, но роль его сводится

только к регистрации печатных изданий, выходящих в Москве <...>. Наблюдение же за печатью с комитета снимается, так как объявлена полная свобода печати.

Литератор И.А.Бунин обратился к комиссару от лица московских литераторов с просьбой разрешить литераторам присутствовать на заседаниях Комитета для того, чтобы они могли в последствии использовать этот материал для литературных произведений».

Московская газета «Русские ведомости» (12 марта (№ 57). С. 6) в рубрике «Московские вести» сообщает об этом визите в информационной заметке «У комиссара» (без подписи): «Почетный академик И.А.Бунин обратился к комиссару по вопросу о предоставлении возможности литераторам наблюдать и описывать в художественной форме переживаемые события. Обещано оказать содействие организациям писателей в этом направлении».

Бунин присутствует на собрании московских писателей в Художественном театре.

Газета «Русские ведомости» (12 марта (№ 57). С. 6) в рубрике «Московские вести» сообщает в информационной заметке «Собрание писателей» (без подписи): «Вчера в Художественном театре было устроено собрание московских писателей. Председательствовал Вл.И.Немирович-Данченко. С речами выступили кн. Трубецкой, гг. Булгаков, Бердяев, гр. Толстой, Эрн, Андрей Белый, Бунин, Брюсов, кн. Сумбатов, Рачинский, Новиков, Волошин, Фриче, Вересаев, Львов-Рогачевский, Шкляр, Стебут. Темами речей были единение всех элементов страны, как залог упрочения только что завоеванной свободы, защита от возможности анархии и вопрос о войне, о необходимости обороны, которую признавали в полной мере и те, которые высказывались за идею мира народов. Понемногу в обмене мнений все разногласия были, по-видимому, примирены. Представителям двух течений, обозначившихся в собрании, кн. Трубецкому и гг. Булгакову, Львову-Рогачевскому и Бунину поручено выработать проект резолюции. Окончательное обсуждение резолюции — во вторник, в 4 ч. дня».

См.: 14 марта 1917.

А.М.Горький посылает Бунину телеграмму из Петрограда в ответ на неизвестное письмо Бунина, в котором он соглашается принять участие в газете «Новая жизнь»:

«Сотрудничество газете принимаем благодарностью. Сообщите условия».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 122.

Март, 12. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«...не вини меня, что не писал тебе, — причина тому необыкновенно беспорядочная и неопределенная жизнь, которой я живу в Москве вот уже три месяца, из которых, кстати сказать, я целый месяц был болен. Я за это время строил немало планов относительно упорядочения этой жизни, отъезда из Москвы и пр. – и все это разрушалось то вестями из Петербурга, то приостановкой железнодорожного движения. А потом мне было уже не до планов и не до писем. Друг мой, что случилось-то! Вот уж истинно — “язык немеет”!» Далее сообщает, что решается вопрос об издании его книги рассказов

в «Книгоиздательстве писателей в Москве», мнение двух редакторов — Ю.А.Бунина и И.С.Шмелева положительное, ожидается мнение третьего редактора В.В.Вересаева. В конце письма просит узнать у А.М.Федорова о возможности покупки дачи под Одессой и спрашивает мнение Нилуса и Е.И.Буковецкого по этому поводу: «...я, кажется, твердо решил завести себе хижину. <...> Если посоветуете покупать, приеду немедленно в Одессу». А также спрашивает мнение о рассказе «Петлистые уши».

Письма (*2*). С. 383–384.

См.: начало марта 1917; 18 марта 1917, вторая запись.

Март, 14. Днем Бунин присутствует на собрании московских писателей, на котором обсуждается резолюция по поводу «единения всех элементов страны» в нынешней политической ситуации.

Н.А.Пушешников записывает в дневник: «Был на заседании в Худ<ожественном> театре. Торжественно. Огромный стол накрыт темно-зеленым сукном. Народу много, все знаменитые люди. Председ<атель> В.И.Н<емирович->Данченко. Говорили: Брюсов, Гершензон, Бердяев, Волошин. Потом Е.Трубецкой, Булгаков, Белый, Вересаев.

Вересаев говорил о “Чуде” — о великой русской революции, совершившейся без пролития капли крови, о “бескровной революции”. И.А. грыз кулаки от злобы и несколько раз выбегал в уборную, чтобы выругаться там. Фразы: “свершилось”, “русский народ разбил цепи царизма”. Булгаков говорил, опершись обеими руками об стол, щеки у него горели, глаза были устремлены в какие-то мистические дали. А.Белый сидел против <...>. Надутый профиль бессмысленного Тол<стого>.

— Это какая-то особенная, “утробная” чисто русская глупость, — <сказал> И.А.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9075 оф, л. 6, 8.

См.: 11 марта 1917, вторая запись.

Март, 17. Ф.И.Благов посылает Бунину телеграмму:

«Просим очень дать для пасхального номера рассказ или стихи хотим посвятить номер свободной России но вас темой не стесняем будьте добры прислать рукопись не позже 25 марта привет»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3246/1 оф.

См.: 1 апреля 1917, вторая запись.

Март, 18. Бунин посещает Литературно-художественный кружок.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «Заехал в Лит<ературный> кружок. За столом: И.А., Ел<патьевский>, Ив., Коган».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 248.

Бунин сообщает П.А.Нилусу в открытке:

«Книга твоих рассказов принята к изданию “Книгоиздательством писателей”».

Письма (*2*). С. 384.

Март, 20. А.Ф.Белой пишет Бунину из Петрограда:

«Только что прочел Ваш прекрасный рассказ “Господин из Сан-Франциско”, написанный в полном смысле слова захватывающе. Тем досаднее имеющаяся в нем ошибка, которую надо исправить в следующих изданиях.

Вы говорите о “сургучных омарах”, которые шуршали и т.д. Живые омары — черно-зеленого цвета, поэтому и Вы и тот французский писатель, назвавший омара cardinal de la mer неправы...».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2993 оф.

Март, 21. Утром Бунин заходит к Н.А.Пушешникову; вечером они вместе гуляют по городу.

См.: дневник Н.А.Пушешникова – ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 248.

Март, 27. Л.П.Куприянова пишет Бунину:

«Вчера послала Вам воззвание граждан России с призывом о пожертвованиях для создания Дома-музея памяти борцов за русскую свободу. Просила Вас дать согласие прибавить и Вашу подпись к этому воззванию. <...> Прошу Вас на прилагаемой открытке не отказаться сообщить, даете ли Вы свою подпись».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3065 оф.

Почтовая карточка для ответа сохранилась чистой. См. также: 3 апреля 1917, вторая запись.

Март, 30. Бунин поздравляет Д.Л.Тальникова с Пасхой и сообщает:

«Мы все еще в Москве — выехать никуда невозможно».

Письма (*2*). С. 384.

А.М.Горький пишет Бунину из Петрограда:

«Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

28-го марта в Петрограде состоялось по инициативе лиц, подписавших прилагаемую повестку, собрание, обсуждавшее вопрос о необходимости учреждения “Свободной Ассоциации положительных наук”.

<...> Избран организационный Комитет <...>.

Единогласно избраны в члены Комитета Вы, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, Владимир Галактионович <Короленко> и Алексей Пешков. <...>

Извещая Вас об этом, Комитет питает твердую уверенность, что Вы, [ветеран русской общественности], всю жизнь свою [рыцарски и] честно служивший делу разума и совести, не откажете в помощи Вашей — великой задаче, поставленной к разрешению новой историей нашей страны.

Вместе с этим Комитет доводит до сведения Вашего, что 9-го апреля в Михайловском театре состоится публичное заседание “Ассоциации”, и что Ваше присутствие на нем было бы в высокой степени полезно делу, не говоря о той радости, которую принесло бы присутствие Ваше на заседании всем гражданам, искренно уважающим Вас».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 130–131.

Сохранился черновик письма.

Март, до 31. Выходит № 2 петроградского журнала «Русская мысль», в котором (отд. II, с. 90–103) печатается статья Е.А.Колтоновской «Гармония контрастов. (Новейшие произведения И.А.Бунина)».

Критик, назвав Бунина в начале статьи «заботливым мастером слова», далее отмечает: «Бунин один из немногих художников, — пожалуй, единственный у нас, —

вполне зрелый художник, которому уже не грозят никакие катастрофы. Он имеет право на самоопределение, на то, чтобы сказать себе: ты сам — свой высший суд! Это с его обычным лаконизмом выражено в картинном стихотворении “Компас” <...>.

Бунин — самый крупный представитель новой литературы, соединивший в себе поэзию и прозу. За исключением одного Лермонтова, наша литература не знает подобного идеального сочетания — чеканных стихов с свободной прозой. <...>

Как выдающийся стилист, Бунин — на высоте самых строгих требований, какие можно предъявить к родному языку. Он не только “бережно хранит” его, а и обновляет, освежает его, обращаясь к первоисточникам — живой народной речи и старым литературным памятникам. <...> Каждое из последних произведений Бунина — и в стихах, и в прозе — есть ценный вклад в литературу <...>. Все они говорят о неустанном творчестве, о непрерывном прогрессе и о необычайно быстром росте Бунина как художника.

В его последнем сборнике “Господин из Сан-Франциско” большая часть рассказов по певучести, сжатости и лиризму родственны стихотворениям; а последние компактною содержательностью, “эпической” конкретностью и картинностью приближаются к рассказам. Два различных вида творчества сливаются у него в одно неразделимое целое».

Далее, сравнивая раннее творчество Бунина с его последними произведениями, критик отмечает стихотворения «Сирокко» и «Кадильница» (приводит их тексты) и пишет, что в последних стихотворениях Бунина «эпический материал у него тесно переплетается с лирическим, как бы преображается. Этим достигается впечатление большой силы и образности. В зрелых стихотворениях уже полностью выразилась отличительная черта бунинской поэзии: ее исключительная живописность». В качестве примера упоминаются стихотворения «Молодость», «В Апеннинах», «Зеркало», «Руслан», «Парус», «У гробницы Виргилия», «В пустом доме», «На Невском», «Последний шмель» и др. «Каждое из впечатлений автора связано с определенными моментами внутренней жизни, осложняется им, приобретает от такого соседства двойную силу и густой аромат. <...>

В позднейших стихотворениях Бунина, вообще, довольно часто встречается мотив любви к жизни, любви непосредственной и простой, к жизни как таковой.

В этом отношении характерно обширное стихотворение “Памяти друга”. <...>

Как поэт, Бунин не примыкает ни к одному из новых течений. Он стоит особняком, являясь законным наследником Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Но в его “незримых сотах” все же есть капли меда, собранного с цветов новой поэзии. Об этом свидетельствуют: гибкая подвижность стиха, богатое разнообразие волнующих неожиданностью музыкальных сочетаний и, наконец, та конкретность и картинность, которая, будучи самым характерным свойством его музы, присуща и вообще всей новой литературе».

Переходя к разбору прозы, критик отмечает: «Бунину-повествователю свойственна жестокость. Она в природе его таланта. Эта не та патологическая, нервозная жестокость, которая пронизывает произведения Достоевского. Напротив, спокойная, уравновешенная, рассудительная, плод долгих размышлений и добросовестного опыта. Ни нервических выходок, ни истерик у Бунина не найдешь. Он производит свои

изыскания корней зла совсем трезво, вооруженный "ледяной бритвой", но тем не менее страстно. Эти изыскания привлекают его неотразимо. И результаты их ужасны. Всем памятно ошеломляющее впечатление от его "Деревни", новых "Подлиповцев". <...> У Бунина эта черта осложнена его личными свойствами, природой тонкого требовательного интеллигента. <...> Суждения о деревне народного писателя Подъячева не менее отрицательны, не менее резки, чем у Бунина, но лишены его яда. <...>

Однако в произведениях на темы из русской жизни бунинская "жестокость" не достигает своей высшей точки. <...> Ненависть борется у него с любовью, бичевание родной немочи чередуется с умилением перед ней. Наиболее красноречивым памятником этих сложных чувств является повесть "Суходол". <...>

Среди произведений Бунина можно выделить группу тех, которые особенно характерны для его прозы, сжатой, отточенной, приближающейся в своем выразительном реализме к символизму. Это, по большей части, рассказы на общечеловеческие темы. И в них именно своеобразный стальной талант Бунина достигает настоящей силы, наибольшего блеска. Сдержанная, отстоявшаяся язвительность его анализа тут беспредельна, почти превращается в злой сарказм; тончайший рисунок отчетлив и точен, изображения отличаются какою-то особенною прозрачною ясностью, ясностью морозного дня. Образец такого творчества — общеизвестный и общепризнанный шедевр — "Господин из Сан-Франциско", в котором с беспощадным презрением изображено человеческое ничтожество. <...> Жалкая и страшная человеческая трагедия <...> совершается в роскошной рамке, под необыкновенно грустный и нежный аккомпанемент, трогательный, как молитва, полный большой затаенной любви <...>.

В позднейшем рассказе "Петлистые уши" <...> совсем нет лиризма. Он отличается еще большей сжатостью, почти лаконизмом. Действие в нем совершается стремительно, с строгой логической последовательностью, и это способствует тому, что его страшное содержание воспринимается особенно остро. <...>

Другие из позднейших рассказов, помещенные в последнем сборнике, написаны совсем в ином жанре. По природе они родственны стихотворениям, и в них заметен тот же большой художнический рост Бунина, что и в новейших стихотворениях. Они отличаются необыкновенной красотой и воздушностью формы, тесно слитой с содержанием, и той особенной цельностью и сгущенностью настроения, которое свойственно только настоящей лирической поэзии. <...>

Избыток лиризма является общей чертой всех этих <"Казимир Станиславович", "Аглая", "Грамматика любви", "Легкое дыхание", "Сын", "Клаша"> поэтических рассказов Бунина, которые вернее было бы назвать стихотворениями в прозе. Но в каждом из них — своя литературная физиономия, особый отпечаток, сближающий его с тем или иным видом творчества. Это свидетельствует о большом писательском разнообразии Бунина. <...> Основным свойством Бунина как художника является гармоничность — и в восприятии, и в воспроизведении жизни».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (1 апр. (№ 73). С. 1).

Апрель, 1. Вечером Бунин уезжает из Москвы в Петроград, вместе с ним едет А.В.Амфитеатров.

См.: 2 апреля 1917, первая и вторая записи.

В московской газете «Русское слово» (№ 73. С. 3) печатается отрывок «Из повести».

Отрывок из рассказа «Отто Штейн».

Апрель, 2. Бунин приезжает в Петроград; останавливается в гостинице «Медведь». Встречается с А.М.Горьким, с которым ведет переговоры о выпуске в издательстве «Парус» своего Собрания сочинений в 10 томах.

А.М.Горький дарит Бунину свою книгу «Статьи. 1905–1916 гг.» (Пг., 1917) с надписью:

«Любимому писателю и другу Ивану Алексеевичу Бунину. А.Пешков. 2-е апреля 17 г. Светлое Христово Воскресенье. Петроград».

ИМЛИ АГ. Дн-Г-кн-3-5-1.

В письме В.Н.Муромцевой от 5 апреля 1917 г. Бунин рассказывает: «Милая Вера, доехал хорошо — Амфитеатров оказался легким и неглупым малым, хотя, кажется, ко всему равнодушный, ничего не уважающий. Остановился в “Медведе”, комната 12 рубл., но довольно комфортная, с ванной. Ах, как мало я испытал в жизни комфорта и как он приятен! В день приезда, т.е. 2-го, был у Горького. Прост, мил, спокоен. Вечер провел дома, читал “При дворе Габсбургов” графини Латиш. Оч<ень> меня интересуют такие книги, оч<ень> интересует этот мир. Ах, если бы мне мир пошире был открыт!».

Письма (2). С. 384.

В газете «Одесский листок» (№ 89. С. 1) публикуется стихотворение «Песня о войне» («Там не светит солнце, не бывает ночи...»).

Апрель, 3. Бунин приходит на открытие «Выставки финского искусства» в петроградском выставочном салоне Н.Е.Добычиной (Марсово поле, д. 7).

На вернисаже также присутствуют: В.Д.Набоков, Д.И.Толстой, А.М.Горький, Д.Д.Бурлюк, О.М.Брик, В.В.Маяковский, Р.Якобсон, О.Браз, К.А.Сомов, Альтман, Н.К.Рерих, Н.Э.Радлов, В.Н.Фигнер, А.Галлен-Каллела, Э.Ярнефельт, Ю.Риссанен, В.Валлгрен, П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев, А.Н.Бенуа, Е.К.Брешко-Брешковская.

См. отчетные заметки в газетах: «Речь» (5 апр. (№ 78). С. 6), «День» (8 апр. (№ 28). С. 1; 13 апр. (№ 32). С. 1).

Днем Бунин присутствует на заседании в квартире А.М.Горького (Кронверкский просп., д. 23) по поводу устройства Дома-музея революции.

Очевидно, во время этого визита Бунин встречается с Ф.Ф.Раскольниковым, расспрашивает его о событиях в Кронштадте.

Ф.Ф.Раскольников вспоминает: «Вскоре в комнату <...> быстрой походкой вошел беллетрист И.Бунин, сейчас обретающийся в бегах. Узнав, что я приехал из Кронштадта, Бунин буквально засыпал меня целой кучей обывательских вопросов: “Правда ли, что в Кронштадте анархия? Правда ли, что там творятся невообразимые ужасы? Правда ли, что матросы на улицах Кронштадта убивают каждого попавшегося офицера?” Тоном, не допускающим никаких возражений, я опроверг все эти

буржуазные наветы. Бунин, сидя на оттоманке с поджатыми ногами, с огромным интересом выслушал мои спокойные объяснения и вперил в меня свои острые глаза. Офицерская форма, по-видимому, внушала ему доверие, и он не сделал никаких возражений».

Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М., 1990. С. 60.

В 7 часов вечера Бунин приходит в ресторан «Донон» (Мойка, д. 24) на банкет в честь финских художников.

На банкете, в частности, присутствуют: В.Д.Набоков, П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев, французский посол М.Палеолог, А.Галлен-Каллела, Э.Ярнефельт, Ю.Риссанен, В.Валлгрен, Каянус, Саллинен, А.М.Горький, А.Н.Бенуа, В.Нувель, К.А.Сомов, С.Прокофьев, И.Я.Билибин, Н.К.Рерих, Г.И.Нарбут, И.М.Зданевич, В.В.Маяковский, Д.Д.Бурлюк, Н.В.Брик.

После банкета около полуночи Бунин посещает кабаре «Привал комедиантов», располагавшееся в подвале дома, где была квартира и салон Н.Е.Добычиной.

В письме В.Н.Муромцевой от 5 апреля 1917 г. Бунин рассказывает: «На другой день был на открытии финляндск<ой> выставки. Много народу, музыка, речь Милюкова в честь новой жизни финнов — хорошо и просто говорит, — речь Родичева — деланно — страстная и сильная, — чувствуется, что за секунду не знает, что скажет, — банальная, конечно, но гром аплодисментов, речь Брешковской, краткое и серверное слово Веры Фигнер, десять слов Горького: “Я знаю только 4 слова по-фински: (да здравствует Финляндия) — (что-то неудобопроизносимое)”. Выставка в доме на Марсовом поле. Сильное и неприятное впечатление от длинных траурных флагов. После выставки поехал к Горькому. У него — заседание по устройству Дома-музея революции: опять Брешковская, Вера Фигнер, Гинцбург, Куликовский, Кареев, еще какие-то старухи. Посидел на этом заседании, в кабинете, пошел чай пить, но приехали финские художники (Гален и пр.), я удрал, не умея говорить по-французски. <...> Вечером — банкет в честь финнов у Донона, человек 200. Сидел на конце стола, где был Гален, Горький, Гржебин, Тихонов, пеит Десницкий, мерзкий жиденок Здանкевич, Маяковский и Бурлюк. Финны страшно напились <...>. Маяковский, как я убедился из нескольких его слов, глуп и невежда, но держит себя нагло, как первое лицо в зале. Нагло мерзок был и Зданкевич. Был Милюков, Родичев, — Милюков сказал краткую речь. После банкета был в подвале “Бродячей собаки” (или “Привал комедиантов”). Были все вышеперечисленные. Дикий гам, жара, лютая наглость Зданкевича, Маяковский орал, читал стихи Кузьмин, с облезлой головой. Я рано ушел».

Письма (2). С. 384–385.

На Марсовом поле 23 марта 1917 г. были похоронены в братских могилах жертвы Февральской революции.

В эмиграции в «Автобиографических заметках» Бунин вспоминает об этом дне: «Я был тогда, между прочим, на открытии выставки финских картин. Там собрался “весь Петербург” во главе с нашими тогдашними министрами Временного правительства, знаменитыми думскими депутатами, и говорились

финнам истерически-подобострастные речи. А затем я присутствовал на банкете в честь финнов. И, Бог мой, до чего ладно и многозначительно связалось все то, что я видел тогда в Петербурге, с тем гомерическим безобразием, в которое вылился банкет! Собрались на него все те же, весь "цвет русской интеллигенции", то есть знаменитые художники, артисты, писатели, общественные деятели, министры, депутаты и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции. Но надо всеми возобладал Маяковский. Я сидел за ужином с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что вдруг подошел к нам, вдвинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов; Галлен глядел на него во все глаза — так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся.

— Вы меня очень ненавидите? — весело спросил меня Маяковский.

Я ответил, что нет: "Слишком много чести было бы вам!" Он раскрыл свой корытообразный рот, чтобы сказать что-то еще, но тут поднялся для официального тоста Милюков, наш тогдашний министр иностранных дел, и Маяковский кинулся к нему, к середине стола. А там вскочил на стул и так похабно заорал что-то, что Милюков опешил. Через секунду, оправившись, он снова провозгласил: "Господа!" Но Маяковский заорал пуще прежнего. И Милюков развел руками и сел. Но тут поднялся французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уж перед ним-то русский хулиган спасует. Как бы не так! Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того, тотчас началось дикое и бессмысленное неистовство и в зале: сподвижники Маяковского тоже заорали и стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать. И вдруг все покрыл истинно трагический вопль какого-то финского художника, похожего на бритого моржа. Уже хмельной и смертельно бледный, он, очевидно, потрясенный до глубины души этим излишеством свинства, стал что есть силы и буквально со слезами кричать одно из русских слов, ему известных:

— Много! Много! Много!»

СС (2). Т. 8. С. 203–204.

Г.В.Адамович вспоминает встречу с Буниным в этот день: «Впервые увидел я его в петербургском "Привале комедиантов", на Марсовом Поле. Если не ошибаюсь, он только один раз там и был. Бунин стоял у стены, против входной двери, рассеянно и хмуро глядя по сторонам, всем своим видом показывая, что ничто ему тут не по душе. Да и могло ли быть иначе? "Привал комедиантов" был последним прибежищем русского модернизма, возникшего в конце прошлого столетия, — модернизма Бунину чуждого и даже враждебного. <...> Он демонстративно молчал. Усмешка изредка кривила его губы. На маленькой, низкой сцене, в глубине зала, шла пантомима по шницлеровскому "Шарфу Коломбины". Потом появились хористы, принялись петь незатейливые новейшие частушки. <...>

Это были первые революционные месяцы, весна 1917 года: уступка политике. Частушки, по-видимому, окончательно испортили Бунину настроение. Он поспешно вышел. Никто его не провожал».

Знамя. 1988. № 4. С. 178–179.

Апрель, 4. Бунин составляет Условие на издание Собрания сочинений в 10 томах в издательстве «Парус» и, вероятно, подписывает его.

По Договору Бунин обязуется передать в издательство шесть томов не позднее 1 июня 1917 г., остальные четыре тома не позднее 1 сентября 1917 г.; издательство обязуется выпустить все 10 томов к 31 декабря 1917 г. тиражом по 5000 экз. каждого тома; издательство уплачивает Бунину 16500 руб. при подписании договора.

См. черновик Договора с издательством «Парус»: ОГЛМТ, ф. 14, № 5818 оф.

Вечером Бунин обедает у Иорданских; там знакомится с Г.В.Плехановым, приехавшим из-за границы в Петроград 1 апреля.

Возможно, в этот день Бунин дарит Г.В.Плеханову книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916) с надписью:

«Глубокоуважаемому Георгию Валентиновичу Плеханову Ив.Бунин».

Частное собрание.

В письме В.Н.Муромцевой от 5 апреля 1917 г. Бунин рассказывает: «Вчера был дома, вырабатывали условие на изд<ание> моих сочинений. Вечером обедал у Иорданских. Был Чириков, Каринская. Плехановы остановились у Иорданских. Во время после обеда у Плеханова были министры — Милюков, Коновалов. Потом я с ним познакомился. Но о нем после».

Письма (2). С. 385.

Апрель, 5. Бунин пишет В.Н.Муромцевой подробное письмо, рассказывая о своем пребывании в Петрограде.

Письма (2). С. 384–385.

См.: 2 апреля 1917, вторая запись; 3 апреля 1917, пятая запись; 4 апреля 1917, третья запись.

Апрель, 6. Бунин сообщает В.Н.Муромцевой в открытке, что взял билет в Москву на 12 апреля.

Письма (2). С. 385.

Однако Бунин уезжает из Петрограда позднее. См.: 19 апреля 1917.

Апрель, 7. И.А.Новиков пишет Бунину из Москвы:

«На последнем собрании Клуба Московских писателей было постановлено издать сборник в пользу политических освобожденных, и выбрана комиссия по составлению этого сборника, причем комиссия поручила мне обратиться к вам с большой просьбой, — не отказать дать для сборника хотя бы и небольшую беллетристическую вещь. Ваше участие в нем было бы крайне ценно.

В сборнике, кроме беллетристического отдела, будут еще отделы поэзии и статей.

Крайний срок, к которому необходимо собрать материал — 25 апреля».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 170.

А.Н.Тихонов пишет Бунину на бланке издательства «Парус»:

«Настоящим письмом Торговый дом А.Н.Тихонов и К° “Книгоиздательство Парус” подтверждает состоявшееся между Вами и книгоиздательством

Парус соглашение, что Вам предоставляется право в течение времени до двадцатого апреля сего года отказаться от исполнения договора о продаже Ваших сочинений книгоиздательству Парус, совершенного сего числа, причем в случае отказа, Вы сообщаете об этом <...> и возвращаете полученные Вами по вышеуказанному договору — шестнадцать тысяч пятьсот рублей».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 306, л. 2.

Апрель, 9. Бунин присутствует в Михайловском театре на учредительном заседании «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» в качестве члена организационного комитета.

См. программу заседания: ОГЛМТ, ф. 14, № 5822/7 оф.

Газета «Новое время» (11 апр. (№ 14748). С. 3) в отчетной заметке «Ассоциация для распространения положительных наук» (без подписи) сообщает: «9 апреля в Михайловском театре под председательством академика В.А.Стеклова состоялось заседание организационного комитета свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». На заседании выступают акад. В.А.Стеклов, А.М.Горький, И.П.Павлов, И.И.Манухин, Л.А.Чугаев, А.А.Мануйлов, Н.Н.Суханов, были получены приветствия от П.Н.Милюкова и Г.В.Плеханова. «Ассоциация в свою очередь обратилась с приветствием к членам комитета И.А.Бунину и В.Г.Короленко.

Ассоциация ставит своей главнейшей задачей основать в память 27 февраля 1917 года институт положительных знаний, с хорошо оборудованными исследовательскими отделениями, лабораториями, кабинетами для ученых изысканий и пр.».

После заседания Бунин с А.М.Горьким, Ф.И.Шаляпиным и А.Н.Бенуа идут в ресторан «Медведь».

Это была последняя встреча Бунина с А.М.Горьким.

В мемуарном очерке «Горький» Бунин пишет: «В начале апреля 1917 года мы расстались с ним навсегда. В день моего отъезда из Петербурга он устроил огромное собрание в Михайловском театре, на котором он выступал с “культурным” призывом о какой-то “Академии свободных наук”, потащил и меня с Шаляпиным туда. Выйдя на сцену, сказал: “Товарищи, среди нас такие-то...” Собрание очень бурно нас приветствовало, но оно было уже такого состава, что это не доставило мне большого удовольствия. Потом мы с ним, Шаляпиным и А.Н.Бенуа отправились в ресторан “Медведь”. Было ведерко с зернистой икрой, было много шампанского... Когда я уходил, он вышел за мной в коридор, много раз крепко обнял меня, крепко поцеловал...»

СС (*2*). Т. 8. С. 253–254.

Апрель, около 10. А.М.Горький пишет Е.П.Пешковой:

«Пожалуйста, проси С.И.Гусева и Бунина писать в газету “Новая жизнь”. <...> Пусть пишут скорее».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 136.

Апрель, 12. В петроградской газете «Речь» (№ 81. С. 2) публикуется объявление об открытии подписки на новую газету «Новая жизнь», в списке сотрудников значится Бунин.

Данное объявление печаталось в газете каждый день, а также печаталось в других газетах.

Апрель, до 14. В серии «Дешевая библиотека» (№ 1) выходит отдельное издание двух рассказов «На край света. Кастрюк» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. 24 с.). Тираж 10000 экз. Цена 10 к.

В серии «Дешевая библиотека» (№ 2) выходит отдельное издание двух рассказов «На чужой стороне. Танька» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. 26 с.). Тираж 10000 экз. Цена 10 к.

В серии «Дешевая библиотека» (№ 14) выходит отдельное издание рассказа «Весенний вечер» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. 16 с.). Тираж 10000 экз. Цена 10 к.

Граница событий определена по рецензии на эти издания. См.: 15 апреля 1917.

Апрель, 14. В утреннем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 16182) публикуется воззвание «Дом-музей памяти борцов за свободу», которое, в частности, подписано Буниным.

В тексте содержится призыв к созданию музея истории Февральской революции и, в частности, говорится: «Граждане! Для того, чтобы разумно пользоваться прекрасными дарами политической свободы, необходимо знать историю борьбы за свободу и чтить ее героев.

Это знание поможет нам глубоко прочувствовать и правильно оценить великий смысл завершившего эту борьбу переворота: только знание поставит нас крепко на путь дальнейших завоеваний свободы и права, на путь возрождения русской души. <...>

В Доме-музее, который мы предполагаем создать, должны быть собраны документы по истории борьбы за свободу: портреты, вещи и биографии наших великих граждан, литература, посвященная истории революционного движения, и вообще все, что может иметь социально-воспитательное значение для русских граждан».

Воззвание также подписали: К.К.Арсеньев, В.В.Вересаев, М.М.Винавер, И.Я.Гинцбург, А.М.Горький, С.М.Дубнов, Н.И.Кареев, А.Ф.Керенский, А.А.Кизеветтер, Н.М.Кишкин, В.П.Кранихфельд, В.Г.Короленко, Г.Е.Львов, С.П.Мельгунов, В.А.Мякотин, Д.Н.Овсянико-Куликовский, С.Н.Прокопович, А.В.Пешехонов, П.Н.Сакулин, В.И.Срезневский, А.А.Шахматов, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе.

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/398 оф.

В вечернем выпуске петроградской газеты «Биржевые ведомости» (№ 16183. С. 2) помещается объявление об открытии подписки на большую ежедневную социал-демократическую газету «Новая жизнь». Среди сотрудников газеты упоминается Бунин.

Апрель, 15. В петроградской газете «Речь» (№ 87. С. 7) публикуется рецензия Е.А.Колтоновской на серию «Дешевая библиотека», выпускаемую «Книгоиздательством писателей в Москве» (№№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 12, 14). Подпись: Е.К.

Рецензент, приветствуя хорошее начинание книгоиздательства, констатирует: «В вышедших номерах имеются произведения Бунина (“Весенний вечер”, “На край света”, “Кастрюк”, “На чужой стороне”, “Танька”), Серафимовича, Елпатьевского».

Апрель, 18. Бунин уезжает из Петрограда.

См.: 19 апреля 1917, вторая запись.

Выходит № 1 московского журнала «Новая жизнь», в котором (с. 73–74) публикуется ответ Бунина на анкету «Всемирная война и созидательные силы России».

Во вступительной заметке к анкете Н.Абрамович, в частности, пишет: «Пусть талантливые “вслушиватели”, какими являются беллетристы, художники, приносят нам вести о том, что совершается в толщах народного сознания, как оно перестраивается под влиянием совершающихся тяжких событий, в какие формы отливается и чем дышит новое волевое народное самосознание. В этом отношении нам остается принять те документы эпохи, какие дают нам имеющиеся налицо более или менее крупные художники: Бунин, Андреев, Горький, Вересаев, Шмелев, Ценский, а также несколько других молодых писателей. Мы можем только одно сказать с несомненностью, что эти документы не исчерпывают и в малой доле нашу действительность, что здесь Россия не вся и далеко не во всей своей глубине и сложности.

Пусть талантливые и владеющие драгоценным даром меткого идейного обобщения теоретики и публицисты строят на основании общественной интуиции свои выводы и догадки, дают свой прогноз сил и духовно-волевого брожения в стране».

В ответе Бунина говорится: «Само собою разумеется, что *последнего* вывода, *последнего* итога быть не может. Человеческих сил для этого мало, а быть Иеремией нашего времени и пророчествовать невозможно.

Подсказанные жизнью и личным художественным опытом выводы в достаточной степени пессимистичны. Но не правы те из критиков и публицистов, которые хотят увидеть в этом нарочитую зарисовку темных отрицательных сторон народного быта и облика. <...> И цель художника не оправдание какого-либо принципиального задания, а углубленное и сущностное отражение жизни.

Что возможно для публициста, исходящего из канона, из принятых платформ, то невозможно для художника, источник идей и выводов которого один — сама жизнь, сложная действительность.

Сущность этих пессимистических выводов основывается на всем том конкретно-бытовом и психологическом материале, который дает русская жизнь.

В ней очень мало элементов той практической строительной крепкой воли, которая созидает внешнюю мощь. Глубокие почвенные начала национальной психологии резко противоречат практическому, трезвому, строительному укладу западного человека, дельца, устроителя “дома”, устойчивого и крепкого внешнего благополучия.

<...> Наши Гоголь, Толстой, в конце концов, склонялись к идеалам вненациональной, всеобщей правды, враждебной всем зачаткам внешнего могущества.

Проведите параллель между такими представителями русской и германской гениальности, как Толстой и Гете.

Один на склоне лет создал при Веймарском дворе благополучие, почет и крепкий внешний базис; другой подложил мину и взорвал все налаженное

благополучие и проклял именно это благополучие, как величайший грех и тюрьму духа.

Очень трудно свести все это к какому-либо непререкаемому и окончательному выводу по отношению к будущему русскому общегосударственному строительству при современных принципах борьбы народов за выживание.

Художник должен исходить не из внешних жизненных данных, а из глубины, из почвы жизни, прислушиваясь не к шуму партийных положений и споров, а к внутренним голосам живой жизни, говорящим о пластах и наслоениях в ней, созданных вопреки всем хотениям, по непреложным законам самой жизни.

Надо ли говорить, что интуитивные художественные постижения дороже и ценнее, чем все торжественные вещания, подсказанные публицистикой того или иного лагеря?!»

На анкету также ответили М.П.Арцыбашев, А.Белый, С.А.Венгеров, Л.М.Лопатин, И.А.Новиков.

Дата выхода журнала определена по: *Новые материалы* (*1*). С. 562.

Выходит № 1 петроградской газеты «Новая жизнь»; в объявлении о подписке на газету (с. 3) в списке сотрудников значится Бунин.

Апрель, 19. Бунин возвращается в Москву.

В открытке Бунин сообщает П.А.Нилусу:

«Только что вернулся из Петрограда. Завтра буду наводить справки, можно ли мало-мальски по-человечески проехать в Одессу. Не понимаю, сколько же, в конце концов, просят за дачу!»

Письма (*2*). С. 386.

В 1917 г. Бунин в Одессу не ездил.

Апрель, 20. А.Н.Тихонов посылает Бунину телеграмму:

«Условия издания ваших сочинений Парусе принципиально приняты некоторыми поправками договор высылаем на днях привет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3264/1 оф.

См.: 7 апреля 1917, вторая запись.

В московской газете «Русские ведомости» (№ 87. С. 2) помещается объявление о новой газете «Власть народа», в списке сотрудников газеты состоит Бунин:

«В пятницу, 28-го апреля начнет выходить большая ежедневная демократическая и социалистическая газета “Власть народа”».

Апрель, 17...23. Выходит № 13 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 4–5) публикуется рецензия Б.Гусмана на 7-й сборник «Слово». Подпись: Борис Гу-н.

Рецензент, подчеркнув, что 7-й сборник «Слово» вышел накануне революции, в частности, пишет: «Еще, может быть, резче чувствуется гнет “запретителей” в удивительно ярком, сжатом и красочном очерке Ив.Бунина “Петлистые уши”.

Если в условиях дореволюционной цензуры Ив.Бунину удалось сказать столько сильных, полных ненависти и презрения, слов о всеисторической и всечеловеческой

бойне, то можно себе представить какой страшный, нечеловеческий крик отчаяния рвался из его груди». Выписав большую цитату, критик заключает о главном герое рассказа: «Вот сын Раскольникова, “сын человеческий”. Трагически жуткий символ, рожденный Буниным в отчаянии все возрастающего презрения к человеку».

Апрель, 21...28. В серии «Библиотека для юношества» (кн. 17) выходит книга «Храм солнца. [Стихотворения и рассказы]» (Пг.: Книгоиздательство «Жизнь и знание», 1917. 174 с.: ил.). Тираж 6200 экз. Цена 2 р.

Содержание: **Стихотворения**: Храм солнца («Шесть золотистых мраморных колонн...»), Каин («Род приходит, уходит...»), Стамбул («Облезлые худые кобели...»), Скутари («Шипит и не встает верблюд...»), Айя-София («Светильники горели, непонятный...»), В Архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...»), Египет («Ра-Озирис, владыка дня и света...»), Александр в Египте («К оракулу и капищу Сиваха...»), Могила в скале («То было в полдень, в Нубии, на Ниле...»), Иерусалим («Это было весной. За восточной стеной...»), Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Караван («Звон за оградой, нежный, полусонный...»), Иерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»), Бедуин («За Мертвым морем — пепельные грани...»), Под Хевроном («На пути под Хевроном...»), Гробница Рахили («И умерла, и схоронил Иаков...»), Источник звезды. Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...»), Гермон («Великий Шейх, седой и мощный друз...»), Мать («На пути из Назарета...»); **Рассказы:** Тень Птицы, Море богов, Зодиакальный свет, Иудея, Пустыня дьявола, Мертвое море, Храм Солнца, Геннисарет.

Все произведения, вошедшие в книгу, публиковались ранее.

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Май, 1. Бунин дарит А.Б.Дерману свой фотопортрет с надписью:

«Дорогому Абраму Борисовичу Дерману. Ив.Бунин. 1.V.1917».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 7.

Е.А.Колтоновская посылает Бунину вырезку из журнала «Русская мысль» со своей статьей «Гармония контрастов» с дарственной надписью:

«Многоуважаемому Ивану Алексеевичу Бунину с сердечным приветом от автора. Ромны 1/V 1917 г.».

ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/413 оф.

См.: до 31 марта 1917.

Апрель, 28...Май, 2. Выходит сборник «Похвала книге» (сост. И.А.Шляпкин. Пг., 1917), в котором (с. 35–36) помещается стихотворение Бунина «Молчат гробницы, мумии и кости...».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Май, 6 или 7. Бунин уезжает из Москвы в Глотово.

См.: 27 мая 1917.

Май, 13. В петроградской газете «Речь» (№ 111. С. 7) публикуется статья Ю.И.Айхенвальда «Литературные наброски» — рецензия на 7-й сборник «Слово».

Критик пишет: «Последнее место в сборнике не смиренно занимает один из наших первых — Иван Бунин. Его рассказ “Петлистые уши” очень уступает “Госпо-

дину из Сан-Франциско", но написан в той же мощной манере, с такою же силой полнозвучного и великолепно-тяжелого слова. Жуткое впечатление производит картина ночного Петрограда, выдержанная в изумительных тонах. Реальность превращается в мрачную фантастику. <...>

За что он убил ее? Рассказ был бы гораздо сильнее, если бы мы не знали этого точно. <...>

Но Бунин, к сожалению, в начале рассказа снял маску со своего таинственного незнакомца и заставил его, в обществе двух собутыльников матросов, многословно и литературно изложить ту свою теорию, за которой так подозрительно-гармонично и слишком прямолинейно, чтобы это было художественно и жизненно, последовала его ужасная практика. <...>

Бунин, таким образом, своей публицистикой и морализацией не только поставил точку над i: он сделал нечто худшее и еще менее художественное, — он сначала поставил большую и густую точку, а потом уже написал i. Он сперва изложил теорию, а затем дал ей практику. Вся практика, т.е. все, что в рассказе есть рассказ, сделана у него с поразительной сосредоточенностью таланта; но его теория (даже не касаясь вопроса, правильна она или нет), это — только теория и непосредственную эстетическую силу произведения она ослабляет. Читатель, понимая, что среди бесчисленных комбинаций на свете возможна и комбинация "Петлистых ушей", все-таки относится к ней скептически и не думает, чтобы она была наиболее правдоподобной и типичной. Кто философствует об убийстве, те не убивают (Раскольников — не в счет); и кто следует своим инстинктам, те редко их сознают. <...> Во всяком случае, писатель не убедил нас в том, не показал нам того, что именно в личности его героя, Адама Соколовича, могла существовать такая безукоризненная симметрия между его мировоззрением и его поведением, между его страшным словом и его страшным делом».

Май, 14. В петроградской газете «Новая жизнь» (№ 23. С. 5) помещается рецензия М.Левидова на 7-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Петлистые уши»: «Но, конечно, величайшего торжества, величайшей законченности достигает метод психологического реализма в рассказе И.Бунина — этого короля русских новеллистов. Говоря об этом рассказе, — приходится повторять то, что писалось о "Господине из Сан-Франциско": в "Петлистых ушах" поражает и властно захватывает спокойная напряженность, молчаливая буря, непрерывность нарастания... Из рассказа не выкинешь ни одного слова, ни одной запятой, ничего не процитируешь из него — пришлось бы перепечатать весь, целиком... <...> Что сказать об идее, вложенной в "Петлистые уши"? Космический, проклинающий пессимизм "Господина из Сан-Франциско" сгущается и конкретизируется в последнем бунинском рассказе, вскрывающем философию убийства, как одного из естественнейших проявлений души человеческой. И, хотя герой рассказа маньяк убийства, называет себя выродком, но, по некоторым авторским намекам судя, он истинно человеческое дитя, типичнейший представитель рода человеческого — рода убийц. И когда говорит герой рассказа: "Скоро Европа станет сплошным царством убийц. Но ведь всякий отлично знает, что мир ни на йоту не сойдет с ума от этого" — чувствуется за этими словами гневно-саркастическая улыбка автора.

Но если кто заразится этой улыбкой, по прочтении “Петлистых ушей”, если кто проникнется философией Бунина, то не должен ли он с удивлением остановиться перед “Воспоминаниями” Веры Фигнер? Из какого мира она пришла? Неужели из того, о котором рассказывает, который клеймит и проклинает Бунин?»

Май, 18. Бунин обращается в письме к М.В.Сабашникову с «покорнейшей просьбой» разрешить ввести в свое Собрание сочинений (готовящееся в издательстве «Парус») перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» уже осенью текущего года, а не следующего, как это было записано в Условии издания данного перевода в издательстве Сабашниковых.

Письма (*2*). С. 386.

Данный том Собрания сочинений Бунина в свет не вышел.

В газете «Одесский листок» (№ 127. С. 5–6) публикуется статья Б.Вальбе «Заметки читателя. “Слово”. Сборник седьмой».

Критик, в частности, пишет: «И.А.Бунин представлен в отчетном сборнике прекрасным рассказом “Петлистые уши”.

Как в своем сборнике “Господин из Сан-Франциско”, о котором мы в свое время подробно говорили на страницах “Одесского листка”, в новом своем рассказе Бунин, главным образом силен интенсивностью своего социального протеста, доходящего порой до резкой озлобленности, против всех существующих социальных форм и традиций... Новый рассказ, очевидно, навеян ужасами непрекращающейся мировой бойни. За это лихое трехлетие Бунин не отозвался на события ни одним словом. Но, если читатели помнят его стихотворение “Война”, помещенное недавно в “Одесском листке” <см.: 2 апреля 1917, третья запись>, то лишь в нем, как бы впервые, Бунин раскрыл те психологические рубцы, какие вызвала в них война.

С силой большого художественного темперамента Бунин переоценивает все наши духовные ценности.

Как беспощадный хирург, он ампутирует все наши идеалы, весь “смысл жизни”. И на сем месте святом оказывается одно только пустое место.

Особенно безжалостен Бунин в отношении “духовной стоимости” женщины.

После Вейнингера, я не припомню такой озлобленности, такого полного сведения женщины не только с старого романтического пьедестала, но полного отрицания за нею всего “духовно-человеческого”, как в новом рассказе Бунина.

Бунин, конечно, не философ, новых истин он нам не открывает, но как большой художник, он гипнотизирует своим антифеминизмом. <...>

Основная идея рассказа — зверская жестокость, как основа человеческой натуры, женщина, как фокус, в котором эта жестокость концентрически выявляется. <...>

Таков “крик души”, который вырвала из души русского художника мировая война».

Май, 19. В харьковской газете «Южный край» (№ 14036. С. 2–3) помещается рецензия И.Турского «В предощущении. (“Слово”. Сборник седьмой)».

Рецензент пишет о рассказе «Петлистые уши»: «Последний участник в сборнике — Бунин, снова давший образцово-четкий рассказ. <...> Выразительность языка доведена автором до большой высоты, и впечатление получается сильное».

Май, 21. Н.А.Пушешников в письме В.Н.Муромцевой из Глотово сообщает:

«Мы живем ничего. И.А.<Бунин> купил у меня гнедого мерина. Иногда, правда редко, катается. Погода после 10-го отличная».

ОГЛМТ, ф. 14, № 8950 оф.

Май, 15...21. Выходит № 17 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 3–4) печатается очерк Я.М.Окунева «Когда молчат поэты».

Критик, в частности, пишет: «Пропасть между интеллигенцией и народом не уменьшалась, а росла с каждым годом. Оба шли разными дорогами, революционная мысль не питала народ, народ не давал соков революционному вдохновению. Потом поднялось глухое раздражение, полное беспросветного отчаяния. Почти накануне революции Бунин в своей "Деревне", в своих рассказах о крестьянах изображал тупых, вырождающихся кретинов. У П.Карпова ("Пламень") и у Родионова — изуверы, пьяницы и развратники <...>.

Что же это? Та ли самая деревня, тот ли самый народ, о котором с такой безнадежностью рассказывали в один голос и реакционный Родионов и революционно настроенный Бунин, — тот ли народ заговорил полным голосом в марте 1917 года? Он ли это говорит сегодня на крестьянском съезде? Если этот тот же народ, то почему же художественная мысль отражала его так уродливо и отчего он, мощный, вскормил такое хилое, худосочное дитя, как наша революционная поэзия? Отчего жалобы, а не протест?»

Май, 24. Ночью происходит пожар у Пушешниковых. Днем Бунин присутствует на пожаре у соседа Пушешниковых.

В письме П.А.Нилусу от 27 мая 1917 г. Бунин рассказывает: «Кроме того, и небезопасно жить теперь здесь. В ночь на 24-ое у нас сожгли гумно, две риги, молотилки, веялки и т.д. В ту же ночь горела пустая (не знаю, чья) изба за версту от нас, на лугу. Сожгли, должно быть, молодые ребята из нашей деревни, побывавшие на шахтах. Днем они ходили пьяные, ночью выломали окно у одной бабы-солдатки, требовали у нее водки, хотели ее зарезать. А в полдень 24-го загорелся скотный двор в усадьбе нашего ближайшего соседа (живет от нас в двух шагах), зажег среди бела дня, как теперь оказывается, один мужик, имевший когда-то судебное дело с ним, а мужики арестовали самого же пострадавшего, — "сам зажег!" — избили его и на дрогах повезли в волость. Я пробовал на пожаре урезонить, доказать, что жечь ему самому себя нет смысла, — он не помещик, а арендатор, — пьяные солдаты и некоторые мужики орали на меня, что я "за старый режим", а одна баба все вопила, что нас (меня и Колю <Пушешникова>), сукиных детей, надо немедля швырнуть в огонь. И случись еще пожар, — а ведь он может быть, могут и дом зажечь, лишь бы поскорее выжить нашего брата отсюда, — могут и бросить, — нужды нет, что меня здесь хотят в Учредит<ельное> собрание выбирать, — "пусть Ив.А. там в Петербурге за нас пролазывает"».

Письма (*2*). С. 387–388.

Май, 25. Бунин сообщает Ю.А.Бунину в открытке:

«Пожалуйста, не обижайся, что не пишу тебе. Пишу Вере — она будет тебе все сообщать. Заходи к ней. Сейчас шлю ей большое письмо, есть кое-какие новости.

Есть ли *интересные рецензии*? Если да, передай Вере».

Письма (*2*). С. 386–387.

Письмо Бунина к В.Н.Муромцевой неизвестно.

Май, 27. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«...приехав сюда (три недели тому назад, в ужасную метель — это в начале мая-то!), захворал, — простудился.

Теперь скажу прежде всего о даче: повторяю, мысль о покупке дачи парализовалась у меня страхом немцев, которые еще, может быть, возьмут Одессу, а кроме того и “товарищами”. Теперь и так-то жить ужасно, а каково с собственностью! Словом, я это дело немножко отложил, но вовсе не поставил на нем креста. Все-таки приютиться мне где-нибудь необходимо, а где, в некоторых отношениях, лучше Одессы? Здесь я, очевидно, последнее лето. Если и не отберут у Пушешниковых землю, жить в деревне все равно им нельзя будет — мужики возьмут не мытьем, так катаньем. <...> Я из-за этой дачи даже собрание сочинений продал (десять томов, по 5.000 экз. каждый том) и продешевил адски — взял 16 ½ т<ысяч>. (Продал книгоиздательству “Парус”, что, конечно, не значит, что я порвал связи со своим книгоиздательством.) <...>

Жить в деревне и теперь уже противно. Мужики вполне дети, и премерзкие. “Анархия” у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание не то, что “лозунгов”, но и простых человеческих слов — изумительные. Ох, вспомнит еще наша интеллигенция, — это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа, — вспомнит мою “Деревню” и пр.! <...>

Теперь о твоей книге. Повторяю, она принята. Задержка только за типографией, — много книг ждет очереди. <...> Я сказал редакции, что я беру на себя столковаться с тобой окончательно относительно того, что выкинуть из первого издания (сытинского) и что прибавить. *Умоляю тебя* сделать так, — я лучше тебя знаю, что надо: <...>». Далее Бунин дает конкретные указания по подготовке будущей книги Нилуса.

«Целую за посвящение, за похвалы и хулы “Петлистым ушам”, хотя в отзыве и есть х<...>: разве автор хотел заразить читателя “потрошительством”? Тут главное — адский фон и на нем здоровенная и ужасная фигура. А согласись, что это удалось.

Не бросай роман, выжми его хорошенько. Осенью, Бог даст, где-нибудь тиснем. <...>

Вера и Юлий еще в Москве».

Письма (*2*). С. 387–389.

См.: 24 мая 1917.

Май, 31. Бунин посылает Ю.А.Бунину открытку, сообщая о посылке заказного письма, и пишет:

«Все пока слава Богу и мирно. Ждем тебя сюда вместе с Верой. Ехать надо на Елец — на Бабарыкино некого послать. Поезда с юга теперь мало опаздывают, народу количество среднее».

Письма (*2*). С. 389.

В письме Бунин подробно рассказывает Ю.А.Бунину о более удобном проезде до Глотово, советует приезжать, несмотря на недавние крестьянские волнения в деревне, и пишет:

«Пока все, дай Бог не сглазить, тихо и обыденно. Мужики встречаются с нами дружелюбно, раскланиваются, беседуют... Кричат грачи, поют жаворонки, дует ветерок и т.д. Наконец, в случае чего, можешь же ты уехать в Ефремов... Иначе как же ты проведешь лето? В Москве? Без отдыха? Это *совершенно невозможно*, по-моему. <...>

Обязательно привези рецензии, — если есть что-нибудь путное».

Письма (*2*). С. 389–390.

Июнь, 1. Бунин спрашивает в письме Д.Л.Тальникова о его местонахождении и пишет:

«Послал Вам из Москвы (где прожили поистине сумасшедшую, — как и все, конечно, — зиму) две или три открытки <...> — от Вас ни звука! Неужели Вы совсем махнули на меня рукой за то, что я такой никуда не годный корреспондент? <...> Три недели живу в деревне, м.б., проживем здесь и все лето. У нас пока тихо, только сожгли гумно и риги».

Письма (*2*). С. 390.

Июнь, 8. Утром Бунин приезжает в Елец, где Н.А.Пушешников проходит военный призыв; останавливается в Петроградской гостинице.

В письме Бунин сообщает Ю.А.Бунину, что Н.А.Пушешникова освободили от военной службы.

Письма (*2*). С. 390.

Н.А.Пушешников был болен астмой.

Июнь, 11–12. В московской газете «Театр» (№ 2028. С. 4) публикуется статья «Опомнились». Подпись: Z.

В статье сообщается о собрании актеров Нового театра П.Кохманского по поводу пьес А.П.Каменского «Леда» и А.Шницлера «Хоровод». Журналист пишет: «В конце концов, постановили: “избрать комиссию из литераторов и юристов, известных своей авторитетностью, и в кратчайший срок предложить ей высказаться о том: являются ли пьесы “Леда” и “Хоровод” порнографическими или нет?” Со своей стороны, актеры приглашают: С.В.Яблоновского и Э.Э.Маттерна, а дирекция — академика И.А.Бунина и юриста, члена репертуарной комиссии Малого театра, Давыдова.

Комиссия соберется в воскресенье и вынесет свое постановление.

Этому постановлению комиссии актеры подчинятся беспрекословно».

Участвовал ли Бунин в работе данной комиссии, установить не удалось.

Июнь, 15. Бунин сообщает в письме Н.С.Клестову:

«“Парус” ничего не имеет против второго издания моих “Избранных рассказов”, — я получил на днях сообщение об этом от самого А.Н.Тихонова, хозяина “Паруса”».

Письма (2). С. 391.

Июнь, 9...15. Выходит 11-я книга альманаха «Сполохи» (М., 1917), в которой (с. 192–201) печатается очерк Ю.В.Соболева «Иван Бунин».

Большая часть очерка, посвященная разбору книги «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916), была опубликована ранее (см.: 11 сентября 1916, вторая запись), в заключительной части очерка критик пишет о трех рассказах «Старуха», «Постом», «Третьи петухи», опубликованных в «Русском слове» (см.: 25 декабря 1916, четвертая запись): «Первый из них “Старуха”, как бы подчеркивает то основное, во что отливается теперь бунинское творчество.

Отмечу прежде всего скупость во внешней форме: она в том, что оставлены лишь самые необходимые детали в описаниях. Эта скупость в отсутствии того, что сам Бунин в одной беседе назвал “беллетристическим сладострастничеством”, осуждая в этой формуле то “щегольство” наблюдательностью и то излишество “штрихов”, чем, по его мнению, болеют многие писатели, и чем переболел он сам. Но такая скупость, в сущности, и создает единственно ценное в форме художественной литературы, ибо она ведет к мудрому пользованию словами. Из их массы выбирает художник лишь самые точные, самые выразительные.

Бунин, несомненно, сейчас единственный писатель, достигший почти совершенства в этом умении пользоваться только такими словами, которые создают наиболее яркую картину.

Лишь обладая особенно зорким глазом, можно стать таким мудро-скупым. Объективизм — полнейшее и окончательное устранение личности писателя, в том, конечно, смысле, что писательское “я” отсутствует тогда, когда надо показать чужую душу, — вот к чему стремится Бунин. Ему важно суметь рассказать возможно правдивее, *какой* это был господин из Сан-Франциско, и этот жалкий Казимир Станиславович <...>.

И всего этого его мастерство достигает.

Но, скрывая свое отношение к тем, о ком он говорит, – он никогда не может уйти от известной моральной идеи, которая владеет им с очень давних пор, но которая особенно явственно проступает и в “Братьях”, и в “Господине из Сан-Франциско”. Эта идея может быть принята как некий, пережитый на свой особенный лад, отголосок идей Толстого. <...> И вот “Старуха” <...> и замечательна тем, что в ней весьма явственен морализующий облик Бунина.

Он рассказывает в этой отмеченной мною скупой и выразительно-четкой и яркой манере о старухе-кухарке, проливающей горькие слезы над жалкой своей судьбой. <...> Разумеется, Бунин не позволит идее послужить в ущерб художеству. Нельзя, однако, не отметить преобладания моралиста над художником в этом наброске. Но думается, что это случайно, что это только ошибка в построении рассказа, части которого несколько не гармоничны. Часть художественная здесь, как бы подчинена части морализующей.

Мы знаем, что в “Господине из Сан-Франциско” — Бунин достиг огромной силы впечатления, — впечатления, конечно, прежде всего, идейного, – исключительно с помощью чисто художественных средств.

И ясен путь его мастерства: он все в бóльшем и бóльшем углублении внутреннем, и все в бóльшей, и бóльшей мудрой скупости и четкости внешней формы.

Мы, конечно, не знаем тайны творческого процесса, мы не обладаем еще достаточными данными, чтобы раскрыть тот внутренний путь, по которому идет Бунин. Но одно драгоценное в этом смысле свидетельство мы имеем. И сам Бунин дал его. В крошечном наброске "Постом" <...>

В этих строках необычайно четкое изображение той остроты зрения, которой обладает Бунин. Он раскрывает тут свою писательскую манеру, сам свидетельствуя, что все видит, все замечает, что и сердце, и глаза и уши его отданы миру. <...>

И какая бы властная моральная идея ни завладела им, она не убьет в нем ни этой остроты зрения, ни этой изощренной наблюдательности, ни этого инстинкта художника, в предметах предметного мира, раскрывающего внутреннюю сущность вещей».

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Июнь, до 18. Выходит № 4/5 петроградского журнала «Русское богатство», в котором (с. 315–319) помещается рецензия А.Е.Редько «Новый альманах» на 1-ю книгу альманаха «Творчество».

Рецензент, в частности, пишет: «Некоторые вещи очень удачно иллюстрированы. В особенности это приходится сказать о первой вещи — "Игроки" И.Бунина. Небольшое стихотворение, досказанное двумя рисунками г. Зворыкина — одним перед текстом и другим после текста, превращается в законченную пьесу с гораздо более тревожным содержанием, чем можно было бы ожидать от одного только текста».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (18 июня (№ 137). С. 2).

Июнь, 23. А.М.Горький в письме просит К.А.Тимирязева принять участие в новом издательском проекте и сообщает:

«...книгоиздательство "Парус" предполагает издать ряд биографий для чтения детей. <...> И.А.Бунина прошу написать жизнь Моисея и т.д.».

Горький. ПСС. Т. 12. С. 152.

Данный издательский проект не осуществился.

Июнь, 27. Бунин пишет стихотворение «Пожары» («Наполовину вырубленный лес...»). Авторская дата: «27.VI.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 172.

См.: 26 (13) декабря 1919, вторая запись.

Июнь, 28. Бунин посылает З.И.Гржебину в издательство «Парус» материал очередного тома своего Собрания сочинений и пишет в сопроводительном письме:

«Посылаю Вам, Зиновий Исаевич, еще один том моих писаний — IX-й. Значит, теперь у Вас есть уже шесть томов.

Не посылаю пока остальных четырех — во-первых потому, что некуда спешить, что у Вас теперь много материала, к набору которого Вы, вероятно, еще и не приступали, и, во-вторых, потому, что у нас с Вами еще не решен вопрос относительно "Песни о Гайавате" <...>.

Вы напрасно ответили мне на мое предложение о "Песне о Гайавате" шуткой. Вы гораздо более меня нуждаетесь в том, чтобы собрание, издаваемое Вами, было полное, ибо покупатель не меня, а *"Парус"* будет обкладывать

матюками, увидав, что Вы собрали *не все* из того моего, что было издаваемо другими. Ответьте же мне серьезно и (если мы придем к согласию) *официально, от имени "Паруса"*». Далее советуется по поводу оформления обложек и титульных листов, приводит структуру всего Собрания сочинений с названием каждого тома, а в заключение просит: «Выпускайте, пожалуйста, поскорее "Деревню" и "Господина из Сан-Франциско" — этих книг уже нет в "Книгоиздательстве писателей"».

Письма (2). С. 391–392.

Июль, 1. Бунин посылает Н.С.Клестову в «Книгоиздательство писателей в Москве» рукопись книги П.А.Нилуса «На берегу моря» и пишет в сопроводительном письме:

«...посылаю Вам книгу Нилуса <...>. Очень прошу — пустите ее поскорее! Первую корректуру — в листах — прикажите слать мне. <...>

Черкните два слова <...>, получен ли Вами перевод Ник<олая> Алексеев<ича> под моей редакцией "Садовника" Тагора».

Письма (2). С. 392–393.

См.: 30 января 1918, вторая запись; до 22 (9) февраля 1918.

Июль, 8. Бунин пишет И.А.Белоусову:

«Рад, что ты в добром здоровье. <...>

Твое письмо получил сравнительно скоро. (А вот от Шмелева письмо шло почти полтора месяца, от Грузинского почти месяц). Не пеняй на поздний ответ».

Письма (2). С. 393.

Июль, 10. В московской газете «Свобода» (№ 10. С. 2) публикуется стихотворение «В рощах Урувелы» («— Ты ль повинна, Майя, что презрел...»).

Июль, первая половина. Выходит № 24/25 петроградского «Журнала журналов», в котором (с. 13) помещается фотопортрет Бунина с его факсимильной подписью под ним.

Июль, 20. Бунин сообщает в открытке П.А.Нилусу:

«Пачку исправленных рассказов получил, а книгу с поправками — нет».

Письма (2). С. 393.

Июль, 22. Бунин пишет А.А.Золотареву:

«Милый и чудесный Алексей Алексеевич, крепко Вас целую за письмо и за лепестки "ив<ан>-да-марьи", полученные мною уже давно.

Может быть, осенью соберусь-таки к вам в Рыбинск и в Углич, — посмотреть последний мое давнишнее желание.

Живу в деревне, ничего не пишу, отравляюсь газетами».

Письма (2). С. 393.

В Рыбинск и Углич Бунин не ездил.

Июль, 25. Бунин пишет А.Е.Грузинскому:

«Дорогой Алексей Евгеньевич, хочешь, не верь, хочешь — верь, а письмо твое шло ко мне все-таки даже больше, чем другие письма <...>. За всем тем благодарю Бога и солдатских депутатов и за такую милость, с радостью про-

чел твои лихо притопывающие строки. Дай тебе Солнцедар всех благ земных и одоление Фирдуси до полной победы, с большими контрибуциями! У нас, конечно, не Тмутаракань какая-нибудь, не столь глухо, как у вас, жить порою необыкновенно противно, — то слышишь, что убили кого-нибудь или били, да не добили и, не добив, вырыли могилу и закопали, — ей-богу, был и такой случай! — то наткнешься в саду на солдата, сидящего на груше, с треском ломающего сучья и <на> грустные увещания горничной говорящего: "молчи, стерва, ты я вижу, у.т.м., старого режиму!.." — но живем и мы помаленьку, употребляя, впрочем, чуть не половину этой жизни на газеты, от которых я порой чуть не плачу в ярости и кровной боли... Не написал я пока еще не единой строки!

Когда в Москву? <...> Юлий уезжает 15 авг. Когда мы — Господь знает! Где будем там жить, где есть?»

Письма (*2*). С. 393–394.

Бунин обращается в письме к П.А.Нилусу с «горячей просьбой» купить 2-3 фунта табака и пишет:

«Письмо твое июльское <...> получил. Добрых и бодрых настроений твоих не разделяю. В будущем, конечно, лучше будет — и относительно и безотносительно, но кто же вернет мне прежнее отношение к человеку? Отношение это стало гораздо хуже — и это уже непоправимо.

До ярости, до боли кровной обиды отравляемся каждый день газетами. Порою прямо невыносима жизнь и здесь».

Письма (*2*). С. 394.

Июль, 29. Получив письмо от Д.Л.Тальникова, Бунин отвечает:

«Вам непременно надо хлопотать остаться в России — довольно уж с Вас Азии! Да ведь и войне вот-вот конец. Российск<ая> телега совершенно разваливается. (И — нет худа без добра — это, я уверен, заставит нас наконец трезвее взглянуть на самих себя!) Мы сидим в деревне, пока, слава Богу, живы, здоровы и все читаем газеты — оч<ень> часто чуть не со слезами боли, обиды, бессильной ярости. Вы говорите о литературе, но уж какая теперь литература! Где будем осенью, зимой — совершенно не знаем, там будет видно».

Письма (*2*). С. 395.

Июль, 30. Бунин с Н.А.Пушешниковым в селе Предтечево присутствует на заседании земельных собственников.

В дневнике Бунин записывает 1 августа: «Позавчера были в Предтечеве — Лихарев сзывал зем<ельных> собственников, читал устав "Союза земельн<ых> собств<енников>", приглашал записываться в члены. Заседание в школе. Жалкое! Несколько мальчишек, Ильина с дочерью (Лидой), Лихарев <...>, Влад. Сем. <Муромцев>, Коля <Пушешников>, я (только в качестве любопытного), что-то вроде сельск<ого> учителя <...>».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 29.

Бунин пишет подробное письмо П.А.Нилусу по поводу издания его книги «На берегу моря»:

«Дорогой Петр, вот как составил я твою книгу: <дается содержание>.

Называться книга будет по первому рассказу <...>.

Без заглавий книги идут хуже.

Ты возмущен моим своеволием? Но ведь если ты, по упрямству, по глупости, по незнанию жизни, захочешь изменить мою работу — можешь изменить (хотя я уже отослал книгу для набора)». Далее подробно излагаются «резоны», по которым книга была составлена именно так: с точки зрения литературной и редакторской.

Письма (*2*). С. 395–396.

Август, 1. Бунин посылает Н.С.Клестову в «Книгоиздательство писателей в Москве» рукопись книги П.А.Нилуса «На берегу моря».

У Буниных в гостях М.А.Лозинская (жена П.А.Пушешникова).

Бунин посещает Колонтаевку.

В дневнике Бунин записывает: «Хорошая погода. Уехала Маня <Лозинская>. Отослал книгу Нилуса Клестову, письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени <...>.

Слух от Лиды Лозинск<ой> <...>, что на сходке толковали об “Архаломеевской ночи” — будто должна быть откуда-то телеграмма — перебить всех “буржуев” <...>. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу — то же сказал и Сергей Климов <...>: на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 29.

Август, 2. Бунин читает рассказы Г.Мопассана. Приезжает из Предтечево В.С.Муромцев, с которым Бунин беседует о ситуации в России.

Бунин отмечает в дневнике: «Перечитываю Мопассана. Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов 5 — все сущие пустяки, не оставл<яют> никакого впечатления, ловко и [правильно] даже неприятно щеголевато-литературно сделанные.

Был Влад<имир> Сем<енович>. Отличный старик! <...> не сомневается в своем [укладе] пути жизненном, в своих правах на то и другое, в своих взглядах! Жалуется, что революция лишила его прежних спокойных радостей хозяйства, труда».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 30.

Август, 3. Бунин продолжает читать Г.Мопассана; вместе с Н.А.Пушешниковым и Ю.А.Буниным едет в Кочерево к леснику за медом.

В дневнике Бунин пишет: «Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмевший без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

<...> До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. <...>

Коля, Юлий, я ездили в Кочерево к Ф<едору> Д<митриевичу> за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый

мною, опять о рус<ском> народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т.д.!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 30.

А.Р.Гоц с июня 1917 г. заместитель председателя ВЦИК; Ф.И.Дан в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета и Президиума ВЦИК 1-го созыва; Н.Д.Авксентьев в 1917 г. член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел в составе второго коалиционного Временного правительства, сформированного 24 июля 1917 г.; с 8 июля 1917 г. А.Ф.Керенский глава Временного правительства (после отставки кн. Г.Е.Львова).

Август, 4. Читая газеты, Бунин возмущается их содержанием.

В дневнике Бунин отмечает: «Ночью уехал (в Ефремов) Женя <Ласкаржевский>. Почти все утро ушло на газеты. Снова боль, кровн<ая> обида, бессильн<ая> ярость! <...>

“Нов<ая> жизнь” по-прежнему положит<ельно> ужасна! <...>

Если человек не потерял способности ждать счастья — он счастлив. Это и есть счастье».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 30–31.

Август, 6. Бунин посещает Каменку, где беседует с Петром Семеновичем (?) о положении в России.

СС (*2*). Т. 8. С. 31.

Август, 8. Вместе с Н.А.Пушешниковым Бунин едет в Измалково.

В дневнике Бунин записывает: «Нынче ездили с Колей в Измалково. <...> Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, думал, что бывает, что стоит часа в 4 довольно высоко ¾ белого месяца, и никто никогда не написал такого блестящ<его> дня с месяцем. Люблю август — роскошь всего, обилие, главное огороды — зелень картошки, высок<ие> конопли, подсолнухи».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 31.

Август, 9. Бунин вместе с В.Н.Муромцевой едет в Предтечево к В.С.Муромцеву.

СС (*2*). Т. 8. С. 31.

Август, 10. Бунин в письме А.М.Горькому отказывается написать о Моисее для «Русского общества изучения еврейской жизни», сообщает, что поэму Д.Г.Байрона «Дон-Жуан» не переводит, т.к. об этом не было заключено «никаких условий» с издательством «Парус», а также пишет:

«Кстати о “Парусе”. Что же это он делает со мной? Даже на письма мои ни звуком не откликается! Это ставит меня положительно в тупик.

Живу и я скверно. Чуть не весь день уходит на газеты, которых я получаю штук тысячу. И ото всего того, что я узнаю из них и вижу вокруг, ум за

разум заходит, хотя только сбывается и подтверждается то, что я уже давно мыслил о святой Руси».

Письма (*2*). С. 396–397.

Бунин в ответ на открытку П.А.Нилуса пишет:

«Табаку напрасно не купил, я уже давно курю за 20 р. фунт и знаю, что прежде этот фунт стоил 6 р. Если можешь, купи фунт и спрячь. А то табаку, вероятно, совсем не будет». Далее вновь просит четко ответить на все вопросы прошлого письма по поводу издания книги «На берегу моря»: «Перечитай мое письмо и ответь. Не сердись дорогой, что я так нахально говорю с тобой о твоем детище — право, ты дьявольски неопытен в этих делах, все основываешься на каких-то одесских читателях, на каких-то своих знакомых, когда надо думать вообще о читателе, нам известно гораздо больше, чем тебе.

Где ты? Еще на даче? Что у вас говорят — возьмут вас немцы?».

Письма (*2*). С. 397.

Август, 11. Бунин пытается начать писать прозу. Вечером Бунин с Н.А.Пушешниковым и Ю.А.Буниным едет к леснику в Кочерево.

В дневнике Бунин отмечает: «Вера не совсем здорова. <...> Беспокойное темное чувство.

Перед вечером к Фед<ору> Дмитр<иевичу> на дрожках — я, Коля, Юлий. Потом кругом Колонтаевки. <...>

Дней десять тому назад начал кое-что писать, начинать и бросать. Потом вернулся к делу Недоноскова. Нынче уж опять почувств<овал> тупость к этой вещи».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 31.

Август, 12. Вновь Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Кочерево к леснику за медом.

СС (*2*). Т. 8. С. 31.

Август, 13. Бунин с Ю.А.Буниным вместе гуляют, читают газеты. Н.А.Пушешников уезжает из Глотово в Ефремов.

В дневнике Бунин записывает: «Нынче Коля уехал в Ефремов. <...>

Ходили с Юлием <...>. Сидели в лощинке, читали газету. Потом по деревне. Грязь, все развалено. Собственно, никто ничего не делает почти круглый год. А Шмелевы лгут, лгут про русский народ!

Кажется, одна из самых вредных фигур — Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои».

СС (*2*). Т. 8. С. 31–32.

Август, 14. Утром Бунин пишет рассказ «Любовь». Днем вместе с В.Н.Муромцевой и Ю.А.Буниным едет в Колонтаевку.

Бунин пишет в дневнике: «Утром немного <работал> над “Любовью”, немного так — одесское утро (начало — чего, еще не знаю).

Облака и солнце. После обеда я, Юлий и Вера в Колонтаевку. <...> взял “Раннее утро”. Прочел 1-й день моск<овского> совещ<ания>. Царские почести Керенскому, его речь — сильно, здорово, но что из этого вы́йдет?

Опять хвастливое красноречие, “я, я” — и опять и направо и налево. Этого совместить, вероятно, нельзя».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 32.

О каком рассказе идет речь неясно. 12 августа 1917 г. в Москве в Большом театре открывается Государственное совещание; открывая совещание А.Ф.Керенский произнес речь. См.: «Власть народа» (13 авг. (№ 92). С. 1–3); «Новое время» (13 авг. (№ 14852). С. 2–3). Совещание работало до 15 августа.

См.: 13 августа 1917; 20 августа 1917.

Август, 15. Бунин обдумывает два новых рассказа о молодом помещике и про англичанку.

СС (*2*). Т. 8. С. 33.

Август, 16. Бунин читает рассказы Г.Мопассана, книгу Г.Масперо «Египет» (М., 1915), двухтомник Вернон Ли «Италия. Избранные страницы» (М., 1914–1915).

В дневнике Бунин отмечает: «Читал Мопассана, потом Масперо о Египте, волновался, грезил, думая о путешествии Бауку в Финикию, потом читал Вернон Ли и думал о Неаполе, Капри, вспоминал Флоренцию».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 33.

Август, 17. Бунин пишет Н.С.Клестову по поводу книги П.А.Нилуса «На берегу моря» и «чрезвычайно» просит продолжать набирать первые рассказы:

«Послезавтра едет в Москву Юлий Алексеевич. С ним я и напишу Вам, что именно можно выкинуть из следующих рассказов: послал телеграмму Нилусу и надеюсь не нынче завтра иметь от него ответ.

Жду корректуры!!».

Письма (*2*). С. 397–398.

Бунин гуляет с Ю.А.Буниным по окрестностям Глотово.

В дневнике Бунин записывает: «День прекрасный. Много гуляли с Юлием. Часу в пятом пошли мимо кладбища, потом по лугу в лес, называемый нами “Яруга”.

Ночь лунная. Гуляли за садом».

СС (*2*). Т. 8. С. 33.

Август, 18. Бунин через Ю.А.Бунина, который днем уезжает в Москву, посылает письмо Н.С.Клестову, в котором пишет о составе книги П.А.Нилуса «На берегу моря».

Письма (*2*). С. 398.

В дневнике Бунин отмечает: «В час уехал Юлий — в Москву. Лето кончилось! Грусть, боль, жаль Юлия, жаль лета, чувство горькой вины, что не использовал лета лучше, что мало был с Юлием, мало сидел с ним, катался. Мы вообще, должно быть, оч<ень> виноваты все друг перед другом. Но только при разлуке чувствуешь это. Потом — сколько еще осталось нам этих лет вместе? <...> И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?

Читаю эти дни Вернон Ли “Италия”. Все восторгается, все изысканно и все только о красивом, о изящном — это скоро начинает приводить в злобу».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 33, 35.

Август, 19. Бунин с В.Н.Муромцевой едет на прогулку.

В дневнике 20 августа Бунин пишет: «Вчера ездили с Верой на шарабане кататься — к Крестам, потом в Скородное и вокруг него — обычная дорога, только наоборот. День был прекрасный. Когда выехали, поразила картина (как будто франц<узского> художника) жнивья <...> — поля за садом <...>. И все мука, мука, что ничего этого не могу выразить, нарисовать!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 35.

Август, 20. Бунин читает роман М.Гарри «Завоевание Иерусалима» (СПб., 1906), рассказы Г.Мопассана; просматривает газеты.

В дневнике Бунин пишет: «Читал (и нынче читаю) “Завоевание Иерусалима” Гарри. Много времени, как всегда, ушло на газеты. Керенский невыносим. Что сделал, в сущности, этот выскочка, делающийся все больше наглецом? <...>

Все читаю Мопассана. Почти сплошь — пустяки, наброски, порой пошло».

СС (*2*). Т. 8. С. 35.

Август, 21. Бунин читает книгу Платона «Федон. Диалог об идее “бессмертия”» (М., 1891); просматривает газеты.

В дневнике Бунин записывает: «Перечитываю “Федона”. Этот логический блеск оставляет холодным. Как много сказал Сократ того, что в индийск<ой>, в иудейской философии!

В 9 вечера вышли с Верой — ждали Антона и Колю со станции <...>. Коля опять не приехал.

Газеты. Большевики опять подняли голову. Мартов (жид) требует отмены смертной казни.

В 10 ½ вышел один гулять по двору».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 36.

Август, 22. Бунин читает книги: Н.Г.Львова «Старая сказка. Стихи 1911–1912 гг.» (Предисл. В.Брюсова. М., 1913), А.И.Эртель «Минеральные воды» (Собрание сочинений. Т. 3. М., 1909), О.Вилье де Лиль Адан «Жестокие рассказы» (М., 1909). Вечером приезжает в Глотово Н.А.Пушешников с Е.А.Буниным.

В дневнике Бунин отмечает: «Начал читать Н.Львову — ужасно. Жалкая и бездарная провинциальная девица. Начал переч<итывать> “Минераль<ные> воды” Эртеля — ужасно! Смесь Тургенева, Боборыкина, даже Немир<овича>-Дан<ченко> и порою Чирикова. Вечная ирония над героями, язык пошленький. Перечитал “Жест<окие> рассказы” Вилье де Лиль Адана. Дурак и плебей Брюсов восхищается. Рассказы — лубочная фанта-

стика, изысканность, красивость, жестокость и т.д. — смесь Э.По и Уайльда, стыдно читать. <...>

Вечером приехали Коля с Евгением. Коля в Ефремове все задыхался».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 36.

Август, 23. Бунин читает стихи Н.Г.Львовой, книгу «Стихи духовные» (СПб., 1912), просматривает газеты.

В дневнике Бунин пишет: «Думал о Львовой, дочитав ее книгу. Следовало бы написать о ней рассказ.

Читаю “Стихи духовные” (со вступительной статьей Ляцкого). <...>

Вечером Антон привез газеты, письмо Юлия. <...> В газетах — ужас: нас бьют и гонят, “наши части самовольно бросают позиции”. Статья Кусковой — “Русские кошмары”».

СС (*2*). Т. 8. С. 37.

Статья Е.Д.Кусковой «Русские кошмары» напечатана в газете «Власть народа» (22 авг. (№ 98). С. 1), в ней говорится об итогах Государственного совещания и последствиях его решений.

Август, 24. Бунин читает З.Н.Гиппиус «Собрание стихов в 2-х книгах» (М., 1904, 1910). Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой идут к Лозинским.

В дневнике он отмечает: «Перечитываю стихи Гиппиус. Насколько она умнее (хотя она, конечно, по-настоящему не умна и вся изломана) и пристойнее прочих — [так называемых] “новых поэтов”. Но какая мертвяжина, как все эти мысли и чувства мертвы, вбиты в размер!»

26 августа Бунин в дневнике пишет: «Позавчера вечером были с Верой у Лозинских, — у них оказалось “Рус<ское> слово” за 23. Мы ходили при луне <...>, ждали, пока они дочитают, потом взяли. Аресты великих князей, ужасы нашего бегства от Риги».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 37.

По постановлению Временного правительства были арестованы великие князья Михаил Александрович и Павел Александрович с супругами, Дмитрий Павлович, всех обвинили в контрреволюционной деятельности и попытке свержения существующего строя.

Август, 25. Бунин пишет стихотворение «Змея» («Зашелестела тонкая трава...»). Авторская дата: «25.VIII.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 174.

См.: Сполохи. 1922. № 5. С. 1.

Бунин и Н.А.Пушешников беседуют с крестьянами.

В дневнике 26 августа Бунин записывает: «Вчера мы с Колей ходили к Пантюшку. Он ничего, но подошли бабы. Разговор стал противный, злобный донельзя и идиотский, все на тему, как господа их кровь пьют. Самоуверенность, глупость и невежество непреоборимые — разговаривать бесполезно».

СС (*2*). Т. 8. С. 37.

Август, 26. Бунин читает книгу Н.А.Полевого «История народа русского», стихи З.Н.Гиппиус.

В дневнике он отмечает: «Нынче читаю о Влад<имиро>-Суздальск<ом> царстве в книге Полевого. Леса, болота, мерзкий климат — и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ. Чувствую связь вчерашнего с этим — и отвратительно.

Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, ни одного живого слова, мертво вбиты в тупые [вирши, хотя и умелые чаще всего] вирши разные выдумки. Поэтической натуры в ней ни на йоту».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 38.

Август, 27. Бунин пишет стихотворение «Там, за садом, ясная, веселая...». Авторская дата: «27.VIII.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10, л. 1.

См.: Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18.

Вечером в Глотово приезжает Д.А.Пушешников.

СС (*2*). Т. 8. С. 38.

Август, 28. Бунин пишет стихотворение «В караване» («Под луной на дальнем юге...»). Авторская дата: «28.VIII.1917».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 1.
РАЛ, MS. 1066/56.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57. С. 7.

Август, 29. Бунин пишет стихотворения:

— «Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны...». Авторская дата: «29.VIII.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 175.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января (№ 120 (9)). С. 2.

— «Август» («Как много звезд на тусклой синеве!..»). Авторская дата: «29.VIII.17».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 12.
Избранные стихи. С. 195.

См.: до 11 апреля (до 29 марта) 1918.

— «Мы разделились — мир и я...». Авторская дата: «29.VIII.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 2.
РАЛ, MS. 1066/14
(с авторской датой: «23.VIII.1917»).

См.: Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18.

Бунин узнает о попытке «военного переворота» генерала Л.Г.Корнилова.

В дневнике Бунин отмечает: «Ходили в контору — я, Вера, Митя. Жуткая весть из Ельца — Митя говорил по телефону: Корнилов восстал против правительства. В 4 ч. пошли низом в Колонтаевку. Возвратясь, опять зашли в контору. Весть подтверждается».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 38.

26 августа 1917 г. А.Ф.Керенский в присутствии члена Государственной Думы В.Н.Львова, который накануне лично был в Ставке, беседует по прямому телефону с Л.Г.Корниловым. Главнокомандующий просит А.Ф.Керенского безотлагательно прибыть в Ставку в связи со сложной обстановкой на фронтах и в целом в стране. В этот же день на заседании Временного правительства А.Ф.Керенский сообщает заведомо ложную информацию о том, что Л.Г.Корнилов через В.Н.Львова требует передать ему всю власть, военную и гражданскую. А.Ф.Керенский и Временное правительство квалифицируют действия Л.Г.Корнилова как мятеж.

Суть этой провокации А.Ф.Керенского заключалась в следующем: в связи со сложной обстановкой на фронтах, с ослаблением дисциплины в войсках, и с опасениями волнений и беспорядков в Петрограде обсуждался вопрос об усилении власти; Временное Правительство приняло решение просить Л.Г.Корнилова направить к Петрограду войска для подавления возможных волнений. В это же время член Государственной Думы В.Н.Львов был направлен А.Ф.Керенским в Москву и в Ставку в Могилев для консультаций по поводу усиления государственной власти в стране. Как только Л.Г.Корнилов послал войска к Петрограду, А.Ф.Керенский устроил этот телефонный разговор с Л.Г.Корниловым в присутствии В.Н.Львова, после этого разговора он объявил о том, что Л.Г.Корнилов требует отдать ему всю власть. С 1 октября 1917 г. газета «Новое время» публиковала материалы и документы по делу Корнилова под общим заголовком «Был ли мятеж?». В итоге следствия ни по одному пункту обвинения Корнилов не был признан виновным. См. об этом информационную заметку «К делу ген. Корнилова» в газете «Воля народа» (23 сент. (№ 126). С. 3).

См.: 30 августа 1917, первая и третья записи; 15 сентября 1917, вторая запись; 6 октября 1917.

Август, до 30. Выходит 3-е издание 5-го сборника «Слово» (М., 1917), в котором напечатан рассказ «Господин из Сан-Франциско».

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (30 авг. (№ 198). С. 1).

Август, 30. Бунин в письме Ю.А.Бунину сообщает:

«Митя <Д.А.Пушешников> передал нам твое письмо. <...>

Мы пока слава Богу. Вчера смутно узнали, что-то случилось, но что? Газеты знаем только за 27 авг.».

Письма (*2*). С. 398–399.

Бунин сообщает в письме А.Е.Грузинскому, что получил его два письма и пишет:

«Правильно — кошмар. О том, что творится, говорил бы с тобой десять дней без передышки, да опять-таки не на бумаге. <...>

Оч<ень> рад, что ты не бросаешь стихов и начинаешь переводить и не одних Фирдуси, кои все-таки тяжки нам по своей чертовой старости. Из присланных три прочел с полным удовольствием, — одно могу заметить, если позволишь: делай ты стих немного музыкальнее, хотя бы и в ущерб точности. <...> Что до четвертого стих<отворения>, тагоровского, то не лежит у меня в конце концов сердце к этому господину! Вот разобрал я теперь всего “Садовника” по косточкам, редактируя перевод Николая Алексеев<ича Пушешникова>, и что же! Пять-шесть вещей хороши, немало хороших отдельн<ых>

строк, но в общем — ах, как однообразно, как изысканно! Сколько рафинаду! А часто и того хуже: пустяки, пустословие, а ведь с каким таинств<енным>, многозначительным видом (граничащим не то с недалекостью, не то с плутовством) подается все это! И посему решаюсь тебе прямо сказать: стоит ли тебе продолжать быть с ним? И еще: опять приходит в голову — зачем давать ему стихотв<орную> форму?

<...> Второй день нахожусь в тревоге — смутная весть из Ельца, что случилось что-то, но что?»

Письма (*2*). С. 399.

Вероятно, вечером, Бунин с Д.А.Пушешниковым едет на почту в Измалково.

В дневнике Бунин записывает: «Ездили с Митей в Измалково. На почте видел только “Орл<овский> вестн<ик>”.

29-го. Дерзкое объявление Керенского и еще более — с<оциалистов>-р<еволюционеров> и с<оциал>-д<емократов> — “Корнилов изменник”. Волновался ужасно».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 38.

27 августа 1917 г. утром А.Ф.Керенский отправляет в Ставку телеграмму об отстранении Л.Г.Корнилова от должности Верховного Главнокомандующего. Л.Г.Корнилов в свою очередь не подчиняется этому приказу и объявляется А.Ф.Керенским изменником родины. Петроград и Петроградский уезд объявляется на военном положении. См.: «Власть народа» (29 авг. (№ 104). С. 1). 30 августа 1917 г. движение корниловских войск на Петроград остановлено. Верховным Главнокомандующим назначается А.Ф.Керенский.

Газеты «Русское слово» (29 авг. (№ 197). С. 2), «Утро России» (29 авг. (№ 209). С. 2) и многие другие публикуют радиотелеграмму А.Ф.Керенского по всему фронту: «Всем! В тяжкое время борьбы нашей родины с упорным и сильным врагом 26 августа я получил от бывшего главнокомандующего Корнилова требование немедленно передать ему диктаторскую власть над всем государством. <...>

Офицеры и солдаты! Жалкие попытки верховного главнокомандующего, ослепленного предательской клеветой, в моих глазах и в глазах свободного народа, не могут ложиться и не ложатся бременем тяжкой ответственности на доблестные армии и флот в лице героев офицеров, солдат и матросов.

Родина верит в разум своих лучших свободных сынов, Родина знает, что пред лицом смертельной опасности верные и беззаветно преданные ей офицеры, солдаты и матросы не поддадутся предательской попытке кучки ослепленных или обманутых людей».

См.: 31 августа 1917, первая запись.

Август, 31. Бунин с Д.А.Пушешниковым едет в Предтечево.

В дневнике он записывает: «Вера утром уехала с М.Н.Рышковой в Предтечево. Поехали за ней с Митей. Там “Нов<ое> время” и “Утро России”. Ошалел от волнения. Воззвание Корнилова удивительно! Вечером газеты — “Р<усское> с<лово>” от 29 и “Р<усские> в<едомости>” от 30-го. Последняя поразила: истерически-торжественное воззвание Керенского: “Всем! всем! всем!” Таких волнений мало переживал в жизни. Просто пришибло».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 38.

В статье «В этот день» Бунин отмечает: «Лето семнадцатого года я помню как начало какой-то страшной болезни, когда уже чувствуешь, что болен смертельно, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то новую жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего-то еще ждешь в горячечном напряжении всех последних телесных и душевных сил.

В конце же этого лета, развертывая однажды утром газету как всегда прыгающими руками, я вдруг ощутил, что бледнею, что у меня пустеет темя, как перед обмороком: огромными буквами ударил в глаза истерический крик "всем, всем, всем!" — крик Керенского, который, не понимая творимого им, не ведая, что отныне имя его будет проклинаемо всей Россией до седьмого колена, крикнул urbi et orbi <городу и миру — *лат.*>, городу и миру, что Корнилов — "мятежник, предатель родины"».

См.: 30 августа 1917, третья запись; 15 сентября 1917, вторая запись; 8 октября (25 сентября) 1919, вторая запись.

В ответном письме Бунин благодарит А.Б.Дермана за письмо и присланную его статью «Старое и новое у Бунина» (Речь. 1917. 23 янв. (№ 21). С. 2) и пишет:

«...простите за молчание, я плохой корреспон<дент>, а теперь, когда надо или молчать, или говорить десять дней без передышки, — особенно. Мы сидим в деревне, пока благополучны, но я совсем не оптимист, главное — насчет будущего. Не написал я буквально ни строки, — все лето с утра до вечера читаю газеты. Где будем — не придумаю! В Крым очень хочется. Что скажете о Симферополе?»

Письма (*2*). С. 399–400.

Лето. Бунин пишет стихотворения:

– «Ты высоко, ты в розовом свете зари...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 16, л. 2.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 3.
РАЛ. MS. 1066/52.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 5.

Датируется по местоположению автографа в тетради (РГАЛИ).

– «Высокие нездешние цветы...». Авторская дата: «Ночь лето 17 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 3.
РАЛ, MS. 1066/53.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 6.

– «В белой зыби облаков...». Авторская дата: «Ночь лето 17 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 3.
РАЛ, MS. 1066/52-53.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 6.

– «Дует ветер, море хлеба...». Авторская дата: «Ночь лето 17 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 3 об.

РАЛ, MS. 1066/52–53.

См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 6.

Бунин пишет рассказ «Спор». Авторская дата: «Лето 1917 г.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 55.

См.: Русская газета. Париж, 1924. 24 августа (№ 103).

Сентябрь, 1. Бунин читает рассказ А.М.Горького «Коновалов» и высказывает свое мнение об этом произведении.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «И.А. читает горьк<овского> “Коновалова”. Он сказал:

– Г<орький> выдумал и пустил легенду о том, что был пекарем. Я почти убежден, что этого никогда не было. Если бы он был пекарем, это непременно в чем-нибудь сказалось. <...> Что же до “Коновалова”, то я поражен, до какой степени все это литературно, трафаретно, составлено по известному рецепту. Какой-то несуществующий интеллигентский язык. Это Чириков в квадрате. Самородок! Тут руды ни на йоту нет, напротив, во всем виден такой опытный литературный плут, что поражаешься. Он прекрасно знает, когда что сказать, где нажать педаль и т.д.»

ОГЛМТ, ф. 14, № 9078 оф, л. 24–25.

Днем Бунин едет в деревню Жилые.

В дневнике он записывает: «Нынче весь день угнетен, как не запомню. <... >

В 5-м часу поехал в Жилые за рисом. <... >

В Жилых <... > двойная изба, в сенцах свиньи. Грязь, мерзость запустения. В одной половине пусто, в углу на соломе хлебы. Милая баба, жена Семена, торгующего. Ждал его. Но сперва пришел пьяный мужик, просил что-то “объяснить”. На взводе затеять скандал. <... > Вечером газеты, руки дрожат».

СС (*2*). Т. 8. С. 38.

Сентябрь, 3. Бунин читает газеты.

В дневнике он отмечает: «Утром “Р<усское> с<лово>” от 2-го. Опять подлая игра в смену кабинета. Где Корнилов? Все-таки, видимо, ужасно испугались. Первый день я сравнительно спокойней».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 39.

В полночь 27 августа 1917 г. Временное правительство в полном составе подало в отставку, предоставив А.Ф.Керенскому составить новый кабинет. См.: 4 сентября 1917.

Сентябрь, 4. Бунин узнает из газет об объявлении Российской Республики.

В дневнике он пишет: «В 10-м часу вечера – газеты. *Государственный переворот!* Объявлена республика. Мы ошеломлены. – Корнилов арестован.

Воля Гоца, Дана, Либера и т.д. восторжествовала. Россия в их руках! <...>

Заснул почти в 2 часа. <...>

С неделю уже ровно ничего не делаю».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 39.

1 сентября 1917 г. постановлением Временного правительства провозглашается Российская Республика и образовывается для управления страной Директория: А.Ф.Керенский, А.М.Никитин, М.И.Терещенко, А.И.Верховский, Д.Н.Вердеревский. В этот день был арестован Л.Г.Корнилов.

М.И.Либер в 1917 г. член Исполкома Петросовета, ВЦИК.

Сентябрь, 7. Из Глотово уезжает Д.А.Пушешников, с которым Бунин посылает письмо с отказом сотрудничать в газете «Новая жизнь». Бунин с Н.А.Пушешниковым гуляет по окрестностям Глотово.

СС (*2*). Т. 8. С. 39.

Сентябрь, 9. Бунин пишет стихотворения:

— «Опустели аллеи сквозные...». Авторская дата: «9.IX.1917».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 4.

См.: *Библиотека поэта.* Т.2. С. 258.

— «Портрет» («Бродя по залам, чистым и пустым...»). Авторская дата: «9. IX.1917».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 4.
РАЛ, MS. 1066/763
(с авторской датой: «1924»).

См.: Возрождение. Париж, 1927. 23 июля (№ 781). С. 2.

Бунин едет в Жадовку, где беседует с мужиками; читает А.М.Жемчужникова.

В дневнике он отмечает: «Читал Жемчужникова. Автобиография его. Какой такт, благородство!»

СС (*2*). Т. 8. С. 40.

Сентябрь, 10. Бунин пишет стихотворение «Вид на залив из садика таверны...». Авторская дата: «10.IX.17».

РГБ ОР, ф. 356. к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 176.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Сентябрь, начало. В ответном письме Бунин выражает А.С.Черемнову «самое искреннее и горячее участие» в связи со смертью его приемной матери М.П.Миловидовой:

«Что до нас, то мы живем теперь, совсем не зная, сколько мы здесь проживем. Раз сожгли, могут сжечь и еще. <...>

P.S. Простите, что я так краток, — не умею сказать Вам всего того, что хотелось бы».

Письма (*2*). С. 400.

Сентябрь, 11. Бунин читает сочинения А.М.Жемчужникова, Л.Н.Толстого.

В дневнике он записывает: «Все пустые дни! Читал Жемчужникова, “Анну Каренину”».

СС (*2*). Т. 8. С. 40.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину из Глотово:

«...ваше письмо получил вчера. Не писал вам, что последнее время я был подавлен событиями. Да и все мы вместе взятые. <...>

Мы живем только газетами и ждем их с самого утра до ночи. <...>

Мужики увозят копны с господских полей — открыто, днем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9067 оф.

Сентябрь, 12. Бунин пишет стихотворение «Роняя снег, проходят тучи...». Авторская дата: «12.IX.17».

РГБ ОР, ф. 356. к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 177.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Сентябрь, 13. Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Знаменье; читает сочинения А.М.Жемчужникова.

В дневнике он отмечает: «Коля в астме. Вечером поехал со мной в Знаменье. Серо, потеплело. — Дочитал Жемчужникова. В общем, серо, риторика».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 40.

Сентябрь, 14. Вечером Бунин с В.Н.Муромцевой едет в Измалково.

СС (*2*). Т. 8. С. 40.

Бунин в открытке спрашивает Ю.А.Бунина о состоянии его здоровья и сообщает:

«Мы пока слава Богу. Погода была ужасная, нынче первый хороший день».

Письма (*2*). С. 400.

Сентябрь, 15. Бунин пишет стихотворение «Луна» («Настанет Ночь моя, Ночь долгая, немая...»). Авторская дата: «15.IX.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 178.

См.: до 11 апреля (до 29 марта) 1918.

Бунин читает сочинения Н.М.Минского (Пг., 1915); из газет узнает подробности «мятежа» Л.Г.Корнилова. Вечером едет вместе с В.Н.Муромцевой в Скородное.

В дневнике он записывает: «Читал Минского. Прочел 48 стр<аниц>. Ужасная риторика!

<...> Газеты. На советы наросла, видимо, дикая злоба у всех. Разъяснение Савинкова. Да, “соверш<илась> великая провокация”. К<еренского> следовало бы повесить. Бессильная злоба.

В 5 поехали с Верой в Скородное и вокруг него».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 40.

Газета «Новое время» (7 окт. (№ 14891). С. 3) под общим заголовком «Был ли мятеж?» публикует два обращения: А.Ф.Керенского и ответ на него Л.Г.Корнилова. В обращении А.Ф.Керенского от 27 августа говорится о мятеже Корнилова, который якобы в разговоре по телефону с Керенским потребовал передачи ему всей полноты гражданской и военной власти. В ответном обращении Корнилова от 27 августа 1917 г. говорится: «Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой

части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной Думы Владимира Львова к Временному Правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетелем член Государственной Думы Алексей Аладьин.

Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну изнутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молите Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, я клянусь довести народ — путем победы над врагом — к Учредительному собранию, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки исконного врага — германского племени и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины!»

В газете «Русское слово» (10 сент. (№ 207). С. 3) под общим заголовком «Поход против А.Ф.Керенского» сообщается: «...в кругах Временного правительства возник проект издания особого правительственного разъяснения всей истории корниловского мятежа». В частности, публикуется рассказ Б.В.Савинкова: «Временное правительство решило объявить Петроград на военном положении, дабы быть во всеоружии на случай ожидающихся эксцессов, с чьей бы стороны они не последовали. В соответствии с этим военный министр <Керенский> поручил мне, как управляющему военным министерством вызвать в столицу через посредство генерала Корнилова кавалерийский корпус. <...> действовал я исключительно по приказу свыше и со спокойной совестью могу сказать, что я лишь исполнял свой долг. <...> никакого участия к посылке Львова <к Корнилову в Ставку> я не принимал, и что к этой стороне дела генерала Корнилова я совершенно непричастен».

См. также: Письмо Б.В.Савинкова (Власть народа. 1917. 12 сент. (№ 116). С. 3).

О своей роли в деле Л.Г.Корнилова член Государственной Думы В.Н.Львов рассказывает в «Записке», опубликованной в газете «Русское слово» (11 окт. (№ 232). С. 3): «Я ездил в Ставку по поручению Керенского. Никакого ультиматума я ни от кого не привозил и не мог привезти, потому что ни от кого таких полномочий не получал. <...> Меня допрашивали, но когда я написал свои показания, Керенский остался ими не доволен и послал ко мне следователя и прокурора допрашивать вновь. Я вовсе не давал поручения Керенскому говорить от моего имени по проводу, но от меня требовали такого показания, и из деликатности я это показал.

Керенский дал мне категорическое поручение представить ему от Ставки и от общественных организаций их требования о реконструкции власти в смысле ее усиления. <...> Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была простая беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и не мог предъявить, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал».

В.П.Семенов-Тян-Шанский пишет Бунину из Петрограда:

«Читая Ваши стихотворения, я прочел и Ваши автобиографические заметки, в которых Вы, между прочим, вскользь упоминаете о Вашем свойстве или родстве с Грот.

Позвольте Вам послать I том мемуаров моего покойного отца, где Вы найдете немало сведений не только о Вашем родстве с Грот, но и с нами, Семеновыми, и с Жуковским, а также прочтете не лишенные интереса строки о Вашей родственнице, "Российской Сафо", поэтессе Буниной, крестной матери моего отца.

В надежде на то, что в наше тяжелое для всякого интеллигентного человека время посылаемая книга, может быть, доставит Вам несколько часов душевного отдыха, т.к. даст возможность совершить небольшое путешествие в тот мир, для которого наступил уже суд истории».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1.

Речь идет о книге: Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Пг., 1917. Т. 1: Детство и юность.

Сентябрь, 16. Бунин пишет стихотворение «У ворот Сиона над Кедроном...». Авторская дата: «16.IX.17».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 6.
Роза Иерихона. С. 263.

См.: 4 мая (21 апреля) 1918, третья запись.

Бунин читает «Анну Каренину» Л.Н.Толстого, сочинения Н.М.Минского.

В дневнике он замечает: «Все то же: пустота ума, души, довольно тупое спокойствие. Дочитываю "Каренину". Последняя часть слаба, даже неприятна немного; и неубедительна. Помнится, и раньше испытывал то же к этой части. Читаю Минского. Есть хорошее. Все же у него была душевная жизнь».

СС (*2*). Т. 8. С. 41.

Положение в Глотово ухудшается, революционные настроения в народе усиливаются.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «Вечер. Положение с каждым днем становится тревожнее. Нужно было бы давно уехать, но И.А. откладывает отъезд в М<оскву> со дня на день. <...>

Необычайно блестящая, жуткая даже, ветреная, месячная ночь. Стекла окон отпотели, на них золотой пот. И.А. сидит в пальто в темноте в своем кресле и о чем-то думает. <...> В доме тоска, тревожно и неуютно. Ждем, что вот-вот придут мужики и зажгут дом. Лошади уже отобраны, работники сняты».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9078 оф, л. 40; № 7456/7 оф, л. 251.

Сентябрь, 17. Бунин пишет стихотворение «Ночь осенняя, ночь морозная...». Авторская дата: «17.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп 4, ед. хр. 23, л. 5.

См.: Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18.

Дочитав роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина», Бунин отмечает в дневнике:

«Дочитал “Каренину”. Самый конец прекрасно написан. М<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь насчет этой части. М<ожет> б<ыть>, она особенно хороша, только особенно проста?»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 42.

Сентябрь, 19. Бунин пишет стихотворения:

— «Волны» («Смотрит на море старый Султан...»). Авторская дата: «19.IX.17».

Роза Иерихона. С. 264.

См.: 2 ноября (20 октября) 1919.

— «Эпитафия» («На земле ты была точно дивная райская птица...»). Авторская дата: «19.IX.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 179.

См.: 12 октября (29 сентября) 1919, третья запись.

— «Ландыш» («В голых рощах веял холод...»). Авторская дата: «19.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1.
Роза Иерихона. С. 266.

См.: 27 (14) сентября 1919.

— «Золотыми цветут остриями...». Авторская дата: «19.IX.17».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 1.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 180.

См.: 19 (6) октября 1919, вторая запись.

Сентябрь, 20. В московской газете «Русские ведомости» (№ 214. С. 6) публикуется рецензия на 2-е издание книги «Чаша жизни. Рассказы и стихи 1913–1914 гг.» (М., 1917). Подпись: X.

Рецензент пишет: «Говорить об отдельных книгах Ив.Бунина, конечно, уже поздно. Нужно говорить обо всем его творчестве. Но и по поводу второго издания “Чаши жизни” хочется лишний раз отметить прекрасный язык этого писателя, его благородную сдержанность, его строгость к себе, так выгодно выделяющую его из среды современных беллетристов. Это — вообще. В частности, нужно отметить тот рассказ, по имени которого названа книга, и мастерский рассказ “Святые”. Стихи гораздо слабее рассказов».

С этого дня в московской газете «Власть народа» (№ 121. С. 1) и петроградской газете «Новая жизнь» (№ 132. С. 1) в списке сотрудников имя Бунина не указывается.

См.: 25 сентября 1917, первая запись; 5 октября 1917, четвертая запись.

Сентябрь, 21. Бунин читает корректуру рассказа П.А.Нилуса «На берегу моря» из печатающегося одноименного сборника; на верхнем поле первого листа корректуры Бунин помечает:

«Исправить и верстать Ив.Бунин 21 сент. 1917 г.»

ГЛМ ОР, ф. 329, оп. 2, ед. хр. 2.

Фотокопия с корректуры.

Сентябрь, 22. Бунин с В.Н.Муромцевой едет в Озёрки.

СС (*2*). Т. 8. С. 42.

Сентябрь, 23. Бунин пишет стихотворение «Нарядность есть в твоей прическе скромной...». Авторская дата: «23.IX.1917».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 6.

См.: *Библиотека поэта*. Т. 2. С. 259.

Сентябрь, 24. Бунин пишет стихотворения:

— «О радость красок! Снова, снова...». Авторская дата: «24.IX.17».

Датируется по *Избранные стихи* (с. 202) и *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 182). В *Роза Иерихона* (с. 268) авторская дата: «23.IX.17».

См.: Сполохи. 1922. № 5. С. 1.

— «Могила» («Там, в полях, на погосте...»). Авторская дата: «24. IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 5.

СС (*Петр*). Т. 8. С. 181.

См.: до 11 апреля (до 29 марта) 1918.

– «Смерть — мысль твоя, не боле. Ты душою...». Авторская дата: «24.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 6 об.

См.: Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18.

Сентябрь, 25. Бунин отправляет письмо Е.Д.Кусковой:

«С величайшим удивлением увидел сегодня, что из списка сотрудников “Власти народа” внезапно исчезло мое имя. Вам хорошо известно, сколь мало заинтересован я числиться в нем, но ведь это — нарушение самой элементарной пристойности, дерзость, на которую я впервые натыкаюсь в редакционном мире. Совершенно уверенный, что это сделано без Вашего ведома, пишу все же Вам, так как приглашали меня во “Власть народа” Вы. <...>

P.S. Высылку мне газеты будьте добры прекратить».

Письма (*2*). С. 401.

Датируется по упоминанию в дневнике. См.: *СС* (*2*). Т. 8. С. 42.

См.: 20 сентября 1917, вторая запись.

Автограф данного письма неизвестен, его текст Бунин приводит в письме к Ю.А.Бунину. См.: 5 октября 1917, четвертая запись; 7 октября 1917, первая запись.

Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Сообщи немедленно, купил ли ты мне табаку. <...>

Книга твоя набирается. Нынче пришла корректура первого рассказа».

Письма (*2*). С. 400.

Сентябрь, 26. Бунин гуляет с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым; беседует с мужиками.

В дневнике он отмечает: «После обеда гуляли втроем. Дивились на деревья за сараем, с поля из-за риги – на сад: нельзя рассказать! <...>

Вообще – листопад, этот желтый мир непередаваем. Живешь в желтом свете.

<...> Был нынче на мельнице. Злобой мужики тайно полны. Разговаривать – бессмысленно!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 42.

Сентябрь, 27. Бунин пишет стихотворения:

– «Стали дымом, стали выше...». Авторская дата: «27.IX.17».

РГБ ОР, ф.356, к. 10, ед. хр. 3.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 183.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

– «Ранний, чуть видный рассвет...». Авторская дата: «27.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 184.

См.: 27 (14) сентября 1919.

– «Лампада скудная моей немой души...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 6 об.

См.: Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18.

Датируется по местоположению в тетради автографов.

– записывает десять стихотворных фрагментов: «Давно рассказана другими...», «Скитанья, вечные качанья...», «Сон жизни, дивный и картинный...», «В прорезы теплой синей тучи...», «Настанет день, когда опять войдет...», «На севере, против полночной луны...», «В пол-окна – канал зеленый...», «Старик, небритый и худой...», «Месяц встал над свежей и росистой...», «Вот ночь осенняя, вот на пустом балконе...». Авторская дата: «27.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 7–7 об.

См.: 5-й фрагмент – Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 98. С. 5; 8-й и 10-й фрагменты – Литературная Россия. М., 1987. 11 сентября (№ 37). С. 18. Все 10 фрагментов – *Библиотека поэта*. Т. 2. С. 273–274.

Сентябрь, 28. Бунин пишет стихотворения:

– «Смятенье, крик и визг рыбалок...». Авторская дата: «28.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 121.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.
Роза Иерихона. С. 271.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

– «Мы рядом шли, но на меня...». Авторская дата: «28.IX.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 120.
РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1.

См.: 27 (14) сентября 1919.

Сентябрь, 29. Бунин пишет стихотворение «Белые круглятся облака...». Авторская дата: «29.IX.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 186.

См.: Общее дело. Париж, 1921. 3 февраля (№ 203). С. 2.

Бунин читает сочинения А.А.Фета.

В дневнике он записывает: «Все читаю Фета. Как много говна!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 42.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «И.А. пишет сейчас стихи и потому часто говорит о поэзии. Говорил о Фете. Говорит, что пора, наконец, составить книгу действительно замечательных стихотворений русских поэтов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 258.

Сентябрь, 30. Бунин пишет стихотворение «Мы сели у печки в прихожей...». Авторская дата: «30.IX.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 187.

См.: Руль. Берлин, 1920. 25 декабря (№ 34). С. 3.

Гуляя, Бунин наблюдает за осенней природой; читает газеты.

В дневнике он пишет: «Гуляли. <...> Поразил осинник на мысу — совершенно оранжевый <...>. Все, весь лес необыкн<овенно> сух, шуршит, и непередаваемо прекрасный запах подожженных сушью, солнцем листьев. <...>

Говорил, как ничтожно искусство!

Поразила декларация правительства, начало: анархия разлилась от Корнилова! О негодяи! И все эти Кишкины, Малянтовичи! Ужасны и зверства и низость мужиков, легендарны».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 43.

В «Декларации Временного правительства» (Власть народа. 1917. 27 сент. (№ 127). С. 1), в частности, говорилось: «В жизнь нашей родины вновь внесена глубокая смута. Несмотря на быстрое подавление выступления генерала Корнилова, вызванные им потрясения угрожают самому существованию Российской республики. Волны анархии проносятся по стране».

Н.М.Кишкин — врач, один из лидеров партии кадетов; в 1917 г. входил в состав Временного правительства. П.Н.Малянтович — адвокат, министр юстиции Временного правительства.

Сентябрь, 23...30. Выходит сборник переводов О.Жихаренко (Купянск, 1917), в котором помещается перевод рассказа Бунина «Псальма» на украинском языке.

Границы события определены по: *Книжная летопись*.

Сентябрь. Выходит № 1 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 58–59) помещаются цитаты из рецензий на книгу «Поэзия Армении» (М., 1916).

Выходит № 3 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 49–51) приводятся цитаты из рецензий на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916).

Выходит выпуск 17–18 журнала «Известия Московского Литературно-художественного кружка», в котором (с. 72–73) в рубрике «Библиография» печатается рецензия А.Попова на отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1916).

Рассказав сначала о самой поэме и ее авторе, рецензент далее отмечает: «Не приходится говорить о высоких достоинствах перевода поэмы. И.А.Бунин прекрасными стихами передал прелесть подлинника, верно отразил чувства дикаря, природу и ее девственную красоту. Перевод удостоен Императорской Академией наук премии имени А.С.Пушкина.

Научная ценность поэмы значительно повышается благодаря обстоятельному очерку такого знатока быта инородцев, каким является наш известный ученый этнограф В.И.Иохельсон. <...> Тринадцать иллюстраций, прекрасно исполненных на отдельных листах, увеличивают научную ценность книги, которая читается с интересом».

Октябрь, 1. Бунин пишет стихотворения:

— «Сорвался вихрь, промчал из края в край...». Авторская дата: «1.X.17».

Датируется по: *Избранные стихи* (с. 206) и *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 188). В *Роза Иерихона* (с. 277) авторская дата: «4.X.17».

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

— «Осенний день. Степь, балка и корыто...». Авторская дата: «1.X.17».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.

Датируется по: *Избранные стихи* (с. 207) и *СС* (*Петр*). Т. 8. С. 189. В *Роза Иерихона* (с. 278) авторская дата: «4.X.17».

См.: 8 июня (26 мая) 1918, вторая запись.

Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Скородное к Победимовым.

В дневнике он пишет: «Ездили с Колей к Победимовым.

И снова мука! Лес поражает. Как он в два дня изменился: весь желто порыжел (такой издали)».

СС (*2*). Т. 8. С. 43.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «Опять светозарные дни. Ездили в Скор<одное> к П<обедимовым>. <...> И.А. <говорил>, что он чувствует бессилие передать то, что он видит. “Вот, напр., как сейчас, — как сказать обо всей этой красоте, как передать эти краски, за этим желтым лесом дубы, их цвет, от которого изменяется окраска неба. Это истинное мучение! Я прихожу в отчаяние, что не могу этого запомнить... Я испытываю мутность мысли, тяжесть и слабость в теле. Пишу, а от усталости текут слезы. Какая мука наше писательское ремесло. <...> В нашем ремесле ужасно то, что ум возвращается на старые дороги, возвращает опять и опять пов<торять>. А какая мука найти звук, мелодию рассказа, — звук, который определяет все последующее! пока я не найду этот звук, я не могу писать. А среди каких впечатлений мы живем! Среди какой мерзости и гнусности! По вечерам на меня нападает такая тоска, что я не могу ничем заниматься”».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 259–260.

Октябрь, 2. Бунин пытается сочинять.

В дневнике он отмечает: «Душа подавлена. Юлий, думы о том, что, м<ожет>, скоро опустеет совсем мир для меня — и где прежнее — беспечность, надежда на жизнь всего существа! И на что все! И еще — совсем отупела, пустая душа, нечего сказать, не пишу ничего, пытаюсь — ремесло, и даже жалкое, мертвое».

3 октября добавляет об этом дне: «Вчера в 3 часа с Колей в Осинов<ые> Дворы. <...> Были в Польском (деревушке). <...> Поразили живоп<исность> и уединение Логофет<овой> усадьбы. Сад, да и ближе деревья — главное рыже-бронзов<ое>. Наше родовое. Охватила мысль купить. <...>

Вчера в полдень разговор с солдатом Алексеем — бешено против Корнилова, во всем виноваты начальники <...>. Младенцы, полуживотная тьма!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 43–44.

Октябрь, 3. Бунин сочиняет стихотворения:

— «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...». Авторская дата: «3.X.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 190.

См.: Современные записки. Париж, 1924. № 21. С. 193.

— «Восход луны» («В чаще шорох потаенный...»). Авторская дата: «3.X.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 6 об.

См.: Руль. Берлин, 1924. 29 июня (№ 1084). С. 2.

— «В пустом, сквозном чертоге сада...». Авторская дата: «3.X.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 6.

См.: *Митина любовь*. С. 188.

Посылает 6-й том «Полного собрания сочинений» (Пг., 1915) А.С.Белоруссову (Билевскому).

Данный экземпляр неизвестен. См.: 5 октября 1917, третья запись.

В дневнике он записывает: «Нынче хорошее настроение, написал 2 стихотворения, потер, нравятся.

Гулял в Колонтаевку, послал утром книгу Белевскому (последний том “Нивы” в переплете).

Нет никого материальней нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пья, не преследуют вкуса — лишь бы нажраться. Бабы готовят еду с раздражением. А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! Попробуй-ка введи обязат<ельное> обучение! С револьвером у виска надо ими править. А как пользуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук <...>. Злой народ! Участвовать в общ<ественной> жизни, в управлении государств<ом> — не могут, *не хотят* за всю историю.

Прогулка в Колонтаевку была дивна. Какая сине-зеленая зелень пихт не пожелтевших! <...>

Интеллигенция не знала народа».

4 октября добавляет в дневнике об этом дне: «Вчера было радостное возбуждение — подумал: будет дождь. Так и есть. С утра очень тихо, дождь. Щеглы на “главном” клене».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 45.

Октябрь, до 4. Выходит сборник «У рек вавилонских. Национально-еврейская лирика в мировой поэзии» (сост. Л.Б.Яффе. М.: Сафрут, 1917), в котором (с. 15–18) помещаются три стихотворения Бунина: «Долина Иосафата» («Отрада смерти страждущим дана...»), «Гробница Рахили» («И умерла, и схоронил Иаков...»), «Иерусалим» («От Галгала до Газы — сказал проводник...»).

Граница события определена по рецензии на книгу в газете «Русские ведомости» (4 окт. (№ 226). С. 6). Бунин в рецензии не упоминается.

Октябрь, 4. Бунин пытается писать стихи; читает сочинения А.А.Фета.

В дневнике он отмечает: «Все читаю Фета (море пошлого, слабого, одно и то же), пытаюсь писать стихи. Убожество выходит! Онанизм — и бессильный».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 45.

В.С.Миролюбов пишет Бунину:

«Не дадите ли мне для первых книжек рассказ и стихов? <...> Очень хотелось бы выпустить первые книжки следующего года с чем-нибудь Вашим.

Рад был бы повидаться с Вами».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156. л. 12.

Октябрь, 1...4. Бунин просит в письме П.А.Нилуса выслать фунт табаку в Москву, а также сообщает о подготовке его книги «На берегу моря»:

«Корректуру высылать тебе нельзя — далеко, будет задержка, а ты понимаешь, что это значит по нынешним временам, когда так завалены типографии, когда каждая минута дорога! Присылают мне, я возвращаю в тот же день.

Ужаснее корректуры за всю жизнь не видал!»

Письма (*2*). С. 400–401.

Октябрь, 5. Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Предтечево к В.С.Муромцеву.

См. дневник Н.А.Пушешникова — ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 269.

Н.А.Пушешников пишет Ю.А.Бунину из Глотово:

«Живем пока слава Богу, тихо и спокойно; мужики пока не беспокоят, хотя слухи о “Варфоломеевской ночи” не прекращаются. Мужики думают, что она непременно будет. Впрочем, есть теперь другое течение — недовольство новым правительством. <...> Мы, конечно, живем в тревоге — после чтения газет особенно тоска съедает. Планов на будущее мы пока не строим, ничего у нас не решено и ничего мы не знаем. Да и куда деваться? В Москву? А что кушать? <...> Судорожный <Бунин>

пишет, кажется, стихи, но как будто не доволен ими. Сейчас иду с И.А.<Буниным> в Предтечево, к Муром<цевым>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 9067 оф.

С 25 сентября 1917 г. начало работать Третье коалиционное правительство.

Бунин посылает П.Н.Милюкову 5 и 6 тома Полного собрания сочинений (Пг., 1915, в одном переплете) с дарственной надписью:

«Павлу Николаевичу Милюкову в знак глубокого уважения Ив.Бунин 1.X.1917».

РНБ, Л30 Б-3/166-5, 6

В дневнике он записывает: «Ездил с Колей к Муромцевым. Как хороша его усадьба с этими деревьями в остатках осенней листвы <...>. – Послал книгу Милюкову. (Дня три тому назад – Белоруссову)».

СС (*2*). Т. 8. С. 45–46.

См.: 3 октября 1917, вторая запись.

Бунин сообщает в письме Ю.А.Бунину, что на днях послал письмо Е.Д.Кусковой и приводит его текст, а также пишет:

«Из “Нов<ой> жизни” меня, слава Богу, вычеркнули.

Живем как всегда. В конце октября собираемся в Москву».

Письма (*2*). С. 401.

См.: 20 сентября 1917, вторая запись; 25 сентября 1917, первая запись.

Октябрь, 6. Бунин посылает 5 и 6 тома «Полного собрания сочинений» (Пг., 1915) В.Л.Бурцеву, очевидно, с дарственной надписью.

Эти экземпляры неизвестны.

В дневнике Бунин пишет: «Рано, в 6, проснулся. Подавленное состояние. Отупел я, обездарел, как живу, что вижу! Позор! <...>

Послал книгу Бурцеву (всем одно – 5–6 томы “Нивы”).

Вчера читали записку Корнилова. И Керенск<ий> молчок! И общество его терпит!

<...> Так мертва, тупа душа, что охватывает отчаяние. <...>

Хам уже давно в рус<ском> обществе. Все, что было хамского, наглого, прохвостн<ого> в литературе за последние 20 лет – не то же ли, что теперь в общ<ественной> жизни? Что же, дивились словам Горького, Андреева, Скитальца? А теперь – Керенские, Гвоздевы!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 46.

Газета «Утро России» (3 окт. (№ 237). С. 2) публикует текст «Записки ген. Корнилова», в которой он последовательно пишет о своей деятельности с начала августа 1917 г. и о развитии событий конца августа 1917 г. В газете «Русское слово» (3 окт. (№ 225). С. 3) приводится полный текст «Записки ген. Корнилова» о его деятельности с 28 февраля по 28 августа 1917 г.

К.А.Гвоздев – из рабочих, в 1917 г. министр труда во Временном правительстве.

Октябрь, 7. Бунин получает письмо от Е.Д.Кусковой и отвечает ей. В.Н.Муромцева получает письмо Ю.А.Бунина.

Все эти письма неизвестны.

В дневнике Бунин пишет: «...проснулся нынче в 8. Несмотря на это, чувство тупости, растерянности еще сильнее. Утром письмо Юлия к Вере от 27 сент<ября>. <...> Письмо от Кусковой. Отвечаю».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 46.

Бунин в приписке к письму В.Н.Муромцевой к Ю.А.Бунину спрашивает о его здоровье; В.Н.Муромцева кратко сообщает о жизни в деревне и спрашивает о возможности приезда в Москву вместе с ними Н.А.Пушешникова.

Письма (*2*). С. 401–402.

Бунин пишет Ю.А.Бунину и убедительно просит его показаться хорошим врачам, а также спрашивает:

«Пропал, кажется, мой голос на выборах в Учред<ительном> собрании! Надеюсь быть в Москве во время выборов, но внесен ли я по Москве в списки? Здесь никому ничего неизвестно. Научи. <...>

Кускова прислала мне письмо — вывертывается. Я ответил ей очень ласково. Дела общ<ественные>, политические совсем раздавили мою душу. У меня полная безнадежность. Должно быть, в конце октября приеду с Верой и я».

Письма (*2*). С. 403.

12 марта 1917 г. создается Особое совещание для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, которые назначаются на 17 сентября 1917 г. Позднее выборы в Учредительное собрание переносятся на 12 ноября 1917 г.

См.: 9 декабря 1917.

Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Дорогой друг, прости, что так мало и редко пишу, — скверно себя чувствую, измотались нервы всем, что творится, донельзя, а тут еще новая беда — болен Юлий Алексеевич <...>. Я просто в отчаянии, — думаю, что это неизлечимо, и полон самых ужасных ожиданий.

Книгу твою набирают, но медленно-медленно — ты знаешь, что значит напечатать теперь книгу. Почти все твои поправки — за исключением явно нелепых, — то есть, очевидных описок, — я ввожу куда следует. И вообще — будет сделано все, о чем ты просил, — в меру сил, конечно.

Несколько дней тому назад просил тебя выслать 1 ф<унт> табаку в Москву <...>. Теперь прошу выслать и другой — оч<ень> боюсь, что искуришь и зарежешь меня: ведь для тебя-то куренье забава, а для меня далеко не шутка.

Пока сидим в деревне. Скверно и жутко порой, но что делать!»

Письма (*2*). С. 402.

Бунин вновь пишет А.С.Черемнову, спрашивая о его местонахождении и здоровье.

Письма (*2*). С. 402.

Октябрь, 8. Бунин отправляет письма Ю.А.Бунину, Е.Д.Кусковой, П.А.Нилусу, А.С.Черемнову. Едет в Скородное. Читает «Село Сте-

панчиково» Ф.М.Достоевского. Днем едет с Н.А.Пушешниковым в Прилепы.

В дневнике Бунин записывает: «Поехал один на дрожках в Скородное — круг обычный (начиная со стороны северной). Утро изумит<ельное>. <...> На просеке снова вдали дроги, лошадь — рубят! О, негодяи, дикая сволочь! Думал о своей “Деревне”. Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку — верь мне, я взял типическое. Да вообще пора свою жизнь написать, спустить шкуру со всей сволочи, какую видел, со всех этих Венгеровых и т.д. <...>

Понемножку читал эти дни “Село Степанчиково”. Чудовищно! Уже 50 страниц — и на йоту, все долбит одно и то же! Пошлейшая болтовня, лубочная в своей литературности! И какая гадина — всю жизнь об одном, “о подленьком, о гаденьком”!

В 3 часа поехали с Колей на Прилепы за конопляным маслом для замазки».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 47–48.

Октябрь, 10. Бунин пишет стихотворения:

— «Этой краткой жизни вечным измененьем...». Авторская дата: «10.X.17».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10, л. 2.
СС (*Петр*). Т. 8. С. 191.

См.: Общее дело. Париж, 1920. 23 октября (№ 100). С. 2.

— «Как в апреле по ночам в аллее...». Авторская дата: «10.X.17».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 192.

См.: Общее дело. Париж, 1920. 23 октября (№ 100). С. 2.

Бунин с Н.А.Пушешниковым уезжает на лошадях из Глотово в Ефремов.

В дневнике Бунин пишет 12 октября: «Позавчера мне исполнилось 47 л<ет>. Страшно писать, но порой и утешение мелькает — а м<ожет> б<ыть>, это еще ничего, м<ожет> б<ыть>, я преувеличиваю значение этих лет?

Позавчера утром поехал с Колей и Мишкой (полуидиот и плут, но ничего себе малый, на старый деревенск<ий> лад) в Ефремов. <...>

Приехали часа в 4. Евгений в кухне на печке со своим Арсиком. Когда зажгли огонь, прибежали дети Елизав<еты> Ильинишны Добровольской (Победимовой) — мальчик и девочка, мальчик хотел страстно видеть “живого писателя”; рассказали, что уже начался погром, которого давно ждали в Ефремове. Я пошел в парикмахерскую — слух вздорный, хотя действ<ительно> ждут с часу на час. <...>

В Ефремове газеты за 9 и 10. Открытие “Совета Республики”, пошлейшая болтовня негодяя К<еренского>, идиотская этой стервы-старухи Брешк<о>-Брешк<овской> <...>. Мерзавец жид Троцкий призывал собств<енно> к прямой резне».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 49–50.

Газета «Новое время» (8 окт. (№ 11492). С. 2) под общим заголовком «Открытие Совета Российской Республики» публикует тексты выступлений А.Ф.Керенского, Е.К.Брешко-Брешковской, других ораторов, а также Л.Д.Троцкого, который, выступая от большевиков, говорил, что Временный Совет состоит из корниловцев, и призывал к бдительности: «Войска Вильгельма угрожают Петрограду, а правительство бежит, чтобы превратить Москву в оплот контрреволюции. Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат. <...> мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России».

С 9 сентября 1917 г. Л.Д.Троцкий председатель Петроградского Совета. 2 октября 1917 г. создается Временный совет Российской Республики под председательством Н.Д.Авксентьева.

Октябрь, 12. Утром В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину из деревни:

«Ян <Бунин> и Коля <Пушешников> уехали в Ефремов на лошадях. Я второй день одна. <...> Сегодня приезжал к нам солдат: реквизируют овсяную солому».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3238/4 оф.

Сделав необходимые покупки, в час дня Бунин с Н.А.Пушешниковым уезжает из Ефремова в Глотово, куда прибывает вечером.

СС (*2*). Т. 8. С. 50.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «И.А. пишет стихи. Говорит, что если бы можно было еще пожить, то расписался бы совсем».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 27.

Октябрь, 13. Бунин готовится к отъезду в Москву, думает об Учредительном собрании; читает роман Д.С.Мережковского «Леонардо да Винчи».

В дневнике он отмечает: «Вот-вот выборы в Учредит<ельное> собр<ание>. У нас не единая душа не интересуется этим.

Рус<ский> народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив — где эта религиозность! А в каком жалком положении и как жалко наше духовенство! Слышно ли его в наше, такое ужасное время? Вот церковный собор — кто им интересуется, и что он сказал народу? Ах, Мережковские, м.!

Понемногу читаю “Леонардо да Винчи” Мережковского. Ужасный “народился” разговор. Длинно, мертво, натащено из книг. Местами недурно, но почем знать, м<ожет> б<ыть>, ворованное! Несносно долбленье одного и того же про характер Леонардо, противно-слащаво, несносно, как он натягивает все на свою идейку — Христос — Антихрист!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 50.

Всероссийский поместный собор (первый с конца XVII в.) открылся в Москве 15 августа 1917 г. в Успенском соборе Московского кремля. Собор заседал больше года, до 7 (20) сентября 1918 г.

Октябрь, 15. Бунин идет на выборы волостного земства.

В дневнике он отмечает: «В школе выборы в волостное земство. Два списка — № 1 и № 2. Какая между ними разница — ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что разница в том, что № 1 “больше за нас”».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 51.

См. также: 18 октября 1917, вторая запись.

Октябрь, 16. Бунин сообщает П.А.Нилусу о продолжении работы по изданию его книги «На берегу моря» и пишет:

«В Одессу на зиму? И это серьезно? Но, дорогой, где же там жить, что есть? (Хотя я, вообще, не понимаю — где мы будем жить и что будем есть! Серьезно — трагическое положение!) <...> В деревне невыносимо и оч<ень> жутко».

Письма (*2*). С. 403.

Октябрь, 18. Бунин читает сочинения Н.С.Лескова.

В дневнике он отмечает: «Чувствую себя, дай Бог не сглазить, все время хорошо, но пустота, бездарность — на редкость. <...>

Прочел Лескова “На краю света”. Страшно длинно, многословно, но главное место рассказа — оч<ень> хорошо! Своеобразный, сильный человек!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 52–53.

В.Н.Муромцева пишет Ю.А.Бунину из Глотово:

«Наши из Ефремова приехали, на Яна <Бунин> эта поездка подействовала хорошо. Он очень полюбил Арсика <внебрачный сын Е.А.Бунина>, все плюется и говорит, “как бы не сглазить этого ангела”. В воскресенье <15 октября> были здесь выборы в волостное земство. Мы ходили в школу. <...> Прошел у нас, конечно, № 1 <список партии социал-революционеров>, ибо агитация велась очень сильно, причем никто не понимал за кого голосует <...>. Настроение у мужиков к буржуям и господам явно враждебное».

ОГЛМТ, ф. 17, № 3229 оф.

Октябрь, 19. Бунин собирается в Москву, едет с В.Н.Муромцевой на почту в Измалково отправлять вещи.

СС (*2*). Т. 8. С. 53.

В письме Бунин спрашивает Ю.А.Бунина о причине его молчания и состоянии здоровья, сообщает, что послали М.А.Ласкаржевской 60 рублей на картофель и пишет:

«Какого черта в стуле натворило правительство с этим въездом в Москву! Ну, правительство! <...>

Как же нам въехать в Москву? Главное — Коле <Н.А.Пушешникову>? помогите!! Да поскорее».

Письма (*2*). С. 403–404.

С 14 октября 1917 г. въезд в Москву без специального разрешения был запрещен; проживающим в Москве постоянно разрешения выдавались свободно.

Октябрь, 20. Бунин с Н.А.Пушешниковым едет в Предтечево к В.С.Муромцеву. Читает сочинения А.И.Эртеля.

В дневнике он отмечает: «Нынче ездили с Колей в Предтечево — говорить по телефону в Елец с комиссаром о въезде в Москву (наш телефон все портят). <...> Были в потребиловке (мерзко!), в волости. Воззвания правительства на стенах. О, как дико, как не связано с жизнью и *бесполезно*! <...>

В Предтечеве возле потребиловки встреча с девицами Ильиными. Леля сказала, что на "Среде" Зилов читал на меня пародию. Гадина!

Читаю "Волхонскую барышню" Эртеля. Плохо. Мужицкий язык, по частности верен, но в общем построен литературно, лживо. И потом, эта тележка, ныряющая по грязи, лукавая пристяжная, и заспанный мальчик, ковыряющий в носу... Никогда не скажет: "надел пальто", а всегда — "облачившись в пальто"».

СС (2). Т. 8. С. 53.

Октябрь, 21. Бунин продолжает собираться в дорогу. Читает Ф.Ницше, Г.И.Чулкова.

В дневнике он записывает: «Возился весь день — укладывался. Завтра Казанская, могут напиться — вся деревня варит самогонку — все может быть. Отвратит<ельное>, унизит<ельное> положение, жутко.

В языке и умах мужиков все спуталось. — Никто, впрочем, не верит в долготу этого "демократ<ического> рая".

В 1905 году поэты все писали стихи про кузнецов.

Читал отрывки из Ницше — как его обворовывают Андреев, Бальмонт и т.д.

Рассказ Чулкова "Дама со змеей". Мерзкая смесь Гамсуна, Чехова и собственной глупости и бездарности».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 53–54.

Октябрь, до 22. Бунин пишет стихотворение «Венком из мирта освежал я...».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 9.

Ранняя редакция стихотворения «Венки» («Был праздник в честь мою, и был увенчан я...»). См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57. С. 5.

Граница события определена по времени отъезда Бунина из Глотово и по местонахождению автографа в тетради стихотворений за 1917 г.

Октябрь, 22. Бунин пишет стихотворение «Звезда дрожит среди вселенной...». Авторская дата: «22.X.17. Васильевское».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 23, л. 10.
РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Бунины получают известия о погромах в деревнях.

В дневнике Бунин пишет: «Во 2-м часу пленный из Предтечева, верхом — громят Глотову. <...> Через час — пьяный мужик из Предтечева: "Там все бьют, там громят, мельницу Селезневскую разнесли... Уезжайте скорее!" Цель — разносит слухи, оповещает всех, хотя прикидывается возмущенным, и кроме того всюду берет на водку. Мой рубль швырнул — "я тебе сам 5 целков<ых> дам!" Я заорал, он струсил, взял рубль. С 2 ½ дня до 3 ночи я убирался, заснул 2 часа».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 55.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «22 октября: Первое известие о погромах за Предтечевым. <...>. Волнение среди местной интеллигенции. Сборы».

Дневники. Т. 1. С. 168.

См. также: 3 ноября (21 октября) 1918.

Октябрь, 23. Рано утром Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым уезжает из Глотово в Елец. В Ельце останавливаются у В.К.Барченко.

В дневнике Бунин записывает: «...в 5 встал, в 7 выехали — я, Коля, Вера. Мишка и Антон сзади на телеге с вещами. Туман, дорога вся в ухабах из застывшей грязи, лошади ужасные. До большой дороги была мука. Под Становой остановились, закусывали, баб 30 из Кириловки, идут в Становую что-то получать (солдатки, кажется). Завязался разговор. Я выпил — иначе такой глупости не сделал бы. Злоба — "вы, буржуи, капиталисты, войну затеяли". Да, началось с насмешки над нами: "А плохо вам теперь!" Я сказал — "погоди, через месяц и вам будет плохо". — "А! вот как! Значит, ты знаешь! Почему же это нам будет плохо? Говори!" <...> О, позор, о, жуткое чувство! <...> Я вильнул — "через месяц Учредит<ельное> собрание" — собрал вожжи и поскорее ехать. Возле шлагбаума колесо рассыпалось. До Ельца пешком — тяжко! Жутко! Остановят, могут убить. В Ельце все полно. Приютили нас Барченко. Вечером <...> у нас гости, я говорил лишнее, — выпил».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 55–56.

В.Н.Муромцева в дневнике записывает: «Бегство на заре в тумане. Пленные. Последний раз Глотово, Озёрки, Большая дорога... Бабы: "войну затеяли империалисты". Бешеная езда. Рассыпалось колесо. Семь верст пешком в валенках и шубах. Елец. Ни единой комнаты ни в одной гостинице».

Дневники. Т. 1. С. 168.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «...выехали еще в полном мраке, пахнущем изморозью. На деревне еще спали. Ничего и никого. Ни одного огня. <...> За Озёрками поехали по большой дороге. Стали попадаться солдаты, подозрительно на нас посматривали. Когда подъезжали к Становой, нам повстречались девки и бабы. Они шли, орали песни, толпой человек в 20. Когда мы поравнялись с ними, и закричали и зацикали на нас.

<...> Они столпились у оглобель, так что стало невозможно ехать. И.А. зверел. Лошади остановились.

— Господи! — сказала курносая баба. — На них бы солдатов.

— Отходи! — крикнул И.А. и вынул браунинг. — Слышишь, что говорю. Перестреляю, е<...> вашу мать.

Бабы и девки оторопели. Но курносая сказала: "Орудием хочет. Машка, беги за мужиками. Вон в лозняке". Несколько девок побежало к лознякам, находившимся в полуверсте.

— Однако, дело дрянь, — сказал мне И.А. Он намотал вожжи и взял арапник и изо всех сил вытянул коренную и потом пристяжку. Лошади как бы упали вниз и понесли. Бабы раздались и открыли дорогу. Остановились мы только в семи верстах

от Ел<ьца>, когда у нас соскочило колесо. Пришлось заехать к кузнецу и прождать у него 1 ½ часа, пока он сваривал шину. В Е<льце> остановились у Б<арченко>. Вечером К. играл нам "Лорелею" и "Компанеллу" Листа».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 279–281.

Октябрь, 24. Бунины остаются в Ельце.

В дневнике Бунин отметил: «24-е пробыли в Ельце. Отовсюду слухи о погромах имений. <У> Вл<адимира> Сем<еновича Муромцева?> все Анненское разгромили. Жгут хлеб, скотину, свиней жарят и пьют самогонку. <...> У Ростовцева всем павлинам голову свернули».

СС (*2*). Т. 8. С. 56.

Октябрь, 25. Бунин с В.Н.Муромцевой, Н.А.Пушешниковым и Б.П.Орловым выезжает из Ельца в Москву.

В дневнике Бунин пишет: «25-го выехали вместе с Б.П.Орловым. В вагоне в проходе — солдаты».

СС (*2*). Т. 8. С. 56.
Дневники. Т. 1. С. 168.

Н.А.Пушешников пишет в дневнике: «Пробыли в Ельце два дня. Настроение здесь тревожное. Был слух, что Елец будут громить мужики. Говорили, что мужики из окрестных деревень окружали город. До Москвы ехали с Б.П.<Орловым>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 281.

Октябрь, 26. Бунин с В.Н.Муромцевой и Н.А.Пушешниковым приезжает в Москву; останавливаются в квартире родителей В.Н.Муромцевой по адресу: улица Поварская, д. 26, кв. 2.

В дневнике Бунин пишет: «26-го на Курском вокзале узнали, что в Москве <...> будет бой с большев<иками>. 2 извозчика — 40 р.».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 56.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «26 Москва. Первые слухи о восстании. Телефон к Телешовым. Спасение 8000 рублей. Обед и вечер у них. Возвращение пешком домой».

Дневники. Т. 1. С. 168.

25 октября 1917 г. в результате вооруженного восстания в Петрограде большевики захватывают власть; взят Зимний дворец; Временное правительство арестовано. Начинается вооруженное восстание в Москве.

26 октября в Петрограде II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принимает Декреты о мире и Декрет о земле, «Декларацию прав народов России», создается Совет Народных Комиссаров (СНК) Российской Советской Республики во главе с В.И.Лениным. Избирается новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) во главе с Л.Б.Каменевым; 8 ноября председателем ВЦИК назначается Я.М.Свердлов.

Октябрь, 27. Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у Н.Д. и Е.А.Телешовых.

В дневнике он пишет: «27-го был в городе — везде равнодушие <...>. В 5 — к Телешовым. Мимо трамвая — поп, народ, несли чудотворную икону.

На углу Пречист<енки> бабы — “больш<евики> стреляли в икону”. От Телешовых благополучно дошли, хотя казалось, по городу уже шла стрельба».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 56.

Е.А.Телешова в дневнике отмечает: «27-го у нас обедали Бунины и Н.Н.Алексеев. Когда они ушли Юлий <Бунин> сказал по телефону, что началась стрельба».

МКТ.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «27 — Начало большевиц. восстания. Горький у Ек<атерины> П<авловны>. Отказ Яна позвонить ему».

Дневники. Т. 1. С. 168.

См.: 29 октября 1917, первая запись.

В Москве отряды офицеров, юнкеров, студентов оказывают вооруженное сопротивление большевистскому перевороту.

Октябрь, 28. Бунин с В.Н.Муромцевой выходит на улицы города.

Бунин в дневнике пишет: «28-го мы стрельбы почти не слыхали, выходили. Все было ожидание, что их скоро задавят. Слухов — сотни <...>».

СС (*2*). Т. 8. С. 56.

В этот день юнкера заняли Московский Кремль. К вечеру революционные силы блокируют центр Москвы.

Октябрь, 29. Бунин отказывается говорить с А.М.Горьким по телефону и порывает с ним все отношения.

В дневнике от 30 октября Бунин отмечает: «Вчера уже нельзя было выходить — стрельба. <...> Горький, оказывается, уже давно (д<олжно> б<ыть>, с неделю) в Москве. Юлий мне сказал позавчера, что его видели в “Летучей мыши”, — я не поверил. Вчера Вера говорили с Кат<ериной> Павл<овной>, по телефону. К<атерина> П<авловна> <...> сказала, что А<лексей> М<аксимович> у нее, что если я хочу с ним поговорить и т.д. Но мне он так мерзок, что я не хочу».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 54, 56.

В эмиграции Бунин вспоминает: «Вскоре после захвата власти большевиками он <Горький> приехал в Москву, остановился у своей жены Екатерины Павловны, и она сказала мне по телефону: “Алексей Максимович хочет поговорить с вами”. Я ответил, что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными».

СС (*2*). Т. 8. С. 254.

В Москве продолжается вооруженное восстание: баррикады и окопы, вооруженная борьба за центр города. Вечером начинается артиллерийский обстрел Кремля.

Октябрь, 30. Бунин дежурит в вестибюле дома на Поварской улице в связи с продолжающимися уличными боями в Москве.

В дневнике Бунин записывает: «Проснулся в 8 — тихо. Показалось, все кончилось. Но через минуту, оч<ень> близко — удар из орудия. Минут через 10 снова. Потом щелканье кнута — выстрелы. И так пошло на весь день.

Иногда с час нет оруд<ийных> ударов, потом следуют чуть не каждую минуту — раз 5, 10. <...>

Часа в 2 в лазарет против нас пришел автомобиль — привез 2-х раненых. Одного я видел <...>. Потрясло. Ужас, боль, бессильная ярость. <...> Идут будто бы разговоры между представ<ителями> всех соц<иалистических> партий вкупе с большевик<ами>, чтобы помириться на однородн<ом> социал<истическом> кабинете. Если это состоится, значит, большев<ики> победили. Отчаяние! Все они одно. И тогда снова вот-вот скандалы, война и т.д. Выхода нет! Чуть не весь народ за “социальн<ую> революцию”. <...>

У нас в вестибюле дежурство, двери на запоре, все жильцы и “дамы” целый день галдят, врут, женщины особенно. Много евреев, противных.

Изнурился от безделья, ожиданья, что все кончится вот-вот, ожидания громил, — того, что убьют, ограбят. Хлеба дают ¼ ф<унта>. А что на фронте? Что немцы? Боже, небывалое в мире зрелище — Россия!

<...> В 9 часов <вечера> погасло электричество <...>. Я дежурил от 6 до 7».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 54–56.

Октябрь, 31. Бунин дежурит в подъезде дома.

Бунин в дневнике пишет: «Телефон для частных лиц выключен. Электричество есть. Купить на еду ничего нельзя. <...>

12 ч. дня. Прочел “Соц<иал->демократ” и “Вперед”. Сумасшедший дом в аду.

1 ч. Орудийн<ые> удары — уже штук 5, близко. Снова — в минуту 3 раза. <...>

7 ½ часов вечера. За день было оч<ень> много орудийных ударов (вернее, все время — разрывы гранат и, кажется, шрапнелей), все время щелканье выстрелов, сейчас где-то близко грохотал по крышам тяжкий град — чего? — не знаю.

От 3 до 4 был на дежурстве. Ударила бомба в угол дома Казакова возле самой панели. Подошел к дверям подъезда (стеклянным) — вдруг ужасающий взрыв — ударила бомба в стену дома Казакова на четверт<ом> этаже. А перед этим ударило в 5 этаж возле черной лестницы (со двора) у нас. Перебило стекла. <...> День тяжелый, напряженный. Все в напряжении, и все всё ждут помощи. Но в то же время об общем положении России и о будущем никто не говорит, — видимо, это не занимает.

Хочется есть — кухарка не могла выйти за провизией (да и закрыто, верно), обед жалкий.

Лид<ия> Федор<овна Муромцева> чудовищно невыносима. Боже, как я живу!

Опять убирался, откладывал самое необходимое — может быть пожар от снаряда. <...>

Москву расстреливают — и ниоткуда помощи! А Дума толкует о социалист<ическом> кабинете! <...>

Почти 12 ч. ночи. Страшно ложиться спать. Загораживаю шкафом кровать».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 57–58.

Октябрь. Выходит № 4 московского журнала «Бюллетени литературы и жизни», в котором (с. 53–55) помещаются цитаты из рецензий на 7-й сборник «Слово».

Ноябрь, 1. Бунин читает газеты, наблюдает за происходящими событиями.

Бунин отмечает в дневнике: «Весь день не переставая орудия, град по крышам где-то близко и щелканье. Такого дня еще не было. Серый день. Все жду чего-то. Истомился. Щелканье кажется чьей-то забавой. Нынче в третьем часу, когда вышел в вестибюль, снова ужасающий удар где-то над нами. Пробегают не то юнкера, не то солдаты под окнами у нас — идет охота друг на друга.

Читал только “Социал-демократ”. Ужасно. <...>

Читал “Р<усские> в<едомости>” за 21, 22, 24, 25. Сплошной ужас! В мире не было такого озверения. <...>

Ходил в квартиру чью-то наверх, смотрел пожар <...>».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 58.

Ноябрь, 2. Бунин дежурит в вестибюле дома.

Бунин отмечает в дневнике: «Полная неизвестность, что в Москве, что в мире, что с Юлием! Два раза дежурил.

Народ возненавидел все.

Положение нельзя понять. Читал только “Социал-дем<ократ>”. Потрясающий №! Но о событиях нельзя составить представления.

Часов с 6 вечера стрельбы из орудий, слава Богу, чтобы не сглазить, что-то не слышно.

11 ч. вечера. Снова два оруд<ийных> удара».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 58.

Ноябрь, 3. Вооруженное восстание в Москве завершается победой большевиков.

К Буниным приходят Ю.А.Бунин и Н.А.Пушешников.

Бунин записывает в дневник 4 ноября: «Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни. Да, позавчера был подписан в 5 ч. “Мирный договор”. Вчера часов в 11 узнал, что большевики отбирают оружие у юнкеров. Пришли Юлий, Коля. Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль — требовать оружие. Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город. <...> Три раза приходили, вели себя нагло. Выйдя на улицу после этого отсиживания в крепости — страшное чувство свободы (идти) и рабства. Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный, грязный.

Москва мерзка как никогда. Ходил по переулкам возле Арбата. Разбитые стекла и т.д. <...>

Заснул около 7 утра. Сильно плакал. 8 месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего!

Разгромили людоеды Москву!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 58, 60.

В статье «В этот день» Бунин пишет: «Третьего ноября Каин России, с безумно-радостным остервенением бросивший за тридцать сребреников уже всю свою душу под ноги наемных злодеев, восторжествовал полностью. Москва, целую неделю защищаемая горстью юнкеров, целую неделю горевшая и сотрясавшаяся от канонады, сдалась, смирилась. Все стихло, все преграды пали — победители свободно овладевали ею, каждой ее улицей, каждым ее жилищем и уже водружали свой стяг над ее оплотом и святыней, над ее Кремлем. После недельного плена в четырех стенах, без воздуха, почти без сна и пищи, с забаррикадированными дверями и окнами, я шатаясь вышел из дому, куда, наотмашь швыряя двери, с ледяным сырым ветром, уже три раза врывались, в поисках врагов и оружия, ватаги “борцов за светлое будущее”, совершенно шальных от победы, водки и ненависти, с пересохшими губами и дикими взглядами, с браунингами в руках, с винтовками через плечо. Вечерел темный, короткий, ледяной и мокрый день поздней русской осени, хрипло кричали вороны. Москва, жалкая, грязная, обесчещенная, расстрелянная и уже покорная, принимала будничный вид. Поехали извозчики, потекла по улицам торжествующая московская чернь. Я постоял, поглядел — и воротился домой. А ночью, оставшись один, будучи от природы весьма мало склонным к слезам, я вдруг заплакал, и плакал буквально до самого рассвета, плакал такими жгучими и обильными слезами, которых я даже и представить себе не мог».

2 ноября 1917 г. артиллерийский обстрел Кремля большевиками усилился; для прекращения кровопролития был заключен «мирный договор» — соглашение об окончании деятельности Комитета Общественной безопасности, разоружении юнкеров, кадетов и сдачи Кремля большевикам; 3 ноября вся власть в Москве переходит к Военно-революционному комитету. Текст «Мирного договора» см. в газете «Утро России» (8 нояб. (№ 237). С. 4).

См.: 8 октября (25 сентября) 1919, вторая запись.

Ноябрь, 4. К Буниным приходят Ю.А.Бунин, Д.А. и Н.А.Пушешниковы, все идут в «Книгоиздательство писателей в Москве».

В дневнике Бунин пишет: «Были Юлий, Митя, Коля, пошли в книгоиздательство. Заперто. Богданов. У Никитских ворот ужас, цинизм!!

Вечером был у Пушешников<ых>. Купил “Нов<ую> жизнь” несколько №. Сейчас читал № от 3-го. О негодяи! Как изменили тон! Громят большевиков. Луначарский мерзавец. <...> О, Боже!

Вишневский из Мал<ого> театра говорил, как запаскудили Малый театр.

Разгромлен, разграблен Зимний дворец. Из Москвы бегут — говорят о “Варфоломеевской ночи”. 8 месяцев!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 60.

В газете «Новая жизнь» (3 нояб. (№ 171). С. 1) печатается заявление А.В.Луначарского о своем выходе в отставку из Совета Народных комиссаров в знак протеста против продолжающегося разрушения культурных ценностей Москвы и Петрограда. Заголовки статей в этом номере газеты: «Преступное замедление», «Политическая трусость», «Неудачное списывание», «Записки из подполья», «Против большевистской власти». Все эти статьи направлены против большевистского переворота.

Ноябрь, 7. Бунин сообщает П.А.Нилусу в открытке:

«Мы с 26-го окт. в Москве.

Живы, здоровы. Адрес:

Москва, Поварская, 26. кв. 2».

Письма (*2*). С. 404.

Ноябрь, 9. К Бунину приходит Н.А.Пушешников.

В дневнике Н.А.Пушешников записывает: «Зашел к И.А. Выпили с ним 2 бут<ылки> красного вина с сыром. И.А. говорил, что он плачет каждую ночь, что он не может заснуть до 7 утра».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 290.

Ноябрь, 10. Бунин наблюдает за организацией похорон в Москве у Кремлевской стены погибших большевиков.

В дневнике от 11 ноября Бунин пишет: «Вчера хоронили “борцов” большевиков. <...> солдаты и “кр<асная> гвардия” возвращались с похорон по Поварской, между прочим. Вид — пещерн<ых> людей.

Среди Москвы зарыли чуть не 1000 трупов.

Вчера самое ошеломляющее: Ленин сместил Духонина, назначил верх<овным> главн<окомандующим> Крыленко. Да, полтавский жиденок Троцкий за Россию заключает мир! Того хочет сам русский народ!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 60.

7 ноября 1917 г. московский Военно-революционный комитет принимает решение похоронить погибших большевиков у Кремлевской стены в братских могилах. 13 ноября состоялось отпевание и похороны юнкеров на Братском кладбище в Москве. См. объявление в газете «Утро России» (12 нояб. (№ 260). С. 3).

Генерал-лейтенант Н.Н.Духонин, с 1 ноября 1917 г. исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией, 9 ноября был смещен с этого поста В.И.Лениным, главковерхом был назначен прапорщик Н.В.Крыленко. Нарком иностранных дел Л.Д.Троцкий (Бронштейн) в начале ноября 1917 г. пытается наладить контакты с посольствами союзных держав, рассылает ноты с предложениями о мире, которые правительствами стран Антанты и США не были приняты. Переговоры о перемирии были открыты в Брест-Литовске 20 ноября 1917 г.

Ноябрь, 17. Бунин заходит в «Книгоиздательство писателей».

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает: «В 6 в<ечера> в К<нигоиздательст>ве пис<ателей>. И.А. спорил с И.С.Шмел<евым> о повести Самсонова».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 292.

Ноябрь, до 18. Бунин пишет стихотворение «Канарейку из-за моря...».

Граница события определена по автографу в альбоме И.В.Репина. См.: 18 ноября 1917.

См.: Общее дело. 1921. 16 мая (№ 304). С. 2.

Ноябрь, 18. Бунин вписывает в альбом И.В.Репина стихотворение «Канарейку из-за моря...». Авторская дата: «Москва. 18.XI.1917».

РГАЛИ, ф. 1279, оп. 3, ед. хр. 1, л. 6.

В *Роза Иерихона* (с. 291) авторская дата: «10.V.21».

Ноябрь, 21. Бунин узнает об убийстве Н.Н.Духонина, о возведении на престол Патриарха Тихона.

В дневнике Бунин пишет: «Сижу один, слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, муть сладкую сна жизни, чувственность — ощущение запахов и пр. — это не так просто, в этом какая-то суть земного существования. Передо мной бутылка № 24 удельного. Печать, государств<енный> герб. Была Россия! Где она теперь. О Боже, Боже.

Нынче ужас, цинизм. Убит Духонин, взята ставка и т.д.

Возведен патриарх "*всея Руси*" на престол нынче — кому это нужно?!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 60.

20 ноября 1917 г. Н.Н.Духонин сдал ставку в Могилеве прибывшему туда Н.В.Крыленко. В тот же день Н.Н.Духонин был зверски убит революционными солдатами и матросами.

28 октября 1917 г. решением Всероссийского Поместного собора восстанавливается патриаршество в Русской православной церкви. 5 ноября на Всероссийском поместном соборе митрополит Тихон избран Патриархом Московским и всея Руси; 21 ноября Патриарх Тихон возведен на престол.

Ноябрь, до 26. Выходит № 8/10 петроградского журнала «Русское богатство», в котором (с. 317–319) помещается рецензия А.Г.Горнфельда на книгу «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (М., 1916). Без подписи.

Рецензент пишет: «Сборник назван по заглавию открывающего его рассказа, который некоторые считают лучшим из произведений Бунина. Рассказ в самом деле хорош: силен, сжат, выразителен, его возвышенная основная мысль также подкупает как его законченная, чеканная форма. Однако хотелось бы, чтобы Бунин писал не такие рассказы и чтобы "Господин из Сан-Франциско" остался одинокой в его творчестве ступенью, на которую ступил в своем развитии художник и которую он все же оставил позади. Рассказ хорош, но он страдает недостатками своих достоинств, как говорят французы. Противоположение между поверхностным блеском современной внешней культуры и ее ничтожеством пред лицом смерти выражено в рассказе с захватывающей силой, но оно исчерпывает его до дна. Образ героя — пожилого американца миллионера — конечно, намеренно выдержан в тонах общей типичности; но нельзя безнаказанно играть символами: символы, столь несомненные, столь общепринятые, становятся схемами. <...> Образ господина из Сан-Франциско требовал той атмосферы безучастия и холодка, которою его окружает Бунин, и это не случайно, необходимая жесткость лишает сложности впечатление, производимое рассказом.

В том же направлении действует его форма, она не только закончена, как сонет, она полна внутреннего напряжения, кажется, что выбрось хоть одно из этих звучных абсолютно необходимых, творчески найденных слов, — и все великолепное строение рассказа рассыпется, как свод, лишенный одного из своих камней. <...> В других рассказах Бунина — <...>, как бы мрачен ни был их сюжет, чувствуешь себя на вольном воздухе; "Господин из Сан-Франциско" погружает в безвоздушное пространство. Так воздушна картина и безвоздушен орнамент. А Бунин слишком реалист, слишком жадный ловец многообразия жизни, чтобы — даже после удачного опыта — застыть в мертвенности условной формы и повелительной тенденции. В этом убеждают прочие его рассказы сборника — кроме разве "Аглаи" и "Песни о гоце", <...> рассказ <"Аглая"> ясен, но в нем есть те темные глубины, которые так привлекательны в художественной работе и которых нет в "Господине из Сан-Франциско". Эти два рассказа как бы намеренная антитеза на той общей почве, которую всегда предполагает антитеза. <...>

Ясны выводы, подсказываемые этими рассказами, и нет этой публицистической ясности в других рассказах сборника, — и это связано с достоинствами последних. Они сильны не сосредоточенностью основной мысли, а правдивостью и широтой жизненного размаха. В "Аглае" и "Господине из Сан-Франциско" тезис на первом плане, а психология на втором; в "Казимире Станиславовиче" и "Легком дыхании" психология заполняет всю перспективу рассказа; из него не выносишь никакой готовой жизненной философии, но выносишь углубленное впечатление жизни. <...> Но "Легкое дыхание" это как бы символ той атмосферы, которой полны эти рассказы и которую мы несмотря ни на что, считаем наиболее естественной для Бунина».

Авторство установлено по: *ЛН*. Т. 87. С. 689.

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (26 нояб. (№ 259). С. 1).

Ноябрь, 30. Бунин пишет А.Н.Тихонову, спрашивая о положении дел с печатанием Собрания сочинений в издательстве «Парус».

Письмо неизвестно. См.: 8 декабря 1917.

Октябрь...Ноябрь. В недатированном письме на бланке издательства «Творчество» С.М.Абрамович сообщает Бунину:

«Получил корректуру Вашего рассказа <"Сны Чанга"> и посылаю Вам для просмотра. Оригинал остался в Петрограде, почему я и не мог сверить с ним. Сужу по другим корректурам и думаю, что ошибок очень много. <...>

Пользуюсь случаем показать свои стихи, о которых Вы так лестно для меня отзывались».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 325, л. 1.

Границы события определены по времени выхода в свет альманаха. См.: 5...11 декабря 1917.

Декабрь, 1. Бунин присутствует на собрании Клуба московских писателей (Клуб Московского союза писателей). На собрании принимается решение издать однодневную газету «Слову — свобода!».

Присутствуют также: В.М.Волькенштейн, М.О.Гершензон, И.В.Жилкин, Б.К.Зайцев, А.Р.Крандиевская, Н.В.Крандиевская, В.А.Крандиевский, В.Н.Ладыженский, И.А.Новиков, М.А.Осоргин, Г.А.Рачинский, А.Соболь, А.Н.Толстой и др.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 69.

Декабрь, 3. Бунин принимает участие в заседании литературного кружка «Среда», на котором Б.А.Пильняк читает свои новые рассказы «С последним пароходом» и «Половодье»; затем поднимается вопрос об общественной позиции А.С.Серафимовича, присоединившегося к большевикам, и по инициативе А.Соболя и других присутствующих его исключают из членов кружка.

На заседании также присутствуют: Е.Н.Чириков, Ю.А.Бунин, М.В.Орлов, В.П.Ютанов, П.Н.Петровский, О.А.Израэльсон, Л.Столица.

Газета «Известия московского совета рабочих и солдатских депутатов» (6 дек. (№ 223). С. 4) в отчетной заметке «В Литературно-художественном кружке» (без подписи) сообщает: «3-го декабря в Литературно-художественном кружке, этом клубе писателей, художников, артистов, состоялось очередное заседание общества беллетристов “Среда”.

Было человек 60 писателей, поэтов, журналистов и гостей. Среди писателей Ив.Бунин, Евгений Чириков и другие. Председательствовал Юлий Бунин.

Молодой писатель г. Пильняк прочитал два своих новых рассказа.

После прений г. Орлов, с разрешения председателя, заявил:

— Среди нас, господа, находится в данное время писатель, которому быть здесь не место. Мы его все знаем, это — Серафимович. Он принял на себя заведывание литературно-художественным отделом в “Московских известиях совета рабочих и солдатских депутатов”. Тем самым он присоединился к теперешним захватчикам власти и места ему среди нас не должно быть.

Г. Ютанов заявил, что он находит неудобным вносить политику в общество “Среда”, которое ставит для себя исключительно художественные цели.

Г. Соболь на это возразил, что он только что пришел с демонстрации, на которой не было ни одного солдата.

— Между нами и большевиками, которые крадут картины, рушат художественные и исторические здания, разбивают погреба, вырыта глубокая пропасть. И со всеми, кто так или иначе примыкает к большевикам, мы не должны иметь никакого общения, в том числе и с г. Серафимовичем».

А.Соболя поддерживают Е.Н.Чириков и член суда Петровский. Затем берет слово А.С.Серафимович:

«— Да, господа, пропасть вырыта, глубокая пропасть, между вами и народом — рабочими, крестьянами и солдатами. И писатели, которые так трогательно, так хорошо писали о бедном мужике, оказались по одну сторону этой пропасти, а мужичок по другую. Я не со вчерашнего дня пишу, мое литературное лицо знают, оно не изменилось. Разумеется, если бы даже раздался один протестующий голос, я бы не остался. Но мне важно знать, все ли собрание в целом разделяет высказанное группой?

Последовало глубокое молчание.

Серафимович уходит».

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «3. Конец больш<евицкого> восст<ания>. Обыски. <...> Серафимович. Его доносы на гимназиста и писателей. Среда. Изгна-

ние Серафимовича. Книгоиздательство. Отказ писателей участвовать в одном сборнике с Сераф<имовичем>. <...>

Дневники. Т. 1. С. 168–169.

В очерке «Литературный кружок “Среда”» Ю.А.Бунин пишет: «3 декабря 1917 года на заседании “Среды” произошел инцидент, получивший довольно широкую общественную огласку. На это заседание прибыл в числе других А.С.Попов-Серафимович, занявший незадолго перед этим должность редактора литературного отдела “Известий Московского Совета рабочих и солдатских депутатов”. Появление на “Среде” г. Серафимовича вызвало у большинства удивление и резкий протест: ряд ораторов М.В.Орлов, Андрей Соболь, Е.Н.Чириков, П.Н.Петровский и О.А.Израэльсон указывали, что г. Серафимович не может больше оставаться участником кружка литераторов и журналистов после того как он активно примкнул к редакции газеты, считающей свободу печати “буржуазным предрассудком” и ведущей ожесточенный поход против независимого слова. В.П.Ютанов полагал, что “Среда” <...> не может касаться политических взглядов своих членов <...>. Эта точка зрения не встретила, однако, никакого сочувствия со стороны остальных собравшихся».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 26–27.

См.: 12 декабря 1917; 24 декабря 1917.

Декабрь, 5. Г.А.Вяткин пишет Бунину из Харькова:

«Дорогой Иван Алексеевич,

беру на себя смелость просить Вас — дать для рождественского номера харьковского “Утра” *стихотворение* или рассказ, хотя бы отрывок. Исполнением этой просьбы премного обязали бы как редакцию, так и меня лично. Максимальный гонорар, который можем предложить, к сожалению, не большой: 50 коп. стихи и 25 проза».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 82, л. 6.

Декабрь, до 6. Выходит сборник «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н.Гиппиус» (Пг.: Огни, 1917), в который (с. 30, 55, 89) включаются стихотворения Бунина «Ходили в мире лже-мессии...», «По лесам бежала Божья Мать...», «Молчат гробницы, мумии и кости...».

В тексте книги под стихотворениями нет подписей авторов, они приводятся только в содержании.

Граница события определена по рецензии на книгу в газете «Русские ведомости» (6 дек. (№ 269). С. 2). Бунин только упоминается среди других авторов сборника.

Декабрь, 8. А.Н.Тихонов пишет Бунину из Петрограда на бланке газеты «Новая жизнь», сообщая о ходе издания Собрания сочинений в издательстве «Парус»:

«Письмо Ваше от 30/11 получил сегодня. Спешу ответить и успокоить Вас относительно Ваших книг.

“Господин из Сан-Франциско” — напечатан и находится в брошюровочной, IX том — заканчивается набором, все остальные также в работе. <...>

Около месяца тому назад я писал Вам в Измалково <...>, в том письме я извещал Вас о том, что "Парус" выпускает литературный альманах, в котором примут участие: Горький, Блок, Пришвин, Тренев, Замятин и др. <...> и что мы очень просим Вас присоединиться к этому делу и дать рассказ и стихи. Условия — на Ваше усмотрение. <...>

Письмо Ваше — сердитое, но право же, мы его не заслужили: ни юридически, ни товарищески — мы не нарушили никаких условий <...>, у нас в Питере большинство издательств прекратили всякую работу и не сегодня-завтра вовсе ликвидируют свои операции. А пока мы живы, мы ни одной минуты не забывали о Вас. Поверьте этому!»

На письме помета Бунина: «Ответил 27 дек.».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 298.

Декабрь, 9. В объявлении о подписке на московскую газету «Власть народа» (№ 181. С. 1) в списке сотрудников вновь появляется имя Бунина.

См.: 20 сентября 1917, вторая запись; 25 сентября 1917, первая запись; 7 октября 1917, четвертая запись.

Декабрь, 10. В Москве выходит однодневная газета «Слову — свобода!», в которой (с. 1) печатается стихотворение «Молчание» («По знойно-желтому ущелью...»).

Декабрь, 5...11. Выходит книга вторая альманаха «Творчество» (М.; Пг.: Книгоиздательство «Творчество», 1918), в которой (с. 9–21, 77–78) публикуются рассказ «Сны Чанга» и стихотворения «Стой, солнце!» («Летят, блестят мелькающие спицы...»), «Глупое горе» («Тихой ночью поздний месяц вышел...»), «Песня» («На помории далеком...»), «Перстень» («С индийской пышностью осыпан перстень мой...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Декабрь, 12. В газете «Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов» (№ 228. С. 2) публикуется статья А.С.Серафимовича «Впечатления. В капле», в которой он пишет о своем изгнании из литературного кружка «Среда»:

«Я состою членом "Среды" почти с самого ее возникновения. <...>

На днях состоялось такое заседание "Среды". Председательствовал журналист, старый народник Юлий Бунин. Были писатели: Иван Бунин, Евгений Чириков и многие другие.

На этом заседании группой членов было мне заявлено, что я не могу быть больше терпимым в "Среде", что должен выйти из состава ее членов. Было сказано это с неожиданно страстной злобностью и принято остальными с молчаливым злорадством.

Сам по себе случай маленький, но как в капле отразилась в ней вся громада событий. <...>

Так за что же меня исключили из своей среды писатели, поэты, журналисты?

За то, что я принял на себя ведение литературно-художественного отдела в "Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов", где я сотрудничаю уже восемь ме-

сяцев и где представлены все три партии: большевики, меньшевики и левые социалисты-революционеры. <...>

Но разве это преступно?

Нет, это не преступно вообще, но это становится сейчас же преступным, как только делается рядом с большевиками.

Почему?

Да потому, что литераторы Ив.Бунин, Евгений Чириков, Юлий Бунин и все присутствующие на собрании заявили, что между ними и большевиками вырыта глубокая, непроходимая пропасть: по одну сторону писатели, журналисты, поэты, художники, артисты, а по другую — большевики. <...>

Но как же могло случиться, что представители русской литературы, так бережно, так любовно писавшие о мужике, о рабочем, о солдате, очутились — по одной стороне пропасти, а эти самые мужики, рабочие и солдаты — по другой?

Как могло случиться, что Ив.Бунин, так тонко, так художественно писавший мужика, очутился по одну сторону пропасти, а эти самые мужики его по другую?

Как могло случиться то же самое с Евгением Чириковым <...>, с Юлием Буниным, который в молодости боролся за мужика, как революционер? <...>

Это объясняет всего одно, но роковое слово: наступила *социальная революция*, и как масло от воды, отделилось все имущее от неимущего. И стали мужики, рабочие на одном краю глубочайшей пропасти, а имущие и так или иначе связанные с ними — на другом. <...> Люди совершенно искренно думают, что отстаивая существующее, они отстаивают интерес *всего* народа. Создается определенная психология, в которой нет лжи в самой себе, но покоится она на фундаменте желания оставить по-старому свое положение. <...>

Одно мне непонятно, перед одним я останавливаюсь в великом недоумении: отчего затемнились часто зоркие, творческие глаза художников? Отчего мимо них, как мимо слепых, проходит красота, *грандиозность* совершающегося. Как творчество художников не заразится жаждой изображения невиданной общественной перестройки?»

См.: 3 декабря 1917.

Декабрь, 18. Бунин дарит Ю.В.Соболеву отдельный оттиск рассказа «Сны Чанга» из альманаха «Творчество» с надписью:

«Юрию Васильевичу Соболеву от автора 18.XII.1917. Москва».

На последней странице обложки Бунин пометил: «Сборн. “Творчество”. Кн. II».

РГАЛИ, № 188а/33127.

Декабрь, 20...24. С.Т.Коненков посылает Бунину приглашение на открытие своей выставки скульптур 25 декабря 1917 г. на Большой Пресне.

ОГЛМТ, ф. 14, № 6225 оф.

Декабрь, 24. В московской газете «Утро России» (№ 285. С. 4) публикуется статья «Все-таки писатель». Подпись: О.В-ин.

Журналист рассказывает о лекции А.С.Серафимовича «Писатель и народ»: «Это был истинный кошмар... Иначе я не могу назвать реферат г. Серафимовича в зале московской городской думы и все происходящее на нем.

Реферат назывался “Писатель и народ”.

Тезисы реферата приблизительно следующие:

Русская литература всегда изображала народ односторонне, т.е. не таким, каков он в действительности.

У Решетникова народ — один, у Глеба Успенского — другой, у Ивана Бунина — третий, у Чехова — четвертый.

Отчего это? Оттого, что эти писатели — интеллигенты.

Писатель-интеллигент не может изображать народ по-настоящему, ибо он чужой для народа.

Вот Горький ничего себе был писатель, пока не стал интеллигентом, а как стал таковым, начал также писать о народе плохо.

Единственное исключение, это — Лев Толстой. Потому что он — гений.

После реферата начали выступать “ораторы”. Начался кошмар.

Первым выступил большевистский поэт Котомка с приветствием от имени революционной демократии писателю, дерзнувшему перейти в пролетарский лагерь. <...>

Выходили еще ораторы, и все говорили приблизительно одно и то же: ругали литературу, честили писателей, которые не занимаются ни кормлением голодных, ни конфискацией буржуйских капиталов из банков...

В заключение — снова Серафимович, лепечущий что-то в защиту литературы и писателей, что они все-таки “кое-что” сделали для России.

Закончилось все это оглашением адреса с сочувствием по поводу изгнания Серафимовича из товарищеской “Среды”, в котором действие товарищей-писателей было названо “актом враждебной нетерпимости и *политической* мести”».

Декабрь, 25. В московской газете «Власть народа» (№ 195. С. 2) помещается стихотворение «Миньона» («В горах, от снега побелевших...»).

В московской газете «Раннее утро» (№ 274. С. 2) публикуется стихотворение «Звезда морей, Мария» («На диких берегах Бретани...»).

Под текстом факсимильная подпись Бунина.

Декабрь, 27. На квартире Муромцевых (ул. Поварская, д. 26, кв. 2) проходит заседание литературного кружка «Среда».

Н.А.Пушешников в дневнике записывает: «В 5 у М<уромцевых>. У них “Среда”. <...> И.А. в другой комнате.

“Среда”. А.Толстой. <...> Эренбург. <...> Амари, Инбер, Соболь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 306–307.

Бунин пишет ответное письмо А.Н.Тихонову.

Письмо неизвестно. См.: 8 декабря 1917.

В течение года. В Лондоне выходит антология «Modern Russian Poetry» (Selected and translated by P.Selver. London: Keagan Paul, Trench,Trubner Co., LTD; N. Y.: E.P.Dutton, 1917), в которую (p. 26–

27) включаются переводы двух стихотворений Бунина «Ночь идет — и темнеет...» («Night hastens and seizes...»), «Как светла, как нарядна весна!..» («How a gleam, how garnished the spring...»).

1918

Январь, 1. В «Окаянных днях» Бунин пишет по поводу 1917 года:

«1 января (старого стиля).

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит».

СС (2). Т. 8. С. 68.

Январь, 2. В зале Синодального училища (Большая Никитская, 22) Бунин участвует в вечере писателей.

Также участвуют: П.С.Коган (с докладом о современной литературе), А.Н.Толстой, И.А.Новиков, Е.Н.Чириков.

См. объявление о вечере в газете «Русские ведомости» (1917. 29 дек. (№ 277). С. 1; 31 дек. (№ 279). С. 1, 6. См. отчетную заметку в газете «Раннее утро» (3 янв. (№ 2). С. 3).

Январь, до 3. Выходит том 10-й Собрания сочинений Бунина (Пг.: Парус, 1918. 192 с.). Тираж 5000 экз. Цена 6 р.

Содержание: **Произведения 1915–1916 гг.**: Господин из Сан-Франциско, Казимир Станиславович, Аглая, Песня о гоце, Сын, Грамматика любви, Клаша, Легкое дыхание; **Стихотворения**: Слово («Молчат гробницы, мумии и кости...»), Поэту («В глубоких колодцах вода холодна...»), Кадильница («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»), Парус («Звездами вышит парус мой...»), На исходе («Ходили в мире лже-Мессии...»), Конь Афины-Паллады («Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...»), Бегство в Египет («По лесам бежала Божья Мать...»), Орда («За степью, в приволжских песках...»), Архистратиг («Архистратиг средневековый...»), Святогор и Илья («На гривастых конях на косматых...»), Шестикрылый. Мозаика в соборе («Алел ты в зареве Батыя...»), Св. Прокопий («Бысть некая зима...»), Скоморохи («Веселые скоморохи...»), Казнь («Туманно утро красное, туманно...»), Святитель («Твой гроб, дубовая колода...»), Князь Всеслав («Князь Всеслав в железы был закован...»), Чернец («В ризы черные одели...»), Сон («По снежной поляне...»), Матфей Прозорливый («Матфей. Ночь и могильный мрак пещеры...»), Белый цвет («Пустынник нам сказал: “Благословен Господь...»), Кончина («И скрылось солнце жаркое в лесах...»), Песня («Мне вечор, младой, скучен терем был...»), Мутный месяц («Что ты мутный, светел-месяц...»), Руслан («Гранитный крест меж сосен, на песчаном...»), Без истории («Край без истории... Все лес да лес, болота...»), Аленушка («Аленушка в лесу жила...»), Колотушка («Светит, сети ткет паук...»), Молодой король («То не красный голубь метнулся...»), Мулы («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых...»), В Апеннинах («Поэзия темна, в словах невыразима...»), Сирокко («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»), Калабрийский пастух («Лохмотья, нож — и цвета

черной крови...»), Зимой («Покрывало море свитками...»), Цветы («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»), Среди звезд («Настала ночь, остыл от звезд песок...»), За Ассуаном («У нубийских черных хижин...»), У Пирамид («В жарком золоте заката Пирамиды...»), Гора Алагалла. Из цикла «Цейлон» («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...»), Святилище. Из цикла "Цейлон" («Сверкала Ступа снежной белизною...»), Отлив. Из цикла «Цейлон» («В кипящей пене валуны...»), Богиня («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»), Малайская песня («Чернеет зыбкий горизонт...»), В темную ночь, в штиль, под экватором («Время, Пространство, Число...»), Прокаженный («От кипарисовых гробниц...»), Заклинание («Из тонкогорлого фиала...»), Цирцея («На треножник богиня садится...»), Засуха в раю («От пальм увядших слабы тени...»), Райское Древо («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), Аркадия («Ключ гремит на дне теснины...»), Помпея («Помпея! Сколько раз я проходил...»), Вечерний жук («На лиловом небе...»), Дедушка в молодости («Вот этот дом, сто лет тому назад...»), Игроки («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...»), Ириса («Светло в светелке, от окна...»), Людмила («На западе весною под вечер тучи сини...»), Молодость («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), В пустом доме («Синие обои полиняли...»), На Невском («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»), Дурман («Дурману девочка наелась...»), Псалтирь («Бледно-синий загадочный лик...»), Зеркало («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»), Последний шмель («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...»), У гробницы Виргилия, весной («Дикий лавр и плющ и розы...»), Без меня («Настанет день — исчезну я...»), Компас («Качка слабых мучит и пьянит...»), Пора («Когда-то, над тяжелой баркой...»), Песенка («Рыжими иголками...»), Памяти друга («...Шел сенбернар вдоль светлой водной глади...»).

Граница события определена по объявлению в газетах: «Русские ведомости» (3 янв. (№ 1). С. 2), «Новая жизнь» (29 (16) марта (№ 54). С. 4), в журнале «Вестник жизни» (№ 2. С. 119).

Из предполагаемого десятитомного собрания сочинений Бунина в свет вышел только 10-й том.

Январь, 5. В петроградской газете «Вечерний час» (№ 4) печатается статья П.М.Пильского «О хороших писателях и злом мужике».

Критик, взяв эпиграфом слова Бунина о русском народе, в начале статьи рассказывает, как одного помещика предупредил мужик о надвигающихся погромах, и далее пишет: «Но потом узнали, что это случилось с И.А.Буниным и возмутились. И как же иначе? Ведь Бунин — прекрасный русский писатель, — академик, гуманист, тонкий поэт, отменно вежливый и чрезвычайно доброжелательный человек. Главное же, он — писатель, да еще русский. А это всегда давало право еще и на другой почетный титул, — не только друга, но и защитника народа. И вдруг такая неблагодарность! <...> Разгромили усадьбу Александра Блока, тоже очень тонкого поэта и тоже гуманнейшего и на редкость деликатного человека. Впрочем, и этим дело не ограничилось, ибо есть еще и три и четыре погромленные усадьбы: Некрасова и — о, удивление и о, ужас! — самого Л.Толстого. <...> Целое литературное десятилетие предупреждало нас всех все о том же, все о том же, об этой звериной

сущности русского мужика. Кадильное отношение к этому мистическому богоносцу осталось в прошлом. Его без остатка съела еще первая революция. <...>

Пора сладких снов умерла. Успокоительные иллюзии померкли и исчезли навсегда. Не успела спасть волна родионовского шума, как появилась “Деревня” Ив.Бунина, и все это время пред нами проходили страницы скорбных, но и не очень добрых признаний С.Подъячева, беспристрастно-грустные повести Ив.Вольнова, откровенные дневники С.Т.Семенова. Наконец, С.Кондурушкин со своим “Монахом” и особенно, с недавним “Половодьем”... <...>

Нет, это не просто книги. Это — комья земли, летевшие в нашу грудь из черной могильной ямы, которую рыли для нашего интеллигентного идолопоклонства: ему оставалось лечь туда вечным покойником, безропотно и покорно. Шло тихое, но упорное и методичное убийство нашей самой возвышенной, самой интимной и теплой веры. Никогда еще идеалистическое сияние не тушилось так открыто и настойчиво. Никогда не били по нашему сердцу с такого размаха, так безжалостно и грубо, как в эти годы. <...>

При всей разноликости авторов, при великом разнообразии подходов, несхожести в понимании и красках, вывод один у всех: деревня темна, жестока, отъединена и до сих пор не поднялась над уровнем подлиповских Пилы и Сысойки, а мужик — суевер, дикарь и погромщик. <...>

Отчетливо, резко и открыто друг против друга теперь стали два лагеря. **Их и наш**. Деревенско-мужицкий и другой — интеллигентски-писательский. Какой бы кровавой ценой ни была куплена эта рознь, она наступила. Мы не понимали и не поняли их, они не узнали и не признали. Это даже не два стана, потому что это **два разных народа**, по-разному мыслящие, по-разному живущие, по-разному говорящие **на разных языках**. Да, на **разных**. И это буквально. <...>

И если для Пришвина этот народ — “скиф”, а для Бунина — “огромный беломордый кретин”, то и самого Бунина он не знает, чужого и непонятного, не хочет и, главное, не может знать. И в своем деревенском дневнике С.Т.Семенов (“Двадцать пять лет в деревне”) записывает об этом с летописным беспристрастием:

“Очень милая книжечка Бунина “На край света” возвращалась непрочитанной”.

А это, в самом деле, молодой, добрый и светлый рассказ — о переселенцах, на такую, казалось бы, близкую и, действительно, родную тему. Но мало ли, черт возьми, хороших рассказов на иностранных языках! <...>

Мы живем на разных берегах той великой и капризной реки, которая зовется Русской Жизнью. Они — на луговом, мы на нагорном. <...>

Не надо же лицемерного пафоса! не бейте себя в грудь и не хватайтесь за головы от того, что разгромили усадьбы писателей! Ибо почему для мужика усадьба Бунина должна быть священней и неприкосновенней, чем всякая другая? <...>

Мы были идеалистичны. Поэтому скорбели не только о нашей судьбе и нашей неволе и наших тяготах, — мы скорбели еще и о них. Но, — увы! — они реалистичней нас. Книги наши им не нужны и они их не берут. Но наш скот и наш сад и усадьбы им необходимы до последней крайности — и они их взяли».

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/423 оф.

Январь, 6. Бунин пишет П.А.Нилусу:

«Напиши, а лучше — если можно, телеграфируй, — жив ли ты и Жека <Е.И.Буковецкий>. Оч<ень> беспокоюсь.

Книга твоя напечатана (с великой мукой) почти вся».

Письма (*2*). С. 404.

Январь, 7. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин участвует в прениях по поводу рассказа А.Н.Толстого «День Петра», прочитанного автором.

В московской газете «Мысль» (15 янв. (№ 3). С. 3) в отчетной заметке «Литературная хроника» (без подписи) сообщается: «В этом сезоне литературное общество "Среда", одно из старейших в Москве, устроило ряд интересных собраний. Читали свои новые произведения Ив.Новиков, поэт И.Эренбург, М.Цетлин, В.Инбер, Н.Мешков, Н.Ашукин, Л.Зилов. Одна из "Сред" была посвящена памяти гениального скульптора Родена. На одном из последних собраний читал новый рассказ гр. Ал.Н.Толстой — "День Петра", очень яркую и сильную вещь. <...>

Рассказ возбудил горячие прения, в которых приняли участие: академик Ив.Бунин, поэт П.Н.Петровский, П.С.Коган, А.Соболь, И.Эренбург».

Дата события установлена по: РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 37.

На заседании в «Книгоиздательстве писателей в Москве» Бунин узнает о разгоне Учредительного собрания.

СС (*2*). Т. 8. С. 68.

Первое заседание Учредительного собрания состоялось 5 января 1918 г., а уже 6 января Учредительное собрание было распущено декретом ВЦИК и разогнано караулом.

Январь, 11. В Большой аудитории Политехнического музея повторно проходит вечер писателей, в котором принимает участие Бунин.

Также участвуют: П.С.Коган (с докладом о современной литературе), А.Н.Толстой, И.А.Новиков, Е.Н.Чириков.

См. объявление о вечере в газете «Русские ведомости» (11 янв. (№ 4). С. 4).

См.: 2 января 1918.

Январь, 12. В газете «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» (№ 7. С. 2) публикуется статья А.С.Серафимовича «Братья — писатели», в которой он вновь обвиняет писателей-современников за изгнание его из «Среды».

В статье А.Серафимович рассказывает, что его рассказ «Галя», уже намеченный для очередного сборника «Слово», решением правления «Книгоиздательства писателей в Москве» был исключен из сборника, т.к. автор его состоит сотрудником «Известий Моссовета»: «Выбросили меня из сборника писатели: В.Вересаев, Ив.Бунин, Ив.Шмелев, Н.Телешов, Ив.Данилин, журналист Юлий Бунин, не литераторы: Е.А.Гонтарев, Д.Я.Голубев.

Всеми голосами против одного: Н.С.Клестова.

Какую же надо питать неподдельную гложущую злобу и ненависть к рабочим, солдатам и крестьянству, чтобы сдернуть с себя последний фиговый листок и перед всем честным народом разгуливать, в чем мать родила. <...>

Но дело обстоит еще хуже. Вересаев, Бунин, Шмелев, Телешов и остальные переводят вопрос с принципиальной почвы <...> на узко личную: я обидел Вересаева, Бунина, Шмелева и остальных, обидел своей статьей “В капле”». Далее, пытаясь оправдываться, А.Серафимович обвиняет всех в клевете: «В правлении не остановились сказать: Серафимович продался “Известиям Советов рабочих и солдатских депутатов” за хорошие деньги.

Не надо было этого говорить, не надо. У меня были предложения от несоциалистических органов печати гораздо более выгодных условий».

В заключение А.Серафимович обвиняет всю интеллигенцию, перешедшую определенную черту, за которой она стала «врагом народа».

См.: 12 декабря 1917.

Январь, 18. Бунин присутствует на заседании в «Книгоиздательстве писателей в Москве». Вечером Бунин в гостях у Д.А.Пушешникова.

В дневнике Бунин пишет: «Заседание в книгоиздат<ельстве> — по обыкн<овению>, мерзкое впечатление. Шмелев, издавший за осень штук 6 своих книг, нагло гремел против изд<ания> сборника “Слово” и против авансов (значит, главное против меня, т.к. я попросил, и мне постановили выдать в прошлом заседании 1000 рублей), когда “авторам за их книги не платят полностью”. Уникум сверхъестеств<енный>, такого негодяя, как Шмелев, я не видывал.

<...> Была Маня Устинова — приглашала читать у Лосевой. Говорила про А.Толстого: “Хам, без мыла влезет где надо, прибивается к богатым” и т.д. Провожал ее. Москва так мерзка, что страшно смотреть.

Вечером у Мити. Юлий рассказывал, какой ужас, какая грязь, какая матерщина в чайной у Никитских ворот, где он чай вздумал пить.

Арбат по ночам страшен. <...> Народ выходил из кинематографа, когда я нынче возвращался, — какой страшный плебей! Поварская темна».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 61.

Январь, 20. В Альбоме И.И.Морозова Бунин делает запись:

«Есть тоска по чужбине, сказал Кант. Да. Ах, какая тоска! Ив.Бунин. 20 янв. 1918 г. Москва».

ИМЛИ ОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 17, л. 3.

Январь, до 28. Группой писателей учреждается Профессиональное бюро литераторов. Бунин входит в члены бюро.

Также членами бюро состоят: К.Д.Бальмонт, А.Белый, В.Я.Брюсов, Б.К.Зайцев, Вяч.И.Иванов, В.Г.Лидин, А.Н.Толстой, В.Ф.Ходасевич, И.Г.Эренбург и др. Цель организации — проведение литературных вечеров и защита материальных интересов писателей.

В газете «Мысль» (29 янв. (№ 5). С. 2) в рубрике «Хроника литературной и поэтической жизни» сообщается: «Группа писателей и поэтов организовала свое бюро, преследующее чисто профессиональные цели. В число членов бюро вошел ряд известных имен. Из писателей — Ал.Толстой, Б.Зайцев, Ив.Бунин, Вл.Лидин и др., из

поэтов — К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Белый, В.Иванов, И.Эренбург, Вл.Ходасевич и др. <...> Главной целью бюро является защита членов его от эксплуатации предпринимателей. Члены бюро не имеют права без согласия бюро выступать на вечерах, докладах и пр., и переговоры предприниматели ведут также и с бюро. Установлено процентное отчисление (10 %) в пользу бюро с каждого вечера членов бюро».

Январь, 29. Бунин дарит Е.А.Телешовой отдельный оттиск рассказа «Сны Чанга» из альманаха «Творчество» с надписью:

«Елене Андреевне преданный автор. 29.I.1918».

На последней странице обложки Бунин пометил: «Сборн. "Творчество". Кн. II».

РГАЛИ, № 1015а.

Вечером Бунин присутствует на собрании Клуба московских писателей, на котором А.Белый читает доклад о Вяч.И.Иванове.

На собрании также присутствуют: Ю.К.Балтрушайтис, В.М.Волькенштейн, И.В.Жилкин, З.А.Жилкина, Вяч.И.Иванов, Н.В.Крандиевская, В.А.Крандиевский, Е.Д.Кускова, В.Г.Лидин, М.А.Осоргин, Г.А.Рачинский, А.Соболь, А.Н.Толстой.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 101–102.

Январь, 30. Бунин сообщает С.А.Венгерову в открытке:

«В число членов Союза писателей вступлю с удовольствием».

Письма (2). С. 404.

«Союз русских писателей» был создан в Петрограде в марте 1917 г. Председателем Союза был С.А.Венгеров.

Бунин вновь пишет П.А.Нилусу:

«Жив ли ты? <...>

Книга твоя, претерпев тысячу мытарств, напечатана, не нынче завтра выйдет».

Письма (2). С. 405.

Книга П.А.Нилуса «На берегу моря» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918) вышла до 22 (9) февраля 1918 г. См. объявление в газете «Русские ведомости» (22 (9) февр. (№ 28). С. 2). По *Книжной летописи* эта книга вышла в марте 1918 г.

Январь. В.Н.Муромцева отмечает в дневнике:

«Январь: Вечер писателей. Ужин у Толстых, устр. Делидзе. Среды в Кружке. Среды у нас».

Дневники. Т. 1. С. 169.

Выходит 4-е издание книги Р.Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (пер. Н.А.Пушешникова, под ред. Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 56 с.).

Дата выхода определена по: *Книжная летопись.*

Декабрь, 18, 1917...Январь. Бунин дарит Н.А.Нолле отдельный оттиск рассказа «Сны Чанга» из альманаха «Творчество» с надписью:

«Дорогой Надежде Александровне Ив.Бунин».

На последней странице обложки Бунин пометил: «Сборн. "Творчество". Книга II».

РГАЛИ, № 9662а/73724.

Февраль, 14 (1). В Политехническом музее Бунин участвует в «Вечере поэтов».

Также участвуют: Ю.К.Балтрушайтис, К.Д.Бальмонт, А.Белый, Вяч.И.Иванов. Присутствуют: В.В.Маяковский, В.В.Каменский.

См.: дневник Н.А.Пушешникова (ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 171).

См. объявления в газете «Русские ведомости» (25 янв. (7 февр.) (№ 16). С. 1; 30 янв. (12 февр.) (№ 20). С. 1).

В газете «Мысль» (25 (12) февр. (№ 6). С. 2) в отчетной заметке И.Р.Эйгеса (подпись: С.Иреньев) сообщается: «В Политехническом музее состоялся вечер поэтов: Балтрушайтиса, Бальмонта, Бунина, Белого и Вяч.Иванова. Всех выступавших можно было отнести к одной группе (в широком смысле). Только Бунин и самыми своими стихотворениями, и манерой чтения показался слишком уж элементарным, почти школьным: стих — всегда педантически правилен, тема — всегда проста и доступна изложению в прозе, чтение — точь-в-точь, как читают ученики по указаниям учителей словесности. А между тем у Бунина, — всегда оппозиционно настроенного к новым течениям в поэзии, даже к тем из них, которые теперь из них стары, — хватило решимости прочесть стихи: “Листики. Эстеты... Гнусавые поэты...”».

«Декретом о введении в Российской республике западноевропейского календаря» (от 26 января 1918 г. за подписью В.И.Ленина) с 1 февраля вводится новый стиль — григорианский календарь: после 31 января 1918 г. наступает сразу 14 февраля.

Далее даты событий приводятся двойные: сначала по новому стилю, а в круглых скобках — по старому.

Февраль, 17 (4). Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Молодая Среда», на котором В.М.Волькенштейн читает пьесу «Черный рыцарь», И.Г.Эренбург и В.М.Инбер читают стихи.

Также присутствуют: А.А.Койранский, В.В.Маяковский и др.

В «Окаянных днях» Бунин пишет 5 февраля (ст. ст.): «Вчера был на собрании “Среды”. Много было “молодых”. Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямотой суждений <...>.

Читали Эренбург, Вера Инбер».

СС (2). Т. 8. С. 69.

В московской газете «Утро России» (№ 19. С. 3) помещается информационная заметка «Запрещение вечера писателей». Без подписи.

В заметке сообщается: «6-го февраля в “Военном театре” (“Аквариум”) должен был состояться вечер московских писателей при участии академика И.Бунина, <...>. Вчера коменданту “Военного театра” от имени президиума Совета солдатских депутатов было заявлено, что “вечер состояться не может. Мы его вам запрещаем”.

Так как контроль над деятельностью “Военного театра” принадлежит Совету солдатских депутатов, то естественно, коменданту пришлось подчиниться».

См.: 25 (12) февраля 1918.

Февраль, 19 (6). Бунин узнает от П.С.Когана о появлении в печати статьи А.А.Блока «Интеллигенция и Революция».

В «Окаянных днях» Бунин пишет: «Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью, которой восхищается Коган (П.С.). Я еще не читал, но предположительно рассказал ее содержание Эренбургу — и, оказалось, очень верно. Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый».

СС (*2*). Т. 8. С. 70.

Статья А.А.Блока «Интеллигенция и Революция» была напечатана в газете «Знамя труда» (1918. 19 янв. (№ 122)).

В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 6–7. С. 10) печатается шарж на Бунина работы художника Мака.

Февраль, до 22 (9). Выходит книга Р.Тагора «Садовник» (пер. Н.А.Пушешникова, под ред. Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 63 с.).

Граница события определена по объявлению в газете «Русские ведомости» (22 (9) февр. (№ 28). С. 2).

Февраль, 24 (11). Бунин читает корректуру томов своего Собрания сочинений, выходящего в издательстве «Парус».

Вечером Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Молодая Среда» в помещении Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, д. 15а): С.А.Ауслендер читает рассказы «В Царскосельских аллеях» и «Московская принцесса».

В прениях участвуют: И.Г.Эренбург, А.Соболь, Т.Г.Краснопольская, М.А.Осоргин, В.Г.Лидин.

См. объявление в газете «Русские ведомости» (24 (11) февр. (№ 30). С. 6).

В «Окаянных днях» Бунин пишет: «Потом читал корректуру своей “Деревни” для горьковского книгоиздательства “Парус”. Связал меня черт с этим заведением! А “Деревня” вещь все-таки необыкновенная. Но доступная только знающим Россию. А кто ее знает? <...>

Вечером на “Среде”. Читал Ауслендер — что-то крайне убогое, под Оскара Уайльда. <...>

В “Известиях” статья, где “Советы” сравниваются с Кутузовым. Более наглых жуликов мир не видал».

СС (*2*). Т. 8. С. 74–75.

Февраль, 25 (12). В театре Я.Д.Южного (Тверской бульвар) на вечере московских писателей Бунин читает свои произведения.

Также участвуют: А.Белый, Ю.К.Балтрушайтис, Вяч.И.Иванов, В.Г.Лидин, И.А.Новиков, Н.Н.Никандров, А.Соболь, А.Н.Толстой, В.Ф.Ходасевич, И.Г.Эренбург.

См. объявления в газетах: «Утро России» (1 (14) февр. (№ 17). С. 4): о вечере 6-го февраля в театре «Аквариум»; «Русские ведомости» (21 (8) февр. (№ 27). С. 1; 22 (9) февр. (№ 28). С. 2; 24 (11) февр. (№ 30). С. 6): о переносе вечера в театр Я.Южного. См. также: 17 (4) февраля 1918, вторая запись. См. объявление о вечере в театре Я.Южного в газете «Раннее утро» (20 (7) февр. (№ 25). С. 1).

В газете «Раннее утро» (27 (14) февр. (№ 30). С. 4) в рубрике «Литературные листки» в отчетной заметке «Вечер московских писателей» (без подписи) рассказывается: «Третьего дня в театре Южного состоялся “вечер московских писателей”. С большим успехом читали свои произведения И.Бунин, И.Новиков, Ю.Балтрушайтис, В.Лидин, Н.Никандров, А.Толстой, А.Белый, Вяч.Иванов, А.Соболь и др. Публика тепло встречала писателей, награждая их шумными аплодисментами. Вечер прошел с аншлагом».

Февраль, 26 (13). Бунин перечитывает повесть «Деревня».

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «Утром И.А. читал свою “Деревню”. Говорил, что кое-что в ней верно, но многое затронуто только, эскизно, поспешно, многое только намечено. Разве так надо писать?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 108.

Февраль, 27 (14). Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда».

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «Вечером “Среда”. Оттепель. Шли со “Среды” с И.А. <...> Читал Коган. <...> Возвращались втроем: И.А., В.Н.<Муромцева>, я».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 179.

В Политехническом музее проходит вечер «Избрание короля поэтов», на котором читаются стихотворения Бунина.

В жюри: Д.Бурлюк, В.Дуров, П.Коган и др. В первом отделении выступают Д.Бурлюк, И.Северянин, В.Каменский, В.Маяковский, Е.Панайотти и др. Во втором отделении Н.Поплавская читает стихотворения А.Ахматовой, К.Бальмонта, А.Блока, В.Брюсова, И.Бунина, В.Шершеневича и др. Первое место занимает И.Северянин, второе — В.Маяковский, третье — К.Бальмонт.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 118.

Март, 1 (Февраль, 16). Днем Бунин присутствует на общем собрании писателей и журналистов в Литературно-художественном кружке; обсуждается вопрос о положении периодической печати.

В «Окаянных днях» Бунин пишет: «В четыре часа в Художественном кружке собрание журналистов — “выработка протеста против большевистской цензуры”. Председательствовал Мельгунов. Кускова призывала в знак протеста совсем не выпускать газет. Подумаешь, как это будет страшно большевикам! Потом все горячо уверяли друг друга, что большевики доживают последние часы. Уже вывозят из Москвы свои семьи. <...>

Возвращались с Чириковым».

СС (2). Т. 8. С. 76.

Газета «Утро России» (3 марта (18 февр.) (№ 30). С. 3) в информационной заметке «Собрание журналистов» (без подписи) сообщает: «В пятницу <1 марта (16 февр.)> в Литературно-художественном кружке состоялось собрание журналистов и литераторов. Обсуждался вопрос об отношении к цензуре, введенной для московских газет президиумом Совета рабочих и солдатских депутатов. Выступали представители обоих течений — за выход газет под цензурой и за невыход газет. В результате 34 голосами при 20 воздержавшихся принята резолюция о недопу-

стимости подчинения большевистской цензуре. Другая резолюция — о необходимости для газет "поддерживать единый фронт московской печати" — принята единогласно».

Март, 3 (Февраль, 18). На заседании литературного кружка «Среда» Бунин участвует в обсуждении прочитанных авторами произведений: А.Н.Толстой — сказка «Синица», Н.В.Крандиевская и А.И.Журин — стихи.

Также в прениях участвуют: Б.К.Зайцев, А.А.Койранский, А.Соболь, В.Ф.Ходасевич, И.Г.Эренбург.

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251.
Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 123.

Март, 4 (Февраль, 19). В Литературно-художественном кружке проходит объединенное заседание членов Общества деятелей периодической печати и литературы и профессионального союза журналистов. На заседании, вероятно, присутствует Бунин.

Газета «Утро России» (8 марта (23 февр.) (№ 31). С. 3) в информационной заметке «Трехдневная забастовка» (без подписи) сообщает: «4-го марта, в понедельник, в помещении Литературно-художественного кружка состоялось соединенное собрание членов общества деятелей периодической печати и литературы и профессионального союза журналистов. Обсуждалось отношение к недавно введенной предварительной цензуре газет.

По вопросу о том, подчиниться ли цензуре, или прекратить выход газет, собрание разделилось на две почти равные части. Тогда принято было компромиссное решение: цензуре подчиниться, но не выходить, в виде протеста, в течение трех дней. Три дня газеты не выходили, вчера этот срок кончился».

См.: 10 марта (25 февраля) 1918.

Март, 5 (Февраль, 20). Бунин сообщает П.А.Нилусу в письме, что его книга «На берегу моря» вышла в свет полмесяца назад, не все рассказы вошли в нее, т.к. не хватило бумаги и пишет:

«Да не хватило ее <бумаги> и вообще, не только для "Антона", и редакция просила меня сделать купюры в "Миловановой". Пришлось сделать (пустяки и не во вред рассказу). Есть купюры (крохотные, не бойся) и в других рассказах — опять-таки по требованию редакции (описки автора, строки "порнографические", не совсем русские и т.д.). Ради Бога, не вини меня!»

Письма (*2*). С. 405.

Март, 6 (Февраль, 21). Бунин присутствует на заседании в «Книгоиздательстве писателей».

В дневнике Н.А.Пушешников отмечает: «Был на собрании "К<нигоиздательст>ва п<исате>лей". Шмелев говорил чепуху о религии и рус<ском> народе. И.А. потом сказал, что рус<ская> интеллигенция неисправима и рассчитывать на то, что у нас будет устроено настоящее культурное государство, невозможно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 165.

Март, 7 (Февраль, 22). Бунин готовится к отъезду из Москвы. Вечером посещает Большой театр.

В «Окаянных днях» Бунин пишет: «Утром горестная работа: отбираем книги — что оставить, что продать (собираю деньги на отъезд). <...>

Вечером в Большом театре. Улицы, как всегда теперь, во тьме, но на площади перед театром несколько фонарей, от которых еще гуще мрак неба».

СС (*2*). Т. 8. С. 81.

Март, 8 (Февраль, 23). Бунин обдумывает план отъезда из Москвы.

В «Окаянных днях» он пишет: «Все говорим о том, куда ехать. Был вечером у Юлия и попал, возвращаясь домой, под обстрел. Бешено садили из винтовок откуда-то сверху Поварской».

СС (*2*). Т. 8. С. 81.

Март, 10 (Февраль, 25). В Москве снята предварительная цензура для периодической печати.

Газета «Утро России» (12 марта (27 февр.) (№ 34). С. 3) в информационной заметке «Снятие предварительной цензуры» (без подписи) сообщает: «Комиссаром по делам печати В.М.Подбельским официально заявлено о снятии предварительной цензуры с московской периодической печати по постановлению президиума совета от 10 марта».

См.: 4 марта (19 февраля) 1918.

Март, 12 (Февраль, 27). Бунин читает статью В.И.Ленина «Главная задача наших дней» (Известия ВЦИК. 1918. 11 марта (№ 46)).

В «Окаянных днях» он пишет: «Читали статейку Ленина. Ничтожная и жульническая — то интернационал, то “русский национальный подъем”».

СС (*2*). Т. 8. С. 84.

Март, 14 (1). Бунин приходит в гости к Н.Г.Шкляру.

В «Окаянных днях» он записывает: «Вечер у Шкляра. <...>

У Ш<кляра>, кроме нас, Дерман и А.Е.Грузинский».

СС (*2*). Т. 8. С. 84.

Март, 15 (2). Бунин присутствует на собрании Клуба московских писателей.

Обсуждаются вопросы функционирования клуба и «реформа русского правописания» (доклад Б.К.Зайцева). Большинством голосов принимается решение, что «Наряду с чисто клубной жизнью, Клуб моск<овских> пис<ателей> сохраняет и общественный свой уклон с возможными периодическими выступлениями по тем или иным вопросам, выдвигаемым общественной жизнью». Доклад Б.Зайцева «вызвал оживленные прения», принимается решение «организовать какое-либо выступление по этому поводу, близко касающемуся всех писателей».

Также присутствуют: В.В.Вересаев, В.Волькенштейн, М.О.Гершензон, И.Жилкин, З.Жилкина, Б.К.Зайцев, В.Г.Лидин, Вл.И.Немирович-Данченко, И.А.Новиков, А.Н.Толстой, В.Ф.Ходасевич и др.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 131–132.

В Москве открыто кафе-кабаре «Музыкальная табакерка».

Организаторы кафе — К.Д.Бальмонт и В.Я.Брюсов.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 130–131.

Март, до 19 (6). Бунин пишет рассказ «Изба в поле».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2740 оф.
РАЛ, MS. 1066/303–304.

Первый вариант рассказа «Зимний сон».

Граница события определена по времени первой публикации. См.: 21 (8) марта 1918, вторая запись.

Март, 20 (7). На «Первом вечере Товарищества московских писателей» в помещении театра «Летучая мышь» (Б.Гнездниковский пер., д. 10) Бунин читает новый рассказ «Соотечественник».

Также участвуют: К.Д.Бальмонт, Ю.К.Балтрушайтис, А.Белый, В.Ф.Ходасевич, И.А.Новиков, А.Соболь, А.Н.Толстой.

См. объявление в газете «Московский вечер» (20 (7) марта (№ 3). С. 4).

В газете «Московский вечер» (22 (9) марта (№ 5). С. 4) в отчетной заметке «Вечер товарищества московских писателей» (без подписи) сообщается: «Товарищество московских писателей объединяет подлинных художников и его первый вечер, устроенный в “Летучей мыши”, был действительно интересен. <...> Отрывок из нового рассказа прочел Бунин. Сухой и корректный, он читает медленно и раздельно свои мастерски написанные холодные строки».

В газете «Новое слово» (22 (9) марта (№ 35). С. 4) в отчетной заметке «Вечер писателей» (подпись: И.Ж-н) отмечается: «И вот слушаем наших поэтов и писателей в подвале “Летучей мыши”. <...> Впечатление крепнет, нарастает особое волнение, веет в конце вечера чем-то значительным и несомненным. Никакие артисты, при всем мастерстве чтения, все же не в силах уловить того главного и самого тонкого в произведении, что зачаровывает (или отталкивает) и что называется внутренней музыкой, ритмом, стилем, единственным и неповторимым в каждом истинном писателе. И еще важнее: кажется, не прошли бесследно страшные дни России для ее писателей. В стихах и прозе почти не упоминаются ни война, ни революция. Но глубокой серьезностью, трагическим углублением было объято почти все, читанное на вечере 20-го марта. <...> Все более суров и проникновенен И.А.Бунин, и как бы ни случайно, в новом рассказе пристально глядит он в странную русскую душу, которая дивит талантом, гениальной сноровкой, но тревожно мечется, не зная меры и упора, и вот его русский самородок зачем-то в пламенно-истомной Индии, и рядом с судорожными барышами его уже гнетет загадка бытия, и воздух Индии уже представляется ему знойным дыханием праматери, которое вспоминается по каким-то тысячелетним воспоминаниям. <...> Оттого, может быть, и был значителен вечер писателей, что как-то по-своему идут писатели возле провалов жизни, особенными глазами заглядывают в них и особыми звуками, словами, ритмом, художественными намеками дают нам знаки проникновения в зыбкую тайну жизни».

В газете «Раннее утро» (21 (8) марта (№ 43). С. 3) в отчетной заметке «Вечер писателей» (без подписи) говорится: «Вчера в помещении “Летучей мыши” состоялся интересный вечер писателей и поэтов. И.Бунин прочитал прекрасный рассказ, в котором развернул перед слушателями рядом два зрелища: зрелище южного

тропического неба с провалами в бесконечность и блистающими звездами и зрелище русской запутавшейся души».

Март, 21 (8). Бунин присутствует в театре «Летучая мышь» на закрытом спектакле.

Газета «Московский вечер» (22 (9) марта (№ 5). С. 4) в отчетной заметке сообщает: «Вчера в “Летучей мыши” состоялась генеральная репетиция — закрытый спектакль для приглашенных представителей артистического мира. Были на спектакле писатели, среди них И.А.Бунин, А.Н.Толстой, Е.Н.Чириков».

В московской газете «Раннее утро» (№ 43. С. 4) печатается рассказ «Изба в поле».

Март, 28 (15). В московской газете «Вечерняя жизнь» (№ 6. С. 2) в рубрике «Литературный блокнот» в информационной заметке «Среда» (без подписи) сообщается о возобновлении деятельности литературного кружка «Среда» и объявляется конкурс рассказов, в жюри которого входит Бунин.

В заметке говорится: «С реквизицией Литературно-художественного кружка временно прекратилась и деятельность литературного общества “Среда”. На днях выяснилось, что заседания “Среды” возобновятся с воскресенья, 18 марта. Первое собрание состоится в училище Мансфельда-Полевого (Б. Никитская ул.) и будет посвящено вопросам организационного характера.

“Среда” объявляет конкурс рассказов для начинающих писателей. Устанавливается две премии — 1-я в 250 руб. и 2-я в 150 руб. <...> Конкурс этот учрежден по инициативе редакции сборников “Сполохи” <...>. В состав жюри входят И.А.Бунин, Ю.А.Бунин, И.А.Белоусов, А.Е.Грузинский, И.А.Новиков, Ю.В.Соболев, А.Н.Толстой, Е.Н.Чириков, И.Г.Эренбург и В.П.Ютанов».

Март, конец. Ф.К.Сологуб и С.С.Кондурушкин обращаются в письме к Бунину от имени «Союза деятелей художественной литературы», организованного в Петрограде, с просьбой:

«Профессиональный Союз деятелей художественной литературы, желая отозваться на события, выяснить смысл происходящего и наметить, что сейчас должны делать все русские граждане, решил выпустить в Петрограде 19 мая однодневную газету на тему: Пути возрождения России. В пределах этой темы мы рассчитываем иметь статьи, стихи, очерки или хотя бы краткие ответы анкетного характера (форма по желанию автора), в которых бы выражалось отношение автора вообще к событиям, или в частности к роли народных масс, интеллигенции, религиозного и национального движения. Доход от газеты пойдет в пользу только что возникшего Профессионального Союза ДХЛ».

РГБ ОР, ф. 109, к. 34, ед. хр. 65.

Датируется по содержанию. «Союз деятелей художественной литературы (Академия художеств)» организован в Петрограде в конце марта 1918 г. Вероятно, однодневная газета не выходила.

Январь...Март. Бунин заканчивает рассказ «Конец». Авторская дата: «1918». Позднее озаглавлен «Исход».

СС (Петр). Т. 8. С. 13–22.

Границы события определены по дате чтения рассказа и времени его публикации. См.: 7 апреля (25 марта) 1918, первая запись; до 30 (17) сентября 1918.

Апрель, 3 (Март, 21). В Москве открывается литературное кафе «Трилистник» (в помещении кафе «Элит»). Иногда там выступает Бунин с чтением своих стихов.

Литературная жизнь России. Т. 1. Ч. 1. С. 150.

См.: 14 (1) апреля 1918, вторая запись.

Апрель, 7 (Март, 25). На собрании Клуба московских писателей в помещении Московского Художественного театра Бунин читает рассказ «Конец».

Присутствуют: Н.Н.Бромлей, В.М.Волькенштейн, И.В.Жилкин, З.А.Жилкина, А.А.Койранский, В.Н.Ладыженский, В.Г.Лидин, И.А.Новиков, Е.Н.Чириков.

См. объявление в газете «Раннее утро» (5 апр. (23 марта) (№ 56). С. 3).

Газета «Вечерняя жизнь» (8 апр. (26 марта) (№ 15). С. 4) в информационной заметке «Литературный день» (без подписи) сообщает: «<...> в собрании “Клуба писателей” выступал с прекрасным, сильно и ярко написанным рассказом “Конец” Ив.Бунин».

См.: 10 апреля (28 марта) 1918.

В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 14. С. 9) помещается коллективная фотография «Книгоиздательство писателей в Москве. Учредители и члены правления»: Н.С.Клестов, Д.Я.Голубев, Н.Д.Телешов, В.В.Вересаев, Ю.А.Бунин, С.Д.Разумовский, И.А.Бунин, И.С.Шмелев.

Апрель, 10 (Март, 28). В московской газете «Вечерняя жизнь» (№ 17. С. 3) в рубрике «Литературный блокнот» помещается заметка «Новые рассказы Ив.Бунина». Без подписи.

Журналист пишет: «Ив.Бунин написал новый рассказ “Конец” — об одинокой кончине старого князя в усадьбе.

Рассказ полон лирической прелести и внутреннего напряжения. Повествуя о смерти, Бунин вместе с тем приветствует жизнь, ее гармоническое и нежное начало. Особенно значительна и прекрасна фигура деревенской дурочки, из слов которой выясняется вся одинокая и грустная жизнь князя. И этот князь, столь скупо очерченный Буниным, смерть которого кажется незначащей, вдруг раскрывается во всей полноте, приобретает иные черты. <...>

Рассказ этот, отданный автором в сборник Скобелевского комитета <“Скрижаль”>, производит огромное впечатление...

В другом новом своем рассказе <“Соотечественник”>, отрывки из которого были прочитаны на одном из “вечеров московских писателей”, — рисует Бунин странную, сложную, запутанную, очень во всем русскую, но и во всем необычную фигуру: некоего москвича, занимающего на Цейлоне большой административный пост, — богача, чудака и сатрапа. <...> Бунин рисует образ, как бы сложенный из самых разнообразных черт, <...> он и хам, и чуткий ценитель красоты, он грубый русский мужик и возвышенно настроенный мистик. Пьяница и делец, человек огромного

размаха и отчаянный игрок... <...> Все это написано необыкновенно просто, в форме воспоминаний, — но ярко и сильно».

Апрель, до 11 (Март, до 29). Выходит первая книга сборника «Эпоха» (М., 1918), в которой (с. 23–25) печатаются стихотворения «Могила» («Там, в полях, на погосте...»), «Август» («Как много звезд на тусклой синеве!..»), «Настанет ночь моя, ночь долгая, немая...».

Границы события определены по объявлению о выходе сборника в газете «Раннее утро» (11 апр. (29 марта) (№ 61). С. 4).

Апрель, 11 (Март, 29). Бунин посылает А.Б.Дерману автограф стихотворения «У ворот Сиона, над Кедроном...» с дарственной надписью:

«Абраму Борисовичу Ив.Бунин. 11 апр. 1918 г.»

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 6.

В московской газете «Раннее утро» (№ 61. С. 4) помещается статья Ю.И.Айхенвальда «Книга и жизнь».

Критик, в частности, пишет: «Я беру рассказы П.Нилуса “На берегу моря”. <...> В его фабулах и в его манере есть что-то острое, пикантное — изящество, не специфически русское, хотя и русские учителя, Чехов, Бунин — быть может, не вполне ведомо для самого автора — формировали его дарование».

Апрель, 14 (1). В Юридическом собрании (Малая Никитская, д. 25) проходит заседание литературного кружка «Среда», посвященное памяти В.Е.Ермилова. Возможно, на заседании присутствует Бунин.

См. объявление в газете «Свобода России» (14 (1) апр. (№ 4). С. 4).

В московском журнале «Рампа и жизнь» (№ 15. С. 12) публикуется информационная заметка «Трилистник» (без подписи).

Журналист пишет: «Под таким поэтическим названием происходят литературные вечера в “кафе Элит”. При ближайшем участии бюро “товарищества московских писателей” — выработана очень интересная программа: свои новые рассказы и стихи читают Ив.Бунин, гр. А.Н.Толстой, Е.Н.Чириков, Вл.Лидин, А.Соболь, Ив.Новиков, К.Бальмонт, Ю.Балтрушайтис, А.Белый, Н.Крандиевская, В.Инбер, М.Цветаева, Георгий Чулков, Вл.Ходасевич, И.Эренбург. <...> “Трилистник” — в ряду так называемых “литературных кафе”, — занимает совершенно особенное место, ибо здесь преподносится литература без кавычек. Создалась уютная, в хорошем смысле, интимность. Вечера носят строго художественный отпечаток».

Апрель, 15 (2). В московской газете «Понедельник “Народного слова”» (№ 1. С. 5) публикуется стихотворение «Из цикла “Русь”» («Едем бором, черными лесами...»).

Апрель, 17 (3). Бунин читает корректуру рассказа «Соотечественник». На первом листе делает помету:

«Исправить и дать мне еще раз в 2-х экз. Ив.Бунин. 17 апр.»

ОГЛМТ, ф. 14, № 3771 оф.

См.: 21 (8)...26 (13) мая 1918.

Апрель, 20 (7). В московской газете «Новости дня» (№ 22. С. 4) помещается статья И.Пестича «По следам литературной Москвы».

Журналист, в частности, пишет: «“Среда” — это одно из старейших литературных обществ Москвы, где уже около пятнадцати лет читаются авторами рассказы и стихи и здесь же подвергаются обсуждению. <...>

Скука, сон, запустение у литературных передвижников, где рядом с генеральскими эполетами Бунина скромно уходят в туман неизвестности и непризнания солдатские погоны всяких “подбунят”, поэтиков и беллетристов, мирного честного народа, так уныло использовавшего на писание плохих стихов и рассказов свой праздничный досуг. <...>

Так проходят “Среды”; протирая пенсне, являются сюда откуда-то с Башиловки и из Замоскворечья поэты, много курят, пьют чай, рассуждают о прочитанном, а время идет и идет, прогремела три года война, была в России революция, — ничего этого здесь не заметили, читают сборник “Знания”, хвалят Телешова и Елеонского, восхищенно не дышат при Бунине — и обижается “Среда”, никто не идет, никто не хочет читать, завелись какие-то самозваные вольнолюбивые кружки». Далее рассказывается о «Клубе московских писателей», «Музыкальной табакерке», «Трилистнике» и др.

Апрель, 21 (8). На собрании литературного кружка «Среда» Бунин участвует в обсуждении прочитанных произведений: Н.Н.Никандров — рассказ «Положение Бориса Петровича», Н.Н.Ляшко — рассказ «Вор».

Газета «Жизнь» (23 (10) апр. (№ 1). С. 4) в отчетной заметке «В литературной “Среде”» (без подписи) сообщает: «В минувшее воскресенье <21 (8) апреля> читал в “Среде” свой новый рассказ беллетрист Н.Никандров <...> “Положение Бориса Петровича”, и это положение — можно менее всего назвать рассказом. <...>

Читал еще крошечный рассказ “Вор” Н.Ляшко. Это — вещица, очень недурно написанная, свежая и искренняя. Ее очень на “Среде” одобряли. Автор может гордиться: несколько лестных слов сказал о нем даже Ив.А.Бунин, как известно, скупо и редко расточающий похвалы своим современникам».

Апрель, 22 (9). В московской газете «Неделя “Народного слова”» (№ 2. С. 3) печатается стихотворение «Монгол» («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»).

Апрель, 27 (14). В петроградской газете «Современное слово» (№ 3541. С. 2) помещается рецензия В.Яковлева «Литературные наброски. Сборник “Эпоха”».

Рецензент, в частности, пишет: «...очень показателен только что вышедший в Москве сборник “Эпоха”, в котором приняли участие наши лучшие литературные силы». Упомянув стихотворения Савинкова-Ропшина и А.Белого, критик отмечает: «Еще более далеки от подлинной эпохи и остальные поэты, участвующие в сборнике — меднозвучный, но хладный сердцем Валерий Брюсов, сухой лирик Бунин, беспечный гусляр А.Толстой, разочарованный Блок».

Апрель, 28 (15). В московской газете «Родина» (№ 18. С. 5–6) публикуется анкета «Что делать?», на которую дает ответ Бунин.

Во вступительной заметке к анкете, в частности, говорится: «Пред лицом национального унижения, в условиях распада страны, ее внутреннего и внешнего полити-

ческого и экономического порабощения, ее фактической беззащитности, – остается ли для нас не призрачная надежда на возрождение и на искупленье духовное и материальное? Куда идти? Что делать? Чем убить неверие и окрылить веру?»

Ответ Бунина: «Тому страшному и чудовищно-нелепому, что творится в России и над Россией, равно как и народному равнодушию к ней, нет примера в мировой истории, — поистине мысль отказывается воспринимать совершающееся, хотя, казалось бы, не мне говорить так, не мне испытывать это в такой мере, ибо для меня-то совершающееся является только логическим следствием общего строя русской души, за изображение которой еще так недавно многие яростно восставали на меня. Да и слишком широко, слишком обще поставлены вопросы "Родины"... что можно ответить на них в газетной заметке, наспех?

Одно скажу: пора до конца убедиться, что наша интеллигенция, которая со времени прошлогоднего переворота должна была стать руководительницей государства, оказалась мало к тому пригодной прежде всего потому, что не знала и не хотела знать по-настоящему русского народа, и что в этом положении находится почти вся она — вплоть до "рабоче-крестьянского правительства", многие члены которого, я уверен, никогда даже в глаза не видали ни одного крестьянина; пора признаться полностью, что мы не имеем политического воспитания, лишены политического такта, жили одними абстракциями; пора перестать мыслить о России по традициям, по книгам, по газетам, по произведениям беллетристическим, над ролью которых для интеллигентских идеологий, к сожалению, еще никто не задумывался, и которые, в общем, принесли своей идеалистической лживостью очень большой вред России, как ни странно сказать это, твердо стать на путь общения с подлинной жизнью, на путь трезвого и непрестанного ощущения ее, на путь полного разрыва с "нас возвышающими обманами" и всяческой фразой, особенно же фразой на лады мистические и вообще мессиански-пророческие, звучащей в такие дни, как наши, величайшим кощунством и бесстыдством, если только не простым идиотизмом...»

Также на анкету ответили: О.С.Минор, С.Л.Маслов, Н.П.Огановский, И.З.Штейнберг, проф. П.И.Новгородцев, А.К.Дживелегов, Я.И.Маза, Е.Кускова, М.Осоргин, Б.Воронов, Л.Козловский, А.Н.Толстой, Е.Н.Чириков, Ю.И.Айхенвальд, М.О.Гершензон.

В петроградской газете «Новая жизнь» (№ 79. С. 4) публикуется рецензия Вяч.Полонского на 1-ю книгу сборника «Эпоха» (М., 1918).

Рецензент пишет: «Перед нами красивая книга, с отпечатком определенного вкуса. Авторы — знакомые имена, старая гвардия символизма – Белый, Брюсов, Блок, Сологуб. Правда, есть здесь Бунин и Михаил Кузмин, Алексей Толстой, — и даже Савинков-Ропшин, — но последние не нарушат ансамбля сборника. У этой книги есть стиль».

Апрель, 29 (16). Бунин снимает в банке свои сбережения.

В дневнике он пишет: «Был в сберегательной кассе, — лучше все выбрать, в дикарских странах банки и кассы — смех, прежде умней были — в землю зарывали.

<...> В "Парус" (для альманаха) послал (уже недели 2 тому назад): "Золотыми цветут остриями...", "Просыпаюсь в полумраке...", "Этот старый погост...", "Стали дымом...", "Тает, сияет...", "Что впереди" и "Мы рядом шли..."».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 61–62.

Альманах в издательстве «Парус» не выходил.

Апрель, 28 или 29 (15 или 16). Бунин посылает в газету «Наш век» стихотворение «У ворот Сиона, над Кедроном...» и пишет сотруднику редакции в сопроводительном письме:

«Очень рад исполнить просьбу "Речи". Но простите — сейчас могу предложить только стихотворение. <...>

Гонорар — десять рублей строка».

Письма (*2*). С. 405.

Газета «Наш век» выходила с 1917 г. вместо газеты «Речь».

См.: 4 мая (21 апреля) 1918, третья запись.

Апрель, 30 (17). Бунин забирает из банковского сейфа рукописи и ценности. Вечером приходит в гости к Л.А.Авиловой.

В дневнике он пишет: «Утром отвратит<ельные> ощущения — ходил в Лионский кредит, в сейф за чековой книжкой. Со зла взял из ящика все — черновики, письма, столовое серебро и т.д. — оставил только бумагу в 500 р. — кажется, военный заем. <...>

Москву украшают. Непередаваемое впечатление — какой цинизм, какое жидовское издевательство над этим скотом — рус<ским> народом! Это это-то народ, дикарь, свинья грязная, кровавая, ленивая, презираемая ныне всем миром, будет праздновать *интернационалистич<еский>* праздник! А это хамское, несказанно-нелепое и подлое стаскивание Скобелева! Сволокли, повалили статую вниз лицом на грузовик... И как раз нынче известие о взятии турками Карса! А завтра, в день предания Христа — торжество предателей России!

Вечером у Авиловых. Слава Богу, дождь! Если бы и завтра, да сколь возможно проливной! Вот уж поистине все чуда ждешь, — так страшно изболела душа! Хоть бы их гроза убила, потоп залил! <...> Домовый комитет наш трусит, — ищет красной материи на флаги, боится, что не исполнит приказания "праздновать" и пострадает. И во всей Москве так. Будь проклят день моего рождения в этой проклятой стране!

А Айхенвальд — да и не один он — всерьез толкует о таком ничтожнейшем событии, как то, что Андрей Белый и Блок, "нежный рыцарь Прекр<асной> Дамы", стали большевиками! Подумаешь, важность какая, чем стали или не стали два сукина сына, два набитых дурака!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 62.

Окончательно памятник М.Д.Скобелеву в Москве был снесен 1 мая (18 апреля) 1918 г.

Имеется в виду статья Ю.И.Айхенвальда «Революция — не спектакль» (Раннее утро. 21 (8) февр. (№ 26). С. 1), в которой говорится, в частности, по поводу статьи А.А.Блока

«Интеллигенция и Революция»: «Не только в литературных кружках, но и в общественных кругах произвела большое впечатление весть о том, что поэт Блок, — правда, авторитетный в лирике, а не в политике, — торжественно благословил большевизм и принял его под свою высокую руку. Этим он пошел вразрез остальной литературе нашей, которая за немногими и невыразительными исключениями отвернулась от господствующей партии, от нынешнего правительства. <...>

И как больно, что к этим возмущающим душу явлениям надо причислять и нежного лирика, крупного поэта, Александра Блока! <...>

Какое кощунство! Какая сухость сердца, особенно угрожающая и поразительная у поэта! Какой цинизм! Очевидно, Блок считает неизбежным, чтобы летели щепки, когда рубят лес. <...> Блок с легким сердцем, повторяю, с сухим сердцем, воспринимает нынешнюю трагедию как пьесу, и что летят щепки живые, одушевленные, страдающие, — это его не касается... <...> Нельзя и грешно аплодировать революции как спектаклю. Это бессовестно, безбожно, бесчеловечно».

Май, 1 (Апрель, 18). Бунин читает газету «Жизнь», возмущаясь ее содержанием. Днем к Бунину приходит М.О.Цетлин и приглашает принять участие в эсеровской газете «Возрождение».

В дневнике Бунин пишет: «Чудовищно-скотские подробности поведения Дыбенко (началось его дело). Идиотски-риторические вопли Андрея Белого в “Жизни” по поводу 1-го мая. Вообще газета эта верх пошлости и бесстыдства. А меж тем в ней чуть не все наши знаменитости. Негодяи!

Везет им! День очень хороший, солнечный, хотя сильно прохладный. Выходил, был на Арбатск<ой> пл<ощади>, на Никитской. Город довольно чист и очень довольно пуст. Оживления в толпе, на лицах нет. Был Цетлин (Мих. Осип. — 1-51-88), приглашал в эсеровскую газету (Бунаков, Вишняк и т.д.). Литературный отдел все та же очень сплачивающаяся за последнее время сволочная компания — Гершензон, Шестов, Эренбург, В.Инбер и т.д. Дал согласие — что делать! Где же печататься, чем жить?»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 62–63.

Стихотворение А.Белого «Первое мая» напечатано в газете «Жизнь» (1 мая (18 апр.) (№ 8). С. 3). Редакторы газеты «Жизнь» А.Боровой и Я.Новомирский; в состав сотрудников «Жизни» входили: Ю.И.Айхенвальд, С.Ауслендер, Ю.Балтрушайтис, Б.С.Боднарский, Н.И.Бронштейн, В.Брюсов, А.Белый, К.Н.Вентцель, М.Волошин, Вл.Волькенштейн, И.И.Горбунов-Посадов, Вл.Гронский, Вера Инбер, С.Г.Кара-Мурза, Л.Копылова, Н.Крандиевская, Н.И.Лебедев, В.Г.Лидин, А.Блок, М.Пришвин, В.И.Рындзюн, А.Ремизов, Ю.Соболев, гр. А.Н.Толстой, Вл.Ходасевич, А.П.Шполянский, И.Эренбург, А.Ахматова.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Первое мая нового стиля падало на Среду Страстной. Большевики, истративши очень много денег на праздник пролетариата, отметили его, как полагается, красным цветом, шествиями, музыкой, пением интернационала рабочими и работницами».

Дневники. Т. 1. С. 169.

Май, 2 (Апрель, 19). Днем Бунин посещает «Книгоиздательство писателей в Москве», беседует с Н.С.Клестовым. Затем идет на прием

к В.М.Фриче хлопотать о заграничных паспортах. Заходит в редакцию газеты «Новая жизнь». Вечером навещает Ю.А.Бунина.

В дневнике он пишет: «Воротился в 10 от Юлия. Фонарей нет — зато вчера праздновали — горели до 12, против всякого обыкновения. Темно на Арбате, на площади — на Поварской-то всегда с 10 темно. <...>

В 12 был в книгоиздат<ельстве> — Клестов говорит, что они хотят отменить торговлю — всякую. Идиот сукин сын! Потом — к Фриче! Узнать о заграничных паспортах. Нет приема. Сказал, чтобы сказали мою фамилию, — моментально принял. Сперва хотел держаться официально — смущение скрываемое. Я повел себя проще. Стал улыбаться, смелей говорить. Обещал всяческое содействие. <...>

Два раза был в “Нов<ой> жизни” на Знаменке. <...> когда я был там в 5 часов, их, оказывается, хотят “вышибать” латыши. <...>

В 6-м <часу> был с Верой у Коган. Коган перековал язычок — уже ругает большевиков. Бессовестный жид! <...>

Идя к Коганам, развернул “Веч<ернюю> жизнь” — взята Феодосия! Севастополь “в критич<еском> полож<ении>”. Каково! Взят Карс, Батум, Ардаган, а по Поварской нынче автомоб<иль> с турецким флагом! Что за адская чепуха! Что за народ мы, будь он трижды и миллион раз проклят!

Митя <Д.А.Пушешников> был на Красн<ой> площ<ади>. Народ, солдаты стреляют, разгоняют. Народ волнуется, толпится против башни, на которой вчера завесили кумачом икону, а кумач — на месте иконы истлел, исчезал, вываливался. Чудо!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 63–64.

Май, 3 (Апрель, 20). Бунин с Н.А.Пушешниковым идут на Красную площадь, чтобы посмотреть на надвратную икону Никольской башни Кремля.

В дневнике от 4 мая (21 апреля) Бунин пишет: «Вчера были с Колей против Никольских ворот. Народ смотрит на них с Никольской, кучка стоит на углу Музея. Мы стояли там. Одни — “чудо”, другие его отрицают: гнусный солдат латыш, отвратное животное еврей студент, технолог, что ли; в кучке этой еще несколько (безмолвствующих, видимо, желающих понять “как дело”) евреев. Меня назвали “чиновником старого режима” за то, что я сказал студенту, что нечего ему, нерусскому, тут быть. Потом суматоха — солдаты погнали в шею какого-то купца. Студент кричал на меня: “Николаевщиной пахнет!” — науськивал на меня. Злоба, боль, чувства самые черносотенные.

В 6 у Ушаковой. Она рассказала, что в Киеве офицерам *прибивали гвоздями погоны.* <...>

Вчера от Ушаковой зашел в церковь на Молчановке — “Никола на курьих ножках”. Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа

и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 64.

В статье «В этот день» Бунин пишет: «А потом я плакал на Страстной, уже не один, а вместе со многими из тех, которые поздними темными вечерами, среди темной Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, собирались, подобно первым христианам, по темным, стареньким церквам, скудно озаренным красными огоньками свечей, и плакали, слушая горькое страстное пение: "Волной морскою... гонителя, мучителя под водою скрыша...". Сколько тогда стояло в этих церквах людей, прежде никогда не бывавших в церкви, сколько плакало, никогда не плакавших!»

См.: 8 октября (25 сентября) 1919, вторая запись.

Н.А.Пушешников записывает в дневнике: «Перед обедом ходили с И.А. смотреть (к Никольским воротам) "чудо". <...> Все говорят о чуде, говорят разное. <...> Между Музеем и стеной митинг. Оратор указывает на красное полотно, которым завешена башня ворот, — приблизительно на средине оно продралось, почернело и падает черными клоками, похожими на пепел. В отверстие иногда виден лик иконы. Пока мы ходили (с час) по площади, черное отверстие стало еще больше. Какой-то купец сказал, что верит в чудо. Его схватили и куда-то потащили солдаты, толкая в шею. Купец в ватном пиджаке, в сапогах. "Эх, русичи!" — сказал И.А.

После обеда разбирали книги с И.А. Пришел Ю.А.<Бунин>.

Вечером опять у И.А. Он только что пришел из церкви. Глаза заплаканы.

— После всей этой мерзости, цинизма, убийств, крови, казней я был совершенно потрясен. Я так исстрадался, я так измучился, я так оскорблен, что все эти возвышеннейшие слова, иконостас золотой, свечи и дивной красоты песни произвели на меня такое впечатление, что я минут пятнадцать плакал навзрыд и не мог удержаться. Всё, что человечество создало самого лучшего и прекрасного, всё это вылилось в религию. Да! Только в редкие минуты нам дано это понимать».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/7 оф, л. 125–127.

Май, 4 (Апрель, 21). Поздно ночью Бунин с В.Н.Муромцевой идет в церковь «Николы на курьих ножках» на Пасхальную службу.

Ночью в дневнике Бунин пишет: «Сейчас был с Верой там же <в церкви>. "Христос Воскресе!" Никогда не встречал эту ночь с таким чувством! Прежде был холоден.

На улицах — полная тьма. Хоть бы один фонарь дали, мерзавцы! А 1-го мая велели жечь огонь до 12 ч. ночи.

А в Кремль — нельзя. Окопались жиды. Троцкий пропустил только 500 — избранных — да и то велел не шататься возле церквей. <...>

О, Господи, неужели не будет за это, за эту кровавую обиду, ничего?! О какая у меня несказанная боль и злоба к этим Клестовым, Троцким, матросам. <...>

Пасхальные № газет — верх убожества.

Какой напев нынче “Волною морскою...” Нежная гордость, что Господь покарал “гонителя-мучителя”, скромная радость, грусть...».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 64.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «А в Святую ночь новые хозяева не только решились нарушить вековой обычай — лишить москвичей Кремля и волнующих полновесных ударов Ивана Великого, — но даже ради такого большого праздника не позволили хотя бы скудно осветить улицы. <...>

Мы с Яном были у Заутрени в церкви “Никола на Курьих Ножках”. Родители не рискнули пробираться в темноте... Маленькая уютная старинная церковка была полна народом. <...> И первый раз за всю жизнь “Христос Воскресе” не вызвало праздничной радости. И тут, может быть, мы впервые по-настоящему поняли, что дышать с большевиками одним воздухом невозможно».

Дневники. Т. 1. С. 169–170.

В московской газете «Народное слово» (№ 20. С. 5) печатается стихотворение «Колыбельная» («На глазки синие, прелестные...»).

В петроградской газете «Наш век» (№ 89. С. 3) публикуется стихотворение «У ворот Сиона, над Кедроном...».

Май, 5 (Апрель, 22). Бунин размышляет о писателях и русском народе.

В дневнике Бунин записывает: «Плохие писатели почти всегда кончают рассказ лирически, восклицанием и многоточием.

Как дик культ Пушкина у поэтов новых и новейших, у этих плебеев, дураков, бестактных, лживых — в каждой черте своей диаметрально противоположных Пушкину. И что они могли сказать о нем, кроме “солнечный” и т<ому> п<одобных> пошлостей! А ведь сколько говорят!

Светлый день, а я все думаю о народе, о разбойниках мужиках, убийцах Духонина, Кокошкина, Стрельцовой. Нет, надо бы до гробовой доски не поднимать глаз на этих скотов!

Вместо “Немецкой улицы” — исторического, давнего названия — улица Баумана! О! И этого простить нельзя!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 65.

Май, 6 (Апрель, 23). Бунин в гостях у Чириковых.

В дневнике от 7 мая (24 апреля) Бунин пишет: «Вчера у Чириковых. Койранские, Щепкина-Куперник (оч<ень>, оч<ень> приятна, — что значит прежнее литературное поколение!). Все нездоровилось — все около 37 — погибаю в этом подвале у Муромцевых — а деться буквально некуда! Всю зиму всю голову сломал — куда бы уехать!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 65.

В московской газете «Свобода» (№ 47. С. 1–2) печатается рецензия Н.Абрамовича «О вечном и о “пыли злободневности”. (“Эпоха” — сборник стихов и прозы)».

Рецензент, в частности, пишет: «Но что подлинно прекрасно в “Эпохе” красотой, тревожащей дуновением истинной живой поэзии — это “Август” Бунина. Долгие годы он непроизвольно и с чудесной свежестью строк и образов пел легкую сладость неоскверненной и чистой жизни природы, вырисовывал с тонкой тщательностью миниатюриста легкие и смутные оттенки чувств. А в годы последние, видимо “отяжелен днями”, стал все чаще задумываться о соотношении с тем безмерным и пугающе немым и пустынным, в чем утопает призрачная самоцельность и беспомощный трепет человеческого сознания. <...>

Бунин честен и последователен в своей мысли. Он решается на этот упрямый и черный бросок: — “Но Бог, не жизнь...” Это выдает одну из основных черт внутренней структуры Бунина: — чудесный поэт воздуха, света, трав, далей и ветра полей, — он весь только земное поэтическое ощущение жизни, он только — музыка чувств. В нем нет чувства запредельного и ему не коснуться этой запредельности. Для него “Бог не жизнь”, для него это Общее — отрицание теплой жизни, пустынный холод. Для него — с прекращением жизненных восприятий, чувств — кончается все». Процитировав часть стихотворения, критик отмечает: «Выписывать здесь эту строгую и дивную музыку стихов было для меня истинным наслаждением. Но как внятно высказывает здесь себя поэт. Бог для него — это только разум, Он только в его сухой, отвлеченной мысли. В чувстве Бунина — Бога и запредельности нет. Сказано все. <...> Вот что можно определенней всего сказать о Бунине, как о поэте — “столь чувствующий землю...”. Тончайшее зеркало свежих чувств — он противопоставил себя “Его пустой холодной немоте”. Эта исповедь поэта, выраженная столь совершенно, — очень важна для его облика».

Май, 8 (Апрель, 25). У Буниных много гостей; проходит заседание литературного кружка «Среда».

В дневнике Бунин отмечает: «День большого беспрерывного волнения: переворот на Украине (“Экстренный выпуск “Известий””). Прочли этот выпуск с Колей у Юлия. Радость, злорадство острое. <...>

У нас было много народу (наша “Среда”). Масса слухов <...>».

СС (2). Т. 8. С. 66.

Украинская Центральная Рада и Украинская Народная Республика 29 (16) апреля 1918 г. были упразднены австро-германской властью и заменены правительством гетмана П.П.Скоропадского, возглавившим Украинскую Державу.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Жить мы уже стали кварталами. Развлекаться — только литературными “Средами”, которые после изгнания из “Кружка” происходили в воскресенье в приютившем их “Юридическом обществе” на Малой Никитской».

Дневники. Т. 1. С. 171.

Май, до 9 (Апрель, до 26). Выходит сборник «Весенний салон поэтов» (М.: Книгоиздательство «Зерна», 1918), в котором (с. 53–56) помещаются пять стихотворений Бунина: «В Апеннинах» («Поэзия темна, в словах невыразима...»), «Кадильница» («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»), «У гробницы Виргилия, весной» («Дикий лавр, и плющ, и розы...»), «Бегство в Египет» («По лесам бежала Божья Мать...»), «Даль» («Лиман песком от моря отделен...»).

Граница события определена по рецензии на сборник в газете «Анархия» (9 мая (№ 54). С. 4), Бунин не упоминается.

См. также: 10 мая (27 апреля) 1918, вторая запись.

По *Книжной летописи* эта книга вышла между 17 и 25 февраля 1919 г.

Май, 9 (Апрель, 26). Бунин читает газеты; вместе с В.Н.Муромцевой обедает у В.В.Пашуканиса.

В дневнике Бунин пишет: «С утра все время — чтение газет.

В 5 на обед к Пашуканису (изд. “Мусагет”). Художн<ик> Ульянов, Бальмонт, Белый, Зоя, Лид.Ив.Некрасова, Вера, я, муж Л<идии> И<ановны>.

Сперва все время мой спор с Андр<еем> Белым. Он вывертывается, по-моему, отрекаясь от большевиков, болтая мутно все одно, смысл чего: из этой грязи и крови родится нечто божественное — и т.д. При встречах он, впрочем, всегда симпатичен. Бальм<онт> был разумен, прост».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 66.

Май, 10 (Апрель, 27). К Бунину приходят Л.Б.Яффе, М.О.Цетлин и просят его о сотрудничестве в газете «Возрождение».

В дневнике Бунин пишет: «Был Яффе, просил участвовать в “Палестинск<ом> вечере”, был Цетлин — просит рассказ в свою газету (“Возрождение”)».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 66.

Состоялся ли планируемый вечер и участвовал ли в нем Бунин установить не удалось.

В московской газете «Вечерняя жизнь» (№ 39. С. 3) в рубрике «Литературный блокнот» сообщается в информационной заметке «Салон поэтов» (без подписи):

«Издательство “Зерна” выпустило альманах “Весенний салон поэтов”, в коем собраны стихи 48 авторов. <...>Участвуют в “Салоне” поэты самых разнообразных течений, школ и направлений.

Чеканно строгий, взыскательный академик Бунин и самодовольно ухмыляющийся Фердыщенко наших дней — г. Маяковский».

Май, 11 (Апрель, 28). Бунин читает газеты.

В дневнике от 13 мая (н. ст.) он отмечает: «Позавчера почти весь номер “Нов<ой> жизни” — травля кадетов. Горького статья особенно — нечто выдающееся по глупости, ни́зости, наглости, злобе.

Все дни — слух, слух — и у всех страстное ожидание переворота на манер киевского».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (*2*). Т. 8. С. 66.

Имеется в виду номер газеты «Новая жизнь» от 10 мая (27 апр.) 1918 (№ 86), в которой (с. 1) публикуется статья А.М.Горького «Несвоевременные мысли», где он отстаивает свою точку зрения по вопросу «демократизации науки». Полемизируя с Д.В.Философовым, выступившим в газете «Наш век» против этой идеи, Горький пишет: «Мне всегда были враждебны

злобные жалобы бездарных неудачников, которые не имеют силы и великодушия забыть или простить толчки и царапины, нанесенные им в суете житейской неосторожным или одичавшим ближним. <...> я <...> являюсь убежденным сторонником необходимости демократизировать науку. Но, как это само собою разумеется, свободное развитие науки должно предшествовать свободному распространению ее, и существенно необходимо, чтобы высшее учебное учреждение страны было совершенно независимо в своем творчестве. <...> я только говорю, что если бы Академия взяла на себя труд знакомить широкую публику с ходом ее работ по “развитию науки” — она совершила бы этим дело и национально и социально важное. <...> Наука — наиболее грандиозное и поразительное из всех безумств человечества, это самое возвышенное безумство его! <...>

Какова же суть этих взглядов <Философова>?

Суть их — злоба против демократии, и, как видно из статейки г. Философова, эта злоба становится все более наглой. Я уже указывал, что социалистическая демократия не имеет более злого врага, чем тот, который ежедневно шипит со строк “Нашего века”. Сотрудники этого органа все более откровенно выбалтывают свое отношение к революции, все более твердо становятся на почву реакции, и несомненно, что они снова готовятся сыграть ту предательскую, развращающую роль организаторов политической и духовной реакции, которая удалась им после 905 г. <...> Это враг непримиримый, ибо это — враг по духу».

См.: 8 мая (25 апреля) 1918.

Май, 12 (Апрель, 29). На заседании литературного кружка «Среда» Бунин участвует в обсуждении прочитанных произведений: В.Г.Лидин — рассказ «Олень», В.Ф.Ходасевич и Л.Ф.Копылова — стихи.

Также присутствуют: А.Чумаченко, Н.Крандиевская, И.Эренбург, П.С.Коган, А.Б.Дерман и др.

См. отчетную заметку в газете «Раннее утро» (14 (1) мая (№ 84). С. 3).

См.: 8 мая (25 апреля) 1918.

В дневнике от 13 мая (н. ст.) Бунин отмечает: «Вчера “Среда”. Читал Лидин (“Олень”), стихи — Ходасевич и Копылова. Кучка жидов — Эренбург, Соболь — все наглеет, Эренбург опять стал задевать меня — пшютовским, развязным, задирчивым тоном. Шкляр — “страстную” речь по этому поводу. Я сказал: “Да, это пора бросить!” Начался скандал. Толстой злой на меня за “Элит”, — на их стороне. “Эренбург — большой поэт”. А как он три месяца тому назад, после чтения стихов Эренбурга, ругал Эренбурга “поганым жидом”!»

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.

СС (*2*). Т. 8. С. 66.

См.: 14 (1) апреля 1918, вторая запись.

Май, 13 (Апрель, 30). Бунин беседует с продавцом газет на улице о текущих событиях.

В дневнике он пишет: «Нынче говорил на углу с газетчиком и еще <с> кем-то из народа. Бесполезно! В голове тьма, путаница самых противоположных вещей, в сердце — только корысть, материальное».

СС (*2*). Т. 8. С. 66–67.

Май, 14 (1). Умирает В.В.Бибикова. А.Н.Бибиков приходит к Бунину и сообщает о смерти жены.

В дневнике Бунин пишет: «Утром в 10, когда я еще в постели, — Арсик — плачет — умерла Варв<ара> Влад<имировна>.

Весь день и в момент этого известия у меня никаких чувств по поводу этого известия. Как это дико! Ведь какую роль она сыграла в моей жизни! И давно ли это было — она, молоденькая, мы приехали с ней в Полтаву... Ехали — в Харькове на вокзале поцеловала у меня руку и <далее автограф обрывается>».

РГБ ОР, ф. 622, к. 3, ед. хр. 33.
СС (2). Т. 8. С. 67.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 15 (2) мая 1919 г.: «Год со смерти Варвары Владимировны Бибиковой. Как ясно помню я весь этот день. Утром торопливые шаги Арсика к Яну. <...> Вечером я одна отправилась к ним на панихиду. Но панихиды не было. Я поклонилась телу усопшей»

Дневники. Т. 1. С. 252–253.

Май, 17 (4). В городе Козлове Бунин выступает на «Вечере поэзии И.А.Бунина», устроенном Обществом студентов и курсисток г. Козлова.

В вечере также участвуют Ю.И.Айхенвальд и В.К.Сережников.

Чистый сбор с вечера предназначен для устройства общеобразовательных курсов.

См. афишу творческого вечера: РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 135.

Май, 18 (5). В городе Тамбове Бунин выступает на «Вечере творчества И.А.Бунина».

Также в вечере принимает участие Ю.И.Айхенвальд.

См. афишу творческого вечера: РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 135.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «В начале мая Ян вместе с Ю.И.Эйхенвальдом ездили в Тамбов и Козлов, где устраивались “Бунинские вечера”, откуда они привезли окорока, муки и круп, а Ян еще твердую и непоколебимую уверенность, что нужно уезжать, и как можно скорее, на юг, где с воцарением Гетмана большевики были прогнаны. Его поездка дала ему подлинное ощущение большевизма, разлившегося по России, ощущение жуткости и бездонности. <...>

По совету опытных людей Ян решил ехать через Оршу. Ему обещали в санитарном поезде устроить проезд. <...>

Мы звали с собой ехать Юлия Алексеевича, но он решил ждать выздоровления Н.Ал.П<ушешникова>, который тоже намеревался приехать к нам».

Дневники. Т. 1. С. 171.

Май, 20 (7). В московской газете «Слово» (№ 9. С. 1) печатается рецензия-анонс Ю.Айхенвальда «Вечно-русское» на 8-й сборник «Слово».

Критик пишет: «Выходящий на днях в Книгоиздательстве писателей восьмой сборник “Слово” начинается этюдом Ивана Бунина — “Соотечественник”. Написанные с обычным для автора мастерством, хотя и не прибавляющие ему новых лавров, эти несколько насыщенных страниц заставляют, по воле писателя и во след ему задуматься о какой-то роковой психологической меже, отделяющей европейца от русского». Пересказав фабулу рассказа, критик отмечает: «В уста его <Зотова> Бунин влагает “тонкость, страстность, красноречие, которых никак нельзя было

ожидать от него", этой оговоркой автор будто страхует себя от возможного упрека в неправдоподобности; но скептик читатель думает все-таки, что тонкости, страстности и красноречию Зотова много способствовал Бунин. И тем не менее отрадно слышать от дельца его взволнованные воспоминания. <...>

Сознательно Бунин мистиком не хочет быть, но русскую душу невольно, повинуясь правде, следуя компасу своего таланта, рисует он в налетах мистицизма. И его Зотов, коммерсант Зотов, говорит о своем чувстве предсуществования, о мистериях звезд, о "горячечном дыхании нашей страшной Прародины"...

А кончается беседа писателя с его соотечественником так, что Зотов называет себя человеком обреченным. <...>

Аккорд русской музыки! На острове Цейлоне звучит он такой тоскою по родине и таким возвращением на эту матушку-родину...

Неуравновешенна русская душа, играет она, волнуется, тоскует, — пьяная, безалаберная, нервная, и никогда она не станет европейской, и никакое южное солнце не выжжет ее специфической сердцевины. Многое в нашей истории и в нашей дикой современности объясняется именно той национальной психологией, которую в своем очерке набросал Бунин. И за многое эту психологию хочется осудить. Но то, что русская душа не сыта, не самодовольна, не механична, — это составляет такую ценность, которая неизмеримо дороже благовоспитанной души европейца, и в которой можно видеть залог будущих возрождений. В русской душе стелются дали: странная она, но и странница, блудница и богомолка, нелепая и прекрасная, сочетающая в себе, по слову Достоевского, идеал Содома и светлый идеал Мадонны. Это своим рассказом подтвердил Бунин».

Май, 22 (9). Комиссар по иностранным делам при Московском совете рабочих и солдатских депутатов выдает Бунину и В.Н.Муромцевой удостоверение-пропуск с разрешением выезда из Москвы в Киев.

РАЛ. MS. 1066/1234.

Май, 23 (10). Немецкая комиссия для военнопленных выдает Бунину и В.Н.Муромцевой удостоверение-пропуск для проезда через немецкую пограничную линию на Украине.

РАЛ. MS. 1066/1235.

Главный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым солдатам выдает Бунину и В.Н.Муромцевой удостоверение-пропуск с разрешением проезда в санитарном поезде до остановки Барановичи.

РАЛ. MS. 1066/1236.

Май, 24 (11). Комиссар по иностранным делам при Московском совете рабочих и солдатских депутатов выдает Бунину и В.Н.Муромцевой удостоверение с разрешением каждому взять с собой по 1500 рублей на Украину.

РАЛ. MS. 1066/ 1237.

Май, 26 (13). В литературном кружке «Среда» А.Б.Дерман читает доклад «О творчестве А.Блока».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 38.

На этом собрании присутствует Бунин и принимает участие в обсуждении поэмы А.А.Блока «Двенадцать».

В мемуарном очерке «Третий Толстой» Бунин вспоминает этот день и приводит свои слова о поэме: «Что до “Двенадцати”, то это произведение и впрямь изумительно, но только в том смысле, до чего оно дурно во всех отношениях. Блок нестерпимо поэтичный поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка в простоте, все сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким стилем все можно опошлить. Но вот после великого множества нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому не понятных, литературно выдуманных символических, мистических стихов, он написал наконец нечто уже слишком понятное. Ибо уж до чего это дешевый, плоский трюк: он берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым догола, и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатней, но ведь в конце концов все ее деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нее идет Сам Христос, что это Его апостолы. <...>

“Двенадцать” есть набор стишков, частушек, то будто бы трагических, то плясовых, а в общем претендующих быть чем-то в высшей степени русским, народным. И все это прежде всего чертовски скучно бесконечной болтливостью и однообразием все одного и того же разнообразия, надоедает несметными ай, ай, эх, ах, ах, ой, ой, тратата, трахтатах... Блок задумал воспроизвести народный язык, народные чувства, но вышло нечто совершенно лубочное, неумелое, сверх всякой меры вульгарное. <...>

А “под занавес” Блок дурачит публику уж совсем галиматьей, сказал я в заключение. Увлекшись Катькой, Блок совсем забыл свой первоначальный замысел “пальнуть в Святую Русь” и “пальнул” в Катьку, так что история с ней, с Ванькой, с лихачами оказалась главным содержанием “Двенадцати”. Блок опомнился только под конец своей “поэмы” и, чтобы поправиться, понес что попало: тут опять “державный шаг” и какой-то голодный пес — опять пес! — и патологическое кощунство: какой-то сладкий Исусик, пляшущий (с кровавым флагом, а вместе с тем в белом венчике из роз) впереди этих скотов, грабителей и убийц».

СС (2). Т. 8. С. 310, 311, 313.

Н.А.Нолле-Коган в письме А.А.Блоку от 6 июня (25 мая) 1918 г. рассказывает об этом собрании: «В обществе “Среда” было заседание, на котором Дерман читал доклад о Вас. Доклад озаглавлен был “Творчество А.Блока”. Доклад убийственно бездарный, он хвалил Вас за творчество дореволюционное и разносил за революционное, хотя поэму “Двенадцать” назвал талантливой. Тут все на стену полезли, особенно негодовал Ив.Бунин, а т.к. он “генерал”, то слушали с почтительным молчанием и сочувствием. <...> я <...> не вытерпела и сказала, что очарования А.Блока, я уверена, я знаю, и половина здесь присутствующих не знает, но если,

читая, переживать все сердцем, всей кровью, что читаешь, то из-под власти его гения нам не уйти, и я хочу доказать это и, если собрание разрешит, прочту несколько его стихотворений, и я верю, что-то неуловимо-враждебное, что сейчас витает в воздухе к поэту, пройдет и сменится восторгом и большой к нему нежностью. Читала я <...> много еще, несколько раз я кончала, но просили еще. Я так была рада, потому что заранее верила в вашу победу. Ив.Бунин подошел со словами: “Вы победили, Надежда Александровна”, а когда я с радостью ответила ему: “Да, гений поэта победил”, он, усмехаясь, с поклоном подал мне ветку белой сирени...».

ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 329.

Поэма А.А.Блока «Двенадцать» напечатана в газете «Знамя труда» 3 марта (18 февраля) 1918 г. (№ 141). В мае 1918 г. вышло отдельное издание поэмы.

Май, 21 (8)...26 (13). Выходит восьмой сборник «Слово» (М., 1918) в котором (с. 7–16) печатается рассказ «Соотечественник».

Границы события определены по объявлению в газете «Понедельник “Народного слова”» (13 мая (№ 4). С. 8): «На днях выйдет из печати “Слово”. Сб. VIII»; а также по рецензиям.

См.: 20 (7) мая 1918; 30 (17) мая 1918; 13 июня (31 мая) 1918.

Май 30 (17). В московской газете «Свобода России» (№ 38. С. 6) в рубрике «Библиографические заметки» (подпись: И.) печатается рецензия на 8-й сборник «Слово».

Рецензент, в частности, пишет: «В сборнике и современное, и не имеющее к современности прямого отношения. <...> Но “смятенная, сморщенная и малая до жалости” душа читателя ищет отражения современности везде. Она находит ее даже в коротеньком, но сильном рассказе г. Бунина “Соотечественник”».

Июнь, 1 (Май, 19). А.Л.Волынский пишет Бунину из Петрограда:

«В виду намеченного в ближайшем будущем возобновления утреннего издания “Биржевых ведомостей”, позвольте обратиться к Вам с нижеследующей покорной просьбою. Не найдете ли возможным предоставить нам для напечатания в газете отдельные беллетристические очерки Ваши, не превышающие по своим размерам больших газетных фельетонов около четырехсот строк? Мы будем рады каждому Вашему законченному в художественном отношении произведению, носящему печать Вашей индивидуальности».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 80, л. 2.

Июнь, 2 (Май, 20). В московской газете «Новая жизнь» (№ 2. С. 4) помещается рецензия Вяч.Полонского «“Слово”. Сборник восьмой».

Рецензент, в частности, пишет: «Когда прочитываешь, например, великолепный рассказ Бунина, забываешь о том, что “сдвигаются древние пермские пласты” <...>.

Рассказ Бунина невелик, всего восемь с чем-то страничек. Это собственно не рассказ, а эскиз, портрет, набросок». Далее, пересказав содержание рассказа, критик продолжает: «С помощью нескольких диалогов Бунин как бы высекает перед нами талантливого, вечно пьяного и беспутного русского человека, который кипит замыслами и вдруг неожиданно приходит к заключению: “И вообще я человек обреченный... <...>”, но дело <...> даже не в самом образе нашего “соотечественника”, а в том очаровании мастерства, которое испытываешь при чтении рассказа».

Июнь, 3 (Май, 21). Народный комиссар по военным делам, Центральная коллегия о пленных и беженцах выдают Бунину и В.Н.Муромцевой пропуск с разрешением проезда в Киев через границу в Орше.

РАЛ. MS. 1066/1238.

Центральный эвакуационный комиссариат выдает Бунину и В.Н.Муромцевой рекомендательное письмо с просьбой о проезде в санитарном поезде до Орши.

РАЛ. MS. 1066/1239.

Июнь, 4 (Май, 22). Совет народных комиссаров г. Москвы и Московской области, Комиссия по эвакуации г. Москвы выдают Бунину удостоверение, дающее право Бунину на возвращение в Москву на постоянное проживание после 1 июля 1918 г.

РАЛ. MS. 1066/1240.

Июнь, до 5 (Май, до 23). Бунин пишет стихотворение «На даче тихо, ночь темна...».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.

В *СС* (*Петр*) (Т. 8. С. 197) авторская дата: «13.IX.1918» явно ошибочная. Датируется по времени отъезда Бунина из Москвы. См.: 5 июня (23 мая) 1918.

См.: 16 (3) июня 1918.

Июнь, 5 (Май, 23). Бунин с В.Н.Муромцевой уезжает из Москвы в санитарном поезде; на Савеловском вокзале их провожает Ю.А.Бунин.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «В четверг утром 23 мая <день недели указан по новому стилю> я, наконец, услыхала давно жданные, но все же для меня жуткие слова: “Поезд № такой-то отходит сегодня в 5 часов пополудни, в три часа вы должны быть на вокзале. <...>”».

РАЛ, MS.1067/349.

В дневнике от 25 мая (ст. ст.) Бунин пишет: «Мы третий день в пути. В Москве приехали на Савеловский вокзал в 3 ч. дня, 23-го, провожал Юлий, простившийся с нами на подъезде. В поезд сели в 7 ч. <...>. С Сав<еловского> вокзала мы тронулись только в час ночи, а с Александровского — в 3 ч. Спать пошли только в 4 — до того сидели с доктором этого санитарного поезда, пили тминную водку».

РАЛ, MS.1066/515.

Июнь, 6 (Май, 24). Днем Бунин с В.Н.Муромцевой прибывает в Вязьму.

В дневнике от 25 мая (ст. ст.) Бунин отмечает: «В Вязьме были в 3 ч. 24 мая и стояли там до вечера».

РАЛ, MS.1066/515.

Ю.А.Бунин в открытке пишет Бунину из Москвы:

«Возвратившись вчера с вокзала, ожидал от тебя звонка по телефону, но его не было. Полагаем, что вы уехали раньше, чем вы думали. <...> Был сегодня у Муромц<евых>. Там прислали для тебя письмо от утреннего издания “Бирж<евых> вед<омостей>” <...>, просят беллетр<истического> очерка — строк 400».

Письмо адресовано в Киев, Б. Владимирская, д. 6 А, кв 23. П.А.Тулуб для Бунина.

РАЛ. MS. 1066/2038.

С тем же текстом Ю.А.Бунин посылает Бунину открытку на имя П.А.Нилуса в Одессу (Княжеская, 27).

РАЛ. MS. 1066/2039.

Июнь, 7 (Май, 25). Рано утром Бунин с В.Н.Муромцевой прибывает в Смоленск, днем доезжают до Орши — пограничный город.

Бунин пишет в дневнике: «25 мая 1918 г. (старый стиль).

11 часов (по "нов<ому> времени"), Орша. <...>

В Смоленск прибыли рано утром 25-го, откуда тронулись в 5 утра. В Орше стоим уже 3 часа, не зная, когда поедем дальше».

РАЛ, MS.1066/515.

С февраля по октябрь 1918 г. город Орша был частично оккупирован немецкими войсками, через город проходила линия фронта, которая после заключения Брестского мира 3 марта (18 февраля) 1918 г. была преобразована в демаркационную линию; Орша — крупнейший железнодорожный узел Европы.

В московской газете «Жизнь» (№ 36. С. 4) печатается рецензия на восьмой сборник «Слово». Подпись: Л.

Рецензент, в частности, пишет: «...очередной (восьмой) сборник книгоиздательства писателей в Москве "Слово" <...> говорит, что наша сегодняшняя беллетристика вся еще во власти старого быта, грозы современности еще не захватили ее, она эти грозы еще не почувствовала, и та стихия, что властвует теперь над Россией, еще чужда, еще далека психологии наших больших художников. <...>

Ив.Бунин в "Соотечественнике" как будто нарочно блеснул коротеньким, совершенно далеким от современных настроений наброском, в котором не знаешь чему восхищаться, — мастерству ли, четкости и законченности образа русского таланта-самородка, заброшенного под тропики, или языком, той скупости слов, чисто бунинской, при которой только этот писатель умеет достигать таких художественных результатов».

Июнь, 8 (Май, 26). Днем Бунины переезжают границу в Орше.

Бунин пишет в дневнике: «Двинулись в 11 ч. 20 м. утра. В 12 ч. без 10 м. мы на "немецкой" Орше — за границей. Я со слезами сказал: "Никогда не переезжал с таким чувством границы! Весь дрожу! Неужели наконец я избавился от власти этого скотского народа!" Болезненно счастлив был, когда немец дал в морду какому-то большевику, вздумавшему что-то сделать еще по-большевистски.

Время здесь уже нормальное.

Немецкий пост, купил у немцев бутылку кюммеля. За завтраком и обедом у нас в поезде был помощник коменданта станции, немец 23 лет.

Едем на Жлобин».

РАЛ, MS.1066/515.

В московской газете «Возрождение» (№ 6. С. 2) помещается стихотворение «Из "Путевой книги"» («Осенний день. Степь, балка и корыто...»).

Июнь, 9 (Май, 27). Утром Бунины прибывают в Минск, где делают пересадку на другой поезд.

Бунин отмечает в дневнике: «Утром Минск. Сыро, скучно. Узнали, что поезд пойдет на Барановичи.

Из поезда пришлось непосильно тащить вещи на другой, Александровский, вокзал — больше версты. Помогли 2 больных солдата».

РАЛ, MS.1066/515.

На следующий день В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «10/28. Вчера были в Минске. Из санит<арного> поезда пришлось тащить вещи на Алекс<андровский> вокзал. С трудом нашли 2-х слабосильных солдат и мальчишку. <...> От коменд<анта> станции, немца, я узнала, что нам нужно ехать на Вильнский вокзал.

Нагрузив извозчика-еврея вещами, мы поехали на вокзал. <...> На вокзале мы узнали, что нужно взять пропуск для получения билетов на поезд. Поехали за разрешением <...>.

Когда мы поднялись наверх <...>, нас охватило отчаяние, т.к. выяснилось понемногу, что пропуски выдаются с большим трудом, что нужно коменданту подавать прошение, написанное на немецком языке <...>.

Ян был взбешен, расстроен, прямо не знал, что делать. <...>

Вдруг мы увидали сестру милосердия в кожаной куртке и пенснэ. Когда она узнала в чем дело, она выразила готовность помочь, сказав: "Да кто же вас не знает, Ив<ан> Ал<ексеевич>". Она сказала немцам, кто Ян, и те согласились дать нам пропуск».

РАЛ, MS.1067/349.

Немецкие власти выдают Бунину железнодорожный билет на проезд из Минска в Гомель.

РАЛ. MS. 1066/1241.

См. также: 11 июня (29 мая) 1918.

Июнь, 10 (Май, 28). В петроградской газете «Молва» (№ 4) печатается статья Л.Аркадского «Холостые выстрелы».

В статье, в частности, говорится: «Только что в Москве отменено запрещение продавать буржуазные газеты. Всероссийское советское контрагентство, очевидно, остается при особом мнении. Под запретом оказываются не только газеты, но и книги. <...>

Неизвестна судьба Пушкина и Толстого... Но современники... Неужели в index librōrum prohibitōrum <список запрещенных книг. — *лат.*> буржуазных книг попадут и Куприн, и Андреев, и Бунин...

У нас хотят отнять художественную книгу. Это до того нелепо, что этому просто не хочется верить <...>.

Но какая желчь злобы и бессилия разливается внутри, когда читаешь о том, как бесцельно, дико и грубо хотят задушить то, к чему еще не прикасалась никогда рука насилия — книгу».

Цитируется по вырезке: ОГЛМТ, ф. 14, № 3765/425 оф.

Июнь, 11 (Май, 29). Бунин с В.Н.Муромцевой прибывает в Киев.

См. пропуск на проезд от Минска до Киева между 9 и 11 июня 1918 г. (РАЛ, MS.1066/1242).

Июнь, 12 (Май, 30). Г.Д.Гребенщиков дарит Бунину свою книгу «Степь да небо» (Пг., 1917) с надписью:

«Чародею Великого Слова Российского Ивану Алексеевичу Бунину на благосклонный суд от автора. 12 июня 1918 г. Киев».

С двух берегов. С. 227.

Июнь, 13 (Май, 31). В московской газете «Раннее утро» (№ 106. С. 4) публикуется статья Ю.И.Айхенвальда «Отражения» — рецензия на 8-й сборник «Слово».

Критик пишет: «Первые же страницы восьмого сборника “Слово” (книгоиздательство московских писателей) насыщены таким рассказом Бунина, “Соотечественник”, который в сжатой и сильной форме, на очень коротком протяжении, дает художественный комментарий к нашей дикой современности.

Пусть героя своего Бунин встретил под тропиками и волшебством своей кисти переносит нас на остров Цейлон, все-таки глядит и из этой экзотической рамы портрет именно русского человека, и притом такого, который многое объясняет в прошлом и настоящем России. <...> так похож на иностранца крупнейший делец Зотов, — но нет, и русскую фамилию свою, и русскую психологию <...> сохранил этот бывший мальчишка московских амбаров; и вся солидность Европы, куда он попал 18 лет отроду, и все пряные щелочи Востока не могли смыть с него национальных черт. <...>

Хотя читатель испытывает иногда впечатление, что в тонкости и страстности речей Зотова, подернутых мистикой, больше повинен автор, чем герой, и что не Зотову, а Бунину принадлежит вся красота впечатлений от Южного Креста, от “первозданных звездных туманностей”, от Угольных Мешков, “этих траурных пролетов в бесконечность мировых пространств”, — но от этого образ соотечественника не становится менее выразительным и убедительным. И как завершающий аккорд всей этой русско-тропической музыки звучат последние слова Зотова: “Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, кажется, чем душа и мысли. <...>”.

Страшно запутаны русские дела и русская душа. Но то, что она не сыта, не самодовольна, не механична, — это составляет такую ценность, которая неизмеримо дороже благовоспитанной души европейца и в которой хочется видеть залог будущих возрождений. В русской душе стелются дали, видны перспективы; странная она, но и странница, блудница и богомолка, — прекрасная, но очень расстроенная скрипка...».

На этой же странице газеты воспроизводится шарж на Бунина работы художника Lettonus.

Июнь, 14 (1). Бунин встречается с Н.Ф.Бернетом и дарит ему автограф своего стихотворения «В одной рубашке, босиком...» с надписью:

«Николаю Федоровичу Бернету на память о киевской встрече. Ив.Бунин. 14 июня 1918 г. Киев».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1–2.

См.: 26 (13) октября 1919, третья запись.

Ю.А.Бунин в открытке пишет Бунину из Москвы:

«Посылаю вам третий раз открытки. От вас было известие только из Смоленска. Коля не совсем еще поправился. <...>».

Открытка адресована П.А.Нилусу в Одессу (Княжеская, 27).

РАЛ. MS. 1066/2040.

Июнь, 15 (2). В московской газете «Раннее утро» (№ 107. С. 1) публикуется публицистическая статья Ю.И.Айхенвальда «Господин из Сан-Франциско».

В статье говорится о понятии «беднота» и о «новейшем изобретении нашего политического “искусства” – “организации бедноты”». Критик, в частности, пишет: «Вы помните, должно быть, замечательный рассказ, рассказ-событие, “Господин из Сан-Франциско”. Писатель Иван Бунин с необычайной яркостью и силой изобразил там типичного американского буржуа. <...>

И вот, когда автор этого художественного произведения сетовал на русскую современность, один из его почитателей, англичанин, спросил его: “неужели же лучше господин из Сан-Франциско”?

Я не знаю, что ответил ему наш прекрасный художник. Но я бы на его месте сказал, что от господина из Сан-Франциско по существу ничем не отличаются нынешние господа. <...> Господин из Сан-Франциско – хозяин; восставшие на него – хозяйчики: вот и все. <...> Они американскому господину подражают. <...> Товарищами бунинскому герою являются “иные товарищи”».

В петроградской газете «Современное слово» (№ 3553. С. 2) помещается рецензия В.Яковлева «Литературные наброски. Сборник “Слово”».

Рецензент, в частности, пишет: «Вот только что вышел сборник Книгоиздательства писателей в Москве “Слово” (№ 8-й) – и не мозговым интернационализмом от него отдает, а Россией, подлинной, настоящей Россией и ее немеркнущим своеобразным светом». Рассмотрев рассказ А.Н.Толстого «Милосердие!», критик отмечает: «Более закончены и совершенны в своей подлинной художественности повесть К.Тренева “Батраки” и портрет Ив.Бунина “Соотечественник”. <...> Об этом невытравимом русском духе говорит Ив.Бунин в своем превосходном портрете русского смекалистого мужичка, некогда состоявшего на побегушках при купеческом амбаре, а теперь под экватором, где-то в Австралии, ворочающего делами. Сквозь жестокую суетную деловитость проступают у него вдруг, за бутылкой шампанского, далеко не суетные мысли о преемственности его с арийцами, с Прародиной, которую он чувствовал в своем воспоминании, будучи уверен, что когда-то очень давно, видел ее. И гложет его тоска обреченности, тоска “бесконечно далекого воспоминания”. В чужом и далеком городе, среди англичан, японцев и индусов, он продолжает быть тем же “взыскующим града”, ибо такова Русь».

В петроградской газете «Четвертый час» (№ 14. С. 3) печатается рецензия «Книжные новости». Без подписи.

Рецензент, в частности, отмечает: «Книжный, или, точнее, “альманашный”, сезон еще не закончился. Несмотря на традиционное летнее затишье, все еще продолжают выходить сборники и альманахи. Недавно появился восьмой сборник “Слово”,

весьма разнообразный и интересный по содержанию, заключающий в себе превосходный рассказ Ив.Бунина, очень яркую вещь гр. А.Н.Толстого и, несомненно, одну из лучших повестей Б.Зайцева. <...>

На днях в Москве появится петроградский альманах “Скрижаль” (издание Скобелевского комитета), в котором рассказы И.А.Бунина (“Конец”) <...>».

Июнь, 11 (Май, 29) — 15 (2). В Киеве Бунин несколько раз встречается с Г.Д.Гребенщиковым; в доме редактора газеты «Киевская мысль» М.И.Эйшискина Бунин четыре вечера рассказывает о своих встречах с Николаем II, великим князем Константином Константиновичем и московским генерал-губернатором В.Н.Шебеко.

С двух берегов. С. 221.

В Киеве Г.Д.Гребенщиков читает Бунину первый том романа «Чураевы».

Г.Д.Гребенщиков вспоминает об этой встрече: «Вот там-то и прослушал, всю целиком, мою рукопись первого тома “Чураевых” терпеливый и внимательный Иван Алексеевич... Отсюда начался какой ни на есть мой успех в Париже».

С двух берегов. С. 220–221.

Июнь, 16 (3). В московской газете «Возрождение» (№ 12. С. 5) печатается стихотворение «Из “Путевой книги”» («На даче пусто, ночь темна...»).

Июнь, 16 (3) или 17 (4). Бунин с В.Н.Муромцевой приезжает в Одессу.

Дата события определена по сообщению в газете «Одесский листок» (18 (5) июня (№ 120). С. 2): «Вчера прибыл в Одессу популярный писатель, академик И.А.Бунин. Едет И.А. из Москвы. Лето И.А.Бунин намерен провести на юге, где будет работать». В дневниках дата приезда в Одессу: 16 (3) июня 1918 г. (*Дневники.* Т. 1. С. 177). См. также: 16 (3) июня 1919.

В это время Одесса находится под властью австро-венгерских и германских войск.

Июнь, 21 (8). В газете «Одесский листок» (№ 123. С. 2) помещается интервью «У Ив.А.Бунина». Подпись: ъ.

«Впечатления от нынешней Москвы — самые тягостные, — рассказывает И.А.Бунин: — Грязные улицы; ухабы, наполненные водой; по ночам — тьма кромешная; серая толпа, злые лица; полудикие извозчики носятся с гиканьем и свистом; стрельба. <...> Жизнь скверная, тяжелая. Продовольствия нет. Хлеб такой, что о нем вспоминать тошно. И везде, сверху до низу — кипящая ненависть к большевикам. Серая масса, разносчики, дворники, железнодорожники, извозчики, даже красногвардейцы — все клянут советскую власть, в которой видят причины всех зол. Не верьте рассказам, будто советская власть укрепляется, будто интеллигенция изменила свое отношение к ней. Укрепиться она не может, ибо ни в ком решительно не встречает поддержки, интеллигенция относится к большевикам так же отрицательно, как и прежде. <...>

Литературные круги относятся к большевизму отрицательно. Если не считать И.Ясинского да Ал.Блока — нет ни одного крупного литературного

имени в стане большевиков. Работает в органе левых с<оциалистов>-р<еволюционеров> Андрей Белый — но он сочетает свой большевизм с обычной для него теософией. Выходит непонятно и малоубедительно. Совсем зря пустили слух о том, что Валерий Брюсов пошел к большевикам. Он работает еще с дней Вр<еменного> правительства в комиссии по регистрации печати, остается в ней и поныне. <...>

Любопытно, что литературная жизнь Москвы перешла в кафе. Писатели и поэты очень охотно выступают в кофейнях, затевая "вечера жеманства", "вечера поэзии" и услаждая публику самыми изысканными мотивами. Темы современности не интересуют их. Маркизы, дофины и графы фигурируют чаще».

Июнь, 22 (9). В московской газете «Новости дня» (№ 66. С. 3) печатается рецензия И.В.Иванова «Литературные письма. Вчерашняя Россия» на восьмой сборник «Слово». Подпись: И.Джонсон.

Рецензент, в частности, пишет: «В маленьком рассказе "Соотечественник" (более, впрочем, кажущемся началом рассказа) Бунин рисует нам русского человека, вышедшего из народных низов <...>. Таков этот талантливый русский самородок. И уже хотелось бы сказать: "не бездарна та природа, не погиб еще тот край" и т.д. но... но он, оказывается, форменный неврастеник, он всегда во хмелю, он чрезмерно и путано говорлив, нередко бестактен, легко отдается на прихоть случайностей, — все черты, которых не может быть в настоящем деловитом европейце. Есть в нем какая-то разъедающая его червоточина и патологическая тоска».

Июнь, 24 (11). В московской газете «Понедельник» (№ 17. С. 4) публикуется рецензия Ю.Соболева «Прозаики "Слова"».

Рецензент, в частности, отмечает: «Случайно соединение имен авторов, составляющих пестрое содержание восьмого сборника "Слова". Ив.Бунин и К.Тренев, Ал.Толстой и А.Кипен, Бор.Зайцев и Н.Шкляр — они мало чем спаяны внутренне между собой и, конечно, то, что книгу открывает взыскательный мастер Бунин, а заканчивает робкий ученик Шкляр столь же по существу своему показательно в смысле отсутствия единства <...>, весь его <сборника> интерес, естественно, заключается в произведениях Бунина, Толстого и Зайцева. Самое значительное и по форме, и по внутренней насыщенности дал И.Бунин. Восемь страничек его "Соотечественника" — наиболее ценные во всех 260 сборника. Эти восемь страничек написаны с такой благородной сдержанностью и с таким изумительным мастерством художника, мудро и экономно ведущего свое словесное хозяйство, полнятся глубиной содержания и значительностью темы, ибо говорят об одной удивительнейшей особенности многоликой русской души, всегда такой неожиданно-щедрой в странных своих проявлениях. <...> Внешнее его <Зотова> изображение сделано Буниным с какой-то спокойной и как бы даже равнодушно жестокой наблюдательностью <...>. И не кажется неожиданным, что этот вечно полупьяный делец, авантюрист, хищник — говорит о тоске, пожирающей душу, мистически угадывающей здесь, в тропиках, древнюю прародину своего отдаленнейшего предка...»

Июнь, 25 (12). Бунин с В.Н.Муромцевой поселяется на даче Шишкиной под Одессой.

В.Н.Муромцева в письме брату В.Н.Муромцеву от 12 июля (29 июня) сообщает: «Переезд был довольно утомителен. В Одессе номер у нас был очень душный, так что когда я переехала на дачу, то так ослабела, что ты и представить себе не можешь. Бедному Яну пришлось доканчивать устройство дачи, делать запасы одному. Мы уже 18 дней на даче. <...> Дача у нас хорошая, большая, стоит в фруктовом саду, а сад выходит в степь».

Новый журнал. 1977. № 128. С. 128.

Июнь, 26 (13). Ю.А.Бунин посылает с оказией Бунину открытку, в которой пишет:

«Милый Ваня! <...> Не знаю, где вы, куда поехали из Киева. Коля до сих пор нездоров. <...> У меня никаких особых перспектив не видно пока. Жара у нас огромная».

Открытка адресована П.А.Нилусу в Одессу (Княжеская, 27).

РАЛ. MS. 1066/2041.

Июнь, 27 (14). В московской газете «Раннее утро» (№ 117. С. 4) публикуется рецензия В.Г.Шершеневича на 1-ю книгу сборника «Эпоха».

Рецензент пишет: «В отделе поэтическом мы находим стихи почти всех метров. Тут и Брюсов, и Белый, и Бунин и др. Но этот отдел как раз нам кажется слабее других. <...> Участие Бунина кажется нам случайным».

Июнь, 28 (15). В газете «Одесские новости» (№ 10729. Прибавление. С. 1) печатается интервью Бунина «У трупа Авеля». Подпись: Ал.Иновин <К.Б.Бархин>.

«И.А.Бунин, только что вернувшийся из культурного центра Великороссии, в беседе с сотрудником нашей газеты отметил значительнейший факт русской жизни.

– В народе наблюдается сильное повышение религиозного чувства... Он чутко прислушивается ко всяким слухам, ждет чуда... <...> Вчера до самого дна всколыхнули ее шумные, кровавые дела: Ленины поманили народную Русь материальными благами <...>. От жадности зажегся, распалился взор. <...>

И вдруг стало простому темному люду до того ясно, что всё было обман, лживые обещания, преступный наговор, до того ясно, что сразу потемнели лица от неутешной скорби, как на фресках древних суровых церквей.

Беспросветный мрак.

На груди тяжкий камень самоосуждения.

– Предали родину... Друзей в горе оставили... Сколько невинного народу замучили!

Ленин должен казаться народу антихристом, и все эти Каменевы и Зиновьевы – слугами духа злого. Хорошо, ловко припрятали копытца на ногах и хвосты бесовские, совсем человеческий облик приняли и слова выбирали для народа по душе... <...>

Глубь бездонной скорби пала в мужицкие сердца.

Это паника.

Паника заразительна...

Чуют простые, темные люди: что-то большое, настоящее прошло мимо, и никто из них не уразумел его смысла и не понял его прихода. <...>

Как забыть народу слова земли-мученицы, оставшиеся без ответа:

— Проснитесь, легковерные: час мой близок!

И час этот пришел...

Надо помнить, что Россия не была побеждена в войне — военными средствами; может быть, ей предстояли даже известные конечные успехи, но она, народная Россия, добровольно отказалась от доли победительницы, признав (правильно или неправильно — другой вопрос!) военную победу делом, противоречащим ее новой вере, ее социалистическому догмату. <...>

— Народы — братья... Воевать с братьями — грешно...

Россия разрушила себя добровольно и сознательно.

И когда швырнула свой меч в поле — чтобы ржавел в праздности! — то вдруг увидела, что убила этим движением Авеля... <...>

Весь год шел народ по неведомым, по непонятным ему путям и очутился теперь у слепой келии, у пещеры, у могилок, в которых живыми закапывались русские подвижники, убегающие от горьких соблазнов жизни...».

Июнь, 30 (17). С Буниным и В.Н.Муромцевой на даче Шишкиной под Одессой поселяется П.А.Нилус.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Мы на даче Шишкиной. Опять новая жизнь. <...>

У нас Нилус. Он согласился на предложение Яна жить с нами, Буковецкий еще колеблется».

Дневники. Т. 1. С. 177–178.

Июнь. В одесском журнале «Жизнь» (№ 5. С. 1) публикуется стихотворение «Спутница» («Шелковой юбкой шурша...»).

Июль, 1 (Июнь, 18). В московской газете «Понедельник “Народного слова”» (№ 10. С. 8) печатается рецензия А.Б.Дермана на 8-й сборник «Слово».

Рецензент пишет: «Интересен по замыслу, но схематичен по выполнению рассказ Бунина “Соотечественник”, в котором твердо намечены национальные черты русского самородка, талантливого, смелого, но лишенного малейшей выдержки и последовательности, хаотического и как-то фатально обреченного. Рассказ — не более, как этюд, но этюд интересный и чрезвычайно своевременный».

Июль, 2 (Июнь, 19). Бунин посещает Одессу.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян опять в городе. Мне жаль его. Но сама я еще не способна на трепку».

Дневники. Т. 1. С. 178.

Июль, 3 (Июнь, 20). Бунин пытается начать работать.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян все “вьет свое гнездо”, — дай-то Бог, чтобы его труды не пропали даром!»

Дневники. Т. 1. С. 178.

Июль, 4 (Июнь, 21). Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у В.О.Недзельского, где встречается с художником П.П.Ганским, Д.Л. и Ю.М.Тальниковыми, Б.Вальбе.

В.Н.Муромцева в дневнике 5 июля (22 июня) пишет: «Вчера пили чай у Недзельских. У них был художник Ганский, первый русский импрессионист. <...> Пришли туда и Тальниковы».

Дневники. Т. 1. С. 178.

Б.Вальбе вспоминает: «И вот летом 1918 года случилось мне быть на Фонтанах в фешенебельном дачном уголке у моря. Там, на даче у В.О.Недзельского, преподавателя Одесского университета, был Бунин.

Узколицый, с небольшой бородкой, Бунин был похож на изображения Христа. Воспитанный, безукоризненно владеющий собой, несколько даже чопорный, он приятным голосом читал стихи из привезенной им книжки “1918-й год”. Бунин был ядовит и зол.

Я был зачарован голосом писателя, его манерой говорить. <...>

Бунин держался среди товарищей демократически, встречался с писателями Н.И.Осиповичем, С.С.Юшкевичем, особенно дружил с Александром Митрофановичем Федоровым, “знаньевцем” и сотрудником “Современного мира”, с Ал.Кипеном и редакторами местных газет, а из критиков дружил в свое время с В.В.Воровским».

Звезда. 1965. № 1. С. 188.

Июль, 5 (Июнь, 22). Бунин едет в Одессу.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян опять в городе. Он понемногу приходит в себя. О политике говорит мало».

Дневники. Т. 1. С. 178.

Июль, 6 (Июнь, 23). В одесском театральном журнале «Фигаро» (№ 5. С. 7) помещается графический портрет Бунина работы художника И.Мексина.

Июль, 8 (Июнь, 25). У Буниных пьют чай Д.Н.Овсянико-Куликовский с женой, В.О.Недзельский с женой, А.М. и Л.К.Федоровы, Д.Л. и Ю.М.Тальниковы, Г.Д. и Т. Д.Гребенщиковы.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Получили всего несколько открыток от Юлия Алексеевича и письмо от мамы. <...>

Приехали Гребенщиковы. Настойчиво поселились у Федоровых в подвале».

9 июля (26 июня) В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Вчера неожиданно у нас был five o’clock. Пришли Овсянико-Куликовские, Ян позвал Недзельских, пришли Федоровы, Тальниковы, Гребенщиковы. <...> Тальников сделал предложение от “Одесских новостей” взять в свои руки журнал “Огонек” писателям и самим быть его хозяевами».

Дневники. Т. 1. С. 178–179.

Ю.А.Бунин посылает Бунину с оказией открытку, в которой пишет: «Милый Ваня! Пользуюсь случаем послать эту открытку через Ив.С.Шмелева, едущего в Крым. Коля до сих пор нездоров. <...> Жизнь здесь во всех отношениях скверная, духота невыносимая — весь июнь сильная жара. Скучно и монотонно. Ни из Ефремова, ни из Орла давно нет известий. <...>».

Открытка адресована на Большой Фонтан, Херсонской губ. Дача Шишкиной.

РАЛ. MS. 1066/2042.

А.П.Семенов-Тян-Шанский пишет Бунину из Петрограда:

«Пользуясь случаем пересылки Вам (уже вторичного) экземпляра Мемуаров моего покойного отца от имени всего его потомства, прошу Вас принять от нас в дар также и книгу моей покойной сестры — “Жизнь Ивана”.

Как классически-строгий живописец русской природы и жизни, Вы лучше, чем кто-либо может оценить художественные достоинства незавершенного, к сожалению, труда моей сестры, скончавшейся в полном расцвете своих духовных сил в 1906 г.

В случае переиздания нами этого труда покойной Ольги Петровны позвольте обратиться к Вам, как к уроженцу и знатоку той же черноземной полосы России, с усердною просьбой — написать несколько вводных слов к новому изданию. <...>

Искренне Вас уважающий и чтущий Ваши талант и школу, которая уже приносит прекрасные плоды Андр.Семенов-Тян-Шанский».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 197, л. 1–2.

Имеется в виду книга: Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 39).

См.: 15 сентября 1917, третья запись.

Июль, 9 (Июнь, 26). Бунин пишет стихотворение «В дачном кресле, ночью, на балконе...». Авторская дата: «9.VII.1918. На даче под Одессой».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10, л. 3.

См.: конец октября 1918.

В петроградской «Новой газете» (№ 38. С. 4) публикуется рецензия Д.Терновского «Сборник “Слово”».

Рецензент, в частности, пишет: «Вышел восьмой сборник “Слово” книгоиздательства писателей в Москве. В сборнике напечатаны: <...> рассказ Ив.Бунина “Соотечественник”. <...> Зотову во всем на острове: в лесах, лачугах, в грязных мальчишках, в душном — скучном, скучном! — вечере, в раскраске статуи в буддийской кумирне <...> чудится “наше российское”».

Июль, 11 (Июнь, 28). В гостях у Бунина читает свои стихи А.М.Федоров, присутствует П.А.Нилус; Бунин читает гостям свои стихотворения.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 12 июля (29 июня): «Вчера Федоров читал много стихов. Он сделал большие успехи. <...> Ян очень радовался его стихам. Все были довольны. Как приятно, когда автор читает хорошие вещи.

После нашего обеда почитал и Ян свои стихи. Ну, это в другом роде. Ян больше, глубже, хотя на этот раз много лирики и насмешки, легкость поразительная.

Нилус рассказывал о себе».

РАЛ. MS.1067/351.

Июль, 13 (Июнь, 30). Бунин пишет стихотворения:

— «Бред» («Стоит, трепещет Стрекоза...»). Авторская дата: «13.VII.1918».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 24, л. 1.

См.: Сполохи. 1922. № 5. С. 1.

— «Ночной путь» («Стой со сжатыми скулами...»). Авторская дата: «13.VII.1918».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 24, л. 2.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января (№ 120 (9)). С. 2.

Бунин встречается с В.П.Катаевым; беседует с ним по поводу его рассказов.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Пришел Катаев. Я лежала на балконе в кресле. Ян вышел, поздоровался, пригласил Катаева сесть, со словами: “Секретов нет, можем здесь говорить”».

Бунин высказывает свое мнение о прочитанных рассказах В.П.Катаева:

«Да, я прочел только два, “А квадрат плюс Б квадрат” и “Земляк”, <...> и я понял из этих вещей, что у вас несомненный талант, — это я говорю очень редко и тем приятнее мне было увидеть настоящее. Боюсь только, как бы вы не разболтались. <...> Нужно читать больше, не только беллетристику, но и путешествия, исторические книги и по естественной истории. Возьмите Брэма, как он может обогатить словарь. Какое описание окрасок птиц! — Вы и представить не можете. <...> Но это необходимо, нужно заставлять себя. А то ведь как бывает: прочтут классиков, а затем начинают читать современных писателей, друг друга, и этим заканчивается образование. Читайте заграничных писателей. Одолейте Гете».

Дневники. Т. 1. С. 179–180.

Ю.А.Бунин начинает письмо Бунину из Москвы:

«Милые Ваня и Вера Николаевна! Письмо это пересылаю через Н.А.Скворцова, который возвращается на Украину. На счет нашей поездки на юг не так склалось, як ждалось. Коля до сих пор еще лежит <...>. Он сам тебе пишет отдельно. <...>

Сам я положительно истомился и изнервничался. Да проводить лето при наших условиях нелегко. Многие разъезжаются. <...> Из Алупки на днях приехал посыльный от Черемнова, — вновь просит достать ему денег. Я написал ему твой адрес.

<...> Я ко многим обращался с просьбой о месте для себя. Но пока, кроме обещаний, из этого ничего не выходит. Полагаю, что все-таки как-нибудь устроюсь.

От Маши больше месяца не получаю никаких известий <...>.

Сегодня получил письмо от Евгения. Он зовет к себе меня и вас, не зная еще, что вы под Одессой. <...>

Довольно часто захожу к Муромцевым. <...> Все они здоровы.

Собираясь писать тебе, я уже 2 раза заходил к Тихонову, но он это время в Петербурге. Пытался застать Гржебина, но не мог. <...>

Гальперина тоже не смог пока увидеть.

Дороговизна становится невыносимая. <...> Одно только, кажется, хорошо: все говорят, что урожай почти везде обильный».

РАЛ. MS. 1066/2043.

Июль, 14 (1). Бунин пишет стихотворение «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...». Авторская дата: «14.VII.1918».

СС (Петр). Т. 8. С. 195.

См.: конец октября 1918.

Июль, 15 (2). Ю.А.Бунин заканчивает письмо Бунину:

«Вчера положение Коли улучшилось <...>. Деньги у нас уже на исходе, так как питание и лечение становятся очень дороги. <...>

Вчера получил твое письмо через Ценовского, чему я очень обрадовался. От вас письма были перед этим — одно из Киева и другое из Одессы. Я очень благодарен В.Н., что она довольно подробно пишет. Надеюсь и на дальнейшее. Ты мало очень сообщаешь о характере всей вашей одесской жизни. <...>».

РАЛ. MS. 1066/2043.

Июль, 17 (4). Бунин беседует с П.А.Нилусом о литературе.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 18 (5) июля: «Вчера вечером я слышала, как Ян, гуляя с Нилусом в саду, сказал: недавно я вспомнил молодость и так ярко все представил, что расплакался.

Они долго ходили по саду и долго говорили о художественной литературе. Ян сказал: "Я только того считаю настоящим писателем, кто, когда пишет, видит то, что пишет, а те, кто не видят, то это литераторы, иногда очень ловкие, но не художники, так, например, Андреев"».

РАЛ. MS.1067/351.

И.С.Шмелев пишет Бунину из Харькова:

«Дорогой Иван Алексеевич. Ура! Я тут, я чуть жив, но я человек и двигаюсь дальше, в Алушту. Мы здесь с женой, <...> Изведали море горя, ущемлений. <...> Если будете на юге — хорошо бы повидаться. Придется устраивать мне вечера — иначе сдохнем. <...>».

РАЛ. MS. 1066/5058.

Июль, 18 (5). Г.Д.Гребенщиков сообщает в письме Бунину, что переезжает из Одессы в Ялту.

С двух берегов. С. 228.

Июль, 20 (7). Бунин пишет стихотворения:

— «Древняя обитель супротив луны...». Авторская дата: «20.VII.1918».

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 3.

СС (Петр). Т. 8. С. 196.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

— «Уныние и сумрачность зимы...». Авторская дата: «20.VII.1918».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10.

См.: Русская газета. Париж, 1924. 14 декабря (№ 199). С. 3.

Июль, 21 (8). Бунины узнают о расстреле Николая II и его семьи.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Ян по утрам раздражителен, потом отходит. Часами сидит в своем кабинете, но что делает — не говорит. Это очень тяжело — не знать, чем живет его душа. <...>

Известие о расстреле Николая II произвело удручающее впечатление. В этом какое-то безграничное хамство: без суда...»

Дневники. Т. 1. С. 180–181.

В Екатеринбурге Николая II, его семью и приближенных расстреляли 17 (4) июля 1918 г.

Июль, 22 (9). Г.Д.Гребенщиков пишет Бунину из Ялты о своем переезде из Одессы, о жизни в Ялте, ценах на продукты.

С двух берегов. С. 228–230.

В петроградской газете «Вечернее слово» (№ 88. С. 1–2) публикуется статья Ф.Новосельцева «Лицемерие».

Журналист пишет: «В первый год революции мы изболтались и, следовательно, изолгались. <...>

Мы не уважали Россию. Этого огнем не выжечь. <...>

Мы были невнимательны позорно, постыдно невнимательны.

<...> мы не знали и не хотели знать, чем живет, о чем думает, чего ждет и на что надеется необъятная, молчаливая, смиренная наша родина.

Нас давно предупреждали: народ спивается, народ дичает, народ живет скотским обычаем. Бунин развернул пред нами страшное свое полотно, на котором, как на Валтасаровом пиру, мерцали грозные пророческие слова: “мани, текель, фарес”.

Объявили, что Бунин — помещик, дворянин, что Бунин “сгустил краски”.

Мы жили своей жизнью, думая, что живем одною жизнью с Россией, но с каждым днем расходились наши пути все дальше, все глуше. И между нами и ею не было никакой соединяющей нити. <...>

Я к тому говорю все это, что прежде нежели “собирать Россию”, надо ее уважать, а уважение не будет до тех пор, пока мы не узнаем ее, не отдадим ей всего своего самого светлого и святого внимания.

А без этого — все разговоры, как бы пышны ни были они — лицемерие и пустая холодная элоквенция, лишенная всякой силы, убедительности и... честности».

Июль, 25 (12). Бунин говорит с В.Н.Муромцевой и гостями (Е.И.Буковецкий, П.А.Нилус) о Гете, читает биографию П.Верлена.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Был разговор о Гете, Ян хвалил Вертера и рассказал, что в прошлом году он хотел развенчать любовь.

— Ведь все влюбленные на манер Вертера — это эротоманы, то есть весь мир вколачивающие в одну женщину. Я много перечитал уголовных романов, драм, кое-что припомнил из своей жизни, когда я также был эротоманом... <...> Да, это было, — только я никогда не молился *ей* и не считал *ее* совершенством, а скорее был напоен чувством любви к ней, как к облаку, к горизонту. Может быть, вы не понимаете моих отрывистых фраз, но это так, когда-нибудь расскажу подробнее. <...>

Нилус очень хорошо разбирается в музыке, понимает и любит ее <...>. О Чайковском он говорит: “Местами он гениален, а местами ничтожен”, поэтому он кажется ему неумным. Ян оспаривал это мнение, говоря, что нужно судить по лучшим

местам, а “человек, который одной музыкальной фразой дал почувствовать целую эпоху, целый век — должен быть очень большим”. <...>

– Прочел биографию Верлэна, — сказал Ян, выходя из своего белого кабинета, — и во время чтения чувствовал и думал, что когда-то жил Гете, а потом Верлэны — какая разница!»

Дневники. Т. 1. С. 181–182.

Июль, 26 (13). Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у Д.Н.Овсянико-Куликовского. В частности, идет беседа о русском народе и его религиозности.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 27 (14) июля: «Вчера вечером были у Овсянико-Куликовских, на воздухе пили чай <...>», а также записывает, что в ответ на слова Д.Н.Овсянико-Куликовского «Русский народ все-таки очень религиозен. <...> Чем народ культурнее, тем он религиознее» Бунин замечает: «Русский народ религиозен в несчастии».

РАЛ, MS.1067/349.

Июль, 27 (14). Выходит № 11 одесского журнала «Огоньки», в котором (с. 9) воспроизводятся фотографии, запечатлевшие Бунина, А.А.Кипена, С.С.Юшкевича, Х.Н.Бялика, А.М.Федорова, Д.Н.Овсянико-Куликовского, Л.Знойко.

Под фотографиями написано: «Одесса в данное время стала местом, куда съезжаются на отдых наши любимые популярные писатели. За 16-й станцией, у монастыря, живет целая литературная колония.

Здесь и краса и гордость современной литературы: академ. Иван Бунин, и автор нашумевшего “Бирючего острова” Ал.Кипен, и акад. Д.Н.Овсянико-Куликовский, и популярный А.М.Федоров; здесь же и начинающая молодая писательница Л.Знойко.

Вместе на одной фотографии сняты талантливый С.Юшкевич и выдающийся еврейский поэт Х.Бялик».

Июль, 28 (15). И.С.Шмелев сообщает в письме Бунину, что прибыл в Алушту, приглашает принять участие в предполагаемом издании серии «Дешевая библиотека» в Харькове или Киеве, а также спрашивает:

«Как живете? Дорого ли в Одессе? Не собираетесь ли в Ялту? Где зимуете? Не знаете ли, что творится в Москве <...>

Работаете ли? Кто из писателей в Одессе? Не имеете ли вестей о Книгоизд-ве пис<ателей>? Если попадете в Ялту — обязательно приеду повидаться денька на 3».

РАЛ. MS. 1066/5059.

Июль, 31 (18). Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Коля поправляется <...>.

Мое положение тоже неопределенное. Имеются некоторые обещания — и даже хорошие насчет места, но все же только обещания. Журнал же <“Вестник воспитания”> осенью выходить не будет. <...>

Сегодня получил письмо от Маши из Грязей, она переезжает совсем в Воронеж с Колей, который будет обедать у Ласкаржевского. Перейдет в

тамошнюю гимназию. <...> Женя остался в Орле, подготовляется к конкурсным экзаменам и намеревается скоро приехать в Москву. Мне кажется, приезжать сюда невозможно. <...> Здесь жизнь становится прямо тяжкой и крайне напряженной. Цены растут неимоверно и наступает форменный голод. Дай бог, пережить это тяжелое время.

Тихонова в Москве все нет. Писал к Гржебину, но ответа не добился <...>. Сообщаться стало трудно, так как телефоны всюду не действуют. Из газет вот уже 3 недели выходят только советские. Гальперин обещался прислать 300 р. для Коли и Вере Ник. Думаю, что не надует. Муромцевы все живы-здоровы. <...>

У меня находятся 480 руб., полученные для тебя за заседания в Правлении книгоиздательства. <...>»

РАЛ. MS. 1066/2044.

Июль. В одесском журнале «Жизнь» (№ 8. С. 1) помещается стихотворение «Поэтесса» («Большая муфта, бледная щека...»).

В одесском журнале «Жизнь» (№ 9. С. 10–11) помещается статья Б.С.Вальбе «Соотечественник. Новый рассказ И.А.Бунина».

Критик пишет: «“Новый” “Соотечественник” — не в том смысле, что отражает наше бурное “недавнее”.

Этой литературной “скорогонкой”, откликающейся на всякий зов моды, Бунин никогда не грешил.

Художник-аристократ в деле тщательности своей архитектоники, Бунин, как западно-европейские художники, долго вынашивает свое произведение вдали от суеты и гомона текущего и злободневного.

Вот почему наша, преимущественно неудачная “военная литература” имени Бунина не знала. <...>

Но, не являясь “новым” в вышеуказанном смысле, бунинский рассказ именно в силу только что пережитого и его скорбных уроков, приобретает значение блестящего художественного прогноза: как, скажем, “Господин из Сан-Франциско” Бунина — был прогнозом той социальной борьбы, которой ознаменовалась наша революция, как его же “Петлистые уши” — были прогнозом той вулканической силы злобы и безверия, мести и крови, которой ознаменовался период русской революции от падения правительства Керенского, имея корни свои в безумно-разрушительной мировой бойне.

Начиная от своего “Господина из Сан-Франциско”, Бунин все больше и больше рисуется нам, как бунтарь, — без демагогии и внешнего пафоса, но со скорбной сосредоточенностью громадного социального протеста против сгнившей “старой Европы” в лице теперешних ее жизнедержателей — символических “господ из Сан-Франциско”. Правда, от появления бунинского “Господина” произошло событие, многих сбившее с пути их жизненных верований.

Мы говорим о злосчастной диктатуре “пролетариата”, когда бунинские “вахтенные” и “облитые едким грязным потом и по пояс голые люди, багровые от пламени”, таким великолепным контрастом противопоставленные в этом рассказе Буниным духовно и физически жалким “Господам из Сан-Франциско”, теперь, когда они

накуролесили своей “диктатурой” так, что это стоило (будем верить, временно) жизни России — во взглядах нашего художника произойдет какая-нибудь “переоценка”.

И эта “переоценка” блестящим прогнозом воплощена в “Соотечественнике” и направлена против того “ex oriente lux” <света с Востока. — *лат.*>, от которого не оторваться русскому сердцу, начиная с славянофилов и кончая совдепами.

Ибо, как неоднократно было уже указано, большевизм — это своего рода социализм в славянофильстве; это вера в чудеса — что без культуры “мы шагнем”.

Тернистый путь русской революции каждым своим вздохом говорит нам о зависимости всех “измов” от культуры.

Этой “зависимости от культуры” посвящен бунинский “Соотечественник”.

“Соотечественник” — это русская “сильная личность”. Имя ему Зотов. Чтобы оттенить эту “силу”, Бунин с большой художественной виртуозностью прибегает к излюбленной своей схеме “контрастов”».

Изложив содержание рассказа, критик отмечает в заключение: «Эти 16 страничек так сочно и густо, как большой роман, всеми сторонами передающие нам трагедию русского “самородка” — замечательны своей главной идеей — о власти культуры.

Зотов — сильнее англичанина, но за последнего действует вековая культура.

“Соотечественник”-же, как авангард армии без тыла, обречен на катастрофу.

Блестящей является схема тезы и антитезы: теза — мальчик с амбара, антитеза — “узловатый с виду” англичанин, привлекающий и дивящий. И, наконец, “синтез” русской личности, который вы встречаете уже в Чаадаеве, Печорине и Киреевском, также спасшихся волей русской истории, в мистицизме, пессимизме, католицизме и т.д.

Заколдованный круг — культура делается сильными личностями, но сильные личности порождаются культурой. <...> Русская революция 17-го года первого периода призвана была разрубить этот Гордиев узел, но... дальше кошмарный уклон.

Все же, верится, что когда все это перебродит, тем силам, которые загнали Чаадаева, Печорина, Киреевского и др. сильных “соотечественников” в тупик надрыва, мистицизма и всякого иного разложения личности — этим силам возврата не будет. Русской культуре обеспечится будущность. И тогда разрешится в числе многого вопрос о трагедии русских “сильных личностей”.

Тогда и проблемы, поставленные в бунинском “Господине из Сан-Франциско”, будут разрешены не сепаратно от Европы, не быстро гаснущими вспышками, а всей силой богато накопленной человеческой культуры. Об этом в эти национально скорбные дни говорит нам Бунин в своем рассказе, чарующем изяществом своей формы, равно как проникновением своей глубоко продуманной мысли».

Август, 1 (Июль, 19). И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Здравствуйте, дорогой Иван Алексеевич. И я, с грехом пополам, продрался через терния <...>. В М<оскве> все было совдепски-благополучно. Ю.А. <Бунин> подумывал собраться на юг». Далее спрашивает о возможных вариантах издания своих произведений.

РАЛ. MS. 1066/5060.

Август, 5 (Июль, 23). Л.Ф.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Только что получила Ваше письмецо, тотчас же отвечаю Вам, дорогой Иван Алексеевич. Измучилась за Вас и Веру, а также и за Севу, т.к. давно не имели известия, как о Вас, так и об нем с его семьей. <...> Вы, впрочем, вероятно, живете много лучше, чем мы, москвичи. Вот уже 5-ый день не дают ни хлеба, ни муки, ни крупы. <...> Юлий Алекс. <Бунин> нас не забывает <...>. Юлий Алекс. <Бунин> как-то безнадежно заявляет: “как ехать, с чем ехать, когда за день нельзя сказать, что и как будет”. Выглядит он недурно, иногда покажется нам постаревшим, иногда как будто молодцом... <...> мы же, вследствие 3-х месячного пребывания в Москве, стало быть, за отсутствием воздуха, хлеба и т.д. чувствуем себя не важно. <...> Все Ваши вещи в полном порядке, все перечинила, перештопала и все белье спрятала в мою корзину, которая стоит в моей комнате. Многое сообщила бы Вам, да боюсь: мы ведь и дышать боимся свободно. <...> Утешением моим служит чтение, чтобы я делала без книг. Герцена кончила, теперь читаю Вас. Хорошо. Два раза сряду прочла “Песнь о Гайавате”. Очень хорошо».

РАЛ. MS. 1066/3933.

Август, 8 (Июль, 26). Бунин беседует с Д.Л.Тальниковым о В.Г.Короленко; в гости к Буниным приходят В.Ф.Лазурский с женой.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Ян повеселел, стал говорить глупости, так что жаловаться не на что». В дневнике от 9 августа (27 июля) она добавляет: «Вчера перед обедом пришел Тальников. <...> мы заговорили о Короленко. Ян возмущался его речью: — Разве художник может говорить, что он служит правде, справедливости? Он сам не знает, чему он служит. Вот смотришь на голые тела, радуешься красоте кожи, при чем тут справедливость? <...>

<...> вскоре пришел профессор Лазурский с женой. <...> Разговор вертелся о политике: Архангельск занят англичанами, есть слухи, что Вологда — тоже. Начинается мобилизация в Великоруссии и здесь».

Дневники. Т. 1. С. 183–184.

Имеется в виду речь В.Г.Короленко на праздновании его 65-летнего юбилея в Полтаве (опубликована одновременно в двух газетах: Полтавский день. 1918. 30 (17) июля (№ 64); Полтавские новости. 1918. 30 (17) июля (№ 71)). В.Г.Короленко, в частности, говорил: «Как ни темно впереди, — есть все-таки несомненное, незыблемое, вечное, чему стоит и надо служить без вопроса о скором успехе. Эти незыблемые маяки — истина, право, справедливость. Судьба послала мне литературное дарование, я его направлю, хотя бы как отдельный партизан, на служение этим вечным ценностям. И, наряду, с образами художника, я отдаю свое перо публицистическому служению справедливости и права, к кому бы они ни относились, в чьем лице они ни были бы попраны».

Август, 14 (1). Художник Д.И.Шатан пишет маслом портрет Бунина, рисует портрет В.Н.Муромцевой. В.Н.Муромцева пишет брату В.Н.Муромцеву: «Жить здесь дорого. Одесса необыкновенно спекулятивный город, к тому же немцы вывозят все, и теперь уже запрещена продажа белого хлеба, хотя урожай только что собрали. Театры же полны, публика, как может, веселится. Чем больше бедных, тем более богатеет меньшинство...

Ян немного отдышался и повеселел, а то под конец зимы он совершенно перестал

на себя походить, так угнетающе действовала на него московская жизнь. Сейчас пишет с него портрет маслян<ыми> красками молодой художник Шатан, который в то же время рисует меня сангиной, это нечто вроде пастели».

Новый журнал. 1977. № 128. С. 128.

Август, 18 (5). В.Н.Муромцева пишет А.Е.Грузинскому с Большого Фонтана:

«Шлю привет Вам, дорогой Алексей Евгеньевич, от самого Черного моря, где мы сравнительно безмятежно коротаем наши дни. После московского ада и десятидневного пути до Одессы и, наконец, недели в жаркой Одессе, здесь на даче, в нашем южно-фруктовом саду, жизнь мне показалась, да и до сих пор кажется раем. <...>

Единственный недостаток нашей дачи — это постоянный ветерок. <...> На даче мы имеем право жить до 1 ноября старого стиля. А что будет дальше, не знаем. Думаю, что в Великороссию не поедем, на юге, вероятно, легче переносить будет тяготу зимы, хоть не замерзнешь. <...>

Ян раскачивается на работу, пока еще ездит брать ванны. Он значительно переменился. Стал прежним, веселым, перестал "жить политикой". Теперь у нас опять идут литературные разговоры, иной раз поднимаются споры и на политич<еские> темы, но нет того постоянного желания вести их. Здесь живут много писателей: Федоров, конечно, Кипен, критик Тальников, местные дамы писательницы, много молодых поэтов, словом, музам дела много. Видимся мы и с Вашим приятелем Лазурским. <...>

Что делается у нас в книгоиздательстве? <...> Вышли мои "Братья Земганно" <Э.Гонкура> в свет? <...> Печатается ли Киплинг в переводе Н.Ал.Пушешникова? Ведь его уже давно назначили к печати. Здесь затеваются новые книгоиздательства. Пока возникло одно: выпускает листовки — рассказ в лист — цена 75 к., а у нас?

Письмо мое было бы не закончено, если бы я хоть вскользь не упомянула бы о дороговизне, ценах. Они растут не по дням, а по часам. Одесса, как ни один город, понимает, что такое спекуляция и как нужно уметь вздувать цены. Иллюстрирую небольшим примером: рыбаки зарабатывают в месяц до несколько тысяч рублей! Недавно была свадьба у одного рыбака. Одних закусок куплено было на 3000 рублей. За десяток бычков, что в прежние годы стоил 30 к., иногда просят на базаре 15 рубл.»

В начале письма приписка Бунина: «Целую, кланяюсь, оч<ень> прошу написать!»

РГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 219, л. 6.

Август, 20 (7) или 21 (8). Бунин пишет А.Б.Дерману:

«Дорогой Абрам Борисович, паки и паки взываю — где Вы, что Вы? Мы под Одессой — Большой Фонтан, Херсонск. губ., дача Шишкиной. Где будете зиму? Где будем мы — один Бог знает, равно как и то, чем будем жить».

Письма (*2*). С. 406.

Август, 23 (10). Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Милые мои, получил от вас несколько писем подряд — вначале письма, посланные 9 ав<густа> н. ст., а вскоре и посланные ранее 20–21 июля н. с. Первые шли 10–11 дней. Получили письма Муромцевы и Коля. Конечно, мы все были очень обрадованы, так как очень давно от вас не было совер-

шенно никаких известий. <...> Желательно, разумеется, чтобы письма были подробные. Ты в этом отношении неисправим. Иначе поступаете Вы, милая Вера Николаевна, за что, как всегда, очень Вас благодарю, и теперь прошу написать об условиях Вашей жизни и жизни в Одессе вообще. <...>».

Далее рассказывает о своих серьезных заболеваниях и добавляет: «По одной этой причине (необходимость регулярного лечения) я приехать к вам теперь не могу, хотя желал бы сделать это до чрезвычайности. <...> Что касается Коли, то и для него, по словам Рахманова и других врачей, длинный переезд очень опасен. <...> Здесь же жизнь становится очень трудной. Не говоря о постоянно растущей дороговизне, тяжело и в других отношениях. Трудно найти место и занятия. Мое положение также остается очень неопределенным, несмотря на разные обещания. От Михайлова же вновь давно уже нет никаких известий, и судьба "Вестника восп<итания>" неизвестна. <...> Будет ли мне обеспечено жалованье, стол и квартира, я опять-таки не знаю. <...>

Недели полторы жил здесь Женя, подал прошения в Техн<ическое> уч<илище>, Инж<енерный> инст<итут> и на матем<атический> фак<ультет>. Вы, вероятно, уже знаете, что по новому декрету принимают во все высшие учебные заведения без всяких аттестатов, конкурсных экзаменов и т. п. — словом, всех желающих от 16 лет, причем предписано преимущественно принимать пролетариев. Куда попадет Женя, неизвестно. <...> Маша давно уже не писала, но ее расчет, что Коля будет столоваться у Ласкаржевского, оказался неверен. Ласкар<жевский> заявил, что дети уже большие и сами себя смогут содержать. <...> Чем они будут жить, я с трудом представляю, — положение отчаянное. От Евгения также давно никаких известий, не знаю, как они живут.

"Братья Земгано" вышли. Спрашивал Клестова, как идет книга П.А.Нилуса. Добиться какого-либо толка не мог; Клестов говорит, что книга идет так себе. <...>

Положение всех журналистов становится трагическим. Вы, конечно, знаете, что вот уже 1 ½ месяца как закрыты все газеты, кроме советских и признающих платформу советов. Прочие газеты, как социалистические, так и буржуазные, не будут выходить впредь до окончания гражданской войны. <...>

Как бы хотелось знать о вас подробнее и не только о внешней жизни, но и о том, каково ваше настроение, покойны ли вы, каковы планы на будущее. Пишешь ли ты что-нибудь? Неужели не можешь сообщить хотя бы вкратце? Иное дело — наше положение, в частности, мое. Все шатко и неопределенно, а теперь волнует еще повторившаяся болезнь. <...> Каким-то сном или сказкой кажутся прежние годы, но да что об этом разговаривать».

РАЛ. MS. 1066/2045.

Август, 27 (14). Бунин с П.А.Нилусом в Одессе ведут переговоры с городским головой М.В.Брайкевичем о создании книгоиздательства.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян и Нилус в городе. В 11 часов утра

назначено свидание с Брайкевичем насчет книгоиздательства, товарищества на паях в Одессе. <...>

Деньги, взятые из Москвы, приходят к концу. Ян не работает. Проживать здесь нужно минимум 2000 р. в месяц».

Дневники. Т. 1. С. 186.

Август, 29 (16). П.Н.Сакулин пишет Бунину по поводу альманаха к 100-летию со дня рождения И.С.Тургенева:

«Позвольте от имени Алексея Евгеньевича <Грузинского> и от моего поддержать печатное обращение Общества любителей российской словесности.

Очень бы важно было получить от Вас хотя бы несколько строк, хотя бы одну строку. Думается, что творчество Тургенева должно вызывать в Вашей душе сочувственный отклик.

До сих пор дали определенное согласие участвовать в альманахе — К.Д.Бальмонт, В.В.Вересаев, Вяч.И.Иванов».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 195, л. 3.

См. также: 10 ноября (28 октября) 1918, вторая запись.

Август, 30 (17). И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Очень обрадовался письму Вашему, дорогой Иван Алексеевич, — душа маленько обмякла. А то напала на меня лень-тоска...» Далее рассказывает о скудной жизни, отсутствии заработка, теплой одежды. «Жизнь в Алуште скучная, но ежели душа готова к работе — лучше и не надо. <...> Никакого романа не пишу. И ничего не пишу. Бу-дя! Мир проваливается и я могу только чай пить. <...> Не забывайте, дорогой Иван Алексеевич, черкните когда. Сообщите, куда именно двинетесь, в Ялту, Алупку? О Харьк<овском> из<дательст>ве напишу — только узнаю. <...> Желаю Вам (и нам) поскорей, к ноябрю, б<ыть> в Москве. <...> От моей болезни осталась слабость и... отвращение к работе. <...>».

РАЛ. MS. 1066/5061.

Август, 31 (18). А.Н.Тихонов пишет Бунину из Петрограда:

«Получил Ваше второе письмо с запросом относительно издания Ваших книг в “Парусе” <...>.

К сожалению, “Парус” не в состоянии издавать теперь Ваши книги, и договор с вами считаем аннулированным.

Нам очень жаль, что судьба, в лице большевиков, лишила нас чести быть издателями Ваших сочинений, — но что делать: старые сроки истекли, новые же Ваши условия, о которых Вы говорили в Москве З.И.Гржебину, нам не по силам».

РАЛ. MS. 1066/5541.

В Одессе большевиками-подпольщиками взрываются артиллерийские склады.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «В четыре часа дня начались взрывы. Где, неизвестно. <...>

Из города едут массы народа. <...> Рассказывают, что вся Одесса горит, что есть

человеческие жертвы».

Дневники. Т. 1. С. 187.

Август, 28 (15) ... Сентябрь, 2 (Август, 20). Выходит отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.У.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М.: Изд. М. и С.Сабашниковых, 1918. 192 с.). Тираж 10000 экз. Цена 10 р.

Границы события определены по письму М.В.Сабашникова. См.: 9 октября (26 сентября) 1918. Тираж и цена книги определены по: *Книжная летопись.*

Сентябрь, 6 (Август, 24). Бунин с В.Н.Муромцевой обедает у А.Н.Толстого, приехавшего из Москвы в Одессу.

Дневники. Т. 1. С. 188.

Сентябрь, 9 (Август 27). Бунин рассказывает В.Н.Муромцевой о своем душевном состоянии.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 10 сентября (28 августа): «Ян вчера за прогулкой сказал: раза два в день меня охватывает тоска, я как-то одно время перестал волноваться о политике, а теперь опять, впрочем, это, может, и лучше, а то туп было стал. <...>

Ян последние дни стал грустный, хотя более нежен и добр».

РАЛ. MS.1067/351.

Сентябрь, 11 (Август, 29). Бунины узнают о расстрелах, о начале красного террора.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Газета принесла кошмарные вести: расстрелян Брусилов, Великие князья, начался истинный террор».

Дневники. Т. 1. С. 188.

7 декабря 1917 г. создается Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией (ВЧК) под председательством Ф.Э.Дзержинского. О каком Брусилове идет речь неясно. Очевидно, имеются в виду великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович, которые были арестованы в июле 1918 г., постановлением президиума ВЧК они были приговорены к расстрелу, который был приведен в исполнение 24 января 1919 г. Постановлением СНК РСФСР от 5 сентября (23 августа) 1918 г. «О красном терроре» официально объявляется красный террор против контрреволюционеров и спекулянтов.

Сентябрь, 12 (Август, 30). К Буниным приходят В.Ф.Лазурский с женой, В.П.Катаев, Н.В.Крандиевская-Толстая, Ю.Э.Озаровский.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «В семь часов пришли Лазурские. <...> Затем вскоре явились и остальные. Сразу сели за стол, т.к. нам очень хотелось есть. <...> Катаев привез 6 б. вина, 5 было выпито, шестую Ян отстоял. Много по этому случаю было шуток. Толстая читала свои стихи. <...> Озаровский изображал в лицах неаполитанский театр и оперетку».

Дневники. Т. 1. С. 188.

Сентябрь, 13 (Август, 31). Бунины провожают гостей до Люстдорфа.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Мы провожали всех до Люстдорфа. <...> Сегодня уехал Нилус. Завтра с нами селится Кипен».

Дневники. Т. 1. С. 188–189.

Сентябрь, 14 (1). Ю.А.Бунин в письме Бунину из Москвы сообща-

ет о своей болезни и пишет далее:

«Жизнь здесь становится все затруднительнее. Продукты добывать нелегко. <...> Что будет дальше с трудом представляю. Многие самым серьезным образом думают покинуть Москву совсем. Невольно приходит эта мысль и нам. Было бы хорошо всем нам перебраться на Украину, но денег мало, занятий найти там трудно. Да и переезд нелегок. Трудно порвать с Москвой, где есть пока угол и кусок хлеба. <...> Соф.Ник. <Пушешникова> живет там <в Глотово> вот уже полтора месяца покойно, но что будет дальше, конечно, пока неизвестно. Кажется, там довольно сытно. Здесь же мы все почти всегда чувствуем некоторый голод.

Ник.Сем. <Клестов> послал деньги тебе и Вам, Вера Ник<олаевна>, с какой-то оказией. <...>

Получал письма от Маши. Как я уже писал тебе, Ласкаржевский требует развода, а она предъявляет к нему иск о содержании. Как раз на сегодня назначен процесс в Воронеже.

Женя, вероятнее всего, останется в Воронеже в Юрьевском университете.

Имел сведения от Евгения. Там живется, кажется, сносно».

РАЛ. MS. 1066/2046.

Сентябрь, 20 (7). Бунин беседует с С.В.Яблоновским о А.М.Горьком.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «— Вы слышали, — спросил Ян Яблоновского: — говорят, Горький стал товарищем министра Народного Просвещения?

— Это хорошо, теперь можно будет его вешать, — с злорадством ответил Яблоновский».

Дневники. Т. 1. С. 190.

4 сентября (22 августа) 1918 г. А.М.Горький заключает договор с народным комиссаром просвещения А.В.Луначарским об образовании издательства «Всемирная литература» при Комиссариате народного просвещения. 21 (8) сентября Высший Совет Народного Хозяйства утверждает А.М.Горького комиссаром типографии Акционерного общества «Копейка». (*Летопись Горького.* Т. 3. С. 88, 90).

Сентябрь, 21 (8). Бунин подписывает издательский договор с Бессарабским книгоиздательством по поводу отдельного издания его перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ. MS.1067/352.

См.: до 18 (5) июня 1919.

Сентябрь, 27 (14). В Киеве на заседании Литературно-артистического клуба Бунин выступает с чтением своих произведений.

См.: 3 октября (20 сентября) 1918, первая запись.

Бунин расписывается в альбоме Литературно-артистического клуба в Киеве:

«14 сент. 1918 г. Ив.Бунин».

РГБ ОР, ф. 438, к. 5, ед. хр. 54, л. 19 об.

Сентябрь, до 30 (17). Выходит первый сборник альманаха «Скрижаль» (Пг.: Дом печати, 1918), в котором (с. 5–14) печатается рассказ «Конец».

Граница события определена по сообщениям в газетах: «Современное слово» (13 апр. (31 марта) (№ 3529). С. 4) в рубрике «Литературная хроника»: «Скобелевский комитет в непродолжительном времени выпускает сборник “Скрижаль”, в котором будут напечатаны новые произведения Горького, Бунина, А.Н.Толстого, Блока, Ахматовой и др.». См. также анонсы-объявления: «Свободный журнал» (1918. № 3–4 (вышел до 9 марта). С. 32): «Печатается и в ближайшее время выходит в свет 1-й литературный сборник “Скрижаль”. В сборник вошли следующие произведения: <...> рассказы “Конец” Ив.Бунина, <...>»; «Новости дня» (1918. 22 (9) апр. (№ 23). С. 4); «Вечерняя жизнь» (1918. 28 (15) марта (№ 6). С. 2); «Вечерняя жизнь» (1918. 10 апр. (28 марта) (№ 17). С. 3) сообщает: «В Петрограде еще **вышел** альманах Скобелевского комитета (с вещами Бунина, Горького, Лидина и др.)», и по рецензии. См.: 3 октября (20 сентября) 1918, вторая запись.

См. также: 15 (2) июня 1918, третья запись.

Октябрь, до 2 (Сентябрь, до 19). В Одессе выходит № 1 журнала «Объединение», в котором (с. 5–7) публикуется рассказ «Третьи петухи».

Датируется по времени перепечатки. См.: 4 октября (21 сентября) 1918.

Октябрь, 3 (Сентябрь, 20). В ответном письме Бунин пишет А.Б.Дерману:

«...очень рад, что Вы нашлись. Возвратясь из Киева, — где я читал в прошлую пятницу, 27 сент., <...> получил Ваше письмо от 21 сент. и телеграмму, а вчера, через Федорова, письмо от 27-го. Отвечаю по пунктам.

Слухи об издательских затеях бродят и здесь и в Киеве. Если что-либо создастся, буду, разумеется, помнить о Вас крепко, ибо по-прежнему люблю Вас.

То, что написали о “Соотечественнике”, пожалуйста, пришлите — непременно заказным.

Список понравившихся Вам стихов вышлю на днях.

Живется нам, в общем, плохо. Все растущая, душу угнетающая и рисующая мрачные перспективы дороговизна, непрестанная боль, ужас и ярость при чтении каждой газеты, вечная тревога за близких, — о которых за последнее время нет уже никаких известий, <...> близость зимы, которая нам, буквально не имеющим ни клока теплого, несет лютый холод — и пр. и пр. <...>

А теперь о сборнике <“Отчизна”>. Увы, у меня, кроме двух-трех стихотв<орений>, ничего нет! Душой рад бы был исполнить Вашу просьбу — и не могу! Я ничего не писал — все лето. Не узнаю себя — такая все лето была душевная подавленность и телесная слабость <...>. Что же делать? Одно могу сказать: подождите немного, — невзирая ни на что, не нынче завтра постараюсь заставить себя работать, и кто знает? — может быть, недели через две, через три уже пошлю Вам что-нибудь. Условия — как зимой: десять рублей за строку стихи, пять тысяч лист прозы. Это, по нынешним временам, очень немного, но все же напишите, по средствам ли это Вашему сборнику. Дешевле не возьму, но, может быть, лучше дать Вам как можно меньше?

На зиму мы остаемся в Одессе. Снял у приятеля художника две комнаты. Адрес мой с 1 окт. (старого стиля) — Одесса, Княжеская, 27, квартира Е.И.Буковецкого». В заключение просит помочь узнать что-либо о Ю.А.Бунине и найти место для А.С.Черемнова: «Он очень талантливый человек, очень нуждается, и я очень прошу за него».

Письма (*2*). С. 406–407.

В московской газете «Мир» (№ 49. С. 4) публикуется рецензия В.Гальского «На книжной полке».

Рецензент разбирает «только что вышедший» первый сборник альманаха «Скрижаль»: «Читатель будет приятно обрадован, встретив в книге ряд произведений, подписанных действительно крупными именами и, вопреки обыкновению, эти имена дали произведения значительные, с художественной точки зрения.

Центральной повестью надо считать рассказ М.Горького “Все тоже”. <...>

Тонким, натуралистическим пером выписан рассказ И.Бунина “Конец”, овеянный тем всегдашним у Бунина настроением, которое критики в шутку называли “дворянской печалью”. <...>

После альманаха “Эпоха”, это лучший сборник этого года».

Октябрь, 4 (Сентябрь, 21). В газете «Одесские новости» (№ 10808. Прибавление. С. 1) перепечатывается из журнала «Объединение» рассказ «Третьи петухи».

См.: до 2 октября (до 19 сентября) 1918.

Октябрь, 6 (Сентябрь, 23). В газете «Одесские новости» (№ 10810. С. 4) публикуется статья А.Мурова «Литературные заметки» о № 1 журнала «Объединение».

Критик пишет: «Первые же страницы этого журнала вполне удовлетворяют наше ожидание. Вы сразу встречаетесь с гордостью нашей литературы, с художником-поэтом, в своем лаконическом и проникновенном слове воскресившим лучшие традиции наших классиков. Я говорю об Ив.Бунине и о напечатанной здесь его миниатюре “Третьи петухи”. От этой маленькой по размерам, но трогательной и глубокой по содержанию композиции веет такой благородной простотой и убедительностью, что невольно начинаешь верить в неизбывную силу предутренних голосов, возвещающих новый день и новое благословение земному рождению. С нашим привычным сознанием, отравленным ядом убийства и шкурничества, как будто не мирится этот высоко настроенный оптимизм, эта трагическая мечта поэта, оплаканная среди темных и злых людей, но художник не изверился еще в святость и таинство жизни — и мы ему должны верить, мы не можем ему не верить <...>. В художественном отношении эта вещь ничего нового не прибавит к тому, что выдвигает г. Бунина, как первоклассного мастера слова, но она все же от этого не теряет в своей красоте и выразительности».

Октябрь, 7 (Сентябрь, 24). Бунин пишет стихотворение «Огонь, качаемый волной...». Авторская дата: «24.IX.1918».

Роза Иерихона. С. 286.

См.: Общее дело. Париж, 1920. 5 декабря (№ 143). С. 2.

Бунин пытается вернуть снятые накануне в квартире Е.И.Буковецкого комнаты, реквизированные австрийскими властями.

В.Н.Муромцева в дневнике: «Комнаты, снятые нами у Буковецкого, реквизированы. Третий день Ян хлопочет. <...>

Я присутствовала в квартире Буковецкого, когда ввалились австрийцы, — нынешние хозяева наши — и стали занимать <нашу> будущую комнату, где живет пока Нилус, чтобы водворить в ней украинского морского офицера».

Дневники. Т. 1. С. 190.

См.: 14 (1) октября 1918.

Октябрь, 9 (Сентябрь, 26). М.В.Сабашников отправляет Бунину из Москвы с Н.В.Дмитриевым письмо, в котором пишет:

«Мои приключения истекшего лета, слух о которых, вероятно, до Вас дошел, лишили меня возможности увидеть Вас перед отъездом Вашим в Крым и закончить наши переговоры относительно изборника стихов. В настоящее время мы приступаем к печатанию тех изборников, которые к нам поступили, и для меня было бы очень важно, при появлении в свет первых изборников, иметь положительную уверенность о том, что Вы предоставите нам и свой томик. Позвольте поэтому обратиться к Вам с просьбой решить этот вопрос. Материальные условия были уже обсуждены между нами и теперь за давностью времени я не совсем припомню, что задержало оформление договора. Во всяком случае, Вы были в числе первых, которым я два года тому назад обратился с предложением о составлении сборника. Вы тогда высказали Ваше к этому делу отношение и наметили желательную форму договора. Ваши замечания были приняты во внимание и легли в основу текста принятого в настоящее время всеми вошедшими в соглашение поэтами, из которых большинство уже представило свои тексты.

При сем прилагаю проект договора, во всем согласный с тем, что было установлено предварительно с вами в переговорах и прошу Вас принять решение. <...>

Николай Всеволодович Дмитриев, о котором Вы, быть может, слышали, как о деятеле Союза Городов, переселяется ныне в Киев и любезно принял на себя быть представителем нашего издательства для Украины и Крыма, с которыми непосредственные сношения так затруднены. Мы установили с ним регулярную переписку и я надеюсь таким образом, что обмен писем будет происходить, хотя и медленно, но верно.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что около шести недель тому назад мне с большими трудностями удалось, наконец, выпустить Вашего «Гайавату». Не сообщите ли Вы, кому Вы доверите получить те отчисления, какие Вам могут причесться, если Вы сами не вернетесь зимой в Москву».

РГБ ОР, ф. 261, к. 2, ед. хр. 5, л. 1.

Октябрь, 14 (1). Днем Бунин с В.Н.Муромцевой переезжает с дачи в Одессу и поселяется в квартире Е.И.Буковецкого (ул. Княжеская, д. 27), где также живет П.А.Нилус.

В.Н.Муромцева в письме родителям Н.А. и Л.Ф.Муромцевым от 18 (4) октября сообщает: «Мы с 1 октября <ст. ст.> в Одессе. Последнюю неделю Яну пришлось похлопотать: у Буковецкого реквизировали две комнаты, как раз наши, и в одну уже поместили морского украинского офицера с семьей. <...> Ян мгновенно поехал к Горностаеву, который его принял очень почтительно и сказал, что визитная карточка Яна будет для него реликвией. Вспомнили они свою первую встречу в Москве. Офицера удалось выдворить скоро, но официально реквизиция не снята, но, вероятно, снимут. Нам советовали переехать и жить, что мы и сделали. Хотя переехали мы, строго говоря, из-за того, что в ночь на Покров заболел Ян какими-то желудочными болями, расстройством и рвотой. Я провозилась с ним всю ночь. Мне помогал Кипен, писатель, который жил у нас последний месяц. На другой день, когда мы переехали в город, мы пригласили врача, который определил интердит и сказал, что все скоро пройдет. Через час после его ухода со мной случилось то же самое, что было накануне с Яном. Ян перепугался... неизвестно для чего, растирал меня пенэкспелером, несмотря на то, что у него была температура... Как потом оказалось, он в глубине души боялся, что у меня холера, а потому и решил растереть. Вот и подите! Как огня боится холеры и в то же время решается возиться со мной... Мы оба совершенно здоровы теперь.

Устроились, не сглазить, мы очень хорошо. В такой обстановке не приходилось жить: у нас две комнаты, большие, высокие, светлые, с большим вкусом меблированные, но лишних вещей нет. <...>

Кроме платы за комнаты, все расходы по ведению дома и столу будем делить пополам <с П.А.Нилусом>. Деньги, взятые из Москвы и полученные в Киеве, приходят к концу. Ян делает заем в банке, тысяч на десять, чтобы не очутиться в безвыходном положении. Он очень озабочен, одно время был оживлен, а теперь снова загрустил. Писать не начинал. Последний месяц он берет ванны, много гуляет, но вид у него почему-то стал хуже. Вероятно, заботит предстоящая зима, а теперь и здоровье Юлия Алексеевича. <...> Меня очень тревожит, что ничего нет теплого у нас. <...>

Ян для зимы совсем раздет, он взял с собой только две летних парочки. Ему необходим сюртук, т.к он, вероятно, будет выступать за плату. Его приглашают во многие города».

Новый журнал. 1977. № 128. С. 130–131.

Октябрь, 15 (2). Н.А.Скворцов пишет Бунину из Киева, рассказывая о встречах с Ю.А.Буниным:

«Дорогой Иван Алексеевич! В сентябре я опять ездил в Москву, откуда возвратился 5 сентября. Много раз был у Юлия Алексеевича, который с половины августа и весь сентябрь был прикован к постели: <...>. Выглядел он в этот раз особенно плохо — осунулся, почернел, глаза ввалились. <...> Юлий Алексеевич очень просил меня написать Вам, что никаких писем от Вас он не получал, что все родные живы и здоровы, и что вопрос об его отъезде остается нерешенным вследствие его болезни; кроме того, тормозится он и неимением определенного заработка. В этот раз письма он не написал, так как незадолго до моего отъезда вышло подтверждение

декрета о запрещении перевозить письма и об усилении кары за провоз их, <...>. Скажу лишь одно — все стараются бежать из Москвы, но в последнее время это удается лишь счастливцам. Видел Н.Д.Телешова, — он тщетно добивается разрешения на выезд; похудел, отощал и чрезвычайно нервен. <...>

Получили ли Вы письмо Юл. Ал., которое я отправил заказным из Киева числа 5–7 августа? <...>»

РАЛ. MS. 1066/5234.

Октябрь, 17 (4). Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у Е.В. и В.О.Недзельских.

Дневник В.Н.Муромцевой — РАЛ. MS.1067/352.

Октябрь, 20 (7). В зале Одесской консерватории на литературном вечере Бунин читает рассказ «Сны Чанга». Перед чтением выступают с докладами о творчестве писателя П.А.Нилус и В.О.Недзельский.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 21 (8) октября: «Вечер прошел лучше, чем я ожидала, народу было ¾. Но всякое дело требует опытности и умения, а потому между делом нельзя заниматься даже устройством вечеров.

Два реферата прослушать, а затем еще рассказ — это утомительно».

РАЛ. MS.1067/352.

См.: 22 (9) октября 1918.

Октябрь, 20 или 21 (7 или 8). Бунин сообщает в открытке А.Б.Дерману, что скоро высылает стихотворения для сборника «Отчизна» и просит:

«Нельзя ли немедленно выслать деньги (телеграфом)?».

Письма (*2*). С. 407.

Октябрь, 21 (8). У Бунина в гостях С.С.Юшкевич, писатели беседуют о А.А.Блоке и А.М.Горьком.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Был Юшкевич. <...>

Говорили о Блоке и Горьком. Юшкевич пытался оправдать их, но Ян так яростно напал на них, что Юшкевич сдался. Ян говорил, что никогда не простит Горькому то, что он теперь в правительстве. “Придет день, я восстану открыто на него. Да не только, как на человека, а также как на писателя. Пора сорвать маску, что он великий художник. У него, правда, был талант, но он потонул во лжи, в фальши”».

РАЛ. MS.1067/352.

Бунин посылает А.Б.Дерману для сборника «Отчизна» 15 стихотворений под общим заглавием «Путевая книга»: I. «Древняя обитель супротив луны...», II. «Солнце полночное, тени лиловые...», III. «Полночный звон степной пустыни...», IV. «Роса, при бледно-розовом огне...», V. «Осенний день. Степь, балка и корыто...», VI. «Стена горы — до небосвода...», VII. «Стали дымом, стали выше...», VIII. «На Альпы хмурые спустились облака...», IX. «Роняя снег, проходят тучи...», X. «Вид на залив из сада под таверной...», XI. «Пустыня в тусклом, жарком свете...», XII. «Сорвался вихрь, промчал из края в

край...», XIII. «Смятенье, крик и визг рыбалок...», XIV. «На даче пусто, ночь темна...», XV. «Звезда дрожит среди вселенной...», а также еще три стихотворения «не для печати»: «Золотыми цветут остриями...», «Тает, сияет луна в облаках...», «Колыбельная» («На глазки синие, прелестные...»).

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

В сопроводительном письме он пишет:

«Посылаю Вам пук стихов (не на 1000 р., а на 1200, что, думаю, не составит для Вас беды). Деньги будьте добры прислать поскорее — трудно жить, коробочка спичек стоит полтинник! <...> Прилагаю то, что Вам нравится, — стихи о свечах и о барышне, — но не для печати. Стих<отворение> “Колыбельная” тоже нельзя пристегнуть к “Путевой книге” — уж удовольствуйтесь теми 15 восьмистишиями, что составляют эту самую “Путевую книгу”».

Письма (*2*). С. 407.

Октябрь, 22 (9). В газете «Одесские новости» (№ 10822. С. 2) печатается статья Д.Л.Тальникова «Литературные заметки. Вечер Ив.Бунина».

Критик пишет: «Какая дивная, полная творческих очарований, поэма — “Сны Чанга”, новый рассказ Ив.Бунина, прочитанный им на своем вечере в зале консерватории в это воскресенье <20 (7) октября>. <...> как вся поэзия Бунина, он очень интимен, нежен, полон светлой творческой грусти, сладкой горечи, тоски.

“Сны Чанга” — даже не рассказ, а полная красок, запахов, звуковой мелодии симфония, полная какой-то неведомой прелести — и вся мудрая, от глубокого мудрого сердца, которым Господь наделяет только больших художников. Написанная в мягких лирических тонах, с трогающей задушевностью, — написанная вся как-то густо, вылившаяся, как крепкое вино, и вся в творческом подъеме над жизнью и ее прозой, она — чистейшее выражение поэзии, сама природа ее, и все в ней — под этим знаком. В ней нашло совершенное воплощение само начало поэзии, опоэтизирования жизненной прозы, уподобления реальной действительности прошлому, воспоминанию о прошлом, мечтам и “снам”. И самый стиль поэмы обвеян этой всепроникающей поэзией “снов”.

Волнует в ней неуловимо-чувственный аромат, тонкая музыка слов, пение души. <...> Это не поэзия бесплотного и холодного, рационалистического модернизма, пытавшегося создавать какие-то словесные абракадабры <...>.

Сюжет у Бунина всегда на последнем месте, фабулой он не богат, ибо не в ней весь смысл его творчества. И эти сюжеты у него сами по себе обычно не представляют ничего нового. Но все искусство его — в новом подходе к старому, в новом, что он видит в обычном, в новых формах, словах, идеях — и сюжет становится новым, расцветает, как жизнь, вечно повторяющаяся и вечно новая. <...> И в “Снах Чанга” это даже не сюжет, а внешний остов; содержание глубже и важнее, и шире. Содержание это — поэзия, как я уже сказал, — мировая тоска, мировая скорбь “всех стран и всех времен”... Но эта тоска — не абсолют.

Конкретное художественное творчество, связанное тесно с современностью, не может не быть в своем вечном и отражением этой мятущейся современности. В этом

смысле чистейшей воды поэт и художник Бунин совсем не парнасец, как ошибочно думают о нем многие, а поэт нашей эпохи, тревожных, роковых дней нашего мира. Бунин — подлинный и крупный социальный писатель, и это обнаружилось даже в такой, казалось бы, исключительно поэтической поэме, как "Сны Чанга".

"Сны Чанга" говорят о трагедии одиночества, но одиночество это, и вся атмосфера жизни, рождающей трагедию его героя, носят на себе печать не только частного, личного, а общего, типичного, приобретают глубокий социальный смысл. В основе этих поэтических "снов" лежит та же драма наших дней, которая составляет содержание всех последних произведений Бунина ("Господин из Сан-Франциско", "Братья", "Петлистые уши"). Эти произведения в настоящем смысле слова социальные поэмы наших дней, выражение общей трагедии современного человечества, которое не может себя чувствовать счастливым, не может быть им, — выражение современного кризиса, разложения всех глубоких основ его. <...> Чуткое, сбывающееся сейчас пророчество художника, как дух Божий, носится над стихией этих рассказов Бунина, вышедших накануне войны и революции. <...>

Трагедия капитана — героя "Снов Чанга" — несмотря на ее, казалось бы, личный характер, — и пессимизм его жизненной философии, и опустошенность души его — все это выражение того же огненного знака наших дней. На плечи капитана всей тяжестью лег тот же крест, который гнетет всех нас, гнетет всех других героев последних рассказов Бунина. Этот крест нашел частное и случайное выражение в драме любви».

О главном герое рассказа критик пишет: «Он — человек наших тревожных дней, нашего тяжелого времени. Он, — все тот же герой последних рассказов Бунина, объездивший весь мир, видевший господ и рабов, полюбивший Будду, — чувствует тот социальный грех, который тяготеет на нашем поколении, предчувствует и расплату, и все его миросозерцание окрашено в мрачный цвет. <...>

Великий символ этого всемирного братства всего живущего, этой мировой тоски наших дней по общей любви и милосердию показан в рассказе Бунина: верная собака Чанг — олицетворение всех, лишенных прав в нашем мире, живых организмов, всего сущего, чувствующего и мыслящего. <...>

"Сны Чанга" — это тоска всех стран, — и может быть больше всего — нашего времени...

Напрасно в этой поэтической тоске живой души по иным мирам выступавшие в первом отделении вечера докладчики гг. Недзельский и Нилус — к слову сказать, порядочно утомившие публику (вечер ведь был Бунина, а не о Бунине) — пытались увидеть философию мистицизма. К трезвому поэту неприменимо это понятие, и совсем не в мистике основной смысл всех последних рассказов Бунина, о чем я говорил выше. К сожалению, докладчикам совершенно чужд и даже враждебен социальный метод критики, необходимый, когда подходишь к социальным явлениям».

В газете «Одесский листок» (№ 222. С. 6) публикуется статья Б.С.Вальбе «На вечере И.А.Бунина».

Критик пишет: «Две величайшие книги подарили мировой поэзии две мелодии, живущие из века в век, вечно обновляемые, вечно свежие.

Каков бы ни был гений нового художника, поэта, философа и провидца, он все еще в кругу этих двух правд, в диапазоне этих двух мелодий.

Отнимите у человечества мелодии “Песни песней” и “Экклезиаста” и не будет у вас ни Шекспира, ни Гете, ни Байрона, ни Толстого. <...>

К этим двум правдам подошел и И.Бунин в своем прелестном рассказе “Сны Чанга”.

<...> начиная свой рассказ, Бунин сразу вводит своего читателя и слушателя в сферу мудро-грустных раздумий.

И проходит пред нами символическая жизнь капитана».

Пересказав содержание рассказа, критик пишет: «Его эстетическая стоимость громадная. Образы — скульптурно-рельефны. Закат на море и наступление ночи один из лучших образов Бунина и русской литературы.

Великолепно передана жизнь на чердаке. Хороша и путевая суета ресторана и утреннее пробуждение города.

Отнимите у этих самых прелестных “Снов Чанга” доминирующую их идею или настроение этих “двух правд” и у вас получится рассыпанная храмина.

Ведь контраст этих двух картин: синевы, лазури, света, моря и — табачно-лиловой атмосферы ресторана гармонированы только с идеей “двух правд”.

Итак “третья правда” — правда последнего Хозяина, вот правда, которой теперь молится Бунин-художник и Бунин-философ.

Для всех следивших с должным вниманием за творческими исканиями Бунина, начиная от рассказов, составляющих сборник “Господин из Сан-Франциско” через “Петлистые уши” и, кончая “Третьими петухами”, ясно, что громадные переживания современности не прошли даром для лирического таланта Бунина.

Это все своеобразные творческие “дневники” его исканий.

Это он сам кричал о первой правде — песни песен в “Господине из Сан-Франциско” и о второй правде в “Петлистых ушах” и “Соотечественнике”.

Теперь мудро-грустный, стоя у врат “мистической” обители жизни, Бунин впервые говорит о религиозной правде смиренных.

Это очень важный этап в эволюции этого художника.

Что-то значительное сказано Буниным и в этом направлении мы от него, нужно полагать, многое еще услышим.

Бунин — художник — один из самых страстных и неугомонных правдоискателей наших дней.

Чтение И.А.Бунина отличалось скульптурной выразительностью; окутанное мудро-раздумчивой грустью этого тонкого философски-артистического лица, оно вызвало какие-то особливые “интимные” аплодисменты редкой для Одессы подлинно-интеллигентной публики.

Чтению предшествовали характеристики бунинского творчества, сделанные П.А.Нилусом и В.О.Недзельским».

Октябрь, до 23 (10). Бунин перерабатывает стихотворение «Пост» и пишет новую его редакцию «Москва» («Темень, холод предрассветный...»).

РГБ ОР, ф. 356, к. 10, ед. хр. 5.

Граница события определена по первой публикации. См.: 24 (11) октября 1918.

См.: до 20 декабря 1916.

Октябрь, 23 (10). Вечером в гостях у Бунина С.С.Юшкевич читает свою новую пьесу.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Сегодня день рождения Яна и Тани, Митиной дочки, моей крестницы. <...>

Вечером Юшкевич прочитал свою новую драму, очень коротенькую, в 3 действиях. <...> Есть ловкость, опытность, выверты, а тема стара, как мир, нова лишь вертушка. Как следует искренне нельзя было высказаться, ибо эту пьесу он посвящает Яну. После чтения он быстро ушел.

В 11 ч. мы съели по куску ветчины и выпили вина. Евг.Ос.Буковецкий подарил Яну бутылку старого Nuit. Мы все развеселились, много болтали <...>».

РАЛ. MS.1067/352.

Октябрь, 24 (11). В газете «Одесские новости» (№ 10824. С. 1) публикуется стихотворение «Москва» («Темень, холод предрассветный...»).

Октябрь, 25 (12). Бунин пишет завещание.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «День именин Яна. Редко мы бывали в эти дни вместе. Мне очень приятно, что в этом году мы вместе.

Утром гуляла. <...> Когда я вернулась с прогулки, Ян показал мне свое завещание, написанное в мою пользу. Я совсем не обрадовалась, стало страшно. Неужели мне придется жить без него. Это настанет тогда беспробудное одиночество».

РАЛ. MS.1067/352.

См.: 11 октября (28 сентября) 1919, первая запись.

Л.Ф.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Здравствуйте, дорогой, милый Иван Алексеевич, сегодня 12 окт. день Вашего Ангела. Поздравляю Вас, желаю вам всего того, чего Вы сами желаете. Увы! До Ваших идеалов все так далеко, что думается — не есть ли это — тщетные желания; а все-таки будем желать. Юлий Алекс. <Бунин> пока, слава Богу, жив и сравнительно здоров. У нас бывает реже, чем прежде. <...> Вообще жизнь так дорога, так дорога, что прямо не знаешь, как вывернемся, чтоб не подохнуть. <...> Живем под угрозой быть выселенными, мебели нельзя брать; говорят, что оставляют все, что “им” нужно, и я всего более беспокоюсь о Ваших вещах. <...>».

РАЛ. MS. 1066/3934.

Октябрь, 27 (14). В газете «Одесский листок» (№ 227. Приложение. С. 1) публикуются стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: 1. «Плоты» («С востока дует холодом, чернеет зыбь реки...»), «Сон епископа Игнатия» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»).

Октябрь, 28 (15). Бунин уезжает из Одессы через Киев в Екатеринослав для участия в литературном вечере.

В.Н.Муромцева в дневнике: «Ян уехал через Киев в Екатеринослав, а между тем чувствовал себя больным весь день. <...> Но, если все обойдется благополуч-

но, то я умолять буду Яна никуда не ездить. Бог с ними, с деньгами. <...> по-моему вчерашнее "воскресенье" оставило на него дурное впечатление. Ему очень неприятно, что он не сдержался и спорил с "дураками", которые рассказывали, что в Совдепии "истинный рай", "взяток не берут", "поезда ходят превосходно" и т.д., и т.д.».

Дневники. Т. 1. С. 192.

Октябрь, конец. Выходит № 1 киевского журнала «Родная земля», в котором (с. 11–12, 57–62) печатаются стихотворения «В дачном кресле, ночью, на балконе...», «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» и рассказ «Конец».

См. объявление в газете «Киевская мысль» (2 ноября (№ 203)).

Октябрь (?). В Воронеже выходит № 1 журнала «Сирена», в котором (с. 70) в рубрике «Библиография» печатается рецензия на два литературных сборника: «Эпоха» (кн. 1. М., 1918), «Скрижаль» (Сб. 1. Пг., 1918).

О 1-м сборнике рецензент, в частности, пишет: «Несмотря на "имена", сборник не производит должного впечатления. Так себе: нечто немного выше среднего уровня. <...>

В отделе поэзии обычно хороши стихи А.Белого, А.Блока, В.Брюсова, но довольно слабы — Ив.Бунина. Целиком — из головы».

О сборнике «Скрижаль» критик отмечает: «В наше время, особенно бедное хорошими книгами, сборник "Скрижали" <так!>, начиная с внешней стороны и кончая содержанием, производит самое приятное впечатление. <...> в сборнике помещен великолепно-мудрый рассказ И.Бунина "Конец". <...>

Рассказ Бунина, этого настоящего мастера слова, проникновенен и трепетен. Написанный сочно и густо, он является поистине торжествующей ясностью духа и прозрения. И весь рассказ, пронизанный каким-то неземным откровением, символ чего-то примиряющего и всепрощающего».

Датируется предположительно по времени выхода сборников «Эпоха» и «Скрижаль».

Ноябрь, 3 (Октябрь, 21). Бунин беседует с М.О.Цетлиным о политическом положении в мире.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Цетлин сидел часа два. Велись разговоры на политические темы.

Ян высказался в том духе, что Вильсон хочет погубить Европу.

Цетлин не соглашался. <...>

В городе у нас стрельба.

Сегодня австрийские солдаты ходили по городу с красным флагом. <...>

Ян читает Горького и говорит, что это "лубочный" писатель. Гребенщиков имеет такой же талант.

Ян хочет составить краткие замечания о Горьком.

Читать на вечере он не будет, т.к. у него насморк, и он охрип.

Год назад мы в эту ночь выехали из Глотова. <...> В час дня явился посланный из Предтечева <...> там начались беспорядки. Мы сидели и читали вслух "Село Степанчиково", когда С.Н.Пушешникова вошла и сказала нам об этом. А в два часа,

когда Ян сидел и писал стихи, явился из Петрищева мужик и объявил, что начались погромы. <...>

Все надеются на англичан. Есть слух, что состоялось соглашение между ними и немцами не оставлять Одессы в анархическом состоянии. <...>

Был Павлов, у него бунинский подбородок. <...>

Как всегда за обедом были отвлеченные разговоры. Е.Ос.Буковецкий высказал очень интересную мысль. Что ничто так не раздвигает умственного горизонта, как чтение больших писателей прошлых столетий. Речь шла о Гете, Нилус и Ян сказали, что они не могут его читать уже».

РАЛ. MS.1067/352.

Ноябрь, до 4 (Октябрь, до 22). Бунин пишет стихотворение «Из книги пророка Исайи» («Возьмет Господь у вас...»). Авторская дата: «1918».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10, л. 5.

См.: 11 ноября (29 октября) 1918.

Ноябрь, 10 (Октябрь, 28). Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у М.С. и М.О.Цетлиных.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 11 ноября (29 октября): «Вчера были у Цетлиных. Кроме нас были Толстые, Койранский и Инбер, потом, уже очень поздно, пришли Фондаминский-Бунаков и Руднев. <...>

Все время было очень оживленно. Разговор шел о политике, конечно, о Вильсоне. Мнения резко разделились: одни, Ян и Саша Койранский, относятся к Вильсону отрицательно. <...> М.С.<Цетлина> с мужем стоят горой за Вильсона. <...> Она страшная германофобка <...>.

Ян отстаивал их <немцев>. Он говорил, что хотя он очень зол на немцев из-за большевиков, но все же он находит, что сильное ослабление Германии очень вредно отзовется на всей Европе»

РАЛ. MS.1067/352.

В газете «Одесские новости» (№ 10839. С. 5) печатается ответ Бунина под заглавием «Страшные контрасты» на анкету газеты «Художники о художнике» по случаю 100-летия со дня рождения И.С.Тургенева.

Бунин отмечает: «Можно ли придумать более страшные контрасты: Тургенев и современная русская литература, годовщина тургеневского рождения — и годовщина так называемого большевизма, сделавшего родину Тургенева позором всего человечества! Можно ли говорить о Тургеневе при наличности таких контрастов!

В русской литературе уже давно началось и плотно водворилось нечто подобное тому, что ныне происходит в русской жизни. Литература Пушкина, Толстого, Тургенева за последние десятилетия так низко пала, — до того, что в ней считаются событием даже нарочито хамские, кощунствующие именем Христа и Его Двенадцати Сподвижников вирши Блока! — настолько потеряла ум, вкус, такт, совесть и даже простую грамотность, так растлила и втоптала в грязь “великий, правдивый язык”, завещанный Тургеневым,

что для меня достаточно было бы и одного этого, чтобы встретить тургеневский юбилей только стыдом и молчанием. Но говорить о Тургеневе в это ни с чем не сравнимое время, когда Бог привел мне видеть подтверждение моих дум о русском народе в такой ужасной мере, <...> праздновать совместно с Троцким, Лениным, Петерсом и Горьким, который, может быть, в эту минуту, ломая роль "фанатика", произносит среди человеческих и лошадиных трупов пламенные речи о пользе просвещения и щедро оделяет томиками "социализированного" Тургенева — победоносный русский демос, тот самый демос, который уже осквернил могилу Толстого, сжег дом Пушкина, в прах разнес родовое тургеневское гнездо, а теперь спокойно дерет окровавленными лапами эти самые томики на цигарки, — нет, говорить и праздновать в эти окаянные дни уже совсем выше моей силы».

Также опубликованы ответы С.С.Юшкевича и П.А.Нилуса. Весь номер посвящен этой юбилейной дате.

Ноябрь, 11 (Октябрь, 29). В газете «Киевская мысль» (№ 211. С. 2) помещается стихотворение «Из книги пророка Исайи» («...Возьмет Господь у вас...»).

Ноябрь, 12 (Октябрь, 30). А.Б.Дерман пишет Бунину из Симферополя:

«Стихи Ваши получены, деньги отправлены через банк, — надеюсь, уже давно получили. Большое спасибо за присланное и отдельно — за присланное "не для печати". Как мне жаль, что Вы не разрешили напечатать стихотворения о свечах. Кстати о стихах, — недавно мне дали прочесть Ваше стихотворение "Москва" (из "Од<есских> нов<остей>"), — удивительно сильное! Оно вызвало во мне горькую досаду: это как раз то самое, что подходит к типу нашего сборника, где мы стараемся держаться вокруг темы о России.

<...> На Вас я имею разные виды и чувствую, как необходимо нам повидаться. Повели бы разговор об издании книжки Ваших стихов и о прочем. <...>

Ну, милый Иван Алексеевич, стрелка-то событий как будто поворачивает в сторону бодрости? Ей Богу интересно. Жутко, синяки на душе и на теле, но ужасно интересно.

Из Москвы вестей не имел. Не получили ли Вы чего? Пишете ли? <...>

Напишите поскорее и приезжайте или хоть приезжайте в Крым».

РАЛ. MS. 1066/2206.

См.: 21 (8) октября 1918, вторая и третья записи.

В газете «Киевская мысль» (№ 212. С. 4) печатается «Письмо в редакцию» Бунина.

В письме говорится: «"Концертно-лекционное бюро Л.Горина и М.Гониодского" объявляет в газетах "турне по Украине Ив.Бунина и С.Юшкевича".

Позвольте заявить, что я не давал вышеназванным господам никакого права на такое объявление.

Ив.Бунин.

Одесса, 9 ноября».

Данное письмо Бунина было вызвано рекламными объявлениями Концертно-лекционного бюро Л.Горина и М.Гониодского в газете «Киевская мысль» (1918. 7 нояб. (25 окт.). (№ 207). С. 1; 11 нояб. (29 окт.) (№ 211). С. 2).

Ноябрь, 16 (3). В газете «Киевская мысль» (№ 216. С. 1) печатается рецензия «Родная земля». Подпись: Книжник.

Рецензент пишет: «Недавно вышел в Одессе первый номер “Объединения”, на днях появилась в Киеве первая книжка “литературно-политического и научного ежемесячника” — “Родная земля”. <...>

Беллетристику “Родной земли” украшают, кроме, конечно, отрывков Толстого, рассказ Ив.Бунина “Конец” — новый образец бунинской великолепной прозы».

Ноябрь, 17 (4). И.С.Шмелев пишет на открытке Бунину из Алушты, что 15 октября послал свой рассказ, но аванса так и не получил, предлагает другие рассказы и добавляет:

«Высылать ли? Сижу б<ез> денег. Приехал сын больной. Ответьте, отзовитесь. Голодаю».

РАЛ. MS. 1066/5062.

Ноябрь, 19 (6). Бунин беседует с В.П.Катаевым.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Был Катаев. Собирает приветствия англичанам. Ему очень нравятся “Скифы” Блока. Ян с ним разговаривал очень любовно».

Дневники. Т. 1. С. 193–194.

Ноябрь, 20 (7). К Буниным приходит Д.Л.Тальников.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Был Тальников и сообщил, что английская эскадра обстреливает Кронштадт. <...>

В городе волнение. Идут аресты. Кажется, социалистов всех видов».

Дневники. Т. 1. С. 194.

В помещении одесского Литературно-артистического общества проходит первое (организационное) заседание литературного кружка «Среда» (по примеру московской «Среды»). Возможно, на нем присутствует Бунин.

См.: «Литературный кружок “Среда” (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) окт. (№ 142). С. 4).

Ноябрь, 21 (8). Бунин беседует с В.Н.Муромцевой о русском народе.

В.Н.Муромцева в дневнике записывает: «— Высшие классы, — сказал Ян, — это действенные классы, а народ, аморфная масса. Так называемая интеллигенция и писатели — это кобель на привязи, кто не пройдет, так и брешет, поскакивает, из ошейника вылезает».

Дневники. Т. 1. С. 194.

Ноябрь, 23 (10). В одесском журнале «Огоньки» (№ 28. С. 1) публикуется факсимиле стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: 1. «Белый мак» («На помории далеком...»).

Ноябрь, 24 (11). Бунин говорит с В.Н.Муромцевой о революциях.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян сказал: “Как это сочетать, — революционеры всегда за свободы, а как только власть в их руках, то мгновенно, разрешив

свободу слова, они закрывают все газеты, кроме своей. Революция производится во имя борьбы против насилия, а как только власть захвачена, так сейчас же и казни. <...>"».

Дневники. Т. 1. С. 194.

Ноябрь, 26 (13). Бунины переживают очередную смену власти в городе. В порт Одессы приходит английский миноносец. В Одессе в переходный период наступает троевластие: польская стрелковая бригада, директория С.В.Петлюры, Добровольческая армия.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «В порт пришел английский миноносец, ждут броненосца».

Дневники. Т. 1. С. 194.

Ноябрь, 27 (14). Бунин наблюдают улучшение обстановки в городе, т.к. Одессу занимают англичане.

В.Н.Муромцева в дневнике записывает: «Забастовка прекратилась: вышли "Одесские новости". <...>

— Вероятно, англичане заняли почту, телеграф и электрическую станцию, — сказал Ян.

В пять часов нам дали электричество, и какая радость».

Дневники. Т. 1. С. 194–195.

По приказу командования Антанты 29 (16) ноября 1918 г. в Одессу прибывают эшелон сербских войск, а 1 декабря (18 ноября) — 1000 польских легионеров.

Возможно, Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором Л.П.Гроссман читает доклад о Ф.М.Достоевском.

См.: «Литературный кружок "Среда" (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) окт. (№ 142). С. 4).

Ноябрь, 30 (17). К Бунину приходит Л.П.Гроссман.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Приехал к Яну Гроссман, высокий, худой и самоуверенный человек, говорит гладко, несколько певуче. Он явился просить у Яна выборных рассказов из его произведений» <для издания сборника для школ>.

3 декабря (20 ноября) В.Н.Муромцева в дневнике добавляет: «Гроссман просит у Яна два тома — один рассказов, другой стихов, издание должно быть в пять тысяч экземпляров».

Дневники. Т. 1. С. 195–197.

Декабрь, 2 (Ноябрь, 19). Бунин высказывается по поводу выступления А.М.Горького; к Бунину приходят Недзельские, Д.Л.Тальников.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян вспомнил, как в год войны Горький говорил в "Юридическом обществе", что он боится, что "как бы Россия не навалилась бы на Европу своим брюхом". А теперь он не боится, если Россия навалится на Европу "большевистским" брюхом, – сказал Ян зло.

Были Недзельские. <...>

Был и Тальников и, как всегда, принес неутешительные известия: <...>.

Большевики подняли голову, меньшевиков обвиняют в измене».

РАЛ. MS.1067/352.

Декабрь, 3 (Ноябрь, 20). У Буниных вечером проходит товарищеский ужин с Е.И.Буковецким и П.А.Нилусом. Говорят о литературе, вспоминают В.П.Куровского, А.М.Федорова.

Дневники. Т. 1. С. 196–197.

Декабрь, 4 (Ноябрь, 21). Вечером Бунин присутствует на очередном заседании литературного кружка «Среда», на котором С.С.Юшкевич читает новую пьесу «Нелогическое».

Также на заседании присутствует А.Н.Толстой.

См.: «Литературный кружок “Среда” (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) окт. (№ 142). С. 4).

Декабрь, 6 (Ноябрь, 23). Бунина просят прочесть лекцию в Николаеве.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Утром у Яна был студент, приглашал Яна прочесть лекцию в Николаеве.

Брилловский, который неделю тому назад приехал из Москвы, рассказывал, что там ужасно».

РАЛ. MS.1067/352.

Декабрь, 7 (Ноябрь, 24). В одесском журнале «Огоньки» (№ 30. С. 10) под общим заглавием «Привет союзникам. Анкета “Огоньков”» публикуется ответ Бунина.

Бунин пишет: «Много чувств совмещается теперь в нашем сердце. И все-таки – ведь это они порвали в клочки тот постыднейший в мире ярлык, на котором от имени великой России расписался репортер Карахан!»

На анкету ответили также А.Н.Толстой, П.А.Нилус, П.Володикин, Л.П.Гроссман, Д.Л.Тальников, Седой, А.А.Кипен, Е.Боскович.

Имеется в виду Брестский мир, документы которого подписывал 3 марта (18 февраля) 1918 г. секретарь советской делегации на переговорах о мире Л.М.Карахан.

Декабрь, 8 (Ноябрь, 25). У Буниных в гостях М.О.Цетлин. Говорят о политике.

Дневники. Т. 1. С. 197.

Декабрь, 7 – 10 (Ноябрь, 24 – 27). Бунины наблюдают в одесском порту высадку французской дивизии с артиллерией.

Декабрь, 12 (Ноябрь, 29). Бунины вновь переживают смену власти –Одессу занимают войска С.В.Петлюры.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Мы – в республике. Петлюровские войска вошли беспрепятственно в город».

Дневники. Т. 1. С. 198.

Декабрь, 13 (Ноябрь, 30). В Одессе идут уличные бои; введен комендантский час.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Опять началась жизнь московская. Сидим дома, так как на улицах стреляют, раздевают. Кажется, вводится осадное положение, выходить из дому можно до девяти часов вечера. Вчера выпустили восемьсот уголовных. Ждем гостей. Ожидание паршивое. <...>

Вчера <...> Ян был подавлен. Он говорил, что прошлую ночь три часа сидел на постели, охватив руками колени, и не мог заснуть.

— Что я за эти часы передумал. И какое у меня презрение ко всему!»

Дневники. Т. 1. С. 198.

Декабрь, 14 (1). В одесском журнале «Огоньки» (№ 31. С. 14) воспроизводится графический портрет Бунина работы художника Гольденберга.

Декабрь, 15 (2). Бунин с В.Н.Муромцевой гуляет по городу, встречает В.П.Катаева.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Пошли все гулять. <...> Около кафе Робина стоят добровольцы. Мы вступили во французскую зону. Дошли до Ришельевской лестницы. На Николаевском бульваре грязно, толпится народ. По дороге встретили Катаева.

На бульваре баррикады, добровольцы, легионеры. Ян чувствует к ним нежность, как будто они — часть России».

Дневники. Т. 1. С. 198–199.

Декабрь, до 16 (3). Выходит сборник «Стихи 1918» (М.; Одесса: Современные проблемы, 1919), в котором (с. 35–43) помещаются стихотворения «Из цикла “Русь”»: «Плоты» («С востока дует холодом — чернеет зыбь реки....»), «Сон епископа Игнатия» («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), «Из книги пророка Исаии» («...Возьмет Господь у вас...»), «Москва» («Темень, холод предрассветный...»).

Граница события определена по объявлению в газете «Одесские новости» (1918. 17 (4) декабря (№ 10868). С. 1), что книга «Стихи 1918» поступила в продажу.

Декабрь, 16 (3). Днем Бунин и В.Н.Муромцева гуляют по Одессе.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 17 (4) декабря: «Вчера в полдень мы с Яном гуляли по городу <...>

Я очень люблю ходить с Яном, он так живо ко всему относится, все замечает, прямо одно удовольствие, точно образовательная экскурсия...

Были в банке у Дерибаса. Он думает, что Одесса останется свободным городом».

Дневники. Т. 1. С. 199.

Декабрь, 17 (4). Днем после прогулки по городу, вернувшись домой, Бунин и В.Н.Муромцева застают в гостях М.С.Цетлин. Вечером Бунин отмечает день рождения Е.О.Буковецкого.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Придя домой, мы застали за чашкой кофе Цетлину. <...> Почти все время говорили о Серове, об ее портрете. <...>

Гришин-Алмазов назначен генерал-губернатором Одессы. Сегодня высадилось 12000 союзных войск.

Рождение Евг.Ос.Буковецкого проходит приятно. Был тонкий обед, старое белое вино, легкие, приятные разговоры, смех».

РАЛ. MS.1067/353.

16–17 (3–4) декабря в одесском порту высадился новый французский десант, в том числе два батальона «зуавов» — сенегальских и марокканских солдат.

Декабрь, 18 (5). Бунины вновь переживают смену власти в городе. В Одессе идут уличные бои: под прикрытием французской артиллерии белогвардейский генерал А.Н.Гришин-Алмазов вытесняет из города войска С.В.Петлюры.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «С утра идет сражение: трескотня ружей, пулемет, изредка орудийные выстрелы. Ян разбудил меня. Петлюровцы с польскими войсками и добровольцами. <...> весь день шел бой. Наша улица попала в зону сражения. <...>

Погода была дождливая. Ян почти целый день был на ногах, в пальто, ежеминутно выходил во двор, где говорил с жителями нашего дома. Демократия настроена враждебно».

Дневники. Т. 1. С. 200.

Декабрь, 19 (6). Бунин с радостью встречает добровольческие войска. Одесса провозглашается «под покровительством французского командования».

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Сегодня проснулись рано. <...> На почте развевался русский флаг, увидеть его было радостно.

Добровольцы очень статные, с хорошей выправкой люди <...>.

Ян был очень взволнован. Он сказал, что за два года это первый день, когда чувствуешь хоть луч надежды. Его очень трогает самоотверженность добровольцев. <...>».

Дневники. Т. 1. С. 200–201.

Декабрь, 19...21 (6...8). Бунин пишет стихотворение «22 декабря 1918» («И боль, и стыд, и радость. Он идет...»).

ГАОдО, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 38, л. 45.

Границы события определены по событиям в Одессе и публикации. См.: 22 (9) декабря 1918.

Декабрь, 22 (9). В газете «Одесский листок» (№ 279. С. 1) печатается стихотворение «22 декабря 1918 г.» («И боль и стыд и радость. Он идет...»).

Декабрь, 25 (12). Бунин с В.Н.Муромцевой присутствует на заседании литературного общества «Среда», на котором А.Н.Толстой читает рассказ «В бреду» и сказку «Олена многосемейная», М.О.Цетлин (Амари) — стихи.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 26 (13) декабря: «Вчера была впервые на “Среде” здешней, но читали наши москвичи: Толстой и Цетлин. <...> На прениях мы не присутствовали — поспешили домой».

Дневники. Т. 1. С. 202.

Декабрь, 29 (16). В зале «Урания» Бунин читает рассказ «Смерть Моисея».

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян читает сегодня в “Урании”. Хочу пойти. <...>

Ян читал “Моисея”, и я слушала его с необыкновенным интересом, а ведь это, вероятно, в сотый раз! Ян прочел и ушел, а публика сидела и ждала продолжения.

Никто не ожидал, что будет так мало он читать. На чтении были Цетлины. С ними мы пошли по направлению к дому».

РАЛ. MS.1067/353.

Декабрь, 30 (17). Бунин заболевает, простудившись во время чтения в зале «Урания».

См.: 3 января 1919 (21 декабря 1918).

В одесской газете «Южный рабочий» (№ 224. С. 2) в рубрике «Маленький фельетон» печатается сатирическое стихотворение В.А.Раппопорта (?). Подпись: Никита.

Испуган ты и с похвалой сумбурной
Согнулся вдруг холопски пред варягом;
Ужели ужас шкурный
Является тебя достойным стягом?
«Скоты, зверье» — так ты народ порочишь
Словами безобразными и злыми,
Пусть правда всё, чего ты хочешь
Добыть у иностранцев ими?
В пословице народной говорится, —
И с этой истиной никто не сладит:
«Плохая птица,
Которая гнездо свое загадит!»

Данная сатира вызвана стихотворением Бунина «22 декабря 1918 г.». См.: 22 (9) декабря 1918.

В течение года. Бунин пишет стихотворения:

— «Высокий белый зал, где черная рояль...». Авторская дата: «1918».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 10, л. 6.

См.: 19 (6) октября 1919, вторая запись.

— «Архангел» («Архангел в сияющих латах...»).

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 8, л. 3.

В *Роза Иерихона* (с. 287) авторская дата: «3.IX.19». Датируется по первой публикации.

См.: 14 (1) января 1919.

Выходит отдельное издание рассказа «Весенний вечер» (Одесса: Русское книгоиздательство в Одессе, 1918. 16 с.).

В серии «Народно-школьная библиотека» выходит 2-е издание книги «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 116 с.).

Содержание то же. См.: до 3 декабря 1914.

Выходит книга пятая «Избранных рассказов» Р.Киплинга (пер. Н.А.Пушешникова, под ред. Ив.А.Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 89 с.).

Выходит 10-е издание части первой учебника «Наш мир. Книга для занятий родным языком в младших классах средних школ» (сост. кружком московских преподавателей Н.Л.Бродским, Е.Д.Домашевским, Н.М.Мендельсоном и др. М.; Пг., 1918), в котором (с. 336)

помещается стихотворение Бунина «Не видно птиц. Безмолвно чахнет...».

Выходит сборник второй «На сцене и дома. Избранные произведения художественной литературы» (под ред. Н.А.Ульянова. М.: Наука, 1918), в котором (с. 87–88) помещается стихотворение Бунина «На распутьи» («На распутьи в диком древнем поле...»).

В серии «Stratford universal library» выходит сборник «Andreyev L.N. Lazarus. Bunin I.A. The gentleman from San-Francisco» (translated by Abraham Yarmolinsky. Boston: Stratford Co., 1918), в котором публикуется рассказ «Господин из Сан-Франциско» в переводе на английский язык.

1919

Январь, 3 (Декабрь, 21, 1918). К Буниным приходит С.В.Яблоновский.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян всю эту неделю болеет, простудился в “Урании”. Очень жаль, так как он как раз начал было писать. <...>

У нас был Сергей Яблоновский. <...> Он бежал из Москвы, т.к. был приговорен к расстрелу».

Дневники. Т. 1. С. 202–203.

Январь, 4 (Декабрь, 22, 1918). В одесском журнале «Огоньки» (№ 1–34. С. 1) печатается стихотворение под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: «Укоры» («Море с голой степью говорило...»).

Январь, 5 (Декабрь, 23, 1918). Болезнь Бунина продолжается.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «У Яна был жар один день, и в этот день он был очень трогательный. Говорил все из “Худой травы”, уверял, что он похож на Аверкия... Слава Богу, энергичным лечением жар держался только 1 день. Назаров боится рецидива, а потому он должен несколько дней никуда не выходить.

Сегодня мы вдвоем. Художники на “воскресенье”. Яну скучно».

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 7 (Декабрь, 25, 1918). В газете «Одесские новости» (№ 10884. С. 2) публикуются стихотворения под общим заглавием «Мадонна»: I. «В норе, домами сдавленной...» II. «На диких берегах Бретани...».

Январь, 6...10 (Декабрь, 24...28, 1918). К Буниным приходит И.Ф.Наживин; писатели беседуют о положении в стране, о власти, о событиях в Москве. Приходит в гости С.В.Яблоновский. Бунин читает произведения А.К.Толстого.

12 января (30 декабря 1918 г.) В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «На днях был Наживин. <...>

Он два месяца, как из Совдепии <...>.

Он советовал нам ехать на Кубань, там и дешевле, и жизнь кипит. <...>

— Вот, — сказал Наживин, — Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и все за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам.

<...> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы.

<...> Был Сергей Викторович Яблоновский. <...>

Говорили о Алексее Константиновиче Толстом — поэте. О том, что Чехов не прав был, назвав его оперным актером.

Ян сказал: "Напротив, Толстой сам создал тот стиль, в котором его упрекает Чехов". <...>

Ян все это время читает А.К.Толстого».

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 12 (Декабрь, 30, 1918). Бунин болеет; читает произведения Н.В.Гоголя.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян все болен, сегодня было 2 доктора. Назаров и Снежков.

Сейчас он прочел "Коляску" и "Рим" <Н.Гоголя> и в восторге. "Когда вспомнишь, что целая литература из одной "Коляски" вышла, пол-Чехова из "Коляски", и какая простота и легкость, удивительно!"

Я: А как тебе "Рим" понравился? — спросила я.

Ян: Очень».

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 13 (Декабрь, 31, 1918). Бунин с В.Н.Муромцевой встречает старый Новый год в гостях у Л.М.Де-Рибаса.

В.Н.Муромцева в дневнике записывает 17 (4) января: «...кажется, <...> и Нового года не встречали, хотя были в двух местах. У Дерибаса, где было человек двадцать, мало связанных друг с другом людей и для меня мало знакомых. <...> Потом были в клубе <А.Я.Зейдемана?>. Приехали туда, когда все были пьяны, и попали в Москву. Почти вся редакция "Нового слова", Шер, Толстые, Гюнтер и др. Нам все обрадовались, играли туш».

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 14 (1). В ростовской газете «Приазовский край» (№ 1. С. 4) печатается стихотворение «Архангел» («Архангел в сияющих латах...»).

Январь, 19 (6). К Буниным приходит С.Я.Елпатьевский.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Был Елпатьевский. <...> Конечно, прежде всего заговорили о событии сегодняшнем, — назначении Колчака Верховным Главнокомандующим».

Дневники. Т. 1. С. 206.

А.В.Колчак принял титул Верховного правителя России и был назначен Верховным главнокомандующим всех Белых армий 18 (5) ноября 1918 г.

Январь, 20 (7). К Бунину приходит П.Н.Врангель с просьбой принять участие в благотворительном вечере.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Приходил Врангель с каким-то студентом просить Яна участвовать в вечере в пользу кружка славянских студентов. Врангель собирается ехать в Екатеринодар».

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 25 (12). В Одесском литературно-артистическом обществе Бунин читает свои произведения.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике от 26 (13) января: «Ян очень подавлен. <...> Только вчера были в клубе. Ян читал. Кошиц пела, Волошин прочел два истор<ических> своих стихотворения».

РАЛ. MS.1067/353.

А.Б.Дерман пишет Бунину из Симферополя:

«Совсем я об Вас ничего не знаю. Изредка мелькнет в газетах Ваше имя, но не знаю, как живете, как себя чувствуете, что делаете, и проч.

Сборник мой (наз<вание> "Отчизна") уже печатается, будет выпущен 10–15 февраля. Задержали меня Шмелев и Ценский. Ваши стихи идут на первом месте. Оттиски и экземпляр сборника пришлем, как только будут готовы.

Затем: хочу я издать сборник вещей уже бывших в печати, но мало, сравнительно, известных южному читателю. Наметил пока: Ваши "Сны Чанга", Шмелева "Забавное приключение" и Тренева – "Батраки". <...> Пожалуйста, с первой же оказией напишите мне, согласны ли Вы и каковы Ваши условия. Дорого не берите: высокий гонорар не даст возможности осуществить эту мысль, что будет очень жаль.

Еще: уже планирую 2-й сборник "Отчизны". Дадите ли нам для него небольшой рассказ? Вроде "Снов Чанга", "Конца", "Казимира Станисл<авовича>" и т.п. Если рассказа у Вас нет и в ближайшем будущем не предвидится, то у меня насчет Вас некая идея. Будучи пленен Вашим стихотворением "Москва", я подумал: вот бы Вам дать в цикле стихотворений подобного рода образ России! Кроме Вас никто этого не сделает, но Вы бы сделали так, что это осталось бы памятником наших дней. Дать трагические образы Москвы, Петербурга, Киева, Новгорода, Одессы и назвать этот цикл: Россия, или "Отчизна" же – а? Вашу "Москву", как и "Соотечественника" я помянул добрым словом в новогоднем литерат<урном> обзоре, а о "Москве" буду на днях говорить в публич<ной> лекции, как об образчике и шедевре поэзии скорби.

<...> Я живу в большой суете. Денег никак не хватает на расходы, все растущие и растущие. На душе сумрачно, но отчаяния не испытываю.

Я, так и знайте, часто скучаю по Вас, милый Иван Алексеевич, и очень хотел бы повидаться. Напишите мне поскорее и побольше и вообще не забывайте. <...>

P.S. Нельзя ли было бы мне печатать в "Одесс<ких> новостях" критические статьи и на каких условиях?».

РАЛ. MS. 1066/2207.

Январь, 26 (13). В Москве на заседании литературного кружка «Среда» стихотворения Бунина читает М.П.Гальперин.

РГАЛИ, ф. 1292, оп 4, ед. хр. 6, л. 35.

Январь, 28 (15). Бунин в разговоре о политике высказывает прогнозы о будущем России.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «<...> Потом разговор перешел на политику, и Ян сделал предсказания: 1) через 25 лет евреи утеряют силу, 2) будущее будет принадлежать японцам, русским и немцам (?). А англичане, спросила я. Ну, англичане тоже будут в хвосте (?). Вообще, только тот народ силен, который религиозен, а евреи по существу по религии своей не религиозны. Это удивляет тебя? Религия, как и поэзия, должна идти от земли, а у евреев все абстракция. Иегова их — абстрактен. В религии необходимо, познав плоть, отрешиться от нее. И тут он очень хорошо рассказал о Будде, о его последней ночи в семье перед бегством. Затем перешел к Христу, к Искушению, доказывал, что Христос противоположен иудейству.

3) Ян предсказывает сильную религиозность в России. 4) Крах социализма и увлечение индивидуализмом. Ян находит, что социализм совершенно несвойственен человеческой душе, а совершенно противоречив».

РАЛ. MS.1067/353.

Февраль, 1 (Январь, 19). И.Ф.Наживин пишет Бунину по городской почте в Одессе:

«Сейчас уезжаю за семьей <в Казатин>. <...> Пожалуйста, поберегите хорошенько мою рукопись — это для меня дороже денег. Это — конец моего двухтомного труда, воспоминаний. Еще раз умоляю Вас: пишите записки. Только попробуйте — Вы увидите, что это так увлекательно, что никакая работа не в состоянии отвлечь от записок; стоит только начать.

Если удастся вернуться, думаю дать ряд рефератов о нашей революции».

Новые материалы (*1*). С. 319.

Речь идет о рукописях будущих книг И.Ф.Наживина «Записки о революции» (Вена, 1921) и «Накануне» (Вена, 1923).

Февраль, 2 (Январь, 20). В гости к Бунину приходят И.С.Назаров и А.А.Кипен.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 4 февраля (22 января): «В воскресенье у нас было за обедом вино и приглашен был Ив.Ст.Назаров. Пришел и Киппен, который был очень разговорчив и возбужден. Он рассказал почти всю свою жизнь».

РАЛ. MS.1067/353.

А.Б.Дерман пишет Бунину из Симферополя:

«На днях отправил Вам с оказией письмо, но не уверен, дойдет ли оно до Вас. Пользуюсь случаем, что в Одессу едет мой приятель, Иван Петрович Попов, которого и рекомендую Вам, и посылаю через него письмо вторично. Пожалуйста, передайте мне через него письмо, из которого я узнал бы, как Вы, дорогой, живете. Те сведенья, какие сообщил мне о Вас С.Я.Елпатьевский меня огорчают, скажу откровенно: он сказывал, что Вы болезненно нервничаете, не можете работать, и проч. Горячо желаю Вам победить свою дурную впечатлительность, приняться за работу и в ней забыться». Далее повторяется содержание предыдущего письма.

РАЛ. MS. 1066/2208.

См.: 25 (12) января 1919, вторая запись.

Февраль, 3 (Январь, 21). Бунин с В.Н.Муромцевой в гостях у Е.В. и В.О.Недзельских.

РАЛ. MS.1067/353.

Январь, 25 (12) ... Февраль, 3 (Январь, 21). Выходит третья книга «Сборники "Сафрут"» (под ред. Л.Яффе. М.: Сафрут, 1918), в которой (с. 116) помещается стихотворение «Благовестие о рождении Исаака» («Они пришли тропинкою лесною...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Февраль, 4 (Январь, 22). К Буниным приходит барон П.Н.Врангель.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Был у нас Врангель».

Дневники. Т. 1. С. 207.

Февраль, 11 (Январь, 29). Буниных посещают А.А.Яблоновский и Серкин.

В.Н.Муромцева в дневнике: «Был у нас Александр Александрович Яблоновский <приехавший из Киева>. <...>

Из Москвы приехал служащий в нашем книгоиздательстве, Серкин. Книгоиздательство существует, типография работает <...>. Юлий Алексеевич постарел, похудел, но мука у него еще есть. Телешов очень изменился, одно время узнать было нельзя, так постарел».

Дневники. Т. 1. С. 207–208.

Февраль, 12 (Январь, 30). К Бунину приходят П.Н.Врангель, Д.Л.Тальников.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 13 февраля (31 января): «Вчера были Врангель со своим спутником и Тальников. <...>

Врангель едет в Екатеринодар. Мне жаль его. Он очень приятный человек».

РАЛ. MS.1067/353.

Февраль, до 13 (Январь, до 31). Выходит первая книга литературного сборника «Отчизна» (Симферополь: Русское книжное издательство в Крыму, 1919), в котором (с. 5–19) печатаются пятнадцать стихотворений под общим заглавием «Путевая книга»: I. «Древняя обитель супротив луны...», II. «Солнце полночное, тени лиловые...», III. «Полночный звон степной пустыни...», IV. «Роса, при бледно-розовом огне...», V. «Осенний день. Степь, балка и корыто...», VI. «Стена горы — до небосвода...», VII. «Стали дымом, стали выше...», VIII. «На Альпы хмурые спустились облака...», IX. «Роняя снег, проходят тучи...», X. «Вид на залив из сада под таверной...», XI. «Пустыня в тусклом, жарком свете...», XII. «Сорвался вихрь, промчал из края в край...», XIII. «Смятенье, крик и визг рыбалок...», XIV. «На даче пусто, ночь темна...», XV. «Звезда дрожит среди вселенной...».

Граница события определена по упоминанию сборника в письме А.Б.Дермана и дневнике В.Н.Муромцевой. См.: 25 (12) января 1919, вторая запись; 13 февраля (31 января) 1919.

Февраль, 13 (Январь, 31). Бунины начинают испытывать холод и голод.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Холодно и на дворе, и в комнатах. <...> У большинства дров уже нет. Хлеба тоже нет. <...>

Прочла часть “Отчизны”».

РАЛ. MS.1067/353.

Февраль, 16 (3). В Москве на заседании литературного кружка «Среда» А.А.Смирнов-Треплев читает доклад «Поэма души» о творчестве Бунина.

РГАЛИ, ф. 1292, оп. 4, ед. хр. 6, л. 35.

См.: Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара, 2006. С. 298–348.

Февраль, 19 (6). В Одесском литературно-артистическом обществе на заседании литературного кружка «Среда» М.А.Волошин читает свои стихи. Возможно, на заседании присутствует Бунин.

См.: «Литературный кружок “Среда” (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) октября (№ 142). С. 4).

К.А.Тренев пишет Бунину о предполагаемом девятом сборнике «Слово» и спрашивает о деталях этого дела:

«Если будете писать, черкните об этом.

Потом — еще просьба: там у Вас имеется изд-во “Южн<ая> Универсальная библиотека”. Если Вы имеете к ним отношение, не скажете ли, что в таком-то городе есть такой писатель. Я не прочь бы дать одну-две книжки. <...> Что же Вы так — не едете да и не едете в Крым. Когда же? Никто на Крымском полуострове не ждет десанта Вашего с таким вожделением, как я. Будьте здоровы!»

РАЛ. MS. 1066/5591.

И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Здравствуйте, дорогой Иван Алексеевич! И вот пишу Вам письмо. Дойдет ли?! <...> Живы ли? <...> Надеюсь, что живы, хоть чуть-чуть. Был у нас проскоком С.Як.Елпатьевский недели 3 тому, поломался у него автомобиль... Говорит — Ив.А. <Бунин> потонул в газетах... И чувств<ует> себя “bien fâché” <хорошо, сердитый. — *фр.*>. <...> Сын мой при исполнении долга, в Симферополе, а я с женой “доживаю”. В душе... но у меня и души уже нет. <...> У нас сравнит<ельно> спокойная жизнь прерывается зверствами: за эти 5–6 мес<яцев> здесь удушены двое знакомых <...> с целью ограбления. <...> Чувствуете ли, как выметается и сохнет поэзия жизни! Как трактат и доклад изнасиловал песню? А скверно, что скверно не одним поэтам! И теперь больно и жутко подойти к поэту. Я взял Пушкина — и положил. Скорбно... Страшно в руки взять. О, какая боль и горечь. Душа ущемлена, душа убита. <...> Но почему душа моя растоптана?! Понятно. Нечего говорить. Жаль *светлого* из уклада, ибо и оно растоптано. А светлое это было — было — было. Но это понятно. Теперь Шигалев-покойник со своей “канавой” мог бы хрюкать от наслаждения. За него сделает это Максим <Горький>. Не через землю в небеса, а из поднебесья в канаву. <...> Ив.Ал., не думаете за границу? Не зондировали почву? Только чем в загранице этой жить? <...> Я приступил к изучению фр<анцузского> языка <...>. О, сколь наш язык богаче! Нутром чую, что богаче. Не словами, а тонкостями, гибкостью формы... <...> Не знаете ли чего

о московских? <...> Ради Бога, сообщите, что знаете. <...> Жизни жалко, Ив.Ал. Плакать хочется. Сына жалко, Ив. А., мальчика моего... жену, себя... Ну, простите за это отчаянное письмо. Отзовитесь. М. б., и увидимся. Хотя вряд ли. Тоскует душа, сосет сердце. <...> Сборник долж<ен> выйти на днях (?), не имею писем. <...>»

РАЛ. MS. 1066/5063.

См.: до 13 февраля (до 31 января) 1919.

Февраль, 20 (7). Власти Одессы вновь пытаются реквизировать комнаты, в которых живут Бунины.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Опять у нас хотят реквизировать комнаты».

Дневники. Т. 1. С. 208.

Февраль, 25 (12). Е.И.Буковецкий начинает писать портрет Бунина. К Бунину приходят А.Р.Кугель и И.М.Радецкий, которые приглашают его в качестве редактора в «Живую газету».

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 26 (13) февраля: «Ян много читает, занимается французским языком. Политика чуть-чуть менее заполоняет его.

Евг.Иос. <Буковецкий> начал писать его. Я рада. Если не работает, то пусть хоть время не пропадает даром.

Вчера во время сеанса приехали Кугель и Радецкий приглашать Ив<ана> Ал<ексеевича> принять участие в “Живой газете” в качестве одного из редакторов. Эта “Живая газета” будет в пользу безработных журналистов, которых здесь очень много, и многие из них уже сильно голодают. Редакция: Трубецкой, Кугель, Овс<янико->Кул<иковский>, Яблоновский и Ян. Кроме того, Радецкий затеивает здесь школу журналистов и в совет приглашает трех: Овсян<ико->Куликовского, Кугеля и Яна с окладом в 1000 р. в месяц.

Не знаю, что из этого выйдет. Ян согласился на оба предложения».

РАЛ. MS.1067/353.

Февраль, 26 (13). Бунин перечитывает произведения Л.Н.Толстого.

В Литературно-артистическом обществе Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда», на котором свои произведения читают В.П.Катаев, Э.Г.Багрицкий.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян недавно перечитал “Семейное счастье” <Л.Толстого> и опять в восторге. Он говорит, что мы даже и представить себе не можем, какой переворот в литературе сделал Лев Николаевич. Ян перечитывает старые журналы, а потому ему очень ярко бросается в глаза разница между Толстым и его современниками.

— По дороге неслись телеги, и дрожали ноги, — прочел он: ведь это модерн для того времени, а между тем, как это хорошо! Ясно вижу картину. <...>

На “Среде” Валя Катаев читал свой рассказ о Кранце, Яну второй раз пришлось его прослушать. Ян говорит, что рассказ немного переделан, но в некоторых местах он берет не нужно торжественный тон. Ян боится, что у него способности механические».

Дневники. Т. 1. С. 208–209.

См.: «Литературный кружок “Среда” (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) октября (№ 142). С. 4).

Февраль, конец. Выходит № 1–2 альманаха «Объединение» (Одесса, 1919), в котором (с. 5–21) публикуется рассказ «Сны Чанга».

Март, 1 (Февраль, 16). К Буниным приходит А.А.Кипен, Т.Куровская; затем все вместе идут к М.О. и М.С.Цетлиным, где встречаются с М.А.Волошиным.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 2 марта (17 февраля): «Вчера было солнечно <...>.

Перед обедом пришел Кипен в матросской форме, <...> рассказывал о моряках <...>.

Потом к нам пришла Таня Куровская, очень мила. <...>

Затем мы отправились к Цетлиным. Кип<ен> тоже пошел с нами.

У Цетлиных было очень приятно. <...>

Говорили о большевиках. Ян считает их всех негодяями, не верит в фанатизм Ленина. “Если бы я верил, что хоть они фанатики, то мне не так было бы тяжело, не так разрывалось бы сердце...”». Далее о споре Бунина с Волошиным по поводу поэмы А.Блока «Двенадцать»: «Волошину очень нравится “Двенадцать” Блока. Он видит, что красногвардейцы расстреливают Христа, и он сказал: “Я берусь это доказать с книгой в руках”. Ян не соглашается с таким толкованием, кроме того, нападал на пошлый язык, что “поэту я этого простить не могу и ненавижу его за это”».

РАЛ. MS.1067/353.

Март, 8 (Февраль, 23). Бунины в гостях у Д.Н.Овсянико-Куликовского; говорят о политике, литературе, о Горьком.

Дневники. Т. 1. С. 211–213.

Март, 9 (Февраль, 24). К Буниным приходит Л.И.Гальберштадт.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Был у нас Гальберштадт. Это единственный человек, который толково рассказывает о Совдепии. Много он рассказывал о Горьком.

Вступление Горького в ряды Правительства имело большое значение, это дало возможность завербовать в свои ряды умирающих от голода интел<лигентов> идти работать на большевиков <...>.

Горькому дано в распоряжение 2500000 р. Подкуп интел<лигенции> развит донельзя и чем он контрреволюцион<нее>, тем дороже ценится. Горький вступил как раз после расстрела офицеров, когда в одну ночь было казнено 512 человек».

РАЛ. MS.1067/353.

Март, до 10 (Февраль, до 25). Выходит «Альманах современной избранной литературы» (Симферополь: Русское книжное издательство, 1919. Вып. 1), в котором (с. 5–13) перепечатывается рассказ «Соотечественник».

Граница события определена по упоминанию сборника в письме Бунина. См.: 13 марта (28 февраля) 1919.

Март, 11 (Февраль, 26). Бунины приходят в гости к Н.А.Тэффи.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 12 марта (27 февраля): «Два года, два кошмарных года, сколько чаяний, надежд похоронено в этот срок. <...>

Вчера были у Теффи. Она производит впечатление очень талантливой женщины. <...> Среди приглашенных был Панкратов».

РАЛ. MS.1067/353.

Март, 12 (Февраль, 27). В Литературно-артистическом обществе на заседании литературного кружка «Среда» Бунин слушает в авторском чтении пьесу А.Н.Толстого «Любовь — книга золотая».

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Толстой прочел свою комедию. Она, бесспорно, будет иметь успех на сцене. Очень остроумно задумано. И написана очень талантливым человеком. Конечно, как всегда это бывает, первое действие удалось лучше всего. Первый говорил Ян, и приблизительно он сказал то же самое. Больших разговоров пьеса не вызвала. Она из времен Екат<ерины> Второй».

РАЛ. MS.1067/353.

См.: «Литературный кружок “Среда” (к возобновлению заседаний)» (Одесский листок. 1919. 23 (10) октября (№ 142). С. 4).

Март, 13 (Февраль, 28). Бунин пишет А.Б.Дерману:

«...зиму я провел оч<ень> скверно, месяца 3 хворал подлым, мелкотравчатым гриппом и не “нервничал”, как выразился Елпатьевский, а просто мучился так же тяжко, как и все последние два года, жил всем тем, чем нельзя не жить.

У нас началась весна, и это подает мне надежду, что я немного поправлюсь физически и, если не будут нас вновь громить из пушек, напишу что-нибудь. Пока же — “портфель” мой пуст. Стихи о российских городах — идея прекрасная, но навряд я осуществлю ее. Навряд также и попаду в Крым, как мечтаю об этом, — опять пошла писать губерния у нас!

“Отчизну” получил, спасибо большое. Отличный сборник. Удовольствие читать самого себя у меня было слегка отравлено — вместо “пустушка” (совка) напечатано (в стихотв<орении> о рассвете в степи) “пастушка”. О сборнике *втором* крепко помню.

Что до гонорара за “Соотечественника”... право не знаю, как и быть! Фунт хлеба стоит у нас 8 р., коробка спичек — 2 р. 50. Если можете — прибавьте, нет — воля Ваша, пусть пойдут за него те 500 р., что оставил мне Попов.

Тяжкие сны и нас с Верой одолевают. Все родные, близкие снятся — измучена душа донельзя! От Юлия Алексеев<ича> было письмо, но давнее — от 6 дек. Пишет, что еще не совсем здоров. Вы подумайте! А чем живет, чем питается — ума не приложу!

Вчера ужасное для меня известие — умер Черемнов».

Письма (*2*). С. 407–408.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Пришло известие о смерти Ал.С.Черемнова. Ян очень взволновался. Слухи: французы уходят из Одессы».

Дневники. Т. 1. С. 215.

Март, 5 (Февраль, 20) ... 14 (1). В серии «Народно-школьная библиотека» выходит сборник «Времена года в русской поэзии» (сост.

Н.С.Клестов. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919), в котором (с. 21, 23, 35, 61, 79, 81, 85, 86, 97, 98, 125) помещается девять стихотворений Бунина: «Бушует полая вода...», «Русская весна» («Скучно в лощинах березам...»), «В стороне далекой от родного края...», «Как флером даль полей закрыв на полчаса...», «Утренник» («Первый утренник, серебряный мороз...»), «Сентябрь» («Уж подсыхает хмель на тыне...»), «Из поэмы “Листопад”» («Лес, точно терем расписной...»), «Не видно птиц. Покорно чахнет...», «Хризантемы» («На окне, серебряном от инея...»).

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Март, 16 (3). Бунин с В.Н.Муромцевой отмечают день рождения П.А.Нилуса. Затем Бунин с П.А.Нилусом идет в гости к Н.А.Тэффи.

В дневнике В.Н.Муромцева пишет: «Сегодня был устроен обед в честь рождения П<етра> Ал<ександровича> <...>.

После обеда П<етр> Ал<ександрович> и Ян ушли к Тэффи и, кажется, там застряли».

РАЛ. MS.1067/353.

Март, 18 (5). Утром к Буниным приходит А.А.Яблоновский, который приглашает Бунина к участию в газете «Русское слово» (выходила под названием «Наше слово»). Бунин беседует с В.Н.Муромцевой о русской истории.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Сейчас я долго сидела с Яном. Он возбужден, немного выпил и стал откровеннее. Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь нет его. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. <...> “Мои предки Казань брали, русское государство созидали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы? Во мне отрыгнулась кровь моих предков, и я чувствую, что я не должен был быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”.

Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал, и я вдруг увидела, что он похож на боярина.

— Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство. Ведь читать газеты и сидеть на месте — это пытка, ты и представить не можешь, как я страдаю... <...>

Утром был у нас Ал.Ал.Яблоновский. Он приглашал Яна быть постоянным сотрудником в “Русском слове” на каких угодно условиях. Просил очень дать и для первого номера. Кроме Яна, пригласят и Толстого и больше никого из беллетристов — слишком мало бумаги».

Дневники. Т. 1. С. 217–218.

Март, 19 (6). К Буниным приходит С.И.Варшавский, который просит у Бунина произведения для публикации в новой газете «Наше слово».

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 20 (7) марта: «Был вчера Варшавский, просил Яна дать им для первого номера новой газеты сотрудников “Русского слова” что-нибудь. <...> Ян принципиально согласился, но не знаю, начнет ли он работать, а пора».

Дневники. Т. 1. С. 216.

Март, 21 (8). Бунин присутствует на заседании редакции газеты «Наше слово».

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян был на заседании в редакции “Наше слово”, на котором присутствовали Яблоновский, Варшавский, Койранский, Благов и еще несколько человек».

Дневники. Т. 1. С. 216.

Март, 23 (10). Бунин присутствует на заседании редакции газеты «Наше слово».

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян был в редакции “Наше слово”. Присутствовал на заседании Бернацкий. <...>»

Дневники. Т. 1. С. 217.

К Буниным приходит Л.И.Гальберштадт, который рассказывает об общественной деятельности А.М.Горького.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 25 (12) марта: «В воскресенье после нашего обеда зашел к нам Л.Ис. <Гальберштадт> и сообщил несколько новостей из писательского мира (приехал из Совдепии один человек):

Горький теперь член Исполнительного Комитета Совета рабочей, крестьянской и красноармейской северной коммуны — в Петербурге».

Дневники. Т. 1. С. 217–218.

Март, 24 (11). Бунин начинает работать над публицистическими статьями для газеты «Наше слово».

См.: 1 апреля (19 марта) 1919.

Буниных навещает М.А.Алданов; писатели беседуют о политике, о творчестве Л.Н.Толстого.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 25 (12) марта: «Вчера <...> у нас был Алданов. <...>.

Потом говорили о Толстом. Алданов считает Толстого мизантропом, так же как и Ян.

Ян говорит, что до сих пор Толстой не рожден, не пришло еще время. Алданов расспрашивал о встречах Яна с Толстым. Ян передал их, они были кратки. Сильная любовь Яна к Толстому мешала ему проникнуть в его дом и стать ближе к Толстому. <...>

Ян стал работать. Настроение ровное. Он нежен и заботлив. Дай Бог, чтобы ему удалось».

РАЛ. MS.1067/353.

К.Вильгельмке пишет Бунину из Алупки:

«...покойный Александр Сергеевич Черемнов так высоко ценил Вас и душу Вашу, так искренно стремился к Вам в тяжелые полосы жизни, что Вам же и надо рассказать о смерти его. <...> В газетном некрологе было сказано: “покончил с собой в порыве безумия” и, может быть, это наиболее простое и удачное определение. Оставил он несколько записок, <...>. После этих записок, кошмарная ночь блужданий по берегу моря в бурную и дождливую февральскую ночь под наркозом 4-х граммов кокаина, потом прием

еще какого-то яда, вскрытые вены и одинокое умирание, пока не удалось одному из друзей проникнуть к нему, застать его живым, и сделать все для его спасения, в котором никто не сомневался. Доктора говорили, что через 5, 6 дней он будет здоров, а, между тем, на другое утро он умер неожиданно для всех. Много странного, пугающего и мистического в этой смерти <...>. Мало людей было, которых он любил, но о Вас говорил он всегда так искренно и любовно, как ни о ком; чувствовал свою вину пред Вами и преклонялся (иначе и нельзя сказать) пред Вашей душою. Последние недели он часто, часто повторял Ваши "полевые пути". Простите, если я ошибусь в названии, и мысль и ритм этого стихотворения ярки в моей памяти, но я его никогда не видела, лишь слышала от Ал.Серг.: "Как Иван Алексеевич хорошо сказал – "И одни только эти полевые пути меж цветов и колосьев и трав". Кто кроме Бунина сумеет так просто и так значительно выразить это". Сам он почти не писал. <...> Интересует ли Вас крошечное наследство большого ума и яркого, почти бесплодно погибшего таланта? <...> Его душе там сейчас, вероятно, одиноко и холодно. Вспомните и Вы его добрым словом и доброю мыслью, пусть будет ему легче, пусть скорее выйдет он в обитель нездешней радости.

Примите, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, душевный привет от человека искренно ценящего и Ваше творчество и Вашу благородную душу».

РАЛ. MS. 1066/5760.

Март, 27 (14). Бунин заканчивает писать статью «Не могу говорить».

В статье говорится: «Нет слов, нет сил говорить. <...>

Ибо воистину возвратился мир на стези древние, какими бы новыми именами ни называли их, сколько бы ни бредило о них современное умопомрачение, как о новой эре в истории человечества, — возвратился почти на три тысячи лет назад <...>.

Знаю, знаю: их легион теперь, устроителей Эдема на земле, тунеядных и ледяных по отношению к живому человеку душ, пламенно защищающих всех трудящихся и обремененных, бешено клянущих войны между народами и еще бешенее призывающих к войнам между племенами и классами, вопиющих о лучезарной заре мира, когда этот мир так же далек от их свободы, братства и равенства, как Христос от гориллы. <...> Вот почти весь европейский мир вольно и невольно распален этими новыми апостолами к лютой ненависти, к самым грубым вожделениям, — ибо ведь дело-то идет, в сущности, о самом грубом, самом материальном, невзирая на самые возвышенные лозунги! — и растет молодое человеческое племя среди хамства и варварства, голода и холода, мора и запустения, — кого, кроме кретина, выродка, может произвести на свет этот страшный или несчастный самец? <...> То, что творится в Европе и особенно в России, самой Россией и над нею, так чудовищно, так преступно, так гнусно и нагло, что слово совершенно бессильно выразить даже тысячную долю того, что оно должно было выразить. <...>

Все же надо говорить – хоть через силу, хоть сквозь стиснутые от боли, отчаяния и негодования зубы, хоть что-нибудь, хотя бы вот об этой невоз-

можности говорить, — если не об общем, не о мировом, то хоть о частном, о нашем, о России, о Москве, где бражничают Емельки и Гришки за своей кровавой пьяной трапезой. <...>

Говорить для будущего историка, чтобы смутить его и заставить нахмуриться, стать строже к своему труду, когда дойдут до него наши загробные голоса — славословия этим дням и мое проклятие им до скончания и по скончании их, равно как и тем, кто творит и кто приуготовлял эти дни, а теперь тоже клянет, забывая, что "не властен ударяющий в барабан удержать грохот барабана".

Говорить для тех, — да сохранит Господь их драгоценную жизнь! — что доброю волею идут умирать за нашу Москву, за нашу Россию».

См.: 29 (16) марта 1919, первая запись; 2 апреля (20 марта) 1919.

В дневнике В.Н.Муромцева записывает 28 (15) марта: «Вчера Ян кончил свою статью. Все время он был очень серьезен, даже похудел. Прочел мне. Статья очень сильно написана. Мне стоило много силы, чтобы удержать слезы. Он тоже волновался, читая. Когда кончил, вытер глаза платком. Когда я убирала платок, он оказался мокрым. Неужели он плакал? Я очень боюсь за статью. Нельзя отдавать, когда так волнуешься».

РАЛ. MS.1067/353.

Март, 29 (16). В редакции газеты «Наше слово» Бунин читает свою статью «Не могу говорить», слушает другие статьи.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 30 (17) марта: «Вчера в редакции читали все статьи свои, Яну понравилась статья Яблон<овского>: и остроумна, и сильна. Варша<вского> не понравилась, есть бестактности. Слабо Кугель, и бесцветно Бернацкий. Ян говорит, что его статья понравилась, но за искренность не ручается. Очень хвалил ее Яблоновский. Он говорил, что когда он шел приглашать Яна, такого большого художника в газетную работу, он сомневался, правильно ли он поступает. Но теперь он видит, что правильно. "Какая может быть ценная книга из ваших статей, если вы будете писать, — это прямо памятник". Хвалил очень Поляков».

РАЛ. MS.1067/353.

Бунин вступает в Профессиональный союз столичных и иногородних деятелей печати в Одессе.

См. членский билет, выданный 29 марта 1919 г. — РАЛ. MS. 1066/1248.

Март. Выходит № 8 одесского журнала «Перо в спину», в котором помещаются сатирические материалы о Бунине:

— в рубрике «Местная жизнь» (с. 1) сообщается:

«Под редакцией И.Бунина начала выходить в Одессе большая литературно-общественная "Устная газета", сосредоточившая лучших петроградских и московских газетных работников. Прекрасно поставлены отделы дикции и темперамента. Газета отпечатана на хорошей бумаге. Свет (инж. М.Д.Перкель) обеспечен продовольствием, недвижимостью и наличным капиталом».

— в рубрике «Календарь писателя» (с. 3) сообщается:

«Академик Ив.Бунин в сотрудничестве с Лоренцо пишет драму из жизни учеников театральной студии. Ремарки к драме пишет Л.Камышников».

Выходит № 9 одесского журнала «Перо в спину», в котором (с. 3) в рубрике «Литературный календарь» сообщается:

«Ив.Бунин пишет рассказ “О чем пели третьи петухи”. До 15 тысяч они уже напели».

Апрель, 1 (Март, 19). Бунин собирает материал для новых статей.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Ян стал ровнее. Эти дни он вырезает вырезки из газет, вероятно, готовит материалы для будущих статей. Дойдет ли он в этом до высоты своих художеств<енных> произв<едений>. Но все же я рада, что он вышел из мрачно-уединен<ного> образа жизни. Все-таки редакция, постоянное общение с людьми дает известный колорит дню.

Как-то он говорил о трагичности своей судьбы. Принадлежа по рождению к одному классу, он в силу бедности и судьбы вырос и воспитался в другой среде, с которой как следует слиться не мог, так как многое, даже в ранней молодости, его от них отталкивало, а потому ему очень трудно писать так, как хотелось бы.

Возник спор. П.Ал. <Нилус> доказывал, что занятие искусством — это сплошное удовольствие, а Ян и Евг.И. <Буковецкий> — что это Голгофа».

РАЛ. MS.1067/353.

Апрель, 2 (Март, 20). В одесской газете «Наше слово» (№ 1. С. 3) публикуется статья Бунина «Не могу говорить».

Апрель, 3 (Март, 21). Бунины узнают новость, что Одессу покидают союзные войска. Французский генерал д'Ансельм объявляет об эвакуации сил Антанты из Одессы в 48 часов.

Бунины прощаются с А.Н. и Н.В.Толстыми, которые эмигрируют из Одессы за границу.

См.: Переписка А.Н.Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 279.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Радио: Клемансо пал. В 24 часа отзываются войска. Через 3 дня большевики в Одессе! <...>

Кончается мое мирное житие».

Дневники. Т. 1. С. 220–221.

В результате падения во Франции 3 апреля 1919 г. кабинета Ж.Б.Клемансо французская Палата депутатов отказала в продолжении кредитования французских военных операций в России. После этого последовало распоряжение от Верховного командования Антанты о выводе союзных войск с Юга России.

4 апреля (22 марта) 1919 г. в результате переговоров генерал д'Ансельм передает власть в Одессе в руки подпольного Исполкома Совета рабочих депутатов.

Апрель, 4 (Март, 22). Бунины прощаются с М.О. и М.С.Цетлиными, которые эмигрируют из Одессы за границу.

Бунин посещает редакцию газеты «Наше слово».

В.Н.Муромцева в дневнике пишет 5 апреля (23 марта): «Вчера целый день на ногах. <...> я знаю, что под большевиками нам придется морально очень страдать, жутко и за Яна, так как только что появилась его статья в “Новом слове” <имеется в виду “Наше слово”>, где он открыто заявил себя сторонником Добровольческой Армии. <...>

На улицах оживление необычайное, почти паническое. Люди бегут с испуганными лицами. <...> Банки осаждаются. Франк, который стоил рубль, доходит до 10–12 рублей, фунт — до 200 р. и так далее. <...>

Вернулся Ян, очень утомленный. Новых известий не было. Я позвонила к Цетлиным. Они уезжают, звали и нас. Мы пошли проститься. <...>

Цетлина опять уговаривает нас ехать. Сообщает, что Толстые эвакуируются. Она предлагает денег, паспорта устроит Фондаминский. От денег Ян не отказывается, а ехать не решается. Она дает нам десять тысяч рублей. <...>

Оттуда мы пошли на Пушкинскую <...>. Прощаемся с Толстыми, которые в два часа решили "бежать" отсюда, где им так и не удалось хорошо устроиться. Они будут пробираться в Париж, где у них есть близкий человек, Скирмунт.

Оттуда пошли в "Новое слово" <...>, вся интернациональная Одесса встала на ноги и засуетилась.

Вчерашний день я никогда не забуду за его лихорадочность, панику и людскую бессовестность».

РАЛ. MS.1067/364.

Апрель, 5 (Март, 23). К Буниным приходят В.О.Недзельский, Р.А.Розенталь, Л.И.Гальберштадт.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Целый день народ. <...>

Были Недзельский, Розенталь, Гальберштадт».

РАЛ. MS.1067/364.

Апрель, 6 (Март, 24). Бунины переживают очередную смену власти: Одессу занимают войска атамана Н.А.Григорьева, командовавшего украинской советской дивизией.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Вошли первые большевицкие войска под предводительством атамана Григорьева, всего полторы тысячи солдат! Вот та сила, от которой бежали французы, греки и прочие войска. Одесса — большевицкий город. Суда еще на рейде».

Дневники. Т. 1. С. 224.

Еще в январе 1919 г. в Одессу прибывают дополнительные греческие и французские войска. 17 (4) марта 1919 г. Одесса была объявлена на осадном положении; войска атамана Н.А.Григорьева пытаются захватить город. 25 (12) марта атаман Н.А.Григорьев высылает ультиматум о сдаче Одессы.

Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 7 апреля (25 марта): «Вчера весь день гости. Вечером был Волошин, читал нам свои стихи, которые нам понравились».

Дневники. Т. 1. С. 225.

Апрель, 7 (Март, 25). Утром к Буниным приходит П.М.Пильский, который предлагает Бунину создать беллетристическую группу, чтобы обезопасить себя при большевиках «профессиональным билетом».

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Сегодня в одиннадцать часов утра прилетел к нам журналист Пильский. <...>». На предложение П.М.Пильского создать группу писателей и обезопасить себя «профессиональным билетом» Бунин отвечает:

«— Ну, да это курам на смех, — возражает Ян, — здесь и беллетристов не так много. Да и что за защита будет... А иметь дело с ними нестерпимо для меня».

Дневники. Т. 1. С. 225.

См.: 11 апреля (29 марта) 1919.

Апрель, 8 (Март, 26). Бунин ходит по городу, слушая разговоры людей, обсуждающих происходящие события. Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «На базаре нет ничего. <...> У ворот нашего дома сталкиваюсь с Яном. Он с бульвара. Возмущенно рассказывает:

— На бульваре стоят кучками. Я подходил то к одной, то к другой. И везде одно и то же: "вешать, резать". Два года я слушаю и все только злоба, низость, бессмыслица, ни разу не слышал я доброго слова, к какой бы кучке я ни подходил, с кем бы из простого народа ни заговаривал... На рейде пароходов осталось очень мало. Иностранный только один. Жуткое чувство — последняя связь с культурным миром порывается.

Около 5-ти часов мы опять идем на улицу. Дома сидеть трудно, все кажется, что где-то что-то узнаешь об очень важном. <...>

Вечером у нас опять Волошин. <...>

Он читает <свои стихи> хорошо. Читает долго и много».

Дневники. Т. 1. С. 226–228.

Апрель, 10 (Март, 28). Бунины идут за покупками; цены на все резко поднимаются.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «С утра мы оба чувствуем себя хорошо. Пошли покупать мне чулки, если возможно, башмаки Яну. <...> Цены с 250 прыгнули на 650 — пришлось отказаться от покупки».

Дневники. Т. 1. С. 228.

Апрель, 11 (Март, 29). Бунин присутствует на учредительном собрании Профессионального союза беллетристической группы.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 12 апреля (30 марта): «Отличительная черта в большевицком перевороте — грубость. Люди стали очень грубыми.

Вчера на заседании профессионального союза беллетристической группы. Народу было много. Просили председательствовать Яна. Он отказался. Обратились к Овсянико-Куликовскому, отказался и он. Согласился Кугель. Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов, <...> Олеша, Багрицкий и прочие держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям. Держали себя они нагло, цинично, и, сделав скандал, ушли».

Дневники. Т. 1. С. 229–230.

Г.В.Алексеев вспоминает: «В большом зале одесского литературного кружка — шумное собрание. На председательском месте волнуется Петр Пильский, <...> Рядом — шевелятся медузы на склоненной голове Кугеля, блестят очки и плешь Александра Панкратова, то к одному, то к другому подсаживается Осипович <...>. Создается "Свободный союз искусств" с отделениями литературы, музыки, живописи, ваяния. Зачем понадобилось объединяться всем отраслям искусств в один союз — никто не ведает, но все чувствуют себя придавленными событиями и пришедшими в Одессу большевиками и боятся остаться без профессиональной защиты. Собрание еще не началось: в секции литературы произошел раскол, молодые поэты решили образовать собственную "мастерскую молодой литературы", и сейчас у них идет собрание в соседней комнате.

Бунин стоит в проходе у окна, сложив руки на груди. Рядом курит трубку вылощенный, похожий на модного доктора, Нилус, на окне потеет в изодранной своей шубе Борис Ивинский <...>.

Перед Буниным качается на каблуках плотный маленький человечек в огненной бороде и с гривой всклокоченных в войлок волос — поэт Максимилиан Волошин. Он рассказывает, как встретился в Париже с далай-ламой <...>.

— Да, говорит Бунин, все-таки изумительная вещь этот буддизм! Когда я был в Коломбо...

Он легонько отбрасывает правую руку вперед, словно боится, что подойдет кто-нибудь очень близко. На нем маленькая черная шапочка, какую носят адвокаты, и в ней его лицо меньше и моложе. Узкое, порыжевшее по воротнику пальто скрадывает его фигуру, придавая движениям какую-то связанность и неловкость.

— Вы там написали “Братьев”?, спрашивает Волошин.

— Нет, это после... Когда я был в Коломбо — меня равно поразили и свет солнца непередаваемый, слепящий, и учение Будды, в котором много от этого слепящего очи и душу солнца... После, выгружаясь на берег, я вышел в Одессе как пьяный, не мог глядеть на освещенную землю — все чудился яркий свет Коломбо... Я хотел передать этот свет в “Братьях”. <...>

Бунин, не отвечая, проходит по залу, садится у окна, неловко подвертывая под себя полы своего узкого пальто. Из окна на его лицо падает неверный зимний свет, оно кажется еще измученнее и серее. В зале плещется разноголосый шум <...>.

— Господа, вы понимаете, конечно, что заставило нас сюда собраться. <...> Мы крестимся только тогда, когда грянет гром, но... тут Пильский поворачивает как таран свое простреленное плечо в сторону крайне левой — мастерской молодых, я не уверен... произносит он насмешливо, сумеем ли мы организоваться даже теперь под явным громом? Как председатель собрания я спрашиваю вас гг. молодые, угодно вам — продолжать обструкцию или войти в секцию литературы организуемого свободного союза искусств? <...>

С крайней левой разом поднимаются три фигуры в солдатских френчах <...>.

— Нет, кричат они разом, не угодно! <...>

— Нам неугодно, вопит он запальчиво, объединяться с вами, старые износившиеся кроты и господа академи...

— Вон! Вон!

— Личности!

— Призываю вас к порядку, господин — Пильский мастер выдерживать паузы — поэт.

— Нам неугодно, да!, кричал он тоненьким тренькающим фальцетом, объединение с вами — смерть нам! Вы — создатели кружковщины в литературе! Вы забили ее своими патентованными талантами, и вновь не пустите нас дальше передней... Довольно! Мы — представители свободного, чистого искусства, мы — носители и творцы рожденного революцией нового мира не ж-желаем... <...> От имени свободной мастерской молодой литературы объявляю вам: вы не писатели, а репортеры.

В ответ в зале безудержно, заливчато, до коликов обвалился смех, но часть публики, по-видимому репортеры, угрожающе поднялись.

"Мастерская молодых", звонко задвигав сапогами, вышла вон в полном составе. И этот громкий поход, в котором молодые энергичные ноги выразили весь свой протест против засилья "патентованных" талантов в литературе был настолько комичен, что весь зал снова шумно и очень искренно рассмеялся. "Враги" оказались много глупее, чем о них думали.

Я сбоку посмотрел на Бунина.

Он со скучающим видом глядел в окно, но мешок под его правым глазом сейчас нервно дергался, а меж седеющих бровей набежала беспомощная складка. О чем он думает?»

Алексеев Г. Живые встречи. Берлин, 1923. С. 18–22.

Апрель, 12 (Март, 30). Утром Бунин приходит в Одесское литературно-артистическое общество.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Квартира наша освобождена от реквизиции. Кроме Буковецкого и Нилуса, хлопотал Волошин, очень легко и бескорыстно. <...>

Ян был утром в артистическом обществе <...>.

Были сегодня в особняке Толстого. <...> Теперь его захватили большевики для комиссариата Народного Просвещения и Театров. <...> Чудесный паркет весь затоптан, уже на всем отпечаток загаженности большевицких официальных мест».

Дневники. Т. 1. С. 229–230.

Апрель, 13 (Март, 31). Бунины навещают В.О.Недзельского, у которого встречаются с Л.К.Федоровой. Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 14 (1) апреля: «Стрелка часов вчера переведена на два часа двадцать пять минут вперед. Теперь у нас время равняется московскому.

Были вчера у Недзельских. <...> К Недзельским шли пешком через весь город, так как трамваев нет. Устали изрядно.

У них мы застали Федорову. Она говорит, что Митрофаныч очень беспокоился об Яне, "целую ночь не спал"! <...>

Вечером у нас Волошин, он остался у нас ночевать (то есть в мастерской Нилуса), чтобы провести вместе весь вечер. <...>

Ян угощает нас вином и копченой грудинкой, которую Волошин ест с большим удовольствием, — он уже голодает. <...>

Поэты просят друг друга читать стихи. Ян опять уклоняется. Волошин читает свои Кемерийские стихи».

РАЛ. MS.1067/364.

Апрель, 15 (2). В гостях у Бунина П.А.Нилус и М.А.Волошин обсуждают художественное оформление Одессы к 1 мая.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Нилус начал разговор о том, что художников приглашают украсить город на первое мая. <...>

— Неужели ты будешь принимать участие в этом? — спрашивает Ян.

— А почему же нет? Я нахожу, что от жизни уклоняться нельзя. А так как большевики признают науку и искусство, то этим нужно пользоваться, так как самое важное в жизни — искусство и наука, — говорит он со своей милой улыбкой. <...>

Ян, сдерживаясь, говорит:

— Не понимаю, как в то время, когда люди почти умирают с голоду, ходят оборванными от недостатка материи, когда воцарились разбойники, вы спокойно рассуждаете о том, как наилучшим образом украсить город, украсить лобное место? Ведь это значит помогать тому врагу, которого мы ненавидим, хотим уничтожить, а о развитии искусства и науки в государстве, где мрут с голоду <...> мне просто странно слушать!»

Дневники. Т. 1. С. 232–233.

Апрель, 16 (3). В гости к Бунину приходит Д.Н.Овсянико-Куликовский с женой.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 18 (5) апреля: «Третьего дня Куликовские были у нас. Д.Н. принес свою автобиографию и сказал:

— Вот, как только окончу вторую часть, за которую я теперь принялся, так большевики и уйдут. В Харькове я как раз подогнал, когда написал первую часть — последняя строчка совпала с их уходом.

Мы желаем, чтобы он скорее кончил свою автобиографию».

Дневники. Т. 1. С. 234.

Апрель, 17 (4). Бунин посещает церковь, в которой он венчался с А.Н.Цакни. Вечером М.А.Волошин читает Бунину свою поэму «Протопоп Аввакум».

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 18 (5) апреля: «Вчера в сумерках Ян зашел в церковь на базаре, где он венчался с А.Н.Цакни. Возвращаясь оттуда, он сказал мне: “Только что из церкви, где не был более двадцати лет! Зачем-то залетел в нее, женившись на гречанке, и подумал: “Как мы легкомысленно поступаем в жизни, которая так коротка у нас”.

А вечером Волошин читал нам своего Аввакума».

РАЛ. MS.1067/364.

Апрель, 7 (Март, 25)...17 (4). Бунин получает членский билет № 97 Профессионального союза журналистов и литераторов г. Одессы, подписанный П.С.Юшкевичем.

РАЛ.MS.1066/1249.

Границы события определены по упоминаниям Профессионального союза литераторов. См.: 7 апреля (25 марта) 1919; 11 апреля (29 марта) 1919; 18 (5) апреля 1919.

Апрель, 18 (5). Бунин читает газеты.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян в настроении покойном. Читает по-французски. В нем я открыла новые хорошие черты, о которых не подозревала. <...>

Во многих домах уже нет воды, многим приходится таскать ведра за несколько кварталов. <...>

Ян жадно читает газеты, почти весь день живет злободневностью и только по вечерам, когда уже нельзя выходить, он способен читать какой-нибудь французский роман. <...>

Многие озабочены и заняты, главным образом, съедобными делами: где бы что достать, где бы что купить. Наш дом этим не занимается. У нас мужское хозяйство... Мы уже начинаем быть на границе недоедания. <...>

Профессиональные карточки у нас в руках, но мы не чувствуем себя от этого в большей безопасности, ведь, строго говоря, мы очутились вдруг вне закона».

РАЛ. MS.1067/362, 364.

Апрель, 19 (6). Бунин с В.Н.Муромцевой накануне Пасхи посещает церковь.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 21 (8) апреля: «Пасха. Погода чудесная. <...> А на душе печаль.

За всю неделю не были в церкви. Только пошли с Яном в Великую Субботу в архиерейскую церковь. Служил архиерей. Народу было мало. Один гимназист, несколько гимназисток, два-три пожилых чиновника, немного старух и стариков. <...> И как странно для такого дня — такая пустота в церкви. <...>

На возвратном пути читаем на стене новый декрет: все буржуи, моложе 40 лет, завтра в Светлое Восресенье должны выйти на работу — чистить улицы!»

Дневники. Т. 1. С. 235–236.

Апрель, 20 (7). В газете «Известия Одесского совета рабочих и солдатских депутатов» (№ 18. С. 2) публикуется статья А.Д.Флита (?) «Воспоминания». Подпись: Александр Ф.

Журналист пишет: «Прошел десяток дней вступления красной армии, прошел строго деловито. Мы не пылали негодованием, вспоминая недавнее прошлое, мы и не вспоминали его, — мы были объяты горячкой первых дней строительства.

<...> в воображении выплывают знакомые образы, и нет к ним прежней злобы, а жалостно улыбаться заставляет то существо, звание которому — многоречивый российский интеллигент. Маячат две фигуры — академик Бунин и социал-демократ Коробков.

Вспоминается праздничный номер “Одесского листка” с приветствием “Добро пожаловать, дорогие гости!” и тут же послание пламенного поэта-патриота к варягу, заканчивающееся призывом:

Смири скота, низвергни демагога!

И параллельно речь гласного Коробкова с заключительным аккордом:

“Так или иначе, а французская демократия в конечном итоге всегда несла свободу!”

Рисуется такая картина.

Пустынный Николаевский бульвар, в правом конце чернеет пушка (и чего только городское самоуправление смотрело? Ведь происхождение пушки могло оскорбить дорогих гостей!) и желтеет легкий греческий фронтон здания думы.

По холодным аллеям неврастенично порхает птичья фигура академика. Ему холодно; определенная часть лица давно уже превратилась в гоголевский “сочельник”, но он не уходит, положение поэта обязывает, он ждет вдохновенья и первого крейсера.

С заседания взволнованно выходит многодумный гласный и воздевает руки к небесам <...>.

И плакал гласный умильно и длительно, и рядышком поэт тоненьким тенорком рифмовал “бога — демагога, варяг — стяг”.

Торжествовала коалиция живых сил страны».

См.: 22 (9) декабря 1918.

М.М.Пришвин записывает в дневнике: «Читаю Бунина — малокровный дворянский сын, а про себя думаю: я потомок радостного лавочника (испорченный пан)».

Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М., 1994. С. 277.

Апрель, 21 (8). Утром Бунин с В.Н.Муромцевой идет в церковь. Днем к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Пошли с Яном к Заутрене. Улицы пустынны, иногда встречали одного, двух прохожих. Подойдя к церкви, наткнулись на хулиганов, которые выходили с гоготом из ворот. У нас пропало настроение. Ян чувствовал себя дурно, и мы вернулись домой и легли спать. Дорогой он рассказал, что под вечер он опять ходил в базарную церковь, там никого не было, он встал как каменный, около клироса и стоял, не зная, что делать. Прошел батюшка, посмотрел на него. Он вышел, сел без шапки на лестнице паперти и снова окаменел, чувствуя отчаяние. <...>

К обеду пришел Волошин. Как всегда, много рассказывал, весело и живо <...>.

После обеда пошли гулять. Начали разбирать эстакаду в порту, чтобы ею топить водокачку. <...>

Все волнуются, что Одесса останется без воды, так как топить водопровод нечем».

Дневники. Т. 1. С. 237.

Апрель, 23 (10). Бунин с В.Н.Муромцевой гуляют по городу. Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Одесса превращена в восточный город, главная торговля происходит на улицах. <...>

Вид Одессы очень изменился, вместо моря военных — французов, поляков, добровольцев, греков и цветных воинов — улицы залиты красноармейцами с огромными бантами на шапках. Публика посерела, нет изысканных туалетов, все одеты проще, под один ранг. Лица у большинства отталкивающие. Ян пристально вглядывается и время от времени восклицает: “Да это подбор какой-то! Посмотри, что за лица! Да ты вглядись в них! Раньше были иные! Чем объяснить?” Я волнуюсь, так как Ян возбужден и говорит громко. Прошу его быть осторожнее. Он не обращает внимания на мои слова. <...>

Идут аресты. Арестован прокурор, арестовано много буржуев».

24 (11) апреля В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Вчера вечер у нас провел Волошин. <...> За чаем, когда к нам вышел Ян, мы много говорили о Николае II. Волошин рассказывал со слов очевидцев очень интересные вещи. <...> Тон нашей беседы был очень приятный, “человеческий”, по определению Яна».

Дневники. Т. 1. С. 238–239.

Апрель, 25 (12). Утром к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «В “Известиях” написано, что Волошин отстранен из первомайской комиссии <...>.

Часов в 10 утра Волошин прибегает к нам. Он написал ответ и хочет прочесть его Яну. <...>

Ян слушает, ухмыляется: — Прекрасно, но только ваш ответ не будет напечатан. <...>

Ян в подавленном состоянии: “Все отнято — печать, средства к жизни. Ну, несколько месяцев протянем полуголодное состояние, а затем что? Идти служить к этим скотам я не в состоянии. Я зреть не могу их рожи, быть с ними в одной комнате. И как только можно с ними общаться? Какая небрезгливость. Ну, можно понять, когда от нужды, с голода, но ведь многие подсовывают какие-то теории. Я рад, что Волошину попало, а то распятые серафимы. <...> А молодые поэты, это такие с<укины> д<ети>. Вот придет Катаев, я его отругаю так, что будет помнить. Ведь давно ли он разгуливал в добровольческих погонах!” <...>

Яна стали травить в “Известиях”. Пишут, между прочим, что “нижняя часть его лица похожа на гоголевский сочельник”. Что это значит, мы так и не поняли. Перелистала даже Гоголя, но и он не помог.

Шли по улице, как всегда чувствовали омерзение, и вдруг чудное пение. Что это?

— Это Синагога, — сказал Ян, — зайдем.

Мы вошли. Мне очень понравилось пение. Масса огня, но народу мало».

Дневники. Т. 1. С. 240-241.

См.: 20 (7) апреля 1919.

Апрель, 27 (14). Днем к Буниным заходит М.А.Волошин; все фотографируются у частного фотографа.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «В “Известиях” письма Волошина не напечатали. <...>

Днем заходит за нами Волошин, чтобы идти к фотографу-любителю, который снимает всех знаменитых и известных людей. Просил привести и Яна. Идем пешком через весь город. <...>

Фотограф — директор гимназии, высокий, худой человек долго возится с нами в большой, вероятно, рекреационной зале. Возится он долго. Снимает всех. Конечно, очень долго снимает в разных видах Яна, и в шапочке по настоянию Волошина, который уверяет, что у него делается в ней очень характерное лицо...».

РАЛ. MS.1067/364.

Апрель, 29 (16). Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин, который собирается уезжать из Одессы.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Ян вчера был в очень тяжелом настроении. Он сильно страдает: “Я не живу теперь”, сказал он мне. “Все равно, хоть умереть сейчас, — жизнь невмоготу”...

Встретились с Гальберштадтом, много новостей. <...> У него знакомство с красными офицерами. <...> К себе не приглашаем. <...> С тяжелым сердцем возвращаемся домой. <...>

Под вечер забегает Волошин. Он в больших хлопотах по выезду из Одессы, ему здесь не безопасно, и нет денег. <...>

— Я познакомился с Северным в гостиной хорошенькой женщины, — говорит с улыбкой Волошин. — Он очаровал меня. Это человек с кристальной душой.

— Как, — перебивает Ян, — с кристальной душой и председатель Чрезвычайки?»

Дневники. Т. 1. С. 242.

Северный — Юзефович Борис Самойлович, председатель одесской ГубЧК.

Май, 1 (Апрель, 18). Бунин осматривает город, украшенный к празднику 1 мая.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Декрет о запрещении пользоваться электричеством — всем, кроме коммунистов. <...>

Когда я вернулась, Ян был уже дома. Он с приятелями тоже ходил по городу. Спрашиваю о впечатлении. — Грязная, гадкая, унылая картина! <...>

Был Серкин, принес яиц и компота сушеного. Очень он трогает нас, какая забота всегда, точно мы его родные. От интеллигентных людей мы этого не видим, а ведь он простой человек, но сердце у него хорошее, да и не глупый совсем, все понимает. <...>

Вечером мы с Яном немного бродим по городу. Толпа значительно поредела. <...>

По дороге домой мы шепотом обсуждаем, почему все-таки веселья не было. Приходим к заключению, что кровавые плакаты даже на сочувствующих действуют угнетающе, удручающе».

Дневники. Т. 1. С. 243, 245.

В Москве выходит № 1 журнала «Коммунистический интернационал».

В номере печатаются статьи А.М.Горького «Советская Россия и народы мира», Л.Д.Троцкого «Великое время».

В лекции «Великий дурман» Бунин говорит по этому поводу: «Первого мая текущего года, в Москве, в так называемой “советской” России, достигшей к этому времени зенита своей славы, вышла книга, эту славу как бы венчающая, — первый номер “Коммунистического интернационала”. На обложке красуется, конечно, обычный лубок, самым площадным образом наляпанный земной шар, весь опутанный железными цепями, и фигура яростно размахнувшегося на эти цепи молотом рабочего, конечно, голого, конечно, только в кожаном переднике, конечно, с геркулесовскими мускулами, — а в тексте можно прочесть потрясающее по своему бесстыдству заявление Горького “пролетариату всего мира”, что Россия “творит ныне великое, планетарное дело”, а во-вторых, такие душу раздирающие своей грубостью строки:

— “Цари и попы, старые владыки Кремля, никогда, надо полагать, не предчувствовали, что в его седых стенах соберутся представители самой революционной части современного человечества. И, однако, это случилось, крот истории недурно рыл под Кремлевской стеной”.

Строки эти принадлежат одному из главнейших представителей “рабоче-крестьянской власти”, царствующей в Кремле, — о, Бог мой, эта власть — какая это стократная нелепость, какой архииздевательский хохот над одурманенной, черту душу продавшей Россией! — строки принадлежат Троцкому и звучат, как видите, очень уверенно. Однако, только в одном прав Троцкий: подлый зверь, слепой, но хитрый и когтистый крот в самом деле недурно рылся под Кремль, благо почва под ним еще рыхлая, — в остальном Троцкий ошибается. Старые владыки Кремля, его законные хозяева, его кровные

отцы и дети, строители и держатели русской земли, в гробах перевернулись бы, если бы слышали Троцкого и знали, что сделали над русской землей его сообщники; несказанна была бы их боль при виде того, что совершается в стенах и за стенами Кремля, <...> невыразимый ужас охватил бы этих царей и "попов" при виде того гигантского кровавого балагана, в который превращена Россия, но думаю все-таки, что предчувствовать всяческие новые беды и позорища, которые еще много раз могут поразить их несчастную родину, они не только могли, но и должны были».

См.: 7 декабря (24 ноября) 1919.

Май, 2 (Апрель, 19). Бунин из газет узнает о расстрелах в Одессе; осматривает город, украшенный агитационными плакатами.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «В газетах — списки расстрелянных. Тон газет неимоверно груб. <...> Слово "сволочь" стало техническим термином в оперативных сводках <...>.

По городу плакаты такого возмутительного содержания, что "от бессильного бешенства темнеет в глазах и сжимаются кулаки", — говорит Ян.

И что за язык у них! Все эти сокращения, брань, грубость».

Дневники. Т. 1. С. 245.

Май, 4 (Апрель, 21). Бунины узнают о расстреле черносотенцев.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Расстреляно 26 "черносотенцев"!»

Дневники. Т. 1. С. 246.

Май, 6 (Апрель, 23). В гости к Буниным приходит М.А.Волошин.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Вечер. Сидим со светильниками. У нас целых четыре! Волошин читает свои переводы Верхарна».

Дневники. Т. 1. С. 246.

Май, 8 (Апрель, 25). Красноармейцы приходят к Буниным, чтобы отобрать лишние матрасы. Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин с Т.Д.Цемах.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Приезжали за матрасами. Красноармейцы были вежливы, но чувство неприятное, когда вмешиваются, на чем спишь. <...> У нас ничего не взяли, хотя и у меня, и у Яна по два. <...> Все-таки хороший дом их еще смущает, в плохих квартирах они проявляют больше хамства. Уже целая неделя уходит на это занятие — отбирать матрасы, которые потом будут где-нибудь гнить. <...>

Вечером у нас Волошин со своей приятельницей, которую на сокращенный манер зовут Татидой (Татьяна Давыдовна). Волошин читает на этот раз не свои стихи, а переводы из Анри де-Ренье. <...>

— Французы, — говорит Ян после чтения, — отличаются от русских в поэзии. Они слишком все договаривают, тогда как мы много оставляем работы читателю. <...>

9 часов. Надо было гостям уходить. Опять досадно, только что завязался интересный разговор... Не успели мы захлопнуть за ними парадной двери, как вдруг стук со двора. Я бросаюсь к двери, вижу две мужские фигуры с длинными палками. <...>

— Простите, я домовой комиссар, получил приказ вымерить все комнаты».

Дневники. Т. 1. С. 247–248.

Май, 9 (Апрель, 26). В гостях у Бунина завтракает А.М.Федоров. Вечером Бунины приходят в гости к Д.Н.Овсянико-Куликовскому.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «У нас завтракает писатель Федоров. У него седые длинные волосы. Он очень приятен на этот раз. Настроен против большевиков. <...>

Заходим вечером к Куликовским. Сидят в полутьме. Дм.Н. бодр. <...>

Дома, рассказав все, что слышали, нашим сожителям, мы, на зло большевикам, пьем хорошее вино».

Дневники. Т. 1. С. 248–249.

Май, 10 (Апрель, 27). Вечером к Буниным приходит М.А.Волошин с Т.Д.Цемах.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Волошин устроил себе выезд <из Одессы в Коктебель> через комиссара красного флота <...>.

Последний вечер Волошин проводит у нас со своей спутницей, Татидой. Сидим при светильниках в полумраке. Грустно. На столе жалкое угощение».

Дневники. Т. 1. С. 249.

Май, 11 (Апрель, 28). В.Н.Муромцева знакомится с А.Н.Буниной.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Познакомилась с Анной Николаевной Буниной, бывшей женой Яна, с которой уже в темноте возвращались домой. <...> А.Н. произвела на меня приятное впечатление».

Дневники. Т. 1. С. 250.

Май, 13 (Апрель, 30). Бунины узнают о выпущенном декрете о «Мирном восстании».

Данный декрет разрешал особым отрядам изъятие у горожан «всего лишнего», оставляя каждому жителю только одну пару ботинок, один костюм или платье, три рубашки, три пары кальсон, две простыни, две наволочки и тысячу рублей на одного человека.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «С утра в городе волнение. Угроза приведена в исполнение: издан декрет о “Мирном восстании”, то есть в законном порядке ходить по домам и отбирать у всех все <...>.

Но вдруг в 2 часа дня узнаем, что “мирное восстание” отменяется».

Дневники. Т. 1. С. 250–251.

Май, 14 (1). Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Наконец-то, мои милые, я получил от вас письмо, написанное недавно, а то и к нам приходили августовские и сентябрьские письма. Мы до сих пор определенно не знали, в Одессе вы или нет. Слухи были разные <...>. Слава Богу, что вы живы и здоровы, а то мы мучились неизвестностью. Несколько дней тому назад получено твое письмо — открытка от 19 февр. стар. стиля и помеченное почтовым отделением Чувардино (такое есть в Орловской губернии).

Мы, слава Богу, живы и здоровы. <...> Начиная с 10 августа и до сих пор почти ежедневно бывает у меня доктор, промывает мочевой пузырь <...>. В ноябре случилось у меня кровоизлияние — вместо мочи обильно пошла кровь, которая вскоре была приостановлена. <...> Общее самочувствие в

физическом отношении у меня удовлетворительное. Только сильно похудел. Так, напр., твое пальто теперь для меня широко. Исхудание происходит отчасти на почве болезни <...>, а отчасти на почве плохого питания – главным образом от недостатка жиров. Теперь я обедаю по столовым, где кормят очень плохо – конечно, относительно. <...>. Цены на все стоят неимоверно большие и систематически растут. <...> Говядины я давно в глаза не видал, приходится есть конину да и то изредка. Живем впроголодь. <...> Но меня за минувшую зиму не столько угнетали высокие цены на продукты, сколько холод. С Рождества и до самой Пасхи у меня в квартире было не более 3–4°, приходилось спать, не раздеваясь, заниматься не было возможности – руки коченели, замерз водопровод и канализация. От всего этого осталось впечатление кошмара какого-то. <...>

Материальное мое положение таково. Кроме квартиры и прислуги <...>, я получаю с Книгоиздательства с марта месяца по 1200 р. в месяц за редакционную работу. Редакторами, кроме меня, состоят Гершензон и Клестов <...>. Обеда у Мих<айлова> теперь не имею. Беру деньгами – 300 р. в месяц. Кажется, как будто получаю достаточно, но это только видимость, ибо доктору приходиться платить в месяц по 600 р. за лекарства. Остальное все проедаю да и то, повторяю, живу полуголодным, а дальше предвидится новое вздорожание жизни. Пойти куда-нибудь на службу мне очень затруднительно: долго заниматься и даже читать не могу – голова мутится. <...>

Всю зиму Пушешниковы (Митя и Коля) провели в Москве. <...>

Евгений состоит учителем рисования в школе и получает по тарифу 665 р. в месяц. Дом и флигель реквизированы, им оставили две комнатки. Бумаги, конечно, аннулированы, и Евгений бедствует. Маша с Колей живут в Воронеже – тоже, разумеется, в бедственном положении, кое-что зарабатывает шитьем и Женя немного помогает. Он формально числится студентом Юрьевского университета по математическому факультету, но живет в Орле, служит в военном округе табельщиком. Рублей 200 в месяц он присылает матери. <...> Маша развелась с Ласкаржевским, который принужден к уплате ей по 150 р. в месяц. <...>

Ник.Андр. и Лид.Фед. <Муромцевы> живут очень бедно. <...> Я довольно часто бываю у них, и они относятся ко мне по-родственному.

Много знакомых умерло за зиму. <...> Поразило меня известие о самоубийстве Черемнова, о чем ты, вероятно, уже знаешь (как сообщает Шмелев, он зарезался). <...>». Далее рассказывает о положении в «Книгоиздательстве писателей в Москве», которое превратилось в кооперативное товарищество, и добавляет: «Ваши книги, Вера Николаевна, все разошлись и Вам приходится много денег – кажется, тысячи четыре. Выйдут повторные издания. Думаешь ли ты переиздавать свои сочинения? “Парус”, конечно, не выполнил своих обязательств.

С конца осени возобновилась жизнь литературных организаций. “Среды” происходят теперь систематически по воскресеньям. Возникла новая организация “Звено”, идущая навстречу запросам пролетарских масс; во главе

Львов-Рогачевский, я и Смирнов-Треплев <...>. Далее образовался обширный союз поэтов, заключающий в себе более 200 человек — по большей части крайние модернисты, футуристы и так называемые имажинисты (от слова image — образ). У них есть свое кафе и так называемая эстрада поэтов, на которой они ежедневно выступают перед публикой». Далее рассказывает о других культурных событиях Москвы. В заключение пишет: «Живется тоскливо — беспокоился за вас и за других родных и близких. Читаю мало — теперешняя неразборчивая печать при моем плохом зрении для меня очень трудна. Кое-что пишу, преимущественно воспоминания.

Как бы мне хотелось повидаться с вами или по крайней мере почаще переписываться. Больше надеюсь на Вас, милая Вера Николаевна. Вы обычно пишите подробно и обстоятельно, и мне дорого всякое известие. Если бы вы оба приехали сюда, то это для меня была бы великая радость, но не могу и звать вас, не зная, что предстоит впереди в отношении продовольствия. Будущая зима страшит особенно по части холода. Могу ли я куда проехать, не знаю. Вообще нахожусь в неопределенном положении».

РАЛ. MS. 1066/2047.

Май, 16 (3). Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Пользуюсь случаем еще написать вам вкратце, — ведь возможно, что при теперешнем почтовом сношении вы не получите или не вскоре получите мое первое письмо. Надеюсь, что можно будет регулярно переписываться. Мы все, слава Богу, живы и здоровы. <...> Сообщи, будешь ли ты издавать свои произведения в нашем книгоиздательстве. Книгоиздательство “Парус”, как мне передавали, совсем прекратилось. <...>».

РАЛ. MS. 1066/2048.

М.А.Волошин пишет Буниным из Евпатории:

«Пока мы благополучно добрались в Евпаторию и второй день ждем поезда. <...> Все идет нескоро, но благополучно. Масса любопытнейших человеческих документов. <...>

Очень приятно вспоминать последний вечер, у Вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период».

Новые материалы (2). С. 504.

См.: 10 мая (27 апреля) 1919.

Май, 22 (9). Днем Бунины приходят в гости к Т.Л.Щепкиной-Куперник на именины ее мужа Н.Полынова.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «После обеда мы идем на именины мужа Щепкиной-Куперник. С ним мы не знакомы, даже не знаем его фамилии. <...> Служит <она> у большевиков в санитарном отделении, не голодает. <...> На столе много сладких пирогов из крупчатки, сласти. Народу много. <...> Вот с томным видом известная артистка Полевицкая с мужем, господином Шмидт, режиссером театра Красной Армии. <...> Находится здесь и бывший товарищ министра и философ С.В.Лурье, <...> Кауфман; <...> Берлинд; <...>.

Сначала обмениваются политическими новостями. <...> Разговор переходит на театр <...>.

Театры переименованы: “Театр Красного Флота” <...> “Театр имени Свердлова”, “Театр имени Троцкого” и все в таком духе. Перед некоторыми театрами и иллюзионами горят кровавые звезды. Публики везде много, и в большинстве случаев, спектакли проходят с аншлагом».

Дневники. Т. 1. С. 254–255.

Май, 26 (13). К Буниным приходит Т.Л.Щепкина-Куперник с мужем.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Приходят Полыновы — это фамилия Щепкиной-Куперник по мужу».

Дневники. Т. 1. С. 256.

Май, 28 (15). К Буниным приходит С.С.Юшкевич, который пытается уговорить Бунина поступить в Агит-Просвет.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Приходил Юшкевич уговаривать Яна поступить в Агит-Просвет. Он доказывал, что просвещать всегда, при всяких властях, хорошо. Ян только плечами пожимал. Юшкевич настаивал, указывал, что Яна могут обвинить в саботаже. Ян возражал: “Саботируют те, кто служит и портит дело. Я же не служил, и заставить меня служить никто не смеет”. — “Но ты умрешь с голоду”, — кричит Семен Соломонович. — “Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду *туда*. Пусть этот факт останется в истории...”.

Оба кричат, волнуются. Юшкевич просит отложить ответ до завтра: — “Обдумай!”».

Дневники. Т. 1. С. 256–257.

Май, 29 (16). Бунин в беседе с С.С.Юшкевичем категорически отказывается работать в Агит-Просвете. В гостях у Е.В. и В.О.Недзельских Бунин знакомится с А.Д.Билимовичем.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Дождь, холод. Мы сидим после нашего так называемого обеда с Яном и обсуждаем, что же ему ответить Юшкевичу. Вчерашнее посещение оставило на нас очень неприятное впечатление. Ему, понятно, хочется, чтобы Ян вошел туда. Репутация Яна безупречна, а потому для всех входящих важно, чтобы он был с ними. Решаем, что быть с Юшкевичем откровенным не следует, кроме крика из этого ничего не выйдет, что Ян твердо заявит ему, что уж если он решит работать у большевиков, то вернется в Москву.

Через 2 часа Ян возвращается, говорит, что решительно отказался, и что Юшкевич, наконец, отстал, поняв, что ничем его не возьмешь. <...>

Вечером за бутылкой вина Ян с Нилусом спорят <по поводу участия последнего в Агит-Просвете>: П.А. искренно верит, что они повернут дело по-своему. Ян доказывает, что кроме позора и неприятностей, они ничего не получат. — “Уж если нечего есть, так служи где-нибудь писцом или чем хочешь, но отдавать им самое дорогое — никогда!” П.А., волнуясь: “Искусство выше всего и нельзя отказываться от того, что возвышает жизнь”».

Дневники. Т. 1. С. 257.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 30 (17) мая: «В четверг <29 (16) мая> мы у Недзельских познакомились с Белимовичем».

РАЛ. MS.1067/360.

Май, 30 (17). Бунин тяжело переживает сложившееся положение в Одессе.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян временами бывает очень подавлен, часто чувствует сильную тоску, но раздражается реже. Я стараюсь его совсем не беспокоить».

Дневники. Т. 1. С. 258.

Июнь, 1 (Май, 19). Бунины испытывают голод; цены на продукты продолжают расти.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Делается все голоднее и голоднее. <...>

Вода поднимается только до первого этажа, и то, кончая базаром, а дальше совершенно не поднимается. <...> Стали появляться на улицах продавцы и продавщицы съестных припасов. Вот на Херсонской сидит барышня с книжкой, а возле нее столик со сладкими пышками. Но это не для нас, конечно, а для "товарищей", ибо они очень дороги, рублей семь штука!»

Дневники. Т. 1. С. 259.

Июнь, 2 (Май, 20). Утром к Буниным приходит А.М.Федоров, который сообщает, что отказался работать в Агит-Просвете; Бунин получает письмо от Ю.А.Бунина.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Рано утром у нас взволнованный Федоров. Пришел пешком с Фонтана, чтобы отказаться от поступления в Агит-Просвет.

— Нет, не могу, потерял покой после того, как согласился, — говорит он, волнуясь. — Лучше голодать, чем работать с ними! Все равно толку у них не выйдет. <...>

Ян одобряет и поддерживает его.

Утром письмо от Юлия Алексеевича <Бунина>. Письмо необыкновенно интересное: краткое описание минувшей московской зимы. Трудно удерживаться от слез, слушая его. <...> Бедный Юлий Алексеевич серьезно болен».

Дневники. Т. 1. С. 259–260.

См.: 14 (1) мая 1919.

Июнь, 5 (Май, 23). В.Н.Муромцева в письме к Ю.А.Бунину рассказывает о жизни в Одессе:

«Сегодня, дорогой Юлий Алексеевич, ровно год, как мы с вами распрощались на Савеловском вокзале и уехали из Москвы. Соскучились сильно. Ян — тоже. Мы часто теперь говорим с ним о поездке в Москву, но как это осуществить, еще ясно не представляем. <...> Жить и здесь становится с каждым днем все труднее, — цены растут, а поступлений ждать неоткуда. Мне предлагают место рублей на 1200–1500 в месяц, но Ян все еще не соглашается, чтобы я служила. <...>

Очень трудно нам бывает по вечерам, так как мы лишены по декрету права пользоваться электричеством, керосина в городе совсем нет, приходится сидеть со светильниками, т.е. с фитилем, опущенным в подсолнечное масло. Выходить из дому можно лишь до 12 ч. по советскому времени, т.е. до 9 ½ вечера.

Много знакомых разъехалось. Видаемся с Варшавским <Б.Л.>, познакомились с Щепкиной-Куперник-Полыновой и ее мужем, очень приятным человеком. Он Петрб. присяжный поверенный, по-видимому, имел хорошую практику. С ними живет дочь Мар.Ник.Ермоловой. Остальные знакомые местные: Недзельские, Тальниковы, Лазурские и Овсянико-Куликовские.

У нас в доме, т.е. в квартире, школа рисования, ученики от 10 лет. Преподают Нилус, Буковецкий, а лекции по истории искусств читает Лазурский. Я состою заведующей, школа отнимает у меня 2 часа в день. Представьте, я поддерживаю дисциплину прекрасно, жалко только, что не рисую».

Новый журнал. 1977. № 128. С. 133–134.

Июнь, 6 (Май, 24). Бунин записывает в дневнике:

«Часто теперь, читая какую-нибудь книгу, останавливаюсь и дико смотрю перед собой, — так оглушила, залила, все затмила низость человеческого слова и так дико вспоминать, на минуту выплывая из этого моря, что существовало и, может быть, где-нибудь еще существует *прежнее* человеческое слово!»

Дневники. Т. 1. С. 263.

Июнь, 7 (Май, 25). Бунин читает советские газеты.

Бунин отмечает в дневнике: «Прочел “Знамя” и 1 № “Советск. власти”, орган одес<ского> Совдепа <...>. Все то же! Все “ликвидация григорьевских банд” и “разрастающаяся” во всем мире революц<ия> <...>.

Вчера весь вечер дождь, настроение оч<ень> тяжкое. <...>

В “Сов<етской> вл<асти>” две карикатуры; несомненно Минского. До содрогания, до тошноты гнусно».

Дневники. Т. 1. С. 264.

Июнь, 15 (2). Днем Бунин с В.Н.Муромцевой гуляет по городу, встречается с Е.А.Полевицкой и И.Ф.Шмидтом, С.И.Варшавским и его женой.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Днем мы с Яном вышли прогуляться. <...> Сталкиваемся со Шмидтами и Варшавскими. Полевицкая обращается к Яну с просьбой:

— Напишите мистерию, мне так хочется сыграть Божью Матерь или вообще святую, зовущую к христианству...

— Постараюсь, — говорит, смеясь Ян.

— Да, пожалуйста, — умоляющим тоном настаивает она. <...>

Когда дождь прекращается, мы уходим.

— Господи, — вздыхает Ян, — какое кощунство и в какое время! Играть Богоматерь, и перед такими скотами! Неужели она не понимает?»

Дневники. Т. 1. С. 267.

Июнь, 16 (3). Исполняется год, как Бунины живут в Одессе.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Год, как мы в Одессе, как не похожа она на прошлогоднюю, немецкую. <...>

Сколько мы пережили за этот год, год беженства».

Дневники. Т. 1. С. 267–268.

Июнь, 17 (4). Бунин заболевает.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «У Яна повышенная температура. Днем он был очень бледен, а ночью мешал спать кашель. <...>

Перед сном мы с Яном вспоминали Ростовцевых, Котляревских, их журфиксы и салоны, и как все это странно, точно с другой планеты. Могли выходить из дому, когда хотели, зажигать электричество и так далее, а теперь...»

Дневники. Т. 1. С. 268.

Июнь, до 18 (5). Выходит отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.У.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (Кишинев: Бессарабское книгоиздательство, 1919. 188 с.: ил.).

Граница события определена по дате дарственной надписи. См.: 19 (6) июня 1919.

Июнь, 19 (6). Днем в гости к Бунину приходят Т.Л.Щепкина-Куперник с мужем и Д.Л.Тальников с супругой.

РАЛ. MS.1067/364.

Бунин дарит Т.Л.Щепкиной-Куперник отдельное издание перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (Кишинев, 1919) с надписью:

«Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник сердечно Ив.Бунин 6/19. VI.1919. Одесса».

РГАЛИ, № 57544/7358а.

Июнь, 22 (9). Бунин и В.Н.Муромцева передают с уезжающим в Москву В.О.Недзельским письма и деньги родным.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 24 (11) июня: «Третьего дня узнали, что Недзельский едет таки в Москву. Скептицизм Яна на этот раз не оправдался. Бросаемся писать письма. <...>

Пешком несемся в Отраду. Боимся опоздать. Там Кипен. Вл. Ос. <Недзельский> в красноармейской форме. Все волнуемся. Может поездка окончиться всячески. Он везет в Москву деньги, которые зашивает в полу солдатской шинели. Жена, видимо, волнуется, но сдержанна».

Дневники. Т. 1. С. 269.

Июнь, 24 (11). Утром к Буниным приходит А.М.Федоров.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Вчера целый день была занята стиркой, сегодня полоскала, развешивала. <...>

Утром сегодня, рано, пришел Федоров. Очень кстати. Они с Яном мне выжали все белье. Сделали это быстро и весело. <...> Они не голодают, жена целый день занята хозяйством».

Дневники. Т. 1. С. 268–269.

Июнь, 29 (16). В Одессу приходит известие о взятии Харькова войсками А.И.Деникина.

В.Н.Муромцева в дневнике: «Слух, что Деникин взял Харьков. Неужели правда? Боюсь радоваться. Ян сильно взволновался.

Вечером, чтобы послушать, узнать тайную сводку мы отправляемся на бульвар — потребность в тайных сводках похожа на потребность кокаина, выслушаешь и успокоишься. Особенно Ян нуждается в них. На бульваре застаем Лоло. <...>

Ян с Лоло удаляются куда-то шептаться».

РАЛ. MS. 1067/364.

Утром 25 (12) июня 1919 г. в Харьков вошли основные силы Добровольческой армии.

Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Милые мои Ваня и Вера Николаевна! Я был несказанно обрадован приезду Влад.Осип. <Недзельского> и вашим письмам. Было бы чрезвычай-

но соблазнительно поехать с Влад.Ос. <Недзельским> в Одессу, но теперь сделать это я решительно не имею возможности. Вл. Ос. <Недзельский> подробно расскажет вам причины моей задержки. Буду очень рад, если вы в августе или сентябре будете в Москве. Сможете ли вы здесь остаться, я не знаю. Здесь более всего страшит всех нас недостаток топлива. Мы до сих пор не смогли достать дров, но хлопочем об этом. Неизвестно, однако, чем кончатся наши хлопоты. Если вы должны будете возвратиться в Одессу, то постараюсь и я тогда уехать с вами. Мне было бы очень полезно по моей болезни поехать на юг, как говорит доктор <...>. Состояние моего здоровья то же самое, что и прежде. <...>

Твои поручения относительно книгоиздательства я исполнил. Грузинский с удовольствием согласился выбрать главы из Гайаваты и написать предисловие. <...> Относительно расчетов и денежных получек с книгоиздательства твоих и Веры Ник. подробно передаст вам Влад.Осип. <Недзельский>. <...> Через несколько дней я передам в редакцию и о книге Лоти. Частным образом (до заседания редакции) я уже переговаривал с некоторыми, и полагаю, что дело это можно устроить. Народно-школьная библиотека слабо функционировала. <...>

Евгений пишет, что скоро предстоят перевыборы учителей, и боится, выберут ли его. Между прочим, он читал лекции по теории и истории живописи.

Маша, Женя и Коля в прежнем положении. <...>

Влад.Ос. <Недзельский> передавал, что тебе предлагают за собрание сочинений большие деньги, но ты об этом подумай. Ведь теперь деньги почти ничего не стоят. Теперь за 1 печатный лист в сборники платят не меньше 3 тыс. рублей. Мы предполагаем выпустить очередной сборник “Слово”. Хорошо было бы, если бы и ты прислал что-нибудь. Постарайся непременно как-нибудь сделать это. В сборнике предполагается листов 10 беллетристики, листов 5 статей историко-литературного отдела и листа 2 стихов. В сборник приглашаются разные молодые авторы — преимущественно в пролетарском духе. <...>

Постарайся на случай моего переезда в Одессу найти там мне работу, но помни, что я слаб и утомлен. Чувствуется истощение организма и исхудал я до невероятности. Нервы также скверные. Ведь прожить без выезда и отдыха в Москве 2 года было крайне тяжело.

Будьте здоровы, родные мои. Крепко вас целую. Пишите, ради Бога, при всяком возможном случае. При моем одиночестве и заброшенности письма близких людей – большая радость. Часто бываю у Муромцевых, которые относятся ко мне по-дружески и родственно».

PAЛ. MS. 1066/2049.

Июнь, 30 (17). Бунин пытается узнать достоверность слухов о продвижении войск А.И.Деникина.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «К завтраку Ян принес противоречивые слухи: Харьков взят обратно — это ему сообщил Юшкевич. <...> Я ко всему стараюсь относиться спокойно, <...> а на Яна страшно смотреть. Он только и занят

слухами, только думает, говорит и, вероятно, пишет о том, что происходит на всех фронтах».

РАЛ. MS. 1067/364.

Июль, 1 (Июнь, 18). К Буниным приходит Д.Л.Тальников. Вечером Бунины заходят к Т.Л.Щепкиной-Куперник.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Ян пошел на базар и вернулся домой вместе с Тальниковым. Цены за сутки очень поднялись, например, вчера вишни стоили 6 рублей, а сегодня — 20. <...>

Тальников рассказывает, что в Пролеткульте выставка книг, выпущенных в Москве и других городах. Говорит, что есть хорошие издания. <...> Он просматривал каталог, из книг Яна рекомендована "Деревня". Он советует пойти туда посмотреть. Но едва ли мы соберемся. Противно!

Вечером заходим к Полыновым <...>. Как всегда, разговоры о продвижении армий. <...>

У Полыновых дают гостям по стакану чая, это большое удовольствие. Сами они едят хорошо. Сегодня за ужином подавали мясо».

Дневники. Т. 1. С. 271–272.

Июль, 3 (Июнь, 20). Вечером Бунины приходят в гости к Т.Л.Щепкиной-Куперник.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Идем вечером к Полыновым. Звоним, отпирает дверь сама Татьяна Львовна и радостно сообщает:

— Можете спать спокойно. Из Москвы пришло приказание — "писателей не трогать".

Мы вздохнули спокойно, ведь вот уже три недели, как ежедневно мы совещаемся с Яном, ночевать ли ему дома. Многие друзья предлагали свой кров, но мы решили до самой последней минуты не переходить Яну на нелегальное положение. Он и так нервен. Сон для него очень важен, а спать в непривычной обстановке ему всегда беспокойно. Надеялись, что в случае опасности, его предупредят. Но все же всякий вечер бывало жутковато».

Дневники. Т. 1. С. 272–273.

Июль, 10 (Июнь, 27). Бунин с В.Н.Муромцевой на прогулке видит чекистов.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Вечером на бульваре, но никого из знакомых не встречаем. <...> Неподалеку от нас видим двух барышень, очень кокетливо одетых, и молодого человека. У всех на руках повязка с буквами "Ч. К.". Стоят с оживленными лицами, чему-то смеются... Взглядываю на Яна, он, побледнев, как полотно, с искаженным лицом, говорит: — Вот от кого зависит наша судьба. И как им не стыдно выходить на люди со своим клеймом!

<...> Стараюсь поскорее увести Яна, хотя и хочется последить за этой тройкой. Даю слово больше сюда не приходить, так как он очень неосторожен и, кроме того, вижу, что подобное зрелище ему доставляет невыносимое страдание. <...>

Всю дорогу Ян не может успокоиться. Он даже как-то сразу осунулся. И все повторяет: — Нет, это иное племя. Раньше палачи стыдились своего ремесла, жили уединенно, стараясь не попадаться на глаза людям, а тут не стесняются

не только выходить на людное место, а даже нацепляют клеймо на себя, и это в двадцать лет!

<...> Хлеб все дорожает и дорожает, несмотря на великолепный урожай».

Дневники. Т. 1. С. 274–275.

В этот день Одесса объявляется на усиленном военном положении — «революционный порядок».

Июль, 12 (Июнь, 29). В доме, где живут Бунины, проводят обыск.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «<...> Сообщает нам, что сегодня будут обыски в нашем районе: всё ищут уклоняющихся от воинской повинности. Мы летим домой. <...>

Первую минуту — все точно в панике, прячем, куда попало, деньги. Затем берем себя в руки и садимся за стол. Ян читает...».

В.Н.Муромцева в дневнике 13 июля (30 июня) добавляет: «Трудно описать, что пережили мы вчера. Такого состояния я никогда не испытывала. <...>

Около 10 часов по астрономическому времени слышим голоса под окнами во дворе, стук сапог, лязг берданок. Влетает Анюта, бледная, но спокойная:

— Пришли. И пошли прямо к Евгению Осиповичу <Буковецкому>, в столовую.

Ян остается на месте за письменным столом. На столе маленькая керосиновая лампочка — дожигаем остаток керосина. Я не выдерживаю и иду туда, где обыскивают. Стараюсь быть спокойной. <...> Хозяин умно повел их после столовой наверх <...>. Я не стала подниматься с ними. Пришла и села на диван против стола. Ян сидел все в той же позе, как и полчаса тому назад. Он был в очках, перед ним лежала книга, но он не читал.

Прошло минут 20. Слышим спускающиеся тяжелые шаги по нашей чудесной широкой деревянной лестнице. Еще минута, и стук в дверь. <...> Я чувствую, что у меня сердце бьется так, что я едва могу дышать. <...>

Входят трое более или менее интеллигентных людей, а за ними, стуча берданками, вваливаются кривоногие мордастые красноармейцы. Ян, в очках, с необыкновенно свирепым видом, неожиданно для меня заявляет:

— У меня вы обыска не имеете права делать! Вот мой паспорт. Я вышел из возраста, чтобы воевать.

— А запасы, может быть, у вас есть, — вежливо спрашивает молодой человек <...>.

— Запасов, к сожалению, не имею, — отрывисто и зло говорит Ян.

— А оружие? — еще вежливее спрашивает предводитель шайки.

— Не имею. Впрочем, дело ваше, делайте <обыск>, — он кидается зажигать электричество.

При свете я испугалась его бледного, грозного лица. Ну, будет дело, зачем он их раздражает, — мелькнуло у меня в голове.

Но солдаты стали пятиться, а молодой человек поклонился со словами: — Извиняюсь. И все вышли тихо один за одним.

Мы долго сидели молча, не в силах произнести ни слова. <...>

Идем в столовую. Вытаскивается из недр бутылочка вина, и мы распиваем ее на радостях».

Дневники. Т. 1. С. 275–278.

В Одессе 12 июня (30 мая) 1919 г. в связи с наступлением белогвардейцев объявляется массовая мобилизация в Красную армию всех мужчин от 18 до 45 лет.

Июль, 14 (1). Ю.А.Бунин пишет Бунину из Москвы:

«Милые мои, совершенно неожиданно я вновь получил от вас письмо. Неделю тому назад я послал вам письмо с Влад.Ос. <Недзельским>, который теперь, наверное, уже доехал до Одессы. <...> Зима, как я уже писал вам, страшит нас холодом. До сих пор не удалось запастись дровами. Все-таки не теряю надежды приобрести топливо. Муромцевы тоже пока не имеют дров <...>.

От Маши и Евгения уже очень давно не получаю известий. Что касается моего здоровья, то за это время оно оставалось прежним. <...> Меня особенно беспокоит мое систематическое исхудание. <...>

Пришли, пожалуйста, рассказ или, по крайней мере, стихи в предполагаемый выпуск "Слова". Материал собирается. Я просил и Горького, но он говорит, что нового у него ничего нет, а писать ему теперь совершенно некогда. Рассчитываем на Зайцева (почти наверное) и на Куприна. Он бывал здесь зимою, и у него со мною создались очень хорошие отношения. <...> Что касается "Гайаваты", то в редакции просят тебя, чтобы ты согласился издать ее полностью (Грузинский держится того же мнения). Я уже говорил об этом с Влад.Ос. <Недзельским>. Ответь поскорее. "Избранные рассказы", конечно, будут переизданы, хотя формально этот вопрос не мог еще быть обсужден (по справке, они уже сданы в типографию). То же самое должен сказать, Вера Ник., и о вашем предложении издать перевод Лоти. Посланные тебе деньги приходятся частью за распроданные экземпляры "Избранных рассказов", и частью в виде аванса. Вероятно, будет возможность прислать тебе еще аванс. Книгоиздательство все же переживает теперь трудное время. Будем ли мы в достаточной мере обеспечены бумагой и типографиями, еще неизвестно. <...>

У нас продолжаются разные литературные собрания, в том числе и "Среды" <...>. Следующую "Среду" мы посвящаем памяти Чехова (прошло 15 лет со дня его смерти). Прошлый раз с большим успехом читала свою новую пьесу Ада Чумаченко. Все старые знакомые и приятели по "Среде" шлют вам свой привет и очень желают, чтобы вы приехали, как обещались, к осени в Москву. Я же с особым нетерпением жду этого. Не знаю только, сможете ли вы осуществить ваше намерение».

РАЛ. MS. 1066/2050.

Июль, 18 (5). Бунины в гостях у Т.Л.Щепкиной-Куперник.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Сидим у Полыновых. Приносится известие, что в порт входят иностранные пароходы. Бежим туда, откуда видно море. Смотрим, молчим, волнуемся. <...> Дома сидим, пьем вино и делаем тысячу всевозможных предположений».

Дневники. Т. 1. С. 280.

Июль, 19 (6). Бунин узнает, что слух об иностранных пароходах не подтвердился.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Ян вскочил рано. <...> Натощак Ян выскакивает, чтобы прочесть газету. Быстро возвращается огорченный: транспорт русских пленных, пожелавших возвратиться на родину...»

Дневники. Т. 1. С. 280.

Июль, 20 (7). Е.В. и В.О.Недзельские приходят к Буниным, В.О.Недзельский рассказывает о своей поездке в Москву.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Вечер. Сидим на диване в комнате Яна. <...> Вдруг в окно я вижу, как по лестнице поднимаются Недзельские. Мы с Яном разом вскакиваем и кидаемся к двери. Отпираем ее и от волнения не можем ни поздороваться, ни произнести ни слова, до тех пор, пока Владимир Осипович говорит: "Все благополучно". Тогда мы переводим дух и идем в наши комнаты. Вл.О. <Недзельский> дает нам письма. Мы их, конечно, только бегло просматриваем и просим рассказать впечатления о Москве и о наших. Впечатления сильные. Недоедание, если не сказать больше, сильнейшее. Люди все так похудели, что даже трудно себе вообразить, — зима была необыкновенно тяжелая: не топили домов <...>. Многие больны "волчьим аппетитом", вечно хочется есть, особенно страдают этим мужчины. Люди перестали ходить друг к другу в гости. <...> Видался с Юлием Алексеевичем. Я страшно полюбил его, но он настроен, как всегда, очень пессимистически. Скучает по вас. <...>

Мы долго сидели и слушали. Вл.Ос. каким-то чудом избег двух крушений. <...> Поручение он свое выполнил прекрасно, месяца два будут они сыты. <...>

Посидев до возможного времени, Недзельские ушли. Мы принялись читать письма вслух».

Дневники. Т. 1. С. 281–282.

Июль, 24 (11). В иваново-вознесенской газете «Рабочий край» (№ 163. С. 1–2) печатается статья Глинского «Литературные заметки».

Критик, в частности, пишет: «Признанные большие мастера прошлого, своего рода "мэтры" русской художественной литературы — Бунин, Белый, Блок, Брюсов, Сологуб издали альманах "Эпоха" в сотрудничестве с рядом других имен, в числе которых красуется между прочим имя Савинкова. <...>

Имя Бунина находится сейчас в зените своего творческого дара и вдохновения. Его стихи, проза носят печать подлинного мастерства, безукоризненной законченной формы, полны глубокого смысла. <...>

Вообще же, кроме первого стихотворения Андрея Белого <"Современникам">, кажется, что все вещи в прошлом.

Мировая война, мировая революция не коснулись их своими крыльями — отжившие люди, отжившие тени, отжившие настроения».

Июль, 29 (16). Бунины в гостях у В.М.Розенберга.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Вечером пробираемся по тихим улицам на черствые именины к В.М.Розенбергу. Они ждали нас накануне с пирогом. <...>

У них узнаем, в каком ужасном положении находится детский приют. <...>

Заходит разговор и о нашем питании. Розенберги советуют обратиться в кооператив, в котором он служит».

Дневники. Т. 1. С. 287.

В иваново-вознесенской газете «Рабочий край» (№ 167. С. 2) публикуется статья А.К.Воронского «“Цивилизаторы” (“Братья” Ив.Бунина)».

Критик пишет: «Много воды утекло за последние два-три года, многое изменилось до неузнаваемости. Еще недавно мы были свидетелями поистине позорного и небывалого явления, случая, назовите, как хотите, – когда один из лучших наших заслуженных художников Иван Бунин в глупых и рабских виршах на страницах “Одесских новостей” приветствовал союзный десант в Одессе в таких выражениях:

“Во имя человечности и Бога
Смири скота, низвергни демагога”.

Излишне, пожалуй, распространяться относительно того, что под скотами подразумеваются русские рабочие и крестьяне, а под демагогами – ненавистные большевики. Английские и французские империалисты выставляются людьми, действующими во имя... человечности. Удивительнее же всего то обстоятельство, что у того же самого Бунина в его более ранних произведениях мы находим поразительно яркие и исключительные по силе художественности описания этой “человечности”. Да будет позволено сделать в настоящей заметке небольшую литературно-историческую экскурсию.

В третьем сборнике “Слово” за 1914 г. помещен был своевременно рассказ И.Бунина “Братья”. Эпиграфом к этому прекрасному рассказу служит изречение мудреца Сутта Нипаты: “Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали”». Пересказав фабулу рассказа с цитатами, критик заключает: «В 1914 году, накануне войны, один из лучших русских интеллигентов и художников Бунин, – нашел в себе мужество заклеймить и вскрыть истинную подоплеку “человечности” империалистических разбойников. В 1919 году тот же художник воспевал всерьез их человечность, и звал их спасать Россию...

Поистине трижды прав был покойный Г.В.Плеханов, заметивший однажды по поводу частой перемены “курсов” в рядах отечественной интеллигенции: “У Клеопатры было много любовников”».

См.: 22 (9) декабря 1918.

Июль, 30 (17). Бунины посещают кооператив, в котором можно получать продукты. Встречаются с А.П.Шполянским.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Идем утром в кооператив. <...> У Агит-Просвета останавливаемся, читаем газету. Очень путанная сводка. <...>

В кооперативе <...> получаем разрешение на некоторые продукты. Болтаем с милым Шполянским, который неизменно острит».

Дневники. Т. 1. С. 287.

Август, 2 (Июль, 20). Бунины начинают голодать. В Одессе держатся высокие цены, при этом продуктов почти нет.

Бунин в дневнике записывает: «Голодая, мучаясь, мы должны проживать теперь 200 р. в день. Ужас и подумать, что с нами будет, если продлится здесь эта власть. <...>

Газеты, как всегда, тошнотворны. “О Господи милост<ивый>, — думаешь утром, — опять они вышли” — и опять то же: “мы взяли... мы оставили... без перемен” — и конца этой стервозной драки, сделанной евреями совместно с подонками русского хамства и дикарства, не видно! <...>

Купил — по случаю! — 11 яиц за 88 р. О, анафема, чтоб вам ни дна, ни покрышки — кругом земля изнемогает от всяческого преизобилия, колос чуть не в ½ аршина, в сто зерен, а хлеб можно только за великое счастье достать за 70–80 р. фунт, картофель дошел до 20 р. фунт и т.д.!»

РАЛ. MS. 1066/516.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Нет света, весь город погружен во тьму. Уже много дней нет воды. <...>

Яну хотят устроить аванс от украинцев. Хлопочет г-жа Туган-Барановская, по просьбе Овсянико-Куликовского, у которого уже приобретены книги для перевода. Хорошо, если удастся — хоть маленькая помощь».

Дневники. Т. 1. С. 288.

Август, 3 (Июль, 21). Бунин передает Туган-Барановской свои произведения для возможного перевода их на украинский язык.

Бунин в дневнике пишет: «Отнес свои рассказы Туган-Барановской. Очень приятна, смесь либеральной интеллигентности с аристократизмом. <...>

Масло фунт уже 160 р., хлеб можно доставать за 90 <р.> фунт».

Дневники. Т. 1. С. 289.

См.: 2 августа (20 июля) 1919.

Август, 4 (Июль, 22). К Буниным заходят в разное время И.Ф.Шмидт, Н.П.Кондаков, А.М.Федоров, г-жа Розенталь; обсуждают слухи об эвакуации большевиков из Одессы. Бунин встречается с В.Н.Малянтовичем.

Бунин записывает в дневнике: «На базаре еще более пусто и еще более дорого. Прекрасное утро. Прочитав “Известия” на столбе, встретил Ив.Фед.Шмидта. Он зашел ко мне. <...>

Как отвыкли все писать и получать письма!

Скучно ужасно, холера давит душу как туча. Ах, если бы хоть к чёрту на рога отсюда!»

Бунин в дневнике от 5 августа (23 июля) добавляет: «Вчера после трех пришел Кондаков, безнадежно говорил о будущем, не веря в прочность ни Колч<ака>, ни Деникина <...>. Потом пришел Федоров и г-жа Розенталь, — принесла весть об эвакуации большев<иков> из Одессы. <...>

Вчера виделся с Вл.Ник.Малянтовичем. Противный, самоуверенный и такой, что все как с гуся вода, точно мы сидели с ним не в 19, а в 14, 10-ом году — также либерально боится больше всего евр<ейских> погромов».

РАЛ. MS. 1066/516.

Август, 5 (Июль, 23). Днем Бунин в городе пытается узнать о политической обстановке.

Бунин в дневнике отмечает: «<...> никакой видимой перемены, все буднично. А меж тем вчера, как никогда, была уверенность, что нынче должна быть перемена непременно. <...>

4 ч. дня в городе. Читал приказы. Уныние снова. О проклятая жизнь!»

Дневники. Т. 1. С. 291–292.

Август, 6 (Июль, 24). Бунин читает роман И.А.Гончарова «Обрыв».

В дневнике он пишет: «На ночь опять читал “Обрыв”. Как длинно, как умно, крепко! А все-таки все это головой сделано. Скучно читать. И противно — эти Марки, это время, эти героини... Сколько типов культивировалось в подражание этому Марку! Даже и Горькие из него.

Нынче опять такой прекрасный день, жаркий на солнце, с прохладным ветерком в тени. Были с Верой в Театральном кр<ужке>».

РАЛ. MS. 1066/516.

Август, 7 (Июль, 25). Бунин возмущается политической ситуацией в России и позицией Запада по отношению к ней.

В дневнике он отмечает: «Во всех газетах все то же, что вчера. <...> Возвращаясь, чувствовал головокружение и так тянуло из пустого желудка, — от голода. В магазин заходил — хоть шаром покати! “Нечего есть!” — Это я все-таки в первый раз в жизни чувствую. Весь город голоден. <...>

Какая зверская дичь! “Невмешательство”! Такая огромная и богатейшая страна в руках дерущихся дикарей — и никто не смирит это животное!

Какая гнусность! <...> *все* с утра до вечера таскают воду, с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить, что сожрать. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все прихлопнуто, все издохло. Да, даром это не пройдет! <...>

Грабеж продолжается — гомерический. Ломбард — один ломбард — ограблен в Одессе на 38 милл. ценностями, т.е. по-теперешнему чуть не на ½ миллиарда!»

Дневники. Т. 1. С. 294–295.

Август, 8 (Июль, 26). Бунин раздражен отсутствием информации о событиях в мире.

Он записывает в дневнике: «Ужас подумать, что мы вот уже почти 4 месяца ровно ничего не знаем об европейских делах — и в какое время! — благодаря этому готтентотскому пленению! <...> Хлеб 150 р. фунт».

Дневники. Т. 1. С. 295.

Август, 9 (Июль, 27). Гуляя с В.Н.Муромцевой по городу, Бунина поражает вид встречающихся людей.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «<...> гулять по улицам тоже противно...

— Я не могу видеть их. Мне противна вся плоть их, человечина, как-то вся выступившая наружу, — говорит Ян теперь почти всегда, когда мы с ним идем по людным улицам».

Дневники. Т. 1. С. 296.

Август, 11 (Июль, 29). Бунин пытается встретиться с издателем О.Г.Зелюком.

В дневнике Бунин отмечает: «Был в Театральном, чтобы решить с Орестом Григор<ьевичем> Зеленюком об издании моих книг. Он занят. Видел много знакомых. <...>

Туча слухов».

Дневники. Т. 1. С. 299.

Август, 12 (Июль, 30). Утром Бунин встречается с А.А.Койранским.

Бунин в дневнике пишет: «Был утром у Койранского. Он пессимистичен. Уходя, встретил З. "Дайте сюда ваше ухо: 25-го!" И так твердо, что сбил меня с толку».

РАЛ. MS. 1066/516.

Август, 14 (1). Утром Бунин встречается с О.Г.Зелюком.

Бунин в дневнике записывает: «Вчера ночью опять думал чуть не со слезами — "какие ночи, какая луна, а ты сиди, не смей шаг сделать — почему?" Да, дьявол не издевался бы так, попади ему в лапы! <...>

Нынче утром был деловой разговор с этим Зелюником, что ли. Хочет взять "Господ<ина> из Сан-Фр<анциско>", все рассказы этой книги за гроши».

Дневники. Т. 1. С. 302.

Август, 15 (2). Бунин читает советские газеты и возмущается их содержанием.

В дневнике он пишет: «Вообще тон всех газет необыкновенно наглый, вызывающий, победоносный — решение "резко изменить настроение в Одессе" осуществляется. Цены падают, хлеб уже 15–13 р. ф., холера растет, воды по-прежнему нет, весь город продолжает таскать ее из тех колодцев, что есть во дворах некот<орых> домов. Буржуазии приказывается нынче явиться на учет, — после учета она вся будет отправлена на полевые работы. Угрожают, что через несколько дней будет обход домов и расстрел "на месте" тех буржуев, кои на этот учет не явились».

РАЛ. MS. 1066/516.

Август, 16 (3). Бунины в ожидании смены власти в Одессе. Бунин встречается с А.П.Марковским по поводу переводов своих рассказов на украинский язык, берет аванс за будущее издание их.

В дневнике от 17 (4) августа он пишет: «Вчера опять у всех уверенность, возбужденность — "скоро, скоро!", утверждения, что взят Херсон, Николаев. <...> Вчера зашли с Верой в архиерейск<ую> церковь — опять почти восторгом охватило пенье, поклоны друг другу священнослужителей, мир всего того, м<ожет> б<ыть>, младенческого, бедного с высшей точки зрения, но все же прекрасного, что отложилось в грязной и низменно-скотск<ой> человеч<еской> жизни, мир, где утешается как будто кем-то всякое земное страдание, мир истовости, чистоты, пристойности...»

Бунин в дневнике от 19 (6) августа добавляет: «В субботу 3-го взял в "Дніпросоюзе" восемь тысяч авансом за право перевести некот<орые> мои рассказы на малорусский язык. Решение этого дела зависело от Алексея Павловича Марковского, с ним я и виделся по этому поводу».

РАЛ. MS. 1066/516.

Выходил ли данный сборник рассказов Бунина на украинском языке установить не удалось.

Август, 17 (4). Бунин читает советскую газету «Борьба».

В дневнике он отмечает: «Нынче опять один из тех многочисл<енных> за последние месяцы дней, который хочется как-нибудь истратить поскорее на ерунду — на бритье, уборку стола, франц<узский> язык и т.д. Конечно, все время сидит где-то внутри надежда на что-то, а когда одолевает волна безнадежности и горя, ждешь, что может быть Бог чем-нибудь вознаградит за эту боль, но преобладающее — все же боль. <...> А газета (читал только "Борьбу") ужасна — о как изболело сердце от этой скотской грубости! Опять свирепые угрозы — "Красный террор, массовое уничтожение всех подлых гадин, врагов революции должно стать фактом!" — точно этого факта еще нет!»

Дневники. Т. 1. С. 303–304.

Август, 20 (7). Бунины голодают.

В дневнике Бунин отмечает: «Погода райская, с признаками осени. От мерзкого питания худею, живот пучит, по ночам просыпаюсь с бьющимся сердцем, со страхом и тоской. <...>

Грабеж идет чудовищный: раздают что попало. Служащим-коммунистам — чай, кофе, какао, кожи, вино и т.д. <...>

Летал гидроаэроплан, разбрасывал прокламации Деник<ина>. Некоторые читали, рассказать не умеют».

РАЛ. MS. 1066/516.

Август, 22 (9). Бунин узнает, что войска А.И.Деникина на подходе к Одессе. Большевики спешно покидают город.

Бунин в дневнике пишет: «По перехвач<енному> радио белых они будто бы уже в 30–40 верстах от Одессы. Господи, да неужели это наконец будет!».

Дневники. Т. 1. С. 305–306.

23 (10) августа 1919 г. в Одессу высаживается белогвардейский десант корпуса генерала Н.Н.Шиллинга.

Август, 24 (11). Бунины встречают добровольческую армию, которая утром занимает Одессу.

В.Н.Муромцева в дневнике записывает: «Сегодня утром я проснулась от пушечной пальбы. Было 6 часов утра. Ян уже не спал, мы мигом оделись. Когда пальба прекратилась, Ян исчез. Он был в соборе, и при нем вынесли из алтаря Георгиевское знамя.

Я вышла на базар. Цены на все очень поднялись. Потом мы с Яном встречали на Херсонской въезжавшие автомобили с добровольцами: масса цветов, единодушное ура, многие плакали. Лица у добровольцев утомленные, но хорошие.

5 ч. 30 м. дня. Опять пальба.

Красный балаган окончен, все звезды сняты <...>.

Полтора часа идет бомбардировка. Говорят, засела на Чумке кучка большевиков. В порту начался десант, вот они и палят».

Дневники. Т. 1. С. 307.

Одесская газета «Единая Русь» (26 (13) августа (№ 1). С. 2) в информационной заметке «Русские войска в Одессе» (без подписи) сообщает: «Позавчера утром русские войска, высадившиеся на черноморском побережье в районе Люстдорфа, вступили в Одессу. <...> К двенадцати часам дня весь город был осмотрен десантными

войсками. <...> К вечеру в городе были сняты почти все коммунистические вывески и плакаты, и город принял нормальный вид».

Август, 25 (12). Бунины планируют уезжать из Одессы.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Мы решили уехать из Одессы, при первой возможности, но куда — еще не знаем. Власть еще не укрепилась. Нужно подождать, оглядеться».

Дневники. Т. 1. С. 307.

Август, 26 (13). Бунин знакомится с Апухтиным, который приглашает его в агитационный отдел при Добровольческой армии.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Познакомились с Апухтиным, который приехал сюда в качестве товарища министра печати. <...> Он организовывает агитационный отдел при добровольческой армии. <...> Приглашают Яна. Ян был у Апухтина и находит его несведущим в литературе человеком».

Дневники. Т. 1. С. 308.

Август, 30 (17). Бунин приходит в собор, присутствует на параде войск Добровольческой армии, там знакомится с генералом Н.Н.Шиллингом, встречается с В.Брянским. Бунины размышляют об отъезде из Одессы.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Панихида, молебен в соборе и парад на площади. Я, к сожалению, не была. Ян же был. Ян рассказывает, что за панихидой молятся отдельно о болярииах Лавре, Михаиле и Сергии — Корнилове, Алексееве и, вероятно, Духонине. За молебном многая лета провозглашали "верховному правителю державы Российской благоверному болярину Александру" (Колчаку).

На площади Шиллинг <...>.

Ян на площади подошел к нему. Около него оказался Воля Брянский, который их познакомил. Воля, кажется, в высоких чинах.

Ян говорит, что физически было приятно видеть такой порядок. Играли все время Преображенский марш. Я никогда не думала, что Ян может находиться в таком патриотическом настроении. Он весь горит.

Мы часто заводим речь о будущем. И не можем решиться. Отправляться ли в Крым или заграницу, или оставаться здесь. Здесь очень приелось, а удастся ли нам устроиться в Крыму? <...> Я думаю, что Яну пора писать, тут он <больше>, чем в какой другой области сделать может».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

Лето. Бунин пишет статью «Андре Шенье». Авторская дата: «Одесса, лето 1919 г.»

См.: Возрождение. Париж, 1926. 20 февраля (№ 263). С. 2.

Август, 30 (17) — Сентябрь, 1 (Август, 19). В Одессе Добровольческая армия основывает газету «Южное слово». Каждый день идут организационные заседания, на которых присутствует Бунин.

См.: 2 сентября (20 августа) 1919.

Сентябрь, 2 (Август, 20). Бунин присутствует на редакционном заседании, на котором обсуждаются размеры гонораров за материалы для газеты «Южное слово».

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Последние дни Ян очень волновался из-за газеты, которую основывает Добровольческая армия. Три дня сряду были заседания. Наконец, сговорились. Редактором будет Дм.Ник.Ов<сянико>-Куликовский, сначала резко против него восставал Койранский, но потом Ян уладил, поговорив со всеми отдельно, убедив каждого, что для газеты очень важно вступление Дм.Ник.<Овсянико-Куликовского>. Все сговорились, почти все стали заведующими отделов. Сегодня обсуждались гонорары. <...> Ян ушел с заседания, так как он в редакцию не вошел и счел для себя неудобным присутствовать при обсуждении этого вопроса».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

Сентябрь, 3 (Август, 21). Бунин обращается в открытке к А.А.Кипену с просьбой о сотрудничестве в новой газете «Южное слово».

Письма (2). С. 408.

См.: 19 (6) октября 1919.

В Москве арестован Ю.А.Бунин.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике 4 сентября (22 августа): «Вчерашний день принес много тревог. Арестован Ю.А. <Бунин>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/4 оф, л. 113.

Сентябрь, 5 (Август, 23). К Бунину приходит В.П.Катаев, который читает свои стихотворения. Бунин высказывает свое мнение о них, а также о стихотворениях М.А.Волошина. Вечером к Буниным приходят Розенталь, А.А.Кипен, В.О.Недзельский.

В.Н.Муромцева в дневнике от 6 сентября (24 августа) пишет: «Вчера был Валя Катаев. Читал стихи. Он сделал успехи. Но все же самомнение его во много раз больше его таланта. Ян долго говорил с ним и говорил хорошо, браня и наставляя, советовал переменить жизнь, стать выше в нравственном отношении, но мне все казалось, что до сердца Вали его слова не доходили. <...> Ян говорил ему: "Вы — злы, завистливы, честолюбивы". Советовал ему переменить город, общество, заняться самообразованием. Валя не обижался, но не чувствовалось, что он всем этим проникается. <...> Ян ему говорил: "Ведь если я с вами говорю после всего того, что вы натворили, то, значит, у меня пересиливает к вам чувство хорошее, ведь с Карменом я теперь не кланяюсь и не буду кланяться. Раз вы поэт, вы еще более должны быть строги к себе". Упрекал Ян его и за словесность в стихах: "Вы все такие словесники, что просто ужас".

Валя ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое, настоящее. "Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты". <...>

Вечером были Розенталь, Кипен, Недзельский».

Дневники. Т. 1. С. 310–312.

Сентябрь, 6 (Август, 24). В Москве Ю.А.Бунина отпускают из заключения.

Н.А.Пушешников отмечает в дневнике: «Из тюрьмы выпущен Ю.Алек. <Бунин>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 7456/5 оф, л.37.

Сентябрь, до 8 (Август, до 26). Выходит книга «Смерть Моисея» (Одесса: Книгоиздательство «Южнорусская универсальная библиотека», 1919. 80 с. № 1).

Содержание: Смерть Моисея, Братья, Крик.

Бунин в Одессе. С . 118.

Сентябрь, 9 (Август, 27). В Одессе выходит № 1 ежедневной газеты «Южное слово»; редактор академик Д.Н.Овсянико-Куликовский; издатель Н.К.Клименко.

Сентябрь, 11 (Август, 29). Бунин начинает писать лекцию «Великий дурман».

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Не знаю, будет ли Ян читать лекцию или нет. Но то, что он написал насчет "милосердия", меня очень радует. Дай Бог, чтобы он шел по этому пути и увлек бы других. Я всегда думала, что в жизни, на словах, он гораздо односторонней, чем тогда, когда он творит, тут раздражение, мелочность — все куда-то уходит. Зная, что он перенес за время большевизма, я очень боялась, что он не станет писать. А теперь я покойна. Он нашел ноту».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

Сентябрь, 12 (Август, 30). Бунин пишет стихотворение «Потерянный рай» («У райской запретной стены...»). Авторская дата: «12.IX.1919».

СС (*Петр*). Т. 8. С. 198.

См.: 5 октября (22 сентября) 1919, третья запись.

Бунин выступает со «словом к моменту» в зале Одесской биржи на концерте Одесского отделения Отдела пропаганды под лозунгом «Единая, великая и неделимая Русь».

По всей видимости, Бунин прочел свою статью «Не могу говорить». См.: 27 (14) марта 1919; 2 апреля (20 марта) 1919.

Газета «Южное слово» (10 сентября (28 августа) (№ 2). С. 4) в информационной заметке «Интересный концерт» (без подписи) сообщает: «В пятницу, 30 августа, в зале Одесской биржи состоится интересный концерт. Вся программа объединена лозунгом: "Единая, великая и неделимая Русь", а сбор с концерта пойдет на цели агитации и пропаганды. Успех концерта обеспечен участием акад. И.А.Бунина, Е.А.Полевицкой, П.И.Цесевича, С.Залевского и других выдающихся литературных и артистических сил».

14 (1) сентября газета «Южное слово» (№ 6. С. 4) публикует отчетную статью А.Январского «Концерт Отдела пропаганды». Подпись: А.Янв-ий. Журналист пишет: «<...> Огромное впечатление произвело на слушателей "слово к моменту", произнесенное академиком И.А.Буниным. Слово, читанное академиком, было написано пять месяцев тому назад — до прихода большевиков в Одессу. Но за этот срок оно не потеряло своей исключительной яркости и с тем же, если не с большим, успехом может и должно быть отнесено к настоящему моменту, ибо эти месяцы, "эти стократ окаянные месяцы" не уменьшили, а только во сто крат усилили проклятия и благословения, произнесенные нашим славным современником, "Божьей милостью не последним сыном своей родины", с большою силою и экспрессией».

16 (3) сентября в «Южном слове» (№ 8. С. 4) помещается «Письмо в редакцию» К.Зубановского: «Не откажите через посредство Вашей уважаемой газеты поблагодарить артистов, артисток и писателей, любезно принявших участие в концерте

30 августа, устроенном Одесским отделением Отдела пропаганды. Искреннее отношение гг. Е.А.Полевицкой, И.А.Бунина, П.И.Цесевича, А.М.Федорова, С.С.Залевского, М.С.Куржиямского, В.В.Черневского и А.А.Коршона, ярко указывает на их патриотическое чувство, сознание глубины момента и значения пропаганды в строительстве Великой Единой и Неделимой России!»

Сентябрь, 17 (4). С.А.Кречетов (Соколов) пишет Бунину из Ростова-на-Дону:

«Я сейчас в Ростове — редактором Литер<атурного> Пресс-бюро Отдела пропаганды, которое снабжает все дружественные Добрармии газеты литературно-политическим материалом на циркулярных началах.

Кроме того, я являюсь редактором нового ежемесячника "Орфей" (частное издание). <...> Очень прошу Вас принять в нем участие и со всевозможной скоростью прислать для него нечто. Очень прошу о рассказе и вместе с тем о стихах. Надеюсь, что стихи Вы не откажете отправить немедленно. Гонорар для Вас — максимальный, что "Орфей" может дать: за стихи 8 рублей, за рассказ 5 рублей за строчку (строчка по размеру небольшая — букв 33–35).

У нас с Одесским Освагом есть постоянные сношения и потому направьте материал через нач<альника> одесского отделения Освага полк<овника> Апухтина, – он всегда перешлет пакет. <...> Очень прошу также: сообщите литературным людям об "Орфее" и просите направлять мне материал».

РАЛ. MS. 1066/3364.

В одесской газете «Южное слово» (№ 9. С. 1) помещается объявление о лекции Бунина «Великий дурман»:

«Химическая аудитория Университета. Херсонская ул., д. 27. В воскресенье 8 сентября <ст. ст.> 1919 г. в 5 часов дня состоится лекция академика И.А.Бунина на тему "Великий дурман". Цена билета 10 и 5 руб.».

Данное объявление печатается в каждом номере газеты до дня выступления Бунина.

Сентябрь, 20 (7). Бунин заканчивает писать «Великий дурман».

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Ян целый день писал свою лекцию "Великий дурман"».

Дневники. Т. 1. С. 315.

Сентябрь, 21 (8). В 5 часов дня в Химической аудитории Новороссийского университета (ул. Херсонская, д. 27) Бунин читает лекцию «Великий дурман».

В своей лекции Бунин рассказывает о своих впечатлениях и наблюдениях во время жизни в деревне летом 1917 г., пережитых революционных событиях в Москве в 1917–1918 гг.

Бунин, в частности, говорит: «В голове у меня туман от прочитанных за день газет, от речей, призывов и восклицаний всех этих смехотворных и жутких Керенских. И я думаю: "Нет, большевики-то поумнее будут. Они недаром все наглеют и наглеют. Они знают свою публику!" <...>

Да, большую роль играет в человеческих делах и простая человеческая ограниченность, умственная скудость, слабость внимания, логики, наблюдательности, вялость и распущенность мысли, поминутно не доводящей

своего дела до конца, — этим последним мы, народ сугубо эмоциональный, особенно страдаем.

Но помимо всех этих качеств, равно как и многих других, низких и корыстных, есть и другие тяжкие грехи на всех тех, что вольно и невольно содействовали всему тому кровавому безобразию и ужасу, среди которых мы живем уже третий год: отрешенность от живой действительности, незнание ее и даже *нежелание* знать ее. <...>

Думали и твердили все поголовно, с детской восторженностью, в начале марта семнадцатого года: “Чудо, великое чудо! Бескровная революция! Старое, насквозь сгнившее рухнуло — и без возврата!”

Что? Богоносец? Чудо? Бескровная?

Трезвый “богоносец” сотворил такое бескровное чудо, перед которым померкли все чудеса, сотворенные им во хмелю. Толки о чуде оказались чудовищными по своей легкомысленности и недальновидности. Да и насчет старого ошиблись. Старое повторилось чуть ли не йота в йоту, только в размерах, в нелепости, в кровавости, в бессовестности и пошлости еще неслыханных. Нет, “не прошла еще древняя Русь”! Я утверждал это упрямо в свое время, утверждаю и теперь, — увы, с еще большим правом. <...>

Случилось то, чему не подберешь имени. И это случившееся можно было предугадать, и мы его не предугадали, да и не желали предугадывать. <...>

Случилось то, что должно было случиться в стране полудикой, полуазиатской, и уж если употреблять это вульгарное слово “большевизм”, то случился именно большевизм, которым не только продолжалось, но и началось дело. Еще в семнадцатом году сказал генерал Деникин, что налицо форменное помешательство народа, что армии уже нет, что она вконец разложена Временным правительством. <...> Мы не с октября, а с самого марта семнадцатого года пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане злом, диком и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на этот раз нелепостями чудовищными. И дурман этот еще длится, и человек, более или менее не поддавшийся ему, поминутно с ужасом и с изумлением протирает глаза. Кровь продолжает течь реками, — нелепейшая в мировой истории, колоссальная война между русскими, между двумя огромными русскими армиями <...> еще в полном разгаре... <...> А социалистический конгресс, недавно заседавший в Люцерне во главе с нашим Церетели, царственно постановил, что “вмешательство во внутренние дела России” недопустимо ни в каком случае... Что это такое? Что за сумасшедший сон среди белого дня? <...>

Бог мой, что было бы наконец с нашими душами, с нашим разумом, если бы не стало проглядывать небо среди этой дурманной мглы!»

См.: 30 (17) ноября 1919; 7 декабря (24 ноября) 1919; 13 декабря (30 ноября) 1919; Родное слово. Одесса, 1920. 30 января (№ 4).

В одесской газете «Южное слово» (21 (8) сент. (№ 13). С. 4) в информационной заметке «К лекции академика И.А.Бунина» (без подписи) говорится: «Акад. И.А.Бунин любезно познакомил нас в общих чертах с содержанием своей лекции, которую он

прочтет сегодня в университетской химической лаборатории. Он намерен нарисовать ряд картин русской жизни перед революцией и во время революционного развала. Ему хочется показать дикий контраст между действительностью и тем, как рисуют ее защитники революционного переворота. Он считает необходимым призывать теперь к подлинной жизни, к освобождению от “великого дурмана”».

См. также объявления о лекции в одесской газете «Единая Русь» (19 (6) сент. (№ 21). С. 1; 21 (8) сент. (№ 23). С. 1).

На следующий день «Южное слово» (22 (9) сент. (№ 14). С. 2) в отчетной заметке «Лекция академика И.А.Бунина» (без подписи) сообщало: «Вчера в химической аудитории университета академик И.А.Бунин прочел лекцию на тему “Великий дурман”, посвященную большевизму.

В своей лекции И.А. подробно ознакомил аудиторию со своею точкою зрения на основные национальные черты русского народа, привел весьма образную характеристику ряда моментов русской истории, находя много общего между древнею Русью и переживаемым нами большевизмом.

Многочисленная аудитория внимательно слушала академика и наградила его продолжительными аплодисментами».

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Я никогда так не волновалась, как сегодня. Только что прослушала “Великий дурман”. Впечатление сильное. <...>

Ян совсем охрип после лекции. Он не сообразил, что читать дважды ее ему будет очень трудно. Кроме того, он так увлекся, что забыл сделать перерыв, и так овладел вниманием публики, что три часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала. У него новый талант открылся держать внимание слушателей. Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы. Много народу подходило ко мне и поздравляло: <...> Очень восхищалась Л., но больше всех Ник<одим> Пав<лович> Кондаков: “Ив<ан> Ал<ексеевич> — выше всех писателей, сударыня, это такая смелость, это такая правда! Это замечательно! Это исторический день!” А у самого слезы на глазах. Он меня очень растрогал. Настрадался, значит, при товарищах! И многие, многие подходили и говорили какие-то слова. А я? Я была не вполне удовлетворена, что-то мне не нравится. Ян хочет кое-что выпустить».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

В Одессе член совета, управляющего Отделом пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России выдает Бунину удостоверение-пропуск для служебных поездок в Ростов-на-Дону и другие города.

РАЛ. MS. 1066/1250.

Сентябрь, 23 (10). Студентка В.Голишевская пишет Бунину о своем впечатлении от его лекции «Великий дурман»:

«От всей души, потрясенной и взволнованной приношу Вам глубокую, горячую благодарность за слово правды, с такой силой, так непривычно-открыто, беспощадно, по совести сказанное! Мы ведь — русское общество — так привыкли к замалчиваниям, демагогической тенденциозности в освещении фактов, политиканству, недостатку мужества для того, чтобы посмотреть

правде в глаза и высказать ее, не оглядываясь опасливо по сторонам. Так было всегда, а за последние 2 ½ года особенно стало привычным.

Чудовищные ложь и обман, лицемерие и кривлянье даже перед собою, шарлатанство и спекуляция словами и лозунгами, кажется, окончательно воцарились в жизни, и в этих потемках бродит изолгавшийся, опустившийся русский интеллигент, потерявший совсем чутье к правде, с прежним легкомыслием и близорукостью повторяющий затверженные фразы, отрывочные идеи и пункты партийных программ. <...>

Но я не знала, что на языке человеческом найдутся такие сильные, беспощадные, бичующие слова для обличения наших язв, что сила Божьего дара дает возможность набросать такую потрясающую картину! Лучом яркого света в наши лживые дни была Ваша лекция. И отрадно было сознавать, что обличающее слово говорит человек, действующий на внимание и совесть слушателей не только силой своего таланта, но и всей силой своего авторитета. Совесть эта спит в летаргии, ум отравлен, подавлен дурманом. Будить надо эту интеллигентскую совесть громко, резко, чтобы разбудить, вернуть к сознанию. Будите же, открывайте глаза ослепшим, “глаголом жгите сердца людей” <...>.

P.S. Неужели ваша лекция не будет отпечатана отдельной брошюрой? Ведь она должна получить самое широкое расространение».

РАЛ. MS. 1066/2826.

В одесской газете «Грядущий день» (№ 4. С. 3) печатается статья П.С.Юшкевича «Революция перед судом художника. (На лекции Бунина)».

Критик пишет: «Если поверить акад. Бунину, то все случившееся за последние два года произошло потому, что русское общество недостаточно прислушивалось к голосу автора “Деревни”. Интеллигенция составила себе фальшивое представление о народе, нисколько не соответствующее действительности. Исходя из этого образа сусально-пряничного мужика, последний аптекарский ученик, никогда не бывавший в деревне, позволял себе обвинять Бунина в поклепе на народ, в нарочито одностороннем изображении его. <...>

Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно “упрямо говорил” о своем знании народа, как единственно правильном, забыв и чеховские образы мужиков, и замечательные наблюдения Гарина-Михайловского (относящиеся к началу 80-х годов), и недооценив изумительное творчество Г.Успенского, в котором собственно дано — и с каким мастерством и силой, с какой широтой охвата! — все то, что развивал потом на новом материале Бунин, но в котором сказано о мужике и многое такое, чего нет в диком, сухом, насквозь желчном бытописании Бунина.

<...> Самодержавие было беременно революцией, и последняя была не предотвратима. И если бы публицист Бунин был меньше занят мыслями о правоте Бунина, бытописателя деревни, и если бы, оставив цитаты из Олеариев, Крижаничей и других авторов о порочности русского народа, он постарался серьезнее разобраться в происшедшем, то он не ограничился бы нанизыванием фактов тупости, дикости

и зверства, совершенных за эти годы колоссального переворота. Ведь эта работа, которую может произвести любой мелкий хроникер, и она всегда будет потрясать красноречием живой жизни. Важно было бы разобраться, почему это он, Бунин, только и находит, что хулу на революцию, а вот значительная часть интеллигенции — "меньшевики всех мастей", как выражался одномастный в своей желчности лектор, — и осуждая все ужасы революции, не произносит над ней обвинительного приговора.

Если бы в Бунине говорил не литератор, сводящий на трупе революции свои какие-то художественные счеты с "литературным басом" Горьким, В.Ивановым, Блоком и др., и если бы он умел вдумчиво отнестись к совершившемуся, то он бы понял, что "меньшевики всех мастей" страдают не каким-то дефектом мысли, что в них говорит не фетишизм революции, а то основное завоевание исторической мысли 19 в., которое грубо можно выразить словами Гегеля о разумности всего действительного. В таком огромном, мирового значения, факте, как российская революция, должен быть свой "разум", свой смысл, и он, конечно, не откроется тому, кто, нарядившись в одеяние пророка, будет, однако, подходить к истории с пониманием и мерилом уголовного репортера...

Бунин издевался над теми полузащитниками революции, которые, признавая совершенные ею злодеяния, находят каждый что-нибудь ценное в ней: "а все-таки", говорят они.

А все-таки, уважаемый академик, они более правы, чем Вы, ничего не увидевший в революции, кроме грабежа и разбоя титанических размеров.

Может быть, их попытки осмыслить хаос революции и смешны и бессильны — ведь потребуются десятилетия и десятилетия научной работы, чтоб сделать это более или менее удовлетворительно, — но у них заметно все же здоровое чувство исторического, которого лишены как раз вульгарные хулители революции, хотя бы они себе приписывали дар прозорливцев и уверяли, что все случившееся произошло, "да сбудется реченное Буниным".

Бунин действительно "рек" — в стихах и прозе — много очень ценного, — хотя, разумеется, было бы лучше, если бы он предоставил об этом говорить другим, а не распространялся так много на эту тему сам. Но Бунин — художник — одно, а Бунин публицистический обличитель революции — другое. И это другое — увы! — не высоко ставит его над уровнем обывательской массы, не говоря уже об уровне так легковесно оцениваемых им событий...».

В одесской газете «Единая Русь» (№ 24. С. 4) помещается статья «"Великий дурман". (Лекция И.Бунина)». Подпись: Г.В.

Обозреватель пишет: «И.Бунин, автор знаменитых деревенских картин, в которых предвидел физиономию будущих строителей революции, имел возможность на своей лекции вдоволь отомстить за те нападки, которые делались в свое время критикой при выпуске им своих бытописаний о деревне.

В целом ряде мучительных иллюстраций Бунин нарисовал мрачную картину жестокого русского бунта, бессмысленного издевательства над человеческим достоинством, над человеческой личностью. Великий дурман, великий балаган — русская революция и строители этой революции — русский народ. <...>

Огромную часть вины за революцию И.Бунин возлагает на русскую литературу, которая опозорилась, став большевистской еще до большевиков своим постоянным маниакальным долблением о социализме, о народе. Почему все для народа, а не для человека? — спрашивает Бунин. Врала литература, говорит он, невежественная и безграмотная, не знавшая народа и не желавшая знать истины о нем, и сейчас в этом ужасе, который поражает весь мир, она не перестает еще видеть проявления чего-то живого и здорового.

"Да воскреснет Бог, и да расточатся врази его" — так заканчивает свою лекцию знаменитый художник».

В одесской газете «Южное слово» (№ 15. С. 3) публикуется статья А.Иванова «Великий дурман» о лекции Бунина.

Журналист пишет: «И.А.Бунин избрал предметом своей лекции анализ русской революции. Он все свое внимание сосредоточил на этой, увы, еще не изжитой полосе русской жизни и, главным образом, на бытовом и психологическом анализе сермяжного россиянина — основного героя творимой революции, великого, по определению лектора, — дурмана. <...>

Лектор оговаривается, что ему самому тяжелы его жестокие характеристики; но во имя торжества правды это нужно делать. <...>

В своем анализе и оценке русской революции лектор останавливается, главным образом, на тех моментах, в которых отрицательные свойства россиянина сказались с особою силою и полнотой.

К сожалению, в краткой газетной заметке мы лишены возможности воспроизвести многочисленные картины нашего революционного быта, выхваченные из самой жизни и зарисованные И.А.Буниным с чрезвычайной, быть может, ему одному свойственной, яркостью и колоритностью.

В этих кратких рассказах И.А.Бунин вновь вырастает во весь свой исполинский рост великого художника слова.

Вскрывая, как беспощадный хирург, отрицательные свойства российского демоса и интеллигенции, лектор почти не касался отличительных свойств, коими наделены другие классы <...>.

Лекция академика, ввиду успеха, сопровождавшего первую лекцию, будет в ближайшие дни повторена».

Сентябрь, 24 (11). В одесской газете «Южное слово» (№ 16. С. 1) помещается объявление издательства «Русская культура», в котором, в частности, сообщается о подготовке серии книг под редакцией Бунина.

«Издательство на паях "Русская культура" (Одесса, Пушкинская, 11, кв. 3) поставившее себе основной задачей — всемерную поддержку Добровольческой армии, приступило к изданию: <...> систематической библиотеки художественно-литературных произведений, принадлежащих лучшим русским и европейским писателям, способных возбудить любовь к Родине и породить могучий патриотический подъем, так необходимый в наши дни; редакторы — академик И.А.Бунин, академик Д.Н.Овсянико-Куликовский и А.М.Федоров. <...> Заведующий издательством Н.К.Клименко».

Данное объявление регулярно печатается в «Южном слове», а также в газете «Единая Русь».

Сентябрь, 25 (12). В газете «Одесский листок» (№ 116. С. 4) помещается статья Б.С.Вальбе «“Великий дурман”. (Из лекции И.А.Бунина)».

Обозреватель пишет: «Из современных “классиков” русского художественного слова И.А.Бунин до сих пор оставался чистым художником, не вторгаясь в публицистику, не соприкасаясь с чисто политическими запросами. <...>

Как же переломилась русская революция во “внутреннем мире” нашего художника?

В своей лекции “Великий дурман” Бунин дал художественно-публицистический ответ на этот вопрос.

– “Художественно-публицистический”, – ибо это была лекция, иллюстрированная художественными образами и поэтическим лиризмом.

Проникнутая местами большим пафосом проповедника, человека определенного лагеря, она вместе с тем была именно лекцией поэта, мечтателя.

Но в общем это был суровый до жестокости обвинительный акт против русского народа, против русской интеллигенции, горький смех над ее мечтаниями и идеалами. Все время слушатель Бунина чувствовал себя как при чтении “жестокого” романа Достоевского или бунинской “Деревни” и “Ночного разговора”. Когда эта лекция будет напечатана, она вызовет большое “столкновение мнений”, как пресловутые “Вехи” и др. прокурорские книги. <...>

Бунин, конечно, не политик, не социолог, а только поэт и художник. Его образы проникнуты большой правдой, но их социологическое значение раскроет нам кто-то иной, во всяком случае, не Бунин.

<...> И слушая проклятия И.А.Бунина по адресу осмеянной им “великой русской революции”, мне почему-то вспоминались глубоко волнующие слова из “Дневника” А.И.Шингарева. Описывая свои трагические страдания в тюремном заключении, тоску о своих детях, мученик депутат заканчивает, что, несмотря на свои мучения, он все же благословляет революцию, и проклинает старый порядок. Двумя правдами — правдой Шингарева и не меньшей правдой Бунина встает пред нами наша трагическая современность. И только великий синтез будущего, очищенный от трагедии и мученичества настоящего, даст одну правду, правду вечного развития, радости жизни и ее достижений».

Сентябрь, 27 (14). В одесской газете «Южное слово» (№ 19) публикуются произведения Бунина и заметка о нем:

— стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Молодость”»: 1. «Ландыш» («В голых рощах веял холод...»), 2. «Накануне» («Мы рядом шли, но на меня...»), 3. «Первый соловей» («Тает, сияет луна в облаках...»), 4. «Рассвет» («Ранний, чуть видный рассвет...»), 5. «Глупое горе» («Тихой ночью поздний месяц вышел...») (с. 2).

– информационная заметка «Повторение лекции И.А.Бунина». Без подписи (с. 4).

В заметке сообщается: «Отдел пропаганды в ближайшие дни устраивает повторение лекции академика И.А.Бунина на тему “Великий дурман”, прошедшую в последнее воскресенье с необычайным успехом.

Лекция академика привлекла всеобщее внимание в обществе и печати.

Содержание лекции, как нам известно, будет значительно расширено. Лектор предполагает ввести в свою лекцию еще более обширный бытовой материал, долженствующий иллюстрировать основные положения И.А.Бунина».

Сентябрь, 29 (16). З.П.Тулуб пишет Бунину из Киева о жизни под властью большевиков, об аресте отца и болезни матери, о своей вынужденной работе у большевиков «ради куска хлеба»:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич! Восемь месяцев тому назад написала я Вам свое последнее письмо, но разве это месяцы были! Долгие годы не могли бы так изломать, искалечить душу. Оплеванные, униженные, под ежеминутным страхом смерти жили мы все это время, и казалось, что никогда не придет освобождение. <...> Я ничего не читала, боялась читать, чтобы не растравлять даром душу, я спрятала даже Ваши книги, потому что это было слишком мучительно. Я презирала себя за свою работу, за эту красную звезду, которую нас заставили носить под страхом предания суду, я знала, что Вы не протянули бы мне руки, увидев меня с нею. И больше всего в мире боялась я, что кто-нибудь напишет Вам об этом. <...> Поэтому я и пишу Вам об этом сама, рассказываю все, как было, чтобы прямо посмотреть Вам в глаза при встрече. Потому что Ваше мнение обо мне дороже мне всего на свете.

Теперь мы свободны. <...> Я еще не могу писать — слишком устала душевно, но душа понемногу оживает. Напишите мне, дорогой учитель, это будет для меня такой радостью, таким праздником. И скажите, что не осуждаете меня за службу у большевиков. Это даст мне бодрость и силу писать. <...> И еще — если есть какие-либо журналы, или альманахи в проекте, где бы меня могли напечатать, — напишите. <...>»

РАЛ. MS. 1066/5690.

В ростовской газете «Русская мысль» (№ 33. С. 2) печатается стихотворение «Плоты» («С востока дует холодом, — чернеет зыбь реки...») с подзаголовком «Из цикла “Русь”».

Октябрь, 1 (Сентябрь, 18). В одесской газете «Южное слово» (№ 22. С. 3) помещается объявление о втором чтении лекции «Великий дурман»:

«В пятницу, 20 сентября, в Химической аудитории университета состоится повторная лекция акад. И.А.Бунина на тему “Великий дурман”. Программа этой лекции значительно писателем расширена по сравнению с предыдущей, увеличен литературно-художественный материал».

Данное объявление печатается также в следующих двух номерах газеты. См. подобное объявление в газете «Единая Русь» (1 окт. (18 сент.) (№ 30). С. 4), в котором имеется уточнение: «В виду громадного наплыва публики, в день лекции будут при входе в аудиторию продаваться входные билеты, число которых, впрочем, ограничено».

Октябрь, 3 (Сентябрь, 20). В Химической аудитории Новороссийского университета Бунин второй раз читает лекцию «Великий дурман».

Газета «Южное слово» (4 окт. (21 сент.) (№ 25). С. 3) в отчетной заметке «Лекция академика И.А.Бунина» (без подписи) сообщает: «Вчера в химической аудитории университета акад. И.А.Бунин вторично прочел свою лекцию “Великий дурман”, посвященную большевизму. Аудитория была переполнена. Все желающие послушать академика не могли попасть в аудиторию, и многим за отсутствием билетов пришлось отказаться от посещения лекции. Академик внес много нового весьма интересного материала в содержании своей лекции и имел чрезвычайный успех. Нам сообщают, что группа местной интеллигенции обратилась к академику с просьбой прочесть еще одну лекцию на ту же тему».

В.Н.Муромцева в дневнике 7 октября (24 сентября) отмечает: «20 сен<тября> Ян читал вторично “Великий дурман”. Публики было очень много. Не все желающие попали. Слушали опять очень хорошо. Ян читал лучше, с большим подъемом, чем первый раз. Конец очень хорошо написан. Но все же с некоторыми мелочами я не согласна. Мне хотелось бы, чтобы меньше было личного».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

В газете «Одесский листок» (№ 122. С. 1–2) печатается рецензия Б.С.Вальбе «Литературный дневник. (“Отчизна” — книга)».

Рецензент пишет: «Сборник “Отчизна”, выпущенный в Крыму накануне прихода большевиков своей внешностью и содержанием напоминает московские сборники “Слово”. <...>

Но самое значительное и интересное в чисто художественном смысле — это повести К.Тренева “Вихри” и “Неупиваемая чаша” Ив.Шмелева.

Теперь, как после революции 905 г. идут бесконечные вариации на тему “интеллигенция и народ”. Вот на днях Ив.Бунин в публичной лекции повторил с некоторым сгустком свою “Деревню” — этот суровый прокурорский протокол против русского народа. Но между 5 и 17 годами слышны были голоса не только Бунина и других писателей-дворян, так пессимистически оценивающих русский народ (сиречь, крестьянство).

Та социальная перегруппировка, которая совершалась за промежуток от первой до второй революции отняла у русской литературы ее “дворянское” преимущество. С одной стороны чисто городская литература, имеющая большое будущее, с другой стороны в “деревенской” литературе раздались новые недворянские и неразночинские голоса.

Тут не было трагической антитезы “мы” и “они”.

Народ не рассматривался как страшный зверь (Бунин), и не как “богоносец”, “народушко”. Без дворянского минора и народнической идеализации писала о народе группа, связанная с именами Шмелева, Тренева, Никандрова и др. <...>

“Неупиваемая чаша” Ив.Шмелева — это повесть о крепостном человеке Илье Шаронове, ставшем художником милости Божией. Есть что-то бунинское в этой новой повести Шмелева и по сюжету, и по необычной для Шмелева торжественности стиля. Но какая разница в общем ощущении этих двух художников. В “Неупиваемой чаше” нет бунинского и вообще “дворянского” сокрушения духа. Шмелев — тут прежде всего художник радости, большой человеколюбец, весь погруженный в народ. <...> Сборник открывается “Путевой книгой” Бунина — стихами, преис-

полненными тонкого философско-элегического аромата, свойственного бунинским стихам».

Октябрь, 5 (Сентябрь, 22). Т.Л.Щепкина-Куперник пишет Буниным из Ялты:

«Дорогие друзья — иным словом не могу Вас назвать после общего горя нашей жизни в Одессе — хотела бы знать о Вас. <...> Когда и как мы увидимся — дал бы Бог, на родине! Целую Веру Ник. и жму руку Ив.Ал. — дайте знать о себе».

РАЛ. MS. 1066/5020.

В газете «Одесский листок» (№ 124. С. 1) помещается стихотворение «Скоморохи. Новая погудка» («Ах, ах, ах, ах!..»).

Новая редакция стихотворения «Скоморохи» («Веселые скоморохи...»). См.: до 4 февраля 1916.

В одесской газете «Южное слово» (№ 26) публикуются произведения Бунина:

— стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: 1. «Дорога» («Едем бором, черными лесами...»), 2. «Песня» («— Дай мне, бабка, зелий приворотных...»). 3. «У райской стены» («У райской запретной стены...»), 4. «Михаил» («Архангел в сияющих латах...») (с. 2).

— ответ на анкету о Добровольческой Армии (с. 4).

Бунин пишет: «Двух мнений о Добровольческой армии не только у нас, несчастных детей России, но и у всякого, кто в здравом уме и твердой памяти и сохранил в душе хоть искру человечности, быть не может. Я не в силах в нескольких словах достойно сказать об этой славнейшей и прекраснейшей странице всей русской летописи, искупившей весь библейский ужас так называемой “великой российской революции”, этой колоссальной кровавой “нелепице”, как называли подобные эпохи в древней Руси, когда умы еще не были запуганы иностранным словом революция. <...>

Спасение в нас самих, в возврате к Божьему образу и подобию, надежда — на тех, которые этого образа и подобия не утрачивали даже в самые черные дни, — которые, испив до дна весь ужас и всю горечь крестных путей, среди океана человеческой низости, среди звериного рева: “Распни Его и дай нам Варраву!” — перед лицом неслыханного разврата родной земли, встали и пошли жизнью и кровью своей спасать ее, и повели за собой лучших ее сынов, лучший цвет русской молодости, дабы звезда, впервые блеснувшая над темнотой и скорбью Ледяного похода, разгорелась все ярче и ярче — светом незакатным, путеводным и искупляющим несчастную, грешную Русь!»

См.: 7 октября (24 сентября) 1919, вторая запись.

Октябрь, 6 (Сентябрь, 23). В одесской газете «Народное слово» (№ 8. С. 4) печатается статья Н.Н.Петринского «“Великий дурман”. (Лекция И.А.Бунина)». Подпись: Н.П.

Журналист пишет: «Два раза академ. Бунин читал свою лекцию, и оба раза большая университетская аудитория была буквально переполнена. Яркий, красочный язык, выпуклые, художественные образы, местами тонкий юмор, а моментами —

высокий пафос — все заставляет слушателя без утомления сидеть в ужасающей духоте переполненной аудитории.

Лектора слушают, ему аплодируют, а после лекции о ней много говорят.

<...> Русская интеллигенция, и мистически настроенная, как В.Иванов, и строго государственная и позитивная, как Ф.Кокошкин, не понимала этой истинной сущности русской души, каковую так ясно видел г. Бунин. Мы не станем повторять отдельных выпадов лектора по адресу Керенского, Брешко-Брешковской и т.д.; не это нас интересует. Нам важно другое — к чему же зовет нас лектор, выступающий перед широкой массой в наиболее ответственный момент русской исторической жизни?

Безобразная тоска, острая злоба, обывательская жестокость — вот что пробуждается в слушателе красивым словом лектора, но нет того, в чем мы больше всего нуждаемся, нет истинной бодрости, нет великой любви к родине, к родному народу, нет активной воли к творчеству новой жизни, нет свежего нового слова, которое могло бы стать лозунгом, могло бы дать ту веру, которая горами двигает. Лектор не видит и не указывает никакого выхода.

Да, великий дурман охватил нас, но эта красочная лекция нисколько не рассеивает его. Кажется, что к прежнему дурману прибавился еще новый.

Неожиданно радостно встречают нас, подавленных лекцией, огромные плакаты, пестрящие в вестибюле университета: “Да здравствует всероссийское учредительное собрание!”».

Октябрь, до 7 (Сентябрь, до 24). Бунин перерабатывает стихотворение «Во полунощи» («В сосудах, тонких и прозрачных...»).

См.: 2 сентября 1915.

Граница события определена по времени публикации.

См.: 8 октября (25 сентября) 1919, первая запись.

Октябрь, 7 (Сентябрь, 24). И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Сегодня посылаю В<ам> телеграмму — от себя и С.Н.Серг<еева>-Ценского. Условия наши 10 руб. стр<ока> за очерки и рассказы и 5 р. за статьи <...>. Авансу просим по 3 т<ысячи>. По очерку пришлем в сам<ые> ближ<айшие> дни, стр<ок>, я думаю, по 300. Слыхал о Вас и тревожился. Слава Богу, живы. Многое пережили мы, многое. Мой сын в Закасп. обл., на бронепоезде “Партизан”. ½ года не имели вестей о нем, а он и до сих пор не знает, где мы и живы ли. Горячая просьба к Вам: если можете, посодействуйте о переводе его на ближний фронт. Он страдает нервными головными болями, последствие отравления газами на войне <...>. Помогите мне и матери. Мы истомились. Я ослабел, износился, живу на посл<едних> силах. <...> Соскучился я по спокойной работе. Не придется работать, как бывало. Не верю в будущее. День за днем. Сил нет. Да, у меня есть рассказ стр<ок> на 1000 — не подойдет для Ю<жного> слова? <...> Обнимаю братски. Ваш неизменно Ив.Шмелев».

РАЛ. MS. 1066/5064.

В газете «Южное слово» (25 (12) окт. (№ 44). С. 1) напечатан анонс: «В ближайших №№ “Южного слова” будут помещены новые произведения С.Н.Сергеева-Ценского и И.С.Шмелева». Этот анонс был повторно напечатан и в следующем № 45 газеты.

См.: 3 ноября (21 октября) 1919.

В одесской газете «Южное слово» (№ 28. С. 4) помещается заметка «Поправка». Без подписи.

В заметке сообщается: «В воскресном номере “Южного слова”, в анкете о Добровольческой армии в ответе академика Ив.А.Бунина, есть опечатка. В том месте, где говорится об отклике на призывы русских о помощи, Ив.А.Бунин приводит библейские слова: “Вот выходят измаильтяне и предлагают соленого хлеба”. Вместо “измаильтяне” по недосмотру корректора напечатано: “израильтяне”».

Октябрь, 8 (Сентябрь, 25). В газете «Одесский листок» (№ 127. С. 1) печатаются стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: 1. «Мученица» («Она стоит в серебряном венце...»), 2. «Плащаница» («По древнему унывному распеву...»), 3. «Во полунощи» («В сосудах, тонких и прозрачных...»).

В одесской газете «Южное слово» (№ 29. С. 1) под общим заголовком «Да здравствует вождь Добрармии!» публикуется статья Бунина «В этот день» по поводу прибытия А.И.Деникина в Одессу.

Бунин пишет: «Почти тысяча дней и тысяча ночей. <...>

А потом я пережил тысячи леденящих вестей оттуда, где когда-то была *наша* Россия, и часто говорил себе: “Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! Если продлится мой срок, может быть, душа моя, перегорев в этом злом огне, вновь взглянет с высоты на все то земное, низкое и подлое, грязное и кровавое, чем так больно живу я теперь. Но пока я живу им, как страстно хочется порою проклясть день рождения своего! Ибо воистину страшная повесть Иова стала нашей повестью. Ибо воистину мы “вне селения”, вне человеческого существования, на пепле пожарища, на гноище предградия, за пределом всего, чем дышал когда-то, за стенами разрушенного и поруганного Сиона”.

А теперь, в этот день, у меня, пережившего все это, слов нет. И они не нужны, все понятно и без них.

Будь благословен Твой ратный путь, Надежда России!»

Главнокомандующий вооруженными силами Юга России генерал А.И.Деникин прибыл в Одессу в 10 часов утра.

Там же (с. 2) помещается объявление:

«Издательство на паях “Русская культура” в скором времени выйдут в свет: 1. Акад. И.А.Бунин “Великий дурман”; 2. Его же. Сб. рассказов; 3. Его же. Сб. стихов».

Данное объявление периодически печатается в газете: 10 окт. (27 сент.) (№ 31), 11 окт. (28 сент.) (№ 32), 16 (3) окт. (№ 36), 17 (4) окт. (№ 37), 19 (6) окт. (№ 39).

В газете «Одесский листок» (№ 127. С. 4) помещается статья А. Де-Рибаса «Фельетон. О второй лекции Бунина».

Журналист пишет: «Обе лекции академика Бунина произвели на слушателей сильное, жуткое и одурманивающее впечатление. Уходя с лекции, чувствовалось в голове и сердце что-то неладное. Я вспомнил, что наиболее ядовитый дурман исходит от наиболее ароматных растений, и приписал ошеломляющее действие лекции Бунина его исключительному таланту. <...>

То, что сейчас происходит в советской России, и чему были свидетелями в нашем городе, — не дурман, а самая ясная действительность. Тяжелая, кровавая, но действительность. Где же по Бунину дурман? <...> Русские писатели, публицисты, политические деятели и мечтатели были одурманены ложными представлениями о русском народе. <...> Они подготовили и сделали революцию для народа чрез посредство народа, не зная и не понимая его подлинной сущности. Вышла кровавая нелепица. Вместо рая. Они создали на земле ад. Русский народ, разнузданный и зазнавшийся, показал всем свое настоящее, звериное лицо, и стал зверски расправляться со своими же освободителями.

Это надо было предвидеть. И Бунин это предвидел. Едва ли не он один из всех русских писателей. Левитов, Н.Успенский, Григорович, Решетников, Златовратский, Горький и даже Достоевский писали о русском народе односторонне и предвзято, а он, вослед Радищеву, говорил о нем голую, неприкрашенную правду. Бездарные критики не поняли Бунина и писали о нем непозволительную чушь. Интеллигенция оставалась под впечатлением лжеучителей — и вот вы видите, что вышло.

Целый ряд сарказмов сыпался из уст автора "Деревни" по адресу политических и социалистических виновников революции. Больше всего досталось Керенскому, Брешко-Брешковской, Кокошкину, Горькому, Ленину, Троцкому и другим. <...>

С необыкновенной силою экспрессии, с поразительною яркостью образов, черта за чертою, тип за типом, лектор иллюстрировал перед захваченной аудиторией современное состояние русского, подлинного, народа, из-под внешней оболочки которого на каждом шагу пробиваются, как сорная трава на ниве, дикие следы прежней, древней Руси. <...>

Факты за фактами, один ужаснее другого. И что производило наиболее тягостное впечатление в сообщении Бунина, это то, что все эти факты, так мастерски им подобранные, были нам всем хорошо известны. Мы все их пережили. Многие из нас испытали их на себе или на наших близких. Все это правда, все это правда.

Охватывал душу какой-то кошмар. Если так плоха вся русская интеллигенция и если так плох весь русский народ, то Бог ты мой, что же осталось хорошего в России?

И навязывался на ум горький вопрос: неужели только Бунин?

Подумав над этим, я пришел к положительному ответу.

Я не буду останавливаться на логической стороне лекции. Что собственно хотел доказать Бунин? Что если бы послушались его, то в России не произошло бы революции? Но, ведь, он сам признается, что и он, вместе с другими, в распутнинское время жаждал революции! Или что эта революция приняла бы какие-то иные, лучшие формы? Но кто может управлять силою сорвавшегося урагана?

Значительность лекции Бунина не в силе ее логических построений. Она вся целиком — в личности лектора.

Бунин! Да, ведь, это и есть та самая русская интеллигенция, и не только русская интеллигенция, но и тот самый русский народ, со всеми чертами и новой, и древней Руси, которые он так жестоко охарактеризовал. Откуда почерпнул Бунин свой могучий талант, если не из русского народа, если не из той самой деревни, которую он описал так правдиво только потому, что сам из нее вышел?

Бунину ставили на вид его дворянское происхождение. Но и дворянин происходит из земли. Как поэт и как бытописатель, Бунин весь проникнут правдою окружавшей его детство природы.

Он бичует русский народ, но сам же его и любит. И больше всего он любит ту самую древнюю Русь, в которой видит столько отрицательных черт. Да кто, кроме русского писателя, станет говорить про свой народ столько жестокой правды? И кто будет говорить правду о том, чего он не любит?

В своей лекции Бунин проявил чисто русское мастерство — умение говорить не книжным или школьным языком, как, например, французы, а языком своего народа, насыщенным его юмором, его образностью, его правдою.

Тайна гнева Бунина в том, что он считает, по праву, русский народ своим. Он не хочет, чтобы его коверкали, чтобы говорили о нем ложь, чтобы над ним производились интернациональные эксперименты, чтобы его, темного, забитого, нуждающегося в ласке и силе, толкали преждевременно в революцию. К своему народу Бунин относится ревниво, любя его превыше всего другого.

Да, Бунин негодует и бранится, но это от сердца. И во всех своих словах о великом дурмане, он только срывает свое сердце. Не хочет он дурмана там, где должна сиять подлинная истина. А эта истина, пусть Бунин не боится ее высказать, она в том, что русский народ может быть понят только русским человеком, и если бы русские писатели не были заражены нерусским духом, то в России было бы меньше нелепицы.

Отсюда вывод: Покуда есть у нас русские Бунины, нам не страшно за Россию».

Октябрь, 9 (Сентябрь, 26). Бунин встречается с А.И.Деникиным.

В помещении Биржи Бунин выступает с приветственной речью на банкете в честь генерала А.И.Деникина.

Бунин говорит: «Ваше Высокопревосходительство!

Я не в силах выразить перед Вами даже и малейшей доли тех сложных и глубоких чувств, которыми охвачен я в сознании всей великой важности минут нами переживаемых, когда незримо пишутся новые славные страницы русской летописи, на коих уже неизгладимо начертано Ваше славное имя и коим предстоит такая долгая, долгая историческая жизнь. Позвольте мне только земно поклониться Вам ото всего моего сердца, с особой силой ощущающего ныне свою кровную связь с Россией, — сердца, бесконечно исстрадавшегося и в эту минуту бесконечно счастливого».

См.: 11 октября (28 сентября) 1919, вторая запись.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 12 октября (29 сентября): «Деникина я не видела. Зато видел его Ян, которому он очень понравился. Он совершенно не похож на портреты. По словам Яна, он очень изящный человек с голым черепом, легко и свободно ходит. Глаза бархатные под густыми ресницами, усы черные, бородка седая. Улыбка удивительно хорошая. Прост в обращении».

Дневники. Т. 1. С. 316.

Газета «Южное слово» (10 окт. (27 сент.) (№ 31). С. 3) в отчетной заметке «Обед в Бирже» (без подписи) сообщает о чествовании А.И.Деникина 9 окт. (26 сент.): «По окончании речей торгово-промышленных деятелей, генерала Деникина при-

ветствовали почетные академики петроградской Академии наук Д.Н.Овсянико-Куликовский и И.А.Бунин».

В газете «Одесские новости» (11 окт. (28 сент.) (№ 11012). С. 3) в отчетной заметке «На банкете в честь генерала А.И.Деникина» (без подписи) сообщается: «На состоявшемся третьего дня в Бирже банкете <...> после речи генерала А.И.Деникина к главнокомандующему подошли присутствовавшие на банкете Д.Н.Овсянико-Куликовский и И.А.Бунин и просили принять от всего русского сердца привет и низкий поклон. Главнокомандующий обменялся с обоими литераторами рукопожатиями».

10 октября (27 сентября) в 5 часов утра А.И.Деникин уезжает из Одессы.

В одесской газете «Единая Русь» (№ 37. С. 1) публикуется объявление:

«Издательство на паях "Русская культура" приступило к изданию систематической библиотеки художественно-литературных произведений, принадлежащих лучшим русским и европейским писателям; редакторы — академик И.Бунин, академик Д.Н.Овсянико-Куликовский и А.М.Федоров».

Данное объявление регулярно печатается в газете.

Октябрь, начало (Сентябрь, конец). В.Н.Муромцева в письме к родным рассказывает о жизни в Одессе и состоянии Бунина:

«Больше года мы в Одессе и скоро год, как мы безвыездно живем в одних и тех же комнатах. Для меня это еще не такая беда, для Яна же черезчур — ведь он в душе скиталец! <...> Скоро месяц, как нет в домах воды. <...> Пострадали мы и от продовольственного кризиса во время немецкого восстания, прекратился почти всякий подвоз, и мы по несколько дней сидели без хлеба, масла, мяса, рыбы и т. под. продуктов. Из-под полы же можно было кое-что достать с большим трудом и по очень высоким ценам. <...> Конечно, это время приходилось почти голодать. Ян страшно побледнел и еще похудел, теперь, слава Богу, хлеб появился по 20 р. за фунт, да кроме того, нет-нет и дадут паек. Словом, в смысле питания нам теперь жаловаться стыдно. <...> Хуже обстоит дело с бельем. Уже три недели ничего не стирали. А белья у нас чуть!.. <...>

По вечерам, вернее в сумерках, мы собираемся в одном доме, и сообщается "самая вернейшая сводка", и сколько надежд, разочарований, биения сердца. А вернувшись домой, сидим при свете фитиля, опущенного в растительное масло — возвращение к древности. И какая тоска, какая скука. Принимаемся читать вслух».

Новый журнал. 1977. № 128. С. 135–137.

Датируется по содержанию.

Октябрь, 11 (Сентябрь, 28). Бунин пишет «Духовное завещание». Авторская дата: «Одесса, 11 октября 1919 г.»

В тексте говорится: «В случае моей смерти все мои сочинения напечатанные и ненапечатанные, равно как и все мое прочее имущество где бы оно ни находилось, в чем бы оно ни заключалось завещаю в полную собственность Вере Николаевне Муромцевой <...>».

Завещание засвидетельствовали: Е.И.Буковецкий, А.В. <нрзб>, П.А.Нилус.

РАЛ. MS. 1066/1251.

В одесской газете «Южное слово» (№ 32. С. 2) печатается речь Бунина, произнесенная на банкете в честь генерала А.И.Деникина.

См.: 9 октября (26 сентября) 1919, вторая запись.

Октябрь, 12 (Сентябрь, 29). На ответном письме В.Н.Муромцевой к И.С.Назарову Бунин делает приписку:

«...очень беспокоился о Вас <...>. С приходом добровольцев все жду Вашего возвращения <...>. Я пережил невероятно тяжкое лето, вскоре, м.б., поедем на некоторое время прогуляться — в Крым. Зимуем, вероятно, в Одессе. Приезжайте все-таки поскорее».

В.Н.Муромцева в этом письме рассказывает И.С.Назарову:

«Мы заждались Вас. Следовало бы после большевистского царства поремонтировать себя, да не хочется обращаться к кому-нибудь другому. <...> Физически нам приходилось страдать только от недоедания, т.к. у нас прислуга оставалась все время, и сами мы воды не носили и жили барами. Морально же пришлось пострадать порядочно, т.к. у большевиков не было ничего святого и ко всему они прикладывали свои не совсем чистые руки. Особенно было тяжело от половины мая до середины июля, когда, с одной стороны, с каждым днем все ухудшались и ухудшались условия жизни: мы были лишены электрического света, цены росли не по дням, а по часам (это не преувеличено), продукты с рынка пропадали, вода перестала литься из кранов <...>, а с другой, начался настоящий террор: хватали и как контрреволюционеров и как заложников. Главным образом сначала обрушились на антисемитов, много пострадало из союза русского народа. Казалось даже, что большевизм — это месть за евреев. Ивана Алексеевича немного потравили в газетах, затем ходили слухи, что его возьмут в заложники, но, к счастью, этого не случилось. А то недели три неприятно бывало по вечерам. Мы вообще счастливо отделались. Наша квартира осталась в полной неприкосновенности, даже когда был обыск, то, запутавшись, *"они"* обыскали только полквартиры, не заметив кладовки, где были спрятаны ценные вещи. Наши же комнаты Ив<ан> Ал<ексеевич> не позволил обыскивать, ссылаясь на то, что он не буржуй; вид у него при этом был грозный, они помялись и ушли. А выйдя от нас, пошли шарить по другим квартирам и в одной, где нашли несколько драгоценных вещей, произвели чистку на полмиллиона! Но кого почти не было в Одессе, это саботажников. Особенно первое время — все наперерыв хотели служить у большевиков. Особенно старались молодые поэты, которые сразу перекрасились в ярко-алый цвет. Молодые художники не отстали от них, и каких только не было плакатов по кровожадности и безвкусию...».

Письма (2). С. 408–409.

В одесской газете «Южное слово» (№ 33. С. 2) помещаются стихотворения под общим заглавием «Из цикла "Восток"»: 1. «Эпитафия» («На земле ты была точно дивная райская птица...»), 2. «Радость» («У ворот Сиона, над Кедроном...»).

Октябрь, 13 (Сентябрь, 30). К Буниным приходят В.Брянский, генерал-майор В.В.Чернавин.

В.Н.Муромцева в дневнике от 14 (1) октября отмечает: «Вчера у нас были с визитом Брянский и генерал Чернявин, начальник штаба».

Дневники. Т. 1. С. 316.

Октябрь, 14 (1). Вечером Бунин присутствует на собрании редакции газеты «Южное слово», на котором обсуждается возникшая кризисная ситуация. Бунину предлагают возглавить новую редакцию газеты.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике 21 (8) октября: «1 октября вечером Ян был приглашен <к> Клименко, у которого были Апухтин и Юрлов, для переговоров относительно газеты.

В этот день было собрание редакции и части сотрудников совместно с издателями, и было решено всем выйти из газеты. Мотив тот, что Клименко вмешивается во все дела газеты, даже редакционные. Клименко, Апухтин и Юрлов предлагают Яну встать во главе газеты, то есть быть ее редактором. Ян отказался, но они убеждали его, что он обязан это сделать, что курс газеты будет тот же, что будут привлечены все, кого только будет возможно привлечь. Ян сказал, что подумает».

РАЛ. MS.1067/364.

В связи с редакционным кризисом Д.Н.Овсянико-Куликовский покидает пост редактора одесской газеты «Южное слово»; вместе с редактором из газеты уходит целый ряд сотрудников.

См. воспоминания Б.В.Варнеке о Н.П.Кондакове (*Диаспора* (*IV*). С. 108). См.: 16 (3) октября 1919, вторая запись; 18 (5) октября 1919, первая запись.

Октябрь, 15 (2). Бунин пытается примирить две стороны возникшего редакционного кризиса в газете «Южное слово». Вечером Н.К.Клименко приходит к Бунину вновь уговаривать его стать редактором «Южного слова». Бунин присутствует на совещании в редакции газеты «Южное слово», где обсуждается состав новой редакции.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике 21 (8) октября: «2 октября к Яну звонили от обеих сторон, и он из всех сил старался помирить их. <...> Апухтин же умолял Яна взять в свои руки газету, что будут привлечены новые силы, что все будет сделано, что захочет Ян. Но Ян не согласился.

От Горелика Ян узнал о приезде Благова. Он полетел к нему и уговаривал его взять ведение газеты в свои руки. Но Благов наотрез отказался <...>.

В восьмом часу к нам зашел Клименко, чтобы отправиться с Яном в редакцию, и опять уговаривал его взять "Южное слово" в свои руки. <...>

На совещание собрались почти вся редакция и ближайшие сотрудники.

Вот что рассказывал мне Ян.

Ив<ан> Ал<ексеевич> спросил, считают ли его своим. На утвердительный ответ издатели заявили, что они приглашают Ив<ана> Ал<ексеевича> в качестве второго редактора, а Клименко в этом случае совершенно отказывается от всякого вмешательства в редактирование газеты. С видимым удовольствием на этот раз все согласились».

РАЛ. MS.1067/364.

В.П.Катаев пишет Бунину с фронта:

«Дорогой учитель, Иван Алексеевич!

Вот уж месяц, как я на фронте, на бронепоезде "Новороссия". <...> Я на командной должности, орудийный начальник и командую башней. Я испол-

няю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны — не оправдались. <...> Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в “Южном слове”. Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий и очень большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, напр., в “Россию”».

РАЛ. MS. 1066/3186.

И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Сейчас получил В<ашу> телеграмму ответную (утро, 10 ч.) и сейчас же (я за эти дни поработал-таки) отправляю Вам для “Южного слова” — сказку “Матрос Всемога”. В ней до 200 стр<ок>, д<олжно> б<ыть>. Если угодил — могу продолжить. <...> Как Вы думаете, если бы эти сказки издавать <...>? Их пока у меня напечено до 7. <...> Посоветуйте. Народу нужна эта легкая и незаметно, образами, показующая литература. Скажу — Ваша первая телеграмма, д<олжно> б<ыть> , толкнула меня на это. А то как-то душа вянула. <...>

Сейчас уведомляю Ценского. Думаю, что на днях даст. Ох, тяжелый человек. Во многом я в нем разочаровался. <...>

Одновременно посылаю поэму некоей М.Пипиевич. Дорогой Ив.Алекс., не найдете ли возможность напечатать ее в два, что ли приема, в газете или порекомендовать куда. Мне понравилось, м<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь. Это одна почт<енная> дама, когда<-то> вела фельетон в газ<ете> тифлисской “Кавказ”. Перышко есть! А мне так бы хотелось сделать для нее. Она хлопочет за Серегу моего. Но, конечно, если только подходит Вам. Не подойдет — не откажите вернуть. <...>

Скажите Ваше слово поэта! Ваше одобрение — печать крепкая».

РАЛ. MS. 1066/5065.

См.: 3 ноября (21 октября) 1919.

Октябрь, 16 (3). В этот день № 36 одесской газеты «Южное слово» выходит под одной подписью: «Редактор-издатель: представитель издательства на паях “Русская культура” Н.К.Клименко».

См. след. запись.

В газете «Одесский листок» (№ 135. С. 3) помещается коллективное письмо в редакцию «Уход сотрудников “Южного слова”».

В письме говорится: «В конце августа мы, по предложению издательства “Русская культура”, образовали редакционную коллегию газеты “Южное слово”. В нее вошли лица различных политических оттенков, объединенные стремлением содействовать целям Добровольческой армии на основе политической программы адм. Колчака и декларации ген. Деникина. Мы не считали допустимым уклонения отсюда ни вправо, ни влево, полагая, что как в том, так и в другом случае причиняется ущерб идее, носительницей коей является Добровольческая армия. Проникнутые этим сознанием, мы в таком направлении и духе вели газету “Южное слово” в течение месяца.

К сожалению, около недели тому назад со стороны издательства последовало заявление, что некоторые правые группы настаивают на включении их представителей в нашу редакционную коллегию. Категорически воспротивившись этому, мы согласились на включение представителя издательства в редакционный комитет. Однако, первые же дни обнаружили полную невозможность дальнейшей совместной работы.

Ввиду этого, мы заявляем о нашем коллективном уходе из "Южного слова". С глубокой печалью покидая созданную нами газету, мы сохраняем нашу горячую приверженность объединившему нас знамени адм. Колчака и ген. Деникина и верим в скорую возможность приложить наши силы к великому делу возрождения России, творимому Добровольческой армией».

Письмо подписывают: акад. Д.Н.Овсянико-Куликовский, проф. П.М.Бицилли, Н.С.Бекони, Дон-Аминадо, Л.П.Гроссман, И.А.Горелик, Е.С.Горский, А.С.Залшупин, И.И.Златогоров, А.А.Койранский, А.Б.Калихман, И.М.Квитко, К.И.Ковальский, М.А.Лифшиц, Lolo (Мунштейн), Л.М.Леонов, И.С.Любович, Н.Е.Лоран, Д.С.Луна-шевкер, Б.С.Миркин-Гецевич, Б.Мирский, проф. Э.Я.Немировский, А.С.Оскотский, Я.Б.Полонский, Ф.А.Поляков, П.Б.Сперелли, К.И.Храневич, Я.А.Шафиров, С.С.Юшкевич, А.Е.Январский.

Октябрь, 17 (4). Вечером Бунины в гостях у В.О.Недзельского знакомятся с Б.Велиховым.

В.Н.Муромцева в дневнике от 18 (5) октября: «Вчера вечером, у Недзельских, познакомились с Велиховым. Он нам понравился».

Дневники. Т. 1. С. 317.

Октябрь, 18 (5). Бунин соглашается стать соредактором газеты «Южное слово» вместе с академиком Н.П.Кондаковым.

В.Н.Муромцева в дневнике 21 (8) октября добавляет: «Ян согласился взять на себя редакторство только потому, что если бы он отказался, то газета стала бы влачить очень жалкое существование, попала бы сначала в руки правых или же была под ферулой Клименко. За Яном вошел Кондаков, согласились участвовать в ней Кипен, Шмелев, Тренев, Ценский, остался Федоров...».

РАЛ. MS. 1067/364.

Б.В.Варнеке в воспоминаниях о Н.П.Кондакове пишет: «Несомненно, что всю смену кабинета проделал Н.П., пустивший ради этого в ход все свое влияние на властей <так!>, доверявших ему безусловно. Он же рекомендовал и Бунина. Как только последний взял газету в свои властные руки, положение Н.П. в ней сразу возросло. Великая заслуга Бунина в том, что он умел всякому члену редакции дать почувствовать высокий авторитет Н.П., и малейшее желание его стало в редакции законом.

Вот тут-то и обнаружился весь склад характера Н.П.; юридически теперь он поставлен был на одно место с И.А.Буниным: принимая звание главного редактора, Бунин настойчиво подчеркивал, что примет его, только если это звание разделит с ним его "старший товарищ по Академии", на что тот и согласился. Но Бунин, ссылаясь на падение рубля, оклад Д.Н.Овсянико-Куликовского для себя поднял с 20000 на 30000 <рублей>, а Н.П. продолжал получать по-старому оклад, равный тому, что получали Г.Е.Афанасьев и я.

Ссылаясь на отдаленность от его квартиры и ночную небезопасность, Бунин с первого же <дня> выговорил себе машину».

Диаспора (*IV*). С. 108.

См.: 20 (7) октября 1919; 1 ноября (19 октября) 1919, первая запись.

Бунин делает приписку на письме В.Н.Муромцевой к М.А.Волошину:

«Дорогой Максимилиан Александрович.

Опять прошу Вас о немедленном сотрудничестве, наша газета <“Южное слово”> служит Добр<овольческой> армии – этим все сказано. Напишите о себе, простите, Бога для, такую краткость».

В.Н.Муромцева пишет М.А.Волошину:

«Вашу открытку мы получили. Спасибо за нее <...>. После Вашего отъезда нам первое время очень Вас недоставало. Часто мы с Яном жалели, что вечер наступает темный, жуткий, а Вас нет. Вы тогда вовремя уехали, после Вашего отъезда начались строгости, расстрелы очень усилились, и атмосфера была донельзя гнетущая. <...> сильно недоедать, обходиться без хлеба пришлось нам недели три. Теперь жизнь наша изменилась, мы сыты. Ян с утра до ночи занят газетой <“Южное слово”>, два раза в день бывает в редакции, много времени отнимают чтение рукописей и всякие разговоры, так что писать самому не приходится, чем я очень недовольна. Одно время мы хотели ехать в Крым, но теперь газета не пускает».

Новые материалы (*2*). С. 505–506.

Октябрь, 19 (6). Выходит № 39 одесской газеты «Южное слово» с крупным подзаголовком: «При ближайшем участии академиков И.А.Бунина и Н.П.Кондакова».

На с. 1 газеты помещается объявление: «В Одессе выходит ежедневная большая общественно-политическая и литературная газета “Южное слово” при ближайшем участии академика И.А.Бунина и академика Н.П.Кондакова». В составе сотрудников газеты, в частности, указываются: А.Аверченко, Г.Е.Афанасьев, И.И.Буханцев, проф. Б.В.Варнеке, И.И.Варшавский, А.А.Кипен, И.Ф.Наживин, П.А.Нилус, Н.А.Тэффи, Т.Л.Щепкина-Куперник, А.М.Федоров, а также сообщается: «Приняты меры к привлечению в качестве постоянных сотрудников: К.А.Тренева, И.С.Шмелева, С.Н.Сергеева-Ценского и Е.Н.Чирикова». Редактор-издатель газеты Н.К.Клименко.

В одесской газете «Южное слово» (№ 39. С. 2) печатаются четыре стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Молодость”»: 1. «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...», 2. «Золотыми цветут остриями...», 3. «Старинный белый зал, где черная рояль...», 4. «Там, в полях, на погосте...».

Октябрь, 20 (7). Бунин продолжает активно работать в редакции газеты «Южное слово», возглавляя отдел беллетристики.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Ведь, пожалуй, это впервые, что Ян на службе.

Яну нравится, что он ездит на машине с национальным флагом. За ним приезжает доброволец, очень милый с калмыцким лицом человек.

И к каждому слову: “Есть, ваше превосходительство”.

Все эти дни Ян оживлен, возбужден и деятелен. То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно и для его нерв<ов> и для его души. Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто так страдал, как он. Он положительно не переносит большевиков, как я кошек...».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

Октябрь, 22 (9). В одесской газете «Южное слово» (№ 41. С. 1) помещается объявление издательства «Русская культура», в котором, в частности, сообщается:

«В скором времени выйдут в свет: Художественно-литературная библиотека: 1) Акад. И.А.Бунин. Сборник “Двенадцать рассказов”, 2) Его же. Сб. стихов “Великая Русь”, <...> 12) А.В.Кольцов. Избранные стихи со статьями В.Г.Белинского и И.А.Бунина».

Подобное объявление печатается позднее в газетах «Южное слово» (8 нояб. (26 окт.). № 56) и «Единая Русь». Эти книги не выходили.

Октябрь, 23 (10). Начальник Одесского отделения Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России Б.Юрлов на официальном бланке пишет Бунину, приглашая его:

«<...> пожаловать к 5-ти часам дня, 24-го сего октября в Кабинет Начальника Литературно-издательской части (Пушкинская, № 11) на заседание по вопросу о предстоящих выборах в Одесскую городскую думу».

РАЛ. MS. 1066/4255.

В одесской газете «Южное слово» (№ 42. С. 2) публикуется рассказ «Соотечественник».

Октябрь, 24 (11). По всей видимости, Бунин присутствует на заседании у начальника Литературно-издательской части Одесского отделения Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России, где обсуждаются предстоящие выборы в Одесскую городскую думу.

См.: 23 (10) октября 1919, первая запись.

Октябрь, до 25 (12). Бунин посылает Г.Д.Гребенщикову телеграмму, приглашая его к сотрудничеству в газете «Южное слово».

Телеграмма неизвестна. См.: 26 (13) октября 1919, вторая запись.

Октябрь, 25 (12). В одесской газете «Южное слово» (№ 44. С. 2–3) публикуется перевод В.Н.Муромцевой отрывка из книги Ж.Ленотра «Граф де-Фольмон: (Из книги Ж.Ленотра “Старые дома, старые бумаги”)».

Возможно, этот перевод редактировал Бунин, как он это обычно делал со всеми переводами В.Н.Муромцевой.

Октябрь, 26 (13). Бунин оплачивает счет за купленную с 9 по 26 октября обувь, одежду и материю в сумме 14399 руб.

См. счет: РАЛ. MS. 1066/9806.

Г.Д.Гребенщиков пишет Бунину из Ялты:

«Ваша телеграмма пролежала у Елпатьевского, куда я теперь редко захожу, почему и ответ мой запоздал.

Спасибо за приглашение. Ответ ясен: с Вами я хоть на эшафот. Боюсь одного — смогу ли быть на высоте Ваших требований. Конечно, постараюсь накалиться докрасна, и вскорости пришлю.

<...> мне хочется прибавить, что мы, здешние, очень духовно стосковались о Вас и часто вспоминаем Вас добрым, еще чаще восторженным словом. Я как-то недавно говорил, что Вы один из тех святых, ради которых будет прощена и спасена Господом Богом многогрешная русская литература».

С двух берегов. С. 231.

В одесской газете «Южное слово» (№ 45. С. 2) помещаются стихотворения под общим заглавием «Летние стихи»: I. «Зной» («В одной рубашке, босиком...»), II. «Одиночество» («Худая компаньонка, иностранка...»).

В Одессе выходит № 1 ежедневной общественно-политической газеты «Современное слово» под редакцией Д.Н.Овсянико-Куликовского.

См. объявление в газете «Южное слово» (25 (12) октября (№ 44). С. 1).

Октябрь, 28 (15). А.Чайковский посылает Бунину телеграмму из Москвы:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич не браните за телеграмму и я сегодня не могу молчать три года я ждал случая поблагодарить вас за ваши дружеские советы за то что вы мне помогли вернуть утраченную мною тогда работаю пишу и все что выходит из-под робкого пера согрето мыслью о вас воспоминаниями о ваших дружеских советах и указаниях тогда искренно от всей души шлю вам пожелания здоровья бодрости сил и радости сознания что юные силы идут по вашему пути».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 130, л. 28.

Октябрь, 31 (18). В газете «Одесские новости» (№ 11032. С. 2) в рубрике «Газетный день» публикуется заметка «Академическая газета». Без подписи.

Журналист пишет: «Выходящее при ближайшем участии двух академиков “Южн<ое> слово” приобрело такой академический и ученый характер, что к статьям его просто боязно подходить на близкое расстояние: не статьи, а какое-то сонное наваждение. И темы все животрепещущие: “Политика и культура”, “Русская осень и крымская таможенная политика” и т.д. Чтоб ослабить крепость академического духа, газету разбавляют иногда водой легкого фельетона или беллетристики. Но это мало помогает делу. Газета скучна, ах, как скучна!»

Сентябрь...Октябрь. А.Н.Толстой пишет Бунину из Парижа:

«Милый Иван Алексеевич, в Америке образовалось общество “помощи русским писателям, пострадавшим от большевиков”. Первые 7 тысяч были пересланы <Н.В.>Чайковскому и он здесь образовал комитет.

Я предполагал, что Вам с деньгами плохо, после всего, что произошло в Одессе, поэтому Вам были посланы деньги <...>.

Деньги будут поступать и еще и в большем количестве. Было бы очень хорошо для дела, если бы в Америке было опубликовано Ваше письмо с описанием, что было в Одессе и что терпят русские писатели. Напишите такое письмо, Иван Алексеевич, и передайте на мое имя Алексинскому, или тому, кого он укажет.

Затем, пришлите, Иван Алексеевич, мне Ваши книги и разрешение для перевода рассказов на французский язык. Ваши интересы я буду блюсти и деньги высылать честно, то есть не зажиливать. В Париже Вас очень хотят переводить, а книг нет. (Последних).

Мне было очень тяжело тогда расставаться с Вами. Час был тяжелый. Но тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро. Что было перетерплено — не рассказать. <...> Но зато все это искупилось пребыванием здесь. Здесь так хорошо <...>. А Франция — удивительная, прекрасная страна, с устоями, с доброй стариной — обжитой дом».

РАЛ. MS. 1066/5561.

Датируется по содержанию. Комитет помощи русским писателям и ученым начал свою деятельность в августе 1919 г., Н.В.Чайковский был председателем Комитета.

См.: 3 апреля (21 марта) 1919, вторая запись.

Ноябрь, 1 (Октябрь, 19). Бунин и Н.К.Клименко заключают условие, по которому Бунин становится редактором газеты «Южное слово».

В документе говорится: «Участие Бунина выражается в общем руководительстве всем литературным, публицистическим, осведомительным и другим материалом газеты, для чего Бунину предоставляется неограниченное право бесконтрольного выбора всего газетного материала, формирования личного состава сотрудников, установления содержания каждого номера газеты и распоряжения во всем, что касается литературного, публицистического и вообще всего содержания газеты. <...> Срок действия сего договора определяется в четыре месяца, то есть до 1 марта 1920 года. <...> Литературно-издательская часть обязуется уплачивать Бунину за его участие по сему договору в газете двадцать тысяч рублей в месяц. <...>».

РАЛ. MS. 1066/3309.

Г.Д.Гребенщиков пишет Бунину из Ялты:

«Пока удастся мне написать для Вас “художественный” рассказ — я все-таки решаюсь Вам послать — просто очерк <“Карьера Александра Ивановича Перекатиполе”>, правда длинный и довольно коварный, но, думаю, нужный.

Кроме того, если “Огонек” не успел напечатать “Лорда из Аутки” и подательница сего Нина Дмитриевна Ахундова, наш большой друг, передаст Вам этот рассказ — просмотрите и его. <...>

P.S. Посылаю Вам очерк “У падуна” — художника Николая Васильевича Пинегина, того самого, который совершил ледяную экспедицию к полярному кругу в 1911–1914 годах, и был свидетелем героической гибели начальника экспедиции Седова. — Оплатите также по усмотрению».

С двух берегов. С. 231–232.

Ноябрь, 2 (Октябрь, 20). В одесской газете «Южное слово» (№ 51. С. 2) печатаются произведения Бунина:

— стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Восток”»: 1. «Мудрость» («Чалма на мудром — как луна...»), 2. «Волны» («Смотрит на море старый султан...»), 3. «Жена Азиса» («Уличив меня в измене...»), 4. «Рабыня» («Странно создан человек...») (с. 2).

— статья «Заметки» по поводу еврейских погромов (с. 2).

Бунин пишет: «Опять еврейские погромы. До революции они были редким, исключительным явлением. За последние два года они стали явлением действительно бытовым, чуть не ежедневным. Это нестерпимо. Жить в вечной зависимости от гнева или милости разнузданного человека-зверя, человека-скота, жить в вечном страхе за свой приют, за свою честь, за свою собственную жизнь и за честь и жизнь своих родных, близких, жить в атмосфере вечно висящей в воздухе смертельной беды, кровной обиды, ограбления, погибать без защиты, без вины, по прихоти негодяя, разбойника — это несказанный ужас, это мы все — уже третий год переживающие “великую русскую революцию”, — должны хорошо понимать теперь. И наш общий долг — без конца восставать против всего этого, без конца говорить то, что известно каждому мало-мальски здравому человеку и что все-таки нуждается в постоянном напоминании. Да, так жить дальше просто невмоготу. <...> И против животного в человеке всячески надо восставать, и животного в человеке надо обуздывать, и в действия его надо вмешиваться всякому человеку — и ближнему и дальнему, и русскому и еврею, и французу и японцу. <...>

Еврейские погромы длятся уже очень давно <...>. Что может сразу сделать с этим несчастием правительство? Мы можем только надеяться и надеемся, что оно будет неуклонно идти своим путем, жестокой и праведной карой пресекая все преступное и злое, недопустимое в человеческом общежитии. Мы можем только надеяться и надеемся, что оно еще усилит свою решимость действовать с полной беспощадностью на этом пути. <...> Да и вообще, говорю еще раз, надо обуздывать зверя в человеке и в действия его надо вмешиваться. Обойтись без этого нельзя, и это надо почаще вспоминать революционерам всяческих толков.

<...> А ведь, Бог мой, как жестоко и уже не раз брали они в копья, например, меня, когда я говорил о темных и зверских сторонах своего народа, когда речь шла об этой темноте и об этом зверстве не в связи с еврейскими погромами, когда я выступал вообще против всяческих злодеяний, называемых революцией, и ждал вмешательства Европы в наше длящееся уже два с половиной года, на христианской земле, в двадцатом веке свирепое и бессмысленное злодеяние!

<...> Сколько, например, исписал бумаги какой-нибудь Павел Юшкевич, подсчитывая убиенных при погромах евреев, сколько этих уголовных дел зарегистрировал он, сколько сказал жестоких слов о зверстве русского народа, когда он громил евреев! А посмотрите, как наряду с этим издевается он надо мной по поводу моей лекции о русском народе и русской революции,

как горячо заступается за этот же самый народ, как распекает, как поучает меня. “Суждения Бунина сухие, желчные”, — для этих господ вся сложность, вся острота наших великих мук есть только желчь! <...> “Гегель говорил о разумности всего действительного... в российской революции есть свой разум, свой смысл” — и так далее, и так далее... О, многомудрый гегельянец, ведь и самое жестокое самодержавие и чума и холера могут чудесно уложиться в Гегеле; утверждая, что есть разум и смысл в дроблении помещичьих, купеческих, офицерских черепов, можно, следуя логике, дойти до Бог знает каких выводов...».

См.: 23 (10) сентября 1919, вторая запись.

Ноябрь, 3 (Октябрь, 21). И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«В часы великого ущемления я ничего не могу делать, я мечусь, и только в письме пробуешь размыкать это проклятое ущемление. <...> И до сего дня (3 ноября) еще не прибыли “прибыли”. Вашу телегр<амму> от 12/X получил я 14–15 и тотчас же послал заказным письмом рукопись “Матр<ос> Всемога”, стр<ок> на 230. И с ней — письмецо Вам. 25-го я телеграфировал Вам о сем и уведомлял, что авансов не получили. 2 ноября пришло В<аше> письмо без даты, но судя по нем, заключил, что 1-ое мое письмо, где я писал о сыне — получили. 25-го я Вам и письмецо послал, кажется. А м<ожет> б<ыть>, и нет. Все спуталось. Да, тяжко и погано во вс<ех> смыслах. Посылаешь во все концы, и ни звука. <...> Мой сын... мой мальчик — я не знаю, что теперь с ним, где он, жив ли. <...> О, дорогой Ив.Ал. Спасибо Вам за доброе дружеское чувство. Мы так истерзаны! 10 мес<яцев> я его не вижу. 8 мес<яцев> он не знает, живы ли мы и где. Жизнь для меня — ад, мука. <...> Тревожит меня, получили ли рукопись? Есть у меня еще две сказочки <...>. Спокойно работать, для души, силы нет. А как бы хотелось! <...> Жизнь мучит, но зато оч<ень> дорогостоящий учитель. <...> А пока крепко Вас, дорогой друг Ив.Алексеевич, обнимаю и да хранит вас Бог. Оля благодарит Вас за готовность что-нибудь сделать для нас, для нашего мальчика. Наш сердечный привет Вере Николаевне. <...> Неужели Андр<еев> умер?»

РАЛ. MS. 1066/5066.

Рассказ И.С.Шмелева «Матрос Всемога» был напечатан в газете «Южное слово» (11 ноября (29 октября) (№ 58). С. 2). Л.Н.Андреев умер 12 сентября 1919 г.

Ноябрь, 7 (Октябрь, 25). М.А.Волошин пишет Буниным из Коктебеля:

«Большое спасибо за Ваше письмо. Как раз в эти дни все почему-то возвращался мысленно к Вам, и оно пришло как бы ответом на мои мысли. <...>

Работаю исключительно над стихами. Все, написанные летом, я переслал Гроссману для одесских изданий. Поэтому относительно моих стихов на обществ<енные> темы спросите у него, Иван Алексеевич, а я посылаю Вам пока для “Южного обозрения” два прошлогодних лирических, еще нигде не появлявшихся, и две небольшие статьи “Пути России” и “Самогон Крови”. <...>

Мне бы очень хотелось, Иван Алексеевич, чтобы Вы прочли мои новые стихи, что у Гроссмана: я в них сделал попытку подойти более реалисти-

чески к современности (в цикле “Личины” стихотв<орения> “Матрос”, “Красногвардеец”, “Спекулянт” и т.д.) и мне бы хотелось знать Ваше мнение. <...>

Получили ли Вы какие-нибудь вести о Толстых или Цетлиных? Я имел вести о Толстых от мистера Вильямса, который был у них в Париже. Так что знаю, что они добрались туда. <...>

Можно ли ждать Вас весною в Коктебеле?»

Новые материалы (2). С. 507–508.

В 1919 г. в газете «Южное слово» были напечатаны стихотворения М.А.Волошина: «Личины» (29 (16) нояб. (№ 75). С. 2), «Спекулянт» (30 (17) нояб. (№ 76). С. 3), «Заклятье о русской земле» (16 (3) дек. (№ 90). С. 3). Статьи М.А.Волошина не публиковались в газете.

В одесской газете «Южное слово» (№ 55. С. 2) печатается статья Бунина «Заметки» об октябрьском перевороте 1917 г.

Бунин, сравнивая две революции — французскую и русскую, подчеркивает главную особенность всех революций: «...надо твердо помнить эту из главнейших черт всякой революции, черту отвратительной театральщины». Далее пишет: «Да, чудовищна мерзка и кровава была и французская революция, но как это можно одну мерзость и кровь оправдывать другой мерзостью и кровью? <...> А что до “великой российской революции”, то она отличается от великой французской только еще большим числом и еще большей бессмысленностью всяческих низостей, пошлостей, нелепостей, злодейств, разрушений, позоров, холода, голода, мора и, конечно, в тысячу раз большим хамством, грязью и глупостью, не говоря уже о том, — гнусный подлинник всегда все-таки простительней копии с него, — что то наглое, до ужаса бесстыдное и явное повторение шаг за шагом, йота в йоту кровавой мелодрамы, разыгранной когда-то во Франции, повторение ее на российских подмостках, среди головотяпов Пошехонья, среди лесных и степных полудикарей, повторение по указке немцев немецкими наемниками, есть настолько гнусный и кровавый балаган, которому нет имени на человеческом языке.

25 октября 1917 года есть начало народного спектакля. До этого дня скрипки только налаживались, хотя и до этого дня Россия была уже погублена, обесчещена и бесконечно опошлена Керенскими всех мастей, а народное зверство уже проявилось в десяти тысячах кровавейших и бессмысленных самосудов, зарегистрированных, — только зарегистрированных, с марта по август этим самым Временным правительством. <...>

Да, большевизм и есть революция, та самая революция, которая есть вечная радость тех, у которых никогда нет настоящего, прошлое всегда “проклятое”, а будущее всегда “светлое”... <...>

Защищайте, защищайте все это тем, что это было не у нас одних, что на все “есть причины”, что это — явление “стихийное”: ведь и для чумы, для холеры есть причины, а землетрясение есть еще более стихийное явление, только кто же радуется им?»

В одесской газете «Единая Русь» (№ 61. С. 2) в рубрике «Среди газет» публикуется заметка «Еще один погромщик». Без подписи.

Журналист, приведя большую цитату из статьи Бунина «Заметки» (см.: 2 ноября (20 октября) 1919), пишет: «Итак “уважаемый академик Бунин” решительно не понимает, почему в то время, как дробление помещичьих, офицерских и интеллигентских черепов разумно и обжалованию не подлежит, дробление черепов еврейских преступно и создает едва ли не casus belli <повод к войне. — *лат.*>. Мало того: “уважаемый академик Бунин” осмеливается говорить что-то и о “русском погроме”, противопоставляя его погрому еврейскому!

Ну, чем же он не погромщик?!»

Ноябрь, 8 (Октябрь, 26). В газете «Одесские новости» (№ 11040. С. 2) в рубрике «Газетный день» помещается заметка без заглавия. Без подписи.

Журналист пишет по поводу статьи Бунина «Заметки», напечатанной в газете «Южное слово» (см.: 7 ноября (25 октября) 1919, вторая запись): «В “Южном слове” академик Бунин отождествляет большевизм с революцией и дает <...> “объективную” оценку последней. <...>

Чувствует ли пристрастный прокурор, что в его филиппиках против революции скрывается какая-то высокомерная ненависть к народу?

Нельзя же в самом деле величайшую трагедию, историческую эпоху, мучительное рождение новой жизни — все это свести к “гнусному балагану”. Ведь такое упрощение смахивает на лубок, который в состоянии удовлетворить разве только провинциальную салопницу или перепуганного на смерть заштатного фельдшера. Современная Франция привыкла уже чтить память своих великих патриотов, героев своей революции. И, вероятно, всякий француз понимает, что не будь “т о г д а” “кровавой мелодрамы”, не было бы т е п е р ь в XX веке на полях Марны и под Верденом героического эпоса, торжества французской победы. Но так рассуждают европейцы; а мы “степные полудикари”, мы все еще не доросли до такого понимания».

Ноябрь, 9 (Октябрь, 27). К Буниным приходит О.Л.Книппер-Чехова.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике 10 ноября (28 октября): «Вчера была у нас Ольга Леонардовна Книппер. Странное впечатление производит она: очень мила, приветлива, говорит умно, но чувствуется, что у нее за душой ничего нет, точно дом без фундамента, ни подвалов с хорошим вином, ни погребов с провизией тут не найдешь.

Большевики к ним были предупредительны, у нее поэтому не то отношение к ним, какое у всех нас».

Дневники. Т. 1. С. 319.

Ноябрь, 11 (Октябрь, 29). В одесской газете «Южное слово» (№ 58. С. 2) помещаются стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Ночь”»: 1. «Индийский океан» («Над черной тьмой твоих морей...»), 2. «К Ночи» («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»), 3. «Стой, солнце!» («Летят, блестят мелькающие спицы...»), 4. «Луна» («Настанет Ночь моя, Ночь долгая, немая...»).

Ноябрь, 13 (Октябрь, 31). Бунин вспоминает родных, переживает за их жизнь и здоровье.

В.Н.Муромцева в дневнике отмечает: «Ян сказал с большой грустью: “Бедные наши, едва ли они переживут эту зиму. Неужели мы так с ними и не увидимся? Я не верю в это”.

<...> По вечерам Ян ездит в газету».

Дневники. Т. 1. С. 319.

Ноябрь, 14 (1). Г.Д.Гребенщиков посылает Бунину рассказ «Ярышка» для «Южного слова» и пишет в сопроводительном письме:

«С душевным и сердечным трепетом посылаю Вам свой новый рассказ. Лучше, если Вы поместите его в праздничном номере. О гонораре <...> вышлите деньги поскорее — это, полагаю, Вам понятно.

Но ради Бога вышлите 2 №№ с рассказом заказн<ой> бандеролью мне».

С двух берегов. С. 233.

В одесской газете «Южное слово» (№ 61. С. 2–3) печатается перевод В.Н.Муромцевой «Последние дни Андре Шенье: Из книги Ж.Ленотра “Старые дома, старые бумаги”».

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Напечатан Андрэ Шенье в моем переводе».

Дневники. Т. 1. С. 320.

Ноябрь, 16 (3). Номера газет «Единая Русь» и «Южное слово» не выходят в связи с отключением электричества.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Газета <“Южное слово”> не вышла. Ток прекратился ранее пяти часов, и потому не успели напечатать. По справкам оказалось, что ток был прек<ращен> только лишь в районе “Южного слова”. Не вышла тоже газета “Единая Русь”. Что это значит? Говорят, что нужно дать монтеру. <...> Ян очень взволнован, поехал на заседание.

<...> Вот что значит стоять во главе чего-нибудь...».

РАЛ. MS. 1067/360.

Ноябрь, 18 (5). В одесской газете «Южное слово» (№ 64. С. 2–3) печатается рассказ «Петлистые уши».

В конце рассказа помещается примечание: «От автора. Рассказ этот написан в конце 1916 г. Я перепечатываю его здесь и потому, что он, насколько я знаю, известен на юге России только критикам, и в силу того, что страшная фигура его героя, встающая на фоне страшного ночного Петербурга, так ужасно оправдала мое смутное предчувствие всего того, что встало затем надо всей Россией».

Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России, начальник литературно-издательской части выдают Бунину удостоверение редактора отдела культуры в газете «Южное слово».

РАЛ. MS. 1066/1252.

Ноябрь, 19 (6). Бунин получает заграничный паспорт.

РАЛ. MS. 1066/1253.

В одесской газете «Современное слово» (№ 21. С. 2) публикуется рецензия И.Василевского (Не-Буква) «Лысая душа. (“Что же нам делать?” новая книга Ив.Наживина)».

Рецензент, приводя большие цитаты, высмеивает стиль автора, иронизирует над содержанием книги, и в частности, пишет: «Удивительная эта книжка! С горестным чувством будет изучать эти страницы будущий историк, который захочет понять наше смутное время, маленькую и сморщенную душу напуганного и кающегося современника. <...> Книга Ив.Наживина имеет право на внимание, раньше всего, в качестве человеческого документа. Ив.Наживин сам из мужиков, среди мужиков в деревне живет, и в том, что касается жизни деревни, ее неведомого звериного быта, — тут Ив.Наживину и книги в руки. Здесь он знаток, он эксперт и специалист. <...> И как убедительно, какими жалостными словами умеет Ив.Наживин объяснить, оправдать свою тоску о городовом, свою околоточную лирику. <...> Какая унылая, какая жалостная идеология у этого, призывающего к “скромности” типичнейшего из запуганных интеллигентов. <...> Он пламенно зовет назад, со слезой вспоминает о городовом, трогательно умиляется у гробницы Иоанна Грозного, любовно вспоминает о заслугах Романовых (“наша ненависть ко всей “романовщине” нелепа”), но точек над і почему-то не ставит. Республика или монархия нужна его лысой душе? <...> И какая же дряблая, какая запуганная, сморщенная и воистину лысая душа нужна для того, чтобы и теперь, в эти переломные, в эти решающие дни звать нас снова всего только к скромности и покорности, и к мохнатой шапке спасителя городового».

См.: 21 (8) ноября 1919.

Ноябрь, 20 (7). В одесской газете «Южное слово» (№ 66. С. 1–2) публикуется статья Бунина «Заметки», посвященная девятой годовщине со дня смерти Л.Н.Толстого.

Бунин цитирует несколько статей Л.Н.Толстого об общественно-политическом положении в России, о Великой французской революции, и далее пишет: «Выписывая со страниц Толстого эти отрывки, напоминая истинную суть его учения, я думаю, что я делаю дело, которое он горячо одобрил бы и счел гораздо более нужным, чем выражение скорби, что уже нет его в мире в эти жестокие и такие темные дни. Нужно это напоминание еще и потому, что часто теперь защищают даже *его* именем эти дни, и я боюсь, что нынче многие из тех, о которых он говорит в этих отрывках, будут его именем кощунствовать, будут повторять только то из его писаний, что им выгодно и что, будучи выхвачено из этих писаний, зло искажает их. Повторяю: это уже делается, уже не раз делалось: это делается — и это всего ужаснее — даже теми окровавленными с ног до головы, еще не бывалыми в мире злодеями, кои царят уже два года в России именем русского народа и громче всех на всю вселенную кричат о благе человеческом».

Ноябрь, середина. В редакции газеты «Южное слово» Бунин знакомится с писателем И.С.Соколовым-Микитовым, который принес свой рассказ для публикации в газете.

И.С.Соколов-Микитов вспоминает: «С живым Буниным я познакомился в год гражданской войны, в Одессе. Я плавал матросом на небольшом торговом пароходе “Дыхтау”. Иногда мы заходили в Одессу. Было страшное, беспокойное время. Я принес рассказ в газету, литературным отделом которой заведывал Бунин.

На следующий день в редакции газеты мне сказали, что Иван Алексеевич хочет познакомиться со мною, что ему понравился мой деревенский рассказ. Я вошел в небольшой кабинет, где за столом сидел худощавый бритый человек с сухим лицом и зоркими глазами. Он приветливо поздоровался со мною, стал расспрашивать о моей жизни. <...> Бунин похвалил мой рассказ, сказал, что он будет напечатан, предложил мне "фикс" (так назывался в прошлые времена ежемесячный гонорар независимо от того — печатались или не печатались произведения автора). Из редакции мы спускались вместе по узкой каменной лестнице. Я сказал о том, что наш пароход, возможно, отправится в дальнее плавание. Бунин ответил, что любит море, далекие морские путешествия, любит моряков. На другой день я был у него на квартире, в большом пустынном здании. Он вручил мне письмо своему знакомому — известному толстовцу, жившему где-то на Кавказском побережье, просил при случае это письмо передать. Мы шли по одесской улице, падал мокрый снег, ложился на каракулевую шапку, на воротник бунинского пальто. На следующий день наш пароход уходил в Севастополь. С тех пор я не встречал Бунина».

ЛН. Т. 84, кн. 2. С. 157–158.

Границы события определены по времени публикации первого рассказа И.С.Соколова-Микитова в «Южном слове». Рассказ И.С.Соколова-Микитова «На коленях. Настроения деревни» был напечатан в «Южном слове» 21 (8) ноября 1919 г. (№ 67. С. 2). Позднее в газете было напечатано еще два рассказа И.С.Соколова-Микитова: «Исподнее» (Южное слово. 1919. 1 декабря (18 ноября) (№ 77). С. 2), «На своей воле» (Южное слово. 1919. 19 (6) декабря (№ 93). С. 2).

Ноябрь, 21 (8). В одесской газете «Южное слово» (№ 67. С. 1–2) печатается статья Бунина «Заметки» по поводу рецензии И.М.Василевского «Лысая душа» на книгу И.Ф.Наживина «Что же нам делать?» (Ростов-на-Дону, 1919).

См.: 19 (6) ноября 1919, вторая запись.

Бунин пишет: «Был и, слава Богу, еще есть, не убит, не замучен, не умер от разрыва сердца, от скорби, от боли за свою родину и от стыда быть человеком талантливый и умный русский писатель, то есть писатель редкий, ибо талант и ум вещи вообще редкие, писатель, не погубивший ни своего ума, ни своего таланта среди всяческой мерзости, которая так пышно цвела в русской литературе за последние десятилетия, — Ив.Ф.Наживин».

Он «написал замечательную книжку "Что же нам делать?", драгоценную по своей искренности, по своему таланту и, главное, по документальности, по наблюдению и изображению той подлинной, а не выдуманной русской жизни, чувства, ощущения, да даже и простого знания которой так недоставало нам всегда и, что всего ужаснее, так недостает и теперь.

И вот этого человека за эту книжку начинают зло, грубо, самым непристойным образом травить.

По какой причине?

А по той простой причине, что он посмел сказать кое-что не так, как это полагается по канону левых.

<...> Но начать глумиться над этим выдающимся русским человеком и писателем, начать всячески поносить его по левогазетному шаблону, назы-

вать его душу "лысой душой" — не пойму, в чем соль этой дурной выдумки! — <...> и безбожно врать на него, на каждом шагу искажая его книжку, — поступать, одним словом, так, как поступил с Наживиным в позавчерашнем номере "Современного слова" Василевский (Не-Буква), и величать Наживина "этим господином", как величает его Б.Мирский во вчерашнем номере того же "Современного слова" в статейке, уже во второй раз повторяющей угрозу не пустить нас в Москву, если мы не скажем пароль, требуемый от нас Б.Мирским, — все это есть величайшая грубость по отношению ко всей современной русской литературе, и я, не последний человек в этой литературе, решительно протестую против всего этого и надеюсь, что мои чувства разделят многие из моих сотоварищей по перу, равно как и редактор "Современного слова", известный русский писатель Д.Н.Овсянико-Куликовский.

Повторяю: можно соглашаться или не соглашаться с Наживиным, можно спорить с ним, опровергать его, сожалеть, что он больше не социалист, не революционер, а конституционный монархист, как он стал теперь открыто называть себя, <...> но так непристойно травить его, как начало "Современное слово", кидаться с такой яростью затыкать рот большому русскому человеку и писателю, — недопустимо, непозволительно и уж во всяком случае "нелиберально".

Бог мой, что же это такое в самом деле! Уж и слова не смей пикнуть теперь! Нельзя же уж так мордовать Фому у него же в дому! <...> Пусть этот дом наш общий, и все нации России равноправны в нем; есть же все-таки в его прошлом нечто и такое, что все-таки действует сильнее на прямых потомков его строителей, чем на человека другой национальности».

В газете «Южное слово» (13 ноября (31 октября) (№ 60). С. 2) была помещена рецензия В.Лазурского на книгу И.Ф.Наживина «Что же нам делать?» (Ростов-на-Дону, 1919). Рецензент отмечает, что книга И.Наживина «доказывает, что писатель из крестьян пришел к таким же выводам, как и, например, И.А.Бунин. Ив.Наживин сам когда-то отдавался молодым революционным увлечениям, <...> но ему пришлось пережить в родной деревне, во Владимирской губернии, всю нелепицу и весь ужас опытов, которые политические книжники в союзе с хулиганами производили над Россией, и он заговорил с такою же горечью и отвращением, как Ив.Бунин. <...> Теперь затосковавшая и обнищавшая интеллигенция, ужаснувшись той бездны падения, в которую низвергли страну большевики, заговорила тайком о необходимости Бога в нравственных понятиях, хозяина в государстве. Но мы все еще, как студенты и курсистки, боимся, чтобы нас не сочли за людей политически отсталых. До каких же пор это будет продолжаться? Пора уже вместе с такими писателями, как Ив.Бунин и Ив.Наживин, честно и открыто сознаться, что в своей политической неопытности, мы зарвались слишком вперед и наделали глупостей. Есть более высокие понятия, чем "прогрессивный интеллигент". Вместе со всем народом, очнувшимся от дурмана, мы жаждем спасти нашу родину и обновить ее вечными идеалами Бога, чести, самопожертвования».

Позднее в газете «Южное слово» (12 декабря (29 ноября) (№ 87). С. 4) появляется вторая положительная рецензия на книгу И.Ф.Наживина «Что же нам

делать?», выпущенную одесским издательством «Русская культура». В.О.Недзельский в своем отзыве отмечает, что эта книга займет «среди книг о русской революции, русском народе, и русской интеллигенции свое определенное, и, скажем прямо, большое и почетное место. Книга Наживина, неумирающая по темам, написана со скрытым внутренним пафосом, искренним и поэтому жгучим волнением, с глубокой и проникновенной любовью к Родине и к русскому человеку. И уже одно это сделает книгу Наживина одной из немногих неумирающих русских книг последних десятилетий. <...> В своей книге Наживин говорит правду о революционерах, о революции и революционной идеологии. Как в сказке он решается сказать царю-революционизму правду, которую знают уже все, но о которой лукаво молчат страха или пользы ради. Наживин прямо говорит революции: ты голая. Но и не только голая, но и безобразная, ненужная, отвратительная, а главное — чужая, чужая и чужая. Ему этого не простят. <...> И слава тем, кто ведет беспощадную борьбу с революционным дурманом и кто смело и прямо говорит "что же нам делать?"»

Ноябрь, 22 (9). В одесской газете «Современное слово» (№ 23) печатается статья Б.Мирского «Траур».

Журналист пишет о статье Бунина «Заметки» в защиту И.Ф.Наживина. Данный номер газеты «Современное слово» отсутствует в библиотеках России. Судить о содержании статьи можно по отклику на эту статью. См.: 23 (10) ноября 1919, первая запись.

См.: 21 (8) ноября 1919.

Ноябрь, 23 (10). В одесской газете «Единая Русь» (№ 75. С. 3) в рубрике «Среди газет» печатается заметка «Ноктюрн». Без подписи.

Журналист пишет: «На бойких столбцах "российской" газеты "Современное слово" некий г. Б.Мирский скорбит смертельно.

"Русская общественность, действительно, может надеть глубокий траур. Ведь траур необходим, когда полемизируют с подозрительными в паспортном смысле журналистами ехидными ссылками на то, что "нельзя мордовать Фому у него же в дому", когда разделяют писателей на потомков "прямых строителей" и писателей "другой национальности", и когда этой классификацией занимается уже не Пуришкевич, не Шульгин, не какой-нибудь убогий дегенерат из ростовской газеты "В Москву!", а писатель Бунин.

Траур, глубокий траур..."

Г. Пуришкевич только утвердил г. Бор.Мирского в сознании собственного достоинства. "Сумасшедший!"

Г. Шульгин заставил негодовать. "Погромщик!"

Г. Уинстон Черчилль, заговоривший вдруг о "мрачной банде еврейских анархистов", поверг в молчаливое недоумение...

Но академик Бунин, но писатель Бунин заставил г. Бор.Мирского "облечься в траур".

Почему именно писатель Бунин?».

В газете «Одесские новости» (№ 11055. С. 2) в рубрике «Газетный день» публикуется заметка «Правогазетный шаблон» о «Заметках» Бунина в защиту И.Ф.Наживина. Без подписи.

Журналист пишет: «В “Южном слове” Ив.Бунин выступает в защиту “талантливого и умного русского писателя” — Ив.Ф.Наживина. Не нравится автору “левогазетный шаблон”, по которому “глумятся над выдающимся русским человеком”. <...> Бунина возмущает главным образом нетерпимость, проявленная в отношении Наживина. <...>

Но ведь вот тоже писатель и тоже “не последний человек в литературе” и тоже не “другой национальности” — Максим Горький кадит “коммунистической” лампадкой пред лжецарями московскими. Как отнесется к нему Ив.Бунин? С той же правогазетной объективностью? Или соберет весь свой обличительный пафос и воскликнет: “уж мы вас!” <...> Нет, очевидно, дело не так просто. Одно из двух: или писатель Бунин выступает в защиту современной русской литературы, тогда почему один Наживин в роли подзащитного; или гражданин Бунин защищает гражданина Наживина по причинам единомыслия и единодушия, тогда на левогазетный шаблон приходится ответить шаблоном правогазетным. И разве нельзя его найти в скрытом намеке на превосходство “прямых потомков строителей России” пред людьми “другой национальности” (читай еврейской)? Вот и готов шаблон...».

Ноябрь, 25 (12). В одесской газете «Южное слово» (№ 71. С. 1) помещается статья Бунина «Заметки» по поводу критики на его статью об И.Ф.Наживине.

Бунин, процитировав восточную пословицу и стихи Саади о пьяном верблюде, далее пишет: «В Одессе, после моей лекции о русской революции, после двух, трех моих статей в газете, начали дерзить мне, начали на меня злобствовать, умышленно искажать мои слова и даже приписывать мне то, что я никогда не говорил.

Одесскому базару не удастся превратить меня в верблюда, но он уже старается над этим с редкой находчивостью. <...>

Да, на днях, по поводу моих “Заметок” о Наживине, — где я буквально ни слова не сказал в защиту убеждений Наживина и восстал вовсе не против возможности обличений того или иного заблуждения, той или иной неправоты и того или иного нехорошего слова, а только против грубости, нетерпимости, яростной узколобости, либеральной пошлости, уже принесшей столько зла России, и против дурного жаргона, — в “Современном слове” наговорили про меня Бог знает чего и даже более: статейку обо мне озаглавили “Траур”, а в статейке написано, что я верблюд и что я поэтому погиб, умер для русской литературы.

<...> Знаю, что не подобает связываться с базаром. Но повторяю, не случайный это факт, не частный, а типический и по сути своей более значительный, чем кажется с первого взгляда, и очень, очень дурной и печальный, ежели принять во внимание то страшное время, которое еще далеко не изжито нами.

Это форменное преступление в такие дни — клеветать на нас, людей все-таки не совсем рядовых, и клеветой зажимать нам рты, дискредитировать нас ради своего политического соперничества с нами. Это большевизм своего рода <...>.

Я не правый и не левый, я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило.

Я не русофоб, невзирая на то, что имел смелость сказать о своем народе немало горьких слов, основательность коих так ужасно оправдала действительность... <...>

Я не германофоб, не англофоб, не румынофоб и не юдофоб, — покушение налепить на меня с злыми политическими целями этот ярлык дело глупое, — хотя довольно остро чувствую некоторые отличительные и скверные черты, присущие разным народам, и, вообще, невысокого мнения о людях, особенно же теперь, после всего того, что привел Бог мне видеть за последние годы.

Я был, — в силу того, что прежде верил в людей немного больше, чем теперь, — приверженцем республик, теперь же стал несколько сомневаться в них, — не делайте, пожалуйста, страшных глаз на меня, "не запугаете", — и я не настолько горд, как одесские журналисты, чтобы воображать, что то, чем довольствуются конституционные монархисты англичане, никуда не годится для наших головотяпов, в трех соснах заблудившихся и грызущих друг другу глотки сатане на радость и потеху. <...>

И наконец, еще одно заявление: да, да, я и не думаю скрываться, я теперь, кое-что прочувствовав и продумав, имею истинно лютую ненависть и истинно лютое презрение к революциям, да и можно ли не иметь этих чувств в эти дни, каким нужно обладать твердокаменным сердцем, чтобы долбить о республиках, будучи еще в разгаре междоусобной бойни, на военном фронте, в окопах, стоя у самого края адовой пропасти, куда сорвалась Россия и где так несказанно страдают сотни тысяч еще живых, живых людей, гибнущих в слезах, в скорби, в тьме, в холоде, в голоде, среди пыток, расстрелов, кровных обид, вечных заушений и надругательств, под пятой торжествующих мерзавцев, извергов и хамов!

Вот. Вот что чувствую и думаю *лично я* и *в данный момент*. Что будет завтра — не знаю: буду первый счастлив, если жизнь уменьшит мой пессимизм».

См.: 21 (8) ноября 1919; 22 (9) ноября 1919; 23 (10) ноября 1919.

Ноябрь, 26 (13). В одесской газете «Единая Русь» (№ 77. С. 3) публикуется статья Ф.Могилевского «Современные старорежимники».

Критик пишет по поводу одесской газеты «Современное слово» и ее содержания; в заключительной части статьи отмечается: «Слова имеют известную силу, и очень большую силу, но действующую только в известное время. А потом они отмирают. Потому что жизнь сильнее слов <...>. Она освобождается не только из-под власти городовых и губернаторов, но и от власти старых отживших слов.

И когда это освобождение совершилось, когда слово отмерло, вы не оживите его тем, что назовете "современным". "Современное слово", защищающее старые устои подобно дореволюционному губернатору от всяких "подрывателей основ"; "Современное слово", испуганное "тлетворными идеями", все более и более проникающими в общество; "Современное слово", с ужасом разводящее руками и теряющее во-

обще дар слова при мысли, что даже такие общественные сановники, как писатель Бунин, заражаются ужасным ядом реакционного свободомыслия — это, господа, не “Современное слово”, а обыкновеннейшие Щедринского типа “Губернские ведомости”. Новая жизнь уже переступила через них».

В газете «Одесские новости» (№ 11058) помещаются материалы о Бунине:

— в рубрике «Газетный день» публикуется заметка «Маленький человек о большом писателе». Без подписи (с. 1).

Журналист пишет по поводу статьи Бунина «Заметки», напечатанной в газете «Южное слово» (см.: 25 (12) ноября 1919): «Весь нахохлившись от высокомерия, с улыбкой презрения на устах, Ив.Бунин говорит о себе великие вещи в маленьких “Заметках”. <...> августейший писатель удостаивает “базар” кратковременной беседы на тему о том: “что чувствую и думаю лично я в данный момент, я, Ив.Бунин, я, я, я...” <...>

Вовсе не страшные, а большие глаза. Как! значит и Вы, Ваше Величество, оставаясь “непреклонным врагом всего глупого”, попивали республиканское винцо? Теперь вы прозрели. <...>

Что же прикажете делать? Кому присягать? На кого молиться? Забудьте на минуту о себе, о Бунине, и подумайте о России. Скромно, без ссылок на “людей, все-таки не совсем рядовых”, разберитесь, посоветуйте, помогите. Не зажимайте нос, когда проходите мимо народа. С ним ведь жить придется!.. Вы “не русофоб, не германофоб, не англофоб, не румынофоб и не юдофоб, хотя...” Все это очень хорошо. Но вы слишком больной бунинофил. Это плохо!.. Особенно, когда проливая слезы над Россией, вы все время озабочены мыслью, к лицу ли вам глубокий траур...».

— в рубрике «В эти дни» под заглавием «Онегин в современности» Б.Д.Флитом публикуются цитаты из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин», шутливо комментирующие современные события. Подпись: Незнакомец (с. 4).

В частности, с подзаголовком «И.А.Бунину»:

«Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах».

Ноябрь, 29 (16). В газете «Одесские новости» (№ 11061. С. 2) помещается статья П.С.Юшкевича «Неуместный траур».

Критик пишет по поводу «Заметок» Бунина об И.Ф.Наживине и отклика на них (см.: 22 (9) ноября 1919): «Я совсем не понимаю того местного публициста, который, прочитав статью Бунина о Наживине, облекся в “траур, глубокий траур” и с печали чуть ли не прекратил на время своей полезной газетной деятельности. Я не понял бы этой душевной драмы, если бы даже Бунин оказался заправским антисемитом, — что, по-видимому, усмотрел в его статье облекшийся в черные цвета литератор. Всякое бывало! История знает великих антисемитов, юдофобов мирового, так сказать, вселенского значения, не нашему парнасцу чета. И все же ничего в этом трагического не было.

Точно так же не произошло бы общественной катастрофы, если бы с Буниным действительно совершилась столь обычная теперь перемена, и он бы пошел за Наживиным, которого он взял под свою защиту <...>.

К этим падениям нашей беспозвоночной интеллигенции не привыкать стать. И будь Бунин захвачен общим поветрием, то это было бы, разумеется, печально, как лишний симптом современного социального недуга, но раздирать по этому поводу на себе ризы и посыпать пеплом голову просто легкомысленно <...>.

Но совсем вздорной представляется скорбь огорчившегося передовика, если принять во внимание, что поводов для нее по существу нет, что в инкриминируемой статье поэта-публициста нет ничего “преступного”. Бунин указывает, что в душе его, Наживина и других “потомков прямых строителей” национальные реликвии и воспоминания действуют с иной силой, чем в душе представителей “других национальностей”. Это верно, это бесспорный факт, которого отрицать нельзя. Конечно, факту противостоит такт, который должен был бы подсказать Бунину, что в переживаемое нами время неудобно подчеркивать эту сторону дела.

Конечно, совершенно несчастной была мысль приводить это соображение и еще несчастней форма, в которую оно было оправлено. Но это уж беда Бунина, очень плохого публициста, совершенно не умеющего осмыслить окружающее и неспособного изложить более или менее сносно свои смутные идеи по поводу этого окружающего. Оттого, что Бунин стал во главе большого политического органа, его плохая публицистика не стала лучше. Наоборот, эта обязанность руководителя общественного мнения совсем сбила его с пути. И без того болезненно самовлюбленный, он совсем зачудил, вообразив себя каким-то пророком, призванным вещать новые глаголы. Под его пером глаголы эти превратились в местоимение первого лица, маниакально-назойливое повторение которого: “я, я, я...”, разумеется, не способствует прояснению путанной мысли столпа двуакадемической газеты.

Но неудачная, путанная публицистика и даже настойчивое до неприличия самовосхваление не является вовсе политическим грехом или преступлением. И бить тревогу из-за неумелого выступления взявшегося не за свое дело художника и создавать какой-то бунинский инцидент <...> не приходится.

У русской общественности есть более насущные заботы и печали, чем скорбь и глубокий траур по поводу того, что сказал, или думал сказать, Бунин».

См.: 21 (8) ноября 1919; 22 (9) ноября 1919; 23 (10) ноября 1919; 25 (12) ноября 1919.

Ноябрь, 30 (17). В одесской газете «Южное слово» (№ 76. С. 2) печатается первый отрывок из лекции Бунина «Великий дурман».

Ноябрь. И.Ф.Наживин пишет Бунину из Геленджика:

«Дорогой Иван Алексеевич, — все поджидал от Вас письмеца, но ничего нет. Я по-прежнему усиленно стремлюсь за границу работать и отдыхать одновременно. Думаем затевать там большое издательское дело: в России это конечно, видимо, надолго: те серенькие книжечки, которые здесь с таким великим трудом выпускаются, конечно, не дело. Как Вы думаете теперь о поездке туда? <...>

Посылаю Вам для Вашего сборника или журнала еще один свой рассказ “Великий Магистр Ордена Архистратига Михаила” <...>.

Жду от Вас весточки, а пока сердечно приветствую Вас. Ужасно тяжело думать, что впереди у нас здесь столько еще всяких передряг: дело упорно не налаживается».

Новые материалы (*1*). С. 320.

Осень. Бунин знакомится с Н.Я.Рощиным.

Н.Я.Рощин вспоминает: «С Иваном Алексеевичем Буниным я встретился впервые осенью 1919 года в Одессе. <...> Помню тихую Княжескую улицу и дом номер 27, двор, лесенку слева, квартиру с высокими потолками и наполнявший ее холодный блеск зеркальных стекол. <...> Мы сидели в комнате за большим овальным полированным столом, он все кутался в плед, смотрел на меня своими серо-голубыми, безразлично-внимательными, усталыми глазами, глуховатым медленным голосом расспрашивал о друзьях и обо мне самом, а я следил за движениями его больших длиннопалых, сиреневых от холода рук и робел, плохо слушал его, отвечал невпопад».

Вопросы лит. 1981. № 6. С. 170.

Декабрь, 6 (Ноябрь, 23). Бунины переживают нарастание напряженной обстановки в Одессе; власти пытаются усилить меры безопасности в городе.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Мы опять вступили в полосу больших событий. На фронтах положение очень серьезное, напрягаются последние силы. Здесь издаются строгие приказы против разгула и спекуляции. <...>

У Яна за эти дни началась полемика с Мирским и Павлом Юшкевичем за то, что он заступился за Наживина. Но Ян отвечал им зло и остроумно, так, что его даже хоронили. Не рано ли?»

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

См.: 21 (8) ноября 1919; 22 (9) ноября 1919; 23 (10) ноября 1919; 25 (12) ноября 1919; 26 (13) ноября 1919, вторая запись; 29 (16) ноября 1919.

Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России, начальник литературно-издательской части выдают Бунину командировочное удостоверение для работы в Париже в качестве корреспондента одесских газет.

РАЛ. MS. 1066/1254.

Г.Д.Гребенщиков пишет Бунину из Ялты:

«В ответ на Вашу телеграмму о присылке для “Южн<ого> сл<ова>” рассказа я, хоть и не немедленно, послал свой очерк “Карьера А.И.Перекати-поле”, очерк художн<ика> Пинегина и затем почтою новый свой рассказ “Ярышка”.

В начале ноября по моей просьбе к Вам в Одессе несколько раз ходили, но не могли добиться свидания с Вами, мои друзья Ахундовы. <...>

Я знаю, как трудно теперь сообщаться письмами, но вот именно поэтому-то я и скорблю, что Вы так неблагосклонны ко мне, дорогой Иван Алексеевич, и упорно молчите. Ради Бога — отзовитесь!

А если есть за что — пришлите денег».

С двух берегов. С. 233–234.

Очерк «Карьера Александра Ивановича “перекати-поле”» был напечатан в «Южном слове» 1 декабря (18 ноября) 1919 г. (№ 77. С. 2–3).

Декабрь, 7 (Ноябрь, 24). В одесской газете «Южное слово» (№ 82. С. 2) публикуется второй отрывок из лекции «Великий дурман».

Декабрь, 9 (Ноябрь, 26). В одесской газете «Южное слово» (№ 84. С. 1) публикуется стихотворение «Егорий Заступник» («На песок у моря синего...»).

Декабрь, 10 (Ноябрь, 27). В одесской газете «Южное слово» (№ 85. С. 1) помещается объявление:

«Бал Одесского политехнического института. В воскресенье 1 декабря (ст. ст.) 1919 г. во всех залах Литературно-артистического общества (Греческая, 43). Сбор поступит в пользу недостаточных студентов института. Участвуют И.Бунин, А.М.Брагин, А.Н.Вертинский, В.М.Вронский, Б.С.Глаголин, В.Куржиаямский, А.З.Люзинский, Viktor Teapot, Павел Троицкий, Б.Мирский, Lolo, Дон-Аминадо, В.Горянский, Л.Гроссман, П.Е.Ершов, Лери, П.А.Нилус, П.Пильский, Н.Ремизов (Ре-Ми), А.Соболь, А.М.Федоров».

Данное объявление печатается в газете еще дважды: 12 декабря (29 ноября) (№ 87), 13 декабря (30 ноября) (№ 88).

Декабрь, 11 (Ноябрь, 28). В симферопольской газете «Таврический голос» (№ 104. С. 3–4) перепечатывается из «Южного слова» отрывок «Из “Великого дурмана”».

Декабрь, 13 (Ноябрь, 30). В одесской газете «Южное слово» (№ 88. С. 2–3) печатается третий отрывок из лекции «Великий дурман».

Декабрь, 14 (1). Очевидно, Бунин присутствует на благотворительном балу Одесского политехнического института в Литературно-артистическом обществе.

См.: 10 декабря (27 ноября) 1919.

Декабрь, 15 (2). Бунины в ожидании очередной смены власти в Одессе.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Уже декабрь. В комнатах холодно. <...> Мы опять как на иголках. Каждую минуту, может быть, придется сорваться с места. Но куда бежать? Трудно даже представить. Курс нашего рубля так низок, что куда же мы можем сунуться? Везде зима, холод».

Дневники. Т. 1. С. 321.

Ноябрь...Декабрь, первая половина. А.Н.Толстой пишет Бунину из Парижа:

«Милый Иван Алексеевич, князь Георгий Евгеньевич Львов заговорил со мною о Вас, спрашивал, где Вы и нельзя ли Вам предложить эвакуироваться в Париж. Я сказал, что Вы, по всей вероятности, согласились бы, если бы Вам был гарантирован минимум для жизни вдвоем.

Я думаю, милый Иван Алексеевич, что Вам было бы сейчас благоразумно решиться на эту эвакуацию. Минимум Вам будет гарантирован, кроме того — к Вашим услугам журнал “Грядущая Россия”, затем одно огромное издание, куда я приглашен редактором, кроме того, издания Ваших книг по-русски, немецки и английски.

Самое же главное, что Вы будете в благодатной и мирной стране, где чудесное красное вино и все, все в изобилии.

Если Вы приедете к апрелю месяцу или известите заранее о Вашем приезде, то я сниму виллу под Парижем в Сен-Клу или в Севре с тем расчетом, чтобы Вы с Верой Николаевной поселились у нас. Будет очень, очень хорошо».

РАЛ. MS. 1066/5562.

Переписка А.Н.Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 285–286.

Датируется по содержанию и по сопоставлению со следующим письмом. См.: 30 (17) декабря 1919, вторая запись.

Декабрь, 20 (7). Бунины готовятся к отъезду из Одессы. Бунин встречается с В.В.Брянским, который обещает содействие в отъезде из города.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Тучей саранчи, как Атилла, идут большевики. На пути своем они уничтожают все, оставляя голую землю, именно то, что больше всего надо немцам. <...>

Получили визы на Варну и Константинополь. Вчера на пароходе, уходившем в Варну, творилось что-то ужасное.

Крона стоит 10 рублей, марка — 34 рубля, франк 95 рублей, и достать невозможно.

Ехать нам не миновать, но когда и куда поедем, знает один Бог. Проектов много. <...> Ян поехал к Брянскому. А.Д. <Билимович> должен сегодня говорить с ген. Шиллингом.

Надежд никаких. Брянский обещал свое содействие».

Дневники. Т. 1. С. 322.

Декабрь, середина. И.С.Шмелев пишет Бунину из Алушты:

«Дорогой, далекий Иван Алексеевич. Позвольте ознакомить Вас с очерками молодого (29 л<ет>) писателя, Бор. Анатол. Шишкина. Это Ваш почитатель, москвич, быв<ший> 3 г<ода> в герм<анском> плену, солдат, работавш<ий> в детск<ой> литературе (есть его издания), по-моему, оч<ень> даровитый. Крайне нуждается. Работает на винограднике. Если признаете годным, не одобрите ли для печати в “Ю<жном> слове”? Нужда большая. Гонорар — по В<ашему> усмотрению. <...>

Я писал 3 раза Вам и посыл<ал> телеграмму, но взамен не имею ответа. Денег я так и не получил. Рукопись сказки “Матрос Всемога”, стр<ок> 250 я послал заказн<ым> письм<ом> еще 15 окт. <...> Ради Бога, ответьте. Очень стеснен. Сын приехал, болен, кажется, затронуты верхушки <легких>. <...> А у меня было горячее желание работать в В<ашем> органе. Но я боюсь послать рукопись наудачу. Если “М<атрос> Всемога” пропал — я вышлю снова. Только телеграфируйте. Привет сердечный Вам и Вере Николаевне. Жена и сын горячо благодарят Вас за участие. Сын получил 8 нед<ель> поправки. <...>

Газеты приходят через 5 № в 6-й. К счастью, прочел В<аш> очерк «Из “Великого дурмана”». О, чудесно! Пишите, больше пишите, дорогой, чтимый мной старинный товарищ. Если можно, вышлите мне те №№, где В<аши> очерки были — заказной почтой. Наголодался».

РАЛ. MS. 1066/5067.

Датируется по упоминанию предыдущих писем и публикаций отрывков из лекции Бунина «Великий дурман». См.: 3 ноября (21 октября) 1919; 30 (17) ноября 1919; 7 декабря (24 ноября) 1919; 13 декабря (30 ноября) 1919.

Декабрь, 21 (8). В иваново-вознесенской газете «Рабочий край» (№ 290. С. 2–3) публикуется статья Н.Смирнова «Литературные заметки. “Меньшая братия”».

Критик, в частности, пишет: «Интеллигенция и отобразительница ее настроений — литература шли одним путем, а народ — другим. И если единицы из писателей обращали свое внимание в его сторону, то несмотря на всю красоту изображения, — силуэты, выхваченные из толщи народной, как, например, у Бунина (в “Деревне”, “Ночном разговоре” и др.), получались слишком мрачными и сгущенными. <...>

Зашумели красные вихри, зашумели о том, что через кошмар сегодняшнего дня мы идем в светлое, праздничное завтра.

Бессильной оказалась литература — она замолчала, раскололась. Мы увидели позорный и небывалый факт: наши славные братья — писатели, эти (по старой традиции) — “друзья народа”, оказались вместе с теми, кто, ради личных удобств и туго набитого кармана, хочет снова заковать идущий по новому пути народ — в старые цепи.

Все крупные величины (Бунин, Андреев, Куприн, Чириков) — оказались по ту сторону в белом стане. Они сами себе поставили крест, обнажили свое бессилие, свою обывательскую подоплеку.

Иногда доходят сведения, что тот или иной из них разразится призывом о “решительной борьбе с варварами-большевиками”, опустится до мелкой мещанской сплетни, — и этим только лишний раз подчеркнет свою убогую роль, — свою писательскую кончину».

Декабрь, 22 (9). В редакции газеты «Южное слово» Н.К.Клименко распространяет слухи о Бунине. К Буниным приходят Б.Велихов и Дидрихс.

В.Н.Муромцева записывает в дневнике: «Кл<именко> распространяет, что Ян перестал редактировать газету. Конечно, он ждет не дождется остаться единоличным хозяином “Южного слова”. Яну все это так противно, что взял бы все, да и бросил. <...> В пропаганде все очень заняты тем, сколько получает Ян, и цифра растет не по дням, а по часам».

В.Н.Муромцева в дневнике 23 (10) декабря добавляет: «Вчера были Велихов и Дидрихс. Мы много смеялись, старались быть веселыми. Велихов читал свои стихи. <...> Ян, как всегда, был в редакции. Говорит, что теперь ездить очень жутко. Временами слышатся выстрелы».

Дневники. Т. 1. С. 322–323.

Декабрь, 23 (10). Планируемая аудиенция Бунина и Н.П.Кондакова у митрополита Херсонского и Одесского Платона, прибывшего в Одессу, срывается.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Вчера митрополит Платон прибыл в Одессу. На сегодня назначена аудиенция Н.П.Кондакову и Яну. Но сейчас звонил Вар-

шавский и сообщил, что митрополит экстренно выехал в Ростов. Его взяли на английское судно. Что это значит? Почему такое поспешное бегство?»

Дневники. Т. 1. С. 323.

Декабрь, 24 (11). Бунин встречается с Н.П.Кондаковым, вдвоем они пытаются организовать свой отъезд из города. Бунин приходит к А.Д.Билимовичу, посещает Отдел пропаганды Добровольческой армии, заходит к Б.В.Юрлову, Аркадакскому. Днем к Буниным приходят Н.П.Кондаков и А.Д.Билимович. Позднее Бунин едет к В.В.Брянскому.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Ян был во многих местах, общее впечатление: паника. Никто не знает, куда бежать. Прежде всего он отправился к Кондакову, чтобы его предупредить, что митрополит Платон уехал, но <он> уже ушел к митрополиту. <...>

По дороге Ян встретил Ник.Павл.Кондакова. И они отправились к французам хлопотать насчет парохода. Есть слухи, что Одессу займут 21 декабря.

Ян отправился к Билимовичу в округ. <...>

Оттуда Ян отправился в пропаганду. Там сказали, что дела очень плохи. <...> Есть слух, что предполагается внутреннее восстание. Затем он зашел к Бор.Вл.Юрлову, который сообщил, что были очень большие аресты. Он очень ругал власть, говорил, что здесь Бог знает, что делается. <...> Успокоительные вести только из Константинополя, что в Одессу приходят английские пароходы, и в порту очищается для них место.

Ян зашел в Messageri. В “Мессажери” Ян узнал, что “Данюб” не пойдет, а пойдет 2 января другой пароход, который горел. Для пассажиров места только в трюме, и не для пассажиров, но, может быть, на нем можно было бы устроиться. Зашел Ян и к Аркадакскому. Он прямо плачет, возмущен на власть, на то, что они очень глупую ведут политику с рабочими и т.д. <...>

В четыре часа у нас были Ник.Павл.Кондаков и Ант.Дм.Билимович. Ант.Дм. сегодня же передаст Шиллингу бумагу о командировке и, кроме того, будет испрашивать разрешение на субсидию в размере 25 т<ысяч> руб. романовскими деньгами на каждого.

После ухода Кондакова и Билимовича Ян поехал к Воле Брянскому».

РАЛ. MS. 1067/360, 364.

Декабрь, 25 (12). Бунин рассказывает жене о своем отношении к «новому миру». К Буниным заходит Н.П.Кондаков.

В.Н.Муромцева в дневнике 26 (13) декабря записывает: «Вчера мы пили вино, Ян возбудился, хорошо говорил о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, Москвы, Петербурга. Что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее. Когда он говорил, то на глазах у него блестели слезы. Ни социализма, ни коллектива он воспринять не может, все это чуждо ему. Близко ему индивидуальное восприятие мира. <...> Никогда я не примирюсь с тем, что разрушена Россия, что из сильного государства она превратилась в слабейшее. Я никогда не думал, что могу так остро чувствовать.

<...> Когда мы с Яном вчера убирались, он сказал: “Боже, как тяжело! Мы отправляемся в изгнание и кто знает, вернемся ли?”

Вчера же заходил к нам Никодим Павлович <Кондаков>. Билимович докладывал Шиллингу о командировке Н.П. и Яна и испрашивал разрешение относительно денег. Шиллинг сказал, что он ничего не имеет против, но все зависит от Совета. Вероятно, откажут».

Дневники. Т. 1. С. 325.

В парижской газете «Общее дело» (№ 63. С. 4) под общим заглавием «Русские писатели о Добровольческой Армии» приводится мнение Бунина.

См.: 5 октября (22 сентября) 1919, третья запись.

Декабрь, 26 (13). Бунин посещает Сербское консульство и беседует с консулом о жизни в Белграде.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Были в Сербском консульстве: 5 франков или 10 динар за визу. Ян долго беседовал с консулом. По его словам, в Белграде очень тесно, но нам все же, вероятно, удастся устроиться. <...>

Нилус и Кипен решили ехать в Сербию».

Дневники. Т. 1. С. 324–325.

В одесской газете «Южное слово» (№ 98. С. 2) помещаются стихотворения под общим заглавием «Из цикла “Русь”»: 1. «Разлука» («Табор двинулся... Отстала...»), 2. «Степь» («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»), 3. «Иконка» («Иконку, черную дощечку...»), 4. «Пожары» («Наполовину вырубленный лес...»), 5. «Зазимок» («Сивером на холоде...»).

Декабрь, 28 (15). Бунин заболевает.

В.Н.Муромцева отмечает в дневнике: «Ян нездоров: насморк, повышенная температура (38°).

Письмо от Назарова из Константинополя и Бурцевская газета <“Общее дело”>».

Дневники. Т. 1. С. 326.

Бунину выдают копию российского паспорта.

РАЛ. MS. 1066/1255.

Декабрь, 30 (17). В.Н.Муромцева приходит на прием к А.Д.Билимовичу и передает письмо Бунина. В Отделе пропаганды в деньгах Буниным отказывают. В.Н.Муромцева заходит к Н.П.Кондакову, у которого вновь встречается с А.Д.Билимовичем. Позднее В.Н.Муромцева едет на прием к В.В.Брянскому.

В.Н.Муромцева пишет в дневнике: «Была на приеме у Билимовича. <...> Меня принял стоя. Я пробыла у него минуты две. Он прочел письмо Яна и сказал, что будет в 3 часа у Кондакова. <...>

Была в пропаганде. Денег не дают. <...> В 3 часа я была у Кондакова. Билимович сказал, что не знает о судьбе поданной бумаги. Я предложила, что съезжу к Брянскому. <...>

В приемной Брянского я прождала с полчаса. <...> Наконец, я была принята. <...> Бумага уже послана французам, но прямо в Константинополь к де-Франси.

Относительно ассигновок нет никакой надежды. Будто бы нет ни романовских, ни думских».

Дневники. Т. 1. С. 326–327.

На бланке редакции парижского журнала «Грядущая Россия» ее секретарь А.Лихошерстов обращается к Бунину с просьбой прислать рассказ; к письму делает приписку А.Н.Толстой:

«Умоляю Вас прислать нам рассказ. Если плата в 350 фр. Вам покажется низкой, то Вы напишите при посылке рукописи и мы Вам дошлем, сколько Вам нужно».

РАЛ. MS. 1066/5563.

Декабрь, 31 (18). Бунин приходит на прием к английскому консулу, который обещает помощь с выездом из города.

В.Н.Муромцева в дневнике пишет: «Ян был у английского консула, который принял его очень любезно. Виза на Батум будет нам дана. Обещал помочь с выездом».

Дневники. Т. 1. С. 327.

Декабрь, 21...31. Выходит 2-е издание восьмого сборника «Слово» (М., 1919), в котором (с. 7–16) печатается рассказ «Соотечественник».

Границы события определены по: *Книжная летопись.*

Сентябрь, середина...Декабрь. Бунин дарит А.Б.Дерману книгу «Смерть Моисея» (Одесса, 1919) с надписью:

«А.Б.Дерману от Ив.Бунина».

РГБ, Музей книги.

Данный экземпляр имеет авторскую правку в тексте рассказа «Братья» и авторскую дату в конце его: «Февраль 1914 г. Капри».

Границы события определены по времени выхода книги в свет. См.: до 8 сентября (до 26 августа) 1919.

Октябрь, середина...Декабрь. Выходит книга «Генерал А.И.Деникин в Одессе» (под ред. С.Москвина. Одесса, 1919), в которой (с. 48) печатается приветственное слово Бунина на банкете в честь А.И.Деникина.

См.: 9 октября (26 сентября) 1919, вторая запись.

Октябрь...Декабрь. Бунин знакомится с П.М.Бицилли.

Новые материалы (*2*). С. 110, 121.

В течение года. Бунин пишет рассказ «Готами». Авторская дата: «Одесса. 1919».

РАЛ, MS. 1066/119.

СС (*Петр*). Т. 8. С. 23–27.

См.: Южное слово. Одесса, 1920. 17 января (№ 114). С. 2.

В серии «Народно-школьная библиотека» выходит 3-е издание книги «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 104 с.).

Содержание то же. См.: до 3 декабря 1914.

Выходит книга «Ночной разговор» (Одесса: Книгоиздательство «Южнорусская универсальная библиотека», 1919. 88 с. № 50).

Содержание: Ночной разговор, Хорошая жизнь.

Выходит альманах «Дальние окна» (М.; Киев: Северные долины, 1919), в котором (с. 5) публикуется стихотворение «Взойди, о Ночь, на горний свой престол...».

Выходит книга В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1919), в которой (с. 10–24) в главе второй «Деревенское и городское», в частности, говорится о Бунине.

На обложке книги заглавие и год издания другие: «Очерки по истории новейшей русской литературы. (1881–1919)» (М.: Изд. Всероссийского Совета Рабочей Кооперации, 1920).

Критик пишет: «Мы сжились с городом и уже не замечаем городского. Многие никогда не живали в деревне, но вы поймете, что по-разному должны писать стихи и рассказы мелкий помещик, выросший в усадьбе Орловской губернии — Иван Бунин, и Валерий Брюсов, увидевший свет из окна запыленного амбара, поэт города, родившийся в купеческой семье. <...>

Младшее поколение писателей из дворянской усадьбы покидает гнездо отцов, но тоже не мирится с городом, с его новым стилем и новым бытом. Поэт забытой усадьбы, поэт центральной полосы России Иван Бунин (1870 г.), бытописатель забытых медвежьих углов Заволжья — граф Алексей Толстой (1882 г.) — наши современники, но они приходят точно из другого мира, они связывают нас с прошлым. <...>

Иван Бунин не только резко подчеркивает контраст города и деревни, он в неувядаемых образах увядания и заброшенности дает великолепное освещение перехода от деревни к городу. От его произведений веет чем-то далеким, забытым, отошедшим. <...> Автор прекрасного рассказа “Антоновские яблоки” пишет благородным стилем наших старых поэтов-классиков. Он завершает наше вчера, он говорит *свое* слово и *последнее* слово о прошлом, об отходящем и отошедшем, он договаривает, что сталось с деревней <...>.

Когда вы читаете рассказы Ив.Бунина, похожие на стихи, и его стихи, похожие на рассказы, вы чувствуете, почти постоянно, что поэт не может забыть родное ни в Палестине, ни в море <...>, ни в Париже. <...>

<...> ...вы посмотрите на этих бывших дворовых, на этих бывших господ — разве они живут? Это призраки прошлого, они вспоминают о “прежнем”, о “невозвратном”, о “вчера”. Они ничего не ждут!» Далее цитируется стихотворение «Дядька» («За окнами — снега, степная гладь и ширь...»).

Тем же настроением покинутости и обреченности на гибель исполнено прекрасное стихотворение “Одиночество”, которое кончается тоскливым аккордом:

Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Ивана Бунина иногда совершенно ошибочно называют “певцом дворянских усадеб”. Он не *воспел* дворянскую усадьбу, а *отпел*. Он сам назвал свои поэмы запустения — эпитафиями, <...> он сказал последнее слово о вчера и сказал его с какой-то нежной грустью».

В журнале «American review of reviews» (Vol. 58. P. 444) печатается рецензия А.Шоу на рассказ «Господин из Сан-Франциско» в английском переводе.

См.: *Антология.* С. 611–612.

Дополнения и исправления к 1 тому «Летописи»

1870

Октябрь, 11 или 12. Крестины Бунина.

В разговоре с А.Бахрахом Бунин вспоминал: «А, знаете, меня чуть-чуть не нарекли Филиппом. В последнюю минуту — священник уже стоял у купели — старая нянька сообразила и с воплем прибежала к моей матери: "Что делают... что за имя для барчука!". Наспех назвали меня Иваном, хоть это тоже не слишком изысканно, но конечно, с Филиппом несравнимо. Именины мои приурочили ко дню празднования перенесения мощей Иоанна Крестителя из Гатчины в Петербург».

Бахрах А. Бунин в халате. Нью-Йорк, 1979. С. 86.

Дата события определена по следующим данным: 11 октября празднуется память апостола Филиппа, 12 октября — перенесение десной руки Иоанна Крестителя.

1877

Июнь, 15. Ю.А.Бунин заканчивает восьмилетний курс Воронежской гимназии с золотой медалью.

ЦИАМ, ф. 418, оп. 291, ед. хр. 62, л. 2.

В *Летопись* (*1*) данное событие ошибочно датировано: май 1874.

Сентябрь. Ю.А.Бунин поступает в Московский университет и начинает учиться на физико-математическом факультете.

ЦИАМ, ф. 418, оп. 291, ед. хр. 62.

В *Летопись* (*1*) данное событие ошибочно датировано: сентябрь 1874.

1886

Апрель, 1. Бунин начинает записывать стихотворения в самодельную тетрадь, озаглавив ее «Опыты». Авторская дата на обложке: «1886 года 1-го апреля».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 26.

1887

Апрель, 7. Бунин пишет стихотворение «Парус» («Светлое небо меж тучек синеет...»). Авторская дата: «7 апреля 1887 года».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 27, л. 5.

В *Летопись* (*1*) ошибочно датировано: 1 апреля 1887.

См.: Юность. 1958. № 1. С. 33.

Апрель, 18. Бунин пишет стихотворение «Посв. А.В.Р-ой» («Весна пришла, — придет опять и лето...»). Авторская дата: «1887 года. Апреля 18-го д<ня>».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 27, л. 10–11.

Не опубликовано.

Апрель, 20. Бунин пишет стихотворение «Отчего весел я, хоть и пасмурен день...». Авторская дата: «Апреля 20-го».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 27, л. 12–13.

Год определен по расположению автографа в тетради. Не опубликовано.

Апрель, 23. Бунин пишет стихотворение «Солнце вышло на небо высоко...». Авторская дата: «Апреля 23-го 87 года».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 28, л. 14.

Не опубликовано.

1888

Август, до 10. Бунин пишет стихотворение «Когда вечернею порою...» и посылает его вместе с другими в журнал «Книжки “Недели”».

Граница события определена по времени публикации. См.: начало сентября 1888.

1889

Ноябрь, до 10. Бунин пишет рассказ «День за день».

Граница события определена по времени пребывания Бунина в Орле и дате публикации. См.: 1...4 ноября 1889; 22 ноября 1889.

1890

Июль, 20. Бунин пишет стихотворения: «Если любить — значит с горем расстаться...», «Какая глупость! Боже мой!..».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1.

Не опубликованы.

Сентябрь, до 30. Бунин пишет стихотворение «На морском берегу, на скале...» и посылает его в журнал «Наблюдатель».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 ноября 1890.

В течение года. <Четвертую запись следует читать:> Бунин пишет стихотворение «Нашим дням» («...Однообразные печали и сомненья...»). В подстрочной сноске Бунин отмечает: «Многие места этого стихотворения написаны на мотив отрывка из “Confession d’un enfant du siècle” Мюссе». Авторская дата: «1890».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 60, л. 1–2.
ПСС. Т. 1. С. 9–10.

См.: 1 ноября 1891, вторая запись.

1891

Январь, до 15. Бунин пишет стихотворения: «Дрожат в темном озере звездные очи...», «Засыпай, засыпай, дорогая...», «Зимней свежестью пахнуло...», «Из пережитого» («Тихи были апрельские зори...»), «Из песен казанских татар» («Не за Белой ли рекою...»), «...Не думай, позабудь... Не вспоминай о том...», «Последние дни» («...Сегодня в первый раз один брожу в аллее...»), «С каждым днем со мной ты холоднее...»,

переводит: отрывок из сказки «Солнце Гарема» Т.Мура («На земле, меж богатствами мира...»), стихотворение Ф.Гименс «Убаюкай меня, дорогая моя...».

Граница события определена по датам цензурного разрешения на выпуск книги «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) и по времени ее выхода в свет. См.: 31 января 1891; 30 сентября 1891, вторая запись; до 24 декабря 1891.

Февраль, до 28. Бунин пишет стихотворение «На мотив П.Бурже» («Уже скоро холодной рукой...») и посылает его в журнал «Наблюдатель».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 апреля 1891, вторая запись.

Декабрь, 27. Бунин дарит Д.В.Померанцеву книгу «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) с надписью:

«На память заседаний в Верхней Палате и общего угнетения от Б.Ш<елехова> милому крокодилу Дмитрию Владимировичу Померанцеву от автора. 27 декабря, 8 часов вечера. Орел, Воскресенская. Вечер с ***лимоном***».

Искусство автографа. С. 179.

1892

Май, до 31. Бунин пишет рассказ «Помещик Воргольский».

Граница события определена по времени публикации. См.: 3 июня 1892; 4 июня 1892; 5 и 6 июня 1892.

1893

Март, до 31. Бунин пишет стихотворение «Нет, не о том я сожалею...» и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 мая 1893.

Сентябрь, 20. Бунин пишет стихотворение в альбоме А.Н.Бибикова «Для чего любить людей, природу...». Авторская дата: «Ферма 20 сент. 93 г.»

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 4, л. 5.

Не опубликовано.

Февраль, до 15...Ноябрь, до 30. Бунин переводит сонеты Ф.Петрарки.

Граница события определена по переписке Бунина с И.О.Лялечкиным. См.: 4 декабря 1892; 20 февраля 1893, первая запись; 29 марта 1893; 10 июня 1893; 23 августа 1893; 28 августа 1893; 1 декабря 1893.

Переводы Бунина сонетов Ф.Петрарки неизвестны, кроме одного сонета XIII, опубликованного позднее. См.: 3 июня 1896, вторая запись.

В течение года. Бунин пишет стихотворение «Все светлее луна восходила...».

ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 3, л. 74.

Не опубликовано.

1895

Сентябрь, 17...20. Бунин посылает Ю.А.Бунину из Огневки автограф нового стихотворения «В осеннем лесу» («Ворох листьев

сухих все сильней, веселей разгорается...») и пишет ему на том же листе:

«Получил твое письмо, Бога ради, вышли на дорогу — из “Всем<ирной> илл<юстрации>” не получил денег, а хочу непременно выехать числа 1-го окт. Ведь мне тут не на что жить, да и в Птб. с чем я поеду? Войди Бога ради в мое положение! Прощая, пишу на скорях, в конторе почтовой. Живы»

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 84, л. 1.

Границы события определены по авторской дате стихотворения и по содержанию. См.: 17 сентября 1895.

Декабрь, до 31. Бунин переводит стихотворение А.Асныка «Лилии» («Золотые кудри в косы...») и посылает его в журнал «Наблюдатель».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 февраля 1896.

В течение года. Бунин пишет стихотворение «Что в том, что где-то, на далеком...». Авторская дата: «1895». Следует читать: Авторская дата: «10.IX.1915».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 3, л. 29.

См. с. 686 наст. изд.

1897

Январь, 2. Бунин дарит З.И. и Э.Д.Воронцам книгу «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897) с надписью:

«Дорогим друзьям моим Зинаиде Ивановне и Эммануилу Дмитриевичу Воронцам от автора. СПб., 2.I.97».

Лесман. С. 54.

Октябрь, 18. Бунин пишет Н.Г.Кулябко-Корецкому по городской почте Петербурга:

«Недавно приехал и очень хотел бы повидаться с Вами, но не знаю, когда можно застать и не побеспокоить Вас. Не будете ли добры написать мне два слова по этому поводу: Пушкинская, д. № 1, мебл<ированные> комнаты Пименова. Тогда тотчас же поспешу навестить Вас».

Москва. 2015. № 1. С. 215.

1898

Январь, после 26. О.Н.Попова в разговоре с В.А.Поссе дает оценку творчеству Бунина.

В.А.Поссе вспоминает, что получив от А.М.Горького письмо О.Н.Поповой с отказом издавать очерки и рассказы последнего, он пошел к ней выяснить этот вопрос лично: «Она выслушала меня, обиженно сморщив свои губы, и заявила, что виновата не она, а я, который плохие фельетоны провинциальных газет принял за художественные шедевры. Издавать Горького — понапрасну бросать деньги: рассказов его никто покупать не будет, совершенно не расходятся даже рассказы Бунина, который несравненно талантливей Горького».

Поссе В.А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. С. 145.

Граница события определена по дате письма В.А.Поссе к А.М.Горькому. См.: *Горький. ПСС.* Т. 1. С. 515.

Январь, 27. А.И.Эртель пишет Бунину, извиняясь за поздний ответ:

«Книгу свою — “Смену” — я высылаю Вам завтра же в заказной бандероли, и еще раз благодарю Вас за Вашу <“На край света и другие рассказы” (СПб., 1897)>. Вы, конечно, поверите мне, что рассказы, собранные в этой Вашей книге, доставили мне истинное и большое удовольствие. Так приятно ведь встретить что-нибудь свежее и молодое в изъезженных и скучных плоскостях нашей отечественной словесности последнего времени. Я не хочу и не стану преувеличивать художественное значение Ваших работ; но в них — несомненная и, местами, тонкая наблюдательность, подлинное поэтическое чувство, искреннее и человечное мировоззрение... С такими задатками в даровании можно смело работать и смело рассчитывать на достижение более яркой и сильной художественной индивидуальности.

Мне кажется, что Вы не нашли еще себя. По крайней мере, это чувствуется в неровной манере Вашего письма. В мягкую, нежную и задумчивую живопись, в неясно определенные контуры, в намеренно слабые — точно на старинных гобеленах, краски, вдруг врываются резкие штрихи, тоны яркие до крика, — иногда весьма жизненная, но недостаточно сгармонизированная с общим колоритом авторского таланта пестрота. Дымка грустной мечтательности по временам прерывается неприятно шумной сценой, грубой — в художественном смысле — <нрзб>, теоретической выходкою... Впечатление в свою очередь получается неровное и часто причиняющее досаду. <...> упомяну о “Тарантелле”. Это один из лучших Ваших рассказов. Все тут, по-моему, совершеннейшая правда. Тип (учителя) нарисован смело, объяснен правильно, — включая и его “падение”; и, тем не менее, чем-то коробит этот рассказ, — я думаю — чуждым Вашему таланту реализмом; отсутствием поэтической перспективы — воздуха, как говорят живописцы, того воздуха, что смягчает назойливую грубость и чрезмерную “правдивость” вещей. Иными словами — “правда”-то рассказа только внешняя, — та самая, что видна обыкновенному, “обывательскому”, глазу — одним словом, это — правда превосходно написанной корреспонденции, а не художественного произведения. И совсем другое Ваш крошечный, прелестный рассказ “Кастрюк”, выдержанный весь в мягком, задумчивом тоне, весь вытекающий из интимных особенностей Вашего таланта, из Вашей художественной индивидуальности. Мне думается, “манера”, в которой написана эта вещица, именно и есть Ваша настоящая манера, а все остальное — “от лукавого”...

Простите, пожалуйста, что я позволил себе вдаться в эту некоторого рода “критику”. Объясните такой пассаж тем, чем только и возможно его объяснить: моим неравнодушным отношением к писательской вашей карьере, живо меня интересующей. Пишите, ежели захочется. Очень рад буду поговорить с Вами».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 2, ед. хр. 300.

Апрель, до 30. Бунин пишет стихотворения: «В темнеющих полях, как в безграничном море...», «Первый снег» («Зимним холодом пахнуло...»).

Граница события определена по письму Бунина, дате цензурного разрешения и времени выхода в свет книги «Под открытым небом». См.: май 1898; 1 июня 1898, первая запись; 27 июня 1898; до 19 августа 1898.

Бунин переводит стихотворение В.Чайченко <Б.Д.Гринченко> «Воет буря, хлещут волны...».

Граница события определена по письму Бунина, дате цензурного разрешения и времени выхода в свет книги «Под открытым небом» и первой публикации стихотворения. См.: май 1898; 1 июня 1898, первая запись; 27 июня 1898; 1 августа 1898; до 19 августа 1898.

Июнь, до 25. Бунин переводит стихотворение П.Бурже «У Средиземного моря» («О, нежная заря, — как ласково восходит...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 июля 1898, вторая запись.

Август, до 27. Бунин пишет стихотворение «Я покинул тебя... Я навек схоронил...».

Граница события определена по времени публикации. См.: 30 августа 1898.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворение «Ветер осенний в лесах подымается...» и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 октября 1898, пятая запись.

Сентябрь, до 22. Бунин переводит стихотворение Г.Лонгфелло «Индейская любовная песня» («Онава! Проснись, родная!..»).

Граница события определена по биографическим данным и времени публикации. См.: 27 сентября 1898.

1899

Май, 21. В иркутской газете «Восточное обозрение» (№ 106. С. 2) публикуется статья «Журнальные заметки». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет: «Есть оригинальная беллетристика и в “Мире Б<ожьем>”, но “Без роду-племени” г. Бунина хотя и касается интересной темы — изображения человека, общественными условиями как бы обреченного на безбрачие — вовсе было бы неуместно в журнале для самообразования, так как может дать только извращенное представление о литературной художественности».

1900

Июнь, до 13. Бунин пишет стихотворение «Примирение» («Ночь темна и долга... Море глухо шумит...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 14 июня 1900, первая и вторая записи. В *Летописи* (*1*) неточно указана дата написания: до 31 августа 1900.

См.: ноябрь 1900, вторая запись.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Серп луны под тучкой длинной...».

Граница события определена по упоминанию будущей книги «Листопад» в письме Бунина и по времени заключения Условия на издание книги «Листопад». См.: 14 июня 1900, третья запись; 31 августа 1900, первая запись.

См.: 24...31 января 1901.

Июль, 11...Август, 3, 1899 или Май, 12...Август, 26, 1900. Бунин дарит П.М.Ерохину отдельное издание своего перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899) с надписью:

«Петру Михайловичу Ерохину на добрую память. Ив.Бунин».

Марков А. Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 179–183.

Границы события определены предположительно по времени пребывания Бунина в Огневке, Ельце, Ефремове и Глотово. С 1895 по 1901 г. П.М.Ерохин работал сельским учителем в Елецком уезде.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворение «Песни бури. Осенний гимн» («Слышишь, как бушует море?..») и посылает его в журнал «Всходы».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 октября 1900, первая запись.

Сентябрь, до 21. Бунин пишет стихотворение «Звезды ночью весенней нежнее...».

Граница события определена по времени пребывания Бунина в Петербурге, письму Бунина и дате публикации. См.: 5 сентября 1900, восьмая запись; 21 сентября 1900; 1 или 2 января 1901, вторая запись.

Сентябрь, 22...Октябрь, 4. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Антоновские яблоки».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 7.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве.

Октябрь. Выходит книга В.Я.Брюсова «Tertia vigilia. Книга новых стихов, 1897–1900» (М.: Скорпион, 1900), в которой отдел четвертый «Картинки Крыма и моря» посвящен Ив.Бунину.

Время выхода книги определено по: *Летопись литературных событий.* Вып. 1. С. 465.

Ноябрь, 20. Бунин посылает В.А.Поссе два стихотворения «Глушь» («Лес шумит невнятным, ровным шумом...») и «Пред зарею» («Отдохни, — еще утро не скоро...») для публикации в журнале «Жизнь» и пишет ему:

«Посылаю Вам два стихотвор<ения> на декабрь, оба принятые Вами <...>. Я соединил их и дал заглавие “По лесам” вместо прежнего “Ночь”. Так и печатайте теперь — только пожалуйста в декабре».

Москва. 2015. № 1. С. 215.

Ноябрь, до 23. Бунин начинает писать рассказ «Белая смерть» (позднее озаглавлен «Астма»).

Граница события определена по письмам А.М.Горького и Бунина. См.: 25 ноября 1900; 12 января 1901, третья запись; а также 30 марта 1905, вторая запись; 1 июня...6 июля 1907.

Ноябрь, до 30. Бунин перерабатывает раннее стихотворение «Зимней ночью в лесу» и новый вариант его «Крещенская ночь»

(«Темный ельник снегами, как мехом...») посылает в журнал «Детское чтение».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 января 1901, вторая запись.

Ноябрь, 20...Декабрь, около 10. Бунин встречает на Арбате Л.Н.Толстого.

В *Летопись* (*1*) это событие ошибочно датировано 6...16 декабря 1901 г.

Декабрь, 23. М.П.Чехова посылает Бунину телеграмму:

«Приезжайте ждем Чехова».

Письма (*1*). С. 632.

Декабрь, до 31. Бунин пишет стихотворение «Гроза прошла над лесом стороною...».

Граница события определена по письмам Бунина, А.М.Горького и по времени публикации. См.: 3 или 4 января 1901; 5...7 января 1901; январь 1901.

1901

Январь, 17. Бунин пишет В.А.Поссе из Ялты:

«Очень прошу извинения, Вл<адимир> Ал<ександрович>, пожалуйста, не сердитесь, что невольно обманул Вас. “Белую смерть” пришлю на март, — вообще на март непременно пришлю. А на февраль дня через 2–3 пошлю Вам чудеснейший рассказик на ½ листа».

Москва. 2015. № 1. С. 216.

Рассказ «Белая смерть» под заглавием «Астма» был впервые опубликован только в 1907 г., в конце февраля 1901 г. Бунин послал в журнал «Жизнь» рассказ «Туман».

См. также: до 27 марта 1901.

Февраль, 17. Бунин дарит Л.В.Средину книгу «Листопад» (М., 1901) с надписью:

«Уважаемому Л.В.Средину Ив.Бунин. Ялта, 17 февр. 1901 г.»

Частное собрание.

Февраль. Бунин посылает В.А.Поссе книгу «Листопад» (М., 1901), очевидно, с дарственной надписью.

См. также: до 27 марта 1901.

Данный экземпляр книги неизвестен.

Март, до 27. Бунин посылает В.А.Поссе из Одессы рассказ «Новая дорога» и пишет ему:

«Посылаю Вам еще очерк (“Новая дорога”). Будут еще два, родственные (только родственные, но в другой манере и с фабулой) этому, так что я подумываю даже: не дать ли общее заглавие? <...> Следующие будут: “Сосны” и “Белая смерть”. Очень жду от Вас ответа относительно всего этого. Очень прошу Вас напечатать и “Туман” и это (то есть “Новую дорогу”) в апреле. Тогда можно будет пустить в мае еще два. Думаю, что и на июнь дам. Не боитесь Вы меня? Убедительно прошу Вас быть со мною откровеннее. Получили ли Вы “Листопад”?

Пожалуйста, отвечайте — не угашайте мой дух. — дух нервный. Поклон товарищам по журналу».

Москва. 2015. № 1. С. 216–217.

Рассказы «Туман» и «Новая дорога» были напечатаны в апрельском № 4 журнала «Жизнь» за 1901 г.

Май, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Вечер» («Светит алым светом...»), «У залива» («Над морем дремлют, зеленеют...»), «Утро» («Светит в горы небо голубое...») и посылает их в журнал «Детское чтение».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 июля 1901, вторая запись.

— «На горах» («Пока я шел, я был так мал!..»).

Граница события определена по времени посылки стихотворения в журнал «Нива» и публикации. См.: начало июня 1901; сентябрь 1901, первая запись.

Июнь, 1...18. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Костер».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 7.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве.

Июнь, до 25. Бунин пишет стихотворения: «Зарница» («Зарницы лик, как сновиденье...»), «Отрывок» («...В поздний час мы были с нею в поле...»), «Курган» («Любил он ночи темные в шатре...»), «Сон-цветок» («Это было глухое, тяжелое время...») и посылает их в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 августа 1901, третья запись.

Июль, до 15. Бунин пишет стихотворение «На острове» («Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...»).

Граница события определена по письму Н.А.Соловьева-Несмелова и времени приезда Бунина в Москву. См.: 7 июля 1901, вторая запись; 15 июля 1901.

См.: 16...23 октября 1901.

Июль, до 20. Бунин пишет стихотворение «В детской» («Ангел-хранитель над тобой!..»).

Граница события определена по времени пребывания Бунина в Москве, и подготовке к печати книги «Полевые цветы» (М., 1901). См.: 27 июля 1901.

См.: 1...8 декабря 1901, вторая запись.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворения «Раскрылось небо голубое...», «Ручей среди сухих песков...» и посылает их в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 сентября 1901, четвертая запись.

Август, до 14. <Следует читать:> Бунин переводит стихотворение Ш.Леконта де Лиля «Утро» («В прозрачной лазури, где ласточка реет...») и посылает его в газету «Курьер».

Сентябрь, до 27. Бунин пишет стихотворения: «Моя печаль теперь спокойна...», «Шумели листья, облетая...» и посылает их в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 30 сентября 1901.

Сентябрь, до 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Вечное» («Не устану воспевать вас, звезды!..»), «На рассвете» («Зеленый цвет морской воды...»), «Осень» («Звезды ночи осенней, холодные звезды...»), «Просветы» («Из тесной пропасти ущелья...») и посылает их в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 ноября 1901.

— «Метель» («Жесткой, черной листвой шелестит и трепещет кустарник...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: середина ноября 1901.

Октябрь, до 12. Бунин пишет стихотворение «В море» («Высоко наш флаг трепещет...») и посылает его в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 14 октября 1901.

Октябрь, до 25. Бунин пишет стихотворение «Осенняя ночь» («Светло, как днем, и тень за нами бродит...») и посылает его в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 28 октября 1901, третья запись.

Июнь, 1...18 или Сентябрь, 18...Октябрь, 30. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Сосны».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 7.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве между датой написания рассказа и временем его первой публикации. См.: 21 января 1901, первая запись; 1 ноября 1901.

Октябрь, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Гроза» («Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью...») и посылает его в журнал «Нива».

Граница события определена по времени публикации. См.: декабрь 1901, первая запись.

— «Ночь и день» («Старую книгу читаю я в долгие ночи...») и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 декабря 1901.

Ноябрь, 14. Очевидно, в этот день на заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает рассказ «Новый год».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 7.

Дата определена по времени пребывания Бунина в Москве. См.: 14 ноября 1901, вторая запись.

Ноябрь, 21. Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда»; в Альбоме «Капустник “Литературной Среды”» Бунин оставляет шутливую запись:

«Содержатель гостиницы “Орел” в Ельце, приземистый человек на мягких, вывернутых в разные стороны, ногах, серьезный, с густыми бровями, вдумчиво читающий передовые статьи “Московского листка”, рассказывал Елецкому помещику: “Недавно я прочитал перед сном произведения г. Бунина и, прочитавши, сказал: Мерзавец! Зачем ты отнял у меня полчаса отдыха?!” Ив.Бунин. Среда, 21 ноября 1901 г.»

РГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 112, л. 4.

Ноябрь, после 21. Бунин уезжает из Москвы в Ефремов.

См.: 21 ноября 1901.

В *Летопись* (*1*) это событие ошибочно датировано: 18 ноября 1901.

Декабрь, до 23. Бунин пишет стихотворение «Stella maris» («Я, заливаемый волнами...») и посылает его в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 25 декабря 1901.

1902

Январь, до 12. Бунин пишет первоначальный вариант рассказа «Золотое дно».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 12 или 13 января 1902.

Март, 13. В иркутской газете «Восточное обозрение» (№ 59. С. 2) печатается статья «Журнальные заметки». Без подписи.

Рецензент, в частности, пишет: «Январская книжка “Русской мысли” изобилует рассказами. <...> Лучший из них тот, который мы назвали первым. “Новый год” не дает законченного впечатления, но не от каждого рассказа можно этого требовать, так как не всегда позволяет это самая тема. Написан рассказ хорошо, и по прочтении не задаешь себе вопросов, зачем эта вещь написана и зачем ты ее читал. <...> То впечатление, на которое мог рассчитывать г. Бунин, “Новый год” дает читателю».

Апрель, 1. Выходит № 4 «Журнала Министерства народного просвещения», в котором (с. 97) публикуется постановление Особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения допустить книгу Бунина «Стихи и рассказы» (М., 1900) в ученические библиотеки низших и средних учебных заведений и в бесплатные народные читальни и библиотеки.

Май, до 20. Бунин пишет стихотворение «На кладбище» («Я девушкой, невестой умерла...») и посылает его в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 26 мая 1902.

Июнь, 1. Выходит № 6 «Журнала Министерства народного просвещения», в котором (с. 121–122) печатается постановление Особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения допустить книгу Бунина «Полевые цветы» (М., 1901) в ученические библиотеки низших учебных заведений и в бесплатные народные читальни и библиотеки.

Июнь, после 8. В недатированном письме В.Я.Абрамович пишет Бунину о его книге «Новые стихотворения» (М., 1902):

«Приобрел Вашу книжку: “Новые стихи”. Она дала мне возможность убедиться, что Вы не только поэт-художник, но глубокий лирик и мыслитель».

РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 43, л. 3.

Граница события определена по времени выхода в свет книги. См.: 1...7 июня 1902.

Июнь, до 28. Бунин пишет стихотворения:

— «В море» («Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пена...»), «Первая любовь» («Перед закатом набежало...»), «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется...» и посылает их в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 августа, 1902, третья запись.

— «На озере» («На озере, среди лесов зеленых...»), рассказ «Свиданье» и посылает эти произведения в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 29 июня 1902, вторая запись.

См.: середина июля 1902, первая запись.

Июнь, до 30. Бунин пишет стихотворения: «Крест в долине при дороге...», «Мраморная пристань» («Какие дни! Как светит золотая...») «Осень» («Как все спокойно и как все открыто...»), «Первая любовь» («Я уснул в грозу, среди ненастья...») и посылает их в «Журнал для всех».

Граница события определена по письмам В.С.Миролюбова и времени публикации стихотворений. См.: 4 июля 1902, первая запись; 18 июля 1902; начало августа 1902; начало сентября 1902.

Июль, до 7. Бунин пишет стихотворение «Лесная дорога» («В березовом лесу, где распевают птицы...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 7 июля 1902.

См.: середина августа 1902.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Кондор» («Громады гор, зазубренные скалы...») и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 сентября 1902.

— «Осенние дни» («Рассыпался чертог из янтаря...») и посылает его в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина сентября 1902.

Август, до 30. Бунин пишет стихотворение «На окраинах Сиваша» («Багряная печальная луна...») и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 октября 1902.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворение «Зимний день в Оберланде» («Лазурным пламенем сияют небеса...») и посылает его в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина октября 1902.

Сентябрь, 13. В иркутской газете «Восточное обозрение (№ 215. С. 2–3) публикуется статья «Журнальные заметки». Подпись: А.Эльф.

Рецензент, в частности, пишет о рассказе «Свидание»: «У г-на Бунина, не в пример многим новейшим беллетристам, есть свой “бог”... Об этом говорят и сборники стихотворений, и рассказы молодого автора, и последнее произведение его “Свидание”.

Но г-н Бунин — “ученик” чеховской школы, больше грустит, чем радуется, больше “примеривается” к жизни, чем живет... И потому его “бог” далек от жизни... Это — природа. Natura sive Deus <природа или Бог. — *лат.*> — вот девиз для г-на Бунина, который почти каждым своим произведением повторяет нам о природе слова Тютчева:

Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездушный лик:

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

И последнее произведение г-на Бунина, одного из талантливейших новеллистов a la Шнитцлер, настойчиво говорит о том же, говорит необыкновенно красиво, поэтично и вместе с тем сильно».

Сентябрь, до 30. Бунин пишет стихотворение «Бродяги» («На позабытом тракте к Оренбургу...») и посылает его в журнал «Образование».

Граница события определена по времени публикации. См.: октябрь 1902.

Октябрь, до 31. Бунин пишет рассказы: «В Альпах», «Ночная птица» и посылает их в «Журнал для всех».

Граница события определена по письму В.С.Миролюбова и времени публикации рассказов. См.: 22 октября 1902; декабрь 1902, первая запись.

Бунин начинает переводить мистерию Д.Г.Байрона «Каин».

Граница события определена по дате подписания соглашения об издании перевода. См.: 14 ноября 1902.

Бунин переводит стихотворение А.Цатуриана «Мрачна, темна душа моя!..».

Граница события определена по времени публикации. См.: 9...15 декабря 1902.

Ноябрь, 18. Бунин дарит свой фотопортрет Н.А.Пушешникову с надписью:

«Милому Коле. Ив. Бунин. 18 ноября 1902 г. Москва».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 3, ед. хр. 165.

Ноябрь, 20. Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда»; в Альбоме «Капустник “Литературной Среды”» Бунин совместно с А.М.Федоровым сочиняют шутливый экспромт:

«Богиня Муз не терпит Середы —
Среда ее не терпит тоже.
У них Богини — просто редки,
А не поэзии труды —
Ты музы не зови суды!
Они ей жутки и чужды.
Бун — Федоров

Писана 20 ноября 1902 г.»

РГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 112, л. 11.

Декабрь, 31. В софийской газете «България» (№ 582. С. 2–4) публикуется рассказ «Нова година» («Новый год») в переводе на болгарский язык Д.Бояджиева.

См.: *Каназирска М.* С. 98.

В течение года. Бунин дарит К.П.Пятницкому свой фотопортрет с надписью:

«Константину Петровичу Пятницкому с искренним уважением Ив.Бунин».

ИМЛИ АГ, ФТЛ 1-7-1.

Датируется по тисненой дате на паспарту фотографии: «1902».

1903

Март, 2. В газете «Петербургский листок» (№ 59. С. 7) помещается карикатура на Бунина «Художественный “раздеватель”».

На карикатуре изображен Бунин, снимающий с лежащего Л.Толстого штаны. Под рисунком текст: «Г. Бунин: “Вам, граф, от этого ни тепло, ни холодно, а мне большая польза выйдет...”. Гр. Толстой: “Ну что ж, возьми, Христа ради, несчастненький...”».

Март, 6. В газете «Петербургский листок» (№ 63. С. 5) помещается карикатура на Бунина «На злобу дня».

На карикатуре изображены Л.Н.Андреев и Бунин, на втором плане — солнце, на котором написано «Этика». Под рисунком текст: «Л.Андреев: “Ты, брат; да я, брат!..” Этика: “Тьфу!..”».

Март, 12. Бунин дарит И.А.Белоусову второй том сочинений «Стихотворения» (СПб., 1903) с надписью:

«Дорогому Ивану Алексеевичу Белоусову Ив.Бунин. Среда, 12 марта 1903».

Частное собрание.

Март, до 14. Бунин пишет рассказ «Ночлег» и посылает его в газету «Курьер».

Граница события определена по времени публикации. См.: 16 марта 1903, вторая запись.

Апрель, 30. С.А.Муромцев посылает Бунину свою визитную карточку, на которой пишет:

«Сергей Андреевич Муромцев <напечатано типографски> пожимает крепко руку многоуважаемому Ивану Алексеевичу и сердечно благодарит за внимание. 30/IV 03».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1381.

Очевидно, благодарность за присланную книгу.

Первая половина года. Бунин дарит Ф.И.Шаляпину второй том «Стихотворения» (СПб.: Знание, 1903) с надписью:

«Федору Ивановичу Шаляпину от души. Ив.Бунин».

Искусство автографа. С. 180.

Сентябрь, до 28. Бунин пишет стихотворения: «В плавнях» («Там на припеке спят рыбацкие ковши...»), «Голуби» («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...») и посылает их в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по письму В.С.Миролюбова. См.: 30 сентября 1903.

См.: ноябрь 1903, вторая запись.

Сентябрь, до 30. Бунин пишет стихотворение «Высоко в небе месяц ясный...» и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 ноября 1903.

Октябрь, до 14. Бунин заканчивает рассказ «Золотое дно» и пишет рассказ «Сны».

Граница события определена по биографическим данным и письмам Бунина. См.: 14 или 15 октября 1903; 11 декабря 1903, первая запись.

См.: 1 марта 1904.

Октябрь, 19. Бунин дарит О.Л.Книппер-Чеховой отдельное издание перевода поэмы Д.Г.Байрона «Манфред» (СПб.: Знание, 1904) с надписью:

«Ольге Леонардовне Чеховой. Ив.Бунин. 19 окт. 1903 г. Москва».

Искусство автографа. С. 181.

Ноябрь, 18. Бунин, очевидно, присутствует на дне рождения солистки Большого театра Е.Н.Хренниковой, которой дарит свою книгу «Новые стихотворения» (М., 1902) с надписью:

«Е.Н.Хренниковой Ив.Бунин XI. 1903. Москва».

На шмуцтитуле книги Бунин пишет стихотворение «О, не томи, не трать мелькающих мгновений!..».

Марков А. Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 183–188.

Дата определена по письму Е.Н.Хренниковой к А.А.Бахрушину от 16 ноября 1903 г. (Марков А. Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 186).

Декабрь, 3. Бунин присутствует на заседании литературного кружка «Среда»; в Альбоме «Капустник “Литературной Среды”» Бунин оставляет шутливый экспромт:

«По прочтении объявления в “Весах”.

Посв. “Скорпиону”.

Нет, для этих говен
Лучше всего “Овен”.

Ив.Бунин.

Среда, 3 дек. 1903 г.»

РГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 112, л. 12.

Сентябрь, 23 ... Декабрь, 23. В Москве Бунин у себя в номерах Гунст принимает Н.В.Крандиевскую, слушает ее стихотворения и высказывает свое мнение о них.

Н.В.Крандиевская-Толстая вспоминает: «В доме бывало много писателей, и почти все они были связаны с Горьким разнообразными узами его дружеской опеки. Он <...> первый признал талант молодого Бунина, самолюбивого провинциала в дворянском картузе, бесприютного со своими фетовскими традициями между двух враждебных литературных лагерей. И декаденты из “Весов” и гражданские рыдальцы из “Русского богатства” одинаково открещивались от его свежих стихов. Горький понял и высоко оценил их. Книгу Бунина “Листопад” он подарил мне под Новый год с надписью: “Вот как писать надо!”. <...> Мне пятнадцать лет <...>. Подумать только, я иду на деловое свидание с поэтом Иваном Буниным! <...>

Я долго ищу по переулку меблированные комнаты Гунста, затем, отыскав их, блуждаю по коридорам, устланным красным бобриком, и, наконец, стучу в дверь, на которой кнопкой приколота визитная карточка: “Иван Алексеевич Бунин”.

— Заходите. Вы мне простите домашний мой вид?

На нем был бухарский халат. Он сидел в кресле перед коробкой с гильзами и набивал их табаком, рассыпанным по столу. Спокойные ледяные глаза внимательно меня оглядели. Он усадил меня в кресло рядом с собой и сказал:

— Читайте. Я слушаю.

Дрожа, я вынула тетрадь и принялась читать подряд, без остановки, о соловьях, о лилиях, о луне, о тоске, о любви, о чайках, о фиордах, о шхерах и камышах. Наконец Бунин остановил.

— Почему вы пишете про чаек? Вы их видели когда-нибудь вблизи? — спросил он. — Прожорливая, неуклюжая птица с коротким туловищем. Пахнет от нее рыбой. А вы пишете: одинокая, грустная чайка. Да еще с собой ее сравниваете. Ай-ай-ай, — покачал он головой, — нехорошо. Комнатное вранье.

— А у Бальмонта помните? — сказала я. — “Чайка, серая чайка, с печальными криками носится...”

— Бальмонт! — фыркнул Бунин и залился беззвучным хохотком: — Ну, этот с чайками запанибрата. Ему закон не писан. — Потом наклонился и, строго глядя в глаза: — Вот что, барышня, давайте условимся раз и навсегда — на Бальмонта не ссылаться. Графоманы — опасный народ, а у этого вместо головы на плечах — хризантема, да, да. К тому же он и талантлив, на беду вашу, и потому сугубо заразен. Берегитесь Бальмонта!

Раздраженно, невпопад щелкая машинкой, он разорвал две-три гильзы подряд, оттолкнул их в сторону, взял готовую папиросу и, закурив, откинулся на кресле. “Рассердился”, — подумала я. С минуту мы оба молчали.

— Все это я вам говорю потому, что вы молоды, дай вам бог здоровья, и с толку сбить вас ничего не стоит. Ну, скажите на милость, зачем вам чайки и их шхеры понадобились? Знаю, знаю, — он лукаво подмигнул, — это все суконный занавес на Камергерском колдует <в Московском Художественном театре>. Вот несчастье! Вы все в Москве им заколдованы, и старые и малые. А в деревне бывали? Нет? А заячьи следы на снегу видели? Трояшки? А как снег пахнет, знаете? Грозой пахнет, представьте себе.

— И арбузом, — вдруг выпалила я.

— Ого! — крикнул Бунин. — Браво, коллега! Арбузом? Это неплохо.

Он засмеялся, и мне вдруг стало весело, легко. Вероятно, и Бунину со мной стало проще. Из ящика письменного стола он вытащил коробочку с финиками и стал угощать меня.

<...>

Я читала дальше и думала, как хорошо было бы, если бы я этого не написала.

– Погодите, — прервал вдруг Бунин. <...> А на лужке откуда же колосок сжатый? Эх, барышня! Не жнут на лугу, а косят. Вот и проговорились. Вот и придумали.

Он хохотнул как-то уж слишком обидно. Мне стало жарко. Я чувствовала себя лгунишкой, пойманным врасплох.

“Сжечь, — решила я мгновенно, — сжечь все тетради”.

А Бунин продолжал уже серьезным и благожелательным, как у доктора, голосом:

— Жить надо, вот что. И не в комнатах жить, а на сквознячке. Ну что вы знаете? Каковы ваши поэтические ресурсы? Книги, воображение, опять книги. А в сердце

что? Да ровно ничего пока. Холодок, нетерпение. Бедно, бедно! Мало топлива стихам вашим. Это все жизнь выправит, погодите. Она подкинет жару. А сейчас... Скажите, вы наблюдательны? — спросил он вдруг.

Я не знала, что ответить.

— Жизнь, — продолжал Бунин, — это не так просто. Ведь она движется, светится, звучит, цветет, пахнет. Она меняется ежеминутно. Надо вглядываться в каждую мелочь, наблюдать, запоминать. Надо любопытствовать. Вы это умеете делать? Я это потому спрашиваю, что в вашем возрасте свойственно проходить мимо жизни. Глядеть поверх. В молодости мы все брезгливы не по чину. Сам грешен был. Знаю. Впрочем... — он улыбнулся, — если снег арбузом пахнет...

В передней, подавая мне шубку, он сказал на прощанье:

— Давайте мириться. Стихи у вас все-таки с корешком. Писать будете. Я потому и броню вас, дорогой коллега. А это — ваше сооружение? — Он подал мне башлык и пальцем качнул серебряную кисточку на нем. — Ох, хороша кисточка! — воскликнул он весело и опять засмеялся.

Я была взволнована. Я не соображала, надо ли обидеться или смеяться вместе с ним. Но жечь тетради я уже раздумала. Затянув башлык, я выбежала на лестницу.

— Берегитесь Бальмонта! — крикнул Бунин вдогонку».

Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания.
Л., 1977. С. 33, 34, 37, 39–43.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве (в номерах Гунст) и по воспоминаниям Н.В.Крандиевской-Толстой.

В течение года. Бунин дарит Е.Н.Чирикову второе издание первого тома «Рассказы» (СПб.: Знание, 1903) с надписью:

«Евгению Николаевичу Чирикову от души. Ив.Бунин».

Частное собрание.

Выходит в свет сборник рассказов Бунина на немецком языке «Erzählungen» (Deutsch von Georg Polonskij. München: Marchlewski, 1903. 255 s. Internationale Novellen-Bibliothek. Band 5).

Содержание: Велга, Костер, Перевал, Новый год, Эпитафия, Туман, Антоновские яблоки, Осенью, Новая дорога, Учитель.

В болгарском журнале «Летописи» (1902–1903. III. № 2–3. С. 64–66) публикуется рассказ «Нова година» («Новый год») в переводе на болгарский язык Ивчова <Д.Бояджиева>.

В болгарском журнале «Летописи» (1902–1903. IV. № 10. 229–231) публикуется рассказ «Свиждане» («Свидание») в переводе на болгарский язык Ивчова <Д.Бояджиева>.

См.: *Каназирска М.* С. 98.

1904

Февраль, до 27. Бунин пишет стихотворение «Ваятелю» («Изваяй красоту из холодного белого мрамора...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: середина марта 1904, первая запись.

Май, до 31. Бунин пишет стихотворение «Блистая, облака лепились...».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина июня 1904, вторая запись.

Июнь, до 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Угасшие звезды» («Огни небес, тот серебристый свет...») и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 августа 1904.

— «Склон гор, сады и минарет...» и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина августа 1904, первая запись.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Разлив» («Паром, скрипя, ушел. В разлив по тусклой зыби...») и посылает его в журнал «Мир Божий».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 сентября 1904.

Сентябрь, до 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Косогор над разлужьем и пашни кругом...» и посылает его в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина ноября 1904, третья запись.

— «Я долго в сумеречном свете...» и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина ноября 1904, первая запись.

Октябрь, до 31. Бунин пишет стихотворение «Весна и ночь, и трепет звезд...» и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина декабря 1904, первая запись.

В течение года. В болгарском журнале «Работнишко дело» (II. № 2. С. 119–120) публикуется рассказ «Нощна птица» («Ночная птица») в переводе на болгарский язык Б.Б.

В болгарском журнале «Работнишко дело» (II. № 3. С. 187) публикуется рассказ «Късен час» («Поздней ночью») в переводе на болгарский язык Б.Б.

См.: *Каназирска М.* С. 98.

1905

Февраль, до 25. Бунин пишет стихотворение «Небо» («В деревне капали капели...») и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по письму В.С.Миролюбова. См.: 28 февраля 1905.

См.: апрель 1905, первая запись.

Март, до 14. Бунин пишет стихотворения: «Леса, скалистые теснины...», «Нет ничего грустней ночного...».

Граница события определена по письму Бунина и времени публикации. См.: 14 марта 1905; 3 мая 1905.

Февраль, 9 или Март, 1...25. На заседании литературного кружка «Среда» Бунин читает свой перевод мистерии Д.Байрона «Каин».

РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, л. 7.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве.

Май, до 25. Бунин пишет стихотворения: «Неугасимая лампада» («Она молчит, она теперь спокойна...»), «Призраки» («Нет, мертвые не умерли для нас...»).

Граница события определена по времени отправки этих стихотворений в «Ежемесячный журнал для всех». См.: 25...29 мая 1905.

См.: середина июля 1905, первая запись.

Май, до 31. Бунин пишет стихотворение «За морями всходит алый свет...» и посылает его в журнал «Правда».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина июля 1905, вторая запись.

Июнь, до 30. Бунин пишет стихотворения: «Под вечер» («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...»), «Утренний туман» («Ночные вздохи волн еще далеко слышно...») и посылает их в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина августа 1905, первая запись.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Келья» («День распогодился с закатом...») и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина сентября 1905, первая запись.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Детская» («От пихт и елей в горнице темней...»), «Песня» («Я — простая девка на баштане...»).

Граница события определена по письмам А.М.Горького, гонорарной расписке Бунина и времени публикации. См.: 11 сентября 1905; 12 сентября 1905; 9 февраля 1906; 16 марта 1906, вторая запись.

— «Тропами потаенными, глухими...».

Граница события определена по времени публикации. См.: 1 октября 1905.

Сентябрь, до 20. Бунин пишет стихотворение «Сквозь ветви» («Осень листья темной краской метит...»).

Граница события определена по времени отправки стихотворения В.С.Миролюбову. См.: 21...25 сентября 1905.

См.: середина октября 1905, первая запись.

Ноябрь, до 14. Бунин пишет стихотворения «Канны» («Еще была зима, еще прибой жемчужный...»), «На винограднике» («На винограднике нельзя дышать. Лоза...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: середина декабря 1905, вторая запись.

Март, 1...25 или Сентябрь, 1...16 или Октябрь, 27...Ноябрь, 15. В Москве художник Л.В.Туржанский пишет портрет Бунина. Авторская дата на портрете: «1905».

«На “Среде” разговаривал чаще Туржанский. <...> Туржанский рассказывал и о своих поездках на Север и о работе над портретом Ивана Бунина.

— Натура у Бунина интересная, но как-то сковывал он меня, когда писал я его портрет, — говорил Туржанский».

Киселева Е.Г. «Среды» московских художников. Л., 1967. С. 115–116.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Москве в 1905 г.

1906

Январь, до 10. Бунин пишет стихотворение «В Москве» («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 10 января 1906, вторая запись.

См.: середина января 1906.

Февраль, 11. Бунин присутствует на «Товарищеском обеде» в качестве гостя. На этом же обеде Бунина (вместе с Н.И.Фалеевым, Е.Н.Чириковым и С.А.Найденовым) избирают в члены «Товарищеских обедов».

В альбоме Ф.Ф.Фидлера «Товарищеские обеды» Бунин расписывается.

На обеде также присутствуют: Е.В.Аничков, В.В.Брусянин, В.А.Рышков, И.Н.Потапенко, С.Суконин, В.А.Тихонов, А.Н.Будищев, А.И.Куприн, Д.Н.Мамин-Сибиряк, А.А.Измайлов, Н.И.Позняков, Е.П.Карпов, Б.В.Томашевский, А.Е.Зарин, А.М.Хирьяков, Н.И.Кравченко и др.

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 28.

Февраль, до 18. Бунин пишет стихотворение «Южный март» («Весна лазурью светит в вышине...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 18 февраля 1906, вторая запись.

См.: начало марта 1906, первая запись.

Февраль, до 28. Бунин пишет стихотворения «Новый год» («Ночь прошла за шумной встречей года...»), «Чужая» («Ты чужая, но любишь...») и посылает их в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: апрель 1906, первая запись.

Февраль. В болгарском журнале «Съвременност» (кн. 2. С. 51) публикуется стихотворение «...Печална нощ, кат моите мечти...» («Ночь печальна, как мечты мои...») в переводе на болгарский язык Н.К.Ботева.

Сообщено Т.Н.Федь.

Март, до 10. Бунин пишет стихотворение «Мудрым» («Герой — как вихрь, срывающий палатки...») и посылает его в редакцию журнала «Адская почта».

Граница события определена по письму П.Тратского. См.: 14 марта 1906.

См.: май 1906, первая запись.

Март, до 16. Бунин пишет стихотворение «В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 16 марта 1906, первая запись.

См.: середина апреля 1906, первая запись.

Апрель, до 19. Бунин пишет стихотворение «За сохой» («Сияет небо бледно-голубое...»).

Граница события определена по письму Бунина и времени публикации. См.: 20 апреля 1906; середина мая 1906.

Апрель, до 30. Бунин пишет стихотворения:

— «Белые крылья» («В пустыне красной над Пророком...») и посылает его в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: июнь 1906, первая запись.

— «Портрет» («Платан, часовенка над склепом...») и посылает его вместе со стихотворением «Невольник» в журнал «Золотое руно».

Граница события определена по письму Н.П.Рябушинского и времени публикации. См.: 11 апреля 1906; май 1906, третья запись.

Май, до 23. Бунин пишет стихотворение «Священный прах» («Пыль, по которой Гавриил...»).

Граница события определена по времени посылки стихотворения Н.А.Крашенинникову. См.: 23 мая 1906, первая запись.

См.: конец июня 1906.

Май, до 31. Бунин пишет стихотворения: «Детство» («Чем жарче день, тем сладостней в бору...»), «Поморье» («Белый полдень, жар несносный...») и посылает их в «Ежемесячный журнал для всех».

Граница события определена по времени публикации. См.: июль 1906.

Май. В болгарском журнале «Съвременност» (кн. 5. С. 138) публикуется стихотворение «По Алпите» («В Альпах») в переводе на болгарский язык С.К.Д-в.

Сообщено Т.Н.Федь.

Июнь, до 30. Бунин пишет стихотворения: «На даче» («Луна еще прозрачна и бледна...»), «Пугач» («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...») и посылает их в журнал «Золотое руно».

Граница события определена по времени публикации. См.: сентябрь 1906, вторая запись.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Путеводные знаки» («Бог для ночных паломников в Могребе...») и посылает его в редакцию журнала «Мир Божий».

Граница события определена по письму А.И.Богдановича и времени публикации. См.: 30 июня 1906; сентябрь 1906, третья запись.

Август, до 26. Бунин пишет стихотворения:

— «Авраам» («Был Авраам в пустыне темной ночью...»), «Апрель» (Туманный серп, неясный полумрак...»), «Горе» («Меркнет свет в небесах...»), «Донник» («Брат, в запыленных сапогах...»), «Змея» («Покуда март гудит в лесу по голым...»), «Из окна» («Ветви кедра — вышивки зеленым...»), «Сатана Богу» («Я — из огня, Адам — из мертвой глины...»), «Терем» («Высоко стоит луна...»), «У шалаша» («Распали костер, сумей...»).

Граница события определена по времени предполагаемой сдачи в печать 3-го тома сочинений «Стихотворения 1903–1906 гг.» (СПб.: Знание, 1906). См.: 10 марта 1906; 29 августа 1906; 20 сентября 1906.

См.: 14 октября 1906.

— «Джордано Бруно» («Ковчег под предводительством осла...»).

Граница события определена по письмам Бунина, гонорарной расписке писателя, по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной и времени публикации. См.: 29 августа 1906; 5 сентября 1906; 13 ноября 1906; 25 ноября 1906; 19 декабря 1906, третья запись.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворение «Речка» («Легко, светло и своенравно...») и посылает его в журнал «Новое слово».

Граница события определена по времени публикации. См.: конец сентября 1906.

Сентябрь, 16. Бунин присутствует на первом в этом сезоне «Товарищеском обеде» в ресторане «Малоярославец».

В альбоме Ф.Ф.Фидлера «Товарищеские обеды» Бунин расписывается.

На обеде также присутствуют: В.А.Рышков, А.А.Измайлов, П.А.Сергеенко, А.М.Хирьяков, Ф.К.Сологуб, А.Н.Будищев, В.А.Тихонов, П.И.Бирюков, А.К.Бороздин, С.Шихарев, А.М.Федоров, Е.П.Карпов.

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 29.

Сентябрь, 25. Бунин в гостях у Н.Н.Ходотова слушает в чтении автора пьесу А.М.Федорова «На высоте».

В альбом присутствующего там же Ф.Ф.Фидлера «В гостях. I» Бунин вписывает свое стихотворение «Путеводные знаки» («Бог для ночных паломников в Могребе...»).

На чтении также присутствуют: А.Л.Волынский, Кармен, С.А.Найденов.

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 1.

Сентябрь, до 30. Бунин переводит стихотворение А.Исаакяна «Моя душа объята тьмой полночной...».

Граница события определена по времени публикации. См.: октябрь 1906, вторая запись.

Ноябрь, до 4. Бунин пишет стихотворения:

— «Забвение» («Растет, растет могильная трава...»), «Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...», «Цветные стекла» («Люблю цветные стекла окон...»).

Граница события определена по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 4 ноября 1906. В *Летописи* (*1*) время написания стихотворения указано неточно: «В течение 1906 года».

См.: 9 февраля 1907, четвертая запись; декабрь 1907, первая запись.

— «Один» («Он на запад глядит — солнце к морю спускается...»).

Граница события определена по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 4 ноября 1906.

См.: 14 апреля 1907, вторая запись.

Ноябрь, 4. Бунин читает свои стихотворения на литературном вечере в квартире Б.К.Зайцева; очевидно, на этом вечере Бунин знакомится с А.Я.Брюсовым.

А.Я.Брюсов вспоминает: «Кстати, мое первое знакомство с И.А.Буниным произошло у Б.К.Зайцева. Как обычно, присутствующие читали свои последние произведения. И.А.Бунин читал тоже и между прочим стихи о том, как араб совершает вечерний намаз в пустыне и вместо отсутствующей проточной воды умывается "холодеющим песком". При обсуждении я заметил ему, что описание это очень неудачно, так как к вечеру песок в пустыне настолько накаляется, что в нем можно печь яйца. Очень обиженный И.А.Бунин, откинувшись на стуле, язвительно спросил: "А вы, дорогой мой (обычное его обращение к собеседнику), бывали когда-нибудь в пустынях?" На это я ему ответил, что в "пустынях" я не бывал, но в Сахаре побывать довелось. Позднее И.А.Бунин регулярно бывал на моих приемах».

Брюсов А.Я. Литературные воспоминания
// Север. 1965. № 4. С. 134.

Речь идет о стихотворении «Пастухи» («Тонет солнце, рдяным углем тонет...»).

Ноябрь, до 12. Бунин пишет стихотворение «Истара» («Луна, бог Син, ее зарей встречает...»).

Граница события определена по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 13 ноября 1906.

См.: 14 апреля 1907, вторая запись.

Ноябрь, до 18. Бунин начинает переводить мистерию Г.Лонгфелло «Золотая легенда».

Граница события определена по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 18 ноября 1906, первая запись; 21 ноября 1906, первая запись.

См.: 30 января 1908, первая запись.

Ноябрь, до 20. Бунин пишет стихотворения: «На рейде» («Люблю сухой, горячий блеск червонца...»), «Панихида» («Ограда, крест, зеленая могила...») и посылает их в журнал «Перевал».

Граница события определена по времени публикации. См.: 20...25 декабря 1906, первая запись.

Ноябрь, 21. В Литературно-художественном кружке Бунин читает доклад «Золотая легенда» (о поэзии Г.У.Лонгфелло).

А.Я.Брюсов вспоминает: «Я и Койранский имели в литературно-художественном кружке "оппонентские годовые билеты", неукоснительно посещали все "вторники" и "среды", но докладов обыкновенно не слушали, а уходили играть на биллиарде. В зале заседаний мы появлялись в самом конце доклада, выслушивали его и... выступали в прениях. Все это сходило нам с рук и, окрыленные таким успехом, мы решили однажды совсем не слушать доклада и все-таки выступить по нему. Уговорились, что на какую бы тему ни был доклад, говорить в выступлениях о боге и дьяволе.

В день, когда нам нужно было осуществить свое намерение, доклад делал И.А.Бунин на тему о "Золотой легенде Лонгфелло". Мы, как уговорились, до конца доклада не выходили из биллиардной, а во время перерыва после доклада записались на выступления и выступали первыми. Уж не помню, как мы вышли из положения и каким образом сумели связать "Золотую легенду Лонгфелло" с вопросом о боге и дьяволе. А так как мы наболтали, вероятно, порядочно несуразностей, то возму-

щенный Валерий <Брюсов> выступил против нас с громовой речью. Увлекшись спором с нами, он не обратил внимания на то, что полемика, в сущности, не имеет никакого отношения к Лонгфелло. То же произошло с остальными выступавшими. В итоге о Лонгфелло в прениях не было сказано ни слова. Велись только споры о боге и дьяволе.

Весьма раздосадованный И.А.Бунин был единственным человеком, который догадался о нашей проделке. По окончании заседания, когда все мы отправились в ресторан клуба ужинать и сидели за общим столом, он стучал по столу и гневно говорил: "Это они нарочно сделали!"»

Брюсов А.Я. Литературные воспоминания
// Север. 1965. № 4. С. 134.

Ноябрь, до 30. Бунин пишет стихотворение «Розы Шираза» («Пой, соловей! Они томятся...»).

Граница события определена по времени поездки Бунина в Петербург, где он встречается с К.П.Пятницким и передает ему ряд стихотворений, и по письму Бунина. См.: 2 декабря 1906, вторая запись; 1 января 1907, первая запись.

См.: 14 апреля 1907, вторая запись.

Декабрь, 2. Бунин присутствует на «Товарищеском обеде».

В альбоме Ф.Ф.Фидлера «Товарищеские обеды» Бунин расписывается.

На обеде также присутствуют: С.С.Сухонин, В.А.Тихонов, А.М.Хирьяков, С.Н.Филиппов, Е.П.Карпов, Н.И.Кравченко; в качестве гостя Н.Д.Телешов. Были избраны в «сотоварищи» М.П.Арцыбашев, С.А.Венгеров, Н.Н.Ходотов, А.Н.Будищев, А.М.Скабичевский, В.В.Брусянин, А.А.Лукьянов, свящ. Г.С.Петров, А.А.Измайлов, В.А.Рышков, В.Е.Ермилов, В.В.Чехов.

В том же альбоме Ф.Ф.Фидлера записывается коллективный экспромт:

Сказать экспромтик я приструнен...
На то Иван есть, братцы, Бунин.

Каз.Баранцевич

А Бунин Иоанн
Сидит мертвецки пьян

И.Бунин

Будищев Алексей
Не верит сказке сей!

Ал.Будищев.

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 29.

В течение года. В болгарском журнале «Българска сбирка» (XIII. № 2. С. 121) публикуется стихотворение «Ни песни, ни слънце» («Ни песен, ни солнца... О, сердце мое!..») в переводе на болгарский язык Ив.Арнаудова.

См.: *Каназирска.* С. 98.

1907

Январь, 1...12. Бунин пишет стихотворение «Пугало» («На задворках, за ригами...»). Авторская дата: «1907».

МКТ.

Границы события уточняются по времени пребывания Бунина в Глотово, по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 19-31 декабря 1906; 13 января 1907, первая запись.

В *Летописи* (*1*) дата написания определена ошибочно: 19–31 декабря 1906.

Январь, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Дия» («Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе...»), «На Плющихе» («Пол навощен, блестит паркетом...») и посылает их в журнал «Перевал».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина февраля 1907.

— «За погостом Скутари, за черным...» и посылает его в журнал «Образование».

Граница события определена по времени публикации. См.: март 1907, первая запись.

Февраль, до 11. Бунин пишет стихотворение «Бессмертный» («Ангел Смерти в Судный День умрет...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 11 февраля 1907, первая запись.

См.: 14 апреля 1907, вторая запись.

Февраль, до 22. Бунин пишет стихотворение «Тезей» («Тезей уснул в венке из мирт и лавра...»).

Граница события определена по времени пребывания Бунина в Глотово, по воспоминаниям В.Н.Муромцевой-Буниной. См.: 19–31 декабря 1906; 22 или 23 февраля 1907. В *Летописи* (*1*) дата написания указана неточно: до 10 марта 1907.

См.: середина мая 1907.

Март, до 31. Бунин пишет стихотворения:

— «Александр в Египте» («К оракулу и капищу Сиваха...»), «Проводы» («Забил буграми жемчуг, заклубился...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 1 апреля 1907.

См.: июнь 1907, первая запись.

— «Берег» («Вдоль этих плоских знойных берегов...»).

Граница события определена по письму Бунина и времени публикации стихотворения. См.: середина марта 1907, первая запись; середина мая 1907.

Май, 28. В.Н.Муромцева, получив открытки Бунина, пишет ему вечером <...>.

В *Летописи* (*1*) это письмо ошибочно датировано: 28 августа 1907.

Июнь, до 30. Бунин пишет стихотворения: «Безнадежность» («На севере есть розовые мхи...»), «С корабля» («Для жизни жизнь! Вон пенные буруны...»), «Сатурн» («Рассеянные огненные зерна...»), «Трясина» («Болото тихой северной страны...») и посылает их в журнал «Перевал».

Граница события определена по времени публикации. См.: август 1907, вторая запись.

Июль, начало. Бунин пишет стихотворение «В балагуле» («Балагула убегает и трясет меня...») и посылает его в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина августа 1907.

Июль, до 19. Бунин пишет стихотворения «Кошка» («Кошка в крапиве за домом жила...»), «В степи, с обрыва на сто миль...».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 20 июля 1907, вторая запись; сентябрь 1907, первая запись.

Июль, 20 (вторая запись). <Следует читать:> Бунин посылает Е.А.Ляцкому стихотворения «Кошка» («Кошка в крапиве за домом жила...»), «В степи, с обрыва на сто миль...» для журнала «Современный мир» и просит: <далее по тексту>.

Июль, до 31. Бунин пишет стихотворение «Баба-Яга» («Гулкий шум в лесу нагоняет сон...») и посылает его в журнал «Образование».

Граница события определена по времени публикации. См.: август 1907, первая запись.

Бунин пишет стихотворения «Иерусалим» («Это было весной. За восточной стеной...»), «Под Хевроном» («На пути под Хевроном...») и посылает их в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина сентября 1907.

Август, до 31. Бунин пишет стихотворение «Каин» («Род приходит, уходит...») и посылает его в журнал «Русская мысль».

Граница события определена по времени публикации. См.: середина октября 1907.

Сентябрь, 12. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Если я простужусь, то ты будешь виноват, так как я всё выбегаю смотреть, нет ли от тебя письма. Из Петербурга пока еще ничего не получила! Записочку из Клина получила, за нее лишний раз целую.

<...> Лампу в твоей комнате переменили. Теперь у тебя будет светло, как в Глотове. <...>

Сегодня я часа три спала днем. Если завтра выдержу экзамен, то дня 2 совершенно буду отдыхать <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/4 оф.

Сентябрь, до 30. Бунин начинает переводить мистерию Д.Г.Байрона «Небо и Земля».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 12 октября 1907, первая запись. В *Летописи* (*1*) ошибочно указана дата начала работы над переводом: 21–31 декабря 1907.

Октябрь, 3. В.Н.Муромцева в письме Бунину сообщает, что на его имя получены четыре письма <...>.

В *Летописи* (*1*) это письмо ошибочно датировано: 4 октября 1907.

Октябрь, 5. В.Н.Муромцева пишет Бунину <...>.

В *Летописи* (*1*) это письмо ошибочно датировано: 6 октября 1907.

Октябрь, 9. На квартире Л.Н.Андреева в Петербурге проходит заседание литературного кружка «Среда», на котором Бунин читает свои произведения.

Также читали свои сочинения А.А.Блок и Б.К.Зайцев.

Дата установлена по письму Л.Н.Андреева к В.В.Муйжелю от 6 октября 1907 г.: «<...> среда будет у меня *во вторник* <9 октября>. Будет читать Зайцев, Бунин, вероятно, Блок».

В письме от 9 октября 1907 г. А.А.Блок писал матери, что Л.Д.Блок и А.Белый «пойдут в кинематограф, а я на собрание к Андрееву — читать свои стихи» (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 311).

Октябрь, 28. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Любимчик золотой, как встала, так и пишу. Скучно мне было вчера вечером, всё никак заснуть не могла. Все беспокойства сразу лезли в голову, и тяжело было на душе...

Крашенинников звонил вчера из Гиреева, и я уже отослала ему твои стихи и передала всё, что нужно. На всё он выразил полное согласие. <...>

Как идут твои дела? Когда вернешься к Кустику? <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/147 оф.

Октябрь, до 31. Бунин пишет стихотворения: «Лен» («Присела на могильнике Савуре...»), «Из Анатолийских песней»: 1. «Девичья» («Свежий ветер дует в сумерках...»), 2. «Рыбацкая» («Летом в море легкая вода...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: декабрь 1907, первая запись.

Ноябрь, до 30. Бунин пишет стихотворение «Дикарь» («Над стремью скал — чернеющий орел...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: след. запись.

Декабрь. Выходит книга 3/4 московского журнала «Былое — грядущее», в котором (с. 17) публикуется стихотворение «Дикарь» («Над стремью скал — чернеющий орел...»).

В *Летописи* (*1*) в комментариях к дате выхода 4-го тома сочинений Бунина «Стихотворения 1907 г.» (СПб., 1908) (см.: 9 апреля 1908, вторая запись) ошибочно сказано об этом стихотворении: «Из 56 стихотворений и четырех переводов, вошедших в книгу, стихотворение «Дикарь» («Над стремью скал — чернеющий орел...») публикуется здесь впервые».

Апрель...Декабрь. Выходит антология «Russische Lyrik der Gegenwart» (Deutsch von Alexander Eliasberg. München-Leipzig, 1907) («Современная русская лирика» — *нем.*), составленная А.С.Элиасбергом. В книгу включено 13 стихотворений Бунина на немецком языке в переводе А.С.Элиасберга (с. 77–95): «Ночь идет — и темнеет...», «Дома» («И снилося мне, что осенней порой...»), «Забытый фонтан» («Рассыпался чертог из янтаря...»), «Кондор» («Громады гор, зазубренные скалы...»), «В поздний час мы были с нею в поле...», «На хуторе» («Свечи нагорели, долог зимний вечер...), «Перед закатом набежало...», «Веснянка» («Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью...»), «Песня» («Я — простая девка на баштане...»), «Как светла, как нарядна весна!..», «Канун Купалы» («Не туман белеет в темной роще...»), «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), «Старик сидел, покорно и уныло...».

В течение года. В болгарском журнале «Ново общество» (II. № 2. С. 93–95) публикуется рассказ «Проход» («Перевал») в переводе на болгарский язык Д.Бабева.

В болгарском журнале «Демократически преглед» (V. № 3. С. 303–308) публикуется рассказ «На край света» в переводе на болгарский язык Д.Бабева.

См.: *Каназирска М.* С. 98.

1908

Март, до 11. Бунин пишет стихотворение «Кружево» («Весь день метель. За дверью у соседа...»).

Граница события определена по письму Бунина. См.: 14 марта 1908.

См.: 7 апреля 1908, вторая запись.

Март, до 20. Бунин пишет стихотворения: «Вдовец» («Железный крюк скрипит над колыбелью...»), «Летаргия» («В полях – сухие стебли кукурузы...»), «Христя» («Христя угощает кукол на сговоре...») и посылает их вместе с другими стихотворениями А.А.Яблоновскому для сборника «Зарницы».

Граница события определена по письмам Бунина, А.А.Яблоновского и по времени выхода в свет сборника. См.: 20 марта 1908, первая запись; середина марта 1908, вторая запись; 3...10 апреля 1908.

Март, до 22. Бунин дает согласие А.А.Бурнакину принять участие в новом московском журнале «Белый камень».

Граница события определена по письму А.А.Бурнакина к А.А.Блоку от 22 марта 1908 г.: «Нетерпеливо жду от Вас обещанного цикла стихотворений. Интересно было бы получить на днях, так как с первых чисел начинается набор. Рассчитываю выпустить “Б<елый> к<амень>” к концу сезона. Состав участников определился. <...> Из старших укажу, покамест, на И.А.Бунина да, вот, жду от Вас стихов <...>» (*ЛН.* т. 92, кн. 3. С. 321). Также в письме А.А.Бурнакина к Г.И.Чулкову от 25 марта 1908 г. говорится: «Жду обещанного <...> материала для “Б<елого> к<амня>”. <...> Я очень желал бы привлечь некоторых золоторунцев. <...> А.А.Блок и И.А.Бунин согласились» (*ЛН.* Т. 92, кн. 3. С. 320).

В *Летописи* (*1*) выход № 1 журнала «Белый камень» ошибочно датирован январем 1908 г., однако, судя по переписке этот журнал вышел в конце апреля или в мае 1908 г.

Апрель, 5...8. В.Н.Муромцева сообщает Бунину в письме:

«Мама была вчера у Майкова. Он берет 200 р. в месяц вместе с рентгеном. Комната маленькая, но, по-видимому, мы остановимся на ней. Состояние М.А. <Ласкаржевской> всё такое же. <...>

Поклон Нилусу. Если ты живешь в Одессе правильно, то оставайся дольше. Лучше отдохнешь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/120 оф.

Июль, 29. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Ефремова о состоянии Л.А.Буниной:

«Дорогой, золотой мой Янчик, вчера послала вам телеграмму и открытку. <...> Матери лучше. Ночь она провела много лучше предыдущих. Пульс стал чаще, около 80. Степанов нашел тоже, что сегодня ей лучше. У меня есть надежда, что, может, на этот раз опасность минует. За столом я наблюдаю и добавляю, когда вижу, что он недостаточно питательный. Кроме того, при мне нет сильных ссор. Сегодня при докторе мать была даже веселой, чего не было вчера. Аппетит у неё тоже есть. Мне кажется, если бы она была в надлежащих условиях, она, может, и выздоровела. Уж очень все здесь ду-

мают только о себе. Кресло ей, по-моему, необходимо, а то скрюченной спать трудно и вредно. <...>

Я чувствую себя не плохо. <...> Беспокоюсь о тебе. Следи за желудком. <...>

Я думаю, мне еще пробыть здесь дня 4, так числа до второго, ибо в этот промежуток времени всё выяснится. <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/169 оф.

Август, до 17. Бунин пишет стихотворение «Вино» («— На Яйле зазеленели буки...»).

Граница события определена по письму Бунина и времени публикации. См.: 18 августа 1908; 2...9 октября 1908.

Август, 18. <следует читать:> Бунин посылает Н.А.Крашенинникову три стихотворения: «Вино» («— На Яйле зазеленели буки...»), «Колибри» («Трава пестрит — как разглядеть змею?..»), «Сон» («О, красота склоненных глаз!..») для 3-го сборника «Новое слово» <далее по тексту>.

В комментариях к данному факту ошибочно сказано: «Какие посылаются стихотворения неясно, т.к. в 3-м сборнике «Новое слово» было напечатано пять стихотворений Бунина». Два других стихотворения «След» («Ушли с рассветом. Опустели...») и «Дача» («Открыты окна. В белой мастерской...») были написаны позднее и отправлены в тот же сборник. См.: 21 августа 1908; 28 августа 1908, первая запись.

См.: 2...9 октября 1908.

Август, до 29. Бунин пишет стихотворения «Клад» («Все, что хранит следы давно забытых...»), «Мир не забудет веры древних лет...».

Граница события определена по времени пребывания Бунина в Глотово и дате посылки стихотворений в журнал «Современный мир». См.: 19 или 20 октября 1908.

См.: декабрь 1908; февраль 1909, первая запись.

Сентябрь, до 26. Бунин пишет стихотворения: «Последние слезы» («Изнемогла, в качалке задремала...»), «Рыбачка» («— Нет, не стучи. Не встану, не открою...»).

Граница события определена по времени посылки стихотворений С.П.Боголюбову. См.: 28 сентября 1908.

См.: 3 ноября 1908, вторая запись.

Октябрь, 11...14. Бунин едет в Ваммельсу к Л.Н.Андрееву; слушает в авторском чтении новую пьесу Л.Андреева «Дни нашей жизни».

В вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» (17 октября (№ 10763). С. 3) в информационной заметке А.А.Измайлова «Новая пьеса Леонида Андреева» (подпись: Аякс) сообщается: «В некотором отдалении от станции Райвола, на так называемой Черной речке, в местечке Ваммельсу, на холме против леса, одиноко стоит оригинальной стройки дача, похожая на замок. <...> Это вилла — “Белая ночь”. Здесь живет Леонид Андреев. <...> В один из последних вечеров молодой писатель прочитал в обществе своих родных и близких, и нескольких литераторов, в том числе Ясинского, Бунина, Федорова, свою новую пьесу: “Любовь студента”. <...> Пьеса, может быть, появится под другим названием “Дни нашей жизни”».

В.Н.Муромцева отмечает: «“Дни нашей жизни” всем понравилась. Ян тоже хвалил пьесу, за что Андреев его не раз упрекал, говоря, что он хвалил ее потому, чтобы унизить его символические драмы... Но Ян был искренен, он находил в пьесе художественные достоинства».

Муромцева-Бунина. С. 469.

Границы события определены по времени пребывания Бунина в Петербурге.

Ноябрь, до 18. Бунин пишет стихотворения: «Лен» («Зацвела на воле...»), «Сталь» («Бью звонкой сталью по кремню...»).

Граница события определена по времени публикации. См.: середина декабря 1908.

Декабрь, до 9. Бунин пишет рассказ «Камень».

Граница события определена по письму Бунина. См.: 11 декабря 1908, первая запись, а также 22 мая...25 августа 1909 (комментарий к рассказу «Иудея»).

См.: Последние новости. Париж, 1929. 31 марта (№ 2930). С. 2–3.

Декабрь, 11. Бунин присутствует в московском Обществе любителей художеств на вечере памяти основателя Третьяковской галереи П.М.Третьякова в связи с 10-й годовщиной его смерти. Знакомится с И.Е.Репиным.

П.А.Нилус рассказывает в письме Е.И.Буковецкому от 15 декабря 1908 г.: «В Обществе любителей художеств чествовали память Третьякова <...>. Говорил и Репин! Конечно, он не умеет говорить, но говорил так как могут только говорить люди большого непосредственного таланта. Я познакомил с ним Бунина. <...>

Иван <Бунин> говорит, что я больше такого “На берегу <моря>” никогда не напишу. Что так могли написать только Тургенев, Толстой, Мопассан... что это или произведение человека чистого душой, или... гениального художника. Первое кажется правда, относительная разумеется».

Дом князя Гагарина. С. 108–109.

Декабрь, 14. В.Н.Муромцева, собираясь уезжать в Москву, пишет Бунину из Ефремова:

«Дорогой Ян, если ты, правда, приедешь 15, то, значит, моего письма из Ефремова ты не получил. <...>

По-моему, ты при себе пригласи доктора и заставь Л.Ал. <Бунину> показаться <...>.

Маше следует купить теплые башмаки, ибо иначе она простудится <...>.

Поживи сколько хочешь здесь. Из-за меня не *торопись*, а то опять будешь говорить, что я отрываю тебя от твоих родных. Я здорова. <...>

Ну, целую крепко-крепко. Буду эти дни работать. Черкни отсюда хоть пару слов».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/144 оф.

В течение года. Бунин пишет стихотворение «Отчаяние» («Вновь Каина порфирой облекли...»). Авторская дата: «1908».

ПСС. Т. 6. С. 161.

См.: февраль 1914, третья запись.

В болгарском журнале «Българска сбирка» (XV. № X. С. 667) публикуется стихотворение «Пак сън пленителен и сладък» («Снова сон, пленительный и сладкий...») в переводе на болгарский язык Конст. Бродяги <К.Константинов>.

См.: *Каназирска М.* С. 98.

1909

Февраль, 26. В Одессе на «Четверге» художников в ресторане Доди М.С.Линский рисует шарж Бунина. На шарже Бунин пишет:

«С подлинным верно. Ив.Бунин 26 февраля 09».

См.: 22 марта 1909 г.

Март, 22. Выходит № 12 московского журнала «Искры», в котором (с. 91) публикуется шарж Бунина работы художника М.С.Линского. Под шаржем подпись: «Поэт И.А.Бунин». В правом нижнем углу воспроизводится автограф Бунина: «С подлинным верно. Ив.Бунин 26 февраля 09».

Апрель, около 22 (Май, около 5). А.М.Горький пишет А.В.Амфитеатрову с Капри:

«Был Бунин — хороший это человек и воистину поэт! Главное — честный человек, литературу любит, как мать».

Горький. ПСС. Т. 7. С. 124.

Май, 7. В московской газете «Русское слово» (№ 103. С. 5) в рубрике «Литературная летопись» сообщается:

«По слухам, в состоявшемся заседании академиков по присуждению премии имени Пушкина вопрос предрешен в смысле разделения премии между А.И.Куприным и И.А.Буниным».

Очевидно, это газетное сообщение послужило поводом для написания А.И.Куприным письма Бунину. См.: начало мая 1909.

Май, 23. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Дорогой мой, вчера получил ты прекрасный подарочек от Е.А.Телешовой — песни, собранные Рыбниковым. <...> Ты же поблагодари Е.А. <Телешову>. <...>»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/126 оф.

Май, 24. Бунин пишет В.Н.Муромцевой из Глотово.

Письмо неизвестно. См. ниже 26 мая 1909, вторая запись.

В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы о своем плохом самочувствии и домашних новостях:

«Дорогульчик мой, Колино письмо получила. Спасибо за приписку. <...> Нужно ли написать что-нибудь Горьким, или же ты напишешь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/125 оф.

Май, 26. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Получила вчера твою открытку. Всё сделаю, что пишешь. Приеду, как только зуб будет запломбирован. Как будто дело идет на лад.

<...> Вчера обедала Нюся <А.В.Муромцева>, она передавала, что М.В. <Эртель> просит или письма, или копии с них Эртеля. Где они находятся? <...>

На каком подворье Герасим: на Афонском или Пантелеевском? Один знакомый с компанией едет в Константинополь. Узнал о нем из “Тени птицы”. Вчера у зубного врача я читала этот очерк. Ей-богу, это поразительная вещь».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/115 оф.

Вечером В.Н.Муромцева сообщает в письме Бунину:

«Письмо от 24 получила. Все твои поручения уже выписаны на отдельном листке. Как будет назначен день отъезда, так всё и закуплю. <...>

Что ты так мало пишешь о себе?»

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/104 оф.

Май, 28. В.Н.Муромцева пишет Бунину:

«Дорогой Ян, письма от тебя вчера не было, не узнаю, будет ли и сегодня, ибо сейчас мы с мамой едем в Царицыно, вернемся завтра. <...>

Посмотрю, какое впечатление произведут на меня Царицынские развалины после того, что я видела. Там я не была 5 лет».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/135 оф.

Сентябрь, до 21. Бунин пишет стихотворение «Цикады» («Прибрежный хрящ и голые обрывы...»).

Граница события определена по времени отправки стихотворений С.П.Боголюбову. См.: 22 сентября 1909, первая запись.

Сентябрь, 28. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Москвы:

«Получила твою и вторую открытку. <...> Как ты устроился в Одессе, мой ненаглядыш, боюсь, что ты начнешь экономить. Устраивайся так, чтобы ты чувствовал себя приятно».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/145 оф.

Октябрь, 7. В.Н.Муромцева пишет Бунину, сообщая о своих занятиях по изучению иностранных языков, а также пишет в заключение:

«Решила поехать в субботу только на исполнительное собрание. <...> Это будет в день твоего рождения, и я должна как-нибудь отметить его, раз ты всегда страшился проводить без меня. Мама очень кланяется тебе, говорит, что она больше всего соскучилась по тебе».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/123 оф.

Вечером В.Н.Муромцева пишет Бунину второе письмо:

«Дорогой мой золотой Янчик, получила сегодня твое от 4 октября письмо и глазам не верила: целых две страницы! Боюсь сглазить.

О деньгах не беспокойся – завтра же позвоню Телешову. Не знаю, куда звонить Гальберштадту? А то я давно начала бы атаку».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/131 оф.

Октябрь, 27. Бунин подписывает коллективную телеграмму, посланную Л.Н.Толстому в ответ на его приветствие Н.Д.Телешова, который в этот день праздновал 25-летний юбилей своей литературной деятельности:

«Собравшиеся на юбилей Николая Дмитриевича Телешова глубоко тронуты Вашим вниманием к нему и растроганные шлем сердечное пожелание

пусть Ваш мощный голос звучит на много лет во имя истины добра свободы и счастья человечества».

Телеграмму также подписали П.Д.Боборыкин, И.А.Белоусов, Ю.А.Бунин, А.А.Кизеветтер, Н.А.Скворцов, А.А.Карзинкин, В.Е.Ермилов, Д.И.Тихомиров, семья Телешова и другие.

Письма (*2*). С. 410.

Н.Д.Телешов получил от издательства «Посредник» адрес с портретом Л.Н.Толстого и его автографом на нем.

Ноябрь, 14. Бунин в гостях у Ф.Ф.Фидлера.

В альбоме Ф.Ф.Фидлера «У меня. IV» Бунин делает запись:

«С грустью замечаю, дорогой Федор Федорович, – когда озираю стены Вашего кабинета, — что лица прежних писателей лучше и красивее наших!

Ив.Бунин

14 ноября 09 г.»

ИРЛИ ОР, ф. 649, оп. 2, ед. хр. 34.

Ноябрь, 16. Бунин дарит С.С.Жихареву пятый том сочинений «Рассказы» (СПб., 1909) с надписью:

«Многоуважаемому Степану Сергеевичу Жихареву от Ив.Бунина СПб. 16 ноября 09 г.»

ГЛМ ОР, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 98.

Сохранились только шмуцтитул с автографом, а также титульный лист и следующий шмуцтитул книги.

Ноябрь, 22. В.Н.Муромцева пишет Бунину из Сосновки:

«Сегодня утром я с большим удовольствием переводила, и дело шло довольно гладко, встретились на пути только два-три провала. Третий день нет от тебя известий. Почему такой бойкот, говоря языком соц<иалистов->демокр<атов>?. Беспокоюсь. Если и сегодня не получу, то забастую на целую неделю».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/150 оф.

Ноябрь, 25. В Педагогическом собрании (Красные ворота, д. Борисовской) Ю.И.Айхенвальд читает лекцию «Наши современные поэты (Брюсов, Бунин, Сологуб)».

См. объявление в газете «Русские ведомости» (24 нояб. (№ 269). С. 1).

Ноябрь, 29. Ночью В.Н.Муромцева пишет Бунину из Сосновки:

«Вспомнил ли ты меня сейчас, мой ненаглядный Ян? Многое хочется тебе сказать, но помню твой завет — не буду многословной, да и поздно: мысленно переношусь к тебе и желаю только всю свою жизнь прожить с тобой, моим драгоценным Любимчиком. Поздно. Завтра докончу».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/108 оф.

Ноябрь, 30. Утром В.Н.Муромцева заканчивает свое письмо Бунину:

«Еду в город. Возьму билет на Москву либо на завтра, либо на среду. <...>».

ОГЛМТ, ф. 14, № 2959/108 оф.

Декабрь, 13. Выходит № 49 журнала «Искры», в котором (с. 391) помещается шарж на Бунина работы художника Noemi. Под шаржем подпись: «И.А.Бунин — Laureatus».

Декабрь, 17 или 18. Бунин с приехавшим в Москву П.А.Нилусом отмечает в ресторане «Прага» получение звания почетного академика.

П.А.Нилус сообщает Е.И.Буковецкому в письме от 18 декабря 1909 г.: «Пировали с академиком в “Праге” — великолепный ресторан, и завтра реваншный завтрак Бунина и вечерний пир у Телешова».

Дом князя Гагарина. С. 115–116.

Декабрь, 19. Бунин завтракает с П.А.Нилусом; вечером проходит торжественный обед у Н.Д.Телешова по случаю присуждения Бунину звания почетного академика.

См.: 17 или 18 декабря 1909.

Декабрь, до 24. Бунин пишет стихотворения: «Взвевая легкие гардины...», «Поблекший дол под старыми платанами...» и посылает их в газету «Утро России».

Граница события определена по времени публикации. См.: 25 декабря 1909, четвертая запись.

В **Указателе произведений и сборников Бунина**:

— отрывок из стихотворения «Бушует полая вода...» — «Весна, весна! И все ей радо...» — ошибочно указан, как самостоятельное стихотворение;

— вариант первой строки стихотворения «Помню, — долгий зимний вечер...» — «Долгий, сонный зимний вечер...» — ошибочно указано, как самостоятельное стихотворение;

— к переводу «Золотой легенды» Г.Лонгфелло пропущены номера страниц: 616, 718, 770;

— к стихотворению «Из Апокалипсиса (гл. IV)» пропущен номер страницы: 411;

— стихотворение «Ковыль», состоящее из двух частей (которые Бунин публиковал как вместе, так и раздельно), ошибочно разделено на два самостоятельных стихотворения: Ковыль («Ненастный день. Дорога прихотливо...»), Ковыль («Что шумит-звенит перед зарею?..»);

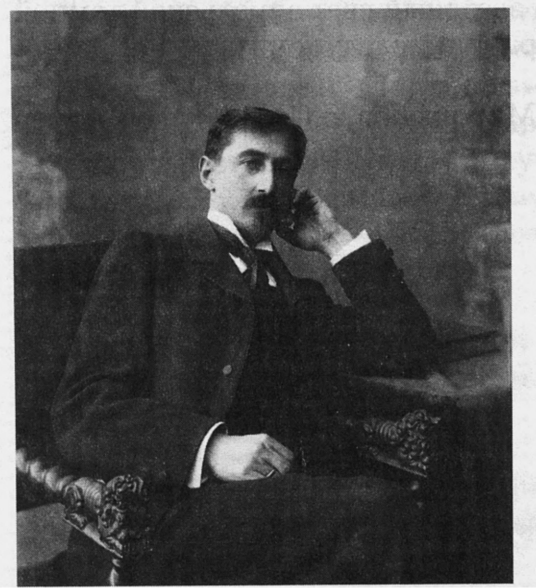
— к стихотворению «Матери» («Я помню спальню и лампадку...») пропущен номер страницы: 443;

— к стихотворению «На пруде» («Ясным утром на тихом пруде...») пропущено первоначальное заглавие ранней редакции этого стихотворения: (Ласточки);

— отрывок из стихотворения «На юге осенью» — На юге («Поле желтою равниною...») — ошибочно указан, как самостоятельное стихотворение;

— к стихотворению «Прозрачен звездный свет апрельской темной ночи...» ошибочно указан номер страницы, следует читать: 172.

В **Указателе имен** к фамилии Миролюбов В.С. пропущен номер страницы: 579.

И.А.Бунин. 1910 г.

И.А.Бунин и Н.Д.Телешов. 1910 г.

Литературный кружок «Среда». 1910 г.
Слева направо сидят: С.С.Голоушев, В.Н.Муромцева, Л.Н.Андреев, И.А.Бунин, И.П.Белоусова (?), И.А.Белоусов; стоят: Ю.А.Бунин, две неизвестные, А.Е.Грузинский, Н.Д.Телешов, неизвестная, Е.А.Телешова, неизвестная, С.Д.Махалов, Б.К.Зайцев.

И.А.Бунин на Цейлоне. 1911 г.

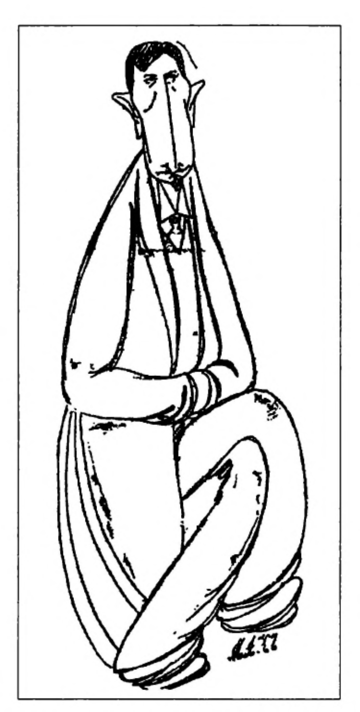
*И.А.Бунин. Шарж М.С.Линского. 1910 г.
Газ. «Одесские новости». 1910.
24 марта (№ 8073).*

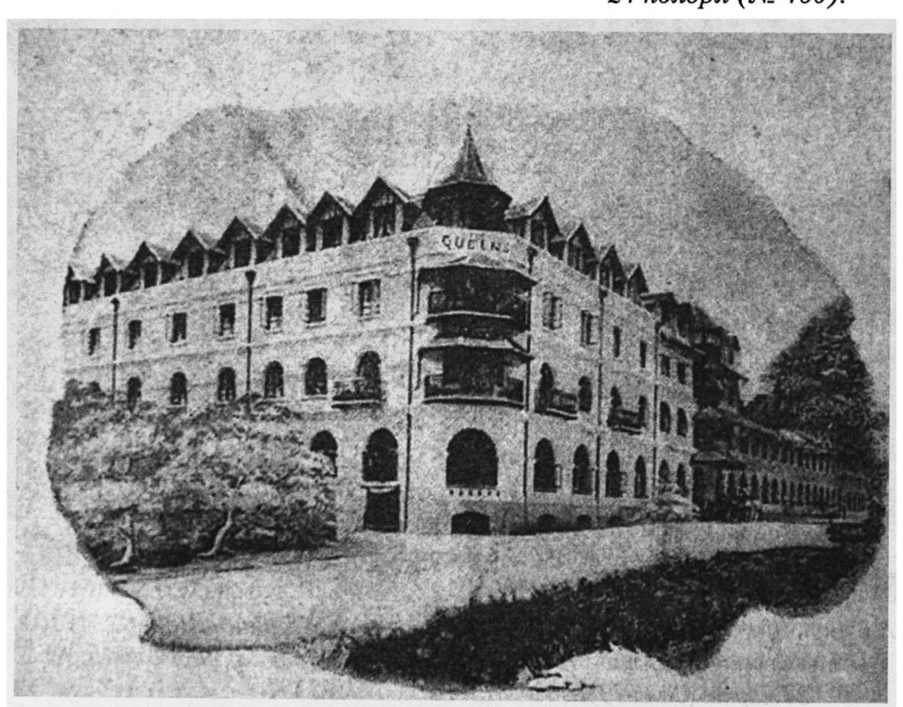
*И.А.Бунин. Шарж Z. 1910 г.
«Наш журнал». 1910. № 1.*

И.А.Бунин. 1911 г.

И.А.Бунин. Шарж Мака. 1911 г. «Московская газета». 1911. 21 ноября (№ 160).

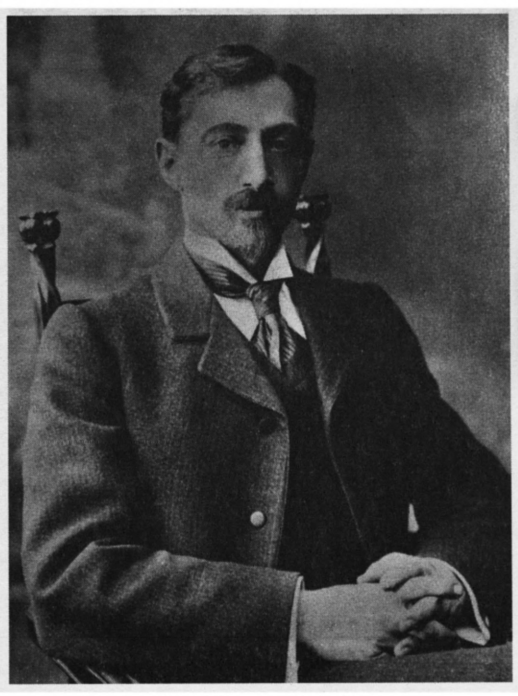

Отель «Квинс» в г. Канди на Цейлоне. 1911 г.

В имении Клеевка у Черемновых. Лето 1912 г.
Слева направо в 1-м ряду: В.Н.Муромцева, Н.А.Пушешников, во 2-м ряду: М.П.Миловидова, И.А.Бунин, в 3-м ряду: А.С.Черемнов, неизвестная.

И.А.Бунин. 17 октября 1912 г.

И.А.Бунин. 1912 г.

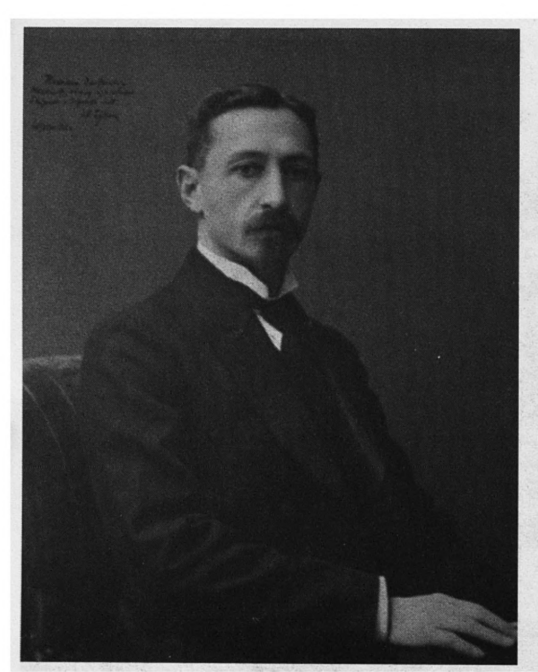
И.А.Бунин. Шарж.
Газ. «Трудовая копейка». 1912.
28 октября (№ 99/256).

Наши шаржи.

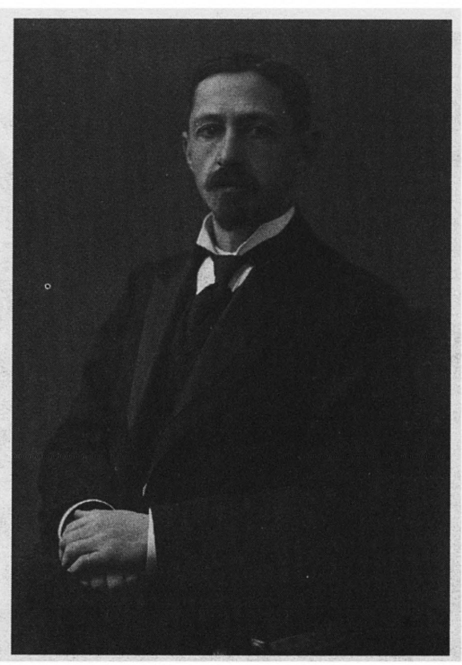

Иванъ Бунинъ. (*Шаржъ Денисова*).

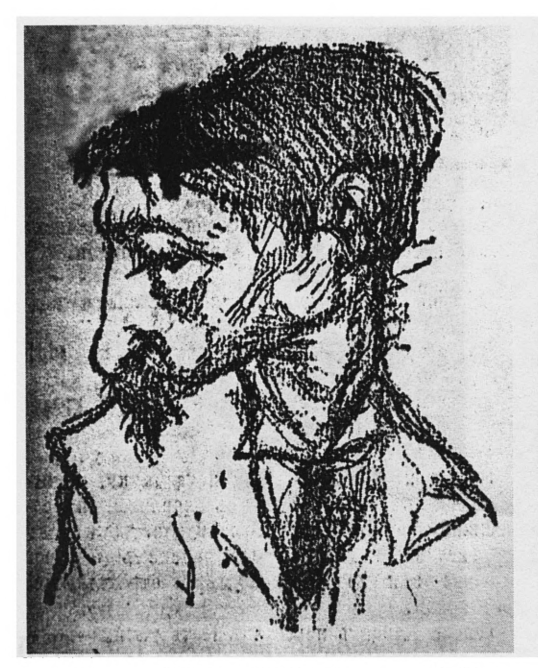
Иван Бунин. Шарж Денисова.
«Московская газета». 1912.
5 ноября (№ 219).

И.А.Бунин. 1912 г.

И.А.Бунин. 1912 г.

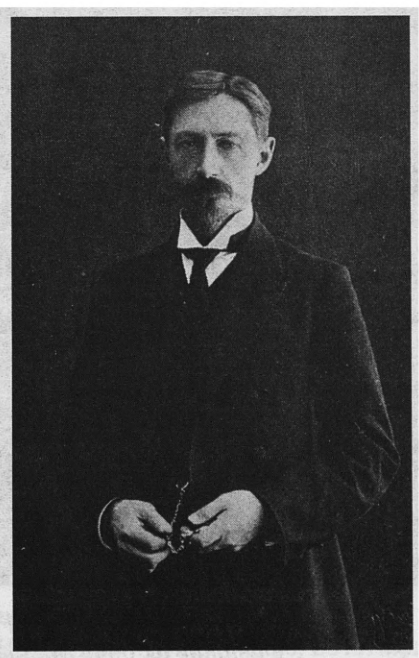
И.А.Бунин. Шарж И.Малютина. 1912 г. Газ. «Одесские новости». 1912. 30 октября (№ 8861).

И.А.Бунин. Начало 1910-х гг.

И.А.Бунин. 1912 г.

И.А.Бунин. 1912 г.

И.А.Бунин. Шарж Мака. 1913 г.
Газ. «Голос Москвы». 1913.
7 июня (№ 130).

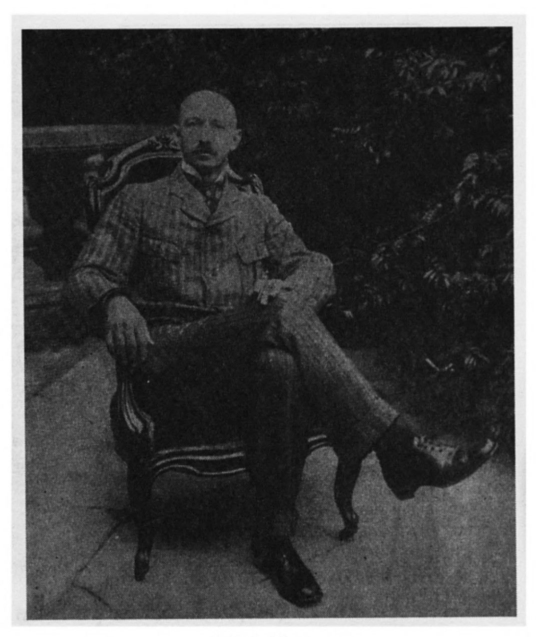

И.А.Бунин. Шарж Мака. 1913 г.
Жур. «Рампа и жизнь». 1913. № 23.
9 июня.

А.Н.Бибиков, справа В.В.Бибикова,
в центре их дочь Милица. 1912–1913 гг. ОГЛМТ

И.А.Бунин. Набросок Черкасова. 1913 г.
Жур. «Рампа и жизнь». 1913.
№ 9. 3 марта.

И.А.Бунин
на даче Ковалевского под Одессой.
3 июля 1913 г.

В кабинете А.М.Горького на Капри. 1913 г. ОГЛМТ
Слева направо сидят: А.М.Горький, Ф.И.Шаляпин, М.А.Пешков, Е.А.Ляцкий, И.А.Бунин, В.Н.Муромцева, М.В.Шаляпина, К.П.Пешкова, А.С.Новиков-Прибой, стоят: В.В.Шейкевич, Л.Н.Старк, А.Н.Тихонов, С.П.Гусев, М.В.Сикорская, А.К.Лоренц-Метцнер.

*И.А.Бунин. Шарж R. 1913 г.
Жур. «Живое слово». 1913.
№ 13 (март).*

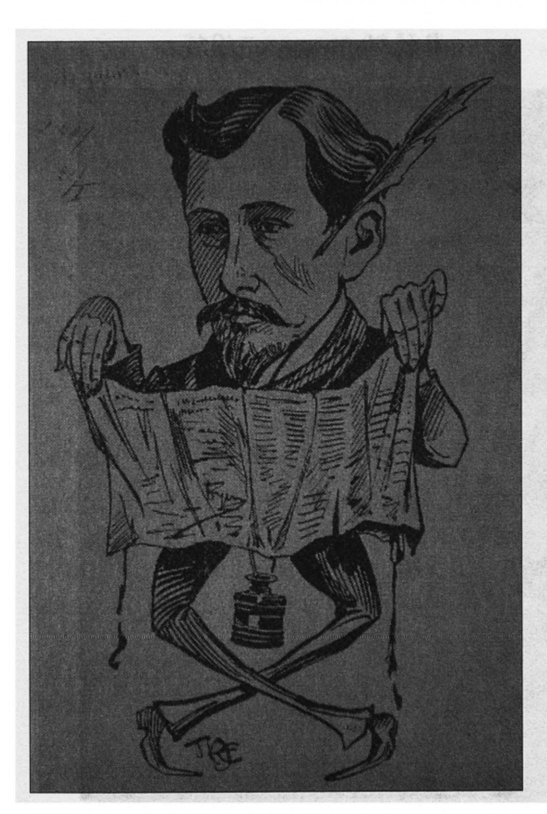

*И.А.Бунин. Шарж неизвестного
художника. 1913 г. Газ. «Утро России».
1913. 11 октября (№ 234).*

*50-летний юбилей И.А.Белоусова. 1913 г. ОГЛМТ
Слева направо сидят в 1 ряду: И.А.Бунин, В.Н.Муромцева, С.Д.Дрожжин,
И.А.Белоусов с сыном, И.П.Белоусова, во 2-м ряду: А.Е.Грузинский, Ю.А.Бунин,
справа стоит И.С.Шмелев.*

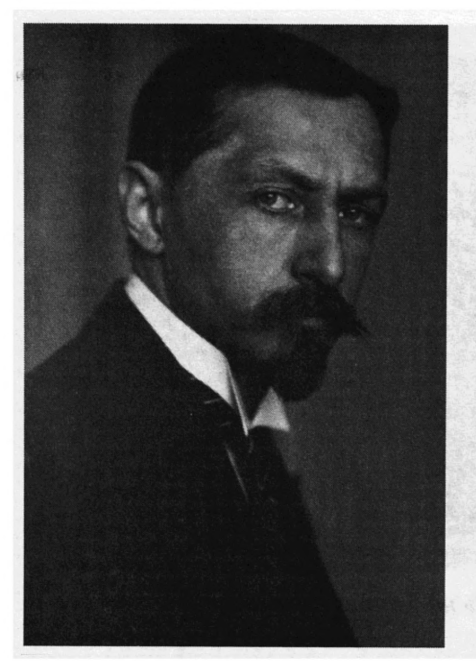
Отель «Квисисана» на Капри. 1910-е гг.

И.А.Бунин.
Шарж А.Пэка. 1910-е гг.
ИРЛИ РАН

Сидят: Ю.А.Бунин, М.А.Ласкаржевская,
стоят: Н.К. и. Е.А.Бунины.
Апрель 1914 г.

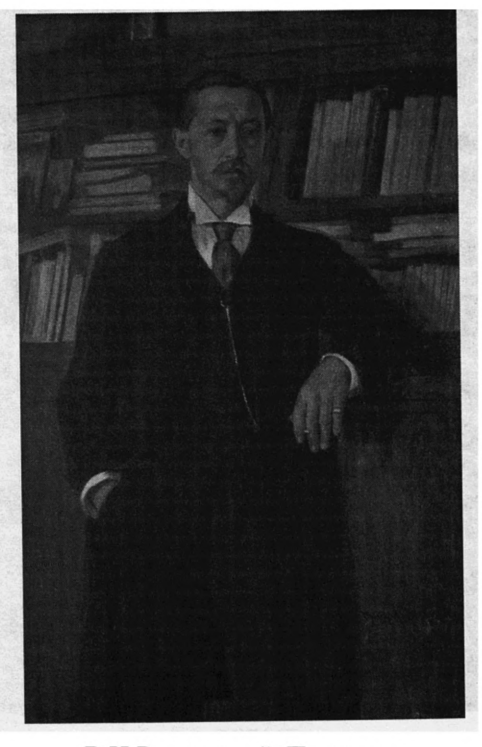
И.А.Бунин. 1915 г.

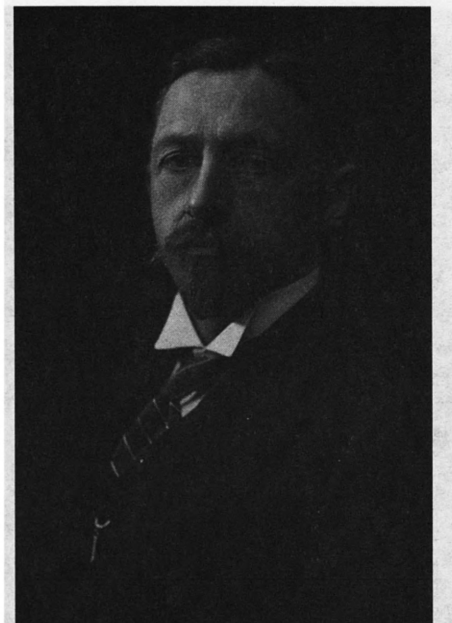
В.Н.Муромцева. 1915 г.

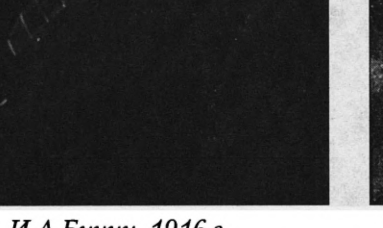

*И.А.Бунин.
1915 г.*

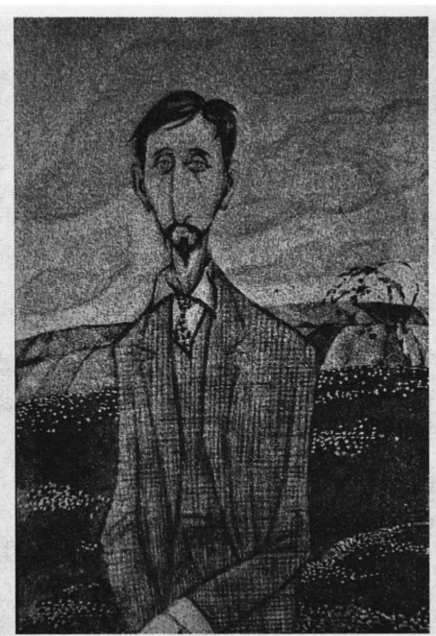

*В.И.Россинский. Портрет
И.А.Бунина. 1915 г. ГЛМ*

И.А.Бунин. 1916 г.

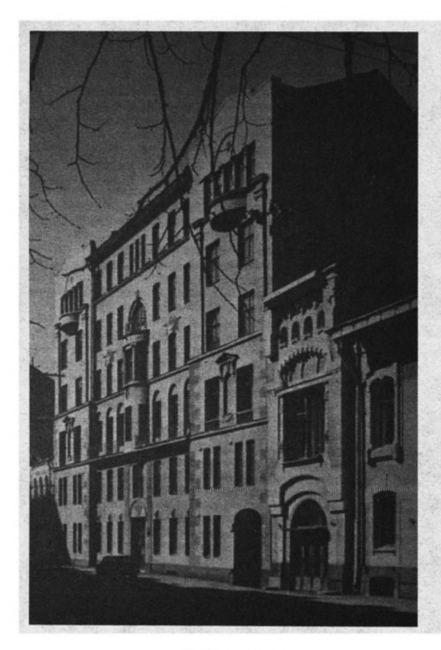
И.А.Бунин. Шарж Дени. 1916 г.

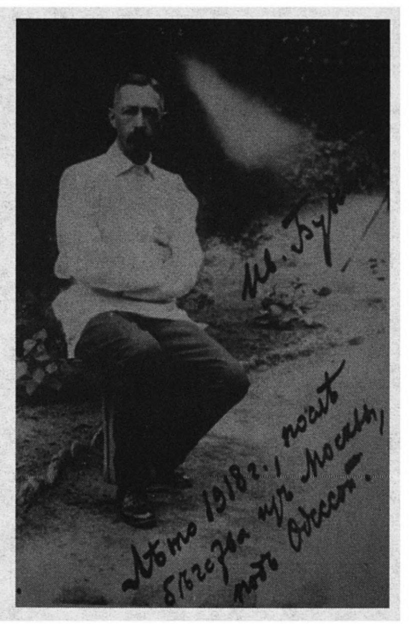
Группа участников «Книгоиздательства писателей в Москве». 1917 г.
Слева направо в 1-м ряду: А.С.Серафимович, И.С.Шмелев, Ю.А.Бунин, М.П.Чехова, Н.Г.Шкляр, во 2-м ряду: И.Г.Гонтарев, И.А.Бунин, Н.Д.Телешов, В.В.Вересаев, Д.Я.Голубев, С.Д.Махалов, Н.С.Клестов.

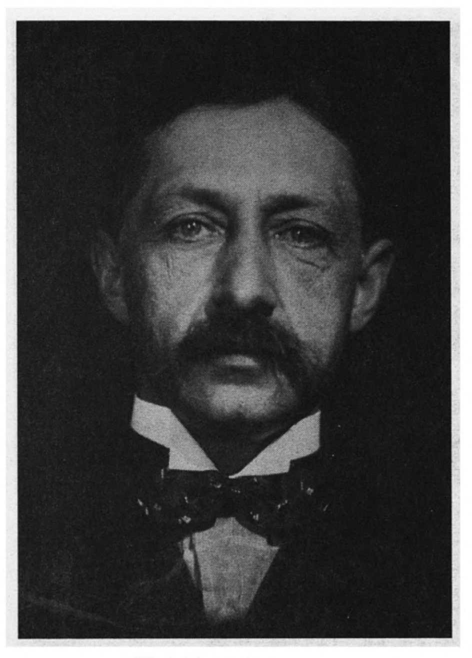
Участники литературного кружка «Среда». 15 февраля 1917 г.
В 1-м ряду: С.С.Голоушев, И.С.Шмелев, И.А.Бунин, А.Е.Грузинский,
В 2-м ряду: Н.Д.Телешов, В.В.Вересаев, Ю.А.Бунин, С.Д.Махалов.

Москва,
ул. Поварская, д. 26.

И.А.Бунин.
Под Одессой, лето 1918 г.

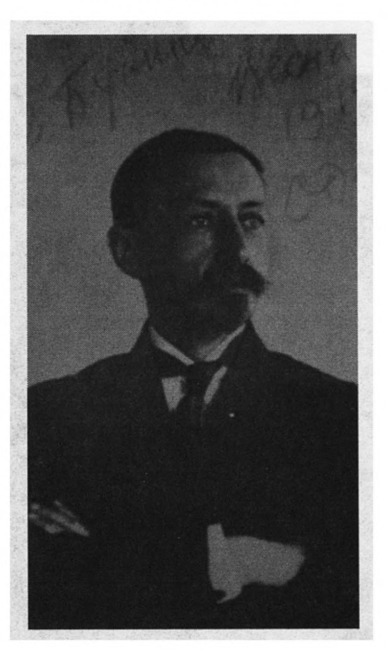
И.А.Бунин.
1918 г.

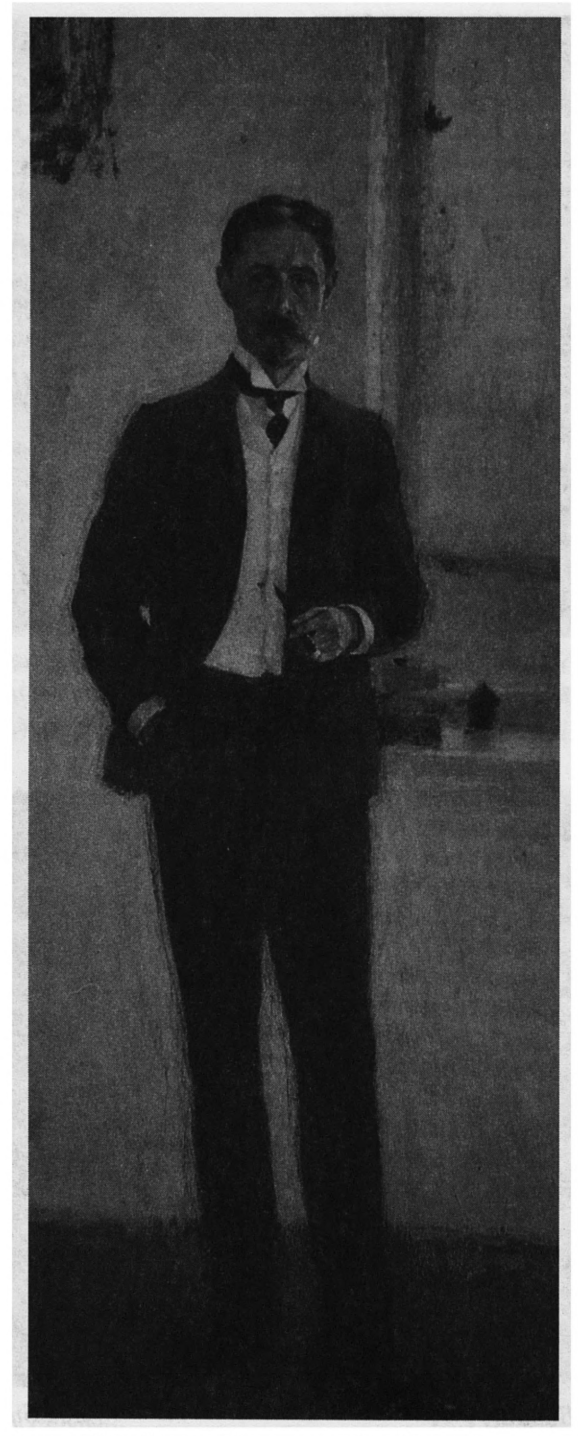
И.А.Бунин. Шарж Lettonus. 1918 г.
Газ. «Раннее утро». 1918.
13 июня (№ 106).

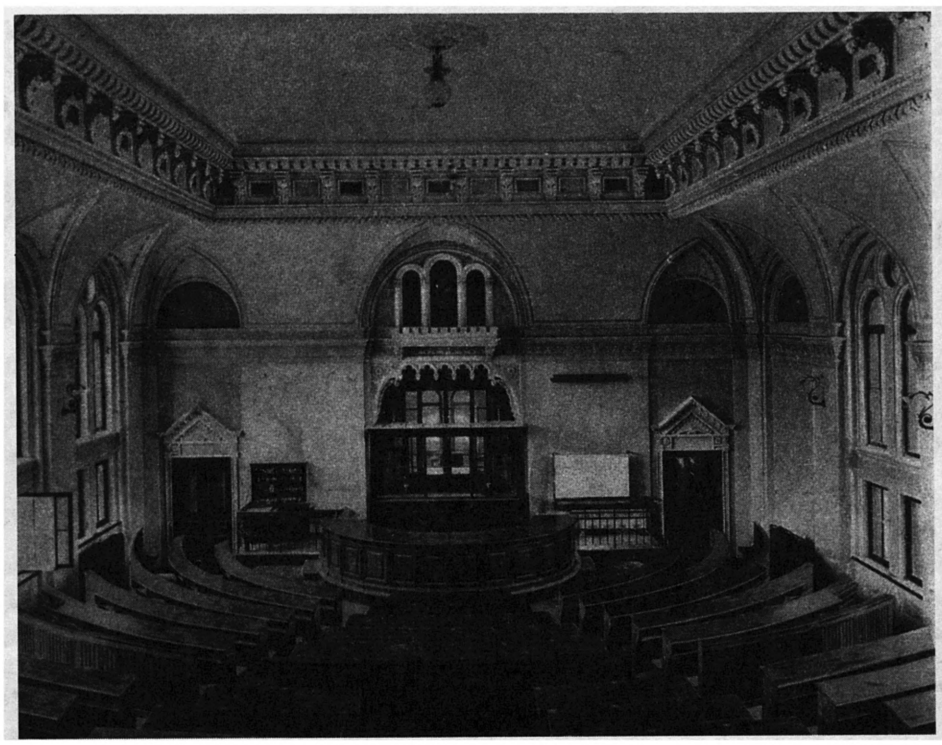
И.А.Бунин.
Набросок Гольденберга. 1918 г.
Жур. «Огоньки». 1918.
14 декабря (№ 31).

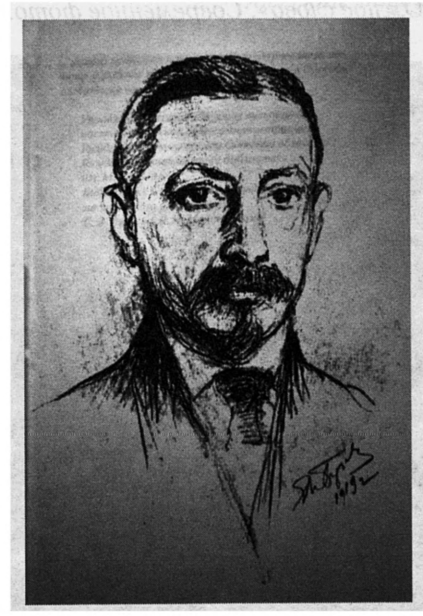
И.А.Бунин.
Одесса, весна 1919 г.

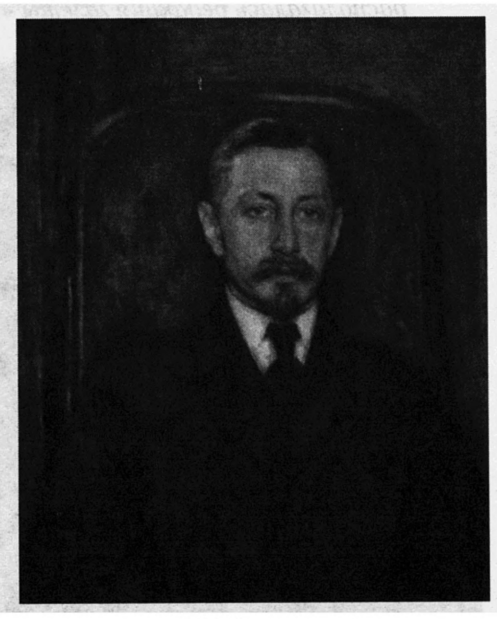
П.А.Нилус. Портрет И.А.Бунина.
Одесса, 1918 г.
Музей И.А.Бунина в Орле.

Большая химическая аудитория Новоросийского университета в Одессе.

Е.И.Буковецкий.
Портрет И.А.Бунина. 1919 г.
Музей в Воронеже.

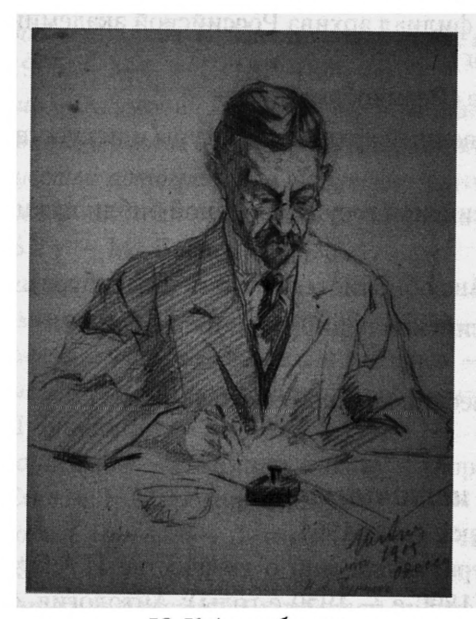
Е.И.Буковецкий.
Портрет И.А.Бунина. 1919 г.

Одесса, в этом здании (Александровский проспект, д. 11) располагалась редакция газеты «Южное слово». Современное фото.

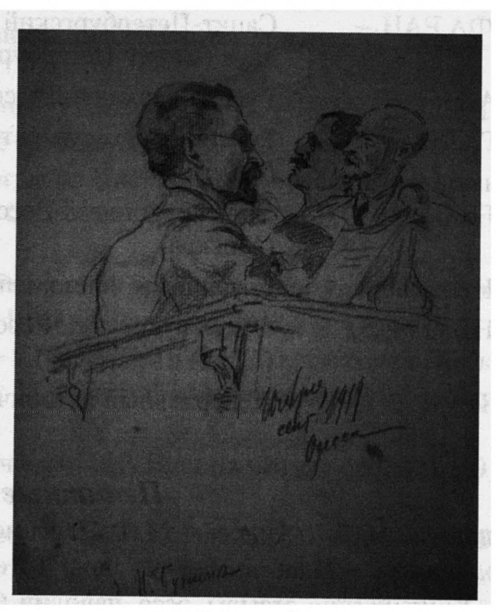

Одесса, дом Е.И.Буковецкого (ул. Княжеская, д. 27). Современное фото.

Интерьер особняка Е.И.Буковецкого в Одессе (ул. Княжеская, д. 27). Одесский литературный музей.

Ю.К.Арцыбушев.
Портрет И.А.Бунина.
Одесса, 1919 г. РГАЛИ.

Ю.К.Арцыбушев.
Портрет И.А.Бунина.
Одесса, 1919 г. РГАЛИ.

Список условных сокращений

Архивохранилища

ГАОдО — Государственный архив Одесской области (Одесса).
ГЛМ ОКФ — Отдел книжных фондов Государственного литературного музея (Москва).
ГЛМ ОР — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).
ЕКМ — Елецкий музей И.А.Бунина, филиал Елецкого краеведческого музея (Елец).
ИМЛИ АГ — Архив А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).
ИМЛИ ОР — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).
ИРЛИ Б-ка — Научная библиотека Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
ИРЛИ ОР — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург).
МКТ — Мемориальный кабинет Н.Д.Телешова (Москва).
Музей ИРЛИ — Литературный музей Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
ОГЛМТ — Орловский объединенный государственный литературный музей И.С.Тургенева (Орел).
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).
РАЛ — Русский архив в Лидсе (Великобритания).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ ОР — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
РНБ ОР — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы (Москва).

Печатные источники

Андреева М.Ф. — Андреева М.Ф. Переписка. — М., 1961.

Антология — Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А.Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г.Мельникова; Сост., предисл, подгот. текста, коммент. Н.Г.Мельникова и Т.В.Марченко. — М., 2010.

Библиотека поэта — Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М.Двинятиной. — СПб., 2014. — (Новая Библиотека поэта).

Божко — Божко А. «Я часто вспоминаю осень юга...»: Рукописи И.А.Бунина в фондах Одесского литературного музея // Южное сияние. — Одесса, 2011. — № 1. — С. 173–177.

Бунин в Одессе—Бунин в Одессе: Литературно-краеведческий справочник / Сост. Н.Панасенко. — Одесса, 2005.

Вопросы лит. — Письма Л.Андреева и И.Бунина. Письма И.Бунина / Публ. И.Газер // Вопросы литературы. — 1969. — № 7. С. 162–193.

— Рощин Н.Я. О Бунине: (Из воспоминаний) / Вступ. ст., публ. и примеч. Л.Голубевой // Вопросы литературы. — 1981. — № 6. — С. 158–177.

Время — Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К.Бабореко // Время: Проза. Поэзия. Литературная критика. — Смоленск, 1962. — С. 91-107.

Горький. ПСС — Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. — М., 1997– .

Диаспора (IV) — Варнеке Б.В. Материалы для биографии Н.П.Кондакова / Публ. И.В.Тункиной // Диаспора: Новые материалы. — СПб., 2002. — Вып. IV. — С. 72–152.

Дневники — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М.Грин. — Франкфурт на Майне, 1977–1982.

Дом князя Гагарина — Абрамов В.А. Письма П.А.Нилуса Е.И.Буковецкому 1908-1917 // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. — Одесса, 2007. — Вып. 4. — С. 105–140.

Жизнеописание — Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. — М., 2004.

Звезда — Вальбе Б. Из литературного прошлого: Заметки критика // Звезда. — 1965. — № 1. — С. 187–189.

Знамя — Адамович Г. Бунин: Воспоминания // Знамя. — 1988. — № 4. — С. 178–191.

Избранные стихи — Бунин И. Избранные стихи. — Париж, 1929.

Искусство автографа — Искусство автографа: Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов / Сост. М.В.Сеславинский: В 2 т. — М.: Бослен, 2015. Т. 1.

Каназирска М. — Каназирска М. После России. К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920-1940). — Велико Тырново, 2013.

Книжная летопись — Книжная летопись. — СПб., 1907– . С 1920 г. выходит в Москве.

Лесман — Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. — М., 1989.

Летопись (1) — Летопись жизни и творчества И.А.Бунина. Том 1 (1870–1909) / Сост. С.Н.Морозов. — М., 2011.

Летопись Горького — Летопись жизни и творчества А.М.Горького: В 4 т. — М., 1958–1960.

Летопись литературных событий — Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). — М., 2002, 2005, 2009. — Вып. 1, 2 (ч. 2), 3.

Летопись Станиславского — Виноградская И.Н. Жизнь и творчество К.С.Станиславского: Летопись: В 4-х т. — М., 1971–1976.

Летопись Шаляпина — Летописи жизни и творчества Ф.И.Шаляпина: В 2 кн. — Л., 1984.

Литературная жизнь России — Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Том 1: В 2 ч. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. — М., 2005.

ЛН — Литературное наследство:

Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. — М., 1965.

Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. — М., 1973.

Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. — М., 1977.

Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. — М., 1980–1993.

Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. — М., 1988.

Митина любовь — Бунин И. Митина любовь. — Париж, 1925.

Москва — Бунин И. Неизвестные письма дореволюционного периода (1897–1901) / Публ., вступ. ст., подгот. текстов, примеч. А.Бакунцева // Москва. — 2015. — № 1. — С. 211–217.

Муромцева-Бунина — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К.Бабореко. — М., 1989.

Наш современник — Золотарев А.А. Бунин и Горький: Воспоминания / Предисл. А.Астафьева // Наш современник. — 1965. — № 7. — С. 101–105.

Нева — Борисов Л. Высокая консультация // Нева. — 1957. — № 3. — С. 191–193.

Новые материалы (1) — И.А.Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост. О.Коростелев, Р.Дэвис. — М., 2004.

Новые материалы (2) — И.А.Бунин: Новые материалы. Вып II / Сост., ред. О.Коростелев, Р.Дэвис. — М., 2010.

Новый журнал — Письма В.Н.Муромцевой-Буниной / Публ. М.Грин // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1977. — № 128. — С. 127–139.

Письма (2) — Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н.Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н.Морозова, Р.Д.Дэвиса, Л.Г.Голубевой, И.А.Костомаровой. — М., 2007.

ПСС — Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. — Пг., 1915.

Рад. літ. — Бажинов І.Д. Літературні зв'язки І.О.Бунина з Україною // Радянське літературознавство. — Киев, 1957. — № 4. — С. 130–135.

Роза Иерихона — Бунин И. Роза Иерихона. — Берлин, 1924.

Рус. лит. — Черников А.П. И.С.Шмелев и И.А.Бунин: По материалам переписки // Русская литература. — 1980. — № 1. — С. 169–175.

С двух берегов — И.А.Бунин и Г.Д.Гребенщиков. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. В.А.Росова // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р.Дэвис, В.А.Келдыш. — М., 2002. — С. 220–276.

— М.Горький и М.А.Осоргин. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. И.А.Бочаровой // Там же. — С. 387–539.

СС (*1*) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. — М., 1965–1967.

СС (*2*) — Бунин И.А.Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1993–2000.

СС (*Петр*) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. — Берлин: Петрополис, 1934–1936.

СС-рук. (*Петр*)– Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. — Берлин, 1934–1936 с авторской правкой (РГБ ОР, ф.429, к. 1, ед. хр. 11, 12, 13, 14, 15, 16; к. 2, ед. хр. 1, 3; к. 3, ед. хр. 26).

Фидлер — Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. ст., сост., пер. с нем., примеч. К.М.Азадовского. — М., 2008.

Чехов М. — Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. — М., 1986.

Указатель произведений и сборников Бунина*

* При наличии нескольких заглавий одного произведения от первоначальных заглавий дается отсылка к более позднему, при котором в скобках приводятся предыдущие заглавия. Номера страниц, на которых приведены даты выхода в свет книг Бунина выделены жирным шрифтом.

Указатель имен

Указатель периодических и продолжающихся изданий, сборников и альманахов

Содержание

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И.А.БУНИНА

Том второй
1910—1919

Корректор *Е.Н.Сченснович*

Компьютерная верстка *А.З.Бернштейн*

Подписано в печать 27.05.2016

Формат 70×100 1/16
Усл.-печ. л. 74,0; уч.-изд. л. 95,46.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1102

